Самарский государственный социально-педагогический университет
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
Самарское археологическое общество

XXI УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ,

посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием

8-11 октября 2018 г.

Самара
2018

УДК 902(470.5)(091)(063)
ББК 63.48(235.55)я431
А 874

XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. **Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. 364 с., илл.**

Редакционная коллегия:
д.и.н. А.А. Выборнов (председатель редколлегии), к.и.н. К.М. Андреев, Ю.И. Колев,
А.Ф. Кочкина, к.и.н. П.Ф. Кузнецов, к.и.н. В.Н. Мышкин, к.и.н. Д.А. Сташенков, к.и.н. М.А. Турецкий

Рецензенты: д.и.н. А.М. Белавин, д.и.н. В.В. Ставицкий

ISBN 978-5-91867-172-6

В сборнике публикуются материалы XXI Уральского археологического совещания – Всероссийской научной конференции с международным участием, состоявшейся 8–11 октября 2018 г. в г. Самаре. В статьях представлен широкий спектр научных исследований, проводимых учеными Урала, Поволжья, ближнего и дальнего зарубежья по выявлению, изучению и сохранению объектов археологического наследия.

Издание предназначено для археологов, историков, специалистов естественнонаучных дисциплин и всех, кто интересуется археологией Урало-Поволжского региона.

Макет обложки – Л.Ю. Николаева

Изображения на обложке:
Голова утки. Кость. V тыс. до н.э. Могильник Екатериновский мыс. Погребение 44.
Навершия булав. Камень. V тыс. до н.э. Могильник Екатериновский мыс. Погребение 45.

Сборник издан в рамках проекта №33.1907.2017/ПЧ Государственного задания Министерства образования и науки РФ «Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья».

Представленные в сборнике материалы публикуются в авторском варианте с незначительной редакторской правкой.

ISBN 978-5-91867-172-6

© Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018
© Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина 2018
© Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 2018
© Самарское археологическое общество, 2018

Предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневолжской культуры бассейна реки Сок

© 2018 К.М. Андреев

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Минобрнауки РФ, проект №33.1907.2017/ПЧ «Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья».

Аннотация. В статье подводятся предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневолжской неолитической культуры памятников бассейна реки Сок. Обозначаются традиции оформления среза венчиков и шеек сосудов, обработки поверхностей, толщины черепков, визуально определимые примеси, а также определяются характерные для обозначенного микрорегиона элементы, мотивы, образы и композиции орнамента.

Ключевые слова: керамика, неолит, средневолжская культура, Самарское Поволжье.

Источниковой базой исследования являются материалы стоянок Ильинка (Мамонов, 1988; 2002), Большая Раковка II (Барынкин, Козин, 1991), Калмыковка I (Андреев и др., 2015; 2016; 2017) и Лебяжинка IV (Выборнов и др., 2007), достаточно полно введенные в научный оборот. Работа с обозначенными комплексами автором проводилась в 2016–2017 годах. Стоит отметить, что некоторые количественные показатели, представленные в специальных публикациях и приведенные в нашей работе, могут незначительно расходиться, в связи с недоступностью, по различным причинам, части материалов для обработки. Методической основой исследования послужили работы Н.Н. Гуриной, Ю.Б. Цетлина и Е.В. Волковой (Гурина, 1988; Волкова, 1996. С. 59–74; Цетлин, 2008. С. 18–28). Некоторые ограничения, накладываемые форматом сборника, не позволяют подробно остановиться на всех аспектах проделанной работы, в связи с чем будут представлены лишь общие сведения и итоги исследования. Работа в данном направлении продолжается, в последствии будет расширен как круг рассматриваемых памятников, так и типы анализируемой неолитической керамики.

Из 196 рассматриваемых в работе сосудов лишь 82 выделены на основании верхних частей (венчиков) и позволяют составить некоторое представление о форме срезов, шеек и характере их орнаментации. В целом для накольчатой керамики средневолжской культуры памятников бассейна реки Сок характерно округлое или плоское оформление среза венчика, в меньшем количестве представлены венчики с приостренным и скошенным внутрь срезом (Табл. 1). При этом около 40 % венчиков имеют по срезу орнамент, в основном представленный округлыми и овальными вдавлениями или насечками (Табл. 1). Около 80 % сосудов имеют прямое оформление горловины, реже прикрытую или открытую форму, единично представлены профилированные экземпляры. Практически обязательным атрибутом оформления горла сосудов рассматриваемых стоянок является поясок ямочно-жемчужных вдавлений, при этом ямки под срезом преобладают над жемчужинами (50 % к 29 %, соответственно), не имеет ЯЖП лишь пятая часть венчиков (Табл. 2). Толщина фрагментов в основном составляет 0,6–0,9 см, реже 0,5 см и менее и единично представлены сосуды с толщиной сте-

Таблица 1. Форма среза венчиков и его орнаментация.

Стоянка венчики сосудов	Форма среза венчика					Стоянка венчики сосудов	Орнаментация среза венчика							
							%							
Ильинка (14)	7/50	4/28	0	3/22	0	Ильинка (14)	7/50	0	1/14	0	1/14	1/14	0	1/14
Б. Раковка II (6)	3/50	1/17	0	2/33	0	Б. Раковка II (6)	3/50	0	1/33	1/33	0	1/33	1/33	0
Калмыковка I (16)	3/20	10/62	1/6	2/12	0	Калмыковка I (16)	9/56	0	2/22	0	4/45	2/22	0	4/45
Лебяжинка IV (46)	22/48	12/26	9/20	2/4	1/2	Лебяжинка IV (46)	14/30	0	4/29	0	9/64	4/29	0	9/64
Итого (82)	35/43	27/33	10/12	9/11	1/1	Итого (82)	33/40	0	8/24	1/3	14/43	8/24	1/3	14/43

Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

Таблица 2. Форма шейки сосудов.

Стоянка венчики сосудов	Форма шейки сосуда										Ямочно-жемчужный поясок						
		ЯЖП		ЯЖП		ЯЖП	сильно S	сильно S + ЯЖП	слабо S	слабо S + ЯЖП						ЯЖП + ор.срез	~~ЯЖП~~ + ор.срез
Ильинка (14)	2/14	10/72	1/7	1/7	0	0	0	0	0	0	9/64	1/7	1/7	0	3/22	6/86	1/14
Б. Раковка II (6)	0	4/68	1/16	0	0	0	1/16	0	0	0	2/33	0	3/51	0	1/16	2/67	1/33
Калмыковка I (16)	5/32	9/56	0	0	1/6	0	0	0	1/6	0	4/26	0	6/37	0	6/37	9/89	1/11
Лебяжинка IV (46)	2/4	32/71	2/4	3/6	1/2	4/9	2/4	0	0	0	25/54	0	14/30	0	7/16	14/100	0
Итого (82)	9/11	55/67	4/5	4/5	2/2	4/5	3/3	0	1/2	0	40/49	1/1	24/29	0	17/21	30/91	3/9
	64/78		8/10		6/7		3/3		1/2		41/50		24/29				

Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

Таблица 3. Толщина, примеси и обработка поверхностей.

Стоянка сосуды	Толщина			Примеси							Обработка поверхности					
											Внешняя			Внутренняя		
	0-5 мм	6-9 мм	от 10 мм	б/п	П	Ш	Р	П+Ш	Р+П	Р+Ш	За	Ло	Ра	За	Ло	Ра
Ильинка (24)	13/54	11/46	0	12/50	8/34	2/8	0	2/8	0	0	17/64	5/7	2/7	18/75	0	6/25
Б. Раковка II (13)	2/15	11/85	0	2/15	7/54	0	1/8	2/15	1/8	0	11/84	1/8	1/8	9/69	0	4/31
Калмыковка I (22)	3/13	18/82	1/5	6/27	12/54	0	0	4/19	1/6	0	22/100	0	0	22/100	0	0
Лебяжинка IV (137)	11/8	116/85	10/7	74/54	40/30	6/4	7/5	5/4	2/1	3/2	106/77	28/20	3/3	123/90	0	14/10
Итого (196)	29/15	156/80	10/5	94/48	67/34	8/4	8/4	13/7	4/2	3/1	156/80	34/17	6/3	172/88	0	24/12

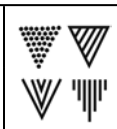
Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

Таблица 4. Элементы орнамента.

Стоянка сосуды	В отступающей манере				Разреженные							
Ильинка (25)	4/15	3/12	2/8	0	5/19	1/4	5/19	0	0	0	6/23	0
Б. Раковка II (13)	2/16	0	1/8	3/22	3/22	1/8	0	0	1/8	0	1/8	1/8
Калмыковка I (22)	3/14	1/5	0	0	3/14	2/9	2/9	6/27	0	0	5/22	0
Лебяжинка IV (138)	68/49	4/3	2/2	0	35/25	18/12	9/6	0	0	1/1	1/1	0
Итого (199)	77/39	8/4	5/2	3/1	46/23	22/11	16/8	6/3	1/1	1/1	13/6	1/1
	93/47				106/53							

Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

Таблица 5. Мотивы орнамента.

Стоянка сосуды									бессистемно
Ильинка (31)	0	0	22/71	1/3	1/3	1/3	5/17	1/3	0
Б. Раковка II (16)	0	0	7/44	3/19	0	3/19	1/6	1/6	1/6
Калмыковка I (24)	1.4	0	13/54	1/4	0	1/4	6/26	2/8	0
Лебяжинка IV (158)	0	2/1	99/59	12/6	6/3	17/10	29/19	3/2	0
Итого (229)	1/1	2/1	141/60	17/7	7/3	22/9	41/17	7/3	1/1

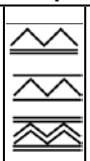
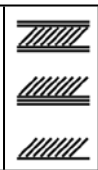
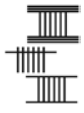
Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

нок более 1 см. Что касается визуально определимых примесей в тесте сосудов, то преобладают фрагменты без примеси, реже с песком. Внешняя поверхность сосудов, как правило, обрабатывалась простым заглаживанием, реже подлощена, также заглаживалась и внутренняя поверхность черепков, единично представлены фрагменты с горизонтальными расчесами на внутренней поверхности (Табл. 3).

Элементы орнамента на сосудах рассматриваемых стоянок представлены примерно в равном количестве разреженными и нанесенными в отступающей манере. При этом среди отступающих абсолютно доминируют треугольные наколы. Что касается элементов орнамента, нанесенных в разреженной манере, то также преобладают наколы треугольной формы, в меньшем количестве выявлены округлые, овальные и спаренные, наколы иных форм встречаются единично (Табл. 4). Обозначенные элементы орнамента образуют в основном простые линейные мотивы, среди которых преобладают горизонтальные линии оттисков одного орнаментира, реже представлены диагональные линии. Относительно высок процент коротких диагональных линий и горизонтального зигзага. Также в материалах каждой стоянки выявлены треугольные мотивы орнамента (Табл. 5). Самыми массовыми образами орнамента, как и в случае с мотивами, являются простые линейные горизонтальные и диагональные (в сумме 65 %). Из относительно сложных можно отметить: горизонтальный зигзаг, горизонтальный зигзаг обрамленный горизонтальными линиями, короткие диагональные линии обрамленные горизонтальными длинными линиями, «висячие треугольники», короткие диагональные линии. Остальные образы орнамента представлены единично в комплексах отдельных стоянок (Табл. 6). Наконец, композиции орнамента, за исключением коротких диагональных линий, горизонтальных и диагональных длинных параллельных линий, выявлены единично в комплексах рассматриваемых стоянок (Табл. 7).

Стоит отметить, что определенные ограничения на работу с коллекциями памятников накладывает значительная фрагментированность материала. Среди накольчатой

Таблица 6. Образы орнамента.

Стоянка сосуды													
Ильинка (27)	2/7	0	17/63	4/15	1/4	0	2/7	1/4	0	0	0	0	0
Б. Раковка II (13)	0	0	7/52	0	1/8	0	1/8	0	0	1/8	2/16	1/8	0
Калмыковка I (22)	1/4	0	11/50	0	2/9	1/4	6/29	0	0	1/4	0	0	0
Лебяжинка IV (142)	2/2	2/2	73/51	22/16	3/2	0	16/10	2/2	1/1	5/3	1/1	10/7	5/3
Итого (204)	5/2	2/1	108/53	26/13	7/3	1/1	25/12	3/2	1/1	7/3	3/2	11/5	5/2

Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

Таблица 7. Композиции орнамента.

Стоянка сосуды												
Ильинка (24)	17/71	1/4	1/4	1/4	1/4	0	2/9	1/4	0	0	0	0
Б. Раковка II (13)	7/52	0	0	0	0	0	1/8	0	1/8	1/8	1/8	1/8
Калмыковка I (22)	11/51	0	0	0	0	1/5	5/24	0	0	1/5	0	0
Лебяжинка IV (137)	71/52	0	11/7	0	0	0	15/8	1/1	0	5/4	0	0
Итого (196)	106/54	1/1	12/6	1/1	1/1	1/1	23/11	2/1	1/1	7/3	1/1	2/1
Стоянка сосуды												
Ильинка (24)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Б. Раковка II (13)	1/8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Калмыковка I (22)	0	1/5	1/5	1/5	0	0	0	0	0	0	0	0
Лебяжинка IV (137)	0	0	0	2/1	1/1	1/1	9/6	1/1	1/1	3.2	1/1	1/1
Итого (196)	1/1	1/1	1/1	3/1	1/1	1/1	9/4	1/1	1/1	3/1	1/1	1/1
Стоянка сосуды												
Ильинка (24)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Б. Раковка II (13)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Калмыковка I (22)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лебяжинка IV (137)	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	2/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1
Итого (196)	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	2/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1

Количество фрагментов / процент от общего количества фрагментов

посуды представленных стоянок не выявлено ни одного скопления или развала позволяющего реконструировать сосуд хотя бы на 1/3. В то же время можно отметить ряд важных моментов характерных для анализируемых керамических комплексов. Накольчатая посуда средневолжской культуры памятников бассейна реки Сок в основном имеет прямую шейку, украшенную ямками или жемчужинами под срезом, срез венчика плоский или округлый, в 40 % случаев орнаментирован. Толщина фрагментов 0,6–0,9 мм, в тесте примеси визуально не фиксируются или содержится примесь песка, внешняя и внутренняя поверхности заглажены. Фрагменты примерно в равной пропорции орнаментированы отступающими и разреженными наколами, среди которых преобладают треугольные. Орнаментация на керамике представлена простыми линейными мотивами, образами и композициями (горизонтальные и диагональные), единично в комплексах каждого из памятников выявлены более сложные.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., 2015. Неолитический комплекс стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. Т. 17. №3. С. 212–219.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Сомов А.В., 2016. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. Т. 18. №3. С. 130–139.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Сомов А.В., 2017. Неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. Т. 19. №3. С. 172–180.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: СГПУ. С. 94–119.

Волкова Е.В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука. 122 с.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В., 2007. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара: СГПУ. С. 107–155.

Гурина Н.Н., 1988. О некоторых методах обработки неолитической керамики // КСИА. Вып. 193. С. 3–8.

Мамонов А.Е., 1988. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. НИИЯЛИ УО АН СССР. С. 92–105.

Мамонов А.Е., 2002. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. Самара: СГПУ. С. 148–162.

Цетлин Ю.Б., 2008. Неолит центра Русской равнины. М.: ИА РАН. 350 с.

Особенности фиксации следов деятельности человека в «каменном завале» Каповой пещеры

© 2018 В.А. Баскова

Аннотация. «Каменный завал» – новый объект изучения в Каповой пещере (Южный Урал). Он представляет собой нагромождение камней разных размеров, среди которых встречаются окрашенные камни и плитки, скопления охры и суглинка, разнообразный археологический материал. В статье рассмотрены особенности фиксации различных проявлений человеческой деятельности по площади «каменного завала» и этапы их изучения.

Ключевые слова: Капова пещера, Южный Урал, верхний палеолит, символическая деятельность, методика изучения.

Капова пещера расположена в предгорьях Южного Урала на правом берегу р. Белой в Бурзянском районе Республики Башкортостан на территории государственного природного биосферного заповедника «Шульган-Таш». Настенные изображения эпохи палеолита в пещере впервые были обнаружены А.В. Рюминым в 1959 г. В 1960–1978 гг. археологическое изучение пещеры возглавлял О.Н. Бадер, под руководством которого осуществлялась расчистка изображений от кальцитовых натеков и современных граффити (Бадер, 1965. С. 16). В 1982–1991 гг. экспедицией В.Е. Щелинского в Зале Знаков проводились раскопки, в ходе которых был открыт и изучен палеолитический культурный слой (Щелинский, 1996. С. 8). Также с 2000-х гг. в разное время в Каповой пещере работали В.Г. Котов и Т.И. Щербакова (Щербакова, Щелинский, 2005. С. 383). С 2008 г. и по настоящее время исследования в пещере проводятся Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ под руководством В.С. Житенева.

Капова пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех гипсометрических уровнях. Нижний уровень занят подземной рекой Шульган, на втором и третьем сохранились настенные палеолитические рисунки, которые представлены фигурами мамонтов, лошадей, носорогов, бизона, верблюда, рыбы, зооантропоморфа и многочисленными геометрическими знаками. Археологические исследования пещеры выявили следы кратковременных посещений и широкое разнообразие форм человеческой деятельности в виде символических, ритуальных и бытовых практик. В результате радиоуглеродного датирования культурных слоев были получены некалиброванные даты в интервале от 16010±100 (KN–5023) до 13930±300 л.н. (ГИН–4853) (Житенев и др., 2015. С. 7).

Одним из объектов изучения в Каповой пещере стал участок в юго-восточной части Купольного зала на среднем этаже пещеры. Он был условно обозначен как «каменный завал», поскольку представляет собой нагромождение массивных глыб и камней разных размеров (Рис. 1). В ходе работы на «каменном завале» были выявлены следы человеческой деятельности, которые выражались в свидетельствах работы с охрой (преднамеренно окрашенные камни и плитки, случайные пятна и капли охры на камнях и в слое, скопление красочной массы) и с глиной. Площадь «завала» составляет не менее 20 кв.м и ограничивается стенами юго-восточного угла зала, с противоположной стороны к нему примыкает глыба с парциальным зооморфным изображением. В 2010 г. в результате изучения культурного слоя рядом с данной глыбой были выявлены следы кратковременной деятельности, связанные с процессом работы с охрой (Житенев, 2012. С. 312).

В 2016 г. перед началом изучения «каменного завала» его площадь была разбита на квадраты со стороной 1 м. Разбивка проводилась пластмассовыми колышками, поскольку использование дерева или металла в данном случае могло навредить насыщенному охрой и углями объекту. Исследования были начаты в западной части «завала» – на квадратах П-Р-С-19-20-21–22. На этом участке «завал» в некоторых местах поднимается над уровнем современной поверхности Купольного зала до 1 м. Объектом исследования в 2016 г. стали квадраты Р-19-20-21, в 2017 г. для понимания характера распространения культурных остатков изучаемая площадь была увеличена.

В «каменном завале» можно условно выделить ярусы залегания камней, исходя из их взаимного расположения относительно друг друга в горизонтальной и стратиграфической перспективе. Так, например, камни с одного яруса залегания в разных частях завала не обязательно будут иметь одинаковые высотные отметки. В ходе работы производились поэтапные снятия камней. Одно снятие, как правило, совпадало с одним ярусом залегания камней на всем изучаемом участке, однако в некоторых случаях снятия камней осуществлялись не по всей площади объекта,

Рис. 1. Капова пещера, зал Купольный. Общий вид «каменного завала» до начала работ. Вид с С-В.

а локально, в зависимости от характера распространения следов деятельности человека. Это было обусловлено сложностью работы на данном объекте, а именно невозможностью работать с залегающими у стены камнями, не наступая на некоторые камни с охрой и другие следы деятельности человека.

Снятия камней осуществлялись с использованием трехмерной фиксации. Для каждого снятия составлялся отдельный графический план, на который наносились все камни с данного яруса залегания. Снимаемым камням присваивались индивидуальные номера, а также у них измерялись высотные отметки верха и низа (с точностью до 1 см). Наклонные грани камней обозначались стрелочками, показывающими направление наклона. На плане отдельно отмечались места скопления охры, суглинка и мелких камней с охрой. Важной частью работы стала поэтапная фотофиксация снятий. Необходимо было зафиксировать, как залегал каждый конкретный камень с охрой относительно других камней, в том числе, куда была ориентирована окрашенная грань. Фотографирование камней с охрой после их изъятия из «завала» производилось несколько раз – сначала непосредственно в пещере, а затем в лаборатории для изучения цвета и насыщенности пигмента в зависимости от микроклимата и освещения. Также нужно отметить, что для проведения естественнонаучных анализов в ходе работы были отобраны образцы суглинка, охры и угля.

Камни в «завале» залегают достаточно неплотно, поэтому многие участки были заполнены супесью, очевидно, ссыпавшейся сверху, или глиной. Промывка глины и супеси проводилась по-отдельности в мелкоячеистых ситах. Содержимое промывки после просушки тщательно просматривалось и сортировалось. Промывка дала небольшое количество костей мелких млекопитающих (грызунов), а также угольки и крупинки охры.

До лаборатории камни транспортировались в условиях, защищенных от попадания прямых солнечных лучей. В ходе камеральной обработки коллекции осуществлялась работа по ремонтажу, в ходе которого некоторые плитки с охрой подобрались друг к другу. В данном случае для обработки результатов полевой и камеральной работы важное значение имела точная фиксация плиток в «каменном завале», позволяющая понять их взаимное расположение – насколько далеко по расстоянию и глубине залегания подбирающиеся плитки находились относительно друг друга.

При изучении «каменного завала» необходимо учитывать, что в отличии от культурных слоев он возвышается над уровнем поверхности. И поэтому в постпалеолитическое время «каменный завал» мог подвергаться воздействию воды из-за сильной обводненности среднего этажа пещеры или, как минимум, на его верхние слои неоднократно оказывало влияние антропогенное воздействие. Однако ряд свидетельств и находок, зафиксированных ниже второго яруса залегания камней, указывают на инситность «завала».

Итак, «каменный завал» Каповой пещеры может рассматриваться как сложный объект, в котором прослеживаются следы проявления деятельности человека в верхнепалеолитическую эпоху. Работа на данном объекте осуществляется медленными темпами по причине существующих ограничений во времени нахождения в пещере и количестве участвующих в работах человек в целях сохранения настенных палеолитических изображений. Наиболее важным является вопрос о разработке и совершенствовании методики изучения «каменного завала», поскольку объекты такого типа не являются многочислен-

ными в пещерах с палеолитической живописью Франко-Кантабрийского региона. Особое внимание при изучении «каменного завала», безусловно, уделяется максимальной фиксации всех элементов с акцентом на выявлении взаимосвязей между отдельными участками и находками.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1965. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука. 48 с.

Житенев В.С., 2017. Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями // Дисс. ... док. ист. наук. М. 794 с.

Житенев В.С., 2012. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. Вып. 227. С. 306–314.

Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е., 2015. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. №4. С. 5–15.

Щелинский В.Е., 1996. Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 30 с.

Щербакова Т.И., Щелинский В.Е., 2005. Возобновление работ в пещере Шульган-Таш (Каповой) // АО 2004 г. М.: Наука. С. 382–384.

Некоторые итоги изучения накольчатой керамики на территории Прикамья

© 2018 Н.С. Батуева

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 17–11–59004а/У «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования», гранта РФФИ, проект № №18–39–00059 «Ранние гончарные традиции населения Среднего Предуралья».

Аннотация. Статья посвящена технико-технологическому анализу накольчатой керамики двух сопредельных территорий Среднего и Верхнего Прикамья и Камско-Вятского междуречья. Посуда изучалась в рамках историко-культурного подхода. В частности, были изучены исходное пластичное сырье и составы формовочных масс.

Ключевые слова: керамика, гончарные традиции, неолит, историко-культурный подход, волго-камская культура.

Керамическое производство в неолите Прикамья связано с двумя культурными группами посуды: гребенчатой (камской) и накольчатой (волго-камской). В данной работе рассмотрены гончарные традиции, характерные для посуды второй группы, а также затронуты вопросы их происхождения.

Для волго-камской культуры характерны плоскодонные сосуды баночной формы, орнаментированные как в технике «отступающей палочки», так и отдельными наколами треугольной, овальной, округлой и ногтевидной формы. В культуре выделяется 2 этапа – ранний и развитый. Для раннего этапа основными чертами являются: распространение венчиков с уплощенным или округлым торцом, овальные илитреугольные ряды наколов и присутствие «отступающей» палочки. Для развитого этапа: венчики с уплощенным торцом или скошенные вовнутрь (с наплывом или без него), распространение ногтевидные насечек, а «отступающая палочка» не является ведущим способом орнаментации (Куцерубова, 2017).

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного направления, созданного А.А. Бобринским на основе применения методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования (Бобринский, 1978; 1999). Анализ технологии изготовления керамики осуществляется в соответствии со структурой гончарного производства (10 обязательных и 2 дополнительных ступени, объединенных в стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную) (Бобринский, 1999. С. 9–11). В данной работе упор был сделан на изучении двух элементов гончарной технологии: представлениях об исходном пластичном сырье (далее ИПС) и рецептов формовочных масс (далее ФМ).

ИПС называются природные материалы, которые могли применяться в качестве самостоятельного пластичного сырья для изготовления посуды (Бобринский, 1999. С. 17; Бобринский, Васильева, 1998. С. 193–214; Васильева, 2011. С. 70–81). На территории Прикамья исследователи выделяют два вида ИПС: илистые глины и глины. К илистым глинам отнесено сырье, в котором единично встречаются мелкие углефицированные обрывки растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водорослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы. По своему составу они ближе к глинам, но сохраняют некоторые особенности илов (Васильева, Выборнов, 2012. С. 35). Глины – осадочные горные породы, источники которых могут быть приурочены как к берегам водоемов, так и к удаленным от них районам. Основным отличием глин от илов и илистых глин является полное отсутствие в них видимых под бинокулярным микроскопом остатков водной и околоводной растительности, а также водной фауны (Васильева, 2013. С. 75).

На современном методическом уровне выделяются следующие приемы подготовки ИПС: 1) дробление ИПС в сухом виде; 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии.

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс привлечены данные о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. В качестве примесей были выявлены: 1) шамот (гранулированная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов); 2) органические растворы (различные клеящие природные вещества растительного или животного происхождения), 3) дробленая раковина (мелкие углубления с плоским основанием, нередко сочетаются с обломками самих раковин), 4) песок (минеральная примесь с окатанными песчинками в значительной концентрации) (Бобринский, 1978. С. 108).

Исследованию подверглись коллекции керамики с накольчатым орнаментом следующих памятников:

Таблица 1. Результаты изучения ИПС и ФМ накольчатой керамики Среднего и Верхнего Прикамья.

Состав формовочных масс	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:	
	Илистые глины				Глины					
	Незапесочен./ слабозапесочен.		Запесочен./ среднезапесочен		Незапесочен./ слабозапесочен.		Запесочен./ среднезапесочен			
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с		
Ранний неолит										
Без примесей	1	-	-	-	2	-	-	-	3	**14 %**
Ш< 2 мм	1	-	1	-	1	1	1	-	5	**11/50 %**
Ш> 3 мм	1	-	3	-	-	1	1	-	6	
ОР	-	-	-	-	-	-	-	-	0	**0**
ОР + Ш< 2 мм	2	-	1	-	3	1	-	-	7	**8/36 %**
ОР + Ш> 3 мм	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
Всего:	6/27 %	0/0 %	5/23 %	0/0 %	6/27 %	3/14 %	2/9 %	0/0 %	**22/100 %**	
	11/50 %				11/50 %					
Развитый неолит										
Без примесей	-	-	-	-	-	-	1	-	1	**1,5 %**
Ш< 2 мм	1	1	-	-	2	3	2	-	9	**47/81 %**
Ш> 3 мм	6	6	-	2	12	7	3	2	38	
ОР	2	-	-	-	-	-	-	-	2	**3,5 %**
ОР + Ш< 2 мм	4	-	-	-	2	-	-	-	6	**8/14 %**
ОР + Ш> 3 мм	-	-	-	-	1	-	1	-	2	
Всего:	13/22,5 %	7/12 %	0/0 %	2/3,5 %	17/30 %	10/17 %	7/11,5 %	2/3,5 %	**58/100 %**	
	22/38 %				36/62 %					

Верхнее и Среднее Прикамье. Ранний этап: Левшино (10), Чашкинское Озеро VIII (4), Заборное Озеро I (3), Чернушка (5). Развитый этап: Чашкинское Озеро VI (9), Чашкинское Озеро IV (8), Чашкинское Озеро IX (5), Чашкинское Озеро III(а) (26), Непряха VI (4), Базов Бор (3), Чирва II (3).

Камско-Вятское междуречье. Ранний этап: Усть-Шижма I (3), Кыйлуд II (5), Коктыш II (3). Развитый этап: Среднее Шадбегово I (1), Среднее Шадбегово IV (3), Кочуровское I (2), Моторки II (16).

1. Изучение приемов отбора и добычи ИПС первого региона показало, что гончарами волго-камской культуры в качестве ИПС применялись глины (41 %) и илистые глины (59 %) (Табл. 1). На раннем этапе использовались илистые глины двух подвидов: слабозапесоченные (55 %) и запесоченные (45 %), в то время как среди глин чаще отбирались слабозапесоченные (82 %). На развитом этапе наиболее массовым приемом гончаров являлся отбор жирных глин.

Способы подготовки ИПС: на раннем этапе илистые глины замешивались лишь в естественно увлажненном состоянии, а следы дробления были зафиксированы только в трех сосудах из незапесоченных глин (Табл. 1); на развитом этапе дробление глин и илистых глин было зафиксировано уже в 1/3 исследованных сосудов.

Для изучения навыков труда на ступени составления формовочных масс привлечены данные о рецептах, которые включают сочетание видов ИПС и искусственных добавок. По составу ФМ рецепты делятся на 3 группы (Цетлин, 2012. С. 68–75).В первую группу входят рецепты, состоящие только из исходного сырья без добавления искусственных примесей. Подобные рецепты были зафиксированы только на раннем этапе (3 сос.). Они были изготовлены из незапесоченной/слабозапесоченной илистой глины в естественно увлажненном состоянии (Левшинская стоянка – 1 сос.) и из незапесоченных глин в естественно увлажненном состоянии (поселение Чернушка – 2 сос.) (Табл. 1). Вероятно, присутствие традиции использования несмешанных однокомпонентных составов связано с началом освоения такого природного материала как глина.

Ко второй группе с несмешанным двухкомпонентным составом относятся сосуды с рецептами: «илистая глина/глина + шамот» (72,5 %), «глина + песок» (1,5 %), «илистая глина + органический раствор» (3,5 %). Стоит отметить, что последние два рецепта встречены в единичных случаях. Они были зафиксированы по материалам поселения Чирва II и относятся к развитому неолиту. Состав ФМ с шамотом, по результатам наших исследований, является наиболее характерным для керамики волго-камской культуры. В посуде раннего этапа эта традиция была обнаружена в 50 % случаев. В посуде развитого этапа число сосудов с шамотом еще больше – 80 %. И на раннем, и на развитом этапе использовались крупные фракции шамота (>3 мм) (Табл. 1).

К третьей группе со смешанным многокомпонентным составом был отнесен только рецепт «илистая глина/глина + шамот + органический раствор». В качестве ИПС на раннем этапе, в основном использовалось незапесоченное/слабозапесоченное сырье в естественно увлажненном состоянии.

На развитом этапе зафиксирован только один сосуд, изготовленный из запесоченной глины, остальное сырье незапесоченное/слабозапесоченное. Шамот в данном рецепте чаще использовался мелкий (<2 мм) (Табл. 1).

Таким образом, можно отметить следующие гончарные традиции, характерные для населения, изготавливавшего керамику с накольчатой орнаментацией на терри-

Таблица 2. Результаты изучения ИПС и ФМ накольчатой керамики Камско-Вятского междуречья

Состав формовочных масс	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:	
	Илистые глины				Глины					
	Незапесочен./ слабозапесочен.		Запесочен./ среднезапесочен		Незапесочен./ слабозапесочен.		Запесочен./ среднезапесочен			
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с		
Ранний неолит										
Ш< 2 мм	2	-	-	-	1	1	-	-	4	**5/45 %**
Ш> 3 мм	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
ОР	1	-	-	-	-	-	-	-	1	**9 %**
ОР + Ш< 2 мм	2	1	-	-	1	-	-	-	4	**4/37 %**
ОР + Ш> 3 мм	-	-	-	-	-	-	-	-	0	
ДР	-	-	-	-	1	-	-	-	1	**9 %**
Всего:	6/54 %	1/9 %	0/0 %	0/0 %	3/28 %	1/9 %	0/0 %	0/0 %	**11/100 %**	
	7/63 %				4/37 %					
Развитый неолит										
Ш< 2мм	-	-	-	-	-	-	1	-	1	**1/4 %**
Ш> 3 мм	-	-	-	-	-	-	-	-	0	
ОР	4	-	1	-	3	-	-	-	8	**36 %**
ОР + Ш< 2 мм	4	3	-	-	2	-	-	-	9	**13/60 %**
ОР + Ш> 3 мм	2	-	1	-	1	-	-	-	4	
ДР	-	-	-	-	-	-	-	-	0	**0/0 %**
Всего:	10/45 %	3/14 %	2/10 %	0/0 %	6/27 %	0/0 %	1/4 %	0/0 %	**22/100 %**	
	15/69 %				7/32 %					

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, ДР – дробленая раковина, увл. – сырье в увлажненном состоянии, др. с/с – дробление сухого сырья.

тории Среднего и Верхнего Прикамья: использование в качестве ИПС в основном незапесоченных/слабозапесоченных илистых глин и глин в естественно увлажненном состоянии; рецепты ФМ с шамотом и шамотом с органическим раствором.

Для позднего этапа были зафиксированы следующие тенденции: увеличение доли использования глин, уменьшение приемов отбора запесоченного сырья, увеличение навыков дробления ИПС. Главным отличием гончарства раннего этапа являлось наличие несмешанных однокомпонентных составов.

2. Изучение способов изготовления керамики с накольчатым орнаментом Камско-Вятского междуречья дало следующие результаты.

На раннем этапе данная керамика изготавливалась только из незапесоченного/слабозапесоченного сырья, в двух случаях были зафиксированы следы дробления (Усть-Шижма I и Коктыш II). В первом случае была использована илистая глина, во втором – глина (Табл. 2). На развитом этапе использовались слабозапесоченные и запесоченные подвиды глин, но только в естественно увлажненном состоянии (Табл. 2). Незапесоченные/слабозапесоченные илистые глины замешивались в ФМ как в дробленом состоянии, так и в увлажненном.

Рецепты, состоящие только из ИПС без добавления искусственных примесей, при изучении посуды Камско-Вятского междуречья не обнаружены. К группе с несмешанным многокомпонентным составом были отнесены следующие: «илистая глина/глина + шамот», «илистая глина/ глина + органический раствор», «глина + дробленая раковина» (Табл. 2). На раннем этапе наиболее массовой была традиция: ИПС + шамот, при этом примесь добавлялась в малой концентрации (1:7; 1:8) и использовался мелкий шамот (> 2 мм). Рецепты ФМ с органическим раствором и дробленой раковиной встречены в единичных случаях. К третьей группе был отнесен только один рецепт «илистая глина/глина + шамот + органический раствор» (Табл. 2). На раннем и на развитом этапах преобладала традиция использования мелкого шамота.

К характерным чертам технологии изготовления накольчатой керамики Камско-Вятского междуречья, можно отнести следующие: использование в качестве ИПС глин и илистых глин, чаще незапесоченных/слабозапесоченных, в естественно увлажненном состоянии. Составление ФМ различается по этапам. Для ранних комплексов характерны рецепты с искусственной примесью шамота или шамота с органическим раствором, а на следующем этапе подавляющее большинство сосудов было изготовлено из ИПС с шамотом и органическим раствором (60 %).

При сравнении накольчатых керамических комплексов двух регионов обращает на себя внимание сходство в представлениях о сырье. Они имели смешанный характер: использовались глины и илистые глины. При этом доля использования глин в Верхнем и Среднем Прикамье выше, чем в Камско-Вятском междуречье (особенно это заметно на развитом этапе). К отличиям можно отнести более массовый характер распространения приемов отбора запесоченного сырья в среде неолитического населения Верхнего и Среднего Прикамья (в первую очередь на раннем этапе). Можно отметить определенное сходство в распространении традиций составления ФМ с шамотом и шамотом с органическим раствором. Однако были выявлены и различия: если на территории Верхнего и Среднего Прикамья преобладало использование крупных фракций шамота, то в Камско-Вятском междуречье – мелких. Появление данных отличий, скорее всего, связано с влиянием носителей

других гончарных традиций. В Верхнем и Среднем Прикамье ими были носители камской керамической традиции, в Камско-Вятском междуречье, возможно, – носители средневолжских керамических традиций. Этот вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., Васильева И.Н., 1998. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СГПУ. С. 203–205.

Васильева И.Н., 2011. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. С. 70–81.

Васильева И.Н., 2013. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. №4. С. 73–83.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2012. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. Вып. 4. С. 61–68.

Куцерубова К.М., 2017. Результаты технико-технологического анализа керамики волго-камской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь. С. 21–25.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

Культурная специфика западносибирского неолита в контактной зоне лесостепи и южной тайги

© 2018 В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства РФ №33.2597.217/ПЧ и государственного задания № 0352–2014–0405.

Аннотация. На материалах артынской культуры (Среднеиртышско-Барабинский регион) и верхнеобской неолитической культуры (север Верхнего Приобья) анализируется культурная специфика неолита на стыке лесостепного и лесного ландшафтов. Предложена гипотеза о подчиненности процессов культурогенеза особой модели присваивающего природопользования, направленной на предпочтительное освоение ресурсов переходной зоны.

Ключевые слова: культурная специфика, неолит, лесостепь, южная тайга, Западная Сибирь.

1. В отечественной археологии экологический подход является важнейшим методологическим принципом изучения адаптационных процессов древних обществ к условиям природной среды. Один из результатов исследования на его основе заключается в дифференциации археологических памятников разных природных зон. Причем этот подход находит применение к изучению древностей всего голоцена (в соответствии с обозначенной темой). Но будет ли однозначным уровень его научной эффективности для разных историко-хронологических периодов и конкретных природных условий? Для Урало-Поволжского региона и юга Западной Сибири характерны три большие ландшафтные формации – степная и лесная с переходным лесостепным поясом. Это нашло отражение в систематике и интерпретации археологических комплексов, в том числе древностей неолитического периода (Косарев, 1996; Молодин, 1977; Зах, 2009).

Лесостепной пояс достаточно широкий (до 250–300 км) и не имеет резкой границы с южными степными и северными лесными пространствами. Это ставит вопрос об особенностях культурогенеза в зонах контакта собственно лесостепи с другими типами ландшафтов. Для неолита юга Западной Сибири, исходя из состояния источников, целесообразен анализ культурной специфики в зоне контакта лесостепи и южной тайги. Для репрезентативности итогов обратимся к материалам двух наиболее изученных районов западносибирского пространства. Первый из них включает Среднее Прииртышье, северо-западные районы Барабы и южное Васюганье. Второй – ограничен Новосибирским Приобьем, севером Кузнецкой котловины и Томским Приобьем.

2. Неолит Среднеиртышско-Барабинского региона характеризуют поселения с плоскодонной керамической посудой «боборыкинского» типа и комплексы артынской культуры (Бобров, Марочкин, Юракова, 2017).

Хронология и культурная атрибуция первых дискутируется. По материалам поселения Автодром-2 аргументировано их тождество с боборыкинской культурой позднего неолита Зауралья (Бобров, Юракова, 2014), с датировками в пределах первой половины – середины V тыс. до н. э. (Мосин, Бобров, Марочкин, 2017. С. 70). Также предложена ранненеолитическая атрибуция подобной керамики в Барабинской лесостепи с выделением «барабинской неолитической культуры» (Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017. С. 175). Но в любом случае, все известные комплексы с подобной посудой расположены компактно в микрорайоне у с. Венгерово (лесостепная Бараба). Следовательно, для решения проблемы, вынесенной в название работы, эти материалы привлекать пока нецелесообразно.

Известные поселения артынской поздненеолитической культуры (около 20) образуют три группы – иртышскую, барабинскую и тарскую (Юракова, 2017. С. 105). В северо-западной и северной Барабе обнаружены курганные могильники с погребением по обряду ингумации – Протока, Венгрово-2а и Автодром-1, предположительно связанные с этим культурным образованием. То есть, ареал культуры включает как собственно лесостепные районы Барабы и Среднего Прииртышья, так и южные районы таежного Васюганья (Бобров, Марочкин, 2011. Рис. 1: 1). Абсолютная хронология: середина – вторая половина V тыс. до н. э. (без крайних значений) (Мосин, Бобров, Марочкин, 2017. С. 68–70).

Сравнительный анализ комплексов на всем ареале показывает «предельную устойчивость артынской традиции, ... без сколь-нибудь значимых локальных отличий» (Юракова, 2017. С. 143). Проявляется эта устойчивость и в керамике (остродонные банки, декорированные сочетанием ямочных и горизонтально-волнистых отступающе-накольчато-прочерченных узоров), и в каменной индустрии (крупные пластины, вогнутые шлифованные ножи, наконечники стрел с вогнутой базой, перфораторы на пластинах с пришлифованным острием) и в специфичных категориях инвентаря (каменные навершия булав, керамические орнаментированные оселки-абразивы). Некоторая вариативность прослеживается только в морфологии жилищ и структуре поселений (крупные одиночные наземные жилища в таежной части, группы небольших полуземлянок в лесостепи).

3. Неолит северных районов Верхнего Приобья связан с последовательной сменой двух этапов верхнеобской неолитической культуры – раннего (завьяловского по В.И. Молодину, изылинского по В.А. Заху) и позднего (кипринского по В.И. Молодину или новокусковского по М.Ф. Косареву) (Молодин, 1977. С. 10–25; Косарев, 1996. С. 265–266; Зах, 2003. С. 113–137; Бобров, 2017). Имеющиеся разночтения относятся к интерпретации и имеют методологическую основу. Они не отражают сущностную характеристику археологических комплексов.

Ранний этап представлен в основном поселениями с плоскодонной или остродонной посудой со специфичным декором, включающим плотные отступающие наколы, ямки, крупные овальные вдавления, отпечатки фигурного штампа. Возможно, с этими поселениями связаны некоторые бескерамические погребения неолита Новосибирского Приобья (Марочкин, 2014. С. 26). Хронология комплексов раннего этапа определена в диапазоне последняя треть VI – первая треть V тыс. до н. э. (Мосин, Бобров, Марочкин, 2017. С. 71). Картографирование памятников с подобной керамикой очерчивает их ареал в пределах лесостепных районов Новосибирского Приобья, Восточного Присалаирья, Среднего Притомья, предтаежных и таежных районов Томского Приобья. Общие черты имеет индустрия камня, преимущественно пластинчатая.

Аналогичная ситуация с комплексами позднего этапа, датированными последней четвертью V – началом IV тыс. до н. э. (Мосин, Бобров, Марочкин, 2017. С. 70–71). Поселения и некоторые грунтовые могильники с характерной плоскодонной и остродонной керамикой с различными вариациями пунктирно-гребенчатого, накольчатого и ямочного орнамента занимают тот же самый ареал – лесостепь Новосибирского Приобья и севера Кузнецкой котловины, предтаежные и южнотаежные районы Томского Приобья. Каменная индустрия локальных различий не демонстрирует (наличие пластинчатого расщепления, большая доля орудий на отщепах, небольшие листовидные клинки-бифасы, крупные тесла). Автохтонным признаком являются грунтовые погребения-ингумации в вытянутом положении на спине, они характерны для всех известных могильников. На памятниках лесного Томского Приобья (Самусьский могильник, Старое мусульманское кладбище) наряду с ингумациями зафиксированы частичные кремации на стороне, но это объясняется взаимодействием с носителями игрековской культурной традиции северного происхождения в конце V – начале IV тыс. до н. э. (Марочкин, 2014. С. 28–29).

4. Таким образом, для неолита как минимум двух субрегионов юга Западной Сибири было характерно длительное развитие автохтонных культур с четко очерченным набором признаков, ареал которых включал как лесостепные, так и южнотаежные районы. Только возможными колебаниями северной границы лесостепи объяснить выявленную закономерность нельзя – даже с допущением таковых на десятки километров двухландшафтность культурных ареалов сохраняется. То есть, площадкой культурогенеза выступала именно контактная зона лесостепи и леса, а не исключительно та или другая ландшафтная формация.

По всей видимости, более критичным условием для расселения неолитических популяций было освоение определенных речных или озерных систем, нежели следование условным границам лесостепи и леса. Ареал артынской культуры связан с системой правобережных притоков Среднего Иртыша, берущих начало в Васюганье (рр. Тара, Омь, Тартас и др.) и многочисленных озер севера Барабинской низменности. Верхнеобская культура занимала север Верхней Оби и нижнее течение некоторых крупных ее притоков (рр. Томь, Иня).

С осторожностью, но все же следует говорить о специфичной модели присваивающего природопользования, направленной на эффективное освоение биоресурсов контактной зоны, с сохранением ориентации на южные источники каменного сырья. Биопродуктивность леса не уступает биопродуктивности лесостепи, а в зоне их контакта она может существенно увеличиваться, что уже отмечалось специалистами.

Эта модель могла иметь различные варианты воплощения, наиболее очевидные из которых – сезонные перекочевки, либо же постепенный переход к хозяйственной специализации оседлых групп. Вполне вероятно, что оба варианта получали параллельное развитие. В любом случае, даже если имело место образование собственно лесостепных и лесных популяций, степень социокультурных коммуникаций между ними долгое время оставалась очень высокой, достаточной для поддержания единого, хорошо узнаваемого культурного облика. В аспекте культурогенеза ситуация в какой-то степени изменилась в последующие периоды, с распространением на территории Западной Сибири производящих форм экономики.

Полученных выводов недостаточно для понимания того, была ли эта модель характерна исключительна для неолита Западной Сибири, или же она имеет универсальный характер. Эти выводы можно и нужно проверить на материалах из других районов евразийской лесостепи. Пока представляется, что предпочтительнее она для западносибирского региона, учитывая его физико-географическую специфику, характерную и в древности, и в настоящее время. Постепенное накопление источников в обозримой перспективе позволит ставить аналогичные вопросы о специфике культурогенеза в неолите на южной периферии лесостепного пояса.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., 2017. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. №1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ

СО РАН. С. 49–61.

Бобров В.В., Юракова А.Ю., 2014. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество. С. 211–214.

Зах В.А., 2003. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. 168 с.

Зах В.А., 2009. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука. 320 с.

Косарев М.Ф., 1996. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 253–269.

Марочкин А.Г., 2014. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 33 с.

Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 173 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н., 2017. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 172–177.

Мосин В.С., Бобров В.В., Марочкин А.Г., 2017. Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. №4. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 65–73.

Юракова А.Ю., 2017. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья // Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 231 с.

Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алгай и Орошаемое

© 2018 И.Н. Васильева

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907.2017/ПЧ.

Аннотация. В статье представлены обобщенные результаты изучения гончарной технологии нео-энеолитического населения, оставившего стоянки Алгай и Орошаемое. Работа осуществлена в рамках историко-культурного исследовательского подхода, по методике А.А. Бобринского. Сделан вывод о значительной близости гончарных традиций населения данного региона в периоды неолита и энеолита.

Ключевые слова: неолит, энеолит, степное Поволжье, гончарная технология, технико-технологический анализ, культурные традиции.

Стоянки Алгай и Орошаемое расположены недалеко друг от друга, на р. Б. Узень, в Саратовской области. Они относятся к числу немногочисленных нео-энеолитических памятников Поволжья, которые в последние годы подвергаются планомерным раскопкам (под руководством А.И. Юдина и А.А. Выборнова). Исследование материалов стоянок, относящихся к неолиту (орловская АК) и энеолиту (прикаспийская и хвалынская АК), проводится с применением различных современных методов. Массовый керамический материал изучается в рамках историко-культурного исследовательского подхода, по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978, 1999). Промежуточные результаты исследования опубликованы в ряде статей. В данном докладе представлены обобщенные итоги изучения гончарной технологии населения, оставившего обе стоянки.

Стоянка Алгай. Технико-технологическому анализу было подвергнуто 233 образца керамики: венчиков (80), стенок (128), днищ (25). Они относятся к неолиту, однако в верхних слоях найдено несколько фрагментов сосудов эпохи энеолита. По морфологическим особенностям керамика стоянки Алгай может быть разделена на 3 группы.

К 1 группе, самой многочисленной, относятся прямостенные и профилированные сосуды с плоским и уплощен-

Таблица 1. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики стоянки Алгай.

Раскопы	Виды ИПС						ИТОГО:
	ИЛЫ	ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ				ГЛИНЫ	
	жирные	жирные		тощие		жирные	
	с раков.	с комочками ВОГ	без комочков ВОГ	с комочками ВОГ	без комочков ВОГ		
2014 г.	-	8	15			7	30
2015 г.	33	13	42	-	1	2	91
2016 г., р. 1	4	6	20	-	-	-	30
2016 г., р. 2	-	12	7	-	-	-	19
2017 г.	11	12	32	-	-	8	63
Всего:	48/21 %	168/72 %				17/7 %	233/100 %

Условные обозначения: ВОГ – высокопластичная ожелезненная глина; с раков. – с естественным компонентом илов (обломками раковины); единица учета – образец керамики.

Таблица 2. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики стоянки Алгай.

Раскопы, Виды ИПС	Искусственные примеси							ИТОГО:
	ОР	ДРб/к	ДРср/к	ДРн/к	ДРн/к+ ОР	ДРср/к+ ОР	ДРб/к+ ОР	
2014 г.								30
- ИГ	-	6	8	-	4	4	1	23
- Г	-	2	5	-	-	-	-	7
2015г.:								91
- илы	33							33
- ИГ	-	4	17	7	4	22	2	56
- Г	-					1	1	2
2016г., р. 1:								30
- илы	4							4
- ИГ	-	2	6	2	2	12	2	26
2016г., р. 2:								19
- ИГ	-	6	2	1	-	5	5	19
2017г.:								63
- илы	11							11
- ИГ	-	2	13	1	4	16	8	44
- Г	-	3	1	-	-	2	2	8
Всего:	48	25	52	11	14	62	21	233
	21 %	88/38 %			97/41 %			100 %

Условные обозначения: ИГ – илистые глины; Г – глины; ДР – дробленая раковина; ОР – органические растворы; б\к – условно большая концентрация ДР; ср/к – условно средняя концентрация ДР: н/к – условно небольшая концентрация ДР; единица учета – образец керамики.

ным дном, преимущественно тонкостенные, декорированные в геометрической стилистике, техникой накалывания (отдельные наколы), накалывания с отступанием («отступающая палочка») и прочерчивания. Орнаментиры имели треугольный, прямоугольный и овальный рабочий край. *Исходным пластичным сырьем* (ИПС) для их изготовления являлись илы, илистые глины, глины, среди которых существенно преобладали жирные илистые глины (Табл. 1). Из ила изготовлены единичные сосуды. Илы, содержавшие обломки раковин пресноводных моллюсков как естественный компонент, использовались только с добавкой *органического раствора* (предположительно, жидкого клеящего вещества животного или растительного происхождения) (ОР), от которого после обжига остались пустоты с черным маслянистым и белым налетом, а также блестящими пленками по стенкам. К илистым глинам, которые частично также включали естественную раковину, и глинам добавляли искусственную примесь *дробленой раковины* (ДР), зачастую с добавкой ОР (Табл. 2). Раковина предварительно подвергалась нагреванию до серо-жемчужного цвета, дроблению и растиранию, просеиванию через сита. Сосуды изготовлены лоскутным налепом. Процесс формообразования происходил, по-видимому, в формах-моделях, массово применялся прием выбивания. Обработка поверхностей производилась посредством заглаживания и тщательного уплотнения (зачастую до блеска). Как правило, ему подвергались обе поверхности (внешняя и внутренняя). Можно предполагать применение кострового обжига керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной среде, изолированной от открытого огня, и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°). Такие условия термической обработки позволяли сохранять целостность черепка и препятствовать выгоранию раковины в черепке.

Во 2 группу керамики включены плоскодонные толстостенные (7–10 мм), профилированные сосуды с ямочно-жемчужным пояском под венчиком. Орнамент нанесен с внешней стороны, перпендикулярно поверхности, в виде горизонтального ряда округлых ямок диаметром 5 мм, которые оставили на внутренней стороне «жемчужины». Внешний срез венчика некоторых сосудов декорирован вдавлениями овальной формы тем же орудием, что и ямки. К этой группе можно отнести фрагменты верхних частей 9 сосудов и 1 плоского днища из раскопа 2015 г. (слои 14–24) (возможно, что большая часть неорнаментированных стенок сосудов из ила также относится ко 2 группе). Сосуды были изготовлены из «жирного» ила со средним и большим содержанием растительности и обломками раковины. В состав *формовочных масс* (ФМ) вводился только ОР. Изготовление сосудов было связано с приемами лоскутного налепливания и формообразованием их в формах-моделях. Способы обработки поверхностей: простое заглаживание и уплотнение. Преобладающая часть сосудов имеет следы заглаживания внутренней и реже внешней поверхностей орудием, оставившим парал-

Таблица 3. Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики стоянки Орошаемое.

Раскопы, АК	Виды ИПС						ИТОГО:
	ИЛЫ	ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ				ГЛИНЫ	
	жирные	жирные		тощие		жирные	
	с раков.	с комочками ВОГ	без комочков ВОГ	с комочками ВОГ	без комочков ВОГ		
2015 г.							7
Хвалынская АК	-	1	1	1	-	-	3
Прикаспийская АК	-	1	3	-	-	-	4
2016 г.							21
Орловская АК	1	4	2				7
Прикаспийская АК		9	1				10
Хвалынская АК		4					4
2017 г.							31
Орловская АК		5	1				6
Прикаспийская АК		16	4				20
Хвалынская АК		4	1				5
Всего:	1/2 %	58/98 %				-	59/100 %

Условные обозначения: АК – археологическая культура; ВОГ – высокопластичная ожелезненная глина; с раков. – с естественным компонентом илов (обломками раковины); единица учета – образец керамики.

лельные широкие бороздки, типа гребенчатого штампа. Предполагается костровой обжиг керамики с длительным периодом при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления.

К 3 группе керамики отнесены фрагменты 8 сосудов из верхних слоев стоянки Алгай (раскопы №2, 2016 г.; 2017 г.). Они выделяются скошенным вовнутрь венчиком, утолщением на его внешней стороне («воротничком») и сменой орнаментальных традиций: использованием плетеных (прошитых) фактур и, возможно, веревочного штампа, а также прочерчивания в виде плавно изогнутых (волнистых, овальных) фигур. Малочисленность, сильная измельченность и плохая сохранность поверхности сосудов затрудняет более полную характеристику данной группы. Совокупность вышеперечисленных морфологических признаков позволяет отделить ее от основного керамического материала стоянки и отнести к энеолиту. Все сосуды изготовлены из жирных илистых глин с добавкой ДР, иногда ДР+ОР. По этим показателям они не отличаются от 1 (орловской) группы керамики стоянки.

Результаты изучения позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, неолитический комплекс керамики стоянки Алгай неоднороден: выделяются 2 группы. По данным изучения морфологии и технологии сосуды 1 группы находят аналогии в керамическом материале орловской культуры, в частности Варфоломеевской стоянки (Васильева, 2012). Морфологические особенности сосудов 2 группы обнаруживают значительную близость с елшанской керамической традицией (Васильева, 2011). Однако технология их изготовления, в частности, представления об ИПС (отбор жирных илов, насыщенных обломками раковины) указывают на нижневолжское происхождение (Васильева, 1999б). В материалах неолитических стоянок юга Средневолжья известны сосуды елшанского облика, изготовленные из илов (Васильева, Выборнов, 2016). По нашему мнению, они оставлены коллективами, сложившимися в ходе смешения елшанских групп и мигрантов из степного Поволжья. Наличие такой керамики на стоянке Алгай свидетельствует о существовании контактов между соседними регионами Поволжья и активных перемещениях неолитических коллективов. Присутствие в слое Алгая мелких фрагментов сосудов энеолитического времени, вероятно, обусловлено близостью стоянки Орошаемое.

Стоянка Орошаемое. Анализу было подвергнуто 64 образца керамики из раскопов 2015–2017 гг., из них 5 не имели четких морфологических признаков принадлежности к нео-энеолиту, были сделаны из глины с примесью шамота, поэтому были отнесены к более позднему времени и пока исключены из дальнейшей обработки. Таким образом, к настоящему времени исследовано 59 образцов: венчиков (12), стенок (47). Основываясь на существовании стерильных прослоек, а также на результатах изучения кремневого инвентаря и радиуглеродных датах, культурный слой стоянки был разделен на 3 хронологических горизонта: нижний (орловский), средний (прикаспийский), верхний (хвалынский) (Выборнов и др., 2017. С. 185–190). Разнесение данных технико-технологического анализа в таблицах 3–4 произведено исходя из расположения фрагментов керамики в определенных слоях. Керамический материал стоянки сильно фрагментирован и имеет плохую сохранность. По морфологическим признакам наиболее четко выделяется керамика орловской культуры. К прикаспийскому керамическому комплексу можно отнести фрагменты сосудов, декорированных гребенчатым штампом (в том числе «шагающей гребенкой») и прочерченными плавно изогнутыми линиями. Несколько венчиков из раскопа 2017 г. имели «воротничок», украшенный косо расположенными оттисками гребенчатого штампа. Для посуды хвалынской культуры наиболее характерным является прием орнаментирова-

Таблица 4. Результаты изучения формовочных масс (ФМ) керамики стоянки Орошаемое.

Раскопы, АК	Искусственные примеси							ИТОГО:
	ОР	ДРб/к	ДРср/к	ДРн/к	ДРн/к+ ОР	ДРср/ к+ОР	ДРб/к+ОР	
2015 г.:								7
Прикаспийская АК		2	2					4
Хвалынская АК						3		3
2016 г.:								21
Орловская АК	1		3			3		7
Прикаспийская АК			6	1		3		10
Хвалынская АК			1	2	1			4
2017 г.:								31
Орловская АК						5	1	6
Прикаспийская АК			13	1	1	5		20
Хвалынская АК					4	1		5
Всего:	1	2	25	4	6	20	1	59
	1/2 %	31/52 %			27/46 %			100 %

Условные обозначения: АК – археологическая культура; ДР – дробленая раковина; ОР – органические растворы; б\к – условно большая концентрация ДР; ср/к – условно средняя концентрация ДР: н/к – условно небольшая концентрация ДР; единица учета – образец керамики.

ния с помощью оттисков плетеной (прошитой) кожаной фактуры и, возможно, веревочным штампом (Выборнов и др., 2017. С. 186. Рис. 1: 1; 4).

Только один образец орловской керамики был изготовлен из ила, который состоял из жирного глинистого субстрата с естественной примесью раковины. Все остальные сосуды сделаны из жирных илистых глин с искусственной добавкой ДР и ДР+ОР. Образцы керамики прикаспийской и хвалынской культур изготовлены из таких же илистых глин, близких по качественному составу, характерной чертой которых было присутствие окатанных плотных комочков не растворившейся глины и детрита (измельченных остатков растительности) в условно единичной или небольшой концентрации. В них единично встречены мелкие фрагменты костей и чешуи рыб. Возможно, в некоторых подвидах илистых глин часть обломков «старой» раковины также относится к естественным компонентам сырья, хотя потом в ФМ была сознательно добавлена и ДР. Массовыми традициями составления ФМ в производствах бытовой посуды всех трех культур были: 1) ИПС+ДР; 2) ИПС+ДР+ОР. В конструировании сосудов применялись способы скульптурной лепки. Обработка поверхности осуществлялась посредством заглаживания и сплошного уплотнения по подсушенной основе гладким предметом. Придание прочности и влагонепроницаемости сосудам достигалось посредством обжига с особым режимом, позволяющим сохранить черепок, насыщенный обломками раковины. Сохранялись и архаичные «холодные» приемы (введение ОР).

Важным итогом исследования стало выявление существенной близости культурных традиций в гончарстве неолитических и энеолитических племен степного Поволжья. Аналогии им обнаружены в гончарстве орловского неолитического населения (Варфоломеевской стоянки) (Васильева, 2012), хвалынского энеолитического населения Поволжья (Васильева, 2002; 2005), а также пришлой группы населения, оставившего могильник Съезжее (Васильева, 1999а). Несмотря на появление новых черт в морфологии посуды (конусовидные и округлые днища, воротничковое оформление венчика, гребенчатый штамп, прочерченный орнамент в виде плавно изогнутых фигур, орнаментирование прошитыми фактурами), энеолитическая гончарная технология осталась очень близка неолитической орловской технологии, которая корнями уходит в североприкаспийский очаг раннего гончарства.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Васильева И.Н., 1999а. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С.191-216.

Васильева И.Н., 1999б. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ. С. 72–96.

Васильева И.Н., 2002. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара: СамГПУ. С. 15–49.

Васильева И.Н., 2005. Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I-II Хвалынских могильников // РА. №3. С. 76–84

Васильева И.Н., 2011. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (46). С. 70–81.

Васильева И.Н., 2012. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи.

Вып. 9. Саратов: Изд-во СГУ. С. 5–22.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. №3 (17). С. 1–20.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С., 2017. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19, №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 165–190.

Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе)

© 2018 И.Н. Васильева

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907.2017/ПЧ.

Аннотация. В статье рассматриваются итоги изучения гончарной технологии неолитического населения, оставившего памятники средневолжской культуры на территории юга Средневолжья. Исследование проведено в рамках историко-культурного исследовательского подхода, по методике А.А. Бобринского. Сделаны выводы о формировании средневолжской культуры на основе смешения местного елшанского населения и пришлых (орловских) коллективов, о дальнейших контактах и взаимодействиях средневолжского населения в эпоху неолита.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Поволжье, гончарная технология, технико-технологический анализ керамики, культурные традиции.

Процесс накопления и осмысления неолитических материалов юга Средневолжья имеет сравнительно небольшую историю. Основываясь на подъемном материале с дюнных стоянок на р. Самаре, А.Х. Халиков включил эту территорию в состав волго-камской культуры (Халиков, 1969). В последней четверти XX в. под руководством И.Б. Васильева были осуществлены активные разведочные и раскопочные работы, которые существенно изменили представления о неолите Волго-Уралья. Первые масштабные раскопки Виловатовской стоянки, для участия в которых И.Б. Васильев пригласил ведущих специалистов по неолиту Поволжья, привели к общему выводу о необходимости выделения самостоятельной культуры, отличной от волго-камской (Васильев и др., 1980). Н.Л. Моргунова предложила объединить памятники неолита лесостепи между Волгой и Уралом в понятие «волго-уральская культура» (Моргунова, 1984). И.Б. Васильев и А.А. Выборнов расширили ареал распространения этих памятников за счет включения ряда стоянок правобережья Волги и выделили «средневолжскую культуру» (Васильев, Выборнов, 1988). По их мнению, с накоплением материала может появиться возможность вычленения елшанского комплекса (ранний этап средневолжской археологической культуры – САК) в самостоятельную культуру, что и было сделано позднее А.Е. Мамоновым (Мамонов, 1999). Следует подчеркнуть общность взглядов исследователей на сложный синкретичный характер САК, обусловленный активными связями, контактами и миграциями различных групп неолитического населения лесостепного Поволжья, расположенного между степью и лесом.

Наши исследования последних лет были направлены на конкретизацию процессов формирования и развития САК (Васильева, Выборнов, 2016). А.А. Выборновым получена солидная база радиоуглеродных дат материалов САК, позволившая уточнить хронологические позиции памятников, различных керамических комплексов, а главное, культурно-хронологических групп внутри этих комплексов. Тем самым был создан «каркас» конкретно-исторических событий, связанных с формированием САК. Гончарная технология неолитического населения изучалась в рамках историко-культурного исследовательского подхода, по методике А.А. Бобринского, которая была разработана именно для получения информации о культурных традициях в гончарстве и процессах смешения древнего населения (Бобринский, 1978; 1999). К настоящему времени технико-технологическому анализу подвергнуто более тысячи образцов керамики (условно отдельных сосудов) из 11 стоянок САК. Основное внимание уделялось двум элементам гончарной технологии: представлениям об исходном пластичном сырье (ИПС) и составу формовочных масс (ФМ). Объединение данных по хронологии и гончарной технологии позволило приступить к разработке проблем как эволюционного развития неолитического гончарства, так и истории сложения населения, его культурогенеза. На основе техники нанесения орнамента керамика САК была разделена на позднеелшанский, накольчатый, гребенчатый комплексы и группы керамики с гладким штампом («ногтевидными насечками») и с ямчатым орнаментом. Результаты исследования материалов всех памятников опубликованы в ряде статей. В данной работе представлены краткие итоги исследования.

Для понимания процессов формирования САК большое значение имеет информация, полученная при изучении более ранних материалов. Удалось оконтурить два очага ранненеолитических гончарных традиций Поволжья: 1) нижневолжский (североприкаспийский) очаг древнейшего гончарства, основанного на илах с естественной раковиной, в рамках которого изготавливалась плоскодонная бытовая посуда, декорированная накольчато-прочерченным орнаментом; 2) средневолжский (елшанский) очаг, связанный с использованием илистых глин и «шамотной» традицией составления ФМ, а также с изготовлением остродонных сосудов без орнамента и с ямочно-жемчужным пояском. Радиоуглеродное датирование позволило установить почти одновременное появление в них древнейшей керамики в первой половине VII тыс. калл. л. до н. э. Позднее территория нижневолжского ареала расширилась, по-видимому, на все степное Поволжье. Была выявлена определенная разнонаправленность тенденций в эволюции представлений об ИПС у населения разных

районов: в Северном Прикаспии – консервация навыков использования илов (Тентексор); в степном Поволжье – процесс постепенного изменения сырьевой базы, переход от илов к илистым глинам и глинам (преимущественно жирным), сопровождавшийся формированием традиции введения в ФМ искусственной примеси дробленой раковины (Варфоломеевка). Для раннего елшанского гончарства Волго-Уралья наиболее характерными чертами были следующие: отбор преимущественно тощих илистых глин без раковины; использование их в качестве моносырья или с добавкой только органических растворов; наличие немногочисленных сосудов с добавкой мелкого шамота в незначительной концентрации. Такова была картина распространения ранненеолитических гончарных традиций в Нижнем и Среднем Поволжье к моменту образования САК.

Формирование САК можно отнести к рубежу VII–VI тыс. кал.л. до н. э. в результате переселения нижневолжского орловского населения в южные районы Средневолжья и его смешения с местными елшанскими коллективами (хотя отдельные проникновения южных групп были возможны и в более раннее время). Их миграция фиксируется по наличию на Ивановской и Виловатовской стоянках группы тонкостенной плоскодонной керамики, изготовленной из ила и орнаментированной в геометрической стилистике «отступающей палочкой». Морфология и технология ее изготовления близки материалам орловской культуры степного Поволжья. Дальнейший процесс взаимодействия и смешения елшанского и пришлого населения нашел отражение в гончарной технологии. Со временем преобладающим видом ИПС накольчатой керамики САК стали илистые глины (хотя использование илов было распространено более массово, чем в позднеелшанском гончарстве). Влияние елшанских традиций на пришлое население шло по возрастающей линии. По материалам Виловатовской стоянки прослежена тенденция увеличения со временем доли накольчатой посуды, сделанной из илистых глин: для ранней группы – 19 %; для средней – 35 %; для поздней – 52 %. Переход на илистые глины не сопровождался введением дробленой раковины, как в степном Поволжье, хотя ИПС с естественной раковиной использовалось более массово по сравнению с позднеелшанским гончарством. В средневолжском производстве накольчатой керамики преобладали приемы отбора тощего сырья (черта, характерная для елшанского гончарства), в то время как в Нижнем Поволжье наиболее массовыми были навыки отбора жирных подвидов ИПС. Состав традиций составления ФМ керамики с накольчатым орнаментом близок елшанским: массовыми были рецепты ФМ без искусственных добавок или только с органическими растворами, что свидетельствует о распространении взглядов на ИПС как моносырье (без добавления минеральных искусственных примесей). Получила распространение «шамотная» традиция (к ней можно отнести и приемы подготовки шамота из сильножелезненной обожженной глины). По данным изучения накольчатой керамики стоянки Лебяжинка IV выявлена тенденция роста доли рецептов с шамотом: 9 % (ранняя группа); 24 % (средняя); 54 % (поздняя).

В результате продвижения в Среднее Поволжье южных групп и смешения их с местными елшанскими коллективами сформировалась основная часть населения САК. Она продолжала делать сосуды с накольчатым орнаментом, но ее гончарная технология была смешанной, имевшей много близких черт с елшанской. Со временем влияние елшанских традиций на пришлое население усиливалось, а контакты с Нижним Поволжьем, по-видимому, становились менее тесными. Под влиянием пришлых групп происходило изменение гончарных традиций и части позднеелшанского населения, вступившего с ними в процессы смешения, что нашло отражение в распространении плоскодонной посуды и взглядов на илы как ИПС. Однако продолжала существовать группа елшанского населения, сохранившего свои устойчивые традиции изготовления посуды.

Появление гребенчатого керамического комплекса на территории САК относится к более позднему времени, чем накольчатого. Исследование технологии изготовления посуды, декорированной различными штампами, выявило значительную неоднородность изготавливавшего ее населения и в то же время определенные черты сходства с накольчатым комплексом САК. Наибольшую близость с ним обнаружили группы керамики, украшенной гладким штампом в виде насечек и ямочным орнаментом. Радиоуглеродные даты керамики накольчатого и гребенчатого комплексов указывают на вероятность периода их сосуществования на территории Самарского Поволжья (Выборнов, 2008. С. 242–243). Выше был сделан вывод об устойчивой тенденции увеличения доли накольчатой посуды из илистых глин как результата смешения с елшанскими традициями. Практически в это же время появились коллективы, в среде которых стопроцентно были распространены представления об илах: это группа с керамикой, декорированной коротким гребенчатым штампом (Виловатовская стоянка), или группа с посудой, орнаментированной средним гребенчатым штампом (Лебяжинка IV). Данные факты указывают на приток в Самарское Поволжье новых групп неолитического населения, в среде которых преобладали представления об илах, и которые еще не приняли участия в смешении, происходившем до этого между елшанским населением и группой с накольчатой керамикой. Предположительно, эти неолитические коллективы могли переселяться с юго-запада (Подонье, Украина), где выявлены гончарные технологии, основанные на использовании илов, и орнаментальные традиции штампования керамики (Васильева, 2017). Проникновение группы камского населения на территорию юга Средневолжья прослежено по наличию сосудов с четкими морфологическими и технологическими чертами камской культуры на стоянке Лебяжинка IV. Таким образом, передвижения средневолжских неолитических групп происходили не только с юга на север, но и наоборот – с севера на юг. Вопрос о появлении в Волго-Уралье традиций составления ФМ с дробленой раковиной и птичьим пухом (в позднем неолите или в энеолите) требует дальнейшего изучения.

Неолитизация Восточной Европы сопровождалась распространением более совершенных средств передвижения и интенсификацией взаимосвязей неолитических коллективов. Формирование новых культурных образований в развитом неолите происходило, в основном, путем смешения различных групп населения. По нашему мнению, средневолжская культура имела многокомпонентный состав населения, в который входили разные в культурном отношении и, возможно, изначально неродственные коллективы. По-видимому, этот состав менялся и усложнялся в разные хронологические отрезки времени, в течение которых местные елшанские, пришлые и смешанные группы населения проживали на

одной территории в рамках единых поселков, вступали в контакты и процессы смешения, поэтому оставленные ими культурные слои можно относить к одной археологической культуре – средневолжской.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ. С. 151–189.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ. 112 с.

Васильева И.Н., 2017. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 370–379.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье. // Поволжская археология. №3 (17). С. 1–20.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СамГПУ. 490 с.

Мамонов А.Е., 1999. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ. С. 15–43.

Моргунова Н.Л., 1984. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 34 с.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 395 с.

Мезолит европейского Северо-Востока: результаты новейших исследований

© 2018 А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина

Аннотация. В мезолитоведении Северного Приуралья на современном этапе наиболее заметными являются результаты комплексных исследований многослойного памятника Вылыс Том 2 на р. Ижма. Его два мезолитических слоя имеют ^{14}C даты, определение фауны и древесных пород. Ранее в этом микрорайоне раскопаны еще две мезолитические стоянки. Материалы всех трех памятников позволяют отнести их к разным традициям.

Ключевые слова: Северное Приуралье, Ижма, мезолит, многослойный памятник, Вылыс Том 2.

Мезолитические исследования в Северном Приуралье берут начало в 1957 г., когда Г.М. Буровым были открыты первые памятники данной эпохи в долине р. Вычегда (Буров, 1965). Важнейшими достижениями последующих лет являются атрибуция мезолитических местонахождений Большеземельской тундры, открытых Г.А. Черновым, проведенная И.В. Верещагиной (Верещагина, 2010); уникальный комплекс находок из дерева, коры и травы Висского 1 торфяника в районе Синдорского озера (Буров, 2009); комплексные исследования пойменных памятников Парч 1 и Парч 2 на Вычегде (Волокитин, 2006; Волокитин, Панин, Зарецкая, 2017).

На современном этапе выделим исследования комплекса памятников Чердыб 1 и Чердыб 2 (Волокитин, Волокитина, 2016) с радиоуглеродными датами, а также стоянки-мастерской Пезмогты 6, расположенной в хорошо изученном пезмогском геоархеологическом микрорайоне (Волокитин, Волокитина, Карманов, 2015).

Вместе с тем, важнейшим достижением последних лет является изучение мезолитических культурных горизонтов на многослойном археологическом памятнике Вылыс Том 2. Данные, третий и четвертый, горизонты памятника залегают на глубине более двух метров в аллювиальных отложениях 10-метровой террасы р. Ижма. Для третьего культурного горизонта получены даты 7800±90 14С л.н. (ГИН–14593), 8510±70 14С л.н. (ЛУ–7289), для четвертого – 8540±70 14С л.н. (ГИН–14594) и 8690±90 14С л.н. (ЛУ–7288) (Волокитин, Панин, Арсланов, 2014). В третьем горизонте идентифицированы лось и бобр. Это фрагменты верхних и нижних челюстей, парные тазовые кости и лопата рога лося, а также резцы бобра. Сырые кости располагались по всей раскопанной площади совместно с линзами древесного угля. Есть сильно фрагментированные изделия из кости и рога. В четвертом культурном горизонте обнаружены кости лося, бобра, северного оленя, куньих, белки, птиц, шуки, карповых (определение П.А. Косинцева, ИЭРиЖ Уро РАН), залегавшие в основном в заполнении мощного кострища. По углям из третьего горизонта определено наличие сосны (определение Л.Н. Соловьевой, лаборатория естественнонаучных методов в археологии, ИА РАН, Москва). Есть интересные трасологические наблюдения, касающиеся использования ударно-абразивных инструментов для обработки кости, найденных в третьем горизонте (Волокитин, Степанова, 2017). Расположение кострища третьего горизонта в плане совпадает с расположением кострищ четвертого культурного горизонта. Другими словами они расположены строго один над другим. И их направление по длинной оси совпадает. Отмечено несомненное сходство каменных инвентарей третьего и четвертого культурных горизонтов, как по сырью, так и по составу. В используемом сырье это наличие сланца и эпидозита, кремня одинаковой цветности и структуры. В технике раскалывания – большое количество крупных и очень крупных пластин, представленных сечениями и неполными сечениями, а также присутствие ядрищ, условно называемых нуклеусами-резцами. В обоих горизонтах отмечены предметы со шлифовкой. Правда, в третьем культурном горизонте есть только осколки и отщепы, снятые со шлифованных орудий, а в четвертом, помимо многочисленных таких же отщепов, найдены шлифованные топоры. Несмотря на то, что эти орудия фрагментированы, их форма восстановлена достаточно определенно. Два из них острообушные, плоско-выпуклые в сечении, один – линзовидного сечения с прямым обушком. Именно такой

набор рубящих орудий имеется также на мезолитических стоянках в урочище Топыд-Нюр на Печоре.

Следует отметить, что ранее в данном (ижма-томском) микрорайоне были раскопаны еще два мезолитических памятника: Туруннюр 1 (Лузгин, 1972) и Лек-Леса 1 (Волокитин, 2005). Обе стоянки располагались на второй (боровой) террасе Ижмы. Таким образом, это, пожалуй, единственный в Северном Приуралье геоархеологический микрорайон с тремя раскопанными на достаточной площади мезолитическими памятниками. Интересно, что анализ их коллекций выявил различие технокомплексов. Если мезолитические горизонты Вылыс Тома 2 относятся к так называемой западной традиции европейского Северо-Востока, занимая промежуточное положение по хронологии между парчевскими стоянками на Вычегде и комплексом топыднюровских стоянок на Печоре, то Лек-Леса 1 – опорный памятник приуральской традиции. В материалах стоянки Туруннюр 1 сочетаются признаки обеих вышеназванных традиций.

Разведочные работы 2017 г. в данном геоархеологическом микрорайоне выявили несколько пунктов с находками, которые могут быть отнесены к мезолитической эпохе. Из них наиболее перспективным является местонахождение Улыс Том 4 (Волокитина, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Буров Г.М., 1965. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука. 200 с.

Буров Г.М., 2009. Мезолитические деревянные изделия новых категорий и типов с поселения Вис 1 в бассейне Вычегды // РА. №3. С. 17–29.

Верещагина И.В., 2010. Мезолит и неолит крайнего европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское востоковедение. 232 с.

Волокитин А.В., 2005. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia. С. 198–205.

Волокитин А.В., 2006. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. 126 с.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А., 2016. Памятники Чердыб 1 и 2 и проблемы мезолита Вычегды // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской науч. конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 55–57.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А., Карманов В.Н., 2015. Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 19. Сыктывкар. С. 16–38.

Волокитин А.В., Панин А.В., Арсланов Х.А., 2014. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. №3. С. 42–46.

Волокитин А.В., Панин А.В., Зарецкая Н.Е., 2017. Начальное заселение долины Верхней Вычегды в связи с геоморфологическими условиями в позднеледниковье – раннем голоцене: мезолитические стоянки Парч 1 и 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 19. С. 42–57.

Волокитин А.В., Степанова К.Н., 2017. Ударно-абразивные орудия для обработки кости третьего культурного горизонта археологического памятника Вылыс Том 2 на р. Ижме // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. №6. С. 201–206.

Волокитина Н.А., 2017. Археологические исследования в Ижемском районе Республики Коми в 2017 году // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 20-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт. Т. XX. С. 156–159.

Лузгин В.Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.: Наука. 128 с.

Новые междисциплинарные исследования памятников неолита и энеолита Нижнего Поволжья

© 2018 А.А. Выборнов, М.А. Кулькова, А.Ю. Овчинников, А.Д. Солдатенкова, О.Г. Занина, Д.А. Лопатина, А.И. Юдин

Работа подготовлена в рамках проекта №33.1907 государственного задания Министерства образования и науки РФ.

Аннотация. В работе приводятся результаты междисциплинарных исследований памятников неолита и энеолита Нижнего Поволжья. Получена информация о смене периодов увлажненности и аридизации на разных этапах развития стоянок. Это позволяет реконструировать природно-климатические особенности в неолите – энеолите Нижнего Поволжья и увязать их с хронологическими рамками.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, неолит, аридизация, увлажненность.

Стоянок неолита и энеолита в Нижнем Поволжье, по сравнению с другими территориями, изучено значительно меньше (Юдин; 2004; 2012). Поэтому исследование новых памятников является весьма актуальным. Таковыми стали стоянка Алгай и поселение Орошаемое (Выборнов и др., 2015; 2016; 2017; Юдин и др., 2016). Помимо археологического аспекта большое значение имеют междисциплинарные подходы. Е.А. Спиридоновой были проведены изыскания только на Варфоломеевской стоянке (Юдин, 2004). Новые работы позволяют получить дополнительную информацию. В 2017 г. проведены почвенные исследования на этих памятниках, расположенных в Саратовской области. Ландшафтная зона представляет собой опустыненную степь. Почвы исследовались в разрезах, заложенных в стенках (бровках) археологических раскопов и для сравнения параметров в разрезах, заложенных в современных

(фоновых, не затронутых антропогенезом, за исключением распашки) почвах. На двух памятниках проведен морфологический анализ почв разрезов (фоновых почв и почв археологических раскопов), проанализированы физические, химические и палеоботанические свойства почв.

Исследования показали, что стратиграфия горизонтов двух памятников идентична, но на поселение Орошаемое горизонты более растянутые по профилю. Это объясняется тем, что оно, в отличие от стоянки Алгай, располагается в береговой зоне водораздельной поверхности, и здесь существует латеральный сток минеральной массы с более высоких водораздельных поверхностей к урезу р. Большой Узень. Анализ морфологических и химических свойств почв также подтвердил наблюдения археологов о существовании культурных слоев (погребенных голоценовых почв и/или разновременных культурных слоев) и переслаивающих их «стерильных» горизонтов (отсутствие артефактов). Некоторые показатели, а в частности содержание гумуса и его преобладание именно в культурных слоях, а также реконструированные растительные группировки по результатам микробиоморфного анализа, могут говорить о том, что действительно на данной территории преобладали благоприятные климатические условия в разные временные интервалы. Вероятнее всего, в эпохи накопления культурных слоев существовали гумидные условия с разнообразной растительностью, что способствовало заселению человеком и занятию скотоводством (на что указывают остеологические данные) на исследуемой территории. Но данные палеоботанических исследований, а именно остатки жизнедеятельности, домашних животных не выявили. В свою очередь, «стерильные» горизонты, более светлых цветовых оттенков по сравнению с культурными слоями (малое количество гумуса), не содержат артефактов. Предположительно, «стерильные» горизонты могли формироваться в более континентальных аридных условиях, при произрастании скудной растительности и слабовыраженном почвообразовании. Вероятнее всего, происходило эоловое осадконакопление (в данном месте высокий берег реки и по морфологии гидроморфность в голоцене исключается). Результаты микробиоморфного анализа не подтвердили затопляемость территории. Согласно полученным датам 14С по культурным слоям и морфологии «стерильных» горизонтов (малая мощность), можно предположить, что процессы осадконакопления были непродолжительными. Палеоботанические данные также показали аридизацию климата в разные археологические эпохи. Сильно был преобразован растительный покров вокруг поселений человека за счет разведения скота и активной хозяйственной деятельности. Нужно отметить, что культурные слои поселения «чистые» в отношении земледелия. Домашние животные не содержались в загонах, по крайней мере на поселение Орошаемое. Территория самих поселений (сооружений) была «закрытой» или «изолированной», предположительно навес, хозяйственная постройка. В образцах присутствуют формы, характерные для тростника, и его малое содержание в образцах не предполагает многократное сооружение настила (циновок или устланного пола) в прошлые эпохи. Палеоботанический анализ показал, что антропогенная нагрузка на территорию (по сравнению с современностью) была минимальна или соотносима с современной. Скотоводство было «периодическим», вероятнее всего, носители прикаспийской культуры вели кочевой образ жизни.

Реконструкция климатических условий формирования отложений на памятниках Алгай и Орошаемое была выполнена с помощью метода геохимической индикации процессов осадконакопления. Локальные особенности расположения участка Орошаемого, который находится на берегу реки, были более благоприятными в периоды гумидных климатических обстановок. Этот участок был сильнее увлажнен и защищен от ветров, и являлся удобным для определенных видов хозяйственной деятельности древнего человека. В периоды аридизации на памятнике Алгай, который расположен на возвышенном участке, на некотором расстоянии от речного берега, происходило медленное осадконакопление, что было связано с высокой скоростью выветривания и переноса (выдувания) отложений, поэтому мощности отложений лессовидных суглинков, сформировавшихся в эти периоды незначительные. В то время, как на участке Орошаемое, мощности отложений, сформировавшиеся в аридные периоды большие.

По данным Н.С. Болиховской в Нижнем Поволжье ранняя фаза атлантического периода, которая наступила около 7000–6600 ВС, была близка к гумидной лесостепной фазе среднебореального потепления. Трансгрессивная стадия Новокаспийского бассейна регистрируется около 7000 ВС с подъемом уровня на 16–20 м. Около 6600–6400 ВС наступила кратковременная фаза аридизации и похолодания климата, сокращения широколиственных лесов и расширения площади незадернованных экотопов (Болиховская, 2011). Период аридизации климата отмечается также около 6200–6000 ВС, которая проявилась как в лесной, так и в степной зонах Восточной Европы (Спиридонова, Алешинская, 1999). После этого эпизода климатические условия стали несколько более благоприятными, но в целом оставались засушливыми.

В районе расположения памятников Алгай и Орошаемое климатические условия периода около 6000 cal ВС по данным геохимических исследований могут быть охарактеризованы как теплые и умеренно влажные. Антропогенная нагрузка в отложениях этого времени на стоянке Алгай низкая. На поселение Орошаемое в это время появляются первые свидетельства носителей орловской неолитической культуры. Климатические условия этого периода можно охарактеризовать как благоприятные.

По данным спорово-пыльцевого анализа (Болиховская, 2017) период 6400–5100 ВС характеризуется в районе Нижней Волги как теплый и сравнительно сухой. Снижается интенсивность аллювиального осадконакопления в поймах малых рек Калачской возвышенности около 6200–3580 ВС (Сычева, 1999). Регрессия Новокаспийского бассейна 5900–5200 ВС достигала –28 м. На плакорах расширяются площади открытых участков, увеличивается разнообразие широколиственных лесов (липа, вяз, бук, ольха). В травяном покрове преобладают злаки и разнотравье. По данным (Спиридонова, 1991), около 5500–5200 ВС на северной половине лесостепной зоны центра Восточной Европы господствовали лесостепные обстановки, а южнее были распространены ландшафты степной зоны.

На стоянке Алгай, по данным геохимии, начало аридизации регистрируется около 5656–5566 cal ВС. Небольшое увеличение влажности здесь фиксируется около 5350–5120 cal ВС. К этому периоду относится высокая антропогенная активность, которая была отмечена в отложениях. Максимальная аридизация климата и высокая температура регистрируются в отложени-

ях на памятнике Алгай, которые относятся к периоду 5050–4900 cal BC.

По данным некоторых авторов, климатический оптимум голоцена (теплый и влажный климат) в степной зоне Восточной Европы относится к периоду 5500–4500 BC (Gerasimenko, 1997), по данным других авторов (Болиховская, 2011) – к периоду 5100–4000 BC. Трансгрессия Новокаспийского бассейна, подъем уровня воды на высоту 18–28 м происходил около 5060–3980 BC (Болиховская, 2011).

На стоянке Алгай около 5060–4547 cal BC произошел переход к влажным и теплым условиям. Такие условия можно сравнить с климатическим максимумом голоцена. Антропогенная активность высокая. В горизонте, относящемуся к этому времени, обнаружены артефакты прикаспийской культуры.

Этап аридизации климата начинается около 4700–4500 cal BC. Период аридизации в степной зоне также относится по литературным источникам ко времени 4500–4400 BC (Болиховская, 2011), что кроме того, привело к кратковременному понижению уровня Каспийского моря. На поселение Орошаемое, после эпизода климатической аридизации, происходит переход к более благоприятным условиям. В это время фиксируется начало развития хвалынской энеолитической культуры, которая датируется здесь 4725–4336 cal BC.

ЛИТЕРАТУРА

Болиховская Н.С., 2011. Эволюция климата и ландшафтов Нижнего Поволжья в голоцене // Вестник Московского Университета. Сер. 5. География, №2, 13–27

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С., 2015. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 235–241.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С., 2016. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 140–145.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С., 2017. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19. №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 185–190.

Спиридонова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.: Наука, 221 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа. РА. №1. С. 23–33.

Сычева С.А., 1999. Ритмы почвообразования и осадконакопления в голоцене (сводка 14С данных) // Почвоведение. №6. С. 677–687.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ. 200 с.

Юдин А.И., 2012. Стоянка Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ. 212 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник, №3 (16). Самара: СГПУ. С. 61–68.

Gerasimenko N.P., 1997. Environmental and climatic changes between 3 and 5 ka BP in southern Ukraine. 3th Millenium BC Clim.Change and Old World Collapse. Berlin. P. 372–399.

Кремневый и палеофаунистический комплексы стоянки Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 г.)

© 2018 М.Ш. Галимова, Н.С. Березина, А.Ю. Березин

Аннотация. На стоянке, размываемой водохранилищем, собран подъемный материал – кремневые артефакты усть-камской культуры и остатки ископаемой фауны мамонтового комплекса. Находки in situ – кремни и кость ископаемой лошади, были включены в раскоп. Подтвердились разные стратиграфические позиции культурного слоя финального палеолита и фаунистических находок, залегавших на 0,6–0,7 м ниже.

Ключевые слова: усть-камская культура, финальный палеолит, кремневый инвентарь, плейстоценовая фауна.

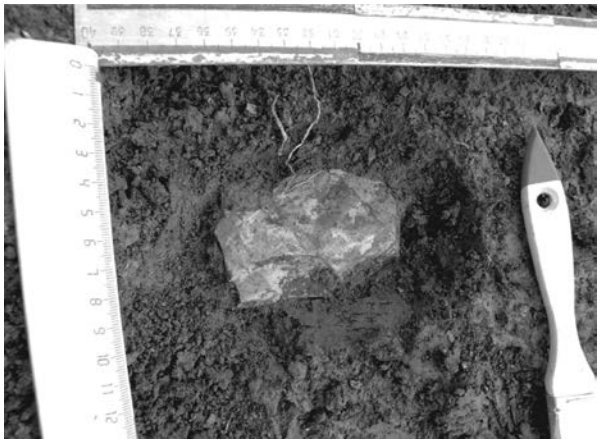
В ходе исследований на острове Беганчик осенью 2013 года в размытой водохранилищем части стоянки, под абразионным уступом на отмели был проведен сбор каменных артефактов и фаунистических находок. В обнажениях произведены зачистки, на отмели исследован раскоп, объединивший участки залегания in situ кремневых артефактов и фоссилизованной кости, с целью выяснения их стратиграфической позиции. Спасательные работы проводились авторами в рамках совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Чувашского государственного института гуманитарных наук, со стороны которого в исследованиях также принимал участие с.н.с. Е.П. Михайлов.

Памятник находится в 2 км к северо-востоку от с. Измери Спасского района Республики Татарстан, на останце второй надпойменной террасы, в левобережной приустьевой части Камы, в устье р. Актай (Галимова, 2001. С. 90–100; Казаков, 2011. С. 10–17). Согласно геолого-геоморфологическим наблюдениям А.А. Хисяметдиновой, культурный слой стоянки залегает в покровной пачке лессовидного красновато-коричневого суглинка конца верхнего плейстоцена, на глубине 60–120 см от поверхности, на границе с генетическими горизонтами современной черноземной почвы. Ниже вскрывается толща плейстоценовых палевых (желто-коричневых) суглинков с несколькими горизонтами погребенных почв.

Обнаруженные на отмели in situ кремни, залегавшие в размыве красновато-коричневого суглинка в виде полосы 20 × 4–5 м, и находка in situ фрагмента фоссилизованной кости, залегавшая в размыве нижележащего желто-коричневого суглинка на расстоянии 7–8 м от кремней, были включены в сетку квадратов (2×2 м) раскопа. В ходе рас-

1

2



3

4

Рис. 1. Стоянка Беганчик, исследования 2013 г. Находки in situ на отмели в размыве культурного слоя и плейстоценового суглинка, включенные в раскоп.

1 – фото кости конечности лошади, найденной in situ на поверхности; 2 – фото данной кости в ходе раскопок (участок Е/14, южная часть); 3 – фото заготовки призматического нуклеуса, найденной in situ на поверхности (участок Б/13); 4 – общий вид на сетку участков раскопа 2013 года на отмели, фото с севера.

копок проводилась трехмерная фиксация всех находок от репера.

В четырех квадратах найдены 8 кремневых изделий, залегавших на глубине от 56 см до 86–92 см от репера, в том числе: заготовка призматического нуклеуса; вторичный торцовый нуклеус на фрагменте нуклеуса; скол подправки площадки нуклеуса; фрагмент пластины; длинный скол с косо усеченным концом и ретушью утилизации на углу – резчик; два отщепа-ножа с ретушью утилизации по краям; скребок полукруглой формы с двумя концевыми и боковым лезвиями.

Нивелировочные отметки верхней и нижней поверхностей кости лошади, залегавшей без артефактов, составили –152 см и –159–161 см. Таким образом, между культурным слоем и палеонтологической находкой отмечена стратиграфическая разница в 60–70 см как минимум.

Коллекция артефактов 2013 года (429 экз.) включает изделия из кремня (208), окремнелого известняка (182), халцедона (25) и кварцита (10). С точки зрения формы и следов вторичной обработки выделены предметы без вторичной обработки (355) и морфологически выраженные орудия (74). Дальнейшая группировка проведена с учетом наличия на поверхности многих артефактов макро- и микро-следов использования в различных трудовых операциях.

Предметы без вторичной обработки: конкреции (8); гальки (10); заготовки нуклеусов (33); нуклеусы торцовые и призматические, (42); сколы подправки нуклеусов (17); отщепы (109); сколы, осколки и фрагменты сколов (52); пластины (79). Часть вышеперечисленных массивных пластин, крупных отщепов и сколов с ровными краями использовалась без вторичной обработки в качестве разделочных ножей, а также ножей и резцов по дереву и пилки (76). Ряд фрагментов пластин разной ширины (37) без вторичной обработки отличается следами использования в качестве вкладышей составных орудий разных типов, а также составных наконечников стрел.

Морфологические выраженные орудия: скребки концевые, боковые и с лезвием по периметру (13); резцы (ретушные и угловые) и резчики (16); ножи с с ретушью по краю (12); вкладыши ножей на фрагментах пластин с ретушью (4); рубящие орудия – бифасы (6), рубящие орудия без бифасиальной обработки (2), фрагмент рубящего орудия с пришлифованным лезвием (1); заготовки бифасов (5); наконечники стрел (2), в том числе заготовка наконечника с бифасиальной обработкой и трапеция; скобели (2); комбинированные орудия (11), в том числе: скребло-скобель, резец-резчик, резец-скобель, ножи-резцы, ножи-скобели, ножи-скребки. Трапеция имеет характерную для усть-камской культуры форму – с вогнутыми ретушированными сторонами. В целом кремневый комплекс 2013 года соответствует морфолого-типологическому облику стоянки Беганчик, которая была отнесена к раннему этапу культуры в результате раскопок 1986–87 гг. (Галимова, 2001. С. 99–100).

Кости животных (без следов человеческой деятельности) залегали на поверхности отмели разрозненно и различались степенью окатанности. Из 80 найденных костей А.Ю. Березину удалось осуществить определение 40, относящихся к 9 видам: лошадь (Equus sp.), северный олень (Rangifer tarandus), небольшой олень (Cervus sp.), благородный олень (Cervus elaphus), шерстистый носорог (Coelodonta antiquitatis), мамонт (Mammuthus primigenius), бизон (Bison priscus), овцебык (Ovibos palantis), лось (Alces sp.), сурок (Marmota bobak).

Палеофаунистический комплекс, судя по сохранности и видовому составу, принадлежит к т.н. «волжской фауне», изученной в скоплениях на волжско-камских галечниках, затопленных во второй половине 1950-х годов. Такие скопления фауны обследовали в 1879 году И.С. Поляков и А.А. Штукенберг на галечниковых косах у сел Мысы и Мансурово (Поляков, 1880. С. 1–81). Стоянка Беганчик находится на расстоянии 30–35 км от этих местонахождений, которые сформировались в результате переотложения вымытых из четвертичных отложений остатков мамонтового комплекса. Видимо, фаунистический комплекс острова Беганчик имеет аналогичное происхождение, не связанное с охотничьей деятельностью носителей усть-камской культуры финального палеолита – раннего мезолита.

Несмотря на утерю более чем половины площади культурного слоя стоянки Беганчик в результате абразии водохранилища за последние 30 лет, этот опорный памятник усть-камской культуры остается перспективным для регулярных спасательных археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

Галимова М.Ш., 2001. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.-Казань: Янус-К. 272 с.

Казаков Е.П., 2011. Памятники эпохи камня в Закамье (Археологический очерк). Ч. 1. Казань: Институт истории АН РТ; ООО «Фолиант». 179 с.

Поляков И.С., 1880. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию // Приложение к тому 37 Записок Академии наук. №1. СПб. С. 1–81.

Каменные скребки стоянки Игим (Нижнее Прикамье) эпохи неолита – раннего металла: соотношение формы и функций

© 2018 Е.Н. Голубева

Аннотация. В статье представлены результаты морфологического и функционального анализа одной из категорий каменного инвентаря поликультурного археологического памятника – стоянки Игим (Нижнее Прикамье) эпохи неолита – раннего металла. На основе проведенных исследований было существенно увеличено количество орудий, использованных в качестве скребков; выявлены и приведены примеры несоответствия формы и функций морфологически выраженных скребков.

Ключевые слова: каменный век, каменные орудия, скребки, морфологический анализ, функциональный анализ.

Введение

Актуальность проблемы соотношения формы и функций каменных орудий неоднократно отмечалась в трудах Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинского (Коробкова, Щелинский, 1996), А.К. Филиппова (Филиппов, 1983), М.Ш. Галимовой (Галимова, 2010), Г.Н. Поплевко (Поплевко, 2007; Поплевко, Гречкина, 2016), Н.Н. Скакун (Скакун и др., 2017) и многих других исследователей-трасологов. Также отмечалась необходимость проведения функционального анализа всего каменного инвентаря археологических памятников, так как это может существенно расширить информационную базу и позволит увидеть разнообразное функциональное использование типологически однородных орудий.

Поликультурная смешанная стоянка Игим (Мензелинский район Республики Татарстан, высокий останец террасы при впадении р. Ик в р. Каму, ныне Нижнекамское водохранилище), населявшаяся людьми в три разных периода – неолит, энеолит, поздний бронзовый век – была открыта в 1958 г. А.Х. Халиковым, затем обследовалась в 1964 г. П.Н. Старостиным, а в 1970–71 гг. здесь были проведены широкомасштабные полевые исследования под руководством Р.С. Габяшева и П.Н. Старостина. И если керамический комплекс данной стоянки был частично изучен и представлен в работах А.В. Шипилова (Шипилов, 2012), А.А. Выборнова (Выборнов, 2008), то каменный инвентарь памятника ранее детально не изучался.

Методика

При проведении исследования нами были использованы морфологический метод анализа и функциональный (трасологический) метод анализа. Трасологически были исследованы все каменные предметы, найденные в ходе проведения раскопок на стоянке Игим в 1970–1971 гг., а также подъемный материал. Исследование проводилось с использованием стереоскопического микроскопа Микромед МС–1 с увеличением ×20, ×40, ×80 раз. Данного увеличения достаточно для фиксации характерных для скребковых орудий следов утилизации.

Скребки стоянки Игим эпохи неолита – раннего металла

Каменный инвентарь стоянки Игим насчитывает 1039 предметов. Морфологически выраженных скребков из них было выделено 48 экземпляров. Они были представлены такими типами как концевые на пластинах с вы-

Таблица 1. Соотношение данных морфологического и функционального анализа каменных скребков стоянки Игим. В скобках приведены данные с учетом двух рабочих лезвий.

Морфологические данные \ Трасологические данные	Скребки	Ножи	Наконечники стрел	Орудия	Проколки	Тесла	Отщепы с ретушью	Пластины с ретушью	Отщепы без втор. обработки	Пластины без втор. обработки	Нуклеусы	Обломки, осколки, фрагменты пород	Итого:	% от всего количества
Скребки по шкуре	17 (23)		1	3	1		6 (7)	2 (3)	32 (33)	5	1	4	81	48,8
Скребки по дереву	22 (28)	1	1	2		1	8 (9)	3	12 (13)	8	1	1	68	41,0
Скребки по кости, рогу									2	1			3	1,8
Скребки (обр. материал не определен)	2								1	4			7	4,2
Стамески по дереву	3												3	1,8
Пилки	1												1	0,6
Без следов использования	3												3	1,8
Итого:	48	1	2	5	1	1	14	5	47	18	2	5	149\166	100
% от всего кол-ва	32,2	0,6	1,4	3,4	0,6	0,6	9,4	3,4	31,6	12,0	1,4	3,4	100	

пуклым рабочим лезвием (3 экз.), концевые на пластинах с прямым рабочим лезвием (6 экз.), концевые на пластинах со скошенных рабочим лезвием (2 экз.), на отщепе округлой формы (13 экз.), на отщепе подчетырехугольные (5 экз.), на отщепе трапецевидные (4 экз.), на отщепах сегментовидные (4 экз.), на отщепах аморфной или нечетко выраженной формы (11 экз.).

С помощью трасологического исследования нам удалось существенно увеличить количество скребков до 159 экземпляров. Увеличение произошло за счет отщепов и пластин с нанесенной притупляющей ретушью (14 и 5 экз. соответственно); отщепов и пластин без следов вторичной обработки (47 и 18 экз.); орудий, использовавшихся в качестве скребка во вторичной функции (10 экз.); обломков, осколков, фрагментов пород (5 экз.); нуклеусов (2 экз.); учета двух рабочих лезвий (17 экз.). При этом 7 из 48 морфологически выраженных скребков не имели следов использования (3 экз.) или использовались в иной функции (4 экз.).

Сырьем для выявленных орудий служили кремень различной степени качества и расцветок (151 экз.), сланец светло-зеленного, черного и бежевого цвета (3 экз.), кварцит (2 экз.), опока (2 экз.), галечник (1 экз.).

Данные соотношения морфологического и функционального анализов представлены в таблице 1.

Нам удалось трасологически разделить 159 выявленных скребков на функциональные типы согласно обрабатываемому материалу. Ими стали скребки по шкуре (81 экз.), по дереву (68 экз.), по кости и рогу (3 экз.). У 7 выявленных скребков не удалось установить обрабатываемый материал вследствие сильной или, наоборот, малой сработанности рабочей кромки.

Наиболее многочисленным функциональным типом стали скребки по шкуре (81 экз.). Они представлены 17 морфологически выраженными скребками (6 экз. из которых имеют два рабочих лезвия), 6 отщепами с ретушью (1 экз. с двумя рабочими лезвиями, 1 полифункциональное орудие – скребок-нож-резчик), 2 пластинами с ретушью (1 экз. с двумя рабочими лезвиями), 32 отщепами без вторичной обработки (1 экз. с двумя рабочими лезвиями, 1 экз. – полифункциональное орудие скребок – нож для подрезания мездры), 5 пластинами без вторичной обработки, 4 обломками пород, 1 нуклеусом и 5 морфологически выраженными орудиями, использованными в качестве скребка во вторичной функции (наконечник стрелы, проколка, орудия).

Скребки по дереву (68 экз.) представлены 22 морфологически выраженными скребками (6 экз. имеют два рабочих лезвия, и 1 из них является полифункциональным орудием – скребок – строгальный нож), 8 отщепами с ретушью (1 экз. с двумя рабочими лезвиями), 3 пластинами с ретушью (1 экз. полифункциональное орудие – скребок – строгальный нож), 12 отщепами без вторичной обработки (1 экз. с двумя рабочими лезвиями, 2 экз. – полифункциональное орудие: скребок – ложкарь, скребок – стамеска), 8 пластинами без вторичной обработки (1 экз. полифункциональное орудие скребок – строгальный нож), 1 обломком породы (полифункциональное орудие скребок – стамеска – нож), 5 морфологически выраженными орудиями, использованными в качестве скребка во вторичной функции (тесло, вкладыш, нож, наконечник стрелы) и 1 нуклеус (скребок во вторичной функции).

Скребки по кости и рогу представлены 2 пластинами без вторичной обработки (1 экз. полифункциональное орудие скребок – строгальный нож по рогу), 1 отщепом без вторичной обработки.

Скребки, обрабатываемый материал которых не удалось установить, представлены 2 морфологически выраженными скребками, 1 отщепом без следов вторичной обработки и 4 пластинами без следов вторичной обработки.

На 4 морфологически выраженных скребках были выявлены иные функциональные типы: 1 пилка по дереву и 3 стамески по дереву. В качестве пилки было использовано боковое лезвие концевого скребка на ребристой пластине, подтреугольной в сечении. Ретушь утилизации и заполировка на рабочей части свидетельствует о том, что данное орудие находилось в начальной стадии использования. В качестве стамесок выступили скребки на отщепах различных форм: трапецевидной, округлой и аморфной.

Стоит отметить, что полифункциональные орудия, не вошедшие в приведенную таблицу, в 6 случаях из 9 применялись для обработки дерева.

Выводы

Как можно заметить, проведенное трасологическое исследование помогло не только существенно увеличить количество функциональных скребков, но и выделить такие функциональные типы, как скребки по кости и рогу, которые без данного анализа остались бы не выявленными. Типологическое предположение о скребках, как орудиях для обработки шкур, было нами дополнено данными, что из морфологически выраженных скребков почти половина (22 из 48 – 45,8 %) использовались для обработки дерева. Если соотнести полученные результаты, мы увидим, что почти половина всех исследованных орудий использовалась для обработки именно дерева (72 из 166 – 43,3 %).

Применение функционального (трасологического) метода исследования позволило нам увидеть использование типологически однородных орудий в различных функциональных назначениях.

ЛИТЕРАТУРА:

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский государственный педагогический университет. 490 с.

Галимова М.Ш., 2010. О соотношении формы и функций каменных орудий // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Казань: ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». С. 30–41.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е., 1996. Методика микромакроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН. 80 с.

Поплевко Г.Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий // Труды ИИМК РАН. Т. XXII. 338 с.

Поплевко Г.Н., Гречкина Т.Ю., 2016. К вопросу соотношения формы и функции скребков (по материалам неолитической стоянки Байбек) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. №6. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 157–169.

Скакун Н.Н., Терехина В.В., Эсакия К.М., 2017. Скребки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий) // Поволжская археология. №3 (21). Казань: Фэн. С. 89–97.

Филиппов А.К., 1983. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита / Под ред. А.Н. Рогачева. Л.: Наука.

С. 9–71.

Шипилов А.В., 2012. Валиковая керамика эпохи финального энеолита Икско-Бельского междуречья (по материалам Игимской стоянки) // Философия и культура. №2 (28). Казань: ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». С. 308–311.

Шипилов А.В., 2012. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань. 20 с.

Новые материалы каменного века Северного Прикаспия

© 2018 Т.Ю. Гречкина, Д.С. Соловьев, Ю.С. Лебедев

Аннотация. Новые пункты с каменным инвентарем эпохи мезолита, выявленные на правобережье Волги, имеют самые близкие аналогии со стоянкой Харба и со стоянками левобережья – Истай IVб, Va, V и Жекалган; кремневый неолитический комплекс Ленино 1 с правобережья Волги находит аналогии в памятниках джангарской культуры, в то время как керамика этого комплекса имеет сходство с неолитическими стоянками Каиршак III и Байбек, что, по всей видимости, является отражением сложной картины расселения и взаимодействия первобытных племен в мезолите и неолите Северного Прикаспия.

Ключевые слова: мезолит, неолит, кремневая индустрия, каменные орудия, скребки, геометрические микролиты, керамика

Новые разновременные пункты каменных изделий на правобережье Волги располагались в дефляционных котловинах, частично перекрытых подвижными песками и практически полностью лишенных растительности. Культурный слой не сохранился, но материал залегал компактными скоплениями на ограниченной территории. Примечательно, что однородность сырья присутствует не на всех скоплениях. При использовании галечного сырья можно наблюдать его многообразие при сохранении технико-типологических характеристик комплексов каменных изделий.

Местонахождение Ленино-1 располагается в 19 км на ЮЗ от с. Ленино Енотаевского района Астраханской области на невысокой возвышенности, вытянутой с ЗСЗ на ВЮВ. Участок с фрагментами лепной керамики и каменными изделиями локализовался вблизи разрушенного останца размерами 2×4 м, высотой не более 0,5 м. В центральной части участка фиксировались два пятна желто-серого цвета размерами до 0,5 кв.м, по всей вероятности, остатки разрушенных кострищ, вокруг которых отмечается наибольшая концентрация артефактов. Разрозненные находки встречались на всей площади участка. Всего было обнаружено 471 изделие из камня (Табл. 1) и 105 фрагментов лепной керамики.

Сырье различно: разноцветный галечный кремень преимущественно серо-зеленых цветов, полупрозрачный халцедон, яшма и даже кварцит. Нуклеусы (11 экз.) сильно сработаны. Орудия (70 %) изготовлены преимущественно на пластинчатых заготовках.

Самой многочисленной группой являются скребки (101 экз.). Крупные скребки высоких и низких пропорций изготовлены на округлых массивных отщепах до 3,5 см в поперечнике (6 экз.). Рабочее лезвие занимает большую часть периметра заготовки. Один скребок круговой.

Рабочее лезвие скребков на средних и мелких отщепах (1,0–1,7 см в поперечнике) занимает почти половину периметра (35 экз.). Из фрагментов массивных в сечении микропластинок изготовлены концевые скребки (13 экз.). На аналогичных заготовках, а также на мелких и высоких отщепах изготовлены мелкие ногтевидные скребки – 0,9–1,5 см в поперечнике. На таких же заготовках сделаны и круговые скребки (6 экз.) размером до 1,4 см в поперечнике. Ногтевидные и круговые скребки находят аналогии в первом и втором культурных слоях поселения Джангар (Кольцов, 2004. Рис. 7: 23–33; 18: 16–26).

Скребки на сечениях пластинок малочисленны и не отличаются разнообразием: концевых скребков 3 экз., боковых 2 экз.

Долотовидные орудия (3 экз.) изготовлены на обломках и осколках сработанных нуклеусов. Рабочее лезвие образовано на одном из поперечных краев двухсторонней подтеской. Самые близкие аналогии известны в мезолите Средней Азии.

Сегментов 14 экз. По оформлению дуги и основания они разделены на 4 группы: высоких и низких пропорций с двухсторонней обработкой дуги притупляющей ретушью; высоких пропорций с двухсторонней обработкой дуги и ретушированным основанием; средневысоких пропорций с односторонней обработкой дуги, с ретушированным основанием; низких пропорций с односторонней обработкой дуги.

Трапеций 26 экз. По дополнительной обработке вершины и основания выделяются 4 группы: без подправки ретушью основания и вершины; с ретушью на вершине; с ретушированным основанием; с ретушью на вершине и на основании. Подправка боковых сторон разнообразна. Трапеции, как и мелкие ногтевидные скребки, находят аналогии в материалах стоянок джангарской культуры, (Кольцов, 2004. Рис. 8: 19–28).

В особую группу выделяется пластинки (10 экз.) и микропластинки (10 экз.) с крутой ретушью продольных краев с вентрала, реже с дорсала, которая перекрывает практически всю их поверхность. Пластинки и микропластинки изготовлены на самом разном по качеству и цвету сырье. Они находят аналогии в мезолитических памятниках левобережья Волги – местонахождениях Тау-Тюбе и Каир-Шак V (Васильев и др., 1988. Рис. 5, 6).

Перфораторов 16 экз., пластинок с выделенной ретушью головкой – 3 экз., единственным экземпляром представлено сверло на фрагменте пластинки.

Перфораторы, сверло и пластинки с выделенной ретушью головкой, скобели и угловые резцы аналогичны изделиям из нижнего и среднего слоев стоянки Джангар (Кольцов, 2004. Рис. 11, 12, 20), как и обломки пластин с черешковым основанием (10 экз.), которые трактуются П.М. Кольцовым как наконечники стрел (Кольцов, 2004. Рис. 12: 3, 4).

Таблица 1. Кремневый инвентарь местонахождений.

	памятник / категории	Ленино-1	Ленино-2						
			Уч. №1	Уч. №2	Уч. №3	Уч. №4	Уч. №5	Уч. №6	Уч. №7	Уч. №8
1	Нуклеусы и обломки нуклеусов	11		2				1		2
2	Сколы подправки ударной площадки нуклеуса	3		3	4	11			3	
	Реберчатые пластины						1			
3	Крупные отщепы без обработки	2				1		1		
4	Отщепы средние без обработки	15	20	14	12	19	11	48	9	5
5	Мелкие отщепы без обработки	38	9	58	24	17		55	16	3
6	Чешуйки	18		33	13	4		18	29	4
7	Осколки	24	7		2		4	1	5	
8	Микропластинки без обработки	11		9	16	7		16	6	6
9	Пластинки без обработки	19	6	25	27	14	8	16	4	1
10	Пластины без обработки		3	3	10	5	2	1		
11	Отщепы с ретушью	34	1	2	1		1		2	
12	Фрагменты микропластин с мелкой притупливающей ретушью продольных краев с вентрала, дорсала и противолежащей	3/2/1			0/1/0			1/3/0	0/1/0	
13	Фрагменты пластинок с мелкой притупливающей ретушью продольных краев с вентрала, дорсала и противолежащей	8/21/3			0/4/0			1/2/0	2/2/0	
14	Фрагменты микропластин с крутой крупной ретушью продольных краев с вентрала / дорсала / противолежащей	9/1/0							1/0/1	
15	Фрагменты пластинок с крутой крупной ретушью продольных краев с вентрала /дорсала	9/1								
16	Фрагменты микропластин с крутой крупной противолежащей ретушью	5								
17	Фрагменты пластинок с крутой крупной противолежащей ретушью	3								
18	Фрагменты пластин с ретушью		1		1			2		
19	Фрагменты косоретушированных микропластинок	2		2						
20	Скребки на таблетках						1			
21	Скребки на массивных отщепах	6						1		
22	Скребки на средних и мелких отщепах	35			2	8	4	1		
23	Концевые скребки на микропластинках с прямым, /округлым и /скошеным влево лезвием	3/5/5								
24	Ногтевидный скребок с рабочим лезвием на 3/4 периметра	21								
25	Ногтевидный скребок с рабочим лезвием на 2/4 периметра	13								
26	Круговые ногтевые скребки	6								
27	Концевые скребки на фрагментах пластинок со скошенным, округлым и прямым лезвием	2/1/0		1/0/0	3/7/0	6/6/4	8/5/0	1/3/0		4/3/0
28	Концевые скребки на фрагментах пластин со скошенным и округлым лезвием				3/1	0/4				

29	Концевые скребки на фрагментах пластин с рыльцем									1
30	Двойной скребок на пластине или пластинке	1				1				1
31	Трехсторонний скребок на пластинке	1								
32	Боковой скребок на пластинке	2								
33	Долотовидные орудия	3								
34	Сегменты	15	1		3	1	1	4	10	1
35	Трапеции	26	1	7	2			5	1	1
36	Трапеции со струганной спинкой		5							
37	Перфораторы	16		1	1	1	1	1	1	2
38	Сверло	1								
39	Пластинки с выделенной ретушью головкой	3								
40	Обломки пластин с черешковым основанием (наконечники стрел)	10								
41	Наконечники стрел			1						
42	Скобели	7			1		1	1		
43	Резцы	4			1					
44	Фрагмент тесла	1								
45	Кресало							1		
46	Полифункциональные орудия	5				1		1	1	
47	Обломки орудий	37	1		1			3	1	
	Всего	471	55	161	140	110	48	187	95	33

Судя по фрагментам керамики, формовочная масса для сосудов имела значительную примесь толченой ракушки и органики. Фрагментов венчиков 34 экз., фрагментов стенок 62 экз. Почти все венчики прямые (32 экз.) и только два отогнуты наружу.

Сосуды в основном баночные, единичными экземплярами представлены сосуды с хорошо сформированным ребром. Донца сосудов не обнаружены. Несколько фрагментов керамики имеют ремонтные отверстия.

Орнамент сосудов состоит из прочерченных линий и единичных наколов различной формы. Венчики орнаментированы частыми мелкими наколами с внутренней стороны либо по верхней кромке; наклонными насечками с внешней стороны, либо по верхней части. В целом орнамент находит аналогии в материалах неолитических стоянок Байбек и Каиршак III (Васильев и др., 1989. С. 18–45; Гречкина и др., 2014. С. 79–90; Гречкина, 2015. С. 79–82). Однако кремневый инвентарь имеет большее сходство с материалами памятников джангарской культуры.

Местонахождение Ленино-2 расположено в 6 км на ЮЮЗ от местонахождения Ленино-1. Оно расположено на невысокой гряде, вытянутой с СЗ на ЮВ. В ее ЮВ части выявлено 8 участков с материалом в виде изделий из кремня (Табл. 1), разновременных фрагментов керамики, фрагментов кальцинированных костей животных, залегающих на песчаной материковой поверхности дефляционных котловин. Участки находились на расстоянии от 15 до 340 м друг от друга.

По технико-типологическим характеристикам групп каменных изделий самым ранним можно считать участок №2, где обнаружено 161 кремневое изделие. Сырьем служил кремень желто-зеленого, серо-желтого цвета. Единственный нуклеус сильно сработан. Среди орудий имеются единичные косоретушированные микропластинки (2 экз.), концевой скребок, проколка. Самой многочисленной группой являются трапеции – 7 экз. Орудийный набор, техника расщепления, вторичная обработка каменных изделий находят аналогии в мезолитических жекалганских памятниках левобережья Волги, (Васильев и др., 1988. Рис. 5, 6).

Комплексы каменных изделий с участков №3, №4, №5 (Табл. 1) изготовлены из одинакового сырья – серо-зеленого и желто-серого кремня. Керамика отсутствует. Нуклеусы не обнаружены, но есть сколы подправки ударных площадок нуклеусов. Орудий от 23 % до 46 %, среди которых преобладают концевые скребки без подправки продольных краев пластинчатых заготовок. Скребки на отщепах малочисленны. Сегменты с односторонней обработкой дуги, трапеции, скобели, резцы и проколки единичны. В целом все три комплекса содержат аналогичный кремневый инвентарь, который по технико-типологическим характеристикам находит аналогии в материалах левобережных стоянок Истай IVб, Va, Vб (Васильев и др. 1988. Рис. 8, 10, 11), правобережной мезолитической стоянки Харба (Кольцов, 2005. С. 61–70), и могут быть датированы эпохой мезолита.

На участке №6 технико-типологические характеристики каменного инвентаря и качество сырья позволяют выделить две хронологически различных группы:

1 группа: сырье – серо-зеленый и желто-серый кремень. Единственный нуклеус сильно сработан. Орудий около 16 %. Концевые скребки, трапеции и сегменты представлены практически одинаково. В целом материал аналогичен комплексам каменных изделий участков №3–5. Отличия от памятников мезолита левобережья Волги за-

ключаются в характере двухсторонней обработки дуги сегментов. На левобережье использовалась гелуанская ретушь, притупляющая дугу сегмента, на правобережье – двухсторонняя ретушь приостряла дугу. Среди орудий отмечается проколка из кварцита.

2 группа: сырье – полупрозрачный серо-зеленый кремень. Единичные изделия отличаются значительными размерами и вторичной обработкой орудий: фрагмент пластины без ретуши имеет длину 3,6 см, ширину 1,9 см; 2 фрагмента пластин с крутой ретушью по обоим продольным краям; скребок на крупном отщепе, рабочее лезвие, оформленное крутой ретушью, занимает периметра отщепа; крупная обломанная пластина с долотовидным рабочим лезвием, подготовленным двухсторонней ретушью на проксимальном крае, один продольный край обработан крутой скребковой ретушью.

Изделия 1 группы аналогичны кремневым комплексам с участков №№3–5. 2 группа изделий из полупрозрачного кремня, по всей видимости, относится к более позднему энеолитическому времени.

Этим же хронологическим периодом можно датировать и каменный инвентарь (55 экз.) с участка №1. Сырьем служил желвачный полупрозрачный и матовый кремень серого, бежевого и серо-коричневого цветов. Нуклеусов не обнаружено. Орудий 10 экз. Самой многочисленной группой являются трапеции со струганной спинкой – 5 экз. Отсутствие микропластинок и наличие трапеций со струганной спинкой позволяют предполагать довольно поздний возраст комплекса и датировать его энеолитом.

На участке №7 керамика отсутствует, для каменных изделий использовался серо-зеленый и желто-коричневый кремень. Нуклеусов нет, сколов подправки – 3 экз. Среди орудий (24 %) доминируют сегменты – 10 экз. Отличительной особенностью сегментов этой группы являются их мелкие размеры и высокие пропорции. Двухсторонняя обработка дуги выполнена приостряющей ретушью, что сближает их с группой 1 участков №№3–5, 6. Скребки отсутствуют.

На участке №8 собрано 33 изделия из кремня, керамики нет. Нуклеусы сильно сработаны. Среди орудий (36 %) преобладают концевые скребки – 9 экз.; проколок 2 экз. Единичными экземплярами представлены сегмент и трапеция «переходной» формы – один поперечный край скошен, угол перехода на вершину сохраняется. Другой край – половина дуги сегмента со скругленным углом. Все изделие по периметру подработано мелкой крутой ретушью с дорсала. Несмотря на различия в сырье, технико-типологические характеристики сближают этот комплекс с участками №3–5, 6, 7.

В целом, новые пункты с мезолитическим инвентарем (Ленино-2) имеют аналогии с мезолитическими памятниками каменного века левобережья Волги – стоянками Истай IVб, Va и V и Жекалган и правобережной мезолитической стоянкой Харба.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1988. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ имени В.В. Куйбышева. С. 3–41.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ имени В.В. Куйбышева. С. 18–45.

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В., 2014. Новая ранненеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // Самарский научный вестник. №3 (8).

Гречкина Т.Ю., 2015. Керамика неолитической стоянки Байбек (исследования 2013, 2014 годов) // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.

Кольцов П.М., 2004. Поселение Джангар. М.: Новый хронограф. 155 с.

Кольцов П.М., 2005. Мезолит и неолит северо-западного Прикаспия. М.: Воскресение. 351 с.

Топографические особенности памятников эпохи мезолита и неолита в Верхнем и Среднем Прикамье: попытка дискриминантного анализа

© 2018 Д.А. Демаков

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов: РГНФ проект № 17–11–59004а/У «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования» и РФФИ проект № 17–46–590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».

Аннотация. Статья посвящена топографическим особенностям расположения памятников эпохи мезолита и неолита. С помощью дискриминантного анализа делаются выводы о том, что действительно существует зависимость между топографическими особенностями памятника и его хронологической принадлежностью. Удается подсчитать средние характеристики для каждого типа памятников.

Ключевые слова: мезолит, неолит, дискриминантный анализ, топографические особенности.

Под Верхним и Средним Прикамьем нами понимаются бассейны рек Камы в ее верхнем и среднем течении, Чусовой, Сылвы, Вишеры, Колвы, Косы в пределах Пермского края.

В настоящий момент в Пермском крае известен 91 памятник эпохи мезолита и 78 памятников эпохи неолита (Памятники истории..., 1996; Перечень..., 2017). Часть из них уничтожена в ходе интенсивной хозяйственной деятельности человека (строительство Камского и Воткинского водохранилищ).

Памятники эпох мезолита и неолита в большинстве своем привязаны к главной реке края – Каме, и в основном располагаются на ее левом берегу. Они равномерно распределены по отношению к величине водных артерий.

Таблица 1. Результат дискриминантного анализа.

			Предсказанная принадлежность к группе		
		А	1	2	Всего
Исходный	Количество	1	17	4	21
		2	14	14	28
	%	1	81,0	19,0	100,0
		2	50,0	50,0	100,0

a. 63,3 % исходных сгруппированных наблюдений классифицированы правильно

1. Памятники эпохи мезолита; 2. Памятники эпохи неолита

Отсутствие памятников каменного века на Верхней Каме, в районе, где она течет в широтном направлении, скорее всего, вызвано интенсивным изменением русла Камы в голоцене (Демаков, 2018. С. 28).

В ходе исследования нами была проведена верификация известного списка памятников, в результате которой была выделена группа из 22 памятников эпохи мезолита и 27 памятников эпохи неолита. Были рассмотрены отдельные памятники по таким признакам, как площадь, высота расположения над уровнем водоема и мощность культурного слоя.

Нами были произведены расчеты при помощи дискриминантного анализа, благодаря которым были сделаны выводы (Табл. 1). Расчеты проводились в статистическом пакете для социальных наук (SPSS 23.0).

Дискриминантный анализ – это статистический метод, предназначенный для изучения отличий и сходств между двумя или большим количеством групп объектов с использованием данных о разнообразии нескольких признаков, отличающих эти объекты друг от друга. Задачей данного типа анализа является отделение тех признаков, которые лучше всего отличают объекты, относящиеся к разным группам (Таганов, 2005. С. 141).

После проведения анализа нами был получен результат корректности классификации равный примерно 64 %. Результаты оценки корректности классификации варьируются в пределах от 50 % до 100 %, поэтому полученный нами результат можно считать удовлетворительным (Таганов, 2005. С. 146).

Таким образом, можно сделать вывод, что существует реальная зависимость между топографическими особенностями расположения археологического памятника и его хронологической принадлежностью.

В ходе проведения анализа были выделены группы мезолитических и неолитических памятников с самыми высокими процентами принадлежности к группам. В первую группу вошли три памятника, во вторую семь. На основании этого удалось подсчитать средние характеристики для каждого типа памятников.

Мезолитические памятники в среднем имеют площадь чуть больше 3000 кв.м, располагаются на высоте 15 м над уровнем водоема и имеют мощность культурного слоя 0,2 м. Неолитические памятники в среднем имеют площадь больше 5500 кв.м, располагаются на высоте 7 м над уровнем водоема и имеют мощность культурного слоя 0,7 м.

Так же по результатам анализа выделилась группа из восьми неолитических памятников, которые были классифицированы программой как мезолитические с вероятностью более 60 %. Скорее всего данные памятники (например, Урсинка I, стоянка, Чашкинское озеро IX, стоянка) можно классифицировать как ранненеолитические, функционирующие в переходный период от мезолита к неолиту. Из этой группы отдельно стоит выделить святилище Камень Дыроватый. Данный памятник относится к особому виду памятников – святилищ, и поэтому попал в эту группу, скорее всего, случайно.

Таким образом, можно сделать вывод, что ранненеолитические памятники несут в себе мезолитические черты и изменения топографических особенностей происходит при переходе от раннего неолита к развитому. Площадь памятников увеличивается, они спускаются ближе к воде, мощность культурного слоя увеличивается.

Дискриминантный анализ показал, что незначительная часть мезолитических памятников (19 %) несет в себе неолитические черты в топографическом расположении. Значительная же часть неолитических памятников (50 %) несет в себе мезолитические черты.

Перейдем к выводам. Проведенный дискриминантный анализ доказал, что существует реальная зависимость между топографическими особенностями расположения археологического памятника и его хронологической принадлежностью. С помощью данного анализа удалось подсчитать средние характеристики для каждого типа памятников. Он так же показал, что незначительная часть мезолитических памятников несет в себе неолитические черты, а значительная же часть неолитических памятников несет в себе мезолитические черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор выражает благодарность к.и.н. Д.В. Шмуратко за помощь в статистических расчетах.

ЛИТЕРАТУРА

Демаков Д.А., 2018. Памятники мезолита и неолита Пермского края – особенности расположения: общее и различия // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции / Отв. ред. С.Э. Зубов. Самара: Самарский университет. С. 24–28.

Памятники истории и культуры Пермской области. 1996. Т. I. Ч. I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Арабеск. 300 с.

Перечень выявленных объектов культурного насле-

дия, расположенных на территории Пермского края на 01.09.2017. – [Электронный ресурс] URL: http://nasledie.permkrai.ru/documents/prikazy-inspektsiya/ (Дата обращения: 22.02.18).

Таганов Д.Н., 2005. SPSS: Статистический анализ в маркетинговых исследованиях. СПб.: Питер. 192 с.

Северо-западная периферия днепро-донецкой общности во взаимодействии с синхронными культурами Верхнего Поволжья и Среднего Поднепровья

© 2018 И.Н. Езепенко

Аннотация. Характеризуются контактные зоны неолитических культур лесной зоны Восточной Европы, определяются основные направления взаимосвязей населения Верхнего и Среднего Поднепровья, Верхнего Поволжья в ранненеолитический период. Приводятся данные, как последовательно изменялись представления об ареале распространения верхневолжских памятников, как эталонных в плане хронологической синхронизации и выявления общих признаков в керамических комплексах поселений родственных культур.

Ключевые слова: ранний неолит, верхневолжская культура, культуры днепро-донецкой общности, элементы орнамента, гребенчато-накольчатая керамика.

Северо-западная периферия днепро-донецкой общности (ДДО), в соответствии с терминологией, предложенной Д.Я. Телегиным во второй половине 1990-х, и на современном этапе исследований неолитической проблематики, включает в себя ареалы родственных культур восточно-полесской и верхнеднепровской. Географически и территориально это восточная часть бассейна Припяти (Восточное Полесье) и прилегающий к ней с севера и северо-востока бассейн Верхнего Днепра (Верхнее Поднепровье), с самыми крупными притоками в пределах Беларуси – Березиной и Сожем.

Зона контакта и взаимопроникновения ареалов валдайской, верхневолжской, сертейской и верхнеднепровской неолитических культур находится в микрорайоне истоков Западной Двины, Волги и Днепра. Юго-западная (западная) провинция валдайской культуры располагается в непосредственной близости от границы сертейской культуры в верховье Западной Двины: западная группа – стоянки с озер Селигер, Пено, Охват, реки Торопы и др. (Гурина, 1958. С. 43. Рис. 7; Мазуркевич и др., 2013. С. 30. Рис. 1). Самые западные памятники верхневолжской культуры занимают пространства между верховьем Западной Двины и участком течения Волги в пределах Оленинского и Ржевского районов Тверской области (Цветкова, 2011. С. 158–159. Рис. 6). Северные неолитические стоянки (местонахождения) верхнеднепровской культуры отмечены в ее ареале на пограничье Смоленской (Сычевский район) и Тверской области (Зубцовский район) (Тюрина, 1970. С. 42. Рис. 1), на водоразделе Днепра (исток) и правого притока Волги – реки Вазузы (по левому притоку Лосьмине).

Еще в 1973 году в публикации, посвященной выделению древнейшей ранненеолитической культуры – верхневолжской, определен ее ареал «от озер Волго и Селигер на всем протяжении Верхнего Поволжья почти до Юрьевца». Отмечена близость гребенчато-накольчатой керамики верхневолжской культуры днепро-донецкой «по частичному сходству орнамента и технике его нанесения», которую предполагалось объяснить «связями и взаимовлиянием культур» (Крайнов и др., 1973. С. 83). Чуть позже в обобщающей статье к верхневолжской культуре отнесено свыше 70 памятников, которые «в основном концентрируются вдоль течения Верхней Волги (по оси от Юрьевца до Торопца) … за ее пределами на Оке в Рязанской области. Сходные поселения встречаются в Среднем Поволжье и Верхнем Днепре». Не исключается, что в южном направлении ареал верхневолжской культуры может приблизиться к границам днепро-донецкой культуры (Крайнов, Хотинский, 1977. С. 61–62. Рис. 13). Из локальных вариантов, которые намечались предварительно, ближе всего к верховью Днепра следует отметить «западный – верхневолжский».

В этой же публикации уделяется внимание и «вопросу о взаимоотношениях и синхронности ранненеолитических культур лесной и лесостепной частей Восточной Европы (верхневолжской, днепро-донецкой, нарвской, сперрингс и волго-камской)». Аналогии (схожесть) с днепро-донецкой культурой усматриваются по элементам орнамента, технике нанесения орнамента (наколы, тычки разных форм, гребенка), композициям некоторых узоров и форм сосудов с таких памятников как Грини, Струмель и Гастятин. Верховье Днепра признается пограничной территорией между верхневолжской и днепро-донецкой культурами (Крайнов, Хотинский, 1977. С. 64, 66. Рис. 14).

Во фрагменте статьи 1983 года Д.А. Крайнов, Л.В. Кольцов снова определяют ареал распространения памятников верхневолжской культуры – от истоков Волги и верховьев Западной Двины до Прикамья, и отмечают, что выделение и открытие новой ранненеолитической верхневолжской культуры позволило среди ряда важных проблем установить взаимосвязь культур (Крайнов, Кольцов, 1983. С. 269).

В.П. Третьяков неоднократно обращался к проблеме взаимоотношений верхнеднепровской и днепро-донецкой культур, и основным выводом, касающимся территориального разграничения этих культур, было предположение о том, что «на Киевщине и Черниговщине в эпоху неолита бытовали памятники, близкие больше верхнеднепровским, хотя и испытывавшим влияние днепро-донецкого неолита» (Третьяков, 1975. С. 18). Кроме этого отмечается, что влияние днепро-донецкой культуры сказывалось лишь в южных районах лесной полосы. В частности для верхнеднепровской культуры «самое заметное влияние днепро-донецкие племена оказали на южную часть территории распространения этой культуры, севернее Могилевской области оно прослеживается крайне незначительно и практически сходит на нет в пределах Смоленщины» (Третьяков, 1975. С. 19)

А.С. Смирнов считает, что ареал верхнеднепровской культуры занимает бассейн Верхнего Днепра, включая Посожье, и очерчивает пограничные (контактные) зоны в восточном и южном направлениях. С деснинской культурой – это водораздел Десны и Сожа, с днепро-донецкой культурой – Киевское Поднепровье, где, по мнению иссле-

дователя, прослеживается влияние памятников восточного Полесья, деснинских стоянок и неолитических памятников Украины с ямочно-гребенчатой керамикой (Смирнов, 1986. С. 40). В этой публикации предпринята попытка на типологической основе выделить ранний этап верхнеднепровской культуры, по материалам памятника Добродеевка II, и синхронизировать его, в том числе и с комплексами верхневолжской культуры (Смирнов, 1986. С. 36).

В.В. Сидоров выделяет верхневолжскую культуру среди прочих как хронологический эталон для соседних культур в силу хорошей сохранности материалов в шлейфах многослойных поселений, а также упоминает о достаточно прочных контактах, «что видно по одинаковой направленности развития керамики в них». На позднем этапе развития верхневолжской культуры происходит переориентация связей на волжско-камскую культуру, которые фиксируются по совпадению многих признаков керамики (Смирнов, 1995. С. 75). Длительные контакты песочноровской и иеневской культур с бутовской в мезолите предопределяют, согласно В.В. Сидорову, «проходимость культурных связей, выразившихся в передаче навыков изготовления керамики из бассейна Днепра в бассейн Волги» (Сидоров, 1995. С. 79).

Новый этап в изучении проблем абсолютной хронологии верхневолжской культуры, переосмысление периодизации на основе многочисленных радиоуглеродных датировок на памятниках в центре ее ареала и на периферии, а также использование новых палинологических данных отражены в развернутых публикациях, появившихся в последнее десятилетие (Костылева, Зарецкая, 2008. С. 10; Радиоуглеродная хронология, 2016. С. 159–2002).

Хронологические построения опорных и эталонных памятников верхневолжской неолитической культуры позволили синхронизировать определенные керамические комплексы и типы керамики с длинным гребенчатым штампом. В частности в финале ранненеолитического периода Днепровско-Двинского междуречья конец VI тыс. до н. э. – первая половина V тыс. до н. э. керамика «типа слоя В Сертеи VIII и X» может быть сопоставима с материалами позднего этапа верхневолжской культуры и соответствующими материалами валдайской культуры, орнаментированными оттисками длинной гребенки (Радиоуглеродная хронология, 2016. С. 321). Очень близкая типологически керамика присутствует на памятниках днепро-донецкой культуры в низовьях Березины (Василевичи 3, Толстыки 1) и в микрорегионе Рогачевского Поднепровья (Борок, Борок Семиновский, Прорва 2) (Язэпенка, 2014. С. 102. Рис. 19: 2, 4) и на поселении Бузьки лесостепного Поднепровья (киево-черкасская культура) днепро-донецкой общности (Котова, 2013. С. 106. Рис. 21: 2, 3; С. 115).

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н., 1958. Валдайская неолитическая культура // СА №3. С. 31–45.

Костылева Е.Л., Зарецкая Н.Е., 2008. Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш-2а) // РА. №1. С. 5–14.

Котова Н.С., 2013. Многослойное поселение Бузьки в лесостепном Поднепровье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза. С. 70–115.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М., 1973. Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. №5. С. 80–84.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. №3. С. 42–68.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983. 25 лет (1959–1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. №3. С. 267–271.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. №3. С. 27–109.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр., 2016 / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. 456 с.

Сидоров В.В., 1995. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // РА. №1. С. 71–80.

Смирнов А.С., 1986. О раннем неолите Верхнего Поднепровья // СА. №1. С. 29–40.

Третьяков В.П., 1975. Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре // СА. №2. С. 9–19.

Тюрина И.М., 1970. Неолит Верхнего Поднепровья // СА. №3. С. 40–52.

Цветкова Н.А., 2011. Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения // Российский археологический ежегодник. №1. С. 148–182.

Язэпенка І.М., 2014. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова. 240 с.

Поселение Непряха VI и его место в неолите Среднего Прикамья

© 2018 О.В. Жукова, А.Ф. Мельничук, А.А. Выборнов*

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Корреляция хронологии неолитических культур степной, лесостепной и лесной зон от Дона до Иртыша».

Аннотация. Представлены материалы поселения Непряха VI, на котором выявлен закрытый комплекс посуды, включающий воротничковый и гребенчато-ямочный сосуды. Отмечена новоильинская и боборыкинская посуда. В каменном инвентаре выделяется комплекс наконечников стрел на пластинах. Материалы отражают сложные этнокультурные процессы в Удмуртском Прикамье в эпоху позднего неолита.

Ключевые слова: Удмуртское Прикамье, неолит, воротничковая посуда.

Поселение Непряха VI находится в Камбарском районе Удмуртской республики, располагаясь на всхолмлении высотою до 5 м над поймой левого берега р. Камы. Памятник открыт в 1969 г. и изучен В.П. Денисовым в 1970 г. (Дени-

сов, Мельничук и др. 2013. С. 57). На месте неглубокой западины разбит раскоп 160 кв.м. Всего найдено 1529 предметов, среди которых фрагменты керамики (1309 – 86 %) и каменные изделия (220 – 14 %). На памятнике выделено 33 сосуда. По технике орнаментации посуда распределяется на гребенчатую (18 – 54 %), накольчатую (12 – 37 %), гладкостенную (2 – 6 %), резную (1 – 3 %).

В гребенчатой группе преобладает новоильинская посуда (16 – 89 %), которая тяготела к СВ сектору раскопа и равномерно залегала на уровне 1–3 горизонтов. Она характеризуется разреженной зубчатой орнаментацией, выполненной широким и средним коротким штампом в виде горизонтальных и наклонных рядов. Интерес представляет орнаментированное овальное днище, основание которого выделено гребенчатыми оттисками в виде круга, в котором заключена орнаментальная композиция наподобие решетки. Для классической новоильинской посуды орнаментация дна не характерна. Несколько близкий декор днища отмечен на посуде красномостовкого типа Дубовского VIII поселения в Марийском Поволжье (Никитин, 2017. Рис. 24: 2). К комплексу новоильинского облика относится открытый сосуд, декорированный горизонтальными длинными оттисками шнура. Он имеет полные аналогии на протоволосовской стоянке Выжумская I (Никитин, 2017. Рис. 44). Характерно, что позднее этот вид орнамента широко проявился в материалах гаринского поселения Красное Плотбище.

Накольчатая керамика тяготела к восточным секторам раскопа, равномерно располагаясь на 1–3 горизонтах. Комплекс представлен прямостенными сосудами, которые декорировались овальными и прямоугольными наколами. Срез венчиков часто украшался резными насечками. Орнамент состоит из горизонтальных линий, которые у ряда сосудов напоминают шнуровой орнамент. Есть сочетание наколов с резными линиями, иногда в виде решетки. К этой группе относится плоское дно с разделенным валиком. Аналогичное оформление характерно для боборыкинской посуды (Васильев и др., 1998. Рис. 8: 1–7). Отдельные маркеры этой культуры отмечаются и на других памятниках Прикамья: Чашкинское озеро VI, Левшино, Бор I (Мельничук, Чурилов. 2016).

Два сосуда обнаружены в глубокой (до 0,8 м) овальной яме в северо-западной части раскопа, что свидетельствует об их синхронном бытовании. Первый из них с цилиндрическим горлом и коническим дном сплошь декорирован сочетанием наклонных рядов гребенчатого штампа с горизонтальными рядами белемнитных ямок и, подчиненных им, коротких наклонных оттисков гребенки. В Среднем Прикамье комплексы гребенчато-ямочной посуды, как сопутствующие поздненеолитической гребенчатой керамике, присущи позднему (чернашкинскому или левшинскому) этапу местного неолита (Бадер, 1970. Рис. 2: 114). Появление в регионе слабо изученных гребенчато-ямочных комплексов, возможно, свидетельствует об их формировании в результате взаимовлияния балахнинских и камских керамических традиций. Второй сосуд имеет воротничковое утолщение на внешней стороне венчика. Бордюрная зона украшена поясом наклонных зубчатых отпечатков. Остальная поверхность покрыта вертикальными линиями гребенчатого штампа, которые чередуются с разделительными зонами в виде тройных горизонтальных зубчатых оттисков. Фрагмент второго воротничкового сосуда найден в 4 м к Ю от ямы. Он представлен небольшим венчиком с выделенным воротничком, декорированным наклонными отпечатками гребенки, но в отличии от первого сосуда по шейке отмечаются округлые ямки. Наиболее представительные комплексы воротничковой керамики в Прикамье отмечены на стоянках Русско-Азизбейская и Сауз II (Габяшев, 1978. Рис. 7; Выборнов, Овчинникова, 1981. Рис. 11–13). Эта группа посуды определена в рамках русско-азизбейского типа и время его бытования, судя по радиоуглеродным датам, относится к 5500–5200 ВР (Мосин и др., 2014). Сосуды с воротничковым оформлением венчика являются свидетельством взаимодействия населения самарской энеолитической культуры с поздненеолитическими камскими общинами (Васильев, Синюк, 1985. С. 13). Сочетание на поселении Непряха VI в одном комплексе воротничковой и гребенчато-ямочной посуды не следует считать случайным. Так, на стоянке Мысы в бассейне р. Вятки обнаружена гребенчато-ямочная посуда с воротничковым оформлением венчика (Гусенцова, 2007. С. 95). Гребенчато-ямочная керамика типа стоянки Чернашка с воротничковыми сосудами также рассматривалась Р.С. Габяшевым в материалах Русско-Азизбейского поселения в рамках единого комплекса (Габяшев. 1978. С. 33). Представительный гребенчато-ямочный комплекс выявлен на поселении Заюрчим I, в котором отмечен сосуд с воротничковым оформлением. Таким образом, формирование и появление посуды русско-азизбейского типа в лесном Прикамье, очевидно, хронологически смыкается с проникновением в этот регион, помимо самарских, также и средневолжских (гребенчато-ямочных) культурных импульсов.

Каменных изделий выявлено 220 экз. Преобладают отходы кремневого производства (70 %). Орудийный набор невелик (13 %). Учитывая разновременность керамики, его культурно-хронологическую атрибуцию провести довольно сложно. Следует отметить, что сырьем служил узкополосчатый кремень, характерный для воротничковых комплексов Икско-Бельского междуречья. Среди орудий преобладают ножи и их обломки (14), изготовленные на плитках и ножевидных пластинах. Привлекают внимание 5 наконечников стрел. Все они изготовлены на пластинах. Выделяются наконечники стрел (3 экз.) с частичной двусторонней обработкой поверхности. Интересно, что все они найдены на одном участке, на уровне (0,3–0,4 м). Рядом с ними залегала накольчатая посуда. Характерно, что в 2,5 м к Ю от них на уровне 0,2–0,3 м отмечены остатки человеческого черепа. Любопытен наконечник, изготовленный на удлиненном сечении пластины, у которого дорсальной ретушью выделено острие, а сколами отмечен насад. Небезынтересно, что сходные типы наконечников обнаружены в могильниках Нижнего Прикамья (Казаков, 2011. Рис. 119–120). Привлекает внимание наконечник на пластине с боковой выемкой. Подобные типы (подражание кельтеминарским) встречены в русско-азибейских комплексах. Интересны перфораторы на пластинах. Из шлифованных изделий следует отметить небольшое тесло.

Таким образом, материалы поселения Непряха VI отражают сложные этнокультурные процессы, протекавшие в Удмуртском Прикамье в позднем неолите, которые связаны с взаимодействием лесостепных поволжских общин с таежным населением Приуралья.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА. №166. С. 157–171.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ. 118 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глущенко С.А., 1998. Поселение Ук VI в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Вып. 2. Самара: СамГПУ. С. 254–267.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В., 1981. Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГУ. С. 33–52.

Габяшев Р.С., 1978. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН СССР. С. 22–39.

Гусенцова Т.М., 2007. Особенности неолита бассейна р. Вятки // Влияние природной среды на развитие древних обществ: IV Халиковские чтения. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ. С. 92–97.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Балыбердина П.А., Чурилов Э.В., 2013. Неолит Удмуртского Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 57–65.

Казаков Е.П., 2011. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Изд-во ИИ АН РТ. 180 с.

Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2016. Боборыкинские элементы в комплексах накольчато-прочерченной керамики неолита Среднего Приуралья // Седьмые Берсовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Квадрат. С. 46–54.

Мосин В.С., Епимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., 2014. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. №4. С. 30–42.

Никитин В.В., 2017. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовский культурно-исторической общности. Вып. 10. Йошкар-Ола: Изд-во «Марийский государственный университет». 765 с.

Результаты технико-технологического анализа ранненеолитической керамики поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье

© 2018 В.В. Илюшина, Д.Н. Еньшин

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371–2018–0036.

Аннотация. В работе представлены некоторые итоги изучения морфологии ранненеолитической керамики и технологии ее изготовления, происходящей из наиболее изученного в Тоболо-Ишимском междуречье поселения Мергень 6. По результатам технико-технологического анализа сосудов, отнесенных к трем основным группам – боборыкинской, кошкинской и смешанной боборыкинско-кошкинской, выявлено значительное сходство в традиционных навыках гончаров, проживавших на поселении.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, поселение Мергень 6, ранненеолитическая керамика, технико-технологический анализ.

До настоящего времени исследования ранних форм гончарства (речь идет главным образом о боборыкинских и кошкинских древностях) в Тоболо-Ишимском междуречье ограничивались анализом форм и особенностей орнамента, а вопросы технологии изготовления сосудов затрагивались лишь эпизодически (Ковалева, Варанкин, 1984. С. 155–157; Васильева, 2011а. С. 122–123; Пошехонова, 2005. С. 20–31). Таким образом, целью данной работы выступило комплексное изучение керамики, полученной с наиболее исследованного в рассматриваемом регионе поселения Мергень 6.

Материал главным образом происходит из котлованов жилищ и составляет хронологически единый комплекс. Серия датировок различных органических материалов (кость, рог, керамика, нагар) определяет время функционирования поселка – конец VII – рубеж VII–VI тыс. до н. э. Вместе с тем, анализ морфологических особенностей керамики (форма, орнамент) позволил выделить внутри комплекса 3 группы:

– преимущественно плоскодонные толстостенные сосуды горшечной формы, с орнаментом в прочерченной и накольчатой технике (редко в отступающе-прочерченной). Отличительной чертой орнаментики является высокая доля геометризма и сложных композиций. Данная группа определена нами как боборыкинская;

– более тонкостенные округлодонные (реже с приостренным дном) сосуды полуяйцевидной баночной формы, с наплывами на внутренней стороне, и с орнаментом в отступающе-прочерченной технике. Орнаментация представлена преимущественно монотонными горизонтальными прямыми или волнистыми линиями (часто разреженными). Геометризм редок, единично встречено изображение в виде вертикальной волнистой «лесенки». Посуда данной группы определена нами как кошкинская;

– самая многочисленная группа представлена сосудами со смешанными чертами – баночные и горшечные формы, наличие наплывов с внутренней стороны и «рассеченных» валиков с внешней, сочетание техник орнаментации, сочетание орнаментальных признаков (геометризм, наколы, линейно-волнистые изображения и т.д.). Сосуды данной группы предварительно определены как «боборыкинско-кошкинские».

Технико-технологическому анализу подвергнуты верхние части от 152 сосудов: 33 (21,7 %) изделия боборыкинской культуры, 50 (32,9 %) – кошкинской культуры, 69 (45,4 %) – с признаками смешанности боборыкинских

и кошкинских традиций. Исследование проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999. С. 9–11). Анализ керамики осуществлялся в рамках выделенных групп сосудов. Данные, полученные при изучении навыков работы гончаров, в основном сходны, поэтому их характеристика приведена в обобщенном виде. Некоторые особенности гончарной технологии каждой группы представлены в соответствующих таблицах.

Основываясь на особенностях качественного состава исходного пластичного сырья (далее – ИПС) керамики и на признаках, выделенных И.Н. Васильевой (2015. С. 16–19), представляется возможным говорить, что гончарами использовалось глиноподобное сырье. На данный момент, судя по концентрации растительности в изломах сосудов, можно предполагать применение одного его вида – илистых глин (далее – ИГ). В то же время, работа по выявлению качественных и количественных характеристик глиноподобного ИПС на территории Тоболо-Ишимья, основанная на изучении керамических комплексов и экспериментальных проб сырья, нами только начата. Поэтому не исключено, что в дальнейшем данные о видах ИПС, использовавшихся гончарами поселения Мергень 6, будут уточнены.

По изученному материалу выявлено, что ИПС в качестве естественных составляющих содержит: 1) песок размером от менее 0,1 до 0,4–0,8 мм, единично – до 1,0–2,5 мм; 2) оолитовый бурый железняк размером от 0,2 до 6,0 мм; 3) включения окислов железа рыжего цвета, мягких, легко разрушающихся иглой, размером 0,2–1,0 мм; 4) пылевидные листочки слюды; 5) единично редкие обломки минерала полупрозрачного, с кристаллической структурой размером 1,0–5,0 мм; 6) отпечатки стеблей и листьев растений размером от 0,5–5,0 до 20,0 мм и, реже, нитевидные водоросли в виде отдельных включений или перевитых пучков длиной до 25,0 мм; 7) фрагменты и целые включения костей и/или чешуи рыб размером от 0,2 до 9,0–15,0 мм; 8) обломки раковин речных моллюсков, единично – отпечатки от целых улиток, размером от 0,2 до 5,0 мм; 9) единично окатанные комочки глины размером 0,8–10,0 мм; 10) единично отпечатки пуха птиц длиной 2,5–8,0 мм; 11) карбонатные включения светло-коричневого или белесого цвета.

Исследование выявило различную степень запесоченности ИГ (Табл. 1): слабозапесоченная содержит либо незначительное количество пылевидного песка, фиксирующегося только по блеску, либо не более 20–30 включений разного размера на 1 кв.см; среднезапесоченная – до 70–80 включений на 1 кв.см; сильнозапесоченная – от 100 включений на 1 кв.см. Приведенные в таблице данные показывают, что слабозапесоченная ИГ чаще фиксируется по двум группам – боборыкинской и смешанной, а сосуды кошкинского облика преимущественно изготавливались из среднезапесоченного сырья. Сильнозапесоченное ИПС использовалось редко, при этом оно не отмечено для сосудов боборыкинского типа.

Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления ИПС позволяет говорить об использовании сырья в состоянии естественной влажности. В качестве искусственных примесей по исследованному материалу зафиксированы шамот, дресва (раздробленный песчаник) и органические растворы. Шамот представлен включениями размером от менее 0,5 до 3,0–8,0 мм в основном в концентрации 1:4 (17,1 %), 1:5 (58,6 %), 1:6 (21,1 %), единично – 1:2/3 (0,6 %), 1:7 (2 %) и в виде редких включений (0,6 %). Песчаниковая дресва представлена включениями спаянных песчинок цементом темно-коричневого цвета размером до 2,0 мм и отдельными частицами песка размером до 1,5–2,0 мм, выпавшими при дроблении, в неровных участках которых фиксируются остатки цемента. Концентрация весьма незначительна и составляет 1:10 и менее. Следы органических растворов в изломах керамики представлены маслянистыми пленками бесцветными,

Таблица 1. Соотношение групп сосудов и групп ИПС.

Группы ИПС	Основные группы сосудов			Всего сосудов:
	Боборыкинская	Кошкинская	Смешанная боборыкинско-кошкинская	
Слабозапесоченная ИГ	26/ 78,8*	17/ 34	41/ 59,5	84/ 55,3
Среднезапесоченная ИГ	7/ 21,2	29/ 58	21/ 30,4	57/ 35,5
Сильнозапесоченная ИГ	–	4/ 8	7/ 10,1	11/ 7,2
Всего сосудов:	33/ 100	50/ 100	69/ 100	152/ 100

* Здесь и далее в числителе – количество сосудов, в знаменателе – % от общего количества сосудов.

Таблица 2. Соотношение групп сосудов и рецептов составления формовочных масс.

Рецепты формовочных масс	Основные группы сосудов			Всего сосудов:
	Боборыкинская	Кошкинская	Смешанная боборыкинско-кошкинская	
ИГ + Ш + ОР*	33/ 100	49/ 98	60/ 87	142/ 93,4
ИГ + Ш	–		1/ 1,4	1/ 0,6
ИГ + Ш + Песч. + ОР	–	1/ 2	8/ 11,6	9/ 6
Всего сосудов:	33/ 100	50/ 100	69/ 100	152/ 100

* Ш – шамот; Песч. – песчаниковая дресва; ОР – органический раствор.

черного, сизого, коричневого цвета, «сухими» налетами коричневого цвета или черными углистыми, сопровождающиеся пустотами аморфной формы или в виде вытянутых трещин размером от 0,5–2,0 мм до 6,0 мм.

Таким образом, по исследованному материалу выделено три рецепта составления формовочных масс (Табл. 2).

Следует подчеркнуть, что, во-первых, применение песчаниковой дресвы на сегодняшний день неизвестно в гончарстве сопредельных регионов, во-вторых, данная примесь отмечена в основном для определенной морфологической группы сосудов со смешанными признаками, относящихся по классификации В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой к слабопрофилированным с прогнутыми шейками (2010. С. 230).

Анализ состава шамота показал: 1) наличие в некоторых случаях отпечатков растительности, фрагментов или отпечатков чешуи, косточек рыб, раковин речных моллюсков, включений оолитового бурого железняка, в основном слабую степень запесоченности ИПС; 2) наличие искусственной примеси также в виде шамота, а в двух случаях (сосуды кошкинского облика и со смешанными чертами) – дресвы в виде песчаника. Эти данные могут указывать: 1) на применение для изготовления сосудов, пошедших на шамот, глиноподобного (илы и/или илистые глины) в основном слабозапесоченного сырья, что может свидетельствовать об устойчивости взглядов на ИПСв среде гончаров изучаемой группы населения; 2) на традиционность применения шамота у мастеров, изготовлявших сосуды различные по форме и орнаментации; 3) использование песчаниковой дресвы, по всей вероятности, выступало характерным для гончаров, делавших сосуды со смешанными традициями и, возможно, кошкинского облика, но не было массово распространено.

Особенности конструирования начина удалось проследить по изломам лишь одного миниатюрного изделия со смешанными морфологическими признаками. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с помощью лоскутов, наращиваемых по траектории близкой спиралевидной. Возможно, изготовление сосуда осуществлялось с применением формы-основы. Изготовление полого тела данного изделия также производилось с помощью лоскутного налепа. Использование лоскутов при конструировании отмечено еще по 8 крупным фрагментам сосудов. Формообразование изделий, таким образом, могло осуществляться в процессе конструирования путем выдавливания пальцами и с помощью форм-моделей. В некоторых случаях возможно предположить выбивание гладкой колотушкой.

Механическая обработка поверхностей сосудов всех групп производилась способом простого заглаживания, а также уплотнения без блеска и лощения, которые производились в основном костяными инструментами.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов всех выделенных групп осуществлялось смешанными способами, т.е. путем введения органических компонентов в формовочную массу и обжига высушенных изделий (Бобринский, 1999. С. 85–106). Анализ цветовой характеристики изломов и поверхностей указывает на то, что сосуды чаще всего обжигались в условиях полувосстановительной среды, вероятно, в простых обжиговых устройствах-кострищах или очагах при непродолжительном действии температур каления (650–700 °С).

Таким образом, полученная информация об особенностях гончарного производства у населения, оставившего поселение Мергень 6, на настоящий момент в целом позволяет говорить об определенной однородности культурных традиций отбора ИПС, составления формовочных масс, способов обработки поверхностей. В то же время, различия в морфологии и орнаментации, присутствие песчаниковой дресвы в определенной группе изделий указывает на смешанный состав ранненеолитического населения, проживавшего в рамках поселения Мергень 6, и вновь поднимает вопрос о характере взаимоотношения носителей боборыкинской и кошкинской культурных традиций в Зауралье.

Не менее важным выступает вопрос и о собственно формировании гончарных традиций у ранненеолитического населения Приишимья. В рамках представленной работы, исходя из результатов изучения ранних форм гончарства и их развития, приведенных в исследованиях И.Н. Васильевой (1999. С. 72–96; 2011б. С. 70–81; 2015. С. 16–23 и др.), пока представляется возможным заключить, что появление гончарства в Приишимье не было связано с непосредственным развитием местных мезолитических групп населения, а возникновение керамического производства происходило благодаря миграции группы (групп?) древнего населения из региона, где керамическое производство уже существовало, вероятно, довольно длительное время.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Васильева И.Н., 2011а. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург-Сургут: Магеллан. С. 103–124.

Васильева И.Н., 2011б. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. С. 70–81.

Васильева И.Н., 2015. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН. С. 16–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В., 1984. О соотношении кошкинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени) // СА. №1. С. 144–159.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга». 308 с.

Пошехонова О.Е., 2004. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // ВААЭ. №5. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 20–26.

О культурно-хронологическом соотношении материалов поселения Лебяжинка III и комплекса «волосовского» типа Гундоровского поселения

© 2018 А.И. Королев

Статья подготовлена при поддержке госзадания №33.1907.2017/пч.

Аннотация. В 80-х – 90-х гг. XX в. в среднем течении реки Сок, левого притока Волги, были изучены поселения Лебяжинка III и Гундоровка, содержащие комплексы из жилищ, керамики, каменных и костяных орудий. Поселение Лебяжинка III было отнесено к самарской культуре, основной комплекс Гундоровского поселения – к волосовской культуре. Анализ материалов этих памятников дает основания для определения их типологической близости и хронологической последовательности.

Ключевые слова: энеолит, лесостепное Поволжье, самарская культура, волосовская культура, поселение Лебяжинка III, Гундоровское поселение.

Одним из актуальных вопросов энеолита Волго-Уральского региона остается происхождение материалов «волосовского» типа Гундоровского поселения. Основной комплекс энеолита этого поселения был отнесен авторами раскопок к волосовской культуре (Васильев, 1990. С. 63; Овчинникова, 1991. С. 92; Овчинникова, 2001. С. 54–55; Васильев, Овчинникова, 2000. С. 231; Овчинникова, 2000. С. 326–336). Среди энеолитических поселений памятник имеет особое значение, здесь впервые в регионе было изучено пять углубленных построек, соединенных переходами. Четыре из них были отнесены к волосовскому комплексу, пятое – позднее, к самарской культуре (Овчинникова, 1996. С. 11). Авторами раскопок была дана характеристика материалов, поэтому ограничимся перечислением тех признаков, которые необходимы для сопоставления гундоровской коллекции с лебяжинской. Орудия изготавливались на отщепах из местного серого и цветного коричневато-красных оттенков кремня и, реже, кварцита. Типы орудий: крупные и мелкие долота, тесла, листовидные, ромбические, черешковые наконечники, массивные скребки прямоугольных и квадратных очертаний, крупные ножи с двусторонней ретушью, ножи-ложкари, сверла с плечиками, включая дублированные, в основном совпадают с волосовскими. Кремневые фигурки, сланцевые подвески еще более усиливают это сходство. Большая коллекция керамики стала основой для детального анализа (Овчинникова, 1991. С. 93–98). Керамика толстостенная, до 2,7 см, с обильной примесью птичьего пуха и раковины, отмечен также помет птиц. Сосуды с округлыми и уплощенными днищами прямостенных и профилированных пропорций, последние преобладают, среди них, в свою очередь, выделяются сосуды с округлым туловом и резко отогнутым венчиком. Для венчиков характерны различного рода утолщения, в том числе воротничковые, Т- и Г-образные. В орнаментации полностью господствуют оттиски гребенчатых штампов различных форм и размеров, от мелких до очень крупных прямо и косозубых, присутствуют также рамчатые, веревочные оттиски, ямчатые вдавления. Встречаются пояски ямок под венчиком. Около половины сосудов украшено по срезу венчиков, часто орнаментировалась их внутренняя поверхность. В орнаментации кроме наиболее распространенных горизонтальных рядов оттисков штампа присутствуют сложные мотивы в горизонтальной, диагональной и вертикальной зональности. Особенно примечательны сочетания мотивов из полос «шагающей гребенки», нанесенных вертикально или горизонтально с зигзагами, рядами, крестами, сеткой из оттисков гребенчатого штампа. Анализ орнаментальных композиций керамики Гундоровского поселения показал наиболее высокую степень сходства со средневолжскими волосовскими материалами Марийского края. Причину близости материалов Н.В. Овчинникова видела в продвижении волосовского населения в лесостепь (Овчинникова, 1991. С. 92). И.Б.Васильев, не исключая такую возможность, высказал мысль о возможной общей подоснове волосовских материалов лесостепного и лесного Среднего Поволжья (Васильев, 1990. С. 64). В более поздних статьях Н.В. Овчинниковой керамика, орнаментированная «шагающей гребенкой» не упоминается в составе волосовского комплекса (Овчинникова, 2001. С. 54–55; Овчинникова, 2000. С. 326–336), как и в совместной обобщающей работе (Васильев, Овчинникова, 2000. С. 231), такая керамика была отнесена к раннему этапу самарской культуры (Овчинникова, 1999. С. 100). От основного «волосовского» комплекса была отделена группа керамики, в основном, по признаку орнаментации «шагающей гребенкой».

Для решения вопроса происхождения гундоровских «волосовских» материалов, как представляется, особое значение имеет поселение Лебяжинка III, на котором также было изучено жилище, получены каменные и костяные орудия, керамика. Материалы этого поселения были отнесены к самарской культуре на ее раннем этапе (Овчинникова, 1995. С. 191; Овчинникова, 1999. С. 100). В тоже время, в керамике этого поселения автор отметил волосовские черты (Овчинникова, 1991. С. 89–98).

Керамика поселения Лебяжинка III в качестве примеси содержит пух птиц и раковину, отмечен также помет птиц. Сосуды толстостенные, в основном, горшковидные с отогнутыми наружу венчиками и несколько раздутым туловом и реже – баночные, с небольшими округлыми, уплощенными и плоскими днищами. Часть сосудов имеет хорошо сформированные воротнички, значительная часть венчиков снабжена утолщениями наружу, около трети сосудов с равномерно утолщенными венчиками, без утолщений, иногда с карнизами на внешнюю сторону. Пояски из ямок под венчиками редки. В орнаментации полностью доминируют гребенчатые штампы, реже встречаются отпечатки веревочки или аммонита, изредка ямчатые вдавления. Мотивы орнамента: горизонтальные ряды оттисков, полосы горизонтальных оттисков штампа, елочка, зигзаги, плетенка. Очень распространена композиция из горизонтальных и вертикальных полос «шагающей» гребенки или «шагающей» веревочки, иногда чередующихся с вертикальными рядами наклонно поставленных оттисков штампа. Таким образом, характеристика керамики Лебяжинки III по основным параметрам совпадает с керамикой Гундоров-

ского поселения. Аналогична технология изготовления сосудов с добавками пуха птиц и крупнотолченой раковины. Распространены венчики с плоскими прямоугольного сечения воротничками, а также безворотничковые с утолщениями и без утолщений. На гундоровской керамике формы венчиков более разнообразны, чаще с утолщениями на внешнюю сторону, в которых можно видеть подобия воротничкам. Для керамики обоих памятников достоверно связанные с изучаемыми комплексами днища имеют округлую и уплощенную форму. В орнаменте зафиксировано полное преобладание гребенчатых штампов, но на керамике Гундоровки гребенчатые штампы более разнообразны по форме и размерам. Для керамики обоих памятников характерен мотив «шагающей гребенки» в горизонтальном и вертикальном исполнении, повторяются одни и те же узоры. Особенностью керамики Лебяжинки III является более широкое применение крупного веревочного штампа, в том числе в «шагающей» манере.

Представляется, что керамика данных памятников демонстрирует последовательность этапов развития воротничковых древностей от более раннего комплекса поселения Лебяжинка III к позднему (гундоровскому). Принципиально важным маркером здесь выступает традиция воротничкового оформления венчиков, доминирующая в лебяжинской посуде и постепенно угасающая и трансформирующаяся в неворотничковые утолщения в гундоровской.

Многочисленные параллели обнаруживаются и в каменном инвентаре этих памятников. Одинаковые сорта кремня и кварцита указывают на одни и те же источники сырья. Основной заготовкой для изготовления орудий служили крупные отщепы. Совпадают такие типы орудий, как крупные ножи с двусторонней ретушью, ножи с обушком, ножи-ложкари, скребки подпрямоугольной формы, крупные сверла с плечиком, долота и тесла, листовидные, ромбические и черешковые типы наконечников. К различиям следует отнести наконечники форме рыбки, присутствующие только на Лебяжинке III и напротив, фигурный кремень, известный только на Гундоровке. Одинаковы костяные цельные рыболовные крючки с широким цевьем. Оба памятника содержат однотипные «длинные» жилища. Сходство в технике обработки каменного инвентаря, костяные изделия, жилища в сочетании с аналогиями, выявленными в керамике, делают эту близость системной.

Хронология поселения Лебяжинка III в настоящее время определена по семи валидным радиоуглеродным датам, укладывающимся в диапазоне от 6140+50 до 5860+50 ВР (Моргунова и др., 2010. С. 20). Хронология Гундоровского поселения основывается на десяти радиоуглеродных определениях по образцам керамики от 5862±120 до 5035±100 ВР (Королев, Кулькова, Шалапинин, 2013. С. 150–152). Наиболее ранняя дата SPb-771 – 5862±120 ВР была получена по фрагментам, орнаментированным вертикальными полосами «шагающей гребенки» и рядами наклонных оттисков того же штампа. Самая поздняя дата SPb-767 – 5035±100 ВР была получена для сильно профилированного сосуда, украшенного рядами оттисков крупной гребенки. Сомнения ввиду большого доверительного интервала вызывает дата SPb–769 – 5488±200 ВР, полученная по фрагментам сосуда, орнаментированного рамчатым штампом, тем более, что для однотипного сосуда получена дата SPb-768 – 5230±100 ВР. Остальные оказались ей близки и расположились компактно в диапазоне от 5290±70 до 5412±100 ВР. Примечательно, что сосуд с воротничковым оформлением венчика получил дату, не выходящую за пределы этого диапазона SPb-771 – 5365±100 ВР.

Таким образом, «волосовский» комплекс Гундоровского поселения является продолжением линии развития материалов поселения Лебяжинка III и предшествует наиболее ранним памятникам волосовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., 1990. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ. С. 52–69.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН. 312 с.

Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А., 2013. Новые данные об абсолютном возрасте энеолитических материалов Гундоровского поселения лесостепного Заволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб.: Скифия-принт. С. 150–152.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2010. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. №4. 18–27.

Овчинникова Н.В., 1991. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. Йошкар-Ола. С. 89–98.

Овчинникова Н.В., 1995. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СамГПУ. С. 164–191.

Овчинникова Н.В., 1996. Хронология и периодизация энеолитических древностей в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы международной научной конференции. Науч. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: Перемена. С. 11–15.

Овчинникова Н.В., 1999. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Сб. статей. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ. С. 97–105.

Овчинникова Н.В., 2000. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь: Изд-во ТГОМ. С. 326–336.

Овчинникова Н.В., 2001. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. конф. 17–21 апреля 2001 г. Оренбург: Оренбургская губерния. С. 54–55.

Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс

© 2018 А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

Статья подготовлена по гранту РФФИ №17-11-63007-ОГН.

Аннотация. Грунтовый могильник Екатериновский мыс, обнаруженный в 2013 г., расположен в левобережье Волги на восточной окраине с. Екатериновка Безенчукского р-на Самарской области. Материалы раскопок 2013–2015 гг. частично введены в научный оборот. Данные, полученные при продолжении исследований в 2016–2017 гг., подтвердили хронологическую и культурную принадлежность памятника, позволили более четко выявить планиграфию могильника, а также особенности погребального обряда, в том числе неординарного характера.

Ключевые слова: грунтовый могильник Екатериновский мыс, ранний энеолит, погребальный обряд.

Грунтовый могильник Екатериновский мыс, расположенный в левобережье Волги на восточной окраине с. Екатериновка на мысу, образованном крутой излучиной р. Безенчук, исследуется с 2013 г. Могильник занимает площадку на возвышении, вытянутом вдоль реки по линии З–В. В 2013–2015 гг. совместной экспедицией СОИКМ им. П.В. Алабина и СГСПУ на могильнике раскопано 60 погребений раннего энеолита. Основные признаки погребального обряда и инвентаря находят аналогии в материалах могильника у с. Съезжее на р. Самаре (Васильев, Матвеева, 1979. С. 147–166). Предварительные результаты работ 2013–2015 гг. частично опубликованы (Королев и др., 2015. С. 514–517; Королев и др., 2017. С. 527–528; Королев и др. 2018. С. 285–302). Материалы, полученные в 2016–2017 гг., подтвердили хронологическую и культурную принадлежность могильника, а также позволили более четко выявить его планиграфию. Новые данные выразительно демонстрируют особенности погребального обряда, в том числе неординарного характера.

За последние два года на раскопанной площади 104 кв.м было выявлено еще 33 захоронения. Исследования проводились с целью определения западной и восточной границ могильника. Мощность слоя достигала 60–80 см в западной и 100–120 см в восточной части могильника. Планиграфически достаточно четко фиксируется расположение захоронений рядами. Одной из особенностей обряда захоронения является размещение погребений в несколько ярусов. Например, погр. 63, 64, 68 находились практически друг над другом в три яруса. Встречается частичное перекрывание погребения нижнего яруса (погр. 74) верхним погребением (погр. 73). Погребенные ориентированы головой на В, ВЮВ, СВ (погр. 80–82, 84). Для большинства захоронений отмечается наличие посыпки охрой разной степени интенсивности. Контуры могильных ям фиксировались лишь в отдельных случаях (погр. 74). Погребения преимущественно одиночные, парными, скорее всего, являлись погр. 70–71 и 85–86. Костяки лежат, как правило, вытянуто на спине. Однако более определенно стала выделяться группа погребений с иным положением. Ранее уже были обнаружены два скорченных захоронения 23 и 52.

Среди исследованных захоронений неординарным обрядом выделяется погр. 79, которое представляло собой компактно сложенные кости трех взрослых индивидов на участке размерами 65×35 см, обильно засыпанные красной охрой (Рис. 1: 1). В этом погребении у черепа находилась полированная дисковидная булава (диаметр 7,4 см, высота 2,7 см) с коническим отверстием (1,1–2,5 см), с широкой стороны которого сделан кольцевой ободок высотой 0,2 см (Рис. 1: 2). Она изготовлена из камня светло-зеленого цвета с темно-зелеными вкраплениями, возможно, серпентина.

В погр. 85–86, по предварительному определению А.А. Хохлова, кроме основных мужского (погр. 85) и женского (погр. 86) костяков, присутствуют отдельные кости других индивидов. Согнутые в коленях конечности, искривленные позвоночники, смещенный в область груди череп погр. 86 указывают на позу скорченно на спине с головой, приподнятой на «подушке». Инвентарь, обнаруженный вместе с костяками, отличается большим количеством костяных, роговых и кремневых предметов. Преимущественно в области таза компактно залегали 7 крупных заготовок двусторонне обработанных кремневых орудий и наконечник стрелы с усеченным основанием.

Погр. 90 представлено неполным скелетом, череп отсутствовал. Кости плеча и предплечья правой руки сохранили анатомический порядок, причем плечевая кость находилась в вертикальном положении. Это обстоятельство, наряду с расположением костей ног указывает, что погребенному была придана полусидячая поза с опорой на локти и согнутыми в коленях ногами. С этим погребением связана костяная «ложечка» и, скорее всего, крестовидная булава из известнякового камня, зафиксированная на уровне предплечья.

Погребальный инвентарь сопровождал большинство погребений. Он состоял из каменных орудий: наверший скипетров, тесел из зеленого камня и окремнелого известняка, кремневых, кварцитовых, костяных и роговых изделий. Примечательно каменное фигурное навершие овальной формы размерами 13,2×5,3×4,2 см с круглым отверстием для рукояти из погр. 76. С одной стороны оно оформлено в виде мордочки животного с вытянутой передней частью, глаза с обеих боковых сторон обозначены пунктиром (Рис. 1: 5).

Как и в предыдущие годы, на могильнике выявлены жертвенные площадки с развалами воротничковых сосудов, имеющих в составе формовочной массы дробленую раковину. Скопления керамики в центральной части раскопа 2016 г., без сомнения, соотносятся с площадками развалов сосудов, выявленными в 2014 г. Необходимо подчеркнуть наличие жертвенного комплекса около погр. 76, включающего предметы из камня и рога. Зооморфное навершие из рога лося длиной 18,0 см, овального сечения (4,6–5,2 см), с клином размерами 2,8×0,8×0,3–0,4 см в отверстии, имеет изогнутую форму (Рис. 1: 4). «Мордочка» уплощена и со стороны отверстия для рукояти подчеркнута резной дугообразной линией. На боковой стороне вырезаны окружности, оконтуривающие углубленный глаз. Еще одна жертвенная площадка с развалом сосуда была выявлена в южной части восточного сектора на кв. 68–69.

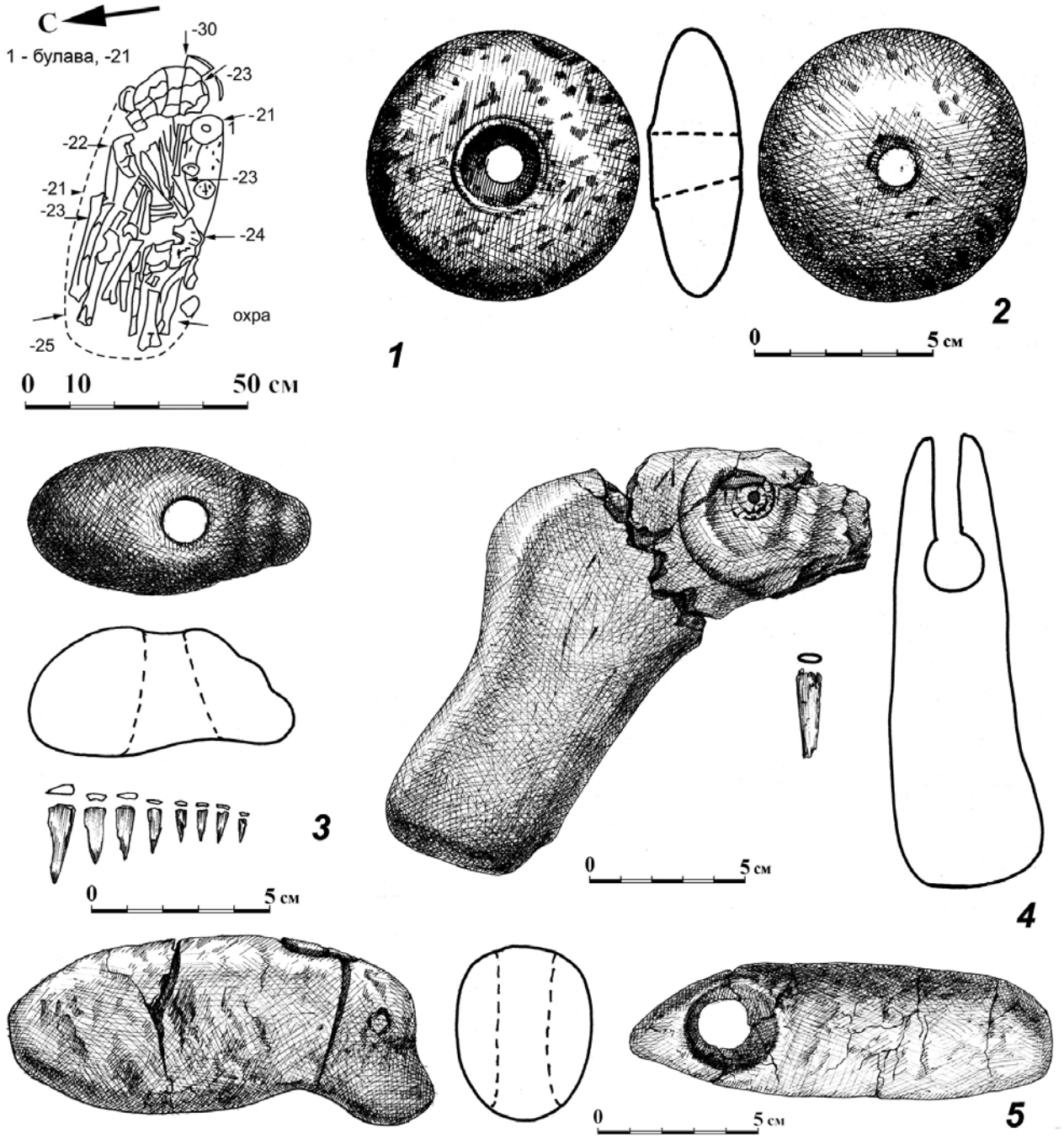


Рис. 1. Материалы из раскопок грунтового могильника Екатериновский мыс (Безенчукский р-н, Самарская область) в 2016-2017 гг.

1 – план погр. 79; 2 – навершие (погр. 79); 3 – навершие (жертвенный комплекс, кв. 69, пл. 6); 4 – навершие (жертвенный комплекс, кв. 48, пл. 4); 5 – навершие (погр. 76). 2, 3, 5 – камень, 4 – рог.

Сосуд широких пропорций высотой 12,0–13,0 см, диаметром по венчику 25,0 см, по воротничку украшен наклонными отпечатками гребенчатого штампа, по тулову – горизонтальными отпечатками веревочного штампа. Рядом на материке обнаружен жертвенный комплекс, в котором представлено навершие зооморфного типа, внутри отверстия которого находились 8 плоских подтреугольных клинышков (Рис. 1: 3).

Большой интерес представляет погр. 93, расположенное в непосредственной близости от исследованных в 2015 г. погр. 52, 59, 60 с находкой кольца криволучского типа. В небольшой яме овальной формы, в ее северо-восточной половине, компактно были сложены многочисленные предметы из клыков кабана и резцов бобра, а также три каменных тесла, каменное навершие зооморфного типа. В составе инвентаря –14 целых и фрагментарных бабочковидных пластинок и 4 пекторали из клыка кабана, причем две из них имеют богатую резную орнаментацию. Все находки были обильно засыпаны красной охрой.

Работами 2016–2017 гг. завершено исследование центральной части могильника, выявлены его границы с северной, юго-западной и южной сторон, в восточном направлении могильник продолжается.

В могильнике представлены две обрядовые группы. Первая характеризуется вытянутым положением погребенных и надежно соотносится с материалами памятников мариупольского круга, что подтверждается первой серией радиоуглеродных дат в пределах середины V тыс. до н. э.

Вторая группа, пока малочисленная, включает погребения в скорченном на спине и полусидячем положении, находит некоторые аналогии в материалах хвалынской и среднестоговской культур, а также Мурзихинского могильника в Нижнем Прикамье (Чижевский, 2012. С. 367). Есть и частичные захоронения – встречаются отдельно черепа, погребения «пакетом», как, например, погр. 79, которые нельзя отнести ни к одной из этих двух групп.

Новые данные подтвердили вывод о том, что памятник имеет исключительную значимость для изучения неолита – раннего энеолита Восточной Европы. Исследования на могильнике планируется продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. №4. С.147–166.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 17, №3(2). С. 514–517.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2017. Грунтовый могильник Екатериновский мыс эпохи энеолита в Самарском Поволжье: итоги работ 2013–2016 гг. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 527–528. http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В., 2018. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum plus. №2. С. 285–302.

Чижевский А.А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН. С. 367.

Урал и Волго-Окское междуречье в энеолите: связующие нити (по материалам памятников Сахтышского палеоозера)

© 2018 Е.Л. Костылева, А. Мацане (A. Mačane)

Аннотация. На стоянках близ озера Сахтыш (Центральная Россия) были обнаружены украшения из серпентина, резцов сурка, кристаллы горного хрусталя, керамика с «ушками». Авторы полагают, что появление этих элементов связано с инфильтрацией на поздней и финальной стадии развития волосовской культуры населения из районов, расположенных к востоку от Волго-Окского междуречья (Среднее Поволжье, Нижнее Прикамье, Приуралье).

Ключевые слова: энеолит, волосовская культура, Сахтыш, серпентин, резцы сурка, горный хрусталь, керамика с «ушками».

История населения Волго-Окского междуречья на поздней и заключительной стадии развития волосовской культуры несет немногочисленные, но достаточно выразительные следы, идущие со стороны Урала. Связующие два далеких региона нити идут через Прикамье и Среднее Поволжье и останавливаются в районе озера Сахтыш (Ивановская обл., Тейковский р-он).

К «восточному следу» мы относим находки кристаллов хрусталя, подвески из серпентина, украшения из резцов сурка и керамику «с ушками».

Кристаллы горного хрусталя были найдены на стоянках Сахтыш I, II и VIII.

К сожалению, в коллекциях сохранился лишь один из них – из раскопок стоянки Сахтыш II в 1963 г. (Рис. 1: 13). О втором кристалле – с того же памятника и за тот же год – имеется лишь упоминание и карандашный рисунок в полевом дневнике О.С. Гадзяцкой, проводившей раскопки. Он был найден недалеко от разрушенного погребения времени финала волосовской культуры. Кусочек хрусталя со стоянки Сахтыш VIII упоминается лишь в описи находок. Он обнаружен в северо-западной части волосовского жилища № III, обитатели которого могли хоронить сородичей на могильнике Сахтыш II (Костылева, Уткин, 2014). Наконец, о находках «обломков горного хрусталя» упоминается в отчете Д.А. Крайнова об исследовании поселения Сахтыш I в 1970 г. Основной регион, откуда могли попасти эти кристаллы горного хрусталя на Сахтыш, мог быть Урал.

Подвески из серпентина были найдены в основном в составе погребального инвентаря захоронений могильников Сахтыш II, IIa и VIII. Несколько подвесок обнаружено в культурном слое, куда они, вероятно, были перемещены из захоронений при механических разрушениях последних или грызунами (Рис. 1: 1–12).

Коллекция украшений, связанных с погребениями, насчитывает 80 экз. На Сахтыше II серпентиновые подвески были найдены в количестве 11 экз. в двух женских захоронениях: в одиночном – №18 (1 экз.) и в коллективном – №15 (костяк V – 9 экз.). Одна подвеска обнаружена в культурном слое недалеко от разрушенного погребения взрослого человека №3. На Сахтыше IIa было найдено 33 подвески. 31 из них была обнаружена среди погребального инвентаря пяти захоронений – №№7 (парное), 13 (парное), 19, 21 и 24. Кроме того, две подвески были подняты в районе разрушенного погребения №44. Могильник Сахтыш VIII дал 36 подвесок. Они происходят из четырех одиночных захоронений: №№1, 9, 23 и 30. На Сахтыше II и IIa серпентиновые подвески сопровождали лишь женские захоронения (где удалось определить пол). Поло-возрастные определения на Сахтыше VIII не проводились, однако можно также предположить, что погребения с серпентином были женскими.

Резцы сурка (Marmota bobak) были обнаружены только на Сахтыше IIa в захоронениях №№21, 24 и 26. В полуразрушенных погребениях №№21 и 26 найдены лишь единичные их экземпляры. Возможно, они были перемещены сюда грызунами с расположенного неподалеку 24-го костяка. Погребение №24 – единственное, где в погребальном инвентаре присутствовали одновременно и серпентиновые подвески (11 экз.), и резцы сурка (более 40 экз.). Резцы принадлежали не менее чем 15 особям. Отметим также, что в остеологических коллекциях с сахтышских стоянок отсутствуют какие-либо другие кости сурка.

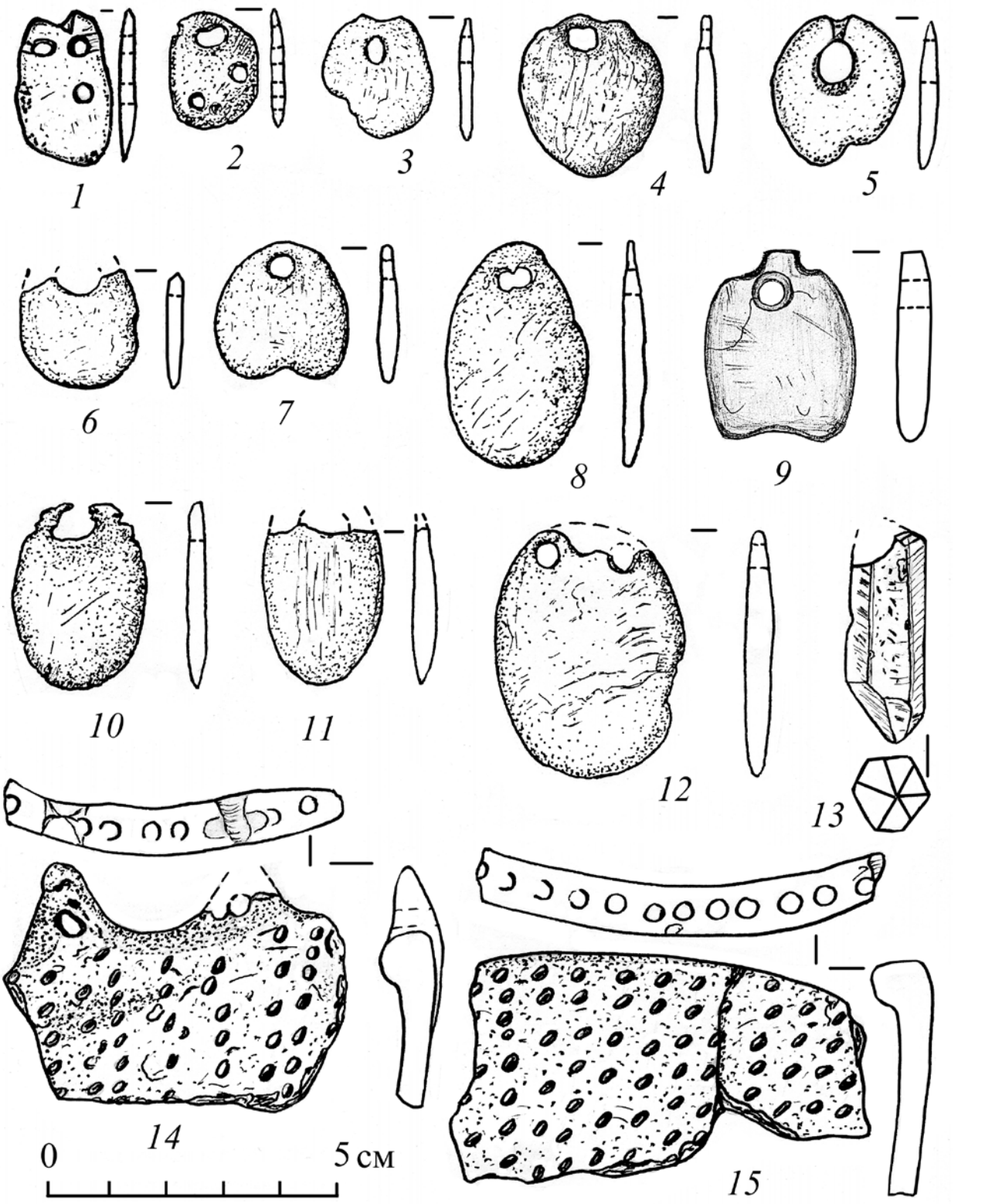


Рис. 1. «Восточные мотивы» среди находок из культурных слоев стоянок Сахтыш I, II и IIа.
1–12 – подвески из серпентина; 13 – кристалл хрусталя; 14, 15 – фрагменты керамики (1–4, 6–12 – Сахтыш IIа; 5, 13 – Сахтыш II; 14, 15 – Сахтыш I) [1, 5, 13–15 – рис. Е.Л. Костылевой, 2–4, 6–12 – рис. М.Н. Михайловой]. Рисунки публикуются впервые.

Учитывая то, что основная территория обитания сурка – степи и лесостепи Евразии, а в погребении присутствуют также и подвески из серпентина, логично предположить, что появление женщины в одежде с этими украшениями связано с приходом ее в район оз. Сахтыш из степной/лесостепной зоны Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья или Приуралья.

В литературе уже обосновывалась хронология сахтышских захоронений, основанная на данных радиоуглеродного датирования, планиграфических структур кладбищ, связанных с последовательностью их формирования, находках следов меди (Костылева, Уткин, 2008; Костылева, Уткин, 2009; Костылева, Уткин, 2010. С. 30, 36, 48, 50, 67; Костылева и др., 2018). Поэтому, не вдаваясь в подробно-

сти, отметим, что погребения с серпентиновыми подвесками и резцами сурка можно было бы отнести ко времени 4300–3800 BP. Вместе с тем необходимо отметить, что AMS дата, полученная недавно по резцу сурка из погребения №24, оказалась несколько древнее.

Серпентин, из которого изготовлены украшения сахтышских захоронений, скорее всего, уральского происхождения. Если говорить об аналогиях, то необходимо отметить, что серпентиновые подвески были найдены в одиночных пещерных захоронениях Южного Урала (Бурановская пещера, навес Старичный Гребень), в захоронениях Южного Зауралья (Березки VI, Кумышанская пещера), в Среднем Поволжье (Тенишевский и II Мурзихинский могильники) (Бибиков, 1950; Бадер, 1973; Шорин, 1991; Сериков, 2013; Габяшев, Беговатов, 1984; Габяшев, 1992; Чижевский, 2008). Резцы сурка были обнаружены также в ряде захоронений Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и Южного Урала (V Меллятамакский, Русско-Шуганский могильники, Усть-Катавская пещера) (Казаков, 1978, 2011; Бибиков, 1950).

Мы не рассматриваем сейчас датировку указанных памятников с серпентиновыми украшениями и резцами сурка. Для некоторых из них она является дискуссионной. Наиболее близким по хронологии и типологии серпентиновых украшений мы считаем Тенишевский энеолитический могильник (республика Татарстан).

И, наконец, находка обломков всего лишь одного сосуда с выступами на венчике с Сахтыша I вновь заставляет нас обратить взор на восток (Рис. 1: 14, 15). Сосуды с выступами (зооморфными и просто «с ушками») встречаются на многих памятниках лесного Зауралья, начиная с эпохи раннего неолита. Они достаточно хорошо изучены и представлены в специальных публикациях (Мошинская, 1972; Арефьев, 1984; Ковалева, Арефьев, 1993; Шорин, Шорина, 2016). Скульптурные налепы на сосудах, правда, в значительно меньшем количестве, известны и на древних поселениях Северной Европы. Отмечены они на ряде памятников и Волго-Окского междуречья (Жульников, 2011). Однако в контексте вышеизложенного, мы можем предположить, что появление этого сосуда на Сахтыше также могло быть своеобразным «восточным следом».

Наиболее подходящее объяснение появлению восточных элементов мы видим в приходе отдельных групп населения в рассматриваемый регион, обусловленный, скорее всего, какими-то катаклизмами, заставлявшими людей покидать свои места обитания. Однако не исключаются и брачные контакты.

ЛИТЕРАТУРА

Арефьев В.А., 1984. Зооморфные мотивы оформления края сосудов о стоянки Полуденка I // СА. №1. С. 229–235.

Бибиков С.Я., 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т. XIII. С. 95–138.

Бадер О.Н., 1973. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука. С. 104–109.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А., 1984. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник: Предварительная публикация // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола. С. 64–87.

Габяшев Р.С., 1992. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань. С. 31–47.

Жульников А.М., 2011. Скульптурные изображения на керамической посуде в культуре древнего населения Северной Европы // ТАС. Вып. 8. Тверь: Триада. С. 317–329.

Казаков Е.П., 1978. Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. №2. С. 165–177.

Казаков Е.П., 2011. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолиантъ. 180 с.

Ковалева В.Т., Арефьев В.А., 1993. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 107–118: ил.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2008. Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН. Т. I. С. 230–233: ил.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2009. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIA // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 4. Иваново: Изд-во ИвГУ. С. 28–37.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2010. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС. 300 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. 2014. Проблема пространственно-хронологического соотношения поселений и могильников волосовской культуры (по материалам поселений Сахтыш II, IIa и VIII) // Археология озерных поселений IV-II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. СПб.: Периферия. С. 179–183.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., Мацане А., 2018. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // ТАС. Вып. 11. Тверь: Триада. С. 565–577.

Мошинская В.Н., 1972. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (к вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. С. 56–65.

Сериков Ю.Б., 2013. Необычное коллективное погребение эпохи неолита в Кумышанской пещере (Средний Урал) // ВААЭ. №2 (21). Сетевое издание. С. 4–10.

Чижевский А.А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН. Т. 1. С. 367–371.

Шорин А.Ф., 1991. Доандроновское погребение могильника Березки VI в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Уральский рабочий. С. 68–79.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016. Кокшаровский Холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // УИВ. №4 (53). Екатеринбург: Изд-во ИИиА УО РАН. С. 15–24.

Адаптация древних сообществ к изменению климатических условий в голоцене на территории Восточной Европы

© 2018 М.А. Кулькова

Аннтотация. До сих пор голоценовый период рассматривали как стабильный межстадиал, но последние данные показали, что в это время происходили существенные климатические изменения. На территории Восточной Европы аридизация и похолодание климата были зарегистрированы около 6400–6000 BC, 4350–3750 BC и 3500–2350 BC. В эти периоды происходят кардинальные изменения в экономической и социальной структуре древних сообществ, связанные с процессами неолитизации, энеолитизации и переходу к эпохе металла.

Ключевые слова: климат голоцена, радиоуглеродная хронология, адаптация древних сообществ, стратегия жизнеобеспечения, неолит, энеолит, Восточная Европа.

Адаптация древнего населения к изменяющимся климатическим условиям на территории Восточной Европы в периоды климатических изменений носила сложный характер. До сих пор голоценовый период рассматривали как стабильный межстадиал, но последние данные показали, что в этот период происходили существенные климатические изменения, которые отражаются в природных архивах и фиксируются различными аналитическими методами исследования и связаны главным образом с циклами солнечной активности (Muscheler et al. 2004; Bond et al, 2001; Denton and Karlen, 1973; и др.). Одной из характерных особенностей всего региона Восточной Европы является изменение градиента увлажнения с запада на восток, что связано с влиянием Атлантического океана. При перемещении на восток увлажненность падает, климат становится континентальным. Это приводит к уменьшению полосы широколиственных лесов, и далее к ее исчезновению. Атлантический океан оказывает влияние на развитие широколиственных лесов на западе, вытесняющих лесостепи к югу, а тайгу к северу (Хромов и Петросянц, 2006). На Восточно-Европейской равнине от берегов Баренцева моря на севере до Черного и Каспийского морей на юге сформировался спектр ландшафтных зон от тундр до пустынь умеренных широт.

В период голоцена происходят большие преобразования в истории человечества. Человек пытается обрести независимость от пищевых ресурсов и от природных явлений. В последнее время детальные реконструкции на основе геохимических индикаторов ландшафтно-палеоклиматических условий и палинологии были проведены для разных районов Восточной Европы (Косорукова и др. 2014, Иванищева, Кулькова, 2017; Kulkova et al. 2016 и т.д.). На основании реконструкций палеоклимата и радиоуглеродного датирования была проведена корреляция развития культур в голоцене в регионах различных географических зон Восточной Европы (степи, лесостепи, лесной зоны).

Климатическое похолодание около 6400–6000 BC (или 8200 cal BP) является первым существенным похолоданием голоцена, которое произошло после «Молодого Дриаса». Увлажнение климата в этот период регистрируется только в некоторых зонах Европы, расположенных в средних широтах, примерно между 43° и 50° с.ш., тогда как в Северной и Южной Европе преобладали очень засушливые условия (Magny, 1993, 2003). Период аридизации климата отмечается около 6200–6000 BC как в лесной, так и в степной зонах Восточной Европы (Спиридонова, Алешинская, 1999). Первые неолитические памятники на территории степной и лесостепной зон Восточной Европы появляются до этого периода, около 6600 BC (памятники Каиршакского типа, памятники Елшанского типа, Ракушечный Яр, памятники Орловской культуры) (Vybornov, 2010, 2011). Следующая волна оккупации этой территории происходит после 6000 BC. Например, на стоянках Алгай и Орошаемое в бассейне Нижней Волги носители Орловской неолитической культуры появляются после 6000 BC, после окончания этапа сильной аридизации климата (см. Выборнов и др. в настоящем сборнике).

В лесной зоне в это время отмечается также похолодание и связанное с ним уменьшение влажности. В отличие от степной зоны, аридизация в лесной зоне не является основополагающим фактором. В районах бассейна Верхней Волги, Двинско-Ловатьского междуречья, бассейна оз. Воже и р. Сухоны в это время существуют стоянки эпохи мезолита. Среди мезолитического инвентаря появляются первые находки керамических сосудов, которые датируются временем 6200–6000 BC на стоянках Сахтыш II, Замостье 2, Тудозеро, Караваиха 4, Сертея (Долбунова и др. 2016, Мазуркевич и др., 2016, Косорукова и др., 2016, Иванищева и др., 2016).

Охота и собирательство были основной экономической стратегией неолитического населения, огромная роль отводилась рыболовству (Ошибкина, 2006). Древние поселения располагались в прибрежной части водоемов. Поэтому изменения водного режима водоемов и их пищевых водных ресурсов играло большую роль в стратегии жизнеобеспечения неолитического населения этой территории. В степной и лесостепной зонах в этот период происходит уменьшение количества археологических памятников, что, по-видимому, связано с уменьшением пищевых и питьевых водных ресурсов. Тогда как на памятниках мезолита и неолита лесной зоны в этот период увеличивается плотность населения, появляются разные культурные традиции (Мазуркевич и др., 2016; Выборнов и др., 2016).

Дальнейшее улучшение климатических условий после 6000 BC приводит к расцвету неолитических памятников на территории Восточной Европы, развитию культурных процессов, включающих распространение определенных культурных традиций и инноваций по всему региону, например, развитие культуры ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, которые имеют некоторые локальные особенности в разных районах. Этот процесс распространения керамических традиций имеет разнонаправленный характер как в северо-восточном направлении, так и в юго-западном.

Следующее резкое изменение климатических условий отмечается около 4350–3750 BC и 3500–2350 BC. Средний голоцен характеризуется в большинстве районов теплыми и влажными климатическими условиями, климатическим оптимумом. В конце Атлантического – начале

Суббореального периода происходят изменения климата, которые связаны с внезапными непродолжительными периодами похолодания. Эти эпизоды следуют один за другим и имеют различную интенсивность (Magny & Haas, 2004). На большей части Восточной Европы также отмечаются аридные условия. Самым холодным и наиболее аридным периодом в большинстве регионов мира было время 3000–2250 ВС. В это время произошли значительные преобразования в жизни древних сообществ. Например, возникает сеть поселений-гигантов, а затем следует и их распад. В этой связи можно отметить дезинтеграцию Трипольской культуры, которая относится к 3150–2350 ВС. В это же время происходит распространение из Центральной Европы через Польшу на Волынь, Полесье, Верхний Днепр племен культур шаровидных амфор и шнуровой керамики. В лесной зоне, в регионе Двинско-Ловатьского междуречья по берегам озер в период 3200–1700 ВС существуют сообщества, которые в периоды сухого и прохладного климата формируют свайные поселения, аналогом которых являются свайные поселения Центральной Европы. Одной из особенностей этих культур является появление элементов культуры шнуровой керамики. В этом регионе первые следы земледелия можно связать именно с этими поселениями (Мазуркевич, 2003). Снижение природных ресурсов в этот период было основной причиной одомашнивания животных и развития сельского хозяйства у древних групп людей с присваивающим типом экономики.

Экологические процессы имели решающее значение в развитии доисторических культур. Стабильные ландшафтные и климатические условия приводили к эффективной адаптации к природным системам, росту численности населения и развитию региональных и субрегиональных культурных традиций. Миграция древних групп людей происходила из регионов с неблагоприятными условиями, которые характеризовались уменьшением количества биомассы, в регионы с более благоприятными экологическими условиями, которые характеризовались увеличением запасов природных ресурсов. В периоды резких климатических изменений в сторону похолодания и аридизации происходят перемещения отдельных групп в области с более благоприятным климатом, например, из зоны степей в зоны лесостепей и лесную зону, в то же самое время могут происходить процессы миграции из восточных областей Европейской равнины в западные. Такие климатические эпизоды можно определить, как триггеры для процессов инноваций и освоения человеком новых экологических ниш. Так, в период около 6200 ВС происходит перераспределение групп населения из более засушливых районов в менее засушливые. Это проявляется, например, в появлении на памятниках мезолита лесной зоны отдельных импульсов производства керамической посуды, которая является индикатором начала неолита в Восточной Европе. Тенденции к появлению и развитию инновационной деятельности отмечаются и в кратковременные периоды аридизации, которые были зарегистрированы на территории Восточной Европы около 4350–3750 ВС и 3500–2350 ВС, когда происходит переход к энеолиту, а затем к эпохе бронзы. Ухудшение климатических условий в периоды резкой аридизации в раннем и среднем голоцене приводило к перестройке социальной организации, возникновению обществ, которые наиболее хорошо адаптировались к изменениям природной среды. Консолидация населения около крупных водоемов складывала основу сложных стратифицированных социальных систем, влияла на появление государственных основ, на изменения экономических стратегий и социальной структуры сообществ.

В благоприятные климатические периоды происходит диффузия населения, распространение на большие пространства, вторжение на новые территории. Увеличение продуктивности водоемов и разнообразие биоценозов стимулировали стабильность и развитие экономической системы древних сообществ, вели к укреплению и усовершенствованию конкретных производственных навыков. Например, около 5300–4950 ВС, в период голоценового климатического оптимума происходило широкое распространение древних сообществ на обширные территории. В этот периода развитие неолитических керамических традиций интенсивно происходило на территории Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Кулькова М.А., Зайцева Г.И., Посснерт Г., 2016. Радиоуглеродные данные по неолиту Северного Прикаспия // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 48–62

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М., 2016. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 62–74

Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Костылева Е.Л., Мазуркевич А.Н., 2016. Новые данные по хронологии ранненеолитических материалов памятника Сахтыш IIа // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 159–171

Иванищева М.В., Кулькова М.А.. 2017. Этапы освоения древних ландшафтов Березовослободского археологического комплекса на Нижней Сухоне // Культурные процессы в Циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.И. Тимофеева. СПб. С. 59–63

Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Солдатенкова А.Д., 2014. Реконструкция условий обитания древнего человек в голоцене на памятнике Караваиха 4 по данных геохимических исследований озерно-аллювиальных отложений // Вестник Череповецкого государственного университета. №8 (61). С. 43–48

Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пицонка Х., Нестерова Л.А., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., Тербергер Т., Харц С., 2016. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников в местности Караваиха в бассейне озера Воже // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 410–425

Мазуркевич А.Н., 2003. Первые свидетельства появления производящего хозяйства на Северо-Западе России // Пушкаревский сборник. Вып.II. СПб. С. 77–83

Мазуркевич А.Н., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Лозов-

ский В.М., Лозовская О.В., 2015. Ранненеолитические керамические традиции лесной зоны Восточной Европы: технологический анализ // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. Под редакцией В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН. С. 258–265

Мазуркевич А.Н., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Семенцов А.А., Ришко С.А., 2016. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья VII–III тыс. до н. э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 310–317

Иванищева М.В., Кулькова М.А., Иванищева Е.А., 2016. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Нижней Сухоны и Юго-Восточного Прионежья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 397–410

Ошибкина С.В., 2006. К вопросу о неолитической революции и неолитизации в лесной зоне Евразии // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа. РА. №1. С. 23–33

Хромов С.П., Петросянц М.А., 2006. Метеорология и климатология. 7-е изд. М.

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., 2016. Радиоуглеродная хронология неолита Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 213–244

Bond G., Kromer B., Beer J., Muscheler R., Evans M.N., Showers W., Hoffmann S., Lotti-Bond R., Hajdas I., Bonani G., 2001. Persistent solar influence on North Atlantic climate during the Holocene // Science, 294. P. 2130–2136.

Denton G.H., Karlen W., 1973. Holocene climatic variations–their pattern and possible cause // Quaternary Research 3. P. 155–205.

Kulkova M., Mazurkevich A., Gerasimov D., 2016. Stone age archaeological sites and environmental changes during the Holocene in the NW region of Russia (Article) // Geological Society Special Publication. Volume 411, Issue 1. DOI: 10.1144/SP411.8 Publisher: Geological Society of London. P. 27–49.

Magny M., 1993. Solar influences on Holocene climatic changes illustrated by correlations between past lake-level fluctuations and the atmospheric 14C record // Quaternary Research 40. P. 1–9.

Magny M., Begeot C., Guiot J. and Peyron O., 2003. Contrasting patterns of hydrological changes in Europe in response to Holocene climate cooling phases // Quaternary Science Reviews 22. P. 1589–1596.

Magny M. & Haas J.N., 2004. A major widespread climatic change around 5300 cal. yr. BP at the time of the Alpine Iceman // Journal of Quaternary Science, 19. P. 423–430.

Muscheler R., Beer J., Vonmoos M., 2004. Causes and timing of the 8200 yr BP event inferred from the comparison of the GRIP 10Be and the tree ring D 14C record // Quaternary Science Reviews. Special issue Holocene climate variability–a marine perspective edited by E. Jansen, P. deMenocal and F. Grousset 23/20–22. P. 2105–2115.

Vybornov A.A., 2010. On the correlation of natural and cultural processes in the Neolithic – Volga-Kama area // Documenta Praehistorica 37: 293–297.

Vybornov A.A., 2011. Time and palaeoenvironment in the Neolithisation of the Povolzhye forest-steppe // Documenta Praehistorica 38: 267–74.

Реконструкция природных условий на территории Верхнего Прикамья в раннем голоцене

© 2018 Е.Л. Лычагина, Н.Е. Зарецкая, А.В. Чернов, Е.Г. Лаптева, С.С. Трофимова, Е.Н. Митрошин

Статья публикуется при поддержке грантов РГНФ проект № 17–11–59004а/У «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования» и РФФИ проект № 17–46–590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».

Аннотация. В статье подводятся итоги комплексных исследований в микрорегионе Чашкинское озеро (Верхняя Кама). Первоначальное заселение региона произошло в мезолите. В ходе палеоруслового анализа было выделено 7 пойменных генераций, из которых наиболее древняя относится к раннему голоцену. В это время в регионе доминировали таежные лесные формации: еловые и березово-сосновые.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, голоцен, палеоэкологические методы, радиоуглеродный анализ.

Под Верхним Прикамьем мы понимаем бассейн р. Камы в верхнем течении, включающий в себя бассейны Вишеры и Колвы в границах северной части Пермского края. Южной границей района исследования является территория Усольского района, в пределах которого находится верхний бьеф Камского водохранилища.

Период перехода от позднеледниковья к голоцену и сам голоцен в исследуемом регионе характеризовались заметными изменениями природных ландшафтов, что отразилось на изменении речного стока и конфигурации русла р. Камы, а вслед за этим – появлением и дальнейшей миграцией мезолитического населения. Именно в позднеледниковье реки региона, и в первую очередь – Кама, испытали заметное врезание, вследствие чего поверхность нынешней первой террасы перестала затапливаться полыми водами. Менялась и конфигурация русла Камы и ее притоков, образуя наряду с быстротоками участки «спокойной» воды. Препятствия к заселению ровной, близкой к реке и относительно невысокой поверхности исчезли (Демаков и др., 2015. С. 110), что повлияло на особенности расселения древнего человека в мезолите.

Одной из территорий, которая была освоена в начале голоцена, является Чашкинский геоархеологический район, расположенный в пригороде г. Березники и южной части Соликамского района Пермского края. Он представляет собой крупное пойменное образование в левобережье р. Камы. Этот район в настоящее время активно исследуется авторами (Лычагина и др., 2015. С. 83–89).

В районе известно 5 мезолитических стоянок, исследования 3 памятников (Чашкинское Озеро V, Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI) проводится в последние годы (Митрошин и др., 2016. С. 117). В частности, на этих памятниках были отобраны образцы на радиоуглеродный и спорово-пыльцевой анализы.

Для реконструкции природной среды в окрестностях археологических памятников нами было проведено ручное бурение пойменных массивов с целью отбора образцов для палеокарпологического и спорово-пыльцевого анализов, а также детального радиоуглеродного датирования.

В ходе радиоуглеродного датирования было получено 4 новых даты (2 для мезолитических памятников, 2 для скважин естественных разрезов), которые могут быть отнесены к раннему голоцену (8100–7490 14С л.н.) (Лычагина и др., 2017а. С. 56).

В результате палеоруслового анализа было выделено 7 пойменных генераций, из которых наиболее древней (раннеголоценовой) является поверхность 7-й генерации, формировавшейся 9000–8200 кал. лет назад. Она сохранилась лишь в одном месте в пределах Соликамского пойменного массива (Лычагина и др., 2017б. С. 194). Нами было проведено ручное бурение этой генерации.

Скважина №825 (получившая название «Андреевская») была пробурена в южной части Соликамского пойменного массива (59° 32.862’с.ш., 56° 42.337’ в.д.). Район исследований находится в пограничной зоне средне- и южнотаежных лесов (Овеснов, 1997). Непосредственно на месте проведенных исследований произрастает заболоченный елово-березовый лес с участием сосен (*Pinus sylvestris L.* и *P. sibirica* (Rupr.) Mayr), в травянистом ярусе доминируют осоки и лабазник. Общая глубина скважины – более 5 м, разрез представляет собой типичное заполнение палеоруслa: в забое скважины до глубины 4,7 м лежит суглинок сизый, накапливавшийся, по-видимому, в режиме медленно текучей воды на стадии ухода отсюда активного русла. Залегающий на суглинке песок (4,7–4,6 м) говорит о том, что, возможно, во время половодий русло могло активизироваться. Залегающие выше органогенные отложения свидетельствуют о полном отчленении палеоруслa и формировании старицы, в которой озерное осадконакопление (оторфованный суглинок, 4,60–3,05 м) сменилось затем болотным (торф, 3,05–0 м).

Полученные данные по макроостаткам растений из отложений скважины 825 показали следующую картину. В первой половине атлантического периода (7490±90 (ГИН–15321)) на изученной территории существовал разреженный лес из березы и ели, среди травянистых видов доминировали виды мелководий – *Scirpus lacustris* L., *Butomus umbellatus* L., *Sagittaria sagittifolia* L. Единичная находка кубышки желтой *Nuphar lutea* (L.) Smith, которая растет в стоячей или слабопроточной воде на глубине 80–200 см, предполагает существование в окрестностях водоема с открытой водой.

Образцы для палинологического анализа были отобраны как из скважины №825, так и с территории мезолитических стоянок Чашкинское Озеро X и Чашкинское Озеро XI. Согласно палинологическим данным во время формирования «культурного слоя» мезолитических памятников древостой таежных лесов состоял из ели, сосны и березы. Широколиственные породы в формировании древостоя существенной роли не играли. Встречалась преимущественно липа. Позднее в состав лесных формаций внедрилась пихта. Травянистый покров формировали виды разнотравья и злаки.

Схожие результаты были получены по материалам естественного разреза. Таксономический состав и содержание пыльцы позволяет реконструировать леса таежного типа с участием ели, сосны и березы. Поскольку содержание ели в полученных спектрах в 4 раза превышает ее содержание в субрецентных спектрах, то, вероятно, доминировали еловые формации с участием березово-сосновых формаций. При проведении биомизации преобладающее количество баллов получил биом тайги.

Таким образом, результаты палеоэкологических исследований показали, что в первой половине атлантического периода доминировали таежные лесные формации: еловые и березово-сосновые. Мы полагаем, что результаты исследований в Чашкинском микрорегионе можно экстраполировать на все Верхнее Прикамье.

Территория региона в раннем голоцене осваивалась подвижными группами охотников и собирателей, которые селились либо на коренном берегу, либо на надпойменных террасах крупных рек. Судя по результатам комплексного анализа каменного инвентаря, основным занятием населения была охота (Митрошин и др., 2017. С. 26–45). Значительная часть памятников представляет собой кратковременные охотничьи стоянки, расположенные на определенном расстоянии от крупных источников воды. Основными объектами охоты в условиях тайги могли быть такие животные как лось и бобр.

ЛИТЕРАТУРА

Демаков Д.А., Копытов С.В., Лычагина Е.Л., Назаров Н.Н., Чернов А.В., 2015. Динамика освоения человеком долины Верхней Камы в контексте палеорусловых процессов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. Вып. 3. С. 108–111.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Чернов А.В., Демаков Д.А., Митрошин Е.Н., 2017а. Исчезнувшие ландшафты и ушедшие культуры: история Верхнего Прикамья в раннем голоцене // Культурные процессы в Циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. СПб.: Изд-во МАЭ РАН. С. 55–59.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Чернов А.В., Демаков Д.А., Митрошин Е.Н., 2017б. Культуры и ландшафты Верхнего Прикамья в раннем голоцене // Самарский научный вестник. Т. 6. №3 (20). Самара: Изд-во ПГСГА. С. 193–197.

Лычагина Е.Л., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., 2015. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб.: Изд-во ИИМК РАН. С. 183–188.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Батуе-

ва Н.С., 2016. Предварительные итоги изучения раннеголоценовых памятников, расположенных на восточном берегу Чашкинского озера // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V международной научной конференции, г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. / под ред. д.и.н., проф. Н.П. Матвеевой. Вып. 5: В 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета. С. 117–120.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Цыгвинцева Т.А., Поплевко Г.Н., 2017. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. №3 (21). Казань: Изд-во АН РТ. С. 26–45.

Овеснов С.А., 1997. Конспект флоры Пермской области. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. 252 с.

Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края

© 2018 А.Ф. Мельничук, Э.В. Чурилов, В.Н. Карманов

Аннотация. Характеризуются новые материалы по неолиту бассейна р. Вишеры (Северное Прикамье, Пермский край). Выявлено своеобразие каменного инвентаря, обусловленное природными и геоморфологическими условиями их расположения, а также особенности орнаментации керамической посуды. При условии их дальнейшего изучения рассмотренные источники смогут претендовать на роль опорных в изучении неолита северотаежного Прикамья.

Ключевые слова: Северное Прикамье, р. Вишера, неолит, камская культура.

Неолит в бассейне р. Вишеры долгое время был представлен лишь одним источником – жертвенным местом у камня Писаного (Бадер, 1954). Здесь в 1949 г. О.Н. Бадер выявил три фрагмента керамики с узорами в виде зубчатых оттисков и «шагающего зигзага», нанесенного гладким штампом. Эту посуду он соотнес с левшинским периодом камского неолита. В 1996 и 1998 гг. изучена вся площадка святилища, найдено немного мелких фрагментов керамики, на одном из которых отмечаются мелкозубчатые оттиски (Майстренко, Мельничук и др., 2012, С. 103). Им сопутствовал каменный инвентарь (2000 ед.), среди которого преобладали отходы кремневого производства (89 %). О.Н. Бадер полагал, что столь значительный уровень колотого кремня являлся «необходимой частью жертвенного ритуала как эмблемы огня» (Бадер, 1954. С. 232). Орудия в коллекции жертвенного места немногочисленны (3 %): пластины с ретушью, концевые и овальные скребки, режущие орудия, кресальные кремни, а также рубящее орудие с унифасиальной обработкой. Кроме того, найдены костяные предметы: изделие с приостренным краем, украшенное короткими параллельные насечками, лощило, обломок остроги (?) и фрагмент предмета с орнаментом в виде линии косого креста. Однако из-за специфики материалов Писаного камня представить целостную картину каменной индустрии и керамического производства неолита бассейна р. Вишеры было невозможно.

В конце XX – начале XXI в. работами КАЭ ПГНИУ, а также совместными исследованиями с отрядом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (2017 г.) в бассейне р. Вишеры выявлено семь новых памятников эпохи неолита.

В пещере камня Дыроватого в 2000 и 2002 гг. изучен неолитический комплекс (Майстренко, Мельничук и др., 2012. С. 103–105). В отложениях серой карбонатной глинистой супеси (0,7–0,9 м от поверхности) выявлен горизонт обломков костей млекопитающих (определены бобр, медведь, лось), к которому приурочен развал сосуда закрытой формы с венчиком без утолщения на внутренней стороне. Под срезом венчика отмечался горизонтальный ряд небольших глубоких ямок. Сосуд покрыт гребенчатым орнаментом в виде наклонных оттисков, образующих в придонной части узор в виде елочки. Рядом с сосудом обнаружен фрагмент сломанной перламутровой подвески в виде полумесяца, аналогии которой обнаружены на неолитическом Русско-Шуганском могильника в бассейне р. Ик (Казаков, 2011. С. 40, 45. Рис. 115).

Стоянка Говорливая I, расположенная на западном склоне одноименного камня, обследовалась в 1998 и 2014 гг. Здесь найдено семь мелких неорнаментированных фрагментов неолитических сосудов и 24 кремневых предмета, среди которых найден один скребок.

В 2010 г. в левобережье р. Вишеры вблизи пос. Усть-Язьва выявлены два памятника – стоянки Хомутовское болото I и II (Майстренко, Мельничук и др., 2012. С. 105–106). Они приурочены к эоловой дюне (1,8 м) на краю террасы, примыкающей ныне к болоту – остаткам палеорусла р. Вишеры.

В раскопе стоянки Хомутовское болото I (16 кв.м) найдено 13 фрагментов трех сосудов и 224 каменных предмета. Стенки посуды ангобированы охрой, а орнаментация состоит из оттисков наклонных зубчатых отпечатков и горизонтальных рядов шагающей гребенки. Основой для изготовления орудий служили сколы (52 %), отщепы (32 %), ножевидные пластины (16 %). Среди них преобладают концевые, овальные и трапециевидные в плане скребки (38 %), долотовидные орудия, по большей части однолезвийные (21 %). Остальные изделия представлены ножами, резцами на углу сломанных заготовок, перфораторами. Найден один двусторонне обработанный ромбовидный в плане наконечник стрелы из кремня.

На стоянке Хомутовское болото II раскопом (16 кв.м) изучена очажная яма глубиной до 0,3 м, к которой были приурочены артефакты. Инвентарь памятника составили 60 фрагментов керамики не менее чем от 12 сосудов и 440 предметов из камня. Посуда нередко ангобирована красной охрой. 11 сосудов украшены шагающей гребенкой, прямыми и наклонными рядами зубчатого штампа, иногда разделенными короткими гребенчатыми оттисками («гусенички»). Выделяется сосуд, украшенный наклонными оттисками мелкозубчатого штампа, под углом друг к другу. Поверх этого орнамента нанесен ряд овальных ямок. Данная гребенчато-ямочная керамика в Северном Прикамье отмечена В.П. Денисовым на поселении Васюково II и сопрягается с неолитической посудой висского типа Северного Приуралья (Денисов, Мельничук и др., 2013. С. 67; Карманов, 2008. С. 68). Любопытны фрагменты сосуда со слабо волнистыми прочерченными линиями, напоминающими декор зауральской посуды типа стоянки

Евстюниха. Отметим, что сосуды такого типа найдены в Верхнем Прикамье на поселениях Боровое озеро I, Бор I, Чашкинское озеро VI, Заборье (Майстрено, Мельничук и др., 2012. С. 109).

Основой для изготовления орудий служили отщепы (47 %), ножевидные пластины (44 %), сколы (9 %). Преобладают скребки (20 %), преимущественно концевые подпрямоугольной в плане формы. Найдены шесть долотовидных изделий и два фрагмента ножа. Разнообразен комплекс орудий из пяти резцов. Любопытны две пластины с усеченным ретушью торцом. Обнаружены два ромбовидных наконечника стрел.

Стоянка Урсинка 1. В 2017 г. на восточном побережье Хомутовского болота выявлен еще один неолитический памятник, приуроченный к поверхности надпойменной террасы высотой до 4 м и примыкающей к болоту – остаткам палеорусла р. Вишеры и долине безымянного ручья. В двух разведочных шурфах найдены кремневые предметы (истощенный нуклеус, нож на правильной пластине, скребок на отщепе, острие на массивном отщепе, скобель), грузило из плоской некремневой гальки и фрагменты гладкостенной неорнаментированной посуды. Эти материалы, возможно, иллюстрируют культуру населения раннего неолита в бассейне р. Вишеры.

В 2012 г. на восточном берегу озера Нюхти, расположенного в 15 км к юго-востоку от русла р. Вишеры и приуроченного к южной части болотного массива Дорыш выявлено два памятника – стоянки Нюхти I и II.

Раскопом (80 кв.м) на стоянке Нюхти I изучено скопление керамики и каменных предметов, тяготеющих к очажной яме. В результате выявлен уникальный для Северного Прикамья керамический комплекс, в котором проявилось сочетание в монолитном контексте гребенчатой и накольчатой посуды. Собрано 457 фрагментов керамики (без учета 2033 фрагментов в виде керамической крошки) не менее чем от 20 сосудов. Сосуды имели закрытую форму, иногда с утолщением с внутренней стороны венчика. Их поверхность часто ангобирована охрой. Преобладают сосуды камского неолита с гребенчатым декором, образующим узоры в виде горизонтальных рядов «шагающего» орнамента, коротких отпечатков («гусенички»), плотных наклонных зубчатых оттисков, между которыми отмечались разделительные вдавления. Отмечена керамика с узорами, выполненными «пунктирной» гребенкой: наклонные линии и горизонтальные ряды «шагающего» орнамента. Привлекает внимание посуда, декорированная горизонтальными рядами изогнутого мелкозубчатого штампа, напоминающий орнамент в виде ногтевидных насечек, который свойственен для неолита Южного Приуралья и Нижнего Прикамья (Выборнов, 2008. Рис. 211: 1). Явно с ней связан комплекс керамики, декорированный ногтевидными насечками, среди которого выделяется венчик сосуда, где этот тип узора отмечен в сочетании с глубокими округлыми ямками, расположенными под углом друг к другу.

Интересны комплексы разнообразной накольчатой посуды, обладавшей закрытыми формами, но венчики у них не имели утолщений с внутренней стороны. Первая группа керамики декорирована округлыми поверхностными вдавлениями, вторая – треугольными наколами, нанесенными в некоторых случаях в «отступающей» технике и образующие геометрические композиции. Примечательно, что оба вида орнаментации имитируют оттиски гребенчатого штампа.

Каменный инвентарь представлен 2256 предметами. В акватории оз. Нюхти нет выходов минерального сырья, за исключением плиточного мягкого сланца, из которого неолитическое население обычно изготавливало грузила для рыболовных снастей. Поэтому можно предположить, что сырье для производства каменных орудий доставлялось с р. Язьвы (18 км к востоку от оз. Нюхти).

Орудия среди кремневых изделий составляют 4,7 %. Они изготавливались из различных сколов (35 %), отщепов (40 %), пластин (25 %). Среди них доминируют скребки (37 %): концевые подпрямоугольные, трапециевидные, подтреугольные и овальные. Много найдено разнообразных долотовидных изделий. Ножей устойчивых форм немного. Интересен двусторонне обработанный нож из плитчатого кремня. Привлекают внимание группа резцов на углу сломанных заготовок, иногда с неоднократной подправкой рабочего лезвия, а также срединные. Среди ножевидных пластин с вторичной обработкой, выделяются сечения с вентральной ретушью и изделия с усеченным ретушью торцом. Найдено шесть листовидных наконечников стрел с двусторонней обработкой. Среди них выделяется орудие на пластинчатом сколе, острие и черешок которого выделены ретушью. Каменные изделия представлены тремя шлифованными рубящими орудиями (два тесла и один топор), рыболовными грузилами из сланца, гальками-отбойниками, а также абразивами из песчаника.

Стоянка Нюхти II расположена на низком (1,5 м) берегу озера в 0,2 км к северу от Нюхти I. В раскопе (16 кв.м) изучена производственная площадка. На ней собрано до 500 кремневых предметов, преимущественно отходы производства орудий. Найден лишь один отщеп с ретушью. Каменному инвентарю сопутствовали три фрагмента неолитической посуды с оттисками мелкозубчатого штампа.

Открытие новых памятников показали перспективность дальнейших исследований бассейна р. Вишеры с целью поиска достоверных и опорных источников для изучения неолита. Особенно это связано с наличием «чистых» контекстов в регионе (Хомутовское Болото I-II, Урсинка, Нюхти I-II), которые представят опорные неолитические комплексы.

Облик материальной культуры неолитических памятников Вишеры свидетельствует об их принадлежности к камской неолитической культуре, которая доминировала в этот период на западном склоне Урала. В свое время В.Н. Чернецов полагал, что наскальные изображения Писаного камня имеют зауральские неолитические корни (Чернецов, 1964. С. 55). Однако современные материалы по неолиту р. Вишеры не дают серьезного основания для развития этого положения ученого.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1954. Жертвенное место под камнем Писаным на р. Вишере // СА. XXI. С. 241–258.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т. 490 с.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Бурмасов М.С., Чурилов Э.В., 2013. Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества

(XIV-е Бадеровские чтение): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 320.

Казаков Е.П., 2011. Памятники эпохи камня в Закамье // Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант. 180 с.

Карманов В.Н., 2008. Неолит европейского Северо-Востока Европы. Сыктывкар. 224 с.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Балыбердина П.А., 2012. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Вып. VIII. Пермь. С. 102–110.

Чернецов В.Н., 1964. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4–12 (1). М.: Наука. 110 с.

Характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита (по результатам трасологического анализа)

© 2018 Е.Н. Митрошин, Е.Л. Лычагина

Статья публикуется при поддержке грантов РГНФ проект № 17–11–59004а/У «Неолитизация Верхнего и Среднего Прикамья: основные подходы и методы исследования» и РФФИ проект № 17–46–590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене»

Аннотация. В статье приводится сравнительная характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья. Трасологическай анализ позволил определить ведущие категории орудий на каждом памятнике. Результаты были сравнены с материалами неолитических памятников региона. Сравнение показало сходство по соотношению основных хозяйственных комплексов.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, мезолит, трасологический анализ, хозяйственные занятия.

Целью работы является рассмотрение основных хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита – выявление характерных черт и особенностей. Для анализа были использованы материалы 3 памятников, относящихся к камской мезолитической культуре: Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI, и поселение Огурдино. Все памятники расположены в относительной близости друг от друга (Митрошин и др., 2017а. С. 17; Лычагина, Митрошин, 2016. С. 93) и исследовались в XXI веке.

Поселение Огурдино расположено на правом берегу р. Камы, между поселками Огурдино и Орел Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10–11 м, и простирается вдоль берега на 2,0–2,5 км. Памятник был открыт в 1949 г. В.П. Денисовым и В.А. Обориным. Первые исследования памятника были проведены О.Н. Бадером в 1951–1952 гг. (Митрошин, 2017. С. 4). Огурдинское поселение является самым крупным и самым известным мезолитическим памятником на территории Прикамья. Материалы поселения были использованы О.Н. Бадером при характеристике развитого этапа камской мезолитической культуры. В настоящее время памятник определяется как базовый лагерь мезолитических охотников и собирателей. Последние по времени исследования были проведены в 2002 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и Е.Л. Лычагиной. Площадь раскопа 2002 г. – 96 кв.м. К мезолитическому комплексу было отнесено 374 изделия из камня. Результаты трасологического анализа данного комплекса опубликованы (Митрошин и др., 2017а. С. 16–25).

Стоянка Чашкинское Озеро X расположена на восточном берегу Чашкинского озера, в пригородной зоне г. Березники Пермского края. Она занимает мыс, образовавшийся в результате впадения в озеро безымянного ручья. Памятник был открыт Е.Н. Митрошиным в 2014 г. С 2016 г. активно изучается Е.Л. Лычагиной. При исследовании памятника были получены даты, которые подтвердили его мезолитический возраст (Лычагина и др., 2017а. С. 56). В результате работ 2016 г. в раскопе площадью 72 кв.м было найдено более 4000 изделий из камня. Подавляющее большинство из них было отнесено к отходам производства. Встречается практически все, от крупных первичных сколов и нуклеусов, в основном конической и карандашевидной формы, до микропластин. Трасологическому анализу были подвергнуты 2130 предметов (все – изделия, за исключением мелких чешуек) (Лычагина, 2016. С. 5, 20). На основе типологического анализа каменного инвентаря, его сырьевой однородности, небольших размеров самих изделий, полученной радиоуглеродной даты, памятник был отнесен к мезолитической кремнеобрабатывающей мастерской (Лычагина, Митрошин, 2016. С. 94–96).

Стоянка Чашкинское Озеро XI расположена в пригородной зоне г. Березники. Находится на надпойменной террасе высотой 11 м в лесном массиве в отдалении от берега озера, что отличает ее от других мезолитических памятников микрорегиона Чашкинского озера, которые расположены непосредственно на берегу водоема. Памятник был открыт в 2014 г. Е.Н. Митрошиным. Им же и исследуется в последние годы. Трасологическому анализу была подвергнута коллекция каменного инвентаря собранная в результате шурфовки памятника в 2015–2016 гг. – 309 предметов. Раскопанная площадь 20 кв.м. На основании ранее проведенного комплексного анализа каменного инвентаря памятник был отнесен к кратковременной стоянке охотников (Митрошин и др., 2017б. С. 27–28).

По результатам трасологического анализа на каждом из памятников было выделено 4 хозяйственных комплекса, связанных с обработкой различных видов сырья (дерево, кость/рог, камень, шкура/мясо/рыба). Ведущую роль на всех памятниках играли орудия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства – 43–65 %. Самую многочисленную категорию орудий составляли ножи по мясу/рыбе, за ними следуют проколки и скребки (Рис. 1).

Определенные различия фиксируются в соотношении комплексов по обработке кости/рога. На стоянке Чашкинское Озеро XI орудия, связанные с обработкой кости/рога, составляют вторую по численности группу. Наблюдается

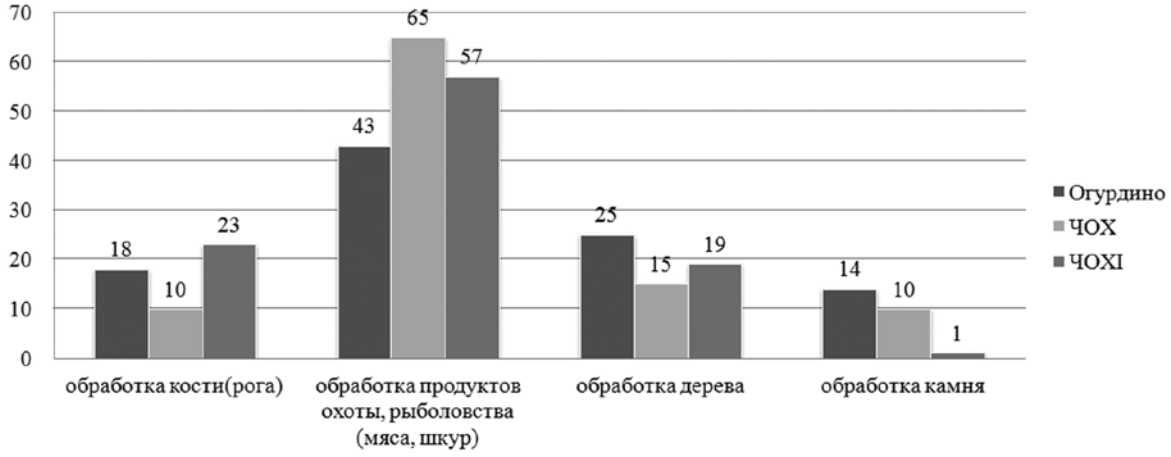


Рис. 1. Процентное распределение орудий по хозяйственным комплексам.

большое разнообразие в типах орудий (сверла, резчики, пилки, скребки, строгальные ножи), что может свидетельствовать о полном цикле работы с сырьем (костью/рогом), происходившем на памятнике. Для сравнения, этот же комплекс на стоянке Чашкинское Озеро X равен в процентном соотношении комплексу по обработке камня. А функциональный состав весьма скромен – 1 сверло и 4 резчика.

В связи с этим, интересным является орудийный набор поселения Огурдино. Так, в количественном соотношении комплекс по обработке кости/рога находится на третьей позиции, однако по типам орудий он столь же разнообразен, как на стоянке Чашкинское Озеро XI (Рис. 1).

Комплекс орудий по обработке дерева схож на всех памятниках, отличается лишь процентным соотношением относительно других комплексов и количественным составом некоторых категорий орудий. Обращает на себя внимание наличие большой группы резчиков по твердым материалам на стоянке Чашкинское Озеро XI и незначительность группы скребков. В то время как на стоянке Огурдино ситуация прямо противоположная – скребки преобладают над резчиками (Рис. 1).

Комплекс, связанный с обработкой камня, на всех памятниках самый малочисленный. Однако есть и отличия. Среди материалов поселения Огурдино фиксируется инструментальное разнообразие. В частности, нам удалось выделить – сверло, 8 ретушеров, резчик и 5 скребков. В то время, как на стоянке Чашкинское Озеро XI зафиксировано только 2 ретушера, а на стоянке Чашкинское Озеро X – 5 отбойников. Незначительность данного комплекса на стоянке Чашкинское Озеро X, которая была определена как стоянка-мастерская, вызывает определенные вопросы. Возможно, в ходе первичного расщепления активно использовались мягкие отбойники из кости и рога, которые в супесчаном грунте не сохранились. Проведение технологического анализа материалов памятника поможет ответить на этот вопрос. В тоже время, мы не исключаем, что на памятнике производилась только первичная обработка пренуклеусов, которые затем уносились.

Мы полагаем, что отмеченные различия в хозяйственных комплексах связаны с разными типами памятников. Если Огурдино – это базовый лагерь, где проходила самая разнообразная деятельность, а Чашкинское Озеро XI – кратковременная стоянка, где осуществлялась деятельность по подготовке охотничьего вооружения и разделке добычи, то Чашкинское Озеро X – кремнеобрабатывающая мастерская.

При сравнении с материалами неолитических памятников региона, наблюдается сходство по соотношению основных хозяйственных комплексов. Ведущую роль в обе эпохи играли орудия, связанные с обработкой добычи, самую многочисленную группу составляли ножи для резки мяса/рыбы (Лычагина и др., 2017б. С. 31. Рис. 4). В то же время, важно отметить появление на неолитических памятниках таких групп орудий, как грузила и пешни – напрямую связанных с рыболовством.

Следующие по численности группы составляли орудия для обработки дерева и кости. И в мезолите, и в неолите эти комплексы могли быть достаточно разнообразными. К отличиям можно отнести широкое распространение резчиков по твердым материалам на мезолитических памятниках, в то время как в неолите они встречаются эпизодически (Лычагина и др., 2017б. С. 30, Табл. 3). По всей видимости, это отличие связано с широким распространением вкладышевых орудий в мезолите.

Самой малочисленной группой во всех случаях является комплекс орудий по обработке камня. Однако и здесь есть различия. В мезолите на всех памятниках присутствует такая категория орудий, как ретушеры. В неолите они практически не встречаются, зато широко представлены оселки и отбойники (Лычагина и др., 2017б. С. 31. Рис. 4). Возможно, часть ретушеров могла использоваться в качестве отжимников. Это предположение нуждается в экспериментальных исследованиях.

Мы полагаем, что выявленные нами сходства между хозяйственными комплексами мезолитических и неолитических памятников свидетельствуют о сохранении основного хозяйственно-культурного типа при переходе от мезолита к неолиту. Отмеченные различия говорят об увеличении роли рыболовства при переходе к неолиту, а также об изменении способов изготовления орудий труда (отказе от вкладышевой техники и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

Лычагина Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Чашинское Озеро X в пригороде г. Березники Пермского края в 2016 году // Архив ЛАЭИ ПГГПУ.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., 2016. Предварительные

итоги исследований мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера // Вестник Пермского научного центра. №3. Пермь: Ай Кью Пресс. С. 92–99.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Чернов А.В., Демаков Д.А., Митрошин Е.Н., 2017а. Исчезнувшие ландшафты и ушедшие культуры: история Верхнего Прикамья в раннем голоцене // Культурные процессы в Циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. СПб.: МАЭ РАН. С. 55–59.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н., 2017б. Сравнительная характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. №4. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. С. 24–33.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н., 2017а. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестник Пермского университета. Т. 36. №1. Пермь: Изд-во Пермский государственный национальный исследовательский университет. С. 16–25.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Цыгвинцева Т.А., Поплевко Г.Н., 2017б. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. Т. 21. №3. Казань: Фэн. С. 26–45.

Митрошин Е.Н., 2017. История изучения мезолита в Пермском Прикамье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII. Пермь: Изд-во Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». С. 4–9.

Левшинский этап камской культуры в Нижнем Прикамье и его особенности

© 2018 В.В. Морозов

Аннотация. Данная публикация посвящена керамическому комплексу позднего неолита Нижнего Прикамья и его особенностям, связанным с появлением определенного процента посуды с «воротничком» под венчиком. На Русско-Азибейском поселении, кроме того, на воротничковой керамике зафиксирован орнамент, который больше характерен для новоильинских древностей. Изменение внешнего облика керамики, которое отмечено на незначительном проценте посуды камской культуры в Нижнем Прикамье, связывается с определенной «модой» того времени, которой были подвержены все неолитические культуры в лесной зоне, функционировавшие в непосредственной близости от культур Мариупольской КИО.

Ключевые слова: камская культура, левшинский этап, «русско-азибейский» тип, керамика, локальный вариант.

Не углубляясь в историографию вопроса, связанного с изучением позднего этапа камской культуры, отмечу, что термин – «левшинский этап» был введен в научный оборот О.Н. Бадером для поздненеолитических комплексов Верхнего и Среднего Прикамья (Бадер, 1970). Впоследствии Р.С. Габяшев материалы неолитических поселений Нижнего Прикамья синхронизирует с трехчленной периодизацией камской культуры по О.Н. Бадеру (Габяшев, 1978). Наиболее развернутую характеристику «левшинской» посуды с эпонимного памятника дала И.В. Калинина: сосуды толстостенные с доминирующей толщиной 0,8–1,0 см; в тесте примесь шамота, иногда очень крупного; венчики прямые (52 %), вогнутые вовнутрь (38 %) и незначительно отогнутые наружу (10 %); срез венчиков округлый или прямой; у 28 % сосудов внешняя поверхность заглажена до блеска; днища сосудов округло-конические; характерно деление орнаментальных зон на горизонтальные пояса, зоны примыкают друг к другу, но фиксируется и разреженный орнамент; оттиски гребенки длинные, средние и короткие, с количеством зубцов от 5 до 25 (больше 10 сравнительно редко); в качестве дополнительного элемента орнамента используются ямчатые вдавления. Всего исследователем было выделено семь групп орнаментальных композиций (Калинина, 2015. С. 6–9).

В 70-х гг. прошлого века Р.С. Габяшевым была изучена Русско-Азибейская стоянка, где среди поздней гребенчатой керамики был выделен «русско-азибейский» тип воротничковой керамики, который был впоследствии синхронизирован с «левшинским» этапом камской культуры Средней и Верхней Камы (Габяшев, 1978а; Васильев, Габяшев, 1982). И.В. Калинина проанализировав керамику с нижнекамских поселений, пришла к выводу, что по морфологическим признакам воротничковая керамика не может быть синхронна левшинской и должна сопоставляться с флажковыми энеолитическими комплексами (Калинина, 1993; Калинина, 2015). В одной из своих работ Р.С. Габяшев памятники «русско-азибейского» типа датирует ранним энеолитом и синхронизирует с новоильинской культурой (Габяшев, 2001). На современном этапе изучения воротничковые комплексы Нижнего Прикамья относят к энеолиту (Шипилов, 2007; Шипилов, 2014). Более осторожную позицию занимает А.А. Выборнов, который считает очень сложным определение характера памятников в пограничных географических регионах – лес/лесостепь (Выборнов, 2008). Существует еще один тезис, так, Н.Л. Моргунова считает памятники «русско-азибейского» типа поздненеолитическими, а появление воротничковой посуды объясняется влиянием/контактами неолитического населения с более южными культурами (Моргунова, 2011). Исключение составляют материалы слоя III поселений Муллино, Давлеканово, которые были вовлечены в территориальные границы самарской культуры на II этапе (Моргунова, 2011).

Изучение материальной культуры поздненеолитических памятников Нижнего Прикамья позволило установить, что все вышеперечисленные особенности левшинской керамики из эпонимной стоянки, отмеченные И.В. Калининой, подходят для поздненеолитической керамики исследуемой территории (Рис. 1), но имеют и ряд своих особенностей, таких как украшение посуды рядами ямочно-жемчужного пояска под венчиком, увеличение доли средне- и крупнозубого штампа, в т.ч с «косыми зубцами» (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008). Кроме того, особенность географического расположения Нижнего Прикамья, особенность гидрологической системы повлияли на то, что уже к началу позднего (левшинского) этапа камской

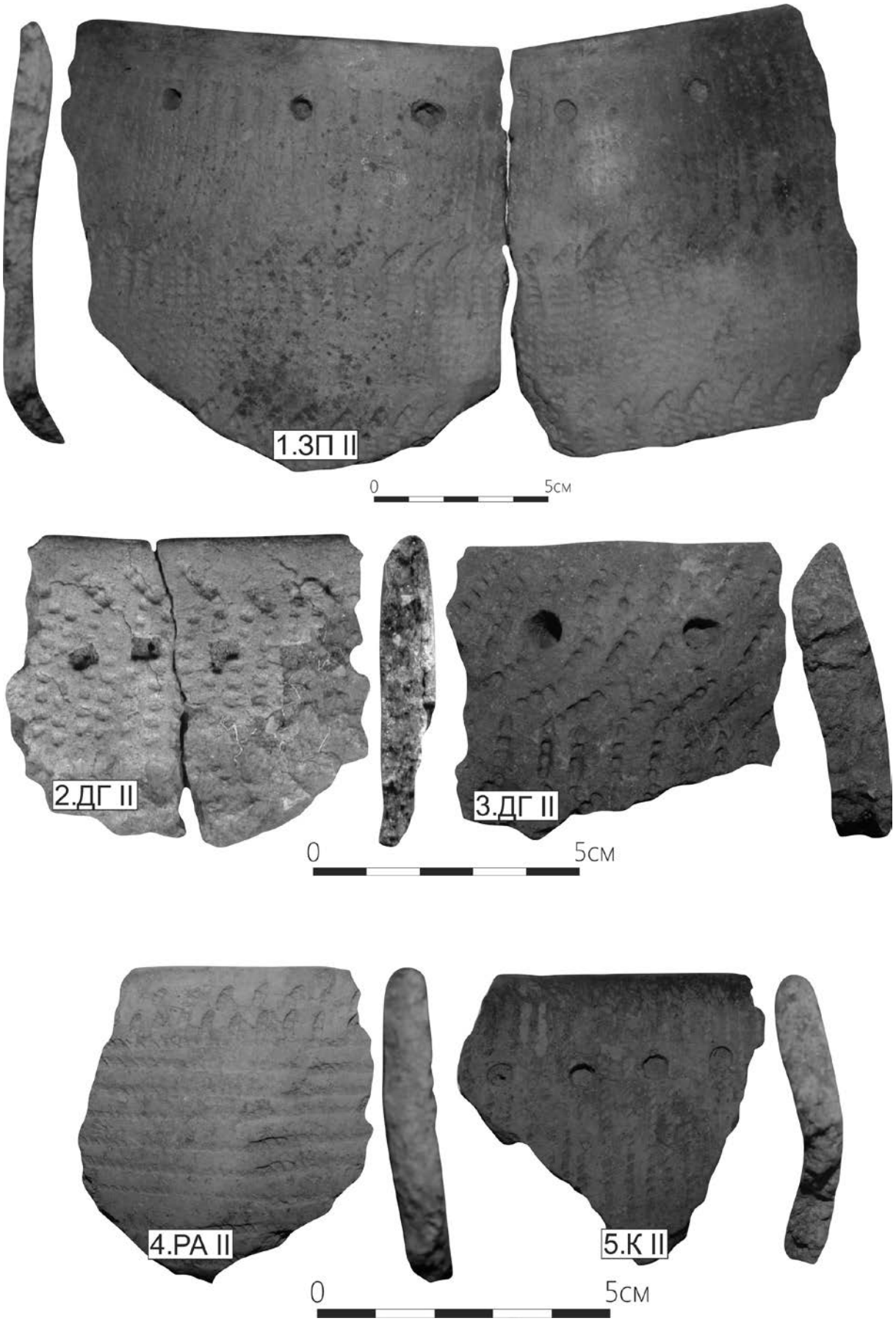


Рис.. 1. Керамика левшинского этапа камской культуры Нижнего Прикамья.
1 – Золотая падь II; 2–3 – Дубовогривская II стоянка (раскоп А.А. Чижевского и А.В. Лыганова в 2011 г. Автор выражает благодарность А.А. Чижевскому и А.В. Лыганову за возможность опубликовать неизданные ранее керамические материалы стоянки); 4 – Русско-Азибейская стоянка (раскоп II); 5 – городище ПБВ/РЖВ Казанка II, с нижним культурно-хронологическим горизонтом позднего неолита.

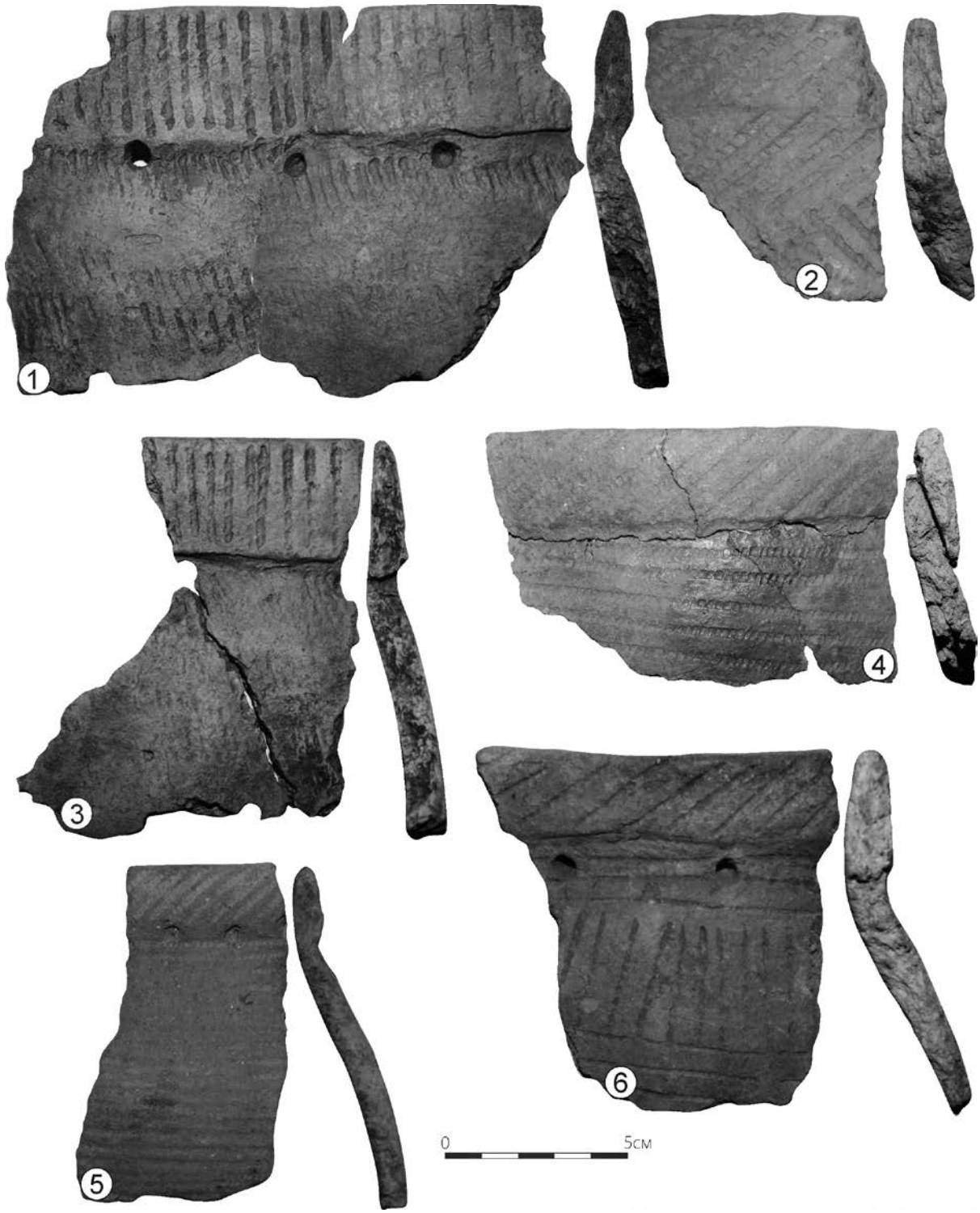


Рис.. 2. Керамика левшинского этапа камской культуры Нижнего Прикамья с южными «ивановскими» элементами – воротничковыми утолщениями под венчиками.

1, 3 – Дубовогривская II стоянка (подъемный материал напротив раскопа А.А. Чижевского и А.В. Лыганова в 2014 г.); 2, 4 – Золотая падь II; 5–6 – Русско-Азибейская стоянка.

культуры в материалах поселенческих памятников начинают просматриваться волны новшеств, связанные с появлением и ограниченным распространением «воротничковой» керамики (Рис. 2) и увеличением пластинчатости каменного инвентаря из южных областей, где в это время функционирует самарская культура (Моргунова, 2011). Хронологический интервал такого воздействия укладывается в значения 4600–4100 cal BC (Выборнов, Морозов, 2016. С. 130).

Влияние культур с воротничковой керамикой Мариупольской КИО на лесные неолитические культуры зафиксировано и в более западных областях, например, в рязанском локальном варианте льяловской культуры (Ставицкий, 2008. С. 353–361). Аналогичная керамика отмечена и на других памятниках, например, в Тамбовской области (фонды ГИМ), где на фрагментах керамики льяловского облика, всплошную украшенных ямочными вдавлениями, имелись под венчиком «воротничковые» утол-

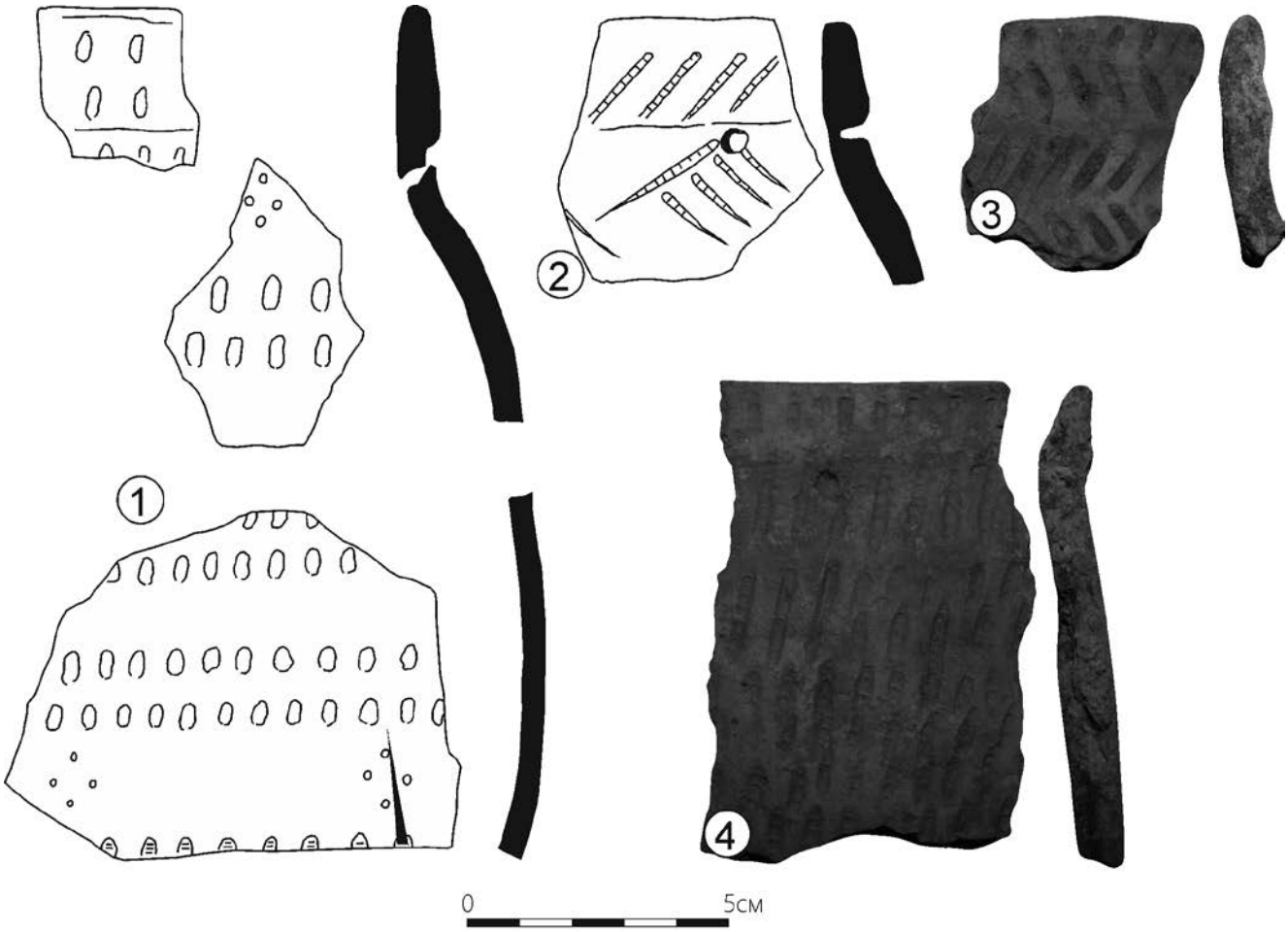


Рис. 3. Воротничковая керамика Русско-Азибейской стоянки с элементами орнамента в новоильинских традициях.

щения. Таким образом, весь ареал Мариупольской КИО оказывает влияние на северных соседей, в результате чего на территории, граничащей с ней, появляется синкретическая посуда с воротничковообразными утолщениями, но продолжающими неолитические традиции лесных культур лесной зоны Европейской части России. Отсюда вытекают и сильные различия нижнекамской поздненеолитической керамики от верхне- и среднекамской.

Появление особого признака (воротничка) в поздненеолитической керамике Нижнего Прикамья на таких археологических памятниках, как Дубовогривская II, Золотая Падь II, Игимская, Русско-Азибейская и др. связывают с посудой «ивановского» типа (II этап самарской культуры) (Моргунова, 2010; Моргунова, 2011), но в отличие от последней, в примесях к глиняному тесту здесь выступают шамот и песок, которые без особого труда фиксируются невооруженным взглядом в больших количествах на изломах черепков.

Таким образом, поздненеолитическое население Нижнего Прикамья, ведя свою жизнедеятельность в контактной зоне (на границе леса и лесостепи) и соприкасаясь территориально с самарской культурой, сохраняет свои традиции и приобретает ряд новых черт. И как уже было сказано, отсюда вытекают и некоторые различия левшинской керамики Среднего и Верхнего Прикамья от поздненеолитической посуды Нижнего Прикамья.

Если посмотреть по отдельности на материальную культуру каждого памятника, содержащего воротничковую керамику, то появляется интересная закономерность.

К наиболее ранним стоянкам, по всей видимости, можно отнести Гулюковскую I стоянку (Морозов, Лыганов, Капленко, 2017) и Дубовогривскую II стоянку (часть материалов из раскопов П.Н. Старостина и Р.С. Габяшева в 1969 г.) с удельным весом южных элементов не достигающим и 5 %.

Далее в хронологическом порядке должны располагаться стоянки Золотая Падь II, Игимская, Дубовогриская II (раскопки А.А. Чижевского и А.В. Лыганова в 2010–2016 гг.), в материальной культуре которой отмечены воротничковые комплексы, достигающие значений 15–25 %.

На Русско-Азибейской стоянке процент такой посуды увеличивается до 40 % (если к воротничковой керамике относить комплексы с профилированной керамикой и раздутым туловом). На таких памятниках появляются сосуды с «флажковыми» элементами в орнаменте – ямчатые вдавления, короткие оттиски гребенчатого штампа, именуемые в литературе как «гусенички», «жучки», «личинки», ямчатые вдавления и, собственно сам флажковый орнамент (Рис. 3). Необходимо повторить, что на такой керамике визуально на изломах черепков фиксируется только шамот и песок. На воротничковой керамике не зафиксировано изменение процесса изготовления глиняной посуды, внутренний облик которой в данном случае представлен формовочной массой и исходным пластичным сырьем. Здесь отмечена только внешняя незначительная трансформация форм, связанная с появлением такого специфического оформления, как «воротничок», которая трактует-

ся мной исключительно как «мода» того времени, которой были подвержены неолитические керамические традиции лесной зоны, располагавшиеся в приграничных географических зонах в непосредственной близости от Мариупольской КИО. Присутствие на поздненеолитических (финальнонеолитических) памятниках Нижнего Прикамья керамики в «новоильинских» традициях, а также ее хронологическая и стратиграфическая позиция по отношению к «воротничковому горизонту» локального (нижнекамского) варианта левшинского этапа камской культуры требуют отдельного изучения, хотя уже сейчас, судя по радиоуглеродным датам, поздняя воротничковая керамика может быть синхронна ранней новоильинской (Выборнов, 2008; Лычагина, Выборнов, 2009). Видимо, это хорошо иллюстрируется на Русско-Азибейском поселении, где отмечена специфическая керамика с воротничковым оформлением венчика, и орнаментом, который характерен для новоильинской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // МИА. №166. М.: Наука. С. 157–171.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ. С. 3–23.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.

Выборнов А.А., Морозов В.В., 2016. Радиоуглеродные данные по неолиту Нижнего Прикамья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тыс. до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 129–135.

Габяшев Р.С., 1978. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. Вып. 153. С. 74–76.

Габяшев Р.С., 1978а. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань. С. 22–39.

Габяшев Р.С., 2001. Энеолит Нижнего Прикамья // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Ред. Коллегия П.Н. Старостин и др. Казань: Школа. С. 44–55.

Габяшев. Р.С., 2003. Население Нижнего Прикамья в V-III тыс. до н. э. Казань: Фэн. 222 с.

Калинина И.В., 1993. Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона (Подходы и методика изучения) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 23 с.

Калинина И.В., 2015. О левшинском этапе камского неолита // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 10. Пермь. С. 4–20.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., 2009. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Казань (№2). С. 33–36.

Моргунова Н.Л., 2010. К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного – лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт. С. 184–193.

Моргунова. Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 220 с.

Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М., 2017. Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология №3 (21). Казань: Фэн. С. 70–88.

Ставицкий В.В., 2008. Проблема сложения рязанского варианта культур ямочно-гребенчатой керамики // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН. С. 353–361.

Шипилов А.В., 2007. Итоги исследований стоянки Золотая падь II // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Йошкар-Ола. С. 220–228.

Шипилов А.В., 2014. Материальная культура и хозяйство населения раннего энеолита Икско-Бельского междуречья // Актуальные вопросы Российской археологии. Сб. стат. Вып. 1. Казань. С. 69–99.

Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-лесостепь

© 2018 В.С. Мосин

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18–09–00040 «Корреляция хронологии неолитических культур степной, лесостепной и лесной зон от Дона до Иртыша».

Аннотация. В Зауралье исследовано около 160 памятников неолита, получено 125 радиоуглеродных дат, причем лесная зона лучше обеспечена результатами датирования. В раннем неолите кошкинские комплексы немного древнее козловских как в лесу, так и в лесостепи, полуденская и боборыкинская традиции позднего неолита практически синхронны в обеих зонах, а в степной зоне этому времени соответствует маханджарская традиция.

Ключевые слова: неолит, Зауралье, радиоуглеродная хронология, лес, лесостепь.

К настоящему времени в Зауралье в той или иной степени исследовано около 160 памятников эпохи неолита. Памятники расположены преимущественно в лесной и лесостепной зонах восточного склона Урала и Притоболья. Однако практически «белым пятном» на карте неолита Зауралья пока остается большая часть берегов рек Тура, Ница, Пышма, Миасс, Уй, что отрицательно влияет на возможности анализа распространения той или иной традиции. Степная зона изучена крайне слабо, за исключением памятников маханджарской традиции Костанайского Притоболья.

По уже устоявшейся традиции неолит делится на два этапа: ранний и поздний. Ранний неолит Зауралья представлен материальными комплексами двух основных традиций: козловской и кошкинской, поздний неолит – полуденской и боборыкинской. Хронологические позиции указанных традиций подкреплены сериями радиоуглеродных дат (Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014. С. 33–48; Мосин, 2015. С. 108–113) и практически никем не оспариваются, за редким исключением.

За все время исследований изучено более шестидесяти памятников, содержащих материалы раннео-

литических традиций и около ста памятников с артефактами позднего неолита. В обоих случаях мы имеем дело преимущественно с керамическими коллекциями. Представить более точную статистику хронологической принадлежности исследованных памятников практически невозможно, поскольку далеко не все материалы, на которые опираются археологи в своих обобщениях, полностью опубликованы. Большая часть работ содержит или выборочные жилищные комплексы или типологически выделенные комплексы керамики. Еще более запутывают ситуацию памятники, на которых керамика разных традиций и разных этапов неолита была зафиксирована в совместном залегании. В лесной зоне это Кокшаровский холм и Варга 2, где в нижнем слое была встречена кошкинская и козловская керамика, а также Кедровый мыс I, где совместно залегала козловская и полуденская посуда (Жилин и др., 2007; Шорин, Шорина, 2011. С. 70–77; Мосин и др., 2017. С. 46–56). В лесостепной зоне на Мергень 6 вместе зафиксированы кошкинская и боборыкинская керамика, а на Мергень 7 – козловская и полуденская (Зах, Еньшин, 2015. С. 34–43; Еньшин, 2015. С. 15–27). Памятников с «прямой» стратиграфией, где культурные слои раннего неолита перекрывались бы «чистыми» слоями позднего неолита почти нет. До сих пор не определен хронологический приоритет (если он был) между традициями как раннего, так и позднего неолита и неясно соотношение (единство или различие) между лесными, лесостепными и степными памятниками.

Для раннего неолита обеих ландшафтных зон (более 60 памятников) получено 77 радиоуглеродных дат. Для лесной зоны кошкинской традиции – 30 анализов, для козловской – 22; для лесостепной кошкинской – 6, козловской – 19 датировок. В абсолютных значениях cal BC хронология традиций выглядит следующим образом: лес – кошкинская – 6300–5300 cal BC, с возможным удревнением до 6570–6390 cal BC за счет трех дат по углю, и одной по керамике с Кокшаровского холма; лесостепь – 6300–5900 cal BC. Лесная зона – козловская – 6100–5800 cal BC, лесостепная – 5800–5400, с возможным удревнением, примерно до 6460 cal BC, за счет даты по углю 7440±60 (ЛЕ–1534) с Ташково I. Возвращаясь к дискуссии о путях неолитизации Зауралья с различных территорий, необходимо отметить, что предположение о миграции носителей кошкинской традиции из Нижнего Поволжья (орловская культурная традиция) не подтверждается радиоуглеродными датами. Самые ранние даты слоя 3 стоянки Варфоломеевка – 6250–5770 cal BC немного позже (или синхронны) кошкинских (6300 cal BC), хотя предполагается и удревнение за счет двух дат Киевской лаборатории по одному образцу до 7050–6400 cal BC, что далеко не бесспорно (Радиоуглеродная хронологи..., 2016. С. 62–73). Также спорной остается гипотеза о миграции носителей кельтеминарской традиции в Зауралье и возникновении козловских древностей на этой основе. Самая ранняя дата стоянки Аякагитма – 6101–5969 cal BC, синхронная козловским (с учетом возможного удревнения последних), вообще моложе (Szymczar, Khudzhanazarov, 2006. P. 26).

Памятников с материалами позднего неолита полуденской и боборыкинской традиций изучено более 100, радиоуглеродных датировок значительно меньше – всего 48. Для лесной зоны полуденской традиции – 10 анализов, для боборыкинской – 16; для лесостепной зоны обе традиции имеют по 11 дат. В абсолютных значениях cal BC хронология традиций выглядит следующим образом: полуденская – лес – 5200–4250 cal BC, лесостепь – 5210–4360 cal BC. Боборыкинская традиция: лес – 5300–4350 cal BC, лесостепь – 5469–4260 cal BC, но здесь возможно существенное удревнение до 6090 cal BC за счет одной даты с Юртобора 3 (7110±70 (KIA–51100)). В целом полуденская традиция одновременна в обеих зонах, боборыкинская выглядит немного древнее в лесостепи, но все в пределах статистической погрешности. Синхронность традиций подтверждается встречаемостью в тех и других комплексах степной керамики маханджарской традиции, датируемой около 5100 cal BC.

В итоге можно отметить, что лесная зона лучше обеспечена результатами, правда, в значительно степени за счет одного памятника с длительной историей функционирования (Кокшаровский холм). В раннем неолите кошкинские комплексы, по имеющимся данным, немного древнее козловских в обеих зонах, даже с учетом возможности удревнения. Существенное наложение хронологических интервалов обеих традиций раннего неолита показывает их долговременное сосуществование и взаимодействие. Обе традиции позднего неолита практически синхронны и в лесу, и в лесостепи, сосуществуют и взаимодействуют почти 1000 лет, что, вероятно и отразилось в технологии керамического производства, где приемы составления формовочных масс полуденских гончаров аналогичны басьяновским (боборыкинским) (Васильева, 2011. С. 122–123).

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И.Н., 2011. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Вып. 26 / Отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург–Сургут: Магеллан. С. 103–124.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (57). С. 33–48.

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М., 2007. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург: Режевский печатный дом. 98 с.

Зах В.А., Еньшин Д.Н., 2015. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. №2 (62). Т. 6. С. 34–43;

Еньшин Д.Н., 2015. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // ВААЭ. №2 (29). С. 15–27.

Мосин В.С., 2015. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестник Кемеровского государственного университета №2 (62), Т. 6. С. 108–113.

Мосин В.С., Страхов А.Н, Яковлева Е.С., Никитин А.Ю., 2017. Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс I в Южном Зауралье // Вестник ЮУрГУ (Серия «Социально-гуманитарные науки»). Т. 17, №4. С. 46–56.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. 2016. Коллективная монография / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 456 с.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2011. Хроностратиграфия не-

олитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. №3 (47). С. 70–77.

Karol Szymczar, Mukhiddin Khudzhanazarov. 2006. Exploring The Neolithic of the Kyzyl-Kums. Warsaw. P. 26.

Охота и рыболовство мезолитического населения лесного Зауралья

© 2018 С.Н. Савченко

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16–06–00096.

Аннотация. Памятники со стратифицированными культурными слоями разных этапов мезолита, датированными методами естественных наук, позволили получить данные о промыслах зауральского населения этого периода. На протяжении мезолита охота на лося и бобра была ведущей отраслью хозяйства. Рыболовство, возникнув в раннем мезолите, с появлением сетей в среднем мезолите становится самостоятельной отраслью хозяйства.

Ключевые слова: мезолит, лесное Зауралье, охота, рыболовство.

Исследование в Зауралье памятников со стратифицированными культурными слоями разных этапов мезолита, датированными методами естественных наук, позволило получить материалы, характеризующие промыслы населения на протяжении мезолитического периода (Чаиркин, Жилин, 2005; Жилин и др., 2012; Жилин, Савченко, 2014а). Задачей работы является попытка проследить, какую роль в хозяйстве мезолитического населения региона играли охота и рыболовство, и как менялось их соотношение на протяжении периода.

Раннемезолитические памятники конца позднего дриаса–пребореала датируются около 10200–9000 некалибр. лет назад. Естественнонаучные данные говорят о мозаичности ландшафтов. В пребореале, в отличие от дриаса, преобладает пыльца древесных растений. Распространены елово-лиственничные редколесья с примесью березы, значителен комплекс травянистых растений (Зарецкая и др., 2014. С. 104, 106). В слоях преобладают кости основных видов лесных зверей, больше всего лося и бобра, имеются кости животных плейстоценового комплекса, исчезающих в дальнейшем, кости птиц и рыб – щуки, карася, окуня, плотвы (Жилин, Савченко, 2014б. С. 21).

Материалы раннего мезолита представлены в мезолитических слоях Шайтанской и Лобвинской пещер, нижних (V) культурных слоях прибрежных заторфованных частей стоянок Береговая I и II на Горбуновском торфянике; в Шигирской коллекции есть вещи, датированные AMS-методом. Судя по находкам, основой промысловой деятельности была охота на лося, что сохраняется на протяжении всего мезолита. Из орудий охоты больше всего найдено костяных наконечников стрел, каменные наконечники не известны. В первой половине пребореала бытуют игловидные наконечники – цельные короткие округлого сечения (Рис. 1: 1, 2) и составные вкладышевые с одним длинным пазом округлого сечения и уплощенные (Рис. 1: 3). В это время формируется специфический уральский тип наконечников – узкие плоские асимметричные с одним длинным пазом. Найден обломок наконечника переходной формы, по соотношению толщины и ширины он игловидный уплощенный, но его колющий конец асимметричен. Во второй половине пребореала, помимо игловидных, узких плоских симметричных и асимметричных (Рис. 1: 4, 5), появляются однокрылые наконечники с шипами без шипа (Рис. 1: 7) на крыле. Найден обломок деревянного дротика. Охотничьи кинжалы и ножи представлены заготовкой изогнутого рогового колющего кинжала и обломком плоского прямого вкладышевого ножа.

Доказательством раннемезолитического рыболовства является находка костяного рыболовного крючка (Рис. 1: 9). Найдены три обломка однорядных наконечников гарпунов (Рис. 1: 10, 11), обломок однорядного наконечника гарпуна или зубчатого острия и обломок двурядного деревянного наконечника остроги или дротика (Рис. 1: 12) (Савченко, Жилин, 2018, в печати). Гарпуны, на мой взгляд, применялись прежде всего для добычи бобра, кости которого в мезолитических слоях на Урале и в Восточной Европе занимают второе место после костей лося, но, возможно, ими также добывали выдру и крупную рыбу. В пользу такого предположения говорит то, что остатки рыб в раннемезолитических слоях малочисленны и принадлежат небольшим экземплярам длиной до 50 см, для ловли которых не нужны гарпуны с массивными наконечниками. Применение гарпунов для охоты на бобра демонстрирует находка черепа бобра с застрявшим обломком острия гарпуна с неолитического поселения Сахтыш I в Верхнем Поволжье (Жилин, 2004. С. 44). Зубчатые острия, имевшие в отличие от наконечников гарпунов неподвижное соединение с древком, могли использовать как наконечники острог для добычи рыбы или как наконечники дротиков при сухопутной охоте (Савченко, 2017. С. 27, 34).

Памятники среднего мезолита соотносятся с бореальным периодом 9000–8000 некалибр. лет назад. Палинокомплекс соответствует растительности березовых, сосново-березовых лесов с остатками травяно-кустарникового комплекса на открытых участках и свидетельствует о потеплении (Зарецкая и др., 2014. С. 104, 106). Костные остатки показывают многообразие фауны, где по-прежнему преобладают лось и бобр, много костей водоплавающих птиц, в большом количестве найдены кости рыб – щуки, карася, окуня, плотвы, карповых, тайменя (Савченко, 2014. С. 193).

Материалы этого времени происходят из прибрежных частей стоянок Береговая II, культурный слой IV; Береговая I, культурные слои III и IV; мезолитических слоев Кокшаровско-Юрьинских I и II стоянок на Кокшаровском торфянике и Шигирской коллекции. Сохраняются все типы костяных наконечников стрел, бытовавших ранее, и появляются новые – двукрылые без шипов симметричные (весловидные) (Рис. 1: 16) и асимметричные, с утолщенной конической или биконической головкой (Рис. 1: 6) и стержнем между головкой и насадом. Новая категория во-

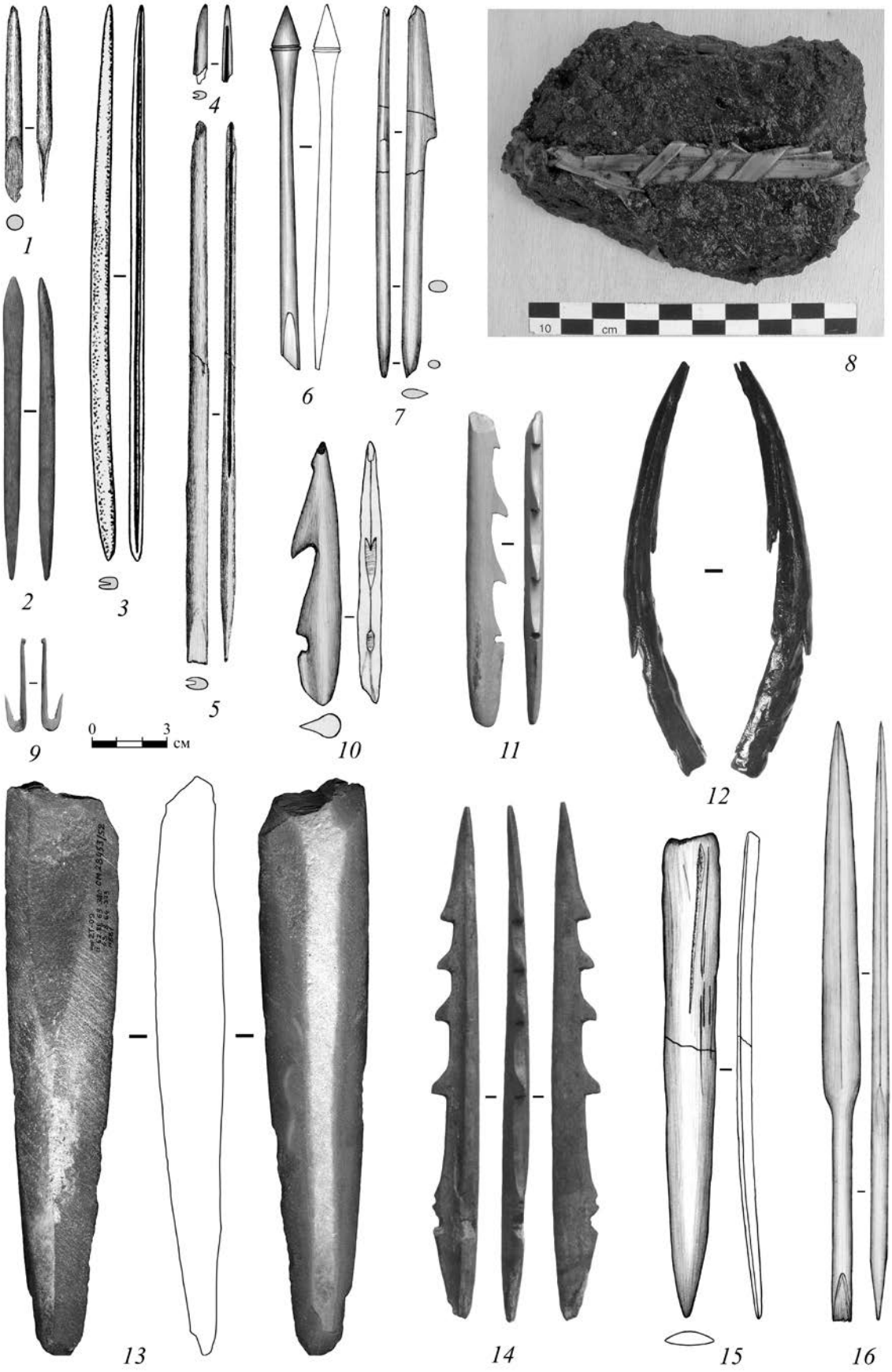


Рис. 1. Орудия охоты и рыболовства. 1–7, 16 – наконечники стрел (кость); 8 – сетевое грузило (камень, растительный материал); 9 – рыболовный крючок (кость); 10, 11, 14 – наконечники гарпунов (кость); 12 – наконечник остроги или дротика (дерево); 13 – пешня (камень); 15 – кинжал (кость).

1, 3 – Шайтанская пещера, мезолитический культурный слой; 2 – Береговая I, культурный слойV; 4, 5, 7 – Лобвинская пещера, мезолитический культурный слой; 6, 15 – КокшаровскоЮрьинскаяII, мезолитический культурный слой; 8, 13, 16– Береговая II, культурный слой IV; 9–12– Береговая II, культурный слой V;14– Береговая II, культурный слой III.

оружения – массивные рогатины с костяными наконечниками из разрезанных трубчатых костей. Найдены цельные деревянные дротики с иволистным или коническим острием. Многочисленны цельные (Рис. 1: 15) и вкладышевые охотничьи ножи и кинжалы разных типов.

Артефакты, связанные с рыболовством среднего мезолита, получены на стоянках Береговая I и II, Кокшаровско-Юрьинская I и II. На Береговой II в это время озеро подходило прямо к скалам. Люди использовали сооружения типа плотов или причалов, крепившиеся к забитым в дно кольям. Найдено много костей рыб в основном от некрупных особей до 50 см, отдельные экземпляры щуки до 70 см, тайменя – до 65 см, встречено скопление чешуи – результат чистки рыбы (Жилин, Савченко, 2014б. С. 23). Найдено 6 каменных сетевых грузил. Пять – камни без обработки 9,5–12,0 × 6,5–9,0 см с поперечной обмоткой из растительного материала (Рис. 1: 8), единично определено, что обмотка из луба серой ивы. Шестое грузило с парными выбоинами на краях для привязывания. Грузила с выбоинами есть на Кокшаровско-Юрьинской I и II. Два из них весом 1,5–2,0 кг могли быть якорями легких лодок или рыболовных ловушек типа вершей (Жилин и др., 2012. С. 39). Найдены обломки стержня костяного рыболовного крючка, однорядных наконечников гарпунов и, возможно, зубчатого острия. С Береговой I происходит палка с кольцевыми нарезками у концов – кляча для бредня. На Береговой II обнаружена каменная пешня для пробивания льда (Рис. 1: 13). Все указывает на то, что анализируемые стоянки были обитаемы в теплое время года. Возможно, пешня связана с единичным посещением данного места для зимней рыбалки (Савченко, Жилин, 2018, в печати).

Поздний мезолит соответствует рубежу бореал – атлантик и началу атлантика 8000–7400 некалибр. лет назад. Спектры рубежа бореал – атлантик отражают похолодание. В первую половину атлантика идет постепенное потепление. Преобладает сосна, уменьшается количество березы, присутствует ель, кедр, пихта, появляются широколиственные. Уровень воды в озерах понижается, начинается процесс торфообразования (Зарецкая и др., 2014. С. 104).

Промысловые орудия позднего мезолита представлены в III культурном слое Береговой II и двумя кинжалами из Шигирской коллекции. Все они датируются началом позднего мезолита, более поздние памятники не известны. Хозяйственная деятельность в прибрежной части стоянки велась на полосе сухого торфа у подножия коренного берега. Как и раньше, доминируют кости лося и бобра. Есть несколько скоплений гастролитов, чешуи и костей рыб – результат чистки и потрошения охотничьей добычи и уловов (Жилин и др., 2015. С. 195). Найдены наконечники стрел – игловидный уплощенный с пазом, однокрылый без шипа, двукрылый и с биконической головкой и биконическим утолщением на стержне, а также обломок заготовки простого цельного лука. Найдено два каменных сетевых грузила. Одно – округлой формы из осколка сланца, второе – гранитный валунчик со следами поперечной обвязки. Есть 2 однорядных наконечника гарпунов (Рис. 1: 14). Лопасть деревянного весла говорит о существовании лодок, использовавшихся в том числе для рыболовства (Савченко, Жилин, 2018, в печати).

Изменение климата в конце позднего дриаса привело к распространению лесов и изменению состава фауны. Судя по костным остаткам, на протяжении мезолита основными объектами охотничьего промысла в Зауралье были лесные звери, прежде всего лось и бобер, также на стоянках представлены кости птиц и рыб, что говорит о формировании хозяйственно-культурного типа таежных охотников-рыболовов-собирателей.

Основным видом охотничьего вооружения в мезолите был лук со стрелами. В слоях раннего и среднего мезолита найдены цельные деревянные дротики, среднего мезолита – массивные наконечники рогатин. На протяжении мезолита охота на крупных зверей оставалась ведущей отраслью хозяйства. Для добычи бобра, вероятно, использовались гарпуны. В среднем и позднем мезолите в теплое время года заметную роль играла охота на водоплавающих птиц. Очевидно, помимо рассмотренных, применялись и другие способы охоты, но материальные подтверждения этому пока не найдены.

Рыболовство возникает по крайней мере в раннем мезолите, но малочисленность остатков рыб говорит о том, что в этот период оно еще не играло существенной роли. В это время используются индивидуальные орудия лова – удочки с костяными крючками, остроги и, возможно, гарпуны, хотя небольшие размеры добытых рыб, говорят в пользу применения последних для охоты на бобра.

С появлением в среднем мезолите орудий коллективного лова – рыболовных сетей (бредней), роль рыболовства возрастает. Это находит отражение в увеличении количества и появлении скоплений костных остатков рыб в культурных слоях среднего и особенно позднего мезолита. Находка пешни доказывает существование зимой подледного лова. Свидетельств использования в мезолите Зауралья деревянных рыболовных конструкций и плетеных ловушек, подобных найденным на мезолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2004. С. 54–55; Замостье 2, 2013. С. 46–75), пока нет, но учитывая небольшую исследованную площадь памятников, не исключено их обнаружение в дальнейшем. В позднем мезолите, а, возможно, уже в среднем мезолите, рыболовство становится самостоятельной отраслью хозяйства, играющей существенную роль в жизни зауральского населения (Савченко, Жилин, 2018, в печати).

Из-за ограниченного объема имеющегося материала, выводы носят предварительный характер, появление новых данных позволит их дополнить и скорректировать.

ЛИТЕРАТУРА

Жилин М.Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 144 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., 2014а. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. Казань: Отечество. С. 255–259.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., 2014б. Динамика природного окружения и использование прибрежного участка многослойной стоянки Береговая II в Зауралье // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 20–24.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Зарецкая Н.Е., 2015. Раскопки ранненеолитических торфяниковых стоянок Варга 2 и Береговая II в Среднем Зауралье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб.:

ИИМК РАН. С. 193–197.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., 2012. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: ИА РАН. 167 с.

Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги, 2013 / В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, И. Клементе-Конте (ред.). СПб.: ИИМК РАН. 240 с.

Зарецкая Н.Е., Панова Н.К., Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Успенская О.Н., Савченко С.Н., 2014. Геохронология, стратиграфия и история развития торфяных болот Среднего Урала в голоцене (на примере Шигирского и Горбуновского торфяников) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 22. №6. М.: Наука. С. 84–108.

Савченко С.Н., 2014. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratumplus. №1. С. 181–208.

Савченко С.Н., 2017. Наконечники гарпунов и зубчатые острия в каменном веке Урала // РА. №2. С. 27–38.

Савченко С.Н., Жилин М.Г., 2018. Рыболовство в мезолите Зауралья (по материалам торфяниковых памятников) // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб.: ИИМК РАН. В печати.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г., 2005. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia. С. 252–273.

Костяные и роговые изделия в кладах каменного века

© 2018 Ю.Б. Сериков

Аннотация. На территории Урала и Сибири среди 35 кладов каменного века только в трех присутствовали костяные и роговые изделия. По составу все клады строго индивидуальны. Анализ топографии кладов позволяет считать их культовыми маркерами между освоенным и неосвоенным пространством. Этим они отличаются от многочисленных кладов волосовской культуры, которые являются личными «приношениями» погребенным людям.

Ключевые слова: клад, костяные изделия, семантика.

На территории Урала и Сибири известно не менее 35 кладов каменного века. Состав их очень разнообразен – бифасы, наконечники стрел, нуклеусы, топоры, тесла, скребла, скребки, пластины, заготовки орудий, абразивы, отщепы. Единично в кладах встречаются предметы неутилитарного назначения («утюжки», фигурные кремни, диски-навершия, скульптурное изображение рыбки, украшение из жадеита) (Сериков, 2011; Калиева, 1988; Привалихин, 2011; Бродянский, Попов, 2011). Так же редко в кладах каменного века встречаются и костяные и роговые изделия.

Первый клад с костяными и роговыми изделиями обнаружен в 1958 г. в долине р. Абакан на месте размытой палеолитической стоянки (Республика Хакасия). Относится он к полисырьевым кладам орудийно-технического типа. В ямке под песчаниковыми плитами кроме десяти каменных изделий лежали восемь роговых орудий и пять заготовок из костей лошади (Липский, 1963. С. 11–20).

Орудия из рога (три целых и пять сломанных) имеют веретенообразную форму, широкие концы уплощены, у двух изделий с двух сторон прорезаны неглубокие желобки. Длина целых орудий достигала 28–30 см. Автор считает их наконечниками метательных копий (Липский, 1963. С. 14–15; Рис. 3: 1–4; 4: 1–4).

Костяными заготовками служили метакарпальные кости дикой лошади, оба конца у которых были поперечно срезаны и частично подработаны. Длина костей колеблется от 19 до 24 см (Липский, 1963. С. 17; Рис. 6).

Данный клад автор относит к палеолиту и сравнивает его с ямками-кладовочками костенковского типа (Липский, 1963. С. 13–19).

Оригинальный моносырьевой клад орудийно-технического типа найден в 1978 г. на р. Ангаре в устье Нижней речки (Красноярский край). Обращает на себя внимание необычный состав клада. В него входили две тесловидные кирки, 28 длинных трубчатых костей крупных птиц и около 70 обломков аналогичных костей. Кроме этого в кладе находились и отдельные кости животных: нижняя челюсть косули, диафизы бедра и голени косули, обломок кости лося и фрагмент нижней челюсти лебедя (Привалихин и др., 2003. С. 75).

Одна кирка размером 19,0×5,7×4,0 см выполнена из основного ствола рога лося. Лезвие тщательно отшлифовано, но обушная часть оставлена без обработки. Вторая кирка вырублена из лопатообразного расширения рога лося. Имеет прямоугольную форму размером 13,8×5,0×3,4 см. Лезвие также отшлифовано, на обухе проделан глубокий паз для крепления рукоятки. Обе кирки изготовлены каменным орудием (Привалихин и др., 2003. С. 76; Рис. 4: 1, 5).

Длинные трубчатые кости принадлежат гусю гуменнику (3 экз.), журавлю (стерху) (3 экз.) и лебедю-кликуну (22 экз.). Среди костей лебедя преобладают кости плечевые и предплечья (20 экз.). У одной плечевой кости аккуратно обрезаны эпифизы. В результате получилась трубочка длиной 17,6 см и диаметром 2,7 см, которую можно отнести к игольникам. Кольцевые нарезки выявлены еще на трех костях (Привалихин и др., 2003. С. 75–76; Рис. 4: 2, 3, 6). Возможно, они были заготовками игольников.

На основании аналогий авторы датируют клад глазковским временем, несмотря на то, что все изделия обработаны каменными орудиями (Привалихин и др., 2003. С. 76–77).

Еще один клад костяных изделий обнаружен в заторфованной части 2-ой Береговой стоянки Горбуновского торфяника (Свердловская обл.). Одиннадцать костяных наконечников лежали в слое среднего мезолита вплотную друг к другу. Шесть наконечников лежали плашмя, остальные находились на ребре (Жилин, Савченко, 2010).

Десять наконечников относятся к типу двукрылых симметричных без шипов. Один наконечник является заготовкой узкого асимметричного вкладышевого. Длина изделий колеблется от 18 до 23,5 см. Анализ наконечников показал, что четыре изделия из клада были в употреблении

в качестве наконечников метательного вооружения, три наконечника завершены в обработке, но не использованы, обработка еще четырех наконечников не была закончена. Данный клад является моносырьевым, орудийным.

Компактное залегание наконечников в сапропеле позволяет предполагать, что весь комплект изделий был связан в средней части. По мнению авторов раскопок, данный комплект по какой-то причине был брошен в воду. Если бы наконечники не были связаны, то прибрежное волнение привело бы к значительно разбросу. Авторы склоняются к предположению, что связка наконечников была брошена в воду в качестве ритуального приношения (Жилин, Савченко, 2010. С. 302–315).

Подобные ритуальные «клады» хорошо известны на погребальных памятниках волосовской культуры. Е.Л. Костылева и А.В. Уткин сообщают о 39 ритуальных кладах волосовской культуры (Костылева, Уткин, 2011. С. 340–342). Костяные изделия в этих кладах встречаются гораздо чаще.

В кладе №7 на стоянке Володары (Нижегородская обл.) находились 12 подвесок из резцов лося, семь подвесок из клыков куницы, пять костяных подвесок, костяная рукоятка орудия и костяной составной рыболовный крючок. Уникальным изделием из этого клада является костяная заколка с навершием в виде головки лосихи (Цветкова, 1975. С. 103–109; Рис. 5: 1, 3–7).

Костяные изделия присутствуют в девяти из четырнадцати ритуальных кладах стоянки Сахтыш II (Ивановская обл.). Чаще всего это гарпуны, их обломки, проколки, подвески из зубов животных. Из скульптурных поделок нужно отметить головку хищной птицы на длинном стержне птицы (клад №10), детали клюва птичьей маски (клады №№6, 8, 10) и объемную модель фаллоса (клад №10) (Костылева, Уткин, 2011. Рис. 9: 14; 12: 1,2; 15: 1, 2, 5, 6).

Следует подчеркнуть, что практически в каждом кладе находились сильно дробленые кости птиц и млекопитающих. А в двух кладах (№1 и 10) поверх изделий найдены кости медвежьих лап, лежавшие в анатомическом порядке. Это свидетельствует о том, что закопанные клады прикрывали отрезанные лапы медведя, которые, по мнению авторов, «должны были охранять (беречь, защищать) закопанное «добро»» (Костылева, Уткин, 2011. С. 345–358).

Практически все уральские клады обнаружены на периферии археологических памятников, что вполне обоснованно позволяет считать их культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства (Сериков, 2016. С. 26–27). Оба сибирских клада с костяными изделиями найдены в обнажении на кромке береговой линии, т.е. на границе между сушей и водой. Поскольку вода и водные объекты в древности ассоциировались с хаотическими силами Нижнего мира, данные клады вполне вписываются в систему культовых комплексов, маркирующих символическую границу между мирами, между освоенным и неосвоенным пространством (Сериков, 2015. С. 444–445).

Необходимо отметить, что семантическое наполнение кладов с костяными изделиями могло быть более глубоким и разнообразным, чем у кладов с изделиями каменными.

Что касается волосовских кладов, то они всегда связаны с погребениями. Они найдены на той же площади, где располагались и погребения. Как и погребения, они засыпаны красной охрой. Поэтому их считают ритуальными «приношениями» конкретным погребенным людям (Костылева, Уткин, 2011. С. 346–349). Этим они отличаются от большинства известных кладов. Соответственно их семантическое наполнение будет отличным и более конкретным, что требует специального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Бродянский Д.Л., Попов А.Н., 2011. Клад раннезайсановских артефактов на памятнике Артемовский-Птицефабрика в Приморье // Вестник НГУ. Серия: История, философия. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 168–174.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., 2010. «Клад» костяных наконечников стрел со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Проблемы археологии Евразии. Сб. статей. К 60-летию Х.А. Амирханова. Махачкала. С. 302–315.

Калиева С.С. 1988. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. №2. С. 240–243.

Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2011. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада. С. 340–360.

Липский А.Н., 1963. Ямка-кладовочка костенковского типа на р. Абакане // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. С. 11–20.

Привалихин В.И., 2011. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Красноярск: КККМ. С. 150–160.

Привалихин В.И., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., 2003. Нижнереченский клад орудий и изделий из рога и кости раннего бронзового века Северного Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. Вып. II. Красноярск: РИО Краснояр. гос. пед. ун-та. С. 75–77.

Сериков Ю.Б., 2011. Клады Шайтанского озера // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург–Сургут: Магеллан. С. 151–160.

Сериков Ю.Б., 2015. К вопросу о сакральном использовании акватории озер и рек // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада. С. 440–446.

Сериков Ю.Б., 2016. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 7–29.

Цветкова И.К., 1975. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 102–111.

Динамика каменной индустрии в неолите лесостепного Приишимья

© 2018 С.Н. Скочина

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371–2018–0036.

Аннотация. Для неолита Урало-Сибирского региона характеристики каменной индустрии являются достаточно неустойчивыми, что не позволяет дополнять информацию о механизмах неолитизации и последующего развития материальной культуры в рассматриваемый период. В работе дана характеристика используемого сырья, морфологические признаки заготовок для производства каменных орудий неолитических поселений лесостепного Приишимья, которые дополнят признаки многогранного процесса развития неолита в регионе.

Ключевые слова: неолит, каменная индустрия, лесостепное Приишимье.

Неолит Урало-Сибирского региона в настоящее время рассматривается в ракурсе проблематики процесса неолитизации, где одним из главных маркеров выступает керамическое производство, а облик сопутствующей ему каменной индустрии остается размытым. Отсутствие единства взглядов на появление керамики, формирование и развитие культурных образований, определение четких признаков культурно диагностирующих керамических комплексов и периодизацию неолита в целом демонстрирует необходимость обращения непосредственно к конкретным материалам и унификацию подходов в их интерпретации. В качестве примера актуальности проблемы можно привести существующие хронологические схемы неолита Зауралья и Западной Сибири (Ковалева, 1989, 2010; Выборнов и др., 2014; Мосин, 2015, 2016, 2017; Мосин и др., 2017; Зах, 2009; Зах, Еньшин, 2015).

Малочисленность работ по характеристике и особенностям каменного инвентаря стоянок и поселений Зауралья, как нам кажется, играет не в пользу выявления механизмов неолитизации и последующего развития культур в этот период. Обобщение и выявление единичных признаков в каменной индустрии разновременных памятников может нести в себе информацию о технологической традиции. В связи с этим на примере характеристики каменного инвентаря последовательно существовавших поселений мы попытаемся проследить динамику каменной индустрии в неолите лесостепного Приишимья.

Территория лесостепного Приишимья находится восточнее Уральского горного массива и севернее Казахского мелкосопочника, занимает в основном северо-западную часть Ишимской равнины с врезанными в нее речными долинами Ишима и Вагая с их притоками. В культурном отношении данный регион во многом является контактным с одной стороны между Средним Зауральем и восточными районами Западной Сибири (Среднее Прииртышье, Бараба), с другой – между лесным Приишимьем на севере и степной зоной Казахстанского Приишимья и Притоболья на юге (Еньшин, 2017. С. 356). Отсутствие в регионе выходов пород, за исключением русловых галечников, заставляло древнее население лесостепного Приишимья искать источники сырья для изготовления орудий за его пределами. В результате петрографического анализа каменных изделий[1] выявлены основные источники поступления сырья в регион. Кварцевые песчаники происходят, скорее всего, из местных русловых или делювиальных отложений четвертичного разреза. Туффиты и туфы (гр. яшмоидов), представляющие собой отложения Ирендыкской свиты, выходы которой расположены в верховьях рек Миасса и Уй. Эттуканские или калиновские классические полосчатые яшмы, выходы и месторождения которых встречаются в верховьях р. Уй и верховьях Урала. Нефритоподобные породы, ближайшие выходы которых (Джетыгоринский массив) расположены в верховьях р. Тобол, небольшие массивы – в верховьях р. Ишим. Окремненные апопироксенитовые серпентиниты (Джетыгоринский, Бурыктальский массивы) (Зах, Скочина, 2010). Выделенное сырье отмечено в материалах всех неолитических памятников, но в разных долях.

В лесостепном Приишимье ранний неолит представлен материалами боборыкинской и боборыкинско-кошкинской культурной традиции (Еньшин, 2017) – поселения Мергень 3 и поселения Мергень 6, отнесенного к концу VII тыс.- нач. VI тыс. до н. э. cal BC. В каменной индустрии поселения Мергень 3 предпочтение отдается местному кварцевому песчанику – 45 %, доля яшм и яшмоидов составляет 23,5 %. В коллекции памятника Мергень 6 доля кварцевого песчаника меньше – 32,2 %, выбор сырья нацелен на яшмы и яшмоиды (48,4 %), происходящие из районов Южного Урала и, возможно, Казахстана. В последующие периоды во второй половине V тыс. до н. э. cal BC в материалах козловских древностей поселения Мергень 7 использование яшм и яшмоидов увеличивается до 62 %, на поселении кокуйской культуры поселения Серебрянка 1 – 67 %. Данная динамика, видимо, отражает развитие культурных связей населения лесостепного Приишимья с населением Южного Урала и Казахстана, которые, видимо, в мезолите и раннем неолите не были так сильны.

Трансформация каменной индустрии наблюдается только в широком диапазоне – мезолит–неолит. Выявить технологическую цепочку нам еще предстоит, однако морфологический анализ пластин показал динамику каменной индустрии, выраженную в изменении ширины используемой заготовки. Так, доля микропластин шириной до 1 см на мезолитической стоянке Катенька составляет 79 %. На ранненеолитическом поселении Мергень 3 микропластины составляют 53 %, на поселении Мергень 6 микропластин шириной до 1 см составляют 29 %. На поселениях Мергень 7 и Серебрянка 1 доля использования микропластин сокращается до 22 % и 17 %. Толщина изготавливаемых пластин претерпевает незначительные изменения. Если на мезолитической стоянке Катенька преобладающей является толщина 0,2 см (45 %), то в каменном инвентаре неолитических памятников толщина пластин повышается до 0,3 см (Мергень 3 – 35 %, Мергень 6 – 36 %, Мергень 7 – 36 %, Серебрянка 1 – 0,3–0,4 см (29 % и 23 %).

Орудийный набор состоит из пластин с ретушью и без нее, концевых скребков, проколок, сверл, используемых для обработки различного материала (кожа, кость,

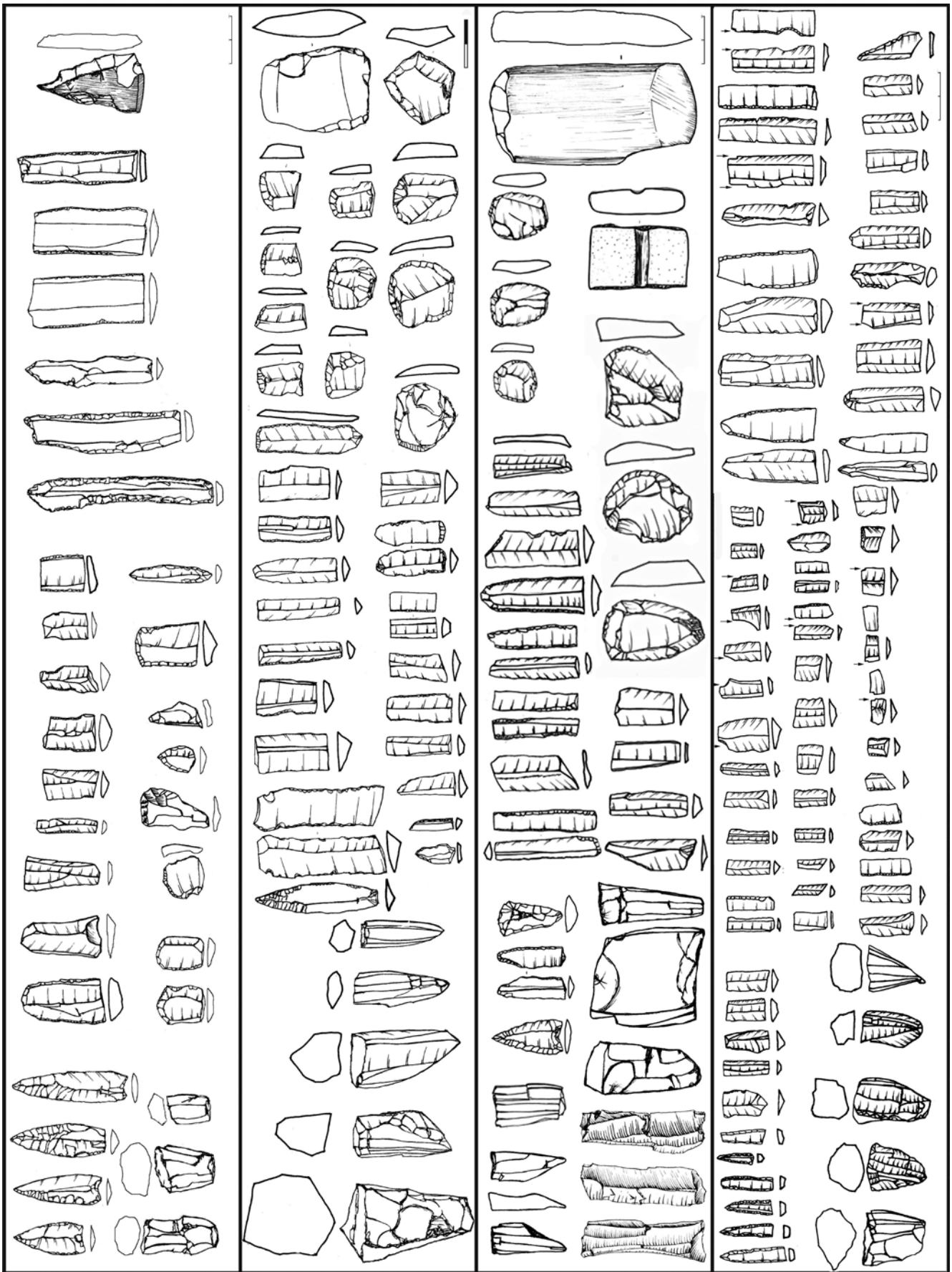


Рис. 1. Каменная индустрия в мезолите и неолите лесостепного Приишимья.

рог, дерево, керамика и др.). В меньшей степени представлены наконечники стрел, выемчатые орудия, резцы и резчики, скошенные острия, геометрические микролиты (трапеции), пластины с притупленной спинкой (Рис. 1). Отщеповый орудийный комплекс составляет около 15 % от всего комплекса (скребки, резцы, отщепы с ретушью). Во вторичной обработке предпочтение отдается нанесению краевой ретуши со стороны спинки пластины. Определенный процент (около 16 %) занимают орудия на пластинах и отщепах с ретушью утилизации, что говорит об использовании их без преднамеренной обработки.

В каменных комплексах поселений Мергень 3, 6, 7 (боборыкинский, боборыкинско-кошкинский, козловский комплексы) имеются наконечники стрел на пластинах, листовидной формы высотой 5–2,5 см, с выемкой в основании, обработанных краевой двухсторонней ретушью. С кокуйской культурой связывают наконечники стрел на пластинах вытянутых и укороченных пропорций, подтреугольной формы на коротких пластинах шириной 1,1 см, с острием и насадом, подработанными ретушью (Серебрянка 1, Боровлянка 2, Кокуй 1 и Тюляшов Бор 2) (Скочина, 2008).

В материалах кошкинских и боборыкинских комплексов шлифованные орудия, предназначенные для обработки дерева, характеризуются наличием топоров или тесел подтреугольной в плане формы, а также массивных топоров и тесел вытянуто-подтрапециевидной формы (высотой 5–10 см) (Мергень 3, Мергень 6). Для более поздних козловских и кокуйских комплексов (Мергень 7 и Серебрянка 1) выделяется серия двулезвийных шлифованных топоров и тесел (высотой около 5 см), долот, миниатюрных стамесок и ножей геометрических форм (сегмент, трапеция) (Скочина, 2008).

Таким образом, на стадии процесса неолитизации лесостепного Приишимья, связанного с появлением на данной территории носителей боборыкинской и боборыкинско-кошкинской культурной традиции, использовалось привнесенное сырье (яшмы, кремни, туффы и др.) из районов Южного Урала и с территории Казахского мелкосопочника и местное (серый кварцевый песчаник), причем доля местного сырья уменьшается (до 10 %), а импортного увеличивается (до 60 %) с наращиванием контактов с западными районами (Притоболье и т.д.) на протяжении эпохи. Пластинчатую индустрию мы не можем охарактеризовать микролитоидной, т.к. пластины шириной до 1 см составляют от 50 % до 20 %. Сходные черты в составе орудийного набора каждого конкретного этапа говорят об устойчивой системе технических приемов в изготовлении каменных орудий в системе присваивающего хозяйства. Пластинчатый орудийный комплекс преобладает над отщеповым, но в качестве основной заготовки для изготовления орудий употребляется широкая пластина (1,2–1,3 см). Причины такого изменения, возможно, кроются в начале процесса так называемого «упадка пластинчатой индустрии» -постепенном переходе на отщеп в качестве основной заготовки, который мог быть обусловлен несколькими факторами, выраженными, например, в нехватке сырья, в том числе качественного, и в изменении стратегии хозяйственно-производственной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петрографический анализ выполнен к. г.-м. н. З.В. Лашневой (Тюменский государственный нефтегазовый университет) и к.г.-м.н. М.А. Кульковой (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

ЛИТЕРАТУРА

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (57). С. 33–48.

Еньшин Д.Н., 2017. Неолит Нижнего Приишимья: культурно-хронологический аспект // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ С. 356–357.

Зах В.А., 2009. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука. 320 с.

Зах В.А., Еньшин Д.Н., 2015. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. №2 (62). Т. 6. С. 34–44.

Зах В.А., Скочина С.Н., 2010. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // ВААЭ. №2 (13). С. 4–11.

Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга». 308 с.

Мосин В.С., 2015. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестник Кемеровского государственного университета. №2 (62). Т. 6. С. 108–114.

Мосин В.С., 2016. Хронология неолита Зауралья: новые даты, старые проблемы // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 78–79.

Мосин В.С., Бобров В.В., Марочкин А.Г., 2017. Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, №4 (45). С. 65–73.

Петров А.И., 1987. Периодизация и хронология памятников Екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск: Изд-во ОмГУ. С. 4–20.

Скочина С.Н., 2008. Каменный инвентарь кокуйской культуры // ВААЭ. №9. С. 59–64.

Стоянка среднедонской культуры Доброе 9 на Верхнем Дону

© 2018 Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков, Е.С. Юркина

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда президентских грантов (проект № 17–1–005510) «Охрана, мониторинг и изучение археологического наследия Липецкой области». Грант РФФИ проект 18-49-480004 р_а «Поселение Доброе 9 в системе ранненеолитических древностей лесостепного Подонья».

Аннотация. Впервые за время изучения материалов среднедонской культуры на стоянке Доброе 9 выявлен несмешанный слой среднедонской культуры на территории Верхнего Подонья. В 2017 году исследованы первые 20 кв.м стоянки. Благодаря обнаружению коллекции керамики, изделий из камня и кости новые раскопки позволяют по-новому охарактеризовать материальную культуру древнего населения среднедонской культуры.

Ключевые слова: неолит, среднедонская культура, керамика, кремень, наконечник.

В 2014 году А.А. Клюкойть в размывах берега р. Воронеж обнаружил ранненеолитическую керамику у южной окраины с. Доброе Липецкой области (Рис. 1: 1) на пойменном останце высотой 2 м над рекой. В разведочном шурфе стоянки Доброе 9 площадью 4 кв.м им был выявлен культурный слой с 11 фрагментами керамики среднедонской культуры и одной костью животного (Клюкойть, 2014). В 2017 г. на разрушающемся участке А.А. Куличковым был заложен раскоп площадью 20 кв.м (Куличков, 2018). В раскопе обнаружено 349 фрагментов керамики среднедонской культуры, 33 находки из камня и 37 из кости. Стало понятно, что впервые за 46 лет с момента выделения А.Т. Синюком среднедонской культуры (Синюк, 1971) нами был выявлен на территории Верхнего Подонья не смешанный культурный слой среднедонской культуры, вмещающий в себя керамику, кости животных, изделия из камня.

Основная масса находок среднедонской культуры происходила из литологического слоя светлой супеси с нивелировочными отметками –150 – –181 см (уровень песчаного материка), который располагался под слоем погребенной почвы, вмещающим в себя находки среднестоговской культуры с нивелировочными отметками –105 – –145 см. Элементы орнамента на керамике среднедонской культуры с поселения Доброе представлены тремя типами, один из которых подразделяется на подтипы: *I тип. Наколы.* Подтипы: 1 – мелкие треугольные наколы (Рис. 2: 13, 21) – 14,4 %; 2 – овальные наколы (Рис. 2: 20) – 7,4 %; 3 – скобковидные наколы (Рис. 2: 16, 19) – 14,4 %. *II тип. Гребенчатый штамп.* Короткий, размеры которого 1–2 × 8–10 мм (Рис. 2: 1, 11) – 11,6 %. *III тип. Ямки.* Округлые небольшие, диаметром 3–4 мм, доля их использования составила – 46,4 % (Рис. 2: 1, 2, 7–9, 11–13, 15–17, 19–21). *IV тип. Прочерченные линии.* Неглубокие прочерченные линии толщиной 1–2 мм – 5,8 % (Рис. 2: 7).

Мотивы из элементов орнамента на керамике среднедонской культуры делятся на пять типов, два из которых подразделяются на подтипы: *I тип. Мотивы из наколов.* Подтипы: 1 – один диагональный ряд из наколов (Рис. 2: 12, 16) наносился в 3,2 % случаев; 2 – три диагональных ряда наколов (Рис. 2: 13, 20) – 5,5 %; 3 – более трех диагональных рядов наколов (Рис. 2: 19) – 3,9 %; 4 – один вертикальный ряд из наколов в виде зигзагообразной линии (Рис. 2: 21) – 2,9 %.

II тип. Мотивы из гребенчатого штампа. Подтипы: 1 – один горизонтальный ряд из гребенчатых вдавлений (Рис. 2: 1) наносился в 2,6 % случаев; 2 – три диагональных ряда гребенчатого штампа (Рис. 2: 11) – 5,8 %.

III тип. Мотив из ямок. Один горизонтальный ряд из ямок (Рис. 2: 1, 2, 7–9, 11–13, 15–17, 19–21), представлен в 28,3 % случаев.

IV тип. Мотив из прочерченных линий. Зона из диагонально нанесенных линий, отклоненных как влево, так и вправо от вертикальной оси сосуда (Рис. 2: 7) – 2,9 %.

V тип. Мотивы из зон без орнамента (Рис. 2: 1–10, 12–18, 21). Доля их в орнаментации на сосудах составила 44,9 %.

Выделение технологической информации производилось при помощи бинокулярного микроскопа в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999).

Нами были проанализированы фрагменты от 17 сосудов. В качестве исходного пластичного сырья для изготовления их использовалась сильно запесоченная илистая глина, 14 образцов было изготовлено из ожелезненного, три – из неожелезненного сырья. Во всех изломах в единичной концентрации встречены: 1) органические остатки в виде полостей от выгоревшей растительности: листьев и стебельков растений различных по форме и размеру; 2) кварцевый, окатанный песок размером 0,2–0,4 мм в концентрации 1:3–1:4. В восьми образцах отмечены твердые железистые частицы округлой формы, диаметром до 4 мм (Рис. 1: 3). Сырье всех сосудов использовалось в естественном увлажненном состоянии, признаков дробления не зафиксировано. В тесто трех из них в качестве искусственной примеси был добавлен органический раствор, в изломах выраженный в виде темных маслянистых пятен (Рис. 1: 2).

Выявлены признаки конструирования сосудов по емкостно-донной программе, кольцевым налепом из небольших лоскутков размеров от 1×1 до 1,5×1,5 см. Отмечен всего один способ обработки поверхностей – расчесывание жестким гребенчатым штампом.

Механическая прочность сосудов средняя. Окраска изломов фрагментов всех изделий трехслойная. Слои неравномерные по толщине, границы между ними слегка размыты, что свидетельствует о том, что сосуды после обжига некоторое время оставались остывать в обжиговом устройстве. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления – 650–700 °С, с резким повышением и последующим понижением температур, что отразилось в неравномерной толщине слоев.

Каменная часть коллекции содержит 33 находки, из которых 16 – орудия. Основное количество артефактов изготовлено из местного мелового кремня различных цветовых оттенков, в меньшей степени фиксируется галечный кремень, в единичных случаях – песчаник и кварцитопесчаник.

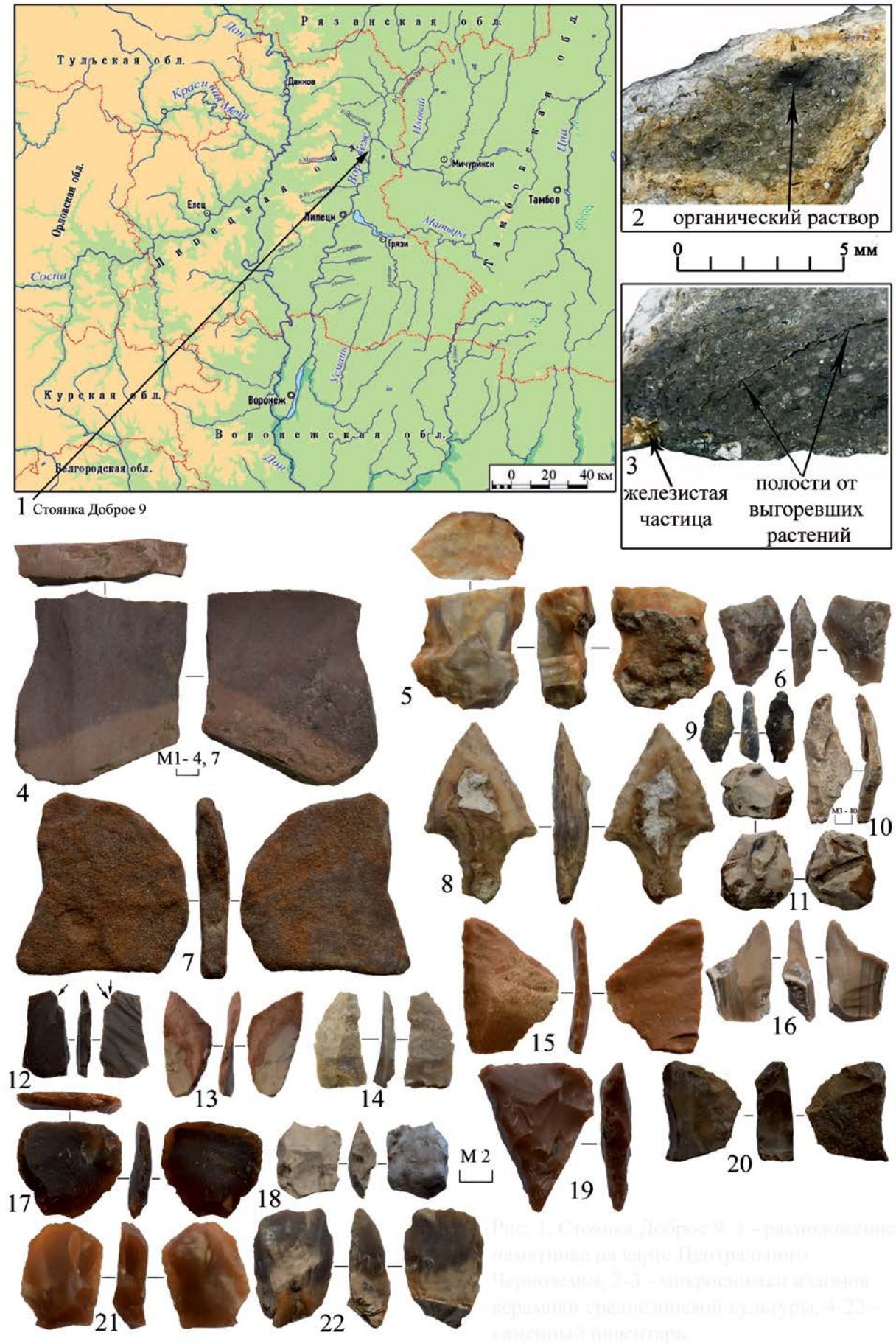


Рис. 1. Стоянка Доброе 9.

1 – расположение памятника на карте Центрального Черноземья; 2, 3 – микроснимки изломов керамики среднедонской культуры; 4–22 – каменный инвентарь.

Рис. 2. Стоянка Доброе 9. Керамика среднедонской культуры.

Продукты первичного расщепления представлены двумя нуклеусами. Один из них многоплощадочный аморфной формы (Рис. 1: 11), второй – одноплощадочный уплощенной призматической формы, покрытый с одной стороны коркой (Рис. 1: 5). Их использование было направлено на получение отщепов. Пластинчатая индустрия на памятнике отсутствует, выявлен только один пластинчатый отщеп со следами незначительной утилизации (Рис. 1: 14).

При всей малочисленности коллекции орудийный набор памятника представлен достаточно широко: одним наконечником треугольной формы с резко выраженными ассиметричными шипами и обломанным черешком, обработанным двусторонней отжимной ретушью (Рис. 1: 8). Со стороны спинки и брюшка наблюдаются следы патинизации белого цвета. Ближайшая аналогия подобного типа наконечников встречена в материалах стоянки Дрониха на р. Битюг (Синюк, 1986. С. 112); одним угловым резцом (Рис. 1: 12) на среднем по величине отщепе, на сколе которого прослеживается дополнительная подработка; одним ножом (Рис. 1: 15) на крупном отщепе подтреугольной формы; одним концевым скребком с прямым лезвием, 2/3 изделия которого по краям обработаны притупляющей ретушью (Рис. 1: 17); двумя проколками на отщепах (Рис. 1: 9, 16). Вероятно, функции перфоратора выполнял еще один пластинчатый отщеп (Рис. 1: 13), на котором визуально прослеживается на конце изделия приостряющая ретушь.

Кроме того, обнаружено шесть полифункциональных орудий, сочетавших в себе несколько рабочих функций: по два – ретушер-струг (Рис. 1: 6), скребок-нож (Рис. 1: 21), резец-скобель (Рис. 1: 10), и по три: скребок-ретушер-провертка (Рис. 1: 22), проколка-ретушер-скребок (Рис. 1: 19), резчик-проколка-струг (Рис. 1: 18). Обнаружено также два фрагмента шлифовальных плит. Одна из песчаника (Рис. 1: 7) размером – 8,7 см в длину, 8 см в ширину и до 1,4 см в толщину, вторая – из кварцитопесчаника (Рис. 1: 4) в длину – 9,3 см, в ширину – 8 см, в толщину до – 1,6 см. В единичном экземпляре встречен обломок кремня со следами бифасиального скалывания (Рис. 1: 20). Оставшаяся часть находок 14 экземпляров – отходы производства: обломки кремня и отщепы, на пяти из которых визуально прослеживаются следы утилизации.

Отметим, что одноплощадочный нуклеус, обломок кремня со следами бифасиального скалывания, нож, ретушер-струг, проколка на пластине, наконечник, резец и фрагменты шлифовальных плит залегали в горизонте с нивелировочными отметками –150 – –181 см (до уровня песчаного материка). Судя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям на памятнике, данный набор орудий можно соотнести с керамической коллекцией среднедонской неолитической культуры. Основным же признаком каменного инвентаря раннего неолита, в частности среднедонской культуры, А.Т. Синюком назывался пластинчатый облик производства и подавляющее преобладание орудий на пластинах, кроме того, констатировалось отсутствие резцов (Синюк, 1986. С. 62–65). Полученная кремневая коллекция памятника этим выводам полностью противоречит. Тут доминирует ярко выраженная отщеповая технология изготовления орудий, как и на других памятниках среднедонской культуры Верхнего Дона.

На сегодняшний день на территории Верхнего Дона известно 72 памятника неолитической среднедонской культуры с керамикой, украшенной преимущественно наколами треугольной формы, 68 из которых располагаются на берегах рек бассейна р. Воронеж, и только четыре – Замятино 10, Ксизово 6, Кривоборье и Ямное – на р. Дон, три на правом и одно на левом берегах, соответственно. При этом в 59 случаях низко расположенные поселения занимают пойменные останцы, а в девяти – края низких надпойменных террас. Только четыре стоянки на реках бассейна Верхнего Дона располагались на краях высокого коренного берега (Смольянинов, Бессуднов, 2017. С. 131).

Материалы стоянки Доброе 9, как и еще 21 памятник, мы связываем со среднедонской культурой второго этапа развития: Ксизово 6, Подзорово 1, пункт 366, поселение 3 в устье р. Боровица, Ярлуковская Протока, Шиловское, Курино 1, Чернавский Мост, Университетская 3, Савицкое 1, Доброе 4 (пункт 385), Торбеево, Рыбное Озеро 2, Васильевский Кордон 5, Первое Перехвальское городище, Устье р. Излегощи 2, Юрьево, поселение 27 у с. Излегоще, Доброе 7, Доброе 9, Ивница, Ступино (Смольянинов, Бессуднов, 2017. С. 138).

Эти коллекции мы датируем концом VI – первой половиной V тыс. до н. э. Для этого этапа по одной дате получено по материалам верхнедонской стоянки Ярлуковская Протока – 5770±200 BP, или 5207–4246 CalBC (SPb–1288) и среднедонской – Черкасская – 5997±33BP, или 4985–4795 CalBC (Hela–3771). Также известны радиоуглеродные даты по керамике черкасского типа. Первая получена на среднедонской стоянке Черкасская 3 по нагару с керамики – 5763±32 BP, или 4710–4535 CalBC (Hela–3884) и еще две по фрагменту керамики украшенного строчечным треугольным наколом, с обильной примесью раковины с Верхнедонской стоянки Липецкое Озеро. Последние получены по одному образцу – 5778±120 BP, или 4858–4363 (SPb–2087) по органике в керамике и нагару на ней – 5650±120 BP, или 4782–4320 (SPb–2087) (Радиоуглеродная хронология..., 2016; Smolyaninov и др., 2017). Что немаловажно, даты по черкасскому типу и единичные С14 даты для материалов раннего энеолита донской лесостепи синхронизируются именно со вторым этапом среднедонской неолитической культуры (Скоробогатов, 2013, С. 273).

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Клюкойть А.А. Отчет о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 году. Архив ИА РАН. Р–1.

Куличков А.А. Отчет о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году. В стадии подготовки.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. моногр. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. 2016. Смоленск: Свиток. 456 с.

Синюк А.Т., 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 14 с.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета. 179 с.

Скоробогатов А.М., 2013. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада. С. 264–278.

Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н., 2017. Среднедонская культура на Верхнем Дону // Самарский научный вестник. Т. 6. №3 (20). Самара: СГСПУ. С. 131–143.

Roman Smolyaninov, Andrey Skorobogatov, Aleksey Surkov, 2017. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia. P. 192–202.

Предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары

© 2018 А.В. Сомов

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания Минобрнауки РФ, проект № 33.1907.2017/ПЧ Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья.

Аннотация. В статье приводятся предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары на основании морфологических и типологических признаков. В работе наиболее пристальное внимание уделено Виловатовской и II Старо-Елшанской стоянкам. Материалы с данных памятников представляют достаточную источниковую базу, что позволяет дать обоснованную характеристику данного микрорегиона в целом.

Ключевые слова: керамика, Среднее Поволжье, средневолжская культура, накольчатая орнаментальная традиция.

Целенаправленное изучение неолитической эпохи в Среднем Поволжье берет свое начало с середины 70-х годов XX века. К периоду развитого неолита, для которого характерна посуда, украшенная накольчатым орнаментом, относят такие памятники как Виловатовская, Ивановская, II Старо-Елшанская, Максимовская I и II стоянки, расположенные в бассейне реки Самары.

Виловатовская стоянка исследовалась в 1977–79 годах. Данный памятник находится в Богатовском районе Самарской области. Общая площадь раскопа составляет 1368 кв.м (Васильев и др., 1980. С. 151). Рассмотренная коллекция керамики хранится в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина. При непосредственной работе с материалами на основании морфологических и типологических признаков было выделено 157 сосудов (далее – С), украшенных накольчатым орнаментом (из которых 94 С (59,5 %) выделено по венчикам). II Старо-Елшанская стоянка располагается в 4–5 км от с. Старая Елшанка Бузулукского района Оренбургской области и исследовалась в 1975–1976 годах. Общая вскрытая площадь составляет 572 кв.м (Васильев, Пенин, 1977. С. 3). Рассмотренный комплекс хранится в фондах археологической лаборатории СГСПУ. При непосредственной работе с коллекцией выделено 9 сосудов, 5 из которых выделено по венчикам.

Венчики (Табл. 1) прямостенные (76,8 %), реже имеют открытую и закрытую форму. Срез округлый (42,5 %) и плоский (40,5 %). Стоит отметить, что 37 венчиков (37,4 %) имеют орнамент на срезе, половина из которых украшены округлым наколом. Одной из характерных черт данной группы является наличие поясков ямочно-жемчужных вдавлений под срезом (83 С), который нанесен как с внешней (59,6 %, от комплекса), так и с внутренней стороны (24,3 % от комплекса). Единичны венчики с двойным и тройным рядом жемчужин, нанесенным с внутренней стороны. Керамика коричневого и светло-коричневого цвета преимущественно толщиной 0,6–0,9 см (Табл. 2). Внешняя поверхность сосудов в основном заглажена (64,5 %), либо подлощена (34,9 %). Внутренняя заглажена (85,5 %), реже

Таблица 1. Венчики.

		Срез венчика					ВСЕГО	ЯЖП		
Орнамент по срезу	Без орнамента	31/1	18/2	7/-	3/-	-	**59/3**	38/2	11/-	10/1
	Треугольные	1/-	-/1	-	2/-	-	**3/1**	-/1	2/-	1/-
	Округлые	4/-	11/1	-	2/-	-	**17/1**	9/1	7/-	1/-
	Овальные	2/-	-	-	1/-	-	**3/-**	1/-	-	2/-
	Насечки	2/-	3/-	-	2/-	-	**7/-**	4/-	3/-	-
	Штамп	-	1/-	-	-	-	**1/-**	1/-	-	-
	Пальцевой	1/-	3/-	-	-	-	**4/-**	2/-	1/-	1/-
ВСЕГО		**41/1**	**36/4**	**7/-**	**10/-**	**0**		**55/4**	**24/-**	**15/1**
Форма шейки	Прямостенные	31/-	29/4	4/-	8/-	-	**72/4**	40/4	21/-	11/-
	Прикрытые	3/-	4/-	1/-	2/-	-	**10/-**	8/-	1/-	1/-
	Открытые	6/1	2/-	2/-	-	-	**10/1**	5/-	2/-	3/1
	Профилированные	1/-	1/-	-	-	-	**2/-**	2/-	-	-

Таблица 2. Толщина, обработка поверхности, примеси.

	Поверхность						ВСЕГО	Примеси					
	Внешняя			Внутренняя									
	З	Л	Р	З	Л	Р		Б/п	Рак	Пес	Шам	Р/П	Р/Ш
Тонкая (< 0,5)	10/-	4/-	-	12/-	-	2/-	**14/-**	12/-	1/-	1/-	-	-	-
Средняя (0,6-0,9)	82/7	53/1	1/-	115/8	6/-	15/-	**136/8**	92/7	6/-	35/-	1/1	1/-	1/-
Толстая (> 1,0)	7/1	-	-	6/1	-	1/-	**7/1**	2/-	-	5/1	-	-	-
ВСЕГО	**99/8**	**57/1**	**1/-**	**133/9**	**6/-**	**18/-**		**106/7**	**7/-**	**41/1**	**1/1**	**1/-**	**1/-**

Таблица 3. Элементы орнамента.

	Отступающие						Разряженные					
	△	○	□	8	⬭	☾	△	○	□	8	⬭	☾
Виловатовская	63	65	8	4	1	1	6	16	1	1	5	0
Старо-Елшанская II	2	0	0	0	5	0	0	1	0	0	1	0
ВСЕГО	**65**	**65**	**8**	**4**	**6**	**1**	**6**	**17**	**1**	**1**	**6**	**0**
ИТОГ	**149**						**31**					

имеет горизонтальные или диагональные расчесы. Большинство сосудов изготовлено без добавления примесей в керамическое тесто (68,1 %), реже в качестве визуально определимой примеси выступает песок.

Посуда в основном украшена (Табл. 3) треугольными и округлыми наколами (по 36,1 % от комплекса), которые нанесены в отступающей манере, значительно реже встречаются квадратные, овальные и спаренные наколы. Разряженными наколами орнаментирован 31 С, причем 54,8 % из них округлые. В одном экземпляре выявлен сосуд с полулунным орнаментом. На 2 С сочетаются наколы разной формы, еще на 12 С наколы нанесены в отступающей и разряженной манере. Также стоит обратить внимание на то, что на II Старо-Елшанской стоянке преобладают овальные наколы в отступающей манере, которые на Виловатовской стоянке единичны.

Мотивы орнамента (Табл. 4) образуют как простые (горизонтальные, диагональные и вертикальные ряды), представленные на 94 С (56,6 % комплекса), так и более сложные (зигзаги (23 С / 14 %), висячие треугольники (19 С / 11,5 %), косая решетка (4 С / 2,4 %), ромбы (2 С / 1,2 %), песочные часы (1 С / 0,6 %) и т.д.) композиции. Сложные узоры в основном представлены на Виловатовской стоянке, в то время как посуда II Старо-Елшанской стоянки украшена преимущественно линейными мотивами.

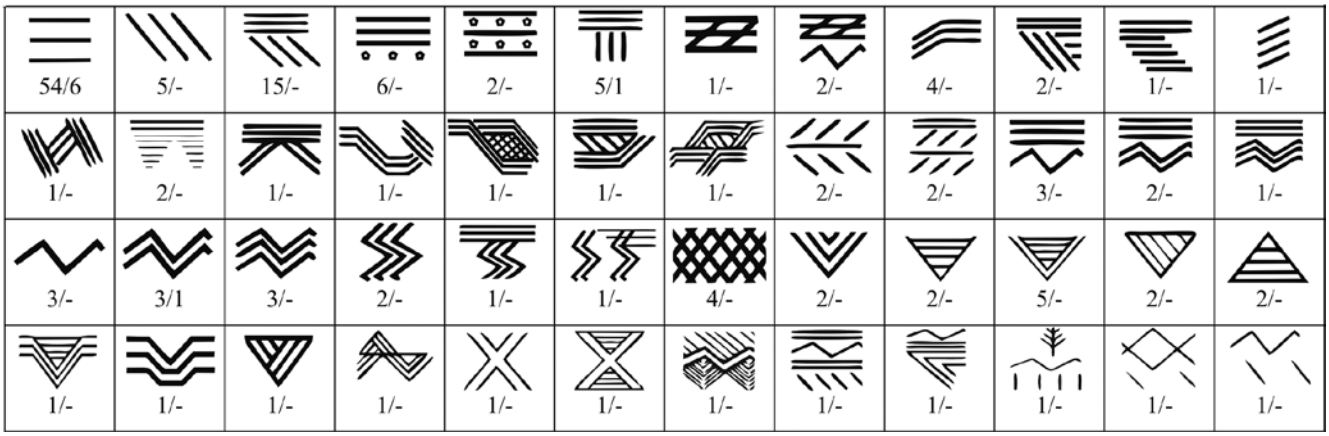
Помимо этого, на памятниках наблюдается сочетание накольчатой орнаментальной традиции с прочерченной (5/4 С) и с гребенчатым штампом (14/1 С). Накольчато-прочерченная посуда представлена прямостенными (4 из 6 С) сосудами с плоским или приостренным (по 33 %) срезом, который во всех случаях орнаментирован, преимущественно округлыми наколами (5 С). Посуда толщиной 0,4–0,7 см в основном заглажена (7 из 9 С), реже подлощена, светло-коричневого цвета, 4 сосуда содержат примесь песка, либо ракушки. Узкие прочерченные линии сочетаются с округлыми (4 С), треугольными (2 С) и овальными (1 С) наколами, 2 С со II Старо-Елшанской стоянки украшены каплевидными наколами выполненными в разряженной (5 С) или в отступающей (4 С) манере. Мотив, представленный на большинстве сосудов, сложный (зигзаг, висячий треугольник, косая решетка).

Накольчато-гребенчатая посуда представлена прикрытыми (2 из 3 С) сосудами с округлым или плоским срезом, который во всех случаях орнаментирован, преимущественно округлыми наколами. Вся посуда в основном средней толщины (0,5–0,8 см), заглажена или подлощена, светло-коричневого цвета. Всего 2 С содержат примесь ракушки или песка. Гребенчатый штамп, представленный узкими (до 0,1 см) и длинными (больше 0,2 см) оттисками, сочетается преимущественно с горизонтально ориентированными треугольными (9 С), реже с округлыми (4 С) и подквадратными (1 С) наколами нанесенными в разряженной (8 С) или в отступающей (6 С) манере. Стоит отметить, что 9 С украшены шагающей гребенкой.

На Ивановской стоянке, расположенной в 2,5–3,0 км к югу от с. Ивановка Красногвардейского района Оренбургской области в бассейне реки Самары, материалы которой, к сожалению, по независящим от автора обстоятельствам им не были проработаны непосредственно, Н.Л. Моргунова выделяет 150 сосудов с накольчатым орнаментом и отмечает, что 25 % сосудов содержат примесь измельченной раковины, чего не наблюдается на вышеописанных стоянках (Моргунова, 1980. С. 104). Толстостенная посуда (0,6–0,9 см) в основном тщательно заглажена, в то время как тонкостенная керамика (43,3 % от комплекса) подлощена и имеет более сложную орнаментацию. По форме горловины выделяются две группы: слабопрофилированная и прямостенная, отметим, что на Виловатовской и II Старо-Елшанской стоянках единичны слабопрофилированные сосуды. Срезы венчиков округлые, плоские или скошенные, около 30 % орнаментированы. Значительная часть сосудов имеет ямочно-жемчужный поясок. Преобладают округлые, реже треугольные наколы. Композиции в основном такие же, как и на выше проанализированных памятниках (горизонтальные и диагональные ряды, зигзаги, треугольники и др.).

Появление и распространение накольчатой орнаментальной традиции в лесостепном Поволжье связывается с

Таблица 4. Композиции орнамента.



проникновением в регион орловского (нижневолжского) населения. На Варфоломеевской стоянке, являющейся опорным памятником орловской культуры, доминирует посуда, украшенная накольчатым орнаментом (слой 2Б – 54 %, слой 2А – 74 %) (Юдин, 2004. С. 41). Сложные мотивы на Виловатовской и Ивановской стоянках также находят аналогии в материалах орловской культуры. Благодаря серии радиоуглеродных дат, процесс проникновения нижневолжского населения на юг лесостепи и его смешение с носителями елшанской культуры можно связать с началом VI тыс. до н. э. (Выборнов и др., 2016. С. 76), в результате чего формируется средневолжская культура развитого и позднего неолита.

Таким образом, несмотря на незначительные различия в технике изготовления и орнаментации накольчатой керамики, материалы памятников бассейна реки Самары являются однородными, их формирование связано с проникновением южного населения в данный микрорегион.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Вып. 235. Куйбышев: КГПИ. С. 151–189.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Вып. 220. Куйбышев: КГПИ. С. 3–22.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Нестеров Е.М., 2016. Радиоуглеродные данные к хронологии неолита лесостепного Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск: Свиток. С. 74–96.

Моргунова Н.Л., 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита и энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Вып. 235. Куйбышев: КГПИ. С. 104–123.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 200 с.

Проблемы изучения происхождения раннего неолита лесостепного Дона

© 2018 А.В.Сурков

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17–78–20048).

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы выделения ранненеолитических комплексов на территории лесостепного Подонья и возможных путей их появленияв конце VII – начале VI тыс. до н. э. На сегодняшний в регионе самыми ранними являются памятники среднедонской и карамышевской культур, а также материалы стоянки Черкасская 5 и керамика ряда памятников Похоперья.

Ключевые слова: неолитизация, культура, керамика, культурный импульс.

Современное состояние изученности ранненеолитических памятников лесостепного Подонья позволяет выделить несколько основных составляющих, разделенных, помимо специфики собственно материальной культуры, по времени их появления и территориально. Нужно отметить, что основным критерием для выделения неолитического комплекса на рассматриваемой территории является появление керамической посуды.

Самые ранние материалы получены на стоянке Черкасская 5 в устьевой части р. Битюг (работы А.М. Скоробогатова). Керамика этого памятника характеризуется заглаженностью поверхности, иногда до лощения, сосуды баночной формы прямостенные, со слегка стянутым верхом. Фрагмент донца один, принадлежал округлодонному маленькому сосуду. Орнамент покрывал верхнюю часть посуды. Орнаментальные композиции представлены в основном горизонтальными рядами, однако встречены и геометрические мотивы с треугольными или прямоугольными композициями, зигзагом. Орнамент нанесен спаренным штампом типа накола. Спорадически встречены оттиски полой кости, штамп с рубчатым основанием – возможно, позвонки рыб, оттиски панциря улитки, скобковидный накол, неглубокие ямчатые вдавления, прием прочерчивания. Значительная часть керамики этой группы не имела орнамента.

Для определения времени бытования стоянки была продатирована как сама керамика, так и нагар, полученные даты укладываются в интервал 6200–5900 cal BC.

Большинство памятников раннего неолита Среднего Дона связывается со среднедонской культурой. Имеется серия дат, относящихся к первой четверти VI тыс. до н. э. Очень показательна дата по керамике стоянки Монастырская I – 5922 cal BC, которая получена по развалу сосуда, «классического» для ранней среднедонской культуры.

Эта культура, выделенная еще в начале 70-х гг. XX в. А.Т. Синюком, характеризуется в первую очередь накольчатой керамикой (ее около 90 %), при этом более половины наколов имеют треугольную форму, а скобковидные и спаренные наколы выполнены тем же инструментом (Синюк,1986). Форма сосудов цилиндрическая или коническая, остродонная, верх скруглен или приострен. Обязательным признаком является горизонтальный ряд ямок под венчиком. Камень пластинчатый, вкладышевый при сохранении микролитоидного облика.

С первой четвертью VI тыс. до н. э. связано и появление карамышевской культуры, памятники которой локализуются на Верхнем Дону в бассейне р. Воронеж. Карамышевская культура в авторском понимании проходит путь, аналогичный елшанским древностям, и выделяемые на сегодняшний день два этапа, если их рассматривать в сравнении с памятниками Среднего Поволжья, имеют те же тенденции в развитии керамики от слабоорнаментированной накольчатой и прочерченной до накольчатой и гребенчатой. Каменный инвентарь имеет выраженный отщеповый характер с предельным использованием нуклеусов.

К этому же времени стоит относить и отдельные ранненеолитические комплексы Похоперья (Плаутинские стоянки, Борисоглебская 1), находящие определенные аналогии в елшанских древностях. Ранненеолитическая керамика характеризуется тонкостенностью, плотным тестом, заложенностью вплоть до лощения, венчики профилированные, орнаментация либо отсутствует, либо выполнена поверхностно прочерками или наколами.

В числе ранненеолитических материалов Верхнего Дона можно отметить также немногочисленную елшанскую и верхневолжскую керамику, выделяемую типологически на некоторых стоянках (Смольянинов, 2008; 2009). Эти материалы единичны, в связи с чем говорить об их влиянии на развитие неолита лесостепного Дона недостаточно оснований.

Таким образом, на сегодняшний день фиксируются четыре основных компонента в раннем неолите региона: на юге это материалы стоянки Черкасская 5, в центральной части – среднедонская культура, на севере – карамышевская культура, на востоке – материалы стоянок Плаутино и близкие им. По хронологии процесс неолитизации проходил в конце VII – начале VI тыс. до н. э.

Исходя из обозначенных компонентов, необходимо рассматривать и возможные векторы неолитизации региона.

Несмотря на определенную территориальную близость, наименее изученным направлением следует признать западное и юго-западное. Несмотря на неоднократные попытки исследователей восточноевропейского неолита найти связь с ранненеолитическими древностями Балканского региона и Поднепровья (напр.: Вискалин, 2006. С. 91), убедительных точек соприкосновения пока не обнаружено.

Наиболее ранними культурами, сформировавшимися в степной части территории современной Украины, являются сурская и буго-днестровская культуры, первые этапы бытования которых относятся ко второй половине VII тыс. до н. э. (Котова, 2015).

Время появления ранненеолитических культур лесостепного Дона синхронно сложению культур Днепро-Донецкой общности, которые формировались в первой половине VI тыс. до н. э. под воздействием сурской и буго-днестровской культур. На этом этапе развития неолитических древностей степной и лесостепной Украины гребенчатый штамп становится доминирующим в орнаментации керамики. Для ранних памятников Среднего и Верхнего Дона этот вектор развития неолитических культур не стал определяющим, а возможные контакты местного населения происходили не ранее второй половины VI тыс. до н. э.

Наиболее перспективными в поиске истоков неолитических культур Среднего и Верхнего Дона необходимо признать южное, юго-восточное и восточное направления.

На основе изучения технологии изготовления ранненеолитической посуды и при сопоставлении ее с результатами радиоуглеродного датирования А.А. Выборновым и И.Н. Васильевой была сформулирована концепция ранних очагов гончарства: средневолжского (елшанского), нижневолжского (североприкаспийского), нижнедонского (ракушечноярского) (Васильева, Выборнов, 2016. С. 108). Датируется появление древнейшей керамики в этих очагах началом VII тыс. до н. э.

Анализ гончарной технологии подтверждает динамику распространения елшанских гончарных традиций на запад, а также вероятность миграции неолитических коллективов из Волго-Уралья в Сурско-Мокшанское междуречье, Верхнее и Среднее Подонье (Васильева, 2017).

В последние годы вновь возрос интерес к материалам поселения Ракушечный Яр, ежегодно ведутся полевые исследования памятника, обработана современными методами коллекция из раскопок Т.Д. Белановской (Мазуркевич и др., 2013; Цыбрий и др., 2014). На сегодняшний день можно отметить лишь определенную близость ракушечноярским материалов стоянки Черкасская 5, тогда как для среднедонской культуры эта линия распространения неолитической керамики не прослеживается.

В рамках южного направления одним из важных регионов для поиска пути проникновения культурных импульсов, повлиявших на формирование среднедонской неолитической культуры, является территория современной Калмыкии. Эту идею озвучил П.М. Кольцов, который связал распространение накольчатой традиции орнаментации керамики с Северо-Западным Прикаспием, а конкретно наиболее ранними материалами, представленными на стоянке Ту-Бузгу-Худук 1 (Кольцов, 2005. С. 288). Здесь обнаружена остродонная керамика с треугольно-отступающим наколом и рядом ямочных вдавлений по венчику.

К сожалению, на этом памятнике исследовано всего 24 кв.м, обнаружено 86 фрагментов керамики. Четверть орнаментированной керамики украшено овальным наколом, есть как приостренные, так и плоские днища (Кольцов, 2005. С. 168). Количество каменного инвентаря значительно превышает количество керамики (387 ед.), в коллекции есть два резца, три трапеции, два прямоугольника и сегмент. Если вслед за автором раскопок рассматривать эти материалы как однослойный и хронологически чистый комплекс (Кольцов, 2005. С. 170), то предполагать влияние на керамику лесостепной зоны только ограниченного набора признаков затруднительно.

Необходимо признать, что вопрос о происхождении среднедонской культуры на сегодняшний день остается открытым. Близких аналогий на сопредельных территориях не имеется. Здесь возможны два варианта: мы не знаем самых ранних памятников этой культуры и пытаемся рассматривать ее генезис через призму изученности развитого и позднего этапов ее развития, либо схожие материалы не изучены на территории степной зоны (сюда можно включать и Степное Причерноморье с Нижним Подонье, Западный и Восточный Прикаспий и Приаралье, и т.д.).

Карамышевская культура, несмотря на относительно недавнее ее выделение, является более изученной в вопросах генезиса и развития. Она входит в круг близких культурных образований лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К тому же кругу необходимо относить и ранние материалы Похоперья. Наиболее изученной, и вполне возможно, самой ранней, является елшанская культура, выделенная в Самарском Заволжье.

Ранняя керамика на обширной территории от Восточного Прикаспия и Прараля до Дании обнаруживает определенную типологическую близость, проявляющуюся в яйцевидной форме сосудов с S-видной профилировкой верхней части и острым, зачастую шиповидным дном, отсутствии орнаментации или нанесение на поверхности прочерченных линий (Андреев, Выборнов, 2017).

Для многих ранненеолитических культур прослеживается появление керамики в среде местного мезолитического населения. Это был стадиальный процесс распространения именно традиции изготовления посуды, за которым совсем необязательно стояло передвижение отдельных групп населения.

Таким образом, развитие неолитических культур и керамических традиций на территории лесостепного Подонья на рубеже VII-VI тыс. до н. э. наглядно демонстрирует общеисторические процессы, затронувшие широкие пространства Восточноевропейской лесостепи, лесной и частично степной зон (Мазуркевич и др., 2013. С. 96). В первую очередь это проявилось в сложении и развитии местных региональных традиций среднедонской и карамышевской культур.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А., 2017. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. Т. 6. №3 (20). Самара: Прайм. С. 91–100.

Васильева И.Н., 2017. Гончарная технология ранненеолитического населения Подонья // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. №3 (20). Самара: Прайм. С. 109–123.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2016. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. №3 (17). Казань: Фэн. С. 104–123.

Вискалин А.В., 2006. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: РИЦ ЛГПУ. С. 90–93.

Котова Н.С., 2015. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан. 154 с.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. №3. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 27–109.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 181 с.

Смольянинов Р.В., 2009. Ранний неолит Верхнего Дона // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 29 с.

Кольцов П.М., 2005. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье. 352 с.

Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий В.В., Горелик А.Ф., Матузевичиуте Г. Мотузаите, Саблин М.В., 2014. Новые исследования поселения Ракушечный Яр в 2008–2013 гг. // Самарский научный вестник. №3 (8). Самара: Прайм. С. 203–214.

Проблемы изучения мелкой глиняной пластики каменного и бронзового веков Зауралья и Западной Сибири

© 2018 Н.Ю. Сучилина

Аннотация. В статье проведен анализ данных по мелкой глиняной пластике каменного и бронзового веков. Несмотря на высокую степень изученности искусства более раннего периода, выявляется отсутствие обобщающего материала по мобильной скульптуре эпохи бронзы, представленной находками из разных регионов. Примечательна иконографическая целостность искусства бронзового века при значительном географической рассредоточенности.

Ключевые слова: мелкая пластика, искусство, культ медведя, каменный век, бронзовый век.

Мелкая пластика была выделена в научной литературе в качестве отдельного вида изобразительного искусства в первой четверти XX в. Одним из основных критериев отнесения предмета к данной категории является его способность свободно перемещаться в пространстве, из чего родилось второе название мелкой пластики – «мобильное искусство». Как правило, предмет мелкой пластики должен помещаться в сжатую ладонь человека (Митина, 2017. С. 118–119). Особое положение мелкой пластики среди прочих археологических артефактов обусловлено, в первую очередь, тем, что она не несет в себе никакого очевидного практического значения. Отсюда вытекает третье название мелкой пластики – керамические изделия неутилитарного назначения (Шалахов, 2017. С. 255). По этой причине подобные находки имеют единичный характер и вызывают особый интерес.

Глиняная пластика каменного века долгое время оставалась без внимания, так как фрагментированный материал зачастую оставался вне поля зрения исследователей и не интерпретировался в качестве произведений мобильного искусства (Мошинская, 1976. С. 32). И хотя на данный момент интерес к находкам подобного рода возрос, они по-прежнему не являются массовыми. Е.А. Кашина называет конец каменного века периодом расцвета мелкой пластики (Кашина, 2004. С. 139). Наиболее представительна коллекция мелкой пластики, выполненной в виде

налепов на сосуды, но к мобильному искусству подобного рода изображения относятся лишь отчасти. При этом, статьи, посвященные анализу подобных сосудов, неизменно обращаются к одной из важнейших характеристик мелкой пластики – ее функциональному назначению. В налепах исследователи видят свидетельства охранительной магии или же способ маркирования содержимого сосуда (Мошинская, 1976. С. 32).

В пластике каменного века присутствуют как зооморфные, так и антропоморфные образы. При этом зооморфные изделия из глины встречаются гораздо реже. И.В. Усачева отмечает, что глина традиционно считается человеческим материалом, так как в мифологии встречается сюжет с сотворением первого человека из глины. И хотя в своей статье исследовательница приводит ряд примеров зооморфной мобильной скульптуры из глины, она также отмечает диспропорцию в соотношении антропоморфного и зооморфного. В качестве образцов второй группы перечисляются единичные изображения птицы, медведя и змеи (Усачева, 1998. С. 106–110).

За последнее время по тематике мобильного искусства были проведены крупные обобщающие исследования Е.А. Кашиной и А.В. Морозовым. Несмотря на то, что авторы опирались на материалы различных регионов (лесная зона Восточной Европы и Сибирь), их работы интересны для рассмотрения в комплексе, хотя при классификации материалов использовались не идентичные критерии, и присутствует необходимость предварительной унификации. Авторами было отмечено преобладание среди мелкой пластики сходных образов: человека, птицы, медведя и лося (оленя), в глиняной пластике практически отсутствующего. Прочие животные образы хоть и находят отражение в древнем искусстве, встречаются значительно реже. При этом, глиняная скульптура, представленная в Восточной Европе и Западной Сибири, практически отсутствует в Восточной Сибири. Авторы соотносят глиняную пластику с культовой деятельностью древних людей. Е.А. Кашина склоняется к точке зрения, что керамические изделия изготовлялись женщинами, как и посуда, и были связаны с домашними обрядами, на что указывает жилищный контекст находок. Для Восточной Европы диспропорция в пользу антропоморфных образов выражена не столь явно. Зооморфная пластика представлена достаточно широко, животные образы на поселенческих комплексах часто образуют гипотетические комплекты с антропоморфами.

Дискуссия о сходстве пластики указанных выше регионов в историографии имеет глубокие корни. В.И. Мошинская, рассматривая известные в 70-е годы образцы, говорила о существовании общего евразийского анималистического стиля, но отмечала, что не все исследователи видят у этого стиля общий очаг зарождения (Мошинская, 1976. С. 37). Исследовательница частично соотносила данный вид древнего искусства с игровой деятельностью детей, опираясь на этнографические параллели (Мошинская, 1976. С. 39).

Аналогии с прибалтийской мелкой пластикой приводятся при анализе эмбрионовидной фигурки из поселения Мергень-6. При рассмотрении функционального назначения изделия исследователи обращают внимание на наличие разлома. Поскольку в фигурке наиболее вероятно представлен образ младенца, предполагается его использование в качестве женского оберега (Зах и др., 2004. С. 120–121).

Наличие обобщающих работ, разнообразие находок, обнаружение параллелей в смежных позволяет говорить об относительной изученности данного периода. Несколько иная ситуация складывается с изучением мелкой глиняной пластики эпохи бронзы. Имеется ряд публикаций, связанных с отдельными памятниками, активно происходит поиск аналогий для конкретных находок, но отсутствуют обобщающие труды, разработанные классификации.

Можно заметить, что глиняная пластика бронзового века получает распространение не только в изображении человека, но и животного. Наибольшее количество найденных предметов мелкой пластики относится к позднему бронзовому веку: бархатовской и ирменской культурам. Ряд находок представлен в кротовской культуре (Молодин, 1985. С. 35–88).

На территории Западной Сибири представительная коллекция находок мелкой зооморфной и антропоморфной глиняной пластики собрана на территории городища Чича-1, расположенного в Здвинском районе Новосибирской области (Чича, 2004). Материалы данного памятника послужили основой для ряда статей. Обнаруженные фигурки были отнесены исследователями к позднеирменской культуре и разделенны на две группы: зооморфные и антропоморфные. Среди зооморфных фигур явно преобладает медвежий образ, но также встречаются и существа, интерпретируемые в качестве миксантропических (Молодин и др., 2003. С. 335–339). Комплекс Чича-1 особенно примечателен тем, что жилые постройки в нем сочетаются с погребениями. Исследователи отмечают важную роль данного городища в реконструкции религиозных представлений носителей позднеирменской культуры (Молодин, 2006. С. 117), и мелкая пластика памятника может иметь особое значение в подобном контексте.

С бархатовской культурой соотносятся фигурки с Красногорского городища в Исетском районе Тюменской области (Матвеев и др., 2009. С. 66). Найденные изображения не имеют однозначной интерпретации в историографии, но, вероятно, тоже связаны с медвежьим образом. Несмотря на отсутствие явного иконографического сходства с фигурками из Чичи-1, данные образцы производились по аналогичным технологиям.

Исходя из имеющихся находок, заметен сдвиг образов глиняной пластики в пользу медвежьего, который может быть следствием культа животного предка или восприятия медведя в качестве точно такого же человека, но божественного происхождения, что прослеживается в этнографии обских угров (Волдина, 2016. С. 83–93).

В.И. Молодин и В.И. Соболев проводили анализ фигурок из Абрашино-1, также относимых к ирменской культуре. Фигурки явно носят зооморфный характер, но по строению своему, скорее всего, являются изображениями пресмыкающихся. Проведя поиск ближайших аналогий, исследователи предположили наличие связи данных фигурок с традициями бронзолитейного производства, но отметили, что в силу отсутствия прямых доказательств все гипотезы относительно абрашинской пластики являются исключительно теоретическими. Также исследователи предложили трактовать орнаментацию фигурок, исходя из установившейся традиции интерпретации петроглифов (Молодин и др., 1983. С. 105–108).

У описанных выше предметов мелкой пластики бронзового века видна сходная технология изготовления: фигурки вылеплены из цельного куска глины без дополни-

тельной обработки, ровная и плотная структура изделий говорит о предшествовавшей обжигу сушке. Данный факт не говорит прямо о преемственности технологий, но предполагает дальнейшее развитие типологизации с сопоставимыми критериями.

Рассмотрев ряд работ, посвященных мелкой глиняной пластике каменного и бронзового веков Зауралья и Западной Сибири, можно сделать вывод о наибольшей степени изученности раннего периода. Мобильное искусство бронзового века в меньшей степени освещено в литературе, однако опубликованные материалы наглядно демонстрируют сходные черты в технике исполнения и потенциал для дальнейшего обобщения и классификации. Удаленные во временном и хронологическом плане артефакты находят визуально близкие аналогии, однако в регионе имеются и уникальные образцы, требующие дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Зах В.А., Скочина С.Н., 2004. Глиняная скульптурка из комплекса с гребенчато-ямочной посудой с поселения Мергень-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (20). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. С. 116–122.

Кашина Е.А., 2005. Искусство малых форм неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // Дис. ... канд. ист. наук. М. 225 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати. 416 с.

Митина М.Н., 2017. Мелкая пластика в контексте мировой художественной культуры: терминологические особенности и роль в искусстве и жизни человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №11(85). Тамбов: Грамота. С. 118–121.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 200 с.

Молодин В.И., 2006. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальное практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (28). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. С. 115–121.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин Е.А., Марченко Ж.В., 2003. Глиняные скульптурки городища Чича–1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. I. Барнаул. С. 333–340.

Молодин В.И., Соболев В.И., 1983. Предметы мелкой пластики с Абрашинского городища // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука. С. 105–108.

Морозов А.В., 2010. Мелкая пластика эпохи неолита-энеолита на территории Сибири // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 334 с.

Мошинская В.И., 1976. Древнее искусство Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 132 с.

Усачева И.В., 1998. К истокам мировоззрения древних уральцев // Уральский археологический сборник. С. 105–134.

Шалахов Е.Г., 2017. Находки керамических изделий неутилитарного назначения на древних поселениях Волго-Ветлужского междуречья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №12. Тамбов: Грамота. С. 255–257.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. 2004. Т. 2. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 336 с.

Предварительные результаты исследования палеоантропологических материалов грунтового могильника энеолита Екатериновский мыс (по раскопкам 2014–2017 гг.)

© 2018 А.А.Хохлов

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–11–63007(а)р.

Аннотация. Представляются первичные результаты изучения палеоантропологических материалов энеолитического могильника Екатериновский мыс, исследованного в Поволжье отрядом самарских археологов СОИКМ им. П.В.Алабина и СГСПУ в период 2013–2017 гг.

Ключевые слова: палеоантропологические материалы, краниология, посткраниальный скелет, травмы.

Памятник Екатериновский мыс своим нестандартным и новым для региона содержимым (Королев и др., 2015) привлек внимание многих заинтересованных специалистов и уже получил признание в науке как весьма значимый. Здесь мы представляем информацию о палеоантропологическом компоненте данного могильника.

Скелетный материал в целом плохой сохранности. Не по всем исследованным захоронениям удалось получить даже первичную информацию.

К настоящему времени сведения получены лишь по 64 скелетам. Они включают половозрастные, краниологические, остеологические и патологические характеристики.

По демографическим показателям зафиксированы следующие цифры:

Скелетов детского возраста (0–12 лет) – 7; подросткового (13–17 лет) – один; зрелого возраста (более 18 лет) – 54. Среди последних лишь один скелет (п. 74) – оказался возраста, близкого старческому (>55 лет). Обращает внимание малая детская смертность и практическое отсутствие лиц подросткового возраста. В отношении людей зрелого возраста удалось выявить 30 скелетов мужского пола и 19 женского. Здесь фиксируется отчетливое преобладание мужчин. Для нормальной популяции все эти показатели не являются эталонными. С одной стороны, учитывая малую детскую смертность, можно говорить об отсутствии сильных стрессовых факторов для популяции,

оставившей могильник Екатериновский мыс. С другой, очевидное доминирование мужчин настораживает. В данном случае надежнее подождать окончательных результатов, по завершении полных раскопок могильника Екатериновский мыс.

Краниологическая часть содержит сведения о 17 черепах (9 мужских, 7 женских, и один в отношении пола пока неопределимый). К сожалению, среди них целых нет. Все они были изначально фрагментированы, и в ходе кропотливой реставрации удалось воспроизвести в основном мозговые коробки, причем неполные.

Были рассчитаны статистические показатели для мужской и женской выборок. Каждая из них, согласно разработанных градаций (Алексеев, Дебец, 1964), характеризуется средними размерами мозговой коробки, мезокранией. У мужчин можно отметить среднюю высоту перегиба лба и большой перегиб затылка, сильно развитые надпереносье и сосцевидные отростки. Лицевой скелет обеих выборок широкий на верхнем уровне, умеренно профилирован по горизонтали, особенно у женщин. Перечисленные характеристики свидетельствуют об однородности выборок на уровне пола. Лучше всего сохранившийся мужской череп (п. 45) несколько выделяется максимально длинной мозговой коробкой, довольно резким назомалярным профилем. Дополнительно в его характеристику следует включить умеренно широкий и средневысокий, ортогнатный по вертикали лицевой скелет, узкое грушевидное отверстие, некоторый альвеолярный прогнатизм, слабо развитую клыковую ямку.

Можно заключить, что екатериновские черепа по комплексу морфологических признаков значительно ближе к краниологическим материалам неолита-энеолита лесной полосы северо-востока Европы, нежели юга и юго-запада континента. Возможно, они представляют один из древнеуральских или в более широком смысле уралоидных вариантов, описанных в антропологической литературе (Хохлов, Яблонский, 2000; Хохлов, 2017. С. 38).

Посткраны скелетов из могильника Екатериновский мыс также плохой сохранности. Наибольшую информацию предоставляет скелет человека из погребения №45. По полученным измерениям, его длинные трубчатые кости характеризуются малыми поперечными и охватными величинами. Длины плечевой кости и ключицы средние, а бедренной и большеберцовой большие. Рост, реконструированный по двум методам (К. Пирсон и Л. Ли; М. Тротер и Г. Глезер // В.П. Алексеев, 1966) мог быть примерно 167,0–173,0 см. Элементы макрорельефа длинных трубчатых костей выражены средне и ниже средних. Индивид в целом был среднего роста, несколько грацильного сложения, с удлиненными нижними конечностями относительно верхних.

По фрагментированным останкам других посткраниальных скелетов предварительно можно отметить, что они не отличаются массивностью в строении и большими величинами костей. Создается впечатление о средней конституциональной сложенности группы, с тенденцией к грацильности.

Обращает внимание наличие на 9 черепах могильника, как мужских, так и женских (п. 1, 2, 20, 24, 49, 45, 57, 73, 86), своеобразных дефектов. Они фиксируются на верхней компакте преимущественно теменных костей в виде овально-эллипсоидных и иногда округлых несквозных вдавлений. Их размеры от 20,0×11,0 кв.мм (п. 2) до 46,0×29,0 кв.мм (п. 49). В большинстве случаев таких костных дефектов на черепах по несколько. Максимальное их количество, а именно шесть, на черепе женщины зрелого возраста из погребения №49. На одном из них в самом глубоком месте, по центру, все же имеется сквозное отверстие – могильник Екатериновский мыс представил нам случай настоящей медицинской трепанации (п. 57). У данного черепа в районе сагиттального шва сквозное отверстие подовальной формы с наклонно-отвесными входными краями. Происхождение такого дефекта сомнений не вызывает – эта классическая трепанация, выполненная, видимо, с использованием приемов как скобления, так и сверления. Соответственно этому, возможно, зафиксированные нами дефекты на других екатериновских черепах также являются следствием поверхностной трепанации.

Нужно сказать о том, что аналогичные поражения костной ткани были зафиксированы во многих случаях на черепах географически сравнительно близких Хвалынских энеолитических могильников Поволжья. Там такие дефекты интерпретировались в связи с обрядовыми действиями – целенаправленным травмированием при помощи ударного воздействия, либо проведения поверхностных символических трепанаций (Хохлов, 2010. С. 422; 2012. С. 123). На одном из черепов Хвалынского II могильника (ск. 21) были отчетливо представлены следы – трасы с наличием костной мозоли, отчетливое свидетельство выскабливания лекарем. Но примера с классической трепанацией сквозного типа на хвалынских черепах нет. Разумеется, есть определенные различия по данному направлению изучения между екатериновскими и хвалынскими материалами. Эта тема является предметом отдельного и специального рассмотрения. Но сейчас важнее указать именно на сходство – ничего подобного в массовом масштабе для населения неолита-энеолита, по крайней мере, Восточной Европы, не было зарегистрировано. А ведь как символическая ударная травматика, так и символические трепанации – есть именно культурный феномен. Изучение этого вопроса весьма перспективно. С использованием этнографических параллелей это позволит не только реконструировать происходившие в поволжских культурах энеолита нестандартные обрядовые действия, но и более полно представить сложную социальную организацию древнего общества.

Антропологический материал могильника Екатериновский мыс, несмотря на фрагментарность, уже сейчас демонстрирует ряд важных морфологических и других деталей, которые уточняют сложившиеся представления о формировании облика энеолитических популяций Поволжья и Приуралья. Окончательные выводы по данным материалам еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. 127 с.

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. 251 с.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Екатериновский Мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, №3(2). Самара: Изд-во СНЦ

РАН. С. 514–517.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т., 2000. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век». Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 278–307.

Хохлов А.А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: СГСПУ. 367 с.

Новые материалы и новые методы исследования VI Разреза Горбуновского торфяника

© 2018 Н.М. Чаиркина, Е.В. Вилисов, С. Райнхольд, К-У. Хойсснер, Д. Мариашк

Аннотация. Доклад посвящен результатам исследований VI Разреза Горбуновского торфяника, проведенных в 2017 г. специалистами Института истории и археологии УрО РАН и Евразийского отдела Германского археологического института. Представлен опыт применения новых методов изучения деревянных сооружений, включающий фотограмметрическую фиксацию и создание 3D модели, массовый дендрохронологический и радиоуглеродный анализы материала.

Ключевые слова: VI Разрез, ранний бронзовый век по региональной хронологической шкале, деревянные сооружения, керамика, каменный инвентарь.

Горбуновский торфяник находится в Свердловской области, на территории муниципального образования г.о. Нижний Тагил, примерно в 140 км к северу от г. Екатеринбурга. Торфяник занимает дно межсопочной древней котловины, вытянутой в направлении юго-восток – северо-запад, неправильно-овальной формы, длиной около 3,65 км при ширине – 1,85 км. Он расположен на водоразделе р. Тагил и ее левого притока р. Чащиха. Большая часть массива подстилается сапропелем, мощность которого в центральной части достигает 1,5 м. Минеральное дно – суглинки, реже – супеси. Восточный берег торфяника состоит в основном из пологих склонов, западный берег более крутой. Торфяник озерного происхождения, о чем свидетельствует наличие под торфом сапропеля.

Работы по осушению Горбуновского торфяника и добыча торфа проводились с начала XX в. Торф добывался ручным способом так называемыми «разрезами», которые располагаются в центральной, наиболее сухой части торфомассива. Они пронумерованы с севера на юг – I–XI и до сих пор визуально фиксируются на поверхности.

Первые сведения об археологических находках – древних предметах и деревянном сооружении, найденных в разрезах, поступили в Уральское Общество Любителей Естествознания в 1908 г. от Н.Ф. Топоркова. По данным М.О. Клера (1909), обследовавшего торфяник, сооружение – «мост», очень напоминающий стлань или гать, с постройками – «балаганчиками» с пологой двускатной крышей, встречено в нескольких разрезах (по современной нумерации – VI, V и IV). Археологические памятники, обнаруженные на этих разрезах, были названы соответственно стоянки IV, V и VI Разрезы.

За столетнюю историю исследования на Горбуновском торфянике выявлено более 35 археологических памятников – стоянок, поселений, местонахождений, культовых мест эпохи мезолита – железного века, особое место среди которых занимает VI Разрез. Он расположен почти в центре торфяника, в 600 м к юго-западу от восточного коренного берега. В древности памятник, вероятно, занимал мысовидный участок большого острова проточного палеоозера.

В 1926–1929, 1931, 1936 гг. VI Разрез исследовал Д.Н. Эдинг (Эдинг, 1929; 1940а; 1940б); в 1948 г. его изучение продолжили А.Я. Брюсов и В.М. Раушенбах; в 1978–1980 гг. – В.Ф. Старков (Старков и др., 1979; Старков, 1980). В результате многолетних археологических исследований памятника в XX в. вскрыто более 1500 кв.м его площади. Обнаружены деревянные сооружения разных типов, рядом с которыми найдены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты и рыболовства, выполненные из органики. Эти материалы уже более столетия привлекают внимание специалистов. Однако результаты раскопок почти не опубликованы. Многие вопросы – время функционирования и функциональное назначение сооружений, культурно-хронологическая атрибуция изделий – продолжают оставаться дискуссионными. Эти факторы обусловили необходимость комплексных исследований памятника, начатых Н.М. Чаиркиной в 2007 г. В ходе работ выявлены новые данные по стратиграфии, культурной принадлежности и датировке слоев VI Разреза, исследован ряд сооружений раннего бронзового века, получены уникальные предметы искусства и быта, не имеющие аналогий в материалах торфяниковых памятников Зауралья.

В 2017 г. исследования VI Разреза проводились совместной экспедицией Института истории и археологи УрО РАН и Евразийского отдела Германского археологического института под руководством Н.М. Чаиркиной и С. Райнхольд. Памятник исследовался двумя раскопами – №74 и 75.

Раскоп №75 расположен в самом VI разрезе, где в начале XX в. происходила добыча торфа ручным способом. Поэтому верхняя часть торфяных отложений в раскопе отсутствовала. Мощность культурного слоя, залегавшего в нижней части торфа, на контакте торфа с сапропелем и в верхней части сапропеля – 120–150 см. Раскоп был разбит таким образом, что он практически был соединен на севере с раскопом Д.Н. Эдинга 1936 г., западная стенка – с раскопом В.Ф. Старкова 1980 г.

В раскопе с глубины –121 см от условного «0» фиксировался культурный слой раннего бронзового века по региональной хронологической шкале, содержащий немногочисленные фрагменты керамики карасьеозерского типа, изделия из камня и деревянное сооружение 1.

На контакте торфа и сапропеля, в верхней части сапропеля обнаружено несколько фрагментов керамики эпохи энеолита.

Сооружение 1 представляло собой скопление древесины максимальными размерами около 740×350 см, длинной осью ориентированное по линии ССЗ–ЮЮВ, короткой – ЗЮЗ–ВСВ. Юго-западная и юго-восточная части

сооружения не были зафиксированы в раскопе, находились за пределами его границ, «уходили» в южную и восточную стенки раскопа. На верхних уровнях фиксации сооружение состояло из длинных параллельных, горизонтально лежащих стволов, ориентированных по длинной оси сооружения, укрепленных вертикально вбитыми кольями почти по всему периметру. На следующем уровне фиксации очертания и общие размеры сооружения существенно не изменились. Под длинными стволами, располагались короткие стволы, ориентированные по короткой оси сооружения. Продолжали фиксироваться вертикальные колья, вбитые до глубины –200–250 см (2 кола), –251–300 см (19 кольев), –301–350 см (17 кольев), –351–400 см (15 кольев), –401–434 см (11 кольев).

Для проведения детальной реконструкции сооружения применялся фотограмметрический метод фиксации, позволивший получить его 3D модели на разных уровнях фиксации.

Проведенный анатомический анализ остатков древесины показал, что они выполнены из стволов сосны обыкновенной и березы. Все индивидуальные древесно-кольцевые хронологии имеют среднюю и высокую чувствительность и высокое значение автокорреляции, указывая на значительное влияние на прирост деревьев как индивидуальных особенностей их роста, так и климатических факторов. Результаты относительной датировки древесно-кольцевых хронологий древесных остатков показали достаточно высокую синхронность изменения радиального прироста, что подтверждает одновременность их произрастания.

В сооружении и рядом с ним обнаружена керамика карасьеозерского типа. Фрагменты декорированы гребенчатой и «шагающе-протащенной» техникой, которыми нанесены горизонтальные пояса из вертикальных или протащенных оттисков штампа, иногда разделенных наколами. Форму емкостей реконструировать сложно, но вероятно, это – большие сосуды с диаметром устья не менее 40 см, с круглым дном. Венчики прямые, некоторые – слегка отогнуты наружу, срезы плоские. В глине присутствует тальк и дресва.

Коллекция изделий из камня в пределах сооружения 1 насчитывает около 150 экз. Индустрия основана на использовании отщепов в качестве заготовок для орудий. В коллекции присутствуют расколотые гальки, нуклевидные куски, отщепы, обломки и осколки. Орудийный состав представлен скребками, ретушированными отщепами, заготовками наконечников, отбойником, абразивом. Многочисленны плитки туфовой и хлоридно-карбонатной рассланцованной породы. Источником этих видов сырья могли служить скальные выходы на северо-западном берегу палеоозера. На ряде отдельностей присутствует вторичная обработка в виде крупной обивки, пришлифовки краев, единичных сколов. Изделия могли служить грузилами и заготовками орудий. Относительно малое количество продуктов расщепления и орудий, ограниченный типологический состав коллекции свидетельствуют, что хозяйственная деятельность в пределах сооружения носила подчиненный, эпизодический характер.

14C и AMS даты (более 20), полученные по разным категориям источников – вмещающему культурный слой торфу, деревянным изделиям и сооружениям, указывают на время бытования карасьеозерских комплексов, с которыми связано сооружение 1, исследованное в раскопе №75 2017 г., в интервале 3870 (4020?)–3700 л.н. или 2570–1970 гг. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Старков В.Ф., Хотинский Н.А., Алексашенко А.А., Калинина И.В., 1979. Раскопки на Горбуновском торфянике // АО 1978 года. М.: Наука. С. 624.

Старков В.Ф., 1980. Новые раскопки на Горбуновском торфянике // АО 1979 года. М.: Наука. С. 172–173.

Эдинг Д.Н., 1929. Предварительный очерк археологических работ 1926–1928 гг. // Материалы по изучению Тагильского округа. Нижний Тагил: Гостипография. Вып. 3. Полутом 1. С. 3–27.

Эдинг Д.Н., 1940а. Новые находки на Горбуновском торфянике // Материалы и исследования по археологии СССР. №1. Л.: Наука. С. 41–57.

Эдинг Д.Н., 1940б. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. М.: Тип. Упр-ния делами СНК СССР, 104 с. (Тр. ГИМ; Вып. 10).

Ранние энеолитические могильники Усть-Камья

© 2018 А.А. Чижевский, А.В. Шипилов

Аннотация. В докладе затрагивается проблема атрибуции энеолитических могильников, расположенных в устье р. Камы. Сочетание местных и южных составляющих привело к формированию своеобразного культурного типа памятников. Аналогии в материальной культуре позволяют рассматривать эти памятники как предборский компонент, который способствовал формированию борской культуры в Прикамье.

Ключевые слова: Приустьевое Прикамье, энеолит, могильники, погребальный обряд, материальная культура.

Приустьевое Прикамье и прилегающие районы Среднего Поволжья в середине – второй пол. V тыс. до н. э. (Табл. 1[1]) было заселено населением, оставившим грунтовые могильники, культурная принадлежность которых еще до конца не определена. Время существования этих могильников относится к позднему энеолиту (Моргунова, 2011. С. 202), однако в пределах Волго-Камья это самые ранние памятники, содержащие медные изделия и поэтому для региона они являются раннеэнеолитическими.

В настоящий момент к данному типу памятников относятся три могильника: Гулькинский II, Мурзихинский II, Тенишевский и одно поселение – Гулькин Бугор (Гулькинское) (Збруева, 1954; 1960; Габяшев, Беговатов, 1984; Габяшев, 1992; Чижевский, 2008). Несмотря на некоторые отличия в погребальном обряде их объединяет близость

материальной культуры, а керамические комплексы единственного известного поселения Гулькин Бугор и Мурзихинского II могильника тождественны.

Наибольшая близость наблюдается в индустрии камня, на всех памятниках отмечено использование двуцветного кремня и кварца, одинаковые формы орудий и сланцевых украшений.

Отличия проявляются только в способе размещения погребенных в могильной яме. Однако необходимо отметить, что сочетание сидячих и лежащих на спине погребений в одной культуре известно по материалам Хвалынского могильника и др. и не является чем-то экстраординарным. Остальные черты погребального обряда сходны: размещение некрополей в устьях малых рек, глубина могильных ям, использование охры для засыпи погребений, размещение погребений рядами и т.д.

Эти особенности говорят как о близком времени бытования данных памятников, так и о близости их материальной культуры.

Значительная часть каменных орудий, найденных в этих могильниках, имеет прототипы в камской культуре неолита, это свидетельствует о том, что традиции изготовления каменных изделий сформировались на местной неолитической основе. Новые технологии в обработке камня, такие как кварцитовая индустрия и изготовление орудий на крупных пластинах, а также находки медных изделий и свидетельства зарождения производящего хозяйства, говорят о появлении инновационных идей, связанных с проникновением населения с юга.

Это явление подтверждает и антропология, согласно анализу краниологической коллекции Мурзихинского II могильника мужские черепа, выявленные в нем, по морфологическому облику относятся к европеоидам, а женские к сублапоноидам. В мурзихинской серии с местным населением эпохи неолита связан именно сублапоноидный компонент, а с пришлым – европеоидный, отмечены также и черты смешения этих групп (Хохлов, 2011. С. 117, 118, 124; 2017. С. 42). Аналогичные наблюдения были сделаны и на небольшой краниологической серии из Гулькинского II могильника, в которой мужской череп был определен как европеоидный, а женский имел «налет монголоидности» (Збруева, 1960. С. 52), состояние костей из Тенишевского могильника не позволяет провести по ним антропологические определения.

Все эти факты свидетельствуют о сложении на территории Усть-Камья нового населения, имеющего двухкомпонентный состав и сочетающего как южные, так и местные особенности материальной культуры и антропологии, а затем образовавшее некое единство. Объем данных не позволяет выделять усть-камские могильники и Гулькинское поселение в отдельную археологическую культуру, в настоящее время можно говорить о них как о культурном типе «памятников типа усть-камских могильников».

Энеолитические могильники Усть-Камья характеризуется размещением погребений рядами и захоронением умерших по обряду трупоположения в неглубоких ямах, вырытых по размерам тела погребаемого.

В первом случае (Гулькинский II могильник) умершие размещались на спине и, судя по длине могильной ямы, лежали с вытянутыми (?) ногами, такие же размеры могильных ям, в рост взрослого человека, были и на Тенишевском могильнике; во втором случае (Мурзихинский II могильник) погребенные располагались сидя, с полусогнутыми ногами, направленными вверх коленями, руки предплечьями помещали на колени, голова свешивалась на грудь.

Табл. 1. Датировки комплексов Мурзихинского II могильника.

№ п/п	Шифр лаборатории	Материал	Погребение	Date BP	Calib. date (probability)	
					68,2 %	95,4 %
1	9434	Кость	погр.90	4000±200	2868–2802 (7,5 %) 2778–2287(60,7 %)	3084–3064 (0,4 %) 3028–1947 (95 %)
2	9436	Кость	погр.91	5610±60	4489–4368 (68,2 %)	4556–4339 (95,4 %)
3	9428	Кость	погр.94	5630±40	4503–4444 (46,1 %) 4421–4395 (15,2 %) 4388–4374 (6,9 %)	4538–4365 (95,4 %)
4	9437	Кость	погр.102, костяк I	5660±40	4537–4456 (68,2 %)	4592–4438 (85,3 %) 4426–4370 (10,1 %)
5	9431	Кость	погр.102, костяк III	5470±80	4444–4421 (6,6 %) 4396–4386 (2,5 %) 4374–4238 (59,1 %)	4464–4220 (82,1 %) 4212–4151 (6,7 %) 4134–4057 (6,6 %)
6	9435	Кость	погр.103, костяк I	5570±50	4449–4361 (68,2 %)	4497–4337 (95,4 %)
7	9432	Кость	погр.103, костяк III	5090±180	4053–3659 (68,2 %)	4331–3626 (92,6 %) 3597–3526 (2,8 %)
8	9433	Кость	погр.104	5640±40	4529–4447 (61,5 %) 4417–4403 (6,7 %)	4546–4366 (95,4 %)
9	10039	Кость	погр.128, костяк I	5390±60	4335–4228 (52,1 %) 4201–4169 (11,2 %) 4127–4121 (1,5 %) 4091–4080 (3,3 %)	4344–4143 (75,9 %) 4136–4053 (19,5 %)
10	10038	Кость	погр.131	5630±60	4522–4441 (43,0 %) 4425–4371 (25,2 %)	4599–4347 (95,4 %)

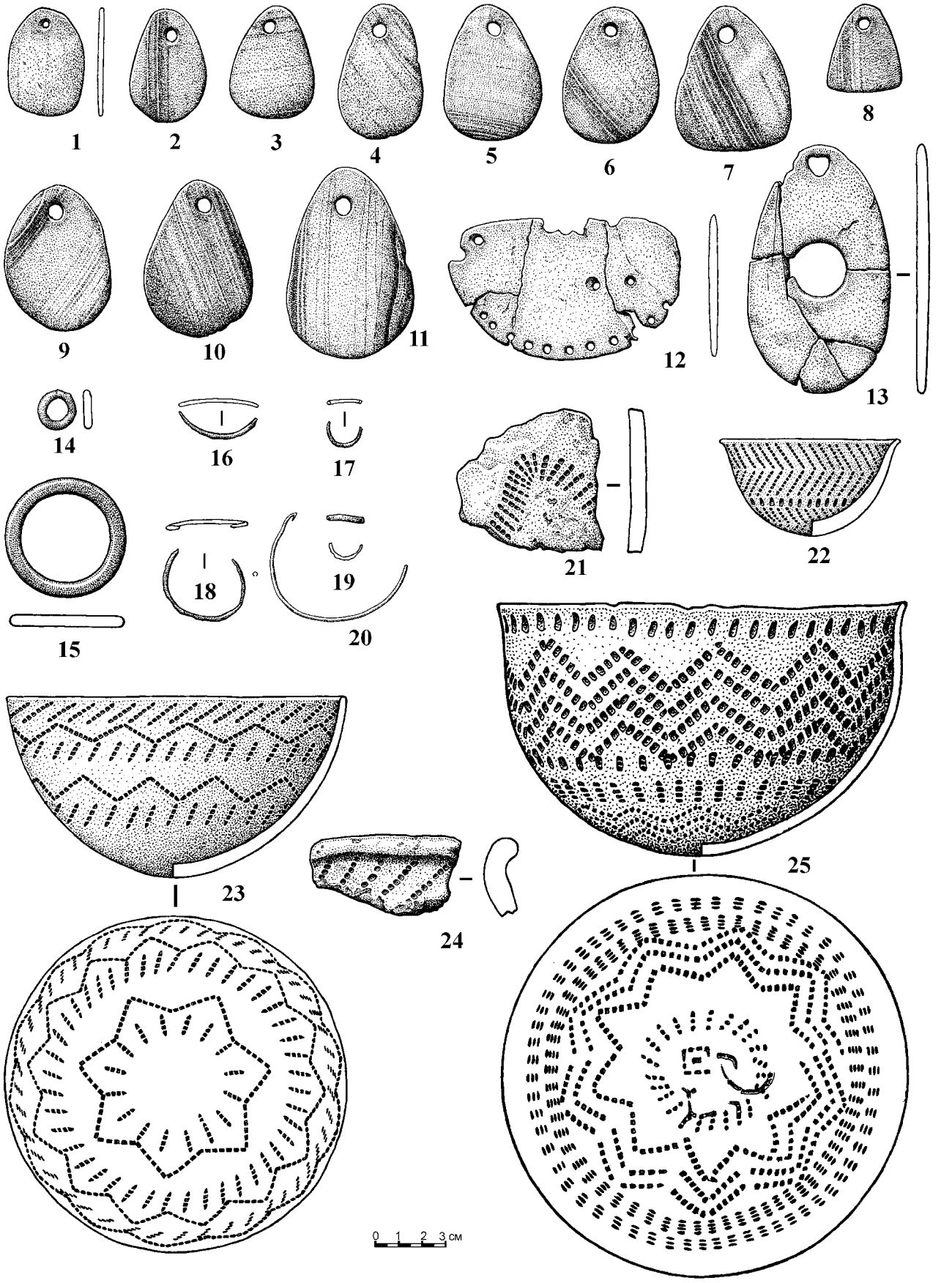


Рис. 1. Украшения и керамика памятников типа усть-камских могильников.
1–11 – Гулькинский II мог., погр. 1965 г.; 12 – Тенишевский мог., погр. 22; 13 – Тенишевский мог., погр. 8; 14 – Тенишевский мог., погр. 18; 15 –Мурзихинский II мог., погр. 90; 16–18 – Тенишевский мог. погр. 9; 19 – Тенишевский мог. погр. 10; 20 –Мурзихинский II мог. погр. 156; 21 – Гулькинская (Гулькин Бугор) стоянка, сборы 1965 г.; 22 – Мурзихинский II мог. погр. 124; 23 – Мурзихинский II мог., погр. 103; 24 – Гулькинская (Гулькин Бугор) стоянка, сборы 1965 г.; 25 – Гулькинская (Гулькин Бугор) стоянка, раскопки А.В. Збруевой 1950, 1953 гг.

Для погребенных в вытянутом положении преобладают индивидуальные погребения, для погребенных в сидячем положении – коллективные.

По характеру расположения костей сидячих погребений установлено воздействие массивного конгломерата земли на костяк уже после разложения мягких тканей погребенного. В некоторых случаях кости умерших оказались спрессованными в одну массу, так, что позвоночник и ребра сложились друг в друга, в иных случаях скелеты заваливались на спину или на грудь. Все это свидетельствует о наличии над погребенными людьми какой-то перегородки из органического материала, до перегнивания которой некоторые скелеты успели упасть, а другие испытали компрессионное воздействие перекрывающей погребение земли после разрушения органического перекрытия.

Захоронения в положении сидя известны на памятниках эпохи энеолита Волго-Уралья (подробнее: Чижевский, 2008), однако наибольшая близость с мурзихинскими наблюдается среди погребений Хвалынского I энеолитического могильника, где обнаруживается как компрессионное воздействие на костяки, так и скелеты, завалившиеся на бок. Кроме того, здесь присутствуют и коллективные погребения, в которых сочетались сидящие и лежащие на спине с подогнутыми ногами погребенные (Агапов и др., 1990. С. 32, 33, 40, 41, 46, 51. Рис. 6: 9; 8: 8; 12: 18, 19; 20: 3; 55; 56; 69; Васильев, 2004. С. 56).

В состав инвентаря памятников типа усть-камских могильников входили изделия из камня, кости и меди. Наиболее многочисленны деревообрабатывающие и режущие орудия (тесла трапециевидной формы и стамески с желобком и выделенной рукоятью). Многочисленны орудия режущего характера (скобели, скребки, резцы, ножи и острия). Оружие представлено наконечниками стрел и дротиков иволистной формы, топором, кинжалами с «пуговкой» и без нее. С обработкой почвы, вероятно, связано мотыгоообразное орудие. В единственном числе найдено каменное изделие с окончанием в виде скульптурной модели фаллоса.

Орудия из кости происходят из Мурзихинского II могильника это – стамески, долота, тонкие стилетообразные орудия, наконечники стрел, гарпуны, кинжаловидное орудие. Украшения представлены подвесками каплевидной, овальной, круглой, треугольной и подчетырехугольной формы из зеленого филлита и зеленоватого, серо-черного и белого серпентина, единичны подтрапециевидные и полулунные подвески (Рис. 1: 1–13). На некоторых из них отмечены рисунки в виде рядов параллельных линий и горизонтального зигзага. К украшениям следует отнести и серпентиновые кольца (Рис. 1: 14, 15). Очень малочисленными категориями украшений были бисер из раковины и янтарные бусы. Среди украшений выделяются скульптурные изображения, из кости: головки гуся и кулика, фигурка из трех соединенных ромбов; и камня: антропоморфная и птичья фигурки, голова травоядного животного, конкреция в форме человеческой стопы.

В составе погребального инвентаря присутствуют также украшения, изготовленные из меди: кольца из овального в сечении прутка, кольца из узкого листа, согнутого в трубку и загнутого в крючок на одном из концов (Рис. 1: 16–20). Аналогии медным украшения из усть-камских могильников известны в Варненском некрополе, Золотой Балке, Карановo, Хвалынском I и II могильниках и др. памятниках, время существования которых приходится на время максимального развития Балкано-Карпатской металлургической провинции (Телегин, 1985. Рис. 84: 15; Черных, 1978, Табл. 19: 2–4, 16; Агапов, 2010. Рис. 3: 22; 8: 3, 4, 12–16, 20).

Характерными признаками усть-камской энеолитической керамики, известной по находкам из Мурзихинского II могильника и Гулькинского поселения (Рис. 1: 21–25) является чашевидность, открытость форм, круглодонность, органические примеси в глиняном тесте, у большей части сосудов венчики отогнуты наружу или скошены внутрь; основными элементом орнамента были гребенчатый штамп и овальная ямка, наиболее типичными орнаментальными композициями: фризы горизонтального зигзага и наклонных оттисков гребенчатого штампа, а также пояски овальных ямок; композиции размещаются разреженно по поверхности сосуда.

Все эти признаки сочетаются на керамике борской культуры. Основное отличие усть-камской орнаментации от борской проявляется в зафиксированных на ряде сосудов композициях в виде многолучевых фигур на дне сосудов, выполненных гребенчатым штампом.

Ближайшей аналогией им является орнамент на сосуде из неолитического слоя стоянки Муллино II, а сочетание этой композиции с рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа, чередующихся с двойным горизонтальным зигзагом, дополняет картину (Матюшин, 1982, Табл. 103: 5, 7). Публикация материалов стоянки очень лаконична, однако Г.Н. Матюшин упоминает о присутствии в коллекциях памятника гарино-борской керамики (1982. С. 206. Рис. 112: 1–3). Наличие этих материалов свидетельствует о том, что стоянка Муллино II на одном из этапов существования могла входить в зону влияния населения усть-камских могильников.

Исходя из представленных данных, можно предположить, что памятники типа усть-камских могильников были наиболее ранним проявлением борской культуры или же являлись предборским компонентом, который способствовал формированию этой культуры в Прикамье.

Хозяйственная деятельность носителей памятников типа усть-камских могильников связана, по всей видимости, с придомным скотоводством, сопровождаемым выпасом скота на пойменных пастбищах. Об этом говорит размещение поселений и могильников вблизи от рек на первой и второй надпойменных террасах. Прямыми свидетельствами существования скотоводства являются погребения телят на Гулькинском II могильнике и лопатка крупного рогатого скота из погр. 128 Мурзихинского II могильника (Чижевский, 2008. С. 367). Наличие многочисленных наконечников стрел и других орудий свидетельствует о большой роли охоты в обеспечении продовольствием усть-камского населения, орудия рыболовства (гарпуны) найдены только в одном погребении, что может указывать на меньшее участие ловли рыбы в этом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Калибровка 14С сделана авторами на сайте Оксфордского университета OxCal Project (https://c14.arch.ox.ac.uk/), программа – OxCal–4.3.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 160 с.

Агапов Д.С., 2010. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов. Самара: Офорт-Пресс. С. 257–282.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А., 1984. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // АЭМК. Вып. 5. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 64–83.

Габяшев Р.С., 1992. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 31–47.

Збруева А.В., 1954. Гулькинский могильник // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. МИА. №42. С. 247–258.

Збруева А.В., 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III. МИА. №80. С. 10–95.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.: Наука. 328 с.

Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.

Телегин Д.Я., 1985. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном левобережье Украины // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наукова Думка. С. 305–320.

Хохлов А.А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ. 368 с.

Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древней Болгарии. София: Бан. 387 с.

Чижевский А.А., 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН. С. 367–371.

Керамика «с внутренним ребром» поселения Лебяжинка VI

© 2018 А.А. Шалапинин

Работа выполнена в рамках проекта 33.1907.2017/ПЧ Министерства образования и науки РФ.

Аннотация. В работе дается типологическая характеристика одной из групп позднеэнеолитической посуды с поселения Лебяжинка VI, керамики «с внутренним ребром». Отмечена специфика данного керамического комплекса по сравнению с аналогичными материалами с других позднеэнеолитических памятников. Также в работе приведены радиоуглеродные даты, указывающие на время бытования данного комплекса в пределах 4500–3900 ВС.

Ключевые слова: поздний энеолит, керамика «с внутренним ребром», радиоуглеродная дата.

В изучении материальной культуры эпохи энеолита бассейна р. Сок в Самарском Заволжье одно из ключевых мест занимают материалы поселения Лебяжинка VI. Наличие на памятнике ряда построек меднокаменного века, представительная серия каменных, костяных орудий и керамической посуды позволяет вновь на более широкой источниковой базе обратиться к целому ряду вопросов, связанных с изучением культурно-хронологического соотношения энеолитических комплексов в лесостепной зоне Среднего Поволжья. В данной работе будет рассмотрена коллекция позднеэнеолитической посуды с поселения Лебяжинка VI, получившая в специальной литературе наименование «керамика с внутренним ребром» (Королев, Овчинникова, 2009. С.296–304).

Данный тип керамики на поселении Лебяжинка VI залегал в слоях плотной супеси черного и серого цвета, а также в заполнениях жилищных котлованов (Королев, Шалапинин, 2017. С. 71–91).

Коллекция керамики «с внтуренним ребром» с поселения Лебяжинка VI представлена примерно 40 сосудами. Цвет керамики серый или темный коричневато-серый. Визуально в тесте определяема примесь раковины и птичьего пуха. Поверхность сосудов со следами расчесов. Толщина стенок 0,7–1,6 см, преобладает – около 1 см. Форма сосудов горшковидная, с округлыми или уплощенные днищами. Венчики отогнуты наружу, часто в месте отгиба находится внутренне ребро. Срез венчиков плоский или округлый. Часть сосудов имеет воротниковое утолщение. Воротнички подпрямоугольной и потреугольной формы. Керамика орнаментирована оттисками короткого мелкого и среднего гребенчатого штампа, образующего горизонтальные линии, зигзаги, сетку, ряды наклонно и прямо поставленных отпечатков и полос шагающей гребенки, вертикальные линии оттисков гладкого штампа, а также поясками и зигзагом овальных и округлых ямок. Часть сосудов без орнамента (Рис. 1).

Посуда с поселения Лебяжинка VI имеет сходство с коллекциями Гундоровского поселения (Королев, Овчинникова, 2009. С. 297–303) и стоянкой Чекалино IV (Королев, 2009. С. 190–193). Общими признаками являются характер обработки поверхности, горшковидная форма сосудов, орнаментация из оттисков короткого и среднего гребенчатого, гладкого штампа, мелких ямок. Среди общих орнаментальных мотивов следует указать на горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных отпечатков, пояски ямок различных форм, сетка и зигзаг и др. Специфической чертой керамической коллекции поселения Лебяжинка VI является широкое распространение воротникового оформления края венчиков, орнаментация шагающей гребенкой, отсутствие баночных форм сосудов и редкость орнаментального мотива в виде треугольников, наклонных полос оттисков гребенчатого штампа и др.

По керамике «с внутренним ребром» поселения Лебяжинка VI имеются следующие радиоуглеродные даты: 6580±150 SPb–1643 (керамика), 6296±120 SPb–1737 (керамика), 5299±120 SPb–1736 (керамика), 5325±110 SPb–1736а (нагар), 5444±120 SPb–1737а (нагар) (Королев и др., 2017. С. 203–206). Последние три даты совпа-

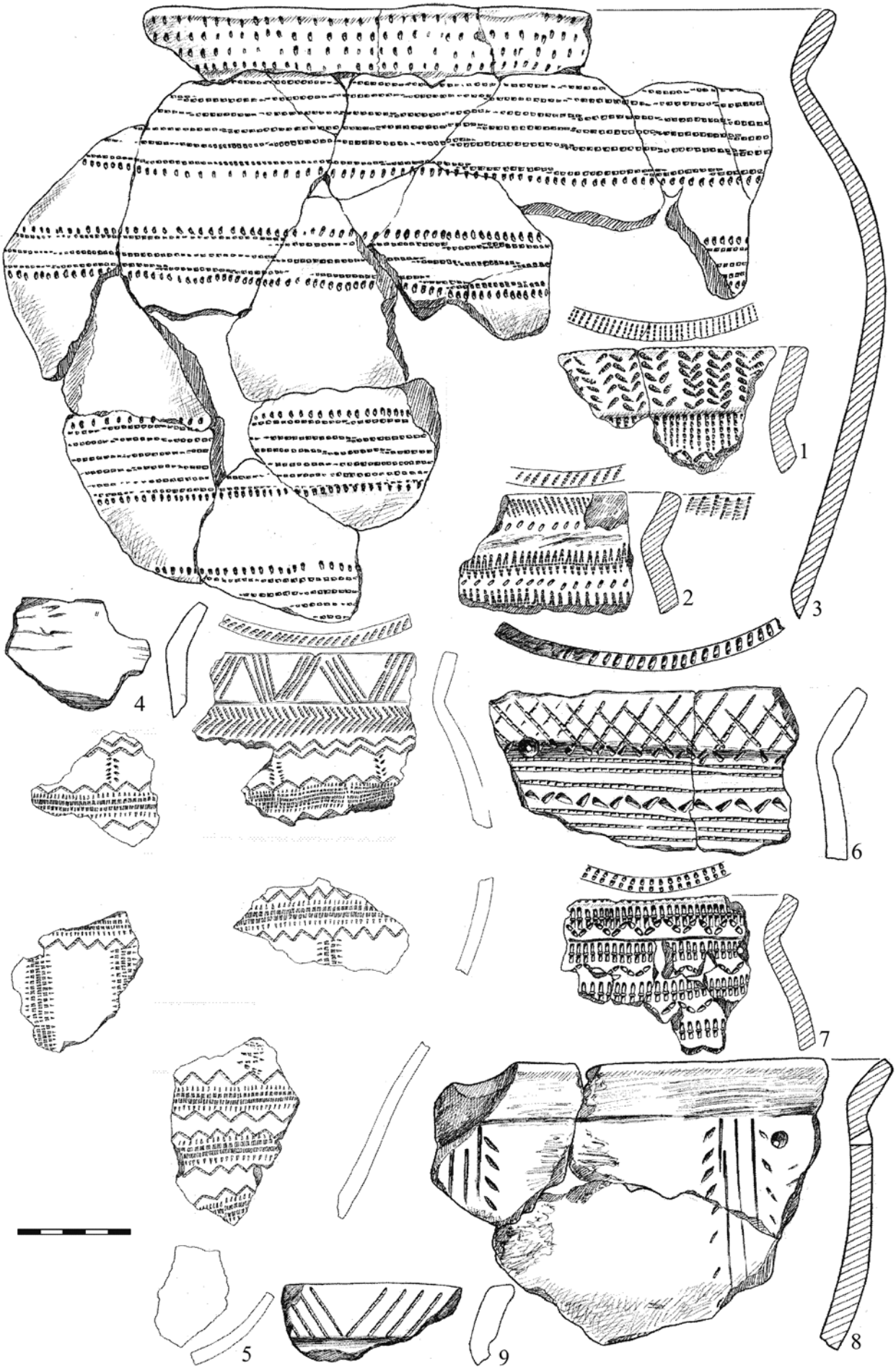


Рис. 1. Керамика поселения Лебяжинка VI.

дают с радиоуглеродными определениями по керамике данного типа со стоянки Чекалино IV: 5270±80 Ki–14572, 5320±80 Ki–14573 (Королев, 2008, 1260–1261).

Керамика «с внутренним ребром» поселения Лебяжинка VI во многом соответствует основным типологическим характеристикам данной группы позднеэнеолитической посуды с других памятников лесостепного Заволжья. Присутствие в коллекции сосудов с воротничковым оформлением венчика, орнаментация в виде шагающей гребенки возможно указывает на источник формирования данного типа керамики в указанном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Королев А.И., 2008. Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 10. №4. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 1256–1264.

Королев А.И., 2009. Актуальные вопросы изучения керамики с «внутренним ребром» // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 190–196.

Королев А.И., Овчинникова Н.В., 2009. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: Тверской областной краеведческий музей. С. 296–304.

Королев А.И., Кулькова М.А., Шалапинин А.А., Нестерова Л.А., 2017. Результаты радиоуглеродного датирования энеолитических материалов поселения Лебяжинка VI // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19. №3. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 203–206.

Королев А.И., Шалапинин А.А., 2017. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье // Поволжская археология. №1 (19). Казань: Фэн. С. 71–91.

Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I)

© 2018 Е.С. Яковлева

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению керамических материалов одного из памятников притобольской лесостепи в контексте современных представлений о хронологии и типологии неолитической керамики Зауралья. Кочегарово I дает комплексы двух периодов – финала раннего неолита и первой половины позднего неолита, демонстрируя особенности переходного периода.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, неолит, керамические традиции, типология, хронология.

С момента создания «классической» трехчленной периодизации В.Н. Чернецова неолит лесостепного Притоболья традиционно помещался в круг синхронных древностей Зауральского региона в широком географическом смысле: опорными для нее стали памятники тюменского Притоболья (Козлов Мыс 1), Среднего Зауралья (Полуденка 1) и Северо-Западной Сибири (Чэстый-яг) для раннего, среднего и позднего этапов соответственно. Так оформилась и в общем виде закрепилась генеральная типологическая схема, основанная на представлении о замещении прочерчено-накольчатых орнаментов гребенчатыми.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в историографии доминирующую позицию заняла двухстадийная схема В.Т. Ковалевой, которая, во-первых, закрепила статус большего архаизма за прочерченной техникой орнаментации (применительно к козловской традиции); во-вторых, устранила из прежней периодизации «переходную» стадию среднего неолита, оставив только ранний и поздний.

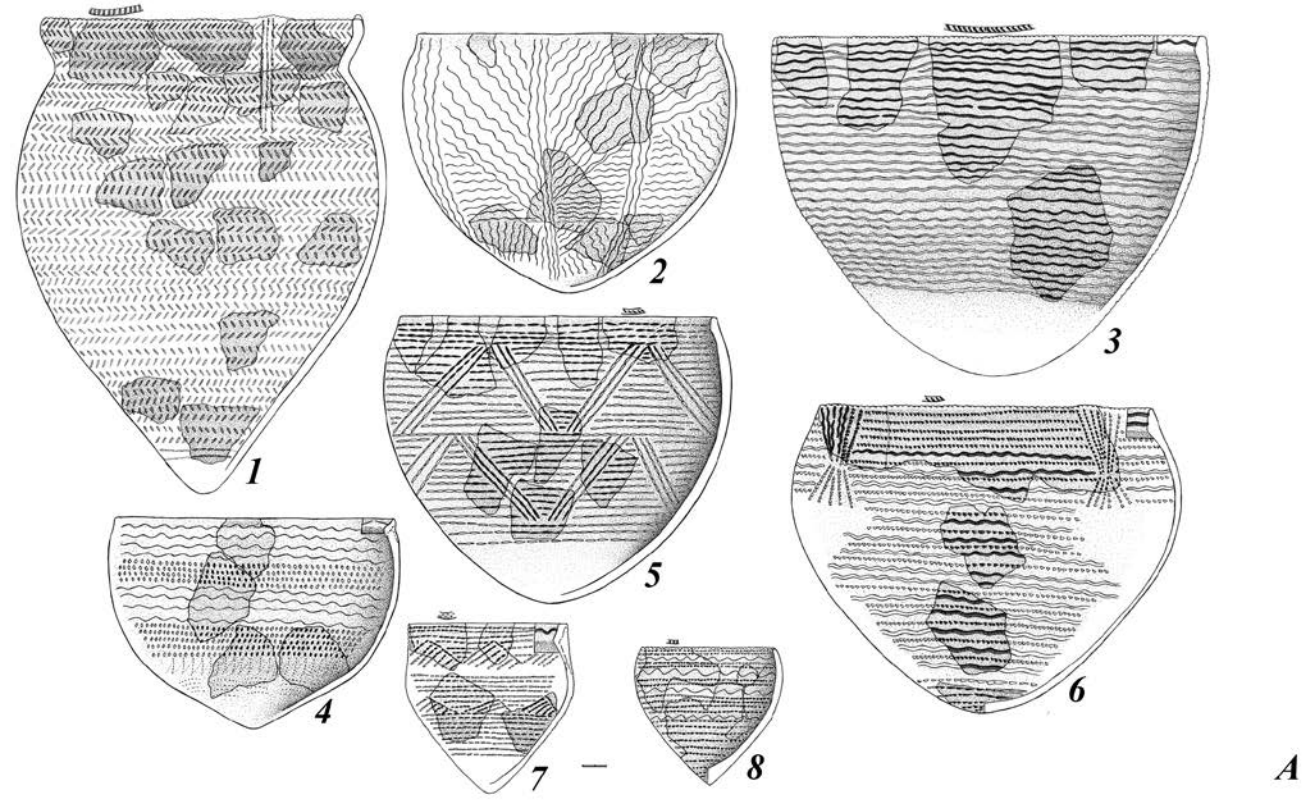
В начале 2000-х гг в научный оборот стали вводиться новые материалы, архивные источники и все бóльшие массивы абсолютных дат. В этой ситуации стали возникать вопросы к существующей типологической схеме, ее универсальности и корреляции с хронологической колонкой (Мосин, 2015; Еньшин, 2015). Ниже будут представлены материалы, способствующие решению отдельных проблем зауральского неолитоведения; в качестве иллюстраций помещены в первую очередь сосуды, имеющие установленный возраст.

Поселение Кочегарово I расположено в Курганской области, на правом берегу р. Миасс. Памятник раскапывался площадью около 2000 кв.м; в публикациях содержатся предварительные результаты и ряд абсолютных дат (Мосин, 2009; Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014; Мосин, 2016). Даты достаточно компактно распадаются на две почти равные группы – конца раннего неолита (Рис. 1а) и первой половины-середины позднего неолита (Рис. 1б). Стратиграфические и планиграфические наблюдения совпали с данной группировкой.

Керамический комплекс (исключая боборыкинские формы) насчитывает 68 сосудов и 27 венчиков разных типов керамики. Недатированные сосуды были разделены на группы в соответствии с типологией датированных, хотя в некоторых случаях эта процедура была затруднительна. Тем не менее, к каждой группе были отнесены 33 и 30 сосудов соответственно.

Для более ранней группы можно выделить два компонента – «местный» и «пришлый». Данное разделение несколько условно, так как речь идет о лесостепи, то есть контактной зоне, применительно к которой сложно достоверно судить, что является «местным». Группа представлена несколькими сосудами маханджарского и близкого к ним облика, козловскими и немногочисленными кошкинскими, а также эклектичными формами, не поддающимися культурной атрибуции в заданных историографией рамках.

Сосуды ярко выраженных горшечных форм, с приостренно-коническим дном (в случаях сохранившихся придонных частей) были отнесены к «пришлому» компоненту (Рис. 1а: 1); два из 10 можно связать с маханджарским типом, облик остальных не столь однозначен, поэтому до появления новых данных можно связать их со степным импульсом.



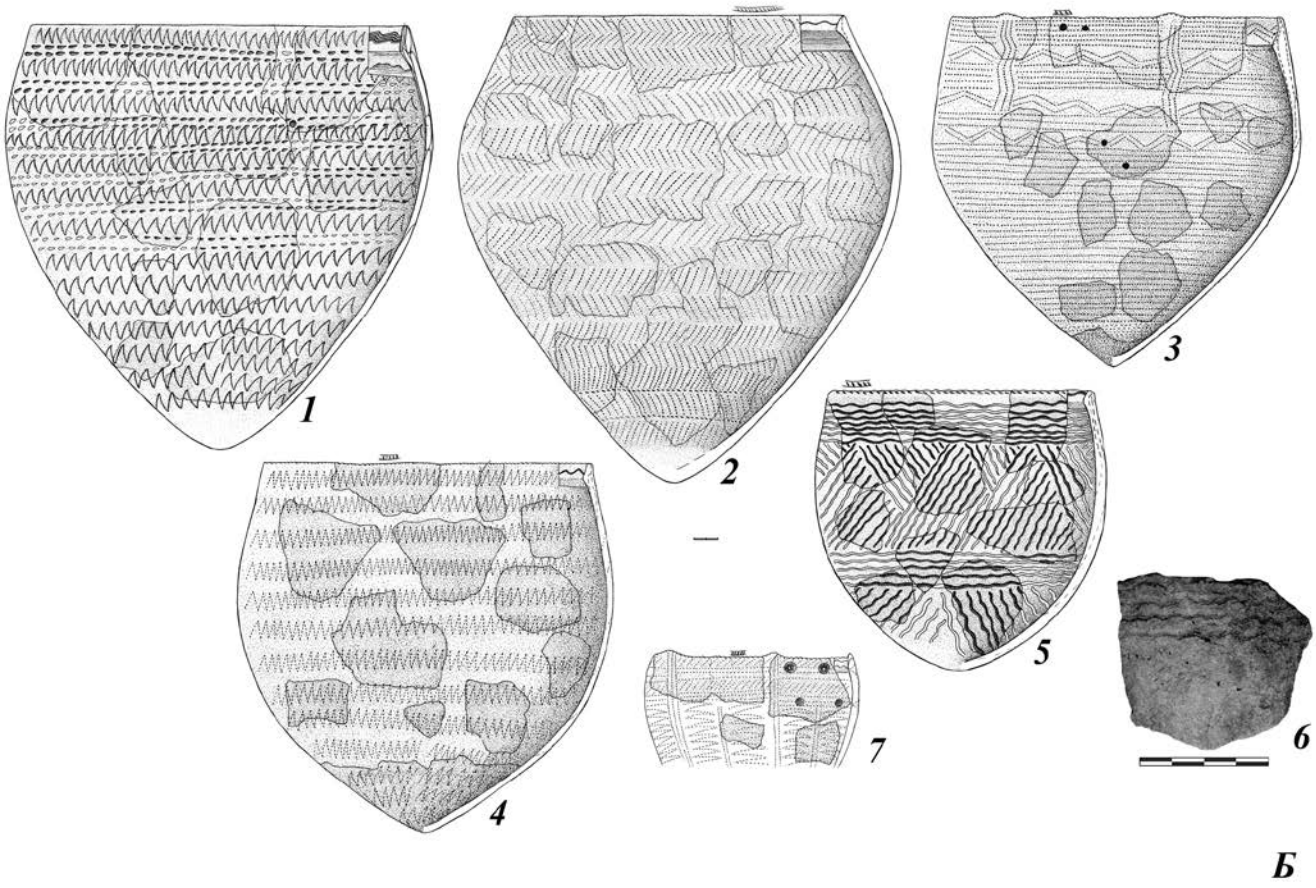


Рис. 1А. Керамика финала раннего неолита: 1 – 6049±130 BP, 2 – 5952±100 BP, 3 – 6539±41 BP, 4 –6619±38 BP, 5 – 6073±100 BP, 6 – 6050±90 BP (некалиброванные значения); 7–8 – недатированные сосуды.

Рис. 1Б. Керамика позднего неолита: 1 – 5630±120 BP, 2 – 5640±90 BP, 4 – 5815±150 BP, 5 – 5817±130BP, 6 – 5878±120 BP (некалиброванные значения); 3, 7 – недатированные сосуды.

В качестве отощителя фиксируется дресва, а также песок (как естественная примесь); в отдельных случаях также добавлен шамот. Композиция орнамента простая и однообразная, основанная на горизонтальных линейных мотивах, с использованием зигзага; состоит из наклонных и горизонтальных оттисков широкого и узкого гребенчатого штампа, образующих монотонные линии или «елочки». Также есть 4 сосуда с орнаментацией из отдельных наколов. Техника накалывания специфична и отличается от орнаментов боборыкинской или козловской традиций: наколы очень глубокие, нанесенные под углом снизу, ромбовидных или треугольных очертаний.

Среди сосудов «местного» неолита – 19 форм с прочерчено-накольчатой орнаментацией, связанных с кошкинским (Рис. 1а: 2) и козловским (Рис. 1а: 3–6) типами. Однако непреодолимой границы между ними нет из-за ряда сближающих черт, таких как композиция орнамента или техника его нанесения (Рис. 1а: 2, 4).

В контексте вопроса о развитии козловских форм от вытянутых к более приземистым примечателен сосуд на рис. 1а: 6 – приземистых пропорций, сильно профилированый. В коллекции имеются еще два сосуда с аналогичным орнаментом, но иных форм: один вытянутый, с прямостенным верхом и округло- или приостренно-коническим дном, с низким и довольно массивным наплывом – целый набор «архаичных» черт. Другой, напротив, чашевидный – приземистый, открытый, со скосом изнутри вместо наплыва. Морфологическая разнотипность этих сосудов при очевидной одновременности создания позволяет утверждать, что представление об однонаправленном развитии керамических форм неточно.

Наконец, к этой же хронологической группе были отнесены и 4 сосуда эклектичного облика (Рис. 1а: 7, 8). Особенностью миниатюрных сосудов, представленных на иллюстрации, является коническая форма дна при орнаменте, построенном на козловских и кошкинских мотивах. Эти сосуды не были датированы, но планиграфическое и стратиграфическое положение позволяет связать их с комплексом ранней хронологической группы.

Группа керамики позднего неолита включает в себя сосуды с прочерченной и разнообразной гребенчатой орнаментацией. Сосуд с композицией из длинных треугольников (Рис. 1б: 5) и фрагмент с прочерченными линиями (Рис. 1б: 6) не имеют черт, типологически отличных от сосудов ранней группы. Однако их абсолютный возраст коррелирует с датами сосудов несомненно «позднего облика». Ранее отмечалось (Мосин, 2015. С. 111), что на рубеже раннего и позднего неолита имеется период около 300 лет, в который сосуществуют почти все керамические типы. Из этого следует важность рассмотрения специфики переходного периода для понимания направления развития материальных комплексов.

В целом преобладают слегка вытянутые профилированные сосуды, часто с коническим дном; орнаментация на основе шагания или оттисков гребенчатого штампа. Прочерчивание гребенчатым штампом как наиболее яркий признак «классических» полуденских сосудов встречено только на одном.

В этой группе есть недатированные, но очевидно синхронные сосуды со специфическими чертами геометризма (Рис. 1б: 3, 7). Типология поздненеолитических сосудов Зауралья (исключая северо-западносибирскую область) историографически сведена к полуденскому и сосновоостровскому типам, а также просто «гребенчатому», диагностические признаки которого вовсе не сформированы. В этом смысле сложно определить как место конкретных сосудов, так и границы типов. Если часть представленных сосудов можно уверенно связать с полуденским или «гребенчатым» типом, то основную массу материала позднего неолита можно с равным успехом отнести в обе группы. Хотя маркер полуденского типа в виде использования в орнаментации «исключительно гребенчатого штампа, но в разных техниках» (Бунькова, 2011. С. 139) – не вступает в противоречие с данными материалами, своеобразие «гребенчатоштампованных» сосудов, особенно с геометричным орнаментом, примечательно. Поэтому с необходимостью встает вопрос о статусе полуденской керамической традиции либо как археологической культуры, с очерчиванием локальных типов лесной и лесостепной зон, либо как локального среднезауральского типа, синхронного лесостепной поздненеолитической гребенчатой керамике. И тогда требуются более строгое название для «гребенчатого» типа и выделение его основных характеристик.

Итак, материалы поселения Кочегарово 1 проблематизируют следующие аспекты в изучении зауральского неолита. Во-первых, это теоретико-типологическая проблема, связанная с корреляцией периодизационной схемы развития керамических типов с абсолютными датами, а также рассмотрение специфики переходного этапа от раннего к позднему неолиту. Во-вторых, эмпирико-типологическая проблема, связанная с необходимостью осмысления поздненеолитических комплексов в рамках одной «полуденской культуры» горно-лесной и лесостепной зон Зауралья и/или дробления на типы подчиненного/самостоятельного статуса. И, в-третьих, социокультурная: в конце раннего неолита по крайней мере в пределах лесостепного Притоболья границы между козловским и кошкинским типами становятся довольно размытыми, а в качестве «пришлого» компонента фиксируются нетипичные для Зауралья горшечные сосуды, вероятно, связанные с инфильтрацией носителей степных культур.

ЛИТЕРАТУРА

Бунькова (Герасименко) А.А., 2011. Керамика из жилища 1 поселения Полуденка 1 // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. Вып. 26. С. 125–140.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (57). С. 33–48.

Еньшин Д.Н., 2015. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // ВААЭ. №2 (29). С. 15–27.

Мосин В.С., 2009. Каменный инвентарь поселения Кочегарово I // Известия Челябинского научного центра. Вып. 4 (46). С. 43–47.

Мосин В.С., 2015. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестник Кемеровского государственного университета №2 (62), Т. 6. С. 108–113.

Мосин В.С., 2016. Поселение Кочегарово I в Урало-Иртышской лесостепи (краткие итоги исследований) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 16. №1. С. 27–31.

Вариативность погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья

© 2018 И.П. Алаева

Аннотация. Могильники федоровской культуры Южного Зауралья демонстрируют разнообразие надмогильных сооружений, типов планировочных решений, погребальных конструкций. Систематизация признаков погребального обряда позволяет выявить устойчивые и повторяющиеся погребальные традиции, возможно, обусловленные поло-возрастным и социальным составом погребенных.

Ключевые слова: федоровская культура, погребальный обряд, могильники, бронзовый век, Южное Зауралье.

Внимание автора к проблеме вариативности погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья было привлечено в связи с исследованием летом 2017 года нового могильника Звягино-1 в Чебаркульском районе Челябинской области. Из 12 курганов, зафиксированных на площадке памятника, были раскопаны четыре (Рис. 1: I, 1). В условиях относительной одновременности сооружения комплексов (во всех встречены сосуды «классической» федоровской культуры, остатки трупосожжения) погребальный обряд исследованных курганов отличался выраженным разнообразием (Рис. 1: I, 2–5). Под крупной насыпью кургана 1 локализовался ящик из каменных плит. В кургане 2 на подкурганной площадке был размещен ряд из трех могильных ям, параллельных друг другу длинными сторонами. В заполнении ограбленных могил, помимо керамических сосудов, обнаружены глиняные блюда и бронзовая подвеска в 1,5 оборота. В небольшом кургане 4 в центре площадки локализовалась одна яма, содержавшая керамический сосуд и бронзовую подвеску в 1,5 оборота, обтянутую золотой фольгой. Под маленькой насыпью кургана 5 обнаружена каменная оградка, в пределах которой под толщей покаленного грунта локализовалась небольшая яма.

Зафиксированное разнообразие надмогильных сооружений, вариантов планировки подкурганного пространства и погребальных конструкций в пределах одного могильника требует объяснения. Обращаясь к истории осмысления разнообразия надмогильных сооружений и вариаций планировки подкурганного пространства могильников федоровской культуры, можно отметить, что чаще всего археологи связывали вариативность погребального обряда с географическими, территориальными и хронологическими факторами (Сальников, 1967. С. 251; Кузьмина, 1994. С. 397, Рис. 1; Малютина, 1994. С. 12). Обсуждаемые исследователями факторы лишь частично объясняли разнообразие федоровского погребального обряда и совсем не объясняли вариативность относительно одновременных сооружений в пределах одного могильника.

Можно предложить несколько возможных объяснительных моделей разнообразия погребальных сооружений: «этнографические» различия, обусловленные смешанным составом населения; поло-возрастные различия, при соблюдении которых разные типы погребальных сооружений связываются с определенным полом и возрастом погребенного; социальные различия.

В рамках обсуждения предложенных объяснительных моделей были проанализированы могильники федоровской культуры Южного Зауралья. Материалы федоровской культуры в Южном Зауралье представлены в нескольких видах:

– в виде смешанных алакульско-федоровских комплексов с синкретичными керамическими сосудами, чаще всего в составе алакульских могильников (могильники Урефты I, Солнце-Талика, Кулевчи VI, Акмулла I, Чекотай, Субботино) и, по-видимому, синхронных им. Отличительной чертой этой группы курганов является организация

Таблица 1. Планировка подкурганного пространства курганов федоровской культуры.

№	Могильник	Кол-во курганов	Тип планировки №1	Тип планировки №2	Тип планировки №3
1	Федоровка	6	5	1	
2	Кинзерский	11	8	-	3
3	Туктубаево	4	3	1	-
4	Приплодный Лог	6	6	-	-
5	Путиловская Заимка II	6	5	1	-
6	Урефты I	8	5	1	2
7	Смолино	3	2	-	1
8	Касарги 1	2	2	-	-
9	Больше-Казакбаевский 2	2	2	-	-
10	Звягино 1	4	3	-	1
11	Уелги II	1	1	-	-
	Всего курганов:	53	42	4	7
	Всего курганов, в % от общего количества:	100 %	80 %	7 %	13 %

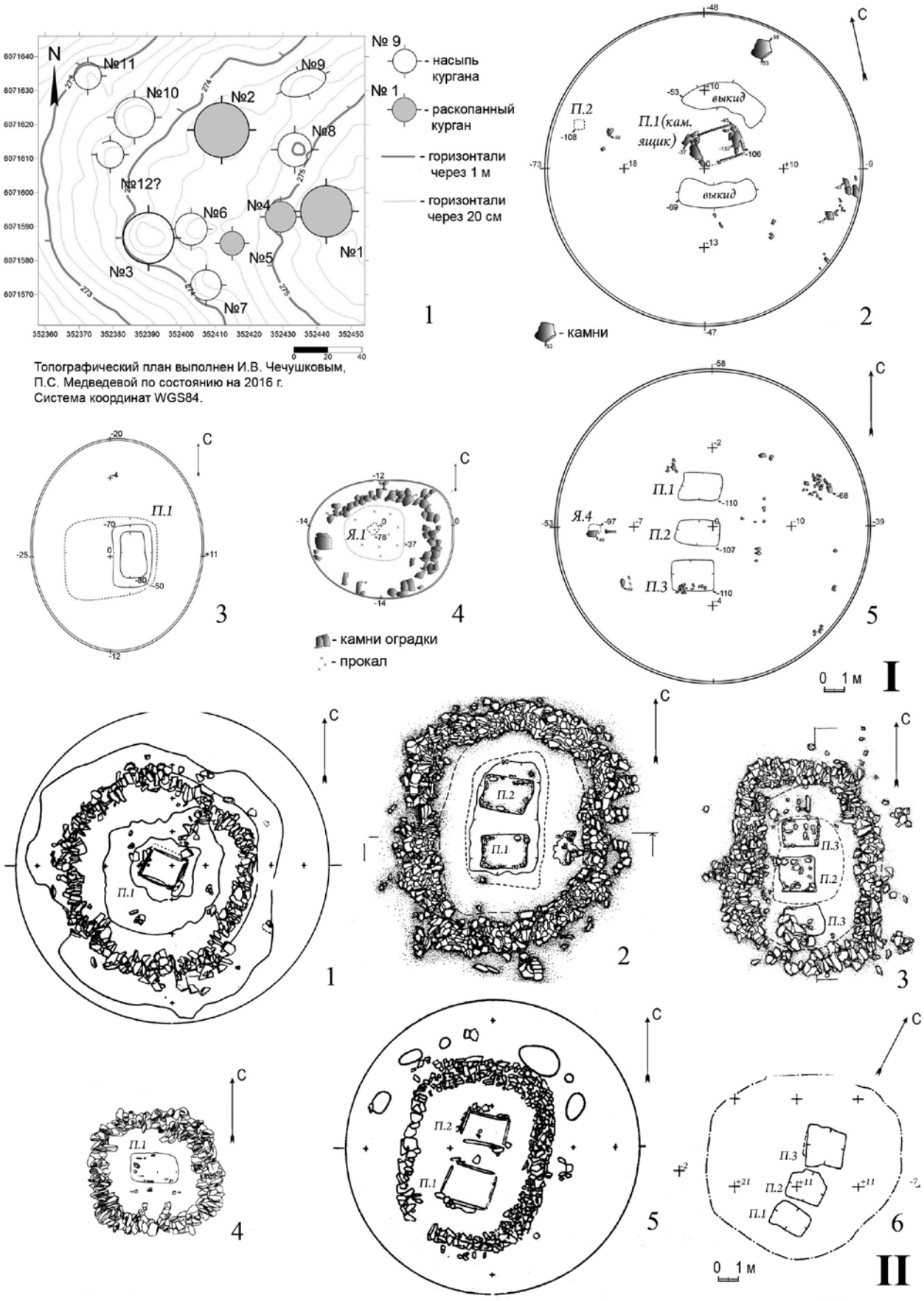


Рис. 1. Планы курганов федоровской культуры Южного Зауралья.

I – могильник Звягино-1: 1 – топографический план могильника, 2 – курган 1, 3 – курган 4, 4 – курган 5, 5 – курган 2. II – могильники федоровской культуры (тип планировки №1 – 1, 4; тип планировки №2 – 2, 5; тип планировки №3 – 3, 6): 1 – мог. Путиловская Заимка-II, курган 7; 2 – мог. Урефты I, курган 7; 3 – мог. Урефты I, курган 6; 4 – мог. Туктубаево I, курган 25, 5 – мог. Путиловская Заимка II, курган 4; 6 – мог. Смолино I, курган 3 (1, 5 – по: [Зданович, 1988]; 2, 3 – по: [Стефанов, Корочкова, 2006]; 4 – по: [Кузьмина, 1968]; 6 – по: [Григорьев, 2000]).

подкурганного пространства, надмогильных и внутримогильных сооружений в рамках алакульских традиций. Это многомогильные комплексы с круговой планировкой, в них редко сооружались каменные оградки и отсутствуют каменные ящики.

– в виде собственно федоровских курганов, содержащих «классические» сосуды федоровской культуры.

Последние чаще всего представлены в памятниках в сочетании с курганами черкаскульской культуры (в ее раннем и позднем варианте) (могильники Кинзерский, Туктубаево, Смолино I, Путиловская Заимка II, Большеказакбаевский 2, Приплодный Лог), что вероятно, может указывать на самостоятельность и значительную длительность именно этого периода в единой истории федоровской, черкаскульской культуры.

В нашу выборку вошли материалы собственно федоровских курганов, содержащих керамические сосуды «классического» облика. Всего в 11 могильников входило 53 кургана. Практически над всеми курганами фиксировались земляные насыпи, в 70 % случаев под насыпями располагались каменные оградки. Погребения устроены в грунтовых ямах, часто с каким-то вариантом обкладки стенок ямы камнями. Каменные ящики на территории Южного Зауралья зафиксированы всего в пяти могильниках.

В организации подкурганного пространства можно выделить три устойчивых типа планировочных решений (Табл. 1).

Первый тип планировки наиболее массовый (до 80 % случаев). Он представлен одиночными могильными ямами в пределах оградок и без них (Рис. 1: II, 1, 4).

Второй тип планировки подкурганного пространства представлен малочисленной группой курганов (всего 7 %), на площадке которых устроено две могилы, расположенные параллельно друг другу длинными сторонами (Рис. 1: II, 2, 5). Все курганы этого типа отличались значительными размерами от 16 до 22 м, есть пример сооружения каменных ящиков. В составе исследованных могильников такой тип курганов представлен в единственном экземпляре.

Третий тип планировки выявлен в 13 % случаев и представлен рядом из трех могильных ям, выстроенных в меридиональном направлении и параллельных друг другу длинными сторонами (Рис. 1: II, 3, 6).

Необходимо отметить, что все три типа планировки подкурганного пространства устойчиво повторяются практически в каждом могильнике (Табл. 1).

По размерам надмогильных сооружений, с учетом параметров насыпи и размеров оградок, среди этой группы курганов можно выделить три группы курганов: 23 % составляют группу наиболее крупных насыпей, диаметром в 16–22 м, с размером оградки в 11–13 м; наиболее многочисленной (до 62 % случаев является вторая группа, имеющая усредненные параметры насыпей (диаметр насыпи 8–14 м, оградки 7–9 м); 15 % случаев составляют насыпи небольших размеров, диаметром до 7 м, и размером оградки от 2 до 5 м.

Несмотря на тот факт, что нам известны лишь единичные антропологические определения остатков кремации курганов федоровской культуры Южного Зауралья и данные о половозрастном составе погребенных отсутствуют, экстраполируя данные андроновских памятников Енисея (с ингумацией), можно связать разноразмерность оградок и насыпей с возрастом погребенного (Макисменков, 1978. С. 55. Табл. 3). Не противоречат этому заключению и материалы могильника Звягино 1, где в самой маленькой оградке обнаружены кости ребенка.

В ситуации значительного количества нарушенных, ограбленных погребений затруднительно последить взаимосвязь типов планировки с тем или иным видом инвентаря. Среди инвентаря федоровской культуры можно выделить ножи-кинжалы, глиняные блюда, подвески в 1,5 оборота. Ножи-кинжалы отмечены в четырех случаях, встречались в крупных курганах первого и второго типа. Тот факт, что ножи-кинжалы никогда не сопровождаются глиняным блюдом, не зафиксированы в курганах третьего типа и связаны с наиболее крупными насыпями, позволяет связать эти предметы с особым статусом погребенного и вероятно, мужским полом. Глиняные блюда в погребениях представлены в более массовом порядке, фиксируются в курганах всех типов, взаимосвязанно встречаются с подвесками в 1,5 оборота. Учитывая установленную принадлежность подобных подвесок к категории женских украшений (Федорук, 2013), можно предполагать, что и глиняные блюда относились к сопроводительному инвентарю женщины.

Подводя итоги обсуждения вариативности надмогильных сооружений, мы можем отметить, что погребальный обряд федоровской культуры Южного Зауралья отличается устойчивыми традициями. Корреляция признаков погребального обряда позволяет установить некоторую связь с поло-возрастными особенностями и незначительным проявлением социальной градации в виде появления трудозатратных сооружений (крупных курганов).

При сравнении погребальных обрядов алакульской и федоровской культур отчетливо наблюдается тенденция к повышению количества одиночных захоронений под отдельной насыпью. Если для синташтинских памятников одиночные захоронения под отдельной насыпью практически отсутствуют, в срубно-алакульское время их количество достигает 30 % (Алаева, 2008. С. 510), то в памятниках федоровской культуры таковых становится уже 80 %. Подобная индивидуализация захоронений становится еще одной особенностью федоровской культуры Южного Зауралья.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2008. Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья в эпоху поздней бронзы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. С. 507–524.

Григорьев С.А., 2000. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 241–442.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ. 177 с.

Кузьмина Е.Е. Отчет археологической экспедиции Еленовского отряда за 1968 год / Архив Челябинского областного краеведческого музея, фонд №827, ед. хр. №1327.

Малютина Т.С., 1994. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 29 с.

Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. 192 с.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.В., 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 160 с.

Федорук О.А., 2013. Погребальный обряд и социальная структура андроновского населения степного и лесостепного Алтая. 24 с.

Истоки традиций и технологий Приуральского (Каргалинского) древнего ГМЦ

© 2018 С.В. Богданов

Аннотация. Изучение химизма окисленных медных руд степного Приуралья позволяет выделить не менее 4 основных геохимических групп (1 – «чистой меди», 2 – серебряной, 3 – свинцовой, 4 – цинк-никелевой и хром-никелевой специализации) с «конфликтным» составом. Горно-металлургические традиции бронзового века отличает высокий уровень. Истоки традиций восходят к древнеямным памятникам константиновского типа.

Ключевые слова: бронзовый век, степное Приуралье, окисленные медные руды, рудники, горно-металлургические традиции.

В 2016–2017 гг. в ходе работ, проводившихся в рамках гранта РФФИ №16–06–00323_а в степном Приуралье, выявлено, обследовано и задокументировано 196 геоархеологических меднорудных объектов, включая 76 медных рудников в Каргалинском (Сакмаро-Самарском) горно-металлургическом районе за пределами 12 основных участков-катен Каргалов, описанных Е.Н.Черных; 47 рудников в Сакмаро-Юшатырском горно-металлургическом районе; 44 рудника в Сакмарско-Уральском горно-металлургическом районе; 22 рудника в Уральском левобережном горно-металлургическом районе; материалы трех металлургических заводов Нового времени (Марганский завод братьев Эмерик конца XIX в. в окрестностях пос. Красноуральск на востоке Беляевского района Оренбургской области, Воскресенский и Верхоторский заводы XVIII–XIX вв. на юге Башкирии); рудные материалы двух захоронений древнеямной культуры в долине Илека (Илекский и I Изобильненский курганные могильники); рудные материалы и металл двух поселений бронзового века (Турганикская и Ивановская стоянки в Красногвардейском районе Оренбургской области). Всего установлен химизм свыше 700 образцов руд и продуктов пирометаллургического передела.

В эпоху бронзы разрабатывался преимущественно верхний ярус пермских песчаников на глубинах от 1,5 м до 9 м карьерным и подземным способами. Достоверно установленных разработок нижнего яруса не выявлено. Основным минеральным сырьем (свыше 90 %), использовавшимся с начала бронзового века являлись карбонатные минералы меди – малахиты ($Cu_2CO_3(OH)_2$) и азуриты ($Cu_3(CO_3)_2(OH)_2$), в меньшей степени (5–10 %) силикатные, представленные, преимущественно, хризоколлой ($(Cu, Al)_2H_2Si_2O_5(OH)_4.nH_2O$) из кор окаменевших стволов деревьев пермского периода, активно использовавшихся в бронзовом веке. В Новое время эти стволы не рассматривались в качестве металлургического сырья и штабелировались в отвалах.

Несмотря на широкую территориальную разобщенность рудопроявлений в пределах четырех горнорудных районов Приуральского ГМЦ, минералогический состав медных руд не испытывает больших колебаний. На основании РФА и ИСП-МС удалось выделить четыре геохимических группы руд медистых песчаников (МП) Приуралья, использовавшихся в древности (Юминов и др., 2017. С. 118–123): группа «чистой меди», группа серебряной специализации, группа свинцовой специализации, группа цинково-никелевой и хром-никелевой специализации. Ни одна из групп не преобладает абсолютно, хотя группа рудников серебряной специализации относительно немногочисленна.

Медистые песчаники Приуралья действительно отчетливо дифференцируются по наличию свинца, серебра, хрома и цинка в сочетании с никелем, а индивидуальная комбинация этих минералов в древнем металле является отчетливым признаком принадлежности к Приуральской группе (Черных, 1966, 1970; Дегтярева, 2010). Медь в необогащенных окисленных карбонатных рудах обычно составляет от 1,5 до 6,0 %. В тысячах г/т в окисленных рудах содержатся Fe, Mn, Ti и Ba. Маркерами принадлежности древнего металла к Приуральским медистым песчаникам выступают еще порядка 30 элементов, слабо фиксируемых РФА, но прослеживаемых по ИСП-МС: в нескольких сотнях г/т представлены Cr, Zn, Pb, As, Ni, Ag, Sr и V; в десятках г/т содержаться Sn, Sb, Cd, Co, Bi, U и др. В группе «чистой меди» присутствуют все основные элементы (Ag, Pb, Cr, Zn и др.) в количестве менее 100 г/т. Долгое время при изучении металла из древнеямных захоронения РБВ было непонятно присутствие соединений мышьяка. Предполагалось, что этот элемент попадал в металл из скрапов. Наши исследования показывают, что мышьяк в заметных количествах присутствует во всех рудах Приуральского ГМЦ в соединениях с Ag, Pb и S.

Горняки-металлурги древности использовали все виды геохимически неоднородного сырья, что свидетельствует о довольно высоком уровне технологий. Целый ряд проблем при плавке создавало исключительно высокое (до десятков тысяч г/т) содержание Fe, Mn, Ti в рудах всех геохимических групп МП Приуралья. Соединения Mn в комбинации с Fe, Cr, Ni препятствовали восстановлению меди из рудных материалов. Избыточное количество Ti могло увеличить вязкость расплава настолько, что он утрачивал текучесть и не мог разливаться по формам, металл переставал быть ковким. Особенно значительные сложности представлял собой передел руд свинцовой геохимической специализации, поскольку металл, выплавленный из этой руды, обладал тенденцией к хрупкости. Тем не менее, орудия раннего бронзового века, включая наиболее металлоемкие, не страдали дефектностью. Литейный брак возникал, как правило, в случаях недостаточно равномерного прогрева литейных форм, а не по причине наличия значительного количества свинца.

Уже в работе 1966 г. Е.Н. Черных определил, что металл из древнеямных погребальных памятников РБВ Приуралья связан с местными рудами медистых песчаников,

но сами традиции носят явно выраженный «кавказский облик» (Черных, 1966. С. 71–72). Наши исследования по гранту впервые на массовом аналитическом материале документально подтвердили принадлежность основной части металла из ямных погребений региона группе МП Приуралья, образцы песчаниковых руд из I Изобильненского и Илекского могильников по микропримесям соответствуют геохимическим группам «чистой меди» и свинцовой специализации.

Долгие годы проблема истоков горно-металлургических традиций носителей культуры древнеямных памятников степного Приуралья оставалась открытой. Одним из вероятных источников трансферта традиций и технологий многим представлялся металлокомплекс майкопско-новосвободненской культуры Северо-Западного Предкавказья. В частности, С.Н. Кореневский считал, что топоры «колтубанского» типа («утевского» типа по С.Н. Кореневскому) степного Приуралья представляют собой «подражания» майкопско-новосвободненским формам (Кореневский, 2004. С. 236. Рис. 119). Е.Н. Черных выражал обоснованные сомнения в возможности экспорта каких-либо майкопско-новосвободненских традиций в среду носителей ямной культуры Приуралья в связи с относительной замкнутостью первых (Черных, 2007. С. 111–112). Металлографические исследования Н.В. Рындиной майкопских мышьяковых бронз (Рындина, Равич, Быстров, 2008; Рындина, Равич, 2013; Рындина, 2017), А.Д. Дегтяревой медных орудий Приуралья (Дегтярева, 2010. С. 20–59) со всей очевидностью показывают невозможность такого рода заимствований.

В ходе исследований по гранту мы проанализировали химизм образцов песчаниковых руд и краевого обрубка (30 г) крупного медного слитка из подъемных материалов с площадки Турганикской стоянки – древнейших артефактов местного горно-металлургического производства, связанных с древнеямными материалами константиновского типа начала РБВ перв. пол. IV тыс. до н. э. (Богданов, 2017. С. 139–145). Судя по высокому содержанию железа (3,44 %), характерному для первичных слитков черновой меди, повторяющих дно плавильной печи, а также повышенному содержанию свинца в комбинации с серебром, можно констатировать, что рудным источником этого металла, безусловно, являлась одна из четырех геохимических групп Приуралья. В данном случае есть уникальная возможность соотнести металл слитка с конкретным рудником, расположенным в центре Каргалинского рудного поля на правом берегу Верхней Каргалки недалеко от Уранбаша. На поселении срубной культуры позднего бронзового века, перекрывшем карьер и отвал рудника Воскресенско-Ершовский более раннего периода бронзового века, в 2016 г. мы отобрали образцы руд точно такого же очень редкого для Приуралья химизма (свинцовой специализации, но с повышенным содержанием серебра, хрома и еще двух десятков микроэлементов). Образцы руд с Турганикской стоянки относятся к геохимической группе свинцовой специализации МП Приуралья и могут также происходить с Каргалов. С металлопроизводством на Турганикской стоянке связаны и другие изделия – фрагменты глиняной обмазки горнов, ошлакованных тиглей, обломки литейных форм (Богданов, 2004. С. 170–173), кузнечные молоты и наковальни, скрапы и металлические изделия (Дегтярева, 2017. С. 281–282; Моргунова и др., 2017. С. 207–208), среди керамики, не выходящей за пределы стереотипных форм константиновского облика, имеются сосуды с примесью медной руды и шлаков.

Памятники константиновского типа в степях Восточной Европы сформировались в конце V – начале IV тыс. до н. э. на основе синтеза протоямных (постстоговских) и протокуроараксских традиций, связанных генезисом с Закавказьем и Восточной Анатолией (Богданов, 2017. С. 139). В меньшей степени, по сравнению с майкопско-новосвободненской культурой, на формирование культурного комплекса константиновских памятников оказала влияние лейла-тепинская традиция. Но и она отчетливо проявилась в стилистике крупных глиняных «мясных котлов» с массивным ободковым венчиком и реповидным или шаровидным туловом (Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 85–87; Салугина и др., 2016. С. 91–98), распространенных на широкой территории Понто-Каспийских степей от Поднепровья на западе до Приуралья на востоке. В закрытых константиновских комплексах первой половины – третьей четверти IV тыс. до н. э. эти сосуды обнаружены в п. 4 к. 22 могильника у хут. Веселая Роща в Ставропольском крае и п. 5 к. 1 Новофилипповского могильника в Приазовье (Державин, 1989. С. 125; Михайлов, 1976. С. 255–257). Основная часть константиновских памятников предшествует репинским, поздняя – сосуществует с ними. Горняки-металлурги – носители константиновского культурного типа работали с «чистой медью» и мышьяковыми сплавами.

Именно с древнеямными памятниками константиновского типа связано распространение традиций ранней фазы Циркумпонтийской металлургической провинции в степях Северной Евразии и сопредельных регионах. Своеобразие металла Приуральского ямного очага (Черных, 2002. С. 13. Рис. 7; Богданов, 2004. С. 175–189) в рамках ЦМП обусловлено связью исходного константиновского металлокомплекса с очень ранними протокуроараксскими горно-металлургическими традициями второй половины V – нач. IV тыс. до н. э. (Прото-ЦМП Передней Азии).

ЛИТЕРАТУРА

Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН. 287 с.

Богданов С.В., 2017. Систематика комплексов древнеямной культуры востока Понто-Каспийских степей в контексте проблемы трансферта горно-металлургических традиций в Северную Евразию // Stratum plus. Вып. 2. Archaeology and Cultural Anthropology. Saint-Petersburg, Kishinev, Odessa, Bucharest. С. 133–157.

Дегтярева А.Д., 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 162 с.

Дегтярева А.Д., 2017. Результаты металлографического анализа изделий Турганикского поселения // Турганикское поселение в Оренбургской области / Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева и др. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 281–284.

Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. М. С. 125–194.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука. 243 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 2001. Особый тип керамики как отражение миграций в среднем бронзовом веке // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург. С. 85–87.

Михайлов Б.Д., 1976. Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине // СА. №1. С. 255–257.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н. и др., 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 300 с.

Рындина Н.В., 2017. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. Вып. 2. Archaeology and Cultural Anthropology. Saint-Petersburg, Kishinev, Odessa, Bucharest. С. 101–118.

Рындина Н.В., Равич И.Г., 2013. Металл майкопской культуры Северного Кавказа в свете аналитических исследований // Аналитические исследования Лаборатории естественно научных методов. Вып. 3. М.: Таус. С. 89–110.

Рындина Н.В., Равич И.Г., Быстров С.В., 2008. О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век) // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Таус. С. 196–221.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 2016. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. №4. Самара. С. 91–98.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА. №132. 144 с.

Черных Е.Н.,1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. №172. 185 с.

Черных Е.Н., 2002. Каргалы. Т. I: Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследований: Археологические памятники. М.: Языки славянской культуры. 112 с.

Черных Е.Н., 2007. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры. 200 с.

Юминов А.М., Богданов С.В., Ткачев В.В., Авраменко С.В., Манбетова Г.Р., 2017. Геохимическая характеристика руд исторических медных рудников степного Приуралья // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс: Институт минералогии УрО РАН. С. 35–41.

О возможности реконструкции зимних и летних осадков в разные исторические периоды

© 2018 А.В. Борисов, Т.Э. Хомутова, Т.С. Демкина

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 17–29–04257 ОФИ-м.

Аннотация. Реконструкция годового хода осадков в прошлом возможна на основе сопряженного изучения химических и микробиологических свойств погребенных почв. Химические свойства почв отражают влагообеспеченность теплого времени года, в то время как микробиологические показатели являются индикаторами летних осадков. Показано увеличение количества летних осадков в пустынно-степной зоне в середине III тыс. до н. э.

Ключевые слова: эпоха бронзы, погребенные почвы, летние осадки.

Грунтовые погребальные памятники (курганы) степной зоны России сохраняют под насыпями погребенные палеопочвы, свойства которых могут быть использованы для выявления динамики увлажненности климата в регионе. При этом в первую очередь оцениваются химические свойства почв – содержание солей, гумуса, карбонатов, гипса и др. (Демкин, 1997. С. 37–42). Эти показатели отражают количество осадков в зимний период и почти не зависят от летних осадков (Борисов, Мимоход, 2017. С. 48–60). Что касается осадков теплого времени года, то их можно реконструировать с помощью методов почвенной микробиологии. Ранее было показано, что микробиологические параметры являются важными индикаторами атмосферной увлажненности (Демкина и др., 2000. С. 1122–1123; Демкина и др., 2007. С. 738–740). В настоящее время установлено, что основная масса микроорганизмов присутствует в наземных экосистемах в покоящихся формах (спорах, цистоподобных клетках, наноформах и др.) (Ванштейн, Кудряшова, 2000. С. 170). Такая адаптация позволяет микроорганизмам существовать на протяжении неопределенно долгого времени.

Получить информацию о биомассе живых микробных клеток в почве можно с помощью определения содержания фосфолипидов, которые входят в состав микробной клетки (Findlay, 1996. С. 1–17). Чем больше содержание почвенных фосфолипидов, тем больше биомасса живых клеток. Оценить функциональные особенности почвенного микробного сообщества можно на основе его эколого-трофической структуры. Важным показателем в этом случае является доля микроорганизмов, потребляющих легкодоступные органические субстраты. Как правило, это растительные остатки, поэтому увеличение доли этих микроорганизмов свидетельствует о больших объемах растительной массы, поступающей в почву, и может быть надежным индикатором оптимизации климата в данное время (Демкина и др. 2000. С. 1117–1126).

Нами проведен сопряженный анализ химических и микробиологических свойств почв, погребенных под курганами в эпоху средней бронзы (XXVII–XXVI вв. до н. э.), и современных фоновых аналогов в пустынно-степной зоне с целью реконструкции количества осадков в летний и зимний периоды года. Исследованный курганный могильник Темрта-1 расположен в 3–4 км к западу от с. Ремонтное Ростовской обл. и приурочен к верхней части межбалочного водораздела на западном склоне Ергенинской возвышенности в пределах Сальско-Манычской гряды с абсолютными высотами около 200 м. Охранные раскопки проводились степной археологической экспедицией ГИМ под руководством д.и.н. Н.И. Шишлиной.

Климат района умеренно континентальный. Среднегодовая норма атмосферных осадков 300–350 мм, из них в летний период выпадает от 120 до 220 мм. Наибольшее количество осадков выпадет в июне 25–40 мм. Почвообразующие породы представлены лессовидными карбонатными засоленными суглинками и песками Ергенинской свиты. На целинных участках преобладает белополынно-злаковая ассоциация. Исследованные курганы находились на пашне, длительность пахоты – около 50 лет.

Объектами изучения послужили современные почвы и палеопочвы, погребенные под двумя курганами ранней

катакомбной культуры второй четверти III тыс. до н. э. Археологические методы не позволяют определить хронологическую последовательность сооружения двух курганов, что говорит о близости времени их сооружения.

Определен комплекс параметров, характеризующий состояние почвенных микробных сообществ. В частности, определяли содержание почвенных фосфолипидов и численность микроорганизмов, разлагающих растительные остатки.

Погребенные под курганом 1 светло-каштановая солонцеватая сильнозасоленная палеопочва и солонец средний среднезасоленный имели близкие свойства. Различия заключались лишь в морфологических признаках выраженности солонцового процесса и интенсивности засоления. При реконструкции засоления подкурганных палеопочв, погребенных в аридные периоды, определяющим показателем является положение в профиле солевого максимума – горизонта с содержанием солей от 1 % и выше. Как правило, в этом же слое наблюдается гипсовая аккумуляция (горизонта Cs.г). На этой глубине уже не происходят диагенетические изменения, что позволяет считать положение этого горизонта надежным индикатором крупных палеоэкологических изменений. Так, в светло-каштановых почвах, погребенных под курганами 1 и 2, горизонт Cs.г залегает на глубине 125 и 120 см, соответственно, а в современных светло-каштановых почвах этот горизонт отсутствует. Это является показателем сильного засоления погребенных почв в условиях аридного климата. В солонцах динамика солей при изменении климата всегда менее выражена, но и в данном случае в погребенном солонце горизонт Cs.г залегает с глубины 100 см, в современном – с глубины 118 см. Таким образом, химические свойства погребенных почв указывают на значительно более засушливые условия, которые существовали в регионе в середине III тыс. до н. э. по сравнению с современностью.

Иные закономерности были выявлены при изучении микробиологических свойств почв. В исследованных палеопочвах величина живой микробной биомассы варьировала от 35 до 258 % от фонового содержания, и если в гор. А1 она составляла 35–101 %, то в более глубоких горизонтах она была сравнима (90 % в гор. В1 палеосолонца кургана 1) или превышала фоновое содержание в 1,3–2,6 раз. Полученные данные позволяют заключить, что в момент сооружения курганных насыпей условия окружающей среды были более благоприятными для существования микроорганизмов, что в условиях засушливого климата региона свидетельствует о большем уровне атмосферной увлажненности.

Наибольшая суммарная численность микроорганизмов во всех исследованных почвах выявлена в гор. А1, где она составляла 21–28 млн КОЕ/г почвы. Вниз по профилю она снижалась в погребенных светло-каштановых почвах в 5, в палеосолонце – в 4, в современных почвах – в 3 раза. Максимальная численность в гор. А1 установлена для погребенной светло-каштановой почвы под курганом 2, минимальная – для ее современного аналога, который достоверно не различается по этому параметру с другими исследованными почвами.

В подкурганных светло-каштановых почвах доля микроорганизмов, потребляющих легкодоступное органическое вещество (растительные остатки), составила 56 и 53 % соответственно под курганами 1 и 2, что на 35 и 32 % больше, чем в современной светло-каштановой почве. В палеосолонце доля этих микроорганизмов была 44 %, что на 23 % больше, чем в современном аналоге. Соотношение численности микроорганизмов, потребляющих легко- и труднодоступное органическое вещество (БС/НА), в погребенных светло-каштановых почвах больше в 3,4 и 4,5 раза (соответственно курганы 1 и 2), чем в современной почве, а в палеосолонце – в 3,7 раза выше, чем в современном аналоге. Индекс олиготрофности как показатель стрессового состояния почвенных микроорганизмов, в погребенных палеопочвах снижался по сравнению с современными почвами: в светло-каштановых почвах в 4,9 и 4,2 раза (соответственно под курганами 1 и 2), в солонце – в 2,7 раза.

Полученные данные о состоянии микробных сообществ подкурганных палеопочв свидетельствуют о значительно большей увлажненности климата в середине III тыс. до н. э. по сравнению с современностью. Величина микробного пула в палеопочвах превышала таковую современных аналогов, а его структура свидетельствовала о значительно большем поступлении растительных остатков. Однако глубина аккумуляции легкорастворимых солей в погребенных почвах составляет 125 и 120 см, в то время как профиль современной светло-каштановой почвы рассолен, что традиционно рассматривается как признак более высокого уровня осадков, и, как следствие, большей отмытости профиля от солей. Эти признаки указывают на более аридные условия почвообразования, существовавшие в период создания памятников по сравнению с современностью.

Для объяснения выявленного противоречия выдвинута гипотеза о возможном изменении годового хода осадков во второй четверти III тыс. до н. э. Известно, что глубина аккумуляции водорастворимых компонентов в почвах пустынно-степной зоны определяется в первую очередь количеством осадков в холодный период года, когда происходит глубокое промачивание почвы и вымывание солей за пределы почвенного профиля. Осадки теплого времени года не оказывают существенного влияния на химические свойства почвы и не приводят к вымыванию солей (Афанасьева, 1980. С. 201, Большаков, 1950. С. 32).

В то же время известно, что даже незначительные по величине дополнительные осадки в весеннее-летний период способны увеличивать фитомассу (Абрамова, 1962. С. 4–53), особенно чувствительны к летним осадкам молодые растения (Алпатьев, 1959. С. 47–51). По всей видимости, именно такая ситуация – увеличение нормы осадков в теплое время года – создавала благоприятные условия для поддержания роста растений в течение вегетационного периода, в результате чего увеличивалось поступление в почву растительных остатков, что, в свою очередь, нашло отражение в состоянии микробоценозов погребенных почв. Таким образом мы можем говорить об увеличении нормы осадков в летний период в середине III тыс. до н. э.

В то же время химические свойства почв указывают на усиление аридизации и прогрессирующее засоление почв. Учитывая, что химические свойства почв напрямую связаны с осадками холодного времени года, мы можем уверенно говорить о сокращении влагообеспеченности зимнего периода в середине III тыс. до н. э. (Борисов, Мимоход, 2017. С. 48–60). Малоснежные зимы давали возможность круглогодичного содержания скота на подножном корму, а осадки в теплый период делали регион пустынных степей весьма привлекательными для древних скотоводов. Возможно, именно этим объясняется расцвет катакомбных

культур, основу экономики которых составляло мобильное скотоводство (Шишлина, 2007. С. 290–292).

Таким образом, результаты сопряженного анализа химических свойств почв и состояния почвенных микробных сообществ позволяют реконструировать годовой ход осадков.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.М., 1962. К вопросу об эффективности летних осадков в условиях в условиях засушливого климата // Почвоведение. №9. С. 4–53.

Алпатьев А.М., 1959. Почвоувлажнительный и биологический эффект атмосферных осадков // Почвоведение. №2. С. 47–51.

Афанасьева Е.А., 1980. Водно-солевой режим обыкновенных и южных черноземов Юго-Востока европейской части СССР. М.: Наука. 216 с.

Базыкина Г.С., 1974. Водный режим и баланс мелиорируемых в культурных биогеоценозах // Биогеоценотические основы освоения полупустыни Северного Прикаспия. М.: Наука. 359 с.

Большаков А.Ф., 1950. Водный режим почв комплексной степи Прикаспийской низменности // Тр. Почв. ин-та им. В.В. Докучаева. С. 32.

Вайнштейн М.Б., Кудряшова Е.Б., 2000. О нанобактериях // Микробиология. №2. С. 163–174.

Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология. Пущино. 213 с.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А., 2000. Характеристика микробных сообществ палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. №9. С. 1117–1126.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Ельцов М.В., Демкин В.А., 2007. Сравнительная характеристика микробных сообществ курганных насыпей, подкурганных и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение. №6. С. 738–748.

Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2017. Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. №2. С. 48–60.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н. э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165. 400 с.

Findlay R., 1996. The use of phospholipid fatty acids to determine microbial community structure // Molecular Microbial Ecology Manual. P. 1–17.

Проблемные аспекты ботайской концепции одомашнивания лошади

© 2018 А.В. Букалов

Аннотация. Ряд фактов и системных аргументов позволяет сделать вывод о несостоятельности ботайской концепции одомашнивания лошади. Поэтому использование лошади в ботайской культуре можно обоснованно рассматривать как тупиковую ветвь в процессе приручения и одомашнивания лошади.

Ключевые слова: одомашнивание, лошадь, тарпан, Ботай, колесницы.

Вопрос о месте и времени приручения и одомашнивания лошади в настоящее время – предмет дискуссий. Считается, что лошадь была впервые одомашнена индоевропейскими народами, и это способствовало активным перемещениям индоевропейцев по территориям миграций. Культ лошади у индоевропейцев также хорошо известен. Исследователями предлагались различные варианты одомашнивания – начиная со среднестоговской культуры как раннеиндоевропейской. Однако исследования показывают, что в культуре Среднего Стога лошадь, хотя и содержалась в загонах, но использовалась на мясо. Следов одомашнивания, а тем более элементов упряжи – псалий не обнаружено. Роговые предметы, интерпретируемые как псалии, могли иметь другую функцию (Телегін, 1973. С. 138). Это связано с тем, что степной тарпан, живший в степях Причерноморья-Прикаспия, практически не поддавался приручению. В лучшем случае в таких культурах, как Средний Стог, его можно было приспособить для примитивной перевозки небольших грузов, возможно, на волокушах. Аналогичным образом поступали крестьяне Западной Украины и Польши в конце XIX – начале XX века, державшие на дворах небольшое количество пойманных диких тарпанов, пытаясь хоть как-нибудь использовать их в хозяйственных целях. В последние годы активно разрабатывается и концепция приручения, а также одомашнивания лошади в ботайской культуре – в середине IV тыс. до н. э. (Brown, Anthony, 1998; Outram et al. 2009; Gaunitz et al, 2018), которая встретила аргументированную критику (Kosintsev, Kuznetsov, 2013). Сторонники ботайской концепции считают возможным говорить о факте приручения лошади. При этом они же показали не просто близкое родство, а тождество ботайской лошади с лошадью Пржевальского, которая, однако, приручению практически не поддается. В этой связи отметим, что одичавшие американские мустанги опять легко приручались индейцами Северной Америки. В то же время, сторонники ботайской концепции признают, что современные одомашненные лошади не ведут свое происхождение от лошадей Ботая. Кроме того, генетические данные прямо говорят о различиях этих лошадей: дело в том, что у лошади Пржевальского, а, следовательно, и у ботайских – 66 хромосом, а у всех одомашненных Equus ferus caballus – 64 хромосомы, а также значительные различия в митохондриальных ДНК с лошадью Пржевальского.

В объяснение этого противоречия авторами ботайской концепции был предложен тезис об исчезновении линии одомашненных ботайских лошадей в ходе исторического процесса (Gaunitz et al, 2018). Однако первые достоверно приручённые лошади, используемые для перемещения людей на повозках, появляются только в Синташте, в XXI-XX веках до н. э. (Kuznetsov, 2006; Kuznetsov, 2017). Индикатором этого является наличие элементов упряжи – псалий и легких двухколесных повозок, т.е. колесниц. Учитывая, что культура Синташты связана по своему проис-

хождению с культурой шнуровой керамики (КШК), можно сделать вывод о возможности несколько более раннего приручения лесного тарпана в лесной, или лесостепной зоне Восточной Европы, при движении потомков КШК с запада на восток – в сторону Урала. При этом наличие лошади, с высокой вероятностью – в виде одомашненного лесного тарпана, предположительно использовавшегося как вьючное животное и на мясо, зафиксировано в поселениях КШК еще в Центральной Европе (Клейн, 2016). Поэтому наиболее обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения, что все современные одомашненные лошади являются потомками лесного тарпана, который, в отличие от степного, значительно легче поддается приручению (Кузнецов, 2016). Предок домашней лошади вероятнее всего и был ближе к тарпану Equus ferus ferus.

Отметим, что между предполагаемым одомашниванием в Ботае и Синташтой возникает разрыв в 1300 лет, который не поддается объяснению, поскольку не существует никаких археологически зафиксированных следов использования прирученной лошади, тем более ботайской. При этом параметры костей лошадей из Ботая резко отличаются от одомашненных лошадей следующей эпохи (Kosintsev, Kuznetsov, 2013).

Более того, можно привести серьезный системно-культурный довод против ботайской концепции. Он связан с тем, что 3,5 тыс. лет до н. э. – это время появления колесного транспорта – повозок, запряженных быками. Они практически одновременно появляются в Центральной Европе в культуре воронковидных кубков (КВК), ямной культуре в Причерноморье, а также на Северном Кавказе (Новосвободненская культура), далее – распространяются на Восток. Более того, глиняные модельки колес от игрушечных повозок в Кукутени-Триполье датируются еще более ранним периодом – 4,2 тыс. лет до н. э. Заметим, что ямная культурно-историческая общность (ЯКИО) простиралась до Южного Урала и далее, практически, граничила с Ботаем. Поэтому при наличии, как предполагается, одомашненной лошади в Ботае идея конных колесниц как перенос идеи с ямных повозок была бы реализована еще тогда – в середине IV тыс. до н. э. Однако это произошло только в Синташте, 2,2–2,1 тыс. лет до н. э., т. е. более чем 1300 лет спустя. Это означает, что существовали обстоятельства «непреодолимой силы», то есть ботайская лошадь, если и поддавалась приручению, то только в самой начальной стадии, и в упряжку не годилась. Аналогичным образом приручению не поддавался и степной тарпан, прямым потомком которого является «польский коник».

Кроме того, согласно выводам руководителя Центра реинтродукции лошади Пржевальского Татьяны Жарких, большинство (75–90 %) останков в Ботае принадлежало диким лошадям, добытым на охоте, поскольку соотношение между жеребцами и кобылами было 1:1. В найденных останках присутствовали все возрастные классы, в том числе жеребята и жеребые кобылы. В то же время, при традиционном домашнем коневодстве забивают прежде всего старых животных, а также жеребцов, которых всегда излишек в стаде. При этом доместикация ведет к увеличению вариабельности в размерах животных, а ботайские лошади морфологически очень однородны. Из этого следует вывод, что в Ботае лошади использовались преимущественно для еды. Т. Жарких считает, что на лошадей охотились, загоняя на обрыв и вынуждая прыгать вниз и разбиваться. Ботайцы по-видимому, отлично владели навыками приручения. Поэтому они могли не только убивать диких лошадей на охоте, но и отлавливать их живьем, чтобы содержать в удобном для себя месте, рядом с жилищем. Согласно Т. Жарких, ботайцы не вели селекцию: их прирученные лошади скрещивались с дикими сородичами (Жарких, 2018). Кроме того, берега реки Иманбурлук в Ботае представляют собой крутые обрывы, а само Ботайское поселение находится рядом с лощиной, удобной для подхода к воде (Кузнецов, 2018). В этих условиях регулярно ловить диких лошадей, идущих табуном на водопой, было несложно.

Отметим также, что приручение лошади и создание колесницы, дало неоспоримые преимущества индоиранским и другим родственным индоевропейским народам, что привело не только к масштабным миграциям, но и доминированию в ряде регионов Евразии. Всего через 100–200 лет, то есть почти сразу после создания колесницы, племена культуры многоваликовой керамики (бабинской культуры) вторгаются на Балканы и в Грецию. А индоарии в XVII в. до н. э. вторгаются в Переднюю Азию, создав государство Митанни. Очевидно, что если бы лошадь была приручена в Ботае, то племена ботайской культуры стали бы доминирующей силой в регионе. А у прирученной ботайской лошади не было бы никаких причин для вымирания – она бы повсеместно распространилась вместе со своими хозяевами еще в середине IV тыс. до н. э. Однако этого не произошло, поскольку у ботайцев не было никакой необходимости в одомашнивании лошади, ввиду ее избыточности как мясного ресурса. Достаточно было держать их в загонах про запас, с минимальным приручением. Например, для получения кобыльего молока.

Таким образом, ботайская концепция в настоящее время представляется весьма уязвимой, т.к. имеет ряд неразрешимых противоречий. Наоборот, есть серьезные доводы против нее, что и показано в данной работе. В силу этих обстоятельств, использование лошади в ботайской культуре возможно рассматривать как особую ветвь, не получившую своего развития в дальнейшей истории приручения и одомашнивания лошади.

ЛИТЕРАТУРА

Жарких Т.Л., 2018. В Оренбургском заповеднике рассказали о происхождении лошадей Пржевальского // РИА Новости. URL: https://ria.ru/science/20180305/1515774902.html.

Клейн Л.С., 2016. Шнуровой керамики и боевого топора культуры // Генофонд.рф. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=3364.

Кузнецов П.Ф., 2016. Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. СПб. С. 36–39.

Кузнецов П.Ф., 2017. О реконструкции древнейших колесниц Евразии. Вояджер: мир и человек // ВОЯДЖЕР: мир и человек. №8. С. 36–51.

Кузнецов П.Ф. Ботайская культура позднего энеолита. «Pro et contra» ее домашних видов лошадей // Природа. 2018 (в печати).

Телегін Д.Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. К.: Наукова думка. 173 с.

Brown D., Anthony D., 1998. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan // Journal of Archaeological Science.

25. P. 331–347.

Gaunitz et al., 2018. Ancient genomes revisit the ancestry of domestic and Przewalski's horses // Science. 22 Feb 2018: eaao3297, DOI: 10.1126/science.aao3297

Kosintsev P., Kuznetsov P., 2013. Comment on «The Earliest Horse Harnessing and Milking» // Tyragetia. Vol. VII (XXII). Nr. 1. P. 405–409.

Kuznetsov P.F., 2006. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe. // Antiquity. 80(309). P. 638–645. https://doi.org/10.1017/S0003598X00094096.

Outram A.K. et al., 2009. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Science. 323. 6 March. P. 1332–1335.

Сосуд со знаками из срубно-алакульского погребения курганного могильника Неплюевский

©2018 Е.А. Булакова

Аннотация. В статье представлен краткий обзор материалов об изображениях на сосудах бронзового века. Такие изображения в литературе интерпретируют как знаки и не относят к орнаментальной традиции. Достаточно хорошо описаны они для срубной культуры и недостаточно – для срубно-алакульской культуры. Также приводится описание такого сосуда из материалов раскопок курганного могильника Неплюевский на Южном Урале.

Ключевые слова: бронзовый век, срубно-алакульская культура, знаки.

Керамические комплексы на поселениях и в погребениях эпохи бронзы являются наиболее массовым материалом, на основе которого исследователи определяют культурную атрибуцию памятников. Керамика как объект познания является отражением не только своей функциональной сущности, при изучении которой обнаруживается связь со сферой быта или с духовной сферой, в зависимости от того, на каком типе памятников мы ее обнаруживаем – в погребениях или на поселениях (Генинг, 1992. С. 4). Но также керамический сосуд – это объект, через который исследователь может познакомиться со знанием и опытом, переданным от одного поколения к другому, от одного индивида в обществе – ко второму (Генинг, 1992. С. 7). В этой связи интересно рассматривать керамику по программе, созданной А.А. Бобринским, пытаясь восстановить каждый из этапов производства сосуда, начиная от составления формовочной массы и заканчивая обработкой поверхности и орнаментацией (Бобринский, 1978. С. 14). Как раз этапу орнаментации хочется уделить внимание. Орнаментация – обычай покрывать всю или часть поверхности сосудов различными узорами, это не столько показатель эстетических представлений, а скорее обычай, связанный с духовными верованиями (Генинг, 1992. С. 8). Особенно обращает на себя внимание тот случай, когда регулярный орнамент совмещается или полностью заменяется отдельными знаками, так называемым «рисунчатым письмом» (Купцова, 2014. С. 182). Такая традиция получает распространение среди срубной и срубно-алакульской культур бронзового века. И если материалов о срубных сосудах со знаками достаточно, то публикаций, посвященных знакам на срубно-алакульской керамике, немного и в основном эти знаки упоминаются вскользь.

Первая подробная публикация о знаках на срубных сосудах принадлежит А.А. Формозову. В статье автор знакомит нас с семнадцатью сосудами с загадочными знаками и, делая краткий историографический экскурс, сообщает, что первое упоминание о сосудах срубной культуры со знаками относится к работе В.А. Городцова и датируется 1907 годом (Формозов, 1953. С. 193). Далее автор приводит описание объектов, рисунки изображенных на них знаков и, сравнив их между собой, А.А. Формозов отказывается от предположения, что эти знаки являются видом орнаментации или знаками типа тамг. Он приходит к выводу, что такие знаки на сосудах срубной культуры можно рассматривать как вид письменности (Формозов, 1953. С. 194–196). Спустя десять лет у него же выходит еще одна статья про сосуды со знаками, в которой еще раз подчеркивается связь знаков с письмом, а также приводятся аналогии из других культурно-хронологических периодов (Формозов, 1963. С. 182–183).

Обратим внимание, что знаки встречаются не только на сосудах срубной культуры, но и на керамике в зоне контакта двух культур – срубной и алакульской. Речь идет о контактной зоне на территории Южного Зауралья в позднем бронзовом веке (ПВБ). В археологических коллекциях с памятников этого региона присутствует керамика, внешний облик которой несет в себе черты обеих традиций (Алаева, 2014. С. 33). Однако исследователи подчеркивают, что наличие знаков – это влияние срубного компонента (Алаева, 2015. С. 84).

В ходе изучения курганного могильника Неплюевский, расположенного к югу от одноименного села в Карталинском районе Челябинской области на правом берегу р. Яндырка и выявленного при дешифровке аэрофотоснимков И.М. Батаниной, мы пришли к выводу, что исследованные нами курганы имеют срубно-алакульскую культурную атрибуцию (Шарапова и др., 2017. С. 405). При работе на кургане 1 в погребении 23 нами расчищено два сосуда, один из которых оказался со знаками, не относящимися к регулярному орнаменту. Представим далее морфологический анализ сосуда и описание изображения.

Сосуд был в деформированном состоянии, расколовшимся надвое. Тесто слоилось и крошилось. Высота емкости – 8,6 см, диаметр по венчику – 11,1 см, толщина дна – 7 мм, толщина венчика – 3 мм. Сосуд изготовлен навыками скульптурной лепки с сохранением пропорций. У него округлый венчик с небольшим перегибом, слабо выступающее ребро и отсутствует поддон, сосуд не орнаментирован. К сожалению, часть внешней поверхности утрачена, но на оставшейся части в области шейки мы видим ряд точек, нанесенных круглым полым орнаментиром путем накалывания. Точки расположены по четыре и организуют фигуру, напоминающую ромб. Всего сохранилось десять ромбов и еще три точки в виде треугольника несколько выше, ближе к венчику (Рис. 1: 1). Точки, нанесенные таким же образом, расположены еще и в придонной части сосуда. Шесть точек образуют треугольник и на поверхности мы видим два таких треугольника, находящихся рядом друг с другом (Рис. 1: 2).

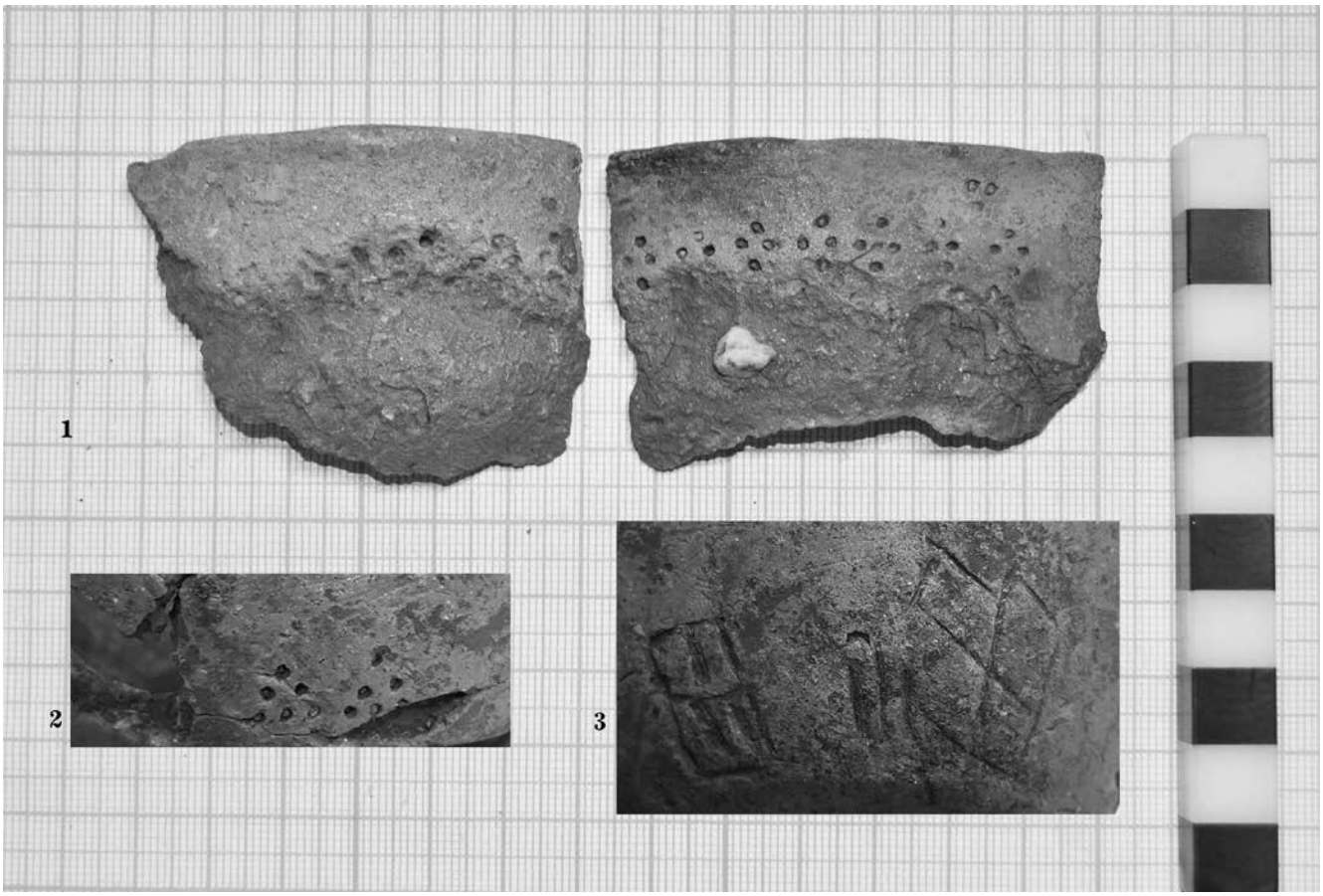


Рис. 1. Сосуд со знаками из могильника Неплюевский.

Помимо этих знаков на сосуде также есть три изображения. Первое – это прямоугольник, оставленный оттиском гладкого штампа методом насекания. Фигура состоит из прямых отрезков с крестообразным перекрестием этих же отрезков внутри прямоугольника. Второе изображение – три прямых линии, расположенных вертикально, серединная линия чуть выше, чем линии по краям. Рисунок выполнен оттиском гладкого штампа методом насекания. И третье изображение – это четыре ромбообразных фигуры, которые имеют общие стороны и все вместе образуют одну фигуру похожую на ромб. В этом случае также использован гладкий штамп и метод насекания изображения (Рис. 1: 3).

Почти невозможно реконструировать первоначальный смысл знаковой символики обществ прошлого, поскольку однозначно понимать смысловую нагрузку этих знаков могли только те люди, которые их оставили на сосудах (Генинг, 1992. С. 9). Наиболее перспективным вариантом в данном случае видится накопление базы данных с изображениями на сосудах именно срубно-алакульской культурной группы для их последующей возможной классификации и поиска аналогий в символах, значение которых известно нам. Похожая работа произведена для сосудов срубной культуры, поэтому некоторые параллели возможны. Для срубно-алакульской керамики интересно выявить связь морфологии сосуда и знаков. Какие черты у сосудов со знаками проявлены сильнее –срубные или алакульские.

В докладе будут рассмотрены варианты знаков на сосудах, выявленных для срубно-алакульской культуры, предпринято их описание и классификация.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2015. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 320 с.

Алаева И.П., 2014. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА. Вып. 233. С. 33–45.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М: Наука. 275 с.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова Думка. 188 с.

Купцова Л.В., 2014. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиокарбонная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. С. 177–195.

Формозов А.А., 1953. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // Вестник древней истории. №1. С. 193–200.

Формозов А.А., 1963. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // Вестник древней истории. №2. С. 180–183.

Шарапова С.В., Корякова Л.Н., Краузе Р., Луайе Ж., Молчанов И.В., Солдаткин Н.В., Столярчик Э., 2017. Раскопки курганного могильника Неплюевский в Карталинском районе // АО 2015 года. С. 405–407.

Поселение Мочище в Южном Зауралье и проблемы периодизации культур андроновской КИО

© 2018 С.А. Григорьев

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 07–01–85103а/У.

Аннотация. На поселении Мочище получена стратиграфия напластований ПБВ. Ранним периодом является алакульский, который сменяется черкаскульским, и далее саргаринско-алексеевским. В черкаскульском слое присутствует федоровская и межовская керамика. Саргаринско-алексеевская керамика имеет сходство с поздним берсуатским типом. Все это позволило построить новую схему периодизации ПБВ региона.

Ключевые слова: периодизация ПБВ, андроновская КИО, хронология.

Поселение Мочище находится в лесостепной зоне Зауралья, к югу от г. Челябинска. Работы на поселении велись в течение сезона 2004 г. Несмотря на высокие темпы и большую исследованную площадь (около 4000 кв.м), производилась индивидуальная фиксация находок, позволившая получить представления о стратиграфической ситуации.

В общей сложности на поселении выявлены сегмент оборонительного рва, а также 16 жилых построек и их фрагментов. Было выделено четыре основных стратиграфических горизонта: алакульский, черкаскульский, саргаринско-алексеевский и русский.

Алакульский горизонт делится на две фазы: раннюю, время строительства (к этому времени относится и оборонительный ров), и фазу функционирования (ряды жилищ и зольники). Керамический материал представлен, главным образом, алакульским типом, но содержит синхронную примесь петровской посуды, при отсутствии на поселении собственно петровского слоя. Выделяется серия фрагментов, имеющих сходство с керамикой синташтинского типа, а также посуда, определенная, как петровско-алакульская. К периоду конца существования алакульского поселка относится появление керамики федоровского и федоровско-черкаскульского типов.

Черкаскульский горизонт представлен фрагментами жилищ, при этом часто были переиспользованы алакульские котлованы. Основными керамическими типами горизонта являются черкаскульский, межовский и федоровский. При этом два последних относятся к этому времени, и отдельные межовский или федоровский слои отсутствуют. В горизонте присутствует также перемещенная из нижнего слоя алакульская керамика, и из верхнего – саргаринско-алексеевская.

Верхний горизонт представлен двумя крупными жилищами (одно переиспользовало алакульский котлован), а также верхней частью культурного слоя. В горизонте обнаружена керамика саргаринско-алексеевского типа, но относительно поздней, имеющей параллели в берсуатском типе степного Зауралья, а также значительная примесь перемещенной алакульской посуды.

Анализ орнаментации показал низкие коэффициенты сходства алакульской посуды с петровской. Она более близка синташтинской посуде. А черкаскульский, межовский и федоровский типы достаточно схожи, и могут рассматриваться как близко родственные, в то время как федоровско-черкаскульскую керамику можно рассматривать в рамках федоровской культуры. При этом в керамике горизонта присутствуют отдельные алакульские черты. Саргаринско-алексеевская посуда демонстрирует сходство лишь с межовской, но отдаленное.

Четыре даты алакульского горизонта дают согласованную серию в рамках XXII-XXI вв. до н. э. (СОАН–7315–7318), что типично для алакульских дат в лесостепи. Публикация этих дат вызвала дискуссию (см. Алаева, 2016; Виноградов, 2016; Григорьев, 2016; Епимахов, 2016), но на сегодняшний день 43 % алакульских дат приходится на этот ранний диапазон, и все они происходят из лесостепи.

Даты саргаринско-алексеевского горизонта укладываются в диапазон XII-IX вв. до н. э. (СОАН–7319–7321,7324).

В настоящее время в археологии Зауралья доминирует линейная схема развития культур эпохи бронзы: синташтинская – петровская – алакульская – федоровская – черкаскульская – межовская (Рис. 1: а). Существуют вариации, когда предполагается степная линия развития от синташтинской до саргаринской культуры, и лесостепная от федоровской до межовской, иногда с параллельным существованием федоровской и черкаскульской культур (Рис. 1: б). Подробнее о подходах см. (Григорьев, 2000, 2002, 2006).

Необходимо отметить, что полученные на поселении данные вполне соответствуют тем, что были ранее получены на иных памятниках Урало-Иртышского междуречья, а также имеющимся данным по хронологии этих памятников. Просто их трактовка с полярных позиций и распространение стратиграфии какого-то локального региона на весь андроновский ареал и приводили к той парадоксальной ситуации, которая получила наименование «Андроновская проблема», и которую отражает нижеприводимая схема (Рис. 1: а, б). Несколько более сложная схема культурогенеза в Зауралье в период ПБВ (Рис. 1: в) позволяет снять большинство имеющихся противоречий.

Вскоре после начала формирования синташтинской культуры в лесостепном Зауралье синташтинские импульсы (с примесью полтавкинских) приводят к формированию раннеалакульской культуры (и под этим термином категорически нельзя понимать петровские материалы). Одновременно под воздействием тех же импульсов в Казахстан, формируется петровская культура. Конец существования синташтинской культуры в степи знаменуется продвижением туда сначала петровских стереотипов, а затем алакульских. Вероятно, это было вызвано приходом в лесостепь с востока федоровского населения. Это привело к исчезновению в лесостепном Зауралье алакульской культуры и достаточно быстрому оформлению черкаскульской культуры, представленной двумя керамическими комплексами, черкаскульским и межовским. Собственно федоровский этап в Зауралье не выявлен. Прежнее население алакульской культуры, возможно, было демографической основой черкаскульского населения, но в основе черкаскульского культурогенеза лежали федоровские стереотипы.

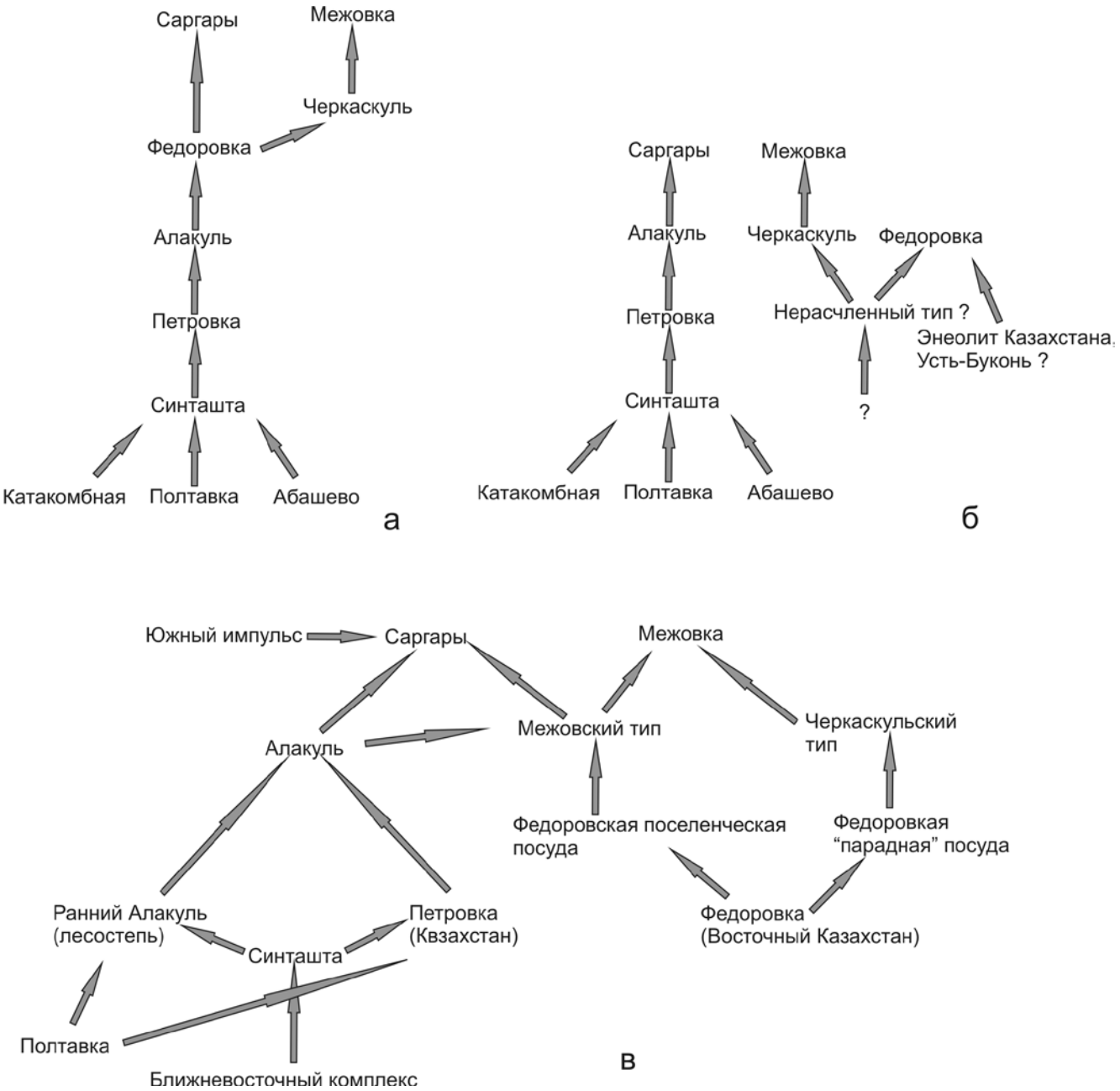


Рис. 1. Схемы культурогенеза эпохи бронзы в Зауралье: а) линейная схема с генетической связью алакульской и федоровской культур; б) линейная схема с параллельным развитием алакульской и федоровской культур; в) схема с параллельным развитием всех культур.

Впоследствии происходит размывание черкаскульского керамического комплекса и постепенная трансформация черкаскульской культуры в межовскую. Но на позднем этапе в южную лесостепь проникает степное население саргаринско-алексеевской культуры, существующее вплоть до IX в. до н. э. Памятники заключительной части бронзового века пока в Зауралье отсутствуют, что, возможно, связано с отсутствием курганной традиции и кочевым хозяйством.

Таким образом, вместо привычных горизонтальных схем периодизации, мы должны признать возможность существования ступенчатых схем, когда алакульская культура лесостепного Зауралья была синхронна синташтинской и части ранних федоровских комплексов Восточного Казахстана и Алтая, но является более ранней относительно классической алакульской культуры в степи и части лесостепи. Это обусловлено тем, что новые стереотипы всегда сначала появляются в каком-то относительно ограниченном ареале, сосуществуя со старыми стереотипами иных территорий, и время их широкого распространения может быть различным, завися уже от конкретных процессов. И эта ситуация была, вероятно, универсальной, актуальной и для многих иных регионов.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2016. Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона // ВААЭ. №3 (34). Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН. С. 78–85.

Виноградов Н.Б., 2016. О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья». Размышления о концепции С.А. Григорьева // ВААЭ. №3 (34). Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО

РАН. С. 54–59.

Григорьев С.А., 2000. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 241–409.

Григорьев С.А., 2002. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. С. 40–112.

Григорьев С.А., 2006. Эпоха бронзы. Основные этапы и проблемы культурогенеза в Зауралье в эпоху поздней бронзы // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск: Рифей. С. 188–222.

Григорьев С.А., 2016. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // ВААЭ. №3 (34). Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН. С. 44–53.

Епимахов А.В., 2016. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // ВААЭ. №3 (34). Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН. С. 60–67.

Модели металлопроизводства ямной культурно-исторической области в Украине и на Урале

© 2018 А.Д. Дегтярева, Н.В. Рындина

Аннотация. В эпоху ранней бронзы на территории Украины появляется новая модель организации металлопроизводства, которая фактически закрепляется до окончания среднего бронзового века и проявляется в использовании в степной зоне Восточной Европы низколегированных мышьяковых бронз, кузнечных, в меньшей степени литейных, технологий изготовления инвентаря. На Урале в этот же период доминирует использование чистой окисленной меди из каргалинских рудников в сочетании с литейными технологиями.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Северное Причерноморье, Урал, цветное металлопроизводство.

Обобщены данные аналитического изучения цветного металла ямной культурно-исторической области Украины и Урала методами спектрального, микрорентгеноспектрального, металлографического анализа (106 предметов; ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, ИА РАН, ИНХ СО РАН). В период своего расцвета ямная культурно-историческая область (по Н.Я. Мерперту, 1974) занимала гигантский ареал от Южного Приуралья на востоке до Днестра и низовьев Дуная на западе, от Самарской Луки, Среднего Подонья на севере до Предкавказья и Северного Причерноморья на юге, почти всю степную полосу Восточной Европы, а в ряде районов вклинивалась и в лесостепь. Локальные группы древнеямных памятников известны и за пределами их основной территории: в Среднем Подунавье, на севере Балканского полуострова, на Эмбе, в полупустыне Прикаспия и на Тереке. На территории Украины исследователи выделили несколько локальных групп ямных племен по географическому принципу – донецкую, среднеднепровскую, нижнеднепровскую, южнобугскую, приазовско-крымскую группы ямных памятников (Шапошникова, 1985. С. 348; Шапошникова и др. 1986. С. 5; Субботин, 2003).

Пробы и срезы для аналитического изучения металла ямной культуры Северного Причерноморья были собраны Н.В. Рындиной в 60–80 гг. XX в. после проведения работ крупных новостроечных археологических экспедиций на территории Украины в Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Одесской, Луганской областях. Изделия из цветного металла, обнаруженные в погребальном и в значительно меньшей степени поселенческом инвентаре ямных памятников Северо-Западного Причерноморья, вполне традиционны для выделенных вариантов культурной области. Маркирующими типами ямной металлообработки обширной степной восточно-европейской зоны являлись ножи с выделенным прямоугольным черенком, лезвием листовидной или треугольной формы, проволочные височные подвески, круглые бляхи с пуансонным орнаментом, пронизи-обоймы. Черешковые долота с упором-утолщением, тесла, шилья с упором относятся к категории массовых изделий, типичных для всех очагов Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных, 1966; Chernykh, 1982). Специфика набора инвентаря украинских памятников заключается в появлении достаточно оригинальных форм бритв с изогнутым или заступообразным лезвием, черешкового наконечника стрелы, в сосредоточении на западе ареала серебряных круглопроволочных височных подвесок в 1–1,5–2–3–5 оборотов, бронзовых блях с пуансонным орнаментом с солярной символикой. При этом истоки древнеямных украшений – проволочных височных подвесок, круглых бляшек с пуансонным орнаментом, пронизей-обойм – можно видеть в очагах энеолита Балкано-Карпатья, в том числе в инвентаре трипольских, постмариупольских памятников. Прослеживаются металлургические связи ямных племен Северного Причерноморья с синхронными культурами шнуровой керамики, проявляющиеся в распространении ножей ямного облика в памятниках моравской группы шнуровиков, культур Глина, Коцофэнь (Иванова, 2014). В то же время от последних ямникам скорее всего поступало сырье или же готовые изделия из оловянной бронзы, использование которой зафиксировано в памятниках культур шнуровой керамики – подкарпатской, стжижовской, памятников типа Почапы – в концентрации до 10 % (Рындина, 1980. С. 31–32. Рис. 5). Связи причерноморских ямников с центральноевропейскими культурами шнуровой керамики прослежены С.В. Ивановой в нескольких аспектах – импортах, подражаниях в керамике и в наличии ямных погребений в ареале культур шнуровой керамики (Иванова, 2013. С. 13–18).

Ведущим направлением металлургических контактов ямных племен Украины является западное – балкано-карпатское, где сосредоточены разнообразные окисленные, сульфидные руды, содержащие мышьяк, месторождения олова, серебра, активно разрабатывающиеся в энеолите и раннем бронзовом веке, откуда в основном и поступало сырье для металлопроизводства. В то же время определенная часть металла, незначительного по объему, поступала из кавказской рудной зоны, в пользу чего свидетельствует обнаружение урана в составе трех изделий.

Признавая правоту ранее высказанной Е.Н. Черных точки зрения, нижнеднепровский очаг следует отнести к разряду металлообрабатывающих, хотя часть исследо-

вателей допускает возможность эксплуатации медистых песчаниковых руд Донбасса населением ямной общности, однако при отсутствии соответствующих свидетельств на древних рудниках (Черных, 1966; Бровендер, 2016. С. 8–9). В то же время обнаружение в слое поселений Михайловское, Дурна Скеля находок глиняных сопел, ступок для дробления руды и наковален предполагает наличие горнов, связанных с переработкой металла (Шапошникова, 1985. С. 348).

Для ранней металлообработки ямного населения Приднестровья и Донецкого региона на примере металла из могильников Сватово, Ясски характерно использование окисленной меди в сочетании с литейными технологиями, в единичных случаях использование ковки в режимах предплавильных температур, а также частое использование упрочнения рабочей части орудий. В этих технологических приемах прослеживаются позднетрипольские традиции обработки металла (Рындина, 1998. С. 190–192). Металлопроизводство следующего – позднего этапа демонстрирует почти полную унификацию и стандартизацию получения орудий и украшений из низколегированной мышьяковой бронзы в процессе формообразующей ковки, в меньшей степени с использованием литейных технологий в односторонних формах с последующей доработкой изделий с нагревами до 400–500 °С, что вполне оправдано характером используемого сырья. Украшения – бляхи, часть подвесок, а также частично ножи и бритвы дорабатывали с нагревами до 600–700 °С, получая при этом качественные, без выраженных дефектов изделия. Таким образом, совершенно отчетливо видны черты своеобразия металлопроизводства у ямных групп Северного Причерноморья, использующих привозную мышьяковую бронзу, серебро из западных источников и выработавших собственные традиции обработки металла, приспособленные к характеру исходного сырья.

Полученные результаты, подкрепленные морфолого-типологической характеристикой инвентаря, позволили классифицировать северо-причерноморский центр металлопроизводства как металлообрабатывающий с ведущим западным балкано-карпатским направлением металлургических контактов. В эпоху ранней бронзы появляется новая модель организации металлопроизводства, которая фактически закрепляется до окончания среднего бронзового века и проявляется в использовании в степной зоне Восточной Европы низколегированных мышьяковых бронз, кузнечных, в меньшей степени литейных, технологий изготовления инвентаря. Навыки и технологии изготовления инвентаря были обусловлены составом имеющегося в распоряжении мастеров исходного сырья – мышьяковой бронзы. Металлопроизводство демонстрирует почти полную унификацию и стандартизацию получения орудий и украшений из низколегированной мышьяковой бронзы в процессе формообразующей ковки, в меньшей степени с использованием литейных технологий в односторонних формах с последующей доработкой изделий с нагревом до 400–500 °С.

Сопоставляя полученные данные со сведениями по развитию металлопроизводства ямной группы Волго-Уралья, необходимо отметить, что инвентарный комплекс восточных ямников содержит более металлоемкие орудия, в числе которых проушные топоры, клевцы, молотки, массивные ножи, кирки, наконечники копий (Моргунова, 2014). Присутствие крупных орудий в волго-уральских могильниках следует объяснить наличием богатой сырьевой базой каргалинских рудников, по соседству с которыми расположены могильники ямных племен, а иногда они зафиксированы и на территории самого рудного поля. Становление в Приуралье самостоятельного центра металлопроизводства происходило в эпоху ранней бронзы, когда были освоены местные рудные залежи меди наряду с проникновением из западных (скорее позднетрипольских) очагов металлообработки технологических инноваций обработки окисленной меди, начиная от его выплавки и вплоть до трудоемких режимов высокотемпературной обработки давлением (Дегтярева, 2010). В отличие от украинских ямников, приуральские мастера использовали для получения орудий и украшений преимущественно чистую окисленную медь (92,3 % всех изделий; всего проанализирован 51 предмет). Мышьяковая бронза употреблялась значительно реже (7,7 % изделий; концентрация As в пределах 0,75–4,0 %). Одной из наиболее значимых особенностей приуральского металлопроизводства было частое использование метеоритного железа для изготовления орудий труда и украшений. Приуральские ямники широко использовали литье в открытые и составные закрытые формы – односторонние с плоскими крышками, двустворчатые, трехсоставные, с использованием вставного стержня для получения втулок. Крупные орудия получали только литьем в формах с доработкой ковкой при средних степенях обжатия металла порядка 50–60 %. Кузнечная доработка орудий осуществлялась в режиме температур 600–800 °С или в режиме предплавильных температур 900–1000 °С, сопровождающихся средними степенями обжатия металла 50–60 %. Сходство технологических вариантов изготовления изделий, проявляющееся в наличии развитой литейной технологии чистейшей окисленной меди, использовании высокотемпературных режимов отжига металла при 900–1000 °С, наряду с морфологическим обликом некоторых категорий металлических предметов свидетельствуют в пользу импульса из западных балкано-карпатских очагов металлообработки (позднетрипольских?), по крайней мере, на раннем этапе развития ямной культуры, связанного, возможно, с процессами миграции кланов металлургов (Дегтярева, 2010. С. 58–60).

Таким образом, различные очаги металлопроизводства ямной культурно-исторической области демонстрируют наличие общих черт – распространение однотипного инвентаря (тесла, ножи, долота, бляхи, спиральные пронизки), преобладание группы низколегированной мышьяковой бронзы с концентрацией As до 10 % на Украине, в Поволжье, Прикаспии, Калмыкии. Появляется новая модель организации металлопроизводства, которая фактически закрепляется до окончания среднего бронзового века. Эти навыки и технологии изготовления инвентаря были обусловлены составом имеющегося в распоряжении мастеров исходного сырья – мышьяковой бронзы. В то же время, трипольские традиции получения изделий литьем в формах, использование чистой окисленной меди, навыки обработки сырья в режимах нагрева до предплавильных температур, использование упрочнения орудий характерны в основном для окраинных или периферийных ареалов ямной области – Молдовы, Приднестровской Украины, Приуралья, а также усатовской культуры. Возможно, именно эти признаки являются индикаторами ранней хронологической позиции ямных памятников или же в

связи с использованием привычной ранее чистой окисленной меди воспроизводятся старые архаичные технологии предшествующих эпох. По сути, в Приуралье происходили аналогичные процессы возврата к архаичным технологиям западного энеолита.

ЛИТЕРАТУРА

Бровендер Ю.М., 2016. Донецький гірничо-металургійний центр доби бронзи // Автореф. дис. … д-ра іст. наук. Київ. 32 с.

Дегтярева А.Д., 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 162 с.

Иванова С.В., 2013. Связи буджакской культуры и центральноевропейских групп культуры шнуровой керамики // «Obszar zlewni Bałtyku jako strefa recepcji tradycji pontyjskich kultur wczesnobrązowych» Streszenia referatov. Obrzycko. С. 13–18.

Иванова С.В., 2014. Балкано-карпатский вариант ямной культурно-исторической области // РА. №2. С. 5–20.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 166 с.

Моргунова Н.Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ. 348 с.

Рындина Н.В., 1980. Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни // СА. №3. С. 24–42.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

Субботин Л.В., 2003. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Полис. 236 с.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА. №132. 144 с.

Шапошникова О.Г., 1985. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1. Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 336–353.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. Вып. В1–3, Киев: Наукова думка. 160 с.

Chernykh E.N., 1992. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: University press. 335 p.

Федоровская культура эпохи бронзы (проблема терминологии)

© 2018 Е.А. Дмитриев

Работа выполнена при поддержке грантов МОН РК AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы» и AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

Аннотация. В рамках данного доклада предлагается вынести на обсуждение острую проблему фрагментации «федоровки» на ряд самостоятельных культур посредством преувеличения важности локальных различий и, как следствие, введения новых дублирующих терминов (канайская, нуринская и т.д.).

Ключевые слова: эпоха бронзы, федоровская культура, терминология.

История выделения круга памятников, известного в науке как «федоровская культура», берет свое начало с 1923 г., когда С.А. Теплоухов (Теплоухов, 1929), опираясь на результаты исследований могильников Андроново, Ярки I-II охарактеризовал новую особую культуру Минусинского края – андроновскую. Пятью годами спустя М.П. Грязновым и С.Н. Дурылиным занимаемая ею территория расширена до Южного Зауралья, при этом отмечена специфика западного и восточного ареалов (Кузьмина, 2008. С. 63). Ключевое значение для андроноведения имело Первое Уральское археологическое совещание, где К.В. Сальниковым (Сальников, 1948) предложена ее трехчленная периодизация (федоровский, алакульский, замараевский этапы), поддержанная большинством ученых и распространенная на другие регионы. В дальнейшем полевыми исследованиями были получены материалы, позволившие аргументировать выделение самостоятельных федоровской и алакульской культур.

В рамках данного доклада предлагается обратиться к проблеме терминологии федоровской культуры, памятники которой известны от Южного Зауралья на западе до Енисея на востоке. Конечно, затрагиваемая здесь проблема гораздо шире рекомендованного печатного объема, однако рассматриваемый аспект необходимо вынести на обсуждение.

Значительное занимаемое пространство и взаимодействие с носителями других культурных традиций привнесли своеобразие в федоровскую культуру некоторых регионов. Данное обстоятельство стало одним из оснований для расчленения единой культуры на ряд самостоятельных, посредством преувеличения значимости ее локальных различий. Так, в работах некоторых исследователей мы можем наблюдать довольно мозаичную картину, когда Центральный и Северный Казахстан занимает нуринская культура, Восточный – канайская, Южную Сибирь – андроновская, Южное Зауралье и Заилийский Алатау – федоровская.

Предтечей подъема «центробежных» сил стали работы 60-х гг. XX в., которые были посвящены бронзовому веку Центрального и Восточного Казахстана. Предложенные А.Х. Маргуланом и рядом других исследователей (Маргулан и др., 1966) дублирующие названия алакульскому и федоровскому этапам – атасуский и нуринский соответственно, опирались на признаки, которые и в свое время вызывали резонные возражения (Максименков, 1978. С. 90). Долго оставалась вне поля разработки своеобразная периодизация С.С. Черникова (Черников, 1960. Табл. LXXVII), критически воспринятая учеными.

Основания для выделения нуринской культуры были ранее рассмотрены автором (Дмитриев, 2017). Предложенные еще более полувека назад аргументы (набор частей жертвенных животных, некоторое своеобразие сосудов Бугулы 1, неполная кремация, захоронения в цистах), фактически в настоящее время воспринимаются без должного сопоставления с результатами новых исследований и их важность выглядит сильно преувеличенной, если не сказать, что они по своей природе довольно тривиальны для федоровской культуры. В этом ракурсе перенос термина нуринский на памятники Северной Сарыарки (Павловка (Шагалалы II) и др.) (Хабдулина и др., 2017. С. 170–175), традиционно позиционируемые как федоровские, выглядит странно.

Использование терминов «федоровский (нуринский)», «нуринский (федоровский)», «нуринско-федоровский» или «федоровско-нуринский», причем они могут употребляться поочередно и в разном сочетании в рамках одной работы, видимо, вытекает из неясности самих критериев искусственного членения единого культурного образования.

Неоднозначно обстоит дело с выделенной для Восточного Казахстана канайской культурой, прошедшей три генетически связанных этапа в своем развитии (канайский, марининский и кызылтасский) (Ткачева, Ткачев, 2008). Думается, на этом можно остановиться чуть более подробно.

Ранний (канайский) этап (Черников, 1960. Табл. XIX) имеет наиболее близкие аналогии среди древностей елунинско-кротовско-окуневского круга, что не отрицают и авторы концепции. Однако при их сопоставлении с материалами последующего маринининского этапа имеется лишь отдаленное, незначительное сходство (Ткачева, Ткачев, 2008. Рис. 28–30).

Сам маринининский тип (ребристый профиль некоторых сосудов, широкие желобки по шейке в комплексе с посудой, украшенной замысловатым орнаментом, выполненным зубчатым штампом) вполне сопоставим с балыктинским синкретическим типом Центрального Казахстана, сформировавшимся в результате взаимодействия петровского / раннеалакульского и федоровского населения (Ткачев, 1991), что мы наблюдаем в материалах опорного могильника Маринка. При этом именно с маринининским населением авторами концепции связываются первые миграции в сопредельные регионы и формирование федоровской, андроновской и нуринской культур (Ткачева, Ткачев, 2008. С. 270–271), что, по мнению автора статьи, маловероятно. Только кызылтасский тип находит широкие аналогии в федоровских древностях.

Резюмируя, по факту мы имеем не целостную канайскую культуру с несколькими этапами в своем развитии, а условный набор из комплексов нескольких разнокультурных групп населения.

Справедливо мнение А.С. Ермолаевой о сложившейся ситуации в данном регионе: «К настоящему времени попытки исследователей 90-х годов прошлого века – 2000-х гг. максимально приблизиться к реальному ходу исторического развития племен восточно-казахстанского региона далеки от успешных.

Не являются соответствующими реальности различные периодизационные схемы, нельзя назвать объективными и убедительными создаваемые в последние десятилетия концепции, которые состоят в основном из логических построений без опоры на доказательную базу из проработанного массива материалов» (Ермолаева, 2012. С. 112).

Помимо фрагментации одной культуры на ряд самостоятельных, есть и другая точка зрения, согласно которой предлагается возврат к исходному наименованию.

В.В. Бобров подвергнул сомнению наличие андроновской культурно-исторической общности, в связи с чем предлагает вместо «федоровская» употреблять «андроновская» культура, что историографически будет соответствовать изначальной ситуации, когда она была выделена С.А. Теплоуховым (Бобров, 2013. С. 90). При этом исследователь отмечает идентичность материалов Федоровского могильника андроновским памятникам восточного ареала.

Нельзя не признать последовательность позиции занимаемой В.В. Бобровым. Однако С.А. Григорьев указал на то, что сам термин «андроновский» потерял свою конкретность, в то время как федоровский более строг в этом плане. Действительно, в Южной Сибири известные памятники относятся только к одной культуре, в то время как западнее под андроновскими воспринимаются алакульские, федоровские и смешанные памятники обеих культур.

Конечно, приведенный в рамках данного доклада обзор не является исчерпывающим, а затрагиваемая проблема требует кропотливой работы по сопоставлению погребального обряда, керамического комплекса (с выявлением инокультурных включений), набора украшений и т.д. со всего обширного в территориальном плане ареала федоровской культуры.

Не стремясь навязать свою точку зрения, хотелось бы отметить, что каждый исследователь, безусловно, имеет право на свое собственное видение, однако не секрет практически полное отсутствие обобщающих работ по этому явлению. Монографии Е.Е. Кузьминой является лишь первым шагом в данном направлении. Совершенно неясен вопрос с генезисом (выдвигаемые гипотезы довольно натянуты), отсутствует четкая внутренняя периодизация, да и в целом хронология федоровской культуры и ее место среди древностей бронзового века дискуссионно. Подходя к вопросу членения одной культуры на ряд самостоятельных, можно сказать, что основанием для этого не могут быть простые визуальные сопоставления и умозрительные заключения.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров В.В., 2013. Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». №2 (3). Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 84–92.

Дмитриев Е.А., 2017. К вопросу о выделении нуринской культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана (взгляд сквозь призму историографии и современные реалии) // История и археология Семиречья. Вып. 5. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 24–31.

Ермолаева А.С., 2012. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Хикари. 238 с.

Кузьмина Е.Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. 358 с.

Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. 191 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 436 с.

Сальников К.В., 1948. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов. С. 21–26.

Теплоухов С.А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л. С. 41–62.

Ткачев А.А., 1991. К вопросу о соотношении алакульских и федоровских комплексов (по материалам могильника Балыкты) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ. С. 71–73.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 2008. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: ИПОС СО РАН. 304 с.

Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю., 2017. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (поселение Шагалалы II). Астана: Глобус. 192 с.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. №88. 272 с.

Восточная периферия срубной общности

© 2018 А.В. Епимахов

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

Аннотация. Срубные памятники, наряду с синкретическими срубно-алакульскими, представлены в Зауралье очень значительными сериями. Они расположены на сравнительно компактной территории в границах северной степи и юга лесостепи. Мирное сосуществование и взаимодействие носителей срубных и алакульских традиций предполагает разные сценарии их взаимоотношений на территории пограничья: от замкнутости с целью сохранения идентичности группы до широкого обмена достижениями во всех сферах и брачных связей.

Ключевые слова: бронзовый век, срубная общность, Зауралье.

Срубная общность – одно из наиболее масштабных явлений позднего бронзового века – в своем восточном ареале (в данном случае имеется в виду Южное Зауралье) изучается, начиная со второй половины XX в. (Сальников, 1967 и др.). Наиболее обширно представлена историография, посвященная анализу срубно-алакульских контактов, которые нашли воплощение в многочисленных синкретических памятниках (Рутто, 2003 и др.). Последняя по времени сводка материалов была выполнена И.П. Алаевой в рамках диссертационного исследования (2015), приуральская группа проанализирована Л.В. Купцовой (2015). Наличие таких работ создает предпосылки к переходу на новый уровень интерпретации.

В последние годы существенное приращение данных произошло за счет могильников Степное 25, Каменный Амбар-5 и Неплюевский (Куприянова, 2014; Шарапова, Луайе, 2017), где изучено около девяноста захоронений. Стоит иметь ввиду, что в могильнике Неплюевский изучено всего три насыпи из тридцати восьми (!). Это отнюдь не единственный пример, иллюстрирующий наличие крупных срубных некрополей. Общие количественные показатели у разных авторов различаются вследствие разночтений в части культурной атрибуции (наличие/отсутствие черт синкретизма культурных традиций), но вполне очевидно, что речь не идет о кратком эпизоде или спорадическом проникновении представителей инокультурной группы в алакульский ареал, на это же указывает и выделение этапов в пределах срубной выборки. С точки зрения пространственного распределения невозможно свести мозаичную картину к простому убыванию срубных черт по линии запад-восток и нарастанию алакульских в противоположном направлении. Вероятно, свой «вклад» в это усложнение вносит фактор хронологической неоднородности срубных и алакульских материалов.

Критерии выделения срубных древностей из иных синхронных материалов четче прослеживаются в погребальных памятниках. В составе коллекций поселений массовый срубный керамический материал вычленяется сложнее. Сказывается редкость и простота орнаментации посуды в условиях многокомпонентности коллекций большинства поселений. Прочие категории находок, равно и особенности архитектуры, неспецифичны за вычетом единичных кладов (Петрова, 2004), которые для алакульских памятников нетипичны. Наиболее уверенно срубная составляющая дифференцируется от синташтинских и петровских коллекций (Multidisciplinary investigations, 2013) благодаря относительной легкости диагностирования этих культурных типов.

Срубный ареал в Зауралье очерчен достаточно четко. Северная граница маркирована памятниками бассейна реки Уй, далее которой нет диагностированных комплексов; восточная – в пределах Зауральского пенеплена; южная, видимо, соотносится с бассейном р. Синташты. Этот ареал выглядит весьма компактно, и в целом зона определяется как северная степь (с большими участками реликтовых боров) и граница лесостепи. При этом в собственно лесостепной зоне Зауралья срубные памятники отсутствуют.

В качестве признаков срубной атрибуции наряду с обликом посуды фигурируют черты погребальной обрядности (ориентировка в северных румбах, малая глубина могильных ям, в целом незначительное количество инвентаря и жертвоприношений). К этому можно добавить и элементы линейных планировок на уровне могильников и отдельных курганов. Впрочем, последнее не является единственным культурным стереотипом – широко представлены и другие варианты планировок. В зауральской группе также широко ис-

пользовались каменные конструкции, что сближает ее с частью предуральских памятников (Купцова Л.В., 2015). Речь не только о перекрытиях плитами индивидуальных детских могил и ямок с сосудами, но также о сооружении оград, ящиков и единичных стелах (Епимахов, Епимахова, 2003; Петров, 2008). Обсуждая количество и разнообразие инвентаря, следует иметь ввиду, что по сравнению с предуральскими срубными памятниками зауральские более насыщенны и разнообразны. Наряду с украшениями (браслеты, бусы, подвески, пронизи) встречаются предметы вооружения (наконечники стрел и каменный топор), ножи, шилья, костяная втулка, астрагалы. Важно, что многие из перечисленных категорий обнаружены и в детских захоронениях.

Разделение срубного массива на раннюю и позднюю группы широко используется для всей срубной ойкумены. В Зауралье раннесрубные материалы, судя по всему, синхронны петровским и занимают в стратиграфических колонках рассматриваемой территории ту же пост-синташтинскую позицию. Собственно сам этот пласт выделен во многом благодаря характерному облику керамики, морфологически сходной с петровской, хотя наряду с этим есть и покровские черты. Датировки раннесрубных и петровских древностей также очень близки (Epimakhov, Krause, 2013; Краузе. и др., в печати). Что касается позднего периода, то в Зауралье он практически лишен радиоуглеродной аргументации, алакульская же хронология сейчас пребывает в состоянии сбора *качественных анализов*, способных преодолеть крайние разногласия оценок. Несмотря на эти оговорки, видимо, трудно отрицать сосуществование разнокультурного населения в рамках сравнительно небольшой территории. Это предполагает пересмотр некоторых привычных утверждений и схем.

Во-первых, речь о последовательном расположении культурных традиций в шкале периодизации с выделением переходных этапов, отражением коих являются синкретические памятники (Зданович, 1988). При этом, срок «жизни» культуры предполагается примерно одинаковый. Такого рода схемы не в состоянии предусмотреть сколь-нибудь длительное сосуществование традиций на одной территории (например, в виде субкультур (Корочкова, 2009)), равно и возможность очень быстрой стимулированной трансформации. Во-вторых, должна быть упомянута привычная для исследователей бронзового века (впрочем, не только для них) ассоциация культуры с обликом керамической посуды. Правда, время от времени складываются ситуации, когда материал «оказывает упорное сопротивление»: не удается выделить синхронные могильникам «чистые» поселения; в пределах закрытых комплексов обнаруживаются сочетания разнокультурной посуды и т.д. В нашем конкретном случае мы не исключаем, что срубная традиция мирно сосуществовала в рамках Зауралья с алакульской, при этом часть коллективов сохраняла свою специфику в идеологической сфере (погребальная обрядность). Таким образом, налицо два сценария взаимодействия населения в условиях пограничья. Первый подразумевает широкие контакты и заимствования взаимодействующих сторон (воплощение – синкретические памятники), второй – своего рода автаркию с акцентом на сохранение традиций (раннесрубные и собственно срубные памятники).

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2015. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья // Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 32 с.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г., 2003. О мегалитических традициях эпохи бронзы // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим». С. 84–86.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во УрГУ. 184 с.

Корочкова О.Н., 2009. Культурные интеграции позднего бронзового века: факторы, механизмы, модели // УИВ. №2 (23). С. 40–49.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. В печати. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии.

Куприянова Е.В., 2014. Могильник эпохи бронзы Степное 25 (результаты исследований) // ВААЭ. №2 (25). С. 35–39

Купцова Л.В., 2015. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 21 с.

Петров Ф.Н., 2008. Материалы исследований одиночного менгира Лисьи горы // Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана. Челябинск: Авто Граф. С. 236–243.

Петрова Л.Ю., 2004. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. Вып. 2. Челябинск: Изд-во ЧГПУ. С. 181–206.

Рутто Н.Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем. 212 с.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

Шарапова С.В., Луайе Ж., 2017. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // УИВ. №1. С. 103–112.

Epimakhov A.V., Krause R., 2013. Relative and absolute Chronology of the Kamennyi Ambar (Olgino) settlement // R. Krause, L. Koryakova (eds.) Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 129–146.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia), 2013 / R. Krause, L. Koryakova (eds.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 352 p.

К вопросу о назначении одной из категорий костяных орудий позднебронзового века

2018 О.Н. Загородняя

Аннотация. В статье опубликованы результаты функционального изучения нового типа орудий из кости позднебронзового века Картамышского археологического микрорайона в Донбассе. В исследовании нашли применение структурно-сырьевой, технико-морфологический, экспериментально-трасологический анализы.

Ключевые слова: бережновско-маевская срубная культура, гравитация, Картамышский археологический микрорайон, кость, металлопроизводство, экспериментально-трасологический метод, функциональный анализ.

В результате исследования древних рудников, производственных участков и поселений Картамышского археологического микрорайона (КАМ) в Донбассе наблюдается увеличение источников по металлопроизводству бережновско-маевской срубной культуры (БМСК) (Бровендер, 2012; Загородня, 2014а). Показательно, что они представляют все его этапы – добычу медной руды, обогащение, металлургию и металлообработку. В контексте изучения металлопроизводства одним из актуальных вопросов является функциональный анализ орудий. С тех пор появилась проблема функционального определения, в том числе наиболее массовой в материалах КАМ категории орудий из ребер животных, которые до недавнего времени интерпретировали как кожевенные, либо как орудия для добычи руды.

Среди остеологической коллекции из раскопок памятников КАМ 2001–2010 гг. выявлена коллекция орудий и изделий в количестве 484. Источники происходят из техногенного участка рудника Червонэ озеро-I (399 экз.), поселений Червонэ озеро-1 (23 экз.), Червонэ озеро-3 (62 экз.). Видовая принадлежность костей животных, использованных в качестве сырья для орудий, определена О.П. Журавлевым (ИА НАНУ). Основная масса предметов выполнена из ребер животных (370 экз.), лопаток (50 экз.). Наименьшую по количеству группу составляют орудия из длинных трубчатых, нижнечелюстных и тазовых костей. Сохранность коллекции достаточно хорошая. Повреждения зафиксированы на костях, происходящих из слоя красной глины (переотложенного нижнепермского аргиллита). Также на поверхностях многих предметов прослежены искусственные следы, являющиеся результатом обработки туш животных, расчленения сухожилий, отделения мяса от кости в процессе употребления.

Трасологическое изучение 15 костяных орудий рудника Червонэ озеро-I еще в первые годы разведывательных исследований было начато В.В. Килейниковым. Изготовленные из ребер и лопаток животных они интерпретированы как рудодобывающие копалки и землекопные совки (Килейников, 1997). Поскольку следы сработанности на орудиях из ребер отличались от следов копания, позднее были высказаны предположения о возможности их использования в ходе скобления медистого песчаника с целью извлечения руды, т.е. в качестве горно-обогатительных (Панковский, 2005).

На основе комплексного изучения предметов из кости КАМ, включающего структурно-сырьевой, технико-морфологический, трасологический анализ и эксперимент, выделены функциональные группы: горно-обогатительная (относительно металлопроизводства), кожевенная, землекопная (Загородняя, 2014а). Единичные находки представляют фурнитуру, принадлежности, утварь, оружие. Наблюдение следов обработки и использования осуществлено с помощью МБС–10; металлографического микроскопа «Olympus» с модулем дифференциально-интерференционного контраста и увеличением до ×500. В результате функционально определены как орудия и изделия 443 экз. Неопределенные обломки со следами обработки и/или утилизации составляют 41 экз.

Для характеристики коллекции использована технологическая схема описания по А.П. Бородовскому (Бородовский, 1997. С. 37). Исходя из структурных отличий материала, использованного в качестве орудий, выделены следующие сырьевые группы: 1) длинные изогнутые кости – ребра; 2) пластинчатые кости – лопатки, таз, ветви нижних челюстей; 3) трубчатые кости. Подбор сырья был обусловлен самим животноводческим (преимущественно скотоводческим) хозяйством носителей БМСК, постоянно предоставляющем сырье для заготовок. Их незначительно обрабатывали, а ребра и лопатки часто не требовали и этого, поскольку их естественные формы вполне пригодны к выполнению определенных операций.

К функциональному типу орудий из кости горно-обогатительной группы отнесено 398 предметов (из ребер – 349, лопаток – 38, нижнечелюстных – 4, длинных трубчатых – 7) (Рис. 1: 1–8). Форма рабочего края и характер сработанности для данного типа орудий довольно устойчивы (Рис. 1: 16, 17). Микрокартина износа характеризуется округлостью и равномерной заполировкой рабочего края, а также наличием многочисленных тонких линейных следов поперечного направления либо под небольшим углом к краю, что свидетельствует о его воздействии по мягкому материалу.

С целью верификации функций археологических орудий были выполнены эксперименты с применением аналогичных реплик в различных операциях: проходка горной породы – аргиллита; взрыхление слоя перетертого медистого песчаника; размешивание дробленной мелкой фракции медной руды в кожаной емкости в воде. Сопоставление микропризнаков сработанности на поверхностях экспериментальных орудий из ребер и артефактов привело к их идентификации. Проведенные исследования позволили прийти к убедительному выводу, что орудия из ребер и других костей имеют отношение к окончательному этапу обогащения руды – гравитации, где ими производилось размешивание перетертой рудной массы в кожаных емкостях с водой (Рис. 1: 18, 19). Не противоречит этому наличие в площади техногенного участка рудника Червонэ озеро-I отходов производства в виде мощного слоя перетертого медистого песчаника, а также преобладание в коллекции каменных орудий – горно-обогатительных. Данные, полученные в результате экспериментов по проходке горной породы, опровергли точку зрения о применении орудий из ребер в качестве рудодобывающих. Обращает на себя внимание, что орудия из кости являются редким явлением на поселениях Червонэ озеро-1 (20 экз.) и Червонэ озеро-3 (15 экз.), в отличие от техногенного участка

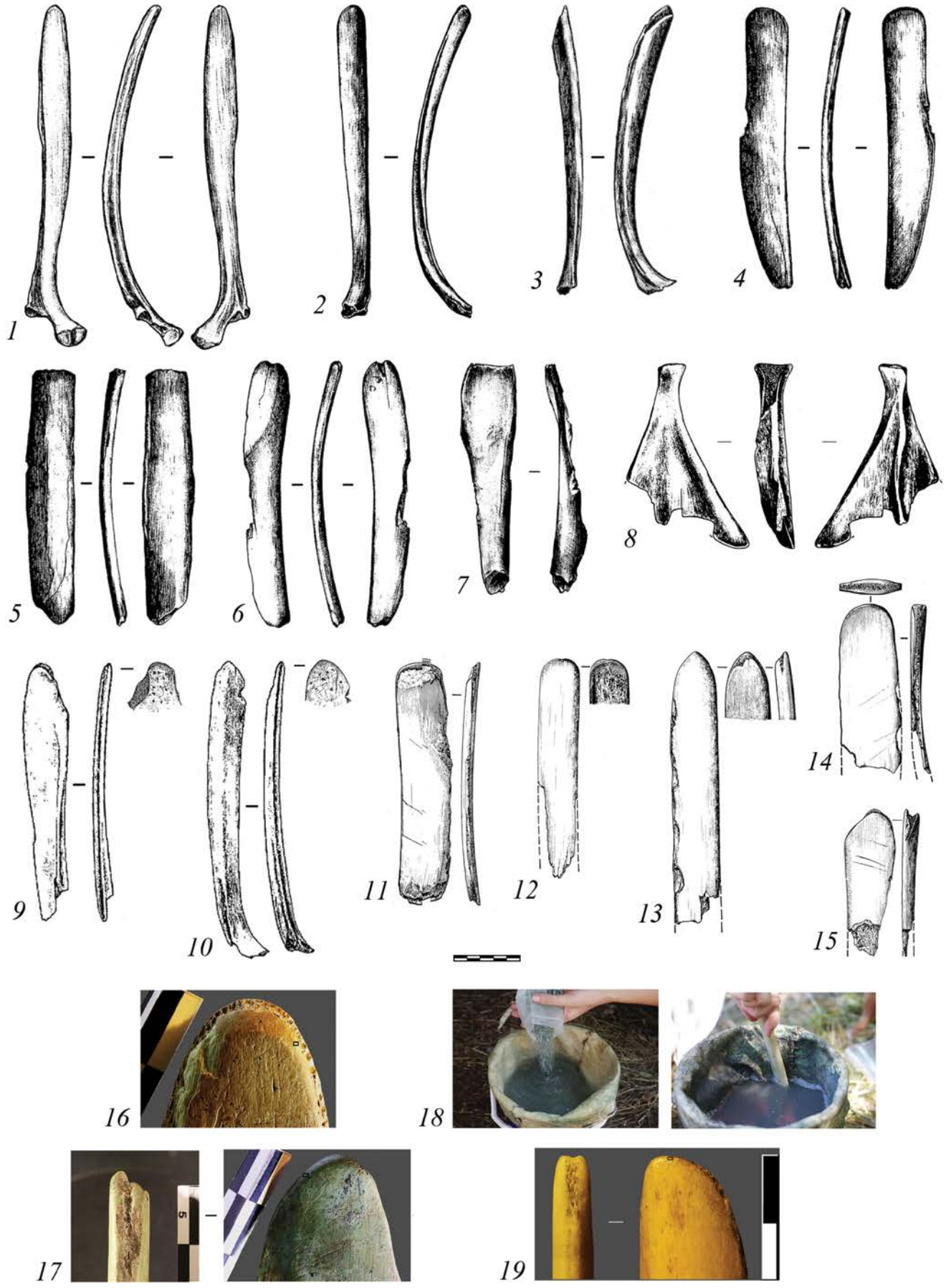


Рис. 1. Орудия из кости: 1–8, 16, 17 – Картамышский археологический микрорайон; 9, 10 – Михайло-Овсянка; 11–15 – Горный (рисунки В.Б.Панковского); 18–19 – эксперимент.

рудника Червонэ озеро-I (374 экз.), в пределах которого осуществлялись процессы обогащения медной руды.

Близкие по морфологическим признакам орудия из ребер и лопаток рудника позднебронзового века у с. Михайло-Овсянка Самарской области отнесены к процессу обогащения медной руды, точнее, его окончательному этапу – флотации (Рис. 1: 9, 10) (Горащук, Колев, 2004. С. 92–93). По мнению исследователей, растирание рудных частиц в порошок происходило с помощью орудий из ребер в кожаной емкости, заполненной водой, а не путем растирания их пестами на каменных плитах.

Среди общего количества костяных орудий из памятников Каргалинского рудного поля срубной общности в Приуралье выделяются достаточно известные в археологических материалах Восточной Европы категории – лощила, шпатели, штампы, тупики, проколки, рукояти. Экспериментальным путем доказано, что упомянутые орудия полифункциональные и могли использоваться в процессе изготовления литейных форм из песчаника (Антипина, 2004. С. 225). Одна из многочисленных групп – лощила и шпатели, изготовленные, как правило, из ребер КРС (2468 экз., 23,9 %). Впрочем, отнесение орудий из ребер к этой категории осуществлено на основе их типологической близости без трасологического изучения.

Автору удалось изучить семь костяных орудий из поселения Горный (Каргалы) (Рис. 1: 11–15). На основании сделанных наблюдений два целых предмета и один обломок из ребер КРС отнесены к категории орудий для размешивания руды в процессе гравитации. На их поверхности обнаружены следы утилизации, характерные для орудий из ребер КАМ. Именно поэтому возникают основания для пересмотра функциональной принадлежности всей коллекции. Вполне вероятно, экспериментально-трасологический анализ расширил бы вариативность применения орудий из ребер и других костей, в том числе в различных процессах добычи и обогащения руды.

Как известно, обогащение медной руды древними горняками-металлургами сводилось к выполнению таких операций: сортировка, дробление, растирание и промывка. На производственном участке вблизи подземных выработок рудника Червонэ озеро-IV осуществлялись сортировка и первичное дробление руды, в пределах техногенного участка рудника Червонэ озеро-I – обогащение отсортированной руды путем дальнейшего ее измельчения пестами-терочниками на каменных плитах. Далее водное гравитационное обогащение измельченной руды осуществлялось в ручье, русло которого частично исследовано на техногенном участке. Его заполнял мощный слой отходов – перетертый медистый песчаник с участками хвостов горных пород. Для обогащения подходили деревянные или кожаные емкости, погружаемые в воду. Орудиями из кости размешивали смесь в воде. В основе этой операции лежит разница удельного веса: тяжелые куски, вмещающие руду, оседали на дно, а легкие частицы породы и примеси медистого песчаника всплывали. Полученный порошкообразный рудный концентрат был сырьем металлургии. Не исключено, что подобные операции на рудниках других регионов могли выполняться и с помощью деревянных орудий, остатки которых не сохраняются.

Примечательно, что обогатительные участки древних медных рудников различных регионов Евразии нередко размещались вблизи воды (Гришин, 1980. С. 80). В некоторых случаях зафиксировано, что вода с помощью строительства специальных водостоков подводилась к производственным зонам даже из удаленных источников. К примеру, в районе древних Миттебергских рудников (территория Австрии) вода была подведена из расположенного в 200 м от них горного озера (Кларк, 1953. С. 193). А на территории Джезказганского рудопроявления вблизи древних горных выработок сохранилась целая система соединенных между собой протоками ям, в которых использовались весенние воды. Причем возле каждой из них находились участки с отходами обогатительного производства (Маргулан и др., 1966. С. 268).

Таким образом, сформированная база данных по деформациям и следам утилизации пригодна теперь для сопоставлений наборов орудий в целом и их отдельных параметров с аналогичными сведениями по другим комплексам срубной общности. В частности, на памятниках Востока Украины отсутствуют довольно своеобразные клинья из трубчатых костей, которых немало на рудниках, освоенных носителями покровско-мосоловской срубной культуры Приуралья (Антипина, 2004). Обогатительные орудия присутствуют исключительно в материалах памятников срубной общности, основой производственной организации которых являлось горное дело – Картамыш, Михайло-Овсянка, Горный, и отсутствуют на поселениях, в материалах которых преобладают свидетельства металлургии и металлообработки (Мосоловское, Усово озеро).

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.

Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 224 с.

Бровендер Ю.М., 2012. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: мат-ли III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ. С. 551–556.

Горащук И.В., Колев Ю.И., 2004. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 89–104.

Гришин Ю.С., 1980. Древняя добыча меди и олова. М.: 1980. 134 с.

Загородня О.М., 2014а. Знаряддя металовиробництва бережнівсько-маївської зрубної культури // Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. 15 с.

Загородня О.М., 2014б. Про призначення однієї з категорії кістяних знарядь Картамишу // Археологія. №1. С. 15–28.

Килейников В.В., 1997. Костяные орудия труда с рудника Червонэ озеро Картамышского рудопроявления // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10: Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 128–135.

Кларк Дж. Г.Д., 1953. Доисторическая Европа: Экономический очерк [пер. с англ. М.Б. Гракова-Свиридова; ред. и предисл. А.Я. Брюсов]. М.: Издательство иностранной литературы. 348 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразба-

ев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 436 с.

Панковський В.Б., 2005. Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного озера-I // Проблеми гірничої археології: Матеріали II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ: ДонДТУ. С. 189–192.

Технологические особенности керамики срубной культуры Самарского Поволжья по материалам раскопок последних лет (2015–2017 гг.)

© 2018 Н.В. Иванова

Аннотация. В течение полевых сезонов 2015–2017 гг. сотрудниками ООО «ГЕФЕСТ» осуществлены охранно-спасательные раскопки на территории Самарской области пяти археологических памятников: селищ Надеждино VI, Тоузаково II, Похвистнево II; курганных могильников Михайловский II (курганы 2, 3, 7), Борма II (курганы 4, 6, 7). Все объекты относятся к срубной культуре позднего бронзового века Самарского Поволжья. По методике А.А. Бобринского проведен технологический анализ приспособительных навыков гончарного производства 180 сосудов, включающих в себя полностью керамические коллекции курганных могильников и выборки поселенческих материалов. В результате получены новые сведения, дополняющие информационную базу как о гончарных традициях носителей срубной культуры в рамках Среднего Поволжья, так и о их контактах с населением сопредельных территорий.

Ключевые слова: бронзовый век, срубная культура, керамика, технологический анализ, гончарные традиции.

В течение полевых сезонов 2015–2017 гг. сотрудниками ООО «ГЕФЕСТ» осуществлены охранно-спасательные раскопки пяти археологических памятников на территории Самарской области: селищ Надеждино VI в Сергиевском районе, Тоузаково II в Кинель-Черкасском районе, Похвистнево II в Похвистневском районе; курганных могильников Михайловский II (курганы 2, 3, 7) в Кинельском районе, Борма II (курганы 4, 6, 7) на границе Кошкинского и Елховского районов.

Сравнительно-типологический анализ находок позволил, в целом, отнести материалы указанных памятников к срубной археологической культуре, носители которой обитали на территории Самарского Поволжья во второй – третьей четверти II тыс. до н. э., что подтверждается датами, полученными в РГПУ им. А.И. Герцена для селища Надеждино VI.

Микроскопическое исследование и фотографирование керамики для приложений к научным отчетам производилось соответственно с использованием МБС–9 (увеличение в 16, 32 раза) и цифрового микроскопа «Levenhuk DTX 90» при увеличении в 18–22 раза в зависимости от калибровки инструмента.

Селище Надеждино VI. По образцам деревянной конструкции из ямы №32 были получены следующие даты (3314±55 BP; 3223±50 BP; 3326±50 BP; 3316±55 BP). Яма 32 представляла собой сооружение конической формы, на дне которого находилась вертикально расположенная колода. В заполнении ямы обнаружены фрагменты 20 сосудов срубной культуры и 3 – сусканской.

В результате исследования слоя селища и перемещенной его части выявлены материалы срубной культуры (около 600 сосудов) и обнаружены фрагменты (около 70 единиц) различных сосудов финальной бронзы.

Сосуды срубной культуры были изготовлены в рамках одной технологической группы, характеризующейся традицией составления формовочных масс из малозапесоченных глин различного происхождения, шамота и органических примесей. Исключение составляют несколько сосудов, изготовленных по рецепту: глина+шлак+шамот+навоз.

Для финальной керамики выявлены следующие рецепты: илистая глина+шамот+дресва из шлака; глина+шамот с тальковой дресвой+дробленая кость+органический раствор; илистая глина+дресва из шлака.

Использование разных видов сырья свидетельствует о бытовании различных *представлений* о сырье у данных групп населения. Это свидетельствует об их различном происхождении, так как представление о сырье является субстратным навыком (Бобринский, 1999. С. 1–109).

На селище было обнаружено чуть более 1100 фрагментов различной величины шлака серого цвета. При исследовании под микроскопом внешние характеристики фрагментов шлака из слоя и частиц из формовочных масс керамики как срубной, так и сусканской совпали.

Курганный могильник Михайловский II. Технологический анализ керамики из погребений показал, что в материалах кургана 3 доминирует *традиция отбора илистых видов глин* и использование их в сочетании с различными искусственными добавками, как органическими (растворы, навоз), так и минеральными (дробленая раковина, шамот). Сложилось впечатление, что изготовители посуды стремились различными путями получить пластичную массу, соответствующую определенным требованиям, но содержащую:

– минимальное количество песка в тесте;

– концентрацию измельченной (естественным образом или искусственно) тонкостенной раковины, не превышающую пропорцию 1/3 (в числителе условная единица объема сырья, в знаменателе – примеси). Следует отметить, что дробленая раковина иногда добавлялась в сырье, уже содержащее раковину, но видимо, в недостаточном для изготовителя количестве;

– концентрацию шамота 1/3–1/4.

– органический жидкий компонент растительно-животного происхождения, в количестве, позволяющем изделию приобретать необходимую прочность и водонепроницаемость, закрепляемую в процессе обжига.

Для получения необходимого состава формовочной массы использовались или глины с искусственными добавками (дробленая раковина и органический раствор), или илистые глины, где раковина и органика выступают природными компонентами массы.

Специфику приспособительных навыков демонстрируют рецепты составления формовочных масс, которые

применялись для изготовления посуды, предназначенной для погребальных действий, у данной группы населения.

Выявлены как сложные рецепты, где каждая примесь несет свою функциональную нагрузку, так и составные, где присутствуют искусственные примеси, дублирующие значение друг друга для свойств формовочной массы. Факт существования составных рецептов является индикатором наличия протекающих процессов смешения. Таким образом, в кургане 3, возможно, похоронены члены одного сообщества, но не однородного, а претерпевавшего на момент создания кургана процессы смешения в рамках существующего поколения.

В составах керамики кургана 7 доминирует устойчивая традиция отбора ожелезненных глин малой степени запесоченности и использование шамота и органики в качестве искусственных компонентов.

Раковина в данных материалах не фигурирует, ни как примесь сырья естественного характера, ни как самостоятельный искусственно подготовленный компонент формовочной массы, ни как составляющая шамота. Для подготовки данной примеси во всех зафиксированных случаях использовались сосуды аналогичных составов.

Материалы кургана 3 предположительно можно отнести к концу среднего – началу позднего бронзового века. Данный период отмечается интенсивностью перемещений и соответственно, смешения различных этнокультурных групп населения на границе лесостепного и степного Поволжья. Вероятно, многообразие (6 вариантов) рецептов отражает формирование традиции использования глины, шамота и органики, распространившейся впоследствии в среде носителей срубной культуры.

Материалы кургана 7 можно с уверенностью отнести к развитому этапу срубной культуры позднего бронзового века.

Селище Тоузаково II. Анализ морфологических и технологических особенностей позволяет сделать вывод об эклектичности керамического материала селища Тоузаково II, которое существовало в контактной лесостепной зоне. Об этом свидетельствует доминирующее количество керамики развитой срубной культуры с одной стороны, и достаточно представительная часть материала финала эпохи бронзы.

Многообразие выявленных традиций, характерных для эпохи бронзы, наличие составных рецептов и материалов, не встречающихся на территории Самарского Поволжья, свидетельствуют о протекании процессов смешения не только внутри социума, обитавшего на селище Тоузаково II, но и о своеобразной подпитке извне этих процессов, в виде устойчивых контактов с населением территорий, расположенных вне лесостепной зоны.

Выявление и исследование памятников, подобных селищу Тоузаково II, несомненно, будет способствовать решению проблемы выделения локальных вариантов срубной культуры в центральных районах лесостепного Поволжья.

Курганный могильник Борма II. Изучение 35 сосудов, обнаруженных в результате раскопок курганов 4, 6 и 7, позволило выявить особенности погребальной посуды.

Орнамент сосуда №40 (курган 7, погребение 9) можно отнести к категории «загадочных знаков» – часть композиции состоит из неповторяющихся фигур.

Исследование состава сосуда №3 (к. 4, п. 3, сосуд 1) на уровне подготовительной стадии – отбора исходного сырья и составления формовочной массы, позволяет сделать предположение об ритуальном назначении емкости.

В формовочной массе в качестве основного пластичного сырья выявлена ожелезненная глина малой степени запесоченности с предположительно естественными минеральными примесями (окатанными слоистыми пластинами глины и включениями мелкозернистого песчаника), представленными в концентрации около 1/2, причем крупность частиц весьма значительная (до 1×1 см).

Подобная «засоренность» глины и, соответственно, хрупкость изделия, свидетельствует, что данный сосуд не был рассчитан на хозяйственное использование.

Морфологические, технологические характеристики и орнаментальные композиции сосудов №1, п. 2; №3, п. 2; №8, п. 7 из кургана 4 и №37, п. 6 из кургана 7 (за исключением размеров) практически полностью совпадают. В составе формовочной массы сосудов в качестве основного пластичного сырья выявлена ожелезненная глина малой степени запесоченности во влажном состоянии с естественной примесью единичных, красноватого цвета, железистых включений около 0,5 мм. Искусственными примесями являются шамот, песок и навоз, их качественные и количественные идентичны.

Селище Похвистнево II. По количеству неповторяющихся по морфологическим характеристикам венчиков можно предположить, что в коллекции находок, полученной в результате раскопок содержатся фрагменты более 420 сосудов.

Для изготовления посуды и других бытовых предметов использовались преимущественно пластичные глины или илистые глины с малой концентрацией естественного песка. В формовочные массы вводились различные искусственные добавки: шамот, прогретая дробленая раковина или кость, органические растворы или навоз животных.

Выявлена группа керамики с довольно редкой для поселенческого материала Самарского Поволжья примесью. Фрагменты 15 сосудов различных форм, имеющих нехарактерную для срубной культуры окраску поверхностей (красно-коричневый цвет приобретен, вероятно, из-за воздействия повторного нагревания) в составе формовочных масс содержат дресву из металлургического шлака.

Шлаковая масса представляет собой пузыристые или плотные стекловидные со стеклянным глянцевым блеском, остроугольные частицы с богатой цветовой гаммой. Доминируют частицы черного или красного с желтоватыми разводами цвета. Последние бывают как замутненные, так и почти прозрачные. Выявлены частицы темно-коричневого, шоколадного цвета. Единичные включения светло серые, пузыристые, как правило самые мелкие. Выявлены частицы частично окисленные, содержащие рудные образования, и поэтому имеющие светло изумрудный цвет патины бронзовых изделий.

Следует отметить, что на территории Самарского Поволжья в керамике из погребальных объектов примесь шлака еще не была зафиксирована.

Изучение новых погребальных и поселенческих археологических объектов бронзового века ведет к расширению информационной базы о гончарных традициях населения, обитавшего в эпоху бронзы на территории лесостепного Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара. С. 1–109.

Материалы досейминского времени с поселения Геологическое III

© 2018 С.Ф. Кокшаров

Работа выполнена по программе УрО РАН №18–6–6–15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири», рук. д.и.н. А.Ф. Шорин.

Аннотация. Поселение Геологическое III расположено в истоках таежной р. Конды в Западной Сибири. На памятнике обнаружены 5 жилищ, с которыми связаны кухонная и технологическая керамика, изделия из камня и металла, имеющие параллели в древностях досейминского периода бронзового века сопредельных территорий Западной Сибири, Урала и Приуралья. Поселок рыболовов и охотников застраивался постепенно от края надпойменной террасы вглубь берега.

Ключевые слова: поселение, жилище, керамика полымьятского типа, односторонняя литейная форма, досейминский период.

Поселение Геологическое III расположено на правом берегу р. Эсс в истоках р. Конды, в 10 км к СЗ от г. Югорска Советского района ХМАО-Югры Тюменской области. В 1980-х годах оно исследовалось 7 раскопами, в которых обнаружены древности мезолита – раннего железного века. Интересующие нас материалы бронзового века выявлены в раскопах I-III, V. С остатками 5 жилищ связана поздняя керамика полымьятского типа и сопутствующие ей находки, отражающие материальную культуру местного населения в начале II тыс. до н. э.

Дома незначительно углублены в грунт, имели подпрямоугольную форму, ориентированы по линии СЗ-ЮВ. Их площадь варьировала от 23 до 48 кв.м. В центре помещений фиксируются остатки очагов-кострищ. Малое количество ямок от столбов может указывать на то, что кровля покоилась на стенах.

Из сооружений и, в большей степени, с межжилищного пространства происходят свыше 90 сосудов полымьятского типа. Это емкости стандартной и индивидуальной формы. Первая группа представлена плоскодонными банками с прямыми стенками, либо открытыми и закрытыми емкостями, а вторая – овальными ладьями, ладьями с усеченной кормой, прямоугольнымиемкостями и небольшими чашами.

Лепка велась ленточным способом. 7 сосудов из коллекции (7,6 %) сформованы на опрокинутых горшках. Доминирующие примеси в глиняном тесте – шамот и дресва в виде дробленой каменной крошки.

Собранная коллекция относится к поздней полымьятской керамике. Ее отличает геометрический орнамент с узорами в виде рассеченных сеток с ромбическими и шестиугольными ячейками. Нередко они входят в состав бордюров, опоясывающих тулово. Локальной особенностью керамики изученного памятника является то, что на ней почти отсутствуют узоры, выполненные в технике шагающей и протащенной гребенки. Они характерны для нижнекондинского полымьятского поселения Пашкин Бор I, где она была впервые атрибутирована. Примечательно, что посуда с последнего имеет наибольшие соответствия по декоративно-морфологическим признакам с кротовской, степановской и ташковской керамикой южных районов Западной Сибири. Напротив, наличие ладьевидных форм и геометрических узоров, включая «сотовые» фигуры, сближает керамику поселения Геологическое III с комплексами сартыньинской культуры рр. Северная Сосьва и Нижняя Обь (Васильев, 1983. С. 45–53. Рис. 4: 1, 4–5; 6а-в) и материалами поселения Синегорье I на р. Цильме (Зеленский, 2015). Северные контакты обитателей Геологического III отражает инокультурная посуда, относимая к арктическому типу вары-хадыта (Васильев, 2011. С. 212–214. Рис. 1; Кудрич, 2011. С. 233. Рис. 1).

Технологическая керамика представлена фрагментами трех односторонних матриц. Они отнесены к двум типам по конфигурации выема для удержания расплавленного металла. В форме первого типа мог отливаться слиток в виде эллипса, а в форме второго типа – в виде равнобедренной трапеции. Аналогичные матрицы происходят с других памятников досейминского периода бронзового века, изученных на территории севера Западной Сибири и районов Восточной Европы, входивших в состав ЦМП (Кокшаров, Погодин, 2005. С. 105, 109–110. Рис. 7: 1–3).

Каменный инвентарь (557 ед.) демонстрирует полный цикл расщепления местного галечникового сырья с преобладанием кварца. Вещи из кремнистых пород немногочисленны и представлены морфологически выраженными орудиями: наконечниками стрел, скребками, остриями. Макроорудия (абразивы, песты, т.н. диски) выполнены из валунов, галек и плиток

В жилище 1 найден обломок асимметричного двулезвийного ножа из бронзы. По морфологическим особенностям и химическому составу металла он обнаруживает аналоги в материалах синташтинской и петровской культур (Кокшаров, 2012. С. 28–31. Рис. 1: 4).

В межжилищном пространстве раскопа V обнаружена яма VIII, заполненная костями северного оленя. По заключению П.А. Косинцева, останки принадлежали 13 особям, большая часть которых молодые животные, забитые в конце лета – начале осени (Кокшаров, 1992. С. 7).

Стратиграфические ситуации, зафиксированные ранее на поселении Геологическое III (Кокшаров, 2011. С. 79. Рис. 1) и могильнике Сатыга XVI (Кокшаров, 2013. С. 135–136), основной комплекс которого отнесен к сейминскому времени, свидетельствуют о досейминском возрасте интересующих нас материалов. Этому не противоречит в целом и облик бытовой и технологической керамики, изделий из камня и металла.

Особенности построек, обилие находок на межжилищном пространстве, характер инвентаря и археозоологические остатки дают основания для отнесения изученного объекта к числу сезонных промысловых лагерей таежных рыболовов и охотников. Наблюдения над распределением керамики указывают, что на поселении одновременно функционировали одно или два жилища. Кроме основной промысловой деятельности обитатели поселения находили время для добычи и обработки галечникового сырья, ремонта посуды и литья металлических предметов. Формовка керамики на горшках-шаблонах, облик матриц для литья металлических заготовок и химический состав металла свидетельствуют о наличии опосредованных контактов с западными и южными популяциями.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Е.А., 1983. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 40–62.

Васильев Е.А., 2011. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: Новгородский технопарк. Т. I. С. 212–214.

Зеленский В.С., 2015. Памятник эпохи бронзы Синегорье I на Цильме // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. XIX. С. 39–52.

Кокшаров С.Ф., 1992. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН. С. 3–17.

Кокшаров С.Ф., 2011. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат. С. 75–90.

Кокшаров С.Ф., 2012. Первый металл Конды // ВААЭ. №4 (19). С. 27–42.

Кокшаров С.Ф., 2013. Факты, комментарии, интерпретации // ВААЭ. №2 (21). С. 133–149.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А., 2005. Мастерская бронзового века на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (22). С. 100–113.

Кудрич О.С., 2011. Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту-раннему бронзовому веку низовий Оби // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; М.; Вел. Новгород: ОАО «Новгородский технопарк». С. 233–234.

Зауральские клады эпохи бронзы: состав, хронология, контексты

© 2018 О.Н. Корочкова

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16–06–00174 а.

Аннотация. В тезисах рассматриваются зауральские клады бронзового века. Их различные статусы – «экономические возвратные» и вотивные, имеют евразийские параллели. Клады свидетельствуют о формировании универсальной практики депонирования престижных изделий и новых мировоззренческих адаптациях, обусловленных кардинальными переменами в образе жизни человека бронзового века.

Ключевые слова: бронзовый век, Урал, Западноазиатская металлургическая провинция, клады.

Клады являются универсальной формой знакового поведения и широкое распространение получают в эпоху металла. Особую информацию несут именно изделия из металла: из него делали оружие и орудия, украшения и сосуды, позднее монеты.

Что считать кладом? Вопрос не праздный, т.к. условия находок, комплектность и адресаты самые разнообразные. По мнению авторов «Археологического словаря» – это «... набор предметов (монеты, бронзовые изделия, драгоценные металлы, редко керамика), спрятанные в земле или в другом недоступном месте. Погребальный инвентарь кладом не считается» (Брейд, Трамп, 1990.С. 111). Основными признаками клада являются комплектность и компактность, т.к. клад – это, как правило, депонирование престижных, ценных предметов. Представления о престижности, понятно, диктовались реалиями эпохи, исторической ситуацией, модой, обстоятельствами, торговыми связями. В этом смысле клады – специфическая знаковая система, несущая многоплановую информацию: о морфологических, технологических приоритетах и уровне металлопроизводства, информационных связях, иерархии, формах собственности, обрядовой практике.

Зауралье, где бронзовый век начинается в начале II тыс. до н. э., до недавнего времени оставалось как будто в стороне от «кладовой традиции». Однако буквально в последние годы ситуация кардинально изменилась. Обнаружено несколько комплексов, которые с разной степенью уверенности можно рассматривать как намеренно депонированные.

Прежде всего, это находки у дер. Гладунина (Пуховая) на правом берегу реки Суерь (приток Тобола) Белозерского района Курганской области – восемь бронзовых и медных вещей (Рис. 1: 1–8). Вещи расчищены на глубине 0,25–0,45 см в такой последовательности: сверху два ножа, под ними кинжал со сломанной пополам металлической рукоятью (обломок рядом), кельт и долото, внизу три серпа (Корочкова и др., 2013)

Два комплекта обнаружены на Прыговской дюне в пойме р. Исеть (приток Тобола) в Шадринском районе Курганской области (Корочкова и др., 2017). Первый включал два клиновидных орудия, вставленных друг в друга (Рис. 1: 9, 10), второй – плоский топор-тесло, сломанное на две части шило, подвеску из створки раковины и массивное клиновидное орудие (Рис. 1: 11–15).

Депонированный характер данных наборов очевиден. Типология металлических изделий и география адресуют к ранним фазам алакульской культуры. Клады абсолютно индивидуальны, но при этом их объединяют некие общие черты. В их составе присутствуют достаточно редкие для своего времени и своей территории изделия: копьевидные

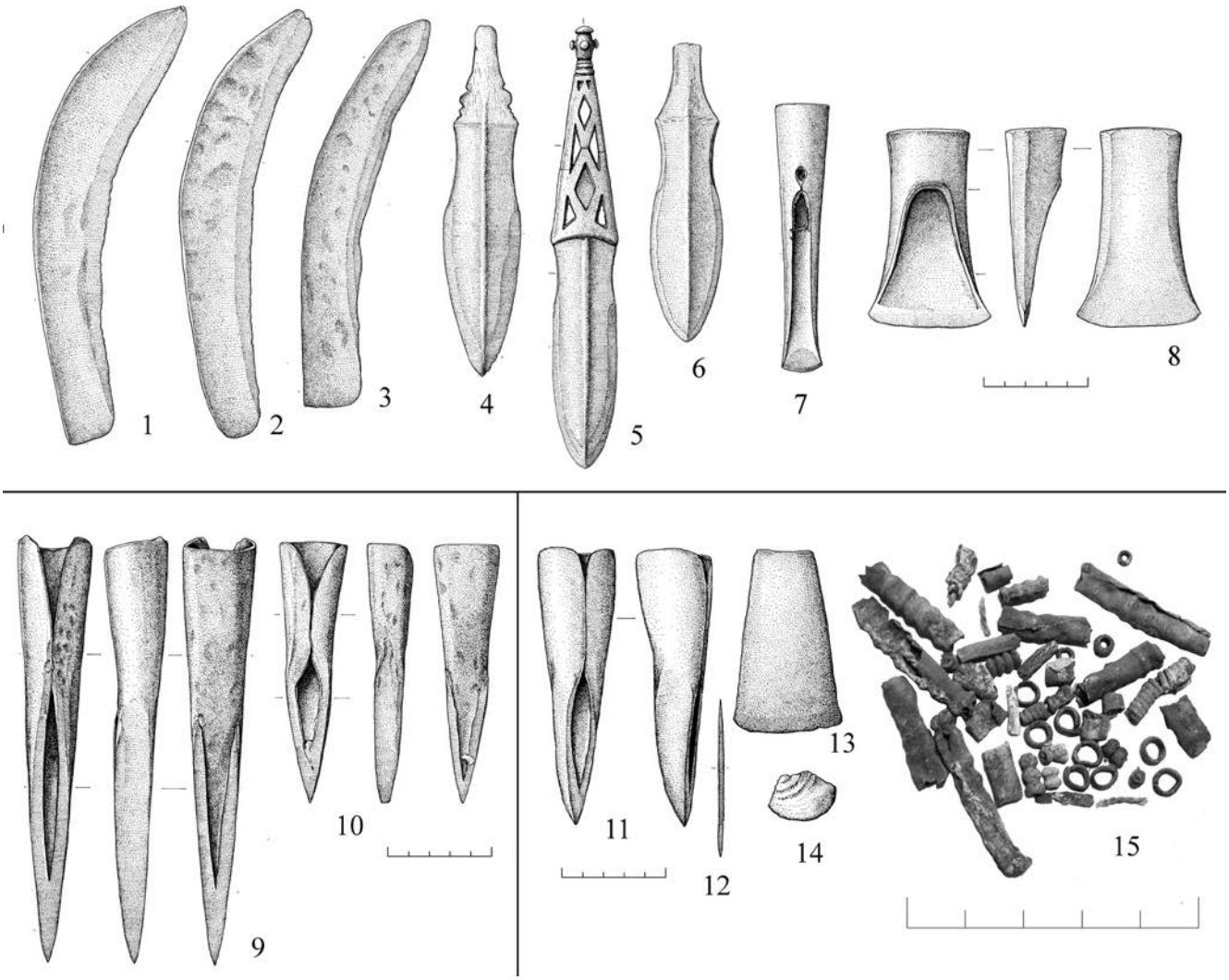


Рис. 1: 1–8 – Гладунинский клад; 9–10 – комплект 1 Прыговский клад, 11–15 – комплект 2 Прыговский клад (1–13, 15, медь, бронза; 14 – раковина).

орудия, кельт с пещеркой, кинжал с прорезной рукоятью, массивные серпы. Это солидные по урало-сибирским меркам собрания, составленные из металлоемких знаковых предметов той поры. Все орудия хорошей сохранности, а некоторые, похоже, даже не были в работе. Комплекты не относятся к разряду наборов длительного накопления, они составлены из вещей достаточно узкого хронологического горизонта. Собрания имели высокую ценность. При этом они отражают магистральные черты металлообработки региона, характеризуют ее уровень, сортамент, специфику. Зауральскую металлообработку, сложение которой происходило в первой трети II тыс. до н. э., отличает сплав разных технологических традиций: с одной стороны – это традиции циркумпонтийских технологий, которые получили развитие в степных производящих центрах, с другой – инновационные разработки мастеров сейминско-турбинского круга.

Гладунинский клад вполне отвечает статусу «возвратных экономических кладов». Для убедительной трактовки данной версии необходимы серии, обладающие повторяющимися признаками. Однако известные сейчас немногочисленные свидетельства доказывают, что в лесостепном Зауралье в эпоху бронзы появляются универсальные практики депонирования металлических предметов. Они отражают принципиальные изменения в экономике, отношениях собственности, а также мифоритуальной сфере в обществах, перешедших к производящему хозяйству и вступивших в стабильную фазу эпохи палеометалла. В предшествующий период, отмеченный существованием памятников синташтинского и петровского типа, большое количество металла отчуждалось в сакральную сферу. Более 90 % от общего числа известных предметов обнаружены в погребениях. В некрополях алакульской культуры количество металлоемких предметов резко сокращается, металл представлен преимущественно украшениями.

Отмеченная картина вполне определенно демонстрирует изменившиеся в обществе отношения к металлу. Если на предыдущей стадии (синташта-петровка) они складывались преимущественно в иррациональном ракурсе, подтверждая «третий закон Кларка»: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии», то теперь, в фазе стабильного развития (алакуль), металл становится средством институализации богатства и собственности (личной, родовой, территориальной).

Прыговские находки также можно интерпретировать как клады. Настораживает одно обстоятельство – автономность комплектов. Они расположены в 6 м друг от друга. Известны ли близкие археологические ситуации? Да, известны. Эта картина отчасти напоминает ту, что зафиксирована на святилище Шайтанское Озеро II в Среднем За-

уралье (Сериков и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010; 2013), где на площади около 1000 кв.м рассредоточено несколько десятков различных комплектов металлических изделий. Среди них – несколько «рассеянных» многопредметных, но большинство – «точечные» из одного-двух-трех изделий, в том числе вставленных друг в друга, воткнутых вертикально. Некоторые находились в непосредственной близости друг от друга (менее метра), другие были отнесены от ближайших более чем на 10 м. Святилище представляло собой место приношения вотивных даров. Судя по радиоуглеродным датам – 2000–1650 гг. до н. э. (Черных и др., 2017.С. 52), оно действовало в течение длительного времени. Аналогии между Прыговскими кладами и Шайтанским Озером II правомерны еще и потому, что некоторые детали (типология изделий, контексты) позволяют достаточно уверенно рассматривать их в рамках одного хронологического горизонта.

Различные статусы зауральских кладов («экономические возвратные» и вотивные) имеют евразийские параллели (Бочкарев, 2002) и свидетельствуют о формировании новых мировоззренческих адаптаций, обусловленных кардинальными переменами в образе жизни человека бронзового века, вызванных последствиями целой череды инноваций (скотоводство, металл, транспорт), которые стимулировали демографические процессы, информационные связи, миграции.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В.С., 2002. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 45–54.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2010. Культовый памятник на Шайтанском озере (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. №4. С. 127–138.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 2013. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по итогам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. №1. С. 87–96.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А., 2013. Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. №2 (39). С. 129–136.

Корочкова О.Н., Спиридонов И.А, Стефанов В.И., 2017. Прыговские находки // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. №5 (1). С. 63–72.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (38). С. 67–78.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б., 2017. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (45). С. 45–55.

Новые междисциплинарные исследования памятников эпохи бронзы в верховьях р. Карагайлы-Аят в Южном Зауралье

© 2018 Л.Н. Корякова, С.В. Шарапова, М.К. Карапетян, Е.А. Булакова, И.В. Молчанов, Э. Столярчик, А.Ю. Рассадников, Н.В. Солдаткин, М.Н. Анкушев, П.А. Косинцев, Д.В. Киселева, А.В. Якимов

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ: проект №161810332 «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. КарагайлыАят)» (Е.А. Булакова, Э. Столярчик – участие в полевых и камеральных работах, Д.В. Киселева – изотопные исследования, М.К. Карапетян – антропологические определения, А.В. Якимов – почвоведение).

Аннотация. В статье кратко излагаются некоторые результаты междисциплинарных исследований памятников эпохи бронзы в верховьях р. Карагайлы-Аят, предпринятые с целью изучения компонентов образа жизни обитателей региона. Речь идет о материалах срубно-алакульского могильника, а также об аналитических работах, касающихся хозяйства, местообитания, питания и здоровья.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, поселения, могильники, образ жизни.

В 2016–2017 гг. междисциплинарной группой проводились исследования полевого и аналитического уровня, сконцентрированные на изучении материалов памятников эпохи бронзы, расположенных в верховьях р. Карагалы-Аят, в окрестностях д. Неплюевка и д. Коноплянка. Исследования нацелены на изучение компонентов образа жизни населения указанного региона во II тыс. до н. э. Исходя из специфики археологического источника, понятие образа жизни нами определяется как система форм и состояния повседневной жизни людей или как совокупность типичных условий жизни, норм, взаимоотношений людей, их связи с окружающей средой. Сложность изучаемого явления предопределяет междисциплинарный характер и многоаспектность исследований. В связи с форматом издания, мы коротко коснемся только некоторых из них.

Геофизические работы проведены на нескольких открытых поселениях, представленных рядами расположенных вдоль берега прямоугольных жилищ, и на могильнике Неплюевский, состоящем из 38 курганов (Федорова, Носкевич, 2017). Раскопками изучены три кургана и обследованы близлежащие поселения. Малые курганы 5 и 9 содержали два и четыре детских погребения соответственно и несколько ям с сосудами. У четырех из шести погребенных индивидов выявлены различные патологии (воспаление надкостницы, cribra orbitalia и зубные заболевания) и поражения, повлекшие за собой нарушения развития черепа (Шарапова и др., 2016; Луайе, Шарапова, 2017).

Под насыпью кургана 1 обнаружено 42 индивидуальных и коллективных погребения детей и взрослых, совершенных по обряду ингумации скорченно на боку, а также 9 ям с керамическими сосудами. Практически все исследованные объекты были перекрыты каменными плитами. Геолого-минералогический анализ показал, что плиты толщиной 10–30 см сложены гранитами мусковитовыми,

диоритами биотитовыми, амфиболитами. Первые две разности слагают периферию Варшавского гранитоидного массива, третья – ксенолиты базальтоидов в краевой части массива. Месторождения этих камней расположены в 3–5 км от памятника (Зайков и др., 2017).

Расчистка погребений сопровождалась археотанатологическим анализом, в ходе которого внимание уделялось определению постпохоронных процессов – разложению тканей и связок, смещению костных элементов, сохранности костей и формированию тафокомплекса. Определены три вида сохранности костных элементов: намеренные ограбления, разрушенные норными животными и плохо сохранившиеся детские погребения. Установлено, что намеренное разрушение части захоронений происходило до времени полного истлевания тканей и связок, когда кости находились в сочленениях.

Особое внимание уделялось изучению останков людей. В кургане 1 захоронены останки минимум 44 индивидов, из них 28 (64 %) относятся к детскому и подростковому возрасту. Из 16 взрослых (старше 18 лет), погребенных в кургане, 6 отнесены к мужскому и 5 – к женскому или вероятно женскому полу; пол остальных индивидов не установлен из-за недостаточности данных. Среди детей и подростков 54 % приходится на детей в возрасте до двух лет. Определены пол, возраст, отмечены имеющиеся патологии как свидетельства определенных болезней или увечий. Наиболее частые заболевания, следы которых фиксируются на костях, следующие: 1) гипоплазия эмали зубов (врожденный порок недоразвития зуба или его тканей, обусловленный нарушением обмена веществ у плода или воздействием стрессовых факторов на организм ребенка в период формирования зубной системы); 2) патологии позвоночника (спондилез, грыжи позвоночных дисков); 3) дегенеративно-дистрофические изменения на костях и суставах; 4) порозный гиперстоз; 5) *Cribra orbitalia*, возникающая как следствие анемии различной этиологии; 6) периостит (воспаление надкостницы); литические изменения кости как признак опухоли кости; 7) последствия различных травм. С другой стороны, в исследуемой выборке не зафиксированы случаи детской цинги, кариеса, остеологически фиксируемых проявлений рахита, что заставляет думать об относительно благоприятных условиях жизни. Отсутствие травматических поражений, относимых к категории боевых, позволило предположить более или менее спокойное внешнее окружение, без проявлений агрессии. Однако стоит заметить, что большинство переломов обнаружено на останках, определенных как женские или вероятно женские.

На основании ключевых биофильных элементов (фосфора, кальция) можно утверждать, что в питании детей (курганы 5, 9) преобладала молочная и мясная пища. Судя по состоянию зубной системы людей из кургана 1 могильника, питание должно было включать средне- и слабо абразивную пищу, низкое содержание углеводов и высокое содержание протеинов или крахмала.

Биоархеологический подход, реализуемый в рамках проекта, и возрастающий интерес к подобным исследованиям формируют иную исследовательскую парадигму, которая позволяет обратиться к рассмотрению образа жизни как в масштабах популяции в целом, так и отдельно взятых индивидов (Луайе, Шарапова, 2017).

Есть основания предполагать, что социальный статус погребенных под насыпью кургана №1 маркировался не материальными символами (погребального инвентаря, кроме сосудов, немного), а, вероятнее всего, трудозатратами на возведение тех или иных погребальных конструкций, в частности, массивностью каменных плит и размерами надмогильного выкида.

Выполнен морфологический анализ почв из бровки кургана №1 и фонового разреза из шурфа к югу от кургана. Некоторые выводы почвоведов хорошо согласуются с археологическими наблюдениями. В частности, установлено, что в процессе сооружения кургана дернина (не менее 4 см) с верхней частью гумусового горизонта (не менее 5 см) были срезаны. Таким образом, не менее 9 см верхней части профиля подкурганной почвы было удалено. Данное обстоятельство отличает курган 1 от меньших по размерам курганов 5 и 9, где захоронения совершались на неподготовленной поверхности. Допустимо предположить, что отдельные погребения, равно как и группы погребений, маркировались на поверхности, а затем присыпались.

Судя по керамике и основным чертам погребального обряда, могильник был некрополем родственной группы населения, культура которого по археологической терминологии определяется как срубная в срубно-алакульском варианте.

Для изучения связи обитателей долины верхнего течения р. Карагайлы-Аят с окружающей средой в ходе проекта произведен сбор образцов современных растений и почв для создания базы эталонов по изотопам C^{13} и N^{15}. Морфологический облик погребенных почв позволяет предположить, что первичными ландшафтами здесь были лесостепные, которые затем сменились на степные. Не исключено, что исчезновение лесов и длительное существование открытых ландшафтов имеет не природную, а антропогенную основу: люди вырубили леса для хозяйственных нужд, а затем интенсивный выпас скота не давал восстановиться деревьям.

Жилая среда, основным элементом которой является архитектура, – очень важный сегмент образа жизни. В ходе исследования определена тенденция развития жилой архитектуры на протяжении «жизни» укрепленного поселения Каменный Амбар, раскопанного международным коллективом в 2007–2013 гг. Постоянные, конструктивно сложные постройки синташтинско-петровской традиции, требующие больших трудовых ресурсных затрат, свидетельствуют в пользу оседлости, реализованной в благоприятной ландшафтно-климатической обстановке, реконструированной по данным археоботаники и археозоологии. Существование и поддержание сложной и системной архитектуры было невозможно без коллективной ответственности обитателей поселения в первый (синташтинско-петровский) период. Во втором периоде обитания (срубно-алакульском) модель стандартного поселения кластерного типа уступила место модели с псевдо-регулярной и хаотической застройкой и упрощенной, но функционально более разнообразной архитектурой. Увеличилось значительно число открытых поселений, среди которых различаются как минимум две категории: обширные постоянные поселки с большими жилищами (Коноплянка) и малые, обитаемые непостоянно стоянки, посещаемые с целью выполнения специализированных работ. Кроме того, в других регионах есть пастушеские стоянки. Увеличение количества населения, оставившего памятники срубной и срубно-алакульской традиций, подтверждается также большими многомогильными некро-

полями, каковым является Неплюевский могильник (Корякова, 2017).

Основой системы жизнеобеспечения населения бассейна р. Карагайлы-Аят было животноводство, скорее всего, придомного типа и относительно высокого уровня. Данные палеоботаники не выявили следов земледелия. Главным домашним копытным у обитателей поселений был крупный рогатый скот, представленный коровами, быками и волами, которые, если судить по соответствующим патологиям на костях, использовались в качестве рабочих животных. От них же в основном население получало мясо и молоко. Скот содержался в удовлетворительных условиях, хотя иногда испытывал недостаток минеральных веществ, что проявлялось в явлении остеофагии (Рассадников, 2017).

Охота значительно уступала животноводству. Система питания, скорее всего, включала мясо домашних копытных, молочную продукцию крупного и мелкого рогатого скота, в значительно меньшей мере, рыбу (Рассадников, 2016). Данные изотопного анализа не противоречат этому. Употреблялись в пищу также все съедобные растения.

Определен элементный и изотопный состав стронция в костных и зубных тканях человека и домашних животных из раскопок укрепленных поселений Каменный Амбар и Коноплянка, а также могильника Неплюевский. Изотопные отношения стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ в эмали домашних животных близки к отношениям в окружающей геологической обстановке, что может свидетельствовать о происхождении исследованных животных из одной местности, а также об отсутствии их прижизненных перемещений на значительные расстояния с целью выпаса (Киселева и др., 2017).

Исследования продолжаются.

ЛИТЕРАТУРА

Зайков В.В., Филиппова К.А., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Булакова Е.А., Солдаткин Н.В., 2017. Геохимия магматических пород из археологических памятников Южного Урала (данные ICP-MS) // Геоархеология и археологическая минералогия. №4. С. 69–76.

Киселева Д.В., Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Косинцев П.А., Зайцева М.В., Стрелецкая М.В., Чередниченко Н.В., Фокина А.К., Шагалов Е.С., 2017. Определение микроэлементного и изотопного состава sr в образцах костной и зубной ткани человека и животных из археологических памятников Южного Урала эпохи бронзы // Геоархеология и археологическая минералогия. №4. С. 41–46.

Корякова Л.Н., 2017. К вопросу о жилой среде и образе жизни населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам раскопок в бассейне р. Карагайлы-Аят) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. Барнаул: АлтГУ. С. 533–534.

Луайе Ж., Шарапова С.В., 2017. Палеопатологии детей из погребений бронзового века (на примере могильника Неплюевский) // УИВ. №1 (54). С. 103–112.

Рассадников А.Ю., 2016. Система мясного питания древнего населения позднего бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим материалам) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 16. №1. С. 110–115.

Рассадников А.Ю., 2017. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // ВААЭ, №2 (37). С. 163–168.

Федорова Н.В., Носкевич В.В., 2017. Геофизические исследования курганов Неплюевского археологического комплекса (Южный Урал) // Уральский геофизический вестник. №1. С. 52–59.

Шарапова С.В., Гольева А.А., Корякова Л.Н., Краузе Р., Луайе Ж., 2016. Детские погребения могильника Неплюевский в Южном Зауралье (предварительные результаты) // Экология древних и традиционных обществ. Материалы V международной научной конференции г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 70–73.

Шарапова С.В., Булакова Е.А., Луайе Ж., Солдаткин Н.В., Якимов А.С., 2017. Биоархеология детских погребений бронзового века (по материалам курганов №5 и 9 могильника Неплюевский в Южном Зауралье) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. Барнаул: АлтГУ. С. 1155.

Бронзовый кинжал из могильника Степное VII – индикатор культурных взаимосвязей в эпоху поздней бронзы в Южном Зауралье

© 2018 Е.В. Куприянова, С.В. Таскаев

Аннотация. Междисциплинарные исследования бронзового кинжала из петровско-алакульского могильника Степное VII (Южное Зауралье) свидетельствуют о существовании в районе расположения памятника контактной зоны между металлургами северной периферии синташтинско-петровского мира с представителями сейминско-турбинского транскультурного феномена.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, алакульская культура, петровская культура, металлургия.

В 2016 г. в алакульском погребении 1 комплекса 8 могильника Степное VII (Пластовский район Челябинской области) был обнаружен уникальный бронзовый кинжал (Куприянова, 2017). Результаты междисциплинарных исследований и контекстного анализа этого предмета представляют новые данные об уровне технологий и межкультурных контактах племен эпохи бронзы в Южном Зауралье.

Погребальный комплекс 8 является бикультурным: изначально было сооружено петровское погребение 2, окруженное кольцевым рвом, в южном секторе которого впоследствии сооружено алакульское погребение 1, вокруг которого пристроен полукольцевой ров. Весь комплекс имеет форму восьмерки с двумя центральными ямами, относящимися к различным археологическим культурам – петровской и алакульской. В алакульском погребении 1 находилось захоронение двух подростков в богатых костюмах, сопровождаемое парным жертвоприношением лошадей и богатым инвентарем. Встраивание могилы в

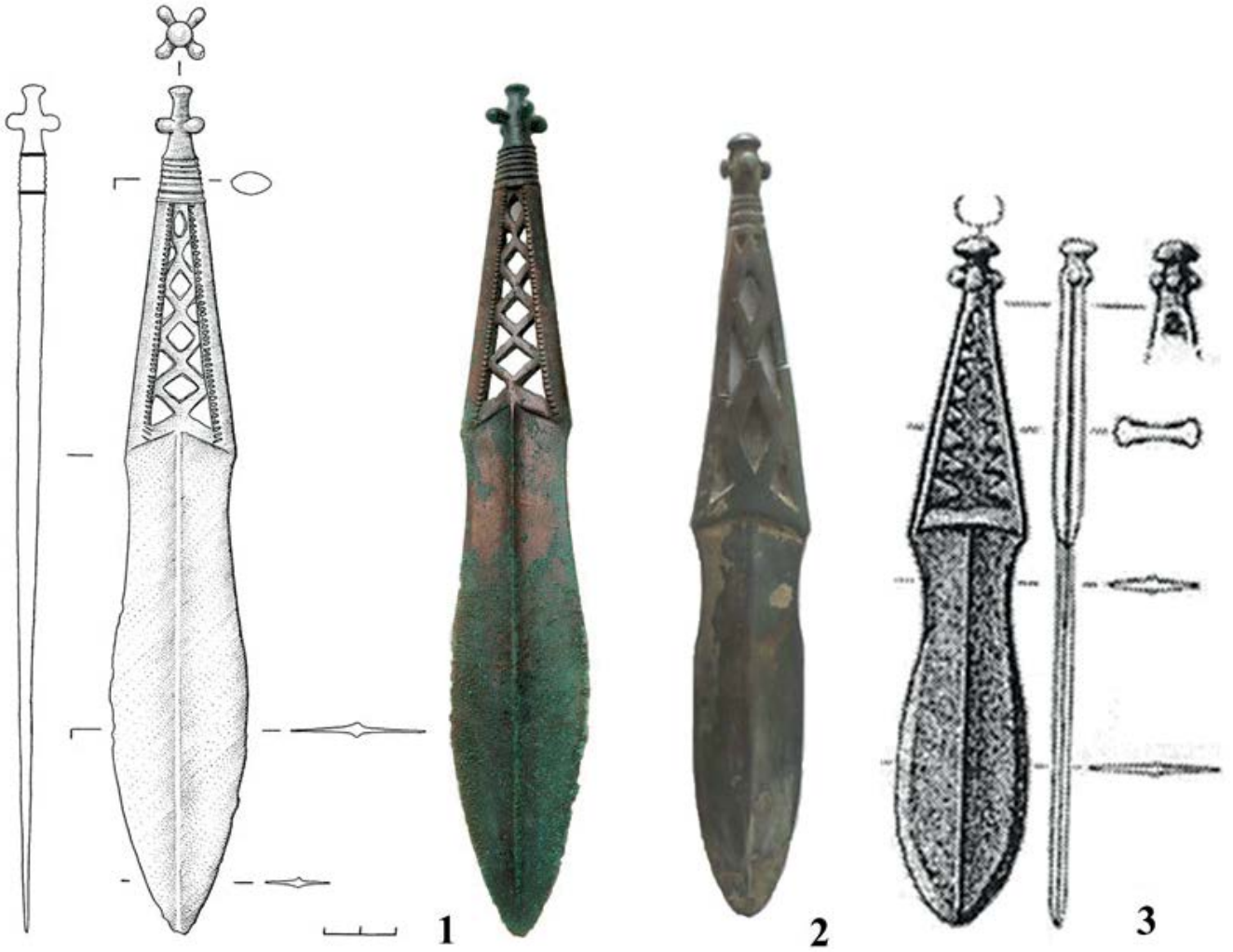


Рис. 1. Ритуальный кинжал из комплекса 8 могильника Степное VII (1) и его ближайшие аналогии (2 – Гладунинский клад, по: Корочкова О.Н. и др., 2013; 3 – Шайтанское Озеро II, по: Сериков Ю.Б. и др., 2009).

петровский погребальный комплекс свидетельствует о желании алакульского населения продемонстрировать причастность к петровской культурной традиции. Об этом же свидетельствуют архаичная форма украшений, помещенных в могилу, и жертвоприношение целых туш лошадей, характерное для петровского ритуала, но редко отмечаемое в алакульских комплексах. Можно предположить, что кинжал, находившийся в погребении, также был изготовлен в петровский период.

Кинжал (Рис. 1) представляет собой изделие из бронзы с металлической прорезной псевдоприлитой рукоятью. Имеет тонкое лезвие листовидной формы с перемычкой и выраженным ребром жесткости. Рукоять обладает навершием сложной формы в виде четырех шишечек и вертикального грибовидного выступа над ними. Под навершием расположены шесть желобков, опоясывающих рукоять. Ниже расположен вертикальный прорезной узор в виде цепочки ромбов, заключенных между наклоненными под углом перекладинами, составляющими края рукояти.

Оптическая микроскопия поверхности позволила установить технологию изготовления кинжала – по выплавляемой модели в утрачиваемой глиняной форме без последующей доработки (ковки, шлифовки и заточки лезвия). Следы вторичного использования на предмете отсутствуют, кроме трещины на лезвии, возникшей от сильного удара клинком. Кинжал был изготовлен мастером высокого класса специально для совершения конкретного жертвенного ритуала и использовался лишь один раз по прямому назначению – перед помещением в погребение.

Элементный состав материала определялся методом рентгенофлуоресцентной энергодисперсионной спектрометрии, а также методами рентгеноструктурного и рентгенофазового анализов. Кинжал изготовлен из среднелегированной оловянной бронзы. Концентрация олова в сплаве составляет 7,9–10 %; меди – 88,6–90,9 %. Примеси других элементов незначительны – 1 и менее %. Следовые количества тяжелых металлов в результатах анализа, скорее всего, могут быть примесями, изоморфно замещающими атомы меди или олова в исходных рудах, используемых при выплавке бронзы.

Ранее были проведены исследования состава металла обширной серии предметов из могильника Степное VII методом экспресс-анализа (Doonan, 2015). Химический состав металла кинжала сходен с серией орудий из петровских погребений могильника Степное VII, некоторые из которых аналогичны по типологии предметам из сейминско-турбинского круга памятников. Ближайшими аналогиями по внешнему виду являются два предмета: кинжалы из Гладунинского клада (Курганская область) (Корочкова и др., 2013) и памятника Шайтанское Озеро II (Свердловская область) (Сериков и др., 2009). Несмотря на то, что схожие изделия ранее были классифицированы Е.Н. Чер-

ных и С.В. Кузьминых в массиве сейминско-турбинских бронз (Черных, Кузьминых, 1989. С. 114–116), гладунинский кинжал связывается авторами публикации с кругом алакульских памятников, а исследователи металлических изделий с Шайтанского Озера склоняются к тому, что турбинские связи не сыграли заметной роли в формировании этого памятника (Кузьминых и др., 2015. С. 92). К тому же, сравнение внешнего облика и технологии изготовления степнинского кинжала с его ближайшими аналогами указывает на более высокое мастерство, с которым он сделан.

Очевидно, что в эпоху бронзы существовала обширная контактная зона, связывавшая различные центры металлургического производства. Район села Степное, на берегу реки Уй, у начала огромного лесного массива Санарского бора с его обширными месторождениями руд и минералов, относится к приграничью лесостепного мира и обитателей степи, и во все времена был зоной контактов племен с различными хозяйственными укладами. Население, проживавшее в пограничной зоне (в частности, петровские племена, создавшие памятники у с. Степное), являлись медиатором между южными и северными территориями по обмену технологиями металлообработки и, возможно, поставкам оловянной лигатуры с северных уральских месторождений. Судя по всему, кинжал из комплекса 8 могильника Степное VII был сделан местными мастерами, но воплощенная в нем модель, встречающаяся на обширной территории севернее, говорит о том, что в данном случае речь идет не о прямом импорте предметов, а об импорте идей и образов, общей среде и связях между металлургами северной периферии синташтинско-петровского мира с представителями сейминско-турбинского транскультурного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А., 2013. Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. №2 (39). С. 129–136.

Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., 2015. О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал) // КСИА. Вып. 241. С. 89–94.

Куприянова Е.В., 2017. Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 90–103.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (38). С. 67–78.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.

Doonan R., 2015. Compositional analyses of metalwork from Stepnoye VII cemetery and kurgan 4 Stepnoye I cemetery // Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. С. 188–194.

Взаимодействие срубных и андроновских племен в Предуралье: социальный аспект

© 2018 Л.В. Купцова

Работа выполнена в рамках реализации проекта №33.1389.2017.

Аннотация. В эпоху поздней бронзы на территории Предуралья отмечены интенсивные межкультурные контакты. Массовым материалом, по которому можно судить о них, является керамика. В некрополях срубной культуры сосуды с инокультурными признаками в основном фиксируются в женских захоронениях и практически отсутствуют в мужских. Погребения, содержащие сосуды с андроновскими чертами, редко располагаются в центре подкурганной площадки и практически не содержат иного инвентаря.

Ключевые слова: Предуралье, срубная культура, андроновские культуры, межкультурное взаимодействие.

Для написания работы были привлечены материалы некрополей (Рис. 1), где были обнаружены срубные и срубно-андроновские захоронения, культурная принадлежность которых маркируется, как правило, керамикой (срубной, алакульской, срубно-алакульской, с признаками федоровского гончарства).

Соответственно культурной атрибуции помещаемых в захоронения сосудов все погребения были поделены на две группы: 1) могильные ямы, в которые помещалась только срубная керамика (группа 1 – 56 %); 2) могильные ямы, включающие керамический материал, характеризующийся инокультурным (андроновским) компонентом (группа 2 – 24,8 %). Замечено, что наибольшее количество посуды с признаками алакульского гончарства найдено в некрополях, близко расположенных к Каргалинским медным рудникам (Рис. 1: 4, 5, 6, 7). Также выделены захоронения без посуды (18,4 %) и погребения, в которых находилась неопределимая керамика (0,8 %).

Половозрастные данные по анализируемым комплексам отражены в таблице 1. Здесь же приведены сведения о культурной принадлежности посуды, сопровождающей захоронения.

Большинство мужских захоронений относится к 1 группе, следующими по численности следуют комплексы без керамики, сосуды с инокультурными признаками в мужские погребения практически не помещались.

Женские погребения, как правило, относятся ко 2 группе, чуть в меньшем количестве выявлены погребения 1 группы и комплексы без керамики.

Все парные комплексы относятся ко 2 группе, что подтверждает высказанное Я.В. Рафиковой мнение о том, что обряд погребения мужчины и женщины лицом к лицу в «позе объятий» имеет алакульское происхождение (Рафикова, 2008. С. 6,11).

В подростковых, детских комплексах и в могилах взрослых индивидов, пол которых не определен, ситуация

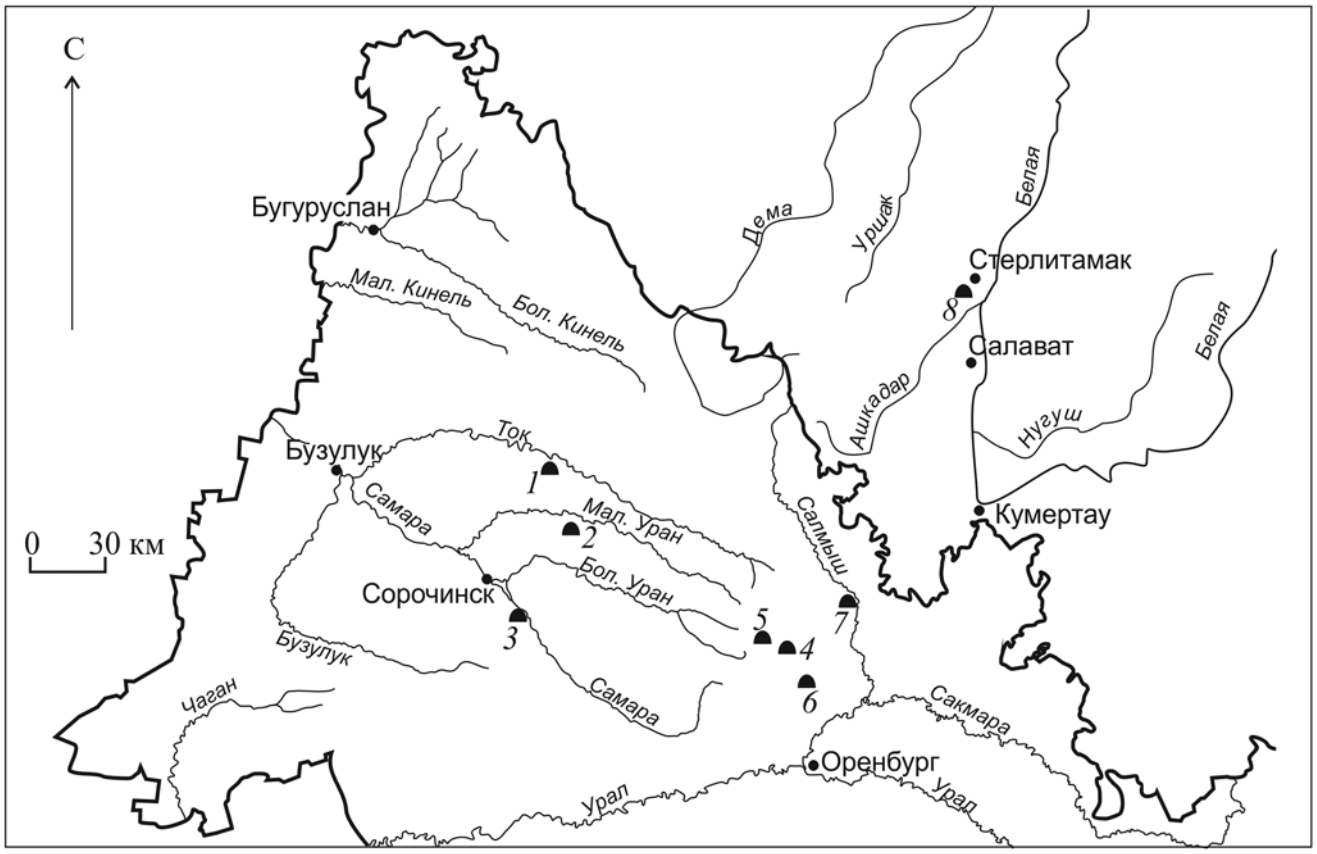


Рис. 1. Памятники Предуралья со срубными и срубно-андроновскими захоронениями: 1 – II Плешановский КМ (Крюкова и др., 2012); 2 – Боголюбовский КМ (Моргунова и др., 2014); 3 – Бурдыгинский КМ (Зудина, Кузьмина, 1978); 4 – Комиссаровский КМ (Богданов, 2005): 5 – Першинский КМ (Богданов, 2005а); 6 – Уранбашский КМ (Моргунова, 1999); 7 – Биккуловский КМ (Рутто, 1982); 8 – Николаевский КМ (Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009).

выглядит примерно одинаково. Большинство из них относится к 1 группе, меньше – ко 2-ой.

Кенотафы. Всего их проанализировано 14, причем 10 происходят из КМ Уранбаш. В двух случаях посуда в кенотафы не помещалась, в 11 погребениях находилась керамика срубного облика, и только в одну яму (КМ Уранбаш 8/15) были помещены срубный и срубно-алакульский сосуды. Исследователи считают, что уранбашские кенотафы могли символизировать захоронения горняков (Моргунова, 1999. С. 46). Н.П. Салугина, сделав технико-технологический анализ керамики некрополя, пришла к выводу, что в кенотафы помещалась треть сосудов со шлаками в составе формовочных масс, кроме того, преимущественно в кенотафы помещалась посуда, содержавшая в составе формовочной массы кость, в то же время сосуды со шлаками совсем не встречены в женских могилах. Исследователь предположила, что включение в состав формовочной массы дробленой руды и кости может являться маркером принадлежности захороненных к профессиональному слою рудокопов и металлургов (Салугина, 2012. С. 66–67), что вероятно также может быть признаком принадлежности кенотафов к мужским погребениям. Следовательно, тенденция помещения в мужские захоронения в основном сосудов срубного облика сохраняется и в данном случае.

Кремации. Пять из них происходят из Боголюбовского КМ, три – из Николаевского КМ. В Боголюбовском КМ кремации однозначно являются влиянием федоровской погребальной традиции: это подтверждается, во-первых, тем, что в некоторые захоронения в данном случае помещалась керамика с федоровскими чертами, во вторых тем, что часть могил была оборудована каменными ящиками и оградкой – конструкциями не характерными для погребального обряда срубной культуры (Моргунова и др., 2014. С. 97, 102). Судить о культурных истоках кремации в Николаевском могильнике затруднительно, так как подобный способ захоронения часто встречается в «несмешанных» срубных некрополях (Моргунова и др., 2009. С. 31; Кабанова, Овчинникова, 1999. С. 66). Известно, что здесь в одну яму с остатками трупосожжения были помещены срубный и срубно-алакульский сосуды, в две ямы – посуда исключительно срубного облика.

Планиграфия. Закономерность в размещении могил 1 и 2 групп на подкурганной площадке не прослеживается, что, вероятно, свидетельствует о том, что все захороненные под насыпью индивиды воспринимались коллективом как его равноправные представители. В то же время зачастую погребения с алакульской и срубно-алакульской керамикой располагались рядом, что может являться косвенным признаком близкородственной (возможно, семейной) связи погребенных. Также следует отметить, что в центральные могилы в основном помещалась исключительно срубная керамика (46 % случаев), в 30 % центральных ям керамика не помещалась, в 10 % случаев в центральных могилах находилась керамика западно-алакульского облика, в 14 % ям – срубно-алакульского. Причем, помещение в центральные могилы керамики с инокультурными чертами характерно в основном для некрополей территориально близких к Каргалам.

Инвентарь. В представленной выборке инсигнии власти, а также орудия труда в комплексы, характеризующиеся наличием западно-алакульских элементов, не помещались. В единственном случае в захоронение, совершенное

Таблица 1. Половозрастная характеристика погребения. Способы погребения.

Пол, возраст, количество погребенных в могиле	**Количество погребений по выделенным группам**						**Способ погребения**					
	погребения группы 1		**погребения группы 2**		**без керамики (либо культурная принадлежность посуды не определена)**		**ингумация**		**кремация**		**кенотаф**	
	кол-во	**%**	**кол-во**	**%**	**кол-во**	**%**	**кол-во**	**%**	**кол-во**	**%**	**кол-во**	**%**
мужчины (одиночные – 18)	11	*61*	4	*22*	3	*17*	17	*94*	1	*6*		
женщины (одиночные – 35; двойное – 1; женщина и ребенок – 4)	12	*30*	16	*40*	12	*30*	40	*100*				
взрослые, пол не определен (одиночные – 38; двойное – 1)	19	*49*	7	*18*	13	*33*	39	*100*				
(парные: мужчина и женщина – 3)			3	*100*			3	*100*				
подростковые (одиночные – 33, двойное – 1)	18	*53*	10	*30*	6	*17*	34	*100*				
детские (одиночные – 96, двойное – 1)	68	*71*	18	*18*	11	*11*	97	*100*				
признаки «пол, возраст» отсутствуют (кенотафы – 14)	11	*79*	1	*7*	2	*14*					14	*100*
кремации (мужское – 1; признаки «пол, возраст» не определяются – 7)	3	*37*	3	*37*	2	*26*			8	*100*		

по обряду кремации, содержащее сосуды с элементами федоровского гончарства, было помещено костяное навершие плети. В женских могилах (относящихся как к 1, так и ко 2 группе) довольно часто фиксировались украшения. Большинство металлических украшений из смешанных памятников были плакированы золотой фольгой, некоторые целиком сделаны из золота. Н.М. Малов отмечает, что такой технологический прием, как обкладка украшений золотой фольгой, мог проникнуть в срубную область под воздействием андроновской культурной области (Малов, 2000. С. 43).

Выводы. Керамика с инокультурными признаками чаще всего фиксируется в женских захоронениях, и практически отсутствует в мужских. Данный факт может быть связан с тем, что в восточную часть рассматриваемого региона добиралось в основном более подвижное, чем женское, мужское «срубное» население, специализирующееся на добыче руды и отгоне скота. Недостаток женщин в коллективе мог восполняться за счет браков с представительницами соседних алакульских (западно-алакульских) племен. Особенно отчетливо алакульский компонент проявляется в женских комплексах некрополей, близко расположенных к Каргалинским медным рудникам. Кроме того, для мужчин как для основных носителей культурной идентичности форма помещаемой в могилу утвари, предположительно, должна была соответствовать привычному «срубному» облику. В женской среде, напротив, дольше сохранялись материнские традиции изготовления посуды. Не последнее место в распределении керамики той или иной морфологии по мужским и женским захоронениям, видимо, играли тенденции моды. Так, многие сосуды, характеризующиеся синкретическими признаками, являются подражанием более красивой с эстетической точки зрения, алакульской керамике. Не удивительно, что наиболее чувствительным в плане модных направлений являлось взрослое женское население. С тенденциями алакульской моды в Предуралье может быть связана и традиция изготовления женских золотых, либо плакированных золотом украшений.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов С.В., 2005. Комиссаровский некрополь // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры. С. 70–99.

Богданов С.В., 2005а. Першинский некрополь: курганы №№3 и 4 // Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры. С. 49–69.

Зудина В.Н., Кузьмина О.В., 1978. Работы в зоне строительства Сорочинского водохранилища // АО 1977 г. М.: Наука. С. 173– 174.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С., 2009. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизайнПолиграфСервис. 240 с.

Кабанова Е.В., Овчинникова Н.В., 1999. Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Димур. С. 65–74.

Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В., 2012. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 112–134.

Малов Н.М., 2000. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. С. 27–53.

Моргунова Н.Л., 1999. Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «Димур». С. 40–64.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 98 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С., 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 172 с.

Рафикова Я.В., 2008. Парные захоронения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. №18 (119). Челябинск: ЧелГУ. С. 5–13.

Рутто Н.Г., 1982. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа: Башкирский филиал АН СССР. С. 20–29.

Салугина Н.П., 2012. Керамические традиции как показатель социального статуса (по материалам могильника Уранбаш) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 62–70.

Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение)

© 2018 А.В. Логвин, И.В. Шевнина

Аннотация. В статье приводятся результаты полевых исследований синташтинского кургана 1 могильника Каратомар (Костанайская область, Северный Казахстан). Могильник был обнаружен весной 2017 года. Курган диаметром 25 м, высотой 0,9 м. В полевом сезоне 2017 года под насыпью кургана были изучены две могильных ямы №3 и №4, которые относятся к синташтинской культуре. Среди находок выделяются деревянный наконечник копья, берестяной сосуд и бронзовый сосуд.

Ключевые слова: синташтинская культура, могильник Халвай 3, могильник Халвай 5, могильник Каратомар, Тургай.

Могильник Каратомар находится на территории Тарановского р-на Костанайской области (Северный Казахстан), на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища у северо-восточной окраины разрушенного поселка Халвай, в 5,5 км к юго-западу от курганов Халвай 3 и 5. Могильник был обнаружен весной 2017 года в результате плановой разведки. Летом 2017 года Тургайской археологической экспедицией были начаты раскопки кургана №1, диаметром 25 м, высотой 0,9 м. Под насыпью кургана были изучены две могильных ямы №3 и №4.

Яма №3 прямоугольной формы, глубиной 1,55 м. В северо-западном и юго-западном участке ямы на глубине 0,5 м были обнаружены кости и черепа МРС (не менее 4 особей), череп и конечности лошади (?), под которыми фиксировалось перекрытие из досок до глубины 1,35 м. Погребальная камера размером 1,2×1,9 м. Стены погребальной камеры до высоты 0,5 м от пола были облицованы горизонтально установленными досками шириной до 10 см, толщиной от 1 до 2 см.

На глубине 1,5 м, было обнаружено двойное захоронение очень плохой сохранности. Оба погребенных были уложены на левый бок в слабо скорченном положении, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом, головой на северо-восток. Возраст левого костяка 18–20 лет, правого – 16–18 лет, пол определить не удалось (определения А.В. Колбиной). В районе затылка левого костяка было обнаружено 38 бирюзовых и халцедоновых колечковидных бусин. С правой стороны черепов обоих погребенных в районе уха найдено по шесть маленьких бронзовых подвесок в 1,5 оборота. В головах, между черепами, располагался керамический сосуд (Рис. 1: 8), в который был помещен обломок концевой части деревянного копья в положении острием вверх (Рис. 1: 1). На кистях левого костяка было найдено деревянное овальное блюдо очень плохой сохранности. При расчистке в районе предплечий левого костяка отмечен ярко красный тлен, за его спиной был найден в положении на боку керамический сосуд (Рис. 1: 6). В районе сгиба ног так же на боку лежал берестяной сосуд (Рис. 1: 7). Пол в погребальной камере был полностью устлан древесной корой толщиной до 2 см.

Яма №4 прямоугольной в плане формы, размером 3,5×2,6 м, глубиной 2,8 м. С глубины 0,5 м начали фиксироваться фрагменты дерева, разрозненные кости животных, челюсти от лошадей. Было зафиксировано нарушенное перекрытие, видимо, погребение было ограблено в древности, и, кроме этого, сильно нарушено норами грызунов. Перекрытие из бревен, горбыля березы и сосны, диаметром до 20 см, начало фиксироваться с глубины 1,6 м. Бревна были уложены поперек, опираясь концами на края ямы. При расчистке выяснилось, что часть бревен, в северной и северо-восточной части ямы лежит друг на друге в три слоя, с сохранившимися между ними пустотами, что позволяет говорить, о том, что яма была ограблена практически сразу после проведения ритуала. По всей видимости, грабители при вскрытии ямы снимали части бревен и складывали их по краям ямы, на остатки нетронутого перекрытия. В северо-западной части перекрытия были зафиксированы челюсти лошадей. Центральная балка продольная, на которую опиралось перекрытие, была зафиксирована на глубине 1,5 м. Стенки ямы облицованы досками, установленными друг на друга вдоль

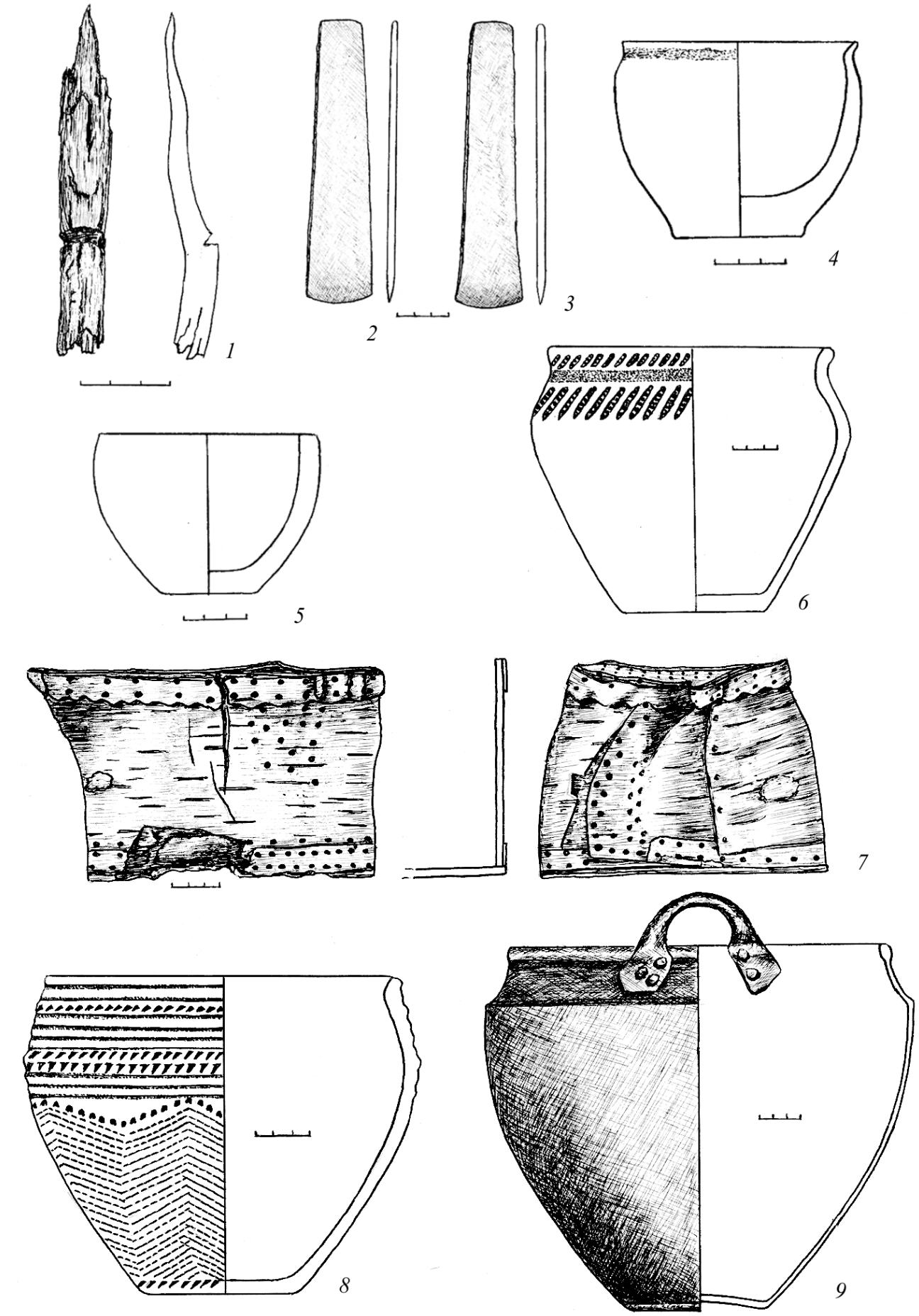


Рис. 1. Могильник Каратомар, курган 1. Погребальный инвентарь. 1 – Обломок концевой части деревянного копья; 2, 3 – бронзовые тесла; 4–6, 8 – керамические сосуды; 7 – берестяной сосуд; 9 – бронзовый сосуд. 1, 6–8 – яма №3; 2,3,8 – яма №4.

стенки на ребро. Толщина досок 1–3 см. При расчистке погребальной камеры, в заполнении, были отмечены разрозненные кости животных. По центру камеры на глубине 2,8 м была зафиксирована столбовая яма, диаметром 20 см, глубиной 30 см. В северо-западном углу на глубине 2,5 м был найден маленький баночный сосуд (Рис. 1: 5). У северо-западной и у юго-восточной стенок, на глубине 2,8 м были найдены фрагменты от одного баночного сосудика (Рис. 1: 4). Под полом погребальной камеры на глубине 3 м был обнаружен «тайник», с бронзовым сосудом (Рис. 1: 9), внутри которого находились бронзовые тесла (Рис. 1: 2, 3).

Материалы ям №3 и №4 кургана 1 могильника Каратомар, полученные в полевом сезоне 2017 года, бесспорно, относятся к синташтинской культуре Южного Урала и Северного Казахстана, хотя бы исходя из формы сосудов, имеющих внутреннее ребро. Поскольку материалы синташтинской культуры хорошо узнаваемы, не будем останавливаться на подробных аналогиях, акцентируем внимание лишь на редких артефактах.

Обломок концевой части деревянного копья из ямы №3, аналогии которому на данный момент как будто неизвестны среди изделий эпохи бронзы Евразии. Отметим, что ранее нами были зафиксированы в материалах кургана Халвай 3 (ям №9) деревянные наконечники стрел (Шевнина, Логвин. С. 110, 119, 127, 142). Видимо, оружие из дерева у синташтинцев не было большой редкостью;

Целый берестяной сосуд из ямы №3 также относится к категории редких находок эпохи бронзы Северной Евразии. Берестяные сосуды (туески, ведерки и т.п.) известны в абашевских, андроновских, сейминo-турбинских, покровских и срубных древностях (Малов, 2017. С. 38–57; Потемкина, 1985. С. 183–192; Пряхин, 1998. С. 19; Сальников, 1954. С. 80; Стефанов, 2011. С. 58; Халиков, 1961. С. 211, 215). Известны факты использования берестяной посуды и на синташтинских памятниках Южного Зауралья, так, на поселении Синташтинское при исследовании одного из колодцев был обнаружен отпечаток от берестяного цилиндрического ведра (Григорьев, 2000. С. 257).

Еще одна неординарная находка – бронзовый сосуд из ямы №4. Бронзовые синташтинские сосуды до сегодняшнего дня не были известны. Отметим, что самые ранние металлические сосуды евразийских степей до недавнего времени датировались последней третью эпохи поздней бронзы (XV–XIV вв. до н. э.) (Бочкарев, 2010. С. 208). Недавно обнаруженные в Центральном Казахстане погребальные комплексы, содержащие бронзовые сосуды, были сопоставлены карагандинскими исследователями с петровскими памятниками и отнесены к рубежу III-II тыс. до н. э. или началу II тыс. до н. э. (могильник Ащису) и с раннеалакульским этапом – первая четверть II тыс. до н. э. (могильник Нураталады–1) (Кукушкин, 2011. С. 107–109; Кукушкин и др., 2016. С. 85). Пока не исследован состав металла каратомарского сосуда, не реконструированы технологические приемы изготовления, затруднителен полноценный поиск аналогий среди подобных изделий эпохи бронзы Евразийских степей.

Исследование кургана будет продолжено в полевом сезоне 2018 года.

ЛИТЕРАТУРА:

Бочкарев В.С., 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. 231 с.

Григорьев С.А., 2000. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск: Рифей. С. 241-409.

Кукушкин И.А., 2011. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. №2. С. 103–109.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., 2016. Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // УИВ. №4(53). С. 85–92.

Малов Н.М., 2017. Туески, березовая кора и древесина в погребениях покровской и срубной культур позднего бронзового века нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи. Вып. 13. Саратов. С. 38–67.

Сальников К.В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале // СА. №21. С. 25–94.

Стефанов В.И., 2011. Костяной инвентарь, изделия из бересты, меха и кожи // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Уральский рабочий. 183 с.

Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука. 374 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни 2. Курган доно-волжской абашевской культуры (Археологические памятники донского бассейна. Вып. 3). Воронеж: Изд-во ВГУ. 44 с.

Халиков А.Х., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. №97. С. 157–241

Шевнина И.В., Логвин А.В., 2015. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII. Астана: Издательская группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана. 248 с.

Срубная культурно-историческая общность Прикамья и севера Среднего Поволжья. Современное состояние проблемы

© 2018 А.В. Лыганов

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, Проект №16–31–01055_а2 «История развития археологии в Казанском крае (начало XIX – 1930-е гг.) по археологическим музейным собраниям».

Аннотация. В работе рассматриваются памятники северной «периферии» срубной культурно-исторической общности в границах современных республик Чувашия и Татарстан. Привлечены данные о более чем 700 памятниках. На основании изученных поселений и могильников, автором делается вывод о своеобразии северной территории распространения срубной культурно-исторической общности.

Ключевые слова: срубная культурно-историческая общность, северная граница, поселение, курганные и грунтовые могильники.

Северная граница памятников срубной культурно-исторической общности (СКИО) проходит в том числе и по территории современных республик Чувашия и Татарстан. На сегодняшний день здесь открыто 497 поселений, 137 отдельных местонахождений керамики и металлических предметов, около 86 курганов и курганных групп, и не менее 31 грунтового могильника, на которых вскрыто не менее 232 погребений (Свод памятников..., 2007). Несмотря на такое солидное число памятников, в литературе прочно укрепилось мнение об их слабой изученности (Горбунов, 2006). На самом деле, на сегодняшний день раскопами на различных поселенческих и погребальных памятниках вскрыто не менее 10000 кв.м. К сожалению, радиоуглеродное датирование этих памятников только начато.

Всю территорию СКИО на территории Чувашии и Татарстана можно разделить на четыре условные региональные группы памятников, которые различаются по своему физико-географическому положению и археологической изученности. Это Предволжье, Западное Закамье, бассейн реки Черемшан и регион Центрального и Восточного Закамья. В Закамье северная граница СКИО проходит вдоль левого берега р. Камы, в Предволжье – по р. Кубне, левому притоку р. Свияги, и по среднему течению р. Суры.

Предволжье (бассейны рек Свияга и Сура в пределах современных границ Чувашии и Татарстана). Это территория общей площадью около 10000 кв.км. Памятники СКИО в этом регионе расположены небольшими группами и на достаточно больших расстояниях друг от друга, в основном по р. Свияге и ее левым притокам – Цильне, Буле, Кубне. На высоком правом берегу Волги зафиксирован только один памятник срубного времени. Известно 51 поселение, 26 местонахождений, 13 курганов и курганных групп и, предположительно, один грунтовый могильник (Свод памятников..., 2007; Археологическая карта..., 2013). Изучены крупные курганные могильники Новоселки (11/81), Новобайбатыревские курганы (3/15), Уразмаметьевские курганы (3/6), Татарско-Тимяшский грунтовый могильник (4 погр.). Всего вскрыто 106 погребений. Погребенные располагаются преимущественно на левом боку, головой в северном направлении с отклонениями (СЗ – 4, С – 62, СВ – 13). Единичны правобочные погребения и с ориентировкой на восток и юго-запад (Иванов, Скарбовенко, 1993. С. 80–95). Еще одной характерной чертой является наличие расчлененных и повторных погребений на трех из четырех изученных могильниках (Иванов, Скарбовенко, 1993; Археологическая карта..., 2013. С. 117–118).

Изучено несколько поселений в бассейне р. Свияги (Козловское I, Кулганская II, Бурундуки). Все они относятся к развитому и позднесрубному времени (Халиков, 1969. С. 232). Особенностью данного региона является то, что здесь не зафиксировано перерастание абашевских памятников в покровские, что фиксируется для волго-донского абашева. Территориально, ареалы обитания средневолжских абашевцев и срубников Предволжья не совпадают. Наиболее ранние памятники, переходные к срубным, типа покровских курганов у с. Новоселки в Татарстане (Иванов, Скарбовенко, 1993), Ишеевского и Новоуреньского курганов в Ульяновской области находятся гораздо южнее ареала средневожских абашевских курганов. Таким образом, можно сделать вывод, что средневолжская абашевская культура участия в формировании срубной не принимала и, по всей видимости, имеет значительный хронологический разрыв со срубными памятниками. Это еще раз доказывает тезис о временном приоритете средневолжских абашевских памятников в системе абашевской общности (Кузьминых, Мимоход, 2016).

Западное Закамье (левый берег р. Волги и приустьевой части Камы от г. Чистополя в пределах современной границы Татарстана), территория общей площадью около 1300 кв.км. Несмотря на относительно небольшую территорию здесь известно 161 поселение, 3 местонахождения, 7 курганных могильников и 21 грунтовый могильник (Свод памятников..., 2007). Широко исследованы курганные и грунтовые могильники раннесрубного (Маклашеевские I-III, Полянки I, Новомордовские I-II, Старокуйбышевские I, V, VI,) (Халиков, 1969. С. 217, 222–226; Лыганов и др., 2015) и развитого срубного времени (Соколовский III, Девичий городок III, Нижнемарьянский), еще на десятке размытых могильников собран подъемный материал (Казаков, 2006; Казаков и др., 1992). Всего вскрыто 101 погребение со 104 костяками. Погребенные располагались на левом боку, головой в северном направлении с отклонениями (СЗ – 4, С – 34, СВ – 22). На ряде могильников встречено правобочное положение погребенных: Нижнемарьянский (7), Маклашеевский III (1). Ориентировка погребенных в восточном секторе выявлена на 5 могильниках (Нижнемарьянский (9), Маклашеевский III (2), Старокуйбышевский V (1), Новомордовский II (3). Появление правобочного положения умерших с восточной ориентировкой указывает на сильное влияние андроновских (андроноидных) культур.

Раскопами исследованы Зеленовская и Березовогривская I стоянки и размытые V Щербетская и I, VII, XIII Кузькинские стоянки, на которых зафиксированы комплексы

развитого и позднего этапа СКИО совместно с андроноидной луговской керамикой (Халиков, 1969. С. 232).

Особенностью региона является большая плотность расположения памятников и преобладание грунтовых могильников. Памятники эпохи бронзы, предшествовавшие срубным, здесь зафиксированы в единичном количестве. Абашевская керамика выявлена на двух памятниках в подъемном материале (Березовогривская I стоянка и Соколовские могильники), а также зафиксированы разрушенные малые сейминско-турбинские могильники (Соколовский I, Мурзиха I). Вероятно, данный регион начал широко осваиваться в ПБВ только в раннесрубное время.

Бассейн реки Черемшан в (пределах современных границ республики Татарстан), территория общей площадью около 5500 кв.км. Известно 118 поселений, 65 местонахождения, 45 курганных могильников и курганов (Свод памятников..., 2007). Это один из наиболее слабо исследованных районов. Вскрыто всего два кургана: курган из Балынгузской (Торецкой) группы с тремя погребениями развитого этапа СКИО и половина кургана из Среднеалькеевской группы с одним погребением с горшком раннесрубного времени (Свод памятников..., 2007). В последние годы крупные исследования на двух поселениях были проведены на самом юге Татарстана и севере Самарской области в бассейне р. Кондурчи (Степное Озеро, Мамыково). В этом же регионе выявлены крупные клады металлических изделий – Ерыклинский и Ильдеряковский (Халиков, 1969. С. 234).

Центральное и Восточное Закамье (в пределах современных границ республики Татарстан, левого берега р. Камы от устья Белой до г. Чистополя, нижнее течение р. Сюнь, среднее и нижнее течение р. Ик, р. Мензели, р. Зай, р. Шешмы), территория общей площадью около 23000 кв. км. Известно 167 поселений, 43 местонахождения, 21 курганный могильник и 9 грунтовых могильников (Свод памятников..., 2007). Исследовано 7 могильников. Наиболее крупные – Набережночелнинский, Такталачук (Казаков, 1972; 1978). Всего вскрыто 23 погребения. Погребенные располагались на левом боку, головой в северном направлении (С – 10), один погребенный Набережночелнинского могильника располагался на правом боку. Зафиксировано одно погребение с ориентировкой костяка на восток. В этом же регионе, на срубных могильниках и стоянках присутствует большое количество погребений луговской культуры. Наиболее крупные луговские могильники – Деуковский, Такталачук с характерным обрядом погребения – преимущественно на правом боку, головой на восток, юго-восток (Халиков, 1969. С. 227, 234–235; Казаков, 1978).

Если в Западном Закамье исследованы преимущественно могильники, то в Восточном Закамье раскопами наиболее полно изучены поселения. Наиболее информативные из них: Иманлейская, Мензелинская, Подгорно-Байларская, Деуковская, Гулюковские I-III, Дубовогривская II стоянки. Только здесь исследовано не менее 3500 кв.м. (Халиков, 1969. С. 234–236; Старостин, Багаутдинов, 1981; Чижевский, 2010; Чижевский и др., 2012). На Подгорно-Байларской, Гулюковской I, III, Дубовогривской II стоянках вскрыты жилые и производственные сооружения. Помимо этого, исследованы поселения в устье р. Белой (Уразаевские I-II стоянки), на р. Степной Зай (Зайчишминская стоянка) и др. (Старостин, Багаутдинов, 1981; Казаков, Рафикова, 1999). Особенностью поселений данного региона является совместное залегание керамики срубной и луговской культур. Помимо этого, на этих срубных поселениях нет комплексов с раннесрубной керамикой. Только на Иманлейской стоянке в среднем течении р. Ик зафиксирована абашевская керамика и керамика покровского(?) облика (Старостин, Багаутдинов, 1981). От Иманлейской стоянки выше по течению р. Ик абашевская керамика встречается в подъемном материале на ряде поселений (Ютазинская стоянка) (Свод памятников..., 2007).

Таким образом СКИО на территории современных Чувашии и Татарстана характеризуется практически полным отсутствием досрубных памятников (ПБВ-I). Южноуральская абашевская культура, возможно, принимала участие в культурогенезе самой восточной группы памятников в бассейне р. Ик. Первые и наиболее ранние памятники СКИО покровского типа широко известны в Предволжье и Западном Закамье. На севере Восточного Закамья ближе к р. Каме их пока не выделено, несмотря на большой исследованный поселенческий материал.

На всем протяжении существования СКИО в Прикамье и в северной части Среднего Поволжья в материальной культуре памятников ощущается влияние андроновских (андроноидных) культур. Причем в Восточном Закамье это влияние наиболее заметно (общие могильники, совместное залегание керамики на поселениях). В Западном Закамье это влияние ослабевает, а в Предволжье оно практически не фиксируется.

Различны и исторические судьбы северной «периферии» СКИО. С XIV в. до н. э. данная территория широко осваивается носителями преимущественно лесных культур. Памятники СКИО на территории Предволжья сменяет поздняковская культура и атабаевский этап маклашеевской культуры, в Западном Закамье это луговская культура, атабаевские памятники, в Восточном Закамье это луговская культура, атабаевские памятники, межовская культура. В отличие от степной зоны ивановская (хвалынская) валиковая культура практически не затронула эти территории.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 1. 2013. / Под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 304 с.

Горбунов В.С., 2006. Срубная общность Восточной Европы: Монография [Текст]. Уфа: Изд-во БГПУ. 192 с.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А., 1993. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Изд-во Самарского ун-та. С. 78–128.

Казаков Е.П., 1972. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.: Знание. С. 78–86.

Казаков Е.П., 1978. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: КФАН СССР. С. 67–108.

Казаков Е.П., 2006. Нижнемарьянский могильник // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сборник статей, посвященный 60-летию Владимира Степановича Горбунова. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 65–77.

Казаков Е.П., Рафикова З.С., 1999. Очерки древней исто-

рии Восточного Закамья. Альметьевск: НГДУ «Альметьевнефть». 720 с.

Казаков Е.П., Обыденнова Г.Т., Старостин П.Н., 1992. Срубные погребения «Девичьего городка» // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во БГУ. С. 45–56.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А., 2016. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V-II тыс. до н э.). СПб.: ИИМК РАН. С. 39–44.

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин О.И., 2015. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. №2. Казань: Фэн. АН РТ. С. 83–103.

Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3-х томах. Т. 3. 2007. / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ. 528 с.

Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н., 1981. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С. 25–40.

Халиков А.Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 396 с.

Чижевский А.А., 2010. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // УИВ. №2 (27). Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН. С. 25–30.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В., 2012. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. №1. Казань: Фэн АН РТ. С. 94–115.

Андроноидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья

© 2018 А.В. Лыганов

Аннотация. В работе рассматриваются памятники сусканской культуры Самарского Поволжья и памятники луговской культуры, расположенные в Волго-Камье. Своим происхождением данные культурные образования обязаны федоровской и отчасти черкаскульской культурным традициям. Согласно калиброванным радиоуглеродным датам время существования этих культур определяется в пределах XVII–XV вв. до н. э., что несколько противоречит устоявшейся точке зрения на хронологию андроноидных культур в Волго-Камье.

Ключевые слова: сусканская культура, луговская культура, керамика, калиброванные радиуглеродные даты.

В лесостепном и лесном Поволжье андроноидные культурные традиции наиболее ярко проявились в памятниках сусканской и луговской культур.

Сусканская культура. Значительный андроновский компонент в материалах Сусканского I поселения отмечался исследователями уже в 50-е годы, но оценивался по-разному – как федоровский, черкаскульский, позднечеркаскульский. Сусканские комплексы долгое время рассматривались в рамках позднесрубной культуры, позже их включали в число межовских, луговских.

Для сусканской керамики характерны сравнительная тонкостенность, тщательная обработка поверхности, иногда с использованием лощения, плавная профилировка тулова сосудов со слабовыраженным горлом, стянутым устьем и скошенным внутрь срезом венчика, реже – округлым или приостренным. Днища плоские. Сосуды в абсолютном своем большинстве орнаментированы. Орнамент наносился преимущественно гладким штампом-щепой, реже – зубчатым штампом, покрывает верхнюю треть сосуда и состоит в большинстве случаев из двух-трех зон. Для верхней зоны характерен орнамент из горизонтальных линий, горизонтальный ряд уголковых вдавлений или наклонных оттисков, полоса из двух линий с уголковыми вдавлениями или наклонными оттисками между ними. Основную орнаментальную зону составляют многорядный горизонтальный зигзаг или вертикальная елочка, горизонтальная елка, как правило, многорядная, характерны, хотя и не так многочисленны, заштрихованные ромбы и равнобедренные треугольники, обращенные вершиной вниз.

Относительная тонкостенность сосудов, плавная профилировка, преобладание в орнаментальных композициях уголковых вдавлений, вертикальной и горизонтальной елочки в сочетании с заштрихованными геометрическими фигурами, включая косоугольные треугольники – все эти черты имеют отчетливые параллели в культурах андроновского круга, прежде всего федоровской, и в родственных ей андроновских комплексах Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана, включая федоровско-бишкульский тип памятников Южного Урала, памятники черноозерского типа Западной Сибири, андроновские памятники Восточного Казахстана, нуринские комплексы Центрального Казахстана, тазабагъябские памятники Приаралья.

Еще более ярко андроновский компонент в сусканских комплексах проявился в небольшой части керамики собственно андроновского (федоровского) типа, которая встречена практически на всех сусканских поселениях. Эта керамика отличается особой тонкостенностью, эсовидной профилировкой, тщательной отделкой поверхности, в том числе с помощью лощения, орнаментацией мелкозубчатым штампом, каннелюрами. В орнаментальных композициях чаще используются косоугольные треугольники, меандр, встречаются свастики. Керамика подобного типа характерна для федоровских памятников Южного Урала и дает ключ к пониманию истоков сусканской культуры.

При решении вопроса о времени распространения андроновских традиций в Поволжье следует принять во внимание тот факт, что керамика федоровского типа, в отличие от алакульских материалов, не встречается в срубных комплексах закрытого типа. Погребения с андроновской керамикой, даже если они встречены в пределах срубных могильников, по ряду признаков могут быть исключены из числа срубных. Они характеризуются положением умерших на правом боку головой на восток и юго-восток. В срубной культуре погребения с подобными характеристиками составляют всего лишь 2-3 %, но для захоронений с керамикой сусканского типа и керамикой андроновского облика это положение погребенных наиболее типично как

Таблица 1.

Объект	Шифр	Материал	Дата (BP)	Калиброванные даты (calBC)
Р. Селитьба II, соор. 3	ГИН-9425а	дерево	3320±40	1691–1504 (95,4 %)
Р. Селитьба II, соор. 2	ГИН-9425в	дерево	3270±40	1632–1449 (95,4 %)
Лебяжинка V, погр. 10	ГИН-9425б	кость	3110±110	1619–1056 (95,4 %) 1499–1228 (68,2 %)
Студенцы, кург. 1, погр.2	Ох-4260	кость	3350±70	1781–1495 (89,6 %)
Зуево-Ключевское поселение	БашГИ-57	уголь	3210±150	1884–1111 (95,4 %) 1664–1290 (68,2 %)
Мурзиха II погр. 98.	ГИН-9430	кость	3200±40	1560–1404 (92 %)
Мурзиха II погр. 144.	ГИН-10040	кость	3330±160	2035–1226 (95,4 %) 1777–1436 (63 %)

Автор выражает благодарность Чижевскому А.А. за предоставленные неопубликованные радиоуглеродные даты по Мурзихинскому II могильнику.

в лесостепном Поволжье, так и в нижневолжских памятниках (Мыськов, 1992; Колев, 2000).

Черкаскульские элементы в комплексах сусканского типа единичны и могли быть принесены в Поволжье вместе с федоровскими. Это же могут подтвердить и комплексы андроновского типа, выявленные в Оренбуржье – курган 3 IX Покровского могильника, поселения Родниковое и II Кузьминковское, которые интерпретируются как федоровско-черкаскульские (Купцова, Файзуллин, 2012). Эти памятники, расположенные в бассейне р. Урал, могут указывать на один из возможных путей распространения андроновских традиций в Поволжье: по р. Урал, а затем по р. Самаре в лесостепное Поволжье и по р. Б. Иргиз – в Нижнее Поволжье.

Помимо своеобразного керамического комплекса памятники сусканской культуры характеризуются некоторыми новшествами в домостроительстве, в погребальной практике, а также некоторыми новыми типами орудий из камня, кости и рога (крупные костяные наконечники стрел с ромбическим сечением пера и плоским широким черешком, стержневидные псалии с взаимопересекающимися отверстиями).

Погребальные памятники сусканской культуры немногочисленны, что, возможно, связано с существованием наряду с курганными некрополями грунтовых могильников или могильников со слабо выраженными насыпями типа могильника Такталачук.

Луговская культура. Близкие сусканским орнаментальные мотивы в сочетании со специфическими федоровскими орнаментами встречаются в Волго-Камье в керамике луговской культуры (Митряков, 2011; Лыганов, 2017). Сходен с сусканским погребальный обряд луговской культуры, известный по могильникам Такталачук, Коминтерновские курганы, Мурзиха II, Соколовский IV, Маклашеевский на взвозе, Деуковский, Балымский.

При значительном сходстве керамического комплекса луговской культуры, особенно на раннем ее этапе, с керамикой сусканской культуры в истории этих культурных образований есть существенные различия. У истоков луговской культуры могли быть памятники заосиновского типа (ПБВ-I, II), расположенные на Средней и Нижней Каме. Носители заосиновских традиций изначально не были связаны со срубным миром, и появление их на территории Прикамья происходит под влиянием сейминско-турбинского транскультурного феномена, при определенном влиянии зауральской коптяковской культуры и местной основы позднегаринского населения. На памятниках луговской культуры зафиксирована керамика черкаскульской культуры, очень редкая на сусканских памятниках. И в дальнейшем, исторические судьбы луговской культуры несколько иные, чем сусканской культуры. Луговская культура трансформируется в межовскую (постлуговскую) и в атабаевский этап маклашеевской культуры. Это все прослеживается в керамике – есть много переходных форм сосудов и мотивов орнамента (Ашихмина, 2014). Сусканская культура трансформируется в памятники с воротничковой керамикой под воздействием ивановской (хвалынской) культуры.

На сегодняшний день, по всей видимости, стоит говорить о том, что памятники балымско-карташихинского типа Приказанского Поволжья стоит выделять в отдельный вариант луговской культуры. На ней присутствует обедненая андроновская орнаментация (ряды горизонтальных линий), при этом высок процент венчиков с ямками, срез венчика округлый или приостренный. В тесте зачастую примесь песка (Халиков, 1980). Все эти черты нехарактерны для луговской или сусканской культур и керамику балымско-карташихинского типа сложно соотнести с более поздними межовскими (постлуговскими) или же атабаевскими древностями. Вероятно, какое-то влияние на становление керамики балымско-карташихинского типа оказала поздняковская культура.

Некоторые находки, связанные с сусканскими и луговскими поселениями, позволили предположить, что оставившее их население сделало серьезный шаг в совершенствовании металлообработки. Можно предполагать, что именно с сусканскими и луговскими памятниками на территории лесостепного Поволжья появляются изделия, характерные для так называемого предананьинского горизонта – ножи с упором, наконечники копий с широкими прорезными крыльями, широкие серпы дербеденевского типа с прямым лезвием, топоры-кельты дербеденевского типа с одним боковым ушком и с лобным ушком и пещеркой.

Что касается абсолютных дат, то на сегодняшний день их семь. Четыре даты с памятников сусканской культуры и три с памятников луговской культуры. Они определяются XVII–XV вв. до н. э. в калиброванных значениях (Табл. 1). Это несколько расходится с представлениями о времени существования дербеденевского очага металлообработки

(Дергачев, Бочкарев, 2002. С.98), хотя уже сейчас прослеживается тенденция к удревнению лобойковско-дербеденовской группы металлических изделий вплоть до XVI в. до н. э. (Ушуреллу, 2010).

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., 2014. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамикии жилищ). АЕС. Вып. 19. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова. 300 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 348 с.

Колев Ю.И., 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 242–301.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А., 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–100.

Лыганов А.В., 2017. Луговская культура позднего бронзового века на территории Волго-Камья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе: сборник научных статей / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. Т. I. С. 282-287.

Митряков А.Е., 2011. Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: Морфологические и орнаментальные традиции // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Мыськов Е.П., 1992. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского университета. С. 86–96.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // САИ. Вып. В1-24. М.: Наука. 128 с.

Ушурелу Е.И., 2010. Генезис и эволюция двуушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologica (Chisinau) S.N. Vol. V, nr. 1. P. 22–67.

Курганные группы и селища эпохи поздней бронзы в окрестностях города Покровска на левом берегу Волги

© 2018 Н.М. Малов

Аннотация. В прибрежной полосе Волги около слободы Покровской (современный г. Энгельс) выявлено несколько курганных групп и селищ эпохи поздней бронзы. Уточняется их количество и место расположения на террасе левого берега Волги.

Ключевые слова: археологические памятники, поздний бронзовый век.

Введение

На левом берегу Волги напротив г. Саратова, на Эльтонском солевозном тракте, располагалась слобода Покровская, входившая в состав Новоузенского уезда Самарской губернии. В 1914 г. она получила статус города, который в 1931 г. переименовали в г. Энгельс. В прибрежной полосе Волги около слободы находилось много курганов (Щеглов, 1913. С. 240–241. Рис. 3), образующих так называемое «курганное поле» (Рис. 1). В самом начале XX в. они застраивались, разрушались оврагами и карьерами кирпичных заводов. В 1920 г. городской общественный выгон стал распахиваться вместе с курганами (Гераклитов, 1923. С. 35). Территория города расширялась, в его черту вошли древние курганы и поселения. В этой связи П.С. Рыков отмечал, что огромная группа курганов с яркими материалами бронзовой эпохи раскинулась не только в окрестностях города, но и на его месте (Рыков, 1928. С. 66). Кроме того, на берегу Волги между городской и железнодорожными пристанями пароходства находили костяки бронзовой эпохи (Рыков, 1923. С. 13). Важно уточнить и проанализировать информацию об археологических памятниках, исследованных около Покровска в первой трети XX в. (Рис. 2: 1, 2).

Археологические памятники: интерпретация и выводы

Покровское селище. Срубная культура (Галкин др., 1993. С. 73–74, №48. С. 95, №107). Селище или «зольник» располагалось против городища Старого Саратова, на левом берегу р. Саратовки при ее устье, приблизительно в 1 версте к северо-западу от г. Покровска, саженях в 200–250 ниже северо-западной курганной группы (Рис. 2: 1) (Рыков, 1921. Л. 1–11, 42; Рыков, 1923. С. 3, 12; Рыков, 1923а. Л. 29). Река Саратовка протекала до р. Каюковки, впадающей в Волгу. Первые сведения о находке черепков посуды в карьерах кирпичного завода поступили к членам СУАК в 1893 г. При обследовании места их обнаружения П.Н. Шишкину попался в «зольном пятне» кусочек меди и большой глиняный сосуд, а Б.В. Зайковский обнаружил погребение с костяком человека и глиняной посудой. Селище исследовалось П.С. Рыковым в 1921–1923 гг. Центральная его часть уже была разрушена глиняным карьером. В обнажениях найден небольшой кремневый ножичек-скребок и кварцитовый наконечник стрелы. Мощность «зольных слоев» около 2 аршин. П.С. Рыков заложил в разных местах 4 траншеи, которыми вскрыл на селище площадь около 50 кв.м. Обнаружены фрагменты керамики, кости животных, костяная трубочка и проколки. По определению, произведенному в Саратовском ветеринарном институте, кости животных принадлежали преимущественно крупному рогатому скоту, лошади и в одном случае, видимо, свинье. Найдено несколько костей мелкого скота, а также осетровых рыб. П.С. Рыков отмечал, что один черепок из кургана №4 северо-западной группы имел большое сходство с керамикой Покровского селища. Рисунки трех орнаментированных венчиков срубной культуры Покровского селища, в том числе со «свастическим» сюжетом, были опубликованы профессором (Рыков, 1927. С. 85, 100. Рис. 26–28).

Северо-западная группа курганов. Располагалась в 100–150 саженях от моста к Старому Саратову, на высоком левом берегу р. Саратовки, около Покровского селища (Рыков, 1923. С. 12; Галкин и др., 1993. С. 89 №22. С. 89 №22). Могла насчитывать до 30 насыпей полушарной формы (Рис. 2: 1). В 1911 г. археологи СУАК

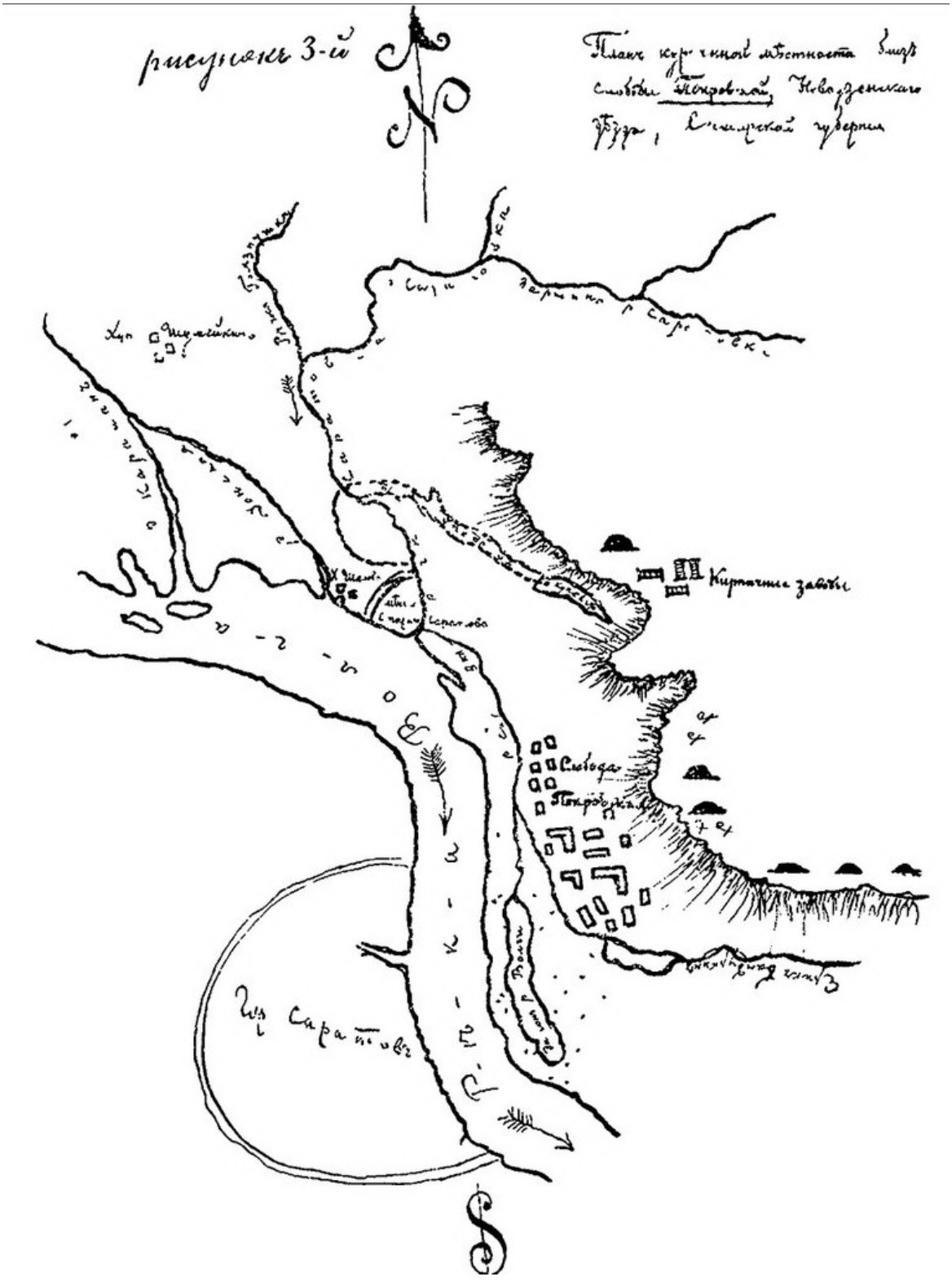


Рис. 1. План курганной местности близ слободы Покровской по С.А. Щеглову.

раскопали здесь погребение ямной культуры в кургане, находившемся над Саратовским городищем около кирпичного завода, в 200 саженях на возвышенности, идущей по левому берегу р. Саратовки (Щеглов, 1913. С. 240–244). Позднее группа исследовалась П.С. Рыковым. В 1928 г. курган, копанный СУАК, повторно изучал П.Д. Рау.

Северо-восточная курганная группа. Располагалась у самой реки, к северо-востоку от города. По мнению П.С. Рыкова она принадлежала к той же культуре, что и юго-восточная группа (Рыков, 1923. С. 13).

Юго-восточная курганная группа. Располагалась к юго-востоку от города, у ветряных мельниц, состояла из многих десятков курганов, часть которых исчезла в 1920-е годы (Рыков, 1923. С. 13; Галкин и др., 1993. С. 32–37, 89 №22). В 1911–1914 гг. археологи СУАК под руководством С.А. Щеглова раскопали здесь несколько курганов (Щеглов, 1913. С. 241; Шишкин, 1923.

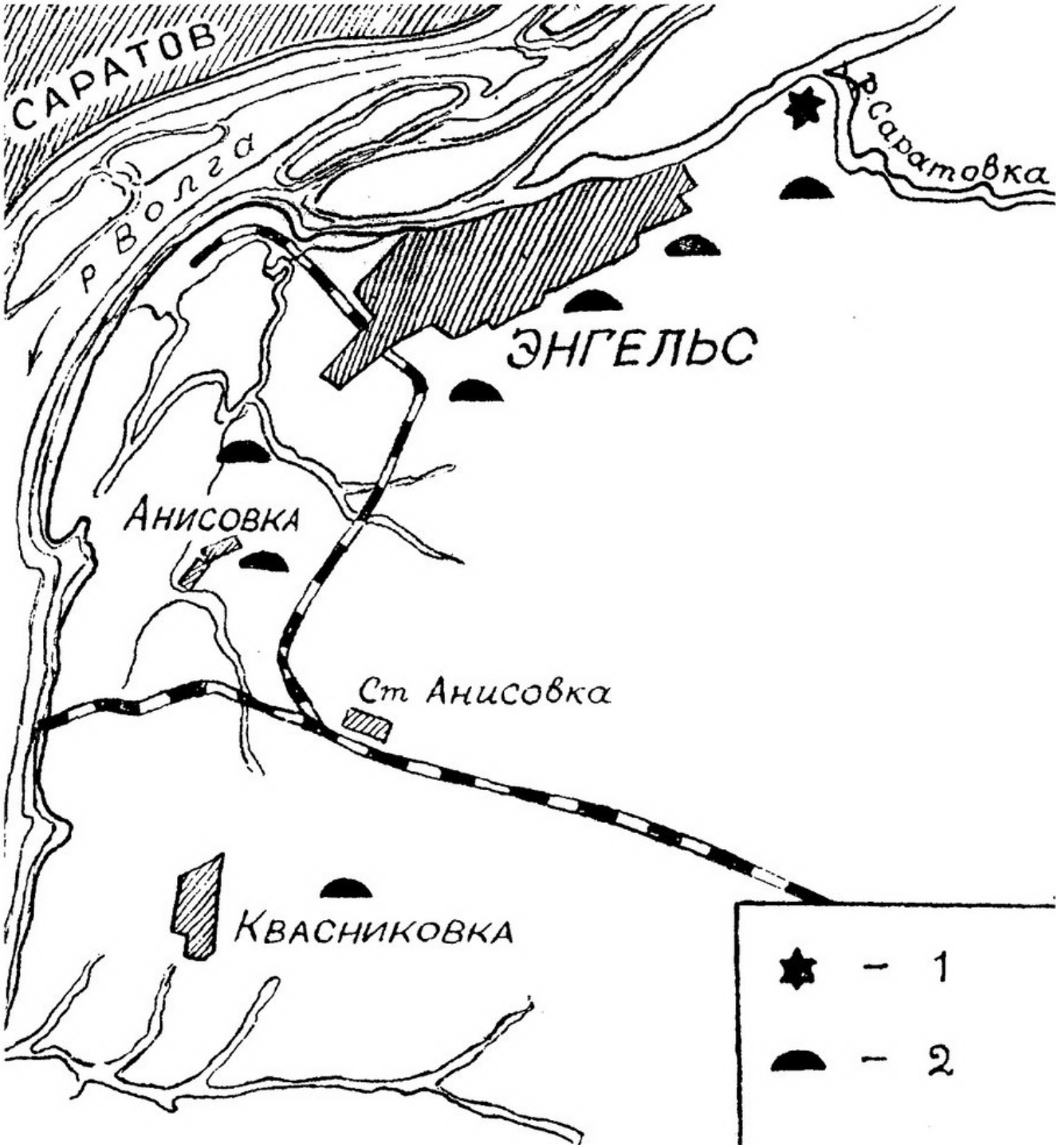


Рис. 2. План древних памятников в окрестностях г. Энгельса по И.В. Синицыну: 1. Поселения эпохи бронзы; 2. Курганные группы.

С. 22–25). Это самая многочисленная группа, в которой П.С. Рыков исследовал 40 насыпей, а с учетом раскопанных СУАК, их было еще больше. Начиналась она около старого городского кладбища, закрытого в 1934 г.

Юго-западная или южная курганная группа. Насчитывала 11 насыпей, разместившихся в 2 км. к югу или юго-западу от города на высокой надпойменной террасе левого берега Волги. В 1920 г. П.Н. Шишкин раскопал в ней курган №9 со впускным погребением эпохи поздней бронзы (Шишкин, 1923. С. 25; Галкин и др., 1993. С. 32–33. Табл. 1: №20 (22). С. 146. Табл. 16: 25–27). П.С. Рыков уточнил, что П.Н. Шишкин открыл погребение в третьей курганной группе – за железнодорожным полотном [Рыков, 1923. С. 7]. Железнодорожное сообщение по заволжской линии РУЖД «Покровская слобода – Уральск» (через Анисовку и Урбах) было открыто 1894 г. (Рис. 2). В Покровске было две станции РУЖД. Одна располагалась в городе, другая на левом берегу Волги – напротив острова «Казачий». В данной группе курганы раскапывались П.С. Рыковым, П.Д. Рау и И.В. Синицыным. В 1937 и в 1941 гг. И.В. Синицын раскопал здесь 4 кургана. Археолог указал, что группа находилась за железнодорожным полотном и станцией Покровск, у дороги на с. Анисовку (Синицын, 1958. С. 280–281. Рис. 1). На плане И.В. Синицына видно, что она расположена за большим оврагом и полотном РУЖД – около дороги на мясокомбинат и в с. Квасникову (Рис. 2). Учитывая мне-

ние П.С. Рыкова и ориентируясь на план И.В. Синицына, можно полагать, что П.Н. Шишкин исследовал погребение в одной из насыпей данной курганной группы. Ближе всех по расстоянию и по керамике с погребением в кургане №9 можно соотнести одно из селищ оврага «Вихляного». Оно расположено около этой группы и содержит посуду покровской и срубной культур (Малов, 2007. С. 62 №29–30). По обрядовым показателям и инвентарю погребение из кургана №9 соответствует аналогичным комплексам покровско-срубной стадии 2.1 позднего бронзового века (Малов, 2012. С. 96–97).

В заключении следует отметить, что ближе всех к Покровским селищу, относящемуся по керамике к срубной культуре, находится северо-западная, а не юго-восточная и юго-западная курганные группы. К последним группам, содержавшим захоронения покровской и срубной культур позднего бронзового века, могли иметь непосредственное отношение два селища из «Вихляного оврага».

ЛИТЕРАТУРА

Галкин Л.Л., Дремов И.И., Железчиков Б.Ф., Изотова М.А., Качалова Н.К., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Лопатин В.А., Максимов Е.К., Малов Н.М., Мамонтов В.И., Мельник В.И., Мыськов Е.П., Федорова-Давыдова Э.А., Шевченко А.В., Шилов В.П., Шнадштейн Е.В., 1993. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Вып. В1–10. Т. I. Саратов: Изд-во СГУ. 200 с.

Малов Н.М., 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: Научная книга. С. 34–92.

Рыков П.С., 1921. Покровское селище и курганы // Архив ИИМК РАН. Фонд №2, 1921. Арх. №111.

Рыков П.С., 1923. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губ. 1922 г. // Труды об-ва Истории, археологии и этнографии при СГУ. Вып. 34, ч. 1. С. 25–44.

Рыков П.С., 1923а. Отчет об археологических раскопках и разведках в Саратовской губ. и Области Немцев Поволжья, произведенных летом 1923 года // Архив ИИМК РАН. Фонд №2, 1923. Арх.№116.

Рыков П.С., 1927. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ. Т. II. Саратов. С. 79–100.

Рыков П.С., 1928. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю (составлено при участии Н.К. Арзютова, Т.М. Минаевой). Саратов: Губпросторг. 86 с.

Синицын И.В., 1956. Памятник родового общества степей Заволжья // Ученые записки СГУ. Вып. Исторический. Т. LXVI. Вып. Исторический. Саратов: Коммунист. С. 278–309.

Щеглов С.А., 1913. Курганы с окрашенными костяками в Новоузенском уезде, Самарской губернии // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов. С. 235–246.

Шишкин П.Н., 1923. Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды Общества истории археологии и этнографии при СГУ. Вып. 34. Ч. 1. Саратов: Сарполиграфпром. С. 22–26.

Колодцы поселения эпохи бронзы Калмыцкая Молельня (Южное Зауралье)

© 2018 Т.С. Малютина, Л.Ю. Петрова

Аннотация. В статье приведены материалы раскопок поселения эпохи бронзы Калмыцкая Молельня, расположенного на юге Челябинской области. Наиболее подробно освещены результаты полевого изучения колодцев, обнаруженных в жилище, дана характеристика их заполнения и конструкции, сделан вывод об их разновременности.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Урало-Казахстанский регион, поселение, колодцы.

Колодцы – важный элемент интерьера построек на поселениях эпохи бронзы Урало-Казахстанского региона и одна из наиболее часто встречаемых в ходе раскопок категорий объектов. Неудивительно, что помимо описания этих сооружений в публикациях полевых материалов и включения их в работы обзорного и обобщающего характера (напр.: Халяпина, 2000. С. 86; Алаева, 2013. С. 109; Бахшиев, 2014. С. 14, 19), колодцам периодически посвящаются специальные исследования, где детально разбираются вопросы их конструкции, назначения, особенностей функционирования (Алаева, 2002. С. 5–16; Епимахов, 2012. С. 218; Епимахов, Берсенева, 2012. С. 164–168; Григорьев, 2013. С. 96–102). Нередко при этом перед специалистами встает проблема малочисленности источников, освещенных в литературе с необходимой для такого рода исследований полнотой. В связи с этим нам представляется полезным поделиться собственным опытом полевого изучения колодцев на одном из поселений эпохи бронзы Южного Зауралья – Калмыцкая Молельня.

Памятник расположен на юге Челябинской области, на берегу реки Большая Караганка, в непосредственной близости от укрепленного поселения Аркаим. Вместе с одноименным могильником образует комплекс памятников, изучение которого ведется с 90-х годов прошлого столетия. Краткие итоги полевых исследований поселения, завершенных в 2015 г., ранее уже были приведены в печати (Малютина и др., 2016. С. 121).

Раскопом площадью 108 кв.м вскрыто основание жилища, размеры которого составляли 9,5×8,0 м (площадь, соответственно, около 75 кв.м). Жилище неоднократно перестраивалось и функционировало в течение двух этапов бронзового века: срубно-алакульского и саргаринско-алексеевского. В границах постройки было изучено два колодца, расположенных практически по одной оси, проходящей с небольшим смещением по центру жилища параллельно его длинным стенам. Оба колодца находились не в центре, а вблизи торцевой стены постройки: колодец 1 – в северной части, колодец 2 – в южной части жилища. Вокруг каждого располагались каменные выкладки, теплотехнические сооружения, столбовые ямы и углубления.

Несколько слов необходимо сказать о методике выборки колодезных ям. Шахты сооружений достигали глу-

бины 4 м от современной поверхности. На верхних горизонтах выборка шла по очертаниям с оставлением разреза. По мере углубления более чем на 1,5–2,0 м соблюсти эту методику оказалось невозможно, поскольку раскопки шли в пределах водоносного горизонта. Наличие опыта геологов и спелеологов дало возможность отработать методику выборки колодцев широкой площадью. К ямам были сделаны прирезки-зумпфы с последующим сооружением опалубки. Горизонтами выбирался грунт зумпфа и прилегающей половины колодца с необходимой фиксацией очертаний и находок. При появлении грунтовых вод в одном конце зумпфа делалось углубление, куда сбрасывалась вода. Это давало возможность выбирать грунт колодца всухую. Вторая часть заполнения вскрывалась также всухую при откачивании воды из углубления зумпфа при помощи насоса.

Колодец 1 был зафиксирован в прямоугольном углублении в северной части жилища и на уровне материка имел очертания яйцевидной формы размерами 1,2×1,0 м. На фоне гумусированного заполнения в центре пятна ямы выделялся углистый ободок диаметром около 40 см, внутри него просматривались следы золы. До глубины 46 см от уровня материка в центре в толще серого гумусированного суглинка выделялся прогиб углисто-сажистого слоя с включением угля и золы. На этом же уровне шахта колодца сузилась, приобрела в плане округлые очертания диаметром 0,8 м. При зачистке стенок на желтом материковом суглинке выделялись горизонтальные и вертикальные отпечатки гумусных полос шириной 10–15 см. Горизонтальные полосы располагались через 20–40 см друг от друга, по вертикальным полосам какую-либо закономерность проследить было сложно. Скорее всего, эти отпечатки принадлежат деревянной облицовке шахты колодца.

В самой нижней части шахта сузилась до диаметра 0,35 м.

Заполнение колодца по всей глубине состояло из гумусированного суглинка с включением различных прослоек. Сверху это были уголь и зола, чуть выше уровня грунтовых вод – прослойка яркого белесого суглинка, ниже которой лежал более темный суглинок с вкраплениями угля. Он подстилался прослойкой черного плотного грунта. Ниже заполнение шло в грунтовых водах и сверху имело сероватый оттенок с включением комочков желтой глины и светлых серых прослоек. В самой нижней части колодца грунт становился вязким и илистым, по стенам оплывали плотные блочные конкреции.

Находки в колодце встречались по всей глубине шахты: в верхней части заполнения это были разрозненные фрагменты керамики, остеологический материал, небольшие скопления камней, костяная проколка. Картина резко изменилась ниже уровня грунтовых вод: у северной стенки колодца выделились две ветви нижних челюстей КРС, уложенные друг на друга по принципу антитезы. Зубной ряд обеих ветвей был обращен к югу в сторону заполнения шахты, где начали расчищаться каменные плиты. Они образовывали практически горизонтальную выкладку. Площадь каменной выкладки 0,7×0,8 м. При выборке оказалось, что почти все плиты имели следы целенаправленных сколов. Некоторые из них представляли собой грубо оббитые каменные орудия. После снятия челюстей в илистой массе заполнения был обнаружен развал верхней части сосуда, который залегал на еще одном скоплении камней: длинные плиты, уложенные горизонтально встык со стенками шахты. Одна из плит по периметру была обработана сколами и имела выемки для привязывания рукояти.

Наконец, еще ниже второй каменной выкладки располагался последний горизонт находок, представленных фрагментами сосуда, обломками каменных плит и каменным молотком. Все камни несут на себе следы обработки человеком и использовались, по-видимому, для рытья колодца.

На уровне пола жилища колодец окаймлялся *выкладкой* из плоских удлиненных камней, повторявших его очертания. С юга к понижению и к каменной кладке примыкала канавка длиной 1,25 м и шириной 15–30 см, заполненная углем и сажей – *теплотехническое сооружение*.

Колодец 2 располагался в южной половине жилища, в 1,1 м от входа, также в пределах понижения, где, помимо него, находилось овальное углубление со светло-серым суглинком с содержанием золы и небольшая выкладка из мелких растресканных камней. Контуры углубления и выкладки из камней слегка накладывались на очертания колодца 2. Скорее всего, это остатки теплотехнического сооружения, связанного с колодцем.

На уровне материка очертания последнего имели в плане овальный абрис, размеры составляли 0,95×0,85 м. Шахта колодца опускалась вниз практически вертикально. По стенкам с обеих сторон разреза дискретно отмечалась вертикальная тонкая прослойка черного грунта (возможно, остатки органики, плетень), которая была видна до уровня грунтовых вод. За прослойкой в желтом материковом суглинке, обрамлявшем стены, местами читались блочные конкреции, образующие вертикальную кладку и горизонтальные заклинки черного грунта длиной до 0,75 м. Вероятно, это следы дополнительного крепежа стен.

Внутреннее заполнение шахты состояло из гумусированных темных суглинков и смешанного грунта. От уровня материка в колодец с прогибом к центру опускался темно-серый суглинок культурного слоя жилища. Под ним (тоже с прогибом к центру) лежал более темный грунт с тонкими прослойками золы; далее заполнение состояло из гумусированного темно-серого суглинка, еще ниже – из смешанного грунта, образованного желтыми блоками, перемежающимися с гумусированным суглинком. Этот слой подстилался слоем из желтого блочного материала, разделенного прослойками темного грунта. Нижняя часть колодца состояла из более однородного гумуса.

Находки в колодце 2 фиксировались по всей глубине: кости домашних животных, камни, керамика, в которой преобладали фрагменты придонных частей сосудов. В нижней части заполнения, помимо керамики и остеологического материала, было найдено орудие из камня в виде пешни и тупик из нижней челюсти КРС, бронзовое шило. Со дна извлечены кости животных и фрагменты керамики.

В ходе исследований была установлена история сооружения и функционирования каждого из колодцев, получены данные об их разновременности. Находки в колодцах позволили связать слои заполнения с процессами образования культурных слоев в самом жилище. Свидетельством принадлежности сооружений к различным культурным пластам являются данные о технологии их сооружения и ремонта. В случае с колодцем 1 демонстрируется приверженность определенным конструктивным принципам. В основание ствола укладываются челюсти КРС, ремонт осуществляется одним и

тем же способом (создание повторной дренажной прослойки из каменных плит). Интересным является тот факт, что на втором дне колодца оказались фрагменты верхней части крупной корчаги, нижняя часть которой стояла in situ в углублении у стены раннего жилища. Не исключено, что колодец относится к первому этапу обживания площадки, связанного с керамикой срубно-алакульского облика. Судя по однородному заполнению колодца 1, он был засыпан.

Колодец 2, скорее всего, использовался до окончания жизнедеятельности в постройке. Его функционирование следует связывать со вторым этапом бытования жилища, который представлен керамикой с обедненным орнаментом и валиками и имел значительную протяженность во времени.

В заключение нельзя оставить без внимания то, что исследованные гидротехнические и теплотехнические сооружения располагались в непосредственной близости или соприкасались друг с другом, соответственно функционировали в определенной взаимосвязи. Такое комплексное использование сооружений встречается в Южном Зауралье с синташтинско-аркаимского времени. Устойчивое воспроизведение этой традиции вплоть до эпохи финальной бронзы, скорее всего, связано не с каким-то одним узким назначением, а с укоренившейся системой жизнеобеспечения при широком спектре использования колодцев в связке с печами в различных областях экономики (металлургии, животноводстве, кожевенном деле и т.п.), а также в религиозной и ритуальной практике.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2002. Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Вестник Общества открытых исследований древности. Научный альманах. Вып. 1. Челябинск. С. 5–16.

Алаева И.П., 2013. Характеристика срубно-алакульских построек в контексте проблематики изучения поселений бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. Челябинск: Рифей. С. 102–113.

Бахшиев И.И., 2014. Поселения эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. Самара: ПГСГА. С. 11–24.

Григорьев С.А., 2013. О некоторых особенностях функционирования и интерпретации колодцев эпохи бронзы // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: «TENGRI Ltd». С. 96–102.

Епимахов А.В., 2012. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. №2. СПб. С. 215–221.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А., 2012. Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. С. 164–168.

Малютина Т.С., Зданович Д.Г., Куприянов В.А., Петрова Л.Ю., 2016. Полевые исследования творческой группы Фонда «Аркаим» в 2015 году // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск. С. 121–125.

Халяпина О.А., 2000. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск. С. 80–94.

Иглы и швы в бронзовом веке Южного Урала и Северного Казахстана

© 2018 П.С. Медведева

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №16–31–01077 «Ткачество бронзового века Урало-Поволжского региона».

Аннотация. Статья посвящена обзору источников по истории швейного дела в бронзовом веке Южного Урала и Северного Казахстана. Предложено выделение двух типов игл в зависимости от морфологических особенностей и, возможно, функционального назначения. Швы известны на различных материалах (ткань, кожа), имели практическое (для соединения деталей изделия и ремонта прорех, сметочные швы через край, штуковка) и декоративное назначение (вышивка, стебельчатый шов). Вариабельность форм и размеров игл позволяет предположить специализацию разных типов для различных по материалу и назначению изделий (одежды и аксессуаров).

Ключевые слова: бронзовый век, Урало-Казахстанский регион, швейное дело, иглы, ткани.

Швейное дело как этап текстильного производства в традиционном обществе включало в себя целый комплекс операций, начиная от соединения деталей будущего изделия и заканчивая ремонтом поврежденных вещей. Формированию представления об уровне развития швейного дела в бронзовом веке Урало-Казахстанского региона способствует систематизация информации о связанных с ним источниках: иглах и швах.

Основным инструментом для шитья является игла. Под иглой понимается тонкий металлический заостренный стержень с ушком для вдевания нити. Было изучено 17 изделий различной сохранности из погребальных и поселенческих коллекций синташтинской, петровской и алакульской культур. В зависимости от морфологических особенностей (формы и способа изготовления ушка, размеров, формы сечения) иглы можно условно разделить на 2 типа. Первый тип представлен иглами с округлым маленьким ушком, образованным в процессе пробивания тонким зубилом уплощенного обушка. Длина целых изделий 5–10 см. В зависимости от размеров и формы сечения

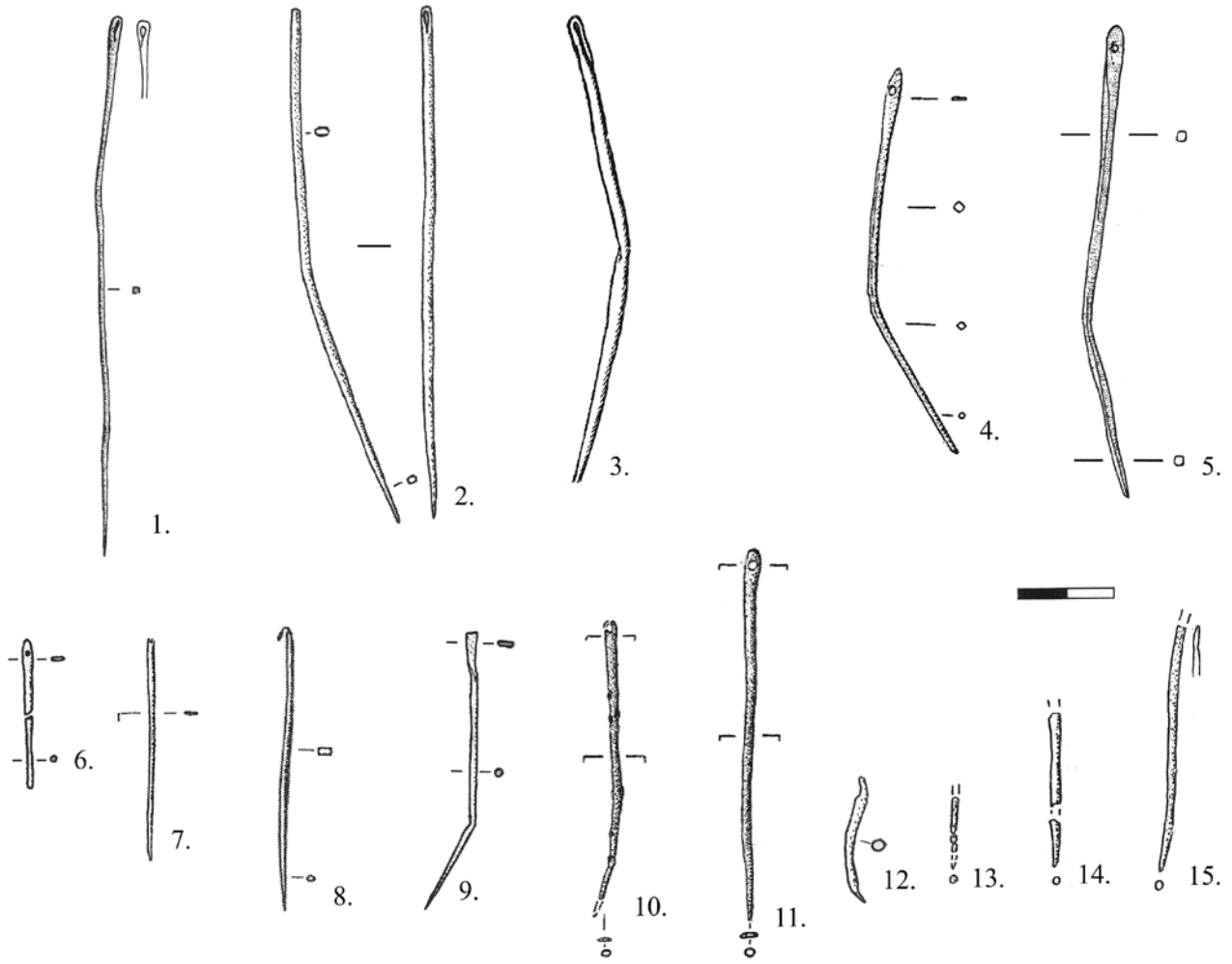


Рис. 1. Иглы из памятников бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана.
1, 6, 9 – Мог. Каменный Амбар-5 (курган 4, погребения 3, 2, 7); 2 – пос. Каменный Брод; 3 – пос. Садчиковское; 4, 10, 11 – мог. Степное-VII (комплекс 3, погребение 11; комплекс 4, погребение 17); 5 – пос. Устье I; 8, 9 – мог. Степное-1 (курган 1, погребение 1; курган 5, насыпь); 12–15 – комплекс могильников у поселения Синташта (СI, погребение 1; СМ, погребения 23, 13, 35) (По: Епимахов, 2005. С. 97, Илл. 74: 4, 78: 2, 95: 9; Малютина, Зданович, 2012. С. 59, Рис. 8: 11; Кривцова-Гракова, 1951. С. 166, Рис. 16: 1; Куприянова, Зданович, 2015. С. 28, Рис. 33: 5. С. 39, Рис. 42: 5–6; Куприянова, 2016. С. 16, Рис. 12: 15; С. 41, Рис. 31: 9; Генинг и др., 1992. С. 225, Рис. 122: 5; С. 169, Рис. 82: 5; С. 187, Рис. 96: 3; С. 225, Рис. 122: 5).

можно выделить два подтипа. К типу 1-1 можно отнести 5 целых и фрагментированных игл размерами 5–7 см с округлым ушком, имеющих округлое сечение (Рис. 1: 6–7, 9–11). Тип 1-2 – два целых изделия с подквадратным сечением стержня, размеры 9,0–9,8 см (Рис. 1: 4–5). Второй тип представлен иглами, продолговатое ушко которых образовано путем загиба одного края прутка (Рис. 1: 1–3, 8). Большинство игл этого типа имеют крупные размеры (целые изделия длиной 11,0–11,2 см, толщиной 0,2–0,4 см), сечение округлое, подквадратное, подпрямоугольное.

Косвенно о том, на чьи плечи ложилась работа по шитью и вышивке в бронзовом веке Урало-Казахстанского региона, позволяет судить погребальный обряд. В синташтинско-петровских памятниках иглы присутствуют в различных погребениях: детских одиночных и коллективных (Каменный Амбар-5, СМ), парных и коллективных взрослых (Степное-1, Степное-VII, СМ), а также одиночных женских (Каменный Амбар-5, СМ) и женских погребениях с младенцем (Степное VII, Танаберген-II). С большой осторожностью можно сделать вывод о том, что иглы являются женским атрибутом, аргументируя присутствием в каждом из этих погребений женщин. В качестве исключения следует упомянуть находку иглы в одиночном мужском погребении могильника Танаберген II (курган 7, погребение 18), с оговоркой на отсутствие ушка у данного изделия, которое вполне могло оказаться шилом. Возможно, в детских могилах, где пол определить затруднительно, игла являлась маркером трудовой социализации и также сопровождала девочек. В иных культурно-хронологических рамках картина различна. Материалы могильника Нуртай отражают тенденцию приуроченности игл к женским погребениям (Ткачев, 2002. С. 158–202). В погребении потаповской культуры могильника Алексеевский II, также женском, были обнаружены остатки игл, воткнутых в клубок (моток ниток) (Медведева и др., 2017. С. 348). Не так однозначна ситуация в срубной культурно-исторической общности – по данным В.А. Подобеда и В.В. Цимиданова иглы присутствуют как в женских, так и в мужских погребениях (Подобед, Цимиданов, 2010. С. 100–101).

Отражение работы швеи с тканью демонстрируют отпечатки швов внутри керамических сосудов. В одних случаях это ремонтные швы в месте прорехи, следы которой

наблюдаются на остальном участке отпечатка ткани. Небрежный, грубый шов, зачастую выполненный более толстыми нитками простыми косыми сметочными стежками длиной около 0,5 см, швом через край. Известны швы, соединяющие два полотна ткани. Обнаружение отпечатков таких швов – достаточно редкое явление на керамике. Гончар бронзового века предпочитал замазать толстые борозды негатива шва, во избежание растрескивания сосуда в процессе сушки и обжига, именно в этом месте. По негативам отпечатков ткани в этом случае можно также предположить использование достаточно простых швейных техник – соединительный шов через край, использовавшийся для сметывания двух кромок. На отпечатках ткани с поселения Аркаим (Глушков, Глушкова, 1992. Рис. 15) можно реконструировать другой тип шва, соединяющий два куска ткани – штуковку. Он применяется для соединения тканей встык швом, незаметным с лицевой стороны. Наиболее удобными для работы с тканью представляются иглы типа 1-1. Они имели небольшие размеры, округлое сечение, позволяющее игле свободно проникать между нитями, и маленькое ушко (1 мм), идеально подходящее под среднюю толщину нити бронзового века (0,6 мм).

Другая, документированная артефактами, сфера применения игл – работа с кожей. В качестве примера находок кожи со швами можно привести фрагменты обуви из Алакульского могильника: изделие было изготовлено из тончайшей кожи с использованием тонких (не более 0,5 мм) нитей из жил. Швы из кожаных нитей также фиксируются на кожаном мешочке из Лисаковского могильника (Усманова, 2005. С. 214. Рис. 73: 32). Для сшивания деталей тонких кожаных изделий, в совокупности с применением шильев, могли бы использоваться иглы типа 1-2. Если их подквадратная форма сечения несет функциональный смысл, то острые углы таких игл удобны для рассечения плотного материала.

В материалах Алакульского могильника также существует пример декоративных швов. Вышивка из Алакульского могильника, обнаруженная в женском погребении на фрагменте женской одежды в области лучевой кости, относится к стебельчатому шву (Шилов, Богатенкова, 2008. С. 228).

Однозначно говорить о функциональном значении игл типа 2 затруднительно. Их большой размер может быть пригоден для пошива верхней одежды и обуви из кожи, меха, войлока и прочих плотных материалов. Также возможно использовать эти иглы и в плетении. Большое вытянутое ушко позволяет вдевать в них толстые, или сложенные в несколько раз нити, тесьму.

К сожалению, органическая природа «сшиваемых» материалов не позволяет охарактеризовать весь спектр швейных операций в бронзовом веке. Можно говорить о применении швов практического и декоративного назначения. Вариабельность форм и размеров игл позволяет предположить специализацию разных типов для различных по материалу и назначению изделий (одежды и аксессуаров).

ЛИТЕРАТУРА

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.Ф., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 408 с.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 1992. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск: ТГПИ. 130 с.

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати. 192 с.

Кривцова-Гракова О.А., 1951. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА. №21. С. 152–182.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2012. Поселение «Каменный Брод» – спутник укрепленного центра Аркаим: стратиграфические горизонты и ритмы повторов жизненных циклов в «Стране городов» // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 50–62.

Медведева П.С., Мочалов О.Д., Орфинская О.В., 2017. Древнейшие свидетельства ткачества в Поволжье (по материалам из памятников потаповского типа) // Stratum Plus. №2. С. 345–358.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г., 2015. Древности леостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. 196 с.

Куприянова Е.В., 2016. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия. 119 с.

Подобед В.А., Цимиданов В.В., 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологический сборник. №13/14. Донецк: Изд-во Донецкого университета. С. 98–121.

Ткачев А.А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: ТюмНГУ. 289 с.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Усманова Э.Р., 2002. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда – Лисаковск. 232 с.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А., 2008. Погребения с женскими украшениями Алакульского могильника бронзового века // Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. С. 217–235.

Влияние восточноевропейских культурных образований на формирование населения эпохи ранней бронзы Восточного Казахстана

© 2018 И.В. Мерц

Работа выполнена при поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.» №AP05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья»

Аннотация. В работе рассматриваются проявления восточноевропейских культурных влияний на сложение и развитие населения раннего бронзового века Восточного Казахстана. На основании анализа металлокомплекса, каменных, костяных изделий, керамики, колесного транспорта, данных антропологии и генетики выделяются отдельные факты, подтверждающие наличие культурных связей между этими отдаленными регионами.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, эпоха ранней бронзы, миграции, культурогенез.

Ранний бронзовый век Восточного Казахстана до недавнего времени оставался практически не изученным периодом в археологии. Целенаправленные исследования в этой области позволили собрать и обобщить все имеющиеся материалы (Мерц, 2017). Однако среди культурных образований региона выделился целый пласт отдельных артефактов, позволяющих говорить о существовании восточноевропейского культурного влияния на развитие древнего населения. Наиболее ярко оно проявляется среди металлических, каменных и костяных предметов, транспортных средств, менее выражено – на керамике. Общую картину дополняют данные антропологии и генетики.

1. В *металлокомплексе* – это наконечники с несомкнутыми втулками копий, стрел, долот, черешковые кинжалы и наконечники стрел с орнаментом. Преимущественно все они являются случайными находками или происходят из многослойных стоянок – Экибастуз 17, Шидерты 3, Тюмень 4 и др. (Рис. 1: 1–10). Эти артефакты находят прямые аналогии среди ямных, катакомбных, абашевских и синташтинских комплексов. Химический анализ показал наличие в сплавах некоторых из них мышьяка, а в некоторых – олова. Данные особенности металла указывают на западные истоки (мышьяк) металлургии бронзы региона и на последующую переориентацию на восточноказахстанские источники сырья (олово) (Мерц, 2017. С. 11).

2. Среди *каменных орудий* – это сверленые и привязные топоры, наконечники стрел с асимметричным пером и усеченной базой, а также черешковые изделия с подтреугольным пером и шипами, булава, ступа с канелюрой. Часть из них происходит из единичных погребений – Шауке 1 и поселений: Экибастуз 17, Жыланды 1, 2, Семипалатинские Дюны и др., остальные – случайные находки (Рис. 1: 11–16). Каменные сверленые топоры в Восточном Казахстане относятся к афанасьевской культуре, сформировавшейся в результате миграций носителей ямной культурной традиции (Хохлов и др., 2016. С. 94). Привязные топоры имеют широкие аналогии в Восточной Европе и их появление в Казахстане связано с «западными» культурными влияниями в позднe- и пост- катакомбное время (Мерц, Волошин, 2015. С. 226, 230). Аналогии асимметричным наконечникам стрел наблюдаются только среди изделий из погребений донецкой и ингульской катакомбных культур Восточной Украины (Кияшко, 2002. С. 225, Табл. XVII. 2, 3, 12). Прямые параллели черешковым наконечникам и булаве имеются среди изделий синташтинской культуры Южного Урала, нуртайской (петровской) Центрального Казахстана и раннесрубной культуры Нижнего Поволжья (Мерц, 2017. С. 18). Ступы с каннелюрами известны на балановских памятниках Волго-Камья, степного Поднепровья и др. (Бадер, Халиков, 1987. С. 80. Рис. 40: 7).

3. Особую категорию инвентаря составляют *украшения из раковин* рода Unio sp. (перловица), найденные в могильнике Шидерты 10. Ближайшие места обитания представителей рода Unio отмечены в реках Европы и Средней Азии. Пряжки из этой раковины были распространены в маныченских катакомбных погребениях (Шишлина и др., 2013. С. 124).

4. В отличие от перечисленных выше категорий инвентаря *керамика* Восточного Казахстана обладает менее выраженными признаками, характеризующими «западные» культурные влияния. Количество такой посуды не превышает в регионе 0,7–3,0 % от общей выборки, и встречается, как правило, на отдельных памятниках: Экибастуз 17, Бассейн 1, Гренада, Шауке 1 и др. Небольшая часть этой керамики выделяется своими шаровидными и амфоровидными формами (поселение Гренада) (Рис. 1: 23–24). В подавляющем большинстве инокультурные влияния выражаются в наличии орнаментальных композиций в виде «шахматной» и «ромбической» сетки, вертикальных «зигзагов» и «расчесываний». Среди орнаментальных мотивов – это ступенчатые пирамидки, взаимопроникающие подтреугольные фигуры, иногда оформленные т.н. «бахромой». Среди налепного декора – прямые, зигзагообразные, волнистые валики, рассеченные наколами или противонаправленными защипами пальцев, вертикальные налепы, количество которых варьируется от одного до трех (Рис. 1: 25–29). Аналогии подобной посуде наблюдаются в материалах катакомбных и многоваликовых культур Волго-Донья и Восточной Украины (Кияшко, 2002, Рис. 120: 12; Санжаров, 2010. С. 346, Рис. 223–224; Ткачев, 2007. С. 251).

5. Сведения о *колесном транспорте* региона представлены находками из могильника Копа и петроглифами (Рис. 1: 17, 19–22). Конструктивно копинские «экипажи», по-видимому, были наиболее близки к катакомбным, обнаруженным в кургане Улан IV в Придонье (Рис. 1: 18) (Шишлина и др., 2013, Рис. 2). Судя по петроглифам, у населения Восточного Казахстана существовали еще и двуколки, куда запрягали лошадей (Рис. 1: 20–22) (Самашев, 1992. С. 147, 150, Рис. 6, 91). Позднее, в начале II тыс. до н. э., под влиянием колесничих культур в Восточном Казахстане появляются двуколки уже со спицованными колесами.

6. Общую картину дополняют *данные антропологии и генетики*. На рубеже IV-III тыс. до н. э. в Восточ-

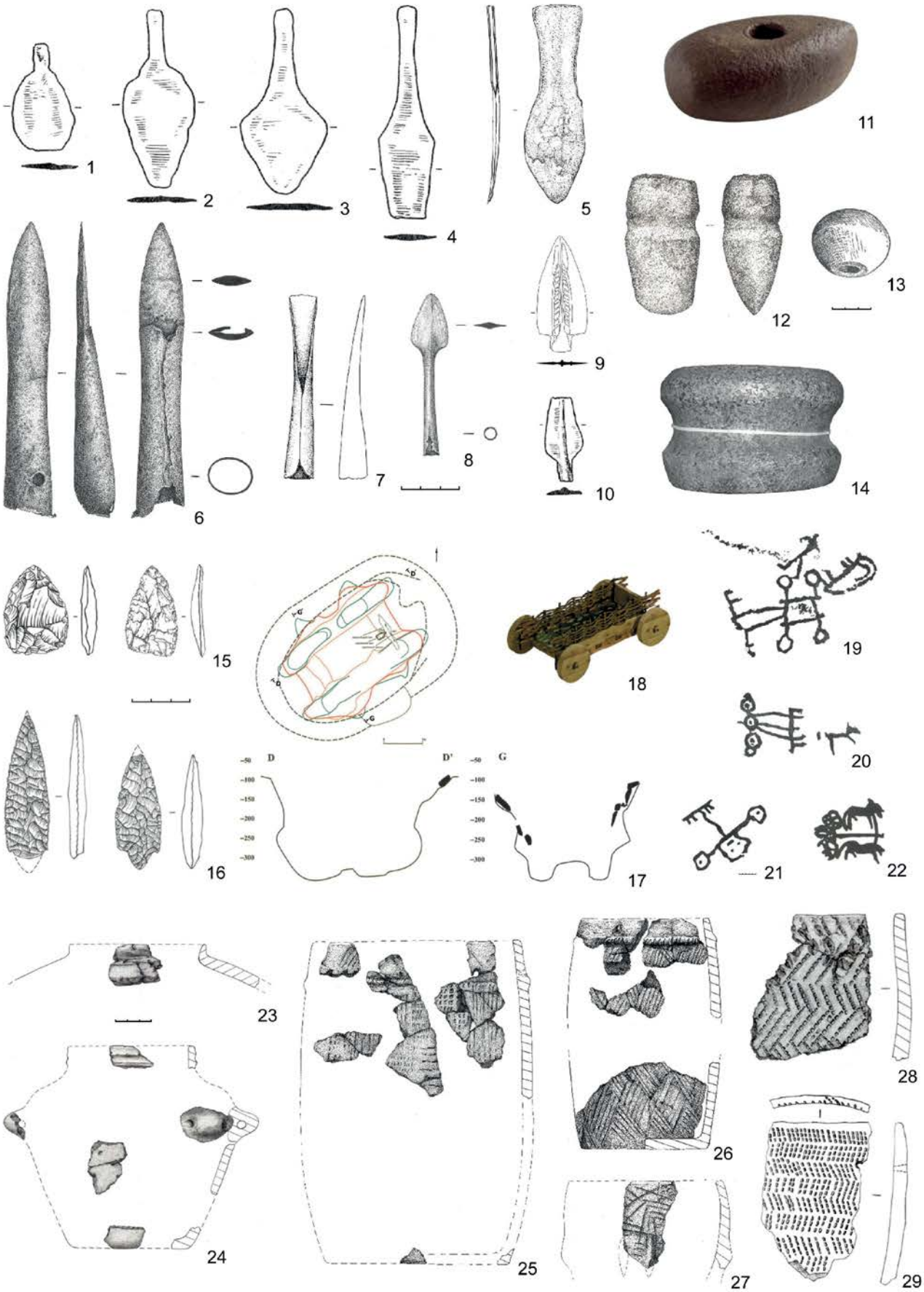


Рис. 1. Материалы раннего бронзового века Восточного Казахстана отражающие «западные» культурные влияния: 1–3 – «Алтай»; 4 – «Усть-Каменогорский уезд»; 5, 15, 25, 26 – Экибастуз 17; 8 – Джеламбет; 6 – Курчумский район; 7 – Шидерты 3; 8 – Тюмень 3; 9 – «Старая крепость»; 10 – Джеламбет; 11 – Семипалатинские Дюны; 12 – Шауке 1 могила 4; 13–14 – Аблайкит; 16 – Жиланды 1, 2; 17 – Копа курган 2; 18 – реконструкция повозки из кургана Улан IV; 19 – Курчум; 20 – Мойнак; 21 – Акбаур; 22 – Покровка; 23–24 – Гренада; 27 – Бассеин 1; 28 – Шидертинское 2; 29 – Павлодарское.

ный Казахстан, по-видимому, из Волго-Уралья, проникают носители протоевропейского антропологического типа, принявшие участие в формировании афанасьевской культуры. В середине III тыс. до н. э. в миграции включилось европеоидное население долихокранного высоколицего типа, характеризующиеся краниологическими особенностями южной европеоидной средиземноморской расы (Мерц, 2017. С. 21). Происхождение этого населения, по мнению одних исследователей, связано с районами, прилегающими к Северному Кавказу, а других – с Поволжьем (катакомбная культура) (Солодовников, 2006. С. 18, 20; Хохлов и др., 2016. С. 96; Козинцев, 2008. С. 142). О направление культурных связей по линии запад-восток говорят и результаты ДНК анализов погребенных из кургана 3 Айна-Булака I. Установлено, что умершие люди относятся к группе европейского генеза: мужчина – к евразийской гаплогруппе H, женщина – к евразийской гаплогруппе T1a, происходящей из Восточной Европы (Куликов и др., 2005. С. 222).

Таким образом, перечисленные факты наиболее ярко демонстрируют восточноевропейские импульсы, достигающие центральных районов азиатских степей. Можно утверждать, что проникновение населения с Востока Европы в азиатские степи проходили на протяжении всего раннего бронзового века, начиная с «ямного» и заканчивая синташтинско-петровским временем. Эти миграции заложили основу формирования культур Восточного Казахстана (елунинской, алкабекской и последующей андроновской), а также сопредельных территорий, постепенно изменив антропологический тип населения и принеся сюда металлургию меди и бронзы, колесный транспорт, а также скотоводство, основанное на разведении лошадей, КРС и МРС. Дальнейшие исследования раннего бронзового века региона позволят уточнить особенности этих процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Халиков А.Х., 1976. Памятники балановской культуры. САИ. Вып. В1–25. М.: Наука. 168 с.

Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 227 с.

Козинцев А.Г. 2008. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (36). Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 140–144.

Куликов Е.Е., Кирюшин Ю.Ф., Серегин Ю.А., Тишкин А.А., Полтараус А.Б., 2004. Результаты палеогенетических исследований (по материалам погребений младенцев на памятнике Березовая Лука) // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 228 с.

Мерц И.В. 2017. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул. 26 с.

Мерц И.В., Волошин В.С., 2015. Случайная находка каменного шлифованного топора-молота на оз. Жамантуз (Казахстан) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвященных 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 226–232.

Самашев З.С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алмата: Гылым. 288 с.

Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля. 488 с.

Солодовников К.Н., 2006. Население Горного Алтая и Лесостепного Алтая эпохи ранней бронзы по данным антропологии // Автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул. 26 с.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АОЦИЭА. 384 с.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П., 2016. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. №3 (34). Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН. С. 86–106.

Шишлина Н., Ковалев Д., Ибрагимова Э., 2013. Повозки катакомбной культуры евразийских степей // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист. С. 119–126.

Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе

© 2018 Р.А. Мимоход

Аннотация. Основной посткатакомбный культурный контекст в Волго-Уралье представлен двумя культурными образованиями (XXII–XX вв. до н. э.): волго-донской бабинской культурой и волго-уральской культурной группой. Они связаны с двумя культурными кругами блока посткатакомбных культурных образований, который сформировался в финале средней бронзы на территории степи-лесостепи от Прута до Приуралья. Волго-донская бабинская культура относится к культурному кругу Бабино, волго-уральская группа – к культурному кругу Лола.

Ключевые слова: волго-донская бабинская культура, волго-уральская культурная группа, финал средней бронзы, волго-уральский регион.

С выделением посткатакомбного пласта памятников в Предкавказье и Нижнем Поволжье культурная ситуация на юге Восточной Европы на рубеже среднего и позднего бронзового веков стала понятнее. Выяснилось, что фактически по всему ареалу распространения катакомбных культур на их основе в финале СБВ сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005). Сейчас он делится на два культурных круга: культурный круг Бабино и культурный круг Лола (Мимоход, 2016). В первый входят днепро-прутская, днепро-донская (Литвиненко, 2009) и волго-донская (Мимоход, 2014) бабинские культуры, во второй – лолинская культура, архонская, кубанская и волго-уральская культурные группы (Мимоход, 2006; 2010; 2013;

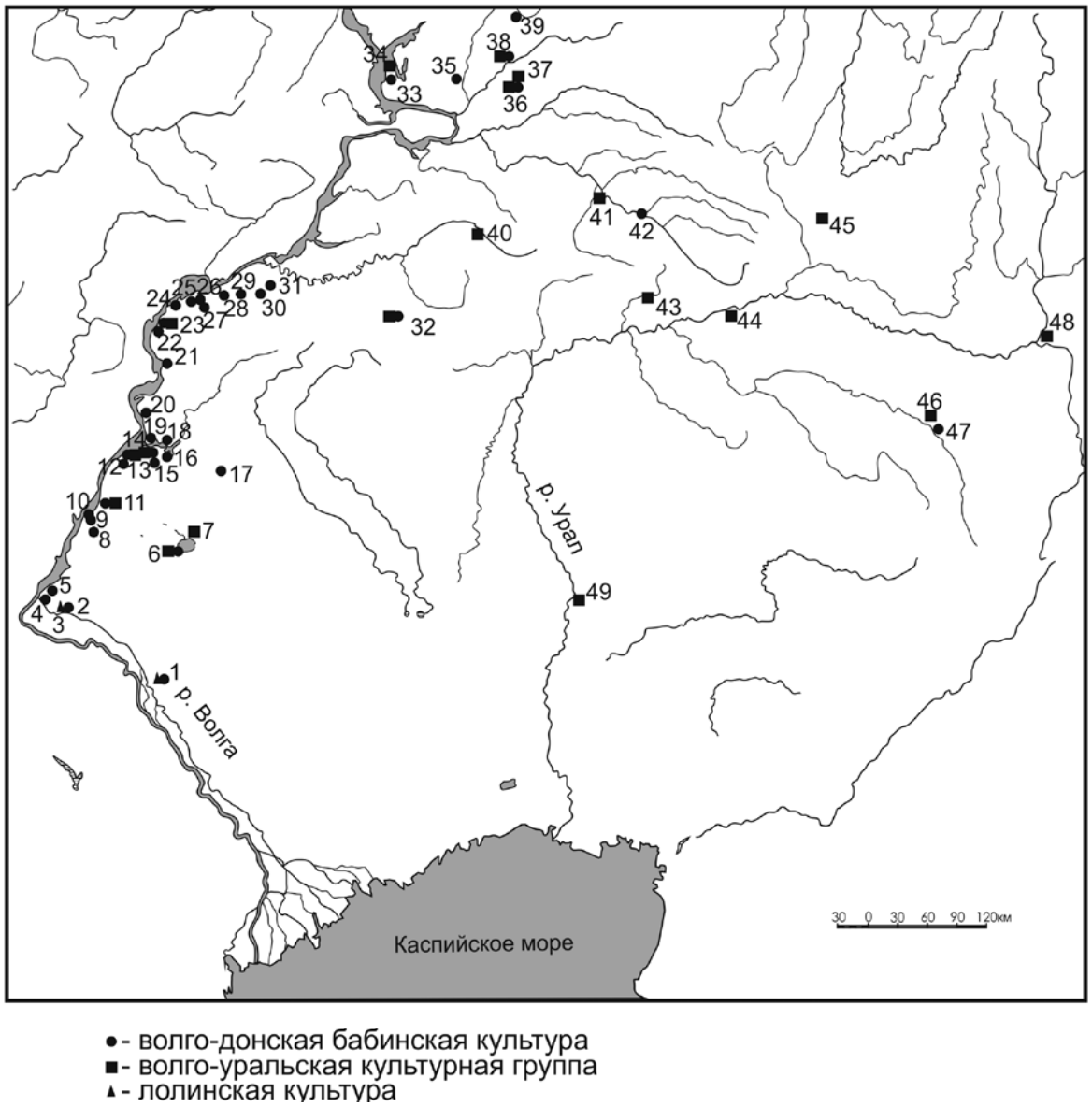


Рис. 1. Территория погребальных комплексов посткатакомбного периода в Волго-Уральском регионе.
1 – Степная IV 3/1, Степная IV 1/11, Степная IV 3/3, 2 – Царев 66/1; 3 – Бахтияровка 32/4, 4 – Волжский 2/11,16; 5 – Калиновский 6/1, 6/3, 8/15, 54/2; 6 – Красная деревня 8/4, 8/5, 15/5; 7 – Венгеловка 5/1; 8 – Ямки 1/4, 3/8; 9 – Верхний Балыклей 2/2, 4/1, 3, 4, 6/4, 5, 6; 10 – х. Степана Разина 1/14; 11 – Быково I 4/3, Быково II 5/9, Быково I 15/1,2; 12 – Рыбный 3/16; 13 – Политодельское 3/5, 4/27, Политодельское 12/18; 14 – Бережновка I 8/4,5, 9/14, 3/11, II 14/4, 87/3; 15 – Новая Молчановка 1/7; 16 – Западные могилы 20/4,5; 17 – Кумыска II 1/2; 18 – Белявская 2/1; 19 – Потемкино 3/3; 20 – Белокаменка 3/8; 21 – Скатовка 6/1, 18/1, 21/7; 22 – Узморье 1/6, 2/7; 23 – Смеловка 2/1,3, 3/2; Смеловка, гр. мог. п. 111, Смеловка гр. мог. п. 6, 9, 12, 20, 33, 70, 112, 128; 24 – Покровск 36/1, 37/2, Е 4/3; Покровский курган п. 1; 25 – Сусловский 9/1; 26 – Крутояровка 11/3; 27 – Советское 2/15, од.кург/6; 28 – Рунталь 1/1; 29 – Калмыцкая Гора F 6/7, 2/10, Калмыцкая Гора-2012 п. 6; Бородаевка 2/2,3; 30 – Чапаевка 6/1; 31 – Караман 3/1; 32 – Светлое озеро 1/1, 7/1, Светлое Озеро 6/3; 33 – Ягодное I 3/1; 34 – Хрящевка 2/1, 2/2; 35 – Николаевка 3 2/1, 3/3,4, 5/1; 36 – Грачевка I 10/1, Грачевка II 5/3; 37 – Красносамарский I 1/2; 38 – Утевка V 4/1, Утевка I 1/2; 39 – Калиновский I 1/4; 40 – Журавлиха 10/1; 41 – Перевозинка 2/32; 42 – Скворцовка 5/3; 43 – Шумаево II 3/2, 6/1; 44 – Пятилетка 5/1; 45 – Имангулово 2 5/3; 46 – Восточно-Курайли 1 1/1; 47 – Учебный полигон п. 3; 48 – Новый Кумак 25/12,13,14; 49 – Мамбеталы 5/1.

Кореневский, Мимоход, 2011). Генезис культурных кругов Бабино и Лола связан с двумя миграционными импульсами. Бабинские культуры сформировались под воздействием импульса из Центральной Европы и карпато-балканского региона (Lytvynenko, 2013; Мимоход, 2016). Культурные образования лолинского круга являются результатом миграции восточнокавказского населения в степь в условиях сильной аридизации (Мимоход, 2013; 2016).

Территория Волго-Уралья является восточной периферией посткатакомбного мира. Погребения лолинской культуры здесь единичны и располагаются на правом берегу Волги в пределах юга Волгоградской и севера Астраханской областей (Рис. 1). Относятся они к раннему этапу развития культуры.

Основной посткатакомбный культурный контекст в Волго-Уралье представлен двумя культурными образованиями: волго-донской бабинской культурой (ВДБК) и вол-

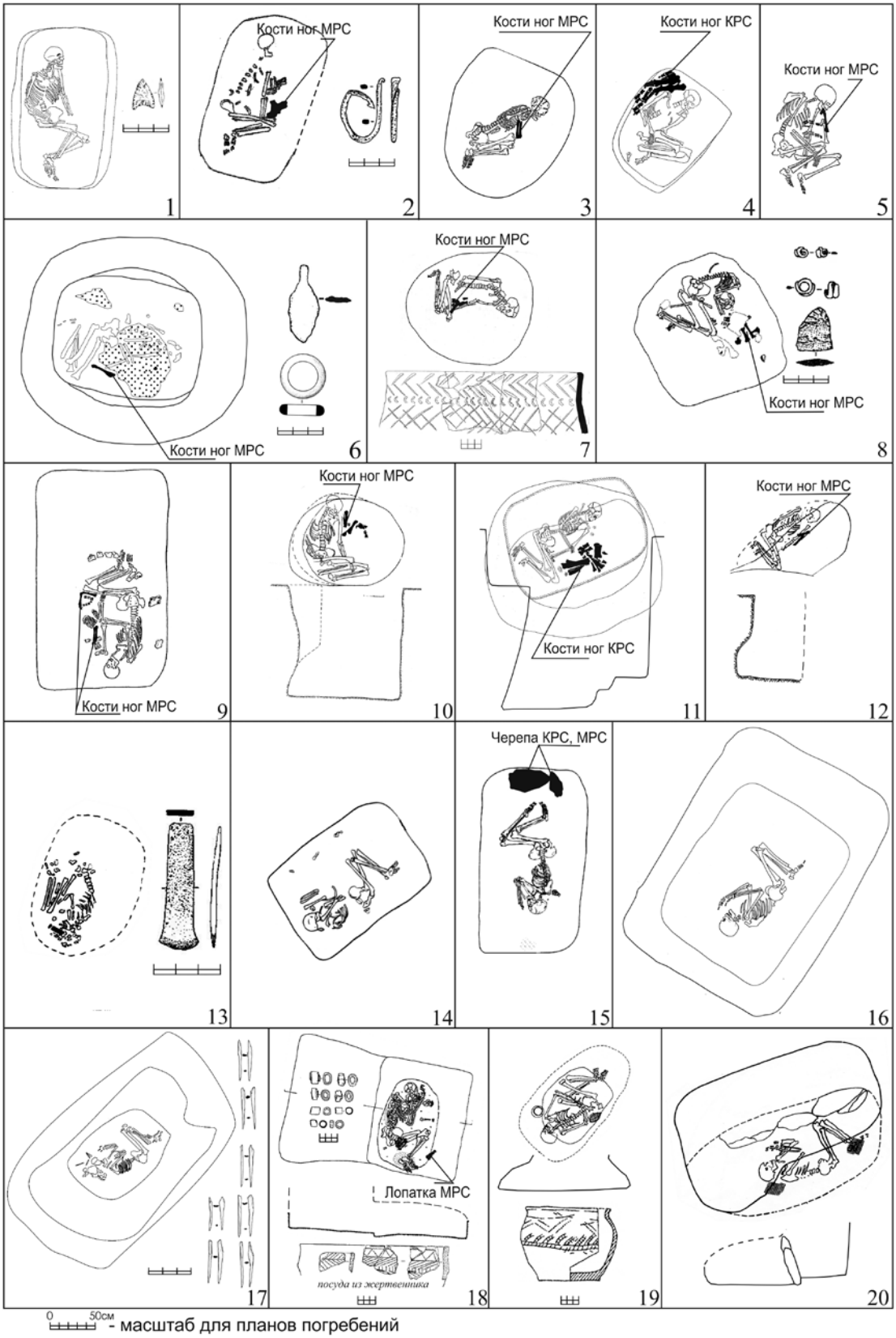


Рис. 2. Посткатакомбные погребения в волго-уральском регионе.

1–12 – погребения волго-донской бабинской культуры: 1–5 – погребений I-й обрядовой группы; 6–8 – погребения II-й обрядовой группы; 9 – погребение III-й обрядовой группы; 10–12 – погребения IV-й обрядовой группы (1 – Смеловка 2/3; 2 – Красная деревня 15/5; 3 – Грачевка II 10/1; 4 – Николаевка 3 3/3; 5 – Бережновка I 5/8; 6 – Верхний Балыклей 4/4; 7 – Рунталь 1/1; 8 – Светлое Озеро 6/3; 9 – Бережновка I 5/21; 10 – Смеловка 3/2; 11 – Утевка V 4/1; 12 – Верхний Балыклей 4/3).

13–20 – погребения волго-уральской культурной группы: 13–17 – погребения I-й обрядовой группы; 18–20 – погребения II-й обрядовой группы (13 – Утевка I 1/2; 14 – Хрящевка 2/1; 15 – Грачевка II 5/5; 16 – Перевозинка 2/32; 17 – Имангулово 2 5/3; 18 – Светлое Озеро 1/1; 19 – Смеловка, гр. мог. п. 6; 20 – Новый Кумак 25/14).

го-уральской культурной группой (ВУКГ). Они связаны с двумя культурными кругами блока посткатакомбных культурных образований, который сформировался в финале средней бронзы на территории от Прута до Приуралья. Волго-донская бабинская культура относится к культурному кругу Бабино, волго-уральская культурная группа к культурному кругу Лола.

Волго-донская бабинская культура. В указанном регионе известно 74 захоронения. Это немногим меньше, чем на левобережье Волги и в Волго-Донском междуречье. В основном памятники тяготеют к волжскому правобережью, хотя единичные погребения встречаются вплоть до Приуралья (Рис. 1). В массиве комплексов Волго-Уралья волго-донской бабинской культуры можно выделить четыре обрядовые группы. Это захоронения в ямах с ориентировкой в северный сектор (ОГ I) (Рис. 2: 1–5), в восточный (ОГ II) (Рис. 2: 6–8) и изредка на юг (ОГ III) (Рис. 2: 9). Отдельную IV ОГ составляют немногочисленные захоронения, совершенные в ямах с подбойной конструкцией (Рис. 2: 10–12). Визитной карточкой ВДБК, как и для других посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2007), является анатомический состав и видовая принадлежность костей животных в погребениях. Для волго-донского Бабино – это кости ног МРС и КРС (Рис. 2: 2–12).

В стратиграфическом отношении посткатакомбный возраст группы хорошо подтверждается. В двух случаях в Волго-Уралье погребения ВДБК следовали за погребениями волго-донской катакомбной и полтавкинской культур, а в 10 случаях захоронения волго-донского Бабино были перекрыты покровскими захоронениями. Случаев обратной стратиграфии на сегодняшний день мы не имеем, равно как и в волго-донском междуречье, где стратиграфических связок ВДБК как с комплексами культур предшествующего, так и последующего времени больше.

Следует отметить, что ВДБК волго-уральского региона имеет некоторые структурные отличия от однокультурных погребений волго-донского междуречья. Например, в последнем регионе основные погребения и захоронения с досыпками составляют четверть от всех комплексов этой территории, в то время как в Волго-Уралье это значение в два раза выше. Также показательно процентное соотношение погребений самых многочисленных I-й и II-й ОГ. В волго-донском междуречье этот показатель составляет 78 % и 11 % соответственно, в то время как в волго-уральском регионе – 57 % и 33 %. Иными словами, при наличии единого культурного пространства (волго-донское Бабино) налицо факт сокращения на левобережье Волги ориентировок в северный сектор и увеличения в восточный. Речь не идет о выделении в Волго-Уралье локального варианта ВДБК, хотя и указанные территориальные различия игнорировать нельзя. Они могли быть обусловлены региональными особенностями культурогенеза.

Волго-уральская культурная группа. Она немногочисленна – всего 29 погребений (Рис. 1). Большинство из них тоже тяготеет к левобережью Волги, но в отличие от ВДБК они лучше представлены в Приуралье и глубинных районах волго-уральской степи. Последняя территория плохо изучена, не исключено, что ареал этой группы может уходить и в северо-восточные районы Казахстана. В волго-уральской группе можно выделить две обрядовые группы. ОГ I – захоронения в ямах с ориентировкой в южный и юго-западный сектор (Рис. 2: 13–17), в отдельный случаях – это глубокие ямы с заплечиками в нижней части (Рис. 2: 16, 17)[1], ОГ II – погребения в ямах с подбоем (Рис. 2: 18–20). Соотношение I-й и II-й обрядовых групп в регионе составляет – 62 % и 28 %.

Немногочисленные стратиграфические данные также свидетельствует о датировке волго-уральской культурной группы финалом средней бронзы. В одном случае погребение ВУКГ перекрыло погребение волго-донской катакомбной культуры, 5 раз посткатакомбные комплексы были перекрыты захоронениями начала поздней бронзы: покровскими и синташтинскими.

Происхождением ВУКГ связано с раннелолинской культурой, причем с ее маргинальными ОГ, которые генетически восходят к восточноманычской катакомбной культуре (Мимоход, 2010; 2013). Неудивительно поэтому, что в захоронениях этой группы при ориентировках в южный сектор иногда встречаются лопатки МРС, помещенные в комплексы в поздневосточноманычских-раннелолинских традициях (Рис. 2: 18) (Мимоход, 2007; 2013). Еще одной диагностичной чертой обряда ВУКГ оказались следы огня в могилах. Угли, зола и результаты горения встречаются в погребениях этой группы в процентном соотношении в 8 раз чаще, чем в генетически связанной с ней раннелолинской культуре.

Таким образом, территория волго-уральского региона оказалась маргинальной, но в тоже время контактной зоной, где происходило взаимодействие традиций культурного круга Бабино (ВДБК) и культурного круга Лола (ВУКГ). Помимо четкой стратиграфии в Волго-Уралье в материалах ВДБК и ВУКГ есть хорошо датируемые категории инвентаря. В волго-донском Бабино – это костяная или роговая кольцевидная пряжка (Рис. 2: 6), которая маркирует раннюю фазу существования посткатакомбного блока. По материалам правобережья Волги известно, что волгодонское Бабино существует и на второй фазе (Мимоход, 2010), стыкуясь с началом поздней бронзы – горизонтом колесничих культурных образований. В материалах ВУГК хронологическими маркерами являются бронзовое тесло и сосуд (Рис. 2: 13, 19), которые находят убедительные аналогии в материалах рубежа средней – поздней бронзы Урала и Предкавказья.

Время существования волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы на указанной территории можно определить в интервале XXII-XX cal BC. Он короче, чем на других территориях посткатакомбного мира, который не оказался в ядре формирования колесничных культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выражаю искреннюю признательность Н.Л. Моргуновой за возможность публикации комплекса Имангулово 2, 5/3 (Рис. 2: 17).

ЛИТЕРАТУРА

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН. 120 с.

Литвиненко Р.О., 2009. Культурне коло Бабино (по

матеріалам поховальних пам'яток) // Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Киев. 32 с.

Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Киев: Шлях. С. 70–74.

Мимоход Р.А., 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. Сухум. С. 249–253.

Мимоход Р.А., 2007. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №7. Луганськ: Вид-во СНУ ім. Даля. С. 118–127.

Мимоход Р.А., 2010. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецький археологічний збірник. №13/14. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту. С. 67–82.

Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН. 568 с.

Новые материалы ямной культуры в I курганном могильнике у с. Красиково в Оренбургской области

© 2018 Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев, А.А. Файзуллин, М.А. Кулькова, О.С. Хохлова

Работа выполнена при поддержке Госзадания №33.1389.2017. Министерства образования и науки РФ.

Аннотация. Курганный могильник у села Красиково изучался экспедицией ОГПУ в 2015–2016 гг. Раскопано 5 курганов. Основные погребения курганов 1–3 относятся к раннему этапу ямной культуры. Калиброванный интервал совершения основных погребений находится в пределах от 3600 до 3100 лет ВС. Культурная принадлежность курганов 4–5 не определена.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, ямная культура, культ черепа.

В 2015–2016 гг. отрядом Оренбургской археологической экспедиции Оренбургского государственного педагогического университета были проведены археологические раскопки I курганного могильника у с. Красиково в Красногвардейском районе Оренбургской области. Памятник был открыт Н.Л. Габелко (Моргуновой) в 1977 г. Могильник расположен в 1 км к северу от с. Красиково, на обрывистом левом берегу р. Ток (правый приток р. Самары) и состоит из 6 земляных курганов диаметром от 13 до 40 м и высотой от 0,25 до 2,0 м. Самый большой курган остался неисследованным.

Подкурганная площадка *кургана №1* была окружена кольцевым рвом шириной 3–5 м и глубиной от 47 до 106 см. Основное *погребение 1* находилось в центральной части подкурганной площадки и было совершено в прямоугольной яме со ступенькой. Костяк мужчины 30–35 лет лежал на дне погребения на растительной циновке, на правом боку, с некоторым завалом на спину, с сильно согнутыми ногами, головой на восток. Кости ступней были сильно окрашены охрой (Рис. 1: 8).

Подкурганная площадка *кургана №2* была окружена кольцевым рвом шириной 2,0–3,5 м и глубиной от 100 до 189 см. В насыпи кургана, в погребенной почве и в заполнении рва были обнаружены фрагменты керамики, кремневые изделия (пластины, нуклеус, сколы), кости животных. Основное *погребение 1* находилось в центральной части подкурганной площадки, совершено в прямоугольной яме со ступеньками (Рис. 1: 1). В северо-восточном углу могилы были обнаружены компактно сложенные кости таза, ног, рук и ребра человека, на которых была найдена костяная пектораль из клыка кабана (Рис. 1: 2). Дно ямы покрыто толстым слоем органической подстилки. Череп мужчины 30–40 лет находился в западной половине ямы на подставке из глины. Он был установлен вертикально, лицом на восток, по всей окружности был укреплен плотной спрессованной глиной. Перед лицевыми костями лежали нижняя челюсть и дальше к востоку – массивный кварцитовый наконечник стрелы листовидной формы (Рис. 1: 3).

Погребение 2 (впускное) находилось в центральной части кургана, в основании насыпи, вблизи от основного погребения 1. Костяк женщины 30–40 лет лежал в скорченном положении на спине, головой на В. Череп и ноги в сильно скорченном положении обращены в левую сторону. Кисть левой руки располагалась на тазовых костях погребенного, кисть правой руки частично перекрывала кости ступни правой ноги. В районе черепа, ребер и ступни правой ноги отмечены пятна красной охры (Рис. 1: 4). Вещей в погребении не было.

В *кургане №3* обнаружено 4 погребения – два впускных (№1, 2), на уровне погребенной почвы, и комплекс из погребений ямной культуры №3 и 4, над которыми был насыпан курган.

Основное *погребение 4* находилось в центральной части подкурганной площадки и совершено в прямоугольной яме глубиной 120 см. Скелет мужчины 30–35 лет находился на дне могилы на растительной циновке в позе на спине с сильно согнутыми вправо ногами, головой на ВЮВ (Рис. 1: 5). Кости ступней были сильно окрашены охрой. В юго-восточном углу могилы был обнаружен развал сосуда яйцевидной формы, верхняя часть которого украшена отпечатками веревочного штампа (Рис. 1: 6).

Погребение 3 представляло собой захоронение ребенка (8–10 лет) на материке на участке подкурганной площадки, примыкающей с юго-востока к основному захоронению. Костяк располагался в слегка скорченном положении, своеобразной «дугой» по очертаниям закругленного угла ямы погребения 4. Кости стоп погребенного не сохранились, руки были расположены за спиной (Рис. 1: 7). Неестественное положение костяка, а также отсутствие каких-либо следов могильной ямы позволяют высказать предположение, что данное погребение было совершено одновременно с основным,

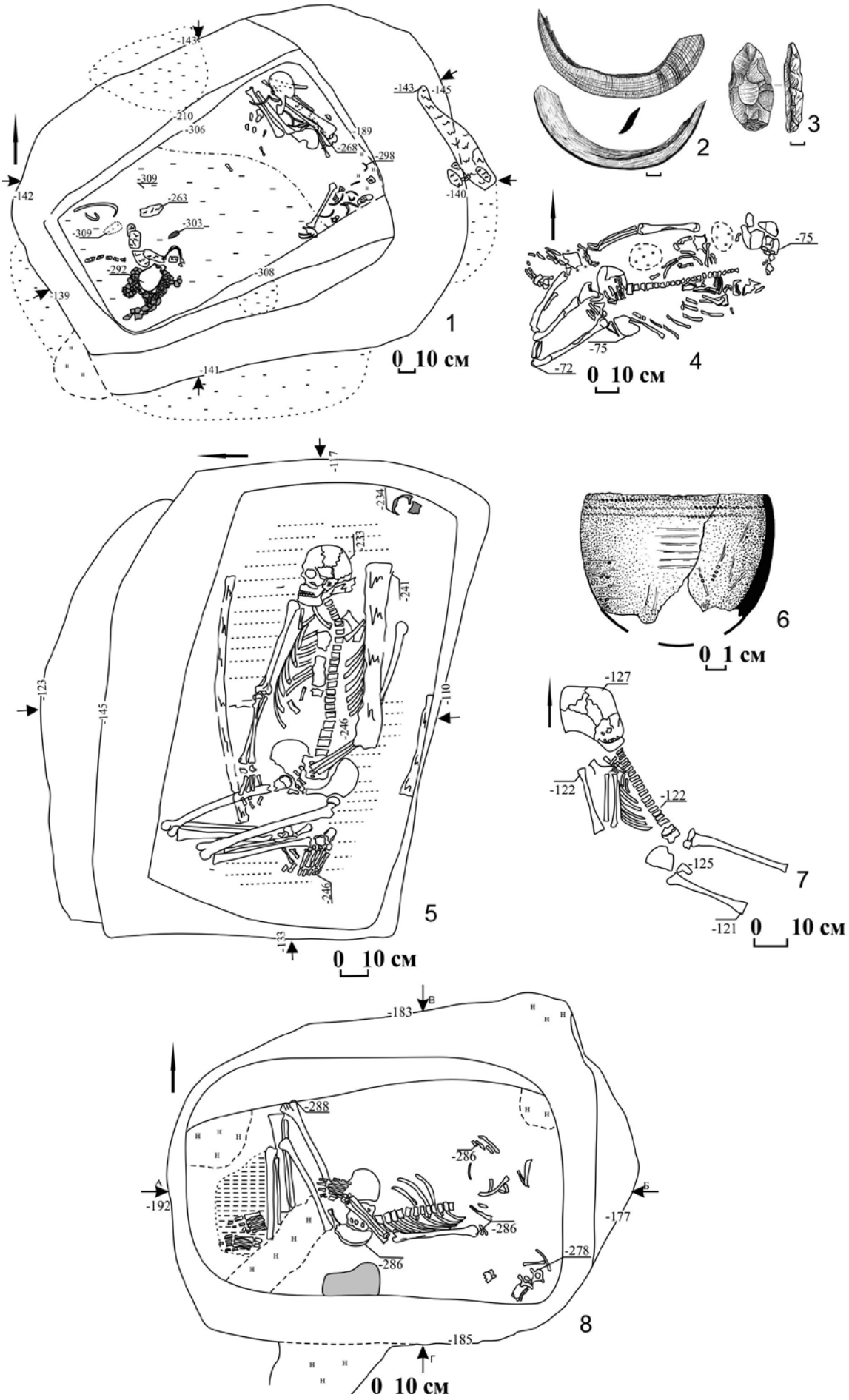


Рис. 1. Погребения ямной культуры в КМ Красиково I: 1 – Красиково 2/1; 2 – пектораль; 3 – кварцитовый наконечник стрелы; 4 – Красиково 2/2; 5 – Красиково 3/4; 6 – Красиково 3/4 (керамика); 7 – Красиково 3/8; Красиково 1/1.

возможно, в качестве сопровождающей жертвы. Однако радиоуглеродная дата по этому погребению указывает на его более ранний возраст.

Под *курганом №4* в могильной яме прямоугольной формы было обнаружено почти полностью разрушенное землероями захоронение мужчины 35–50 лет. На тазовой кости выявлен след от травмы, которая читалась наличием на кости окислов меди и торчавшим из костной ткани фрагментом металлического оружия.

Под *курганом №5* в яме глубиной до 105 см был найден расчлененный костяк хищного животного; погребений людей в кургане не обнаружено.

Культурная и хронологическая принадлежность комплексов курганов 4 и 5 по археологическим данным достоверно не устанавливается из-за отсутствия артефактов.

Курганы 1–3 относятся к ямной культуре по совокупности таких признаков, как наличие кольцевых рвов, могильные ямы со ступеньками, ориентировка и положение погребенных, наличие охры и органических подстилок.

Особый интерес вызывает основное погребение в кургане 2. Подобные погребения черепов на глиняных подставках уже отмечались в погребальных комплексах Приуралья в КМ Герасимовка II, 4/2 (Моргунова, 1992. С. 20), Мустаево V, 8/2 (Моргунова, Краева, Матюшко, 2005. С. 15). Данный тип курганов может рассматриваться как святилища, а размещение отделенных черепов в могилах как погребения представителей культовой сферы (Моргунова, 2014. С. 112; Файзуллин, 2014. С. 592). В погребении была найдена пектораль из клыка кабана и кварцитовый наконечник – предметы, указывающие на энеолитический возраст комплекса. Однако достаточно сложившиеся приемы устройства курганов с глубокими рвами и самого погребения позволяют отнести его к РБВ, к ямной культуре.

Уточняют хронологическую позицию ямных комплексов радиоуглеродные даты, полученные по всем основным погребениям курганов 1–4. Они взаимно проверяются данными как по дереву, так и по костям человека. Кроме того, анализ костей человека на содержание стабильных изотопов из всех погребений показал отсутствие резервуарного эффекта.

Самым ранним курганом оказался курган 1, погребение 1: по дереву – 4820±55 BP (SPb–1854), 3707–3511 cal BC; по кости – 4779±50 BP (SPb–1853), 3655–3378 cal BC.

Курган 2, погребение 1: по дереву – 4535±50 BP (SPb–2093), 3382–3020 cal BC; по кости – 4542±70 BP (SPb–2092) 3372–3089 cal BC. Погребение 2 (впускное): 4075±50 BP (SPb–2094), 2761–2477 cal BC.

Курган 3, погребение 3: 4620±55 BP (SPb–1856), 3529–3321 cal BC; погребение 4: по дереву – 4420±55 BP (SPb–1858), 3237–2913 cal BC; по кости – 4565±55 BP (SPb–1857), 3381–3092 cal BC.

Несмотря на отсутствие признаков культурной принадлежности кургана 4 к ямной культуре, ^{14}C дата указывает на его связь с ее репинским этапом. Дата по кости человека: 4610±70 BP (SPb–2095), 3531–3262 cal BC.

На фоне радиоуглеродных дат, полученных в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербурга, ^{14}C дата по кости человека из к. 2, п. 1 на АМС в лаборатории университета г. Орхус (Дания) – 4259±34 BP (AAR 27477), 2910–2877 cal BC, представляется некорректной. Она не коррелируется ни с археологическим контекстом погребения с пекторалью, ни с другими данными исследований Красиковских курганов.

Радиоуглеродные данные и хронологическая очередность сооружения курганов уточняется данными палеопочвоведческого исследования. Все курганы были сооружены в аридный период, что может соответствовать репинскому этапу. При этом время функционирования могильника было непродолжительным, в пределах 100–200 лет. По свойствам почв установлена следующая очередность сооружения насыпей курганов: первым был возведен курган 1, затем – курганы 3 и 4, последними – 2 и 5. Могильник по состоянию погребенных почв был образован до начала развитого этапа ямной культуры. Ранее в результате изучения многих курганов развитого периода ямной культуры было показано, что этот этап характеризуется стабильно благоприятными, гумидными природно-климатическими условиями (Хохлова, 2006; 2007).

Таким образом, все курганы были возведены в достаточно небольшой хронологический интервал и относятся к ямной культуре, к ее раннему, репинскому этапу.

ЛИТЕРАТУРА

Моргунова Н.Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ. С. 5–27.

Моргунова Н.Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно исторической области. Оренбург: ОГПУ. 348 с.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В., 2005. Курганный могильник Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7. Оренбург: ОГПУ. С. 5–49.

Файзуллин А.А., 2014. Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН, Т. 16. №3. Самара: СНЦ РАН. С. 592–596.

Хохлова О.С., 2006. Ямная культура по данным палеопочвенного изучения курганов в Оренбургском Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург. С. 104–109.

Хохлова О.С., 2007. Палеоклиматические реконструкции для III тыс. до н. э. по данным палеопочвенного изучения курганов ямной культуры в Оренбургском Приуралье // Вестник ОГУ. №10. Оренбург. С. 110–117.

Исследование могильника бронзового века «Курган» в лесостепном Притоболье в 2017 году

© 2018 И.К. Новиков, И.А. Спиридонов, М.С. Петров

Аннотация. Статья посвящена исследованию могильника бронзового века Курган, находящегося в лесостепном Притоболье. Описывается история археологического изучения могильника, начатая более 120 лет назад, а также вводятся в научный оборот и интерпретируются новые материалы, полученные при аварийных работах.

Ключевые слова: бронзовый век, погребальный обряд, алакульская культура.

Мало какой археологический памятник может похвастаться трехсотлетней историей исследования и тем, что он дал название городу, а в последствие и региону. Могильник Курган на берегу р. Тобол является именно таким памятником. Известный еще с 1690 г. по чертежам С.У. Ремезова, данный некрополь нашел отражение в работах таких исследователей и путешественников XVIII–XIX вв., как П.С. Паллас, И.П. Фальк, О. Солунов, Н.А. Абрамов, Р.Г. Игнатьев, И.Я. Словцов и др. (Новиков и др., 2014. С. 253). Однако археологические раскопки могильного поля начинаются значительно позже. Лишь в 1893 г. А.О. Гейкель предпринял исследование курганов №8 и №9, располагавшихся между доминирующим над всей округой Царевым Курганом и обрывистым берегом р. Тобол (Heikel, 1894. С. 99). Также автор раскопок отмечал, что рядом с изученными им насыпями располагались другие курганы меньшего размера, а в осыпи берега повсеместно находили остатки скелетов и черепки керамической посуды андроновского облика (Маслюженко и др, 2014. С. 12).

По завершению работ А.О. Гейкеля исследования могильника были прекращены более чем на половину столетия и возобновились лишь в 1959–1960 гг. под руководством К.В. Сальникова, предпринявшего раскопки самого Царева Кургана (Сальников, 1962. С. 38). Продолжение научных изысканий в первую очередь было связано с постепенным обрушением берега, грозившим полным уничтожением величественной насыпи (Сальников, 1959. С. 2). Работы К.В. Сальникова позволили вскрыть большую часть кургана, оставив необследованной лишь узкую полосу, непосредственно прилегающую к обрыву (Сальников, 1959а. Рис. 1). Итогом исследования стало обнаружение бревенчатого настила округлой формы, ямы с костями животных и 16 погребальных объектов, датированных эпохой бронзы (Сальников, 1959. С. 9–16; Сальников. 1960. С. 15–16). Некоторые из них оказались частично разрушенными при сооружении более позднего центрального погребения.

Также К.В. Сальников провел исследование малого кургана, примыкавшего к Цареву и одиночного погребения, частично разрушенного рекой (Сальников, 1959. С. 18). Все это позволило исследователю прийти к выводу о расположении на высоком берегу р. Тобол обширного некрополя бронзового века, состоявшего из курганов и безкурганных погребений, часть из которых в эпоху раннего железа оказалась перекрыта насыпью Царева Кургана (Сальников, 1959. С. 19).

Впоследствии в районе раскопок 1959–1960 гг. проводилось укрепление берега и сооружение набережной, что в свою очередь привело к значительным нарушениям целостности культурного слоя. С момента окончания работ и ввиду продолжившихся постоянных обрушений, могильник на берегу Тобола считался утраченным, несмотря на то, что местные жители еще долгое время находили в осыпи берега различные артефакты и костные останки.

На сегодняшний день от высокого берега реки в нетронутом виде осталась лишь узкая полоса шириной от 20 до 50 м, зажатая между асфальтированной дорогой и обрывом, протянувшаяся на 400 м с северо-запада на юго-восток. Ситуацию осложняет и то, что по этой территории проходит водовод большого диаметра.

Вновь исследование могильника началось лишь в 2015 г. Причиной послужило обнаружение трактористом, прокладывавшим траншею вдоль водовода, керамического сосуда алакульской культуры эпохи бронзы. Данный сосуд представляет собой емкость горшечной формы на поддоне, с уступом в месте перехода шейки в тулово. Орнаментальная композиция включает равнобедренные треугольники и горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым штампом с соблюдением классической зональности (верхняя часть шейки, верх тулова и придонная часть). Дно декорировано узором в виде свастики, выполненной оттисками гребенчатого штампа.

Из информации, полученной при передаче сосуда, следовало, что находка была сделана в 400 м к юго-западу от исследованного К.В. Сальниковым Царева Кургана. Детальный осмотр места обнаружения позволил выявить яму, заполненную прокаленным грунтом, и жертвенник, состоящий из костей крупного рогатого скота. Иных артефактов не зафиксировано.

В 2017 г. в ходе продолженных археологических изысканий в 150 м к северо-востоку от обследованной ранее траншеи в стенке обрыва был обнаружен развал еще одного сосуда эпохи бронзы, а также прокал и контур объекта, интерпретированного как погребение. В связи с возможностью дальнейшего обрушения, грозившего полным уничтожением комплекса, было принято решение о проведении аварийных раскопок.

В районе обнаружения материала был заложен небольшой раскоп, суммарной площадью около 10 кв.м. После снятия верхних напластований, представленных спрессованным, переотложенным грунтом, на отметке –45 см от условного «0» удалось зафиксировать первые очертания вытянутого с северо-запада на юго-восток погребения, размерами 2,0 × 2,2 м. При дальнейшей расчистке заполнения в западном углу объекта на уровне материка были обнаружены остатки древесины (–69/–78 см), располагавшейся параллельно стенкам, что, возможно, свидетельствует об обкладке дна ямы по периметру деревянными плахами. Остатки древесного тлена также отмечены и в поперечном разрезе погребения.

В центральной части погребальной ямы на отметке –80 см зафиксировано некое углубление подпрямоугольно-округлой формы, размерами 74 × 52 см, вероятно представляющее собой остатки норы животного, существенно нарушившего целостность исследуемого объекта. В поддержку данного предположения выступают стратиграфические и планиграфические наблюдения. Так основная часть керамического материала, в том числе развал

сосуда, залегала на уровне материка к востоку и северу от данной норы.

Археологический материал, обнаруженный в заполнении погребения, располагался по большей части на уровне материковой поверхности и включал 30 обломков костей, среди которых лишь три достоверно определены как человеческие, а также 200 фрагментов керамики. Весь керамический комплекс представлен обломками пяти сосудов горшечной формы с уступом в месте перехода шейки в тулово. Орнаментальная композиция включает треугольники, горизонтальные линии, горизонтальный зигзаг и меандры, выполненные прочерчиванием и оттисками гребенчатого штампа. Данные сосуды могут быть интерпретированы в рамках алакульской культуры эпохи бронзы (Алаева, 2016. С. 81; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 96).

Погребальный обряд бронзового века, в особенности алакульской культуры, достаточно стандартизирован. Это обстоятельство позволяет сделать ряд предположений о месте исследованного погребения в общей планировке подкурганного пространства. Если принять за основу кольцевую планировку, характерную для погребального обряда большинства могильников алакульской культуры (Григорьев, 2000. С. 304–305), то, исходя из размерных характеристик и ориентации, исследованное погребение можно отнести к периферийным, подростковым захоронениям, довольно часто размещавшимся к северу и югу от центрального (Новиков, 2012. С. 48). Однако, по наблюдениям ряда исследователей, такие погребения, являясь вписанными в круг, могли не иметь конкретного местоположения (Матвеев, 1998. С. 186–187). Для периферийных крупных погребений также характерна подпрямоугольная форма с небольшим превышением длины над шириной, а т.к. в стенке обрыва располагался целый сосуд, по всей видимости, находившийся в углу ограбленной погребальной ямы, можно предположить, что захоронение исследовано практически полностью и утрачена лишь небольшая часть юго-восточного края погребения. Однако также допустимо предполагать, что данный объект мог являться одиночным грунтовым захоронением, аналогичным погребению, исследованному К.В. Сальниковым в 1959 г.

Период формирования исследованного комплекса на данном этапе работ установить проблематично. Общие хронологические рамки алакульской культуры в настоящее время определяются в пределах XIX-XVI вв. до н. э. (Епимахов, 2016. С. 64; Молодин и др., 2014. С. 145. Рис. 2). При этом из раскопанного К.В. Сальниковым Царева Кургана происходят три образца, подвергнутых радиоуглеродному датированию (Епимахов, 2016. С. 64). Две из полученных дат укладываются в период XIX–XVII вв. до н. э., что позволяет несколько сузить датировку функционирования могильника до этих рамок. О раннем функционирование могильника в рамках алакульской культуры также свидетельствует отсутствие федоровских материалов, присутствующих в большинстве памятников на позднем этапе существования алакульской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Heikel A., 1894. Antiquities de la Sib rie Occidentale. Helsingfors.

Алаева И.П., 2016. Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона // ВААЭ. №3(34). С. 78–85.

Григорьев С.А., 2000. Бронзовый век. Алакульская культура // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 299–314.

Епимахов А.В., 2016. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // ВААЭ. №3(34). С. 60–67.

Маслюженко Д.Н., Новиков И.К., Рябинина Е.А., 2014. Археологические исследования А.О. Гейкеля у д. Курганской в 1893 г. // Зыряновские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции «XII Зыряновские чтения». Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 11–15.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука. 416 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В., 2014. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск.

Новиков И.К., 2012. Предварительные итоги исследований могильника позднего бронзового века Озерное-1 в Убагано-Тобольском междуречье // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) / Отв.ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 47–49.

Новиков И.К., Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н., 2014. Древности Курганского Притоболья // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. XXIII том. Тобольск: Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». С. 249–260.

Сальников К.В., 1959. Отчет об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции производившихся по открытому листу №110, выданному 5 июня 1959 г. на имя К.В. Сальникова // Архив кабинета археологии Уральского федерального университета. Ф. II, Д. 9.

Сальников К.В., 1959а. Альбом к отчету об археологических исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции производившихся по открытому листу №110, выданному 5 июня 1959 г. на имя К.В. Сальникова // Архив кабинета археологии Уральского федерального университета. Ф. II, Д. 9а.

Сальников К.В., 1960. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции, проведенных по открытым листам №106 и 107, выданным 2 июня 1960 г. на имя К.В. Сальникова // Архив кабинета археологии Уральского федерального университета. Ф. II, Д. 10.

Сальников К.В., 1962. Царев курган на реке Тобол // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. С. 38–41.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 407 с.

Сорокин В.С., 1966. Андроновская культура. Вып. 1. Памятники западных районов. М.-Л.: Наука. 64 с.

О выделении петровского строительного горизонта на укрепленном поселении Каменный Амбар

© 2018 С.Е. Пантелеева

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16–18–10332, «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)»)

Аннотация. Проведено изучение пространственного распределения керамики в северной части укрепленного поселения Каменный Амбар. В результате выделено три основных строительных горизонта, связанных с разными керамическими комплексами. Установлено, что заселение площадки городища на петровском этапе продолжало осуществляться в рамках планировки и архитектурных традиций, заложенных еще в синташтинское время.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, керамика.

Укрепленное поселение Каменный Амбар – объект многолетних исследований российско-германской археологический экспедиции (Krause et al., 2010; Корякова и др., 2011; Multidisciplinary investigations..., 2013; Fornasier et al., 2014). В пределах фортификаций поселок первоначально был застроен прямоугольными жилищами, расположенными в четыре ряда и разделенными двумя улицами. Этот строительный горизонт был соотнесен с посудой синташтинского типа. Финальный период функционирования поселения связан со срубно-алакульским керамическим комплексом и представлен жилищами, хаотично расположенными как внутри, так и за пределами укреплений.

Долгое время оставалось не совсем ясным положение в культурном слое третьего компонента керамической коллекции – посуды петровского типа. С одной стороны, доля этого комплекса в выборке довольно значительна, что не позволяет его рассматривать как свидетельство кратковременного посещения поселения носителями петровской традиции. Анализ пространственного распределения находок в заполнении рвов показал, что фрагменты данной посуды концентрируются в слоях, занимающих промежуточную позицию между синташтинскими и срубно-алакульскими отложениями. С другой стороны, на участках внутренней застройки посуда петровского типа большей частью выделялась только типологически, ее положение в слое оценивалось как переотложенное. Затруднения в понимании хроностратиграфической ситуации были в первую очередь обусловлены сильным нарушением нижних строительных горизонтов следами жизнедеятельности позднейших обитателей поселка.

Определенные результаты были достигнуты в ходе анализа материалов раскопа 6, заложенного в северной части укрепленной площадки. Важно отметить, что в данном месте основная часть исследованной регулярной застройки была не потревожена срубно-алакульскими объектами. Здесь были изучены фрагмент стены поселения, остатки восьми построек и небольшой участок «улицы», разделявшей два ряда жилищ (Рис. 1). Постройки 4, 5a, 5b, 5c, 14 и 15 возведены по принципу регулярной планировки, при этом исследованный фрагмент жилища 5c может рассматриваться как наиболее раннее сооружение, впоследствии перестроенное. Постройки 6 и 16 относятся к бессистемной планировочной модели. Анализ пространственного распределения керамики проводился поэтапно – последовательно рассматривались наборы находок из разных построек, а также межжилищных и межстенных участков.

В результате полученных наблюдений установлено, что процентное содержание керамики синташтинского типа в заполнении построек 4, 5a, 5b, 14 и 15 доходит до 38,5 %, при этом наименьший показатель зафиксирован в постройке 4, нарушенной котлованом позднего объекта. В постройке 5c данная посуда количественно преобладает, ее доля равна 69,8 %. В поздних структурах (6 и 16) синташтинские черепки составляют не более 12,5 %. Детальное изучение условий залегания керамики позволило сделать вывод, что фрагменты либо находились в верхнем и среднем заполнении объектов, либо были сильно рассеяны в пределах котлованов. На участке «улицы» синташтинская посуда составляет всего 9,1 % и также занимает верхнюю стратиграфическую позицию. Совершенно иная картина наблюдается в межстенном пространстве, где процентное содержание этого типа доходит до 79,4 %, а по средним значениям глубины залегания он тяготеет к нижним отметкам.

Содержание посуды петровского типа в заполнении построек 4, 5a, 5b, 5c, 14 и 15 доходит до 42,5 %. Наименьший показатель соответствует нарушенной постройке 4. В постройках 5a (помещение 1) и 15 данная группа керамики является преобладающей. В большинстве случаев по средним значениям глубины залегания она занимает нижнюю позицию. В постройках 6 и 16 порция петровских фрагментов не превышает 4,5 %, в межжилищном пространстве и стенах между объектами ее доля доходит до 27,8 %. На участке «улицы» этот тип посуды занимает нижнюю стратиграфическую позицию, а в межстенном пространстве – верхнюю.

Содержание срубно-алакульской керамики в заполнении построек 4, 5a, 5b, 14 и 15 варьирует от 26,1 до 88,3 %, максимальный показатель соответствует жилищу 4. В постройке 5c отмечено наименьшее количество находок (17 %), а в постройках 6 и 16 – наибольшее (до 95,5 %). Детальный пространственный анализ выявил, что фрагменты рассеяны в пределах заполнения котлованов, преобладая на средних горизонтах. В межжилищном и межстенном пространстве порция срубно-алакульской посуды составляет от 22,5 до 72,7 %. В основном обломки керамики здесь были сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя.

Изучение планиграфического распределения находок и анализ их соотношения с почвенными слоями, зафиксированными в процессе раскопок, позволили выявить особенности залегания фрагментов разных типологических групп. Керамика синташтинского типа преимущественно находилась по периметру построек (вдоль стен) и в межстенном пространстве. Фрагменты посуды петровского и срубно-алакульского типов рассеяны по всей площади

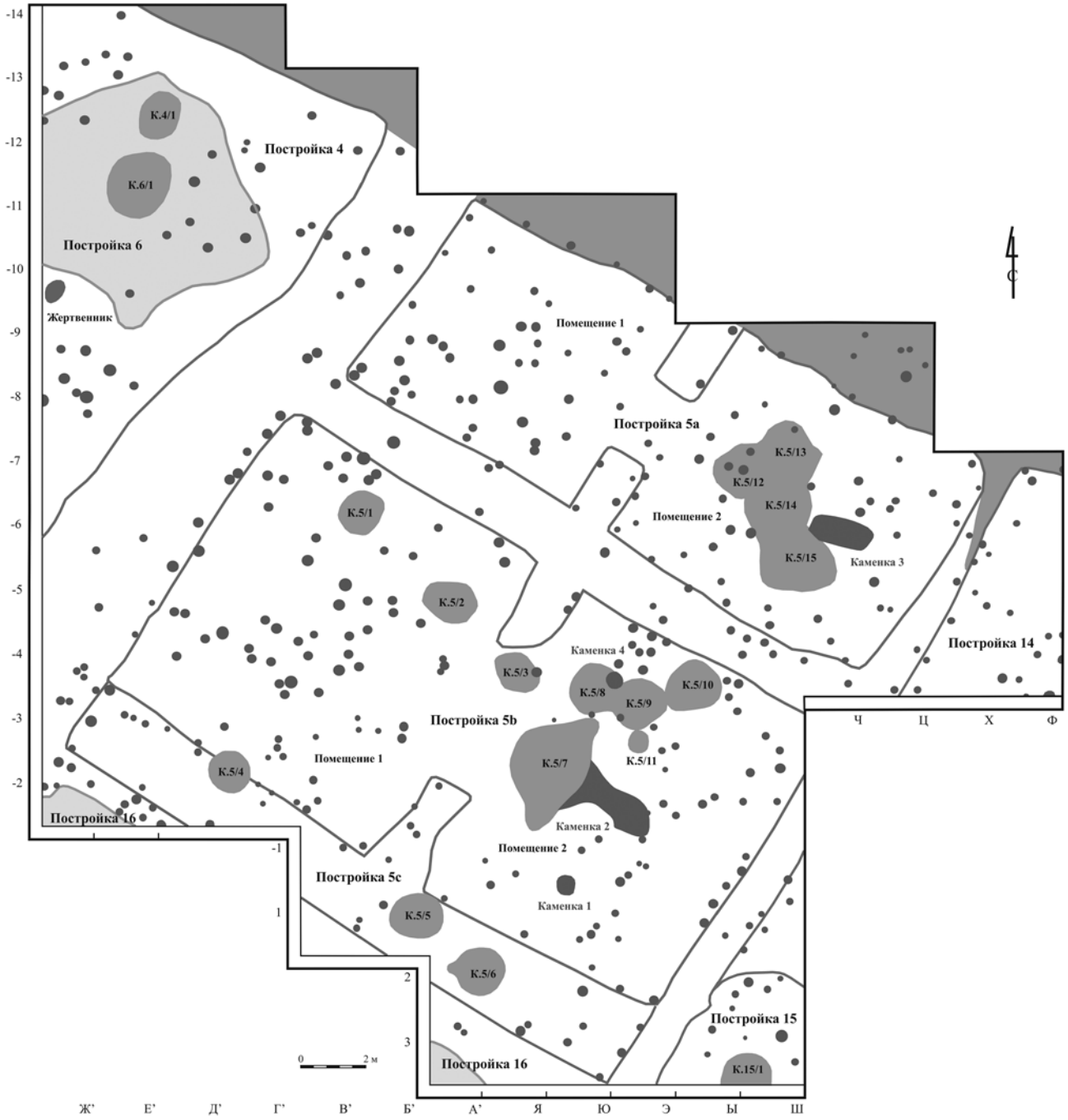


Рис. 1. Общий план исследованных объектов в раскопе 6.

котлованов построек. При этом установлена устойчивая связь петровской посуды со слоем белесого пестроцвета, маркирующего пол сооружений. Керамика срубно-алакульского типа главным образом связана с красно-коричневым слоем, представляющим основное заполнение объектов.

Результаты проведенного анализа демонстрируют, что материалы, различающиеся культурно и хронологически, находятся в чрезвычайно перемешанном состоянии в данной части памятника. Тем не менее, можно выделить три основных строительных горизонта, связанных с разными керамическими традициями. Наиболее ранний горизонт – синташтинский – почти не сохранился. О нем свидетельствует концентрация синташтинской посуды в развалах стен, к нему относятся практически непотревоженные нижние горизонты в межстенном пространстве (основания стен?), жертвенник под полом постройки 4, а также остатки постройки 5с.

Свидетельством второго горизонта является значительная доля петровской керамики в некоторых постройках, находки фрагментов данной посуды в нижнем заполнении и на полу жилищ, а также на нижних горизонтах «улицы». Упомянутые объекты были возведены в системе регулярной застройки на месте старых синташтинских котлованов.

С наиболее поздним срубно-алакульским горизонтом связаны постройки 6 и 16, возведенные уже по иной планировочной модели. Обилие срубно-алакульской керамики за пределами данных объектов наряду с «переработанностью» культурного слоя (перемешанностью разновременных артефактов) в заполнении всех выявленных структур, по-видимому, являются свидетельством актив-

ной хозяйственной деятельности позднейших обитателей поселка на руинах старых жилищ.

Таким образом, в результате детального пространственного анализа керамики в северной части укрепленного поселения Каменный Амбар можно выделить строительный горизонт, связанный с керамикой петровского типа. Полученные наблюдения позволяют заключить, что заселение площадки городища на втором этапе продолжало осуществляться в рамках планировки и архитектурных традиций, заложенных еще в синташтинский период.

ЛИТЕРАТУРА

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В., 2011. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (48). С. 61–74.

Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Ruhl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimachov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Molchanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevich V.V., 2014. Architektur, wirtschaft und landschaft der bronzezeitlichen siedlungen am nordrand der eurasischen steppe im Trans-Ural (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. Band 20. P. 229–272.

Krause R., Korjakova L.N., Fornasier J., Sharapova S.V., Epimachov A.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Molchanov I.V., Kalis A.J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., Konig A., 2010. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintashta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. Band 16. P. 97–129.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia), 2013. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 355 p.

Этнокультурные связи финноязычного населения с текстильной керамикой

© 2018 В.С. Патрушев

Аннотация. В работе рассмотрены этнокультурные связи населения лесной полосы Европейской России с текстильной керамикой. На поселениях эпохи бронзы и раннего железа с текстильной керамикой встречена штрихованная керамика балтского облика. По металлическим изделиям тесные связи прослеживаются с ираноязычными племенами степной зоны и племенами Северного Кавказа.

Ключевые слова: текстильная керамика, этнокультурные связи.

Финноязычное население с текстильной керамикой в эпохи бронзы и раннего железа играло значительную роль в этногенетических процессах. Такая керамика (известная также как «сетчатая», псевдосетчатая, ниточно-рябчатая) распространилась на огромной территории от р. Волги на востоке до Скандинавии на западе. Население с такой керамикой К.Ф. Мейнандер выделил в особую культуру, что подтверждается специальными исследованиями такой керамики на всей территории России (Патрушев, 1989). В формировании культуры данного населения принимали участие, очевидно, поздние племена культуры ямочно-гребенчатой керамики, а также отдельные группы индоевропейских племен фатьяновцев и ряда местных культур (Брюсов, 1950; Гаврилова, 1968; Граудонис, 1967; Патрушев, 2016 и др.). Автор склонен считать эту общность основой всех финноязычных народов Поволжья и Прибалтики (Патрушев, 1992). Население с «текстильной» керамикой уже в эпоху бронзы вступало в тесные контакты с кругом индоевропейских племен балтского облика. Из поселений с комплексами «текстильной» керамики происходит и штрихованная керамика, отождествляемая археологами с балтским этносом.

В конце эпохи бронзы в районах Среднего Поволжья появляются металлические изделия северо-кавказского населения кобанской культуры и доскифского населения Северного Причерноморья киммерийского облика (Халиков, 1977). Обе культуры представляли различные группы индоевропейского населения.

Начальный этап эпохи раннего железа – это новый этап активных контактов племен индоевропейского облика и финноязычного населения. Основное направление культурных связей было ориентировано на передовые племена ираноязычного мира. Не случайно на территории расселения финно-угров появляются массовые металлические предметы вооружения, украшения боевых поясов, предметы конской сбруи, зооморфные украшения, бляхи с солярными символами (Патрушев, 1984. С. 10 и сл.). В какой-то мере можно говорить также об этнокультурных связях финно-угров с предками славян в лице белогрудовско-чернолесских, высоцких и лужицких племен на территории Украины, Молдавии и Белоруссии. Западнодненровские племена с лощеной керамикой составили один из компонентов дьяковской культуры наряду с финноязычным населением с текстильной керамикой.

В эпоху железа еще шире становятся связи финно-угров с балтоязычными племенами северо-западных регионов, далеко перешагнувшие уровень культурных связей и дошедшие до появления смешанных комплексов керамики. Этнические черты балтов наиболее ярко представлены в так называемой штрихованной керамике. И.Г. Розенфельдт (1974. С. 90–197) для памятников Волго-Окского междуречья отмечает наличие трех групп посуды – гладкостенной, «сетчатой» и штрихованной. Первую группу она связывает с населением роменского западного облика, «сетчатую» или текстильную керамику она относит к характерным элементам финноязычного этноса. Штрихованную керамику она считает характерной для балтского населения.

Судя по результатам статистической обработки комплексов керамики начала эпохи раннего железа на ЭВМ, штрихованная керамика в чистом виде на памятниках Поволжья от Татарстана до Костромской области составляет до 2,8 % всей керамики, а севернее и западнее до 4 %. Кроме того, на внешней поверхности сосудов нередко сочетаются штрихованные и текстильные отпечатки, составляющие вместе до 17 % общего числа фрагментов керамики.

Налицо смешение традиций изготовления текстильной и штрихованной керамики. Любопытно отметить также наличие текстильной керамики в комплексах штрихованной посуды. Так, на памятниках Латвии она составляет от 4 % до 46 % общего количества фрагментов (Васкс, 1983. С. 7–17). На территории Латвии с комплексами штрихованной керамики встречены акозинско-меларские кельты (Лухтан, 1982. С. 48–50), обычно сопровождающие «текстильную» керамику.

Взаимодействие двух субэтнических систем (балтоязычной со штрихованной керамикой и финноязычной с текстильной) приводит к появлению в пограничных зонах между ними нового этноса. А на базе племен финно-балтского облика при сильном влиянии верхнеднепровского населения формируется дьяковская культура (Третьяков, 1966. С. 152).

По мнению автора, дьяковская культура не могла формироваться на основе поздняковской культуры, т.к. поздняковские племена уже к рубежу II–I тыс. до н. э. были ассимилированы населением с текстильной керамикой. Как формы сосудов, так и элементы орнамента и характер отпечатков на сосудах ранних дьяковских городищ вполне укладываются в характерные признаки текстильной керамики. Однако на дьяковских памятниках уже в начале эпохи раннего железа значителен процент гладкостенной и штрихованной посуды. Так, на Щербинском городище в нижнем горизонте нижнего слоя встречены различные группы керамики («сетчатой» – 52,6 %, штрихованной – 17,5 %, гладкостенной – 29,9 %), представляющие, очевидно, три основных компонента дьяковской культуры (Розенфельдт, 1974. С. 102 и сл.).

Основной материал для установления характера культурных связей финно-угров с ираноязычными племенами начала эпохи железа в Среднем Поволжье дает Старший Ахмыловский могильник VIII–VI вв. до н. э. в Республике Марий Эл, а также ряд других могильников Среднего Поволжья, Прикамья и Приочья (Патрушев, 2011). Значительная часть предметов является импортом с территорий расселения ираноязычных племен (Патрушев, 1984. Рис. 52).

В Среднем Поволжье сходные формы с кавказскими изделиями проявляются в следующих находках: кинжалы биметаллические и цельножелезные топоры, железные наконечники копий двух типов, предметы конской сбруи – двукольчатые удила с витым стержнем, простые стремечковидные удила, двухдырчатые псалии, бляшки с лучевым орнаментом, ременные пронизи, а также многочисленные украшения – одиннадцать разновидностей гривен, умбоновидные бляхи, три формы булавок и т.д. Аналогии им найдены в южных областях для 133 форм оружия, украшений, бытовых предметов (Патрушев, 1984. Рис. 52). С учетом находок изделий одинаковых форм из Ахмылова, аналогичных ираноязычным древностям, общее число одинаковых форм доходит до 800 предметов (Патрушев, Халиков, 1982; Patrushev, 2004).

Довольно много на Средней Волге предметов скифских форм. Многие из них в Среднее Поволжье попали в VII в. до н. э. через северокавказское население. Большинство скифских изделий Среднего Поволжья датируются первой половиной VI в. до н. э. Скифские формы имеют цельножелезные кинжалы, большинство бронзовых наконечников стрел, железные копья с уплощенными перьями, пешни, некоторые накладки с выпуклинами, бляхи, булавки (Patrushev, 2004. Pic. 1). Скифские формы оружия появляются у племен дьяковской и городецкой культур, где обнаружена и посуда с текстильными отпечатками.

Савроматский мир представлен небольшой группой предметов: кинжалом с антенным навершием, несколькими предметами конской сбруи и большинством бронзовых наконечников стрел (Patrushev, 2004. Pic. 1). Последние, хотя встречаются и на скифской территории, но в деталях гораздо ближе савроматским.

Изделия восточных ираноязычных кочевников Средней Азии и Горного Алтая представлены черешковыми бронзовыми наконечниками стрел, некоторыми типами зеркал, украшений, предметов конской сбруи. Особый интерес представляют аналогии из царского кургана восточных кочевников в Туве – Аржана. Значительная часть предметов этого кургана сходна с ахмыловскими находками, в том числе с формой ажурной бляхи в виде свернувшейся в кольцо пантеры. Некоторые изделия аналогичны находкам на памятниках тагарской культуры в Сибири.

Сравнительная датировка типов находок позволяет уточнить даты комплексов погребений. Однако необходима оговорка, что не всегда можно доверять датам южных форм изделий, аналогичных находкам из Среднего Поволжья. В основном они бытовали продолжительное время. Имеются существенные различия в датировке скифских, савроматских и северокавказских изделий одного и того же типа различными исследователями.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов А.Я., 1950. «Сетчатая» керамика // СА. №XIV. С. 287–305.

Васкс А., 1983. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии как исторический источник // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. С. 7–17.

Гаврилова И.В., 1968. Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 24 с.

Граудонис Я., 1967. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне. 164 с.

Лухтан А., 1982. Кельты меларского типа в Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск. С. 48–54.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 232 с.

Патрушев В.С., 1989. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 124 с.

Патрушев В.С., 1992. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 216 с.

Патрушев В.С., 2016. Археологические памятники с текстильной керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. №3. Казань: Фэн. С. 194–224.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 90–197.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука. 152 с.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII-VI вв. до н. э. М.: Наука. 267 с.

Patrushev V., 2004. The chronology of the Iron Age of the Middle Volga region // Dating and chronology. The 12th Finnish-Russian archaeological symposium. Fenno-Ugri et slavi 2002. Museoviraston Arkeologian osaston julkaisuja. 10. Helsinki. С. 75–87.

Новые межовские комплексы Южного Зауралья

© 2018 Л.Ю. Петрова

Аннотация. В статье приведены результаты обработки межовских материалов двух поселений: Кинзерское и Архангельский Прииск II. Оба памятника находятся в Южном Зауралье, в пограничной между степью и лесостепью зоне. Основное внимание уделено характеристике керамического комплекса. Материалы поселений отражают общие процессы, происходившие в эпоху поздней/финальной бронзы в Южном Зауралье.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, межовская культура, поселения.

В последнее десятилетие автором проводились раскопки многослойных поселений эпохи бронзы на территории Южного Зауралья, в ходе которых получены многочисленные материалы межовской культуры.

Поселение Кинзерское расположено на левом берегу реки Увелька (левый приток реки Уй), в Троицком муниципальном районе Челябинской области. Площадь памятника согласно топографической съемке составила около 12 тыс. кв.м. Раскопанная площадь – 108 кв.м. Раскопом изучен фрагмент жилищного котлована, прилегающая к нему околожилищная территория и периферийный участок древнего поселка. Основу культурных напластований составляли золистые слои различных оттенков; мощность отложений в пределах раскопа достигала 1,05 м.

В ходе работ получена коллекция находок численностью 2313 единиц, основную часть которой составляет керамика. Керамический комплекс неоднороден и представлен посудой различных культурно-хронологических периодов. Интересующая нас керамика (межовская) при обработке была выделена в единую группу, включающую экземпляры с федоровскими, федоровско-черкаскульскими, черкаскульскими, черкаскульско-межовскими и собственно межовскими чертами. Причина заключалась в том, что зачастую граница между перечисленными признаками расплывчата, а сама выборка невелика – в процентном соотношении комплекс составляет около 15 % от общего количества культурно-определимой керамики на поселении, значительно уступая основному – алакульскому (65 %). Тем не менее, если говорить непосредственно о посуде межовского облика, в серии встречены довольно крупные обломки, на основе которых были выполнены графические реконструкции сосудов.

Большинство фрагментов принадлежит толстостенным сосудам (толщина стенок 1,0–1,4 см), но есть и тонкостенные обломки (6–7 мм). Поверхность шероховатая на ощупь, по тулову фиксируются следы крупных расчесов как с внешней, так и с внутренней стороны. Добавление талька в тесто встречено лишь в одном случае – у сосуда черкаскульско-межовского облика.

Обломки принадлежат сосудам горшечных или горшечно-баночных форм, с невысокими шейками и плавно профилированным, округлым туловом. «Маркером» данной серии является орнамент, покрывающий верхнюю часть сосудов и представленный рядами вертикального зигзага, разделенными горизонтальными линиями, треугольниками, заштрихованными «сеточкой», рядами наклонных насечек, а также слабо выраженными валиками, на которые нанесен зигзаг или косая сетка.

Стратиграфически керамика, сочетающая в себе федоровские и черкаскульские, черкаскульские и межовские черты, а также собственно черкаскульская и межовская занимала более позднюю позицию по отношению к алакульской.

Поселение Архангельский Прииск II находится в долине реки Черная (правый приток реки Уй), в Чесменском муниципальном районе Челябинской области. Раскопанная площадь составляет 350 кв.м, количество находок – около 5,5 тыс. единиц. Раскопом изучено жилище с различными конструкциями и прилегающая к нему околожилищная территория. Мощность культурных напластований составила до 85 см, слой представлен супесью серых и коричневых оттенков.

Керамический комплекс также неоднороден и в нем выделяются две ведущие серии: алакульская с немногочисленными раннеалакульскими экземплярами и межовская. В последней представлены не только крупные обломки, но и развалы сосудов, позволяющие реконструировать практически полные формы (Рис. 1: 1–7). Большая часть фрагментов принадлежит сосудам с толщиной стенок 0,7–0,8 см, но встречаются обломки как более тонкостенных, так и более толстостенных сосудов.

Специфично тесто керамики этой серии. Оно либо пористое, грубое, со следами органических добавок, либо, наоборот, очень плотное, с большим количеством песка, напоминающее по структуре стекло. Поверхность всех сосудов обработана заглаживанием, степень тщательности которого может быть различна. Наиболее хорошо заглажена поверхность сосудов с плотным тестом. В ряде случаев на внешней и внутренней стороне встречены следы расчесов.

Достаточно узнаваема форма тулова и орнаментация межовской керамики. Это сосуды горшечной формы, приземистых пропорций, с широкой горловиной, низкой шейкой и плавным округлым профилем тулова. Для нижней части шейки характерен небольшой валик, подчеркнутый двумя горизонтальными полосками. Орнамент наносился сплошным полем, без распределения по зонам, на верхнюю часть тулова, иногда чуть опускаясь ниже наибольшего расширения. Техника нанесения – плоский штамп, прочерчивание и вдавления, гребенка практически отсутствует. Фигуры орнамента представлены главным образом горизонтальным многорядным зигзагом, косыми насечками и каплевидными вдавлениями, нанесенными над валиком в верхней части шейки, косой сеткой, нанесенной по валику.

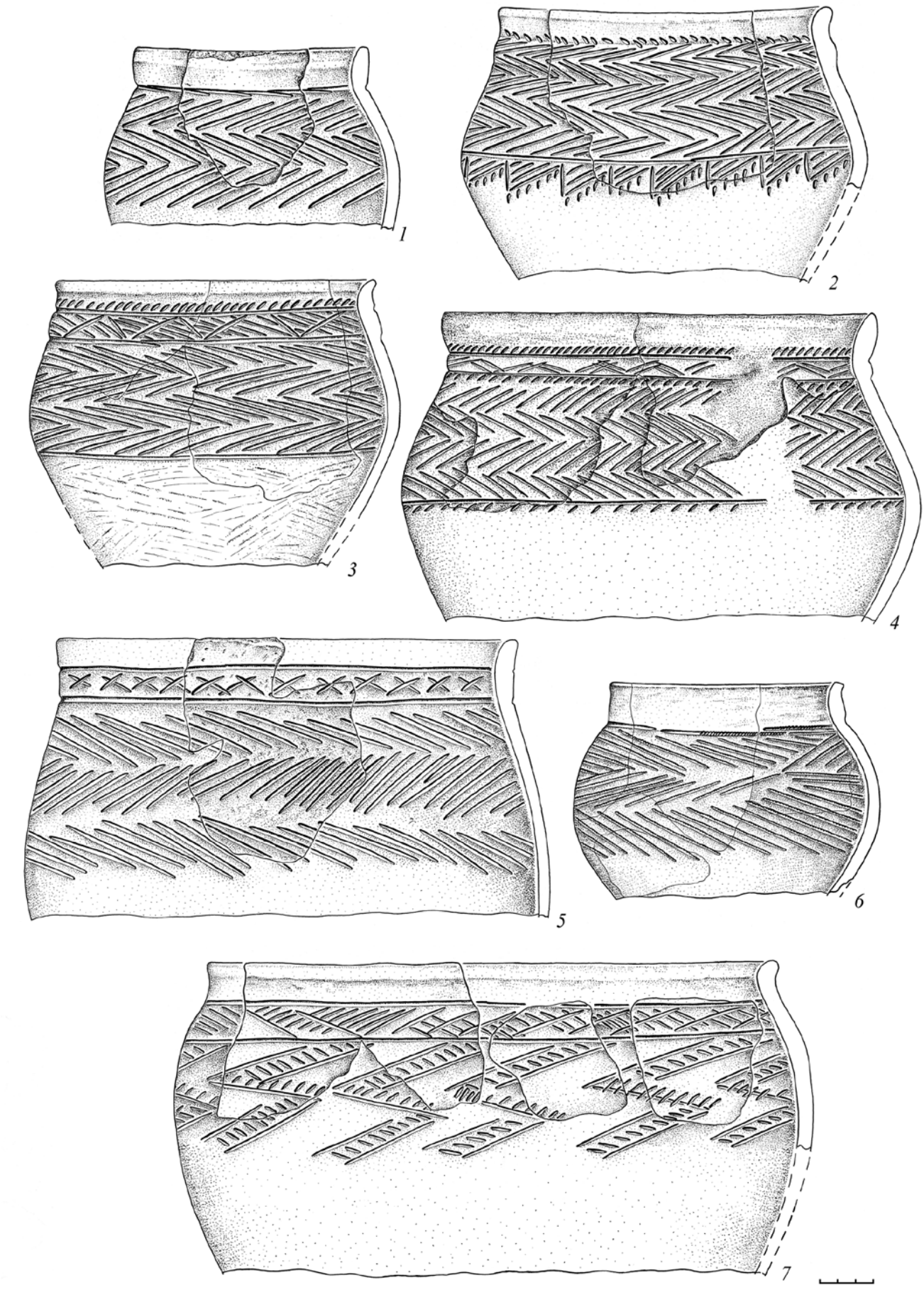


Рис. 1. Поселение Архангельский Прииск II. Сосуды межовской культуры.

Важной стороной жизни жителей поселка межовского времени была металлургия, о чем свидетельствуют находки предметов, связанных с металлургическим производством (Петрова, 2017. С. 161–165).

Оба рассматриваемых памятника находятся в схожей ландшафтной ситуации, которую можно определить как пограничье между степью и лесостепью. В целом на этой территории межовские материалы встречаются достаточно широко, главным образом, на многослойных поселениях (Обыденнов, 1998. С. 5–6; Григорьев, 2008. С. 188). При сравнении керамические коллекции поселений Кинзерское и Архангельский Прииск II обнаруживают очевидное типологическое сходство. Однако имеется и существенное различие: межовская керамика поселения Кинзерское является заключительным звеном в ряду федоровка-черкаскуль-межовка, образуя с ними фактически нерасчленимый комплекс. На поселении же Архангельский Прииск II как федоровская, так и черкаскульская керамика практически отсутствуют. В этом аспекте комплекс Кинзерского близок материалам поселения Мочище, также исследованного в южноуральской лесостепи, где наблюдается аналогичная ситуация (материалы готовятся к печати). Объяснение этому следует искать в культурогенетических процессах, происходивших в эпоху поздней/финальной бронзы на широкой территории степной и лесостепной зоны Зауралья и Притоболья.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев С.А., 2008. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург-Сургут: Магеллан. С. 175–193.

Обыденнов М.Ф., 1998. Межовская культура. Уфа: БЭК. 201 с.

Петрова Л.Ю., 2017. Металлургический комплекс поселения поздней бронзы Архангельский Прииск II (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия. №4. Миасс: Институт минералогии УрО РАН. С. 161–165.

К дискуссии об истоках традиций синташтинских укреплений

2018 Г.Г. Пятых

Аннотация. В работе приводятся факты о пришлом характере строителей укрепленных поселений синташтинского периода.

Ключевые слова: культурогенез, кланы металлургов, укрепленные поселения.

Решение проблемы происхождения синташтинского культурного явления предполагает исследование вопросов генезиса составляющих его частей. Не в последнюю очередь это вопрос об истоках традиции совершенных фортификационных сооружений, защищавших поселки кланов металлургов. Автохтонной версии их происхождения придерживается в своей работе Н.Б. Виноградов (2017). Обоснования миграционной приведены в работе Г.Г. Пятых (2017). В работе Н.Б. Виноградова положение о местных истоках этой традиции обосновывается следующей аргументацией:

1. Уже на раннем петровском этапе культура алакульских сообществ демонстрирует такую степень канонич-ности, которую могло обеспечить лишь раннее культурно родственное население, каковым могли «быть только квазиэнеолитические структуры Южного Урала и Северного Казахстана, т.е., терсекской и ботайской» (Виноградов, 2017. С. 41–42).

2. Учитывая степень археологической изученности пространства степей Южного Зауралья и Северного Казахстана, вряд ли можно рассчитывать на открытие целого пласта памятников мигрировавшего в эти регионы населения, предшествовавшего древностям синташтинского типа (Виноградов, 2017. С. 42). Автор заключает: «Если исходить из изложенной позиции, то нет смысла представлять население синташтинских укрепленных поселений как результат дальних миграций из Малой Азии или другого отдаленного от Южного Урала региона, где в предшествующее время имели место круглоплановые укрепленные поселения и высокоразвитое металлопроизводство (Пятых, 2016. С. 127–128). Вероятно, настало время для выдвижения гипотезы о южноуральском или Урало-Поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства (как его организации, так и модели функционирования). Повторюсь, что речь идет о формировании синташтинского феномена, как *некоего транскультурного сообщества кланов горняков-кузнецов-металлургов-литейщиков*» (Виноградов, 2017. С. 44).

Рассмотрим предлагаемые решения.

1. Для признания роли «квазиэнеолитических» терсекской и ботайской культур, как аргумента в пользу преимущественно местной культурной основы сложения петровской культуры необходима, во-первых, хронологическая стыковка этих культур с петровской, но между ними существенный временной разрыв. Во-вторых, в этом разрыве находится синташтинское культурное явление, уже непосредственно стыкующееся с петровской культурой во времени. В-третьих, если рассматривать эти энеолитические культуры в качестве одной из основ генезиса синташтинского культурного явления, тем более в контексте становления местного металлопроизводства, то необходимо указать в этих энеолитических культурах прототипы всем основным металлическим изделиям синташты, по меньше мере большей их части. А также и основы технологиям и организационным принципам металлопроизводства. Всего этого пока нет.

2. Относительно того, что «вряд ли можно рассчитывать на открытие целого пласта памятников мигрировавшего в эти регионы населения, предшествовавшего древностям синташтинского типа (Виноградов, 2017. С. 42)», то рассчитывать на такое открытие и в самом деле не стоит, ибо гигантские миграции происходили не до синташты, а непосредственно в период ее существования. Это наглядно показывает как анализ керамики, так и данные физической антропологии, в сумме позволяющие констатировать

разноэтничность населения даже локальных памятников (Кузнецов, Мочалов, 2001. С. 272, 273; Китов, 2011. С. 7, сл.). Факт наличия разноэтничных элементов даже внутри большесемейных общин, которые и могут быть представлены небольшими памятниками, в свою очередь доказывает наличие массовых миграций.

3. Традиции укрепленных, тем более конструктивно совершенных, укреплений в эпоху, предшествующую синташте, в данном регионе не прослежены, и потому предполагать местные истоки этой традиции оснований нет.

4. При этом большое совершенство укреплений синташтинского периода показывает, что они были построены людьми, хорошо знавшими передовые формы фортификационных сооружений. Однако территории с традициями строительства круглоплановых поселений, в том числе укрепленных и имеющих практически все характеристики ранних укреплений Южного Урала, расположены в высокоразвитых зонах Анатолии, Киликии, Эгейи, Балканского региона. При этом важен тот факт, что стереотип таких круглоплановых укрепленных поселений получил в этих регионах распространение уже к началу ранней бронзы (Мерперт, 1995. С. 44, 45), и, соответственно, данные традиции в этих регионах имели весьма древние корни – при отсутствии таковых на Южном Урале.

5. В целом колоссальные миграции той эпохи (Черных, 1989), приведшие к переоформлению огромной части культурной системы Старого Света, происходили по направлению с запада на восток.

6. Важным положением Н.Б. Виноградова является тезис о необходимости выдвижения гипотезы о Южноуральском, или Урало-Поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства. В контексте эта гипотеза выдвигается как альтернатива миграционной концепции происхождения синташтинского культурного явления. Здесь следует рассмотреть следующие моменты.

Если оппонент подразумевает, что развитие регионального процесса металлопроизводства синташтинского времени происходило исключительно на базе традиций местных предшествующих культур, то с этим согласиться нельзя, ибо большинство видов и форм металлических изделий синташты находят основы в мире абашевских и катакомбных культур, что является установленным фактом. Кроме того, невозможно отрицать и факт мощнейших миграций с западного и юго-западного направлений, приведших в Урало-Поволжский регион и на Южный Урал огромные массы населения. И исходя из положения о том, что укрепленные поселки являлись местами обитания пришлых кланов металлургов – а противоречащих тому фактов нет, то они прибывали на место со своей готовой организацией и образцами изделий.

Если же Н.Б. Виноградов рассматривает Урало-Поволжье и Зауралье просто в качестве территорий, на которых происходили процессы зарождения и трансформаций синташтинского культурного явления, то в этом случае, как это ни парадоксально, между миграционной концепцией и предлагаемой гипотезой Н.Б. Виноградова никакого противоречия нет. Более того, его предложение рассматривать оформление синташтинского феномена на месте в виде гипотезы – слишком осторожный шаг, поскольку данная точка зрения Н.Б. Виноградова попросту не имеет альтернативы. Дело в том, что все территориально значительные новые этнокультурные образования, возникавшие в исторически короткий период, формировались из частей старых непосредственно на местах своего дальнейшего бытования. Именно по этой причине и оказывается невозможной всякая попытка найти некий единый центр, из которого могла выйти та или иная крупная культура эпохи бронзы (Пятых, 2016-а. С. 123, сл.). Это положение уже сформулировано в виде объективного «Закона формирования древних обществ из разнородных этнокультурных элементов, с их «переплавкой» в единое общество на месте его дальнейшего бытования» (Пятых, 2016-б. С. 233). То есть, хотя и из разнородных, но всегда на месте дальнейшего бытования.

Выводы

1. Синташтинское культурное явление формировалось на месте с участием разноэтничного населения.

2. Этими мигрантами, в значительной своей части состоявшими из горняков и металлургов, и были принесены на Южный Урал формы организации товарного металлопроизводства.

3. Поскольку «Клановая или кланово-производственная форма чаще всего обуславливала и территориальное обособление мастеров. Они могли занимать…целые поселки» (Черных, 1976. С. 160, 161), и поскольку на пространстве укрепленных южноуральских поселков ярко представлены свидетельства металлургического производства, то логичен вывод, что традиция круглоплановых укреплений, обеспечивавших безопасность кланов металлургов, пришла вместе с этими кланами.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б., 2017. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения // ВААЭ, №2(37) Тюмень, Из-во ИПОС СО РАН. С. 38–47.

Китов Е.П., 2011. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы // Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 26 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 2001. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, СГПУ. С. 266–273.

Мерперт Н.Я., 1995. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине // РА. №3. С. 28–46.

Пятых Г.Г., 2016. Реалии синташтинского феномена // РА. №2, С. 120–137.

Пятых Г.Г., 2016. К изучению культурогенеза предклассовых обществ // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Уфа, Из-во ИЭИ УНЦ РАН. С. 222–234.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 301 с.

Черных Е.Н., 1989. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука. С. 14–30.

Остеологические свидетельства рабочего использования крупного рогатого скота на поселениях бронзового века Южного Зауралья

© 2018 А.Ю. Рассадников

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)» (проект №16–18–10332)

Аннотация. Работа посвящена сравнительному анализу патологий на костях крупного рогатого скота из пяти поселений разных периодов бронзового века и современных загонов Южного Зауралья для выявления рабочего использования животных и его остеологических признаков. Исследование позволило установить факт физической эксплуатации скота на некоторых поселках и определить ряд маркеров такого рода использования животных.

Ключевые слова: археозоология, бронзовый век, палеопатология, крупный рогатый скот, экзостозы.

Определение тяглового или иного другого вида рабочего использования быков и коров древним человеком на основании ряда патологий и изменений костной системы является относительно развитым направлением в мировой археозоологии. Однако территория бронзового века Южного Зауралья на сегодняшний день остается не затронутой в контексте этой тематики палеопатологии. Зафиксированные на ряде поселений II тыс. до н. э. этой территории кости волов и некоторые патологии (экзостозы и деформация суставной поверхности фаланг) не являются достоверными свидетельствами рабочего использования скота (Косинцев, 2000. С. 31; Косинцев, Бачура, 2013. С. 369; Рассадников, 2017; С. 181; Rassadnikov и др., 2013. С. 279). Основными факторами, которые ставят под сомнения существующие выводы о наличии рабочих животных у населения поселков бронзового века, являются отсутствие артефактов, связанных с бычьей упряжью и повозками, незнание точного мотива кастрации быков и полиэтиологичность экзостоз и деформаций суставной поверхности фаланг. Последнее подтвердилось обнаружением экзостоз на фалангах современного нерабочего скота в долине р. Карагайлы-Аят. Таким образом, вопрос о наличии рабочего скота у населения бронзового века Южного Зауралья остается открытым.

Целью работы является попытка выявления факта физической эксплуатации крупного рогатого скота во II тыс. до н.э Южного Зауралья на основании патологических изменений костной системы и определение относительно достоверных остеологических маркеров такого рода использования животных. Принцип статьи заключается в исключении того или иного отклонения костной системы из списка признаков рабочей эксплуатации при его обнаружении на костях современного нерабочего скота.

Кости крупного рогатого скота происходят из пяти поселений, представляющих разные периоды II тыс. до н. э. Южного Зауралья. Укрепленное поселение Каменный Амбар находится в Карталинском районе Челябинской области на левом берегу реки Карагайлы-Аят (Koryakova, Krause, 2013. С. 9). Археологические слои поселения Каменный Амбар содержат материалы двух основных периодов его функционирования: синташтинско-петровского – 2045–1980 (2100–1050) ВС и срубно-алакульского – 1835–1760 (1890–1650) ВС (Epimakhov, Krause, 2013. С. 139).

Укрепленное поселение Коноплянка находится в Карталинском районе Челябинской области в верховьях р. Карагайлы-Аят (Шарапова и др., 2014. С. 102). Поселение является однослойным памятником, содержит материалы преимущественно синташтинско-петровского времени и предварительно датируется 1920–1745 гг. до н. э. (Шарапова и др., 2014. С. 107).

Неукрепленное поселение Яндырка 1 располагается в верховьях р. Карагайлы-Аят в 8 км северо-западнее поселения Коноплянка. Археологические слои поселка содержат материалы алакульского и срубно-алакульского времени.

Неукрепленное поселение Малая Березовая-4 расположено в Нагайбакском районе Челябинской области на левом берегу среднего течения р. Гумбейка. Поселение датируется алакульским периодом и временем финала бронзового века (Алаева, 2015. С. 29).

Поселение Дружный I располагается в Варненском районе Челябинской области на р. Верхний Тогузак (Германов, 1995. С. 116). Большую часть керамического комплекса поселения представляет керамика федоровско-черкаскульской и межовской археологических культур. Также выявлен комплекс алакульской керамики (Алаева, 2015. С. 21).

Кости современного нерабочего скота собирались на действующих летних загонах в долинах р. Карагайлы-Аят и свалках сельских поселений Снежный, Неплюевка, Коноплянка и Варшавка Карталинского района Челябинской области.

Материалы и методы. Для решения проблемы были отобраны все кости крупного рогатого скота с изменениями или патологиями, этиология которых в археозоологической литературе традиционно связывается с рабочим использованием этого вида домашнего копытного. В число отобранных патологий входят кости с эбурнеацией и пролиферацией тазобедренного сустава, метаподии с асимметрией нижнего конца и депрессиями на ладонной стороне, деформацией и расширением медиального суставного блока. Также были отобраны все фаланги с экзостозами и деформированной суставной поверхностью и кости тарзального сустава со следами анкилоза в различных стадиях (Bartosiewicz et al., 1993. С. 73; Groot, 2005. С. 53; Bartosiewicz, 2008. С. 159; Galindo-Pellicena и др., 2017. С. 8). Количество костей с характерными патологиями или отклонениями колеблется от 0,1 до 2,6 % от общего количества костей этого копытного на всех рассматриваемых поселениях. Наибольшее число отобранных костей принадлежит поселению Каменный Амбар (123 экз.). Оценка степени патологического изменения или отклонения производилась по общепринятой методике, где стадия 1 характеризует нормальное состояние, а стадия 4 – экстремальную степень (Salmi, Niinimaki, 2016. С. 93).

К сожалению, формат статьи не позволяет подробно описать все патологии или отклонения, которые зафиксированы на каждом поселении, а также показать их в иллюстрациях для создания визуального образа. Поэтому в рамках данной работы результаты представлены в самом общем виде. Сравнение отобранных костей из рассматриваемых поселений и современных загонов показало, что по ряду патологий и изменений эти группы материала перекрываются. Среди костей современного нерабочего скота также как и на костях животных бронзового века обнаружены слабо выраженные дистальные и проксимальные экзостозы на первых фалангах. В число изменений, обнаруженных у современного и древнего скота, также входят расширение и деформация проксимальных суставных поверхностей первых и вторых фаланг и асимметрия нижнего блока метаподий вместе с незначительной деформацией и расширением медиального суставного блока (стадия 2, в единичных случаях стадия 3). Среди костей современного нерабочего скота также были обнаружены анкилоз тарзального сустава и единичные случаи артроза тазобедренного сустава (эбурнеация). Данные патологии присутствуют и у животных из поселенческого материала. Единственным отличием отобранных костей из поселений бронзового века от современного материала является наличие единичных сильно выраженных деформаций и расширения проксимальных и дистальных суставных поверхностей первых и вторых фаланг, а также медиального суставного блока метаподий (стадия 3, в единичных случаях стадия 4). Другим изменением, которое присутствует только на костях животных из обсуждаемых поселков, являются единичные метаподии с депрессиями и выраженными экзостозами на ладонной стороне в дистальной части (стадия 3). Все это позволяет отнести вышеперечисленные изменения к возможным маркерам физической эксплуатации животных. Такие патологии и изменения костной системы, как слабо выраженные экзостозы фаланг, а также незначительные деформации и расширения суставных поверхностей первых и вторых фаланг и нижнего блока метаподий (стадия 2), по всей видимости, являются возрастными изменениями. Часть костей современного скота происходит от очень крупных животных, что подтверждает выводы предыдущих работ по этой тематике, что вес самого животного оказывает влияние на формирование таких отклонений. Анкилоз тарзального сустава, скорее всего, является результатом случайных травм и ушибов, которые свойственны домашним копытным.

Результаты проведенного сравнительного анализа позволяют сделать вывод о наличии рабочей эксплуатации быков и волов на поселениях Каменный Амбар и Коноплянка. Прежде всего, такой вывод сделан на основании обнаружения нескольких видов патологий и изменений на каждом из этих поселений. На сегодняшний день нет возможности установить, для какой именно работы использовался скот на этих двух поселках. Для такого же вывода по поселениям Малая Березовая-4, Яндырка-1 и Дружный I недостаточно оснований по причине единичности обнаруженных патологических изменений. Исследование также позволило установить, что относительно достоверными остеологическими признаками физической эксплуатации скота в контексте рассматриваемой территории можно считать значительную деформацию и расширение проксимальных суставных поверхностей первых и вторых фаланг, а также медиального суставного блока метаподий (стадии 3–4). Остальные рассматриваемые в работе патологии не могут быть использованы для реконструкции рабочего использования животных в силу их полиэтиологичности.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2015. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья // Дисс. …канд. ист. наук. М. 539 с.

Германов П.Г., Косинцев П.А., 1995. Костные остатки из поселения поздней бронзы Дружный I в Южном Зауралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. Челябинск: Челяб. гос. ун-т. С. 116–118.

Косинцев П.А., Бачура О.П., 2013. Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис. С. 363–387.

Рассадников А.Ю., 2017. Результаты археозоологических исследований на поселениях Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II в Южном Зауралье // ВААЭ. №3 (38). С. 176–185.

Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В., 2014. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск. С. 101–109.

Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A., 1993. Metapodial Asymmetry in Draft Cattle // International Journal of Osteoarchaeology. №3. P. 69–75.

Bartosiewicz L., 2008. Bone structure and function in draft cattle. // Limping together through the ages. Joint afflictions and bone infections. Documenta Archaeobiologiae 6. Verlag Marie Leidorf, Rahden/Westf. P. 153–164.

Epimakhov A., Krause R., 2013. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh. P. 129–147.

Galindo-Pellicena M.A., Martin-Frances I., Gracia A., Gaspar I., 2017. Evidences of the use of cattle as draught animals in Chalcolithic of El Portalon (Sierra de Atapuerca, Burgos) // Quaternary International. №438. P. 1–10.

Groot M., 2005. Palaeopathological evidence for draught cattle on a Roman site in the Netherlands // Diet and health in past animal populations: current research and future directions. Proceedings of the 9th conference of the ICAZ, Durham. P. 52–57.

Koryakova L., Krause R., 2013. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh. P. 1–21.

Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L., 2013. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt Gmbh. P. 239–285.

Salmi A.K., Niinimaki S., 2016. Entheseal changes and pathological lesions in draught reindeer skeletons – Four case studies from present-days Siberia // International Journal of paleopathology. №14. P. 91–99.

Нарушенное парное погребение кургана 9 Березовского V могильника в Восточном Оренбуржье

© 2018 Я.В. Рафикова

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН на 2018, проект №255, в рамках государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2018 г.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нарушенного парного кожумбердынского захоронения. Наличие сочлененных костей в могиле свидетельствует о нарушении ее современниками погребенных. Обращает на себя внимание нетипичное для парных погребений алакульской КИО соотношение возраста погребенных (женщина старше мужчины) и редкое для краниологии алакульского населения наличие «уралоидных» черт, выявленных у женщины.

Ключевые слова: эпоха поздней бронза, алакульская культурно-историческая общность, нарушенные погребения, парные разнополые погребения.

Феномен нарушенных (потревоженных) погребений различных регионов и эпох в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. Специально этой теме был посвящен Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.), участники которого при разнообразии имеющихся объяснений мотивов нарушенности были едины в одном – это не банальное ограбление (Епимахов, Куприянова, 2015. С. 115).

Исследование нарушенных захоронений эпохи поздней бронзы южно-уральской территории особенно актуально, поскольку здесь потревоженные погребения, особенно взрослых, составляют значительный процент. Одним из факторов, препятствующих приближению к пониманию этого феномена, является отсутствие в большинстве случаев квалифицированных антропологических определений. Тем необходимее публикация подобных комплексов, подкрепленная антропологическими определениями.

В 1995 году экспедицией Национального Музея Республики Башкортостан был исследован курган 9 Березовского V могильника, под насыпью которого было обнаружено потревоженное погребение. Могильник расположен в Кваркенском районе Оренбургской области, в 1 км к востоку от д. Березовки, на первой надпойменной террасе левого берега р. Урал. Некрополь включает 13 курганов из которых в 1994–1995 гг. раскопаны 5 (№№6–10), опубликованы материалы трех из них – №№6–8 (Федоров, Рафикова, 1996). Все раскопанные курганы относятся к кожумбердынской культурной группе алакульской КИО.

Насыпь к. 9 правильной сегментовидной формы, хорошо задернована. Видимый диаметр 14 м, высота по данным нивелировки 0,3 м. Стратиграфия кургана проста:

дерн 0,1 м,

темно-серый гумус 0,15 – 0,35 м (насыпь),

серый плотный гумус 0,15 – 0,5 м (погребенная почва),

материк – супесь серого цвета (Рис. 1: 1).

Нарушенное погребение 1 (Рис. 1: 2) находилось практически в центре подкурганной площадки. Могильная яма размером 2,3 × 1,35–1,1 м, глубиной 0,4 м, имела подпрямоугольные очертания с несколько закругленными углами, ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Северо-западный угол ее совпал с условным центром кургана. Заполнение представляло собой гумус, смешанный с материковой супесью. В заполнении найдены ребра, позвонки, фаланги и другие человеческие кости, а также фрагменты керамики, принадлежащие одному сосуду. Дно могилы ровное, стенки отвесные. В юго-западном углу могилы находился крестец, вплотную к нему, практически упираясь верхним эпифизом бедренной кости в северо-западную стенку, надколенником – в юго-западную – сочлененные кости согнутой в колене правой ноги взрослого человека. К стопе теменной частью примыкает череп мужчины[1] 30–35 лет[2]. По определению В.В. Куфтерина «краниотип – умеренно гиперморфный европеоидный, возможно с наличием доли южноевропеоидного компонента» (Куфтерин, 2017. С. 209). Мандибула от этого черепа вместе с фалангой пальца ноги были найдены в верхних слоях погребенной почвы на расстоянии 2,75 м к югу от условного центра кургана (на плане №8). На дне могилы перед лицевой частью черепа располагалась бедренная кость левой ноги. Неподалеку от северного угла могилы найдены сочлененные кости большого пальца руки, вытянутые по оси юго-запад – северо-восток. В северо-восточном углу могилы перед устьем завалившегося на бок сосуда (Рис. 1: 4), фрагменты которого были встречены в заполнении, находилась большая берцовая кость левой ноги. У короткой северо-восточной стенки обнаружен браслет (бронзовый, медный?) с несомкнутыми заходящими друг на друга концами, овальный в сечении, размером 6,1 × 4,7 см, сильно коррозирован (Рис. 1: 3). В северо-восточном углу могилы рядом с расположенным на боку сосудом расчищен стоявший in situ горшок (Рис. 1: 5).

Вне могилы, рядом с ее северо-западной стенкой на глубине 0,4 м от поверхности кургана на уровне чуть ниже поверхности погребенной почвы встречены кости человека (Рис. 1: 1, выноска): плечевая, левая большеберцовая и череп (на плане №№5, 6). Череп принадлежал женщине 40–50 лет[3], по определению В.В. Куфтерина, «на данном, в своей основе европеоидном краниуме, на наш взгляд, можно усмотреть некоторые «уралоидные» черты, которые могли быть унаследованы от населения уралоидного облика» (Куфтерин, 2017. С. 208).

Кроме отмеченных костей, обнаруженных вне могилы, в северо-западном секторе подкурганной площадки, в 1,2 м от северного угла могилы на уровне поверхности погребенной почвы была найдена тазовая кость человека (на плане №9). Неровная юго-западная стенка могилы свидетельствует о проникновении в нее именно с этой стороны. Отметим, что все кости женщины оказались выброшенными за пределы могилы, а часть скелета мужчины осталась в могиле, но была сдвинута в ее юго-западный угол.

В южной части кургана были, очевидно, произведены и два детских погребения, от которых сохранились только сосуды в слое погребенной почвы (Рис. 1: 6, 7).

Публикуемое погребение не единственное нарушенное захоронение в могильнике. В каждом из 5 исследо-

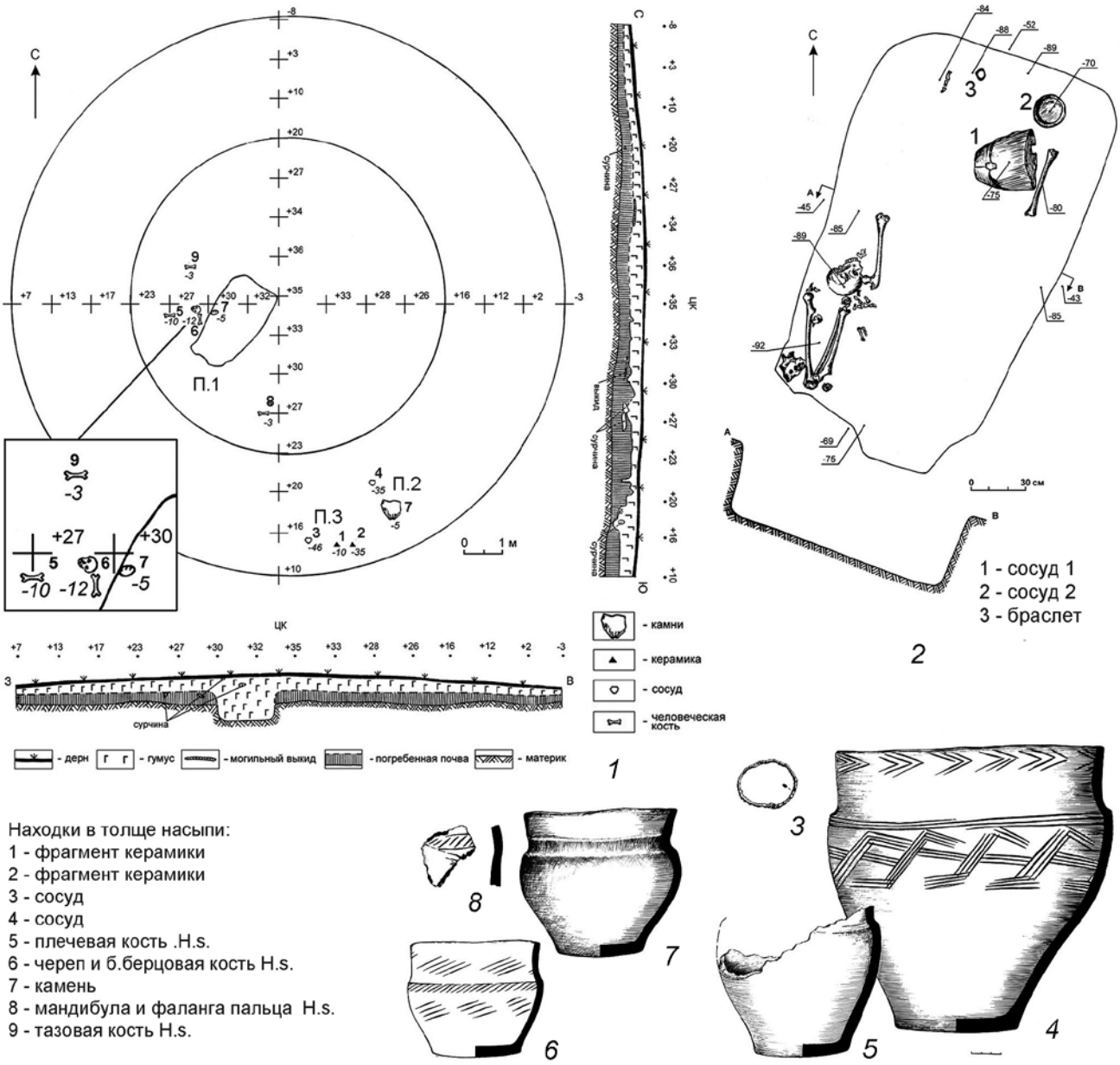


Рис. 1. Березовский V могильник, курган 9: 1 – план и профили; 2 – погребение 1; 3 – браслет; 4 – сосуд 1 из погребения 1; 5 – сосуд 2 из погребения 1; 6 – сосуд из детского погребения 2; 7 – сосуд из детского погребения 3; 8 – фрагмент керамики из насыпи.

ванных курганов выявлены таковые – в курганах 6, 8, 9, 10 – по одному, в кургане 7 – два. По характеру нарушенности погребения делятся на потревоженные в верхней части (п. 2 к. 6 и п. 2 к. 7) и полностью нарушенные (п. 1 к. 7, п. 3 к. 8, п. 1 к. 9 и п к. 10). Отметим, что в Березовском V могильнике нарушению подверглись исключительно захоронения взрослых[4] и преимущественно имеющие центральную позицию на подкурганной площадке (4 из 6). Единственное центральное погребение в раскопанных курганах, избежавшее участи быть нарушенным – неодновременное парное разнополое погребение 1 кургана 6 (Федоров, Рафикова, 1996, Рис. 2, Рафикова, 2017).

Публикуемое погребение отличается от других полностью нарушенных захоронений некрополя сочлененностью найденных в могиле останков, свидетельствующей о прошествии времени с момента захоронения, недостаточного для полного скелетирования. Подобные случаи нередки в алакульских могильниках, встречаются они и в кожумбердынских некрополях, например в Ташле-1 (Рафикова, Савельев, 2015. С. 15, 17).

Обсуждаемое погребение примечательно и тем, что разнополая пара[5], захороненная в могиле имеет достаточно редкое для парных погребений алакульской КИО соотношение возраста погребенных – женщина старше мужчины. Нам известно только одно подобное захоронение в кожумбердынской культурной группе – погребение 48 могильника Тасты-Бутак I, где с женщиной «возмужалого возраста» был похоронен подросток около 12 лет, «возможно, мужского пола» (Сорокин, 1962. С. 24. Табл. XXXI, огр. 48). Кроме того, аналогичное березовскому соотношение возраста в парном погребении – женщина старше (50–59 лет), а мужчина моложе (40–45 лет), выявлено у покойников из погребения в валу поселения срубной культуры Мурадымово в Башкирском Приуралье (Шутелева, Щербаков, Леонова, 2016. С. 285). Последнее захоронение интересно также и тем, что результаты палеоантрополо-

гического определения показали наличие монголоидных признаков у женщины, а «при проверке этих выводов на основе палеогенетических методов, было установлено, что женщина является представительницей европеоидной расы, согласно гаплогруппе» (Там же. С. 285). Далее авторы уточняют, что гаплогруппа женщины – J1c5e (Там же. С. 290).

На данный момент такие случаи в парных погребениях – особенности антропологического облика (уралоидные и монголоидные черты у женщин), возраста (мужчины младше женщин), выглядят исключительными.

Что касается обнаружения сочлененных костей в нарушенных погребениях, такие случаи в могильниках алакульской КИО далеко не ограничиваются приведенными примерами. Очевидно, что выявить какие-либо закономерности и представить убедительные интерпретации нарушения могил современниками погребенных можно только при анализе многочисленной выборки, учитывающей различные нюансы таких погребений (параметры и локализация могил, расположение нарушенных костей, профессиональные антропологические определения и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Черепа из публикуемого кургана проанализированы двумя антропологами: А.И. Нечвалодой в конце 1990-х годов был определен пол и возраст погребенных, В.В. Куфтерин в недавней работе дал их развернутую антропологическую характеристику (Куфтерин, 2017).

[2] По мнению А.И. Нечвалоды, возраст мужчины 20–25 лет.

[3] По определению А.И Нечвалоды, женщине было 45–50 лет.

[4] В одном случае – взрослого с ребенком (п. 1 к. 7).

[5] Несмотря на невозможность достоверной реконструкции изначальной позы погребенных, можно предположить, что погребение было парным, т.е. покойники были размещены лицом друг к другу, как практически и во всех алакульских парных разнополых погребениях.

ЛИТЕРАТУРА

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., 2015. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 15, №3. С. 115–118.

Куфтерин В.В., 2017. Краниологический материал из Березовского V и Селивановского II могильников // Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Книга 1. Приложение 4. Уфа: Китап. С. 208–213.

Рафикова Я.В., Савельев Н.С., 2015. Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 13–20.

Рафикова Я.В., 2017. Погребение 1 кургана 6 Березовского V могильника в контексте неодновременных парных погребений эпохи поздней бронзы Южного Урала и Средней Азии // Развитие гуманитарной науки в регионах России. Мат-лы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 337–339.

Федоров В.К., Рафикова Я.В., 1996. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа: Изд-во Национального музея Республики Башкортостан. С. 49–71.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Леонова Т.А., 2016. Палеодемографические особенности атипичных погребений позднего бронзового века Казбуруновского (Усмановского) археологического микрорайона Центральной Башкирии // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: Современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Мат. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто г. Уфа, 20 мая 2016 г. Уфа: Диалог. С. 283–298.

Преформы каменных наконечников стрел в материалах поселений синташтинской культуры как новая категория артефактов

© 2018 И.А. Семьян, И.В. Горащук

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация категории находок, известной как овальные наконечники стрел и дротиков, а также некоторых артефактов, описанных как каменные орудия. Исследования методом археологического эксперимента позволили надежно определить описанные находки как заготовки каменных наконечников, отображающие технологический этап изготовления, известный как преформа. В статье приводится иллюстративный материал, описывается технология изготовления тонких двусторонне обработанных форм.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, синташтинская культура, наконечники стрел, экспериментальная археология, flintknapping.

Особенности развития боевых и охотничьих типов вооружения в рамках конкретной культуры во многом зависят от природных факторов. Обширные открытые пространства зауральской степи и лесостепи обусловили использование обществами эпохи бронзы комплекса дальнобойного вооружения, представленного луком и стрелами. Высокая значимость лука традиционно отмечается для целого ряда культур Южного Зауралья эпохи бронзы: синташтинской, петровской, алакульской, саргаринской. Наибольшее количество находок, связанных с дистанционным вооружением приходится на время существования синташтинской культуры. Наконечники стрел представлены преимущественно каменными, но также бронзовыми и костяными и даже деревянными типами. О высоком практическом значении и семиотическом статусе дальнобойного оружия свидетельствует большое число находок

наконечников стрел в погребениях, а также неоднократное обнаружение целых колчанных наборов и предполагаемых костяных деталей луков. Общее количество наконечников стрел, обнаруженных в погребениях синташтинской культуры, составляет более 300 экземпляров (Епимахов, 2011. С. 107).

Количество находок наконечников в поселенческих материалах заметно уступает погребальным. Поселение Каменный Амбар отличается самой массовой коллекцией. Всего за период раскопок было обнаружено 25 наконечников, из них 17 каменных. На этом фоне коллекции наконечников стрел других исследованных синташтинских поселений выглядят значительно скромнее.

Несмотря на большое количество находок каменных наконечников стрел в синташтинской культуре и богатый опыт их типологизации, анализ не включал технологических аспектов производства, вследствие чего интерпретация форм некоторых изделий, по нашему мнению, не может считаться достоверной.

Исследование двусторонне обработанных орудий началось с самого возникновения первобытной археологии. Среди отечественных авторов основоположником изучения технологии их производства является В.А. Городцов (Городцов, 1935. С. 63–85). В последующем к этой проблематике обращались такие авторы, как С.А. Семенов, В.Е. Щелинский, А.Е. Матюхин (Матюхин,1983. С. 146–167). Эту тему не обошли вниманием ученые следующего поколения: А.П. Захариков, Е.Ю. Гиря (Гиря, 1997. С. 45–52), П.Е. Нехорошев (Нехорошев, 1999. С. 14–23). В работах намечены методы изучения технологического процесса. Основным методом является прямое описание технологического процесса с соответствующими промерами и подсчетами. Важным остается метод экспериментального моделирования, и вне всякого сомнения, приоритет здесь следует отдать А.Е. Матюхину.

Наиболее интересной для нашего исследования является работа Е.Ю. Гири, который, исходя из анализа западной историографии, выделяет «стадиальное» и «перманентное» расщепление при производстве двухсторонне обработанных форм (Гиря, 1997. С. 45–52). Попытка описать с помощью этих терминов изготовление стрелецких наконечников предпринята им в соавторстве с Б.А. Бредли и М.А. Аниковичем и вынесена в приложение к монографии (Аникович, Бредли, Гиря, 1997. С. 152–161).

Согласно предлагаемой схеме, все двусторонне обработанные изделия по внешним проявлениям особенностей технологии их производства можно разделить на «толстые» и «тонкие» формы. В основу этого разделения положено отношение максимальной ширины изделия к ее максимальной толщине (мы предлагаем называть это соотношение «коэффициентом утончения»). «Тонким» следует называть двустороннее изделие с соотношением максимальной ширины к толщине 5 и выше. О том, какие именно технологические особенности изготовления фиксирует коэффициент утончения, авторы пишут следующее: «Бифасы древнего и среднего палеолита изготавливались нестадиальным, конкретно – ситуационным способом. ... Бифас, толщина которого в пять раз меньше ширины, не может быть изготовлен простой оббивкой (как, к примеру, делались ручные рубила). Для этого необходимо изготовление специализированной первичной формы. Эта форма (заготовка тонкого бифаса) должна иметь две поверхности с ровным рельефом (без выпуклостей и депрессий) и ребро между ними по всему периметру. Способ создания такой стадиальной формы может быть различным» (Аникович, Бредли, Гиря, 1997. С. 153–154). Авторы указывают на специальные приемы подготовки и укрепления зон расщепления при изготовлении тонких бифасов (Аникович, Бредли, Гиря, 1997. С. 155).

В ходе обработки материалов нами было предпринято экспериментальное исследование по производству наконечников из кремнистых известняков, халцедонов и яшмы. На начальной стадии исследования были проанализированы готовые формы наконечников. На основании анализа мы пришли к выводу, что существовало две схемы изготовления наконечников.

При производстве черешковых форм применялась стадиальная схема изготовления с первоначальной выработкой преформы, при производстве наконечников с треугольным или вогнутым основанием применялся конкретно ситуационный метод. Проиллюстрируем процесс изготовления экспериментальными данными (Рис. 1: 1). Эти данные позволили по-новому взглянуть на материалы поселений.

Анализ поселенческих материалов позволил выделить тип артефактов, которые обычно интерпретируются в качестве готового типа наконечников стрел или дротиков, либо как другая категория каменных орудий. По нашему мнению, данные артефакты надежно определяются в качестве изделий, отображающих различные технологические этапы изготовления наконечника.

Легко определимой в качестве заготовок является категория артефактов, известных как овальные наконечники стрел и дротиков. На поселении Аркаим найдено десять экземпляров каменных наконечников. Среди находок выделяется характерная преформа (Рис. 1: 2) (Зданович, Малютина, 2014). Заготовку характеризует грубый первичный отжим, отсутствие завершенности граней и жальца. Наконечник находился на финальной стадии изготовления.

На укрепленном поселении Синташта (Генинг и др., 1992) было обнаружено пять каменных наконечников. Материалы поселения содержат артефакт, отображающий начальный этап производства наконечника, а именно формирование жальца (Рис. 1: 3).

В материалах поселения Устье обнаружено 10 бесчерешковых каменных наконечников стрел. Большой интерес представляет обломанная преформа наконечника стрелы, интерпретированная как «шпатель» (Рис. 1: 4) (Виноградов, 2013). Вероятно, наконечник был испорчен мастером при отжиме жальца.

Поселение Аландское демонстрирует коллекцию из восьми каменных наконечников стрел (по четыре черешковых и бесчерешковых). Из жилища №1 происходит находка типичной преформы каменного наконечника (Рис. 1: 5) (Зданович, Семьян, 2015). Его длина 3,1 см, ширина 3 см, толщина 0,8 см. Преформа выполнена техникой скалывания из кремня серого цвета. Изготовлена на пластинчатом отщепе треугольного сечения, с массивным ударным бугорком и ударной площадкой 0,8 × 0,8 см. Лезвия пера с ретушью утилизации и выемками у основания.

Поселение Каменный Амбар отличается самой массовой коллекцией наконечников стрел. Всего за период раскопок было обнаружено 15 каменных завершенных наконечников стрел (Епимахов, Семьян, 2016). Среди находок выделяются две преформы каменных наконеч-

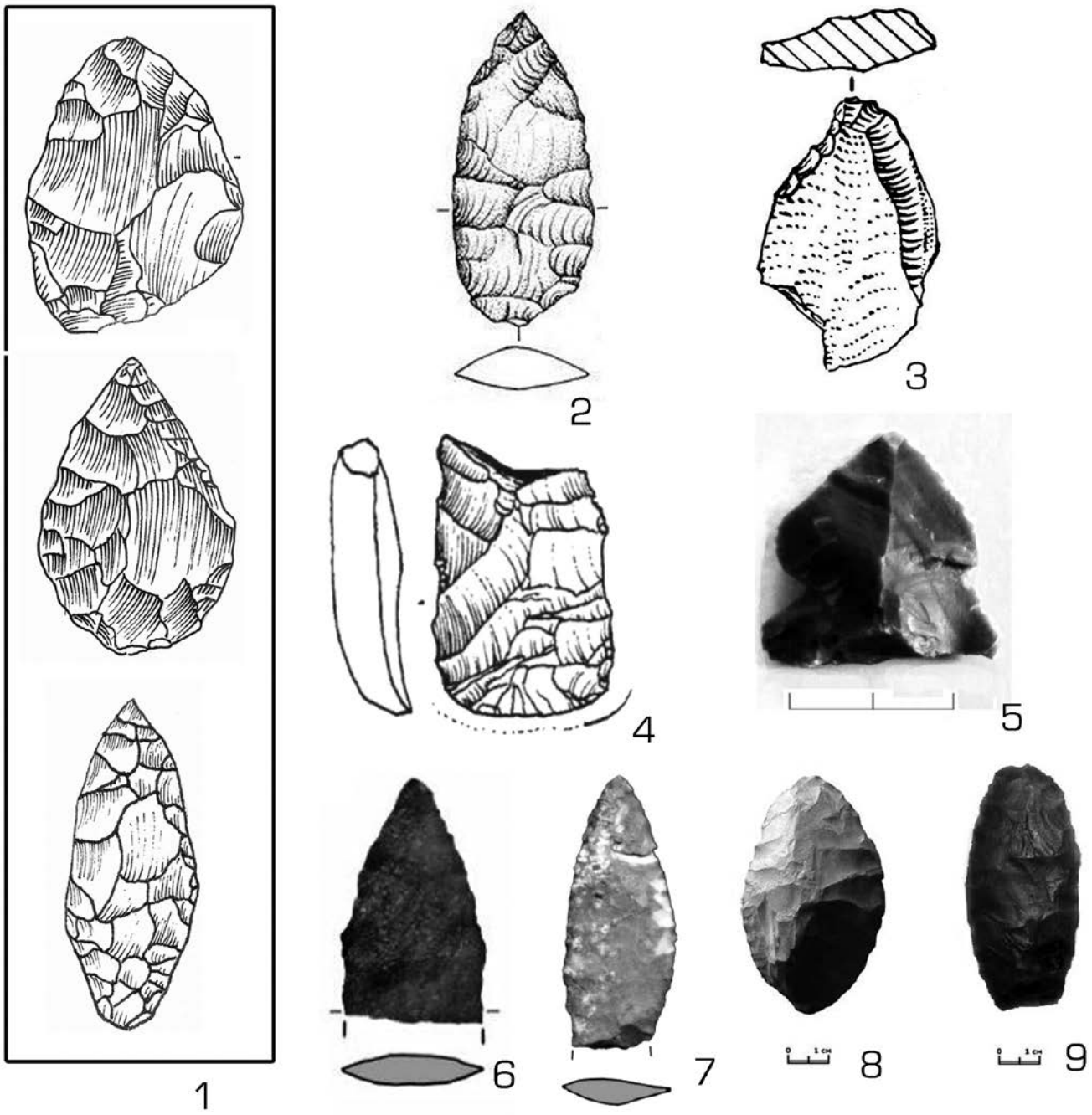


Рис. 1. Преформы наконечников стрел.

ников, имеющие сколотое основание, незавершенные грани и жальце (Рис. 1: 6, 7).

Наиболее интересные преформы наконечников обнаруживаются в материалах поселения Куйсак (Малютина, Зданович, Семьян, 2015). На памятнике был найден всего один завершенный каменный наконечник стрелы, а также две характерные преформы (Рис. 1: 8, 9). Заготовки имеют овальную форму. Первый, наиболее массивный экземпляр имеет следующие параметры: длина 6,9 см, ширина 4,1 см, максимальная толщина 1,6 см. Преформа двояковыпуклая, двусторонне обработанная отжимной ретушью, насад заострен. Одна из сторон изделия (брюшко заготовки) имеет необработанный плоский участок. Противоположная сторона выпуклая, на ней сохранились следы глубокой обивки. Цвет серый. Материал изготовления – яшмоид. Вторая овальная преформа имеет длину 5,5 см, максимальную ширину 2,5 см и максимальную толщину 0,95 см. Преформа двояковыпуклая, двусторонне обработанная. Поверхность покрыта отжимной ретушью, на месте острия – ретушь утилизации, края оформлены мелкой краевой ретушью. Цвет темно-серый. Материал изготовления – кремень. Очевидно, обе преформы были заготовлены для дальнейшего производства наконечников, но по какой-то причине осуществить работу не удалось.

Исследование преформ каменных наконечников стрел является перспективным направлением, потенциально позволяющим реконструировать процессы производства, внести важный вклад в изучение аспектов общественного устройства и культурогенеза. Нами будет продолжено исследование по выявлению преформ в погребениях синташтинской культуры, а также по интерпретации их контекста.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.А., Бредли Б.А, Гиря Е.Ю., 1997. Приложение // Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН. С. 152–161.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. 2013. 484 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.

Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: Академ – Принт. 199 с.

Городцов В.А., 1935. К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. С. 63–85.

Епимахов А.В., 2011. Некоторые вопросы реконструкции параметров синташтинского дистанционного вооружения (методический аспект) // Челябинский гуманитарий. №3 (16). С. 106–115.

Епимахов А.В., Семьян И.А., 2016. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // УИВ. №4 (53). С. 77–84.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 2014. Археологический предмет в культурном слое укрепленного поселения (на примере поселения Аркаим) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уралья (вопросы хронологии, периодизации, историографии): Мат-лы междунар. науч. конференции. 12–14 мая 2014 года. Самара: ПГСГА. С. 45–54.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Семьян И.А., 2015. Наконечники стрел с укрепленного поселения эпохи бронзы Куйсак // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / Ред. кол.: В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск. С. 71–74.

Матюхин А.Е., 1983. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита: сб. науч. тр. Л.: ЛОИА. С. 134–187.

Нехорошев П.Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита. СПб.: Европейский дом. 172 с.

Семьян И.А., Зданович Д.Г., 2014. Наконечники стрел с поселения эпохи бронзы Аландское // Язык. Культура. Коммуникация. №1 (2014) // Режим доступа: http://journals.susu.ac.ru/lcc/article/view/44

Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Донской лесостепи

© 2018 А.М. Скоробогатов

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №17–78–20048 «Этнокультурная история лесостепного Подонья в эпоху голоцена».

Аннотация. Статья посвящена керамическим материалам эпохи ранней бронзы, происходящим с поселенческих памятников Донской лесостепи. Автор стоит на позиции культурного разграничения керамики переходного периода на две основные группы: эпохи позднего энеолита (репинская) и эпохи ранней бронзы (ямная, включая ямно-репинскую) для поселений Среднего и Верхнего Подонья.

Ключевые слова: поздний энеолит, эпоха ранней бронзы, поселения, древнеямная культурно-историческая общность, керамика.

Керамика эпохи ранней бронзы на поселениях Донской лесостепи (Средний и Верхний Дон в современных границах Липецкой и Воронежской областей) впервые была массово получена при охранно-спасательных раскопках в зоне будущего Воронежского водохранилища в конце 1960-х годов. В силу традиции керамика древнеямного облика относилась к энеолитической эпохе. Основой источниковой базы послужили керамические материалы стоянки Университетская-III, которая была исследована А.Т. Синюком на площади 1576 кв.м. При анализе материалов данного памятника среди энеолитической посуды выделено пять керамических типов горшков, а также один тип миски. Среди выделенных пяти типов энеолитической керамики (Синюк, 1971. С. 10–11) три типа он соотнес с ямными материалами, разделив их, в свою очередь, на «своеобразную раннюю группу в рамках древнеямной культурно-исторической общности» и на комплексы «позднеямной культуры, материалы которой известны по раскопкам В.А. Городцова на Северском Донце» (Синюк, 1971. С. 18). Итак, по типологии энеолитической керамики, разработанной А.Т. Синюком на материалах стоянки Университетская-III, более ранняя ямная керамика была отнесена к типам 10 и 11, более поздняя – к типу 12. Керамика типов 10 и 11 была отнесена к третьему энеолитическому этапу («материалы репинского типа»), керамика 12 типа была соотнесена с самым поздним, четвертым этапом энеолита Среднего Дона – «городцовским этапом древнеямной культуры». Данная концепция развития позднеэнеолитических культур Среднего Дона просуществовала до конца 1970-х годов.

Позже энеолитическая керамика типа хутор Репин была отнесена к самостоятельной репинской культуре с двумя этапами развития (Синюк, 1981. С. 8–19), а материалы двенадцатого керамического типа с поселений заняли свое место в модели развития культур эпохи бронзы, с сопоставлением с подкурганными ямными погребальными комплексами Среднего Дона (Синюк, 1983; Васильев, Синюк, 1984. Рис. 18–20).

Следует отметить важный момент для концепции развития культур в позднем энеолите – РБВ на территории Донской лесостепи, на котором акцентировал внимание А.Т. Сюнюк. Исследователь культурно и генетически разделил репинские и собственно ямные материалы: для племен репинского типа характерен, по его мнению, бескурганный обряд захоронения с вытянутым на спине положением умерших, при доминанте коневодства как ведущей отрасли хозяйства, для ямных же племен Доно-Волжского региона отмечался подкурганный погребальный обряд с

Рис. 1. Керамика эпохи ранней бронзы стоянки Черкасская.

традицией скорченных захоронений при специализации в хозяйстве на овцеводстве (Синюк, 1981. С. 15). Однако репинское и ямное население бытовало не изолированно, вступая между собой в тесные контакты еще на ранних стадиях развития (Синюк, 1981. С. 15). Таким образом, уже к началу 1980-х годов были выработаны четкие критерии для разделения репинских материалов и собственно ямных, первые из которых относились к энеолиту, вторые – к эпохе ранней бронзы. Необходимо заметить, что репинские материалы на Верхнем и Среднем Дону были пред-

ставлены почти исключительно керамикой с поселений, а ямные – подкурганными комплексами.

С начала 1980-х гг. в литературе появляются первые публикации, в которых в отдельную группу выделяется керамика ямно-репинского типа, «связывающая репинские традиции с эпохой бронзы Донской территории» (Пряхин, Синюк, 1980. С. 88). При анализе материалов эпохи неолита и энеолита с Шиловского поселения была выделена ямно-репинская группа керамики, которая делилась на два типа на основе различия в оформлении венчика. В целом отмечался синкретизм нового типа керамики, сочетающий в себе репинские, ямные и катакомбные морфологические и орнаментальные признаки (Пряхин, Синюк, 1980. С. 88–89. Рис. 10–11).

Со временем понятие «керамика ямно-репинского типа» распространилось и закрепилось в научной литературе, в том числе и за пределами Донской лесостепи. При этом сложилась парадоксальная ситуация – до сих пор не озвучены основные признаки, по которым можно разделить керамику на ямно-репинскую, позднерепинскую (по А.Т. Синюку) и собственно ямную (древнеямную, раннеямную).

Судя по публикациям А.Т. Синюка, главный показатель керамики ямно-репинского типа – это ямочно-жемчужный поясок (как репинский признак) при сохранении основных ямных морфологических керамических черт (Васильев, Синюк, 1984. Рис. 19–20; Синюк, 1996. С. 53). Однако практически на всех поселениях керамика ямного облика с наличием ямочно-жемчужного пояска либо без него встречена в одних слоях: Михайловское поселение, Кзыл-Хак I-II, Шиловское, Ливенцовка I, Самсоновское, Черниково Озеро-1. Более того, в Нижнем Подонье имеются закрытие погребальные комплексы, где в одном погребении встречена ямная керамика как с ямочно-жемчужным пояском, так и без: КМ «Рясный II», к. 3, п. 6; КМ «Богоявленовский I», к. 1, п. 6 (Файферт, 2014. С. 87, 182).

Необходимо отметить, что для Донской лесостепи наличие ямочно-жемчужного пояска на керамике эпохи раннего металла не является четким хронологическим индикатором. Ямочно-жемчужный пояс в верхней части сосудов характерен, прежде всего, для местной неолитической керамики, затем становится неотъемлемой частью керамики черкасского типа (Васильев, Синюк, 1984). Ямочный поясок имеется на керамике нижнедонской раннеэнеолитической культуры (Васильев, Синюк, 1985. Табл. XII), ямочный и жемчужные пояски – на среднестоговских материалах (Синюк, 1981. Рис. 5; Сурков, Скоробогатов, 2012. Рис. 43, 45), но наибольшего распространения достигает в позднем энеолите – ранней бронзе (Синюк, 1981. Рис. 1–4; Пряхин, Синюк, 1980. Рис. 6–11), на керамике репинской культуры и ямно-репинского типа, сохраняясь в значительной степени в материалах эпохи средней бронзы Верхнего Подонья (Пряхин, 1982. Рис. 7; Погорелов, 1984. Рис. 7).

Ввиду этого предлагаем для рассматриваемой нами территории керамику позднего энеолита – ранней бронзы разделять на две основные группы. К первой, позднеэнеолитической, группе следует относить керамику репинской культуры, с ее характерными признаками, ставшими ее «визитной карточкой», неоднократно описанными в литературе (Синюк, 1981; Васильев, Синюк, 1985; Скоробогатов, 2013). Во вторую керамическую группу объединить керамику т.н. «ямно-репинского» типа (которой пока так и не определен культурный и эпохальный статус) и керамику древнеямной КИО с поселений, имеющую аналогии в подкурганных комплексах Подонья, в рамках эпохи ранней бронзы.

Керамика эпохи ранней бронзы встречена в культурных слоях стоянок и поселений Кипец-1, Мухино-2, Липецкое Озеро, Университетская-III, Шиловское, Дармодехинская-1, Копанище-1, Дивногорье 1, Черкасская, раскопки 1979–1981 гг., Затон-1.

Одна из наиболее представительных коллекция керамики РБВ Донской лесостепи встречена к настоящему времени в материалах Черкасской стоянки в ходе работ 2009–2010 гг. (раскопки автора). Керамика из раскопа залегала компактно исключительно в верхней части культурного слоя с материальными остатками неолита – энеолита. Фрагменты принадлежали примерно 50-ти сосудам (при раскопанной площади в 52 кв.м.). Керамика характеризуется тестом с примесью измельченной раковины, зачастую в сочетании с песком. Толщина фрагментов 0,7–1,5 см, со средним показателем 1,0–1,2 см. Внутренние (изредка – и внешние) поверхности покрыты разнонаправленными расчесами. Форма сосудов двух разновидностей – яйцевидная со стянутым верхом без выраженного венчика и плечиков, либо с выделенным коротким горлом, прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, с плечиками в верхней трети сосуда. Ямочно-жемчужный поясок не встречен приблизительно на четверти сосудов (Рис. 1: 7, 11, 13, 18, 22, 25, 26, 28, 29, 35). Диаметр венчиков 18–24 см, срез уплощенный или округлый, реже – приостренный. Преобладает орнамент из оттисков гребенки (21 сосуд, рис. 1: 5, 14, 21, 22, 31, 35), шнура (14 сосудов, рис. 1: 2, 7, 13, 15, 16, 18, 25, 26, 28–30), встречены накол, ямки, пальцевые защипы, прочерченные линии (Рис. 1: 1, 3, 4, 6, 7, 9–12, 17, 19, 33, 34). В некоторых случаях орнамент ограничивался ямочным либо жемчужным пояском (Рис. 1: 8, 20, 23, 24, 27, 32).

Отметим, что керамика РБВ ни в одном случае не встречена в виде отдельного культурного слоя или горизонта, и везде залегает с репинской. Однако есть такие памятники, где имеется только репинская керамика, без ямных образцов (Васильевский Кордон-17, Ксизово-6, Пристань-1, Верхний Карабут-2 и др.).

Что касается вопросов хронологии и синхронизации керамики РБВ с поселений Донской лесостепи, то мы считаем целесообразной связывать начало ее распространения с появлением первых подкурганных древнеямных погребений на Среднем Дону, а финал – с первой половиной развитого этапа местных катакомбных древностей, когда на керамике среднедонской катакомбной культуры еще прослеживаются ямные черты. Существующие немногочисленные C^{14} даты для ямных погребений Среднего Дона укладываются в интервал от 3650 до 2500 Cal BC (95 %) (Черных и др., 2000. С. 69; Березуцкий, Скоробогатов, 2018). Для второй половины развитого этапа среднедонской катакомбной культуры с поселения Ксизово-1 имеющиеся даты показывают интервал в 2450–2150 Cal BC (95 %) (Гак и др., 2017. С. 220).

ЛИТЕРАТУРА

Березуцкий В.Д., Скоробогатов А.М., 2018. Новые материалы древнеямной КИО в нижнем Побитюжье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология: Издательский дом ВГУ. Вып. 1. В печати.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1984. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: КГПИ. С. 102–129.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. Куйбышев: КГПИ. 118 с.

Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э., 2017. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. Т. I. С. 216–220.

Погорелов В.И., 1984. Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев: КГПИ. С. 140–154.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 159 с.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Т. 235. Куйбышев: КГПИ. С. 73–92.

Синюк А.Т., 1971. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.

Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. №4. С. 8–19.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во ВГУ. 192 с.

Синюк, 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского педуниверситета. 350 с.

Скоробогатов А.М., 2013. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // ТАС. Вып. 9. С. 264–278.

Сурков А.В., Скоробогатов А.М., 2012. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж: ВГПУ. 82 с.

Файферт А.В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов н/Д. 500 с.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология М.: ИА РАН. 95 с.

Материалы к антропологии населения синташтинской культуры Тургайского прогиба

© 2018 К.Н. Солодовников, А.В. Колбина

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ №18–09–00779

Аннотация. Представлены результаты исследования краниологических материалов из могильников Халвай 5 и Бестамак синташтинской культуры с территории Тургайского прогиба. Обсуждаются вопросы формирования антропологического состава и генетической структуры европеоидного населения эпохи бронзы степной и лесостепной зон Евразии.

Ключевые слова: палеоантропология, краниометрия, эпоха бронзы, синташтинская культура.

Памятники синташтинской культуры в значительной мере синхронны памятникам археологических культур лесостепных, степных и горно-степных районов Сибири и Казахстана, относящихся по региональной периодизации к эпохе ранней бронзы: ташковской, кротовской классического этапа, елунинской, самусьской, каракольской, окуневской и др. Антропологический состав населения, оставившего синташтинские могильники Приуралья и Зауралья, а также близкие в культурно-хронологическом отношении памятники лесостепного Поволжья, характеризуется сложностью и максимальной неоднородностью для культур эпохи бронзы этих территорий. Выявляются краниологические особенности европеоидного гиперморфного степного типа, долихокранного относительно узколицего южноевропеоидного и уралоидного краниотипов. Кроме того, присутствуют черепа с чертами монголоидного типа западно- или южносибирского облика (Хохлов, 2009; Хохлов, Китов, 2009). При этом западные группы, как мужские, так и женские, морфологически вариативнее, чем южноуральские и зауральские (Хохлов, 2017. С. 114)

Захоронения, краниологические материалы из которых исследуются в данной работе, происходят с территории Костанайской области Северного Казахстана, и относятся к синташтинской культуре. Один череп получен в ходе раскопок кургана Халвай 5 в 2011 г. (Логвин и др., 2017), четыре – из погребений могильника Бестамак (раскопки В.Н. Логвина и С.С. Калиевой в 1991–1994 гг.) (Калиева, Логвин, 2008). После проведенной реставрации черепа измерены по стандартной краниометрической программе (Алексеев, Дебец, 1964).

Принадлежащий мужчине кальвариум из погребения 1 кургана Халвай 5 характеризуется очень большими основными диаметрами массивной мозговой коробки со значительно выраженным наружным рельефом, мезокранной, орто- и гипсикранной по указателям. Лоб очень широкий, прямой и слабовыпуклый. Лицевой скелет высокий и широкий, по указателю мезен, ортогнатный и клиногнатный. Орбиты прямоугольные, низкие и очень широкие хамеконхные. Нос сильно выступающий, с высоким переносьем, очень широкий, гиперхамеринный по указателю. Среди единокультурных материалов данный череп наиболее сходен с некоторыми черепами из Большекараганского могильника (Хохлов и др., 2016), из кург. 7, погр. 21 могильника Танаберген II (Хохлов, 2017), и, особенно, с черепом из кург. 5, погр. 8 Потаповского могильника на Волге (Яблонский, Хохлов, 1994).

Без сомнения, череп из погребения 1 кургана Халвай 5 представляет гиперморфный матуризованный степной морфологический компонент населения рубежа средней и поздней бронзы Урало-Поволжья. Однако следует от-

метить, что представления о его морфологическом облике в значительной степени связаны с ошибочной культурно-хронологической атрибуцией некоторых погребений Потаповского могильника, из которых происходят черепа (Отрощенко, 1998; Богданов, 2010). Четыре мужских черепа с наибольшими значениями черепного указателя (в основном в пределах мезо-брахикрании) и, в отдельных случаях, некоторой горизонтальной уплощенностью лица – из кург. 2, погр. 1; два черепа из кург. 2, погр. 2; кург. 5, погр. 16 – датируются более ранним временем, и относятся к культурам ранней и средней бронзы степного и лесостепного Поволжья. Остальные черепа Потаповского могильника (Яблонский, Хохлов, 1994; Хохлов, 2010; 2017) относятся к синташтинской культуре. При этом мужская серия в среднем выраженно долихокранная, как и суммарно детские черепа (Хохлов, 2010). Также необходимо отметить, что мы не разделяем точку зрения об участии в расогенезе синташтинско-потаповских групп потомков энеолитического населения Зауралья, сходного с протоевропеоидами раннего бронзового века евразийских степей, но характеризующегося промежуточными европеоидно-монголоидными параметрами в строении лицевого отдела, в частности его умеренной горизонтальной профилировкой (Хохлов, 2017. С. 101–103). Краниологически оно представлено черепами с поселений Гладунино-3 и Ботай, которые относятся к не вполне дифференцированному в отношении западного и восточного расовых стволов антропологическому типу. Термин «степной казахстанский», применяемый к этому типу (там же), представляется не совсем удачным, поскольку памятники расположены на территории зауральской лесостепи, административно на территории России и Казахстана.

Исследованные нами краниологические материалы из могильника Бестамак разной степени сохранности. Лицевой отдел имеется у мужского черепа из погр. 40, и женского из погр. 35, а черепа из погр. 55 (мужской) и 46 (женский) представлены в основном нейрокраниумами. Объединяют эти краниологические материалы большая длина и малая ширина высокой гипердолихокранной и резко акрокранной мозговой коробки, в целом со среднеразвитым наружным макрорельефом. Лобная кость слабовыпуклая у женщин, и средневыпуклая на мужских черепах. Ширина ее варьирует от малых до больших величин, угол наклона лба большой у мужского черепа, и малый у женского. Лицо умеренно широкое и низкое у мужского черепа, и узкое высокое лептопрозопное у женского. Горизонтальная профилировка его в обоих случаях очень резкая, а переносье и носовые кости в месте наибольшего сужения высокие абсолютно и по симотическому и дакриальным указателям. Орбиты неширокие и низкие, нос узкий лепторинный и сильно выступающий по отношению к ортогнатному лицевому профилю.

В целом, черепа из могильника Бестамак демонстрируют комплекс признаков европеоидного долихокранного относительно узколицего типа. Он более значительно присутствует в составе населения синташтинской культуры Южного Урала, чем Поволжья, а также широко представлен в антропологическом составе популяций хронологически следующих петровской, покровской, алакульской и срубной культур (Хохлов, 1997; 2017; Китов, 2011). Происхождение этого антропологического компонента, называемого южноевропеоидным, предположительно связывается с районами Кавказа или Средней Азии (Китов, 2011; Хохлов, 2017. С. 138).

По-видимому, генезис данного морфологического компонента населения волго-уральского очага культурогенеза эпохи поздней бронзы (по В.С. Бочкареву) является отображением миграционных процессов «великого переселения народов» на рубеже средней и поздней бронзы по евразийской периодизации. На краниологических материалах они явственно выражаются в изменении антропологического облика европеоидных восточноевропейских древнескотоводческих популяций с формированием культур посткатакомбного блока заключительного периода СБВ. При этом смена населения наиболее отчетливо прослеживается от Северо-Западного Причерноморья до донского правобережья, где позднекатакомбные группы преимущественно с широким брахикранным черепом и широким лицом замещались популяциями бабинской культуры (КМК) с противоположным сочетанием признаков – узкой резко долихокранной черепной коробкой и узким лептоморфным лицевым отделом. Менее контрастны, но все же заметны антропологические различия населения к югу и к востоку от Дона. Но и здесь, даже сравнительно долихо-лептоморфные группы катакомбников донского левобережья, Калмыкии, сходные между собой серии тамаруткульского типа и «поздних полтавкинцев» юга Поволжской лесостепи, заметно отличаются от населения бабинской, лолинской культур и криволукского культурного типа (волго-донской бабинской культуры по новой терминологии (Мимоход, 2014). Последнее характеризуется крайне резкой долихо-лептоморфией, свойственной для центрально- и восточноевропейского населения культур боевых топоров и шнуровой керамики, а также населения эпохи бронзы Закавказья и Северо-Восточного Кавказа (Казарницкий, 2013).

Изменение состава населения восточной части восточноевропейских степей и лесостепей выявляется и с помощью анализа палеоДНК. В частности, прослеживается замещение генетических линий Y-хромосомной гаплогруппы R1b1, целиком характеризующей население ямной культуры Калмыкии (Allentoft et al., 2015), ямной (Haak et al., 2015) и полтавкинской (Mathieson et al., 2015) Волго-Уралья, на гаплотипы гаплогруппы R1a1. Последняя представлена в популяциях культур шнуровой керамики Центральной и Северной Европы, и характеризует мужскую часть европеоидных популяций степных и лесостепных районов Евразии последующего времени по крайней мере, от Волги до Енисея. В частности, гаплогруппа R1a1 маркирует целиком генофонд населения таких археологических культур, как синташтинская (Allentoft et al., 2015), покровская, срубная (включая срубно-алакульский тип), а также потаповского типа Поволжья (Mathieson et al., 2015). Она же характеризует пришлое европеоидное население андроновской культуры западносибирской лесостепи и эпохи бронзы Синьцзяна, и их потомков эпохи поздней бронзы. Возможно, именно синташтинское население дало начало обширным генетическим линиям гаплогруппы R1a1 у населения азиатских степей в последующие эпохи. Вероятность европейского происхождения населения синташтинской культуры от групп, генетически сходных с носителями культур боевых топоров и шнуровой керамики Центральной и Северной Европы, является одним из основных результатов работы (Allentoft et al., 2015), что оспаривается в другой работе генетиков (Mathieson et al., 2015).

Однако отличия популяций ранней-средней бронзы восточной части восточноевропейских степей и лесостепей (и генетически им родственной афанасьевской Южной Сибири) от населения синташтинской, андроновской, покровской и срубной культур прослеживается не только по однородительскому маркеру – Y-хромосоме, но и по аутосомному геному (Mathieson et al., 2015, Fig. 1: B). Одновременно наблюдается большое сходство синташтинских и более поздних образцов с генетическими материалами культур боевых топоров и шнуровой керамики Северной, и особенно Центральной Европы. Примечательно также, что образцы из погребений «потаповского типа» по набору аутосомных маркеров демонстрируют довольно широкий разброс на двуфакторном поле (Там же). Они включаются как в «степной» кластер (ямная, полтавкинская, афанасьевская культуры), так и в «европейский», охватывающий наряду с образцами центрально-североевропейских культур позднего неолита-бронзового века и синташтинские, покровские, срубные и андроновские. Причиной этого может являться смешанность материалов могильников «потаповского типа» в культурно-хронологическом отношении, о чем упоминалось выше.

При отсутствии кавказских или ближневосточных Y-хромосомных гаплогрупп в составе генофонда населения синташтинской и последующих археологических культур Урало-Поволжья, а также сходства по аутосомному геному с населением Кавказа, приведенные данные следует рассматривать в качестве аргументов участия в формировании синташтинской культуры популяций, генетически родственных носителям культур шнуровой керамики. Его источником, возможно, являлось население посткатакомбных культурных образований – бабинской (КМК), лолинской культур, криволукского типа (волго-донской бабинской культуры). Не отрицая возможности участия восточно-манычских катакомбников в формировании населения лолинской культуры (Казарницкий, 2013), все же подчеркнем большое и специфическое сходство лолинской краниологической серии с выборками черепов бабинской культуры. По-видимому, вывод о наличии «общего популяционного пласта, на основе которого сформировалось население восточно-европейских культур шнуровой керамики и, вероятно, значительная часть населения бабинской культуры» (Поднепровья – *авт.*) (Там же) следует распространить и на родственное население восточных территорий. Другими источниками участия генофонда, близкого к генофонду населения культур боевых топоров и шнуровой керамики в формировании генетической структуры синташтинского населения, могли являться носители абашевской и вольско-лбищенской культур постшнурового облика, признаваемых двумя другими компонентами формирования синташтинской культуры (Ткачев, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. 127 с.

Богданов С.В., 2010. Проблема участия древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. С. 8–14.

Казарницкий А.А., 2013. Краниология населения бабинской культуры // ВААЭ. №2 (21). С. 70–78.

Калиева С.С., Логвин В.Н., 2008. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. №9. С. 32–58.

Китов Е.П., 2011. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., 2017. Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // Самарский научный сборник. Т. 6, №4(21). Самара. С. 131–138.

Мимоход Р.А., 2014. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 323. С. 100–119.

Отрощенко В.В., 1998. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. №1. С. 43–53.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: АОЦИЭА. 384 с.

Хохлов А.А., 1996. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века Материалы Международной научной конференции. Волгоград: Перемена. С. 113–118.

Хохлов А.А., 2009. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 30. №6 (144). Челябинск. С. 8–11.

Хохлов А.А., Китов Е.П., 2009. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 30, №6 (144). Челябинск. С. 5–7.

Хохлов А.А., 2010. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. С. 8–14. С. 112–132.

Хохлов А.А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ. 368 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Нечвалода А.И., 2016. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // Stratum plus. №2. С. 277–284.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет». С. 186–205.

Allentoft M.E. et al., 2015. Population genomics of Bronse Age Eurasia // Nature. Vol. 522. P. 167–172.

Haak W. et al., 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. Vol. 522. P. 207–211.

Mathieson I. et al., 2015. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. Vol. 528. P. 499–503.

К вопросу о функции кольцевого рва в курганах эпохи бронзы (по материалам памятников синташтинского типа)

© 2018 С.В. Сотникова

Аннотация. В некоторых курганах синташтинской культуры Южного Зауралья фиксируются рвы, окружающие погребальную площадку. На основании аналогий из этнографии высказано предположение, что они сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц, с которыми, вероятно, были связаны представления о душе-птице и ее возрождении.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, синташтинская культура, курган, кольцевой ров.

В некоторых курганах синташтинской культуры раннего периода I эпохи поздней бронзы фиксируются рвы, расположенные под насыпью и окружающие погребальную площадку. В могильнике Степное 1 (Южное Зауралье) курган 1 являлся одним из самых крупных, диаметр насыпи составлял около 26 м, высота – 0,2 м. В процессе исследования погребальной площадки в центральной части на уровне материка зафиксированы контуры трех центральных могил 1–3, жертвенной ямы 4 и кольцевого рва, опоясывающего центральные погребения. Диаметр рва составляет 24–25 м. В северо-западном секторе рва имеются две перемычки, в остальной части ров образуется цепью продолговатых углублений различной конфигурации. Глубина и ширина рва на разных участках сильно варьируют. Ширина рва в его верхней части достигает 4 м, глубина – 1,2 м от уровня материка. Профилировка стенок плавная, покатая, дно округлое. Ров имеет неоднородное слоистое заполнение. В нижней части заполнения рва располагалось множество тонких перемежающихся слоев супеси различного цвета – от черного до желто-коричневого, образовывавшихся, как полагает Е.В. Куприянова, в процессе стекания в ров паводковых, дождевых вод (Куприянова, 2016. С. 8–10).

Наибольший интерес представляют материалы кургана 25 Большекараганского могильника (Южное Зауралье). Перед началом раскопок курган 25 представлял собой участок пахотного слоя диаметром около 20 м, высотой 0,3 м. В результате раскопок выявлена погребальная площадка правильной округлой формы диаметром 18–18,5 м, окруженная мощным кольцевым рвом. В пределах площадки и во рву выявлено 15 погребений и 6 ям с останками жертвенных животных. Исследователи считают, что комплекс этого кургана формировался в течение длительного промежутка времени и условно выделяют три основных этапа. На первом этапе были сооружены погребения 7, 16, возможно, 20. Кольцевой ров еще отсутствовал. Второй этап отмечен появлением вокруг площадки рва и оформлением центральной (погребения 9 и 10) и западной-1 (погребения 2, 4, 17, 18) групп погребений. Центральные ямы, по-видимому, функционировали в качестве склепов. Третий этап связан с появлением в западной части комплекса могильных ям, впущенных в ров в процессе его затекания грунтом (погребения 12, 23, 24) (Зданович, 2002. С. 17, 20, 23, 26–27). Особого внимания заслуживает ров, обводящий площадку. Д.Г. Зданович отмечает, что ров и центральные погребения образуют в совокупности единую, центрально-ориентированную систему, которая организует всю планиграфию комплекса. Ров был выкопан в один прием, так как нигде не наблюдаются следы его дополнительного углубления и повторных прокопов. Ров имел ширину 3–4 м в верхней части и глубину до 1,3 м от уровня древней поверхности. Он состоял из 12 секций, по-видимому, его копали по общему плану и разметке, но в виде отдельных ям. В результате исследователь приходит к выводу, что «функции рва – символические и ритуальные, наличие целой серии перерывов сводит к нулю реальные охранительные функции этого масштабного сооружения» (Там же. С. 27).

Безусловно, следует согласиться с этим выводом. Но для интерпретации данного архитектурного сооружения представляют интерес центральные могилы, вокруг которых, собственно, и был сооружен ров. Прежде всего, это погребение 10. Очертания ямы в верхней части размыты из-за нор землероев, в районе дна яма имела прямоугольную форму и размеры 3,5 × 2,5 м. В заполнении встречены фрагменты 6 человеческих костяков: А – мужчина 18–22 лет, Б – женщина 15 (?) лет, В – ребенок возраста 4 ± 1 год, Г – ребенок старше 2 лет, Д – ребенок возраста 1 год ± 6 месяцев, Е – ребенок до 6 месяцев (новорожденный). Выявлены останки жертвенных животных – лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Погребальный инвентарь, встреченный в заполнении, представлен фрагментами 4 сосудов, медным шилом, «лопаточкой» из рога, плоским костяным диском с центральным отверстием, 5 разрозненными клыками корсака, бусинами из камня (15 экз.) и меди (1 экз.). Вдоль северной стенки ямы сохранился в нетронутом виде участок дна шириной 0,7–0,8 м. Находящиеся здесь предметы были погребены под остатками деревянного перекрытия ямы. Параллельно стенке располагалось 8 сосудов (№№34–41). Сосуды №38 и №39 находились внутри сосуда №37. Сосуд №36 – деревянный, в виде полусферической чаши. Под этим сосудом были расчищены кости утки (исходно – часть тушки). Под сосудом №41 (миниатюрный остроребериый горшочек с 2 отверстиями на шейке) залегали кости дикого кабана – две первые и две вторые фаланги конечностей двух особей в сочленениях. На костях расчищены 2 пастовые бусины. Возле сосуда №41 находился кусок древесной смолы, под ним – медная спиралька и кусочек металла. К северу от этого сосуда находились: медное шильце, еще один кусок древесной смолы, костяное изделие круглой формы с центральным отверстием и треугольными нарезками по краю, 2 подвески из клыков лисицы и собаки. Две аналогичные подвески располагались к востоку от сосуда. В СВ углу ямы лежали 3 каменных наконечника стрелы, в районе СЗ угла – белемнит. У северной стенки на 60 см выше дна найден медный топор-тесло. В полу ямы выявлено 2 детских погребения. Захоронение «Ж» располагалось в ЮЗ секторе, в яме размерами 0,60 × 0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 7–8 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на С. Прямо под костяком, в ямке стоял сосуд №42, устье которого было перекрыто бедрен-

ными костями скелета. В ногах костяка – 7 астрагалов и 3 фаланги овцы, 3 клыка корсака. На черепе – дисковидная бусина из серпентинита. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев. Захоронение «3» располагалось в СЗ секторе, в яме размерами 0,65 × 0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 5 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на С. За спиной лежал набор астрагалов, на черепе – каменная бусина с шишечками. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев (Зданович, 2002. С. 41, 43, 47).

Для интерпретации назначения рва, окружающего подкурганную площадку с центральными могилами, представляется допустимым привести достаточно отдаленные аналогии, которые сохранились в японских письменных источниках. В «Кодзики» и «Нихон сёки» есть известная легенда о том, что душа отважного воителя Ямато-такэру после его погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя). Сын Ямато-такэру, государь Тюай, повелел по всем провинциям страны изловить «белую птицу» и вскормить ее в пруду у гробницы отца. Для него изловили несколько птиц. Действительно, в японских дворцовых прудах и во рвах с водой, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали далеко. Даже сейчас на гигантских «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть опоясывающих их рвов с водой, все еще гнездятся водоплавающие, в том числе белые птицы: лебеди, гуси, цапли, журавли, утки. В древности глиняные изображения (ханива) таких птиц изготавливали в массовом порядке и устанавливали непосредственно во рвах вокруг курганов или на их вершине (Бакшеев, 2004. С. 445–446).

Прямое перенесение этнографических данных на синташтинский материал невозможно. Однако вполне допустимо предположение, что рвы вокруг синташтинских курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной во время таяния снега и паводка они наполнялись водой, что привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц – гусей, лебедей, уток. В таком случае, весьма значимой становится находка в погребении 10 кургана 25 Большекараганского могильника ритуального комплекса, состоящего из деревянного сосуда в сочетании с костями утки. Не менее важным является также то, что центральные погребения (9, 10) и ров были созданы, как уже было отмечено выше, в одно время. Поэтому связь ритуального комплекса из погребения 10 и рва представляется весьма вероятной.

Большекараганское погребение с костями утки и деревянной чашей не единственное в синташтинской культуре. Подобный ритуальный комплекс обнаружен в синташтинском погребении 35 могильника Бестамак (Казахстан, Костанайская область), где была захоронена женщина 25–30 лет. Могильная яма крупных размеров 3,4 × 1,9 м ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Над перекрытием зафиксированы костяки 2 лошадей ногами друг к другу, головой на СЗ. У задних конечностей лошадей располагались кости конечностей от 4 овец. На дне могилы находился костяк женщины скорченно, на левом боку, головой на СЗ. В области шеи обнаружено 17 пастовых бусин, на левой руке – бронзовый браслет, на черепе – 2 каменные бусины синего цвета. В головах 4 сосуда, причем маленький сосуд помещен внутрь самого большого. Под развалом большого сосуда – бронзовый серп. Слева от сосудов, в ЮЗ углу найдены проколка и 2 бронзовые скрепки от деревянного изделия (сохранился древесный тлен). В 0,1 м от них лежали в анатомическом порядке кости крыла утки, а также просверленный астрагал крупного рогатого скота. Так же в головах, ближе к центру ямы, лежали 2 бронзовых ножа, стамесочка с роговой рукояткой и штыковидное орудие. В северном углу рядом с сосудом найдены 2 каменных наконечника стрелы, каменный пест (?). За спиной – костяное орудие, бронзовый шплинт. В ногах: бронзовая стамесочка с деревянной рукоятью, бронзовая игла, 2 бронзовые скрепки, костяное пряслице, маленький неорнаментированный сосуд (Калиева, Логвин, 2009. С. 38–43). Погребение 35 не было окружено рвом. Однако представляет интерес замечание исследователей, что остатки конструкций в виде рвов прослежены в незатронутой разрушением части раскопа (Там же. С. 34). Следует отметить, что погребения с костями водоплавающих птиц достаточно редко встречаются в синташтинских могильниках и сопровождаются нестандартным набором инвентаря.

Наличие ритуальных комплексов, включающих деревянную чашу и кости утки, может выступать свидетельством существования представлений о душе-птице, которая возрождается с прилетом водоплавающих птиц в ходе отправления определенных ритуалов. Для подтверждения этого предположения вполне уместно привлечение данных из угорской этнографии, так как согласно лингвистическим данным контакты угорского и индоиранского населения уходят в глубокую древность. Как отмечает В.Н. Чернецов, «реинкарнирующаяся» душа, по воззрениям обских угров, связывалась с дыханием и жизненным началом человека и представлялась в виде птицы, живущей у его головы (Чернецов, 1971. С. 81).

Таким образом, на основании аналогий из этнографии можно высказать предположение, что рвы вокруг курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц, с которыми, вероятно, были связаны представления о душе-птице и ее возрождении.

ЛИТЕРАТУРА

Бакшеев Е.С., 2004. Небесные девы, пернатые одежды. Орнитологический код в традиционной японской культуре (на примере мотива «Хагоромо») // Человек и природа в духовной культуре Востока. М.: Изд-во ИВ РАН: Крафт+. С. 435–462.

Зданович Д.Г., 2002. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во. С. 17–106.

Калиева С.С., Логвин В.Н., 2009. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. №9. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 32–58.

Куприянова Е.В., 2016. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия. 119 с.

Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4–12. М.: Наука. 120 с.

Маркеры гендера и возраста на материалах погребений синташтинской культуры бронзового века Южного Зауралья

© 2018 С.А. Сулейманова

Аннотация. В статье анализируются погребальные комплексы синташтинской культуры Южного Зауралья, дифференцированные по характеристикам возраста и гендера с целью выявления характерных маркерах, отображенных в погребальной обрядности.

Ключевые слова: синташтинская культура, бронзовый век, гендер, социальная дифференциация.

Синташтинские древности, датируемые XXI–XVIII в. до н. э. (Епимахов, 2007. С. 402–421), на сегодняшний день являются едва ли не наиболее детально исследованными и полно опубликованными в сравнении с иными культурами бронзового века. Авторы проанализировали огромный спектр вопросов, однако некоторые аспекты остаются изученными мало, либо требуют ревизии в свете существенного расширения источниковой базы. Одним из таких аспектов становится изучение гендерных отношений (Берсенева, 2010. С. 38).

Перспективным направлением исследования в рамках гендерной археологии может стать изучение погребальных практик, маркирующих пол и возраст погребенного индивида. Выделение конкретных гендерных маркеров на основании предметов материальной культуры позволит исследователям получать первичное представление о половозрастной структуре организации изучаемого тафокомплекса. Также система маркеров позволит реконструировать социальную структуру общества, демонстрируя возраст, в котором ребенок интериоризируется в социуме и начинает ассоциироваться с конкретной гендерной категорией.

Погребальные памятники в этой связи являются наиболее информативным источником, так как вся информация, которую они содержат, соотносится с конкретным погребенным. Гендер умершего может быть отражен как через структуру организации погребения в пределах тафокомплекса, так и через специфический набор артефактов, отражающий конструкции «женственности» или «мужественности».

В рамках данной работы совокупно было проанализировано 126 синташтинских погребальных объектов представленных в следующих памятниках:

1. Могильник Каменный Амбар-5
2. Могильник Кривое Озеро
3. Большекараганский могильник

Следует оговориться, что большая часть погребений была потревожена, часть не содержала остеологического материала, в оставшихся случаях он зачастую находился не in situ.

Изученные комплексы содержали 16 погребений с останками женщин (8 – индивидуальные, 8 – коммунальные). Совокупно в них были обнаружены останки 18 индивидов. Мужские погребения представлены 17-ю объектами (3 – индивидуальные, 1 – парное и 13 – коммунальные), содержащими останки 21-го индивида. Детские погребения количественно доминируют над погребениями взрослых: 66 погребальных объектов включали в себя останки 112 индивидов (40 – индивидуальные, 7 – парные, 19 – коммунальные). Как можно видеть из представленных цифр – количество объектов, содержащих останки детей, превышает количество погребений с останками взрослых ровно вдвое. Подобная селекция хоть и не имеет однозначного объяснения, но все же не является экстраординарной для обществ эпохи бронзы Южного Зауралья (Епимахов, Ражев, 2004. С. 108). Локализация погребений в пределах тафокомплекса представлена на графиках (граф. 1–3).

Керамический комплекс содержится в большинстве погребений и морфологически представлен сосудами горшечной, баночной и горшечно-баночной формы. Погребальная керамика в пределах могильной ямы, как правило, располагаются малыми группами по принципу дихотомии: в ногах и у лица погребенного. Закономерностей между возрастом погребенного, морфологическим типом и количеством сосудов обнаружено не было.

При изучении сопроводительного инвентаря в рамках данного исследования анализировались только индивидуальные погребения и парные погребения однополых индивидов, как содержащие только гендерно-дифференцированные маркеры.

Сопроводительный инвентарь устойчиво демонстрирует связь с гендерной структурой. Анализ мужских и женских погребений показал, что можно выделить присущие только женщинам и только мужчинам артефакты. Это предметы, сопряженные с гендерными функциями индивидов в социуме.

Для женщин погребальный инвентарь был обнаружен в 6 погребениях, и он распадается на две большие группы – это элементы декора костюма вкупе с украшениями и непосредственно «женские орудия труда», представленные костяными и бронзовыми иглами, шильями. Исключение представляет погребение 12 из кургана 25 Большекараганского могильника, содержащее в качестве сопроводительного инвентаря 1 каменный и 3 костяных наконечника, обломок орудия и молоток. Это погребение женщины возрастом >50 лет, уложенной в позе адорации на левый бок черепом в южном направлении. На перекрытии погребения располагался жертвенник, представленный останками «шкур» пары лошадей, убитых ударом в голову. Очевидная экстраординарность погребения позволяет не учитывать его при изучении общей картины.

Погребальный инвентарь в индивидуальных мужских погребениях сопровождал двух индивидов из трех и был представлен бронзовыми ножами и наборами наконечников.

Показательно, что «женские» и «мужские» орудия труда лежат только с индивидом конкретного пола и никогда не встречаются совокупно. Такой однозначный раздел инвентаря на гендерные группы можно, пусть и с некой долей условности экстраполировать и на детские погребения, что позволит условно реконструировать половую принадлежность ювенального погребенного.

Сопроводительный инвентарь детских погребений синташтинской культуры достаточно скромен и представлен в основном элементами украшения костюма – бусинами, амулетами, пронизями. Также в погребениях

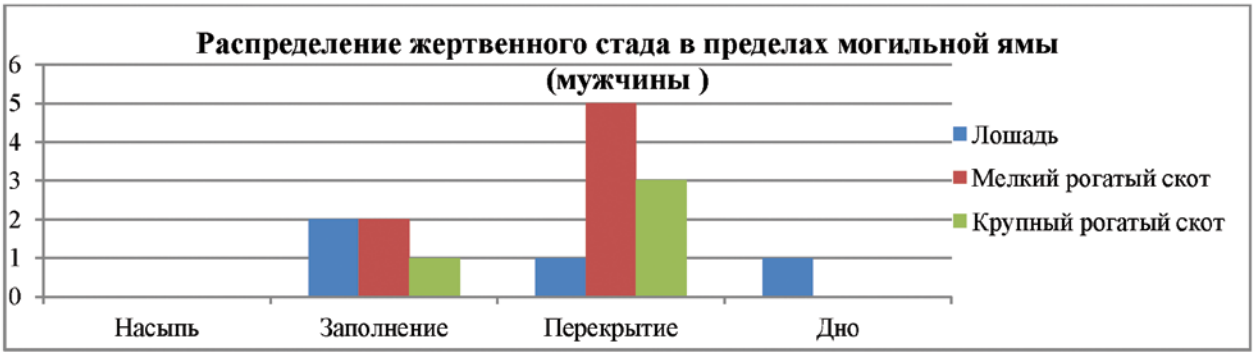
Приложения

граф. 1

граф. 2

граф. 3

граф. 4



граф. 5

граф. 6

индивидов возрастом >7 лет был обнаружен и гендерно-дифференцированный инвентарь (бронзовое шило, бронзовое тесло, бронзовые ножи, костяная игла, наковальня), встреченный ранее во взрослых погребениях. Исходя из этого, с некоторой долей условности можно предположить, что, начиная с возраста 7 лет и старше, ребенок начинает ассоциироваться с конкретной гендерной группой и вовлекаться в хозяйственную деятельность.

Жертвенное стадо представлено традиционной для скотоводческих обществ триадой: лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот.

В жертвенных комплексах чаще всего использовались черепа и дистальные отделы конечностей животных, выступающие заменой туши животного. Останки жертвенных животных могли залегать сразу на нескольких уровнях в пределах одного погребения. Это обусловлено как постпогребальной деятельностью, так и спецификой изначальной организации погребального пространства.

Интересно проанализировать соотношение групп погребенных с жертвенными животными:

Жертвенники женских индивидуальных погребений преимущественно локализуются в заполнении, процентное распределение животных жертвенного стада выглядит следующим образом: лошадь – 21 %, крупный рогатый скот – 26 %, мелкий рогатый скот – 73 %. Более подробно количественное распределение останков жертвенных животных по стратиграфическим горизонтам представлена на графике (граф. 4).

Жертвенники мужских индивидуальных погребений располагались преимущественно на уровне заполнения и перекрытия могильной ямы (граф. 5) и содержали в себе останки лошади – 27 % от общего числа жертвенных животных, крупного рогатого скота – 26 %, мелкого рогатого скота – 47 %.

Жертвенные комплексы детских индивидуальных погребений содержат максимальное останков мелкого рогатого скота – 82 %. Также в жертвенное стадо входит крупный рогатый скот – 10 %, лошадь – 4 % и останки целиковых туш собак – 4 %. Величина доли мелкого рогатого скота настолько велика, что можно предположить, что он жертвовался «дважды» – как универсальная жертва и как жертва, маркирующая именно не достигших зрелости индивидов. Косвенным подтверждением этому может свидетельствовать и его локализация на абсолютно всех стратиграфических уровнях в пределах тафокомплекса (граф. 6).

Таким образом, можно выделить следующие реперные точки погребальной обрядности синташтинской культуры для каждой из представленных групп:

1. Погребения женщин локализованы преимущественно в северном с отклонениями на восток и запад секторе подкурганной площадки. Погребенные снабжались керамическим комплексом и гендерно-дифференцированным инвентарем, представленным преимущественно украшениями и «женскими» орудиями труда. Жертвенные комплексы располагаются преимущественно в заполнении могильной ямы.

2. Погребения мужчин также локализованы в северном с отклонениями на восток и запад секторе подкурганной площадки. Погребальный инвентарь представлен останками вооружения. Останки керамического комплекса в мужских погребениях встречаются реже. Жертвенные комплексы по большей части залегают на уровне перекрытия.

Жертвенное стадо взрослых погребений синташтинской культуры в равных для женщин и мужчин долях представлено останками мелкого и крупного рогатого скота. Останки лошади в мужских индивидуальных погребениях встречаются чуть чаще. Обзорный анализ коммунальных и парных погребений показал, что в жертвенном комплексе, принадлежащему к погребению с останками мужчины в возрасте старше 16 лет неизменно находятся части туш лошади. Таким образом, с большой осторожностью можно предположить, что лошадь маркирует именно мужские погребения. Дальнейший прирост источниковой базы и увеличение количества индивидуальных мужских погребений позволит проверить эту гипотезу.

3. Детские погребения находятся в противоположных относительно взрослых погребений юго-западном и юго-восточном секторах подкурганной площадки. Погребальный инвентарь для индивидов <7 лет представлен исключительно керамическим комплексом и элементами украшения костюма, начиная от возраста 7 лет и старше в погребениях начинает появляться гендерно-дифференцированный инвентарь, вероятно, маркирующий пол погребенного. Жертвенные комплексы залегают на всех стратиграфических уровнях погребения, животным-маркером ювенальных индивидов можно назвать мелкий рогатый скот.

ЛИТЕРАТУРА

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1, 2002 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 216 с.

Берсенева Н.А., 2010. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // УИВ. №2.

Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во. С. 38–45.

Епимахов А.В, Ражев Д.И., 2004. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // ВААЭ. Вып. 5. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 107–113

Епимахов А.В., 2007. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. С. 402–421.

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати. 192 с.

Уреньские псалии: сочетание восточной и западной традиций изготовления

© 2018 А Н. Усачук, П.Ф. Кузнецов

Работа выполнена по проекту Российского научного фонда №18–18–00137.

Аннотация. Статья посвящена паре щитковых псалиев, найденных в Ульяновской обл. Проведенный трасологический анализ позволяет предполагать работу одного мастера.

Ключевые слова: псалии, трасология, щитки, планки, отверстия, шипы, покровская культура.

В июле 2017 г. в Самаре проведено трасологическое изучение пары псалиев из погр. 1 кургана 4 могильника Урень I (Старомайнский р-н, Ульяновская обл., левый берег р. Волги. Раскопки Р.С. Багаутдинова 1987–1988, 1991; В.А. Скарбовенко, 1987). Комплекс частично издан (Зудина, 1998. С. 41). Выполнены новые рисунки изделий (Рис. 1, 1, 2).

Псалии сохранились неплохо. Оба они сделаны из лосиного рога. На планке одного (Рис. 1: 1) немного осыпалась компакта, на шипе другого (Рис. 1: 2) – компакта отслоилась. Наибольшая утрата – отсутствие части щитка и планки этого псалия (Рис. 1: 2). Участок другого псалия с многочисленными отверстиями откололся, но аккуратно приклеен. Первые операции изготовления псалиев реконструируются. Мастер расчленил рог (ср. Бородовский, 1997. С. 85; 2007. С. 33), затем произвел разделку роговой лопаты: вырубил основание спицы, отсек закраины и рассек большую по площади заготовку на двойные пластины (ср. Бородовский, 1997. С. 86; 2007. С. 33–34) – так готовилось сырье почти для всех щитковых псалиев (ср. Усачук, 2013. С. 105–106; Скоробогатов и др., 2016. С. 65). Но затем изготовление уреньских псалиев пошло разными путями. Для первого псалия (Рис. 1: 1) двойная пластина сырья была аккуратно разделена на две одинарные (ср. Бородовский, 1997. С. 86, 98; 2007. С. 34–35) и далее использовалась одна из получившихся пластин. Второй псалий (Рис. 1: 2) стал вырезаться из более толстой двойной пластины.

Первый псалий (Рис. 1: 1). Наличие одинарной пластины, тем более уже частично изношенного изделия, привело к тому, что на псалии оказались очень похожи между собой лицевая и оборотная стороны. Следующая операция после разделения двойной пластины на одинарные – выравнивание поверхности компактного вещества на заготовке (Бородовский, 2007. С. 35). Выравнивалась внешняя поверхность. Следы этой операции – подрезка в разных направлениях металлическим лезвием – прослеживаются на одной из сторон щитка. На другой стороне оформлены небольшие утолщения вокруг отверстий – такое усиление щитка делалось на внутренних сторонах псалиев. Это, а также оформление краев щитка, показывают, где лицевая сторона псалия (Рис. 1: 1, II) и, соответственно, оборотная (Рис. 1: 1, I). Следы резки сохранились в районе торца и выступов планки. Оформление планки выразилось не только в аккуратном вырезании выступов, но и в том, что на лицевой стороне мастер слегка отделил планку от щитка небольшим углублением. Исходя из направления чрезвычайно узкой планки, мы и расположили псалий на рисунке, получив весьма своеобразную форму щитка. Эта форма спровоцировала и немного непривычное расположение отверстий. Большое отверстие мастер оформил почти в центре пластины, а с отверстиями для шипов пришлось повозиться. Скорее всего, сначала была изготовлена верхняя пара, причем правое верхнее отверстие для шипа получилось не по горизонтали, а слегка «ушло» вверх. Нижняя пара отверстий для шипов сделана оригинально: мастер ориентировал эти отверстия не по верхней паре, а расположил по оси, параллельной нижнему краю щитка. В итоге из-за необычной формы щитка получилось и своеобразное расположение отверстий для шипов. Окончательный вид щитку придали два небольших отверстия, относящиеся к планке, просверленные между верхней парой отверстий для шипов. Все отверстия в щитке довольно аккуратны. Подобное может свидетельствовать о станковом металлическом сверле (Усачук, 2013. С. 108). Вероятно, после изготовления щиток псалия был залощен. Далее мастером была выполнена и подгонка вставных шипов (ср. Усачук, 2013. С. 113), ныне утраченных.

Второй псалий (Рис. 1: 2). Использование двойной пластины рога фиксируется в районе втулки центрального отверстия. Здесь сохранился участок губчатого слоя толщиной около 0,6 см. На лицевой поверхности щитка сохранились следы резки. Очевидно, их было гораздо больше, поскольку мастер поставил перед собой трудную в техническом отношении задачу: сделать щиток рельефным. Для этого по краю шестиугольной заготовки был вырезан уступ глубиной до 0,5 см. В результате щиток получил более плавную в очертаниях основную часть своей площади и псалий стал выглядеть гораздо наряднее. Неизбежные при рельефной резке следы лезвия были убраны последующей обработкой внешней поверхности щитка. Но на внутренней стороне более разнообразные и выразительные следы резки сохранились, потому что здесь оформлялись вырезкой 4 монолитных шипа, мощная втулка вокруг центрального отверстия и два небольших шипа-выступа по краям планки. Центральное отверстие, вероятно, сверлилось с помощью станкового сверла, но затем стенки его были подрезаны лезвием: сохранились неровности. Более-менее аккуратно было изготовлено наклонное отверстие в планке: вырезка шла с обеих сторон и, в месте стыка встречных каналов, образовался выступ.

Псалии имеют и следы сработанности: в погребение положили вполне рабочую пару. При сравнении приемов изготовления псалиев мы не можем однозначно ответить на вопрос, один ли мастер изготовил оба изделия. Использовались одни и те же, или близкие орудия: металлические лезвия, станковое сверло, возможно, мелкий абразив. Приемы обработки сырья похожи. Сопоставимы, к примеру, размеры центральных отверстий – не исключено, что они сделаны одним сверлом. Но размеры трензельного отверстия приблизительно равны у большинства щитковых псалиев различных местонахождений. А отлаженные опытом приемы изготовления щитковых псалиев и близкий набор орудий существовали на всей степной и лесостепной территории Евразии с начала эпохи поздней бронзы. Но, что сближает столь непохожие псалии уреньской пары

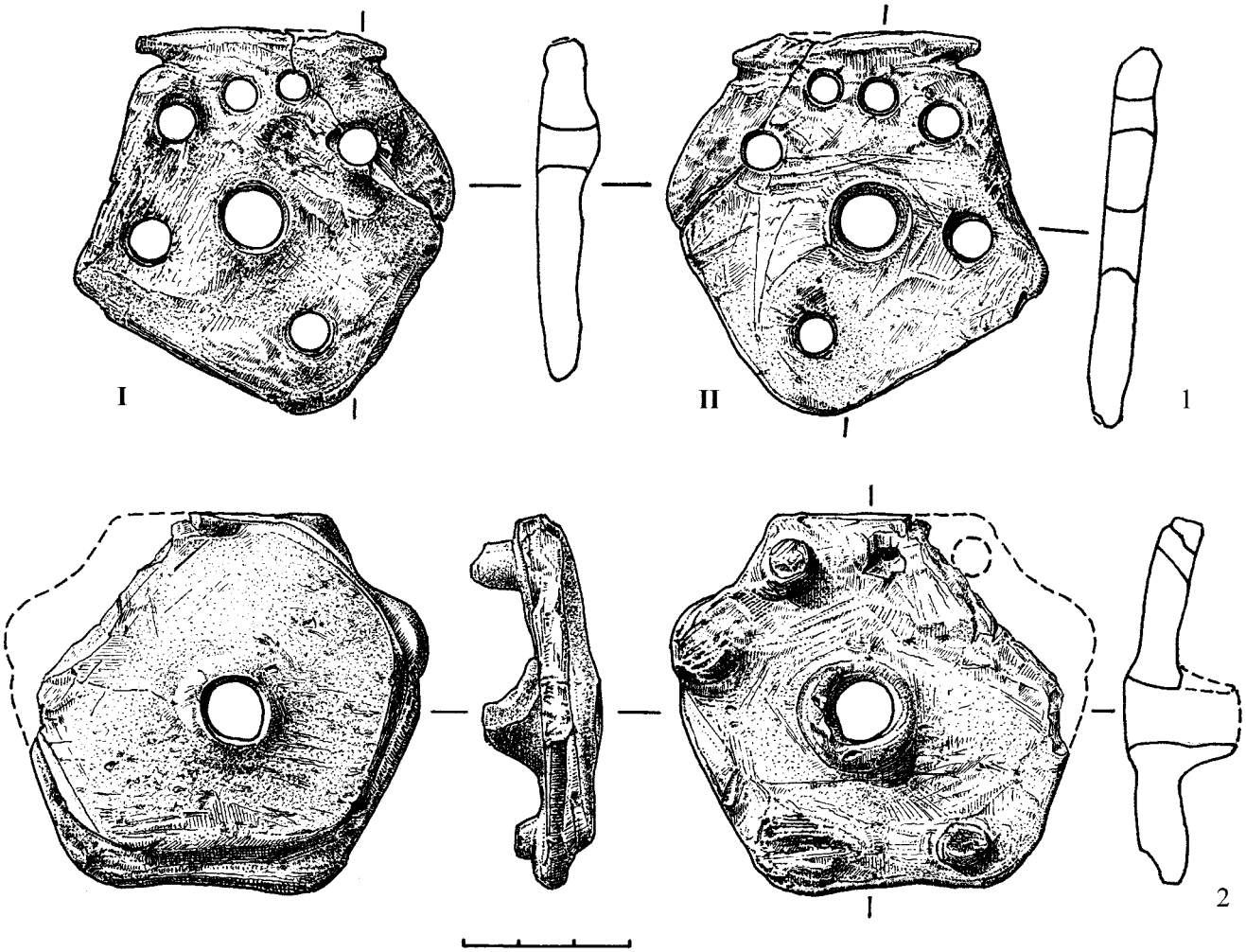


Рис. 1. Щитковые псалии из п. 1 кургана 4 могильника Урень I. 1 – псалий из одинарной роговой пластины (I – оборотная сторона; II – лицевая сторона); 2 – псалий из двойной роговой пластины (рисунки А.Н. Усачука).

и позволяет нам предполагать работу одного мастера – некоторая необычность формы щитка обоих экземпляров. Такое впечатление, что со столь разными по облику псалиями мастер проводил эксперименты – почему-то старался сделать что-то отличное от принятых форм, либо обретал опыт изготовления псалиев.

Сам комплекс погребения соответствует достаточно раннему периоду покровской культуры. При этом признаки (кроме размеров) одного псалия (Рис. 1: 1) соответствуют зауральской синташтинской культуре, а второго – имеют признаки покровские (кроме отсутствия орнамента и необычной планки). Из-за узости планки дополнительные отверстия, которые должны быть на ней, сделаны в щитке. Присутствуют четыре шипа. По итогам статистической обработки один псалий (Рис. 1: 2) закономерно разместился на «синташтинском» корреляционном поле (Бочкарев, Кузнецов, 2013, Рис. 1, 79). Другой (Рис. 1: 1) – на границе «покровского» и «синташтинского» полей (Бочкарев, Кузнецов, 2013, Рис. 1, 78). Таким образом, мастер более точно воспроизвел особенности синташтинского изготовления псалиев, чем культурно-родственного – покровского. Он явно не был стеснен в объеме сырья, и в его манере причудливо смешивались восточные и западные техники изготовления подобных изделий. Возможно, уреньский мастер действительно пробовал свои силы в изготовлении разных типов таких своеобразных изделий, как псалии.

ЛИТЕРАТУРА

Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 224 с.

Бородовский А.П., 2007. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 176 с.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2013. Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт. С. 61–79.

Зудина В.Н., 1998. Археологические древности Южного Средневолжья. Самара: Изд-во «Самарский университет». 136 с.

Скоробогатов А.М., Боруцкая С.Б., Килейников В.В., Усачук А.Н., 2016. Новые комплексы неординарных погребений доно-волжской абашевской культуры // Археология евразийской лесостепи-степи: сборник научных статей. Воронеж: Издательский дом ВГУ. С. 56–73.

Усачук А.Н., 2013. Древнейшие псалии (изготовление и использование). К., Донецк: ИА НАНУ. 304 с.

Памятники лисаковской округи эпохи бронзы: диалог культур в погребальной практике

© 2018 Э.Р. Усманова

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов 1) Министерства образования и науки Республики Казахстана «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)» и 2) NSF #1640341, результаты радиоуглеродного датирования (Arizona Accelerator Mass Spectrometry Laboratory.

Аннотация. Погребальные поля памятников Лисаковской округи относятся к алакульской и федоровской культурной традиции. На них отмечено сосуществование разнокультурных погребальных комплексов. Кремация как способ обращения с умершим является одним из главных показателей обрядового диалога между алакульской линией развития и федоровской.

Ключевые слова: кремация, ритуальный паттерн, способ обращения с умершим, культурный статус.

Исследованные комплексы эпохи бронзы памятников Лисаковской округи включают в себя семь могильников, которые расположены в относительной близости друг от друга на обоих берегах реки Тобол (Костанайская обл., Лисаковск, Казахстан). Всего раскопано 111 сооружений и 233 погребения (Усманова, 2013. С. 20). Могильник Новоильиновский находится на правом берегу в 30 км вниз по течению реки от могильника Лисаковский I, на нем исследовано 9 погребальных сооружений и 16 погребений.

На погребальных полях правого берега групп Лисаковский I (А, В) сосуществуют две традиции алакульская и федоровская. В группе Лисаковский I (Г) присутствует только федоровская, в группе Б – алакульская. На других шести могильниках – алакульские погребения. Всего раскопано 23 алакульских сооружения и 77 погребений, 43 федоровских сооружения и 78 погребений. Смешанных комплексов с алакульской и федоровской керамикой – 13 сооружений и 24 погребения. На погребальных полях левого берега присутствует только алакульская культурная ситуация – 29 сооружений, 59 погребений. Всего в зоне погребальных полей Лисаковский I–VII раскопано 136 алакульских погребений, федоровских – 77, которые существовали в течение 120 лет в период 1780–1660 гг. до н. э. (Панюшкина, 2013. С. 199). Иная картина пока наблюдается на могильнике Новоильиновский 2. Его погребальная традиция сформирована петровско-алакульским статусом. Обнаружено всего одно федоровское сооружение. Результаты радиоуглеродного датирования могильника Новоильиновский 2 сводятся к следующим диапазонам дат 1956–1885 гг. до н. э. и 1890–1774 гг. до н. э.

В целом, погребальная традиция эпохи бронзы памятников Лисаковской округи сформировалась на основе петровско-алакульского и федоровского ритуального статуса в первой половине II тыс. до н. э. Сложились основные черты погребального обряда, которые позволяют отличать культурные шаблоны алакуля и федоровки (далее – *А, Ф*). Типичные различия внешнего обрядового оформления погребального сооружения выделяются по следующим позициям:

- погребальное сооружение – курган, ограда (А), ограда (Ф)
- ров – есть (*А*), нет (*Ф*)
- оформление грунтовой ямы каменный ящик, дерево – (*А*), единично циста, дерево – (*Ф*)
- оформление грунтовой ямы уступ – есть (*Ф*), нет (*А*)
- коллективные захоронения – есть (*А*), нет (*Ф*)
- основной способ обращения – трупоположение (*А*), кремация (*Ф*)
- отдельные жертвенники – есть (*А*), нет (*Ф*)
- ритуальные объекты – есть (*А*), нет (*Ф*)
- намеренное проникновение – есть (*А*), единичные случаи (*Ф*)
- выкладка из костей животных – многочастная (*А*), одночастная (*Ф*)

Алакульская традиция – ведущая в погребальном пространстве лисаковских памятников. Немногочисленные петровские погребения (известно четыре погребения на могильнике Новоильиновский 2) находятся в статусе раннелакульских. Алакульская линия является главенствующей на могильнике Новоильиновский 2.

Однако практически на территории всех алакульских погребальных комплексов (кроме могильников левого берега) наблюдается присутствие федоровского культурного компонента, который, скорее всего, был привнесенным на момент формирования раннеалакульского. В степной зоне Верхнего Притоболья федоровская традиция лишена обильного содержания металла. В погребальном инвентаре лисаковских комплексов на весь массив федоровских погребений всего три случая такого рода находок: два браслета, игла, золотая пряжка-пронизь. Развиваясь самостоятельно, но в соседстве с предметно ярко выраженной алакульской, федоровская традиция сделала своим отличительным культурным приоритетом в погребальном инвентаре керамику (блюда, насыщенная геометрия орнамента), в способе обращения – кремацию умершего.

Если рассматривать погребальный обряд как объект культуры в виде текста (Лотман, 1967. С. 30–31), то алакульцы и федоровцы имели похожие тексты, различие которых сводилось к некоторым знакам. Сосуществование и диалогизирование двух культурных статусов сказалось на преобразовании некоторых ритуальных паттернов (шаблонов), что явилось проявлением связей между культурами. Основным таким ритуальным паттерном на лисаковских материалах представляется способ обращения с умершим – кремация. Устойчивый, повторяющийся поведенческий элемент по отношению к умершему человеку становится моделью для подражания в коммуникативном пространстве сосуществования двух культур.

Кремация – это активный ритуальный паттерн федоровского погребального статуса в урало-казахстанской степной зоне (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 48–60; Усманова, 2005. С. 84–87). В восточной зоне распространения федоровской культуры (Павлодарское Прииртышье, лесостепной Алтай, Минусинская котловина) в форме андроновского статуса преобладает трупоположение (Усманова и др., 2006. С. 76–77; Кирюшин и др., 2015. С. 31;

Максименков, 1978. С. 52–75). Скорее всего, кремация, как альтернативный способ отношения к умершему в алакульском сообществе, основательно проявляется в зонах контакта алакульской и федоровской культур.

В Лисаковской округе, видимо, механизм внедрения федоровского культурного статуса происходил следующим образом. Алакульцы запускают в свое погребальное пространство федоровцев с обрядом кремации (Лисаковский I А, Новоильиновский 2). Потом формируются отдельные погребальные поля федоровцев Лисаковский I (В, Г), на которых кремация – главный шаблон способа обращения. На левом берегу некрополей Лисаковский II–V, где присутствует только алакульский статус, известно всего два погребения с кремацией (Лисаковский III). Процент алакульских погребений с кремацией сравнительно невелик – 13 %. Количество алакульских погребений с трупосожжением увеличивается в зоне контакта с федоровцами на правом берегу расположения погребальных полей. Для алакульцев кремация становится альтернативным способом по отношению к умершему и включается в поведенческую модель. Такие «альтернативные» погребения отличаются по другим признакам и могут быть отнесены к категории особых:

- расположены на периферии погребального поля;
- имеют особенности в погребальном инвентаре;
- сочетают иногда кремированные и не кремированные кости;
- содержат часто кремированные кости от нескольких человек.

Здесь следует отметить, что элитные погребения в центральных курганах выполнены в основном паттерне алакульского статуса – трупоположение.

Итак, алакульцы используют кремацию как альтернативный способ обращения с телом по отношению к определенной категории умерших, социально-биологическую характеристику которой точно установить не представляется возможным. Тем самым, утверждается ритуальная дифференциация по отношению к умершему, возникшая в ходе сложившего межкультурного диалога. Наверное, в этом контексте можно применить термин «культуротворчество», понимая под ним принятие одной культурой некоторых элементов культурных ценностей от другой культуры.

В действительности, кремация как способ обращения с телом умершего в исполнении достаточно трудоемкий процесс. Очевидно, что в лисаковском погребальном пространстве существовало специальное место, отведенное для сжигания трупов. Источник горения и организация процесса сжигания требуют физических усилий – заготовка сырья для горения, обработка тела, использование катализаторов горения (жир, войлок). Кремированные кости сохранили частично свою структуру, эпифазы длинных костей, зубы, фрагменты черепной коробки. Полного сжигания трупа в условиях открытого костра достичь невозможно (Усманова, 2005. С. 84–87). Не исключено, что после сжигания трупа кремированные кости очищались от мягких тканей и еще раз обжигались. Сложность, многоступенчатость способа кремации предполагает наличие категории обученных людей – исполнителей обряда. Вероятно, такая категория – назовем ее условно «каста крематора» – существовала у федоровцев. Именно у них кремация во всем своем проявлении достигла обрядового и танатологического совершенства.

По всей видимости, алакульцы для сжигания тел своих умерших людей приглашали обученных, знающих и практикующих кремацию федоровцев. Последние исследования на могильнике Новоильиновский 2 (курганы 8 и 9) продемонстрировали использование кремированных костей от несколько взрослых людей в качестве жертвенного приношения в качестве подсыпки под камнями на детской части алакульского кладбища. Также на подкурганной площадке стоял сосуд, наполненный кремированными костями, среди которых были и кремированные кости животных. При этом, все основные погребения были выполнены в алакульском паттерне ритуалов трупоположения. Возможно, существовало отдельное костехранилище, откуда в необходимый момент ритуала можно было взять кремированные кости. Не исключено, что сожжение тела умершего происходило вместе с тушей животного, жир которого являлся дополнительным топливом и катализатором горения.

Включение трупосожжения в алакульскую погребальную традицию прослеживается на достаточно широкой территории распространения алакульской культуры – от Южного Урала до Алтая (Сотникова, 2006. С. 81– 85). Рассуждая о том, что алакульцы приняли кремацию в свой обрядовый текст обращения с умершим, видимо, надо указать, что в их принципах мировоззрения существовало архетипитическое понятие культа огня. И кремация в какой-то степени выражала этот культ в погребальном обряде. Не исключается идея появления кремации как собственного алакульского элемента из паттерна по отношению к умершему, которая «... в дальнейшем ... активизировалось контактами с населением ряда других культур» (Она же, 2006. С. 85). Но в отношении лисаковских погребальных свидетельств, вероятно, можно говорить о способе кремации как элементе культурной интеграции, возникшей в зоне контакта алакульцев и федоровцев.

Возможно, федоровцы, как пришельцы на берега Тобола, уже заселенные алакульцами, для сохранения самоидентификации сознательно избегали интеграции с алакульскими культурными элементами. Тогда как алакульцы оказались более активными в диалоге по изменению ритуального паттерна в погребальной практике. Такая вариативность, видимо, была связана с более ранним формированием алакульского культурного статуса в Лисаковской округе, с участием петровских и, возможно, синташтинских элементов, до активного федоровского появления здесь. Но это уже другая история культурного диалога, которую еще предстоит раскрыть в ходе исследований археологических памятников эпохи бронзы Лисаковской округи.

ЛИТЕРАТУРА

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В., 2015. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XI / науч. ред. В.И. Молодин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 208 с.

Лотман Ю.М., 1967. К проблеме типологии культуры // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та: Вып. 198. (Труды по знаковым системам; Т. 3). Тарту. 422 с.

Максименков Г.А., 1978. Андроновская культура на Ени-

сее. Л.: Наука. 190 с.

Панюшкина И.П., 2013. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd. С. 196–204

Сотникова С.В., 2006. О формировании традиции трупосожжения в алакульском погребальном обряде // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: Сб. научных статей. Павлодар: НПФ «ЭКО». С. 81–87.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. 160 с.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А., 2006. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: Сб. научных статей. Павлодар: НПФ «ЭКО». С. 70–80.

Усманова Э.Р., 2005. Могильник Лисаковский: факты и параллели. Караганда–Лисаковск. 232 с.

Усманова Э.Р., 2013. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда-Лисаковск: Tengri Ltd. С. 19–134

Использование камня в домостроительной практике срубной культуры на территории Оренбургского Предуралья

© 2018 И.А. Файзуллин

Исследование выполнено при поддержке министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К.

Аннотация. В данной статье рассматривается использование камня в строительной традиции позднего бронзового века на территории Западного Оренбуржья. Как правило, камень использовался для укрепления колодцев и погребов, а также для обкладки кострищ и очагов. Единственная известная постройка, основание которой сооружали из камня, была исследована на поселении у села Малоюлдашево. Аналогии данной постройки практически отсутствуют на территории Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: Оренбургское Предуралье, срубная культура, поселения, домостроение, использование камня.

В настоящее время камень является одним из самых распространенных строительных материалов, который используется на всей территории Евразии. В эпоху позднего бронзового века его распространение было столь же широким. Он встречается как в погребальной, так и в строительной практике.

На территории западной части Оренбургской области известно большое количество погребений срубной культуры, перекрытых каменными конструкциями. Достаточно долгое время данный компонент в погребальном обряде исследователи относили к андроновской погребальной традиции. Авторы исходили прежде всего из близкого соседства юго-восточного ареала срубной культуры (к которому относится Западное Оренбуржье) с андроновским миром. Однако последние исследования показали, что срубники рассматриваемой территории начали использовать камень задолго до сложения прочных контактов с андроновским миром (Купцова, 2014. С. 177–196).

На территории известных в регионе поселений до недавнего времени не было отмечено построек, в конструкции которых использовался камень для строительства. Как правило, камень использовался для обрамления кострищ и очагов, либо для укрепления колодцев и хозяйственных ям. Наиболее интересными конструкциями, в которых применялся камень, являются ямы-погреба с Родникового и Покровского поселений.

На Родниковом поселении обнаружена хозяйственная яма, которая служила погребом на территории первой постройки. Яма вырыта возле восточной его стенки. Она овальных очертаний, диаметром около 3 м у поверхности. На глубине 0,9 м яма резко сужалась, образуя ступеньку. Диаметр дна ямы 1,2 м, глубина от уровня материка 3,1 м (Рис. 1: 3).

Уступ ямы служил полкой, на которую ставили сосуды с пищей и, вероятно, клали мясо. На уровне пола жилища яма была перекрыта деревянным настилом из жердей, который поддерживали столбы, установленные на уступе вплотную к стенкам погреба. Следы от двух столбиков диаметром 18 и 14 см были видны на восточной стенке на расстоянии 1 м друг от друга. Деревянное перекрытие, по всей видимости, было сверху укреплено камнями. Камнем был укреплен как сам уступ, так и нижняя стенка (Купцова, Файзуллин, 2012. С. 73).

Достаточно интересными являются две конструкции с Покровского поселения. В постройке 1 была выявлена яма 2. Ее размеры 2,6 × 3,0 м, глубина 2,6 м от материка. Стенки почти вертикально опускались на дно. Яма от уровня пола жилища и до дна была завалена крупными камнями без какого-либо порядка. У дна два камня стояли вертикально. Нижние камни на глубине –2,64 см от уровня материка находились в воде.

В постройке 2 обнаружена яма 3 (Рис. 1: 2). По своим размерам и конструктивным особенностям близка яме 2 из первой постройки. На уровне материка она имела неправильные овальные очертания 300 × 250 см. Верхняя ее часть была сложена из камней различных размеров, а в центре правильное квадратное отверстие. На глубине 50 см от материка стала просматриваться каменная кладка, где плоские камни по четыре клались слоями так, что их наиболее ровные стороны образовывали прямоугольные отверстия. Камни очень плотно прилегали друг к другу и представляли собой достаточно качественную кладку (Порохова, 1989. С. 60–63).

Помимо колодцев и погреба с представленных выше поселений, практически на всех бытовых памятниках региона отмечены очаги или кострища, выложенные камнем (Файзуллин, 2015. С. 81–83).

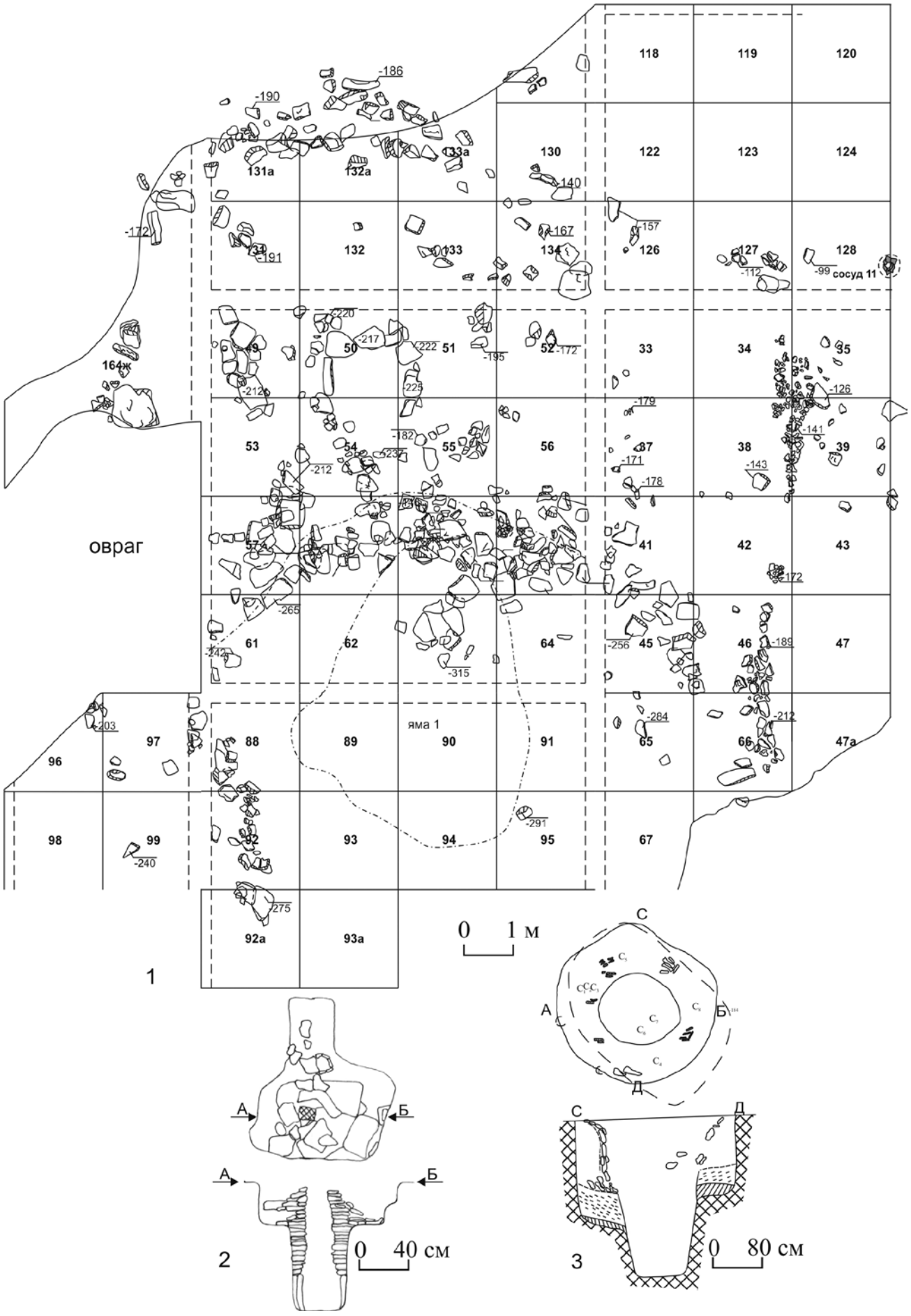


Рис. 1: 1 – I поселение у села Малоюлдашево, постройка 1; 2 – Покровское поселение, постройка 2, яма 3; 3 – Родниковое поселение, постройка 1, яма 1.

Как уже отмечено ранее, камень, как правило, использовался для оформления внутрижилищных конструкций, либо колодцев за их пределами. Использование же данного материала для возведения самих построек не было отмечено до исследования двух наземных построек с территории поселения у с. Малоюлдашево (Евгеньев и др., 2016. С. 26–53).

Постройка 1. На площади участков III, IV, VI, IX, X и частично XIV выявлены остатки каменного сооружения, представлявшие собой систематическую кладку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную в меридиональном направлении, состоящую из обработанных камней различной формы и размеров (Рис. 1). Глубина залегания камней, составляющих каменную конструкцию – от –126 до –267 см от 0 (связано с естественным понижением рельефа поселения с севера на юг), от уровня дневной поверхности – от 0,3 м до 1,2 м. Между отдельными камнями зафиксирована обмазка из белой глины, использовавшейся в качестве связующего раствора. Общая площадь раскопа, на которой зафиксированы остатки каменного сооружения – 14 × 18 м.

В южной части постройки в пределах участков IV и VI на глубине –274 см от 0 была обнаружена яма 1 неправильной округлой формы (Рис. 1: 1). По мере продвижения вглубь яма сужалась, и в центральной, наиболее глубокой части, была выявлена *каменная конструкция* – систематическая каменная кладка в форме округлого колодца или глубокого очага, диаметром около 2 м. В глубину конструкция достигала 1,7 м: верхние слои залегания каменной кладки зафиксированы на глубине –283 см от 0, дно конструкции – на глубине –454 см от 0. Конструкция была сложена следующим образом: в верхней части располагались плоские плиты, внутри – массивные необработанные булыжники. Заполнение между камнями состояло из грунта, щебня, золы, угля. В верхней части конструкция устьем выходила на север, в сторону стены жилища. Заполнение конструкции и заполнение между камнями представляло собой золу с включениями мелкого угля и щебня. Стенки конструкции были прокалены настолько, что некоторые камни, ее образующие, рассыпались; материковый песок имел ярко выраженный оранжевый цвет. Один из камней был отесан. Южная стенка была обложена вертикальными плитами размерами от 15 до 30 см. На нижнем уровне камни обработаны таким образом, чтобы было возможно их выложить по кругу.

Постройка 2. Исходя из скопления материала на участке II и концентрации камня по периметру участка, можно предположить наличие на поселении второй постройки, которая располагалась восточнее постройки 1. Постройка 2 также как и первая представляла собой наземное сооружение. Скопление камней от постройки, ориентированное по линии запад – восток, зафиксировано в квадратах 25 и 26 на глубине от –184 до –212 см от 0 (штыки 5–8). Отдельные фрагменты каменной конструкции отмечены в квадратах 17, 19, 20, 23, 27, 29–31 на глубине от –157 до –224 см от 0.

Исходя из имеющихся данных, судить о конструкции построек можно лишь предположительно. Вероятнее всего, они представляли собой наземные строения. Принципиальных различий в конструкции построек скорее всего не было, и отличаются они лишь размерами.

Фундаментом сооружений служили крупные камни, которые равномерно укладывались по периметру строения. Стены могли быть изготовлены из дерновых блоков, или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. В этом случае мелкие камни, обнаруженные в ходе раскопок в большом количестве, могли быть отличным облицовочным материалом, который достаточно прочен и хорошо защищает основание стен от дождей. Вероятность такого приема в домостроительстве отмечена в ряде работ по каменному домостроению (Горбов, 1997. С. 152; Ромашко, 2001. С. 142). Данное предположение подкрепляется тем, что на отдельных участках постройки отмечено использование белой глины, как связующего раствора для укладки камней.

Авторами обобщающей работы было отмечено, что анализ построек срубной культуры с сопредельных территорий показал отсутствие каменных строений для таких близких регионов как Нижнее Поволжье, Башкирское Приуралье и Зауралье (Евгеньев и др., 2016. С. 42–45).

Единственной близкой аналогией являются постройки с поселения Михайло-Овсянка в Самарском Поволжье (Матвеева и др., 2004. С. 75–77). Изученное строение представляло собой котлован шириной 6,5 м, длиной, по мнению авторов, не менее 9 м. Глубина котлована достигала 1,1 м. Авторами раскопок были изучены каменные стены вдоль северного и южного бортов котлована. Для выкладки использовался известняк различных форм и без видимой обработки, схожий с тем, который был найден на рассматриваемой постройке. Отметим, что постройка 1 с Малоюлдашевского поселения все же больше по размерам и не имеет столь значительного заглубления в грунт.

Помимо наличия каменных построек, поселения сближает культурологический набор керамического материала, который по преимуществу представлен керамикой срубной культуры. Достаточно большой процент на поселениях керамики раннего этапа срубной культуры (с покровскими чертами).

В поисках аналогий данных построек были проанализированы памятники андроновского мира. Использование камня отмечено на территории Восточного Оренбуржья и Центрального Казахстана. Однако несмотря на территориальную близость, материал на поселениях с данной территории никак не соотносится с Малоюлдашевским поселением. Керамический материал на территории поселения срубный, андроновский компонент как по морфологии, так и по технологии незначителен.

Наиболее близкие в культурном плане памятники срубной культуры с применением камня в домостроительстве известны на территории Левобережной Украины (Шарафутдинова, 1982. С. 11–42) и на Нижнем Дону (Ларенок, 2000; Цыбрий, 2013). Традиция возведения построек с каменным основанием и стенами отмечается на данной территории с конца средней – начала поздней бронзы.

Близкие постройкам поселения Малоюлдашево I сооружения были исследованы на территории Донецкого кряжа. На Степановском поселении срубной культуры была изучена серия построек, каменные основания которых не были глубоко заглублены в материк и представляли собой большие конструкции (Бровендер, 2012. С. 89–95). Аналогично рассматриваемым постройкам и строение 1 Зимогорского поселения в Луганской области, которое авторами относится к срубному времени (Пробейголова, 2011. С. 81–84).

Несмотря на достаточную удаленность от территории Оренбургского Предуралья, памятники указанных реги-

онов максимально близки исследуемым постройкам. Так же как и на Малоюлдашевском поселении, значительное число построек не заглублено в материк, в ходе строительства используется камень разных размеров. Кроме того, на указанных поселениях доминирует срубная культурная традиция. Таким образом, постройки с Малоюлдашевского поселения и постройки с Михайло-Овсянки в настоящее время являются единственными примерами каменного домостроительства у населения срубной культуры в Волго-Уральском регионе.

Достаточно сложно в настоящее время ответить на вопрос о причинах использования камня при строительстве на поселениях с рассматриваемой территории. Ответить на вопрос, традиция ли это, принесенная с других территорий или необходимость, обусловленная отсутствием другого материала для строительства, поможет лишь дальнейшее накопление материала.

ЛИТЕРАТУРА

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А., 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье / Под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 106 с.

Бровендер С.М., 2012. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск: ДонГТУ. 234 с.

Горбов В.Н., 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. №6. Донецк. С. 145–162.

Купцова Л.В., 2014. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиокарбонная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: Изд-во ОГУ. С. 177–196.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А., 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–100.

Ларенок В.А., 2000. Планеография и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк: Східний видавничий дім. С. 26–28.

Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И., 2004. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с.Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып.2. Самара: Изд-во СамГУ. С. 69-88.

Порохова О.И., 1989. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР. С. 60–71.

Пробейголова А.С., 2011. Реконструкция каменного домостроения поселения поздней бронзы на реке Лугань // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. Вип. 5. Київ: ІА НАН України. С. 81–84.

Ромашко В.А. 2001. Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1 «Археология». Донецк – Макеевка. С. 132–145.

Файзуллин И.А., 2015. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // ВААЭ. №2 (29). Тюмень. С. 80–86.

Цыбрий Т.В., 2013. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы // Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб. 26 с.

Погребения мужчин синташтинской культуры

© 2018 А.И.Хаванский

Аннотация. В статье проанализированы погребения мужчин синташтинской культуры. Проводится сравнительный анализ захоронений мужчин в коллективных и индивидуальных погребальных сооружениях. Наибольшим богатством по составу и количеству инвентаря отличаются индивидуальные погребения мужчин. Их следует связывать с представителями синташтинской элиты.

Ключевые слова: синташтинская культура, погребальный обряд, гендер, элита.

Общее количество останков мужчин из синташтинских могильников, имеющих антропологические определения – 53 (Аркаим: некрополь, 2002; Епимахов, 2005; Калиева, Логвин, 2009; Рыкушина, 2003; Ткачев, 2003).Однако в силу нарушенности погребальных сооружений и останков сведения о погребальной позе, расположении инвентаря и др. удалось получить максимум о 35 индивидах. При этом в первую очередь учитывались данные из ненарушенных погребений (базовая группа – 21 индивид), затем из нарушенных, но частично сохранивших первоначальный порядок (дополнительная группа – 14 индивидов).

Взрослые мужчины чаще всего погребались в коллективных захоронениях (58 % погребенных), 21 человек (42 %) имеют индивидуальные могильные ямы, но половина из них (11 индивидов) приходится на могильник Бестамак. Обычно в каждом синташтинском могильнике только 1–4 индивидуальных погребения мужчин. Размеры индивидуальных погребальных ям: длина от 1,9 м до 3,7 м (среднее – 2,6 м), ширина – от 1,2 м до 2,5 м (среднее – 1,9 м). Площадь ямы составляет от 2,3 кв.м до 8,5 кв.м (среднее 5,03 кв.м). Нарушено 29 % индивидуальных мужских погребений.

На погребальной площадке индивидуальные захоронения мужчин могут находиться в центре (20 %) или тяготеть к северной половине (от северо-запада до северо-востока (40 % в сумме). При этом совершенно игнорируется южный край. Из внутримогильных конструкций отмечены деревянные камеры и перекрытия (43 %).

В коллективных погребениях преобладают мужчины от 20 до 35 лет (48 %). В индивидуальных захоронениях наоборот – погребены в основном мужчины старше 35 лет (52 %). Если для индивидуальных погребений не учитывать могильник Бестамак, где преобладают погребенные подросткового и возмужалого возраста, то доля мужчин стар-

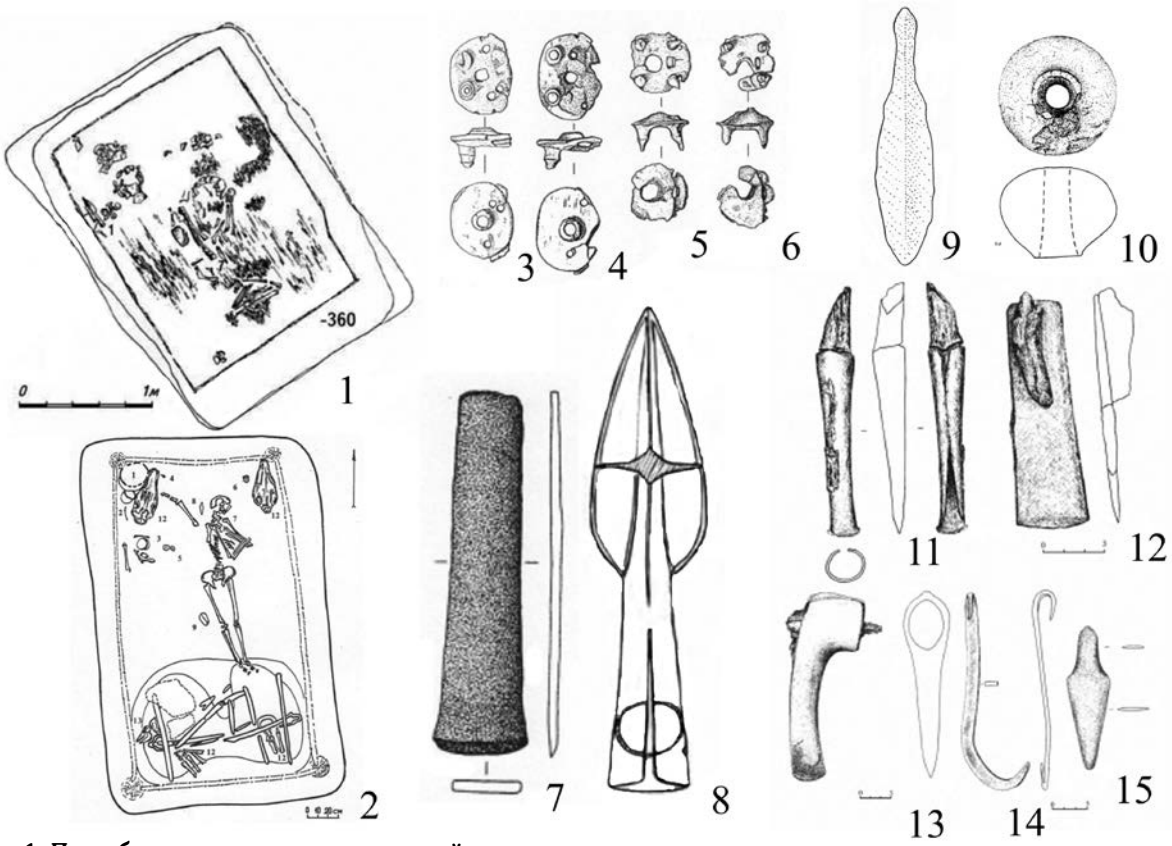


Рисунок 1. Погребения мужчин синташтинской культуры.
1, 2 – погребальный обряд мужских погребений, 3–15 – инвентарь мужских погребений (1, 8 – по В.В. Ткачеву, 2–7 – по Н.Б. Виноградову, 9 – по А.В. Епимахову, 10–15 – по А.В. Логвину, И.В. Шевниной).

ше 35 лет в синташтинских индивидуальных захоронениях будет еще выше (до 70 %).

Погребальная поза (Рис. 1: 1, 2). Преобладает скорченность на левом боку (85 % в коллективных и 75 % в индивидуальных захоронениях). Только среди индивидуальных захоронений мужчин отмечены особые способы погребения. Так, в погр. 22 кург. 7 мог. Танаберген II голова мужчины была отчленена от тела и находилась на некотором расстоянии от шеи, «стоя» на основании черепа (Ткачев, 2007. С. 28).

В коллективных захоронениях преобладает юго-западная ориентировка (56 %). Вторая по численности – северо-западная (25 %%). В индивидуальных погребениях ситуация иная. Ни один мужчина в них не погребен головой на юго-запад, 92 % всех погребенных имеют ориентировку в очень узком секторе: от запада до севера, причем ни одна из них не преобладает (25–33 %).

Инвентарь (Рис. 1: 3–15). Каждый мужчина был снабжен 1–4 сосудами. Обязательно сосуд ставили возле головы (перед лицом, за головой), если сосудов было несколько, то другие могли поставить в ногах.

Практически каждый мужчина был снабжен ножом (84 %). Если не учитывать погребения со следами нарушения, то наличие ножа является обязательным атрибутом мужского погребения. Только в погребениях взрослых мужчин были найдены плоские топоры-тесла. Вероятно, они полагались не всем мужчинам, поскольку были обнаружены только у четверти погребенных, причем все эти мужчины были зрелого возраста (от 35 до 55 лет).

В одном случае с индивидом мужского пола найдены бронзовые наконечник копья и наконечник стрелы (Танаберген II, кург. 7, погр. 22). Другие погребения с наконечниками копий либо не имеют антропологических определений останков, либо являются коллективными разрушенными захоронениями.

Наконечники стрел найдены при захоронении более половины мужчин (60 %). Если опять-таки, учитывать только ненарушенные погребения, то наконечники стрел становятся обязательным мужским атрибутом. В 11 случаях можно говорить о «колчанных наборах», которые включали от 8 до 20 наконечников. Каменная булава найдена при трех мужских останках (Танаберген II, кург. 7, погр. 22; мог. Бестамак погр. 5 и 140), в одном случае – так называемая «лопаточка» из кости (Каменный Амбар V, кург. 2, погр. 15), костяная накладка лука (Каменный Амбар V, кург. 2, погр. 15).

Бронзовые вислообушные втульчатые топоры найдены в двух мужских погребениях: мог. Бестамак погр. 140 и 170, причем оба этих погребения являются индивидуальными. В погр. 170 вместе с мужчиной захоронен ребенок, но его необычная позиция (в ногах мужчины «валетом») заставляет рассматривать ребенка как жертву (Логвин, Шевнина, 2011. С. 358).

Украшения и принадлежности костюма для погребений мужчин не характерны, но встречаются примерно у трети погребенных. Это бисер, бусы и пронизи из фаянса и бронзы, бронзовые кольца. Количество украшений небольшое – 1–5 единиц у каждого погребенного.

Сравнивая погребения мужчин из коллективных и индивидуальных захоронений по составу и количеству инвентаря можно отметить следующее. Для обеих групп характерны бронзовые ножи-кинжалы и наконечники стрел. В индивидуальных захоронениях намного чаще встречаются плоские топоры-тесла (ими снабжены 50 % мужчин

в индивидуальных и 20 % в коллективных), стержни (стрекала?) – у 53 % мужчин в индивидуальных и 10 % мужчин в коллективных погребениях. Практически только в индивидуальных погребениях встречены каменные булавы и бронзовые втульчатые топоры. Если не принимать во внимание сосуды, украшения и мелкие неопределенные предметы, то в коллективных захоронениях на каждого мужчину приходится в среднем 3,4 категории инвентаря (вне зависимости от его количества), а в индивидуальных – 6,9.

Таким образом, для погребений мужчин синташтинской культуры характерны следующие традиции. Индивидуальные погребения располагаются в северной части погребальной площадки. Ориентировка погребенного – северо-западная с отклонениями. В погребальном инвентаре – предметы вооружения: бронзовые топоры-тесла и втульчатые топоры, наконечники копий, «колчанные наборы» каменных и костяных наконечников стрел. А также инсигнии власти – каменные булавы. Наибольшим богатством по составу и количеству инвентаря отличаются индивидуальные погребения мужчин. Именно их следует связывать с представителями синташтинской элиты.

ЛИТЕРАТУРА

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1, 2002 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 216 с.

Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 362 с.

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати. 192 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н., 2009. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. №9. Тюмень. С. 32–58.

Логвин В.В., Шевнина И.В., 2008. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ф, Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во Ом. гос.ун-та. С. 190–197.

Логвин А.В., Шевнина И.В., 2011. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 1. Алматы: КН МОН РК. С. 349–359.

Рыкушина Г.В., 2003. Антропологическая характеристика населения Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. С. 345–360.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. 484 с.

Антропологические материалы курганного могильника бронзового века Красиково I

© 2018 А.А. Хохлов, А.П. Григорьев

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18–09–00309

Аннотация. Работа посвящена результатам предварительного изучения антропологических материалов курганного могильника Красиково I Оренбургской области. Приводятся физические характеристики населения, оставившего данный памятник бронзового века.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, остеометрия, бронзовый век.

Период бытования в Волго-Уралье курганных культур бронзового века вызывает интерес со стороны специалистов разного исторического профиля: археологов, антропологов и других.

С выходом в свет новых фактических источников некоторые вопросы культурогенеза и расогенеза ранних обществ уточняются и одновременно рождаются новые.

Одним из незаурядных памятников эпохи бронзы является курганный могильник бронзового века Красиково I, изученный отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством А.А. Евгеньева и А.А. Файзуллина в 2015–2016 годах.

В результате раскопок четырех курганов был получен антропологический материал в количестве семи скелетов. Шесть погребений согласно радиоуглеродным датам и найденным артефактам относятся к ямной культуре, и одно к финалу эпохи средней бронзы.

Скелеты из данных погребений удовлетворительной сохранности. Черепа ямной выборки морфологически различны. Среди них выделяется краниум из погребения №1 кургана №2. Он характеризуется гиперморфией, массивностью, субдолихокранией, типично европеоидной структурой лицевого отдела. В отечественной палеоантропологии такой комплекс признаков оценивают как протоевропеоидный / палеоевропеоидный (Дебец, 1948. С. 109; Кондукторова, 1962. С. 43; Алексеев, Гохман, 1984. С. 43 и др.). Другие черепа (1/1, 2/2, 3/4) выделяются отчетливой долихокранией, в целом мезоморфным или относительно лептоморфным строением.

На основании морфологических черт сложно сказать о степени родства погребенных в могильнике индивидов. Тем не менее, нужно отметить, что мезоморфные долихокранные черепа сближаются с теми, которые в литературе интерпретируют как южноевропеоидные (Хохлов, 1999. С. 112; 2017. С. 66). Среди краниологических материалов предшествующего времени аналогии такому комплексу черт можно найти в выборках хвалынской, бережновской и майкопско-новосвободненской групп.

Не менее важную информацию предоставляют остеологические материалы. Мужские скелеты ямной культу-

ры в целом могут быть охарактеризованы как достаточно крупные и массивные. По этим характеристикам они вполне вписываются в представления о морфотипе носителей ямной и полтавкинской культур Волго-Уралья (Боруцкая, 2016. С. 8; Григорьев, 2018). Женский посткран из погребения №2 кургана №2 отличается ярко выраженной грацильностью телосложения по сравнению с остальными скелетами женщин ямной культуры региона.

Скелет финала периода средней бронзы (3/1) определенно выделяется морфологическим строением. Его посткраниальный скелет в целом мезоморфный. Череп характеризуется массивностью, мезо-долихокранией, имеет широкое и очень низкое лицо. По структуре он близок к черепам синташтинско-потаповского круга культур, в частности компонента, связанного своим происхождением с уралоидной антропологической формацией. Здесь только следует уточнить, что подобные комплексы являются, скорее, продуктом метисации между уралоидным и европеоидным населением – исторического процесса, который прослеживается на примере краниологических материалов энеолитического поселения Ботай Северного Казахстана (Хохлов, 2000. С. 317–318; Хохлов, Китов, 2015. С. 443).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М. 208 с.

Боруцкая С.Б., 2016. Пропорции и массивность мужских скелетов из погребений ранней бронзы Самарского Поволжья // Вестник антропологии. №2. М. С. 5–10.

Григорьев А.П., 2018. Морфологические особенности посткраниальных скелетов из погребений ямной культуры раннего бронзового века Волго-Уралья // Актуальная археология 4: комплексные исследования в археологии. Сборник материалов конференции молодых исследователей. СПб. В печати.

Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Т. 4. М. 391 с.

Кондукторова Т.С., 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // Вопросы антропологии. Вып. 11. С. 43–57.

Хохлов А.А., 1999. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. №6. М. С. 97–129.

Хохлов А.А., 2000. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Центр «Интеграция». С. 309–332.

Хохлов А.А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 367 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П., 2015. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории. Сб. материалов международной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. Алматы. С. 437–445.

Казбуруновский археологический микрорайон в свете интердисциплинарных методов исследования: от микропроблем к макроконцепции срубной культурно-исторической области

© 2018 Н.Б. Щербаков, И.А. Шутелева

Аннотация. Проведение естественнонаучных анализов Казбуруновского археологического микрорайона делает необходимым уточнения хронологической шкалы существования памятников срубной атрибуции на территории Южного Приуралья на основе радиоуглеродного датирования.

Данные палеоДНК выявили две европеоидных группах населения, разделенных по гендерному признаку. Петрографический и геохимические анализы керамики микрорайона представляют новые данные о древнем гончарстве.

Ключевые слова: срубная культурно-историческая область, поздний бронзовый век Южного Приуралья, интердисциплинарные методы исследования.

Впервые археологический микрорайон памятников позднего бронзового века в Башкирии был выделен В.С. Горбуновым на примере Береговского археологического микрорайона (Горбунов, 1986. С. 22).

Хронологические рамки позднего бронзового века на исследуемой территории Башкирского Приуралья определяются периодом XIX–XVII вв. до н. э. (1930–1750 BC; 1890–1740 BC; 2830–2820 BC; 1875–1840 BC; 1820–1795 BC; 1780–1685 BC; 1670–1665 BC (Beta Analytic – 347344, 347343, 352489, 395800) (Шутелева и др., 2017. С. 266; Shcherbakov et al, 2017. P. 67–68). Исследуемая территория Южного (Башкирского) Приуралья является периферийной зоной как срубной, так и андроновской (алакульской) археологических культур. О том же времени взаимодействия культур, только на территории Южного Зауралья, говорят и комплексы других радиоуглеродных дат (Молодин и др., 2014. С. 143–145; Григорьев, 2016. С. 48–50; Епимахов, 2016. С. 62).

В настоящее время перспективным направлением исследования памятников позднего бронзового века является комплексное изучение археологических микрорайонов. Безусловным эталоном данного научного тренда в археологии Южного Приуралья явилась серия, посвященная изучению Каргалинского медно-рудного месторождения, созданная коллективом лаборатории Естественно-научных методов Института Археологии РАН, под руководством Е.Н.Черныха. Это исследование стало первым, всеобъемлющим, изучением древностей Каргалинского археологического микрорайона, с использованием новейших естественно-научных (интердисциплинарных) методов современной археологической науки (Черных, 2007).

Объект исследования – Казбуруновский археологический микрорайон Южного (Башкирского) Приуралья, ограниченный реками Уршак и Белый Ключ, занимает площадь 23,4 кв.км. Географически Казбуруновский археологический микрорайон, находящийся в Центральной

Башкирии, относится к памятникам бассейна реки Белой. Здесь находится группа из 7 поселений, 8 курганных могильников (в общей сложности 72 курганных насыпи) и 3 одиночных кургана. Культурно-хронологически, к позднему бронзовому веку относится 7 поселений и 3 частично или полностью исследованных курганных могильника. К ним относятся такие объекты как Усманово – 1, курганный могильник (Казбуруновские I курганы), Усманово – 2, курганный могильник (Казбуруновские II курганы), Усманово – 3, курганный могильник (Казбуруновские III курганы), Усманово – 4 поселение (Усмановское поселение, Усмановское I поселение), Усмановское II поселение Усмановское III поселение (Усманово – 3, поселение).

Первоначальное выделение Казбуруновского археологического микрорайона произошло на основе его характеристики как микротерритории с высокой концентрацией памятников археологии позднего бронзового века, раннего железного века и средневековья. В дальнейшем, при проведении интердисциплинарных исследований, включающих в себя методы исторических и археологических исследований, анализа археологического материала, изучения палеоландшафтов и проведения радиоуглеродного датирования, Казбуруновский археологический микрорайон может характеризоваться в качестве места высокой концентрации как поселенческих, так и погребальных памятников археологии развитого, классического позднего бронзового века.

Радиоуглеродное датирование, проведенное вслед за собственно археологическими исследованиями, позволило рассматривать памятники позднего бронзового века в рамках Казбуруновского археологического микрорайона в качестве особого участка агломерации, места конгрегации населения Южного Приуралья. В ходе исследований были получены радиоуглеродные даты всех погребенных Казбуруновских I курганов, а также выявленных с 2009 года поселений (Усманово – 3, поселение, Мурадым – 8, поселение, Мурадым – 9, поселение). В современных исследованиях комплексов памятников присутствует тренд рассмотрения их через призму возможных взаимосвязей, что преобразует памятники одного культурно-хронологического горизонта в агломерацию множественных связей (Gaydarska, 2016, P. 40–57).

Комплекс исследуемых памятников Казбуруновского археологического микрорайона позднего бронзового века представлен большим разнообразием поселений, курганных могильников, а также возможного выделения ритуальных мест.

В ходе проведения исследования были подняты проблемы движения населения, технологий и ресурсов в Южном Приуралье, влияния человека на ландшафты исследуемой территории, связи между поселенческими и погребальными памятниками. Это позволяет характеризовать Казбуруновский археологический микрорайон как место постоянного проживания населения позднего бронзового века.

Исследование памятников Казбуруновского археологического микрорайона с применением естественнонаучных методов позволило проследить особенности адаптации населения и экстраполировать эти особенности на всю территорию Волго-Уральского региона.

Говоря о погребальном обряде, необходимо отметить, что для погребального обряда трупоположения срубной и андроновской (алакульской) культур характерны индивидуальные трупоположения – одна могила – один погребенный, однако на территории археологического микрорайона встречен пример «экстраординарности» в погребальном обряде. Когда в одной могиле находились двое погребенных. Также, нетипичным для населения эпохи позднего бронзового века Южного Приуралья является нахождение более двух погребенных под одной курганной насыпью. Данная традиция также нашла нарушение на территории микрорайона.

При проведение палеогенетических анализов (Табл. 1), было установлено, что все женщины имеют гаплогруппы, характерные для западноевропейских европеоидов (Гаплогруппа U4b1a1a1, с вариациями. Западноевропейский архаичный европеоид. Определение M. Krzewinska. Стокгольм), в то время как мужчины имеют гаплогруппы восточно-европейских европеоидов (Гаплогруппа J1c3a, с вариациями. Восточноевропейский европеоид, родственный современной популяции русских, литовцев и финнов. Определение M. Krzewinska. Стокгольм). Все погребенные подростки, также оказались девочками в возрасте 12–14 лет. Палеогенетические анализы позволили с долей вероятности установить цвет волос и цвет глаз древних обитателей археологического микрорайона, а также выяснить их толерантность к молочным продуктам (Щербаков и др., 2017, С. 164).

Проведение палеоантропологических исследований показало наличие устойчивых системных заболеваний древнего населения Казбуруновского археологического микрорайона (Щербаков и др., 2017. С. 143). Вполне вероятно, что системные заболевания могли быть следствием палеоландшафта, на который, достаточно активно влияло само древнее население региона.

Исходя из результатов палеопочвенного анализа, мы можем говорить о том, что древние жители, оставившие Казбуруновский погребально-поселенческий комплекс, могли быть мигрантами с более южных территорий – из сухих степей, практически полупустынь, и принесли с собой традиции домостроительства из гипса. На площадках Усмановских I, II и III поселений аналитические работы только начинаются, но общий вид территории с типичными буграми гипсового засоления позволяет предполагать, что и там была аналогичная картина. Кроме того, гипсы, растворяясь в грунтовых водах и оседая в почве, приводят и к улучшению роста лугово-злаковой растительности, что для племен эпохи поздней бронзы, с их придомным скотоводством, могло играть решающую роль (Гольева и др., 2016. С. 89–91). В результате своей хозяйственной деятельности древние обитатели долины Уршака значительно изменили палеоландшафт, окружавший поселения.

В ходе проведения археологических исследований была начата работа по созданию ортофотопланов памятников археологии микрорайона и проведения тахеометрической съемки и создания 3D-реконструкций площадок. Эта работа помогла в выявлении ранее неизвестных курганных насыпей на площадках уже известных курганных могильников, а также позволила обнаружить и новые поселенческие объекты.

Вместе с тем, проведенный на базе лаборатории Beta Analytic изотопный анализ палеоантропологического материала позволил реконструировать палеодиету населения эпохи поздней бронзы.

В ходе исследований древностей Казбуруновского археологического микрорайона, традиционная методика

Таблица 1. Определение пола и гаплогрупп палеоДНК.

Место происхождения материала	Биологический пол	Гаплогруппа по митохондриальной ДНК	Гаплогруппа по Y ДНК
Казбуруновский I курганный могильник, 2009, Курган №4, погребение №2, подросток	XX (женский)	U4b1a1a1	-
Казбуруновский I курганный могильник, 2009, Курган №4, погребение №1	XY (мужской)	J1c3a	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2004, Курган №5, погребение №1	XY (мужской)	H	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №2, подросток	XX (женский)	U5b2a2	-
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23 погребение №3	XY (мужской)	HV0a	-
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №4 (левое)	XX (женский)	U2e2a1a2	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №4 (правое)	XY (мужской)	U5a1	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №5	XY (мужской)	HV0a	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №6	XX (женский)	U4b1a1a1	-
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №4 (правое)	XY (мужской)	U5a1	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №5	XY (мужской)	HV0a	R1a1a1
Казбуруновский I курганный могильник, 2014, Курган №23, погребение №6	XX (женский)	U4b1a1a1	-

А.А. Бобринского по изучению древней керамики (технико-технологический анализ) была дополнена исследованиями П.Ш. Куинна, направленными на проведение петрографического и геохимического анализов керамики. В ходе данных исследований было установлено, что керамическое сырье не могло иметь местного происхождения, за исключением одно из проанализированных образцов (Щербаков и др., 2016. С. 76–84; Щербаков и др., 2017. С. 343–345; Quinn, 2013). Этот факт говорит либо об импорте глиняного сырья либо об изготовлении посуды на стороне, что является неординарным фактом для населения эпохи позднего бронзового века Южного Приуралья в целом и Казбуруновского археологического микрорайона в частности.

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют о значительном «сдвиге», в сторону удревнения, хронологических границ существования срубных и алакульских древностей, как на территории Южного Приуралья так и Южного Зауралья. Это позволяет экстраполировать абсолютные даты Казбуруновского археологического микрорайона не только на памятники эпохи позднего бронзового века Южного Приуралья, но и Южного Зауралья. Представляется возможным утверждать наличие генетической и климатической предрасположенности древнего населения к определенным палеоболезням, например, к системным заболеваниям опорно-двигательного аппарата. Исследование уровня содержания изотопа азота позволило реконструировать палеодиету древнего населения Казбуруновского археологического микрорайона, а проведенные исследования древней керамики ставят вопрос о месте добычи сырья для керамического теста и о возможных путях его доставки или даже о доставке уже готовой посуды на территорию микрорайона.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев С.А., 2016. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в южном Зауралье // ВААЭ. №3 (34). С. 44–53.

Гольева А.А., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., 2016. Экологические особенности функционирования Усмановских поселений (Республика Башкортостан) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень. С. 89–91.

Горбунов В.С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.

Епимахов А.В., 2016. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // ВААЭ. №3 (34). С. 60–67.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В., 2014. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск. С. 136–167.

Черных Е.Н., 2007. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. Т. V. М.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Гольева А.А., Лунь-

ков В.Ю., Лунькова Ю.В., Леонова Т.А., Орловская Л.Б., Радивоевич М., 2017. Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. Вып. 246. С. 261–279.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Куинн Ш.П., Леонова Т.А., Лунькова Ю.В., Луньков В.Ю., Гольева А.А., 2016. Некоторые результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы племен Южного Приуралья на примере материалов Казбуруновского археологического микрорайона (Республика Башкортостан) // Самарский научный вестник. №1 (14). С. 76–84.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Горшков К.А., 2017. Проблемы палеодемографической мобильности населения эпохи позднего бронзового века Башкирского Приуралья на примере материалов Казбуруновского археологического микрорайона Южного Приуралья // Миссии антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. XII Конгресс антропологов и этнологов России. Ижевск. С. 143.

Щербаков Н.Б., Леонова Т.А.. Шутелева И.А. Куинн Ш.П., 2017. Проблемы применения петрографического и геохимического методов анализа для керамики позднего бронзового века Южного Приуралья (Казбуруновский археологический микрорайон) // Развитие гуманитарной науки в регионах России. Уфа. С. 343–345.

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Гольева А.А., Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Орловская Л.Б., Леонова Т.А., Горшков К.А., 2017. Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: результаты естественнонаучных исследований. Уфа. Инеш. 164 с.

Gaydarska B., 2016. The City Is Dead! Long Live the City! // Norwegian Archaeological Reviea. Volume 49. Issue 1. P. 40–57.

Quinn P.S., 2013. Ceramic Petrography: The Interpretation of Archaeological Pottery & Related Artefacts in Thin Section. Archaeopress, Oxford.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Golyeva A., 2017. The experience of comparative radiocarbon dating of Late Bronze Age Southern Cis-Urals // Second Radiocarbon in the Environment Conference. Debrecen. P. 67–68.

Кустарное ювелирное ремесло у ранних кочевников Южного Урала

© 2018 О.В. Аникеева, Л.Т. Яблонский

Аннотация. Комплексы из двух женских погребений могильника Филипповка 1, в которых найдены не только ювелирные инструменты, но и заготовки бусин со следами применения этих инструментов, позволяют говорить, что в IV в. до н. э. в среде ранних кочевников зарождаются основы ювелирного ремесла. Женщины-сарматки знали и владели всеми стадиями обработки драгоценных камней, которые применялись в крупных ремесленных центрах древнего Ирана, Ирака, Индии, государствах Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: ранние кочевники, могильник Филипповка 1, инструменты для ювелирного ремесла, заготовки самоцветов.

К изучению представлены комплексы из двух женских погребений знаменитых Филипповских курганов, расположенных на юго-западе Оренбургской области и датированных археологическим материалом концом V – IV в. до н. э. Первый комплекс из диагонального погребения 1 кургана 30 (Яблонский, 2014а. С. 87–90) расположен справа от погребенной вдоль восточной стенки погребения (Рис. 1). Второй комплекс в уникальном женском погребении 2 кургана 1 (Яблонский, 2014. С. 49–67; Яблонский, 2016. С. 744–766) найден у левого локтя погребенной под зеркалом (Рис. 2).

Анализ находок первого комплекса (Рис. 1) показал, что по назначению их можно разделить на три группы.

Предметы чисто культового назначения: человеческие зубы без следов искусственной обработки (Рис. 1: 18, 19, 27, 35), призматическая стеклянная бусина (Рис. 1: 31), фрагмент золотого перстня (Рис. 1: 21), фрагмент округлой янтарной бусины с декоративным минеральным штырьком в отверстии (Рис. 1: 33, 34), яйцевидный предмет из алой охры с сердцевиной из сажи (Рис. 1: 17), удлиненный[1] предмет из минеральной крошки с перламутром в чехле из коры (Рис. 1: 22, 23), обработанный кусок мела (Рис. 1: 36), бараньи астрагалы (Рис. 1: 75).

Предметы культово-утилитарного назначения: плоский кусок красной охры (Рис. 1: 16), полые кости (птицы или зайца?), сломанные с одной стороны (Рис. 1: 74), фрагмент лепной керамики (Рис. 1: 37), куски желтой охры (Рис. 1: 40, 41, 47) и мела (Рис. 1: 43–45, 74, 75), фрагмент венчика красноглиняного гончарного сосуда (Рис. 1: 46) и раковина Grifea (Рис. 1: 39) со следами истирания желтой охры. Трасология поверхности венчика сосуда и раковины показывает, что они использовались как ступка с пестиком. Порошки охр и мела могли использоваться как абразивы при сверлении, для заточки металлических инструментов и их чистки, в качестве краски для керамики (Аникеева, 2011. С. 67, 69, 71, 72, 75–77; Леммлейн, 1963. С. 362, 364; Rao, 1970. С. 268).

Производственные инструменты:

– серповидный резец in situ найден в деревянных колпачках, закрывающих с обоих концов острие (Рис. 1: 14). С одной стороны имел штырь, вставлявшийся в деревянную ручку, с другой стороны – лезвие в форме дуги.

Бронзовые аналоги таких резцов из раскопок Tell al-Ajjul (Petrie et all, 1952, P. 15. Pl. XIII, 51) на территории Израиля[2], заправленные по краю лезвия абразивным порошком, использовались как резцы для распила сердолика, стекла, металлов. В курганах ранних кочевников Южного Урала аналоги найдены в двух погребениях одиночного кургана Яковлевка II (Сиротин, 2010. С. 23, 46, Рис. 163, 165, 356, 357) и в погребении могильника Таксай-2 в западном Казахстане (Лукпанова, 1916. С. 111, Рис. 4: 10).

– пять железных стерженьков (Рис. 1: 24–26, 30, 32) в форме длинного конуса;

– три железных стержня (Рис. 1: 15, 29, 38) в форме конуса. На их основаниях читаются ожелезненные фрагменты дерева, вероятно, от ручки, которой служила обработанная деревяшка удлиненной формы (Рис. 1: 20).

Это буры для сверления камня. Аналоги найдены среди шертовых и медных сверл поздней стадии хараппской цивилизации (Kenoyer, 2001, P. 169, Fig. 8) и бронзовых буров из раскопок Tell al-Ajjul (Petrie, at all, 1952, P. 15, Pl. XIII, 58–67). Такие металлические сверла были найдены в египетской мастерской у г. Керма (конца II – начала I тыс. до н. э.) и имели длину не менее 15–20 мм, крепились на деревянную ручку и приводились в движение при помощи лучковой дрели (Лукас, 1958. С. 49).

Во втором комплексе (Рис. 2) предметы по назначению также можно разделить на три группы.

К культовым предметам относятся два яйцевидных предмета (Рис. 2: 5, 42) из железного блеска и алой охры[3]; предмет из минеральной крошки с перламутром (Рис. 2: 4); фаянсовая подвеска Уаджет (Рис. 2: 41) и несверленый цилиндр из сарда (Рис. 2: 26).

Предметы культово-утилитарного назначения включали:

– два кожаных мешочка (Рис. 2: 10, 53) с пудрой древесного угля. В верхнем мешочке был сложносоставной предмет (Рис. 2: 11) из бирюзового конуса, его основание имело золотую оправу и венчалось круглой стеклянной бусиной. Порошок угля мог использоваться как мягкий абразив или порошок для полировки, как и кусочек малиново-красной охры (Рис. 2: 7), расположенный у края зеркала[4];

– серебряный туалетный сосудик (Рис. 2: 11) с крышкой со следами накипи черного порошка на стенках.;

– костяная ложечка, сломанная пополам (Рис. 2: 45);

– бронзовая ложечка (Рис. 2: 44) с миниатюрным черпачком и ручкой использовалась для истирания и размешивания черного порошка;

– трехлопастной втульчатый бронзовый наконечник (Рис. 2: 52), судя по истонченному кончику, использовался для надсверливания отверстий;

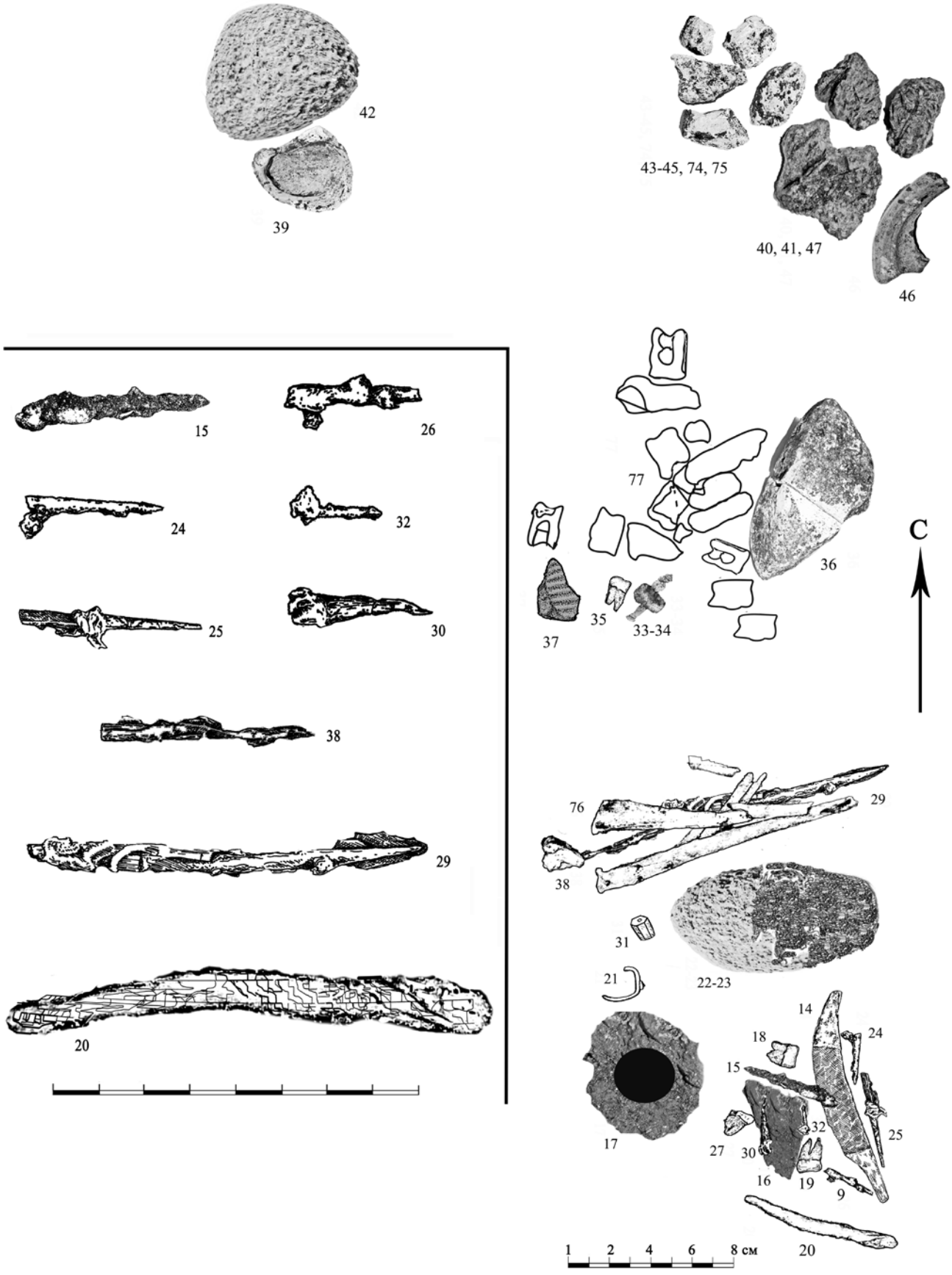


Рис. 1. Комплекс предметов из погребения 1 кургана 30 могильника Филипповка 1.
Условные обозначения: 16 – красная охра, 40, 41, 47 – желтая охра, 17 – предмет из сажи/красной охры; 18, 19, 27, 35 – зубы человека; 20 – деревянная палочка; 21 – фрагмент золотого перстня; 22, 42 – предметы из минеральной крошки 23 – чехол из коры; 14, 15, 24–26, 29, 30, 32, 38 – железные инструменты; 31 – бусина стеклянная; 33 – фрагмент янтарной бусины; 34 – штырек минеральный; 37 – фрагмент сосуда; 39 – раковина Grifea; 36, 43–45, 74, 75 – мел 46 – фрагмент венчика; 76 – полые кости животного (зайца?); 77 – бараньи астрагалы.

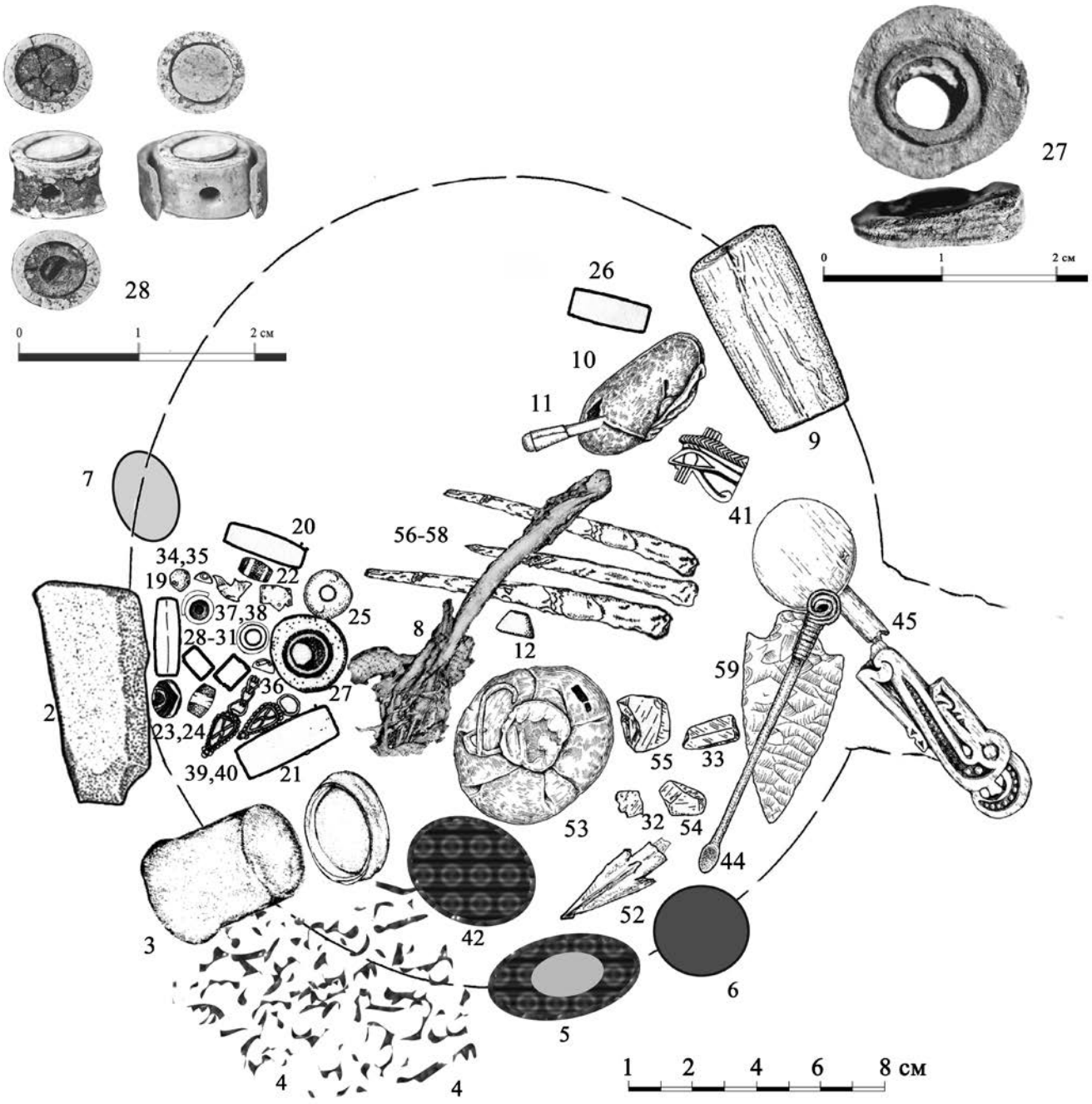


Рис. 2. Комплекс предметов под зеркалом из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1.
Условные обозначения: 2 – кремень со следами механической сработанности; 3 – сосудик серебряный с крышкой; 4 – предмет из минеральной крошки; 5 – предмет из железной слюдки и красной охры; 6 – войлочный шарик; 7 – красная охра; 8 – предмет из дерева, кожи и железа; 9 – фрагмент белемнита; 10 -предмет из бирюзы, золота и стекла; 11 – кожаный мешочек с порошком древесного угля; 12 – пронизь бирюзовая; 19–21 – пронизи сердоликовые (3 шт.); 22–24 – бусы агатовые (3 шт.); 25 – бусина из красного железняка; 26 – цилиндр сердоликовый; 27 – шлифовальное колесико; 28–31 – инструменты для полировки бус; 32 – заготовки бусины из перламутра; 34–36 – нашивки-полусферы золотые (3 шт.); 37, 38 – фрагменты фольги золотой (2 шт.); 39, 40 – фрагменты украшений (2 шт.); 41 – подвеска из египетского фаянса; 42 – предмет из железной слюдки; 44 – бронзовая ложечка; 45 – костяная ложечка; 52 – бронзовый наконечник; 53 – кожаный мешочек с порошком древесного угля; 33, 54, 55 – заготовки бусин из горного хрусталя; 56–58 – долото железные (3 шт.); 59 – кремневый наконечник.

– двухлопастной кремневый наконечник стрелы (Рис. 2: 59).

Предметы производственного назначения:

– три железных предмета (Рис. 2: 56–58) удлиненно конической формы с уплощенными острыми концами. По форме они похожи на металлические скарпели. Бронзовые аналоги условно названы Э. Маккеем «долото» и, по его мнению, использовались в Индии и Восточном Средиземноморье для первичного обкалывания формы заготовок бус (Petrie et all, 1952, P. 15, Pl. XIII, 50, 52);

– два нодуля горного хрусталя (Рис. 2: 54, 55) со следами механического обкола, производившегося железным долотом (Рис. 2: 56–58);

– фрагменты кожаного мешочка, внутри которого находились мелкие железные штырьки, завернутые в ткань с грубым плетением, и удлиненный деревянный предмет (Рис. 2: 8). По аналогиям с отлично сохранившимися предметами из первого комплекса (Рис. 1: 15, 20, 24–26, 30, 32) они отнесены к металлическим сверлам, которые крепились на деревянную ручку;

– заготовка перламутровой подвески (Рис. 2: 32) в форме плоского трилистника. В ней начато, но не завершено сверление сквозного отверстия, осуществлявшееся железными бурами из мешочка (Рис. 2: 8);

– шлифовальный диск (Рис. 2: 27) из кварцевого песчаника со сквозным отверстием в центре. Следы ожелезнения на стенках отверстия показывают, что он крепился на железный стержень. Его внешние грани несут следы шлифовки с абразивом. Диск является аналогом современных шлифовальных насадок, используемых для доведения формы в мелких предметах пластики.;

– заготовка горного хрусталя (Рис. 2: 33) в форме шестигранной призмы, грани которой искусственно выведены шлифовкой диском;

– четыре сложносоставных предмета (Рис. 2: 28–31)[5] в форме коротких цилиндров. Их основу составляли деревянные цилиндры. Кромки оснований деревянных цилиндров были укреплены кольцами из белой фритты. Одно основание деревянного цилиндра имело несквозное отверстие для насаживания, другое было закрыто плоской круглой пластинкой из фритты. Эта конструкция вставлялась в полый цилиндр из фритты, имевший в средней части два отверстия под углом 180° для сквозного продольного канала, секущего внутренний деревянный цилиндр. На этот цилиндр снаружи крепились кольцевые насадки, внешние поверхности которых несут следы интенсивной механической сработанности[6].

Древних аналогов этим предметам найти не удалось. Современные насадки для финишной шлифовки и полировки устроены проще: металлический штырь впаян в пластмассовый цилиндр, поверхность которого покрыта специальным ворсом, на который можно крепить съемные круговые насадки с разным размером рабочего зерна. Следы мягкой шлифовки этими инструментами с использованием в качестве абразива красной охры установлены на поверхности перламутровой подвески (Рис. 2: 32) и некоторых бус (Рис. 2: 19, 24).

– пластина кремня (Рис. 2: 2), которая использовалась как точильный камень, так как на гранях присутствуют следы механического стачивания при правке железных инструментов;

– фрагмент белемнита (Рис. 2: 9) и войлочный шарик (Рис. 2: 6), которые использовались как ручные полировальники (Леммлейн, 1963. С. 370–371).

Комплексы из двух женских погребений могильника Филипповка 1, в которых найдены не только ювелирные инструменты, но и заготовки бусин со следами применения этих инструментов, позволяют говорить, что в IV в. до н. э. в среде ранних кочевников зарождаются основы ремесленного производства. Женщины-сарматки знали и владели всеми стадиями обработки драгоценных камней, которые применялись в крупных ремесленных центрах древнего Ирана, Ирака, Индии, государствах Восточного Средиземноморья[7].

Такие инструменты, как долото, резец по камню, буры для сверления, безусловно, являются уникальными для курганов ранних кочевников, хотя аналоги им известны из раскопок мастерских Хараппы и древнего Израиля.

Для выведения формы (шлифовки и полировки) было установлено использование специальных инструментов – механических насадок в виде шлифовального колесика и цилиндров, являющихся практически полными аналогами современных инструментов. Безусловно, они не могли быть произведены в кочевнической среде и являются импортными, о чем свидетельствует высокий уровень их изготовления. Однако использование их сарматами по прямому назначению показывает, что такие инструменты в середине I тыс. до н. э. широко применялись в практике крупных ремесленных центров Древнего Востока. Это позволяет существенно уточнить и конкретизировать процесс изготовления ювелирных украшений для I тыс. до н. э., так как аналогов этим предметам в литературе не известно.

Как показывает анализ контекста комплексов, ювелирное ремесло находилось на низшей стадии кустарного производства. Для успешного осуществления различных ювелирных операций женщинам-сарматкам требовалось привлечение высших магических сил и отправление культов, о чем свидетельствует широкий спектр находок разнообразных культовых предметов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Форма его не сохранилась, о ней можно судить по контурам чехла из коры.

[2] Слои с находками датируются авторами раскопок рубежом II–I тыс. до н. э. (Petrie et all, 1952, Pp. 28, 46).

[3] Одна из кристаллографических форм минерала гематита: мелкочешуйчатые агрегаты, обладающие серым металлическим блеском, при выветривании легко расслаиваются на отдельные частицы, не теряя яркого металлического блеска.

[4] Поскольку и здесь, и в других комплексах этого погребения установлены инструменты для нанесения татуировок, то вероятно второе назначение порошка и охры – использование в качестве пигментов.

[5] Удалось восстановить два из них.

[6] Способ крепления кольцевых насадок при реставрации предметов выяснить не удалось, т.к. их поверхности сильно корродированны и сохранились во фрагментах.

[7] Грубая формовка заготовки путем обкола железными инструментами типа скарпелей или обрезание железными резцами с абразивом; сверление сквозных отверстий железными сверлами; выведение формы заготовки шлифовальным колесиком и финишная шлифовка/ полировка поверхности при помощи специальных насадок или ручных полировальников.

ЛИТЕРАТУРА

Аникеева О.В., 2011. Находки из камня в могильнике Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника. Материалы и исследования по археологии России. №14. М.: Таус. С. 64–81.

Леммлейн Г.Г., 1963. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. Обработка камней // Абу Райхан

Мухаммед Ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М.: Изд-во АН СССР. С. 354–397.

Лукас А., 1958. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Издательство иностранной литературы. 407 с.

Лукпанова Я.А., 2016. Археологические исследования сарматских погребений из кургана 2 могильника Таксай-2 // Материалы конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья». Элиста: Изд-во Калмыцкого университета. С. 108–117.

Сиротин С.В., 2010. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. (в 2-х тт.). Т. 1. Стерлитамак. 89 с.

Яблонский Л.Т., 2014. Отчет о доследовании кургана 1 могильника Филипповка 1 в 2013 году. М. 90 с.

Яблонский Л.Т., 2014а. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // КСИА. 236. С. 87–90.

Яблонский Л.Т., 2016. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. 76/3. С. 744–766.

Kenoyer J.M., 2001. Bead technologies at Harappa, 3300–1900 BC: a comparative summary // South Asian Archaeology. Paris. Vol. 1. Pp. 157–170.

Petrie W.M.F., Mackay E.J.H., Murray M.A., 1952. City of Shepherd Kings and Ancient Gaza V. Vol. LXIV. London: British school of Egyptian archaeology. 44 p.

Rao B.K.G. 1970. Development of technology during iron age in south India // Indian journal of the History of Science. Vol. 5. №2. Pp. 253–271.

Еще раз о надписи на рысайкинском псалии

© 2018 А.С. Балахванцев

Аннотация. В статье еще раз рассматривается вопрос об арамейской надписи на раннескифском псалии из Рысайкино. Отвечая на критику со стороны Е.Ф. Корольковой, автор разъясняет необоснованность и надуманность ее замечаний, а также вновь подчеркивает то обстоятельство, что по палеографическим данным надпись не может датироваться другим временем, кроме конца VIII в. до н. э.

Ключевые слова: рысайкинский псалий, арамейская надпись, ранние скифы.

В 2016 году я опубликовал статью, посвященную абсолютной хронологии архаической Скифии, где среди ее восточных реперов повторно рассмотрел арамейскую надпись на раннескифском псалии, который происходит из разграбленного крестьянами большого кургана возле села Рысайкино (Похвистневский р-н Самарской области) и хранится в Эрмитаже. В новой статье подтверждались предложенные мною еще в 2012 году чтение и перевод надписи (Балахванцев, 2012. С. 358–359), а также приводились дополнительные соображения о времени и обстоятельствах ее нанесения на псалий (Балахванцев, 2016. С. 19–20). Важным преимуществом статьи 2016 года стала публикация любезно предоставленной Е.Ф. Корольковой (ГЭ) цветной высококачественной фотографии участка псалия с надписью и ее прорисовки.

Уже через полгода после публикации появился первый отклик со стороны Е.Ф. Корольковой, которая полностью отвергла как чтение и перевод рысайкинской надписи, так и возможность ее использования для построения абсолютной хронологии архаической Скифии (Королькова, 2017. С. 465–469). Я не буду отвечать на содержащиеся в статье Е.Ф. Корольковой личные нападки и намеки на плагиат: любой добросовестный читатель, ознакомившись с моими работами 2012 и 2016 годов, сможет без труда установить, пытался ли я приписать себе заслуги В.А. Лившица или нет. Гораздо важнее разобрать выдвинутые Е.Ф. Корольковой претензии к приводимым мною аргументам и основанным на них выводам.

Для того, чтобы критика была обоснованной, ее автор обязан, как минимум, хорошо разбираться в сути дебатируемого вопроса, в нашем случае – в арамейской палеографии и эпиграфике. Однако Е.Ф. Королькова, дважды заявив, что она не является «специалистом в области арамейской палеографии» (Королькова, 2017. С. 465, 466), посчитала себя тем самым свободной от соблюдения методики эпиграфического исследования. Между тем, любой критик, отрицая предложенное оппонентом понимание начертанных знаков, должен был провести свое собственное исследование, показать, что в действительности на псалии присутствуют иные буквы, относящиеся к иному периоду развития эпиграфики, а вся надпись читается и переводится по-другому.

Однако ничего подобного Е.Ф. Корольковой сделано не было, что заведомо лишает ее критику какого-либо научного значения. Вместо этого она упрекает меня в «некоторых субъективных неточностях в воспроизведении в прорисовке надписи», странным образом забывая при этом, что я работал с оригиналом, а наличие цветной высококачественной фотографии надписи (Балахванцев, 2016, Рис. 1) снижает значение прорисовки. Тем не менее, замечу, что представленная в моей статье прорисовка (Балахванцев, 2016, Рис. 1) гораздо точнее передает облик знаков на рысайкинском псалии, чем вариант Е.Ф. Корольковой (Королькова, 2017, Рис. 3), которая, не будучи знакома с обликом арамейских букв, приняла за составные элементы последних случайные царапины и борозды. Что же касается опубликованной в ее работе фотографии (Королькова, 2017, Рис. 4, 6), то она – из-за низкого качества полиграфии – вообще непригодна для использования.

Ничего общего с действительностью не имеют и утверждения Е.Ф. Корольковой, что надпись «практически не с чем сравнивать» (Королькова, 2017. С. 466, 467–468). К сожалению, критик просто проигнорировала весь представленный в моей статье сравнительный эпиграфический материал (Балахванцев, 2016. С. 19–20), который доказывает правильность предложенного определения арамейских букв и их датировки. Стоит ли после этого удивляться заявлению Е.Ф. Корольковой, что использование двух форм буквы *ламед* в рысайкинской надписи необъяснимо (Королькова, 2017. С. 468), хотя я привел несколько примеров употребления различных написаний этой буквы в одной и той же надписи (Балахванцев, 2016. С. 20). Зато

огромное удивление вызывает утверждение автора, что, хотя надпись не читается, она является арамейской (Королькова, 2017. С. 469). Для меня, как и для любого эпиграфиста, остается загадкой: как можно определить характер языка без предварительного прочтения надписи или хотя бы ее части?!

Отрицая мое прочтение надписи, Е.Ф. Королькова, естественно, отрицает и предложенный мною перевод. Напомню, что надпись читается *«hadīq li/a wald»*, что можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для детеныша (жеребенка)». В настоящее время я окончательно принял высказанное еще в 2012 году мнение моего московского коллеги А.П. Мошинского (ГИМ), что слово *wald* является именем собственным и его следует понимать как кличку лошади. Разумеется, скифский конь не мог носить арамейское имя, поэтому *wald*, скорее всего, было переводом древнеиранского *kuruš* – «дитя, детеныш, молодой самец, герой» (Абаев, 1971. С. 270). Соответственно, по-русски это имя звучит примерно как «Малыш».

Е.Ф. Королькова отвергла данный перевод по двум причинам. Прежде всего, «логически необъяснимо, зачем стараться подписать функциональную деталь узды (для которой, кстати, не в первую очередь в конской амуниции важна «крепкая пригнанность»)» (Королькова, 2017. С. 467). Не будучи специалистом в верховой езде, позволю себе сослаться на мнение моей коллеги по Институту востоковедения, опытной наездницы, С.Е. Малых: «Псалии – парная деталь конской узды, выполнявшая роль ограничителя, не позволявшего удилам выскочить изо рта лошади в бок при сильном натяжении повода с одной стороны. Псалии с дополнительными отверстиями выполняли своего рода роль рычага (в более позднее время эту функцию принял на себя мундштук), увеличивая давление удил на беззубый край лошади и, следовательно, улучшая контакт всадника и лошади, что особенно важно в условиях боя. Подбородочным ремнем псалии можно было плотнее притянуть к удилам, что также способствовало более строгому и четкому управлению лошадью». В таком случае, нанесение надписи на псалий могло восприниматься незнакомым с письменностью скифом как магическое средство, призванное обеспечить ему полное управление конем.

Другой мишенью для критики стал русский эквивалент клички лошади «Малыш». Е.Ф. Королькова посчитала, «что имя верхового коня в древности *должно* [выделено мною – А.Б.] было выглядеть иначе». В подтверждение своих слов она приводит длинный список имен лошадей, принадлежавших властителям средневековой Европы и китайским императорам (Королькова, 2017. С. 467).

Что можно заметить по данному поводу? Во-первых, ничто не свидетельствует о том, что хозяин лошади и, соответственно, псалия, принадлежал к верхушке скифского общества. Поэтому собранные примеры, к тому же относящиеся к совершенно иным эпохам и культурным традициям, конечно, создают весьма лестное представление об эрудиции Е.Ф. Корольковой, но, тем не менее, никак не могут поколебать предложенное мною чтение имени лошади.

Во-вторых, не отрицая того, что коней могли называть по их масти, напомню имя вороного жеребца Александра Македонского – Букефал (Бычьеголовый). Именно на коне с такой непоэтичной кличкой (Kroll, 1977, P. 86–87, not. 13, 14) великий завоеватель проделал путь от Дуная до Инда.

В-третьих, Е.Ф. Королькова странным образом забывает, что имя лошади произносилось ее владельцем не по-русски, а по-скифски, т.е. на одном из юговосточноиранских языков (Кулланда, 2016. С. 98). Между тем, среди иранцев имя Куруш (Кир) носили несколько представителей династии Ахеменидов, в том числе – основатель Персидской империи Кир II Великий (557–530 гг. до н. э.). Таким образом, даже один этот пример должен уничтожить всякие сомнения в том, что верховому скифскому коню не подобало так называться.

Итак, критические замечания Е.Ф. Корольковой не могут быть приняты ни по одному пункту. Поэтому остаются в силе все те выводы, к которым я пришел в 2016 году: надпись является арамейской и датируется концом VIII в. до н. э., а ее появление на раннескифском псалии можно объяснить лишь нахождением скифов на границах Ассирии, в Манне и Западной Мидии уже в это время.

И последнее. В июне 2014 года в ходе археологической разведки возле села Рысайкино группой самарских археологов во главе с В.Н. Мышкиным был зафиксирован курган, указанный мне одним из местных жителей еще осенью 2013 года. Высота кургана достигает 2,2–2,5 м, диаметр насыпи – 45 м. Судя по космоснимку, вокруг кургана находился заплывший и заросший травой ров шириной ок. 10–11 м. Через весь курган проходит широкая грабительская траншея. Распросы жителей села Рысайкино показали, что они до сих пор помнят попытку ограбления этого кургана, предпринятую их отцами и дедами в начале 30-х гг. XX века. Таким образом, вопрос о связи древнейшей из числа когда-либо обнаруженных на территории России надписи с этим курганом может быть окончательно решен только после проведения научных раскопок памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И., 1971. Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры. М.: Главная редакция восточной литературы. С. 262–276.

Балахванцев А.С., 2012. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. С. 358–361.

Балахванцев А.С., 2016. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой. М.: ИВ РАН. С. 15–24.

Королькова Е.Ф., 2017. О неабсолютности абсолютной хронологии архаической Скифии и ее восточных реперов // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23). С. 465–469.

Кулланда С.В., 2016. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 232 с.

Kroll J.H., 1977. An Archive of the Athenian Cavalry // Hesperia. Vol. 46. P. 83–140.

Курганная группа «Богатырские могилки» в Южном Приуралье

© 2018 Д.С. Богачук, С.В. Сиротин

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты работ Приуральской археологической экспедиции РАН в Оренбургской области в 2016–2017 гг. Были исследованы курганы №2, 5, 10, 11 курганной группы «Богатырские могилки» в составе курганного могильника «Высокая могила – Студеникин Мар». Предварительная дата сооружения курганов №2, 5 последняя треть IV в. до н. э. Курган №5 в качестве погребального сооружения использовался и в позднепрохоровскую эпоху. В курганах №10 и №11 выявлены материалы позднесарматского времени.

Ключевые слова: курганы, погребальный обряд, Южный Урал, ранние кочевники.

На территории Оренбургской области в 16 км к югу от с. Дедуровка расположен объект культурного наследия федерального значения «Курганное поле Высокая Могила – Студеникин Мар». Данный памятник представляет собой крупный курганный некрополь, в составе которого выделяется несколько курганных групп, насчитывающих более 50 курганов разной величины, включая большие сооружения раннекочевнической знати. Группа «Богатырские могилки» находится восточнее основного кургана в некрополе (Высокая могила), включает в свой состав 5 относительно больших (диаметром 50–70 м, высотой до 2,5 м) и более десятка малых курганов.

Самые ранние сведения о памятнике относятся к концу XIX в., когда есаулом М.Л. Юдиным были сделаны первые описания и планы некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» (Юдин, 1898. С. 67–68).

При проведении рекогносцировочных работ на памятнике в 2015 г. и в ходе осмотра в 2016 г. было установлено, что некрополь находится в аварийном состоянии. Особые разрушения, в том числе и от тяжелой землеройной техники, были зафиксированы на больших курганах группы «Богатырские могилки». Насыпи малых курганов ежегодно распахиваются, поскольку могильник располагается на культивируемых полях. Данные обстоятельства обусловили проведение охранно-спасательных работ на данном памятнике.

В 2016 г. Приуральской экспедицией ИА РАН был исследован один из больших курганов (курган №5). Курган №5 диаметром 50 м, высотой 2,38 м являлся самым восточным в цепочке больших насыпей данной группы. При исследовании насыпи кургана в южной поле были найдены отдельные скопления костей лошади. В центральной части кургана были выявлены участки сильно прокаленной почвы и остатки сгоревшей деревянной конструкции, вероятнее всего, так называемого «шатрового» типа.

В насыпи кургана, в северной поле, северо-восточнее центра был найден сломанный в древности железный кинжал с прямым перекрестьем и серповидным навершием. В южной поле, юго-западнее центра был найден фрагмент бронзовой пластины (налобник?).

В центральной части кургана было выявлено впускное мужское погребение (погребение №1). Костяк был ориентирован головой на юго-восток. Рядом с погребенным были расчищены лопатка и передняя нога барана. Около правой руки были найдены железные трехлопастные наконечники стрел.

В центре подкурганной площадки было выявлено центральное погребение дромосного типа (погребение №2). Могильная яма имела подквадратную в плане форму с закругленными с севера углами. С юго-востока к яме примыкал дромос длиной около 4 м, шириной 0,8–1,25 м. К моменту исследования погребение было неоднократно ограблено. В устье дромоса были обнаружены три бронзовых котла. В одном из котлов был уложен бронзовый ковш.

Вокруг центрального погребения был выявлен вал из материковой глины диаметром 22 м, имеющий разрыв на юго-востоке.

Юго-восточнее центрального погребения, за пределами глиняного вала было найдено погребение №3. Могильная яма относилась к подбойному типу. Подбой был устроен в длинной стенке (северной). Погребальная камера была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

Судя по остаткам дерева, найденным в погребальной камере, вход в камеру был закрыт тонкими бревнами. В камере обнаружено несколько сломанных трубчатых костей. В восточной части камеры был найден лепной керамический сосуд. Около западной стенки фиксировались остатки деревянной чаши.

К северо-северо-востоку от центрального погребения, за пределами глиняного вала было выявлено погребение №4. Погребение очень сильно разрушено норами степных животных (грызунов?). Вероятнее всего, погребение относилось к катакомбному типу. В погребальную камеру вел короткий ход-дромос. Разрушенная погребальная камера обнаружена в южной части ямы. Длинной осью погребальная камера была перпендикулярна оси хода и ориентирована по линии запад – восток. В камере был расчищен фрагментированный мужской костяк. Был найден, череп, кости рук, позвонок и бедренная кость. Судя по расположению фрагментов костяка, погребенный располагался в вытянутом на спине положении, головой на восток. Около левого предплечья был найден железный втульчатый наконечник копья. Около западной стенки был найден бронзовый котел.

Помимо этого, на подкурганной площадке было расчищено два подземных хода. Подземные ходы были устроены в северной части, ориентированы по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и соединялись в 2–5 м от ямы центрального погребения. Длина хода I составила около 11,5 м, длина хода II до его соединения с ходом I составила около 7,5 м. Подземные ходы пробивали северную стенку ямы ближе к ее восточному углу. В заполнении входной ямы хода I были найдены бронзовые трехлопастные наконечники стрел и железные панцирные чешуйки.

В 2017 г. работы на курганной группе были продолжены. Были исследованы 3 кургана (курганы №2, 10, 11). Курган №2 расположен в западной части группы и относился к категории больших курганов (диаметр 56 м, высота 1,79 м).На вершине кургана фиксировался засыпанный грабительский шурф, выкопанный экскаватором весной 2016 г.

Структура и конструктивные особенности насыпи кургана №2 были очень схожи с насыпью кургана №5. Также, в южной поле кургана были найдены скопления костей ло-

шади, в центральной части кургана фиксировались остатки сгоревшего дерева от надмогильного перекрытия, предположительно «шатрового» типа. Следы мощного кострища фиксировались в стратирафических разрезах контрольных бровок, на погребенной почве и на материковой поверхности. В насыпи кургана был найден разбитый в древности бронзовый котел.

В центре кургана была исследована могильная яма дромосного типа (погребение №1), в которой выявлены остатки коллективного захоронения. Яма имела подпрямоугольную в плане форму с примыкающим к ней с юго-востока коротким дромосом. Вокруг центрального погребения был выявлен вал из материковой глины диаметром 30–34 м, имеющий разрыв на юго-востоке.

Ко времени исследования могильная яма центрального погребения была значительно разрушена вследствие многочисленных ограблений. Особенно сильные разрушения от экскаватора фиксировались в западной части ямы.

В дромосе был найден разбитый и смятый в древности бронзовый котел. В заполнении могильной ямы на разной глубине были найдены бронзовые наконечники стрел, бронзовые и железные ворворки, бронзовые бляхи, железный вток копья, железный колчанный крючок и ряд других категорий инвентаря.

На стенке могильной ямы in situ были обнаружены два уздечных набора, включающих железные удила, железные стержневидные двудырчатые псалии, биметаллические псалии С-видной схемы, пластинчатые орнаментированные налобники, железные дуговидные нахрапники, украшения узды.

Помимо этого, на подкурганной площадке был исследован подземный ход, длиной более 15 м, устье которого заходило в центральное погребение. Подземный ход был выявлен в восточной поле. Длинной осью ход был ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Около входа в подземный ход был найден массивный бронзовый ковш, в который были уложены два уздечных набора, включавших в себя железные удила, стержневидные двудырчатые псалии, бронзовый орнаментированный пластинчатый налобник, бронзовые пронизи, бронзовые уздечные бляхи.

Погребальный обряд курганов №2 и №5, архитектура, элементы инвентаря имеют прямые аналогии среди комплексов известного могильника Филипповка I (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2011), а также группы больших курганов могильника Переволочан I (Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2016). Единовременность данных курганных некрополей подтверждается и данными палеопочвоведения. По данным почвоведческих анализов исследуемый курган сооружался в том же хронологическом диапазоне, что и курганы могильника Филипповка I.

Рассматривая погребальную обрядность ранних кочевников Южного Урала, исследователи констатируют, что дромосные погребения принадлежат кочевой элите (Мошкова и др., 2011. С. 166; Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 145; Мышкин, 2011. С. 169). В этой связи курганы №2 и №5 безусловно относятся к категории погребальных сооружений высокого социального ранга.

В рамках определения даты исследованных больших курганов следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений на Южном Урале датируется в пределах конца V–IV в. до н. э. (Мошкова и др., 2011. С. 162–165).

Вызывает интерес катакомбное погребение из кургана №5 (погребение №4). Распространение катакомб связано с общими процессами трансформации погребальной обрядности ранних кочевников Южного Урала, в рамках которых появляются новые черты, в том числе и дромосные могилы. Вполне допустимо, что катакомбы были своеобразным вариантом или версией дромосных могил и предназначались, в отличие от них, для индивидуальных захоронений.

Исходя из сложившейся типологии катакомбных погребений (Смирнов, 1964. С. 82–84; Мошкова и др., 2011. С. 166), катакомба погребения №4 кургана 5 относится к I типу, с перпендикулярным соотношением осей входной ямы и погребенного.

Время бытования таких катакомб определяется в рамках V–III вв. до н. э., однако большая часть из них имеет датировку IV – начало III в. до н.э (Мошкова и др., 2011. С. 166).

Часть найденного в курганах инвентаря (бронзовые наконечники стрел, ворворки, бронзовые котлы) датируются широко в пределах V–III вв. до н. э.

Уточняют время сооружения кургана №2 некоторые категории инвентаря, прежде всего, элементы конского снаряжения. В их числе железные и биметаллические двудырчатые псалии (стержневидные и С-видной схемы), железные дуговидные предметы (нахрапники), имеющие аналогии в южноуральских раннепрохоровских комплексах последней трети IV – IV–III вв. до н. э. (Васильев, 2004; Сиротин, 2015; Сиротин, 2016). Обращает на себя внимание наличие широких аналогий найденных элементов конского снаряжения с комплексами второй половины IV в. до н. э. Среднего Дона (Савченко, 2009).

Исходя из общей архитектуры курганного сооружения, погребального обряда и инвентаря, предварительно курган №2 может быть отнесен к последней трети – концу IV в. до н. э. К этому же времени относится и сооружение кургана №5.

Несколько диссонируют с этой датой материалы погребения №1 (железные наконечники стрел) и найденный в насыпи фрагментированный железный кинжал классического прохоровского облика. Однако, учитывая явно впускной и более поздний характер погребения №1, ритуальное (жертвенное) размещение фрагментированного кинжала в насыпи, эти материалы следует относить к практике вторичного использования курганной насыпи в качестве погребального сооружения в III–II вв. до н. э.

В кургане 10 (диаметр 26 м, высота 0,34 м) данной группы было выявлено одно погребение (погребение №1, центральное). Погребение было совершено в простой яме. Могильная яма была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В яме было обнаружено разрушенное мужское погребение, ориентированное головой на северо-восток, относящееся к позднесарматскому времени II–IV в. н. э. Череп погребенного имел следы искусственной деформации. Из инвентаря было найдено массивное бронзовое кольцо и фрагмент железного меча.

В кургане 11 (диаметр 20 м, высота 0,22 м) были найдены фрагменты сероглиняного керамического сосуда (кувшин?). Вероятнее всего данный объект относится к категории жертвенно-поминальных комплексов.

С учетом результатов работ 2016 г. проведенные исследования 2017 г. позволяют предположить, что группа из 5 больших курганов «Богатырские могилки» имеет сход-

ную организацию подкурганного пространства, планиграфию, архитектуру курганных сооружений, устройство могильных ям и погребальный инвентарь. Сооружение данной курганной группы относится к последней трети – концу IV в. до н. э. и хронологически смыкается с верхней границей функционирования могильника Филипповка I. Причем, как показывают материалы кургана №5, насыпи курганов в качестве погребальных сооружений могли использоваться и в позднепрохоровское время. Что касается группы малых курганов, расположенных южнее цепочки больших курганов, то вопросы, связанные с выяснением их хронологической и культурной принадлежности требуют дальнейших исследований. На основании исследований 2017 г. можно лишь констатировать, что верхняя граница функционирования данного некрополя определяется позднесарматским временем.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем. С. 153–172.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III / Ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.

Мышкин В.Н., 2011. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III / Ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 168–178.

Пшеничнюк А.Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Агеев Б.Б. Уфа: Гилем. С. 62–96.

Пшеничнюк А.Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале / Отв. ред. Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.

Савченко Е.И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.

Сиротин С.В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. С. 247–256.

Сиротин С.В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сборник статей / Ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 253–263.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.: Наука. 380 с.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та. С. 141–159.

Юдин М.Л., 1898. Заметка о курганах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Оренбург. С. 67–68.

Яблонский Л.Т., 2011. Новые раскопки могильника Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ТАУС. С. 7–19.

Использование животных в погребальном обряде Гулюковского могильника позднесарматского времени

© 2018 Д.Г. Бугров, Г.Ш. Асылгараева

Аннотация. В докладе рассмотрены особенности погребального обряда позднесарматского Гулюковского могильника на р. Ик в Татарстане. Обращено внимание на сходство анатомического и таксономического состава комплексов костей животных, помещенных в могилы в качестве заупокойной пищи, с аналогичными наборами в позднесарматских погребениях Волго-Донского междуречья.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, позднесарматское время, могильники, погребальный обряд, остатки животных

Гулюковский могильник входит в комплекс археологических памятников, расположенных к северу от с. Гулюково Мензелинского района РТ, в северной части междуречья рр. Игат и Тиргауш, левых притоков р. Ик (ныне – Нижнекамское вдхр.). Комплекс включает Гулюковскую I стоянку эпохи неолита (камская культура и тат-азибейский тип памятников с накольчатой керамикой, втор. пол. V – нач. IV тыс. до н. э.) и поздней бронзы (срубная КИО XVII–XV вв. до н. э. и луговская культура XV–XIII вв. до н. э.) и собственно могильник, состоящий из двух разновременных частей: средневековой (втор. пол. XI – нач. XIII в.) и позднесарматского времени. Одна из особенностей погребального обряда последней и является предметом нашего сообщения.

Стоянка известна с 1979 г. (Археологические памятники, 1989. С. 37, №262), наличие на ее площади разрушающегося могильника зафиксировано в 1995–1996 гг. А.А. Чижевским, исследовавшим 8 частично разрушенных погребений. В 1997–2001 и 2003–2004 гг. могильник и стоянка исследовались Н.М. Капленко (вскрыто около 538 кв.м, изучено 55 погребений). Могильник (включая 3 погребения позднесарматского времени) был им определен как «раннемусульманский XII – нач. XIV вв.», стоянка отнесена к «срубной и андроноидно-черкаскульской культурам XIII–XI вв. до н. э.». В 2006 г. отрядом Нижнекамской экспедиции НЦАИ ИИ АН РТ (Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдиков) на памятнике вскрыто около 293 кв.м площади, исследованы 43 погребе-

ния (7 позднесарматских и 36 раннемусульманских). В 2007 г. Н.М. Капленко раскопал позднесарматское погребение, попавшее в обрыв берега водохранилища, а Д.Г. Бугров исследовал около 103,5 кв.м площади и 15 средневековых погребений. В ходе дальнейших охранно-спасательных работ Р.В. Матвеевым (2009 г.), А.В. Лыгановым и Р.Р. Валиевым (2012 г.), П.В. Красильниковым (2014 г.) было вскрыто около 225 кв.м площади, исследованы культурные напластования стоянки, 6 позднесарматских погребений и средневековое хозяйственное сооружение. Результаты исследований стоянки и раннемусульманской части могильника, а также антропологический материал памятника частично опубликованы (Бугров и др., 2010; Лыганов и др., 2015; Газимзянов, Волкова, 2017).

Захоронения позднесарматского времени (17 погребений: К 17[1], К 1999 г., К 18пбо, 29, 30, 32, 33, 35–37, К 2007 г., 64–69) неравномерно распределены по центральной и ЮЗ частям стоянки. Они представляют собой индивидуальные ингумации в овальных или подпрямоугольных ямах, иногда усложненной конструкции: с уступами, ступеньками (пп. 30, 35, 36, 64, 66), колоколообразным расширением у дна (п. 67), ориентированные на СВ и С. Следов курганных насыпей над ними не прослежено, возможно, вследствие антропогенной переработки почвы (местами до горизонта вмывания) на исследованной части могильника (пахота, строительство и эксплуатация скотного двора и подъездных путей к нему). Положение погребенных, реально зафиксированное или реконструируемое по отдельным костям, оставшимся in situ, – вытянуто на спине. В 6 случаях костяки были умышленно нарушены в древности: полностью, с разрушением и утратой части костей (пп. 64, 68, 69), частично, с сохранением общего расположения частей скелета (пп. 37, К 2007 г.) или локально (п. К 17 – только грудная клетка). Погребения сопровождались керамическими сосудами (отсутствовали только в разрушенных абразией пп. 29, 65, 66, 68 и в частично разрушенных и не полностью доследованных пп. К 1999 г. и К 18пбо), украшениями, деталями костюма, бытовыми вещами (пп. К 1999 г., 30, 35, 36, 67).

Интересующие нас комплексы костей домашних животных были обнаружены в 10 погребениях (Табл. 1). За исключением «игрового набора» астрагалов из детского п. 67, все они представлены одинаковыми мясными частями туш: задняя конечность от тазовой до таранной (в одном случае – до заплюсневой) кости, в большинстве случаев расположенных в анатомическом порядке. Нарушенный порядок и неполная комплектность наблюдаются только в тех погребениях, где намеренное разрушение человеческих костяков захватило и кости животных, часть которых могла быть утеряна в процессе вскрытия могилы (п. К 2007 г.) и/или последующего разрушения ее абразией (пп. 68, 69). Идентичный устойчивый анатомический состав частей туш животных (задние конечности без дистальных частей) является характерной чертой позднесарматских погре-

Таблица 1.

№№ погребений	Таксономический состав костей*			Анатомический состав костей	Положение в могиле
	МРС	КРС	Лошадь		
30		(1)		тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	слева у ноги
32	(1)			тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	в головах
33		(1)		тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	слева у корпуса
35		(1)		тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	в головах
К 2007 г.**		(1?)		тазовая, бедренная	справа у колена
64		6 (1)		тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	слева у голени (?)
	10 (1)			тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	в ногах
65		10 (1)		тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	в ногах выше костяка
67			10 (1)	тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная, заплюсневая	в головах
	4 (3)			таранные	справа в ногах
68**	6 (1)			тазовая, бедренная, большеберцовая	в средине погребения
69**		5 (1)		тазовая, бедренная, большеберцовая	справа у колена (?)
Всего особей	6	7	1		

Примечания:
* В скобках указано количество особей.
** Погребения, в которых остатки животных оказались в зоне преднамеренного разрушения костяка.

бений бассейна р. Аксай Есауловский, с той разницей, что в аксайских комплексах представлен исключительно МРС (Яворская, 2010. С. 243, Табл. 3; С. 252, Табл. 7), а в гулюковских (без учета астрагалов из п. 67) преобладает КРС. В погребениях синхронных или несколько более ранних культур бассейна Камы и Белой комплексы костей животных имеют кардинально иной таксономический и анатомический состав (Архипов, 1978; Старостин, Петренко, 1984; Петренко, 2000. С. 27–28, 30, 80–82) либо отсутствуют (Останина, 1997. С. 20–31; Голдина и др., 2015).

Сарматскую принадлежность населения, оставившего раннюю часть Гулюковского могильника, кроме перечисленных особенностей погребального обряда, определяют преобладающие формы керамики (лепные плоскодонные округлобокие горшки с резким или плавным переходом к невысокому раструбообразному или вертикальному горлу, без орнамента или с насечками по венчику, с примесью в тесте органики, шамота и органики, шамота и песка), набор и размещение вещевого инвентаря женских пп. К 1999 г. и 35 (на груди по 2 фибулы одна над другой, полусферические ворворки, зеркала с центральным ушком и др.). На вероятное длительное взаимодействие с местным (мазунинским?) населением указывают подвеска-медведь из п. 67, круглодонный слабопрофилированный сосуд из п. 36 и «гибридный» сосуд из п. 30, повторяющий форму сарматского горшка, но изготовленный из рыхлой формовочной массы с большой примесью органики и толченой раковины. Датировка памятника определяется по комплексу находок из пп. К 1999 г., 35 и 67: сочетание сильно профилированных фибул поздних версий варианта 3 серии II, по А.К. Амброзу (Гавритухин, 2010. С. 55–56, Рис. 4: 4–20, 22, 23), миниатюрных прогнутых фибул, «двускатного» наконечника ремня (Малашев, 2000. С. 205–206, Рис. 13: В5, Г16), зеркал с центральным ушком, «дутой» височной подвески со вставками, ожерелья, близкого группе 5 черняховской культуры (Гопкало, 2008. С. 106, 108) соотносит гулюковские погребения с группами IIIб и IV сарматских древностей по В.Ю. Малашеву и предполагает дату в пределах сер. IV в. н. э., не исключая ее расширения до раннегуннского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Погребения из раскопок Н.М. Капленко отмечены литерой «К». Они имели отдельную нумерацию для исследованных в раскопах и обнаруженных в бровке абразионного уступа и вскрытых шурфами – последние обозначены исследователем как «пбо» – «погребения в береговом обнажении». Единичные «пбо», изученные в 1999 и 2007 гг., не включены ни в ту, ни в другую нумерацию и обозначены по году исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

Археологические памятники Восточного Закамья. 1989. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. 100 с.

Архипов Г.А., 1978. Захоронения с конем I тыс. н. э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 172–180.

Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдиков А.Г., 2010. К вопросу о времени начала мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. №4. С. 19–25.

Гавритухин И.О., 2010. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 48–68.

Газимзянов И.Р., Волкова Е.В., 2017. Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии // АЕС. №4. С. 135–142.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М., 2015. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III // МИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск. 297 с.

Гопкало О.В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев. 252 с.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г., 2015. Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов позднего неолита Икско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Мат-лы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН. С. 71–75.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов н/Д: Терра. С. 194–232.

Петренко А.Г., 2000. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань. 156 с.

Старостин П.Н., Петренко А.Г, 1984. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // АЭМК. Вып. 8. С. 91–112.

Яворская Л.В., 2010. Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // НАВ. Вып. 11. С. 233–256.

Антропология могильника Старый Чекмак (пьяноборская культура)

© 2018 Е.В. Волкова

Аннотация. Могильник Старый Чекмак известен с 1974 года, был отнесен к пьянобоскрой культуре и датирован рубежом нашей эры. В 1981 году был проведено краниологическое исследование черепов Р.М. Фаттаховым. В 2017 году группой исследователей ИА АН РТ и РБСМЭ МЗ РТ было проведено палеопатологическое исследование с медико-криминалистической реконструкцией повреждений, обнаруженных на костяках. В 2018 году автором было проведено остеометрическое исследование материалов могильника. По его результатам – указатели пропорций говорят о гармоничном соотношении рук и ног у женской части выборки, у мужской же наблюдается некоторое удлинение дистальных отделов конечностей относительно проксимальных.

Ключевые слова: пьяноборская культура, остеометрия.

Могильник Старый Чекмак расположен на восточной окраине одноименной деревни на надпойменной террасе правого берега р. Ик (левый приток р. Камы) в Муслюмовском р-не Республики Татарстан. В период 1974–1977 гг. были вскрыты 58 погребений (в 1974–1975 гг. раскопки велись Е.П. Казаковым, в 1976–1977 гг. они были продолжены Р.С. Габяшевым, П.Н. Старостиным, Р.М. Фаттаховым). Инвентарь могильника позволил отнести его к пьяноборской культуре и предварительно датировать рубежом нашей эры.

Краниологическая характеристика материалов данного могильника проводилась Р.М. Фаттаховым (Фаттахов, 1981. С. 75–88). Обращает на себя внимание хорошая сохранность как черепов, так и других костей скелета. Р.М. Фаттаховым было исследовано 38 черепов: из них 15 мужских, 14 женских, остальные юношеские и детские. По средним данным серия характеризуется длинной, среднеширокой, высокой в мужской и средневысокой в женской группе, долихокранной по указателю черепной коробкой, со среднешироким, прямым лбом. Лицо средневысокое, широкое у мужчин и среднеширокое у женщин, среднепрофилированное в верхней и сильно в средней части. Орбиты низкие, среднеширокие, переносье невысокое. Выступание носовых костей слабое. В ряду пьяноборских серий достоверные различия между женскими группами не установлены, мужские же старо-чекмакские черепа отличаются некоторым своеобразием, по ширине черепной коробки и ширине лица отличия достигают статистической достоверности.

В 2017 году группой исследователей ИА АН РТ и РБСМЭ МЗ РТ было проведено палеопатологическое исследование с медико-криминалистической реконструкцией повреждений (Волкова, Кирягин, Газимзянов, 2017. С. 23–34). В ряде погребений могильника Старый Чекмак наблюдается развитый рельеф длинных костей конечностей, утолщение верхних отделов бедренных костей с визуальным укорочением шейки и головки, что в совокупности с вальгусной деформацией большеберцовых костей (например, погр. 39) может свидетельствовать о значительных физических нагрузках.

Далее автором был проведено остеометрическое исследование останков из могильника Старый Чекмак по методике В.П. Алексеева (1966). В распоряжении оказалось 27 костяков, из них: 4 детских (возрастом до 12 лет), 11 мужских, 12 женских. Изменчивость остеометрических показателей отражает экологические условия обитания палеопопуляций, а также используется при изучении дифференциации групп различного происхождения (Широбоков, Черных, 2015, с. 25-34).

У мужской части группы плечевая кость по наибольшей длине (H1) характеризуется значением выше среднего (319), наибольший диаметр середины диафиза – средний (23,3). Локтевая и лучевая кости по всем размерам характеризуются величинами выше среднего. Бедренные кости по наибольшей длине (F1) и поперечному диаметру середины диафиза (F7) характеризуются средними значениями 451,2 и 27,4 – соответственно. Большеберцовые кости характеризуются значениями выше среднего (377,3) по наибольшей длине и средними поперечными размерами. Интермембральный указатель демонстрирует средние значения. Берцово-бедренный указатель демонстрирует значения, немного превышающие средние, а плечебедренный располагается на нижней границе средних значений.

Женская выборка по поперечным и продольным размерам плечевых костей попадает в категорию средних значений. Лучевая и локтевая кости по по наибольшим длинам средние – 217,3 и 241,5 соответственно. Бедренные кости по наибольшей длине (F1) характеризуются средними значениями (407), как и их диаметры. Большеберцовые кости также демонстрируют средние значения. По указателям пропорций женская часть группы характеризуется средними значениями, что говорит о гармоничном развитии конечностей.

Группа Старо-Чекмакского могильника характеризуется специфическими чертами в признаках телосложения по сравнению с известными сегодня группами населения Волго-Камья I тысячелетия н. э. Главным образом эта специфика выражается в различии пропорций между мужскими и женскими частями группы: у мужской части наблюдается незначительное удлинение дистальных отделов конечностей – предплечья и голени относительно проксимальных отделов, женские же скелеты представляют более гармоничный вариант соотношений.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова Е.В., Кирягин К.В., Газимзянов И.Р., 2017. Палеопатологическая характеристика антропологических материалов могильника Старый Чекмак (Пьяноборская культура) // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием VII Алексеевские чтения, памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой (22–25 мая 2017, Казань). Казань: Озон. С. 23–24.

Фаттахов Р.М., 1981. Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.

Широбоков И.Г., Черных Е.М., 2016. Данные физической антропологии к проблеме формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н. э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 1 (26). С. 25–34.

История изучения и особенности погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника эпохи раннего железа

© 2018 С.Л. Воробьева

Работа выполнена на базе ФГБОУ ВО «БГПУ им. М.Акмуллы» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту 18–39–00113 мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново–Сасыкульского могильника)».

Аннотация. Одним из наиболее крупных и полностью раскопанных некрополей пьяноборской культуры эпохи раннего железа Нижнего Прикамья является Ново-Сасыкульский могильник, расположенный в Бакалинском районе Республики Башкортостан. Могильник раскапывался с 1976 по 1980 гг. С.М. Васюткиным и В.К. Калиным. Всего исследовано 415 погребений, которые датируются I–III вв. н. э. В статье представлена история изучения и характеристика погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника, показано его отличие от других памятников пьяноборской культуры.

Ключевые слова: пьяноборская культура, Нижнее Прикамье, эпоха раннего железа, Ново-Сасыкульский могильник, погребальный обряд.

В эпоху раннего железа Прикамье становится центром формирования и развития пьяноборской культуры, образованной на основе распавшейся ананьинской культурно-исторической общности. Несмотря на значительный интерес исследователей к памятникам пьяноборской культуры, многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными: время и особенности ее формирования, компонентный состав и особенности ассимиляционных процессов на различных территориях, эволюция материального комплекса и погребального обряда, ее место среди синхронных культурных образований эпохи раннего железа.

На данный момент известно около 200 памятников пьяноборской культуры – городищ, селищ, могильников, кладов (Зубов, 2009. С. 255). Единственным полностью раскопанным могильником пьяноборской культуры является Ново-Сасыкульский, расположенный в Нижнем Прикамье около дер. Новосасыкуль Бакалинского района Республики Башкортостан, в правобережной пойме р. Ик, на песчаной дюне.

Ново-Сасыкульский могильник был открыт в 1975 г. С.М. Васюткиным, которому школьники дер. Куштиряк рассказали о находках человеческих костей и древних вещей у дер. Новосасыкуль. С.М. Васюткин установил во время осмотра, что могильник подвергается разрушению – песчаная дюна, на которой он находился, развеивается, а могилы обнажаются. Местные жители также сообщили, что часть находок из могильника была передана в среднюю школу в районный центр Азнакаево в Татарской АССР (Васюткин, Калинин, 1976. С. 1). В 1976 г. спасательные археологические раскопки могильника проводились под руководством С.М. Васюткина (погребения 1–61). Сергей Михайлович Васюткин в 1976 г. работал в Башкирском государственном университете и возглавлял археологическую экспедицию БашГУ, в 1977 г. он перешел на работу в Институт истории языка и литературы Башкирского научного центра УрО АН СССР. Поэтому в 1977, 1979–80 гг. экспедицией на Ново-Сасыкульском могильнике руководил Виктор Константинович Калинин (погребения 62–418) – старший лаборант кафедры истории СССР досовет-

Таблица 1. Ново-Сасыкульский могильник. Глубина могильных ям и положение скелета.

К-во костяков в погребении	К-во	Глубина могильной ямы (см)							Без головы	Потревожено (кости не в анатомическом порядке)	Положение скелета							
											Вытянуто на спине							На боку
		До 20	21-40	41-60	61-80	81-100	101-120	120-200			К-во	Одна рука согнута в локте	Обе руки согнуты в локтях	Одна нога согнута в колене	Обе ноги подогнуты	Ноги скрещены	Ноги раздвинуты	
1	346	13	73	113	87	41	13	3	2	24	184	20	7	1	6	1	1	3
2	48	-	7	21	15	4		1	5	3	29	5	5	-	1	-	-	1
3	14	-	3	2	4	3	2	-	-	-	9	-	-	-	-	-	-	-
4	3	-	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
5	2	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

ского периода БашГУ и руководитель археологического кружка в школе-интернате №5 г. Уфы. Всего было вскрыто 852 кв.м, исследовано 418 погребений. Научные отчеты об археологических исследованиях были сданы в Институт археологии РАН только за 1976–77 и 1979 гг. (Васюткин, Калинин, 1977; Калинин, 1978; Калинин, 1980), в связи с уходом из профессиональной археологии В.К. Калинин не написал отчет за 1980 г., имеется лишь краткое описание всех погребений – черновой вариант готовившейся монографии по могильнику.

Материалы раскопок с 1980 г. находились на хранении у В.К. Калинина. В 2006 г. он начинал работу по передаче коллекции в научные фонды Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (Музей археологии этнографии, г. Уфа). Но в связи с кончиной хранителя археологических фондов музея Н.Г. Рутто, эта работа так и не была закончена. Всего в фонды МАЭ поступило несколько погребений (217 предметов).

В 2016 г. усилиями к.и.н., заведующего отделом археологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН В.В. Овсянникова и автора статьи была восстановлена связь с В.К. Калининым, который подготовил и передал всю имеющуюся у него коллекцию в фонды Национального музея Республики Башкортостан (6571 ед. хр.) (Национальный музей Республики Башкортостан, фонды Археологии, ВХ 181). Кроме археологических находок, автор передал и весь антропологический материал (более 40 скелетов и около 100 черепов) и полевые архивные документы – планы раскопов, описания погребений. Сейчас вся эта коллекция, в том числе и антропологическая серия, находятся в обработке.

Таким образом, несмотря на то, что Ново-Сасыкульский могильник – один из немногих полностью раскопанных грунтовых могильников пьяноборской культуры, он на данный момент практически не изучен.

В 1986 г. вышла обобщающая статья по итогам раскопок (Васюткин, Калинин, 1986). Основная часть погребений (415 из 418) была отнесена авторами к чегандинской (пьяноборской) культуре, которые они датировали находками фибул I–III вв. н. э. Три погребения было отнесено к бахмутинской (мазунинской) культуре второй половины III в. н. э. Кроме того, ими установлено, что наиболее ранние захоронения совершены в восточной части могильника, а затем могильник рос в западном и северном направлениях (Васюткин, Калинин, 1986. С. 96). После публикации материалов раскопок С.М. Васюткиным и В.К. Калининым,

Таблица 2. Ново-Сасыкульский могильник. Ориентировка погребенных

К-во костяков в погребении	К-во	Ориентировка погребенных, уложенных в одну сторону в одной могиле								Ориентировка погребенных, уложенных в разные стороны в одной могиле								
		С	**Ю**	**В**	**З**	**СВ**	**СЗ**	**ЮЗ**	**ЮВ**	**Всего**	**В и З**	**В и ЮЗ**	**С и СЗ**	**С и Ю**	**СВ и ЮЗ**	**ЮЗ и СЗ**	**СЗ и ЮВ**	**ЮВ и СВ**
1	346	42	10	40	6	39	47	39	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	48	-	-	-	-	-	3	1	2	38	2	1	1	4	6	1	20	-
3	14	-	-	1	-	-	-	-	-	10	3	-	-	-	3	-	4	-
4	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	1	-	1	1
5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-	1
6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-

Таблица 3. Ново-Сасыкульский могильник. Наличие сопровождающего инвентаря.

К-во костяков в погребении	К-во	Имеется сопровождающий инвентарь	Имеются сосуды	Угли	Мел	Охра	Кости животных
1	346	280	29	2	-	1	4
2	48	43	2	-	-	-	-
3	14	13	1	-	1	-	-
4	3	2	1	-	-	-	-
5	2	1	-	-	-	-	1
6	1	-	-	-	-	-	-

комплексное изучение данного памятника не проводилось. Это связано, прежде всего, с тем, что инвентарь из погребений и антропологические материалы не были доступны исследователям. Отдельные вещи из могильника (с использованием в качестве источника публикации 1986 г.) изучались разными авторами в рамках обобщенных исследований (Агеев, 1992; Красноперов, 2006; Сабирова, 2015; Ставицкий, 2015).

По предварительному анализу можно утверждать, что вещевой ряд (оружие, сосуды, импортные изделия) и погребальный обряд, наличие большого количества погребений воинов не находят аналогий среди других могильников пьяноборской культуры. Наиболее близкими по вещевому комплексу являются Кипчаковские-I и II курганно-грунтовые могильники (см.: Зубов, Сатаров, 2015; Зубов, 2007) и курганы андревско-писсеральского типа эпохи раннего железа (См.: Гришаков, Зубов, 2009).

Погребальный обряд Ново-Сасыкульского могильника был рассмотрен в статье 1986 г. (Васюткин, Калинин, 1986. С. 97) и в монографии Б.Б. Агеева (Агеев, 1992. С. 13–29). Но в этих работах имеются неточности при описании погребального обряда. Поэтому он был повторно проанализирован в рамках работы над грантом Российского фонда фундаментальных исследований «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)».

Главное отличие Ново-Сасыкульского могильника от других погребальных памятников пьяноборской культуры – наличие большого количества парных и коллективных захоронений. В 415 могильных ямах было захоронено 515 человек: 346 одиночные погребения, в 48 могилах было по 2 скелета (11,5 %), в 14 – три, в трех – 4, в двух – 5, в одном – 6 скелетов (Табл. 1). С.Э. Зубов связывает такое число коллективных захоронений на могильнике с расположением памятника на южных ареалах пьяноборской культуры, граничивших с воинственными кочевыми племенами. Такое явление могло стать следствием военной напряженности в регионе, особенно на заключительном этапе существования пьяноборской культуры, во II – сер. III в. н. э. (Зубов, 2009. С. 263).

По планиграфии ясно, что заполнение площади могильника шло в определенном порядке с востока на запад и север, фиксируются ряды. Несмотря на то, что могилы расположены достаточно плотно друг к другу, только в одном случае было нарушение одной могилы другой. В целом, это характерная черта для всех погребальных памятников пьяноборской культуры (Зубов, 2009. С. 261).

Могильные ямы, как и на большинстве некрополей пьяноборской культуры, имеют прямоугольную форму с закругленными углами. Глубина могильных ям составляет преимущественно от 41 до 60 см (34 %), коллективное захоронение шестерых детей было наиболее глубоким – 169 см глубина могилы от материка. Основная масса погребенных лежала вытянуто на спине, только в пяти случаях погребенные лежали на боку. Умерших, как правило, заворачивали плотно в саван, так как кости в основном лежат прижатыми друг к другу. Различаются положение рук и ног – руки могут быть согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях, раздвинуты или скрещены. Без головы зафиксировано 7 случаев, пять из которых было в парных погребениях. Вероятнее всего, подобные захоронения связаны с участием населения в военных конфликтах с соседними племенами (см.: Зубов, 2009. С. 263–264).

Ориентировка погребенных отличается. Одиночные костяки примерно одинаковое количество направлены головой на север, восток, северо-восток, северо-запад и юго-запад. В 87,5 % случаев в парных погребениях умершие уложены головами в противоположные стороны. Как правило, это северо-западная и юго-восточная ориентировки. При этом, дети в подобных погребениях лежат в ногах взрослого человека головой на юго-восток (Табл. 2).

Детей хоронили как в отдельных могилах, так и совместно со взрослыми мужскими или женскими захоронениями (антропологический материал находится в обработке). В 76 погребениях (18 %) сопровождающего инвентаря не было, в остальных случаях женские погребения, как правило, содержат украшения и элементы убранства костюма, мужские – оружие. Всего в 33 погребениях (13 %) имеются сосуды. В двух могилах встречены угли в подстилке под погребенным, в одном случае – найден кусок охры, в одном – кусок мела. В одном погребении кости человека были обуглены. Кости животных – также не характерная черта для погребений могильника – они найдены только в пяти погребениях (Табл. 3).

В Ново-Сасыкульском некрополе встречены следы поминальных тризн – в межмогильном пространстве найдены сосуды, мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий, бронзовые браслеты, кости животных.

Таким образом, предварительный анализ погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника позволяет говорить об отличии этого памятника от других некрополей пьяноборской культуры, а именно о наличии большого количества парных погребений со взрослыми и детьми в одной могиле и расположении костяков головами в противоположные стороны в коллективных могилах. Введение в научный оборот материалов раскопок данного памятника, особенно антропологический анализ погребений, позволит получить информацию об особенностях формирования и развития пьяноборской культуры в целом, и изучить компактную группу населения Нижнего

Прикамья эпохи раннего железа, отличающуюся от своего ближайшего окружения, как по проявлениям погребального обряда, так и по основным характеристикам материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР. С. 95–122.

Васюткин С.М., Калинин В.К., 1977. Отчет археологической экспедиции Башгосуниверситета. 1976 г. Уфа // Архив ИА РАН. Р1. №6239, 6239а. 86 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. АЕС. Вып. 7. Казань: ИИ АН РТ. 173 с.

Зубов С.Э., 2007. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 6–7. Уфа: Гилем. С. 72–88.

Зубов С.Э., 2009. Пьяноборская культура // История башкирского народа: в 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦРАН. Т. I. М.: Наука. С. 255–267.

Зубов С.Э., Сатаров Р.Р., 2015. Новый могильник пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, №3(2). С. 537–547.

Калинин В.К., 1978. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1977 г. Уфа // Архив ИА РАН, Р1. №7104, 7104а. 97 с.

Калинин В.К., 1980. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1979 г. Уфа // Архив ИА РАН, Р1. №7646. 69 с.

Красноперов А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 29 с.

Сабирова Т.М., 2015. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 23 с.

Ставицкий В.В., 2015. К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 111–116.

Культовые практики древних культур Урала и Западной Сибири: общее и особенное

© 2018 Н.С. Ефремова

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, грант №14–50–00036.

Аннотация. В статье рассматриваются сходные и отличительные черты уральских и западно-сибирских сакральных археологических памятников, выделяются общие составляющие культовых практик и их региональные особенности. Сходство и различие в идеологических взглядах древних обществ связываются с вариантами формы ведения хозяйства и природно-ландшафтной средой, подчеркивая при этом роль жертвоприношений.

Ключевые слова: святилище, жертвоприношение, идеологические представления, культ.

Археологические исследования позволяют с большой степенью достоверности реконструировать материальную культуру древних обществ. Многочисленные поселенческие и погребальные памятники предоставляют возможность дать всестороннюю характеристику рассматриваемому этносу – от способа ведения хозяйства до социальной дифференциации. При этом духовная культура рассматривается исследователями опосредованно – через особенности погребального обряда, иллюстрирующего определенные иррациональные представления – о потустороннем мире и поклонении предкам; через предметы и образы искусства и пр. Наиболее полно об идеологических взглядах общества можно судить по материалам специфических – культовых – памятников, на которых сохраняются следы ритуальных действий в комплексе, концентрированно, на ограниченной площади, что во многом облегчает как интерпретацию полученных материалов, так и реконструкцию духовной культуры в целом.

Необходимость сооружения культовых мест с древности и практически до этнографической современности повсеместно была обусловлена тотальной зависимостью архаичного общества, с одной стороны, от природы, с другой – от фактора случайности, что, в свою очередь, требовало взаимодействия коллектива с «высшими силами». Согласно этнографическим данным, каждая отрасль хозяйства – и присваивающего, и производящего – курировалась определенным пантеоном, нередко более дробно дифференцированным в рамках своей области, что находило отражение и в культовых практиках. Состав «высших сил» зависел и от окружающей среды, в частности, от ландшафтной зоны, обуславливавшей основные занятия древнего общества.

Сакральные памятники на территории Урала и Западной Сибири и Алтая известны давно, хотя являются малочисленными в количественном соотношении с погребальными и поселенческими комплексами, расположенными в этих регионах (см., напр., Культовые памятники..., 2004; Древние и современные культовые..., 2011 и др.). Любому коллективу, вне зависимости от ландшафтных особенностей занимаемой территории и способов ведения хозяйства, были свойственны практики обеспечения благополучной жизнедеятельности общества сверхъестественными методами. Тем не менее, превалирующая хозяйственная деятельность могла играть решающую роль в выборе объектов поклонения и направления ритуальных действий. Так, на Урале первые сакральные объекты датируются каменным веком. Появившиеся позднее многочисленные культовые комплексы соотносятся исследователями с отправлениями охотничьих культов и жертвоприношениями духам, хозяевам местности. При этом сами святилища можно разделить на несколько групп, например, жертвенники-костища, жертвенные камни, куль-

товые места в пещерах, святилища-писаницы, священные горы и т.д. Об отправлении именно охотничьих культов на перечисленных объектах свидетельствует специфический набор находимых здесь артефактов, и прежде всего, предметы вооружения, подавляющее большинство которых представляют собой наконечники стрел. В Приуралье известны древние святилища, археологические материалы которых включают всевозможные предметы охотничьего снаряжения, присутствуют подобные находки и на культовых местах с наскальными изображениями. Отличительной особенностью рассматриваемого региона можно назвать большое количество пещерных святилищ, в некоторых из них обнаружено множество наконечников стрел (пещеры Камень Дыроватый, Чаньвенская, Канинская и многие другие).

Об отправлении на святилищах производственных культов, ритуалов, связанных с промыслами, могут говорить и сюжеты находимых здесь изображений – наскальных рисунков (например, на Писаном камне на реке Вишере (Бадер, 1954; см. также Чернецов, 1971)) или выполненных в виде мелкой пластики образов (например, Шарташские Каменные Палатки (Берс, 1951)). Чаще всего иконографический ряд включает изображения промысловых животных и птиц, а иногда и самих божеств-духов, объектов поклонения.

Аналогичные памятники имеют место на территории Горного Алтая – в числе прочего, в силу сходства природно-климатических зон. Исследования последних десятилетий дали обширный разновременный материал, позволяющий говорить о существовании здесь промысловых культов. Крупный жертвенный комплекс Куйлю (Кучерла-1) обнаружил сходные культовые практики у древнего населения региона, зафиксированные с эпохи раннего металла до этнографической современности (Молодин, Ефремова, 2010). Если же рассмотреть составляющие промысловых культов региона более детально, то здесь акцент сделан не столько на жертвоприношение, сколько на сам изобразительный процесс. На территории Горного Алтая выявлено множество местонахождений петроглифов, большей частью выбитых на скальной поверхности. Учитывая степень сакрализованности жизни в древности, а также относительную трудоемкость изготовления изображения при помощи выбивки, можно предположить создание подобных рисунков в процессе ритуальных действий. Не исключено, что возникновение уральских красочных писаниц базировалось на иных содержательных представлениях и, возможно, имело иные цели.

Что касается территории Западной Сибири, то здесь относительно немногочисленные культовые комплексы, тем не менее, отличаются разнообразием функциональной направленности и обнаруживают некоторые особенности. На святилищах региона роль визуального объекта поклонения (либо жертвы таковому) часто выполняет культовое литье, например, пластика, ярко представленная в материалах кулайской культуры. Данный вид культовой скульптуры получает широкое распространение и в итоге позволяет исследователям говорить о возможном существовании урало-сибирского культового литья (Балакин, 1998). Сюжетные композиции и образы также отличаются разнообразием, и в целом соотносятся с иконографией наскальных изображений, о чем неоднократно свидетельствовали исследования последних десятилетий.

В ряде случаев имеет место локализация сакральных объектов на площади других памятников. Так, например, ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры, интерпретируемые исследователями как поминальное и производственное, связанное с бронзолитейными процессами, культовое место, расположены на территории древних разновременных могильников эпохи бронзы и единокультурного некрополя Тартас-1 в Новосибирской области (Ефремова и др., 2017). Подобная ситуация может быть обусловлена сакрализацией территорий древних погребальных памятников и уникальных природных объектов либо синкретизмом нескольких культовых практик. Расположенные на некрополях погребально-поминальные ритуальные комплексы обнаруживают заметную вариативность, тогда как единичные уральские горные захоронения, в том числе у скальных поверхностей с петроглифами, сами могут рассматриваться как культовые в силу уникальности и единичности подобных погребений.

В материалах поселений Западной Сибири также прослеживаются неординарные объекты, связывающиеся исследователями с духовной культурой этноса; ими могут быть как единичные предметы, так и сооружения. Функциональная направленность подобных объектов охватывает широкий сакральный диапазон – от обеспечения благоденствия общества в целом до культа предков в рамках отдельно взятой единицы социума, например, обитателей одного жилища. И здесь отличительной особенностью в большинстве случаев являются остатки жертвоприношений и неординарные артефакты.

Что же касается культовых комплексов, связанных с металлообработкой, то подобные объекты на рассматриваемых территориях еще более малочисленны. Следы бронзолитейного производства обнаруживаются на обособленных памятниках, например, на жертвенном месте Хутор Бор-1 в Омской области (Труфанов, 1983), часто подобные находки имеют место на площади других археологических объектов (см. напр., материалы Гляденовского костища, жертвенных мест Каменные палатки на Урале и др.).

Таким образом, большинство древних обществ Урала и Западной Сибири имело специфические культовые места для отправлений обрядовых действий. Согласно полученным данным, население данных регионов с древности до этнографической современности обнаружило в целом сходные религиозно-мировоззренческие традиции. Святилища чаще всего представляли собой неординарные, но естественные природные объекты. Преобладающая отрасль хозяйства могла обуславливать основную функциональную направленность культового места – обеспечение охотничьей удачи, воспроизводство поголовья скота, литье качественного металла и т.д. Анализ археологического материала Приуралья позволил предположить доминирующую роль обрядов жертвоприношения, выражающуюся в обилии различного вида святилищ-жертвенников, где особое место занимают пещерные святилища: проводившиеся параллели с Горным Алтаем, несмотря на природно-климатическое и ландшафтное подобие, не обнаружили ожидаемого сходства, на настоящий момент нам не известно здесь пещерных святилищ сопоставимых масштабов; по-видимому, размещение культовых мест в пещерах является автохтонной региональной чертой. Возможно, у древнего населения Горного Алтая преобладающей в хозяйстве являлась скотоводческая составляющая,

и, как следствие, другие типы сакральных объектов, на настоящий момент не известные. Специфика ландшафта позволила проследить сходные культовые практики, основанные на почитании священных гор.

Что же касается лесостепной и таежной зон Западной Сибири, то здесь отмечаются случаи расположения культовых комплексов на площади погребальных и поселенческих памятников. Ландшафтные особенности, в частности, отсутствие скальных поверхностей, пригодных для нанесения петроглифов, по-видимому, обусловили возникновение иного способа создания значимых визуальных образов, а именно – распространенного во многих культурах таежно-степной зоны бронзового литья (Бобров, 2004), что, в свою очередь, могло привести к определенной «мобильности» идеологических представлений в эпоху раннего железа и средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Вып. XXI. С. 241–258.

Балакин Ю.В., 1998. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука. 288 с.

Берс Е.М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. №21. М. С. 182–243.

Бобров В.В., 2004. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб. С. 309–313.

Древние и современные культовые места Алтая: сборник статей, 2011. Вып. 2. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА». 124 с.

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В., 2017. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 314–317.

Культовые памятники горно-лесного Урала / Коллектив авторов, 2004. Екатеринбург: УрО РАН. 431 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 264 с.

Труфанов А.Я., 1983. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского госуниверситета. С. 63–76.

Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала. М.: Наука. 148 с.

Технологические характеристики сарматского оружия

© 2018 В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №16–06–00051

Аннотация. Большой интерес представляют способы обработки сарматских изделий из черного металла. Авторами методом археометаллографии исследованы мечи и кинжалы из сарматских памятников разных периодов. Наиболее ярким с технологической точки зрения является период савроматской культуры. Изделия раннесарматского периода демонстрируют технологические изменения негативного характера.

Ключевые слова: сарматы, мечи и кинжалы, археометаллография, технология изготовления.

Одним из главных элементов культуры кочевников, как известно, было оружие. При этом существенная роль принадлежала клинковому оружию, от качества которого во многом зависел исход сражения.

История Южноуральских степей раннего железного века связана с одним из раннекочевых народов – сарматами. Материалы из савроматских и раннесарматских памятников демонстрируют внедрение изделий из черного металла в быт кочевников. Отсюда большой интерес представляют способы обработки нового металла на начальных стадиях его освоения. В этом плане незаменимым методом исследования является археометаллография.

Метод металлографии, заимствованный из технических наук и адаптированный для работы с археологическими артефактами, позволяет реконструировать технологию производства, оценить сырьевой материал и мастерство ремесленника. Соответственно на основании полученных аналитических данных можно говорить об уровне развития железопроизводства в конкретном культурно-историческом регионе.

Что касается кочевых племен, в частности сарматов, то проблема изучения железного инвентаря из их памятников осложняется тем, что менталитет номадов, их образ жизни не способствовали становлению в местной среде сложных производств, таких как металлургия и металлообработка, которые требовали стационарных условий работы (длительные временные затраты на получение сырья и топлива, сложные пиротехнические сооружения, набор инструмента и инвентаря и т.д.). Им приходилось довольствоваться получением ремесленной продукции у оседлого населения либо за счет торговли или обмена, либо за счет прямого грабежа, либо за счет дани.

В настоящее время мы располагаем археометаллографическими анализами 90 мечей и кинжалов из сарматских памятников VI в. до н. э. – I в. н. э., выполненными как авторами настоящей статьи, так и опубликованными другими исследователями (Б.А. Шрамко, Г.А. Вознесенская, В.Н. Порох, С.В. Рязанов).

Большинство исследователей подразделяют сарматскую историю на четыре основных хронологических периода: савроматский (скифо-сарматский), раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский.

Савроматские мечи и кинжалы представлены 29 экземплярами. Они происходят из памятников Поволжья (Саратовская и Волгоградская обл.) и Южного Приуралья (Оренбургская обл. и Башкирия). Большинство предметов

являются случайными находками и датированы по типологическим признакам.

При анализе археометаллографических данных, полученных при исследовании клинкового оружия савроматского времени, обращает на себя внимание тот факт, что при изготовлении мечей и кинжалов использовались как простые технологии (то есть ковка предметов непосредственно из сырьевого материала – железа или сырцовой стали), так и технологии, основанные на применении дополнительных операций, улучшающих качество изделия. К подобным операциям относятся разнообразные виды цементации, многослойная сварка, наварка. Такие технологические схемы зафиксированы на трети исследованных изделий этого времени (10 экз.). Для раннего железного века такие приемы можно рассматривать как высокотехнологичные. Примечательно, что большинство изделий этой технологической группы прошли термическую обработку (7 экз.).

Использование приемов цементации говорит о том, что мастера, изготовившие оружие савроматского периода, хорошо знали разнообразные приемы искусственного получения стали: сквозная цементация заготовки, цементация готового изделия. Прием цементации представлял собой сложный и длительный процесс, требовавший длительных временных затрат и расхода большого количества топлива. Суть процесса цементации (науглероживания) заключается в том, что цементируемый предмет помещается в углеродосодержащую среду (древесный и костный уголь), но при этом изолирован от доступа воздуха. Это мог быть как специально изготовленный тигель, так и просто обмазка предмета толстым слоем глины. Тигель помещался в высокотемпературную среду (порядка 900 °С) и выдерживался в течение нескольких часов (Колчин, 1953. С. 52). По данным Р. Маддина, для создания слоя стали толщиной около 4 мм требуется не менее девяти часов (Maddin, 1984, P. 8).

Многослойная сварка железных и стальных полос и наварка твердого стального лезвия на мягкую основу (железо или сырцовая сталь), зафиксированные на единичных предметах, придавали изделию дополнительную прочность при ударном действии.

Особенно примечательно использование редкой для середины I тыс. до н. э. операции – термической обработки стали при изготовлении савроматских изделий. Причем термообработка применялась исключительно в таких вариантах как мягкая закалка и нормализация. Именно эти приемы характерны для работы с высокоуглеродистой (цементованной) сталью, поскольку позволяют избежать излишней хрупкости изделия при получении твердого лезвия. Таким образом, аналитические данные свидетельствуют о том, что савроматские мечи и кинжалы являются продукцией центров с высокоразвитым производством.

Иную картину демонстрируют изделия, относящиеся к раннесарматскому (прохоровскому) этапу. Всего было исследовано 40 мечей и кинжалов раннесарматского времени, происходящих в основном с территории Южного Приуралья. Среди предметов, изготовленных с применением высокотехнологичных приемов, преобладают изделия, откованные из многослойных заготовок (7 экз.). Резко снижается доля цельностальных артефактов. Но особенно показательно незначительное количество среди прохоровских предметов термообработанных изделий (всего 2 экз.). Возрастает доля клинков, откованные целиком из железа (среди савроматских материалов они уступали мечам и кинжалам из сырцовой стали). Таким образом, в производстве сарматского клинкового оружия в IV–II вв. до н. э. наблюдается негативная динамика. Есть основание связывать это с изменением источника поступления кузнечных изделий.

Одним из структурных показателей изменения источника происхождения металла в прохоровское время служат данные о типах шлаковых включений. По данным польского исследователя Е. Пясковского, структура шлаковых включений отражает их химический состав, который, в свою очередь, зависит от состава руды, использованной при плавке (Piaskowski, 1969). Структурный анализ показал, что в раннесарматское время типы шлаковых включений резко изменяются по сравнению с предыдущими периодом (Терехова, 2011. С. 70).

Для проверки высказанного предположения о различии в составе металла савроматских и раннесарматских клинков мы провели химический анализ железных изделий указанных периодов. Определения осуществлены в лаборатории реставрации Института археологии Академии наук Чешской Республики (Прага) на рентгенно-флуоресцентном анализаторе NITON XL3t GOLDD+. Анализ выявил присутствие в заметных долях в металле таких элементов, как As, Cu, S, P, Ni, Co, Mn, Ti. Среди них диагностирующими можно считать Ni, Co, Mn, которые демонстрируют определенные различия в составе савроматского и раннесарматского металла, то есть подтверждают происхождении его из различных источников. Соответственно можно говорить и о различных центрах производства сарматских кузнечных изделий в разные хронологические периоды.

К сожалению, среднесарматский период представлен незначительным количеством анализов – всего 19 предметов. Для этого времени проанализированные клинки происходят с территории Южного Приуралья и Поднепровья. Малочисленность исследованной коллекции позволяет говорить лишь о тенденции в истории производства кузнечных изделий из сарматских памятников. Из высоких технологий используется, главным образом, многослойная сварка (6 экз.). Приемы цементации готового изделия, как и использование термообработки, встречены на единичных образцах.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что наиболее ярким с технологической точки зрения является период савроматской культуры. Именно в это время используются наиболее развитые (высокотехнологичные) приемы обработки черного металла, обеспечивавшие высокое качество клинкового оружия. Технологические изменения негативного характера демонстрируют изделия раннесарматского периода. Это проявилось в резком сокращении использования цементованной стали и термообработки. Основу высокотехнологичных операций в это время составляет многослойная (железо и сырцовая сталь) сварка. Полученные нами объективные данные свидетельствуют, что в начале раннесарматского периода меняется источник поступления изделий из черного металла в среду сарматских племен. В дальнейшем наблюдается тенденция в сохранении технологических особенностей в производстве кузнечных изделий, зафиксированных в раннесарматский период.

ЛИТЕРАТУРА

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА. №32. М.: АН СССР. 280 с.

Терехова Н.Н., 2011. Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия. СПб.: Изд-во Нестор-История. С. 67–92.

Maddin R., 1984. The Early Blacksmith // The Crafts of the Blacksmith. Belfast: the Ulster Museum. P. 7–17.

Piaskowski J., 1969. Klasyfikacja struktury wtrąceń żużla i jej zastosowanie dla określenia pochodzenia dawnych przedmiotów żelaznych // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XVII, nr. 1. S. 61–71.

Иткульские древности в подтаежной и лесостепной зоне Западной Сибири в переходное время от бронзы к железу

© 2018 О.Ю. Зимина

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол №2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект №0371–2018–0036.

Аннотация. В переходное время от бронзового к раннему железному веку иткульская культура представлена в лесостепной и подтаежной зоне Притоболья укрепленными поселениями с круговой планировкой. На исследованных поселениях Притоболья обнаружен второй тип иткульской посуды. В работе рассматриваются связи населения иткульской культуры с представителями других культур лесостепной зоны Западной Сибири и возможные причины их возникновения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тоболо-Иртышское междуречье, переходное время от бронзы к железу, иткульская культура, красноозерская культура.

Основной территорией распространения иткульской культуры традиционно считается горнолесное Зауралье, где исследователи выделяют функционировавший на ее базе Зауральский (иткульский) очаг металлургии (Бельтикова, 2005). Иткульская культура представлена двумя типами керамики (Бельтикова, 1977), первый из которых восходит к выделенной К.В. Сальниковым иткульской культуре (1961), второй – к исетской культуре, выделенной Е.М. Берс (1963). Исследования и систематизация материалов переходного времени от бронзы к железу на территории Притоболья позволили расширить ареал иткульской культуры на восток и включить в нее оригинальные укрепленные поселения с круговой планировкой и вторым типом иткульской керамики, обозначенные как восточный вариант иткульской культуры VIII–VI вв. до н. э. На территории подтаежного Притоболья удалось зафиксировать развитие восточного варианта иткульской культуры, выразившееся в материалах вак-куровского этапа VI в. до н. э. Он характеризуется аналогичными укрепленными поселениями с круговой планировкой, однако керамикой иного облика, отчасти сходной с местной баитовской, но сохраняющей отдельные черты сходства с орнаментацией иткульской посуды второго типа (Зимина, Зах, 2009).

В.А. Борзунов предлагает разделить иткульские древности Зауралья на иткульские – культуру горнолесных металлургов Зауралья с керамикой первого иткульского типа и исетские – гетерогенную культуру пришельцев и аборигенов лесного Зауралья с керамикой иткульского второго типа. От исетской культуры, ареал которой, по его мнению, простирается до среднего и нижнего течений Исети, Пышмы и Туры, исследователь предлагает отделять поселения Нижнего Притоболья. Он выделяет их в отдельную «юртоборскую культуру», а первый этап ее, который сейчас носит название «иткульский этап» восточного варианта иткульской культуры (VIII–VII вв. до н. э.), предлагает переименовать в «исетский» (Борзунов, 2014. С. 224–229). С разделением иткульской и исетской культур, скорее всего, можно будет согласиться, однако требуется детальная характеристика поселений исетской культуры. В то же время разделение комплексов с идентичной керамикой на две культуры – исетскую и юртоборскую, как предлагает В.А. Борзунов, требует более убедительного обоснования.

Так или иначе, иткульская культура с керамикой второго типа (исетская, по В.А. Борзунову) представлена на территории Притоболья довольно обширным кругом слабоукрепленных поселений с кольцевой планировкой. О том, что эти поселения связаны с Уральским регионом, свидетельствует примесь талька или шамота с тальком в тесте керамических сосудов иткульского этапа. «Затальковванность» иткульских сосудов второго типа с лесостепных и подтаежных поселений Притоболья значительно ниже, чем на Урале, и со временем она пропадает, сменяясь шамотной традицией (Зимина, Мыльникова, 2006; Зимина, Илюшина, 2016).

Восточнее р. Тобол поселения иткульской культуры не встречаются. Однако контакты иткульского населения простирались достаточно далеко на восток. Самым восточными пунктом можно назвать городище Чича 1 в Барабинской лесостепи – небольшой сосуд из жилища 2 (раскоп 1) на городище Чича 1, на мой взгляд, напоминает иткульские образцы [Чича – городище...., 2001. С. 166, Рис. 7: 1; С. 214, Рис. 56]. Посуда типично иткульского облика (второй тип) с примесью талька обнаружена при исследовании красноозерских поселений Инберень 6, Инберень 5, Новотроицкое 1. Помимо гамаюно-иткульских на этих поселениях встречены единичные экземпляры красноозерских сосудов с включениями талька в тесте, а на поселении Инберень 6 обнаружена изготовленная из талькового камня форма для отливки наконечника стрелы (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 116; Труфанов, 1991. С. 80–82). Обширные сборы «гамаюно-иткульской» керамики были получены с 6 поселений в ходе разведочных работ на берегах Крутинских озер в Ишимо-Иртышском лесостепном междуречье (Полеводов, Плешков, 1998. С. 51). На поселении Алексеевка XIX в предтаежном Прииртышье небольшая группа посуды со струйчатой орнаментацией,

невысокими отогнутыми шейками и попарно объединенными ямками, расположенными в переходной к плечику зоне, вызывает определенные иткульские ассоциации, но не содержит примеси талька, на основании чего исследователи считают ее местной (Татауров, Шерстобитова, 2008. С. 83, Рис. 7: 1, 2, 5, 7, 8).

В долине Ишима иткульская керамика второго типа и несколько шеек сосудов гамаюнской культуры с обильной примесью талька обнаружены в слое красноозерской культуры на многослойном поселении Мергень 6. В отличие от поселений Прииртышья в культурном слое поселения Мергень 6 присутствует керамика, отражающая попытки населения синтезировать формы сосудов и сочетания элементов узора иткульского и красноозерского орнаментальных канонов. В результате часть изделий керамического комплекса переходного времени от бронзы к железу на поселении Мергень 6 имеют смешанные «иткульско-красноозерские» черты. В красноозерский тип «внедрены» следующие элементы формы и орнаментации посуды второго типа иткульской культуры Притоболья: утолщение (здесь оно смещено в среднюю часть шейки); узор на поверхность сосудов нанесен преимущественно гребенчатым штампом; на шейках отмечены сгруппированные попарно ямки ромбической и овальной формы, а также горизонтальные линии в несколько рядов, нанесенные с помощью гребенчатого штампа, в некоторых случая он имитирует волнистый штамп.

Предполагалось, что лесостепное иткульское население могло выполнять посреднические функции в обменных операциях между иткульскими металлургами Урала и представителями других культур (Борзунов, 1992. С. 94; Борзунов, 2014. С. 230). Однако анализ металла восточного варианта иткульской культуры выявил кардинальные отличия по составу от аналитической выборки серий уральских производящих центров. По распределению рецептов сплавов притобольский металл более сходен с цветным металлом красноозерской, позднеирменской, предкулайской и кулайской культур, на территорию которых искусственные и естественные сплавы поступали из горно-металлургических центров Рудного Алтая и Центрального Казахстана. Как считают исследователи, практически все изделия с иткульских поселений Притоболья изготовлены из металла, полученного при посредничестве прииртышских мастерских красноозерской культуры. Только четыре изделия, изготовленные из чистой окисленной меди, могут быть связаны с уральскими производственными центрами (Кузьминых и др., 2017. С. 43). Памятники, на которых найдены изделия из чистой меди (городище Вак-Кур 2, поселение Юртоборский Мост 3, Калачик 3), относятся к VI в. до н. э. – это заключительный, вак-куровский этап восточного варианта иткульской культуры. Однако притобольская выборка малочисленна (всего 18 экз.), памятников исследовано немного, и, возможно, изделия из чистой меди раннего иткульского этапа еще не обнаружены.

Предварительно можно предположить, что по неопределенной пока причине на начальном этапе расселения в долине Тобола коллективы иткульской культуры (с керамикой второго типа) предпочитали сырье алтайских и казахстанских горно-металлургических центров. Причинами могло служить либо отсутствие возможности обеспечить технологический процесс изготовления изделий из «чистой» меди, либо «иткульцы» могли воспользоваться опытом местного населения, которое с эпохи поздней бронзы для изготовления изделий наряду с чистой медью применяло низколегированные оловянные бронзы. Оловянная лигатура поступала в лесостепное Притоболье из районов Алтая (Дегтярева, Костомарова, 2011. С. 45). Поэтому они вынуждены были искать подходящие источники сырья. В лесостепи Западной Сибири этим источником стали мастерские красноозерской культуры. Тесное взаимодействие населения двух культур маркирует присутствие типичной иткульской посуды второго типа с тальком на поселениях красноозерской культуры, а также группа керамической посуды смешанного иткульско-красноозерского облика на поселении Мергень 6. На позднем вак-куровском этапе развития восточного варианта иткульской культуры связи с Зауральским (иткульским) очагом восстанавливаются.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск: Наука. С. 103–130.

Бельтикова Г.В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 119–133.

Бельтикова Г.В., 2005. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 162–186.

Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестности. Свердловск: Кн. изд-во. 116 с.

Борзунов В.А., 2014. Гамаюнские иткульские и «гамаюнско-иткульские» древности: История изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: История, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург: Магеллан. С. 212–245.

Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В., 2011. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // ВААЭ. №1 (14). С. 30–45.

Зимина О.Ю., Зах В.А., 2009. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука. 232 с.

Зимина О.Ю., Мыльникова Л.Н., 2006. Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(28). С. 96–114.

Зимина О.Ю., Илюшина В.В., 2016. Укрепленные поселения с круговой планировкой иткульской культуры в лесостепном Зауралье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 29–39.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Тигеева Е.В., 2017. Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур Тоболо-Ишимья // ВААЭ. №4. С. 33–44.

Полеводов А.В., Плешков Е.А., 1998. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутинских озер // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та. С. 48–53.

Сальников К.В., 1961. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 1. С. 48–52.

Труфанов А.Я., 1990. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного При-

иртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. Архив кабинета археологии УрГУ. Ф. III, д. 318.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований)., 2001. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 240 с.

Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С., 2008. Городище Алексеевка XIX и некоторые проблемы территориально-хронологического соотношения красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт. С. 78 90.

Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника)

© 2018 С.Э. Зубов, Р.Р. Саттаров

Аннотация. В работе рассматриваются различные сочетания наконечников стрел по материалу изготовления из колчанов погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. По взаимовстречаемости бронзовых и железных наконечников стрел делается вывод о быстрой смене первых вторыми. Ставится под сомнение бытующее мнение о значительном запаздывании смены бронзовых наконечников стрел железными в среде пьяноборской культуры по отношению к аналогичным процессам в сарматской паноплии.

Ключевые слова: Волго-Уралье, пьяноборская культура, сарматы, предметы вооружения, наконечники стрел, хронология.

Несмотря на почти полуторавековую историю изучения пьяноборской археологической культуры, вопросы ее хронологии далеки от окончательного разрешения. Хронологическая схема пьяноборской (чегандинской) культуры В.Ф. Генинга была построена на материалах двух могильников правобережья Камы – Чеганда II и Ныргында II. Согласно этим хронологическим построениям, указанная археологическая культура существовала с III в. до н. э. по II в. н. э. Основой для датирования раннего этапа пьяноборья III веком до н. э. стала концепция о преемственности пьяноборской культуры с ананьинской. В обосновывающую часть ранней даты были положены единичные находки бронзовых наконечников стрел и восьмеркообразных застежек с неподвижным крючком (Генинг, 1970. С. 89), а также незначительная серия случайных находок (Агеев, 1992. С. 55). Несколько позднее Б.Б. Агеев уточнил раннюю дату пьяноборской культуры, омолодив ее до конца II в. до н. э. (Агеев, 1992. С. 57). Его доказательная база была построена преимущественно на наличии и (или) отсутствии бронзовых наконечников стрел в колчанных наборах, сочетании их с железными и полном господстве последних, которое, с отсылкой на работы М.П. Абрамовой и М.Г. Мошковой (Абрамова, 1959. С. 62; Мошкова, 1962. С. 81), «может быть отнесено к концу II – началу I в. до н. э.» (Агеев, 1992. С. 56).

Следует отметить, что основой для датирования комплексов пьяноборской культуры всегда являлись хронологические построения сарматских древностей, которые, в свою очередь, выстраиваются с привлечением материалов импорта (фибулы, бусы, керамика, поясная гарнитура и пр.). В научной литературе формируется мнение о полном господстве железных наконечников стрел у сармат во II в. до н. э. Так А.С. Скрипкин отмечает, что в сарматской среде к III в. до н. э. бронзовые наконечники стрел идут на убыль и совсем исчезают во II в. до н. э. (Скрипкин, 1990. С. 139, 170, 171). Сочетание бронзовых и железных наконечников стрел, по убеждению В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, отсутствует в хорошо датируемых погребениях II–I вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 65).

Однако не все исследователи-специалисты на самом деле столь категоричны. Так, М.Г. Мошкова пишет о том, что во II в. до н. э. в сарматских погребениях железные наконечники стрел, пришедшие на смену бронзовым, получают широкое распространение. Дату повсеместного господства железных наконечников стрел она устанавливает с конца II – начала I в. до н. э. (Мошкова, 1962. С. 82). По мнению А.М. Хазанова трехлопастные черешковые наконечники окончательно вытесняют бронзовые наконечники, железные втульчатые и железные трехгранные черешковые во II в. до н. э.. Начиная с I в. до н. э. только они на протяжении нескольких веков встречаются в колчанах сарматских воинов (Хазанов, 1971. С. 36). О.И. Куринских придерживается мнения, что во II в. до н. э. на юге Восточной Европы происходит вытеснение бронзовых наконечников стрел железными, а вместе с тем, втульчатой формы – черешковой (Куринских, 2011. С. 53–54), фактически дословно цитируя К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1961, С. 70).

В.Ю. Зуев считает возможным использование сарматами бронзовых наконечников стрел во II–I вв. до н. э. (Зуев, 1998. С. 149). С.В. Демиденко не находит оснований согласиться с мнением В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина о датировании III в. до н. э. погребения 5 кургана 1 из могильника Верхний Еруслан, колчан из которого сочетал бронзовые и железные наконечники стрел. Автор отметил присутствие в указанном погребальном комплексе более поздних вещей – железной пряжки с боковым выступом, бронзового котла (Демиденко, 2007. С. 49 и сл.). Кроме этого, С.В. Демиденко обращает внимание на комплексы с сочетанием бронзовых и железных наконечников стрел, где в 13 погребениях из 18 преобладают хроноиндикаторы II–I вв. до н. э. (Демиденко, 2007. С. 51).

Размытость и окончательная нерешенность вопроса о времени перехода в использовании бронзовых наконечников стрел на железные в сарматской археологии довлеет над хронологическими позициями исследователей, занимающихся изучением пьяноборских древностей.

Так, например, ранние погребения пьяноборского Юлдашевского могильника А.Х. Пшеничнюк датирует концом III в. до н. э., указывая при этом, что «о ранней дате свидетельствуют бронзовые наконечники стрел, исчезновение которых по южным памятникам хорошо фиксируется II в. до н. э.», ссылаясь при этом на работу М.П. Абрамовой (1959). По наличию в погребальных комплексах бронзовых наконечников стрел А.Х. Пшеничнюк определяет нижнюю

Табл. 1. Взаимовстречаемость наконечников стрел из погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

№ п/ п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
1	п. 27 р. I, 2014 г. (раскопки С.Э. Зубова)	31		
2	п. 16 р. 16, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)	29		
3	п. 11 р. 1, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)	27		
4	п. 6 р. II, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)	23		
5	п. 11 р. I (II), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	20		
6	п. 21 р. II, 1991 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	14		
7	п. 51 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	13		5
8	п. 1 к. 2 (к. 41), 1990 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	11		
9	п. 1 р. II, 2001 г. (раскопки С.Э. Зубова)	И		
10	п. 61 р. 1, 1997 г. (раскопки С.Э. Зубова)	9		
11	п. 15 р. 16, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)	9		
12	п. 2 р. I, 2006 г. (раскопки С.Э. Зубова)	8		
13	п. 22 р. I, 2014 г. (раскопки С.Э. Зубова).	7		
14	п. 5 р. I (Ш), 1990 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	5		
15	п. 17 р. 1, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)	5		
16	п. 56 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	5		
17	п. 5 р. II, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)	5		
18	п. 1 р. II, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)	4		
19	п. 22 р. II, 1991 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	3		
20	п. 5 (3) к. 4 (к. 51), 1991 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	3		
21	п. 3 р. I, 2006 г. (раскопки С.Э. Зубова)	3		
22	п. 20 р. 1, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)	2		
23	п. 4 р. I, 2006 г. (раскопки С.Э. Зубова)	2		
24	п. 1 к. 4 (к. 51), 1991 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	1		
25	п. 2 р. I (П), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	1		
26	п. 1 к. 1 (к. 15), 1990 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	1		
27	п. 3 р. II, 2001 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1		
28	п. 54 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	1		
29	п. 24 р. I, 2014 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1		
30	п. 13 р. 1, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1		
31	п. 62 р. 1, 1997 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1		1
32	п. 8 р. I, 2006 г. (раскопки С.Э. Зубова)	10	6-?	
33	п. 45 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	5	2	
34	п. 8 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)	5-?	20-?	
35	п. 12 р. I (II), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	5	12	5
36	п. 63 р. 1, 1997 г. (раскопки С.Э. Зубова)	4	20-?	
37	п. 5 к. 1 (к. 15), 1990 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	3	1-2-?	
38	п. 10 р. I (II), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	2	9-?	4
39	п. 33 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)	2	1	3
40	п. 44 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)	2	3	
41	п. 59 р. 1, 1997 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1	5	2
42	п. 9 р. I, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1	5	
43	п. 52 р. 1а, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)	1	2	10
44	п. 7 р. I (П), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)	1	25-?	

№ п/ п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
45	п. 22 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		25	
46	п. 37 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		20-?	
47	п. 17 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		16	
48	п. 47 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)		11 -?	
49	п. 12 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		10-?	
50	п. 6 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		5-?	
51	п. 60 р. 1а, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)		3-?	
52	п. 3 к. 1 (к. 15), 1990 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)		2	
53	п. 40 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)		2	
54	п. 23 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		1	
55	п. 25 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		1	
56	п. 27 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		1 -?	
57	п. 56 р. 1, 1996 г. (раскопки С.Э. Зубова)		1 -?	
58	п. 47 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		15	1
59	п. 50 р. 1а, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)		14-?	14
60	п. 7 р. I, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)		13	1
61	п. 37 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)		9-?	2
62	п. 44 р. II, 2001 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)		8	2
63	п. 45 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)		7	2
64	п. 54 р. 1а, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)		5-?	11
65	п. 42 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		5	6
66	п. 18 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		5-?	5
67	п. 55 р. 1, 1996 г. (раскопки С.Э. Зубова)		3	3
68	п. 8 р. I, 1992 г. (раскопки С.Э. Зубова)		2	4
69	п. 43 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)		2-?	3
70	п. 64 р. 1а, 2013 г. (раскопки С.Э. Зубова)		2	3
71	п. 41 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		2-?	1 -?
72	п. 35 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)		1	2
73	п. 16 р. I, 2012 г. (раскопки С.Э. Зубова)			11
74	п. 32 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)			7
75	п. 36 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)			5
76	п. 13 р. I (II), 1994 г. (раскопки Ф.М. Тагирова)			4
77	п. 41 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)			3
78	п. 47 р. 1, 1994 г. (раскопки С.Э. Зубова)			1
79	п. 54 р. 1, 1996 г. (раскопки С.Э. Зубова)			1
	Итого: 79 погребений с наконечниками стрел, в том числе:	с бронзовыми наконечниками стрел 44 погр.	с железными наконечниками стрел 41 погр.	с костяными наконечниками стрел 29 погр.

дату пьяноборского Уяндыкского могильника III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1986. С. 42), подтверждая таким образом мнение В.Ф. Генинга о формировании пьяноборской культуры в III в. до н. э. (Генинг, 1970).

При публикации Икского могильника авторы определили его нижнюю дату IV в. до н. э. по бронзовым наконечникам стрел и височным подвескам ананьинского облика (Ашихмина, Клюева, 1984). При этом другие исследователи совершенно иначе датируют ранние погребения могильника – II в. до н. э. (Красноперов, 2014), I в. до н. э. (Арматынская, 1988), I в. н. э. (Агеев, 1992).

Некоторые исследователи высказали предположение о значительном запаздывании у населения пьяноборской культуры смены бронзовых наконечников стрел на железные. Одним из первых исследователей, предполагающих запаздывание в использовании бронзовых наконечников стрел у населения пьяноборской культуры вплоть «до первых веков нашей эры», стал Б.Б. Агеев (1976. С. 12; Агеев, 1992. С. 56). Вслед за ним В.А. Иванов, омолаживая ран-

Табл. 2. Процентное соотношение взаимовстречаемости наконечников стрел из погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

Погребения с бронзовыми наконечниками стрел	Погребения с железными наконечниками стрел	Погребения с костяными наконечниками стрел	Кол-во погребений	% от общего кол-ва погребений с наконечниками стрел	
			29	36,7	39,2
			2	2,5	
			8	10,1	15,1
			5	6,3	
			13	16,5	36,8
			15	20,3	
			7	8,9	8,9
44	41	29	79	100 %	100 %

нюю дату пьяноборской культуры, предположил возможность значительного запаздывания использования бронзовых наконечников стрел с среде населения, оставившего памятники этой археологической культуры (Иванов, 1985. С. 95). Эту точку зрения активно поддержал А.А. Красноперов (Красноперов, 2014. С. 332). Д.Г. Бугров, отмечая аргументацию Б.Б. Агеева как не бесспорную, соглашается с такого рода запаздыванием (Бугров, 2006. С. 39–40). При этом он апеллирует к мнению А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой о функционировании бронзовых трехлопастных наконечников с выступающей втулкой «усть-полуйского типа», которые «доживают до III в. н. э., причем не в качестве вотивных «антикварных» предметов, а в составе функционирующих колчанных наборов» (Зыков, Федорова, 2001. С. 123–124, 144).

На этом фоне есть все основания рассмотреть хронологическую позицию раннего этапа пьяноборской культуры по наличию или отсутствию бронзовых наконечников стрел и сочетанию последних с железными. Тем более, что на сегодняшний день мы имеем довольно емкий и презентативный материал из раскопок одного из ранних пьяноборских памятников – Кипчаковского I курганно-грунтового могильника.

Авторы проанализировали весь комплекс доступных на сегодняшний день материалов (255 погребений), из которых были выделены 79 погребений с наконечниками стрел (Табл. 1; 2), т.е. 30,98 % от общего количества погребений. Кстати, близкие данные были получены при анализе воинских погребений Охлебининского могильника кара-абызской культуры, в 178 погребениях которого были обнаружены наконечники стрел, т.е. 28,03 % от общего количества (635) погребений (Зубов, 2012. Табл. 1. С. 110).

Следует сразу обратить внимание на наличие достаточно представительного блока погребений (31) с бронзовыми наконечниками стрел и такого же блока с железными наконечниками стрел (28). Сочетание как бронзовых так и железных наконечников стрел с костяными наконечниками мы сейчас не рассматриваем, хотя можем наблюдать интересную картину, при которой костяные наконечники получают наибольшее распространение при появлении железных наконечников стрел.

Между ними располагается небольшая группа могил, в колчанах которых присутствовали и бронзовые и железные наконечники стрел – 13. Планиграфически эти могилы расположены узкой полосой между погребениями северной и центральной части могильника с бронзовыми наконечниками стрел и погребениями южной части могильника с железными. Особенно показательно это на раскопе I. Исключение представляет только погребение 52 (раскоп Ia, 2013 г., раскопки С.Э. Зубова), в котором сочетались 1 бронзовый, 2 железных и 10 костяных наконечников стрел. Планиграфически эта могила располагается среди погребений I в. н. э. Близкая ситуация с погребением 16 Юлдашевского могильника, которое по сопровождающему инвентарю датируется I веком н. э. (Агеев, 1992. С. 74). Вместе с тем, исследователи-сарматологи отмечают существование в среднесарматское время единичных экземпляров бронзовых наконечников стрел в качестве амулетов (Клепиков, 2000. С. 99).

По данным М.Г. Мошковой процесс смены материала изготовления наконечников стрел у сармат Нижнего Поволжья был активнее по сравнению с Приуральем. Бронзовые и железные наконечники стрел в одном колчане составляют 28,6 % от числа всех погребений III–II вв. до н. э. с бронзовыми наконечниками стрел. В сарматских памятниках Башкирии и Приуралья аналогичное соотношение составляет 50 %, где, по мнению М.Г. Мошковой, «процесс замены бронзовых втульчатых наконечников железными черешковыми происходил ... постепенно в силу избытка того и другого сырья» (Мошкова, 1962. С. 82). Сочетание в колчанах бронзовых и железных наконечников стрел (13) в Кипчаковском могильнике от его общего числа погребений с бронзовыми наконечниками стрел (44) составляет 29,5 %. Меньший процент таких пьяноборских колчанов по сравнению с колчанами из наиболее близких сарматских памятников кроется, на наш взгляд, в заимствовании уже готовых технологических схем изготовления железных наконечников стрел, в то время как сарматам требовалось больше времени на внедрение и повсеместное использование новых образцов дистанционного оружия.

Количественные значения совместно встреченных наконечников стрел в колчанах захороненных воинов Кипчаковского могильника также говорит о быстрой смене – погребений, где бронзовых наконечников стрел в колчане больше чем железных, только 4, а в обратной пропорции – 9. На этом основании мы склонны считать, что особенности развития сарматского дистанционного оружия самым непосредственным образом отразились на военном деле пьяноборского населения и переход в использовании кипчаковским населением наконечников стрел от бронзовых

к железным был достаточно быстрым. Анализ всего массива материалов могильника позволяет предполагать этот переход примерно в течение двух поколений, ориентировочно с середины I в. до н. э.

Считаем возможным согласиться с исследователями сарматских древностей, определяющими время перехода от использования бронзовых наконечников стрел железными рубежом II–I вв. до н. э., и о времени полного господства железных наконечников стрел у сарматов лишь с I в. до н. э. У пьяноборского населения смена на железные наконечники стрел произошла в середине – второй половине I века до н. э., повсеместно утвердившихся к началу I в. н. э.

Таким образом, материалы Кипчаковского I могильника дают возможность рассматривать комплекс вооружения пьяноборского населения, который чутко реагировал на изменения в сарматской паноплии и адаптировался к общеевразийским тенденциями в системе военных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П., 1959. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. №1. С. 52–71.

Агеев Б.Б., 1976. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа. С. 9–12.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.

Арматынская О.В., 1988. Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья: межвузовский сборник научных статей. Ижевск: Удмуртский ГУ. С. 31–42.

Ашихмина Л.Н., Клюева Г.Н., 1984. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Вятско-Камского междуречья. Ижевск. С. 44–53.

Бугров Д.Г., 2006. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье // Дис. ... канд. ист. наук. Казань. 221 с.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмурдского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Свердловск–Ижевск. 260 с.

Демиденко С.В., 2007. Об одном из аспектов «проблемы III в. до н. э.» в сарматской археологии // РА. 2007. С. 48–54.

Зубов С.Э., 2007. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа. Изд-во: «Гилем». С. 72–88.

Зубов С.Э., 2012. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. Вып. 12. Уфа: Гилем. С. 108–123.

Зуев В.Ю., 1998. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции. СПб. С. 143–149.

Зыков А.П., Федорова Н.В., 2001. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ. 175 с.

Иванов В.А., 1985. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев. С. 85–99.

Клепиков В.М., 2000. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н. э. // НАВ. Вып. 3. Волгоград. С. 97–107.

Красноперов А.А., 2014. Погребение №28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. АЕС. Вып. 20. Казань: Отечество. С. 331–351.

Куринских О.И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережнего Илека IV–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. №3. С. 42–54.

Мошкова М.Г., 1962. О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89. М. С. 77–82.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 299 с.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. №101. М. 162 с.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.

Кинжалы раннесарматского облика с территории сакской культуры Притяньшанья

© 2018 С.С. Иванов

Аннотация. В статье рассматриваются находки железных кинжалов раннесарматского облика с территории сакской культуры Притяньшанья. Детально разбирается их хронология и типологические особенности в контексте взаимосвязей с синхронными культурами сопредельных территорий. На основе этого делается вывод, что кинжалы этого типа появляются в этом регионе преимущественно в результате контактов с каменской культурой Лесостепного Алтая и в меньшей мере под воздействием сарматского мира Поволжья и Южного Приуралья.

Ключевые слова: ранние кочевники, сакская культура Притяньшанья, кинжалы.

К настоящему времени из ареала сакской культуры Притяньшанья[1] происходит порядка девяти экземпляров короткоклинкового оружия раннесарматского облика, что составляет порядка 20 % от всей совокупности известных здесь кинжалов.

Территориально кинжалы раннесарматского облика распределяются достаточно равномерно: три экземпляра происходят из равнинных предгорных районов, столько же – из Кетмень-Тюбинской долины Западного Тянь-Шаня и еще два экземпляра – из высокогорных районов Внутреннего Тянь-Шаня.

Все привлекаемые нами для анализа кинжалы изготовлены их железа. За основу их классификации мы берем наиболее значимые и изменчивые во времени признаки, такие как навершие и перекрестие, в зависимости от формы которых соответственно выделяются группы и типы.

Группа 1. С прямым навершием.

Тип 1.Спрямым перекрестием.

На территории Притяньшанья имеется три кинжала этого типа. Первый экземпляр был найден в к. 6 мог. Акчий-Карасу в Кетмень-Тюбинской долине на Западном Тянь-Шане (Ташбаева, 2011. С. 68–69, Рис. 60: 1) (Рис. 1:

7), второй – в к. 22 мог. Куренкей II на Внутреннем Тянь-Шане[2] (Рис. 1: 3) и третий – в погребении 3 к. 116 мог. Каратума в Семиречье (Байпаков и др., 2016. С. 408, Рис. 194, Табл. II: 22)[3] (Рис. 1: 6).

Датировка кинжалов этого типа в целом укладывается в рамки IV–III вв. до н. э. на основании особенностей сопроводительного инвентаря погребений, где они были обнаружены. Для кинжала из Каратумы это косвенно подтверждается радиоуглеродными датами, полученными из близко расположенных захоронений (Байпаков и др., 2016. С. 668).

Кинжалам с прямыми навершием и перекрестьем из Притяньшанья имеется значительный круг аналогий из раннесарматских погребений Поволжья и Южного Урала (Смирнов, 1961, Рис. 7: 12; Мошкова, 1963. С. 34, Табл. 18: 19; Клепиков, 2002. С. 28–29, Рис. 2: 13–16; 2007. С. 54, Рис. 1: 29, 30, 2: 8). Очень близкие кинжалы встречаются на территории культур скифского типа Лесостепного и Горного Алтая IV–II вв. до н. э. (Кубарев, 1981. С. 30–42, Рис. 2: 13, 8:4; Могильников, 1997. С. 46, Рис. 47: 4; Шульга, 2007. С. 144. Рис. 2: 20, 21[4]).

В целом аналогии подтверждают и отчасти уточняют хронологию кинжалов группы 1 из Притяньшанья, которая в целом может быть определена в пределах IV–III вв. до н. э.

Группа 2. С серповидным навершием.

Тип 1. С дуговидным перекрестием.

С территории сакской культуры Притяньшанья известно два кинжала рассматриваемого типа: один происходит из к. 12 мог. Джал-Арык II в Кетмень-Тюбинской долине (Западный Тянь-Шань) (Кожомбердиев, 1977. С. 13, Рис. 3: 2; Ташбаева, 2011. С. 68, Рис. 59: 2) (Рис. 1: 2), второй был найден при случайных обстоятельствах в Чуйской долине (Рис. 1: 1).

Типологически очень близка к рассматриваемым кинжалам рукоять длинного меча из кургана Иссык, датированная IV в. до н. э. Близкие кинжалы известны также в других районах Средней Азии. В частности, относительно сходный экземпляр зафиксирован в к. 9 могильника Памирская I на Восточном Памире (Литвинский, 1972. С. 117, Табл. 40: 6), отнесенный также к IV в. до н. э.

В значительном количестве аналогичные кинжалы и мечи известны из раннесарматских погребальных памятников Поволжья и Южного Приуралья, где они относятся к IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 26–27, Рис. 7: 9–11; Мошкова, 1963. С. 33. Табл., 18: 10; Клепиков, 2002. С. 27–28. Рис. 2: 6–10). Сходный экземпляр также происходит с территории Горного Алтая, где он датирован также IV в. до н. э. (Кочеев, 1995. С. 133–135. Рис. 1: 2).

Таким образом, рассмотренные кинжалы с серповидным навершием и дуговидным перекрестием из Притяньшанья можно отнести к IV, с возможным заходом в III в. до н. э.

Тип 2. С прямым или слабо изогнутым перекрестьем.

К этому типу с территории распространения сакской культуры Притяньшанья относятся два кинжала. Первый был найден в к. 2 мог. Боз-Тектир в Кетмень-Тюбинской долине (Западный Тянь-Шань) (Ташбаева, 2011. С. 68–69, Рис. 60: 3) (Рис. 1: 5), а второй был обнаружен в к. 270 мог. Берккара в Семиречье (Бабанская, 1956. С. 206, Табл. VIII: 1)(Рис. 1: 6).

Данные кинжалы могут быть датированы в рамках IV–III вв. до н. э. В пользу этого также свидетельствует ряд находок сходных кинжалов как в синхронных культурах Средней Азии и Казахстана, так и за их пределами. Близкие кинжалы были найдены в Исфаринской долине в Приферганье (Негматов, 1987. С. 53–54, Рис. 3), Согде (Обельченко, 1978. С. 116–117, Рис. 1:2), единичные их находки имеются в Центральном и Северном Казахстане (Кадырбаев, 1968. С. 25–30, Рис. 1:30).

В большом количестве кинжалы с прямым перекрестием и различными вариантами серповидного и рожкового наверший происходят из раннесарматских памятников Поволжья и Южного Урала, где они широко использовались в пределах конца IV – начале I в. до н. э. (Мошкова, 1963. С. 34, Табл. 18–19; Клепиков, 2002. С. 29–30, Рис. 2: 17–32). Однако наибольшее сходство кинжалы из Притяньшанья обнаруживают с ранними аналогами из данных регионов.

Отдельные находки сходных подобных кинжалов известны также в Западной Сибири, а также в Лесостепном Алтае (Шульга, 2007, Рис. 2: 9).

Итак, кинжалы с серповидным навершием и прямым или же слабо изогнутым перекрестьем из Притяньшанья следует отнести к ранней их разновидности и датировать в пределах IV–III вв. до н. э.

К кинжалам раннесарматского облика относятся также еще два экземпляра, которые сохранились частично, и поэтому их типологическая позиция не совсем ясна – из к. 7. мог. Джал-Арык II (Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань) (Ташбаева, 2011. С. 68–69, Рис. 60: 2) (Рис. 1: 8) и из к. 19 мог. Куренкей II на Внутреннем Тянь-Шане.

Дополнительным аргументом в пользу датировки IV–III вв. до н. э. целого ряда образцов короткоклинкового оружия из Притяньшанья является наличие у них так называемых эллипсоидных рукоятей (Иванов, 2011).

Подобные рукояти существовали в степях Евразии ограниченный период. Они известны у кинжала и меча из кургана Иссык IV в. до н. э. в Семиречье (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978. С. 28–30, Табл. 23–24). Рукоять этого типа имеется у одного кинжала из Бактрии, отнесенного Б.А. Литвинским к концу IV–III вв. до н. э., но ниже отмечает, что склоняется к концу предложенной даты (2001. С. 207, 244–245, 248, Табл. 58: 5).

Ряд кинжалов с эллипсоидными рукоятями отмечены также на территории каменской культуры в Лесостепном Алтае, где они датируются к IV – началом III в. до н. э., с возможным заходом также в V в. до н. э. (Могильников, 1997. С. 43–46, Рис. 37: 3, 5, 6; 8, 39: 5; Шульга, 2007. С. 147, Рис. 2:10). Отдельные их экземпляры известны из Горного Алтая (Кочеев, 1995. С. 132, Рис. 1: 2) и Тувы (Семенов, 2003. С. 28, Табл. 32: 23).

Единичные мечи и кинжалы с подобными рукоятями происходят с территории распространения раннесарматской культуры в Южном Приуралье (Смирнов, 1961. С. 26–27, Рис. 7: 11; Мошкова, 1963. С. 34, Табл. 18: 9, 11), а также из Зауралья (Смирнов, 1961. С. 25, Рис. 5: 5; Мошкова, 1974. С. 25–26, Рис. 5: 9), где они датируются IV–III вв. до н. э.

В связи с этим обращает на себя внимание, что рукояти подобного облика не отмечены на клинковом оружии из других регионов Средней Азии, за исключением Притяньшанья, Приферганья (Исфаринская долина) и Бактрии. Примечательно также, что среди многочисленных изображениях клинкового оружия на ритуальных статуях воинов

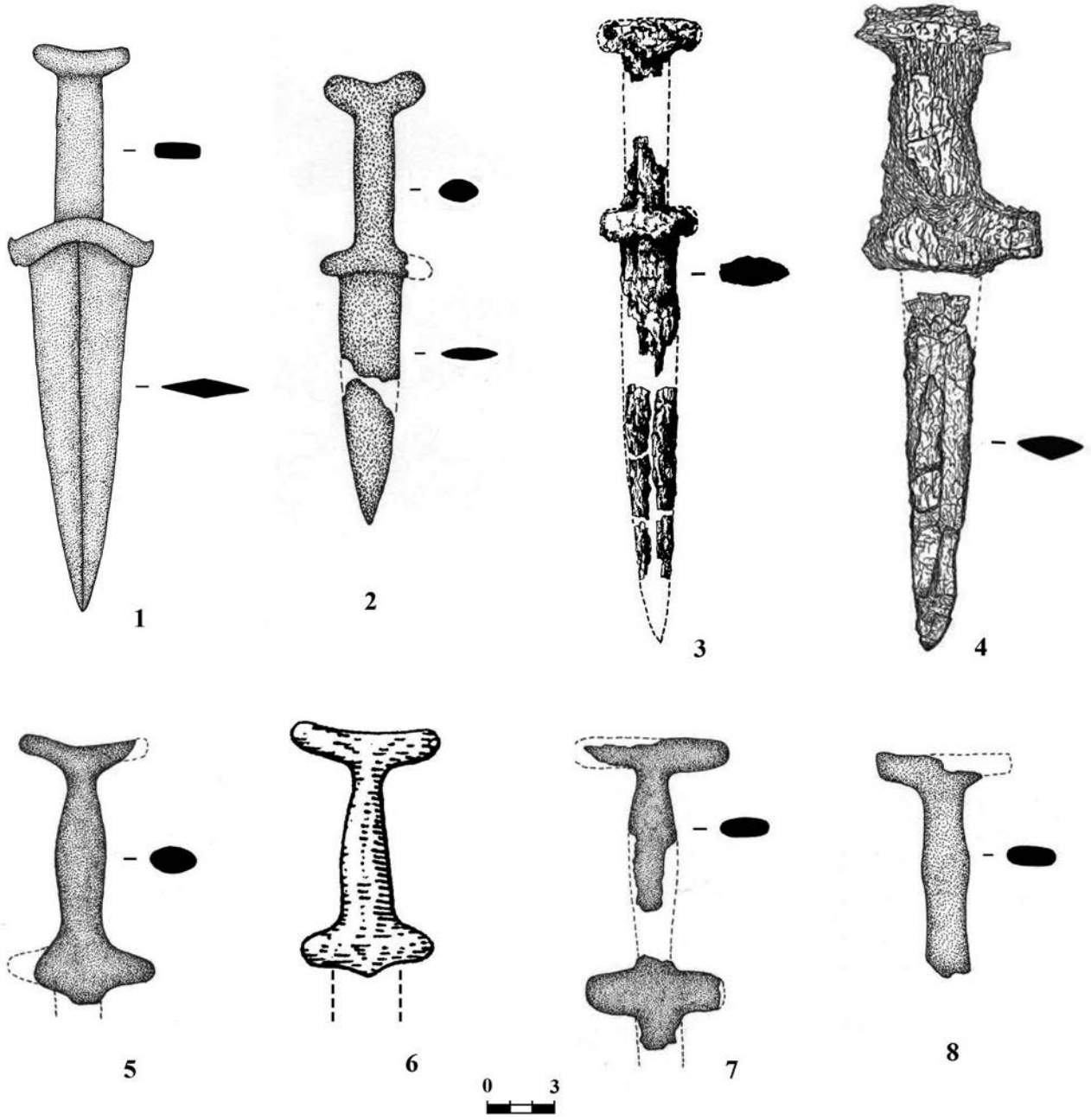


Рис. 1. Кинжалы раннесарматского облика из Притяньшанья.
1 – Чуйская долина; 2, 5, 7, 8 – Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань; 3 – Внутренний Тянь-Шань; 4, 6 – Семиречье.

типа Байте в Арало-Каспийском регионе отмечен всего один случай, где на кинжале четко прослеживается эллипсоидная рукоять (Ольховский, 2005, Илл. 151). По причине этого создается впечатление, что кинжалы с такого типа рукоятями характерны для Притяньшанья, откуда они проникают в соседние области – Приферганье и Бактрию.

Все изложенное выше позволяет высказать ряд соображений об особенностях появления и распространения кинжалов раннесарматского типа в Притяньшанье. По-видимому, клинковое оружие проникает сюда не позднее начала IV в. до н. э., скорее, в результате тесных контактов с близкородственной каменской культурой Лесостепного Алтая, нежели вследствие прямого взаимодействия с сарматским миром, занимавшим к этому времени и часть запада Средней Азии (Арало-Каспий, Согд). В пользу этого говорит наличие у значительной части сакского клинкового оружия эллипсоидных рукоятей. В то же время на западе Средней Азии – Арало-Каспии, Согде – раннесарматские кинжалы распространялись непосредственно из Южного Приуралья и отчасти Зауралья, и решающую роль сыграло продвижение племен сарматского культурного круга на юг.

Итак, именно различными путями проникновения можно объяснить некоторые локальные различия между короткоклинковым оружием сарматского облика IV–III вв. до н. э. в Средней Азии и прилегающих районах Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ранее для ее обозначения чаще всего использовалось название «культура саков Семиречья и Тянь-Шаня». Но по мере выявле-

ния ареала данной культуры нами было предложено для нее наименование культуры саков Притяньшанья.
[2] Раскопки А.К. Абетекова.
[3] Несмотря на то, что его публикаторы указывают, что тип перекрестья данного кинжала определить затруднительно, на приводимых ими фотографиях сразу же после его расчистки в погребении вполне хорошо просматривается широкое прямое перекрестие (Байпаков и др., 2016, С. 408, фото 579, 580). Причем, двумя страницами ранее они указывают, что данный кинжал имел перекрестие именно этого облика (С. 406).
[4] П.И. Шульга с осторожностью высказался о наличии кинжалов этого типа в лесостепном Алтае, поскольку во всех приводимых случаях перекрестие сильно разрушено (2007, С. 144).

ЛИТЕРАТУРА

Бабанская Г.Г., 1956. Берккаринский могильник // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во Казахской ССР. С. 189–206.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В., 2016. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы. 672 с.

Кадырбаев М.К., 1968. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука. С. 21–36.

Клепиков В.М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. 216 с.

Клепиков В.М., 2007. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 51–57.

Кожомбердиев И.К., 1977. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе: Илим. С. 9–24.

Кочеев В.А., 1995. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. №1. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 133–135.

Кубарев В.Д., 1981. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. С. 29–54.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука. 272 с.

Литвинский Б.А., 2001. Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература. 530 с.

Могильников В.А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. М. 195 с.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1–10. М.: Изд-во АН СССР. 55 с.

Мошкова М.Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука. 52 с.

Негматов Н.Н., 1987. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука. С. 49–55.

Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Советская археология. №4. С. 115–127.

Ольховский В.С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука. 299 с.

Семенов Вл.А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение. 240 с.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. №101. М.: Изд-во АН СССР. 168 с.

Ташбаева К.И., 2011. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим. 274 с.

Шульга П.И., 2007. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 142–156.

Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника)

© 2018 О.А. Казанцева

Аннотация. В статье рассматривается защитное вооружение древнего населения на примере коллекции предметов индивидуальной экипировки из Кудашевского I могильника (III–V вв.). Представлена общая характеристика вещей в погребениях, морфология (шлемы, бармицы, панцири, кольчуги), обозначены аналогии, указаны пути проникновения довольно редких предметов защитного снаряжения на территорию Среднего Прикамья.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, III–V вв., могильник, предметы индивидуального защитного снаряжения.

Кудашевский I могильник расположен на территории одного из южных районов Пермского края в бассейне р. Тулвы, левого притока р. Камы. Памятник исследуется стационарно, датируется III–V вв. и связан с событиями эпохи Великого переселения народов.

Изучение защитного вооружения воинов по погребальным комплексам Кудашевского I могильника уже имеет определенную историю. В публикациях автора были представлены общие сведения о социальной структуре древнего населения, оставившего Кудашевский I могильник и об экипировке воинов (Казанцева, 2014. С. 18–113; Казанцева, 2017. С. 443–444). Анализировалось погребение тяжеловооруженного всадника, среди вещей которого были обнаружены средства для индивидуальной защиты головы, шеи и торса человека (Казанцева, Нагиев, 2017. С. 73–90).

Картографирование индивидуальных защитных доспехов в погребальных комплексах на территории могильника позволяет отметить следующее. В курганной части памятника между курганами №1 и №3 располагаются грунтовые могилы (семь погребений), в которых содержатся предметы защитного вооружения. В грунтовой части таких погребений насчитывается пять. Разницы в категориях предметов вооружения в могилах грунтовой и курганной части нет. Компактного расположения таких погребений на территории памятника не прослеживается, все они размещаются в разных рядах.

В могилах предметы защитного вооружения располагаются следующим образом: шлемы и бармицы в пределах головы человека (погр. 5, 6 – справа от головы, погр. 7, 24, 160 – слева от головы), кольчуга в области груди (погр. 2)

и тела (погр. 6, 24), панцири в области предполагаемых ног (погр. 6, 160, 328). Исключением является шлем из погр. 129, который был уложен в ногах умершего. В погребении фиксируется от одной (погр. 10) до трех единиц (погр. 6) защитного вооружения.

Практически все погребения с предметами индивидуальной защиты, за исключением погр. 2, сопровождаются металлическими мечами (рукоять которых оформлена халцедоновыми дисками или «рюмкообразными» серебряными навершиями). В таких случаях защитное снаряжение принадлежало не рядовым воинам, судя по составу инвентаря, а военачальникам, которые выполняли важную роль при боевых действиях.

Интересен сюжет о встречаемости в могилах с защитным вооружением металлических «кос-горбуш» (Казанцева, 2017. С. 74–83). «Косы-горбуши» обнаружены в наборе с предметами вооружения (шлемы) как без конской упряжи (погр. 5, 68), так и с конской упряжью (погр. 7, 24) (Казанцева, 2017. С. 76). Встречены в погребальных комплексах «косы-горбуши» с удилами, шлемом и кольчугой (погр. 24), с удилами (погр. 5, 7), шлемом с бармицей и наконечниками копий (погр. 68). Следовательно, «косы-горбуши» были одинаково необходимы конным и пешим воинам, имеющим защитное вооружение.

Полная индивидуальная защита человека (шлем с бармицей, кольчуга, или доспех на тело) отмечена лишь в двух погребениях (погр. 129, 160). В погр. 6 обнаружен шлем, кольчуга и панцирь. В погр. 273 – шлем и фрагмент панциря ламеллярного типа. В основном предметы предназначены для защиты головы (шлемы), шеи (бармицы), головы и шеи, а также тела – торса человека (кольчуги, наборный доспех, панцири).

Погребения с предметами защитного вооружения представлены 12 (3,4 %) комплексами, происходящими из 352 (100 %) могил памятника. По составу инвентаря наборы предметов с защитным вооружением «представляют» определенные категории воинов (вождей пеших и конных групп воинов, тяжеловооруженных всадников, лучников-стрелков).

По морфологии предметы представляют собой шлемы, бармицы, шлемы с бармицами, кольчуги, панцирь и один доспех. Состояние большинства предметов удовлетворительное, но вещи сильно коррозированы.

Шлемы встречены двух видов на памятнике: один ажурный (каркасный), остальные цельнолитые. Ажурный (каркасный) шлем (погр. 160) имел наносник, лицевая часть предмета была украшена бронзовыми накладками (Казанцева, Нагиев, 2017. С. 77).

Цельнолитые шлемы имеют сфероконическую форму (погр. 5, 7, 10, 24, 68, 129, 273). Один из них (погр. 273) имел с внутренней стороны предмета фрагменты ткани.

Шлемы с бармицами (погр. 34, 68, 129, 160). В погр. 160 под шлемом были найдены фрагменты железной бармицы традиционного плетения (одно кольцо в четыре соседних, диаметр колец 0,7–0,8 см, толщина 0,15–0,2 см). Бармица была свернута полукругом, что соответствует ее расположению при использовании шлема в жизни и свидетельствует о ее прямом назначении – защищать шею воина от опасности в бою. Остальные бармицы имеют размер колец 0,8 см, сечение их круглое.

Шлемы в погребениях памятника, практически в половине случаев из известных, сопровождались железными мечами с металлическими или каменными навершиями (погр. 6, 10, 34) или без них – два случая (погр. 5, 7).

Все кольчуги встречены в свернутом виде и судить об их морфологии не представляется возможным. Доступна лишь информация о плетении изделий. В погр. 6, 34, 273 диаметр металлических колец составляет 1,2 см, толщина 0,3 см, сечение круглое. В погр. 328 диаметр колец в пределах 0,8 см, сечение круглое.

Доспех из погр. 160 покрывал грудь и плечи, спина, судя по всему, не была закрыта металлическими пластинами (использовался мягкий материал – кожа или текстиль). Определенным дополнением доспеха служил, вероятно, кожаный пояс с бронзовой пряжкой, который фиксировал доспех на человеке. На уровне предположения можно рассуждать о системе застежек металлического доспеха. Спекшиеся с металлом отдельные фрагменты ткани на оборотной стороне предмета свидетельствуют о наличии органического подклада, кусочки дерева о системе крепления. О креплении доспеха свидетельствуют бронзовые пряжки и фиксаторы-зажимы для регулировки ремней (Казанцева, Нагиев, 2017. С. 80).

Предмет из погр. 6, вероятно, представляет собой не что иное, как панцирь из наборных металлических прямоугольных пластин, размером 6×4 см, толщиной до 0,2 см. Общий размер предмета в полевых условиях составлял 65×35 см. Фрагмент панциря, размером 20×15 см, состоящий из пластин ламеллярного типа найден в погр. 328. Размер пластин неполной формы – 6–16 × 2–2,5 см, толщина 0,2 см.

Защитные доспехи изготовлены из металла (железо, отмечены элементы бронзовых накладок на шлеме из железных пластин) с применением кожи, ткани и дерева, используемых в качестве подклада или соединительных деталей.

Таким образом, предметы индивидуальной защиты выполняли основную практическую роль – защищали тело человека, обеспечивали безопасность в бою. Логично, что чаще всего сохраняли голову (10 шлемов), из них только в одном случае мягкие ткани лица – нос. Голову и шею с боков и сзади закрывали гораздо реже (четыре шлема с бармицей – погр. 34, 68, 129, 160), в одном случае – грудь и плечи (погр. 160), в шести случаях грудную клетку защищали кольчугой (погр. 2, 6, 24, 129, 273, 328).

Кроме основной функции защитного вооружения, отметим и статусную роль некоторых вещей. Так, в погр. 160 был найден ажурный (каркасный) шлем, который для боя вряд ли был пригоден. Любопытно, что в составе погребального инвентаря могилы наконечников стрел нет, следовательно, предполагалось, что воин не будет пользоваться луком и стрелами, так как он был конным воином, вооружен железным мечом и копьем. Шлем был не только частью обмундирования воина, но и одновременно символом власти умершего человека – вождя военного отряда (Казанцева, Нагиев, 2017. С. 85–86).

Предметы индивидуальной защиты позволяют проследить определенную иерархию отряда воинов (Казанцева, 2014. С. 111). Использовали индивидуальные предметы защиты только профессиональные воины. По вещевым комплексам отмечены пешие (три погребения) и конные, которые определены по наличию удил в могиле (пять погребений). Интересно, что в погр. 273 в составе инвентаря

найден металлический шлем и восемь наконечников стрел (плоские, трехлопастные), вероятно, перед нами древний стрелок. Такие же находки, но с меньшим количеством стрел обнаружены в погр. 129 (три наконечника стрелы), погр. 68 (один наконечник стрелы). В погребальных комплексах с защитным вооружением, наряду с железными удилами, обнаружены колчанные крючки (погр. 7, 10, 24, 160), шесть наконечников стрел разной формы (погр. 328), что является свидетельством того, что их обладатели могли быть конными лучниками.

Время бытования защитных доспехов в погребальных комплексах памятника – IV–V вв. Дата погребения 160, содержащего ажурный (каркасный) шлем, железный доспех из пластин ламеллярного типа, меч, втульчатый наконечник копья соответствует концу IV – началу V в. (Казанцева, Нагиев, 2017. С. 86).

Аналогии предметам защитного вооружения имеются в погребальных комплексах могильников Прикамья середины I тыс. н. э. (Волков, 1996. С. 407–410). Обнаружены металлические шлемы и панцири в материалах Тарасовского могильника (Зыков, 2016. С. 223–225). Фиксируется защитное вооружение в погребениях могильников бассейна р. Вятки (Ошибкина, 2010. С. 45–46).

Металлические изделия для защиты человека в военных действиях свидетельствуют не только об их редкости, индивидуальности, уникальности, ценности таких предметов в среде воинов древнего общества, но и об импортном характере изделий для территории Среднего Прикамья. По материалам Кудашевского I могильника защитные доспехи для военного отряда могли поступать двумя путями – как с запада – Иран, так и с востока – Алтай.

ЛИТЕРАТУРА

Волков С.Р., 1966. Погребения со шлемами в Камско-Вятском междуречье IV–V вв. н. э. // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyvaskyla. P. VII. Litteratura. Archaeologia&Antropologia. С. 407–410.

Зыков А.П., 2016. Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 223–225.

Казанцева О.А. К вопросу о социальной структуре населения Кудашевского I могильника (по результатам гендерного анализа) // Вестник УдГУ. Серия 5: История и филология. Вып. 3. Ижевск, 2014. С. 108–113.

Казанцева О.А., 2017. Экипировка воинов в Среднем Прикамье (по материалам могильников I–V вв. бассейна Тулвы) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / Мин-во образования и науки РФ, АлтГУ. Барнаул: АлтГУ. 443–444.

Казанцева О.А., 2017. Металлические «косы-горбуши» в могильнике Кудашевский I // Вестник Пермского университета. История. №1 (36). С. 74–83.

Казанцева О.А., Нагиев З.Ш., 2017. Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике // Поволжская археология. №2 (20). С. 73–90.

Ошибкина С.В., 2010. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–V вв. Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН. 212 с.

Новые краниологические данные по материалам сарматских памятников Приуралья

© 2018 Е.П. Китов, Ю.О. Капинус

Работа выполнена по проекту РНФ №18–18–00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа»

Аннотация. Работа посвящена исследованию серии черепов, происходящих из восьми могильников Оренбургской области и характеризующих физический облик раннесарматского населения IV–II вв. до н. э. По итогам анализа можно отметить, что краниологические комплексы изученной группы очень близки суммарной серии Волго-Уральского региона и не выбиваются из общей картины представления о физическом облике ранних кочевников региона.

Ключевые слова: краниология, ранний железный век, Приуралье, ранние кочевники.

В процессе работы с антропологическими коллекциями с территории Оренбургской области было изучено 26 черепов из могильников: Бердянка, Кардаилово I, Медведка, Нижняя Павловка, Привольное I, Пятилетка, Тамар-УткульVII и VIII[1]. Все погребения относятся к раннесарматскому периоду и датируются IV–II вв. до н. э. (Мещеряков, 1996; Моргунова, 1996; Краева, 1999; Моргунова, Мещеряков, 1999; Краева, Богданова, 2000; Халяпин, Моргунова, 2005; Моргунова и др., 2017; Евгеньев, 2017).

По итогам анализа средних краниометрических данных, полученных при исследовании как мужской, так и женской сборной серий, можно отметить, что они близки другим сериям бассейна реки Урал синхронного времени. Мужская серия небольшая (6 черепов), но мы можем охарактеризовать ее, как брахикранную с широкой и средневысокой черепной коробкой средней длины. Лобная кость широкая. Лицевой скелет широкий, в вертикальной плоскости мезогнатный. Орбиты широкие, средневысокие, по указателю хамэконхные. Нос средневысокий, среднеширокий, по соотношению размеров мезоринный. Носовые кости сильно выступают относительно вертикальной плоскости лицевого скелета. Переносье среднеширокое и высокое. В горизонтальной плоскости лицевой скелет немного уплощен на обоих уровнях.

Сборная женская серия брахикранная с очень широкой и средневысокой черепной коробкой средней длины. Лобная кость широкая. Лицевой скелет широкий, в вертикальной плоскости мезогнатный. Орбиты широкие, средние по высоте, по указателю мезоконхные. Нос узкий и средневысокий, по соотношению размеров мезоринный. Носовые кости слабо выступают по отношению к вертикали лица. Переносье среднеширокое и высокое. В горизонтальной

плоскости лицевой скелет немного уплощен. Как в мужской, так и женской выборке наблюдаются повышенные показатели дисперсии по сравнению со среднемировыми данными. В серии присутствуют черепа, которые по ряду признаков занимают крайнее положение в категориях размеров. Кроме того, в женской серии отдельные черепа характеризуются монголоидными чертами, происхождение которых, вероятно, связано с лесостепными и таежными территориями Зауралья и Западной Сибири.

На ряде мужских черепов выявлены следы прижизненных травм военного характера, нанесенных рубящим и тупым оружием (на мужском черепе из мог. Кардаилово I, к. 10 п. 4 в лицевом отделе зафиксирован наконечник стрелы, травма произошла при жизни, задолго до смерти индивида). В одном случае у индивида из могильника Буланово на затылочной и правой теменной костях фиксируется трепанационное отверстие подтреугольной формы размерами около 3 см по всем сторонам с облетерированными краями. Наличие компрессионных трещин со следами прижизненного их срастания может свидетельствовать о посттравматическом ее характере. На материалах ранних кочевников Волго-Уральского региона трепанации встречены редко, что может свидетельствовать об отсутствии широкого применения традиции трепанирования как в погребальных практиках, так и для лечения в среде сарматских племен. Однако подобные практики все же встречаются (Китов, Мамедов, 2014; Перерва, 2017).

Сравнивая исследуемые нами антропологические материалы можно отметить, что они очень близки суммарной серии Волго-Уральского региона или точнее бассейна реки Урал (Китов, Мамедов, 2014) и не выбиваются из общей картины представления о физическом облике ранних кочевников региона.

Ранее уже неоднократно упоминалось, что ранние кочевники региона неоднородны, но, несмотря на большую территорию расселения, отмечалось определенное морфологическое сход¬ство между ними. Подобная точка зрения была и при анализе археологических данных – о существовании в Южном Приуралье единой культуры с VI по II в. до н. э. Тем не менее в физическом облике населения не вызывает сомнений наличие «восточных» элементов, которые часто соотносятся с монголоидными. Такая примесь обычно фиксируется исследователями на европеоидной основе. Причем удельный вес монголоидного компонента существенно выше в женской части выборки, чем в мужской, в промежутке времени от VI до I в. до н. э., достигая пика в IV–III вв. до н. э., что мы можем наблюдать и в изученной нами серии.

Можно предположить, что в сложении антропологических особенностей населения участвовал высоколицый степной компонент с уплощенными, несколько разнесенными в стороны скуловыми костями. Это особый степной антропологический тип (условно его можно было бы именовать «степной казахстанский»), который складывается в степной части Азии еще в эпоху энеолита – бронзы (Хохлов, Китов, 2013; 2014). Подобный морфологический субстрат прослеживается непрерывной линией сквозь эпохи в степной полосе современной территории Казахстана.

Также можно предположить, что на протяжении IV–III вв. до н. э. происходило смешение брахикранного, широколицевого, с большим углом выступания носа европеоидного населения с пришлыми брахикранными монголоидными группами с малой высотой лица, также характеризуемыми широколицестью с малым выступанием носовых костей. Так, в женской серии наиболее отчетливо в IV–III вв. до н. э. отражается присутствие черепов монголоидного облика лесостепного и, возможно, таежного происхождения с территории Зауралья и Южной Сибири. При этом сопровождающий инвентарь при первом рассмотрении не выбивается из общей схемы культурного многообразия, представленного в могильниках ранних кочевников степной полосы Волго-Уралья и Западного Казахстана.

Формирование кочевого населения на территории смешения антропологически разных степных групп (носителей культурных традиций срубной и андроновских культур) и групп уралоидного облика лесостепного и лесного происхождения на территориях Приуралья и Зауралья могло привести к морфологически специфическому облику населения на территории этой контактной зоны. Надо отметить, что контактная территория смешения срубных и алакульских племен в эпоху бронзы занимает огромную площадь Приуралья и Зауралья и доставляет много хлопот при выявлении степени участия слагающих компонентов в эпоху бронзы. При этом фиксируются и особенности по линии Север – Юг, по степени участия разных групп в составе двух больших культур (общностей) – срубной и алакульской (Китов, 2007). По мнению А.А. Хохлова, важную роль в становлении физического облика населения, возможно, следует отвести группам древнеуральской антропологической формации (Хохлов, 1996), которые, по всей видимости, начинают проникать в степную полосу еще в эпоху неолита – энеолита. Можно предположить, что данные группы все же являлись изолятами и сформировали свои морфологические особенности в лесной полосе Зауралья и Приуралья, дуффузионно распространяясь в лесостепную и степную полосы Евразии. Уралоидное население имеет особенности физического облика, который часто по краниометрическим характеристикам можно охарактеризовать как европеоидный с элементами монголоидности. При смешении его со степными группами, что часто фиксируется в группах эпохи бронзы (наиболее ярко выражено в синташтинско-петровское время эпохи бронзы), можно отметить доминирование особенностей уралоидного комплекса над «степным». Вероятно, такой алгоритм смешения действовал на протяжении ряда столетий применительно к различным группам населения степи и лесостепи, что осложнялось сменой типа хозяйствования со скотоводческого на кочевой, а также климатическими изменениями.

В итоге подобных разнонаправленных во времени последствий генетического смешения разных групп населения при мозаичном распределении ряда краниометрических признаков могла сформироваться основа населения, имеющая широкую черепную коробку с широким средневысоким лицом, с большим выступанием носа (Яблонский, 2012).

Рассматривая травмы на черепах исследуемой серии, необходимо отметить их прижизненный характер и военную направленность, при отсутствии травматических повреждений летального характера, что может косвенно свидетельствовать об отсутствии военных конфликтов на территории распространения кочевников «савромато-сарматского» облика – в долине реки Урал. Однако количество оружия, зафиксированного как в мужских погребениях, так и в женских, свидетельствует о милитаризованном характере общества. Вероятно, военные конфликты проходили за пределами территории их кочевания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выражаем благодарность А.А. Хохлову за возможность работать с антропологическими материалами из хранения Волго-Уральского Центра палеоантропологических исследований Самарского государственного социально-педагогического университета

ЛИТЕРАТУРА

Евгеньев А.А., 2017. 40 лет оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности // АПО. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 4–26.

Китов Е.П., Мамедов А.М., 2014. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 352 с.

Китов Е.П., 2007. Предварительное сообщение по новым краниологическим материалам из могильников срубной культуры Южного Урала (XVII УАС, г. Екатеринбург) // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург-Сургут: Магеллан. С. 143–144.

Краева Л.А., 1999. Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 176–190.

Краева Л.А., Богданов С.В., 2000. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 168–179.

Мещеряков Д.В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 44–67.

Моргунова Н.Л., 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 8–43.

Моргунова Н.Л., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Краева Л.А., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., 2017. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у с. Нижняя Павловка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 174–190.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В., 1999. «Прохоровские» погребения Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.

Перерва Е.В., 2017. Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. С. 111–122.

Халяпин М.В., Моргунова Н.Л., 2005. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Актобе. С. 116–129.

Хохлов А.А., Китов Е.П., 2012. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // ВААЭ. №1. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 64–71.

Хохлов А.А., 1996. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. №1. М. С. 121–141.

Хохлов А.А., Китов Е.П., 2014. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии. Самара: СГСПУ. С. 132–142.

Яблонский Л.Т., 2012. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус. 216 с.

Металл культур раннего железного века Урала – модели производства

© 2018 С.В. Кузьминых, А.Д. Дегтярева

Аннотация. В савроматской археологической культуре были выработаны достаточно прогрессивные модели производства с четко прослеживаемой корреляцией: тип изделия – химический состав металла – технология с использованием легированных сплавов. Иткульская культура – культура горняков и металлургов; была изначально ориентирована на горное дело, металлургию и металлообработку с выплавкой окисленной меди гумешевских месторождений.

Ключевые слова: Урал, древняя металлургия, эпоха раннего железа.

В эпоху раннего железа на Урале складываются различные модели металлопроизводства у населения иткульской и савроматской археологических культур. Иткульская культура – культура горняков и металлургов; базовая фракция культуры (иткульский или зауральский очаг металлургии, по Г.В. Бельтиковой) была изначально ориентирована на горное дело, металлургию и металлообработку. Основная масса изделий из меди и бронзы найдена здесь в производственных объектах и святилищах. Металл ранних кочевников Южного Урала и Западного Казахстана происходит главным образом из погребений.

Аналитическая выборка савроматского металла Западного Казахстана (36 экз.) отобрана из погребений знати – жриц и вождей (Бесоба, кург. 4, 5, 8, 9, 11; Сынтас, кург. 3) (Kadyrbaev, 1981; Кадырбаев, 1984). Это бляхи, пронизи, детали конской упряжи, наконечники стрел, зеркала. Методы исследования – металлографический, спектральный полуколичественный, микрорентгеноспектральный анализы (ИА РАН, ТюмНЦ СО РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова).

Металл могильников неоднороден по химическому составу и представлен в основном сплавами (91,7 %). Доминируют в выборке Sn-бронзы (15 экз.; 41,6 %) и Sn+As-бронзы (8 экз.; 22,2 %), единичны As-бронзы (11,1 %) и комплексные сплавы с лигатурой Cu+Sn+Pb (5,6 %) и Cu+Sn+Pb+As (5,6 %). Из сложнолегированных

сплавов с примесью серебра (Ag 5,5–10 %) изготовлены пронизь (Cu+Sn+Ag) и распределитель уздечных ремней (Cu+Sn+Pb+As+Ag). Серебро добавлялось для придания красивого серебристого цвета предметам конской упряжи. Из «чистой» меди отлиты 3 наконечника стрел (8,3 %).

Примеси олова в изделиях варьируют от 0,4 до 31 %. Наиболее высокое содержание Sn выявлено у зеркал. У пронизей и уздечных распределителей оно доходило до 22 %, у наконечников стрел – до 20 %. Точность определения содержания олова засвидетельствована микрорентгеноспектральным анализом и микроструктурными данными. Содержание мышьяка невысокое (0,3–3,2 %). В пяти случаях зафиксирована заметная концентрация свинца (2–5 %).

Прослеживается определенная корреляция между типом изделия и химическим составом металла. Зеркала, псалий, большая часть пронизей и уздечных распределителей изготовлены только из Sn-бронзы с высоким содержанием олова (до 31 %). Именно эти предметы, вероятно, относились к числу престижных. Их отливка требовала определенной унификации с соблюдением заданной рецептуры сплава. Бляхи изготовлены как из Sn-, так и Sn+As-бронзы. При отливке наконечников стрел особых предпочтений не наблюдалось.

В базе данных савроматского металла Оренбуржья, опубликованной Т.Б. Барцевой (1981. Рис. 11), приведены результаты спектрального анализа 193 предметов. Ею выделены три рецепта сплавов – оловянные бронзы (33,2 %), «чистая» медь (28 %), мышьяковые бронзы (24,4 %). Остальные малочисленны: Cu+Sn+Pb— 6,7 %, Cu+Sn+As – 4,1 %, Cu+Sn+Pb+As – 3,6 %. По данным Т.Б. Барцевой (1981. С. 89–91), в скифском металле Днепровского Левобережья доминировали сплавы Cu+Sn и Cu+Sn+Pb при почти полном отсутствии рецепта Cu+Sn+As. У северных соседей савроматов – иткульская, ананьинская (Верхнее и Среднее Прикамье), караабызская, гороховская и саргатская культуры – при отливке орудий и оружия использовалась «чистая» медь, а украшений – сплавы с лигатурой олова, свинца, мышьяка и цинка.

Сопоставляя распределение металлургических групп в РЖВ в Западном, Центральном, Восточном и Северном Казахстане, нетрудно заметить доминирование Sn- и Sn+As-бронз с незначительной долей остальных сплавов. Распространение здесь практически одинаковой рецептуры сплавов предполагает наличие общих источников главных легирующих компонентов – Sn и Sn-As на территории Сары-Арки и Рудного Алтая. При этом металл могильников Бесоба и Сынтас менее однороден за счет наличия As-бронз, «чистой» меди, сплавов Cu+Sn+Pb и Cu+Sn+Pb+As. Подобное разнообразие, очевидно, связано с расположением могильников на стыке Европы и Азии, вблизи со скифскими и северокавказскими очагами металлообработки, откуда могла поступать бронза с высоким содержанием свинца. В РЖВ через земли савроматских племен проходил трансъевразийский путь торговли металлом, сложившийся еще в позднем бронзовом веке.

О разработке алтайских месторождений в I тыс. до н. э. свидетельствует и локализация памятников этого периода в зоне рудников. Так, могильник Измайловка, поселение Новошульбинское IX (с керамикой финала ПБВ и РЖВ) находятся на территории Вавилонского рудного поля Рудно-Алтайского горно-металлургического центра с комплексными полиметаллическими рудами (Берденов и др., 2004; Штелльнер и др., 2009). Именно Рудно-Алтайский ГМЦ в ПБВ и РЖВ являлся основным поставщиком как Sn+As-, так и Sn-бронзы на север (до Нижнего Приобья), запад и северо-запад (до Волго-Камья) по речным системам Иртыша, Ишима, Оби и сухопутным трансъевразийским маршрутам торговли и обмена металлом.

Результаты металлографического анализа свидетельствуют о доминировании литейных технологий у савроматов. При изготовлении уникальных блях, пронизей, псалия с изображениями верблюдов, баранов, хищников, головы птицы использовалось литье по утрачиваемым восковым моделям, заформованных в одноразовые глиняные формы. Сами модели также получали отливкой в жестких формах с последующей проработкой деталей изображений стилусом. Отмечено очень точное качественное литье с последующей заполировкой поверхности мягкими абразивными материалами. Распределители уздечных ремней, ворворки, колесико отлиты в двусторонних литейных формах со вставными вкладышами для получений отверстий.

В технологии изготовления наконечников стрел особой избирательности в выборе сплавов не наблюдается. Использовали Sn+As-, Sn-, As-бронзы, а также «чистую» окисленную медь. Олово вводили в расплав как в низких концентрациях, так и в высоких (до 18–20 %), мышьяк содержался только в низких (0,3–3 %). Все исследованные наконечники стрел – литые, без кузнечной доработки. Формы зачастую были металлическими. Свидетельством тому игольчатая и чрезвычайно дисперсная структуры, характерные для ускоренного затвердевания сплава в металлических изложницах (Равич, 1983. С. 138, 139). На материал форм указывает измельченность дендритной структуры с ячейками, не превышающими 10–20 микрон, с включениями, различаемыми только при больших увеличениях ×500–1000, а также достаточно высокие показатели микротвердости металла. В курганах 5 (колчан 2) и 11 могильника Бесоба обнаружены стрелы, отлитые из «чистой» меди, вероятно, иткульского происхождения (3 экз.).

Достаточно редкие технологии выявлены в результате микроструктурного исследования зеркал. Круглые зеркала с боковой ручкой (3 экз.) получены литьем из высоколегированной Sn-бронзы (Sn 27–31 %) в односторонних формах с плоской крышкой с последующей горячей ковкой в узком интервале 520–700 °С, с заключительным нагревом до 700 °С, после чего следовала закалка в воду. Температура плавления сплавов, содержащих олово выше 28 %, находится в пределах 750 °С, поэтому при термообработке этих бронз важно не превысить этот рубеж (Равич, 2004. С. 72). Проанализированные образцы – наиболее ранние в группе зеркал, изготовленных по этим уникальным технологиям. Большая их группа происходит из более поздних могильников прохоровской и саргатской культур (Мошкова, Рындина, 1975; Равич, 2004; Апостол, 2012). Относительно происхождения данной технологии существует несколько мнений. Н.В. Рындина считает, что этот сложнейший прием термообработки и закалки в среде ранних кочевников связан с достижениями металлообработки античного мира благодаря контактам с греческими причерноморскими мастерскими (Мошкова, Рындина, 1975. С. 128).

Таким образом, исследование цветного металла могильников Бесоба и Сынтас показало, что в савроматской археологической культуре были выработаны достаточно прогрессивные модели производства с четко прослежи-

ваемой корреляцией: тип изделия – химический состав металла – технология. Так, все сакрально значимые предметы – бляхи с изображениями животных, фигурные пронизи с головами баранов и птиц, распределители уздечных ремней, зеркала с длинными боковыми ручками, часть наконечников стрел изготавливали из традиционных сплавов – оловянных и оловянно-мышьяковых бронз. Доминирующей схемой получения изделий оставалось литье по утрачиваемой восковой модели, литье в односторонних, двух- или трехстворчатых формах (зачастую металлических) со вставными вкладышами. Специальные высокопрофессиональные режимы термообработки и закалки зафиксированы при изготовлении зеркал с концентрациями Sn 27–31 %.

Судя по многообразию сплавов в бронзовом инвентаре илекских могильников, расположенных в самом центре трансъевразийских торговых путей, слитки или готовые изделия поступали сюда из кавказских, скифских и иткульских центров. Основные векторы историко-металлургических контактов савроматских племен прослеживаются с ГМЦ Рудного Алтая и Центрального Казахстана, откуда поступало олово – драгоценная лигатура древности.

Однако главными поставщиками меди к ранним кочевникам Южного Урала и Западного Казахстана были их северные соседи – горняки и металлурги иткульской культуры. Зауральский металлургический очаг был в РЖВ одним из крупнейших производителей меди в Северной Евразии. В отличие от металлообработки ранних кочевников в иткульском очаге использовали иную модель организации производства – он был ориентирован на выплавку «чистой» окисленной меди с модернизацией технологических процессов плавки богатейших залежей малахита Гумешевского рудника, находящегося в эпицентре гнезда иткульских производственных поселков. Судя по аналитическим данным, для облегчения переработки окисленной руды и раскисления меди использовалась совместная плавка окисленных и сульфидных руд. Результаты спектрального анализа образцов иткульской меди показали достаточно высокие (до 1,6 %) примеси железа, а данные МРСА – наличие сульфидов. При плавке руды не происходила полная ошлаковка посторонних примесей (твердые растворы системы Cu_2S – FeAsS), что и было обнаружено при металлографическом и микрорентгеноспектральном исследовании. Добавки сульфидов повышали жидкотекучесть меди, устраняли негативное влияние закиси меди наряду с повышением твердости металла (Кузьминых, Дегтярева, 2017). Ведущей металлургической группой (88 % всей выборки) для уральских литейщиков была «чистая» медь. Легированные изделия составляют лишь 12 % выборки с наиболее представительными группами Sn-бронз и сплавов Cu+Sn+As, Cu+As (6,5; 3,2; 0,8 %).

В химико-металлургическом плане наибольшее сходство с иткульским проявляет металл прохоровской и частично савроматской археологических культур (Барцева, 1993), караабызской (Кузьминых, 1983. С. 51), гороховской и саргатской (Кузьминых, 2009, Рис. 5), а также таежных культур ананьинского мира (Кузьминых, 1983). Орудия и оружие здесь также в основном отлиты из «чистой» меди. Но при изготовлении украшений, культовых и иных категорий предметов предпочтение отдавалось Sn- и Sn+As-бронзам, а также латуни. В целом иткульская медь – как сама продукция (наконечники стрел, ножи, котлы и др.), так и сырье – являлась базовой для металлообработки лесостепных и степных культур Западной Сибири (от Урала до Ишима) и Приуралья. Часть иткульской меди, несомненно, поступала и в Прикамье.

Используя архаичную и достаточно трудоемкую технологию, сопряженную с достижением более высоких температур при плавке по сравнению с легированными бронзами, иткульские металлурги с целью раскисления меди модернизировали технологию добавлением сульфидов в медный расплав. Огромные запасы окисленных медных минералов на Гумешевском и других медных рудниках и использование сульфидов в качестве раскислителей меди исключили для уральских металлургов острую необходимость обменных операций по доставке олова и искусственных бронз, хотя последние использовались, но в крайне ограниченных масштабах.

В эпоху раннего железа у древнего населения Урала сложились разные модели цветной металлообработки. Специфика самих моделей определялась местом металлопроизводства в системе жизнеобеспечения аборигенного населения горно-лесных районов и их степных соседей, характером сложившихся между ними производственных и социальных отношений. Свой отпечаток накладывала технологическая замкнутость, изолированность сообществ горняков и металлургов Урала, а, с другой стороны, контроль номадов над стратегически важным перекрестком торговых путей обеспечивал приток готовых изделий и сырья для металлообработки савроматской и прохоровской культур.

ЛИТЕРАТУРА

Апостол Л.Н., 2012. Металлические зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимья // Человек и Север: антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 82–84.

Барцева Т.Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука. 126 с.

Барцева Т.Б., 1993. Сарматский металл с территории Нижнего Дона (по материалам Донской экспедиции 1975–1978 гг.) // Вестник Шелкового пути: археологические источники. Вып. 1. М. С. 90–123.

Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А., Кущ Г., 2004. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Уральск. С. 154–170.

Кадырбаев М.К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 84–93.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука. 257 с.

Кузьминых С.В., 2009. О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 202–212.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., 2017. Металлопроизводство иткульской культуры Среднего Урала (по аналитическим данным) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 16–33.

Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследования) // Очерки технологии древнейших производств. М.: На-

ука. С. 117–133.

Равич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. Вып. 8 (38). М.: Искусство. С. 136–143.

Равич И.Г., 2004. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. М. С. 67–76.

Штелльнер Т., Самашев З., Черни Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хауптман А., 2009. Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Маргулановские чтения 2008. Караганда. С. 228–236.

Kadyrbaev M.K., 1981. Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum Heft. Bd. 27. S. 29–37.

Исследования II курганного могильника у села Имангулово 2-е в 2017 году (предварительные результаты)

© 2018 Л.В. Купцова, Е.А. Купцов, А.А. Евгеньев, П.В. Харламов

Работа выполнена в рамках реализации проекта Министерства образования и науки РФ 33.1389.2017/ПЧ

Аннотация. В публикации представлены предварительные итоги исследований, проведенных в ходе полевого сезона 2017 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции на II курганном могильнике у села Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области.

Ключевые слова: сарматская культура, каменные конструкции, жертвенные комплексы, воинские и жреческие погребения, коллективное ярусное погребение.

Летом 2017 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции были проведены раскопки II КМ у с. Имангулово 2-е, продолжившие исследования 2010 и 2011 гг. (Евгеньев, 2017. С. 20–21). В 2017 г. были раскопаны насыпи №№3, 8, 10, 12. Современные размеры курганов составляли: №3 – 11,0×0,5 м, №8 – 16,0×0,3 м, №10 – 16,0×0,8 м, №12 – 10,0×0,15 м (Купцова, 2018).

Под насыпью *кургана №3* выявлено 3 погребения.

Двухъярусное коллективное погребение №1 было совершенно в центральной части кургана, в простой яме округлой формы размерами 2,15×2,7 м. Погребение первого (верхнего) яруса полностью разрушено (вероятно, в результате ограбления). Судя по сохранившимся черепам, здесь было захоронено не менее трех человек (№№1–3). Среди фрагментов человеческих костей встречены останки животных. Другие находки отсутствовали.

Нижний ярус представлял собой погребение двух воинов. Костяки (№№4 и 5) располагались в позе «всадников» вытянуто на спине, головой на юг. Нижний ярус перекрывался каменной выкладкой в форме кольца.

Погребенного №4 сопровождал инвентарь: железная кольцевая пряжка с боковым выступом, железный колчанный крюк, деревянный сосуд со следами ремонта, сложный по конструкции колчан подпрямоугольной формы (кожаный мешок с двумя отделениями-карманами, помещенный внутрь плетеной из мелких веточек корзины). В карманах колчана находились 27 стрел, снабженных бронзовыми втульчатыми наконечниками и 1 цельнодеревянная стрела.

С погребенным №5 были положены два колчана со стрелами. Колчан, помещавшийся у левой ноги покойного, по конструкции аналогичен колчану, сопровождавшему костяк №4, и отличается от него только количеством карманов. В трех его отделениях выявлено 27 наконечников стрел, из которых 23 представлены бронзовыми втульчатыми, а остальные – железными экземплярами (3 черешковые и 1 втульчатый наконечники).

Колчан, помещенный за головой покойного, имел иную конструкцию. Судя по расположению наконечников стрел, он представлял собой узкий футляр цилиндрической формы, чуть более широкий в верхней части и сужающийся к низу. В колчане располагались 1 бронзовый втульчатый и не менее 15 железных черешковых наконечников стрел, снабженных древками.

В головах погребенных встречены два скопления костей МРС, среди которых находились фрагменты двух железных черешковых ножей. Погребения относятся к раннесарматской культуре.

Погребение 2, выявленное на периферии северо-западного сектора, за пределами насыпи сарматского кургана, содержало погребение ребенка и сосуд срубно-алакульского облика.

Погребение 3 – безынвентарное захоронение подростка, лежавшего вытянуто на спине, головой на юг в очень узкой и неглубокой яме.

Насыпь *кургана №8* была повреждена старым арыком. Перед началом раскопок в ней фиксировались отдельные бессистемно лежавшие камни. Под насыпью выявлено два парных женских погребения с детьми, пустая яма подквадратной формы, лежащий в анатомическом порядке скелет КРС (определение Н.В. Росляковой) и несколько жертвенных комплексов. Инвентарь жертвенных комплексов представлен золотыми серьгами в виде колец в полтора оборота с припаянным проволочным цилиндрическим блоком, железными браслетами, фрагментами круглого бронзового зеркала с утолщенным валиком по краю диска и деревянной конусовидной рукоятью, конской упряжью, фрагментами двух плоских каменных жертвенников-алтариков без опоры с геометрическим орнаментом на бортике.

В перекрытом каменным панцирем центральном погребении кургана №1, совершенном в неглубокой, округлой формы яме, выявлены костяки женщины и ребенка, лежавшие вытянуто на спине, головой на юг и сопровождавшиеся богатым инвентарем. У шеи женщины зафиксированы бусы из сердоликового оникса, агата и мела, бронзовое проволочное кольцо в несколько оборотов на фалангах пальцев левой руки, игольник, орнаментированное алебастровое биконическое пряслице, плетеный из прутиков, с кожаным мешком внутри колчан с 44 бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел.

У головы скелета ребенка выявлен небольшой керамический сосуд, у правого бедра – бронзовая ворворка, вдоль левой руки располагался железный акинак с бабочковидным перекрестьем и прямым брусковидным навершием. Бронзовые наконечники стрел в количестве 17 штук, по всей видимости, некогда лежавшие в колчане, расчищены на реберных костях.

В погребении также присутствовали развалы двух орнаментированных сосудов и богатая напутственная пища в виде значительного количества костей лошади и МРС.

Погребение 2, совершенное в подбойной яме, также содержало парное захоронение женщины с ребенком, лежавших вытянуто на спине, головой на юг. Инвентарь женщины представлен двумя бронзовыми височными подвесками в полтора оборота, железными браслетами в полтора оборота на костях рук, бусами, фрагментами бронзового зеркала с рукоятью, кожаным мешочком с черной краской и деревянной иглой, бронзовым колесиком-амулетом, чашечкой из панциря черепахи и керамическим сосудом с примесью талька. Судя по набору инвентаря, это могила жрицы – «татуировщицы».

В насыпи *кургана №10* встречены развалы двух лепных круглодонных сосудов, один из которых представлял собой кувшин. В кургане выявлено единственное погребение с характерным воинским инвентарем. Костяк располагался вытянуто на спине, головой на юг в узкой яме подпрямоугольной формы с закругленными углами. В западной стенке могильной ямы была вырыта подбойная ниша, в которой, вдоль левой ноги покойного, помещался сопровождающий погребальный инвентарь. Здесь находились остатки узкого колчана из кожи или коры с 13 стрелами, снабженными железными черешковыми трехлопастными наконечниками, железный меч длиной 89 см без металлического навершия и перекрестия, два сосуда, подвеска-амулет из просверленного клыка крупного хищника, а также напутственная пища в виде костей животных.

Курган №12 содержал единственное погребение ребенка, совершенное в неглубокой яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии ЮВ–СЗ. Покойный располагался в положении вытянуто на спине, головой на север. Сопровождающий инвентарь представлен небольшим круглодонным с прямой шейкой неорнаментированным сосудом и округлой бусиной из прозрачного синего стекла, украшенной шестью слоисто-щитковыми сине-белыми глазками.

Таким образом, все исследованные курганы были сооружены в эпоху РЖВ кочевниками различных этапов сарматской культуры Южного Приуралья.

Нижний ярус погребения 1 кургана 3 по погребальному обряду и инвентарю (сочетание наконечников стрел, колчанный крюк, железная кольцевая пряжка с боковым выступом) предварительно может быть датирован второй половиной IV в. до н. э. (Мошкова, 1963. С. 31, 40. Табл. 25; Мышкин, 2010. С. 266–267, 276. Рис. 4: 14).

Вследствие отсутствия погребального инвентаря и значительной степени разрушения, культурно-хронологическая интерпретация захоронения верхнего яруса погребения 1 кургана №3 значительно затруднена. Тем не менее, по стратиграфическим наблюдениям и наличию костей животных, можно предположить, что оба этих захоронения, очевидно, являются хронологически очень близкими погребальными сооружениями, оставленными одной группой кочевников.

Погребение 2, датируемое эпохой поздней бронзы, вероятно, было грунтовым. Возможно, сооружение данного комплекса связано с поселением срубно-алакульской культуры, расположенном в 100 м к югу от исследуемых курганов (Евгеньев, 2011. С. 21–23).

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности погребения 3 кургана №3 на данный момент остается открытым.

По погребальному обряду и инвентарю (керамические сосуды и сочетание предметов вооружения) погребение 1 кургана №8 предварительно датируется концом V – первой половиной IV в. до н. э. (Мошкова, 1963. С. 27, Табл. 9: 1,4; Скрипкин, 2007. С. 47–48, Рис. 3: 1–6).

Исходя из стратиграфии кургана, анализа погребального обряда и инвентаря (железные браслеты с заходящими концами, керамика с тальком), очевидно, что погребение 2 совершено немного позднее, но тоже в рамках IV в. до н. э. (Клепиков, 1998. С. 30; Лылова, 2001. С. 129; Краева, 2008. С. 38).

Погребения курганов 10 и 12, хронологически являются наиболее поздними из исследованных в 2017 г.

Погребение 1 кургана №10 по погребальному обряду и сочетанию предметов вооружения предварительно может быть датировано I в. до н. э.

Северная ориентировка костяка ребенка из погребения 1 кургана 12 и округлая бусина из прозрачного синего стекла, украшенная шестью слоисто-щитковыми сине-белыми глазками (тип 52 вариант А по классификации Е.М. Алексеевой) позволяют отнести данное погребение к позднесарматскому этапу сарматской культуры Южного Приуралья и датировать его II в. н. э. (Алексеева, 1975. С. 64, Табл. 16: 84).

Таким образом, в ходе проведения археологических работ на II курганном могильнике у с. Имангулово 2-е в 2017 г., был получен разнообразный материал, позволяющий расширить наши представления о материальной культуре населения различных этапов сарматской культуры Южного Приуралья. В дальнейшем исследование этого памятника планируется продолжить.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука. 121 с.

Евгеньев А.А. Отчет о проведении археологической разведки в Александровском, Переволоцком, Сакмарском, Октябрьском, Тоцком районах Оренбургской области в 2010 г. по Открытому листу №89 // Архив археологической лаборатории ОГПУ. II-132/2011.

Евгеньев А.А., 2017. 40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности // АПО. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 4–26.

Клепиков В.М., 1998. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н. э. // НАВ. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. С. 29–32.

Краева Л.А., 2008. Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. С. 36–39.

Купцова Л.В., 2018. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Второе Имангулово в Октябрьском районе Орен-

бургской области в 2017 г. по Открытому листу №846 // Архив археологической лаборатории ОГПУ (в печати).

Лылова Е.В., 2001. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI – IV вв. до н.э // АПО. Вып. V. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 126–137.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1–10. М.: Изд-во АН СССР. 56 с.

Мышкин В.Н., 2010. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII – I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территории. М.: ТАУС. С. 262–279.

Скрипкин А.С., 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII – IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. С. 38–50.

Памятники раннего железного века в Северном Прикамье

© 2018 Д.А. Майстренко, С.Н. Коренюк

Аннотация. В данной статье кратко описываются памятники, содержащие слои ананьинского и гляденовского времени. Цель данной статьи показать распространение и особенности памятников раннего железного в Северном Прикамье.

Ключевые слова: ранний железный век, ананьинская культура, гляденовская культура, Северное Прикамье.

Северное Прикамье находится в зоне средней и северной тайги в бассейне р. Камы выше впадения в нее рек Косьвы и Иньвы.

Основой хозяйства на этой территории являлась комплексная промысловая деятельность, включающая в себя охоту, рыболовство и собирательство. Основа хозяйства не претерпевала существенных изменений на протяжении эпохи бронзы и РЖВ (Мельничук, Майстренко, 2010. С. 114). Территория Северного Прикамья является контактной зоной населения бассейнов Камы, Печоры и Вычегды.

В настоящее время в Северном Прикамье известно 28 памятников, содержащих находки РЖВ, которые относятся к ананьинскому (IX–III вв. до н. э.) и гляденовскому времени (II вв. до н. э. – V вв. н. э.). Наиболее многочисленная и изученная группа памятников располагается на севере Пермского края и юге Республики Коми в окрестностях Чусовского озера и на реке Колве: всего 12 памятников. В бассейне р. Вишеры известно 4 памятника. Центральный район бассейна р. Камы представлен 5 памятниками. Наименее изученные памятники находятся в бассейнах рек Весляна и Коса.

Большая часть памятников являются поселениями, расположенными на берегах рек или старичных образований на первой надпойменной террасе. Исключения – ананьинский слой стоянки на камне Подбобыка и ананьинская стоянка на стрелке мыса средневекового Эсперова городища. Также стоит отметить, что большая часть исследованных раскопками поселений и стоянок многослойные и содержат слои более раннего и позднего времени. Объекты на поселениях представлены остатками построек, открытыми очагами и комплексами для плавки цветного металла.

Находки ранней стадии ананьинской культуры (IX–VIII вв. до н. э.) встречены на следующих памятниках: поселения Молог I, Васюково I и II, Ораловское озеро II; стоянки Чирва II, Поздеевское озеро I, Базов Бор. На Васюковском II поселении В.П. Денисов в 1964–66 гг. раскопал 10 построек раннеананьинского поселка, окруженного канавой (Коренюк, Майстренко, 2013. С. 67–76). На поселении Ораловское озеро II в 2009–2010, 2014 годах исследовано 2 постройки (раскопки Д.А. Майстренко, 2009, 2014; А.Ф. Мельничук 2010), в очаге одной из них встречены предметы металлообработки цветного металла. Особенно примечательно это поселение тем, что оно является однослойным памятником, содержащим крестовую, шнуро-гребенчатую керамику и кремневые орудия в одном комплексе (Майстренко, Мельничук, 2015. С. 37–52). Очень близка к этому керамическому комплексу раннеананьинская керамика поселений Молог I и Васюково II.

Находки средней стадии ананьинской культуры (VII–V вв. до н. э.) представлены материалами со стоянок Базов Бор, Поздеевское озеро I, Чирва II, поселений Васюково I и II, Вилисово I, Усть-Уролка I, Ларевка I, Огурдино I.

В 1962 году на поселении Вилисово I Ю.А. Поляков выявил остатки 10 очагов, два из которых использовались для плавки меди или бронзы, об этом свидетельствуют находки тиглей, медных капель и предметов, ошлакованной керамики. Этим объектам сопутствовала среднеананьинская керамика VI–V вв. до н. э., аналогичная Огурдинскому I поселению и стоянке Базов Бор (Бадер, 1960. С. 151–159).

Находки поздней стадии ананьинской культуры (IV–III вв. до н. э.) встречены на поселениях Васюково I и II, Огурдино I и стоянках Чирва II, Поздеевское озеро I, Базов Бор, Подбобыка. В большинстве своем это керамика конецгорского типа с многослойных поселений северной группы памятников на Чусовском озере, содержащих более ранние ананьинские комплексы. Исключение – стоянка над камнем Подбобыка, где позднеананьинский слой лежит на слое эпохи бронзы (Мельничук и др. 2016. Рис. 3: 1–3).

Находки Гляденовского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.) встречены на поселениях Васюково II, Лисья курья I, Молог I, стоянках Чирва II и Поздеевское озеро I. Объекты, встреченные на этих поселениях связаны с цветной металлообработкой и представлены очагами с сопутствующими им рюмкообразными тиглями, шлаками и фрагментами бронзовых вещей. Стоит отметить что наряду с гляденовской керамикой на этих поселениях встречались комплексы ванвиздинской, карымской и оронтурской керамики.

Жилища датируются ранним этапом ананьинской культуры, в слоях последующих эпох постройки не зафиксированы. Объекты с поселений более позднего времени представлены открытыми очагами и очагами с остатками глинобитных сооружений.

Могильники как отдельные памятники не выявлены, но известны комплексы вещей, явно связанные с погребе-

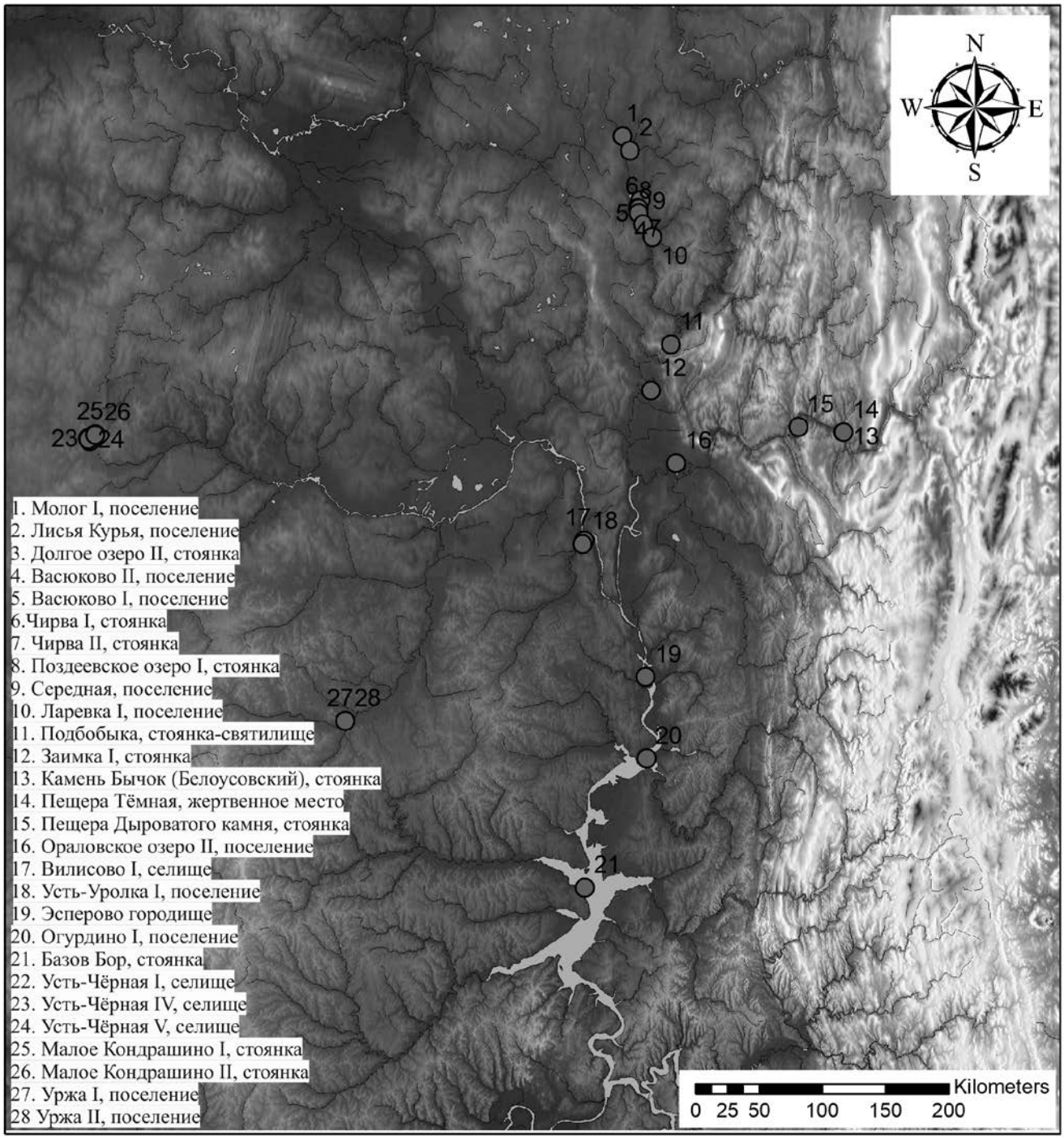


Рис. 1.

ниями. На поселении Васюково II встречены металлические предметы (бронзовый нож, биметаллический акинак, скопление железных предметов), которые связаны с погребениями VII в. до н. э. (Денисов, 1964).

На стоянке Поздеевское озеро I зафиксирован комплекс предметов: железное копье, железный кинжал с кольцевым навершием без перекрестия, железный нож и медная (бронзовая) бляшка, этот комплекс датируется I в. до н. э. – I в н. э. (Денисов, 1973).

Культовые комплексы представлены на памятниках, приуроченных к скальным образованиям рек Вишеры и Колвы.

Слои эпохи раннего железного века встречены на двух памятниках, входящих в археологический комплекс у камня Писанного, на жертвенном месте в пещере Темной и стоянке на камне Бычок.

Культовый комплекс в пещере Темной представлен мощным очагом, к которому были приурочены кости животных, гребенчато-шнуровая керамика конецгорского типа (V–III вв. до н. э.), фрагмент глиняной фигурки (Казанцев и др., 2009. С. 85–89) и медный антропоморфный идол (Генинг, 1951. С. 196–199).

Стоянка у камня Бычок – многослойный памятник, содержащий слои начиная с эпохи энеолита и заканчивая средневековьем. Объекты представлены пачкой линзовидных прокалов, зольников и углистых слоев, принадлежащих трем разновременным очагам. Самый многочисленный комплекс составляют фрагменты позднеаньинской керамики (V–III вв. до н. э.). Также был собран комплекс

Таблица 1. Памятники раннего железного века Северного Прикамья, изученные раскопками.

Название	Месторасположение	Датировка	Автор и характер исследований
1. Молог I, поселение	РК, Троицко-Печорский р-н, пр. бер. р. Молог	Эпоха бронзы; Ананьинская культура (IX–III вв. до н. э.) Гляденовская культура (III в до н. э. – V в н. э.)	В.П. Денисов 1965; В.А. Оборин 1966, раскопки 92 кв.м
2. Лисья Курья, поселение	РК, Троицко-Печорский р-н, ур. Усть-Еловка, пр. бер. р. Еловка	Неолит; Гляденовская культура (III в до н. э. – V в н. э.)	В.П. Денисов 1965; В.А. Оборин 1966, раскопки 252 кв.м
3. Долгое озеро II, стоянка	ПК, Чердынский р-н, лев. бер. р. Берёзовка	Энеолит; Гляденовская культура (III в до н. э. – V в н. э.)	В.П. Денисов 1965; С.Н. Коренюк 2005; Д.А. Майстренко 2015
4. Васюково II, поселение	ПК, Чердынский р-н, хут. Васюково, лев. бер. р. Берёзовка	неолит, энеолит, бронзовый век, Ананьинская культура (IX–III вв. до н. э.) Гляденовская культура (III в. до н. э. – V в н. э.)	В.П. Денисов 1963-66, 1974 раскопки 1445 кв.м; Д.А. Майстренко 2010
7. Чирва II, стоянка	ПК, Чердынский р-н, пр. бер. р. Чирва	энеолит, бронзовый век, Ананьинская культура (IX–III вв. до н. э.) Гляденовская культура (III в до н. э. – V в н. э.)	В.П. Денисов, Н.А. Воронкова 1965; В.А. Оборин 1966 раскопки 128 кв.м; В.П. Денисов 1973 раскопки 172 кв.м
8. Поздеевское озеро I, стоянка	ПК, Чердынский р-н, лев. бер. р. Берёзовка	неолит, энеолит, эпоха бронзы, Ананьинская культура (IX–III вв. до н. э.) Гляденовская культура (III в. до н. э. – V в н. э.), средневековье (вт. пол. I – сер. II тыс. н. э.).	Ю.И. Кривоногов 1965; В.П. Денисов 1973 раскопки 136 кв.м.
10. Ларевка I, поселение	ПК, Чердынский р-н, д. Ларевка, пр. бер. р. Ларевка	неолит, энеолит, бронзовый век, Ананьинская культура (VII–V вв. до н. э.)	В.П. Денисов 1965; В.П. Денисов 1974 раскопки 120 кв.м
11. Подбобыка, стоянка-святилище	ПК, Чердынский р-н, камень Подбобыка, лев. бер. р. Колва	бронзовый век; Ананьинская культура финальный этап (IV–III вв. до н. э.); Гляденовская культура (III в. до н. э. – V в н. э.); Раннее средневековье	С.И. Сергеев 1895 г.; И.А. Талицкая 1947; В.П. Денисов 1962 раскопки 60 кв.м; Д.А. Изосимов 2005 г. раскопки 16 кв.м;
12. Заимка I, стоянка	ПК, Чердынский р-н, ур. Заимка, лев. бер. р. Колва	Ананьинская культура (IX–III вв. до н. э.)	А.Ф. Мельничук 2015 раскопки 16 кв.м
13. Камень Бычок (Белоусовский), стоянка	ПК, Красновишерский р-н, ск. Малый Писанный камень, пр. бер. р. Вишера	Бронзовый век; Ананьинская культура (IV–III вв. до н. э.); Гляденовская культура (III в до н. э. – V в. н. э.);	В.Ф. Генинг 1949, Р.С. Казанцев. 1997, 1998 раскоп 16 кв.м.
14. Пещера Тёмная, жертвенное место	ПК, Красновишерский р-н, ск. Малый Писанный камень, пр. бер. р. Вишера	Ананьинская культура (IV–III вв. до н. э.)	В.Ф. Генинг 1949, Р.С. Казанцев. 1997, 1998 раскоп 20 кв.м.
15. Пещера Дыроватого камня, стоянка	ПК, Красновишерский р-н, ск. Дыроватый камень, лев. бер. р. Вишера	Неолит; бронзовый век; Ананьинская культура (IV–III вв. до н. э.)	А.Ф. Мельничук 2000, 2002 раскопки 9 кв.м.
16. Ораловское озеро II, поселение	ПК, Красновишерский р-н, Ораловское озеро, пр. бер. р. Вишера	Ананьинская культура (IX–VIII вв. до н. э.)	Д.А. Майстренко 2009 шурф 4 кв.м; А.Ф. Мельничук 2010 раскопки 16 кв.м; Д.А. Майстренко 2014 раскопки 96 кв.м
17. Вилисово I, селище	ПК, Чердынский р-н, д. Вилисово, пр. бер. р. Уролка	Ананьинская культура (VI–V вв. до н. э.)	Ю.А. Поляков, разведка 1961 г.; 1962 г. раскопки 78 кв.м
18. Усть-Уролка I, поселение	ПК, Чердынский р-н, д. Усть-Уролка, пр. бер. р. Уролка	Бронзовый век; Ананьинская культура (VI–V вв. до н. э.); родановская культура	Ю.А. Поляков разведка 1961, В.П. Денисов 1962 раскопки 128 кв.м.
20. Огурдино I, поселение	ПК, Усольский р-н, д. Огурдино, пр. бер. р. Кама	Мезолит; бронзовый век; Ананьинская культура (VI–V вв. до н. э.), родановская культура	О.Н. Бадер 1949, 1951-52 раскопки 815 кв.м.
21. Базов Бор, стоянка	ПК, Ильинский р-н, остров Базов Бор	Бронзовый век; Ананьинская культура (VI–V вв. до н. э.)	О.Н. Бадер 1951 раскопки 169 кв.м; 1952 раскопки 147 кв.м

керамики гляденовского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.) и коллекция костяных наконечников стрел. (Казанцев и др., 2009. С. 89–90).

В 1895 году С.И. Сергеев при раскопках разрушенной части камня Подбобыка обнаружил «огнище», к которому были приурочены кости животных, железные и костяные наконечники стрел, также по соседству с очагом были обнаружены «идолы, литые изображения животных и разные бронзовые вещи» (Теплоухов, 1987). Часть бронзовых изделий можно датировать гляденовским временем.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., 1960. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке // Ученые записки ПГУ. Т. XII. Вып. 1 (Труды КАЭ. Вып. 3). Пермь: Пермское книжное издательство. С. 151–159.

Генинг В.Ф., 1951. К вопросу о северных границах распространения Ананьинской культуры // КСИИМК. XXXVI. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 196–199.

Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Чердынским отрядом Камской археологической экспедиции, в Чердынском районе Пермской области в июне-июле 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-I, д. 2950.

Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведке Верхнекамского отряда Камской археологической экспедиции пермского государственного университета им А.М. Горького и областного краеведческого музея проведенных в Чердынском, Чайковском, Чусовском и Добрянском районах Пермской области в 1973 году // Архив КАЭ ПГУ.

Казанцев Р.С., Изосимов Д.А., Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф., 2009. Комплексы раннего железного века в предгорной части р. Вишеры // Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь: Изд-во ПГПУ. С. 85–91.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А., 2009. Жилища и фортификации раннеананьинского укрепленного поселка на поселении Васюковское II в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. №1 (21). Пермь: Изд-во ПГНИУ С. 67–76.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф., 2015. Ораловское озеро II поселение рубежа поздней бронзы и начала раннего железного века в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. №1 (28). Пермь: Изд-во ПГНИУ С. 37–52.

Мельничук А.Ф., Майстренко Д.А., 2010. Культурно-хозяйственный тип населения северного Прикамья в эпоху бронзы – раннего железного века // III Северный археологический конгресс Тезисы докладов. Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Издательский дом «ИздатНаукаСервис» С. 113.

Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А., Майстренко Д.А., Ракшин А.А., Чурилов Э.В., 2016. Природно-исторический комплекс северного Прикамья «Камень Дивий» и его окрестности на р. Колве в археологических исследованиях // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.) // Пермь: Изд-во ПГНИУ С. 102–109.

Гляденовский звериный стиль

© 2018 М.С. Макарова

Аннотация. В статье приводится описание и классификация предметов и образов гляденовского звериного стиля, который формировался на базе ананьинской культуры и имел распространение на территории Пермского Прикамья в III в. до н. э. – V в.н. э., а позднее стал родоначальником уникального в своем роде пермского звериного стиля.

Ключевые слова: гляденовская эпоха, звериный стиль, изображения, фигурки.

Ранний железный век Прикамья характеризуется двумя крупными культурными образованиями – ананьинской археологической культурой (VIII–III в. до н. э.) и гляденовской археологической культурой (II в. до н. э. – V в. н. э.). Наиболее ярким отражением искусства этой эпохи является звериный стиль. Ананьинский звериный стиль, имеющий сходство со скифским, послужил родоначальником гляденовского звериного стиля, считающийся, в свою очередь, ранним этапом становления пермского звериного стиля. Большое, если не огромное, количество произведений первобытного творчества дали раскопки Гляденовского костища, расположенного близ южной окраины города Перми на левом берегу реки Нижней Мулянки.

Все изображения в зверином стиле можно разделить на несколько групп:

I. Зооморфные изображения.

1. Изображения хищников.

Сюда относятся образы медведя и волка.

Медвежьи изображения делятся на следующие подгруппы:

а) изображение одной головы медведя;

б) изображение целой профильной фигуры медведя с опущенной головой;

в) изображение медведя в жертвенной позе (верхняя часть туловища до пояса – голова и передние лапы);

г) изображение нескольких (в основном трех) медвежьих голов в жертвенной позе.

Все бляшки этого типа украшены ложновитым орнаментом по краям. Иногда изображения прочерчивались на бронзовых украшениях. Временами поза медведя напоминает человеческую (Спицын, 1906. С. 135).

Особенность финала данного периода – крупные прямые рельефные бляхи, найденные на реке Кын Лысьвенского района (Коренюк и др., 2013. С. 211–223).

Фигурки собак и волков также можно разделить на простые и сложные.

а) Простые (одиночные, иногда парные изображения). Чаще профильные, у животного просматриваются все четыре ноги, длинный хвост, два уха. Обычно изображают открытую пасть и глаза в виде кружка.

б) Сложные (в композиции с людьми, другими животными). В основном это изображения всадника или всадницы на волке. Человеческая фигура обычно сидит боком на хищном звере или стоит на нем.

Также встречаются фигурки волков с переплетенной пастью (Коренюк,Мельничук, 2003. С. 76–77).

Образы характеризуются четкостью прямых линий, отсутствием прорисованности мелких деталей.

Туловище волка-собаки изображают либо вытянутым, либо изогнутым дугой. Показана открытая пасть, порой зубы. Типичной манерой в изображении стало отсутствие на теле животного какого-либо орнамента, в отличие от ананьинских образов, которые обычно дополнительно украшались.

2. Изображения копытных.

Сюда входят изображения коня и лося.

Фигурки лося немногочисленны и очень просты. Контуры не плавные, как в ананьинскую эпоху, появляются прямые углы и линии. Лося трудно отличить от других зверей, поскольку отсутствуют характерные лишь для него детали.

Интересно изображение лося (косули?) с высоко поднятой головой и, возможно, с поджатыми конечностями. На туловище у животного отмечен ребристый орнамент (Лепихин, Мельничук, 1997. С. 27).

Для гляденовской культуры характерно изображение лося, соединяющее черты разных животных. Например, лось с характерными рогами, но с мордой хищника и оскаленными зубами. Возможно, это отражение процесса слияния родовых групп и племен.

Гляденовская эпоха предоставляет большое количество изображений лошадей при довольно скудном сюжетном разнообразии. Все изображения коней, относящиеся к данной эпохе, можно разделить на две группы:

а) одиночные фигуры лошади;

б) изображение всадника на лошади.

Изображения выполнены в упрощенной манере, отличить данного зверя от всех остальных животных можно лишь по характерным его деталям.

3. Изображения пресмыкающихся (Koreniuk, 2015, P. 585–592).

Змеи чаще всего изображены ползущими или извивающимися. У фигурок есть свои особенности: некоторые змеи изображены с открытым ртом, другие – с приподнятой головой. Была найдена фигурка трехголовой извивающейся змеи.

Также немало изображения змей, свернувшихся в кольцо или спираль. Некоторые изображены приготовившимися к прыжку. Некоторые имеют ушко для пришивки или подвешивания (Новокрещенных, 1914. С. 80). Встречены также композиции, изображающие различных животных со змеями и фигурки ящериц (Коренюк, 2014. С. 291).

Также стоит упомянуть редко встречающиеся зооморфные образы пушных животных: бобра, куницы, белки и др.

II. Орнитоморфные изображения.

Очень однотипны. Некоторые из них изображают птиц в положении летающих, другие – в «геральдическом виде». Более половины фигур неопределимы по виду, а среди остальных преобладают хищные (136 экз.) (Коренюк, 2010. С. 88).

1. Хищные птицы

Можно разделить на несколько групп:

а) с опущенными крыльями: бывают одноголовые, двух- и трехголовые, профильные;

б) летящие хищные птицы;

в) орнитоантропоморфные изображения (с личиной на груди).

В гляденовскую эпоху преобладают изображения хищных птиц с опущенными крыльями и расширенным хвостом.

Типичные для гляденовской эпохи фигурки можно узнать по характерному изображению оперения крыльев и хвоста, которое показано параллельными бороздками, и напаянным или отлитым лапам. Почти на всех бляшках на обороте припаяно одно или два ушка. Многочисленные фигуры птиц напоминают изделия ананьинской эпохи, с той лишь разницей, что крылья и брюшко гляденовских птиц покрыты дополнительным орнаментом (Коренюк, 2010. С. 89). Встречаются фигуры сов или филинов, орлов или ястребов, реже вороны и др.

К орнитоантропоморфным изображениям относятся фигуры птиц с личинами на груди. На фигурках изображались человеческие личины, глаза и рот человека, гравировались антропоморфные фигуры (Белоцерковская, 1990. С. 63), а на одной изображена голова медведя.

2. Нехищные птицы

Очень похожи на ананьинские. Отличительной чертой гляденовских птиц можно назвать хорошо выраженный короткий вытянутый клюв и параллельные линии, которыми передано оперение на крыльях и хвосте. В основном все птицы изображены в полете.

Среди птиц, изображенных на различных предметах, можно назвать глухаря, голубя, гуся, утку, лебедя. Это наиболее распространенные сюжеты.

Сюда также относят изображения пчел, выполненые довольно схематично.

III. Антропоморфные изображения.

На гляденовском костище найдено довольно много изображений человека. Изображения обладают различной степенью стилизации, иногда сопровождаются дополнительными аксессуарами – луком, колчаном, нагрудной бляхой в виде свернувшейся змеи, змеей. Большинство фигурок обнажено, по половым признакам делятся на мужские, женские и неопределенного пола. Для изучения костюма интерес представляют 16 предметов. Большинство изображений характеризуются схематизмом, грубостью изготовления.

Одиночные изображения делятся на человеческие личины, собственно фигурки (Коренюк, 2011. С. 129) и изображения конечностей (ног) (Коренюк, Макарова, 2017. С. 75–77).

Обычно изображения не имеют одежды и отличаются четко выраженными половыми признаками. Но в последнее время были найдены семь литых фигур женщин в платьях (Лепихин и др., 2004. С. 69–70). Представленный женский костюм аналогичен скифо-сарматскому.

К одиночным изображениям также можно отнести редкие композиционные изображения человека с луком, со змеями, изображение на бляшках с птицами, и еще на одной бляхе человек изображен с четвероногим животным.

Парные антропоморфные изображения можно разделить по манере изображения (Коренюк, 2011. С. 130):

а) в виде медальона или медали (круглые пластинки бронзы, на которых барельефом изображены две человеческие фигуры);

б) двойные фигуры в ободке или рамке;

в) две рядом стоящие фигуры человека;

г) гравированные на бляшках или пластинах.

Здесь нужно упомянуть круглую литую бляху со свернувшейся змеей в центре, где по бокам гравированы две антропоморфные фигурки (Коренюк, 2011. С. 130).

Парные изображения также делятся по композиции на 1) изображения матери с ребенком (4 экз.); 2) изображения братьев-близнецов.

IV. Полиморфные изображения (Коренюк, 2016. С. 238–245).

1. Антропозооморфные идолы, которые воспроизводят человека-животное с антропоморфной основой. Это антропоморфные изображения с птичьими чертами (крыльями вместо рук) и человек с медвежьими чертами (вместо рук и ног изображены медвежьи лапы и когти либо медвежья морда).

2. Зооантропоморфные изображения: фигуры птиц с личинами на туловище.

В одном случае изображение двухголовое, в одном – с тремя головами. Одна птица – сова или филин с характерными острыми ушами. Еще одна фигурка показывает орла или ястреба с большим вперед смотрящим клювом и раздвоенным хвостом, на груди ее изображены только глаза и рот человека (Коренюк, 2010. С. 89). Выделяется бляшка в виде стилизованного изображения птицы с рельефной полой головой, плоским округлым туловищем и рельефными лапами. На ней выгравированы две антропоморфные фигурки (Белоцерковская, 1990. С. 63). На одной фигурке птицы на груди изображена голова медведя.

3. Многофигурные композиции.

а) гравированные на бляшках или пластинах.

Здесь нужно упомянуть круглую литую бляху с Гляденовского костища со свернувшейся змеей в центре, где по бокам гравированы две антропоморфные фигурки (Коренюк, 2011. С. 130).

б) композиции из зооморфных изображений.

Фигурка с подобной композицией найдена и на Гляденовском костище. На ней изображены хищная птица, лосиха и две рыбы.

в) всадники

Многочисленные изображения всадников не отличаются художественной разработанностью (Коренюк, 2011. С. 130). Выделяют изображения всадников-мужчин на коне и изображения всадниц (женского божества) на волке.

Встречаются едущие на конях всадники, натянувшие узду, без вооружения и всадники с вооружением: луком за плечами или у пояса (Коренюк и др., 2008. С. 55–65).

Женщины показаны сидящие или стоящие на волке. В одном случае изображено какое-то божество или дух, о чем свидетельствует спираль (змея), напаянная на груди и трехпалые руки всадника. Фигурка волка высечена из листа и к ней припаяна фигурка женщины. Во втором случае изображение всадницы показано рельефом на литой бляхе (Коренюк и др., 2008. С. 55–65).

Выполнялись изображения техникой плоского или выпуклого литья, либо вырезалась из медного или бронзового листа. Некоторые снабжены ушками для привешивания или проколами. Нередко отдельные части изображений соединялись путем пайки: литое туловище и высеченные руки и ноги и т.д. Встречены также гравировки на бляшках и пластинах (Белоцерковская, 1990. С. 59–67).

ЛИТЕРАТУРА

Белоцерковская И.В., 1990. Гравированные изображения из Гляденовского костища // Проблемы археологии Евразии. М. С. 63.

Коренюк М.С., 2011. Антропоморфные медно-бронзовые изображения гляденовского костища // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург, 1–3 февраля 2011 г.: материалы и тезисы докладов. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 130.

Коренюк М.С., 2014. Изображения пресмыкающихся в материалах Гляденовского костища // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. LIV Региональной (X Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск. С. 290.

Коренюк М.С., 2010. Орнитоморфные медно-бронзовые изделия Гляденовского костища // Вузы в археолого-этнографических исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы: материалы XLII Урало-Поволжской археол. студ. конф. Кострома. С. 88.

Коренюк М.С., 2016. Металлические полиморфные изображения раннего железного века Приуралья // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции с международным участием, 2–4 декабря 2014 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: КВАДРАТ. 352 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., 2003. Гляденовские волки с переплетенной пастью // В круге культуры. Пермь. С. 76–77.

Коренюк С.Н., Макарова М.С., 2017. Подвески в виде человеческой ноги в комлексах конца I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. в Прикамье // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПБ.: Скифия-принт. 206 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л., 2008. Всадники Гляденовской культуры // Вестник Пермского университета. История. Пермь. Вып. 7 (23). С. 55–65.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1997. Каталог коллекции из собрания Пермского музея: Гляденовское костище. №3. Пермь.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Крыласова Н.Б., 2004. Редкое женское изображение из раскопок Гляденовского костища 2001 г. // Краеведческий музей в современных условиях. Кудымкар.

Спицын А.А., 2015. Шаманские изображения. С. 135. Рис. 428.

Maria S. Koreniuk., 2015. The Images of Reptiles on the Items Found at the Glyadenovsky Bone Bed // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2015 8). Krasnoyarsk. P. 585–592.

Естественнонаучные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа

© 2018 В.В. Овсянников

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ФФИ АН РБ проект 17–11–02001 «а(р)»

Аннотация. В статье рассмотрены результаты палинологических и палеопочвоведческих исследований культурных слоев поселений эпохи раннего железа, расположенных в правобережье р. Белой. На их основе реконструируется ряд климатических колебаний в регионе. Делается вывод о взаимосвязи некоторых историко-культурных процессов, происходящих в Прибелье с климатическими изменениями.

Ключевые слова: кара-абызская культура, палинология, палеопочвоведение.

Для эпохи раннего железа характерно размещение поселенческих памятников в среднем течении р. Белой преимущественно на правом берегу. Эта территория относится к Предуральской лесостепи, которая в свою очередь входит в Северную лесостепную зону. Правобережье р. Белой в географическом отношении представляет собой своеобразный анклав, ограниченный с востока предгорьями Урала, а с запада – собственно рекой Белой. При этом, данный анклав граничит с разнообразными природно-географическими зонами: с таежным Уфимским плато на северо-востоке, с горно-таежными районами на востоке и юго-востоке, а также обширными остепненными и лесостепными пространствами на западе и юго-западе. Такое природное разнообразие создавало благоприятные условия для ведения многоотраслевого хозяйства.

В середине I тыс. до н. э. в этом регионе наблюдаются интенсивные подвижки древнего населения. На археологическом материале в Прибелье фиксируются три основные миграционные волны. В VI–V вв. до н. э. прослеживается движение средневолжско-нижнекамского и среднекамского населения вверх по течению р. Белой. В результате их взаимодействия и при ведущей роли постмаклашеевского элемента на рубеже V–IV вв. до н. э. в Среднем Прибелье начинает складываться новое культурное образование, маркирующееся поселениями с раннекара-абызской керамикой (Овсянников, 2014; Овсянников, 2014а).

Несколько позднее, в период IV в. до н. э., в Прибелье фиксируется вторая миграционная волна – носителей керамики «гафурийского типа». Эта группа мигрантов занимает южный ареал лесостепного Бельского правобережья. На основе этих двух групп (постмаклашеевско/раннекараабызской и гафурийской) формируется новое культурное образование кара-абызская культура. Основной ареал этого образования был расположен на правобережье р. Белой между бассейном реки Бирь на севере и бассейном реки Усолки на юге (Овсянников, 2014).

В период IV–III вв. до н. э. закладываются основные базовые поселения кара-абызской культуры (городища Биктимировское, Кара-Абыз, Уфа IV, Акбердинское II, Шиповское и Охлебининское II). В этот же период фиксируется третья миграционная волна, связанная с лесостепным Зауральем, как исходной территорией. Этот процесс маркируется такими памятниками как Шиповские II, Нагаевские и Акбердинские курганы. Данная группа мигрантов оседает в центре кара-абызского ареала, концентрируясь в основном в Акбердинско-Шиповской группе кара-абызского населения. В дальнейшем развитие культуры связано с постепенным демографическим ростом в период II в. до н. э. – II в. н. э. и последующим затуханием к рубежу III–IV вв. н. э.

В настоящее время памятники кара-абызской культуры располагаются примерно в одних природно-климатических условиях. Они занимают различные участки террасы правого берега р. Белой. Площадки памятников в основном заняты широколиственными лесами, изредка сочетающимися с участками луговой растительности.

Степень разработанности хронологии и периодизации памятников Прибелья эпохи раннего железа позволяет с помощью естественнонаучных методов (палинология, палеопочвоведение) определить климатические условия, в которых протекали историко-культурные процессы древности (Пшеничнюк, 1993; Овсянников, 2014).

Данная задача решается при исследовании памятников с помощью комплексного подхода. В частности, при исследовании Биктимировского городища в 2010 году был проведен палеопочвоведческий анализ одной из стенок раскопа. Он показал, что первоначальное функционирование поселения происходило в условиях значительной аридизации климата с последующим постепенным увлажнением (Сулейманов, Овсянников, 2011). Наличие в нижних слоях городища раннекара-абызской керамики и позднешнуровой посуды позволяет отнести время основания этого поселения к рубежу V–IV вв. до н. э. (Савельев, 2011, Рис. 4; 5).

При исследовании культурных слоев Акбердинского II городища была выявлена следующая последовательность процессов. На начальном этапе функционирования поселения окружающая территория была покрыта смешанными хвойно-широколиственными лесами, впоследствии фиксируется увеличение открытых пространств с луговым разнотравьем. Процесс аридизации климата иллюстрируется мощной прослойкой ярко-каштановой супеси (Савельев, Овсянников, Курманов, 2017). К концу существования поселения происходит постепенное увеличение древесных таксонов и снижение травянистых, что говорит о начале процесса гумидизации. Пик усушения приходится на период середины IV – II вв. до н. э. (Там же).

Приведенные материалы показывают, что период формирования кара-абызской культуры, связанный с активными миграционными процессами проходил в условиях усиливающейся аридизации. Последующее увлажнение климата сказалось благоприятно на существовании древних социумов Прибелья, так как именно на период II в. до н. э. – II в. н. э. приходится демографический максимум в кара-абызской культуре.

Результаты, полученные на материалах Прибелья, в определенной мере перекликаются с данными по территории степного Заволжья. Здесь максимальная аридизация климата приходится на IV–III вв. до н. э., что прослеживается и на Биктимировском с Акбердинским II городищах.

Далее процесс гумидизации приходится на I в. до н. э., что также согласуется с прибельскими данными (Демкин и др., 2013. С. 140).

Таким образом, опыт совместной работы специалистов различного профиля показал эффективность и необходимость дальнейших разработок в данном направлении. В полевой период 2017 года был исследован ряд памятников Прибелья, где были проведены, в том числе и сборы образцов для палинологических и палеопочвоведческих анализов.

Наиболее ранним из исследованных является Бирское поселение, исследованное неоднократно в 1972, 1978 и 2007 гг. (Васильев, Горбунов, 1975; Обыденнов, Обыденнова, 1998. С. 30–31; Акбулатов и др., 2010). В 2017 году была расконсервирована стенка раскопа 1978 года и взяты образцы для палинологии. В результате получена следующая картина жизнедеятельности памятника. Поселение начало функционировать в конце эпохи финальной бронзы. К этому периоду относится межовский керамический комплекс, датирующийся по находке бронзового кинжала XII в. до н.э (Обыденнов, 1998. С. 44). В этот период площадка памятника представляла собой опушку широколиственного липово-вязового леса. Основная масса археологического материала характеризуется керамикой курмантаусского и раннешнурового облика. Последняя по своим характеристикам соответствует раннешнуровой посуде каменно-ложской стадии VIII–VII вв. до н. э. (Овсянников, 2017. С. 75). К этому периоду фиксируется добавление к широколиственным лесам дуба, сосны, березы и ольхи. Близко к поселению располагались небольшие влажные и заболоченные участки. Появляется синантропная растительность. К концу данного периода повышается доля и разнообразие синантропной растительности.

Данная динамика изменений растительного окружения поселения свидетельствует об увеличении влажности в данном микрорайоне. Вероятно, по этой причине поселение, занимающее участок высокой поймы у подножия коренной террасы, к рубежу VII–VI вв. до н. э. перестает функционировать. Жизнь возвратилась сюда лишь в эпоху раннего средневековья, что маркируется появлением в верхнем горизонте керамики бахмутинского (чандарского) облика V–VII вв. до н. э.

В то же время поселение, основанное рядом на вершине коренной террасы – Бирское городище, продолжает существовать и позже. Здесь в раскопах 1959–1960, 1978 гг. собрана раннешнуровая керамика каракулинской стадии VII–VI вв. до н. э. и постмаклашеевская керамика VI–V вв. до н. э. (Овсянников, 2017. С. 73).

Таким образом, возможно с увлажнением климата связано затухание жизни на большинстве поселений, расположенных в Нижнем и Среднем Прибелье, относящихся к предкара-абызскому периоду. Имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют нам датировать предкара-абызские поселения Прибелья позже VI в. до н. э. (Овсянников, 2017). Большинство поселений этого периода в нижнем и среднем течении Белой расположены на низких надпойменных террасах, либо на участках высокой поймы, так же как и Бирское поселение. Поселения же, содержащие раннешнуровую керамику каракулинского облика VII–VI вв. до н. э., постмаклашеевскую VI–V вв. до н. э., раннекара-абызскую V–IV вв. до н. э., расположены на высоких участках коренных речных террас (Бирское I, Камышинские I и II, Биктимировское, Воронки, стоянка им. М.И. Касьянова, Курмантау Верхнее, Касьяновское и Михайловское).

Возможно, с этими же климатическими изменениями связано забрасывание кладбищ, расположенных на низких береговых участках (могильник по ул. Трактовой (Уфимский), Старший Шиповский), и их перенесение на возвышенные места (Уфимский, Ново-Уфимский и Шиповский могильники).

Пробы грунта были взяты также с ряда поселений кара-абызской культуры. На городище Кара-Абыз взяты пробы из раскопа 1977 года, заложенного на цитадели, и шурфа 2017 года – с территории «посада» городища. На Акбердинском II городище были взяты на анализ пробы из шурфа 2017 года на основной укрепленной площадке. На Шиповском городище взяты пробы из двух шурфов с территории цитадели (открыта во время обследования 2017 года) и из двух шурфов с «посада», расположенного за линией укреплений. Все перечисленные памятники основаны в период не ранее IV в. до н. э. и функционировали вплоть до первых веков нашей эры. То есть их материалы отражают весь основной период существования кара-абызской культуры.

На двух из них зафиксированы и более поздние слои. На городище Кара-Абыз это материалы бахмутинской (V–VII вв. н. э.) и раннечияликской (X–XII вв. н. э.) культур. На Шиповском городище из шурфов, заложенных на вновь выявленной цитадели, происходит материал раннего средневековья: мазунинская (?) и караякуповская керамика VIII–IX вв. н. э. Результаты анализов споры и пыльцы, а также палеопочвоведческих исследований позволят в дальнейшем уточнить и детализировать полученную ранее информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В., 2010. Разведочные работы на территории города Бирск // АО 2007 года. М.: Языки славянской культуры. С. 333–336.

Васильев И.Б., Горбунов В.С., 1975. Бирское поселение // СА. №3. С. 149–157.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Усольцев С.Н., Каширская Н.Н., 2013. Подкурганные палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволжская археология. №2 (4). С. 126–142.

Обыденнов М.Ф., 1998. Межовская культура. Уфа: БЭК. 201 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1998. Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Уфа: БЭК. 98 с.

Овсянников В.В., 2014. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань. С. 376–377.

Овсянников В.В., 2014а. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. АЕС. Вып. 20. Казань: Отечество. С. 303–313.

Овсянников В.В., 2017. Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы

III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». АЕС. №4. С. 70–88.

Пшеничнюк А.Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 32–61.

Савельев Н.С., 2011. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. №2. С. 56–66.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г., 2017. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ. С. 900–901.

Сулейманов Р.Р., Овсянников В.В., 2011. Почвенно-экологическая характеристика археологического памятника «Биктимировское городище» // Вестник Оренбургского государственного университета. №12 (131). С. 151–153.

Сравнительно-типологическая характеристика керамического комплекса вятских городищ АКГШК АКИО

© 2018 Э.И. Оруджов

Аннотация. В статье проводится исследование керамических комплексов вятских городищ АКГШК АКИО на основании анализа орнаментальных композиций и рельефных элементов оформления шейки сосудов. В результате данного исследования выделено две хронологические группы поселений АКИО в бассейне р. Вятки. Рассматривается возможность переименования АКГШК в бассейне р. Вятки по ареалу ее размещения.

Ключевые слова: АКГШК, АКИО, керамический комплекс, вятские городища, гребенчато-шнуровая керамика.

В 2000-х годах А.А. Чижевским под влиянием взглядов В.Н. Маркова, В.А. Иванова и С.В. Кузьминых в рамках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) была выделена группа археологических культур: акозинская, ананьинская культура сложношнуровой керамики, постмаклашеевская и культура гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2014. С. 31).

Областью распространения АКГШК определен бассейн рр. Вятки и Ветлуги. Одним из критериев определения культурной принадлежности археологических памятников данной местности послужило присутствие и преобладание керамических сосудов с гребенчато-шнуровой орнаментальной композицией.

Для более детальной характеристики памятников ананьинской культуры РЖВ бассейна р. Вятки потребовалось переосмысление указанного выше критерия и привлечение данных о новых ранее не исследованных керамических комплексах с вятских поселений АКГШК АКИО.

В рамках данного исследования были проанализированы керамические комплексы Буйского (86 фр.), Пижемского (123 фр.), Чижевского (208 фр.), Кривоборского (77 фр.), Червяковского (55 фр.), Никульчинского (52 фр.) городищ. В общей сложности было проанализировано 605 фрагментов керамики. В качестве исходных данных для анализа использовались уже опубликованные материалы с Аргыжского и Скорняковского городищ (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002; Чижевский, Черных и др., 2016).

Большинство керамических сосудов с укрепленных поселений АКГШК АКИО в пределах бассейна р. Вятки изготовлено спирально-ленточным налепом, в качестве основной примеси к тесту использовались ракушка пресноводных двухстворчатых моллюсков и речной песок, а форма представлена в основном чашевидными и горшковидными сосудами с округлым, либо уплощенным дном.

Характерной особенностью керамики с вятских городищ является наличие валика либо воротничка по шейке венчика. При этом, исходя из анализа рельефных элементов орнаментации посуды с Аргыжского городища, проведенной В.В. Ванчиковым, валиковая посуда, присутствующая в основном в комплексе раннеананьинского горизонта Аргыжского городища, хронологически предшествует воротничковой. По его мнению, валиковая группа керамики, взаимодействуя на раннем этапе развития с «гладкой», представляет собой промежуточный этап развития ананьинских керамических традиций, от раннему к позднему «ананьино» (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С. 29, 31). Под валиком или воротничком подразумевается специально сформированное утолщение венчика, окольцовывавшее горловину сосуда (Черных, Ванчиков, 2002. С. 28). При выделении валика либо воротничка учитывалась толщина стенки венчика над и под данным утолщением. При приблизительно равной толщине верхней и нижней части венчика и относительно округлой форме утолщения выступ определялся как валик, если же верхняя часть перед выступом была толще нижней минимум в 1,5 раза, то это являлось признаком наличия воротничка у данного сосуда. По результатам проведенного исследования был составлен график, который показал значительный перевес воротничковой керамики над валиковой в керамических комплексах вятских городищ. Учитывая малочисленность валиковой керамики (42 фр., 7 % от используемого нами керамического комплекса) и наличие большого количества воротничковой посуды (286 фр., 47 % от данного керамического комплекса вятских городищ), период распространения которой приходится на VI в. до н. э. (Марков, 2007. С. 31), можно вполне определенно вести речь о существовании вятских городищ АКГШК АКИО уже в среднем этапе развития АКИО (вторая половина VII–V вв. до н. э.).

Еще одной характерной чертой керамического комплекса вятских городищ является наличие гребенчато-шнуровой орнаментации. По наличию своеобразной керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией В.Н. Марков выделял целую группу поселений в бассейнах рр. Вятки и Ветлуги (Марков, 1994. С. 56).

Однако утверждение В.Н. Маркова о том, что данная керамика на вятских городищах «встречается как правило, в чистом виде» имеет отношение скорее к их раннеананьинским горизонтам (Марков, 1994. С. 57). Еще А.В. Збруева говорила о том, что в керамических ком-

плексах более ранних вятских поселений господствовали более сложные узоры, состоявшие из сочетания ямочных и шнуровых отпечатков, и оттисков зубчатого штампа. Тогда как в более поздних слоях преобладал простой и бедный ямочный орнамент (Збруева, 1952. С. 71). Да и сам В.Н. Марков в своей монографии «Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху» пишет о «преобладании на вятской посуде исключительно гребенчатой и шнуровой техники» (Марков, 2007. С. 47). При всем при этом, он указывает, что на позднем этапе развития вятского «ананьино» преобладают узоры, украшенные пояском круглых ямок (Там же. С. 48).

При исследовании керамического комплекса Аргыжского городища было выделено два хронологических горизонта: раннеананьинский и позднеананьинский. В раннеананьинском было отмечено четыре массовых орнаментальных группы: ямочно-гребенчато-шнуровая (37,5 %), ямочно-гребенчатая (26,7 %), ямочная (16,6 %) и ямочно-шнуровая (8,8 %) (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С. 29–30). К позднеананьинскому чаще относилась керамика, украшенная только ямками, ямками и шнуром, и неорнаментированная керамика. Керамика с ямочно-гребенчатым, гребенчато-шнуровым и ямочно-гребенчато-шнуровым орнаментом в данном горизонте слабо представлена (6,9 %) (Там же. С. 31).

Отсюда следует, что керамика с содержанием гребенчато-шнуровой орнаментации преобладают в основном на раннем этапе развития АКИО в бассейне р. Вятки. Сохраняя свое присутствие на среднем этапе, в позднеананьинский период она фактически выходит из употребления.

Исследования Скорняковского городища проведенные в 2012 г., показали, что на большей части посуды с догородищенского слоя поселения и на ранней стадии формирования ананьинского слоя преобладают шнуровые и гребенчатые отпечатки и лишь только на двух элементах они совпадают (Чижевский, Черных и др., 2016. С. 41, 46). На поздней стадии его формирования данная картина сохраняется, лишь увеличивается количество неорнаментированной керамики (Там же. С. 49–50). Хронологические рамки существования городища на ананьинском этапе были определены V–III вв. до н. э. (Там же. С. 63). В керамическом комплексе Кривоборского городища фрагменты керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией присутствуют лишь на начальном этапе его функционирования, который относится к среднему периоду развития АКИО (вторая половина VII – V в. до н. э.) (Оруджов, 2017. С. 90–91). Среди ананьинских сосудов данного городища выделяется три основные группы: гребенчатая (49 %), ямочная (18 %) и неорнаментированная (14 %) посуда, сосуды с шнуровым орнаментом составляют всего лишь 4 %, остальная часть сосудов относится к другим технико-орнаментальным группам (керамика с различными видами вдавлений и прочерчено-резным штампом).

При анализе керамики с неопубликованных ананьинских комплексов вятских городищ было выделено три группы сосудов:

1) с основными орнаментальными композициями (гребенчатой, шнуровой, гребенчато-шнуровой и ямочной).

2) с использованием ногтевидного, прочерчено-резного или волнистого штампа, а также различных видов вдавлений (данная керамика составляет 2–4 % в среднем от всего комплекса памятников, исключением является Кривоборское городище, где она составляет 12 %), в связи с их незначительным количеством, были объединены в отдельную группу под обозначением «другая керамика»

3) без орнаментации

На основе данной классификации выделяется две группы поселений с преобладанием того или иного орнаментального компонента в посуде.

Первая группа – это памятники, на которых наибольший процент занимает посуда с использованием в технико-орнаментальной композиции гребенчатого штампа (Пижемское, Червяковское, Чижевское и Кривоборское городище, (32 – 49 %)). Что интересно, в данной подгруппе особо выделяется Пижемское и Чижевское городища, в их керамике следом за гребенчатой, в равных долях располагается гребенчато-шнуровой, шнуровой и ямочный орнамент (на Чижевском гребенчато-шнуровая (35 %), шнуровая (34 %), ямочная (34 %), на Буйском гребенчато-шнуровая (23 %), шнуровая (24 %), ямочная (26 %)).

Вторая группа включает в себя Буйское и Никульчинское городище, в керамических комплексах лидирующее положение занимает неорнаментированная посуда (на Буйском (35 %) и Никульчинском (46 %) городищах), следом за ней идет гребенчатая. На Никульчинском городище занимает 27 %, на Буйском 21 %. На последнем гребенчатая и шнуровая соседствуют 1:1.

Анализ процентного содержания валиковой керамики на городищах указанных выше групп поселений (I гр. – Червяковское – 22 %, Чижевское – 13 %, Пижемское – 15 %; II гр. – Кривоборское – 8 %, Никульчинское – 8 %, Буйское – 4 %) позволил предположить более раннее появление первой по отношению ко второй, несмотря на то, что Кривоборское городище здесь вошло во вторую группу. Однако хронологические рамки данных поселений не выходят за верхнюю границу среднего периода развития АКИО.

Таким образом, при проведении сравнительно-типологического анализа керамического комплекса вятских городищ АКИО удалось выделить две хронологических группы укрепленных поселений АКИО на Вятке, существовавших в один хронологический период, но появление их носит разновременной характер. Исследование показало, что на различных этапах развития АКИО содержание орнаментальных мотивов на поселениях в бассейне р. Вятки видоизменялось, присутствующие в значительном количестве, наряду с гребенчатым и шнуровым орнаментом, на раннем этапе богатые гребенчато-шнуровые композиции впоследствии сменяются слабо-орнаментированными (ямочными) и вовсе неорнаментированными сосудами. Это обстоятельство выдвигает необходимость коррекции названия ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики на более полно отражающее ее характерные черты, возможно, по ареалу ее размещения.

ЛИТЕРАТУРА

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. М.: Изд-во АН СССР. 326 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А., 2014. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. №3. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость. С. 101–124.

Марков В.Н., 2007. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань: Изд-во ИИ АН РТ. 136 с.

Марков В.Н., 1994. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Вып. 1 / Отв. ред. Старостин П.Н. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. С. 48–88.

Оруджов Э.И., 2017. Керамический комплекс Кривоборского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. АЕС. №4. С. 89–104.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика. 188 с.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С., 2016. Скорняковское городище на Вятке. АЕС. Вып. 22 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость. 156 с.

Культурные связи финно-угорского и ираноязычного миров Поволжья через призму искусства ананьинской эпохи

© 2018 А.Н. Павлова

Аннотация. В ананьинскую эпоху территория Среднего Поволжья была зоной взаимодействия финно-угорского и иранского культурного миров, что нашло отражение в искусстве и миропонимании населения ахмыловской культуры. Произведения искусства, найденные в захоронениях ахмыловцев, следует рассматривать не просто как заимствования, многие из них были переосмыслены местным населением и стали частью их культурного мира.

Ключевые слова: ананьинская культурно-историческая область, ахмыловская культура, искусство, ираноязычные этносы.

В истории финно-угорского населения Поволжья значительный след оставил период взаимодействия с культурным миром ираноязычных этносов. Расселившиеся в лесной и отчасти лесостепной зоне Восточной Европы, финно-угры принадлежали к культуре таежных охотников, которая в дальнейшем трансформировалась в земледельческие социумы. Контакты с кочевым миром способствовали проникновению новых элементов в области хозяйства, военного дела, религиозных представлений, искусства. В художественной сфере населения Среднего Поволжья VII–VI вв. до н. э., составлявшего т.н. ахмыловскую (Патрушев, 1984) или акозинскую (Марков, 1998. С. 76–77) культуру в рамках ананьинской культурно-исторической области, происходит настоящий взрыв, ознаменовавшийся появлением новых образов, связанных с изменениями в области идеологии.

Искусство ананьинской эпохи на территории Среднего Поволжья представлено в первую очередь металлопластикой – украшениями и художественно оформленным оружием. По мнению ряда исследователей, значительную часть предметов на памятниках рассматриваемого периода составляет импорт (Васильев, 2004. С. 276), при этом данные вещи органично вошли в культуру финно-угорского населения региона, а использованные при их создании образы и символы получили развитие в последующие периоды. Это не позволяет согласиться с мнением о примитивности художественных традиций местного населения, которое оказалось способным не только к простому копированию, но и переосмыслению целого ряда художественных образов.

Материалы Старшего Ахмыловского могильника позволяют представить уровень развития искусства финно-угорского населения Среднего Поволжья ананьинской эпохи. Внимание привлекают в первую очередь изображения животных, таких как конь, змея, собака, грифон, хищная птица, кошачий хищник (Патрушев, 1994, Рис. 2–4, 7–9, 11–14, 16–23, 27–29). Образы хищных птиц и кошачьих не получили развития в искусстве финно-угорского населения региона. Грифон, представленный на пластинах налобного венчика, имеет иранские корни, но сохранение композиции указывает на то, что образ был воспринят местным населением, т.к. имел аналогии в финно-угорской мифологии, например, юмынтага (небесный баран) в марийском фольклоре (Калиев, 2003. С. 69, 82). Грифоны на женском головном уборе говорят о связи образа с кругом женских богинь, среди которых сохранился образ Юмынӱдыр, дочери бога у мари. Собака также фигурирует в марийской мифологии (Калиев, 2003. С. 54), в материалах Старшего Ахмыловского могильника это животное представлено на пластине налобного венчика из погр. 361 (Патрушев, 1994, Рис. 11), что указывает на его принадлежность к числу женских символов. Однако в искусстве финно-угорского населения Поволжья этот образ не получил развития. Образ коня, наоборот, становится в дальнейшем одним из центральных в искусстве населения региона. Предположительно к ананьинской эпохе восходят основы его иконографии, хотя сходство может носить и случайный характер. Например, на гребнях из погр. 762 и кв. И/12 раскопа 1965 г. Старшего Ахмыловского могильника головы животных четко не обозначены в отличие от кочедыков из погр. 263 и 625 (Патрушев, 1994, Рис. 7, 8, 2, 3), хотя композиция с конями, смотрящими в противоположные стороны, в более поздний период становится основной.

В искусстве населения ахмыловской культуры значительное место занимают солярные символы, обычно использовавшиеся в декоре нагрудных блях и налобных венчиков: по представлениям финно-угров, как и индоиранских этносов, верхняя часть тела человека ассоциировалась с верхним миром, а голова и грудь с небесно-солнечной сферой (Сагалаев, 1991. С. 117). Разнообразие солярных символов при отсутствии в финно-угорской мифологии соответствующих текстов, позволяет предполагать, что многие из них были заимствованы местным населением у этносов, имевших развитые солярные культы. Параллели ахмыловской солярной символике можно найти у киммерийцев, скифов, сарматов, а также населения кобанской культуры Северного Кавказа (Козенкова, 1996. С. 139). Индо-иранские тексты «Ригведы» и «Авесты» могут помочь в интерпретации этих символов, что не означает отсутствия собственно финно-угорского прочтения,

учитывая дальнейшее бытование идеограмм в культуре финно-угров Поволжья.

В качестве примера можно привести спиралевидный орнамент, широко распространенный в различных комбинациях в ахмыловском искусстве и получивший развитие в искусстве волжских финнов на рубеже I–II тыс. н. э. Варианты спиралей были широко известны в Евразии: кобанская культура, Луристан, Гальштат, Микены (Козенкова, 2013. С. 40, 45, 53, 81). По мнению Б.А. Рыбакова, ложную спираль можно рассматривать как превращенный вариант ромба-меандра, универсальной идеограммы «Жизни и Блага» (Рыбаков, 1972. С. 130). Спираль – широко распространенный солярный символ, вариант солнечного змея, встречающийся и на скифских солнечных оленях (Мартынов, 1987. С. 18–23). Соединение солнечной спирали и образа змеи отсылает к текстам Ригведы, где бог Агни описывается «без ног и головы, прячущим оба конца» (Ригведа, IV, 1, 11),

«С золотыми волосами, в разливе пространства
Змей мотнувшийся, словно гудящий ветер,...»

(Ригведа, I, 79)

Спирали выступали в ананьинском искусстве в качестве идеограмм, возможно, имевших истоки в иных культурных мирах, но получивших в дальнейшем собственное прочтение. Например, булавки со спиралевидными навершиями из погр. 1000 и 1007 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1994, Рис. 82, 83). В композиционном плане ближайшими аналогиями можно считать булавки с парными изображениями животных, распространенные от Инда до Карпат в период с III до середины I тыс. до н. э. (Козенкова, 2013. С. 54). У мари булавки, используемые в женском головном уборе, называются «иголка с головкой», хотя вряд ли являются непосредственными преемниками ахмыловских булавок. Способ ношения украшения предполагает его вертикальную ориентацию, таким образом, оно выступает аналогом мировой оси, поэтому в декоре присутствуют варианты идеограммы мирового дерева. В связи с эти можно вспомнить, что Агни – не только светло-пламенный змей, но и «...столб, соединяющий небо и землю» (Ригведа: VII, 3). В спирали закручены и рога оленей на скифских изображениях, их нередко сравнивают с ветвями мирового дерева (Dictionnair du symbols, 1969, P. 162). В верхней части булавки из погр. 1000 Старшего Ахмыловского могильника просматриваются очертания женской фигуры, богини, также связанной с космической осью, спиральные завитки могут быть аналогом предстоящих животных или детей-близнецов (в Индии на дверях дома, где родился ребенок, рисуют красную спираль) (Голан, 1991. С. 162, 45). В финно-угорской культуре распространен образ оленя-лося, несущего в своих рогах солнце, также как образ богини-матери с сыновьями. Финно-угорская богиня-мать имела орнитоморфный облик, но спираль можно истолковать и как изображение водоплавающей птицы (Маслова, 1978. С. 66). Четыре спирали на вершине булавки можно рассматривать и как образ четырех коней, которые согласно «Авесте» везут богиню Ардвисури (Авеста, I, 5).

Наиболее типичной для финно-угров Поволжья стала идеограмма из трех спиралей (трискелий), известная также в Кобанской культуре и в Подунавье (Козенкова, 2013. С. 54). Распространение этой идеограммы в последующие эпохи в финно-угорском искусстве свидетельствует, что местное население воспринимала ее именно как текст, а не просто орнамент. Можно интерпретировать данный символ как три солнца, соответствующие трем мирам. По мнению А. Голана, спираль – символ неба (Голан, 1991. С. 26) Композиция может представлять изображение солнца на рогах какого-то небесного животного, в иранской традиции это, вероятно, бык, в финно-угорской – олень-лось, культ которого не был чужд и иранскому миру. А. Голан рассматривал трансформацию культа оленя-лося, известного со времен палеолита, в культ быка (Голан, 1991. С. 37–38).

Распространение нагрудных блях с солярной символикой, которые станут в дальнейшем одним из типичных украшений финно-угров Поволжья, также можно связать с влиянием ираноязычных соседей, представления которых восходят еще к эпохе индоиранского единства. В текстах «Ригведы» Агни сравнивается с «золотым украшением между небом и землей» (Ригведа, I, 96), «дарующим светом срок жизни» (Ригведа, X, 45), а Сурья называется «светлым знаком» (Ригведа, X, 37).

Ананьинская эпоха была важной вехой в формировании религиозных представлений финно-угров Поволжья, большую роль в этом сыграли контакты с ираноязычными этносами, открывшими доступ к кругу древних земледельческих и скотоводческих культур, в том числе таких географически отдаленных как кобанская. Многие заимствования были в дальнейшем адаптированы населением Поволжья и стали неотъемлемой частью его культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Ст.А., 2004. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. №11. СПб. С. 275–297.

Голан А., 1991. Миф и символ. М., 371 с.

Калиев Ю.А., 2003. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола. 216 с.

Козенкова В.И., 2013. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М. 163 с.

Марков В.Н., 1998. Ананьинская проблема. Некоторые итоги и задачи ее решения // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань. С. 48–88.

Мартынов А.И., 1987. О мировоззренческой основе скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука. С. 13–25.

Маслова Г.Н., 1978. Орнамент русской народной вышивки как этнографический источник. М.: Наука, 207 с.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 232 с.

Патрушев В.С., 1994. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тыс. до н. э. Йошкар-Ола. 80 с.

Рыбаков Б.А., 1972. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сборник трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности. Вып. 5. М.: Изобразительное искусство. С. 127–134.

Сагалаев А.М., 1991. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск. 155 с.

Dictionnair du symbols, 1969. Mythes, reves, coutumes, gestes, formes, figures, couleures, nombres. Paris, 612 p.

Комплексное исследование группы памятников раннего железного века Кала-Урын в пригороде г. Перми

© 2018 М.Л. Перескоков

Аннотация. Рассматриваются предварительные результаты исследования группы памятников Кала-Урын (городище, курганно-грунтовый могильник и два селища). Ранний этап функционирования городища относится к позднему этапу ананьинской культуры (V–III/II вв. до н. э.). В дальнейшем, городище повторно было заселено на среднем и позднем этапах гляденовской культуры (III–V/VI вв. н. э.), усилена фортификация, обустроены селища, а также функционировал могильник.

Ключевые слова: городище, курганно-грунтовый могильник, селище, гляденовская и ананьинская культуры.

Комплекс археологических памятников Кала-Урын включает могильник, городище и два селища. Памятники открыты и обследованы в разное время. Городище Кала-Урын[1] (Баш-Култаевское II, Кола-Уры, городище «Вал») было открыто в 50-е гг. сотрудниками КАЭ ПГУ. В 1983–85 гг. В.А. Борзуновым были предприняты раскопки городища в юго-восточной части памятника, во время которых был обследован участок с оборонительными сооружениями (592 кв.м) – тремя валами и тремя рвами, прилегающий участок площадки городища (288 кв.м) (Борзунов, 1987), а также открыто находящееся за валами селище Кала-Урын I. Могильник Кала-Урын был открыт Г.Т. Ленц в 1983 г., в дальнейшем обследовался Н.В. Соболевой в 1985 г. В 1991 году в ходе разведки А.Е. Старкова были обследованы все три памятника и открыто селище Кала-Урын II. В ходе исследований городище Кала-Урын I и селище Кала-Урын I были датированы IV в. до н. э. – V в. н. э. Предварительная датировка могильника установлена в рамках раннего средневековья V–VI вв. н. э., второго селища – I–V вв. н. э. (Перескоков, Доткин, 2015)

В 2013 году К.В. Доткиным и М.Л. Перескоковым на памятниках археологического комплекса Кала-Урын (городище, могильнике и обоих селищах) было заложено по одному разведочному раскопу 16 кв.м каждый. В 2014 г. М.Л. Перескоковым были проведены рекогносцировочные раскопки на могильнике Кала-Урын. Были исследованы три курганные насыпи, которые содержали 6 погребений (Перескоков, 2017). Летом 2017 г. работы на городище и могильнике продолжены М.Л. Перескоковым и В.В. Мингалевым.

Городище Кала-Урын, селища Кала-Урын I и Кала-Урын II расположены на правом берегу р. Н. Мулянка, в 2,4–2,6 км к юго-юго-востоку от д. Баш-Култаево Пермского района. Селища вплотную примыкают к городищу – первое с юго-восточной стороны, второе с северной стороны. Могильник Кала-Урын расположен на левом берегу р. Н. Мулянка в 0,4 км к северо-западу от городища и отделен от группы поселений поймой и течением р. Н. Мулянка. Памятники, безусловно, необходимо рассматривать как единый комплекс связанных между собою объектов, что подтверждается идентичностью керамического комплекса.

Центральным в группе является городище, которое оборудовано сложными фортификационными сооружениями. Укрепления представлены тремя валами и рвами с напольной стороны, которые были исследованы В.А. Борзуновым. Под третьей (крайней напольной) фортификацией, были выявлены остатки более ранней («четвертой»), состоявшей из однорядовой (?) бревенчатой стены, без вала и рва-водоотвода. Наиболее ранней и мощной являлась первая оборонительная линия, представленная друхрядовой бревенчатой (?) стеной, поверх широкого и высокого (6–8×1,1 м) вала, а также широким и глубоким (6–8 × 1,3–2 м) рвом. Позднее отдельные участки первой стены были перестроены. В 25–30 м от нее была возведена «четвертая» фортификация. Городище стало двухплощадочным. После разрушения раннего городища построены примыкающие друг к другу вторая и третья оборонительные линии, каждая из которых была слабее первой. В.А. Борзунов полагал, что они существовали синхронно и представляли новый элемент в фортификационном строительстве – двойную линию обороны при одноплощадочном городище (Борзунов, 1987. С. 166). При этом, не совсем ясна функция первой фортификации на позднем этапе. Нам представляется, что после постройки второй и третьей линии укреплений первая также использовалась как основная, что, благодаря ее превосходящей высоте, давало преимущество обороняющимся при попытке штурма второй и третьей линий.

В.А. Борзунов выделяет три этапа заселения мыса: позднеананьинское неукрепленное поселение (около IV–III вв. до н. э.); переходного этапа – с первой, затем с «четвертой» линиями обороны (около III вв. до н. э.), и раннегляденовского – с двойной линией обороны (около III–II вв. до н. э.) (Борзунов, 1987. С. 166 167).

На площадке городища были исследованы остатки разновременных жилых и производственных сооружений с очагами, хозяйственными ямами, литейными комплексами, а также ямы с единичными костями животных и костяными наконечниками стрел (Борзунов, 1987. С. 167–168). Наши работы на площадке городища, ближе к его центру, выявили остатки жилых построек разного времени с открытыми очагами. В раскопе 2013 г. исследован очаг, обложенный по периметру камнями, в котором был найден каменный оселок с отверстием. Зафиксировать контуры построек можно лишь условно, что связано с особенностями культурного слоя. Работы на селищах объектов не выявили.

В ходе работ на городище в 2013–2017 гг. были выявлены два разновременных керамических комплекса. Комплекс ананьинского времени представлен типичной для мулянской территории воротничковой и безворотничковой посудой, орнаментированной шнуровым и гребенчатым орнаментом. Интересен орнамент в виде подковок из шнура. Аналогичная орнаментация присутствует на керамике с близлежащих Болгарского IX селища и могильника Протасы (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015), но наибольшее распространение данный узор получает в финале раннего железного века (Перескоков, 2015), что, безусловно, говорит о преемственности орнаментальной традиции в Пермском Прикамье на протяжении всего раннего железного века и раннего средневековья.

Керамический комплекс позднего этапа гляденовской культуры представлен характерными типами орнаментов, выполненных гребенчатым штампом, резным, шнуровым и ямочным орнаментом, имеет полные аналогии на селищах Кала-Урын I-II и на могильнике Кала-Урын (Перескоков, Доткин, 2015; Перескоков, 2015).

Исследования Кала-Урынского могильника, начатые в 2014 г., были продолжены в 2017 г. В общей сложности было исследовано 8 курганных насыпей, включавших 11 погребений. Погребения сильно разрушены разновременными перекопами, которые могут иметь различный характер. В некоторых погребениях фиксируется по несколько нарушающих друг друга перекопов. Наиболее ранние из них относятся ко времени функционирования могильника и, вероятно, имеют культовый характер, связанный с обрядом обезвреживания погребенных, обычно засыпаны, фиксируются очень нечетко. Поздние перекопы относятся к грабительским раскопкам нового времени. Погребальный обряд памятника и перекопы имеет очень близкие аналогии в Мокинском могильнике, а также в курганно-грунтовых могильниках бассейна р. Сылве (Мингалев, Перескоков, 2014; Перескоков, 2015; Перескоков, 2017). Интересно погребение в форме лодки, имеющее прямые аналогии в позднегляденовском могильнике Верхний Ирьяк на р. Тулве (Перескоков, 2004). В раскопе 2017 г. удалось проследить стратиграфию курганных насыпей, которые были небольшими по размерам и взаимно перекрывали друг друга, образуя подобие «длинных» курганов, что происходит в результате постепенного сооружения насыпей над расположенными близко погребениями одного ряда. Изученные погребальные комплексы могут быть датированы третьей четвертью IV – первой половиной V в. н. э. (Перескоков, 2017). Керамика из погребений находит полные аналогии в позднем керамическом комплексе из городища Кала-Урын.

Таким образом, комплекс памятников Кала-Урын является единой системой. Поселение на площадке городища появилось в позднеананьинское время (V–IV вв. до н. э.), когда и была сооружена ранняя система укреплений, время постройки которой синхронно фортификации на близлежащих городищах Гляденовском и Алтен-Тау, и отражает эпохальные события, связанные с милитаризацией и военными столкновениями. Верхнюю границу функционирования раннего укрепленного поселения можно обозначить III/II вв. до н. э., так как керамический комплекс раннегляденовского времени на городище не выявлен, так же как и датирующие находки этого времени. В этот период поселение, вероятно, было заброшено[2]. Для раннего этапа гляденовской культуры, который соответствует римскому климатическому оптимуму, характерно перемещение поселков ближе к пойме – основному производственному ресурсу для скотоводства. Этот период, судя по всему, был относительно мирным, так как бóльшая часть укрепленных поселений ананьинского времени была заброшена либо переквалифицирована в святилища (Гляденово, Юго-Камск, Гремяча). При этом фортификации утратили функциональность или были снивелированы, а рвы засыпаны.

Вновь площадка городища была заселена на среднем и позднем этапах гляденовской культуры, когда в Пермском Прикамье появились группы воинского населения, оставившие комплексы III в. н. э. Мокинского могильника и курганные погребения культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш (Перескоков, 2014). Была восстановлена и достроена система укреплений, которая включала три фортификации, что соответствует фортификационным традициям финала раннего железного века (Перескоков, 2013). В этот же период появляются поселения за границами укреплений – селища Кала-Урын I–II, а также курганно-грунтовый могильник. Комплекс памятников, вероятно, перестает функционировать в связи с тем, что население Качкинско-Мулянского поречья полностью покидает эту территорию. Наиболее вероятной причиной данных событий могли быть экологические изменения, которые сделали территорию широкой поймы Камы и ее притоков непригодной для существовавшего у гляденовского населения хозяйственно-культурного типа, и вынудили его к локальной миграции (Перескоков, 2016). Таким образом, предварительная верхняя хронологическая граница функционирования Кала-Урынского комплекса памятников позднего этапа гляденовской культуры может быть обозначена V/VI вв. н. э., что является также верхней границей функционирования гляденовской культуры на территории Качинско-Мулянского поречья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Согласно документации о постановке на государственный учет, памятник называется «Баш-Култаево II (Кала-Урын), городище». В отчетах и публикациях В.А. Борзунова, памятник назван Баш-Култаевское городище (Кола-Уры) (Борзунов, 1987. С. 166–168). При обнаружении городища, В.И. Неприна назвала его городище «Вал». Ю.А. Поляков в ходе разведки 1953 г. выявил другое городище, которое отличалось по описаниям от выявленного В.И. Неприной, и назвал его Баш-Култаевское I городище. Таким образом, во избежание путаницы, мы называем памятник: городище Кала-Урын.

[2] Возможно, после дальнейших исследований и полной публикации В.А. Борзуновым материалов его раскопок можно будет пересмотреть данное предположение, но пока у меня нет оснований считать иначе.

ЛИТЕРАТУРА

Борзунов В.А., 1987. Работы на Урале и в Зауралье // АО 1985 года. М.: Наука. С. 166 168.

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л., 2015. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. №2 (12). С. 136–159.

Мингалев В.В., Перескоков М.Л., 2014. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Горбуновой. С. 255–261.

Перескоков М.Л., 2004. Особенности погребального обряда могильника Верхний Ирьяк // Исторические чтения (материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов историко-политологического факультета). Пермь: ПГУ. С. 134–138.

П*ерескоков М.Л., 2013.* Пермское Приуралье в финале

раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н. э.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Перескоков М.Л., 2014. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань: Отечество. С. 378–381.

Перескоков М.Л., 2015. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия История. Вып. 1(28). С. 99–113.

Перескоков М.Л., 2017. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. Серия: История. №1 (36). С. 84–97.

Перескоков М.Л., 2016. Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 175–178.

Перескоков М.Л., Доткин К.В., 2015. Керамика погребальных комплексов позднегляденовского времени Мулянской территории (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 49–59.

Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы

© 2018 А.С. Проценко

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ «Культурно-исторические процессы и изменения природно-климатических условий в эпоху раннего железа в лесостепном Предуралье». Проект №17-11–02001.

Аннотация. Одной из фундаментальных задач, стоящих перед исследователями на сегодняшний день, является публикация материалов опорных памятников археологических культур. Данная работа вводит в научный оборот материалы, полученные в ходе рекогносцировочных работ на Кара-Абызском городище в 2017 г.

Ключевые слова: рекогносцировочные исследования, р. Белая, лесостепное Предуралье.

Работа посвящена анализу новых материалов, полученных в ходе исследований в 2017 г., опорного поселенческого памятника раннего железного века лесостепной зоны Южного Урала, относящегося к одному из самых ярких этнических образований Предуралья – кара-абызской археологической культуре. Носители этой культуры занимали не очень протяженные территории в среднем течении р. Белой, но сумели при этом оставить один из самых крупных могильников в Восточной Европе – Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский, и др.) (Проценко, 2017. С. 127).

Кара-Абызское городище расположено в 30 км от г. Уфы (Благовещенский район Республики Башкортостан) на высоком мысу коренной террасы правого берега р. Белой (высотой около 40 м), в 0,8 км к СЗ от северной окраины нежилой д. Городок (ныне коллективные сады «Энергетик») и в 3,9 км к западу от поворота с автотрассы Уфа–Благовещенск на коллективные сады «Энергетик». Археологические раскопки на городище были проведены А.В. Шмидтом (Шмидт, 1929) и В.А. Ивановым (Иванов, 1978).

Рекогносцировочные исследования 2017 г. явились продолжением работ, начатых в 2015 г., целью которых было установление границы распространения культурного слоя за пределами укрепленной линии (в юго-восточной части памятника). В 2017 г. исследования производились с целью установления северной (северо-восточной) границы памятника.

Основные результаты исследований.

На исследуемой площадке, было заложено шесть рекогносцировочных шурфов, в трех из которых был археологический материал. Стратиграфия во всех шурфах практически однотипная: дерн, под ним залегал слой гумуса, пронизанный корнями растений и материк (светло-коричневая глина).

Если в юго-восточной части памятника характерной чертой культурного слоя являлась высокая насыщенность керамическим и археозоологическим материалом (Проценко, Сатаев, 2016), то в северо-восточной части археозоологический материал полностью отсутствовал.

В шурфах №1, 2 культурный слой был насыщен керамическим материалом (фрагментами лепной глиняной керамики), глубина залегания составляет 0,1–0,3 м. Общая глубина шурфов составляет 0,3–0,8 м от современной поверхности. Распределение керамического материала по шурфам неравномерно. Наибольшее количество керамики происходит из шурфа №2 – 44 фрагмента. В шурфе №1 керамический материал представлен меньше – 18 фр., несмотря на наличие подъемного материала на месте заложения шурфа №5 (6 фр.), в самом шурфе никаких артефактов не обнаружено. Керамический материал представлен фрагментами от круглодонных сосудов в виде чаш или горшков с широким горлом и раздутым туловом, содержащими примесь дробленой раковины или песка в тесте, хорошего кострового обжига. Орнамент на кара-абызской керамике всегда расположен по верхней части сосудов – на шейке или плечиках. В подавляющем большинстве это поясок круглых ямок, иногда ямки заменены глубокими насечками. Керамический комплекс можно считать классическим для данной культуры, который фиксируется и на других реперных поселенческих памятниках. Необходимо отметить и полную идентичность керамического материала, который был получен в ходе исследований 2015 г. (Проценко, Заикина, 2018).

В ходе исследований получено восемь индивидуальных находок. В непосредственной близости от места закладки шурфа №1 на обрывистом склоне террасы были найдены: глиняное пряслице, изготовленное из стенки лепного сосуда, в форме диска уплощенно-овального сечения (Рис. 1, 2) и трехгранный, втульчатый бронзовый наконечник стрелы (Рис. 1, 3). Из шурфа №1 происходит костяная

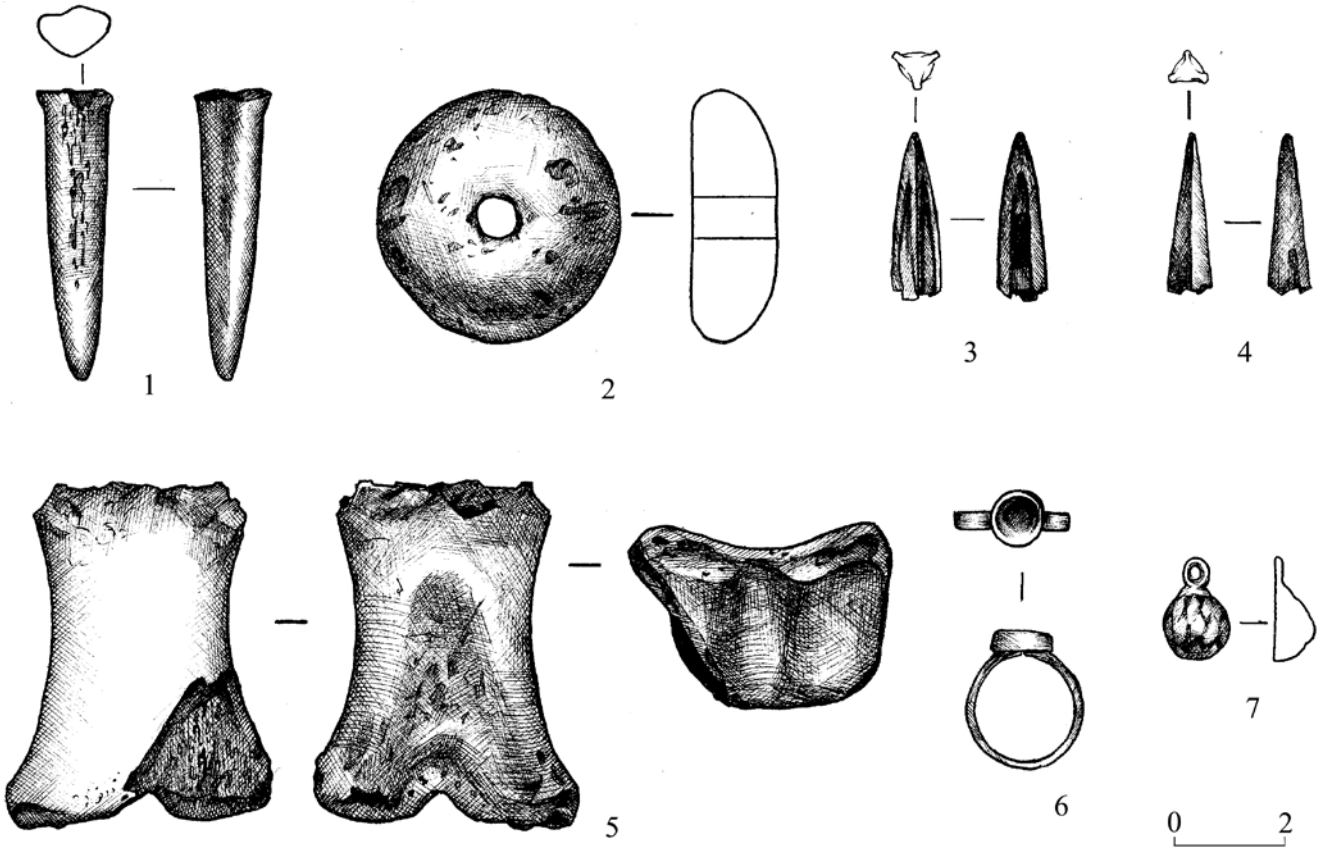


Рис. 1. Индивидуальные находки, полученные в ходе рекогносцировочных исследований в 2017 г.

рукоять от ножа (Рис. 1, 5) и еще один экземпляр трехгранного, втульчатого бронзового наконечника стрелы (Рис. 1, 4); из шурфа №2 – костяное изделие с хорошо отполированной поверхностью (Рис. 1, 1) и серебряное (?) кольцо с овальным щитком (Рис. 1, 6). Из шурфа №3 происходят: бронзовая подвеска-бубенчик с рельефным орнаментом (Рис. 1, 7) и железный нож.

Датирующим материалом являются бронзовые втульчатые наконечники стрел, которые соответствует типу С-50, по С.В. Кузьминых, – наконечники со сводчатым и треугольным пером с лопастями, опущенными ниже втулки шипами. В VI–V вв. до н. э. фиксируется появление наконечников данного типа у ананьинцев, на V в. до н. э. приходится пик их использования на Каме, причем употребляются исключительно экземпляры со сводчатым пером. Наконечники IV–III вв. до н. э. более грубые, с нечетким разделением втулки и лопастей, с более узкой «базой», они в основном представлены в кара-абызских памятниках (Кузьминых, 1983. С. 110).

Таким образом, большая часть материала (весь керамический комплекс, пряслице, костяные изделия и наконечники стрел) относится к кара-абызской археологической культуре раннего железного века Башкирского Предуралья.

Необходимо отметить, что в результате исследований 2017 г. получены находки позднего средневековья. Кольцо с овальным щитком из шурфа №2, аналогичная находка зафиксирована на городище Уфа-II в 2009 г. и, по мнению авторов, относится к чияликскому слою городища (XII–XIV вв.) (Мажитов и др., 2011. С. 50. Рис. 143). Бронзовая подвеска-бубенчик с рельефным орнаментом из шурфа №3 имеет многочисленные аналогии в культуре «поздних кочевников» в Башкирии и датируется Н.А. Мажитовым XII–XIII вв. (Археология СССР, 1981. С. 222, 267. Рис. 90: 8), железный нож полученный из данного шурфа, скорее всего, также относится к вышеуказанному периоду времени.

Интересен тот факт, что на исследуемой территории зафиксированы поздние индивидуальные находки, а керамических материалов эпохи средневековья не обнаружено, несмотря на то, что на укрепленной площадке городища они представлены керамикой бахмутинской и чияликской культуры (Проценко, 2016. С. 180).

Таким образом, в древнейшую эпоху городища укрепленная площадка, как бы «кремль», была окружена широким кольцом жилой местности, которую можно условно назвать «предместьями». Если рекогносцировочные исследования в 2015 г. позволили достаточно четко оконтурить границу одного из таких «предместьев» (Проценко, 2017. С. 131. Рис. 1), то работы 2017 г. показали, что культурный слой в северной (северо-восточной) части за укрепленной линией городища четко не локализуется. Возможно, данное обстоятельство объясняется активной хозяйственной деятельностью человека. Так, еще в 1928 г. площадка городища и прилегающая территория была занята хутором и пашней гражданина Новичкова, возведшего на ней несколько построек. Постройки и пашни имели здесь место и в более раннее время: сохранились, в частности, следы бывшего омшаника (Шмидт, 1929. С. 6).

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.А., 1978. Исследования памятников на правобережье р. Белой // АО 1977 года. М.: Наука. С. 174–175.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука. 257 с.

Проценко А.С., 2016. Стратиграфия керамики кара-абызской культуры (по материалам городища Кара-Абыз) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 178–181.

Проценко А.С., Сатаев Р.М., 2016. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. №6(44). С. 125–133.

Проценко А.С., 2017. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. №4. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». С. 127–133.

Проценко А.С., Заикина Н.А., 2018. Керамический комплекс городища Кара-Абыз (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Молодая археология Урала и Поволжья. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 58–67.

Шмидт А.В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. №8–9. Уфа. С. 1–28.

Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья

© 2018 Н.С. Савельев, Р.Г. Курманов, Р.Р. Сулейманов

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ФФИ АН РБ проект 17–11–02001 «а(р)»

Аннотация. Показаны первые результаты археологических, палинологических и палеопочвоведческих исследований Шиповского городища кара-абызской культуры. На основе совмещения данных по опорному стратиграфическому разрезу 2017 г. подтверждается и детализируется вывод о значительном усушении лесостепи Южного Приуралья во второй половине IV – II в. до н. э. и его сильном воздействии на этнокультурный состав и хозяйство оседлого лесостепного населения.

Ключевые слова: скифо-сарматское время, кара-абызская культура, палинология, палеопочвоведение.

Одним из несомненных успехов археологии Южного Приуралья второй половины XX века стало выделение самостоятельной и очень яркой кара-абызской культуры, занимавшей во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках I тыс. н. э. узкую полосу лесостепи по правобережью среднего течения р. Белая. Парадоксальность этого культурного образования – в весомом (более 400 км) территориальном отрыве от Прикамья и Среднего Поволжья, откуда различные группы постмаклашеевского и ананьинского населения и начали проникновение на юго-восток, проживании на границе с кочевым миром и установлении тесных связей с ним (Овсянников, 2009; Савельев, 2010), что в итоге привело к всплеску сарматизации всех сторон жизни носителей кара-абызской культуры (Савельев, 2014). Долгое время понимание причин произошедшего отсутствовало, объяснения всех этих явлений не выходили за пределы самых общих предположений (см. напр.: Проценко, Сатаев, 2016. С. 127–128) или строились на косвенных наблюдениях. Начатые в последние годы естественнонаучные исследования (Данукалова и др., 2004; Сулейманов, Овсянников, 2011) и их корреляция с археологическими данными (Савельев и др., 2017) показывают пути решения накопившихся вопросов.

В 2017 году был начат сбор палеопочвенных и спорово-пыльцевых образцов с кара-абызских поселений с наиболее мощным и информативным культурным слоем. Среди ряда других объектов исследования проводились и на Шиповское городище – одном из ключевых памятников кара-абызской культуры, на котором фиксируется непосредственный контакт и смешение оседлого и кочевого компонентов (Савельев, 2009), на некрополе которого, в значительной степени состоящем из курганов, четко прослеживаются остаточные черты погребальной обрядности раннего этапа прохоровской (раннесарматской) культуры степей Южного Урала (Овсянников и др., 2007. С. 80–82; Савельев, 2008).

При поиске ненарушенных участков культурного слоя за пределами садового массива, занимающего всю территорию самого городища, в лесу был выявлен ранее неизвестный мысовидный выступ, перекрытый тройной линией валов и рвов – цитадель городища. Из четырех разведочных шурфов два (№№1–2) были заложены на цитадели, один (№3) – на ровной напольной площадке и еще один (№4) – в 100 м к северу от линии фортификаций, на «посаде» городища. Глубина шурфов 1–3 составила 0,45–0,64 м. По шурфам 1 и 2 установлено, что основной культурный слой на цитадели относится к первой половине – середине I тыс. н. э. В эпоху раннего железа эта площадка была слабо заселена, находки представлены керамикой развитого этапа кара-абызской культуры и единичными фрагментами, относящимися к гафурийскому культурному комплексу. Шурф 3 показал отсутствие более поздних инородных включений и нахождение в верхней части культурного слоя керамики убаларского типа. На этом фоне своей яркостью и научной значимостью выделяется шурф 4.

Шурф расположен в юго-западной части городища, немного севернее раскопа 1972 года, на месте участка сборов №3 подъемного материала 2008 года (Савельев, 2009. Рис. 1). Приурочен к распаханной поверхности склона большого пологого (диаметр около 30 м, высота 1,3 м) холма, вершина которого на окружающем черном фоне выделяется желто-белесым цветом. Размеры шурфа 1×1 м, глубина 1,6 м (до материка – 1,3–1,45 м), разбирался условными горизонтами мощностью 0,15 м. Отбор проб на палинологический анализ (12) велся через 10 см, по северной стенке, на анализ почвы (5) – по литологическим слоям. Находки немногочисленны, в основном представлены фрагментами керамики (54) и колотыми костями животных (128).

Стратиграфическое распределение находок[1] в комплексе с данными по почвам (карбонаты, гумус, валовый фосфор, азот щелочногидролизуемый) и спорово-пыль-

цевым спектрам (СП1-12) наглядно показывает динамику изменений от основания культурного слоя к его верхней части.

1. Погребенная почва – темно-серая однородно окрашенная крупнозернистая среднесуглинистая (135–105 см; горизонты 9, 8; почва – В1.пог.; СП1-2). Верхняя граница слоя фиксируется четко, имеет выраженное утончение к югу – вероятно, в этой части он был срезан. По горизонтам находки керамики немногочисленны (13 и 11 % соотв.), абсолютно преобладает примесь раковины в тесте, единично встречается примесь раковины и органики. Один фрагмент из гор. 9 имеет обильную примесь талька и раковины. Кости животных (20 и 8 % соотв.) сильно раздроблены, в основном принадлежат мелкому рогатому скоту (МРС) и единично – крупному (КРС). СП-спектры показывают гумидный тип климата с постепенным усушением и сменой лесных ландшафтов на мозаичные лесостепные. Площади хвойно-широколиственных лесов и злаково-разнотравных степей примерно равны. Наличие рудеральных растений указывает на самое начало освоения территории. Эти же данные подтверждаются крайне низким содержанием карбонатов (0,096 %) и валового фосфора (248,0 мг/100 г) в почве, что лишь немного превышает уровень последнего в окружающих фоновых почвах.

2. Светло-коричневый суглинок с включениями карбонатной крошки, угля, золы, с затеками и темно-коричневыми гумусированными прослойками (105–88 см; горизонты 7, 6; почва – В.пог.; СП3-4). На отдельных участках верхняя граница четкая, в других местах распадается на отдельные прослойки. Мощность слоя 17–45 см. Количество керамики увеличивается (13 и 21 % соотв.), наряду с примесью раковины и раковины с органикой появляется рецепт «раковина+шамот». На каждом горизонте по одному фрагменту – с примесью талька. Количество костей животных увеличивается (15 и 20 % соотв.), возрастает процент сильной раздробленности (до 24,2 % от всех), абсолютно доминируют и увеличиваются более чем в 3 раза кости МРС (19,6 – 15,7 %), кости КРС отсутствуют, единично представлены кости лошади. На всех костях видны следы истлевания окружающей органики. В обоих горизонтах присутствуют створки раковин пресноводных моллюсков – перловиц. Проба СП-4 непредставительна, а СП-3, взятая из основания слоя, непосредственно над погребенной почвой, показывает резкое увеличение пыльцы травянистых растений (до 67 %) и более чем в 2 раза – снижение древесных (до 23 %), сам же состав пород деревьев не меняется (в основном – сосна и липа). Увеличивается доля синантропных растений, особенно пасквальных видов, что свидетельствует о локальном вытаптывании. Содержание валового фосфора в слое увеличивается почти в 4 раза (до 832,0 мг/100 г), что свидетельствует о значительно большей освоенности площадки, карбонаты, являющиеся показателем интенсивности иссушения, – в 100 раз (9,53 %). Еще более высокие показатели (соотв. – в 5 и 160 раз) – из линзы зольника внутри этого слоя.

3. Темно-коричневый мелкокомковатый однородно окрашенный среднесуглинистый (88–42 см; горизонты 5, 4, 3; почва – А.пог.; СП5-9). Границы слоя четкие, мощность 46–67 см, с отдельными карбонатно-углистыми линзами. Количество керамики снижается в 2–3 раза (6, 9 и 6 % соотв.), постепенно сходят на нет рецепты «раковина+органика» и «раковина+шамот», сохраняется только раковинная примесь к тесту. Количество костей сокращается в 2 раза (8, 9 и 8 % соотв.). Также в основном представлены кости МРС, на горизонте 5 их количество падает в 3 раза, после этого восстанавливается на уровне 15 %. Только на горизонте 5 единично встречаются кости лошади, выше снова появляются отдельные кости КРС. Фиксируется значительное снижение процента сильно раздробленных костей: на гор. 5 – в 2,5 раза по сравнению с нижележащим (до 9,1 %), на гор. 4 и 3 они становятся единичными. Все кости имеют следы истлевания окружающей органики. Пробы СП-5, 8–9 непредставительны, пробы СП-6-7 практически соответствуют картине, зафиксированной в СП-3 с постепенным увеличением аридизации (травянистые – 78–86 %, древесные – 16–10 %). Последние представлены в основном липой, лес замещается луговой растительностью, постепенно исчезают небольшие влажные участки. Увеличивается доля пасквальных и рудеральных растений. Содержание карбонатов в почве падает в 6 раз (1,54 %), уровень азота высокий (84 мг/кг), соответствует погребенной почве, валовый фосфор снижается в 1,5 раза (до 592,2 мг/100 г). Все это свидетельствует об относительно быстром формировании и перекрывании данного слоя.

4. Светло-коричневый суглинок с большим количеством карбонатной крошки, угольками, затеками коричневой глины (42–15 см; горизонт 2; почва – В1; СП10-11). Структура слоисто-комковатая, верхняя часть слоя разрушена распашкой. Керамика отсутствует. Сильно раздробленных костей почти нет, в основном представлен МРС (9,8 % от всех), кости КРС единичны. СП-спектры непредставительны. По сравнению с нижележащим слоем содержание карбонатов в почве увеличивается в 9 раз (до 13,48 %), уровень азота снижается в 2 раза (до 42 мг/кг), валовый фосфор также снижается почти в 2 раза (до 315,6 мг/100 г). Значительный вес карбонатов в слое является показателем ярко выраженной засушливости и его длительного поверхностного нахождения при минимальном хозяйственном использовании.

5. Долголетняя – более 60 лет – пашня (15–0 см). Состоит из механической смеси относительно тонкого дерна и верхней части подстилающего слоя. Поскольку любые полученные данные по этому слою недостоверны, для характеристики самого позднего этапа отложений привлечены поверхностные пробы из расположенного в немного юго-западнее шурфа №3. После достаточно длительного этапа увеличения открытых пространств, с глубины 15 см начинается резкое увеличение веса древесной растительности (березы и сосны, особенно на финальном этапе) – с падением пыльцы травянистых растений до 13 % и повышением до 30 % ближе к современности.

Культурная принадлежность и хронология. Абсолютное большинство найденной в шурфе керамики относится к кара-абызской культуре. Об этом свидетельствуют как формы сосудов, так и примеси к формовочной массе и обработка поверхностей. Важно, что какие-либо принципиальные различия между находками из нижней и верхней части отложений отсутствуют. В горизонтах 7 и 6 присутствуют единичные фрагменты с примесью талька, что характерно для керамики гафурийского комплекса, а в горизонте 9 – фрагмент с примесью талька и раковины, что является показателем механического переплетения гафурийских и кара-абызских керамических традиций. Ряд сосудов (гор. 8, 7) являются смешанными гафурийско-кара-абызскими. Учитывая время их формирования не ранее

последней четверти – конца IV в. до н. э. (Савельев, 2014. С. 204–205), начало освоения площадки той части Шиповского городища (его посада), где расположен шурф №4, нельзя датировать ранее второй половины IV в. до н. э., а верхнюю границу погребенной почвы – ранее начала III в. до н. э. Верхняя граница отложений в шурфе №4 по отсутствию убаларской керамики с примесью песка в тесте (в достаточно большом количестве она здесь присутствует только в пахотном слое, см.: Савельев, 2009. С. 131–132), замещающей «классическую» кара-абызскую с примесью раковины во II–I вв. до н. э., не может быть датирована позже этого времени.

Формирование отложений. Приведенные данные показывают, что основная часть отложений шурфа №4, перекрывающая погребенную почву, мощностью около 1,0 м, сформировалась не более чем за 200–250 лет (III–II вв. до н. э.). Переслаивание однородного мелкокомковатого прогумусированного слоя золистыми и карбонатными прослойками, резкие перепады содержания валового фосфора, азота, карбонатов, спор и пыльцы растений в этом слое свидетельствуют об его очень быстром, но с определенными перерывами, накоплении. Его однородность вместе с высоким содержанием фосфора позволяют говорить, что весь этот слой является полностью перегнившим навозом. Следы этой кучи до сих пор видны в виде оплывшего холма диаметром около 30 м, и ранее она описывалась как «распаханное зольное пятно» с большим количеством находок на поверхности (Пшеничнюк, 1976; Савельев, 2009). Учитывая наличие на посаде городища не менее двух линий «зольных пятен» (Там же. С. 133, 140), они могут быть интерпретированы как приуроченные к отдельным усадьбам кучи относительно гомогенных отходов, формирующихся в условиях стойлового содержания скота.

Посад Шиповского городища в IV–II вв. до н. э. По данным шурфа №4 2017 г., площадка за пределами линии укреплений цитадели во второй половине – конце IV в. до н. э. была освоена очень незначительно. Палинологические данные свидетельствуют о постепенном иссушении климата и смене лесных ландшафтов на лесостепные. Местное кара-абызское население начинает испытывать сильное воздействие проникающих с юга (около 100 км) носителей гафурийского комплекса – оседающих кочевников-сармат (Савельев, 2014). С рубежа IV–III или начала III в. до н. э. место шурфа №4 начинает использоваться под складирование гомогенных отходов (навоза) с относительно немногочисленными археологическими находками. Площадь посада городища в это время расширяется в несколько раз, формируется большое количество «зольных бугров». Аридизация резко усиливается, площадь лесов сокращается в два раза. Горизонты 5–7 по сравнению с выше- и нижележащими слоями показывают рад важных отличий: увеличение керамики и ее разнообразие по примесям, общее увеличение костей и резкое увеличение костей МРС, появление костей лошади и исчезновение костей КРС, сильная раздробленность костного материала, присутствие створок раковин перловиц и т.д. Все это может являться показателем значительной трансформации системы жизнеобеспечения населения Шиповского городища вследствие усиления аридизации и притока более южных групп населения. Снижение или исчезновение этих показателей в вышележащих слоях показывают, что население постепенно адаптировалось к изменившимся природным условиям и смогло выйти из состояния пищевого и, вероятно, демографического стресса. Этому способствовало и постепенное снижение аридизации, что также прослежено на относительно недалеко расположенном городище Акбердино II (Савельев и д., 2017).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Остеологические анализы выполнены н.с. РИКМЗ «Древняя Уфа» А.А. Романовым.

ЛИТЕРАТУРА

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М., 2004. Биктимировское городище: характеристика природной стеры времени формирования культурного слоя // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 192–196.

Овсянников В.В., 2009. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 144–156.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н., 2007. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем. 166 с.

Проценко А.С., Сатаев Р.М., 2016. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. №6 (44). С. 125–133.

Савельев Н.С., 2008. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Пруралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 116–136.

Савельев Н.С., 2009. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. С. 127–140.

Савельев Н.С., 2010. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий (Материалы и исследования по археологии России. №13). М.: Таус. С. 299–322.

Савельев Н.С., 2014. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие». С. 191–206.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г., 2017. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: АлтГУ. С. 900–901.

Сулейманов Р.Р., Овсянников В.В., 2011. Почвенно-экологическая характеристика археологического памятника «Биктимировское городище» // Вестник Оренбургского государственного университета. №12(131). С. 151–153.

Города Хорезма и взаимосвязь их с кочевыми культурами в IV–II вв. до н. э.

© 2018 Б.П. Садуллаев

Работа выполнена по гранту ФА–Ф–1–008 при Хорезмской академии Мамуна регионального отдела Академии наук Республики Узбекистан.

Аннотация. В данной статье освещаются культурные и экономические взаимосвязи обширного кочевого мира с оседло-земледельческим оазисом и городскими ремесленными центрами древнего Хорезма в IV–II вв. до н.э, а также роль кочевников в укреплении политической власти в стране.

Ключевые слова: Древный Хорезм, город, культура номадов, Амударья, взаимосвязь.

Территория Хорезмского оазиса простирается от Каракумских песков на юге до Аральского моря на севере и от Кызылкумов на востоке до чинков Устюрта и Сарикамышского озера на западе.

Как известно, в конце V – начале IV в. до н. э. Хорезм все больше стремится к ведению самостоятельной политики и приобретению независимости. В.В. Бартольд и С.П. Толстов полагают, что хорезмийцы составляли население самостоятельного царства уже к концу правления Ахеменидов (Бартольд, 1965. С. 544; Толстов, 1948. С. 17; 1948а. С. 103–109). А согласно исследованиям А.С. Балахванцева, Хорезм приобретает независимость уже в конце V в. до н. э (Балахванцев, 2013. С. 49–60). Освобождение от Ахеменидского ига и связанных с ним изнурительных податей, усвоение достижении развитых цивилизации в составе империи способствовали экономическому и культурному подъему страны, в результате чего в первой половине IV в. до н. э. в Хорезме сложилась своеобразная культура, называемая С.П.Толстовым «кангюйской» (Толстов, 1948. С. 32), которая ныне никак не может найти убедительного переименования.

Коренные изменения происходят в ирригационной системе. Магистральные каналы в правобережной части Хорезма увеличилась в 2–3 раза, некоторые из них достигают 300 км. По всему оазису вдоль магистральных каналов идет интенсивное строительство поселений, городов и крепостей (Рапопорт, 1998. С. 34). Укрепленные крепости также были построены вдоль границ оазиса со степью и в основном находились в конце магистральных каналов. Эти крепости играли важную роль не только в предотвращении нападений соседних государств, но и в защите страны от набегов кочевников.

В период IV–III вв. до н. э. Хорезм, вероятно, был в союзных узах с кочевавшими вокруг оазиса племенами, и скорее всего, это способствовало формированию сильного централизованного государства. Об этом можно судить по сообщениям Арриана (IV, 15,4) и Квинта Курция Руфа (VIII, 1,8), в связи с описанием большого посольства во главе царя Хорезма к Александру Македонскому весной 328 г. до н. э. Арриан указывает на то что вместе с посольством от «европейских скифов» пришел Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Квинт Курций Руф называет царя Хорезма – Фратаферн. Последний, объединившись с массагетами и даками, «послал людей заверить своей покорности». Ю.А.Рапопорт в виду этого описания указывает на гегемонию Хорезма над кочевыми соседями (Рапопорт, 1998. С. 34).

А. Таиров тоже указывает на возможность взаимовыгодных союзнических отношений оседлого населения с кочевниками, в результате чего Хорезм смог укрепить свою независимость (Таиров, 2005. С. 55), а Хорезм мог предоставить им определенные гарантии безопасности во время зимних перекочевок на Устюрте. Результатом этого конечно могло быть появление в начале IV века до н. э. погребальных памятников кочевников, в том числе приуральских, на Восточном чинке Устюрта, рядом с хорезмийским городищем Большая Айбугир-кала. Городище возникло в конце V – начале IV в. до н. э. В.Н. Ягодин считает, что это городище являлось главным опорным пунктом торговли Хорезма с кочевниками Южного Приуралья (Таиров, 2005. С. 55).

Также есть вероятность того, что городище Айбугир-кала играло важную роль в поступлении части красноглиняной станковой керамики из Хорезма на Южный Урал. Такие сосуды представлены в прохоровских погребениях Южного Зауралья целыми или фрагментированными сосудами и пряслицами из их стенок. Через Хорезм могли поступать на Южный Урал, в том числе и в Южное Зауралье, разнообразные бусы и подвески из индийского сердолика и халцедона, натурального или искусственно окрашенного в черный цвет, с белым, вытравленным содой орнаментом, основными поставщиками которых также были в основном города. Аналогичные находки встречаются в нижних слоях (IV–II вв. до н. э.) Кой-Крылган-калы (Таиров, 2005. С. 55).

Кочевые караванные пути, проходившие по Устюрту, вплотную подходили к районам обитания южноуральских кочевников. В результате к ним попадала керамика и другая продукция городских ремесленников Хорезма (Мамбетуллаев, 2004. С. 97–102). Кочевники-скотоводы постоянно вступали в торговлю с населением хорезмийских городов (Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена, Бутентау, Гяур-калы и др.). Большое количество костей мелкого рогатого скота, обнаруженное в культурных слоях городищ, говорит о том, что кочевники снабжали жителей Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена и др. продукцией кочевого скотоводческого хозяйства. В свою очередь, кочевники также подвергались воздействию культуры оседлого хорезмийского населения. По имеющимся данным, городище Большая Айбуйир-кала снабжало кочевников зерном, о чем свидетельствует значительное количество зернохранилищ-амбаров. Можно полагать, что экономика Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена, Бутентау и Акчункуля была целиком ориентирована на обмен с кочевниками (Мамбетуллаев, 2004. С. 97–102).

Постоянные культурные и экономические связи с земледельческим населением Хорезма имели саки низовьев Сырдарьи. В период IV–II вв. до н. э. в дельтовых районах Сырдарьи на базе обводненных в то время русел Жанадарьи и Инкардарьи существовала группа поселений и древних могильников, по ряду существенных признаков (тип расселения, погребальных сооружений, керамических

комплексов и т.д.) объединяемая исследователями в один комплекс, названный «Чирикрабатская культура». Выделяются крупные центры-крепости Чирикрабат, Бобиш-мулла, Баланды, Чагырлы, Сенгиркала и др. Носителями Чирикрабатской культуры некоторые исследователи считают дахов или даев. Развитая архитектура и гончарная керамика носителей Чирикрабатской культуры свидетельствуют о тесных связях с Хорезмом. О прочных связях между скотоводами-кочевниками и землепашцами свидетельствует выявленный в ходе исследований и некоторый обрядовый и религиозный синкретизм захоронений у кочевников (Мамбетуллаев, 2004. С. 97–102).

Связь кочевых племен с оседлым населением прослеживается в юго-восточном Хорезме. В результате археологических исследований последние десять лет в районе каравансарая Мешекли, 5 км к северо-западу от этого памятника был изучен курган №3 (курганная группа №4). С уровня древней дневной поверхности спущена могильная яма, вырубленная в скальном грунте. Она подпрямоугольной в плане формы, размерами 300×160 см, глубина 90 см. В углах ямы расчищены ниши, в одной из которых поставлены бедренные кости и череп. Одна из костей сохранила следы погрыза, оставленного зубами хищника. Это позволяет предполагать намеренное очищение останков от мышечной ткани. Здесь найдены также фрагменты кувшина, датирующегося IV веком до н. э. и характерного для всего Хорезма этого периода. Обряд погребения указывает на наличие элементов зороастрийского погребального обряда и фиксирует момент перехода кочевников к маздеистким погребальным традициям (Баратов, 2013. С. 44–45. Рис. 16–18).

Таким образом, скотоводческие племена всегда были своеобразными переносчиками культурной информации Средней Азии, в первую очередь Хорезма, в обширном мире степных и лесостепных племен Приуралья и Западной Сибири и обратно. Постоянные контакты указывают на культурные и экономические взаимосвязи обширного кочевого мира с оседло-земледельческим оазисом и городскими ремесленными центрами древнего Хорезма. Военные крепости и города-крепости на границах государства всегда ориентировались не только на оборону, но и на торговлю с кочевниками.

ЛИТЕРАТУРА

Балахванцев А.С., 2013. Отделение Хорезма от государства Ахеменидов // Хорезм в истории государственности Узбекистана (коллективная монография). Ташкент: Ўзбекистон файласуфлари жамияти, 336 с.

Баратов С.Р., 2013. Новые данные по археологии южного Хорезма // Археология Узбекистана. №1(6). Самарканд. С. 27–59.

Бартольд В.В., 1965. Сочинения. т III. М.: Наука. 711 с.

Мамбетуллаев М., 2004. Хорезм и контакты с кочевниками // Археология и история Центральной Азии. Самарканд. С. 97–102.

Рапопорт Ю.А., 1998. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье древности и средневековье. М.: Восточная литература. С. 28–41.

Таиров А.Д., 2005. Кочевники Арало-Каспия и Хорезм в V–IV вв. до н. э. // Евразийский журнал региональных и политических исследований. Челябинск: Т. 10. №1 (5). С. 53–63.

Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 441 с.

Толстов С.П., 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 326 с.

Элементы конской сбруи из кургана №7 некрополя «Ивановские I курганы»: западные импульсы в раннепрохоровских уздечных наборах

© 2018 С.В. Сиротин

Аннотация. В статье анализируются элементы конского снаряжения, найденные в насыпи кургана №7 некрополя «Ивановские I курганы» из юго-восточной (Зауральской) Башкирии. Среди находок особый интерес представляют предметы, имеющие аналогии в скифских комплексах, свидетельствующих о значительном воздействии западных традиций скифского мира на формирование раннепрохоровского уздечного набора.

Ключевые слова: конское снаряжение, звериный стиль, Южный Урал, ранние кочевники.

Исследователями неоднократно отмечалось заметное присутствие коня в погребальных ритуалах ранних кочевников Евразии (Смирнов, 1964; Савченко, 2009; Очир-Горяева, 2012; Мышкин, 2012). Это присутствие, помимо целых захоронений коня, в большей степени представлено в южно-уральских комплексах находками частей конских скелетов и элементов конского снаряжения, как правило, в южной части кургана (Очир-Горяева, 2012; Мышкин, 2012; Сиротин, 2015).

Представительная серия элементов уздечных наборов была получена при исследовании кургана №7 некрополя «Ивановские I курганы» в юго-восточной (Зауральской) Башкирии. Курган №7 (40 м, высота до 1,05 м) находился в южной части некрополя и в качестве погребального сооружения использовался в разные исторические эпохи.

В жертвенных комплексах в южной части кургана были найдены как уздечные наборы, так и отдельные элементы узды, относящиеся к раннепрохоровскому времени.

Удила. Судя по сохранившимся фрагментам, в насыпи кургана найдены кованые железные удила, состоявшие из двух стержней (округлые, реже подквадратные в сечении) с загнутыми в петли окончаниями, которые широко представлены в уздечных наборах Южного Урала V–III вв. до н. э.

Исследователи отмечают, что такая форма железных удил появляется во второй половине – конце VI в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 82; Мошкова, 1963. С. 36) и широкое распространение получает в V–IV вв. до н. э. (Савченко, 2009. С. 228, 230).

Привлекают внимание бронзовые асимметричные удила, найденные отдельно. Эти удила повторяют форму

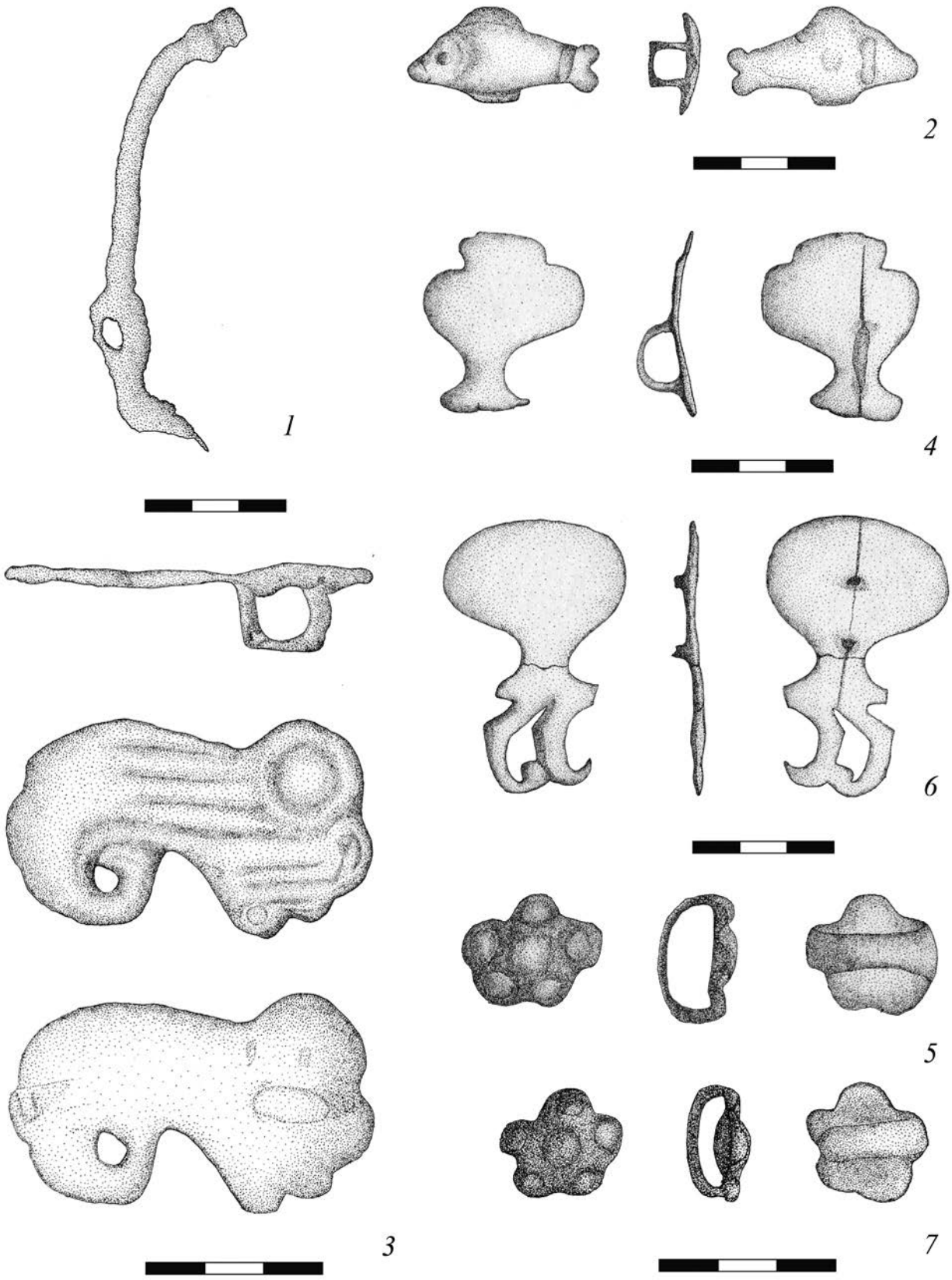


Рис. 1. Уздечные принадлежности из насыпи кургана №7: 1 – псалий, 2–7 – уздечные бляхи.
1 – железо, 2–7 – бронза.

железных удил с завитыми в петли окончаниями и изготовлены тем же способом, что и кованые железные.

Псалии. Большая часть псалиев сильно фрагментирована, что затрудняет их типологическую идентификацию. Вместе с тем, среди найденных фрагментов имеются железные двудырчатые псалии, относящиеся к двум типам.

Это железные двудырчатые стержневидные псалии с восьмеркообразным утолщением по центру и концами,

оформленными шишечками или утолщениями. Они широко представлены на Южном Урале (См. обзор Васильев, 2004; Сиротин, 2015. С. 252) в комплексах второй половины IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 86; Васильев, 2004. С. 157).

Помимо этого, среди найденных фрагментов обращает на себя внимание железный псалий С-видной схемы (Рис. 1: 1), который относится по типологии К.Ф. Смирнова к III типу (Смирнов, 1961. С. 85). Похожие по форме железные псалии отмечены в ряде южноуральских комплексов (См. обзор Васильев, 2004. С. 155; Сиротин, 2015. С. 252) и на Среднем Дону (Савченко, 2009. С. 236–237). В Скифии такие псалии получают распространение в IV в. до н. э. Этим же временем, вероятнее всего, их следует датировать и для Южного Приуралья.

Уздечные бляхи. Среди предметов конского снаряжения в кургане были найдены бронзовые уздечные бляхи.

Бронзовая литая бляха из уздечного набора №1 (фрагментированные железные удила, фрагменты трех (?) железных двудырчатых псалиев, бронзовая бляха). Бляха с выпуклым щитком, оформленным в виде рельефного изображения рыбки и петлей на оборотной стороне. На изображении хорошо выделены хвостовой, спинной и брюшной плавники, глаз и жабры (Рис. 1: 2).

Две бронзовых бляшки из уздечного набора №2 (фрагмент железных удил (?), двух (?) железных двудырчатых псалиев, две бронзовые бляшки). Бронзовая литая уздечная бляха с плоским щитком с рельефным изображением головы хищной птицы (грифона?) с хорошо выраженным глазом и характерно загнутым клювом. На оборотной стороне щитка фиксировалась петля (Рис. 1: 3). Вторая бронзовая бляшка была с округлым полусферическим щитком и петлей на оборотной стороне.

Помимо блях, входящих в состав уздечных наборов, был найден *комплекс из трех бронзовых бляшек.*

Бронзовая литая бляшка с плоским полированным щитком неправильной овальной формы и петлей на оборотной стороне. Бронзовая литая бляшка с плоским зооморфным щитком и петлей на оборотной стороне (Рис. 1: 4). Бронзовая литая пятилепестковая бляшка из шести полусфер с одной полусферой в центре и массивной петлей на оборотной стороне (Рис. 1: 5).

Кроме того, в кургане найдены единичные бляшки вне наборов или скоплений.

Сломанная бронзовая уздечная бляшка с зооморфным плоским щитком и остатками утраченной в древности петли. Часть деталей изображения, также как и петля на обороте были утрачены в древности (Рис. 1: 6).

Отдельно были найдены литая бронзовая уздечная бляшка с плоским щитком неправильной овальной формы и петлей на оборотной стороне и литая бронзовая пятилепестковая бляшка из шести полусфер с одной полусферой в центре и массивной петлей на оборотной стороне (Рис. 1: 7).

Особый интерес среди найденных украшений узды вызывают бляхи с зооморфными изображениями: бляха с изображением рыбы, головы грифона и лапы хищного животного.

Изображения рыб на Южном Урале представлены немногочисленными находками бронзовых уздечных блях и оковок деревянных сосудов (См. обзор Федоров, 2015; Полидович, Малюк, 2016), а также единственной находкой бронзового двудырчатого псалия, выполненный в виде фигурного изображения рыбы (Сиротин, 2015. С. 248. Рис. 1: 3). Найденная в кургане 7 бляха относится к категории рельефных изображений и имеет наиболее близкие аналогии с бляхой из кургана 23 могильника Уркач I (раскопки С.Ю. Гуцалова) (Королькова, 2006. С. 170. Табл. 1: 7).

Точные аналогии бляхи с изображением головы хищной птицы (грифона?) среди южноуральских комплексов мне неизвестны. Вместе с тем, подобные бляхи есть в уздечных наборах скифских курганов Северного Причерноморья. Изображение обособленной головы хищной птицы характерно для скифского искусства в широком хронологическом диапазоне, начиная с самых ранних этапов (Канторович, 2015. С. 953). Бляхи с похожими изображениями М.А. Очир-Горяева выделяет в составе уздечных наборов с типичными для скифского звериного стиля образами и мотивами из таких комплексов как Ковалевка-2, к. 6, п. 1; Нимфей, к. 24; Стеблев, к. 7 (Очир-Горяева, 2012. С. 66–67, Илл. 21: 2, 12, 16). Подобные изображения А.Р. Канторович объединяет в особый тип (тип 4 ковалевско-басовский) в скифском искусстве конца VI – IV в. до н. э. (Канторович, 2015. С. 957, 1584). Определенные параллели (прежде всего, круто закрученный (волютовидный) клюв) усматриваются и в изображениях на бляхах ольвийско-завадского (близкого к ковалевско-басовскому типу) типа (тип 3), оказавшего влияние на соседние скифскому миру территории (Нижняя Волга и Румыния) (Канторович, 2015. С. 956, 1583). Некоторая схожесть отмечается и в изображениях поднепровско-среднедонского Волковецко-елизаветовского стиля (тип 22) (Канторович, 2015. С. 956, 1602). Вероятнее всего, рассматриваемая бляха является местным подражанием бляхам скифского мира.

Примечательной находкой являются бляхи, изображающие конечности хищников. Так же как и рассмотренная выше бляха с изображением головы хищной птицы, подобные украшения узды характерны для скифских уздечных наборов (Очир-Горяева, 2012. С. 67, Илл. 21: 11).

По наблюдениям А.Р. Канторовича, большинство изображений данного типа характерно для оформления элементов узды и широко представлено в пределах скифской археологической культуры в основном Лесостепного Поднепровья и Подонья, степного Северного Причерноморья, реже, на Северном Кавказе (Канторович, 2012. С. 4). На Южном Урале бляха, имеющая сходный мотив оформления, однако относящаяся к другой группе изображений, известна лишь в кургане 28 Филипповского I могильника (Канторович, 2012. С. 11, Рис. 3: 6). По разработанной А.Р. Канторовичем классификации рассматриваемые бляхи относятся к 1-му отделу II группы изображений (отображение одной ноги). Наиболее близкие аналогии по характеру оформления имеют бляхи типа «Нимфейско-Завадская могила» (тип 7), представленные в комплексах Восточного Крыма (Нимфейский некрополь), Нижнего Поднепровья (I Завадская могила) и Среднего Поднепровья (Берестняги, Перещепенский могильник) второй четверти V в. до н. э. – второй половины V в. до н. э. (Канторович, 2012. С. 20, 21, Рис. 8). Найденные в кургане 7 нащечные бляхи также следует рассматривать как местную реплику украшений скифской узды.

Обращают на себя внимание бронзовые литые пятилепестковые бляшки из шести полусфер с одной полусферой в центре и массивной петлей на оборотной стороне. По стилю исполнения они очень близки к литым крестовидным бляшкам из пяти полусфер (первый вариант III типа

по Е.И. Савченко), найденным в комплексах IV в. до н. э. могильников Частые курганы, у с. Русская Тростянка и у с. Колбино на Среднем Дону (Савченко, 2009. С. 279, 320, Рис. 16: 3–10).

Мысль о скифских истоках раннепрохоровского уздечного набора неоднократно высказывалась в литературе (Смирнов, 1961. С. 77, 81; Савельев, 2007. С. 336; Сиротин, 2015. С. 253). Если обратиться к элементам, составляющим комплекс конского снаряжения южноуральских номадов конца V – IV в. до н. э., обращает на себя внимание наличие большого количества аналогий подавляющего числа предметов с уздечными принадлежностями Скифии. Наличие большого количества параллелей в скифском мире для южноуральского конского снаряжения констатирует В.Н. Васильев при выделении раннепрохоровского комплекса инвентаря (Васильев, 2004. С. 155–157). На инородность и миграционный характер всей раннепрохоровской узды прямо указывает Н.С. Савельев, анализируя материалы Шиповских курганов (Савельев, 2007. С. 336). Уздечные принадлежности, найденные в кургане №7 некрополя «Ивановские I курганы», в особенности бляха с изображением головы хищной птицы (грифона?) и бляхи с изображением конечностей хищного животного еще раз свидетельствуют о значительном воздействии западных традиций на формирование раннепрохоровского комплекса конского снаряжения.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем. С. 153–172.

Канторович А.Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция // Дисс. ... докт. ист. наук. М. 1724 с.

Канторович А.Р., 2012. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция // Stratum plus. №3. С. 3–54.

Королькова Е.Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и южного Приуралья в Скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ.. Вып. А1–10 / Б.А. Рыбаков (общ. ред.). М.: Изд-во АН СССР. 55 с.

Мышкин В.Н., 2012. Конь и сбруя в курганах кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. Уфа: Гилем. С. 81–96.

Очир-Горяева М.А. 2012. Древние всадники степей Евразии. М: ТАУС. 469 с.

Полидович Ю.Б., Малюк Н.И., 2016. Образ рыбы в искусстве скифо-сарматского времени // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сборник статей / Ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 209–215.

Савельев Н.С., 2007. Конская узда IV–III вв. до н. э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г., г. Уфа / Отв. ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: Китап. С. 330–339.

Савченко Е.И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.

Сиротин С.В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. С. 247–255.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. №101. М.: Наука. 161 с.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.: Наука. 380 с.

Федоров В.К, 2015. Уздечные наборы с бляхами в виде рыб из погребений ранних кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. С. 256–260.

Раннесакские комплексы в лесостепном Зауралье

© 2018 А.Д. Таиров

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Аннотация. Погребальные комплексы кочевников степи раннесакского времени в зауральской лесостепи указывают на включении региона в сферу интересов степных номадов. Эти комплексы являются свидетельством как прямого проникновения отдельных воинских контингентов в глубь лесостепи, так и целенаправленного стремления поставить под контроль основных производителей цветного металла – носителей иткульской культуры.

Ключевые слова: Зауралье, лесостепь, ранние кочевники, иткульская культура.

В зауральской лесостепи в VIII–VI вв. до н. э. переплелись несколько линий культурного развития, связанных с различными генерациями и проявляющих себя в различных типах керамики. В ней не только сохранялись собственные внутренние отношения, но и шла борьба за преобладание со стороны северных, лесных по происхождению, и южных, степных культур. Положение стабилизировалось к V в. до н. э., когда лесостепь прочно

вошла в сферу влияния степных обществ (Корякова, 1993. С. 20–36).

В VIII–VII вв. до н. э. зауральская лесостепь была еще слабо связана с формирующейся в урало-казахстанских степях сакской культурой. Однако если в VIII в. до н. э. влияние на лесостепное население, оставившее памятники носиловского, баитовского, воробьевского типов, иткульской и гамаюнской культур со стороны кочевого мира степи было едва ощутимо, то уже в VII в. до н. э. воздействие сакского мира значительно усилилось.

В VII–VI вв. до н. э. в горнолесной зоне Урала и в западной части лесостепного Зауралья складывается иткульская культура, на базе которой развивается мощный очаг цветной металлургии. В более восточных районах зауральской лесостепи идет постепенная трансформация обществ межовско-бархатовского пласта в группу культур начала эпохи железа (носиловская, баитовская, воробьевская), которая сопровождалась преимущественным развитием полукочевого скотоводства.

Благоприятные климатические условия VII–VI вв. до н. э. в урало-казахстанских степях способствовали широкому освоению номадами не только степной, но и южной лесостепной зон. В Южном Зауралье это время характеризовалось большей, чем в настоящее время, увлажненностью при возможно более низкой среднегодовой температуре. Такие климатические условия способствовали увеличению продуктивности пастбищ по сравнению с предшествующей эпохой. Судя по расположению курганов (Черняки, Чурилово, Сухомесово, Березки Vб, Шатрово, Кумкуль, Косарги) (Смирнов, Петренко, 1963. С. 17; Шорин, 1979; Боталов и др., 2016), в VII–VI вв. до н. э. кочевниками степей была освоена вся современная южная лесостепь до реки Миасс на севере.

О контактах лесостепного населения со Степью в раннесакское время свидетельствуют материалы поселений и городищ, расположенных в лесостепи Зауралья и Притоболья. Это находки: бронзовых зеркал с центральной петлей на обороте; бронзовых ножей без выделенной или со слабо выделенной рукоятью, иногда с отверстием на ее конце или с кольчатым навершием, и формы для их отливки; бронзовых двухлопастных втульчатых, двух- и трехлопастных черешковых наконечников стрел и форм для их отливки; бронзовых амулетов-колесиков; предметов конской упряжи и т. п.

Через территорию Южного Зауралья или Северного и Центрального Казахстана проникли в глубь лесостепи биметаллические чеканы и бронзовые кинжалы (Боталов и др., 2016, Рис. 5: 11, 12; Таиров, Никитин, 2014). Необходимо подчеркнуть, что абсолютное большинство предметов, имеющих аналогии в кочевом мире, происходит из памятников иткульской культуры – основной металлоносной культуры Урала.

Вероятно, имело место и прямое проникновение отдельных воинских контингентов номадов в глубь зауральской лесостепи. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют ранние (VII – первая половина VI в. до н. э.) погребения Прыговского могильника на Средней Исети. В инвентаре этих погребений, к сожалению разграбленных, присутствуют рамчатая пряжка со шпеньком, кольцевая застежка, бронзовые слабовыпуклые и плоские бляхи со шпеньком или петлей на обороте, бронзовые двухлопастные втульчатые, трехлопастные и трехгранные черешковые, ромбические в сечении втульчатые наконечники стрел (Корякова и др., 2010). Впрочем, эти проникновения не приводили к оседанию кочевников в лесостепи, оставленные же здесь номадами погребения маркировали, на наш взгляд, лишь крайние пределы их летних кочевий, являясь своеобразным символом «сферы интересов».

Особенно привлекательными для степняков были предгорные и горные районы Южного Зауралья, занятые носителями иткульской культуры. Главное, что влекло кочевников, то, ради чего они стремились сюда, был, очевидно, металл – медь и железо. Именно потребность в нем стимулировала их активную деятельность на северных и северо-западных рубежах своей территории.

На территории локализации иткульской культуры сосредоточивались крупные запасы медных руд, разработка которых началась еще в эпоху бронзы. Месторождения меди были и на территории степной зоны Южного Зауралья, занимаемой ранними кочевниками, и они также активно разрабатывались в эпоху бронзы. Однако нет никаких данных об их эксплуатации в раннем железном веке. С конца эпохи бронзы прекращается эксплуатация рудников Таш-Казган и Никольское в Южном Зауралье (Кузьминых, Агапов, 1989. С. 196), а с началом раннего железного века – Каргалинского горно-металлургического комплекса в Южном Приуралье (Черных, 1997. С. 31). Отсутствуют какие-либо данные и об эксплуатации в раннем железном веке медных месторождений в Мугоджарах.

Одним из наиболее ранних свидетельств военной активности кочевников на южных рубежах иткульского мира является воинское погребение второй половины VII в. до н. э. в кургане 2 могильника Иртяш 14 (Гаврилюк, Таиров, 2006). О достаточно раннем проникновении кочевников в ареал иткульской культуры говорят и находки подпружной пряжки в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с берегов озера Иртяш, бронзовой бляшки той же формы с озера Увильды, клада конской упряжи с подпружной пряжкой в виде свернувшегося в кольцо кошачьего хищника с озера Травакуль, являющегося в настоящее время заливом оз. Иртяш. Причем по составу металла эти изделия кардинально отличаются от иткульских. Иртяшская пряжка по схеме изображения датируется второй половиной VII – началом VI в. до н. э.; к этому же времени, очевидно, относится увильдинская и травакульская находки.

На берегах озер Иртяш и Большая Нанога находится несколько городищ иткульской культуры (Иртяшское I и II, Семеновское и др.). Эти памятники вместе с Иткульским I городищем на озере Иткуль, в 30 км севернее озера Иртяш, входят в Иртяшское гнездо культуры, которое функционировало в VII–IV вв. до н. э. (Бельтикова, 1997. С. 19–20).

Обращает на себя внимание совпадение во времени процесса становления иткульской культуры и действовавшего на ее базе металлургического очага и начала активного проникновения кочевников в лесостепь, в частности в ареал формирующейся иткульской культуры. Как представляется, именно потребность кочевого мира в цветном металле определила становление и стимулировала дальнейшее развитие иткульской культуры и иткульского очага металлургии, который и в дальнейшем был тесно связан со Степью.

Результатом военной активности южноуральских номадов в VII–VI вв. до н. э. в зауральской лесостепи явилось установление, по всей вероятности, системы даннических отношений – в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл

и изделия из него. При этом «иткульцы», очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность.

Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения, привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения (Таиров, 2016. С. 444–448).

Ситуация, имевшая место в VII – начале VI вв. до н. э. в ареале иткульской культуры, была близка, на наш взгляд, той ситуации, что сложилась в киммерийское время на правобережье лесостепного Среднего Поднепровья. Здесь присутствуют три основных группы киммерийских памятников. Это, во-первых, погребения, во-вторых, предметы киммерийского вещевого комплекса на поселениях автохтонного населения и, в-третьих, многочисленные случайные находки, в числе которых преобладают воинские аксессуары. Причину, по которой киммерийцы, а впоследствии и скифы, продвинулись на север, в лесостепные пределы, видят в стремлении овладеть источником получения металла, игравшего огромную роль в военизированном быте номадов (Скорый, 1993). Не исключено, что поиски источников получения металла были одной из главных причин, побудивших «киммерийцев», а затем и ранних скифов проникнуть на территорию Южного Урала (Гуцалов, 2001).

ЛИТЕРАТУРА

Бельтикова Г.В., 1997. Зауральский (Иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 23 с.

Боталов С.Г., Костюков В.П., Плешанов М.Л., 2016. Раннесакские памятники VII – первой половины VI века в лесостепном Зауралье // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». С. 341–357.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 2006. Иртяш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». С. 225–245.

Гуцалов С.Ю., 2001. Скифы на Южном Урале // Этнопанорама. №1. С. 55–59.

Корякова Л.Н., 1993. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) // Дисс. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1993. 72 с.

Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А., 2010. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // УИВ. №2. С. 62–71.

Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Екатеринбург: УрО АН СССР. С. 178–197.

Скорый С.А., 1993. Киммерийцы в украинской лесостепи // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар. С. 90–93.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1–9. 40 с.

Таиров А.Д., 2016. Взаимодействия населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II веках до н. э. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». С. 443–468.

Таиров А.Д., Никитин А.Ю., 2014. Кинжал раннесакского времени из Южного Зауралья // Теория и практика археологических исследований. №1 (9). С. 87–90.

Шорин А.Ф., 1979. Курган раннего железного века на Южном Урале // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука. С. 57–60.

Черных Е.Н., 1997. Каргалы – крупнейший горнометаллургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытия и изучения) // РА. №1. С. 21–36.

Зеркала с умбоном в центре и валиком саргатской культуры Тоболо-Ишимья

© 2018 Е.В. Тигеева, Л.Н. Белоногова

Аннотация. Среди зеркал саргатской культуры Тоболо-Ишимья выявляются изделия данного типа. Рассматриваются основные производящие эту продукцию центры. Совокупность результатов рентгенфлуоресцентного и металлографического анализа показала использование как местных, так и уникальных, редких технологий, свидетельствующих о заимствовании традиций обработки изделий и импорте готовой продукции.

Ключевые слова: ранний железный век, Тоболо-Ишимье, металлографический анализ, технология изготовления зеркал, саргатская культура.

Широкое применение в ряде исследований данных комплексного анализа, включающего визуальную форму изделий, химический состав и технологию изготовления, позволило проследить связи между рецептурой зеркальных сплавов, технологией обработки и типами (Мошкова, Рындина, 1975. С. 117–133; Равич, 2004; Равич, Левина, 1995; Дегтярева, 1994, Апостол, 2012. С. 82–84). В материалах саргатской культуры Тоболо-Ишимья обнаружены изделия с валиком и умбоном в центре в материалах могильников Абатский 3 (кург. 6, погр. 10; кург. 2, погр. 17), Тютринский (кург. 5, погр. 2), Чепкуль 9 (кург. 7, погр. 3), Богдановка (Матвеева, 1994. Рис. 59, 9; 40, 16; С. 112; Зах, 2008. Рис. 9, 1; Археология СССР, 1992. Табл. 126, 25) (Рис. 1). Всего 6 экз., из них методом рентгенфлуоресцентного анализа исследовано 3 экз., металлографического – 4 экз. Они представляют собой плоский диск с выпуклым бортиком по краю, а также боковой ручкой-штырем (треугольной / трапециевидной формы) или выступом. На изделиях присутствует центральная выпуклина. Это широко распространенный тип, бытовавший в период I–III вв. н. э.

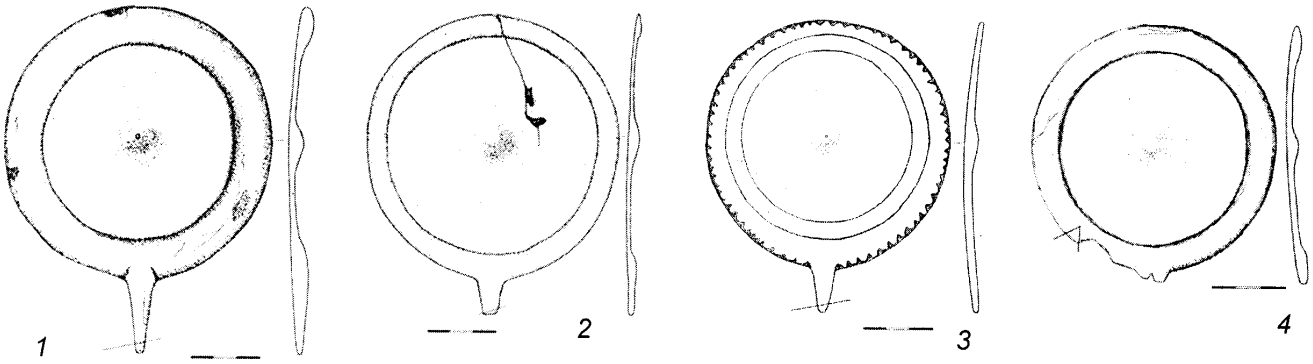


Рис. 1.

Таблица 1. Результаты РФА анализа зеркал саргатской культуры.

Памятник	№ РФА ан.	№ Стр. ан	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Абатское 3 (кург. 6, погр. 10)	49746	1086	Осн.	> 30,3	0,12	0,02	0,06	0,04	–	0,14	0,21	0,02	-	-
Абатское 3 (кург. 2, погр. 17)	49748	1088	Осн.	21,86	0,2	0,05	0,04	0,03	–	0,15	0,05	0,05	-	-
Чепкуль 9 (кург. 7, погр. 3)	49836	1036	Осн.	23,57	0,11	0,12	0,08	0,05	–	0,11	0,42	0,02	-	-

(Матвеева, 1993. С. 155). Однако имеются и более ранние свидетельства. Так, одним из самых древних экземпляров считается зеркало, происходящее из могильника Мечет-Сай (кург. 6, погр. 2) сарматской культуры, датирующееся IV–III вв. до н. э. Но чаще они действительно встречаются на рубеже первых веков нашей эры, преимущественно на территории Поволжья. Отмечены в погребениях могильника у села Калиновка (кург. 55, погр. 8), Сусловский (кург. 18), Усатово (кург. 1 / 14), Бережновка 2 (кург. 57 / 1), Верхнее Погромное (кург. 1 / 14) (Рындина, Мошкова. С. 123; Хазанов, 1963. С. 64). Имеются в материалах Северного Кавказа, Танаиса, Подольщины (Хазанов, 1963. С. 64). На территории Бактрии – в материалах Тулхарского могильника (кург. IV, 1; XVI, 1), датирующегося II в. до н.э – I в. н. э. (Мандельштам, 1966.Табл. LII, 3, 4).

По данным РФА анализа, изделия изготовлены из высокооловянного сплава с содержанием олова (21,86–30,3 %) (Табл. 1).

Металлографический анализ показал, что зеркала были отлиты из оловянной бронзы в односторонних литейных формах с плоской крышкой. Готовое изделие было подвергнуто отжигу гомогенизации (необходимому при работе с высокооловянными бронзами) и закалено в воде, что привело к образованию мартенситной игольчатой структуры. Затем с целью удаления пороков литья оно проковывалось в горячую в интервале температур 500–700 °С при средней степени обжатия металла порядка 50–60 % (форма и расположение сульфидных включений), что в присутствии красноломких составляющих (Pb – 0,12 %; Bi – 0,06 %) привело к растрескиванию металла. В заключение поверхность зеркала была тщательно заполирована мягким абразивным материалом.

Дискуссионным остается вопрос выявления центров производства зеркал на территории Греции, Средней Азии, Северного Кавказа. И.Г. Равич рассмотрела обширную коллекцию, включающую 75 зеркал из Центральной Азии, сарматских памятников Нижнего Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа, 117 зеркал различных типов джетыасарской культуры, придя к выводу, что истоки изготовления горячекованых изделий восходят к традициям Востока, где подобным способом производились посуда, гонги и украшения (Равич, 2004; Левина, Равич, 1995. С. 125). Б.А. Литвинский указывает на их происхождение с территории Средней Азии (в частности Бактрии) (Литвинский, 1978. С. 164). А.М. Хазанов опровергает точку зрения П. Рау о широком бытовании этого типа на Северном Кавказе, количественный подсчет показал, что территория Поволжья более насыщенна зеркалами (Хазанов, 1963.С. 64). Н.В. Рындина соотносит родину данного типа с античным миром, связанным с причерноморскими колониями. Ее доводы основываются не только на типологическом анализе изделий, но и спектральном, металлографическом. Особая технология, подразумевающая закалку изделий в воду, присуща, по ее мнению, именно производству греческих колоний (Мошкова, Рындина, 1975. С. 128). Ряд исследователей также ссылаются на возможные связи греческих городов с Нижним Поволжьем (Гуцалов, 2004). Таким образом, зеркала из саргатских памятников, вероятно, являются импортом с территории Нижнего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Апостол Л.Н., 2012. Металлические зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимья // Человек и Север: антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН. С. 82–84.

Гуцалов С.Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н. э. Уральск: Изд-во Западно-Казахстанский центр археологии. 119 с.

Дегтярева А.Д., 1994. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 20–31.

Зах В.А., 2008. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // ВААЭ. №9. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–21.

Левина Л.М., Равич И.Г., 1995. Бронзовые зеркала из Джетыасарских памятников // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. 5. М.: Институт этнологии и антропологии. С. 122–185.

Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука. 217 с.

Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА. №136. М.–Л.: Наука. 232 с.

Матвеева Н.П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука. 175 с.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.

Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука. С. 117–133.

Равич И.Г., 2004. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. М.: Изд-во ГосНИИР. С. 67–76.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. 1992 // Археология СССР. Т. 10. М.: Наука. 494 с.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. №4. М.: Изд-во АН СССР. С. 58–72.

Результаты разведочных исследований в Мензелинском и Нижнекамском районах РТ в 2016 году

© 2018 Э.А. Хуснутдинов, А.А. Шайхулахметов

Аннотация. В докладе излагаются итоги полевых исследований, проведенных в Нижнекамском и Мензелинском районах РТ в 2016 г.

Ключевые слова: городища, АКИО, РЖВ, эпоха бронзы, поселенческие памятники, могильник, срубная культура, пьяноборская культура.

В 2016 году авторами были проведены разведочные работы в Нижнекамском и Мензелинском районах РТ с целью осмотра состояния известных и поиска новых археологических памятников.

Разведка в Нижнекамском районе состояла из сплошного пешего обследования территории от б.дер. Беляхча, до дер. Смыловка. В рамках данных работ были осмотрены городища Беляхчинское и Светлоключинское.

Беляхчинское городище обнаружено в 1959 г. археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова, в 2,5 км к ВЮВ от дер. Беляхча. В рамках работ 1959 г. был собран подъемный материал по склонам, зачищены обнажения и разбит шурф на площадке. Памятник был датирован серединой I тыс. до н. э. и отнесен к ананьинской культуре.

Разведочные работы 2016 г. выявили наличие вала высотой ~ 2,20 м, шириной ~ 4–5 м и длиной ~ 19 м. Вал защищает площадку с юго-восточной стороны. Площадка имеет неправильную форму ~ 86×15\30 м. Городище расположено на мысу надлуговой террасы между двумя оврагами глубиной ~ 4 м. Поверхность городища задернована, в норе на северо-западном склоне площадки городища удалось обнаружить фрагмент лепной керамики. Культурную принадлежность определить не удалось. На вершине вала зафиксирована небольшая (~15–20 см) яма, неизвестного происхождения. Также подъемный материал обнаружен вблизи городища на пашне, он представляет собой два фрагмента гончарной керамики, предположительно русской.

Подводя итог отметим, что сохранность Беляхчинского городища не вызывает опасений. Вся площадь городища задернована и не осыпается. Также ему не грозят с\х работы (вокруг городища с\х поля) в связи с тем, что памятник находится в неудобном для с\х работ месте.

Светлоключинское городище обнаружено в 1959 г. 1 отрядом археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова, в 800–900 м к ЮЗ от дер. Светлый Ключ. В рамках работ 1959 г. выполнен сбор подъемного материала и разбит шурф, выявивший культурный слой, мощностью 7–20 см. Материал, происходящий с городища, отнесен к ананьинской культуре.

Разведка 2016 г. выявила вал высотой ~2,10 м, шириной ~ 20 м и длиной ~ 33 м. Вал защищает площадку с юго-западной стороны. Площадка занимает узкий и вытянутый, с северо-востока на юго-запад, мыс (90 × 20–35 м). На оконечности мыса находится еще один небольшой вал шириной в ~ 10 м и высотой ~ 1 м. Памятник сильно залесен, поэтому доступ к нему затруднен. Сохранность городища хорошая.

Летом того же года в Мензелинском районе РТ была проведена разведка по маршруту Подгорный Байлар – Гулюково. В рамках этого исследования осмотрено состояние нескольких памятников.

Подгорно-Байларский археологический комплекс. В 2–2,5 км к СВ от деревни Подгорный Байлар, находится Подгорно-Байларский археологический комплекс. Открыт в 1958 г. А.Х. Халиковым, им было разбито два раскопа общей площадью 410 кв.м. Позже другими исследователями было заложено еще несколько раскопов.

В июле 2016 г. в 2,7 км от деревни был обнаружен подъемный материал в виде фрагментов лепной керамики предположительно пьяноборского времени в количестве 13 экз., а также несколько находок из кремня. Протяженность распространения подъемного материала около 100 м. Памятник подвержен разрушению водами Нижнекамского вдхр.

Деуковская I стоянка. Памятник открыт в 1930-х гг. Л.И. Вараксиной в 2,25 км к востоку от села. В 1958, 1969–1970 гг. проводились раскопки общей площадью около 300 кв.м.

Вдоль края берега на протяжении ~ 100 м был собран подъемный материал, представляющий собой фрагменты лепных керамических сосудов в количестве 11 экз., срубной археологической культуры, из них один венчик. Памятник подвержен разрушению водами Нижнекамского вдхр.

Гулюковский могильник. Расположен в 1 км к северу от с. Гулюково, на берегу р. Ик, частично совпадает с Гулюковской стоянкой, открытой в 1979 г. Памятник обнаружен

в 1994 г. А.А. Чижевским. В 1997–1999 гг. обследовался Н.М. Капленко. С 2006 г. по настоящее время на памятнике ведутся работы сотрудниками ИА АН РТ.

На памятнике был обнаружен подъемный материал (63 фрагмента керамики), из них 20 фрагментов относятся к камской культуре гребенчатой керамики и девять фрагментов можно отнести к волго-камской культуре накольчато-прочерченной керамики (по определению В.В. Морозова). Кроме того, здесь найдены два кремневых изделия, а также бронзовая шейная гривна. Протяженность распространения подъемного материала около 50 м.

Памятник, кроме влияния вод Нижнекамского водохранилища, подвержен мощному антропогенному воздействию. Туристы и рыбаки-любители разрушают памятник с целью благоустройства территории, создавая спуски для лодок.

Подводя итог, необходимо отметить важность разведочных исследований в будущем. Археологические памятники, подверженные воздействию Нижнекамского водохранилища, нуждаются в систематическом осмотре.

ЛИТЕРАТУРА

Свод памятников археологии в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань, 2007. 528 с.

Кулайские памятники Барсовой Горы

© 2018 Ю.П. Чемякин

Аннотация. Многолетними исследованиями на Барсовой Горе в Сургутском Приобье выявлено около 150 памятников раннего железного века. На 85 из них раскопано более 270 сооружений, в том числе 120 кулайских построек, 13 погребений, святилище и клад. Это позволило создать периодизацию сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности в регионе и предложить членение эпохи раннего железа на два этапа.

Ключевые слова: кулайская культурно-историческая общность, Сургутское Приобье.

Первые кулайские материалы на Барсовой Горе (правобережье р. Оби, 8–15 км к западу от г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа) и в Сургутском Приобье вообще были получены при раскопках Ф. Мартиным могильника Барсов городок в 1891 г. Охранные раскопки, начатые Уральской археологической экспедицией УрГУ в 1971 г. в связи со строительством железнодорожного моста через р. Обь и продолжавшиеся более 35 лет, привели к открытию в этом урочище на площади всего 4–5 кв.км сотен археологических памятников разных эпох. Среди них около 150 датируются ранним железным веком (РЖВ). На 85 из них были произведены археологические раскопки, исследованы полностью или частично более 270 жилых и хозяйственных построек, 16 погребений, святилище и другие объекты. Были открыты и изучены памятники начала РЖВ, причем как самые ранние, сочетавшие элементы эпох бронзы и раннего железа (селища Барсова гора I/40 и III/76), так и более поздние. На такой базе, с привлечением материалов сопредельных районов Сургутского Приобья, была построена схема развития аборигенной культуры в РЖВ (Чемякин, 1989, 2008). Выяснено, что взаимодействие носителей барсовской и атлымской культур привело к сложению белоярской культуры, синхронной ранневасюганским древностям Нарымского Приобья, иткульским и гамаюнским Урала, ананьинским Приуралья. Раскопки на 36 селищах и городищах только на Барсовой Горе (вскрыты остатки почти 140 построек и 2 погребения) и на 14 памятниках за ее пределами позволили проследить эволюцию этой культуры от древностей бронзового века до ее перерастания в кулайскую (Чемякин, 2008. С. 66–74).

Было отмечено появление в этот период в Сургутском Приобье нового населения. Его исходная территория пока неизвестна, но, по ряду признаков, это могут быть южнотаежные или лесостепные районы к югу или юго-востоку от Сургута. На Барсовой Горе открыто 26 памятников с оригинальной керамикой, на 18 из них произведены раскопки, выявившие около 40 построек. Еще 24 сооружения вскрыты на 6 селищах за пределами урочища. Полученные материалы позволили охарактеризовать калинкинскую культуру, сосуществовавшую на значительном отрезке времени с белоярской (Чемякин, 2008. С. 74–78). Несмотря на наличие городищ в обеих культурах, бóльшее число памятников представлено селищами, что предполагает достаточно мирное сосуществование разных коллективов. Контакты между ними подтверждаются единичными находками калинкинской керамики на белоярских поселениях, и наоборот. Есть случаи перекрывания белоярских объектов калинкинскими. На селищах Барсова гора I/22а и I/43, городище Кучиминском XIII калинкинская керамика имеет ряд белоярских черт.

Взаимодействие носителей двух культур, на наш взгляд, привело к ассимиляции пришлых племен аборигенными и сложению на этой основе сургутского варианта кулайской культуры (точнее, культурно-исторической общности, или КИО). Некоторые экземпляры ранней кулайской керамики на Барсовой Горе близки по форме и орнаментации предшествующей посуде. Наблюдается преемственность и других элементов культуры, в т.ч. металлопластики, домостроительства. Происхождение кулайской культуры в Сургутском Приобье нельзя рассматривать как результат миграции кулайских племен из других регионов, в частности, из Нарымского Приобья. Калинкинская культура достаточно своеобразна, отлична от кулайской и предшествует ей в Сургутском Приобье. Несмотря на то, что в свое время была тенденция рассматривать белоярские и калинкинские древности в рамках кулайской культуры (Чиндина, 1984), это было вызвано, скорее, недостатком информации, публикаций материалов этих культур.

В то же время малочисленность и рассредоточенность исследованных памятников позднего бронзового и раннего железного веков в Нарымском Приобье привели к гипотезе о сложении кулайской культуры непосредственно на основе культур эпохи поздней бронзы (Чиндина, 1984), что сразу вызвало неоднозначную оценку среди специалистов

(дискуссию см.: Ранний железный век.., 1974). Мое знакомство с материалами Нарымского Приобья и сравнение их с сургутскими привели к иному взгляду на периодизацию таежных древностей эпохи раннего железа. Я предложил выделить два этапа в развитии аборигенных таежных культур – предкулайский, или белоярско-васюганский, и собственно кулайский, граница между которыми – рубеж IV–III вв. до н. э. (Чемякин, 1993). Своеобразным аналогом такому членению являются скифский и сарматский (гунно-сарматский) периоды в археологии степной Евразии, ананьинский и гляденовский в Приуралье.

Что касается кулайских памятников Барсовой Горы, то их количество и разнообразие, объемы исследований позволили наметить эволюцию и периодизацию культуры в Сургутском Приобье. В урочище на площади менее 4 кв.км выявлено 63 кулайских памятника, в т.ч. 16–18 городищ (с ряда уничтоженных городищ происходит кулайская керамика, но датировка оборонительных систем осталась неизвестной), два могильника, одиночное погребение, святилище, клад. На 33 памятниках были проведены раскопки, исследованы остатки 120 построек жилого и хозяйственного назначения, 13 погребений, святилище и клад (Клад кулайской культуры.., 2016). Десятки объектов изучены и на других кулайских памятниках в регионе (Чемякин, 2008. С. 78–94).

По нашему представлению, в урочище одновременно могло существовать только одно береговое городище. Его обитатели, вероятно, регулярно переносили место расположения городка, обновляя его жилища, производственные и иные постройки, а также оборонительные системы. Сошлемся на мнение П.А. Косинцева, что ведение присваивающего хозяйства на такой ограниченной площади, как Барсова Гора, возможно лишь для одного хозяйственного коллектива, состоящего максимум из нескольких десятков человек (Косинцев, 2004. С. 52). Учитывая, что вдоль берега в урочище выявлено не менее 13 кулайских городищ (расстояние между крайними не превышает 2,1 км), и на ряде из них зафиксированы перестройки, при масштабных исследованиях можно было бы наметить очень дробную периодизацию кулайских древностей. К сожалению, часть городищ была полностью разрушена до начала каких-либо раскопок на них, а отсутствие финансирования привело практически к прекращению исследований в урочище (но отнюдь не к разрушению памятников – см.: Ширин, Яковлев, 2010). Многие материалы до сих пор не введены в научный оборот. Поэтому сегодня целесообразно выделить три стадии в развитии сургутского варианта кулайской КИО.

От других культур РЖВ Сургутского Приобья кулайскую отличает в первую очередь форма и орнаментация керамики. Для нее, особенно для ранней и средней стадий, характерны горшковидные круглодонные емкости, в орнаментации которых, наряду с гребенчатым, присутствуют штампы в виде уточки и птички (белоярские сосуды преимущественно котловидные, калинкинские – чашевидные и котловидные, уточковидный штамп на них очень редок). Наряду с береговыми обнаружены три лесных городища. Жилища подпрямоугольные, наземные и с углубленным до 0,5 м котлованом, часто занимающим только центральную часть постройки. Если в белоярской, а тем более в калинкинской культурах культовая металлопластика редка, то в кулайской она широко представлена. На белоярских памятниках Барсовой Горы найден один трехлопастной наконечник стрелы, в то время как на кулайских их известно 10, и еще не менее 10 обнаружены в других районах Сургутского Приобья. Представлены на последних и кинжалы, в т.ч. с зооморфным навершием из бронзы, и кельты. То есть в материальной культуре второго (кулайского) этапа РЖВ региона присутствуют все элементы кулайской триады.

Керамика ранней стадии в основном горшковидная, с хорошо профилированной шейкой, есть емкости на поддонах. Преобладают прямые венчики, либо слегка скошеные внутрь, иногда с карнизиком. Такие венчики обычны для керамики белоярской и калинкинской культур. Это позволяет считать кулайскую посуду с аналогичным оформлением края наиболее ранней. Орнамент на сосудах относительно разреженный, расположен зонально. Между зонами на шейке и плечиках часто присутствует широкая неорнаментированная полоса. На одном городище найден наконечник кулайского типа ранней формы. Этой стадией датированы городища Барсов городок I/7, III/3 и III/6, селища Барсова гора III/2–4, III/6, III/10 и другие.

Керамика средней стадии отличается от предшествующей преобладанием емкостей со скошенными венчиками. Узоры на некоторых сосудах становятся более плотными, насыщенными. Вещевой комплекс практически такой же, но наконечники стрел более классических форм. На городище Барсов городок I/15 обнаружены обломки железных вещей. На ряде городищ появляются бастионы (башни), включенные в оборонительную систему (Барсов городок I/5, I/20). Кроме перечисленных, к этой стадии можно отнести городища Барсов городок I/8, I/12, I/26, I/30, селища, исследованные на III участке Барсовой Горы.

С поздней стадией связаны ряд береговых городищ и селищ, могильники, святилище на городище Барсов городок I/9 и клад на городище Барсов городок I/20, отдельные находки. Городища этого периода имеют развитую систему обороны, что отличает их от более ранних. Поздняя кулайская керамика представлена круглодонными слабопрофилированными и котловидными сосудами, поддоны редки. Венчики широкие, часто сильно скошены внутрь, с массивным карнизиком. Орнамент на тулове более густой и спускается ниже, чем на ранней посуде. Исчезает неорнаментированная зона под шейкой, жемчужины в разделительных поясках встречаются реже. Единичны двух- и трехчленные штампы, характерные для ярсалинских сосудов. Распространяются прокатанные штампы. Некоторые из перечисленных признаков характеризуют также керамику карымского этапа, что позволяет говорить о преемственности между кулайскими и карымскими древностями. В памятниках начала I тыс. н. э. появляются находки, свидетельствующие о зарождении местной черной металлургии и металлообработки. Это сосуд для варки железа с городища Барсов городок I/4, кузнечный молоток из клада с городища Барсов городок I/20, железные предметы, откованные по достаточно простым технологическим схемам. К поздним памятникам кулайской культуры отнесены городище Барсов городок I/4, селища Барсова гора IV/13 и I/21, святилище на городище Барсов городок I/9, могильники Барсовский III и VII. Хронологические рамки сургутского варианта кулайской общности, видимо, не выходят за пределы III в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея), 2016 / А.Б. Агаркова, В.А. Борзунов, А.Я. Труфанов. Екатеринбург–Сургут: издат. группа «Караван». 128 с.

Косинцев П.А., 2004. Формирование АМР: процессы и модели // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. Омск. С. 51–54.

Ранний железный век Западной Сибири, 1978. Томск: Изд-во Томского ун-та. 100 с.

Чемякин Ю.П., 1993. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИиА УрО РАН. С. 218–219.

Чемякин Ю.П., 1989. Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ. С. 60–74.

Чемякин Ю.П., 2008. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати». 224 с.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Томского ун-та. 256 с.

Ширин Ю.В., Яковлев Я.А., 2010. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та. Вып. 8. С. 21–62.

О некоторых особенностях формирования культурного слоя городищ раннего железного века Прикамья

© 2018 Е.М. Черных

Аннотация. Автором рассматриваются два аспекта в изучении древних поселений: генезис и характеристика культурного слоя в условиях ограниченной укреплениями площадки. В качестве полигона для наблюдений и анализа использованы городища ананьинского и пьяноборского времени бассейна Вятки, Нижнего и Среднего Прикамья. Приняты во внимание результаты междисциплинарных методов исследования.

Ключевые слова: ранний железный век, Прикамье, городища, укрепления, культурный слой.

В изучении древних поселений центральное место отводится исследованию культурного слоя. В практике полевых исследований археологу приходится решать разные вопросы, связанные с характером культурных напластований. Принципиально важным является еще в поле установить, является ли объект однослойным или многослойным, мощность и последовательность отложений, состав, цвет, структуру отдельных напластований, каков характер нарушений, степень насыщенности остатками жизнедеятельности человека и т.д. По мере осмысления полученных в ходе раскопок результатов исследователь ставит и решает вопросы объяснительного порядка: 1) какие факторы способствовали образованию культурного слоя, а какие – его разрушению? 2) почему так, а не иначе выглядит культурный слой исследуемого им памятника? Учитывая, что культурный слой – это «продукт сотворчества» природы и человека, в современной археологии принято ориентироваться на комплексный подход к его изучению (Культурные слои, 2006).

В археологии раннего железного века Прикамья, при всей выразительности погребальных памятников, значимыми источниками древней истории являются поселенческие объекты и, прежде всего, городища. Именно городища стали своеобразной «визитной карточкой» ананьинской культуры начала железного века региона, обратив внимание исследователей XIX в. выразительными остатками в виде мощных зольно-углистых слоев, насыщенных костным материалом, и таким образом вошли в историографию как «костеносные городища» (Спицын, 1893. С. 41–64).

На сегодняшний день в огромном ареале ананьинской КИО (включающем, по С.В. Кузьминых и А.А. Чижевскому (2009), Среднее Поволжье, Среднее и Прикамье, Вятку и Нижнюю Белую) известно около 100 укрепленных поселений (Дерендяев, 2000. С. 264). Эта цифра весьма условна, поскольку систематические научные раскопки проводились на небольшом количестве городищ и далеко не везде находки ананьинского времени надежно связываются с городищенским слоем.

Судя по опубликованным материалам раскопок городищ, их культурные слои различаются как по мощности, стратиграфии, так и по геоморфологическим характеристикам, элементному составу, насыщенности находками. Еще в конце XIX в., после первых раскопок костеносных городищ, П.А. Пономаревым, С.К. Кузнецовым, А.А. Спицыным было обращено внимание на их насыщенность золой, кухонными отходами, прежде всего, расколотыми костями диких и домашних животных, рыб. Из данных наблюдений следовали различные выводы о назначении городищ – являлись ли они местами постоянного проживания или культовыми (обрядовыми) центрами.

Раскопки вятских ананьинских городищ (Аргыжское, Буйское, Скорняковское), включавшие исследование как укреплений, так и внутренней площадки, позволили выделить некоторые общие характеристики, присущие культурному слою и особенностям функционирования укрепленных поселений на Вятке. Так, укрепления Аргыжского и Буйского городищ были возведены с самого начала обживания мысов группами раннеананьинского населения. По-видимому, этот вывод одинаково справедлив и для других вятских «костеносных» городищ – Ройского, Пижемского, Белоглазовского. Все они имели одну линию укреплений (вал–ров), земляные насыпи дополнительно укреплялись, но недостаточная исследованность раскопками не позволяет выполнить сколько-нибудь широкие сопоставления. Наличие деревянных стен на гребне вала установлено лишь для Аргыжского городища. На Буйском городище выявлены остатки бревенчатых стен со стороны внутреннего склона раннего вала. При всей выразительности укреплений, они ограничивали отнюдь не большое по

площади пространство (2,5–3,5 тыс. кв.м), вмещавшее от 3 до 5 жилищ с хозяйственно-бытовыми, производственными и культовыми постройками (Черных и др., 2002; Митряков, Черных, 2014). Установлено неоднократное подновление ветшавших укреплений. Говорить о выделении микрогрупп, центрами которых могли являться указанные городища, – преждевременно, поскольку в нашем распоряжении недостаточно материалов, прежде всего о селищах, для сравнительной хронологии памятников. Создается впечатление, что на городищах была аккумулирована разнообразная деятельность, обеспечивавшая проживание только того коллектива, которому оно принадлежало. Это не были центры округи, а, скорее центры освоения территории. Именно поэтому слои ранних ананьинских городищ на Вятке столь насыщены кухонными и иными остатками жизнедеятельности.

Несколько иную картину дали раскопки укреплений Скорняковского городища на Средней Вятке, дата строительства которых определяется не позднее первой четверти IV в. до н. э. (Чижевский и др., 2016. С. 63). Первоначальный вал возводится на месте небольшого поселения, культурный слой которого формировался очень короткий отрезок времени и был выражен тонкой углистой линзой в кровле погребенной почвы. Особенности керамического комплекса из догородищенского слоя и насыпных слоев ананьинского вала позволяют ограничить время его бытования в пределах последней четверти V – IV в., с возможным выходом в III в. до н. э. Раскопки вала широкой площадью убеждают также в том, что он использовался не столько для военных целей, сколько для выполнения иных, чаще всего культовых функций. Последнее назначение к финалу ананьинского Скорняковского городища существенно потеснило его оборонительные задачи. Существенным представляется наблюдение, что для позднего ананьина характер культурных слоев на городищах также претерпевает структурные изменения – уменьшается их мощность и зольный (минеральный) компонент, что продемонстрировали раскопки площадок Никульчинского, Истобенского, Кривоборского городищ, возникших не ранее V в. до н. э. Корреспондируются с указанными тенденциями особенности культурных слоев ананьинских городищ в Нижнем и Среднем Прикамье (Зуевоключевское I, Сорочьегорское, Степановское, Ныргындинские I, II, Быргындинское II и др.). Безусловно, при столь значительной территории и продолжительности бытования городищ, для каждого временного отрезка имеет смысл выделение своеобразных мезорегионов, природно-климатические особенности которых, наряду с особенностями хозяйственных стратегий и связей с соседями, обусловили специфику укрепленных поселков в каждом из них.

К рубежу эр на основе ананьино формируются культурные образования пьяноборской и гляденовской КИО. Так, на Вятке в раннепьяноборское время новых городищ не строится, замечены лишь следы модернизации старых, часто с использованием для подсыпки вала ананьинского культурного слоя (Скорняки, Аргыж, Буйское). Убедительно представлены следы финала их функционирования в конце пьяноборской эпохи (разрушенные стены, захоронения на площадках городищ со следами насильственной смерти, клады). На камских городищах стратиграфическая ситуация выглядит более сложной, а характер фортификаций более вариативным.

Комплексные (междисциплинарные) исследования культурных слоев ананьинских и пьяноборских городищ имеют пока небольшую историю (Журбин, Черных, 1999; Бугров и др., 2011; Чижевский, Хисяметдинова и др., 2014; Чижевский, Черных и др., 2016). Чуть более двух десятилетий археологи Татарстана, Удмуртии, Пермского края реализуют научные проекты, в фокусе которых – применение широкого диапазона конкретных исследовательских процедур, с участием ученых-естественников (геофизика, геоморфология, почвоведение, палеоландшафт, абсолютное датирование, пространственный анализ). Проекты не ограничивались лишь площадками самих памятников. В поле зрения исследователей включалась и ближайшая округа укрепленных поселений (ресурсных территорий). Сегодня важно, чтобы этот крайне важный подход в археологическом изучении культурных слоев городищ получил дальнейшее развитие. Только в таком случае можно надеяться на более глубокое проникновение в знание о прошлом населения Прикамья.

ЛИТЕРАТУРА

Бугров Д.Г., Линкина Л.И., Мельников Л.В., Николаева К.В., 2011. К вопросу о землепользовании населения пьяноборской культуры (по материалам комплексного исследования Тойгузинского II городища) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4. Казань: ООО «Фолиант», ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. С. 225–244.

Дерендяев Д.С., 2000. Ананьинские поселения Прикамья: основные итоги и перспективы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы международной научной конф. Ижевск: Удмуртский университет. С. 263–266.

Журбин И.В., Черных Е.М., 1999. Методы естественных наук в исследованиях Зуево-Ключевского I городища в 1998–1999 гг. // 120 лет археологии восточного склона Урала. Материалы науч. конф. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский госуниверситет. С. 70–72.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А., 2009. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). АЕС. Вып. 8. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, ИА РАН. С. 29–55.

Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конф. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА–Природа, 2006.

Митряков А.Е., Черных Е.М., 2014. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. АЕС. Вып. 20. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, ИА РАН. С. 147–186.

Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. 1. М. 193 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгареева Г.Ш., 2014. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. АЕС. Вып. 20. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, ИА РАН. С. 241–262.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А., 2002. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая

динамика, 2002. 187 с.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С., 2016. Скорняковское городище на Вятке. АЕС. Вып. 22. Казань: ИА им. А.Х.Халикова АН РТ. 156 с.

Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. в культурном пространстве от Урала до Ангары

© 2018 Ю.В. Ширин

Аннотация. Птицеголовые бляхи, известные от Приангарья до Урала, как и сопутствующие им зооморфные, восходят к бляхам с геральдическими композициями грифонов. Появление последних можно связывать с культурным воздействием V–III вв. до н. э., охватившем степи юга Западной Сибири и Урала в результате миграции кочевников из Центральной Азии. Бытование птицеголовых блях не выходит за пределы первой половины I тыс. н. э.

Ключевые слова: Приангарье, Приуралье, бронзовые птицеголовые бляхи.

В археологии Евразии есть ряд примеров удивительной транскультурной проницаемости при очень значительных территориальных разрывах. В рамках мир-системного подхода этим наблюдениям есть набор дежурных объяснений, начиная с миграционистских концепций и заканчивая реконструкциями разветвленных маршрутов, по которым могли реализовываться всевозможные социальные и экономические связи. Но часто нам так и не удается предложить приемлемой гипотезы, в которую бы вписывались все эмпирические данные. Особенно сложно это сделать, когда к территориальным разрывам добавляются хронологические лакуны.

В одной из недавних публикаций была сделана попытка обзора весьма своеобразного типа бронзовых фигурных блях, которые в эпоху железа по необъяснимым причинам получили распространение от Приангарья до Урала (Марченко и др., 2014). Авторы приводят 5 блях из Приангарья, 2 из окрестностей Красноярска, 1 из Минусинской котловины и 4 из Причулымья. Западный ареал находок, по мнению этих авторов, представлен только двумя обломками – с р. Бундюр в Среднем Приобье и с Гляденовского костища в Предуралье. На основе этого обзора была выдвинута гипотеза, что генезис данных блях проходил в Приенисейском крае под влиянием степных культур Южной Сибири скифского круга. Время бытования птицеголовых блях предположено в интервале от второй половины I тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э. (Марченко и др., 2014. С. 236).

На самом деле, на западе птицеголовых блях найдено не намного меньше, чем на востоке. Но, к сожалению, они в основной массе представлены находками грабителей археологических памятников. Так из Пермского края, кроме Гляденовской, известно уже не менее 3 блях (Рис. 1: 1–3), а в различных местах Зауралья, Прииртышья и Нижней Оби найдено не менее 5 (Рис. 1: 4–7). Все бляхи, сохраняя близкие метрические параметры, имеют незначительные различия в оформлении.

В западном ареале птицеголовых блях найдены зооморфные накладки (Рис. 1: 7–10), в которых, при желании, можно видеть истоки ряда особенностей оформления первых. Впрочем, ограниченный материал не способствует разработке какой-либо эволюционной типологии. Тем более, что в одном случае оба типа накладок, видимо, были найдены совместно (Рис. 1: 7). По крайней мере, одна зооморфная накладка найдена и на Среднем Енисее (Мандрыка, 1998, Рис. 1).

В Зауралье известна находка ажурной бронзовой пластины, где противопоставленные протомы оскаленных хищников с когтистыми лапами дополнены не двурогим отростком, как у прочих блях, а двумя головами хищных птиц с загнутыми клювами (Рис. 1: 8). У бляхи нет крепежных петель. В этом же стиле в Пермском крае встречены бляхи (не менее 6), у которых обе половины оформлены головами одних и тех же хищников (Рис. 1: 9).

В близком стиле выполнена птицеголовая бляха, найденная в ХМАО (Рис. 1: 6). Кроме спиралей в области крыльев, она имеет выделенные желобками клювы и круглые глаза. Судя по одинаковому обрамляющему желобку на бляхах из ХМАО и Гляденовского костища, орлиные головы на последней тоже могли иметь глаза. На обороте бляхи из ХМАО есть вторая пара петель – в области голов, что не исключает крепеж бляхи головами вверх, а не так, как реконструируется для большинства, – головами вниз. Какова хронологическая последовательность блях с разными вариантами петель – не ясно.

Судя по декоративным особенностям зооморфных накладок, сопряженных с птицеголовыми, данные изделия могли сформироваться в регионе смежном с ареалом чердынской стилистической группы бронзового литья (Ширин, 2018), бытование которой может быть отнесено к рубежу эр – первым векам н. э.

Ж.В. Марченко с соавторами предположили, что три одинаковых декоративных элемента на планке птицеголовых накладок, где на обороте отформованы крепежные петли, повторяют схему общей композиции блях (2014. С. 230; Рис. 2: 2). Эта идея мне близка, но своеобразные иероглифы на планке могут вызывать и иные аллюзии. Мне представляется более вероятным, что за узорами скрывается схематичная передача прорезей и гравировок зооморфных накладок (Рис. 1: 10). Последние дают нам ключ и к происхождению данных типов изделий. Зооморфные накладки – не что иное, как переосмысленные в новой культурной среде импортные бронзовые накладки той же конструкции, с парными головами грифонов, повернутых друг к другу. Не менее двух таких грифоновых накладок найдено на Нижней Тунгуске (Рис. 1: 12), а однотипная переотливка известна в Западной Сибири (Рис. 1: 11). Обломок еще одной грифоновой бронзовой бляхи происходит из кулайского могильника III–II вв. до н. э. в Новосибирском Приобье (Троицкая, 1979. С. 14; Табл. XIII: 4). Это дает некоторые ориентиры для установления нижней хронологической границы, по крайней мере для зооморфных блях.

Вполне вероятно, что разнообразные типы бронзовых накладок с грифонами распространяются в южнотаежной зоне Сибири в контексте тех же процессов, которые привели к появлению целой группы чужеродных изделий в

Рис. 1. Бронзовые птицеголовые бляхи и их вероятные прототипы.
1–3 – Пермский край; 4 – Курганская область; 5 – лесное Зауралье; 6 – ХМАО; 7 – Челябинская область; 8, 9 – Верхнее Прикамье; 10, 11 – Среднее Приобье; 12 – Подкаменная Тунгуска; 13 – Верхнее Приобье (по: Шульга и др., 2009. Рис. 21: 3).

культурах Предуралья и Западной Сибири эпохи раннего железа. В Предуралье комплекс инноваций в инвентарных наборах было предложено рассматривать в качестве наследия неких «восточных импульсов» из «Центральной Азии», в интервале V–III вв. до н. э. (Ковалев, 1992; Воробьева, 2010; Васильев, 2014). В новой культурной среде происходит не только трансформация декоративного оформления исходных типов изделий, но иногда и замена их функции.

Что касается предельно стилизованных птицеголовых блях, то их сходство с портупейным бляхами, известными на юге Сибири в ранних комплексах скифского времени (Рис. 1: 13), если и не случайно, то сложно объяснимо.

Птицеголовые бляхи вряд ли изготавливались позднее середины I тыс. н. э. Отдаленное сходство в оформлении нескольких типов бронзовых подвесок VI–VII вв. (верхнеобской и таштыкской культур), отмеченное рядом исследователей (Марченко и др., 2014. С. 234; Панкова, 2003. С. 272–273), при полном конструктивном несоответствии, с этими бляхами, показывают, что, хотя, данные мотивы еще востребованы, но исходный предмет и образы уже давно забыты.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.Н., 2014. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // Уфимский археологический вестник. №14. Уфа: Гилем. С. 40–47.

Воробьева С.Л., 2010. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Уфимский археологический вестник. №10. Уфа: Гилем. С. 52–60.

Ковалев А.А., 1992. Происхождение бронзовых обойм–«накосников» Западной Сибири и Южного Урала // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 2. Омск: Изд-во ОмГУ. С. 96–97.

Мандрыка П.В., 1998. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово. 24 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Дудко А.А., Гаркуша Ю.Н., 2014. Редкий вид бронзовых фигурных блях эпохи железа Восточной и Западной Сибири: к проблеме трактовки орнамента, использования и датировки предметов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 5. Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 228–239.

Панкова С.В., 2003. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 271–274.

Троицкая Т.Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. 124 с.

Ширин Ю.В., 2018. Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железного века // Древности Евразийских степей. (в печати)

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 329 с.

The dating of Textile ceramics in the Middle Volga and Karelian Isthmus

@ 2018 M.T. Lavento

Annotation. The aim of this presentation is to indicate the datings (^{14}C) and discuss their usability when trying to understand the origin of the early Textile ceramics in the middle Volga and Karelian Isthmus regions. These results will be compared with the other datings suggested by the other scholars in other publications. On the basis of this information, it was suggested the model about the origin of the Textile ceramics. In addition, it will be discussed how the use of Textile ceramics continued in these areas. In this way, it will be achieved the continuation of the material in the areas mentioned before.

Keywords: the Textile ceramic, the middle Volga and Karelian Isthmus regions, ^{14}C-dates, AMS- dating.

The Textile ceramics is the large group of ceramics which was in use in the large part of the coniferous zone at least three millenniums years, mostly before our time. Practically, its using period was longer. The most characteristic issue of the Textile ceramics is textile-impression or impression. They are often difficult to observe.

Further, the impressions were varying in the research area during the long time. In addition, the impressions were different in different ceramic types, which are not possible connect with the Textile ceramics. To understand what is the Textile ceramics needs the researcher the ability to separate the details of the type and to see the technological influence in the background of the making of pottery.

The pottery that comes close to the textile impression were observed in the Russian archaeology very early; this was done first by C.A. Gorodtsov in the early 2000s (1914). The textile ceramics has been suggested as a ceramic group of its own already in the 1950th, but not as a well-defined ceramic group. Several Russian scholars have since that studied the textile-impressed pottery. Krajnov (1987) considered as the valid group but only in the NW part of the Upper Volga, in the region from Jaroslavl to the west.

In Finland, the same kind of ceramics was separated in the 1950s as the name of Sarsa-Tomitsa -type by Prof. C.F. Meinander (1954). After him, the ceramics was investigated by Lic.Phil. Christial Carpelan (1999) and later the research was continued by Prof. Mika Lavento (2001), but again with the name of the Textile ceramics. The further research of the topic has been carried out because the questions were connected with the material found in the middle Volga region.

In the Baltic Sea region, the Textile ceramic was considered as the group including both in the Baltic countries and in the Volga region. However, in neither of these areas it was archaeologically detailed investigated before the 1980s which meant that the meaning of the ceramics had left more or less unclear. The largest research of the ceramics of the type so far has been carried out in Russia by Prof. Valerij S. Patrushev after the 1980s. The same kind of investigation was

done in Finland and its neighbouring areas by Mika Lavento since the 2000s.

In the Baltic counties, there have been some Textile ceramic research as well. The most important experts of the material in the area have been Andres Vasks (1980), who is also the specialist of the Bronze Age. The early AMS-datings of the type was made in the Baltic countries in the early 2010s (Kriiska and Lavento, 2007). This was the time before the real Textile ceramics appeared in the Middle Volga area.

An interesting issue in the Baltic countries is too, that the very late Textile ceramics is known there. The latest datings reached the middle part of the Iron Age. The earliest dating of the type was made by Dr. Silvia Laul (1996) and in the 2000s; but the exact dating of the types was missing until the early 2000s.

In the article will be presented 12 AMS (Accelerated Mass Spetrometric, University in Helsinki) dating taken at the sites located in the Middle or Upper Volga area. These datings have, however, already been presented and published in the Tver archaeological symposium in 2008, and so far, no new AMS-datings were achieved from the Volga area.

In addition, 9 sites have been AMS-dated at the dwelling sites in the Karelian Isthmus, on the eastern side of Finland. Also, these results have been presented in the Tver symposium in 2011, but I did not publish the results earlier. Textile ceramics in this area has been researched by Mark Kosmenko (1996) and recently the datings mentioned by Alexander Shuldikov.

The aim of this presentation is to indicate the datings and discuss their usability when trying to understand the origin of the early Textile ceramics in the middle Volga and Karelian Isthmus regions. These results will be compared with the other datings suggested by the other scholars in other publications. On the basis of this information, it was suggested the model about the origin of the Textile ceramics. In addition, it will be discussed how the use of Textile ceramics continued in these areas. In this way, it will be achieved the continuation of the material in the areas mentioned before.

The Textile ceramics spread in the large area, in the area where the dating samples have been so far collected in this presentation. The dwelling site Baza otdyha, in the village of Koksaisk, Mari-el included the large number of Textile ceramics, two new samples were collected. However, the most number of new material was collected at the sites in the large sites located in the southern border of the distribution area of the ceramic type. The material was located in Balashovo, Salatavo and Penza.

The Textile ceramics has been observed in Scandinavian countries as well. The problem has been the question, should we connect the type together with the same type as the Fenno-Ugrian one and that one found in the Baltic Countries. So far it has been realized as a type which has been called in the northern Lapland as the type called the Imitated Textile ceramics (IT-ceramics). The suggestion has been presented by Norwegian scholars and the idea has been developed in Finland by Christian Carpean (1999). The connections have been to the eastern Textile ceramics already quite early, since after 1600 calBC.

In addition, in southern Scandinavia has been separated some textile-impressed ceramics, which dates to the Bronze Age. It does not formulate any well-definierbar and clear group and it is not easy to be connected with any Fenno-Ugric ceramic group. It may very probably have more connections with the ceramics in the Baltic countries.

I have written myself my PhD work with the Textile ceramics in Finland and the Karelian Isthmus (2001). Practically, the material included in a considerable number of dwelling sites comes from eastern Karelia and Middle Volga. Because I was participated in the excavations in the dwelling sites in the Middle Volga in the early 1990s, the Textile ceramics over there has come known to me there also practically in the field. First of all, I have learned to know the material in the museums and the collections in the Universities in Finland, Russia and Baltic countries.

REFERENCES

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья. Молотов. 118 с.

Городцов В.А., 1914. О находке близ станции Сейма Московско-Нижегородсной железной дороги // Древности. Т. XXIV. М. С. 6-169.

Косменко М.Г., 1996. Культура сетчатой керамики // Археология Карелии / Ред. М.Г. Косменко и С.И. Кочкуркина. Петрозаводск. С. 185–215.

Крайнов Д.А., 1987. Ранний бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. С. 58–76.

Крийска А., Лавенто М., 2007. «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах масс-спектометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях (Материалы конференции, посвящённой 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9-12 апреля 2007 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН. С. 243–150.

Лавенто М., 2011. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 8. Т. I. Тверь. С. 263–272.

Лавенто М., Патрушев В.С., 2015. Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые 14С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. №2 (12) 2015. С. 160–188.

Лаул С. Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура» // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. I. СПб.–Псков. С. 402–409.

Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат. 232 с.

Carpelan C.. 1999. Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-100 eKr. Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan (toim. Paul Fogelberg). Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 153, 249–280.

Lavento M., 2001. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C.F. Meinander. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja – Finska Fornminnesföreningens Tidskrift 109, Helsinki, pp. 410.

Meinander C.F., 1954. Die Bronzezeit in Finnland. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja – Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, Helsinki, 54.

Patrushev V.S., 1992. Textile-impressed pottery in Russia. Fennoscandia archaeologia. IX. P. 43-56.

Опыт изучения сырьевой базы гончарного производства городища Джукетау в домонгольское время

© 2018 В.Н. Бахматова

Аннотация. Изыскания в области поиска районов и мест отбора глинистого сырья для изготовления керамической посуды достаточно актуальны в современной археологической науке. В данном случае приведены некоторые результаты изучения традиций отбора исходного пластического сырья и определения сырьевой базы гончарства в рамках одного памятника – городища Джукетау. В исследовании использован междисциплинарный подход.

Ключевые слова: керамика Волжской Болгарии, городище Джукетау, гончарная технология, источники сырья.

Изучение традиций отбора пластического сырья является одной из основных тем в изучении гончарной технологии. Набор характеристик сырья, использованного для изготовления керамической посуды, некоторым образом связывает гончара и всю систему его трудовых навыков с окружающей средой и освоением природных ресурсов. Определение таких связей и направлений взаимодействия является целью проведенных исследований.

В проведении данного исследования учитывался опыт идентификации сырьевых источников гончарства золотоордынского Болгара (Бахматова и др., 2017. С. 255–281). Исследование было организовано в два этапа. Первоначально было проведено технико-технологическое изучение (Бобринский, 1978, 1999) и петрографический анализ[1] керамических сосудов городища Джукетау. Затем был осуществлен отбор проб глинистого сырья, которое также было подвергнуто аналогичным исследованиям.

Технико-технологический анализ 277 керамических сосудов городища Джукетау позволил выявить две традиции в отборе исходного пластического сырья. Традиция использования запесоченных глин разного качества характерна для производителей ремесленной керамики общеболгарской группы. Незапесоченные глины характерны, прежде всего, для изготовления керамики домашнего производства – группы XIII, VII, VIII, II (Хлебникова, 1984; Васильева, 1993).

Наибольшие вопросы вызывает качественно-количественный состав естественных примесей незапесоченных глин. Данное сырье в контексте гончарных традиций памятника встречается в совокупности с искусственной примесью очень мелкого песка (размер до 0,5 мм), дробленой раковины, шамота. Среди естественных примесей выделены: небольшое количество пылевидного песка (размер до 0,1 мм), единичные железистые включения буро-коричневого или красного цветов округлой формы или аморфные размером до 1, реже 2–3 мм, также иногда встречаются глинисто-песчанистые включения неопределенной формы и разного размера, совпадающие по цвету с основой. В сколах сосудов часто фиксируются также различные включения чистой глины, окатаные и полуокатаные миндалевидной или округлой формы, со сколами или трещиноватые, иногда это просто линзовидные прослойки. Размер таких включений от 0,5 до 15 мм, цвет может быть таким же, как и основа, или отличаться от него.

Для уточнения состава естественных примесей данного пластического сырья для 29 образцов керамики XIII группы был проведен петрографический анализ. Технологический анализ керамики XIII группы выявил формовочные массы на основе незапесоченной глины с примесью песка в концентрациях от 1:1 до 1:6/10, иногда с добавлением выжимки навоза жвачных животных. Включения чистой глины – это результат обработки сырья (его измельчение) в процессе подготовки формовочной массы.

По результатам петрографического анализа керамика содержит 20–40 % обломочной компоненты разного размера. Обломочный материал тонкоалевритовой размерности (0,01–0,05 мм) составляет 5–60 %. Содержание мелкопесчаной фракции (0,1–0,3 мм) 30–90 %. Состав обеих фракций полиминеральный: кварц, полевые шпаты, обломки кремнистых и кристаллических пород. В алевритовой фракции в некоторых образцах зафиксирован мусковит, который указывает на исходный гидрослюдистый состав глинистой основы. В то же время он может являться следствием температурной трансформации минералов группы смектитов. В одном образце выявлен дресвяной обломочный материал (до 40 %). Минеральный состав сходен с составом песчано-алевритовой компоненты. В большинстве образцов наблюдаются различные по форме, чаще овальные и округлые, агрегаты комковидного глинистого материала. Окраска и текстура таких агрегатов, как правило, схожа с базисной основой, что позволяет предположить ее единый состав. Размер таких агрегатов от образца к образцу различный и составляет от 0,05 мм до 1–2 мм. Также в части образцов отмечается присутствие гематита, вероятно, образованного вследствие обжига и перехода части железа в оксидную форму. Иногда в образцах отмечается незначительное присутствие карбонатного материала в виде доломита (до 4 %).

Результаты петрографического описания уточнили результаты технико-технологического анализа, подтвердив предположение о природе включений из чистой глины и примеси песка во фракции от 0,1 мм. Не вполне ясной осталась природа пылевидного песка (алевритовая фракция).

Для уточнения данных обстоятельств были проведены исследования по определению потенциальной сырьевой базы для гончаров, изготовлявших керамику с подобными характеристиками сырья. Теоретической основой поиска источников пластического сырья стала теория Д. Арнольда (Цетлин, 2012. С. 60–61). Руководствуясь данной теорией, был изучен геологический потенциал территории городища Джукетау, произведен осмотр эрозионных форм рельефа и произведен отбор образцов глинистого сырья в радиусе до 5 км от городища. Городище Джукетау представляет собой часть археологического комплекса, в состав которого, кроме городища (X – нач. XIII в.), входят Донауровское I (Крутогорское) селище и могильник (X – нач. XIII в.) и Донауровское II селище (X – нач. XV в.) и могильник. Весь комплекс располагается в левобережье р. Камы (западная окраина современного г. Чистополя). Донауров-

ское II селище отделено от городища и Донауровского I селища р. Килевкой, протекающей по одноименному оврагу, являющемуся частью овражной сети. Указание на речку с оврагом и стоящим на ней городом сохранилось в древнерусских летописях (Набиуллин, 2011. С. 9–20). Таким образом, основным объектом обследования стал именно Килевский (Донауровский) овраг.

В результате осмотра в ложе оврага были выявлены напластования глины серого цвета, вымываемые ручьем. По внешнему виду и условиям залегания соответствуют бентонитоподобным (флоридиновым) глинам (Сабитов, 2015. С. 38–43; Попова, 1932. С. 112–123; Хованская, 1932. С. 170–177; Соболев, 1932. С. 284–291). Из выходов данного глинистого сырья были взяты образцы в количестве 10 проб. Из проб были сформованы эталонные образцы, которые были обожжены в лабораторных условиях в режиме медленного нагревания, длительной выдержке при температуре 900 °С и медленном остывании. В процессе обжига все эталоны приобрели оранжево-коричневый цвет, деформировались, появились трещины.

Технологический анализ сырья выявил состав, схожий с составом глинистого сырья в керамике: единичные включения пылевидного песка или чешуек слюды в виде прозрачных отдельных зерен с блеском. Кроме этого, нередко встречаются округлые железистые включения бурокоричневого или красного цветов размером до 1, редко 2–3 мм. Скол образца неоднороден по цвету, присутствуют светло-серые участки, по структуре не отличаются от общего состава, хотя в сколах наблюдается некоторая комковатость и неоднородность. Наличие пылевидного песка в образцах сырья обуславливает его присутствие в керамике, но по данным петрографии его количество сильно разнится. Возникает вопрос об однородности качественно-количественного состава залежи глины.

Для уточнения таких моментов была отобрана колонка образцов в одном и том же месте по вертикали через каждые 20 см. Был охвачен пласт мощностью 160 см. При зачистке можно выделить два основных пласта. Верхний мощностью примерно 40 см рыхлый и по цвету неоднородный с коричнево-рыжими прослойками. Нижний более плотный, однородный по цвету, но в структуре выделяются тонкие нерегулярные прослойки до 2 см толщиной из спрессованного алеврита. Из этих образцов также были сформованы эталонные образцы, обожженные в уже описанном выше режиме. Скол всех образцов неоднороден по структуре и по цвету. Технологический анализ показал, что во всех эталонах присутствует пылевидный песок, иногда встречаются крупные до 0,5 мм чешуйки слюды. В образцах отобранных ближе к дневной поверхности зафиксированы буро-коричневые (вероятно железистые) налеты. В образцах отобранных примерно в середине залежи зафиксированы неокатаные железистые включения разной формы размером до 5 мм. Во всех остальных образцах фиксируются аморфные железистые включения разного размера.

Минералого-петрографический состав образцов следующий. Основная масса образцов сложена пеллитовым по структуре материалом. Обломочная компонента составляет 5–20 % от общего объема. Обломочная компонента представлена преимущественно алевритовой фракцией: кварц, полевые шпаты, обломки кремнистых пород. В образцах из нижних напластований выявлены зерна мелкопесчаной или крупноалевритовой размерности: кварц, полевые шпаты. Таким образом, был получен неоднородный минералогический качественно-количественный состав глинистого сырья, отобранного в одном месте, но на разной глубине. Петрографически не удалось зафиксировать слюдянистые и железистые включения, которые, вероятно, не попали в поле шлифа. Количество пылевидного песка в пробах сырья не превышает 5–20 %. Этот показатель в проанализированной керамике может быть таким же, а может превышать в два три раза. В итоге, какая-то часть пылевидного песка является неотъемлемой частью исходного пластического сырья, а другая вполне может попасть в процессе подготовки формовочных масс вместе с примесью песка.

Методически в соответствии с теорией А.А. Бобринского о районах и местах отбора исходного сырья (Бобринский, 1999. С. 25–30) проанализированную керамику XIII группы по качественному составу естественных примесей мы можем отнести к 2–3 условным районам. Качественные характеристики сырья объединяют его в 1–2 района, которые сопоставимы с условными районами отбора, выделенными в керамике. Характеристика качественного петрографического состава несколько усложняет процедуру выделения районов, существуют некоторые условности, связанные с двойственной природой наличия и состава алевритовой фракции в керамике. Анализ сырья, отобранного в одном месте, показал маловероятность достоверности результатов сопоставления сырья и керамики с целью выявления конкретных мест отбора.

Проанализирован комплекс данных, который позволил определить конкретный территориальный район отбора глинистого сырья, в который входят все выделенные условные районы. Нет смысла его разделения внутри одной ландшафтной системы, потому что качество добытого сырья, необходимое для изготовления определенных групп керамики, не изменится. Традиции отбора сырья в гончарстве производителей керамики из незапесоченного сырья неразрывно связаны с ландшафтными особенностями и поселенческой структурой этого сырьевого района.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петрографический анализ выполнен к.г-м.н А.Н. Кольчугиным в литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского (Приволжского) федерального университета.

ЛИТЕРАТУРА

Бахматова В.Н., Ситдиков А.Г., 2017. Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований) // Поволжская археология. №2(20). С. 255–281.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Научн. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–110.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Васильева И.Н., 1993. Гончарство Волжской Болгарии в

X–XIV вв. Екатеринбург: Наука. 195 с.

Попова А., 1932. Геологическое описание р. Шентала и ближайших окрестностей г. Чистополя // Геология и полезные ископаемые Татарской республики (Сборник работ 1927–1930 гг.) / под ред. проф. М.Э. Ноинского и Н.П. Герасимова. Казань: Татиздат. С. 112–123.

Сабитов А.А., 2015. Месторождения бентонитов РТ: геология и генезис, направления использования сырья // Георесурсы. №4 (63), Том 1. С. 38–43.

Соболев В., 1932. Предварительные разведки на отбеливающие глины в Чистопольском районе в 1930 году // Геология и полезные ископаемые Татарской республики (Сборник работ 1927–1930 гг.) / под ред. проф. М.Э. Ноинского и Н.П. Герасимова. Казань: Татиздат. С. 284–291.

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука. 241 с.

Хованская О., 1932. Химический состав и физические свойства глин ТР // Геология и полезные ископаемые Татарской республики (Сборник работ 1927–1930 гг.) / под ред. проф. М.Э. Ноинского и Н.П. Герасимова. Казань: Татиздат. С. 270–177.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Предварительные итоги технологического изучения неполивной керамики Билярского городища: особенности приспособительных навыков (по материалам раскопа 44 2015–2016 гг.)

© 2018 В.Н. Бахматова, З.Г. Шакиров, Ф.Ш. Хузин

Аннотация. По предварительным итогам технологического изучения керамики Биляра выделены три основные традиции отбора пластического сырья, основанные на использовании глин разного сорта и глиняных концентратов. Выделенные приспособительные навыки коррелируют с существующей типологией неполивной керамики памятников Волжской Болгарии.

Ключевые слова: керамика Волжской Болгарии, Билярское городище, гончарные традиции, приспособительные навыки.

Технико-технологический анализ 112 сосудов, происходящих из раскопа 44 Билярского городища в 2015–2016 гг. (Хузин, Шакиров, 2017. С. 1103), был проведен в соответствии с методикой А.А. Бобринского, выделившего в структуре гончарной технологии: подготовительную, созидательную и закрепительную стадии (Бобринский, 1978. С. 14). Технологическое изучение неполивной керамики Билярского городища ранее не проводилось. Состояние источника позволяет на данном этапе сосредоточиться на выявлении приспособительных навыков в гончарных традициях населения городища. Исследование направлено на выделение особенностей подготовительной стадии (отбор, добыча и обработка исходного сырья (ИС), подготовка формовочных масс (ФМ) и отчасти созидательной стадии (обработка поверхности сосуда (ОП). Отбор и первичная систематизация керамических сосудов производилась в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1984). Материал отобран из двух основных хронологических горизонтов городища: слои XI века, XII – начала XIII вв. (Хузин, 2017, Бадеев, 2017). Основную часть выборки составили группы керамики из слоя XI века: I, II, III, IV–VI, VII, VIII, IX, XI, XIII, а также сосуды со смешанными признаками II/XI, I/III, VII/VIII, XIII/III, XIII/VII, XIII/VIII.

В приспособительных навыках гончаров Биляра можно выделить три основных направления, основанные на использовании в качестве исходного пластического сырья (ИПС) незапесоченных чистых глин, запесоченных глин и смесей из них. В качестве непластического сырья (НС) использованы различные примеси минерального, органического и органоминерального происхождения. Среди минеральных примесей выделены шамот и песок. Органические примеси представлены навозом жвачных животных, выжимкой из навоза и органическим раствор неизвестного происхождения. В качестве органоминеральных примесей выделены раковины пресноводных моллюсков. Данная примесь подразделяется по способам подготовки сырья: сырая и с предварительной термической обработкой. Калибровка шамота, песка и раковины проведена по верхней границе фракции: очень мелкая (до 0,5 мм), мелкая (до 1 мм), средняя (до 2–3 мм), крупная (от 3 мм и более). Концентрации сухих примесей подразделяются на высокие (1:1–1:2), средние (1:3–1:4), низкие (1:5–1:7 и менее) (Бобринский, 1999. С. 16–47; Салугина, 2016. С. 68–71; Петрова, 2016. С. 65–67; Илюшина, 2016. С. 78–81).

Направление 1 – тонкое и очень тонкое пластическое сырье. 39 % проанализированных сосудов изготовлены из незапесоченной глины – это чистые ожелезненные глины с вкраплениями пылевидного песка или слюды (до 0,1 мм) или без него. Очень часто встречаются железистые включения и включения бурого железняка буро-коричневого или красного цветов различной формы размером до 1–2 мм или даже до 3–4 мм. Количество таких включений не более 10–15 на 1 кв.см. Глины такого качества использованы для подготовки ФМ для большинства сосудов керамики групп II, VII, IX, XI, а также сосуды со смешанными внешними признаками VII/VIII. Отчасти сырье такого качества встречено в керамике VIII группы. Среди несмешанных традиций подготовки ФМ зафиксированы только двухкомпонентные рецепты: глина + выжимка, глина + шамот в средней концентрации (VIII и XI группы), глина + дробленая раковина в высокой или низкой концентрации (VII/VIII и VII группы).

В смешанных трехкомпонентных рецептах можно выделить 2 традиции. Первая традиция связна с примесью шамота и органической составляющей. Шамот использован в основном в мелкой и средней фракции, но встречаются рецепты и с достаточно крупным шамотом. Концентрации шамота зафиксированы низкие, средние, высокие. Рецепты с выжимкой характерны, прежде всего, для керамики групп II, IX и IX и отчасти для керамики групп VIII и VII/VIII. Рецепты с навозом характерны только для сосудов VIII группы. Рецепты с органическим раствором выделены только среди сосудов XI группы.

Вторая традиция связана с примесью дробленой раковины и органической составляющей. Рецепты с раковиной с предварительной термической обработкой характерны только для керамики VII группы. Концентрации раковины высокие или низкие. Рецепты с сырой раковиной выделены для керамики VII и VII/VIII групп.

Среди четырехкомпонентных рецептов выделен только один рецепт: глина + шамот + выжимка + дробленая раковина. Шамот средней размерности использован в низкой концентрации. Рецепты, в которых использована раковина с предварительной обработкой, характерны для керамики группы VII, сырая раковина характерна для керамики группы VII/VIII. Концентрации раковины зафиксированы от низких до высоких. В рецептах с примесью шамота, сырой раковины или органики пластическое сырье несет функцию основного сырья (более 50 % от объема ФМ) и характеризует частично сформированное представление гончаров о глине как о единственном сырье для изготовления посуды – археогончарный уровень (группы керамики II, IX, XI, VIII, VII/VIII). Несформированные протогончарные представления характерны для гончаров, изготовлявших керамику с примесью раковины с предварительной обработкой. В данных сосудах глина несет функцию связки (до 50 % от объема ФМ). Протогончарный уровень характерен для керамики VII группы (Бобринский, 1999. С. 78).

Направление 2 – средне грубое пластическое сырье. Для изготовления 21 % сосудов использованы различные запесоченные глины. Эти глины достаточно неоднородны. Отдельно следует выделить слабозапесоченные глины – это глины с большим количеством пылевидного песка, а также включениями прозрачных полуокатаных зерен песка размером 0,2–0,6 мм. Иногда встречаются единичные железистые включения буро-черного цвета размером до 1 мм. Общее количество включений до 30 на 1 кв. см. Из этой категории пластического сырья изготовлено некоторое количество сосудов I общеболгарской группы и группы VII/VIII. Для керамики I группы зафиксирован однокомпонентный рецепт, в котором использовано только пластическое сырье.

Наиболее распространены средне и сильно запесоченные глины. Это глины с большим количеством пылевидного песка, а также окатаных и полуокатаных зерен песка с широким фракционным диапазоном 0,2–0,8 или даже 1 мм. Количество зерен песка от 50 до 250 на 1 кв.см. Из такого сырья изготовлена керамика групп I, III, VIII, XIII, I/III. В этом направлении выделены только несмешанные двухкомпонентные рецепты ФМ: глина + органическая примесь. В сосудах, характеризующихся данным направлением в отборе пластического сырья, глина несет функцию основного сырья (археогончарные представления). В некоторых сосудах I группы наблюдается тенденция неогончарных представлений – глина несет функцию единственного сырья для изготовления сосуда (Бобринский, 1999. С. 78).

Направление 3 – тонкое и средне грубое пластическое сырье. Достаточно большое количество керамики, 40 % сосудов, изготовлены из глиняных концентратов. В данной выборке это смесь чистой незапесоченной глины с запесоченной. Смешивание глин осуществлялось в естественно увлажненном состоянии. По степени запесоченности можно выделить три вида концентратов. Первый вид представляет собой смесь чистой незапесоченной и слабозапесоченной глины. В совокупности это незапесоченное пластическое сырье. Такой концентрат фиксируется в тех группах посуды, для которых характерно использование незапесоченной глины – группы II и VII, а также II/XI, XIII/VII. Традиции подготовки ФМ на основе концентрата всегда характеризуются как смешанные. Для этого вида глиняной смеси можно выделить четыре традиции подготовки формовочных масс. Первая, с примесью органики, характерна для группы II/IX. Вторая, с примесью очень мелкого песка, отмечена в группе керамики XIII/VII. Третья, с примесью мелкого или среднего шамота и выжимки, встречается в сосудах групп II, II/XI. Четвертая, с примесью шамота и раковины, зафиксирована только в группе керамики VII.

Второй и третий виды – это смеси незапесоченной и сильнозапесоченной. Слабозапесоченный концентрат выявлен в группах I, VIII, XI. Для керамики I группы выявлен рецепт с примесью выжимки, для керамики VIII группы характерен рецепт с примесью навоза, для керамики XI группы выявлен рецепт с выжимкой и шамотом.

Третий вид является самым массовым – сильнозапесоченное пластическое сырье. Основу смеси составляет сильнозапесоченная глина. Незапесоченная глина представлена окатаными и полуокатаными включениями чистой глины миндалевидной или округлой формы. Размер включений до 10 мм. Такое пластическое сырье характерно, в первую очередь, для тех групп керамики, для которых зафиксировано использование сильнозапесоченных глин – группы керамики I, III, VIII, XIII, I/III, XIII/III, XIII/VIII. Здесь можно выделить две традиции ФМ. Первая группа представляет собой рецепт только из смеси глин без примеси неглинистых компонентов. Встречается в керамике групп I, VIII и XIII/III. Вторая группа ФМ с примесью органики (выжимки или навоза). Рецепт с навозом выявлен только в сосудах групп XIII и I/III. Для данного направления характерны все вышеперечисленные представления о глине как о сырье для изготовления посуды. Традиции составления ФМ находят аналогии с традициями первого и второго направления.

Для большинства проанализированных групп сосудов выделены смешанные навыки в обработке поверхности сосудов. Сосуды групп керамики II и VII (направление 1) имеют только ручное заглаживание пальцами. Для сосудов из групп IX, XI, VIII (направление 1) кроме ручного заглаживания выявлены признаки частичного заглаживания на гончарном круге. Общий уровень РФК – 0–2 (Бобринский, 1978. С. 26–34).

Для групп керамики I, III, VIII, XIII, I/III (направление 2) также характерны смешанные приемы обработки поверхности. Для сосудов группы I гончарный круг использован не только для полного заглаживания, но и для формообразования – РФК 4. Кроме этого на внешней поверхности зафиксировано лощение, а на внутренней ангоб белого цвета. Для остальных групп керамики уровень РФК составляет 3–4, реже 2–3. Специфические приемы обработки поверхности зафиксированы и для керамики группы XIII – обстругивание внешней поверхности сосудов.

Таким образом, анализ приспособительных навыков позволяет выявить некоторые процессы смешения гончарных традиций населения Билярского городища на первом этапе его существования. Использование глиняных смесей в качестве пластического сырья для изготовления керамики характеризует картину адаптации приспособительных навыков гончара при переселении на новое место жительства (Цетлин, 2012. С. 136). Всю керамику из кон-

центратов можно разделить на две категории. Первую категорию составляют сосуды групп I, II, III, VII, VIII, XI, XIII. Вторую – сосуды групп со смешанными признаками II/XI, I/III, XIII/III, XIII/VII, XIII/VIII. Первая категория характеризует процесс притока на территорию городища населения с разным уровнем гончарства. Вторая категория, возможно, кроме адаптации трудовых навыков в условиях нового места отражает смешение гончарных традиций между представителями разных групп населения. Приспособительные навыки гончарства Билярского городища позволяют выявить картину адаптации и смешения населения, использовавшего чистую незапесоченную или сильно запесоченную глину. Устойчивые традиции использования незапесоченных глин выявлены в гончарных традициях керамики групп II, VII, IX, XI. Традиция использования сильнозапесоченных глин не столь устойчива, зачастую она связана с добавлением чистой незапесоченной глины. Особенно интересна эта тенденция в связи с неоднородностью приспособительных традиций в производстве керамики групп VIII и XIII. На других памятниках Волжской Болгарии керамика данных групп связана с традицией отбора в качестве ИПС чистых незапесоченных глин и примеси очень мелкого песка. В этой связи интересно изучение изменения роли незапесоченных глин в различных гончарных традициях населения Билярского городища. Также важно изучение субстратных навыков и орнаментальных традиций в гончарстве данного памятника. Перспективен поиск потенциальной источниковой базы и проведение экспериментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю., 2017. Отчет об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2016 году. Т. 1–3. Казань: НФ МАРТ ИА АН РТ.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Научн. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–110.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Илюшина В.В., 2016. К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург / под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН. С. 78–81.

Петрова Н.Ю., 2016. Оценка концентрации дробленой раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург / под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН. С. 65–67.

Салугина Н.П., 2016. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24–27 мая, Санкт-Петербург / под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН. С. 65–67.

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука. 240 с.

Хузин Ф.Ш., 2017. Отчет об археологических раскопках на Билярском городище (раскоп XLIV) в 2015 году. Т. 1–3. Казань / НФ МАРТ ИА АН РТ.

Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г., 2017. Лепная керамика Биляра: к вопросу о ранней дате Великого города (по материалам раскопа XLIV 2015–2016 гг.) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр./ АлтГУ; отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. С. 1103–1104.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Проблематика изучения этнокультурных процессов на Европейском Северо-Востоке в середине I тыс. н. э.

© 2018 А.Л. Белицкая

Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН подпрограмма 6 «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества». Проект №18–6–6–30 на 2018–2020 гг., «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье».

Аннотация. В публикации анализируется состояние проблематики, связанной с взаимодействием разноэтничных групп в бассейне р. Вычегды в середине I тыс. н. э. – рубежа раннего и позднего железных веков. Представлены основные существующие концепции относительно этнокультурных процессов на Европейском Северо-Востоке (ЕСВ), а также поставлен вопрос о необходимости выделения переходного периода.

Ключевые слова: железный век, Великое переселение народов, этнокультурные контакты, переходный период.

Настоящая публикация имеет целью постановку проблемы необходимости переосмысления существующих концепций относительно этнокультурных процессов в середине I тыс. н. э. на ЕСВ в связи с накоплением корпуса новых источников и появлением в научной литературе новых точек зрения, посвященных данному периоду. Географически речь идет о бассейне р. Вычегды, т.к. в последние годы вопросы этнокультурных процессов в арктической и субарктических зонах Европейского Северо-Востока в эпоху железа был подробно рассмотрен в ряде статей (Васкул, 2014. С. 291–293; Васкул и др., 2015. С. 71–79; Мурыгин, 2013. С. 84–98; Мурыгин, 2014. С. 367–369, и др.).

В рассматриваемой теме первостепенное значение имеет проблема взаимоотношений групп автохтонного и

пришлого населения и роль последнего в формировании новых археологических культур позднего железного века на ЕСВ. Середина I тыс. н. э. в бассейне Вычегды связывается с отголосками событий эпохи Великого переселения народов. В это время здесь появляются памятники, остающиеся одним из самых загадочных явлений в археологии региона. В научной литературе за ними закрепилось название «курганные могильники», хотя более корректными будут дефиниции «курганно-грунтовые некрополи» или «могильники с захоронениями под насыпями», поскольку на всех памятниках есть грунтовые части, а высота насыпей не превышает метра. Их появление связано с миграцией иноэтничного населения из Волго-Камского региона, которая завершила в Повычегодье процессы перехода от раннего железного века к позднему. Однако до настоящего времени место курганных памятников среди древностей Северного Приуралья не определено: дискуссионными остаются все ключевые вопросы, связанные с их функционированием, в том числе вопрос о взаимодействии с местным позднегляденовским населением.

Первоначально в 1961 г. с открытием первого некрополя, Веслянского I могильника, памятник был отнесен к ванвиздинской культуре позднего железного века (Савельева, 1963. С. 97), что было закономерно обусловлено состоянием источниковой базы в этот период. Впоследствии с открытием в 1980-е гг. Юванаягского, Борганъёльского, Шойнаягского и Вомынъягского могильников было признано их своеобразие и стали предприниматься первые попытки осмысления. Л.И. Ашихмина предложила считать их пятой, Вычегодской, группой харинских древностей Прикамья (Ашихмина, 1988. С. 16), И.О. Васкул также признал близость Шойнаягского могильника памятникам Косинской группы харинского этапа ломоватовской культуры (Васкул, Овчинников, 1999. С. 56). Э.А. Савельева, напротив, признавая общность с камскими древностями, выделила их в особую категорию – памятники типа Веслянского I могильника (Археология.., 1997. С. 422). Автором данной публикации рассмотрен вопрос об этнокультурном единстве курганных некрополей ЕСВ и признано, что они тесно связаны с памятниками неволинской и ломоватовской культур Прикамья, но имеют отличия, позволяющие говорить об их культурных особенностях и выделении их в отдельную локальную группу. Вслед за Э.А. Савельевой для нее было принято название «памятники типа Веслянского I могильника» по первому из найденных на ЕСВ некрополей подобного рода (Белицкая, 2015. С. 107). Однако следует отметить, что все точки зрения вышеперечисленных археологов, включая автора данного текста, не были подкреплены результатами детального сравнительного анализа элементов погребального обряда с могильниками соседних территорий, поэтому вопрос о признаках, отделяющих эти памятники от синхронных им некрополей Прикамья, остается открытым. Впрочем, так же как и вопрос о признаках, сближающих курганные могильники с памятниками, оставленными местным населением.

Близость погребального инвентаря курганных могильников ЕСВ материалам Волго-Камья не вызывает сомнения, однако керамика из захоронений на ЕСВ обладает определенным своеобразием, аналогии ей обнаруживаются на поселенческих памятниках региона. Это актуализирует еще одну проблему, которая до настоящего времени не была предметом специального исследования. Речь идет о соотнесении курганных могильников с поселениями середины I тыс. н. э. на ЕСВ и выделении связанных комплексов.

А.М. Мурыгин в качестве варианта решения предложил объединить курганные некрополи с поселениями, на которых найдена посуда с многошнуровой орнаментацией, выделенная им в шойнатыйский культурный тип. По его мнению, они составляют группу памятников переходного периода от раннего железного века к позднему (Археология..., 1997. С. 422). Ареал такой керамики в основном совпадает с территорией бытования курганных памятников, появляется она в то же время, что и последние, встречается в составе погребального инвентаря, поэтому тезис о выделении переходного периода, объединяющий древние кладбища и некоторую часть поселений, выглядит рациональным. Однако вопрос о культурной принадлежности памятников с многошнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой, так же как и вопрос о культурной принадлежности курганных могильников ЕСВ, остается открытым.

Г.М. Буров, основываясь на немногочисленных известных в 1960-е гг. материалах, отнес керамику с многошнуровыми оттисками к раннему этапу ванвиздинской культуры, который датировал IV–V вв. н. э., но считал наличие шнура признаком архаичных черт, то есть близким гляденовской культуре (позднее с накоплением новых данных автор пересмотрел свою точку зрения и установил датировку в рамках V–VI вв. н. э.). Также Г.М. Буров, отмечая наличие на ванвиздинских поселениях посуды, близкой харинской (Буров, 1967. С. 145), отрицал миграцию прикамского населения и влияние событий Великого переселения народов на историю региона.

По мнению пермских археологов, посуда со шнуровыми отпечатками является характерной чертой археологических культур Среднего и Северного Приуралья, начиная с финала бронзы (Мельничук и др., 2009. С. 117). Однако в гляденовское время она была мало распространена на ЕСВ в отличие от Прикамья, что ставит вопрос о соотношении пришлого и местного компонентов в материальной культуре поселений.

В решении этой проблемы может помочь исследование комплексов курганный могильник – поселение. Топография расположения курганных некрополей показывает, что они входят в состав археологических микрорайонов, объединяющих памятники разных эпох. С 2013 г. основные усилия были сосредоточены на изучении памятников Подтыйского микрорайона, где открыты Эжольский курганный некрополь и ряд поселений, принадлежащих, в том числе к позднему железному веку. Результаты раскопок одного из них – поселения Подты 7 позволяют предполагать его связь с древним кладбищем, найденный материал, в свою очередь, указывает на смешанный этнический состав населения, оставивший эти памятники. Очевидно, что для полной характеристики этнокультурных процессов в середине I тыс. н. э. необходимо изучение других подобных археологических микрорайонов, выявление их общих и отличительных черт, подробные анализ и сопоставление материала. Кроме того, исследование пространственного размещения микрорайонов, особенностей их топографии и структуры облегчил бы в дальнейшем процесс поиска аналогичных объектов.

В целом можно говорить, что рубеж раннего и позднего железных веков на ЕСВ ознаменовался существованием памятников, оставленных разноэтничными груп-

пами населения, появление которых здесь было связано с общеевропейскими событиями. Для бассейна Вычегды археологически наиболее выявленным для середины I тыс. н. э. оказалось южное направление связей населения края. Здесь появляются могильники под насыпями и поселения с многошнуровой керамикой – результат смешения в основном местных позднегляденовских и привнесенных извне прикамских этнокультурных традиций, связанных с ломоватовской и неволинской культурами. В исторической литературе устоялось мнение, что итогом этого этнокультурного взаимодействия стало сложение ванвиздинской культуры позднего железного века. Ядром формирования культуры признается бассейн средней Вычегды, хотя Г.М. Буров высказал точку зрения, что местом формирования ванвиздинской культуры были верхняя Вычегда и верхняя и отчасти средняя Печора, указывая на влияние пришлых бичевницких племен на автохтонное гляденовское население (Буров, 1967. С. 174). Его точка зрения выглядит излишне прямолинейной, учитывая, что в настоящее время признано, что бичевницкая культура – это результат смешения населения местной пиджской и пришлой кулайской культур (Васкул и др., 2015. С. 74), однако позволяет задуматься о степени и характере влияния печорского населения на вычегодское на рубеже эпох.

Решению вышеназванных проблем этнокультурного взаимодействия будет способствовать комплексное и всестороннее изучение памятников середины I тыс. н. э. Смешанный характер материала указывает на сложность и многогранность процессов перехода от раннего железного века к позднему. Итогом исследования должно стать определение критериев для выделения самостоятельного переходного периода, ставшего переломным в древней истории региона Европейского Северо-Востока России, и его отношения к предшествующим и последующим археологическим культурам региона.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Республики Коми, 1997. М.: Изд-во ДиК. 758 с.

Ашихмина Л.И., 1988. Погребальный обряд курганного могильника Борганъёль. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 191. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. 24 с.

Белицкая А.Л., 2015. К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // РА. №2. С. 91–97.

Буров Г.М., 1967. Древний Синдор. М.: Наука. 220 с.

Васкул И.О., 2014. Памятники Бичевницкого культурного типа на территории Европейского Северо-Востока // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество. С. 291–293.

Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Клёнов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю., 2015. Освоение Арктический и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье поданным археологии (часть II) // Известия Коми НЦ УрО РАН. №2 (22). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 71–79.

Васкул И.О., Овчинников Ф.В., 1999. Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. МАЕСВ. Вып. 16. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 44–57.

Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л., 2009. Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах железного века среднего Приуралья? // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 6. Пермь: Изд-во ПГГПУ. С. 109–118.

Мурыгин А.М., 2013. Процессы взаимодействия населения на крайнем Северо-Востоке Европы в середине I тысячелетия н. э. и их роль в формировании культур эпохи раннего средневековья // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. МАЕСВ. Вып. 18. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 84–98.

Мурыгин А.М., 2014. Особенности становления и развития локальных культур раннесредневекового населения таежной полосы крайнего Северо-Востока Европы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество. С. 367–369.

Савельева Э.А., 1963. Первый Веслянский могильник // Историко-филологический сборник. Вып. 8. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. С. 87–98.

Ременная гарнитура Мало-Качакского могильника

© 2018 О.С. Белявская (Крапачева)

Аннотация. Мало-Качакский могильник был исследован в 1967 г. (Н.А. Мажитов) и 1970 г. (С.М. Васюткин), но его материалы описаны указанными авторами лишь в кратких тезисах. В настоящей статье была рассмотрена ременная гарнитура могильника с точки зрения классификации, датировки и функционального назначения с целью введения ее в научный оборот. Анализ данной категории находок, а также ряда других находок из Мало-Качакского могильника, позволил датировать некрополь IV – началом VI в. н. э. и отнести его к поздним памятникам мазунинской культуры.

Ключевые слова: Южное Приуралье, ременная гарнитура, классификация, датировка

Мало-Качакский (Малокачакский, Мало-Качаковский) грунтовый могильник расположен на территории д. Мало-Качак Калтасинского района Республики Башкоростан, на краю надпойменной террасы р. Гарейка, притока р. Быстрый Танып. Памятник был обнаружен в 1959 г. во время рытья траншеи. В 1967 г. Н.А. Мажитовым было исследовано одно погребение, содержащее, как указал автор раскопок, инвентарь бахмутинской культуры (Мажитов, 1968; 1972). В 1970 г. участниками Башкирского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством С.М. Васюткина было исследовано еще 14 погребений (Васюткин, 1971а).

Все погребения Мало-Качакского могильника являются грунтовыми. Очертания могильных ям не прослежены, т.к. захоронения были совершены в слое красной

глины. Умершие лежали на спине, головой на северо-запад, некоторые на север. Захоронения в большинстве своем были одиночные, только в одной могиле обнаружены 4 костяка. Погребальный инвентарь в некрополе представлен височными подвесками в виде «знака вопроса», подвеской-пронизью в виде стилизованного изображения медведя, украшениями рук и нагрудными украшениями, остатками железной кольчуги, бусами, ременной гарнитурой, оружием и орудиями труда, фрагментами сосудов с ямочным орнаментом. Площадка памятника исследована не полностью (Васюткин, 1971б).

Ременная гарнитура обнаружена в восьми погребениях Мало-Качакского могильника, что составляет 53 % от общего количества исследованных комплексов. Пряжки – как бронзовые, так и железные экземпляры – также обнаружены в восьми погребениях. Кроме того, во время раскопок 1970 г. на разных участках некрополя, между погребениями, были обнаружены еще две бронзовые пряжки.

Пряжки. Отметим, что в большинстве случаев сохранность пряжек является неудовлетворительной. Так, в погр. 6 и погр. 14 зафиксированы только бронзовые язычки от пряжек. Не удалось определить внешний вид пряжки из погр. 2. В погр. 12 обнаружена сильно корозированная железная пряжка. По внешнему контуру изделия можно предположить наличие овальной рамки и щитка прямоугольной либо трапециевидной формы (Рис. 1: 9).

При изучении морфологии пряжек, пригодных благодаря хорошей сохранности для классификации, особое внимание было уделено материалу, поперечному сечению рамки, отсутствию/наличию утолщения рамки спереди, форме язычка, наличию уступа/выступа у основания язычка, длине язычка и его положению относительно рамки (Малашев, 2000).

Железные пряжки. Выделить морфологические особенности удалось только у 1 экз. – бесщитковой овальнорамчатой, круглой (?) в поперечном сечении

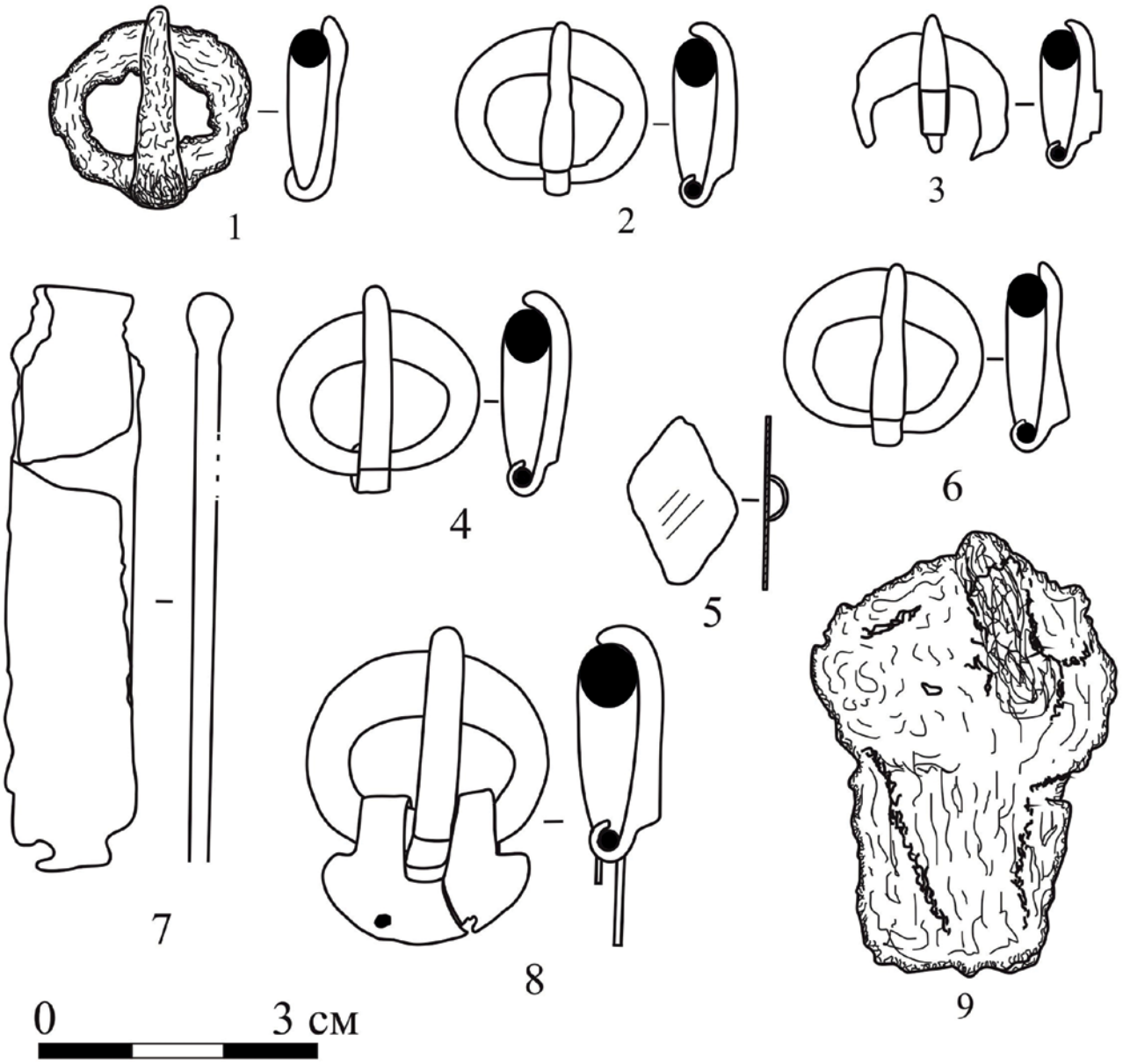


Рис. 1. Ременная гарнитура Мало-Качакского могильника.
1 – погр. 3; 2, 5, 7 – погр. 11; 3 – погр. 9; 4 – кв. 3-Е, ПМ; 6 – кв. 1-Б, ПМ; 8 – погр. 1; 9 – погр. 12.
1–7, 9 – раскопки С.М. Васюткина, 1970 г.; 8 – раскопки Н.А. Мажитова, 1967 г.

пряжки, с немного прогнутым язычком, чуть выходящим за внешний край рамки (Рис. 1: 1).

Пряжки из цветных металлов (5 экз.).

Тип 1. Бесщитковые, с овальной рамкой из утолщенного спереди дрота (4 экз.).

Вариант а. С хоботковым язычком, имеющим уступчик у основания (Рис. 1: 2, 4).

Вариант б. С заостренным на конце язычком, имеющим выступ-площадку у основания (Рис. 1: 3).

Вариант в. С немного прогнутым в середине язычком, имеющим уступчик у основания (Рис. 1: 6).

Тип 2. С овальной, утолщенной спереди рамкой; с хоботковым язычком, имеющим уступчик у основания; со щитком сегментовидной формы из согнутой пополам пластины; крепление к ремню происходило при помощи двух штифтов, на настоящий момент утраченных (Рис. 1: 8).

Наконечники. Наконечники ремней зафиксированы в трех погребениях, все они изготовлены из бронзы. Из-за плохой сохранности не удалось определить внешний вид двух наконечников ремня из погр. 2 и наконечника из погр. 9.

Наиболее полно сохранился только наконечник из погр. 11. Данное изделие представляет собой пластину подпрямоугольной формы, согнутую пополам, на месте сгиба имеется цилиндрическое расширение. Крепление к ремню происходило при помощи двух штифтов, в настоящее время утраченных (Рис. 1: 7).

Накладки. Единственная ременная накладка, изготовленная из бронзы, обнаружена в погр. 11. Это литая накладка ромбической формы, крепившаяся к ремню при помощи ушка на обороте (1 экз. Рис. 1: 5).

В пяти погребениях (№№6, 9, 11, 12, 14) ременные принадлежности зафиксированы в области таза, из чего следует, что пояса были уложены в могилы так, как их носили при жизни. В погр. 3 пояс находился вдоль тела умершего с левой стороны. Кроме того, в погр. 2 и погр. 9 отдельные элементы ременной гарнитуры обнаружены в «жертвенном комплексе». Предположительно, два наконечника из погр. 2 являлись обувными. Не представляется возможным определить положение вещей из погр. 1 (раскопки Н.А. Мажитова), т.к. данный комплекс является потревоженным. В четырех погребениях дополнительно к поясу привешивался железный нож, в одном погребении нож был обнаружен в заполнении могилы (Табл. 1).

Появление литых ромбических накладок с ушком на обороте по материалам Тарасовского могильника Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц отнесено к I в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016. С. 46). Широкие аналогии данный тип имеет в кара-абызской (Ново-Уфимский, Шиповский, Охлебининский могильники) и пьяноборской (Юлдашевский, Кушулевский III, Ново-Сасыкульский, Камышлы-Тамакский могильники) культурах (Бернц, 2015. С. 73–74). Одиночное нахождение данной накладки позволяет отнести ее к реликтовым вещам для Мало-Качакского могильника.

Аналогии железной бесщитковой пряжке (Рис. 1: 1) имеются в памятниках позднесарматского круга, для которых на протяжении II–III вв. являются характерными пряжки с прогнутыми в середине язычками, плавно, без уступа, переходящие в петлю на рамке (Малашев, 2000. С. 209). Отличием рассматриваемой пряжки является меньшая прогнутость язычка, что, судя по всему, омолаживает датировку данного экземпляра.

Овальнорамчатые пряжки с хоботковым язычком и уступчиком у основания (Рис. 1: 2, 4) имеют широкие аналогии как на территории Приуралья (Югомаш, Старо-Кабаново, Старая Мушта, Кара-Тамак, Бахмутино, Бирск, городище Уфа-II, Бродово и мн. др.), так и за его пределами. Как отмечают исследователи, они являются неотъемлемой частью вещевого набора гуннской эпохи Крыма и Северного Кавказа (Сунгатов и др., 2004. С. 42). В.Ю. Малашев датирует их не ранее середины IV в. (Малашев, 2000. С. 204–205), в Среднем Поволжье пряжки данного типа появляются на федоровском этапе (I четверть V в.) (Богачев, 1992. С. 141–150), а в Верхнем Прикамье они характерны для бродовской стадии (конец IV – V в.) (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXV).

Близки по морфологии к ним и другие бесщитковые пряжки (форма рамки, ее сечение, наличие утолщения спереди), но экземпляр (Рис. 1: 6) с практически не выходящим за рамку, прогнутым в середине язычком, ко всему прочему имеющим уступ у основания, может быть датирован, на наш взгляд, не позднее IV в. н. э. (Малашев, 2000. С. 209). Другая пряжка благодаря выступу-площадке у основания язычка является синхронной изделиям тезиковского этапа (III–IV вв.) из памятников Среднего Поволжья (Богачев, 1992. С. 108–110).

Судя по всему, в рамках IV–V вв. может быть датирована и пряжка с сегментовидным щитком и немного оттянутыми петлями, аналогии которой имеются также в достаточно широком круге памятников (Старо-Кабаново, Кара-Тамак, Бирск и др.). Пряжки данного типа являются местным производством населения Волго-Уральского региона, они отнесены Т.И. Останиной к 5 хронологической группе (V в.) (Останина, 1997. С. 67).

Наконечник с цилиндрическим расширением на месте сгиба пластины имеет широкие аналогии в комплексах Старо-Муштинского (погр. 6 (р. VII), Ангасякского (погр. 16, 35), Бахмутинского (погр. 5, раскопки Н.А. Мажитова), Югомашевского (погр. 7, 10, 16, 51, 55, 66 (р. II), погр. 5 (р. III), Старо-Кабановского (погр. 3, 4, 35, 39, 55, 59 и др.), Бирского (погр. 21, 121, 137, 166 и др.), Тураевского, Тарасовского могильников и т.д. Данный тип датирован Т.И. Останиной V в. (Останина, 1997. С. 296. Рис. 51), но находки подобных наконечников в Ангасяке и Старой Муште позволяют удревнить время их бытования в Приуралье еще на одно столетие (IV–V вв.).

С.М. Васюткин в статье об итогах раскопок Мало-Качакского могильника отметил, что вопрос, касающийся датировки памятника, остается открытым. По его мнению, среди материалов погребений нет хорошо датируемых вещей, которые бы могли точно отнести некрополь к раннему (III–V вв.) либо позднему (V–VII вв. по С.М. Васюткину) этапу бахмутинской культуры (Васюткин, 1971б. С. 155). На наш взгляд, основная часть элементов ременной гарнитуры из исследованных комплексов Мало-Качакского могильника может быть датирована в пределах IV – начала VI в. Не противоречат этой датировке и другие находки из погребений некрополя, которые могут выступать в качестве самостоятельных хрономаркеров. Так, бусы (бисер синего и красного цвета, двухчастные и трехчастные пронизи с золотой фольгой, бусы из зеленого и красного непро-

Таблица 1. Количественная характеристика ременной гарнитуры Мало-Качакского могильника.

Автор и год раскопок	Погребение	Пряжка	Накладка	Наконечник	Железный нож	Положение в погребении
Мажитов, 1967 г.	1	+			+	в заполнении могилы
Васюткин, 1970 г.	2	+		+ +		жк
Васюткин, 1970 г.	3	+			+	вдоль тела слева
Васюткин, 1970 г.	6	+				на поясе
Васюткин, 1970 г.	9	+			+	на поясе
Васюткин, 1970 г.	9			+		жк
Васюткин, 1970 г.	11	+	+	+	+	на поясе
Васюткин, 1970 г.	12	+			+	на поясе
Васюткин, 1970 г.	14	+				на поясе
Васюткин, 1970 г.	кв. 1-Б, ПМ	+				нет данных
Васюткин, 1970 г.	кв. 3-Е, ПМ	+				нет данных

зрачного стекла, бусы из коралла розового цвета и др.) были датированы Р.Р. Руслановой V – началом VI в. (Русланова, 2016). Кроме того, на одном из участков могильника, в кв. 3–Ж обнаружена подвеска-пронизь в виде стилизованного изображения медведя, характерная для комплексов IV–V вв. (Султанова, 2000; Сунгатов и др., 2004; Голдина, Бернц, 2016. С. 39. Рис. 7, 57; Останина, 1997. С. 105).

Таким образом, полученный в ходе раскопок материал из 15 погребений Мало-Качакского могильника предварительно позволяет отнести данный памятник к позднему этапу мазунинской культуры. На наш взгляд, керамика, обнаруженная на территории раскопа, не связана с населением, оставившим данный некрополь. Более того, ее наличие скорее подтверждает предположение о том, что некрополь оставлен мазунинским населением, а носители бахмутинской (чандарской) керамики появились здесь позже.

ПРИМЕЧАНИЯ

В статье использованы материалы археологических коллекций, полученных в ходе раскопок Мало-Качакского могильника. Данные материалы хранятся в археологических фондах Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (раскопки Н.А. Мажитова, 1967 г.; раскопки С.М. Васюткина, 1970 г.).

ЛИТЕРАТУРА

Бернц В.А., 2015. Пояса с ромбическими накладками (по материалам могильников мазунинского времени на территории удмуртского Прикамья) // Вестник Пермского университета. Пермь. Вып. 1(28). С. 70–84.

Богачёв А.В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: Изд-во «Артефакт». 208 с.

Васюткин С.М., 1971а. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1970 г. // Научный архив ИА РАН. Р. 1, №4164.

Васюткин С.М., 1971б. Раскопки Мало-Качакского могильника // АО 1970 года. М.: Наука. С. 154–155.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 176 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2016. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. №1(15). С. 41–90.

Мажитов Н.А., 1968. Работы в северной Башкирии // АО 1967 года. М.: Наука. С. 108–109.

Мажитов Н.А., 1972. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 год // Научный архив ИИЯЛ УФИЦ РАН. Уфа. Ф. 2, Оп. 3, №717.

Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Т. 1. Ростов н/Д: Терра. С. 194–232.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. н. э. Ижевск: Изд-во ИИЯЛ УрО РАН. 327 с.

Султанова А.Н., 2000. Бирский могильник: историко-археологическое исследование // Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа. 207 с.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. 172 с.

Русланова Р.Р., 2016. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв. // Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа. Т. I. 185 с.

Западные и юго-западные связи населения лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья в IV–VI веках (готы, аланы, руги)

© 2018 А.В. Богачев, А.В. Кузнецов

Аннотация. В работе анализируются материалы (исторические и археологические источники, данные топонимики и антропологии), позволяющие говорить о присутствии в регионе в середине I тыс. н. э. различных групп населения (руги, готы, аланы), мигрировавших в районы Волго-Камья из Центральной Европы, Северного Причерноморья и Предкавказья.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Предуралье, раннее средневековье, миграция, руги, готы, аланы.

Исследованиями последних десятилетий было установлено, что в эпоху раннего средневековья переселение народов осуществлялось не только с севера на юг и с востока на запад, но и в противоположных направлениях.

Одним из крупнейших археологических открытий конца XX века явился предложенный Г.И. Матвеевой тезис о западных (славянских) корнях именьковской культуры Среднего Поволжья (Матвеева, 2004). Предложенная исследовательницей гипотеза фактически ломала все существующие дотоле представления о расселении ранних славян. Однако более пристальный взгляд на археологические материалы исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Ижевска, Уфы, Казани, Самары привел к пониманию того, что западный импульс в формировании именьковской культуры был решающим.

Вместе с тем, новые археологические материалы дали повод говорить о более сложном и неоднозначном этническом составе населения, переселившегося на Среднюю Волгу из западных областей.

В частности, исследованные на Старо-Майнском городище Ульяновской области большие (длинные) дома столбовых конструкций дали возможность предполагать, что в этой миграции приняли участие и отдельные группы германского (готы) населения (Богачев, 1991). К такому же выводу на основании анализа прикамских материалов пришла Р.Д. Голдина: «можно, предварительно, говорить о нескольких волнах гото-славян: первая – середина III в. н. э., вторая – третья четверть IV в. (держава Германариха) и третья волна – четвертая четверть IV в. – гуннское время (появление именьковцев и Тураевских курганов)» (Голдина, Бернц, 2010. С. 149).

Нам представляется, что инфильтрация готского (гото-аланского) населения в районы Волго-Камья продолжалась и в более позднее время – в V–VI веках. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы исследованных в лесостепном Среднем Поволжье и Предуралье могильников (Коминтерн II, Бирск, Кушнаренково и др.), некоторые комплексы которых содержали классический готский костюм, включающий парные застежки-фибулы, браслеты, бусы, полиэдрические серьги. По мнению А.В. Мастыковой, такого рода набор украшений свидетельствует «о физическом присутствии каких-то групп или отдельных лиц восточногерманского происхождения» (Мастыкова, 2009. С. 150).

Достаточно наглядную картину, показывающую несомненную связь готских (гото-аланских) комплексов Прикамья с готскими комплексами из Причерноморья, дает сопоставление материалов погребения №410 из могильника Дюрсо близ города Новороссийска и захоронения №43 из Коминтерновского II могильника из районов Нижнего Прикамья (Рис. 1).

Два эти комплекса схожи вплоть до деталей: скелеты лежат вытянуто на спине, головой на север (северо-запад), присутствует ритуальная напутственная пища в виде костей животных, имеются керамические грузики-пряслица. Справа от черепа находится стеклянная рюмочка на ножке; у правой руки – нож. Если говорить об элементах костюма, то они в значительной степени идентичны: парные пластинчатые фибулы на плечах, браслеты на руках, пояса, серьги с многогранником, пронизки и цепочки, бусы из стекла и янтаря.

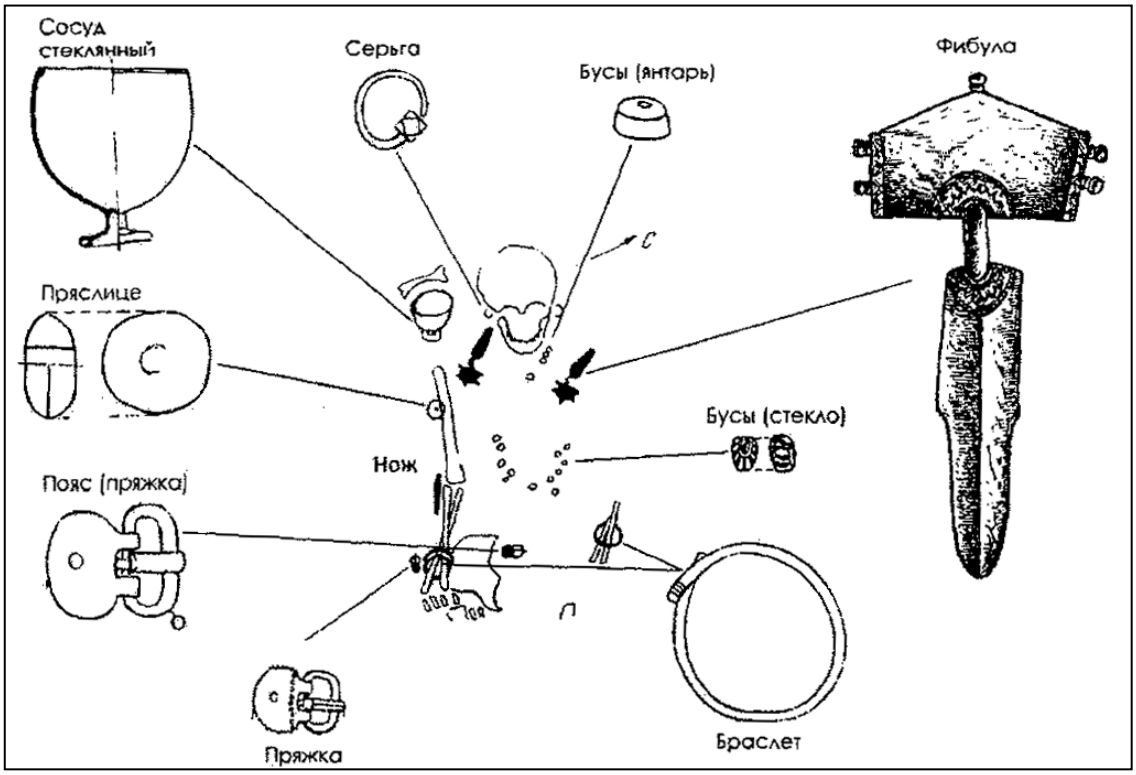
Вместе с тем, в вышеупомянутом погребении из Коминтерновского могильника присутствуют детали погребального обряда (подбой в южной стенке могилы, череп и конечности коня) и инвентарь (кольцевые подвески с выпуклинами, детали конской упряжи), не характерные для германских захоронений. Однако для сармато-алан той эпохи все эти признаки характерны (Богачев, 1998).

Присутствие готов и аланов в Поволжье и Предуралье достаточно определенно маркируют комплексы, содержащие полиэдрические серьги (Богачев, 2016а).

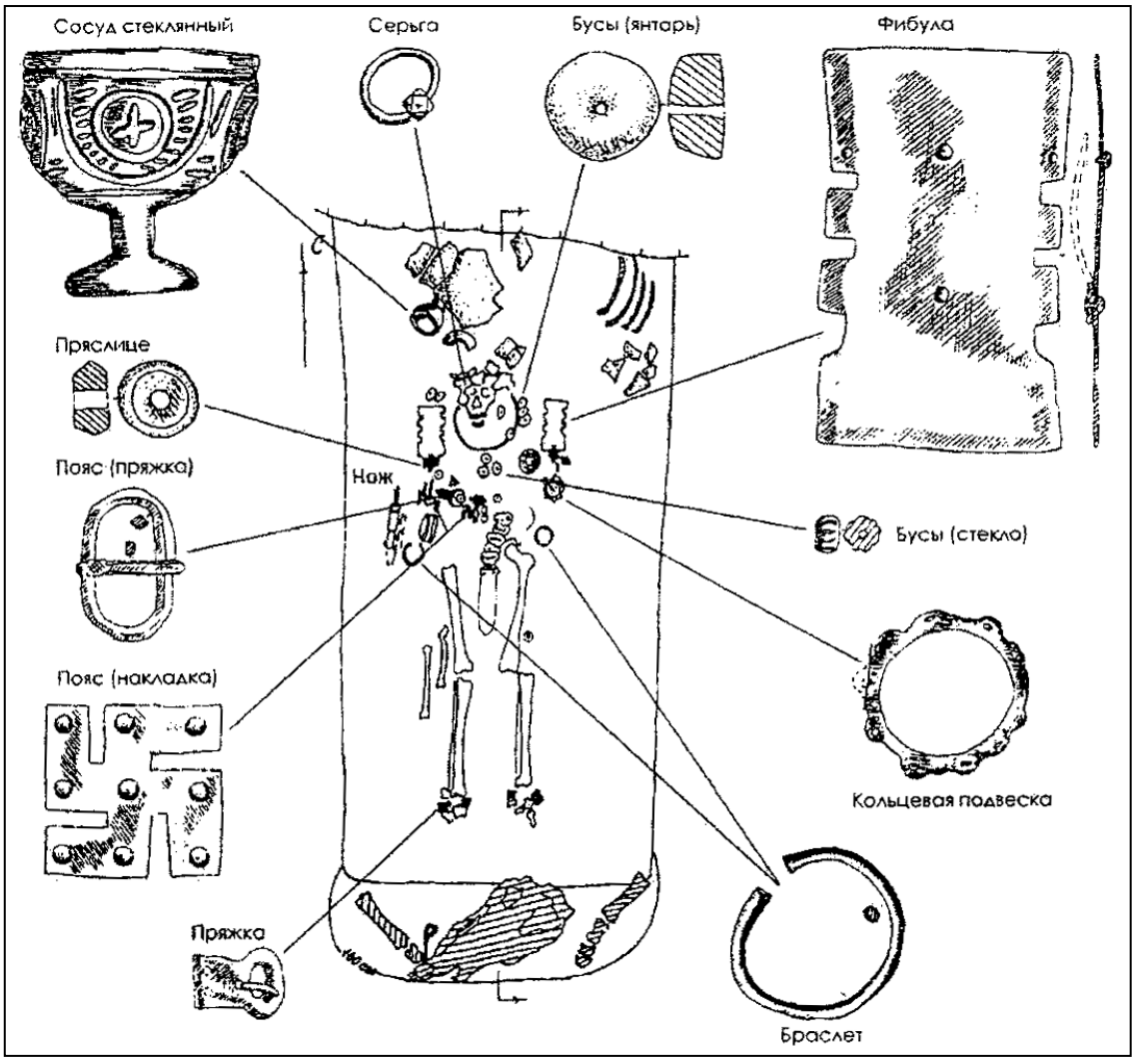
В подкурганных захоронениях с полиэдрическими серьгами (Маняк, Такталачук, Ново-Турбаслы, Новинки), при наличии парных браслетов, бус, поясных пряжек, отсутствуют парные фибулы. Нам представляется, что на этих различных в культурном отношении памятниках в немногочисленных погребениях с полиэдрическими серьгами захоронены аланы, которые «практически никогда не действуют самостоятельно, а всегда в союзе с кем-нибудь, всегда сравнительно небольшими, но весьма боеспособными отрядами конников» (Щукин, 2005. С. 357).

Важно, что из этого ряда ни типологически, ни хронологически не выпадает комплекс из погребения 2 кургана 4 Новинковского могильника. Кроме того, становится понятным факт наличия в насыпях курганов №№4, 23, 24 Новинковского могильника вещей VI века (кольцевая подвеска с выпуклинами, поясной наконечник-коробочка, трехсоставная пряжка с утолщенным спереди кольцом, круглая подвеска с полуовальными выступами (Матвеева, 1997. Рис. 20, 1; Рис. 107, 2, 4, 7)), которые резко контрастируют со всем вещевым комплексом этого могильника конца VII – первой половины VIII века. В этой связи еще большую актуальность приобретает утверждение Г.И. Матвеевой о том, что «проникновение отдельных групп кочевников в Среднее Поволжье началось во второй половине VI века, а массовое переселение болгар и других этнических групп с юга происходило во второй половине VII века» (Матвеева, 1997. С. 89). Судя по всему, эти «отдельные группы кочевников» были аланами (возможно, алано-болгарами), что подтверждается, в том числе и находкой в Шиловском могильнике (курган 1, погребение 2) Ульяновской области могилы-катакомбы VII века.

Важно и то, что у погребенных на Ново-Турбаслинском и Такталачукском могильниках отмечена



1



2

Рис. 1. Сравнительная схема расположения вещей в комплексах.

1 - могильник Дюрсо, погребение №410; 2 - могильник Коминтерн II, погребение №43.

искусственная деформация черепа. Это еще один аргумент в пользу того, что эти захоронения оставлены сармато-аланами.

Сармато-аланское присутствие в Волго-Камье в середине I тыс. уже отмечалось исследователями. В частности, Е.П. Казаков, говоря о населении, оставившем Коминтерновский II могильник, полагает, что «данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283–284).

В сравнительно недавно опубликованной статье биритуализм погребального обряда племен именьковской культуры (кремации + ингумации) мы объяснили смешанным характером населения (венеды/анты + сарматы), мигрировавшем на Среднюю Волгу из районов Поднестровья в IV в. н. э. (Богачев, 2013).

Таким образом, у нас есть основания говорить, что в середине I тыс. н. э. на окраинах «именьковского мира» проживали выходцы из гото-аланской этнической среды.

К северу от славян-именьковцев обитали финно-угорские племена позднепьяноборской культурно-исторической общности. Однако последними исследованиями было установлено, что во второй четверти I тыс. н. э. в районы Волго-Камско-Вятского междуречья проникают группы населения, многие элементы материальной культуры которых не являются характерными для местных племен (Голдина, Бернц, 2010; Лещинская, 2014). В материальной культуре этого народа, наряду с сугубо местными образцами, присутствуют многочисленные типы вещей, западное происхождение которых не вызывает сомнения. Среди прочих артефактов такого рода (косы-бумеранги, халцедоновые диски и проч.) особо выделяются наконечники поясов с вогнутыми длинными сторонами.

Такого рода изделия впервые появляются в районах Польского Поморья во второй половине II – первой половине III в. н. э., где являются этнокультурным маркером для западнобалтской, вельбарской и пшеворской культур (Бажан, Васкул, 1988).

Картография этих наконечников поясов удивительным образом совпадает с географией пребывания в Центральной Европе ругов/рогов Иордана.

Нам представляется, что в III в. н. э. отдельные группы обладателей такого рода поясов продвинулись из Прибалтики как на юго-запад – в Центральную Европу, так и на восток – в районы Волго-Камско-Вятского междуречья, где оставили памятники азелинско-суворовского типа.

Антропологические материалы из Азелинского и Суворовского могильников также свидетельствуют о том, что в III–IV вв. в Волго-Вятском междуречье проживало метисированное население с ярко выраженной европеоидной антропологической составляющей (М.С. Акимова, А.А. Хохлов).

В результате специально проведенного исследования на географические карты было нанесено свыше 230 топонимов с корнем «руг/рог» (производные «руж/рож», «руз/роз»). Их картирование показало достаточно определенную связь как с данными археологии (наконечники поясов с вогнутыми сторонами), так и с данными письменных источников, касающихся пребывания ругов/рогов в Прибалтике, Центральной Европе, на Балканах и Апеннинах.

Наличие в Прикамье названных выше топонимов, а также данные археологии и антропологии позволяют говорить о присутствии в регионе ругов/рогов, которых средневековый историк Иордан назвал в перечне «воинственных северных племен», покоренных Германарихом в IV веке (Богачев, 2016б; 2017; 2018).

ЛИТЕРАТУРА

Бажан И.А., Васкул И.О., 1988. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н. э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. Вып. 11. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. С. 76–89.

Богачев А.В., 1991. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара: Изд-во СамГУ. С. 159–171.

Богачев А.В., 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара. С. 151–166.

Богачев А.В., 2013. К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. №4. С. 33–39.

Богачев А.В., 2016а. Серьги с многогранником V–VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. №6. С. 7–56.

Богачев А.В., 2016б. К вопросу об археологической идентификации рогов списка «воинственных северных племен» Иордана // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. №6. Самара: Изд-во СНЦ РАН. С. 219–223.

Богачев А.В., 2017. «Роги/руги» Иордана в свете новых археологических открытий в Волго-Камье // Вояджер: мир и человек. №8. С. 7–35.

Богачев А.В., Богачев А.А., Герасимов О.В.., Подлобошников Я.В., 2018. Расселение ругов/рогов по данным топонимики // Вояджер: мир и человек. №10. С. 7–29.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т». 499 с.

Казаков Е.П., 2004. Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 280–284.

Лещинская Н.А., 2014. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья. 472 с.

Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М. 502 с.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: СамГУ. 226 с.

Матвеева Г.И., 2004. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский университет. 165 с.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.

Анализ антропологического материала Плотниковского могильника XIII–XV вв. н. э. (данные раскопок 2007–2016 гг.)

© 2018 Н.Г. Брюхова

Аннотация. В работе представлены результаты многолетних исследований Плотниковского могильника XIII–XV вв., располагающегося на территории Пермского Края. Методами палеодемографии, краниометрии, остеометрии, палеопатологии и другими проведен анализ антропологического материала. Делается вывод о генетической неоднородности населения, оставившего некрополь.

Ключевые слова: Пермский край, средневековый могильник, антропологический материал.

Большая часть погребений Плотниковского могильника разграблена, поэтому антропологический материал представлен костными останками различной сохранности. Нередко кости разрушены и состоят из отдельных фрагментов. Полнота скелетного набора элементов в ямах варьируется от одной кости до почти полного костяка (Брюхова, 2015а).

В ходе исследования были обработаны останки 137 индивидов происходящих из 124 могильных ям и сборов с межмогильного пространства. Среди них 63 ребенка от рождения до 16 лет, 39 мужчин, 19 женщин и 16 взрослых, пол которых определить не удалось. Процентное соотношение взрослых и детей составило 54,1 % к 45,9 % соответственно. Распределение умерших по возрастам смерти с пятилетним интервалом демонстрирует два пика смертности. Первый пик с самыми высокими значениями (32,8 % от общего числа индивидов) приходится на интервал от 0 до 4 лет. Второй подъем приходится на возраст 35–39 лет (7 % от общего числа) (Табл. 1).

Из-за различной сохранности антропологического материала доступными для измерений оказались 26 черепов, из них 16 мужских и 10 женских. На некоторых черепах удалось получить размеры только по нескольким признакам из краниометрической программы (Алексеев, 1964).

В целом мужские черепа мезокранные со средними величинами диаметров мозговой коробки. Лицевой отдел по индексу выступания лица ортогнатный (прямой), по пропорциям среднеширокий со средней высотой. По горизонтали лицевой скелет среднепрофилирован на обоих уровнях. Орбиты средней ширины и средней высоты, по пропорциям мезоконхные (средневысокие). Нос по указателю среднеширокий, со средним углом выступания и хорошо выраженным переносьем. Клыковая ямка глубокая.

Женские черепа Плотниковского могильника мезокранные со средневысокой мозговой коробкой. Лицевой отдел средневыступающий, средней высоты и ширины, средне уплощен в верхней части и хорошо профилирован в нижней. Нос средневыступающий, средневысокий по указателю узкий. Орбиты относительно высокие. Клыковая ямка глубокая. В целом черепа европеоидные, имеют схожие характеристики с мужскими черепами, за исключением более высоких орбит.

Уже при визуальном осмотре костей было заметно, что выборка неоднородна и разделяется как минимум на два компонента. Для выявления внутригрупповых различий данные по мужским черепам[1] проанализированы с помощью факторного анализа из пакета программ «STATISTICA 6». Полученные величины факторных нагрузок, описывающих 45,4 % общей дисперсии, показывают, что по I ГК наибольшие значения характерны для черепов с высокой мозговой коробкой и узким, хорошо выступающим носом с выраженным переносьем. По II ГК максимальные нагрузки приходятся на черепа с относительно широким лицом. В соответствии с данными факторами мужские черепа распределились на две равные группы. Сравнение групп по t-критерию Стьюдента показало, что первая группа (погребения: 12, 15, 29, 42, 66, 71, 73, 87) отличается более высокой черепной коробкой, по выступанию лица является мезогнатной, с узким хорошо выступающим носом и высоким переносьем. В свою очередь вторая группа (погребения: г/в, 37, 39, 40, 68, 69, 95, 109) характеризуется большим продольным и средним высотным диаметрами свода черепа, ортогнатным невысоким лицом с большой шириной на верхнем уровне, слабовыступающим невысоким широким носом с широким переносьем. Обе группы имеют европеоидный облик, но так, как вторая группа имеет некоторый сдвиг в сторону монголоидности, то для удобства они были названы «западная» и «восточная».

Для выявления круга морфологически близких популяций и направлений расогенетических связей, было проведено сопоставление полученных данных методом канонического анализа по 15 краниометрическим признакам с материалами 30 синхронных или близких по времени существования могильников с территории Предуралья и Западной Сибири. Для расчетов использовались пакет программ «STATISTICA 6». Две канонические переменные (КП), описывающие 54,9 % общей дисперсии, показывают, что по I КП наибольшие значения характерны для черепов с высокой мозговой коробкой и хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом и выступающим носом. По II КП максимальные нагрузки приходятся на черепа с широким сводом и уплощенным в горизонтальной плоскости лицом с широким носом и уплощенным переносьем. «Восточная» группа расположилась рядом с могильниками из Пермского Предуралья – Баяновским, Важгортским и Деменковским (относящимися к периоду ломоватовской культуры), так же недалеко находятся группы Замараевского и Сайгатинских могильников. Баяновский, Важгортский и Замараевский могильники имеют связь с Сайгатинскими некрополями и с другими сериями из Зауралья. Группа, обозначенная как «западная», нашла свое место рядом с сериями разных хронологических периодов, происходящими с территории современной Башкирии и Татарстана, а также Митинского и Кудымкарского могильников с территории Пермского края.

Для уточнения направлений расогенетических связей в матрицу анализа были добавлены группы современного и близкого к современности населения. Картина существенно не изменилась, по-прежнему «восточная» группа обозначила свое место среди могильников ломоватовской культуры Пермского Предуралья и сериями из Зауралья. «Западная» группа расположилась между Митинским и Кудымкарским могильниками и сериями с территории

Татарстана. Исходя из полученных данных, можно предположить, что население, оставившее Плотниковский могильник было неоднородным. Оно состояло из людей, в генетическом багаже которых мы видим связь с группами Приуралья, сохранившими преемственность с рубежа нашей эры («западная» группа), а также из тех, чьи предки были связаны с Зауральем и которые оставили на территории Прикамья некоторые памятники ломоватовской культуры.

По стандартной остеометрической методике, с разной степенью полноты признаков, удалось измерить кости шести мужчин и четырех женщин. Кости грацильные. Продольные размеры попадают в категорию средних величин со средними индексами массивности у большинства костей. Определения предположительной длины тела исследуемых индивидов были произведены по формулам В.В. Бунака и К. Пирсона, А. Ли, как наиболее подходящим к мезоморфным группам (Алексеев, 1966). Реконструируемая длина тела у мужчин составила 167 см, по рубрикации Мартина попадает в категорию выше среднего. Длина тела женщин составила 154,2 см, по Мартину – средняя. Данные особенности строения тела схожи с морфологическими комплексами других выборок из средневековых могильников Пермского Предуралья и соответствуют нормам реакции на комплекс условий лесной ландшафтной зоны.

Большинство патологий на костях людей, оставивших Плотниковский могильник, связаны с общим износом организма у людей в возрасте старше 35 лет. Чаще это артрозные проявления и следы износа на суставных поверхностях, костные разрастания на телах поясничных позвонков и деформация тел позвонков. Больше всего случаев поражений суставов зафиксировано на костях стоп и на плечелопаточных соединениях.

Механических повреждений костей в данной выборке немного. Удалось обнаружить зажившие переломы четвертого ребра правой стороны и перелом левой локтевой у одного мужчины и такой же заживший перелом левой локтевой кости у другого мужчины. Также у одной женщины зафиксирован вывих акромиального конца правой ключицы, с разрывом связок и образованием нового сустава, что привело к опусканию правого плеча и некоторой «скособоченности».

У нескольких индивидов на костях нижних конечностей отмечены следы холодового стресса (Бужилова, 2005).

Среди заболеваний, которые могли привести к летальному исходу, необходимо отметить случай гидроцефалии у юного индивида 16–20 лет и случай цинги у годовалого ребенка.

Исследования зубочелюстной системы показали высокий процент механических травм зубных коронок и связанные с этим случаи кариеса, утери зубов и прикорневого воспаления. Отмечено широкое распространение зубного камня, пародонтоза, эмалевой гипоплазии. Напротив, фиксируется незначительная доля черепов со следами анемии. Учитывая все эти факторы, можно утверждать, что для данной выборки было характерно преобладание в рационе белковой пищи при незначительной доле злаковой составляющей, прослеживаются сезонные периоды недостаточного обеспечения пищей – гипокалорийные стрессы.

Для определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни были получены показатели изотопного содержания углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$) 7 костных образцов. Анализ изотопного состава выполнен при помощи масс-спектрометра ThermoFinnigan Delta V с элементным анализатором CE/EA–1112.

Показания по углероду и азоту позволяют сказать, что люди жили в климате с холодными зимами и умеренно теплым летом.

Полученные результаты изотопных исследований указывают на смешанный рацион питания с употреблением наземных травоядных и водных продуктов и участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур. Различия в распределении пищи по половому признаку не наблюдается.

Схожесть показателей изотопного содержания углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$) в костях из погребений Плотниковского могильника с результатами анализа материалов

Таблица 1. Распределение погребенных по возрастам смерти.

возраст	муж	жен	дети	пол не опр.	общее
0–4			45		45
5–9			6,5		6,5
10–14			7,5		7,5
15–19	0,4	2,6	2	0,5	5,5
20–24	0,8	1,3		0,5	2,6
25–29	3,4	2,6		0	6
30–34	4,9	3,3		0,3	8,5
35–39	6,4	3		0,3	9,7
40–44	5,5	2		0,4	7,9
45–49	3,6	1,2			4,8
50–54	3,7	0,5			4,2
55–60	2,3	0,5			2,8
Всего	31	17	61	2	111
взрослые и дети без точного возраста	8	2	2	14	26
Итого	39	19	63	16	137

из более ранних могильников Пермского Предуралья позволяют сделать вывод об отсутствии значимых различий в диете средневекового населения на протяжении целого тысячелетия (IV–XV вв.) (Брюхова, 2015б).

Анализ описываемой выборки показал, что на исследованном участке могильника почти половину погребенных составляют дети и особенно большой процент детей, умерших в промежутке от рождения до 1,5 лет. Также можно отметить преобладание мужских могил над женскими. В расовом плане серия оказалась неоднородной, при схожих морфологических данных мы наблюдаем две группы с западно-восточными градиентами изменения высоты черепа, уплощенности лиц, ширины и выступания носа. Но, несмотря на разницу в антропологическом облике, обе группы имеют генетические связи с могильниками более ранних эпох с территории Пермского Предуралья. Исследование патологий и морфофизиологических показателей характеризует население, оставившее Плотниковский могильник, как достаточно адаптированное к среде обитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Женские черепа не брались ввиду их малого количества.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 127 с.

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 248 с.

Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens: История болезни. М: Языки славянской культуры. 320 с.

Брюхова Н.Г., 2015а. История существования Плотниковского могильника (Среднее Предуралье, Пермский край) // Вестник Челябинского государственного университета. №6 (361). История. Вып. 63. С. 35–38.

Брюхова Н.Г., 2015б. Система питания средневекового населения Пермского Предуралья как индикатор биологической и социальной адаптации (по данным антропологии) // Вестник Пермского научного центра. Пермь: Изд-во ПНЦ УрО РАН. №4. С. 42–47.

Нумизматический материал из Ага-Базара

© 2018 А.И. Бугарчёв, С.Г. Пахомова

Аннотация. В статье рассматриваются джучидские монеты, найденные в разные годы на поселении Ага-Базар – торговой пристани средневекового Булгара. Наряду с опубликованным материалом, авторы приводят монеты, найденные в ходе археологических работ в 1967 и 1969 гг. и до сих пор неизданные. Всего насчитывается 394 серебряных и медных монеты, чеканенных в XIII–XV вв. Среди дангов выделяются обрезанные экземпляры, обращавшиеся во второй половине XIV в., среди пулов отдельно отмечаются монеты с надчеканкой «лира».

Ключевые слова: джучидские монеты, данг, пул, Булгар, Ага-Базар, Государственный Исторический музей.

Поселение Ага-Базар известно, в первую очередь, как торговая пристань Булгара. Оно находится в 6–7 км от Болгарского городища. В средние века здесь жили торговцы и ремесленники, сюда привозили товары из Закавказья и Ближнего Востока, Китая и Прибалтики, здесь изготавливали различные предметы повседневного спроса и роскоши (Измайлов, Кавеев, 2009. С. 199). Об активной торговой деятельности свидетельствуют многочисленные монеты, найденные на поселении.

Впервые находки монет с Ага-Базара были опубликованы С.А. Яниной (Янина, 1962. С. 153–178), где было указано суммарное количество джучидских монет, происходивших с территории Ага-Базара за период 1946–1958 гг. – 214 экз. В этом же томе Трудов Поволжской археологической экспедиции опубликована статья Б.Б. Жиромского, в которой анализировался нумизматический комплекс, опубликованный в трех предыдущих статьях С.А. Яниной (Жиромский, 1962. С. 201–216). Автор указывает другое число находок – 174 экземпляра: 22 серебряных и 126 медных[1]. В дальнейшем мы будем использовать данные из работы С.А. Яниной. В статье 1960 г. «Клады джучидских монет» Г.А. Фёдоров-Давыдов упоминает клад джучидских пулов, найденный в Ага-Базаре в 1871 г. (Фёдоров-Давыдов, 1960. С. 187, №331). В своей статье 1963 г. Герман Алексеевич привел следующие сведения по результатам работ С.А. Яниной – было найдено 10 серебряных необрезанных монет, 32 обрезанных экземпляра и 150 медных монет (Фёдоров-Давыдов, 1963. С. 200, №449).

Следующая по времени публикация монет с Ага-Базара – это Приложение III «Случайные находки на городище Ага-Базар (1974–1983 гг.)» к очерку Г.А. Фёдорова-Давыдова (Фёдоров-Давыдов, 1987. С. 203–204). В него включены еще 32 серебряные и 70 медных джучидских монет.

Кроме опубликованного материала, в Государственном Историческом музее сохранились неизданные машинописные отчеты об археологических работах 1967 и 1969 гг. на Болгарском городище, в которых сохранилась информация еще о 80 монетах с Ага-Базара (Янина, 1967; 1969). Все они в 1960-е гг. поступили в Москву, где были атрибутированы С.А. Яниной, и хранятся в ГИМе. При просмотре нумизматического фонда ГИМа нами были установлены типы и вес данных монет.

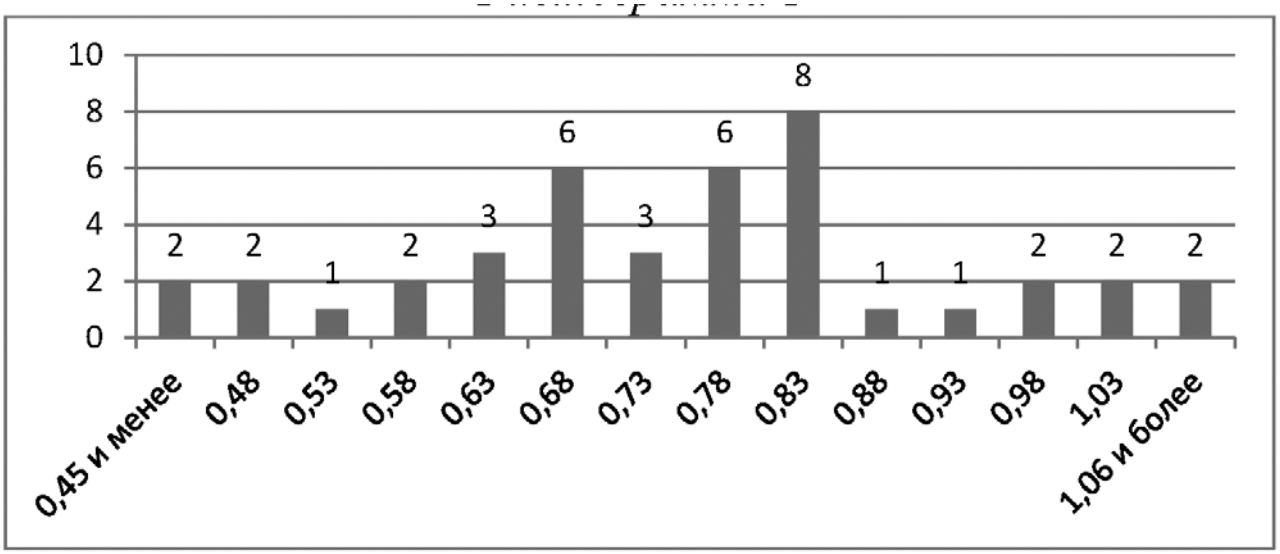
Материалы перечисленных трех источников сведены в таблицу 1.

Всего в таблице учтено 394 экземпляра.

Исходя из приведенной таблицы, можно сказать, что нумизматический комплекс с Ага-Базара накапливался на протяжении двух веков – со второй половины XIII в. до первой трети XV в.

Среди дангов второй половины XIV в. отмечается много обрезанных монет. По итогам изучения статьи С.А. Яниной и археологического отчета за 1967 г. нами был выявлен 41 дирхам с весом от 0,29 до 1,11 г (не считая полновесных

Гистограмма 1. Зависимость количества серебряных монет с поселения Ага-Базар от значения их веса (учтен 41 экз. Шаг – 0,05 г. Ось X – вес в граммах. Ось Y – количество в экз.)



монет). Если сгруппировать их с шагом 0,05 г, то оказывается, что наибольшее количество монет концентрируется в диапазоне 0,81–0,85 г – 8 экз., на диапазоны веса 0,63–0,67 г и 0,66–0,70 г приходится по 6 экз.

Приведем гистограмму веса серебряных обрезанных монет.

Мода$_{max}$ 0,83±0,03 г, 8 экземпляров (19,5 % от всех учтенных данг ов). Значение 0,83±0,02 г явно не случайно – в булгарских кладах, содержавших обрезанные монеты середины – второй половины XIV в., выявлены аналогичные показатели мод: Тетеевский клад – мода 0,84±0,01 г, Досаевский клад – мода 0,86±0,01 г (Бугарчёв, Степанов, 2014. Гистограммы 1, 3). Можно предположить, что на Ага-Базаре мы имеем дело с кладом, собранным в разные годы исследования памятника.

Среди пулов второй половины XIV в. встречаются экземпляры с надчеканками «лира» (различных штемпелей) и «лапа». Например, в археологическом отчете 1967 г. упомянуто 14 пулов с надчеканкой «лира» и один пул с «лапой». Время использования штемпеля с «лирой», по мнению Д.Г. Мухаметшина, относится к 90-м гг. XIV в. (Мухаметшин, Фёдорова, 2016). Это одна из самых массовых надчеканок – например, в раскопе CXCIX Болгарского городища обнаружено 103 пула с «лирой» (Мухаметшин, Фёдорова, 2016), в находящейся в другой части Булгарского вилайата Иске-Казани найдено 10 надчеканенных пулов (Бугарчёв, Степанов, 2017. С. 79–83).

На данный момент нумизматический комплекс с Ага-Базара нельзя считать полностью опубликованным – неизданными остаются монеты из фондов Болгарского музея-заповедника. Более подробного издания требуют материалы Государственного Исторического музея. Безусловно, необходимо продолжить публиковать нумизматический сбор Ага-Базара для его дальнейшего всестороннего изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[1] Такие цифры написаны в тексте, в то же время в таблице 10 указаны 24 серебряные монеты, а в таблице 11 – 126 медных (Жиромский, 1962. С. 212).

Таблица 1. Джучидские монеты с городища Ага-Базар

Статьи С.А. Яниной 1954–1962 гг.			Археологические отчеты 1967, 1969 гг.		Очерк Г.А. Фёдорова-Давыдова, 1987 г.	
Периоды	серебро	медь	серебро	медь	серебро	медь
1240-е – 1266 гг.	6		1	2	1	8
1266–1340*гг.	19		4+1	-	5	7
1341–1380 гг.	51		20+4	10	12	42
1381–1400 гг.	68		1	26**	13	9***
I четверть XV в.	70		3	-	1	-
Всего	214****		34*****	38	32	66

* До правления Узбека включительно.
** Не учитываются 8 стертых экземпляров. Из 26 пулов 14 экземпляров с надчеканом «лира».
*** Не учитываются 4 неатрибутированных экземпляра.
**** Данные приводятся без разделения по металлу.
***** Из 34 дирхамов 18 монет – это обрезанные данги с весом от 0,34 до 1,10 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчёв А.И., Степанов О.В., 2014. Находка клада джучидских монет XIV – начала XV в. из Лаишевского района Республики Татарстан // Нумизматика Золотой Орды. №4. Казань. С. 39–47.

Бугарчёв А.И., Степанов О.В., 2017. Надчеканенные пулы XIV в. из Иске-Казани // АЕС. №6. С. 79–83.

Жиромский Б.Б., 1962. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // МИА. №111. С. 201–216.

Измайлов И.Л., Кавеев М.М., 2009. Болгар в XIII–XV вв. // История татар с древнейших времен. Т. III / Гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань. С. 194–200.

Мухаметшин Д.Г., Фёдорова Е.А., 2016. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. №6. Казань. С. 18–32.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. С. 94–192.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV. С. 165–221.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука. С. 158–204.

Янина С.А., 1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. №111. С. 153–178.

Янина С.А., 1967. Опись монет из раскопок Поволжской археологической экспедиции в Болгарах в 1967 г. // Смирнов П.А., Хлебникова Т.А. Отчет Болгарского отряда. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Док. фонд, инв. №5–1.

Янина С.А. Опись монет из раскопок городища «Великие Болгары» в 1969 г. // Смирнов П.А. Поволжская археологическая экспедиция 1969 г. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, отдел хранения музейных коллекций, без номера.

Приложение I.

Перечень джучидских монет из фондов Государственного Исторического музея, найденных на Ага-Базаре в 1967 г.

Серебряные монеты

№130. Тип «Сингатуллина, №128», 1,23 г
№131. Данг, 0,77 г (обрезан).
№663. Данг, Узбек, Сарай, 727, 0,46 г
№132–133. Данги Узбека, Сарай, [734], 1,49 и 1,50 г
№134. Данг, Узбек, Сарай, 0,70 г
№135–136. Данги Джанибека («Чамбек»), Сарай ал-Джадид, 0,85 и 0,94 г
№142. Данг, Махмуд Джанибек, Гулистан, 0,67 г
№143. Данг, Джанибек, Сарай ал-Джадид, 747, 0,70 г
№144–146. Данги Джанибека, Сарай ал-Джадид, 748, 0,76 г, 0,81 г и 0,83 г
№147. Данг, Джанибек, Гулистан, 752, 0,84 г
№665. Данг, Джанибек, Гулистан, 752, надчекан «двуногая тамга», 1,10 г
№148–149. Данг, Джанибек, Сарай ал-Джадид, 752, 1,36 и 1,52 г
№150. Данг, Джанибек, Гулистан, 753, 1,02 г
№151. Данг, Джанибек, Гулистан, 754 (вариант «4-5-7»), 1,50 г
№152. Данг, Бирдибек, Сарай ал-Джадид, 759, 1,51 г
№153. Данг, Хызр, Сарай ал-Джадид, (761), 0,62 г
№156. Данг, Орду-Мелик, Азак, (762), 0,34 г
№157–158. Данги, Мурид, Гулистан, 764, 0,56 и 1,04 г
№159. Данг, Токтамыш, Азак, (782), 0,66 г
№164–165. Шадибек, Булгар, 0,66 и 0,77 г
№665. Чекре, Булгар, 0,63 г

Медные монеты

№129. Мунке, 2,00 г, №108 (648). Мунке, 0,66 г (обломан).
№137–141. «Двуглавый орел», Сарай ал-Джадид, 5 экз.: 0,44; 0,75; 1,04; 1,30; 1,39 г
№154. Хызр, Гулистан (762), 1,79 г
№155, Хызр, Гулистан, «722», 2,83 г
№649–651. Хызр, Гулистан, 762, 2,36; 2,95 и 1,95 г
№161. «Две рыбы», 0,96 г
№162–163. «Хокм/ Хумайун», о.с. птица, 2,01 и 1,48 г
№652. Орду, 785, 1,21 г
№160. Ас-Сарай?, 790, 1,66 г
№653. Ас-Сарай, цветок, 790?, 1,29 г
№654. Тамга с птичьей головкой, 0,90 г
№166. «Али Дервиш», 1,22 г Б/н «Али Дервиш», 0,77 и 0,86 г
№167–177. Пулы с н/ч «Лира» (разные варианты), 11 экз.: 1,69; 1,91; 1,38; 0,94; 1,13; 1,97; 0,61; 1,59; 1,56; 1,48; 1,28 г Б/н, н/ч «Лира» (разные варианты), 3 экз.: 1,46; 1,32 и 1,65 г
№178. Н/ч «Лапа», 1,00 г
№180–185. Пулы стертые, в.т.ч. «летящий дракон» – 1,87 г «хокм / хумайун» конца XIV в. – 1,38 г; 4 обломка.
Б/н. Пулы стертые – 4 экз.

Раскопки 1969 г. Ага-Базар

Серебряные монеты

№875. Узбек, Сарай, 722 г.х.
№876–877. Бердибек, Гулистан, 759 г.х., 2 экз.
№878. Хызр, Азак, 760 г.х.
№879. Подражание монете Узбека.

Приложение II.

Вес обрезанных дирхамов из находок в Ага-Базаре, по материалам которых построена гистограмма 1 (в граммах): 0,29; 0,34; 0,46; 0,50; 0,52; 0,56; 0,57; 0,62; 0,63; 0,65; 0,66 – 2; 0,67 – 2; 0,70 – 2; 0,71; 0,72; 0,73; 0,76; 0,77 – 3; 0,78; 0,80; 0,81 – 2; 0,82; 0,83 – 2; 0,84; 0,85 – 2; 0,88; 0,94; 0,97; 0,98; 1,02; 1,04; 1,10; 1,11.

Чугун Торецкого городского поселения XV века

© 2018 С.И. Валиулина, А.В. Пятаев, Е.В. Воронина, А.Р. Нуретдинова, А.Х. Кадикова

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №16–06–00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественно-научных методов» и №16–31–01055 «История развития археологии в Казанском крае (начало XIX – 1930-е гг.) по археологическим музейным собраниям».

Аннотация. Доклад представляет новый центр позднесредневекового чугунолитейного производства в Восточной Европе. Продукция ремесла Торецкого поселения изучена комплексом естественнонаучных методов, принятых в современной аналитической практике. Результаты исследования позволили представить технологическую характеристику торецких чугунных изделий – котлов и колесных втулок, оценить уровень чугунолитейного ремесла и его развитие в постордынское время.

Ключевые слова: чугунолитейное производство, Казанское ханство, естественнонаучные методы.

В настоящее время установлена ремесленная специализация Торецкого городского поселения XV века, расположенного в Алексеевском районе Республики Татарстан. Основными производствами на поселении являлись цветная металлообработка, черная металлургия, кузнечное ремесло, и в том числе чугунолитейное производство (Valiulina, 2009). Остатки производственных комплексов обнаружены раскопами II, III, IV, IX в восточной части памятника. Выбор места IX раскопа определился по итогам геофизической разведки на площади 1800 кв.м вдоль правого берега Торецкого ручья. Результаты магнитометрических и радиолокационных исследований выявили объекты, как показали последующие раскопки, металлургического производства (Валиулина, 2004. С. 22–23). Малая мощность культурного слоя, до 30 см, и многолетняя распашка площади поселения не способствовали сохранности объектов производственных комплексов. Остатки теплотехнических сооружений, как правило, фиксируются пятнами прокала на материковом уровне и расположенными рядом с ними предгорновыми ямами, заполненными черным сажистым грунтом и кусками шлака. В таких условиях характер ремесленных объектов определяют находки шлаков, осколки лекальных кирпичей, прокаленных до вишневого цвета, куски футеровки, обломки воздуходувных трубок – сопел, фрагменты глиняной обмазки земляных форм для литья чугунных котлов; массовыми материалами являются чугунные «заплатки» и осколки котлов. Весь этот контекст согласуется с материалами южноуральских чугунолитейных мастерских, вплоть до деталей – также найдены футеровочные кирпичи с желобками, выполненными пальцами по сырой глине (Рязанов, 2009. С. 481). Общее количество чугунных находок (котлов и колесных втулок) на памятнике составляет 549 экземпляров – целых изделий и фрагментов, по морфологическим признакам торецкие изделия в полной мере соответствуют характеристике средневековых чугунных котлов (Рязанов, 2011. С. 327). По форме венчика и форме тулова котлы делятся на два типа и несколько производных переходных подтипов. Полевые работы 2017 года пополнили коллекцию предметами из клада, обнаруженного на западной окраине поселения – чугунным котлом (тип 1), отдельными осколками котлов (тип 2) и двумя осевыми колесными втулками (Валиулина, 2017).

С целью получения технической характеристики торецких чугунных изделий проведено комплексное исследование (Unglik, 1990), с применением следующих аналитических методов:

– оптико-эмиссионного спектрального анализа на спектрометре ARL3460 (Австрия), (использовались стандарты 4Г18 – 4Г23 ЗАО «ИСО», г. Екатеринбург);

– электронной и оптической микроскопии на микрошлифах на оптическом микроскопе «Эпиквант» при увеличениях ×50...×250 и растровом электронном микроскопе JSM6460–LV (Япония) при увеличениях ×100...×1500;

– определение твердости и микротвердости. Твердость по Виккерсу замерена на твердомере КВ–750 (Германия) при нагрузке 10 кг, микротвердость на ПМЕ при нагрузке на индектор 100 гр.

Перечень традиционных и апробированных для подобных материалов методов был дополнен мессбауэровской спектроскопией (Елсуков и др., 1993).

В аналитическую выборку вошли 8 фрагментов чугунных котлов и 2 колесные втулки Торецкого поселения, в качестве сравнительного материала добавлены фрагмент единственного котла с Билярского III селища – золотоордынского Биляра второй половины XIII – начала XIV века и 1 осколок котла из Сибирской коллекции (Минусинская котловина) Археологического музея Казанского университета (АКУ–81/75).

По современной металлургической классификации (Металлургия..., 1972) 12 исследованных образцов можно разделить на 3 группы:

I – №№2 (Вт-Б1), 3 (АКУ/2997), 7 (БIII с./1994), 8 (АКУ–304/39), 4 (Кк. 2017), 12 (АКУ–81/75) – относятся к заэвтектическим белым чугунам с микроструктурой – цементит + ледебурит (вторичный цементит + перлит).

II – №11 (АКУ–304/10687), возможно, относится к ковкому белосердечному чугуну со структурой – феррит + графит;

III – №№6 (АКУ–304/17), 5 (АКУ–304/19) и 1 (Вт-М2), 9 (АКУ–304/9269), 10 (АКУ–304/4637) – можно отнести к половинчатым чугунам – это чугуны со структурами, промежуточными между структурами белого и серого чугунов, т.е. структура белого чугуна (цементит + ледебурит) + области с выделившимся пластинчатым графитом.

При этом учитывалось, что на одном и том же изделии могут иметь место области с разной микроструктурой.

Приведенные значения $H\mu$ являются усредненными, т.к. для каждой составляющей микроструктуры характерны свои механические характеристики, в частности, твердость. Например: образец АКУ–81/75 со структу-

рой – цементит (основа) + ледебурит (специально замерена микротвердость Hμ на поверхности после травления): микротвердость Hμ цементита – 691 кгс/кв.мм, ледебурита – 269 кгс/кв.мм.

На твердомере КВ–750 на поверхности образцов наблюдался достаточно большой отпечаток пирамидки, охватывающий несколько разных составляющих микроструктуры.

Отливки втулок в изломе имеют крупнокристаллическую структуру, в которой наблюдаются участки скоплений газовых пузырей и усадочные раковины. Осколки котлов показывают в изломе мелкую пористую структуру, отчетливо видны газовые раковины. Общий вид излома характерен для белого очень хрупкого чугуна.

Сравнение результатов анализа торецких чугунных изделий с химическим составом образцов из Каракорума, Хирхиры, раннесредневековых памятников Китая (Терехова, 1974. Табл. 1), Болгара (Ефимова, 1958. С. 303), золотоордынского Биляра и образца из сибирской коллекции позволяет констатировать самое большое сходство с составом изделий Болгара. Низкая концентрация соединений серы в торецких чугунах свидетельствует об использовании, как и в Болгаре, древесного угля в качестве топлива в сыродутном процессе. Большая часть образцов имеет одинаковую структуру белого чугуна (Металлография..., 1972. С. 120), характеризующуюся большой степенью эвтектичности по сравнению с дальневосточными образцами (Терехова, 1974). Некоторые образцы имеют ледебуритную структуру.

Анализ мессбауэровских спектров показал, что фазовый состав всех образцов, кроме АКУ–304/10687, определяется наличием цементита, продуктов коррозии в виде магнетитоподобных оксидов и твердого раствора -железа с примесями sp- и 3d-элементов. Отношение доли твердого раствора -железа к доле цементита варьирует в широких пределах: от 0,5 до 0,1. Образец АКУ–304/10687, согласно мессбауэровским данным, не содержит продуктов коррозии и соединений Fe-C (в виде Fe3C). Материал образца представляет собой твердый раствор в -железе примесей sp- и 3d-элементов, которые приводят к изменению значения сверхтонкого магнитного поля (СТМП) на ядрах резонансных атомов 57Fe, как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения СТМП. Результаты проведенного для этого образца анализа коррелируют с данными электронно-микроскопических исследований и позволяют предположить еще один этап термической обработки, в результате которого растворенный и связанный углерод был удален (выделился) из матрицы (передельный чугун). Все остальные изученные образцы, состоящие преимущественно из цементитно-ферритных фаз, по-видимому, являются первичными чугунами. Такой вывод поддерживается результатами РЭМ, оптических и механических исследований (Valiulina et al.).

Подводя предварительные итоги проведенного исследования, необходимо учитывать небольшой объем аналитической выборки. Тем не менее, исходя из вариативности полученных технологических характеристик торецких чугунов, можно сделать осторожное предположение о дальнейшем развитии технологии чугунолитейного производства в период Казанского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

Валиулина С.И., 2005. Отчет о раскопках на Балынгузском (Торецком) III селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2004 г. / Архив ИА РАН, Р–1. 126 с.

Валиулина С.И., 2017. Клад 2017 года металлической посуды и хозяйственно-бытовых предметов Торецкого городского поселения // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М.: Наука. С. 235–246.

Елсуков Е.П., Баринов В.А., Овечкин Л.В., Воронина В.Е., 1993. Синтез карбидов железа при механическом сплавлении порошка железа с жидким углеродом // Новые материалы: синтез, структура и компьютерное моделирование. Ижевск. С. 3–12.

Ефимова А.М., 1958. Черная металлургия г. Болгара // МИА. Вып. 61. С. 220–313.

Металлография железа. Том I. Основы металлографии. 1972. М.: Металлургия. 240 с.

Рязанов С.В., 2009. Производство железа и чугуна на Южном Урале в XIV–XVI вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Вып. 1. Казань: Фэн. С. 479–487.

Рязанов С.В., 2011. Чугунная посуда заводского литья в археологических коллекциях // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова 2–6 октября 2011 года. Астрахань. С. 325–327.

Терехова Н.Н., 1974. Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. №1. С. 69–78.

Valiulina S.I., 2009. Ferrous Metallurgy and Blacksmiths Produktion of Torezk Settlement in Khazan Khanate (XV c.) // World of Iron Conference. London. P. 37.

Valiulina S.I., Pyataev A.V., Voronina E.V. Research of the products of the Toretck cast iron foundry complex of the 15th century. (В печати).

Unglik H., 1990. Gast Irons from Les Forges du Saint-Maurice, Quebec: A Metallurgical Study. Studies in Archaeology, Architecture and History. Parks Canada, Ottawa: Walker, I.C. 55 p.

Антропология средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя

© 2018 И.Р. Газимзянов, А.А. Хохлов

Работа выполнена при поддержке РФФИ по проекту № 16–06–00284

Аннотация. В результате внутригруппового краниологического анализа мужской серии золотоордынского некрополя у с. Малая Рязань выявлена морфологическая неоднородность. В составе группы выделяется три основных антропологических компонента: два европеоидных, различающихся по форме черепа, и смешанный европеоидно-монголоидный субуральского типа. Вероятно, формирование данной группы населения проходило на многокомпонентной этнокультурной и этногенетической основе.

Ключевые слова: Золотая Орда, Среднее Поволжье, краниология, антропологический тип, монголоидный компонент.

Некрополь находится в южной части Самарской Луки в 0,3 км к западу от с. Малая Рязань Ставропольского района Самарской области. Он входит в состав археологического комплекса «Малорязанское II селище», занимая его восточную часть. Погребальный обряд памятника определяется авторами раскопок как христианский, а время функционирования – в пределах конца XIII в. – пер. пол. XIV в. (Кочкина, Сташенков, 2010. С. 362; Кочкина, 2012. С. 115).

Из 131 исследованного на сегодняшний день погребения по антропологическим данным определяется 54 мужских, 2 женских и 63 детских захоронений. По краниологической программе изучено 50 мужских черепов и 2 женских различной степени сохранности.

Мужские черепа суммарно описываются как долихо-мезокранные с большой высотой свода и умеренно развитым макрорельефом (табл. 1). Лицевой скелет относительно узкий и средневысокий, по указателю мезен. Носовое отверстие и орбиты характеризуются средними значениями как по абсолютным, так и по относительным размерам. Горизонтальная и вертикальная профилировка лица резкая. Высокое переносье сочетается с большим углом носа. Клыковая ямка глубокая. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают заостренные формы. Таким образом, мужские черепа в целом относятся к европеоидному морфотипу. Имеющиеся в краниологической коллекции два женских черепа молодого возраста также характеризуются европеоидными чертами, но в более смягченной форме.

Внутригрупповой анализ мужских черепов Малорязанского некрополя выявил их неоднородный антропологический состав. Визуально и статистически выделяются несколько европеоидных морфокомплексов, определяемых как формой черепа (долихокран – брахикран), так и структурой строения лицевого отдела. Симптоматично, что наибольшую вариабельность в серии (с большой статистической достоверностью) демонстрируют как раз те признаки, которые и разделяют монголоидов и европеоидов: назомалярный угол, симотическая высота, глубина клыковой ямки, общий лицевой угол и угол выступания носа, что подтверждает присутствие в антропологическом составе малорязанской серии черепов (в основном мезокранных) с монголоидными чертами. Вероятно, данный морфологический компонент – европеоидный с включением монголоидных элементов – связан в основном с населением поволжско-приуральских истоков, для которого в антропологическом плане с рубежа эр характерно сочетание удлиненной формы черепа и мезоморфного лица с некоторой его уплощенностью и ослабленным выступанием носовых костей. В антропологической литературе данный морфокомплекс получил наименование субуральского (Алексеев, 1969. С. 117).

Наряду с черепами субуральского типа, в серии условно (типологически) также можно выделить две группы черепов европеоидного типа, различающиеся по форме черепной коробки: долихокранная и брахикранная. Если генезис долихокранного компонента в малорязанской серии можно связывать с более западными и юго-западными палепопуляциями, то брахикранный – с домонгольскими группами населения Среднего Поволжья. Вероятно, формирование физического облика малорязанского населения в рамках Золотой Орды проходило изначально на основе смешения (механического и биологического) различных по культурному и генетическому происхождению групп.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1969. Происхождение народов Восточной Европы. М. 322 с.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2010. Исследования Малорязанского II селища на Самарской Луке // АО 2007 года. М.: Языки славянской культуры. С. 361–362.

Кочкина А.Ф., 2012. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII – XVI в.): Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт. С. 107–128.

Таблица 1. Средние краниометрические параметры мужских черепов Малорязанского некрополя.

Признаки		N	X	S
1.	Продольный диаметр	47	183.1	6.42
8.	Поперечный диаметр	47	139.5	4.12
17.	Высотный диаметр	47	137.6	4.39

9.	Наименьшая ширина лба	46	96.5	4.30
45.	Скуловой диаметр	46	132.9	3.32
48.	Верхняя высота лица	46	70.4	4.13
55.	Высота носа	43	51.6	2.70
54.	Ширина носа	45	25.3	1.80
51.	Ширина орбиты	43	41.8	1.37
52.	Высота орбиты	43	31.8	1.93
77.	Назомалярный угол	47	138.1	6.00**
Zm.	Зигомаксиллярный угол	44	128.7	4.99
SS.	Симотическая высота	42	4.4	1.21**
DS.	Дакриальная высота	32	11.6	1.65
FC.	Глубина клыковой ямки	44	4.9	1.59**
32.	Угол профиля лба	41	85.9	4.04
72.	Общий лицевой угол	40	87.0	3.66*
74.	Альвеолярный угол лица	38	79.0	6.81
75(1).	Угол выступания носа	37	29.3	7.48**
8:1.	Черепной указатель	47	76.3	3.60
17:1.	Высотно-продольный указатель	46	75.1	2.39
17:8.	Высотно-поперечный указатель	46	98.8	4.78
9:8.	Лобный указатель	47	69.2	3.14
40:5.	Указатель выступания лица	35	96.3	4.28
48:45.	Верхнелицевой указатель	44	52.9	3.44
54:55.	Носовой указатель	43	48.9	4.05
52:51.	Орбитный указатель	43	76.0	4.66
SS:SC.	Симотический указатель	42	46.8	13.03
DS:SS.	Дакриальный указатель	32	52.3	8.12

Примечание: N – количество черепов, X – средняя арифметическая величина выборки, S – квадратическое уклонение; выделены значения, превышающие стандартные;
* – существенное превышение стандартной ($P < 0.05$); ** – существенное превышение стандартной ($P < 0.01$).

О миграциях гото-славян в Волго-Камье в III–IV вв. н. э.[1]

© 2018 Р.Д. Голдина

Аннотация. Великое переселение народов – один из ключевых этапов в истории России. Первые контакты финнов Волго-Камья и гото-славян относятся ко 2-й пол. II в. н. э. Предполагается внедрение в этот регион воинов-мигрантов гото-славянского происхождения во 2-й пол. III в. (хронологическая группа 2 Тарасово), в 3-й четв. IV в. (группы 6 и 8 Тарасово, азелинские могильники и держава Германариха), в 4-й четв. IV в. (7 и 8 группы Тарасово, Тураевские курганы, именьковская культура).

Ключевые слова: Великое переселение народов, финны Волго-Камья, гото-славяне, контакты, миграции.

Великое переселение народов в Волго-Камье – явление сложное, разновременное, многоступенчатое, разнообразное по истокам, характеру и результативности. Г.И. Матвеева первой обратила внимание на сходство именьковских древностей Поволжья с материалами пшеворской и зарубинецкой культур (Матвеева, 2000). Ею совместно с В.В. Седовым обозначены три волны миграций в Поволжье из области расселения гото-славян. Первая волна (II–III вв. н. э.) связана ими с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая (III–IV вв.) привела к появлению в Поволжье памятников лбищенского типа, имеющих следы смешения черняховско-пшеворских древностей. Третья волна мигрантов-черняховцев послужила основой для именьковской культуры (конец IV – VII в.).

Новый импульс в изучении взаимоотношений приуральского и славяно-германского миров был получен в результате раскопок Тарасовского могильника, крупнейшего из исследованных погребальных памятников Евразии, относящегося к тарасовской (чегандинской) культуре пьяноборской культурно-исторической общности.

Вопрос о контактах финнов Волго-Камья с германо-славянами на рубеже II–III вв. поднимался в конце XX в. И.А. Бажаном и И.О. Васкулом в связи с импортом железных наконечников ремней в лесную зону Восточ-

ной Европы из районов пшеворской, западнобалтской и вельбаркской культур (Бажан, Васкул, 1988. С. 76–89). По материалам Тарасово такие наконечники бытовали в Прикамье в IV–V вв. Но идея И.А. Бажана и И.О. Васкула о связях Урало-Поволжья и западного мира, начиная со 2-й пол. II в. подтверждается сейчас находками пряжек с граненым сечением и расширением на язычке (Рис. 1: 1, 2), найденным в ранней части Тарасово (Голдина, Бернц, 2016а. Рис. 14: 48). Такие пряжки из бронзы известны в других могильниках Среднего Прикамья: Чеганде II, Афонино, Ниве и Ныргынде I, а также в Кошибеевском некрополе. Пряжки с расширенными язычками О.В. Шаровым трактуются как германские и были распространены, по его мнению, в Скандинавии и на Балтийском побережье в 150–200 гг. н. э. Они хорошо известны и на Боспоре, где считаются А.А. Васильевым германскими, а О.В. Шаров видит в них свидетельство первой волны в Причерноморье прибалтийско-скандинавского происхождения, датируемой 150/160–200/210 гг. н. э. (Шаров, 2010. С. 274). Ко 2-й пол. II – началу III в. относятся: шестигранная с эмалевыми вставками шарнирная фибула-брошь из Тарасово (Рис. 1: 3), фибула-брошь с выступом-шишечкой и орнаментом в форме креста из синей эмали (Рис. 1: 4), а также лучковые подвязные одночленные фибулы (Рис. 1: 5).

Идея о внедрении в Приуралье во 2-й пол. III в. инородных военизированных групп подтверждается материалами Тарасово (Голдина, Бернц, 2016б. Рис. 3, 4, группа 2). В составе инвентаря этого времени возросло количество мечей. Из 11 могил, вошедших в корреляцию, они присутствуют в четырех. В этих же погребениях найдены два шлема (Рис. 1: 10, 14), фрагменты узды, имеющей явно западные аналогии. С юго-запада «пришли» рифленые и псевдорифленые пряжки (Рис. 1: 7–9) и, возможно, лучковые подвязные фибулы с раскованной ножкой (Рис. 1: 6). Юго-западное происхождение имеет оригинальный гарнитур с пряжкой прямоугольной формы, характерной техникой изготовления и накладками (Рис. 1: 11–13). Намечается и путь проникновения в Прикамье таких изделий – через Верхнее Посурье и Примокшанье, где обнаружена серия аналогичных предметов. И.Р. Ахмедов отмечает для рязано-окских могильников 2-й пол. III в. увеличение количества воинских погребений и появление черняховских импортов, а также изделий западно-прибалтийского происхождения (Ахмедов, 2007. С. 150). Вероятно, контакты гото-славян и финнов Поволжья, начавшись во 2-й пол. II в., усилились во 2-й пол. III в. Вопрос о прямом внедрении гото-славян в Приуралье в это время пока не бесспорен, но заслуживает обсуждения.

2-я пол. IV в. – время больших перемен в культуре населения Урало-Поволжья (Голдина, Бернц, 2017. Рис. 11, группа 8). Появились новые виды воинского снаряжения, неизвестные ранее и, прежде всего, проушные железные топоры. В Среднем Прикамье выявлены четыре варианта топоров этого времени: небольшие короткие без выраженного обуха (Рис. 2: 7–9); средних размеров с хорошо выраженным молоточкообразным обухом (Рис. 2: 13); крупный экземпляр с расширенными щековицами (Рис. 2: 14) и длиннолезвийные топоры (Рис. 2: 6). В Волго-Камье, как и в Восточной Европе, проушные топоры стали широко использоваться в результате переселения племен вельбаркской и пшеворской культур в Северное Причерноморье. В результате этого движения на территории современных Украины, Молдавии, Румынии, частично Белоруссии и России в середине III – начале V в. возникла провинциально-римская черняховская культура (Рис. 3), связываемая с полиэтничной гото-славянской державой Германариха. На ее северо-восточной окраине в III – начале V в. располагалась раннеславянская киевская культура, восточнее на территории Волго-Донского водораздела во 2-й пол. III – рубеже IV–V в. – мощинская, испытавшая сильное черняховское влияние. Еще восточнее, в среднем течении р. Оки, многочисленны хорошо известные рязано-окские могильники II–V вв.

Л.А. Вязов, изучавший топоры именьковской культуры, высказал мнение о связи их с сарматами. Однако А.М. Хазанов писал, что сарматы топорами почти не пользовались. Работа И.Р. Ахмедова и А.М. Воронцова о топорах Верхнего и Среднего Поочья показала, что население мощинской культуры и рязано-окских могильников, усвоившее традицию изготовления проушных топоров от черняховцев, передало эти навыки жителям лесного Прикамья. В Волго-Камье такие топоры в массе известны на могильниках азелинского типа: Ошки, Первомай, Тюм-Тюм, Суворово, Азелино, Рождествено V, Мари-Луговское и др. Подобные топоры также обнаружены в Тураевских курганах и в Башкирии: в Старо-Кабаново, Шипово, Старая Мушта и Ангасяк.

В Тарасово проушные топоры встречались в одних могилах с секировидными изделиями, которые напоминают топоры, но отличаются длинным и узким корпусом (Рис. 2: 10, 11). Они особенно многочисленны на Тураевском, Тарасовском, Кудашевском, Тюм-Тюм могильниках. В одном погребении встречались от 5 до 14 предметов. На Щербетьском I селище именьковской культуры было найдено 26 секир.

Вопрос об их назначении дискуссионен. В.Ф. Генинг четко отделял эти предметы от топоров, называя их железными пластинами с проушным загибом вверху, и обращал внимание на отличия их от топоров: малый объем проуха и отсутствие заостренного лезвия. П.Н. Старостин и Л.С. Хомутова сочли их топорами. Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова предложили называть такие изделия секировидными предметами, обратив внимание на сходство формы этих предметов Прикамья с железными секировидными гривнами, служившими единицей обмена в Норвегии и Чехословакии, где они сотнями встречались на памятниках VIII–IX вв. Истоки этой традиции, по их мнению, восходят к римскому времени (Терехова и др., 1997. С. 149). С.Е. Перевощиков оценивает их как боевое оружие. Важно заключение Л.А. Вязова, что распространение длиннолезвийных топоров (секир?) происходило одновременно с короткими проушными топорами в именьковской, азелинской и мазунинской культурах во 2-й пол. IV в.

Оригинальным предметом 2-й пол. IV в. в Тарасово является метательное оружие – боевые косы (Рис. 2: 12). Термин введен А.П. Зыковым и в большей степени, чем другие, отражает функцию предмета. Это железные изделия с обоюдоострым клинком, усиленным ребром жесткости посередине и черешком с крючком на конце. Более 120 экземпляров их располагаются в основном на объектах азелинского типа и на синхронных памятниках бассейна Белой, единично – в Пермском Прикамье. Таким образом, во 2-й пол. IV в. в Волго-Камье появилась целая серия необычных видов вооружения, которые имели западное происхождение: проушные топоры, боевые косы, секировидные предметы и ювелирные пинцеты (Рис. 2: 15).

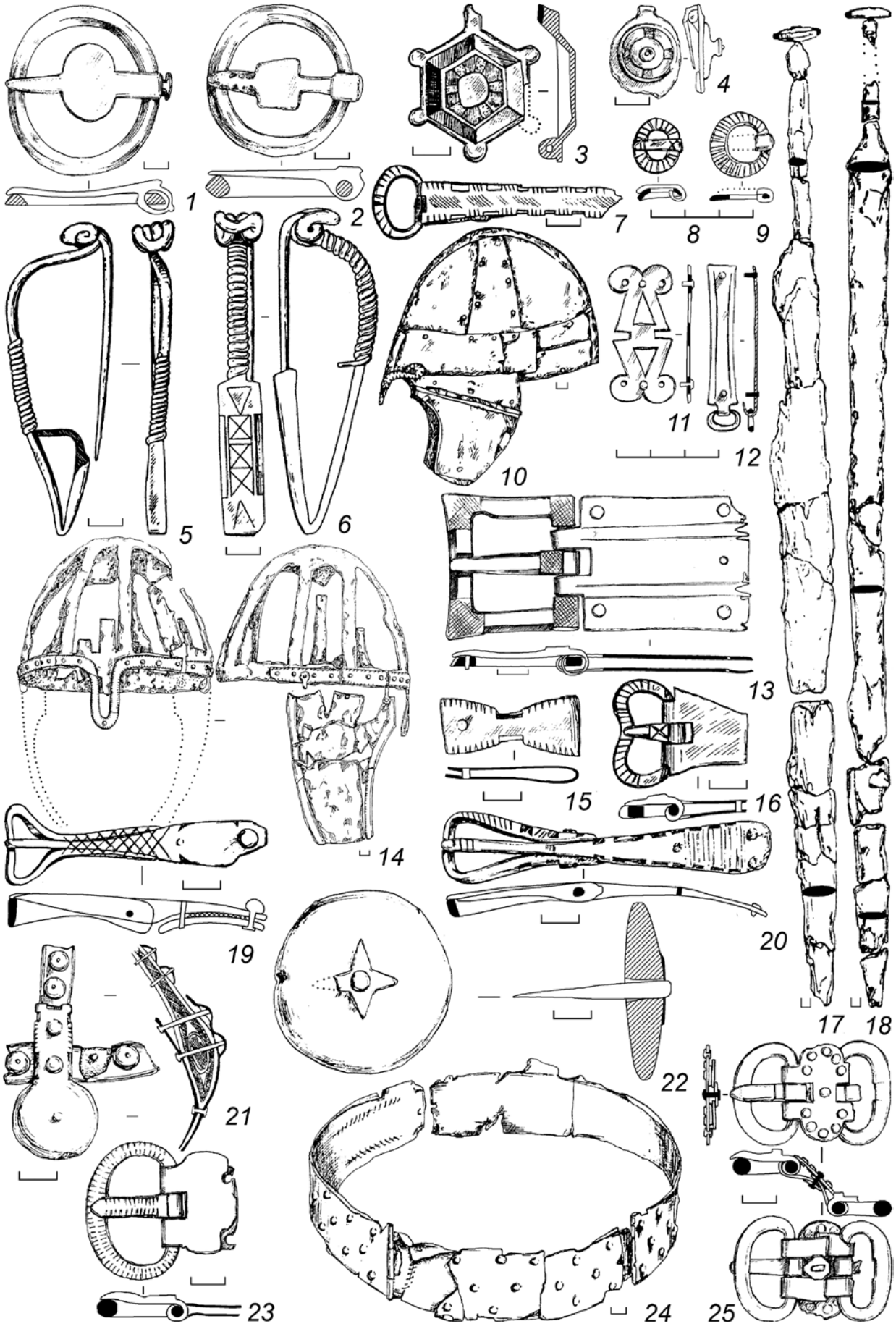


Рис. 1. 1–25 – Тарасовский могильник.
1, 2, 7–9, 13, 16, 19, 20, 23 – пряжки; 3, 4, 5, 6 – фибулы; 10, 14 – шлем; 11, 12 – накладки; 15 – наконечник ремня; 17, 18 – мечи; 21, 25 – детали уздечек; 22 – навершие меча; 24 – шейный обруч. 1, 2, 5–9, 11–13, 15, 16, 19, 20, 23, 24 – бронза; 3, 4 – бронза, эмаль; 10, 14 – железо; 17, 18 – железо, халцедон; 21, 25 – бронза, кожа; 22 – халцедон, бронза.

Рис. 2. 1–5, 7, 10, 11, 15 – Тарасово; 6 – Усть-Брыска; 8, 9, 12, 13, 14 – Тураевские курганы.
1 – железо, бронза, серебро, золото; 3, 5 – бронза, золото, сердолик, стекло; 4 – бронза, золото, сердолик; 6–14 – железо; 15 – бронза.

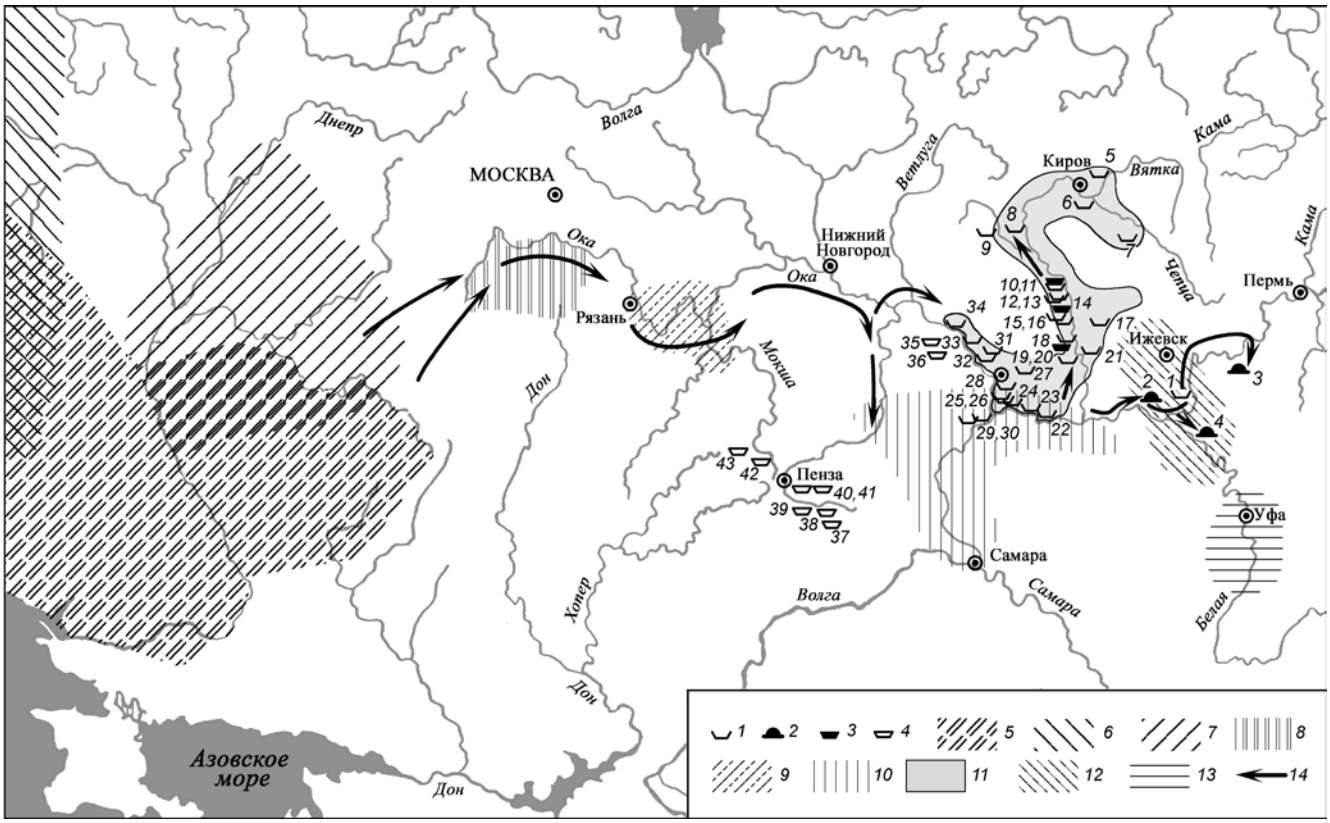


Рис. 3. Карта-схема основных памятников Волго-Камья эпохи Великого переселения народов (III – V вв.) и синхронных культур.

1 – могильники азелинского типа; 2 – курганные могильники; 3 – могильники мигрантов азелинского времени; 4 – синхронные могильники Поволжья; 5 – черняховская культура; 6 – вельбаркская; 7 – киевская; 8 – мощинская; 9 – рязано-окские могильники; 10 – именьковская культура; 11 – худяковская; 12 – тарасовская (чегандинская); 13 – кара-абызская; 14 – предполагаемые направления движения гото-славян.

Могильники: 1 – Тарасово; 2 – Тураевские курганы и могильник; 3 – Кудашевские курганы и могильник; 4 – Старая Мушта, курганы и могильник; 5 – Первомай; 6 – Баево; 7 – Городище; 8 – Кошкино; 9 – Худяки; 10 – Суворово; 11 – Ошки; 12 – Красный ключ; 13 – Уржум; 14 – Тюм-Тюм; 15 – Воробьево; 16 – Хлюпино; 17 – Вичмар; 18 – Сунцево; 19 – Азелино; 20 – Атамановы кости; 21 – Кордон; 22 – Гремячкино; 23 – Маслово; 24 – Усть-Брыска; 25 – Нармонка; 26 – Рождествено V; 27 – Айша; 28 – Казанский I (Старостекольный завод); 29 – Сюкеево; 30 – Тетюши II; 31 – Лушмор; 32 – Мари-Луговое; 33 – Арзебеляк; 34 – Уржум; 35 – Таутово; 36 – Седмиркино; 37 – Шемишейка; 38 – Усть-Уза; 39 – Алферово; 40 – Степаново; 41 – Селикса-Трофимово; 42 – Ражкино; 43 – Тезиково.

Хронологический анализ вещей из погребений 2-й пол. IV в. показал, что они делятся на две разновременные группы: 3-й и 4-й четв. IV в. Могилы 3-й четв. IV в. (Голдина, Бернц, 2016б. Рис. 7–9, группа 6) наиболее многочисленны (19 могил в корреляции), в ней более всего мечей (6 экз.; Рис. 1: 17, 18), некоторые с халцедоновыми навершиями (Рис. 1: 22); присутствуют необычные виды защитного вооружения – шейный обруч для защитного оголовья (Рис. 1: 24), шлем (во фрагментах), пластинчатый доспех; оригинальны пряжки: двусоставные (Рис. 1: 19, 20), трехсоставные псевдорифленые (Рис. 1: 23), с В-образной рифленой рамкой и наконечником (Рис. 1: 15, 16); своеобразна гарнитура конской упряжи (Рис. 1: 21, 25), железные проушные топоры нескольких вариантов, секиры, боевые косы, пинцеты и др. Эти изделия распространены в могилах азелинского типа, что дает основание предположить, что в 3-й четв. IV в. эти необычные для Прикамья объекты были оставлены большой группой воинов-мигрантов юго-западного происхождения. Памятники азелинского типа располагаются компактными группами в Нижнем и Среднем Поволжье, включая приустьевый правый берег р. Камы (Рис. 3). Среди могильников азелинского времени предположительно можно выделить некрополи мигрантов: Азелинский, Суворовский и, вероятно, Тюм-Тюм. На остальных могилы с азелинским оружием размещены среди захоронений местного населения и еще предстоит работа по их разделению. Возможно, часть вещей могла попасть к местному населению в результате различного рода контактов с пришельцами. В.Ф. Генинг датировал азелинские могильники широко – III–V вв. С проведением корреляции вещей III–V вв. Тарасово, азелинские комплексы можно отнести к короткому периоду – 3-й четверти IV в. Это был, очевидно, единовременный приток военизированной группы, вынужденной остаться в лесном Прикамье. Ученые давно озабочены поисками материальных свидетельств походов на север гото-славян во времена Германариха (350–375 гг.). Одна из возможных версий представлена М. Казанским (Казанский, 1992. С. 75–122). Вполне вероятно, что могилы азелинского типа и представляют собой реальные следы этих походов.

Следующий комплекс 4-й четв. IV в. (группа 7 Тарасово (Голдина, Бернц, 2017. Рис. 10), Тураевские курганы и именьковская культура) содержит также вещи, известные в азелинских могилах, – железные проушные топоры,

боевые косы, секиры, пинцеты, и, очевидно, носители их родственны по происхождению азелинцам, но отличается от них поясной гарнитурой. Яркой особенностью этого собрания являются пряжки и наконечники полихромного стиля клуазонне (Рис. 2: 2, 3, 5), а также иного облика – с сердоликовыми вставками и поясками зерни (Рис. 2: 4). Из могил Тарасово этого времени происходят три меча и новый тип шлема (Рис. 2: 1). Предметы этой группы наиболее близки инвентарю Тураевских курганов. Мною было проведено сопоставление материалов Тураевских курганов и сделан вывод, что они одновременны. Люди, захороненные под Тураевскими курганами, погибли в одно время (в один или несколько дней). Скорее всего, это была разведочная группа ранних именьковцев (черняховцев) (15–20 человек), которые осваивали новые территории и были убиты местным мазунинским населением. Поскольку погребальный обряд пришельцев был мазунинцам неизвестен, враги были похоронены на окраине мазунинского могильника по обряду, распространенному у аборигенов – трупоположению в одежде с сопровождающим инвентарем. Таким образом, население, оставившее Тураевский I бескурганный могильник, фактически защитило южные границы мазунинцев. В.Ф. Генинг, ссылаясь на плоскодонный сосуд, найденный в погребении 1 кургана III, связывал Тураевские курганы с именьковской культурой. Она, как известно, располагалась в устье р. Камы и прилегающем Поволжье. Именьковское население представляло собой наиболее крупный массив древних славян, который оказал большое влияние на финнов Приуралья. У именьковцев была хорошо развита обработка металлов, они были успешными животноводами, у них было популярно овцеводство, известны верблюды. Более прогрессивным было пашенное земледелие. На поселениях, кроме сошников, находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Состав возделываемых культур был весьма широк: пшеница, просо, рожь, овес, полба, ячмень, горох. Л.А. Вязов обратил внимание на сходство земледельческих традиций этого населения с черняховской и киевской культурами, проявлявшееся в присутствии железных наральников одинаковых типов, ритуальных глиняных «хлебцев» и др. В.В. Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов праславянского и соотносит их носителей с населением именьковской культуры.

Итак, изучение хронологии Тарасовского могильника позволило выделить периоды короткого временного диапазона комплексов вооружений. В разные периоды, наряду с местными вариантами изделий или широко распространенными, многочисленны импорты. Именно они свидетельствуют о притоке в Волго-Камье инородных, преимущественно юго-западных и западных гото-славянских военизированных групп. Начало контактов с этим населением проявляется по материалам 2-й пол. II в. Первый этап миграций, вероятно, относится ко 2-й пол. III в. (группа 2 Тарасово), второй – к 3-й четв. IV в. (группы 6 и 8 Тарасово, могильники азелинского типа и держава Германариха), третий – к 4-й четв. IV в. (постгуннское время; группа 7 и 8 Тарасово, Тураевские курганы и именьковская культура).

Поставленные в статье проблемы, конечно, требуют дополнительной аргументации и порождают множество других задач: изучение в этом ключе погребального обряда, характера взаимоотношений местного и пришлого населения, путей движения мигрантов, влияния их на население сопредельных территорий и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Более подробный вариант с аргументацией и ссылками см.: Голдина, 2017. С. 295–356.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Раннеславянский мир. Вып. 9. Восточная Европа в середине I тыс. н. э. Археология славян и их соседей. М.: ИА РАН. С. 137–152.

Бажан И.А., Васкул И.О., 1988. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н. э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. Вып. 11. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 76–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2016а. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. №1. Казань: Фэн. С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2016б. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть I // Поволжская археология. №3. Казань: Изд-во «Фэн». С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2017. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. №1. Казань: Фэн. С. 8–40.

Голдина Р.Д., 2017. Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III–V вв.) // Stratum plus. №4. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 295–356.

Матвеева Г.И., 2000. Памятники именьковской культуры (V–VII вв. н. э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука. С. 113–134.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 317 с.

Шаров О.В., 2010. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. №4. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 251–285.

Kazanski M., 1992. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania. №70/1. S. 75–122.

Опыт типологии керамики юдинской культуры лесостепного Зауралья

© 2018 А.С. Зеленков, Е.А. Третьяков

Аннотация. Изучение гончарства с помощью методов индуктивной статистики способно пролить свет на этапы формирования средневековых коллективов Зауралья. Так, нами на материале юдинской культуры установлено, что морфология посуды, скорее всего, обусловлена функциональным предназначением, а ведущим фактором является орнаментация, которая под действием динамичности населения IX–XIII вв. видоизменялась гораздо быстрее.

Ключевые слова: Зауралье, средневековье, юдинская культура, гончарство.

В научной литературе сложился стереотип об особой традиции применения юдинским населением оттисков «шнура» на этапе декорирования посуды, что отличает ее от других синхронных культур. Для гончаров Урало-Сибирского региона IX–XIII вв. данный элемент был типичным и широко использовался для украшения караякуповской, нижнеобской, чияликской и усть-ишимской керамики.

Так, в 60-е годы XX в. средневековые памятники бассейнов рр. Тавды и Пышмы были объединены В.Д. Викторовой в юдинскую археологическую культуру на основании гребенчато-шнуровой орнаментации керамики (Викторова, 1968). По мнению автора, формирование юдинской гончарной традиции происходило на основе трех компонентов. К первому относятся древности горного Урала – памятники петрогромовского типа, ко второй группе – потчевашская посуда с Логиновского городища, третья группа – оронтурский этап нижнеобской культуры. В начале XXI века Н.П. Матвеевой и Т.Н. Рафиковой при анализе описательной статистикой посуды городищ Барсучье, Святой Бор, Криволукское, Коняшино, Красногорское и Коловское (Матвеева, Зайцева, 2004; Матвеева, Бахарева, 2004; Матвеева, Рафикова, 2005; Матвеева и др., 2008; Матвеева и др., 2013) был расширен ареал юдинской культуры до Среднего Притоболья и выделено два «локальных» варианта юдинской посуды: к первому относятся горшки, орнаментированные преимущественно фигурным штампом, ко второму – сосуды с менее нарядной композицией декора, который сочетает вариации так называемого «шнура».

Исходя из этого, отмечаем, что до сих пор не сформировалось четкое представление о юдинской гончарной традиции, в частности, о разнообразии морфологических и орнаментальных навыков, а также логики их употребления населением Зауралья в IX–XIII вв. В том числе не устоялся понятийный аппарат для описания орнаментации, что проявляется в искаженном понимании «шнурового» орнамента, для описания которого используются несколько необоснованных терминов «имитация шнура», «псевдошнур». В данной статье мы предлагаем дополнительные детали к описаниям юдинской посуды статистическим анализом керамики Коловского и Красногорского городищ (70 археологически целых сосудов).

В данной работе использованы инструменты индуктивной статистики, в частности, кластерный (этап клас-

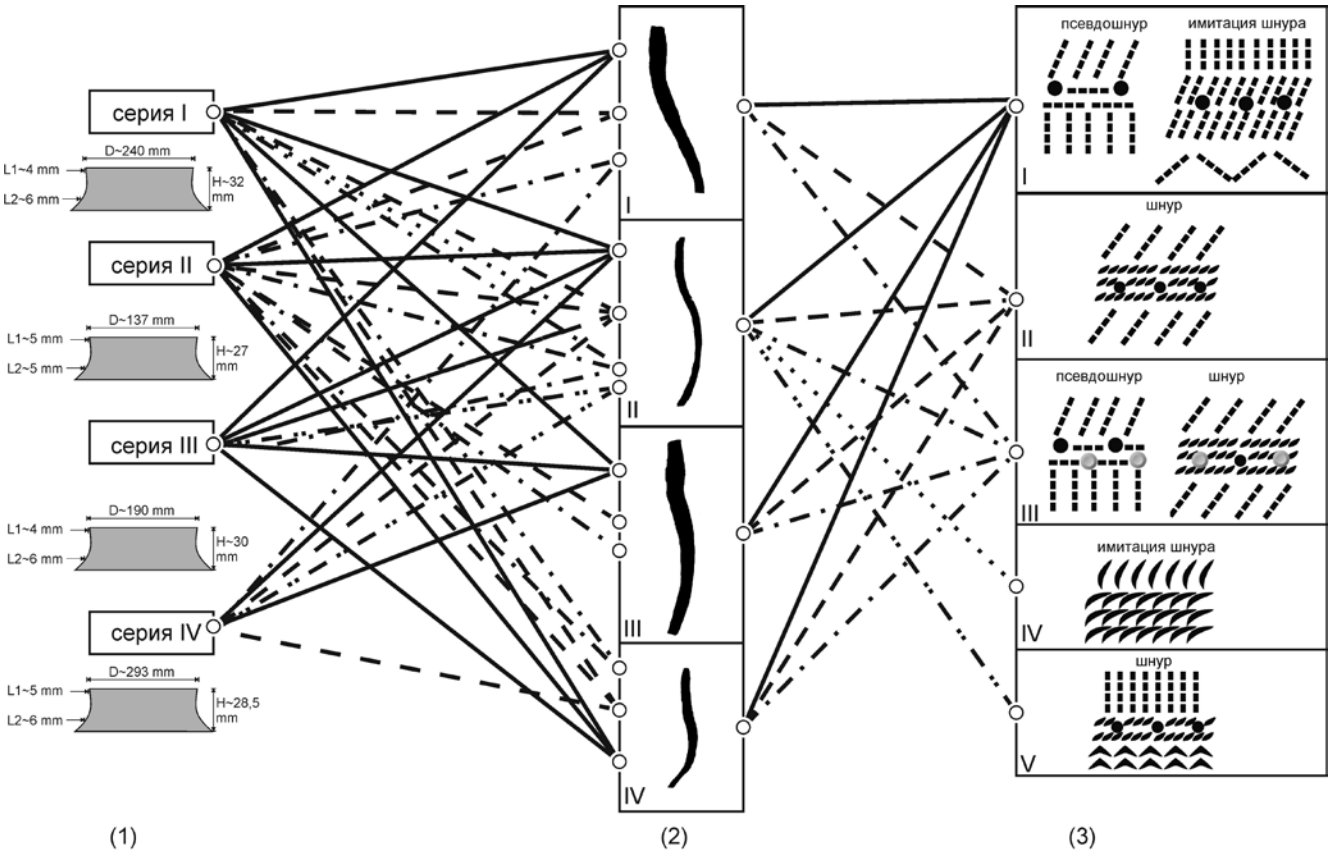


Рис. 1. Результаты статистической группировки керамики юдинской культуры с городищ Коловское и Красногорское: 1 – серии пропорций, 2 – группы профилей, 3 – орнаментальные группы.

сификации), факторный (этап выявления нагрузки признаков) и дискриминантный (проверка классификации) анализы, которые позволили выделить объективные группы юдинской посуды по морфологическим и орнаментальным вариациям.

Непосредственно оттиском шнура является вдавление витой бечевки. Псевдошнуром мы предлагаем называть линии, выполненные в гребенчатой технике, получившиеся посредством единичного вдавления гребенчатого орнаментира. Под имитацией шнура мы понимаем последовательные, короткие наколы гладким либо гребенчатым орнаментирами, образующими в композиции подобие оттисков шнура.

Показатели базы данных были разделены на несколько групп признаков, отражающих разные ступени гончарного производства. Первая группа признаков описана количественными показателями (признаки: толщина края венчика, шеи и плеча; отношение диаметра венчика и высоты шеи) и отражает представления о пропорциональности и массивности юдинской посуды. Вторая группа признаков характеризует остаточные силуэты сосудов, выделенные по форме профилей (Рис. 1), качественными показателями с кодами 1, 0 (да, нет). Третья группа признаков – это элементы орнамента, описанные качественными показателями с кодами 1, 0 (да, нет) (Рис. 1).

По итогам анализов выделено четыре серии сосудов по пропорциям (Рис. 1: 1), четыре группы профилей (Рис. 1: 2) и пять орнаментальных групп (Рис. 1: 3).

I группа – прямопоставленная шейка с прямым высоким, отогнутым плечом;

II группа – изогнутая вовнутрь шейка с плавным переходом к округлому плечу.

III группа – разрез слабопрофилированного сосуда со слегка изогнутым во внутрь нижним краем шейки.

IV группа – разрез слабопрофилированного сосуда с низким плечом и туловом, резко переходящем в придонную часть.

I орнаментальная группа обладает высоким сочетанием ямочной и гребенчатой техник, использованных для псевдошнура и его имитации.

II орнаментальная группа обладает высоким сочетанием ямочной и шнуровой техник.

III орнаментальная группа обладает высоким сочетанием ямочной и гребенчатой техник и дополняется псевдошнуровой и шнуровой орнаментацией.

IV орнаментальная группа – это имитация шнура, выполненная гладким штампом.

V орнаментальная группа – это высокое сочетание шнуровой, ямочной, гребенчатой и фигурно-штамповой техник.

В ходе статистического анализа типологически важным признаком при делении посуды на три генеральные группы является техника орнаментации, а именно навыки в использовании оттисков «шнура», его подражаний и имитации в виде горизонтальных и вертикальных оттисков гребенки, в том числе использование фигурно-штампового орнаментира, которые, вероятно, имеют разное происхождение, а их сочетание в одной синхронной и монолитной морфологической традиции свидетельствует о динамичном культурном окружении населения Среднего Притоболья в IX–XIII вв. Вследствие сложности оценки культурной интерпретации навыков гончаров в конструировании посуды, отразившихся в сериях и профилях керамики, сегодня мы можем говорить на их основе о разном функциональном назначении посуды внутри исследованной выборки и считать их субстратным признаком гончарного производства.

В данном случае, предполагаем, что использование оттисков «шнура» в юдинской гончарной традиции проявляется как приобретенный навык орнаментации посуды, имеющий свои корни в культурах западных предгорий Среднего Урала, которые в IX веке входят в манеру декора южно-таежного и лесостепного населения Тоболо-Иртышья. В дальнейшем данные мотивы находят подражание в традиционной для западносибирских культур гребеночной и ямочной технике в рамках юдинской культуры в виде псевдошнура и его имитации, выразившееся в однотипности композиций. Фигурно-штамповая техника в целом больше характерна для этапов и культур нижнеобской историко-культурной общности, элементы культуры, которой проявляются с эпохи Великого переселения народов на изучаемой территории (Матвеева, 2016; Зыков, 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Викторова В.Д., 1968. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // УЗ ПермГУ. №191. С. 240–256.

Зыков А.П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии СургутскогоПриобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий. 232 с.

Матвеева Н.П., Зайцева Е.А., 2004. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. №5. С. 51–63.

Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н., 2004б. Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург. С. 174–184.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., 2005. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // ВААЭ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. №6. С. 105–116.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н., 2008. Коловское городище Новосибирск: Наука. 236 с.

Матвеева Н.П., Пластеева Н.А., Чикунова И.Ю., 2013. Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье // AB ORIGINE: Археол.-этногр. сб. ТюмГУ. Тюмень. Вып. 5. С. 34–64.

Матвеева Н.П., 2016. Западная Сибирь в эпоху великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета. 264 с.

Этнокультурные процессы в Урало-Поволжье в эпоху средневековья: процессуалистская и постмодернистская концепции

© 2018 В.А. Иванов

Аннотация. В статье сравниваются две концепции этнокультурной истории Урало-Поволжского региона во второй половине I тыс. н. э. Одна из них, разрабатываемая С.Г. Боталовым, автором статьи определяется как постмодернистская. Другая – разрабатываемая самим автором – как процессуалистская. Концепцию С.Г. Боталова автор статьи оценивает критически.

Ключевые слова: процессуализм, постмодернизм, тюрки, мадьяры.

Прежде чем обратиться непосредственно к изложению двух современных концепций этнокультурных процессов в Урало-Поволжском регионе в эпоху средневековья (в данной статье речь пойдет о периоде второй половины I тыс. н. э.) следует напомнить суть методологии процессуализма и постмодернизма в современной археологии. И здесь самое рациональное – обратиться к статьям двух исследователей, с оценками и выводами которых я полностью согласен. Так, О.В.Кузнецов причины зарождения процессуальной (она же – «новая») археологии объясняет тем, что для ее последователей «одной только личной убежденности исследователя в правильности предлагаемой им интерпретации материала было уже недостаточно. Предполагалось, что выводы, сделанные на основании изучения археологического материала, должны быть основаны не на частном мнении исследователя, изучавшего тот или иной памятник, а на точных логически выверенных процедурах и аргументах, подвергнутых открытой критике и верификации. Они полагали, что следует не столько заниматься описанием археологических данных, сколько их объяснением, используя так же, как и в любой другой науке, логически выверенные процедуры» (Кузнецов, 2004. С. 20). В отличие от них, создатели и адепты постпроцессуальной (постмодернистской) археологии «считают, что теории развития человеческой культуры при всей своей убедительности и стройности не могут быть проверены экспериментально, поскольку то, что в этом случае называется «истиной», есть ни что иное, как искусственный конструкт, как один из вероятных вариантов, есть лишь то, что самим исследователям кажется наиболее разумным и приемлемым. Они не стремятся к поиску объективной реальности и считают, что главный недостаток «Новой археологии» состоит в том, что она придает излишнее значение валидности и тщетным усилиям сохранить свою объективность». Методологической основой своего подхода к исследованию археологического материала они ставят субъективизм, «оставив в качестве практически единственного критерия собственную уверенность ученого в своей правоте» (Кузнецов, 2004. С. 21–22).

Более жесткую оценку постмодернизму в истории (и археологии) дает А.П. Медведев – известный российский археолог. По мнению исследователя (совершенно мною разделяемому), «постмодернистский подход к нарративу и к историческому факту порождает такую интерпретацию прошлого, при которой оно в лучшем случае состоит из отдельных не связанных между собой фрагментов, к тому же неузнаваемо искаженных в источниках-нарративах. Если говорить откровенно, то постмодернизм и производные от него интеллектуальные течения конца XX в. с почти непременным определением «новый» фактически упраздняют историю как науку, а значит, и нашу специальность» (Медведев, 2007. С. 44).

А теперь перейдем к примерам. За сравнительно непродолжительный период 2009–2016 гг. увидели свет три фундаментальных по объему и проблематике монографии, в каждой из которой присутствует раздел/глава, имеющий самое прямое отношение к нашей теме. Их автор – известный в России и за ее пределами челябинский археолог С.Г. Боталов: «Урало-Казахстанские степи в раннетюркский период» (Боталов, 2008. С. 360–463); «Позднегуннский и раннетюркский период в Заволжских и Южноуральских степях. Этно-культурные ареалы Центральной Евразии» (Боталов, 2013. С. 652–673) и «Историко-культурные горизонты Южного Зауралья в средневековой культуре Камско-Бельского бассейна» (Боталов, 2016. С. 484–531).

По результатам типологического анализа выделенных им групп археологических памятников – курганы с усами, селенташского типа, раннетюркского периода и бакальской общности – автор реконструирует масштабную картину этнокультурных процессов в степном и лесостепном Зауралье и Предуралье в V–VIII вв. н. э. Привлекая огромное количество аналогий типам вещей, элементам погребального обряда, конструкции культовых сооружений[1], формам и орнаментике керамики, С.Г. Боталов рисует сложную, а подчас и причудливую картину перманентных миграций «гунно-сарматских», тюркских, угорских племен с востока на запад, из лесостепи в степь и обратно. В результате регион Южного Урала становится частью этнополитической системы Западнотюркского каганата и своеобразным «плавильным котлом» для древних мадьяр-венгров: «... приведенные исторические и культурные параллели позволяют утверждать о некоем единстве раннетюркского населения Восточной Европы (ранние болгары оногурского союза) и населения урало-казахстанских степей (он окбудун, объединение Дулу и Нушби)...» (Боталов, 2008. С. 457); «Приход в пределы большого региона юго-западной Сибири лесного населения – с севера, раннеаварского (жуаньжуаньского) и раннетюркского (телесского) населения – с юга и с юго-востока – и последующий распад ранее существующих здесь культур и типов, безусловно, означал последующий исход населения, оставивших их на запад... вторжение войск Танской империи в Семиречье (657 г.) привели к дестабилизации положения в казахстанско-среднеазиатском регионе и, как следствие, оттоку части избыточного населения в различные направления» (Боталов, 2013.С. 669); «мадьярский культурогенез связан с памятниками кушнаренковско-караякуповского ареала, которые изначально располагаются в пределах лесостепного Зауралья (Тоболо-Исетское поречье) и возникают в процессе культурной трансформации постсаргатского, полуоседлого населения в среде южнотаежных мигрантов юго-западной Сибири. Впоследствии после распада Бакальского ИКГ происходит переселение

части его населения на запад (через бассейны рек Уфа, Ай и Сим–Юрюзань) и на юг в степное Зауралье (в VI веке). С этого момента вероятнее всего мы можем наблюдать две автономные линии кушнаренковско-караякуповского культурогенеза – лесостепная приуральская и степная зауральская» (Боталов, 2016.С. 528–529).

Сквозь призму «сухой» процессуальной археологии ситуация, изложенная С.Г. Боталовым, выглядит несколько иначе. Появление в степях Южного Зауралья (точнее – на южной границе зауральской лесостепи) курганов с усами и памятников селенташского типа VI–VIII вв. (тюрки) по времени совпадает с появлением в Предуральской лесостепи памятников кушнаренковского (рубеж VI–VII – первая пол.VIII в.), а за ними – караякуповского (сер.VIII – первая пол. IX в.) типов (угры-мадьяры). К этому же времени относится появление в Среднем Поволжье памятников новинковского типа (ранние болгары). Все эти этнокультурные группы имели четкую локализацию в регионе, исключающую тесные (да и вообще любые) контакты между их создателями. Их разделяло обширное пространство аридизированных Урало-Волжских степей, природные условия которых были близки к современным (т.е. засушливые) (Якимов и др., 2007. С. 195). Поэтому совершенно понятно, почему на территории современного Западного Казахстана А.А. Бисембаев нашел только одно погребение VIII–IX вв. (курган №8 могильника Шалкар II) (Бисембаев, 2003. С. 92)[2]. Все остальные из рассматриваемых групп памятников, включая и выделенные С.Г. Боталовым «раннетюркского времени» – Аркаим, Каменный Амбар, Нуринское, Усть-Сурское – находятся в лесостепной или пограничной со степью ландшафтной зоне, но не в степи.

Памятники кушнаренковского, караякуповского, неволинского типов (угры-мадьяры) в предуральской лесостепи появляются уже в сложившемся виде. Причем, настолько сложившемся, что близких прототипов им мы не находим ни среди памятников зауральско-западносибирской бакальской общности, ни тем более в степи. Хотя бакальская общность как исходная территория «кушнаренковцев», «караякуповцев» и «неволинцев» не только предпочтительна, но и более обоснована материалом. Правда, пока этот исходный кушнаренковско-караякуповско-неволинский пласт за Уралом представлен находками аналогичной керамики, составляющей от 5 % до 20 % в керамических комплексах бакальских городищ.

На этнокультурное родство «кушнаренковцев», «караякуповцев» и «неволинцев» указывает, прежде всего, высокий коэффициент типологического сходства погребального обряда (Иванов, 2015), тогда как сравнительно-типологический статистический анализ кушнаренковской и караякуповской керамики показывает их разнородность (Иванов, 2009). Поэтому предлагаемая С.Г. Боталовым синхронизация кушнаренковского и караякуповского керамических комплексов и объединение их под аббревиатурой «кушнаренковско-караякуповские» является следствием недостаточного знакомства исследователя с исходным материалом.

Миграция древних венгров-мадьяр из Предуралья в Поволжье и далее на запад происходила, конечно, не из степей, как это показано на картах, опубликованных С.Г. Боталовым[3] (Боталов, 2013, карта 37; 2016. Рис. 24), а по камско-бельско-волжскому маршруту. Наглядное тому свидетельство – погребения караякуповского типа в окрестностях г. Самары (Археологические памятники..., 2005. С. 23–24; Сташенков, 2012. С. 91–101) и коллекция, хотя и немногочисленной, но типичной караякуповской и неволинской керамики с Пролетарского городища на р. Большой Черемшан[4].

В заключение хочу сказать следующее: я уже выступал с критикой этноисторических экзерсисов С.Г. Боталова относительно средневековых кочевников Южного Предуралья (Иванов, 2009). Ответом – появление серии еще более объемных, но методически столь же уязвимых дискурсов исследователя. Что, впрочем, не удивительно, ибо «давно уже стало ясно, что критика постмодернизма, показывающая сомнительность применяемых им методологических приемов, его совсем не уязвляет» (Медведев, 2007. С. 49). Но тогда «если непредвзято посмотреть на результаты, то в самой исторической науке серьезного вклада ученых, в той или иной степени принявших постмодернистскую парадигму, и тем более ожидаемого научного прорыва, что-то не заметно. Главное обвинение, предъявляемое постмодернизму, – это его научная бесплодность» (Медведев, 2007. С. 48).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Курганы с усами» – храмовые сооружения.

[2] Нанесенные С.Г. Боталовым на карту распространения материалов «протомадьярского и раннеугорского обликов» степные памятники (Боталов, 2016. С. 512. Рис. 18, №№95–113) – датируются огузо-печенежским временем (конец IX – первая пол. XI в.) и принадлежат огузам и печенегам. Причем, исследователь никак не обосновывает угорскую принадлежность этих памятников. Он просто ее ДЕКЛАРИРУЕТ.

[3] Где никаких «угров-мадьяр» и не было.

[4] Благодарю Д.А. Сташенкова за возможность ознакомиться с этой коллекцией, хранящейся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники на территории города Самары, 2005 / Сост. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков. Самара. 32 с.

Бисембаев А.А., 2003. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск. 232 с.

Боталов С.Г., 2008. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей». 672 с.

Боталов С.Г., 2016. Историко-культурные горизонты Южного Зауралья в средневековой культуре Камско-Бельского бассейна // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». С. 484–531.

Боталов С.Г., 2013. Позднегуннский и раннетюркский период в Заволжских и Южноуральских степях. Этно-культурные ареалы Центральной Евразии // Западный Тюркский каганат. Атлас / Коллектив авторов. Астана: ServicePress. С. 652–673.

Иванов В.А., 2009. Еще раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова. Казань: Фэн. С. 177–196.

Иванов В.А., 2009. Современная мифология южноураль-

ских степей эпохи средневековья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1. С. 237–245.

Иванов В.А., 2015. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. №4 (14). С. 201–219.

Кузнецов О.В., 2004. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. Вып. 2. С. 19–23.

Медведев А.П., 2007. «Постмодернистский вызов» истории: ответ археологии // Вестник ВГУ, серия История. Политология. Социология. №1. С. 41–51.

Сташенков Д.А., 2012. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: ООО «Издательство Ас Гард». 136 с.

Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О., 2007. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). М.: НИА – Природа, Фонд «Инфосфера». 228 с.

Новые материалы по фортификационным сооружениям Муромского городка

© 2018 А.Ф. Кочкина

Аннотация. На Муромском городке в 2016 г. в центральной части южного города на краю ложбины, имеющей терасовидный склон к востоку, был обнаружен ров, имеющий на данном участке направление по линии СЗ–ЮВ. Ширина рва составляла около 2,5 м, глубина от материка 1,1 м. Западный борт более крутой, восточный – более пологий. Заполнение – слоистый пестроцветный легкий суглинок с песчаными и глинистыми прослойками, находок немного. По своим конструктивным особенностям он близок рву домонгольского времени в Болгаре.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Муромский городок, фортификация, южный город, ров.

Фортификационные сооружения Муромского городка, одного из крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского периода, были описаны впервые И.И. Лепехиным, П.С. Палласом, В.Н. Поливановым. План городища с оборонительными укреплениями был составлен в 1920-е гг. экспедицией под руководством В.В. Гольмстен. В 1970-е гг. Г.И. Матвеевой были исследованы оборонительные укрепления городища на отдельных участках, в том числе в западной части внутреннего города и на западной линии южного города (Васильев, Матвеева, 1986. С. 169–172).

С возобновлением раскопок на Муромском городке в начале 1990-х гг. целенаправленно были предприняты изыскания на северной окраине городища, где в 1994 г. были выявлены вал и ров внешнего города. Причем первоначально попытка установить место укреплений была предпринята на основе изучения аэрофотоснимка местности 1964 г., полученного из архива Средневолжского аэрогеодезического предприятия (г. Самара). Характеристику выявленных сооружений дополнили почвоведческие исследования (Офман и др., 1996. С. 185–189).

При проведении раскопок в южной части внешнего города городища в 2016 г. был обнаружен ров (раскоп XXXII), само расположение которого вносит существенные коррективы в характеристику системы укреплений Муромского городка и формирования планировочной структуры города.

Раскоп XXXII был заложен в центральной части южного внешнего города на краю ложбины, имеющей терасовидный склон к востоку. Раскоп площадью 16 кв.м имел мощность культурного слоя 80–90 см с большой насыщенностью массовым материалом. Основным объектом на раскопе оказался ров (соор. 1а), расположенный по линии СЗ–ЮВ. В верхней части он выделялся песочно-коричневым заполнением. В разрезе рва выделялось несколько слоев и прослоек, соответствующих разным уровням заполнения сооружения. Песчаные и глинистые линзы фиксировались на разных участках разреза, а также в продольной ложбинке (канавке) на дне рва. Сверху – более светлый легкий суглинок – песочно-коричневый (до 10 см), песчаная прослойка зафиксирована в северной части заполнения. Ниже идет более темное заполнение, причем на границе выделяются участки, насыщенные углем, что и придает более темный оттенок слою. В средней части рва – средне-коричневый с глинистыми включениями суглинок, мелкие угольки и кусочки обуглившегося дерева небольших размеров. В одном месте выявлено скопление углистого тлена (сожженного деревянного колышка?) размерами 12 (С–Ю) × 8 (З–В) см, мощностью до 3 см. В нижней части заполнения рва – темно-коричневый суглинок с обильными глинистыми и углистыми включениями.

В заполнении северной части рва встречены лопатка КРС и другие крупные кости животных. При расчистке рва в восточной половине обнаружено компактное скопление костей КРС в средней части склона рва. Скопление костей во рву состояло из целого черепа и всех семи шейных позвонков взрослого быка, по определению к.б.н. В.В. Гасилина. Рядом обнаружен рог, другой рог найден был в придонной части в ложбинке (канавке) рва.

Ширина рва в верхней части составляет 2,25–2,5 м, глубина от уровня обнаружения – 1,1 м. Ров имеет в поперечном сечении подтрапециевидную форму, западный борт рва более крутой, восточный – более пологий. На дне – канавка (продольная ложбинка с плоским дном, углубленная на 10–15 см). Ее заполнение – плотный суглинок с глинистыми включениями. Встречаются угли, кости. Дно неровное, края неровные.

По своим конструктивным особенностям этот объект близок рву домонгольского времени в Болгаре (Баранов, Губайдуллин, 2016. С. 196–198). Несмотря на то, что на профилях стенок северо-восточного сектора раскопа имеются некоторые признаки разрушенной насыпи, вопрос о наличии вала остается открытым до более полного изучения сооружения. Что касается датировки сооружения, то предварительно с учетом стратиграфии раскопа было высказано предположение о существовании рва в пределах XI–XII вв. Подтверждением этой хронологической позиции является С14 дата, полученная по углю из заполнения рва: (в данном случае приводим калиброванную дату) AD: 1075 ± 44 (UOC–4468; датирование проведено в лаборатории Оттавского университета, материалы отобраны и

подготовлены к.б.н. Е.В. Пономаренко, за что автор выражает ей глубокую признательность).

В заполнении рва в целом было немного находок. Из массового материала преобладали кости животных и рыб – 285 ед., мелкие фрагменты глиняной обмазки 173 ед., 29 камней, 1 фрагмент кирпича, 1 крупный кусок железного шлака. Керамики найдено всего 210 фрагментов, в том числе 154 фр. круговой (73,3 %), лепной – 56 фр. (26,7 %), из них 21 фр. лепной грубой. Интерес представляют фрагменты грубой лепной сковороды с высоким бортиком и горшка с ребром и короткой шейкой, сходство которых усматривается в керамике Саровского городища (Грибов, 1997. С. 31–54).

Исследование небольшого участка рва позволяет поставить вопрос об определении его функционального назначения. Какую защитную функцию выполнял ров (и, возможно, вал), расположенный на краю террасовидной балки между глубокими оврагами? Судя по профилю, после завершения функционирования ров был засыпан, а позднее на этом месте находились другие сооружения. Дальнейшее изучение обнаруженного объекта может внести существенные коррективы в понимание процессов формирования и уточнения планировки производственно-селитебной зоны крупного средневекового города Волжской Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.С., Губайдуллин А.М., 2016. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. №2. С. 193–218.

Грибов Н.Н., 1997. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып.1. Н-Новгород, Изд-во: Новгород. С. 31–54.

Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., 1996. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 185–189.

Исследование памятников археологии с использованием письменных источников

© 2018 Е.А. Курлаев

Аннотация. В отечественной учебной литературе по археологии нет разделов, рассматривающих метод интеграции письменных и вещественных источников. В то же время большое количество памятников XVIII–XX вв. остается вне сферы исследования ученых. В методах поиска, раскопок и реконструкции памятников исторического периода имеются существенные отличия от традиционных процедур исследования.

Ключевые слова: историко-археологические методы, историческая археология.

До настоящего времени практически во всех регионах России наблюдается схожая картина: разрушенные памятники XVIII–XX вв. в большинстве своем остаются вне сферы исследования ученых. Таких объектов можно насчитать тысячи. Это – бывшие заводы, крепости, поселения, храмы, кладбища, почтовые станции, места сражений и т.д. Хотя надо признать, что в последние годы их начинают исследовать в местах застройки. В отечественной науке господствовало представление о том, что памятники XVIII–XX вв. не являются объектом исследования археологии. В результате учебники и другие обобщающие работы по археологии редко упоминали даже XVI в. Отсутствуют обобщающие методические или теоретические разработки по исследованию объектов последних трех-четырех столетий, в то же время памятникам доисторической эпохи посвящено несравнимо большее количество трудов.

В учебной литературе нет разделов, где рассматривался бы метод интеграции письменных и вещественных источников (Мартынов, Шер, 2002; Мартынов, 2005 и др.). Однако руинированные остатки не могут быть выявлены и описаны специалистами других областей науки. Также бытует мнение, что письменные сведения могут вполне самостоятельно и полно осветить исторический период. Убежденность в исключительности письменных источников заканчивается тогда, когда начинаешь самостоятельно с ними работать. Однако археологи редкие гости в архивохранилищах. Авторский опыт полевых и архивных исследований показал, что нередко в земле от объектов остаются следы производственной деятельности, остатки сооружений, предметы материальной культуры, а в архивах чертежи, фотографии, описания построек, внутреннего интерьера, производственных механизмов. Этот опыт накапливался, главным образом, при археологическом изучении промышленных памятников XVII–XVIII вв.

В нашей стране первые шаги в археологическом исследовании металлургических предприятий XVII в. были предприняты Н.Н. Стосковой и А.И. Рассадович в 1960–1970-х гг., но в дальнейшем такие исследования не стали регулярными. Начиная с 1990 г. археологическое исследование уральских заводов продолжил автор настоящей статьи. За это время удалось поработать с архивными документами, обнаружить и обследовать 28 разрушенных заводов XVII–XVIII вв., опубликовать десятки статей по данной тематике, дать определение «промышленной археологии» (Курлаев, 2015. С. 149–152).

Археологические раскопки во время реставрации Николаевского мужского монастыря в г. Верхотурье (1989–1990 гг.), поиск и обретение мощей Василиска Сибирского (2000 г.) и Константина Меркушинского (2004 г.) дали практический материал для изучения культовых памятников исторического периода и определения объекта исследований «церковной археологии» (Курлаев, 1998. С. 92–109; Курлаев, 2010. С. 19–24). В 1996–1997 гг. и 2007–2010 гг. опыт исследования памятников поздних эпох расширился при поиске останков Алексея и Марии Романовых (Погорелов и др., 2008. С. 47–55).

Во время историко-археологических полевых изысканий сформировалось представление о последовательности работы на разрушенных объектах исторического периода. Говоря о методике исследования, необходимо отметить

тот факт, что многие ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, перестают работать. Более всего это становится заметным при обработке и интерпретации материала. Основной рабочий материал доисторических эпох – орнаментированная керамика – отсутствует. Нет необходимости в выделении археологических культур, определении этнической и культурной принадлежности создателей памятников. Имена строителей и период существования объектов с высокой для археологии точностью можно узнать из письменных источников.

Вместе с тем в изучении объектов исторического периода реально использование традиционной процедуры археологического исследования: полевых работ и камерально-кабинетной обработки и обобщения данных. Возможно применение стратиграфического, планиграфического методов, а также одного из наиболее важных в археологии – типологического метода, но в исследовании решающую роль начинают играть письменные источники. В методах поиска, раскопок и реконструкции памятников появляются существенные особенности, которые изменяют традиционную процедуру исследования. В первую очередь, комплексный характер исследования – органичный синтез сведений письменных источников, методов и результатов археологических исследований. Увеличение объемов информации из письменных источников делает ее решающей, а данные археологических исследований – вспомогательными.

При археологической разведке поиск следов и остатков памятников исторической эпохи осуществляется по письменным источникам (описаниям, картам). На их основе нередко можно точно выявить время деятельности объекта, название объекта, язык, этническую принадлежность его создателей, что чаще всего невозможно для памятников доисторической эпохи. Разведки, проведенные с использованием архивных данных, позволяют устранить спорные точки зрения, выявить местонахождение объектов для дальнейшей работы с их остатками, уточнить окружающую историческую топонимику. Одна из задач и проблем – установление доказательной связи между обнаруженными остатками и сведениями из письменных источников, а также соотнесение старинных планов с современной топографией местности. Существует и техническая проблема – это масштабные объемы работ при археологическом обследовании следов и остатков эпохи промышленного освоения.

При исследовании скрытых в земле остатков археолог становится ключевой фигурой, без которой не может проводиться полноценная работа других специалистов. Исследование культурного слоя – трудоемкий и дорогостоящий процесс, поэтому невозможно уделить равное внимание всем памятникам; необходимо выявлять наиболее уникальные и пытаться сохранить хотя бы некоторые из них. Раскопки памятников пополнят сведения о планировке, архитектуре, этапах перестройки, технологии производства и технического оснащения предприятий. При исследовании объектов собираются образцы изделий, полуфабрикаты, отходы производства для последующего изучения их методами естественных наук, составления типологических рядов предметов и формирования музейных коллекций.

Особо необходимо отметить тот факт, что некоторые ключевые методы, применяемые в доисторической археологии, перестают работать. Более всего это становится заметным при обработке и интерпретации материала. Основной рабочий материал доисторической эпохи – орнаментированная керамика – отсутствует. Не собрано еще и малого количества находок изделий для начала создания типологических рядов изделий. Обычно в земле на месте промышленных объектов сохраняются мощные фундаменты, поэтому раскопки «под снос» невозможны. Выходом из такой ситуации может быть консервация остатков или создание музея под открытым небом. В авторской практике имели место установка памятных знаков на исследованном объекте и создание анимированной 3D модели завода XVIII в. (Курлаев, 2008. С. 9–17).

В традиционной (доисторической археологии) принято выделять памятники производственной деятельности, культовые и погребальные сооружения, поселения. По нашему мнению, в исторической археологии будут аналогичные типы памятников и направления их исследования: «промышленная археология», «церковная археология», «городская археология», а также «военная археология». Такая схема структурирования исследования памятников исторического периода уже рассматривалась ранее (Курлаев, 1999. С. 90–92). Исследования на стыке истории и археологии предполагают также работу над единой периодизацией наук и обосновании поздних хронологических границ археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Курлаев Е.А., 1998. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989–1991 гг. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 92–109.

Курлаев Е.А., 1999. Историческая археология на Урале// III Берсовские чтения. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 90–92.

Курлаев Е.А., 2008. Реконструкция облика металлургического завода XVIII в. в виде компьютерной модели // Информационно-аналитический бюллетень научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. №6. Саранск: ООО ИнСтИтут (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им Н.П. Огарева).

Погорелов С.Н., Ражев Д.И., Курлаев Е.А., Ерохин Н.Г., 2008. Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Вестник Уральского отделения. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург: УрО РАН. №1 (23). С. 47–55.

Курлаев Е.А., 2010. Церковная археология в изучении и сохранении историко-культурного наследия // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практич. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии. С. 19–24.

Курлаев Е.А., 2015. Четверть века в сфере промышленной археологии // Межэтнические и этноконфессиональные отношения: проблемы взаимодействия: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 130-летию со дня рождения С.И. Руденко (г. Уфа, 23 октября 2015 г.). Уфа: РИЦ БашГУ. С. 149–152.

Мартынов А.И., Шер Я.А., 2002. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. М., Высшая школа. 2-е изд. 240 с.

Мартынов А.И., 2005. Археология: Учебник / А.И. Мартынов. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк. 447 с.

Обследование городища Тура-Тау в Ишимбайском районе Республики Башкортостан

© 2018 Н.В. Лебедева (Овчинникова)

Аннотация. Статья посвящена археологическому обследованию городища Тура-тау на территории Ишимбайского района Республики Башкортостан с целью определения границ территории городища, мощности и насыщенности культурного слоя, выявления артефактов и их культурно-хронологической интерпретации. В результате работ установлено время существования городища: ранний железный век, эпоха средневековья, датировка в рамках второй пол. I тыс. до н. э. – первой пол. II тыс. н. э. Городище Тура-тау представляет собой уникальный объект природного и историко-культурного наследия.

Ключевые слова: городище Тура-тау, Республика Башкортостан, определение границ памятника, ранний железный век, эпоха средневековья.

В 2014 г. сотрудниками археологического отряда под руководством автора статьи было проведено разведочное археологическое обследование городища Тура-Тау (Тура-Тауское), расположенного в 14 км к юго-востоку от г. Стерлитамак, в 3,4 км к северо-северо-востоку от с. Урман-Бишкадак Ишимбайского района Республики Башкортостан, на правобережье реки Белой. Целью полевых работ являлось определение границ территории городища, мощности и насыщенности культурного слоя, выявление артефактов и их культурно-хронологическая интерпретация.

Городище Тура-тау находится на вершине горы-шихана Тура-тау (Тра-тау, Тора-тау), известкового останца от рифа древнего моря палеозойской эры. Риф сформировался в результате осадочных отложений около 230 млн. лет назад. Высота горы от подошвы 200 м, высота от уровня моря (по Балтийской системе) составляет 406,6 м. Гора имеет форму правильного усеченного конуса, а с западной стороны она похожа на задранную морду павшего коня. Склоны горы с западной и южной стороны крутые, местами обрывистые, с выходами коренного известняка. Северный и восточный склоны более пологие, задернованные, покрыты небольшим кустарником и участками леса. Вершина горы представляет собой площадку подтреугольной формы, длина с запада на восток 250 м, с севера на юг по восточному склону длина составляет 130 м.

Впервые городище Тура-тау упоминается в описаниях ученого-путешественника И.И. Лепехина, посетившего Башкирию в 1769–1770 гг. О памятнике природы и археологии горе Тура-тау было известно краеведам в 40-е годы прошлого столетия, например, Б.А. Коишевскому, который внес его в свою картотеку. Городище Тура-тау учтено в Материалах и исследованиях по археологии Урала и Приуралья (Материалы и исследования..., 1952. С. 78).

В архиве Института археологии РАН имеется два отчета об обследованиях городища В.П. Викторовым в 1951 г. и С.М. Васюткиным в 1973 г. В отчете В.П. Викторова имеется характеристика городища на горе Тура-тау и собранного подъемного материала, который автор датировал концом I тыс. до н.э – первой половиной I тыс. н. э. В центре площадки он обнаружил яму, которую превратил в шурф. С.М. Васюткин описал городище Тура-тау, отметив на поверхности остатки невысокого вала, собрал подъемный материал и произвел зачистку обнажений. Коллекцию предметов автор отнес к культурам средневековья начала I тыс. н. э.

В начале 1960-х гг. городище было обследовано Г.В. Скляровым. В 2000 г. А.А. Сметаниным был заложен раскоп площадью около 10 кв.м, в том же году городище было осмотрено И.М. Акбулатовым для паспортизации. Городищу Тура-тау (по паспорту Тура-Тауское) был присвоен статус объекта историко-культурного наследия федерального значения, датировка и культурная принадлежность памятника определена в рамках I тыс. н. э. (эпоха средневековья).

В древнем башкирском языке слово «тора» означало «крепость, город, укрепленное жилое сооружение». Таким образом, Тура-тау – это «гора с крепостью, гора-крепость». В башкирском эпосе сохранились предания и легенды, связанные с горой. «Торатау – священная гора для племен рода Юрматы, которая имеет удобное географическое расположение, значительную высоту, дающую отличный обзор на десятки километров, большая по площади, ровная и плоская вершина являлись наиболее подходящими условиями для проведения культовых обрядов. Территория вокруг горы, включая и озеро Тугар-Салган, была запретной для ведения хозяйственных работ, она должна была оставаться такой же чистой, как и сама гора, способствуя очищению человеческой души от дурных помыслов. С древних времен у подножия Торатау устраивались праздники, сюда приезжали люди из близлежащих и отдаленных селений, они пели и плясали, готовили на кострах национальные блюда. Именно от горы Торатау мужчины отправлялись на ратную службу. На Торатау поднимались, чтобы проститься с родными местами, и юрматинцы, уходившие на Великую Отечественную войну. И там, на фронте, в жестоких боях они помнили, что сражаются за свой народ, за свой край, за священную гору».

В начале XXI века в связи с возросшим интересом к истории и традициям башкирского народа гора-шихан Тура-тау (Тора-тау) стала объектом поклонения местного населения, экскурсионного посещения.

Визуальный осмотр вершины горы показал, что она имеет два округлых выпуклых «лба» на западном и юго-восточном краю площадки. Западный «лоб» представлен выходами известняка, но между камнями имеется тонкий слой почвы, юго-восточный – задернован. В середине имеется прогиб – седловина, имеющая наклон с юга на север, заполненная почвенным слоем. С запада на восток вершину пересекают тропинки. На площадке городища были зафиксированы многочисленные повреждения поверхности: остатки костров, траншея, ямы и шурфы, заросшие травой, место установки геодезического репера.

В результате осмотра почвенных обнажений на тропинке, расположенной вдоль северной части горы, а также на западном краю вершины был собран подъемный материал.

С целью определения границ городища, а также выявления культурного слоя на территории вершины горы и на ее склонах были заложены шурфы, в некоторых были находки. Стратиграфия практически во всех шурфах единообразна: сверху дерн, под ним залегал темно-серый гумусированный рыхлый суглинок, насыщенный камнем, в нижней части имевший более светлую бурую окраску, материком являлся коренной известняк. Мощность слоя от 10 см до 55 см. В шурфах были найдены фрагменты керамики, кости животных.

В соответствии с «Методикой определения границ памятника» границы городища были определены по ландшафтно-топографическому критерию, то есть вся площадка на вершине горы является территорией памятника.

Коллекция археологического материала насчитывает 208 единиц, из которых 72 ед. подъемного материала, собранного на тропе и на поверхности западной вершины горы. Из них 54 фрагмента керамики, 2 керамических пряслица, 1 ручка от глиняного сосуда, 10 костей животных, 1 камень – нуклевидный кусок кварцита, 2 железных предмета, 1 медный шлак, современная монета. В шурфах было найдено 136 ед., из них 31 фрагмент керамики, 105 костей животных.

Остеологический материал в количестве 107 ед. был обработан к.и.н. Н.В. Росляковой (г. Самара). Результаты определения видового состава костных остатков показали, что все кости происходят от домашних видов: лошади (Equuscaballus) и крупного рогатого скота (BosTaurus). Две кости из шурфа 9 принадлежат зайцу (Lepussp.), но, судя по естественной сохранности костей, они происходят от современного животного. На 50 фрагментах костей зафиксированы следы воздействия огня и на одном фрагменте – след от разруба.

По формам сосудов и их орнаментации и некоторым предметам выделяются комплексы, относящиеся:

– к ананьинской культуре раннего железного века, датированной I тыс. до н. э., в данном случае фрагмент керамики, орнаментированный оттисками шнура, относится к поздней стадии существования ананьинской культуры, к IV–III вв. до н. э.;

– к убаларскому культурному типу, датированному III в. до н. э.;

– к имендяшевской культуре, датированной первой половиной I тыс. н. э.;

– к турбаслинской культуре, распространенной в Приуралье в середине – второй половине I тыс. н. э. Обломок грушевидного пряслица также относится к турбаслинским древностям и датируется V в. н. э. К турбаслинской культуре можно отнести кованый железный стержень, повторяющий формы бронзовых слитков (эквиваленты денег), которые были распространены в середине – второй половине I тыс. н. э. в именьковской культуре, взаимодействовавшей с турбаслинской культурой;

– к памятникам кушнаренковско-караякуповского круга культур, оставленным племенами в VI–IX вв. н. э. В коллекции имеется фрагмент пряслица, изготовленного из стенки импортного кругового гончарного сосуда или фрагмента амфоры, пряслице датируется VII–IX вв. н. э.;

– к чияликской культуре, бытовавшей на территории Татарии и Башкирии в домонгольское и золотоордынское время, в первой половине II тыс. н. э. (конец X – начало XV в. н. э.).

Таким образом, время существования городища определяется эпохой раннего железного века и средневековья и датируется второй половиной I тыс. до н. э. – первой половиной II тыс. н. э. (Антонов И.В., 2017. С. 309–327; Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 23; Археологическая карта Башкирии, 1996. С. 26, 27).

Подводя итоги описанию археологических культур, представленных в материалах городища Тура-тау, следует подчеркнуть, что их носители принимали участие в формировании башкирской народности или являлись предками башкир (племя юмраты).

Городище Тура-тау представляет собой уникальный объект природного и историко-культурного наследия, является символом Ишимбайского района, запечатленный на гербе и флаге города и района.

Следует отметить, что природный и человеческий фактор негативно сказываются на состоянии памятника – объекта историко-культурного наследия. Антропогенное воздействие выражается в разрушении культурного слоя, связанного с постоянным посещением горы туристами и паломниками. Посещают гору и «черные археологи» с металлоискателями, от которых имеются отдельные вкопы. Природный фактор пагубно воздействует: происходит выветривание культурного слоя на возвышенных участках, а наклон площадки с юга на север способствует перемещению культурного слоя по склону, смыву грунта.

Археологическая коллекция городища Тура-тау хранится в фондах Национального музея Республики Башкортостан.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов И.В., 2017. Вопрос об этнической принадлежности носителей чияликской культуры в историографии // Научный диалог. №11. Екатеринбург. С. 309–327.

Археологическая карта Башкирии. 1976. Уфа. 264 с.

История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Вып. 6. Археологические памятники Башкортостана. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.

Материалы и исследования по археологии СССР, 1952. Вып. 27. М.: Изд-во АН СССР. 228 с.

Отчет о выполнении Государственного контракта №2023–01–41/05–11 от 27 июля 2011 г. по разработке методики определения границ территорий объектов археологического наследия. М., 2011. п. 7. 55 с.

Подвески–лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах)

© 2018 Н.А. Лещинская

Аннотация. В научный оборот вводится информация о подвесках-лунницах из погребальных памятников еманаевской археологической культуры бассейна р. Вятки. Рассматривается их потенциал для изучения межкультурных контактов вятского населения в раннем средневековье.

Ключевые слова: подвески-лунницы, раннее средневековье, могильники, Волго-Вятский ареал, межкультурные контакты.

В бассейне р. Вятки, верховьях рр. Большой и Малой Кокшаги, Илети – левобережных притоков р. Волги в ее марийском течении, в раннем средневековье формируется ареал однотипных археологических объектов, которые одни исследователи определяют понятиями «памятники концовского типа» (Е.П. Казаков), поздне- и постазелинские памятники (Д.Г. Бугров), другие выделяют в самостоятельную еманаевскую археологическую культуру (Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская). Культура населения Вятского бассейна этого времени более известна по погребальным памятникам VI–VIII вв., прежде всего, Концовскому VI–VII вв. на правобережье среднего течения р. Вятки, Тат-Боярскому VI–VIII вв. в бассейне р. Кильмезь, левого притока р. Вятки, Шор-Унжинскому VI–VII вв. в бассейне р. Илеть, левого притока р. Волги, могильникам; по материалам из разрушенных некрополей (погребение VI в. у д. Старый Узюм, Антонковские находки VI–VII вв., Лопьяльский могильник VIII–X вв.) и Безводновскому кладу VI в. Некрополи, как правило, небольшие, но вещевой материал их выразителен, информативен по многим сторонам жизнедеятельности средневекового населения бассейна р. Вятки, в том числе по его включенности в систему межкультурных контактов.

На фоне самобытной коллекции предметов, прежде всего, украшений костюмного комплекса, часть изделий еманаевской культуры имеет параллели в других культурных ареалах дальней и ближней территориальной локализации. Показательны в этом отношении подвески-лунницы, которые в прикамской литературе часто упоминаются как подвески-«бельки» (Семенов, 1980. С. 35). На сегодняшний момент на памятниках еманаевской культуры их насчитывается 41 экземпляр. При этом стилистически в коллекции выделяется два варианта изделий. Первый представлен небольшими литыми пластинами из серебра или бронзы, с треугольным выступом внизу, между двумя полушариями (13 экз., Рис. 1: 2–4). На поле изделий фиксируются сквозные отверстия и выпуклые полусферы («жемчужный» орнамент). Все экземпляры имеют в верхней части накладку для использования изделий в качестве подвесок. Подобный комплекс лунниц происходит из женских захоронений VI в., где они входят в систему височных украшений головного убора. Лишь в одном случае изделие найдено в мужском погребении VI в., в области пояса и могло быть подвешено к ремню.

Второй стилистический вариант изделий представлен крупными подвесками из тонких серебряных пластин, с длинным срединным выступом. Основное поле орнаментировано циркульным рельефным орнаментом (Рис. 1:1). В Тат-Боярском могильнике они найдены в двух женских погребениях конца VII – VIII в. (12 экз.). Парные находки лунниц использовались в височных украшениях головного убора; 10 экземпляров, скрепленных кожаным ремешком, составляли нагрудное ожерелье. Находки лунниц (16 экз.) из дореволюционных сборов с Лопьяльского могильника, скорее всего, были частью таких же ожерелий.

Картографирование подобных изделий, первый опыт которого был предложен Е.П. Казаковым (1991), показывает, что еманаевские памятники – это часть более обширного ареала этого стиля украшений. Прежде всего, сюда входят памятники именьковской культуры: по опубликованным данным это не менее 16 экз. с 6 памятников (Казаков, 1991; 1998. С. 108. Рис. 25: 29; 32: 31). Судя по погребальным комплексам, их появление можно отнести к VI в. Именьковские образцы от вятских отличаются, прежде всего, функциональным использованием их в качестве поясных накладок. Возможно, это обстоятельство и схожесть формы накладок с псевдопряжками подтолкнули Е.П. Казакова считать их дериватами последних (Казаков, 1991. С. 19; 1998. С. 108). Подобные поясные накладки-лунницы зафиксированы в нескольких погребениях Бирского могильника (Мажитов, 1968. Табл. 12), встречаются в Новотурбаслинском некрополе (Казаков, 1998. С. 108) в бассейне р. Белой, отличаясь в свою очередь от именьковских практически полным отсутствием треугольного выступа. Вариативность формы накладок-лунниц в турбаслинско-именьковской среде в конце V – середине VI в. может говорить о начальных этапах формирования особого стиля, который реализуется затем в стандартных изделиях еманаевской культуры. Поэтому в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что появление в вятском бассейне моды на подобные изделия было результатом контактов еманаевского населения с именьковской культурой. Как и в случае с некоторыми другими категориями инвентаря, вятское население адаптировало инновацию к своим вкусам, используя их в качестве височных подвесок и наладив их собственное производство (5 фрагментов литейных форм было обнаружено на вятском Буйском городище).

Третий район локализации этих изделий – бассейн р. Чепцы в поломское время: Варнинский могильник (не менее 11 экз.) (Семенов, 1980. С. 35, Табл. VI: 7–11), сбор (2 экз.) с разрушающегося Балезинского могильника (по информации Е.М. Черных). Подвески-лунницы происходят в основном из захоронений VII в., типологически близки вятским изделиям и, скорее всего, появляются на Чепце с вятскими группами населения, которые как компонент участвуют в сложении поломской культуры, о чем уже неоднократно писалось (см. работы В.А. Семенова, Р.Д. Голдиной, А.Г. Иванова, Н.А. Лещинской). Это отчетливо проявляется в погребальном обряде, вещевом и керамическом комплексах. Самые северо-западные находки подобных подвесок-лунниц (2 экз.) происходят с ветлужского могильника на Чортовом городище VI–VII вв. (Никитина, 2002. Рис. 47: 5, 6).

Наиболее сложный вопрос при изучении данного типа изделий – поиск их прототипов. Е.П. Казаков считает их дериватами псевдопряжек, однако комплекс находок в

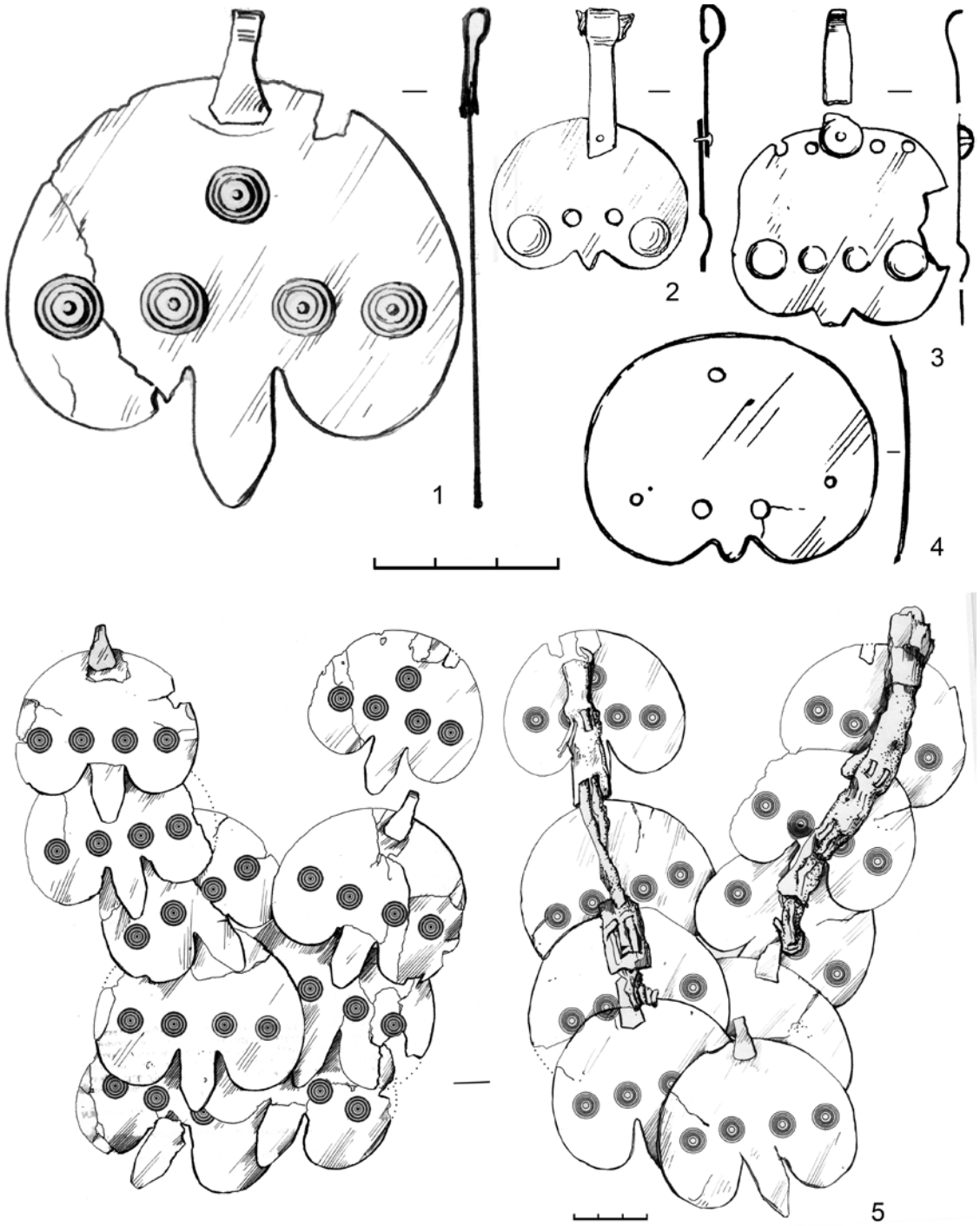


Рис. 1. Подвески-лунницы Тат-Боярского могильника.
1 – погр. 33; 2 – погр. 37; 3 – погр. 40; 4 – погр. 16; 5 – нагрудное ожерелье из жертвенного комплекса погр. 33. 1–3, 5 – серебро, 4 – бронза.

бассейне р. Белой, Среднем Поволжье формируется в предгеральдический период, намного раньше появления в поясной гарнитуре псевдопряжек. Наиболее перспективной на сегодняшний день выглядит гипотеза о генетической связи камско-волжских находок с трехрогими лунницами, зафиксированными на обширных территориях Северной, Центральной, Восточной Европы с римского времени до средневековья (Каргопольцев, Бажан, 1993; Родинкова, 2003). При этом лунницы различаются морфологически, функционально, хронологически, и в этом многообразии сложно выявить прямые аналогии. С.Ю. Каргопольцев и И.А. Бажан связывали появление лунниц в Поволжье и Прикамье с черняховским ареалом (Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 116). Очень близкая по форме серебряная подвеска-лунница происходит из впускного погребения в кургане эпохи бронзы у с. Новая Чигла в Донском Левобережье (Березуцкий, Мастыкова, 2016) с погребальным комплексом втор. трети V – пер. пол. VI в. Авторы выдвигают версию, что лунница из Новой Чиглы является упрощенной формой подвесок-лунниц со «сросшимися» концами и зооморфными композициями, встречающихся на памятниках Венгрии, Дании, Северной Германии в V – пер. пол. VI в. (Березуцкий, Мастыкова, 2016. С. 229–230). Определенные параллели по форме и стилистике можно провести между камско-волжскими лунницами и полукруглыми серебряными подвесками с позднемощинских памятников V – сер. VII вв. Окско-Донского водораздела (Воронцов, 2016. Рис. 3: IV–6; 25: 3–6, 9, 10; 26: 2–8). Схожие элемен-

ты есть и с подвесками-лунницами рязано-окских могильников, которые, однако, формируют особую локальную стилистическую группу. По мнению И.В. Белоцерковской, широкое распространение в Поочье лунниц приходится на втор. пол. IV – V в., возможно начало VI в., а их прототипами были пельтовидные лунницы общеевропейских форм (Ахмедов и др., 2007. С. 193, 195, 204; Рис. 2: 30, 31, 40; Белоцерковская, 2014. С. 196. Рис. 1: 39, 56; 4: 20; 7: 11, 13, 21). В целом, можно сказать, что импульс к формированию камско-волжского ареала лунниц в раннем средневековье получен в результате участия его населения, в том числе вятского, в системе межкультурных, торговых контактов, осуществляемых в бассейнах Днепра, Дона, Оки, Волги. Прямым проводником этой инновации в вятскую среду, скорее всего, могли быть группы именьковского населения, генетически связанные с культурами эпохи великого переселения народов юго-западной части Восточной Европы.

Линию эволюции вятских литых подвесок-лунниц продолжают крупные лунницы к. VII–VIII в., близкие по форме первым, но отличающиеся по технике изготовления, декору и функционалу. Судя по находке нагрудного ожерелья из таких лунниц (Рис. 1:5) в богатом женском жертвенном комплексе Тат-Боярского могильника, вместе с другими серебряными украшениями, фрагментами шелковой ткани, можно утверждать, что они являлись элементом костюма, предназначенного для особого случая. Принцип формирования вятского украшения из лунниц отдаленно напоминает реконструкции нагрудных металлических ожерелий женских уборов из кладов «древностей антов» (Щеглова, 1999. Рис. 15, 18). Сказать однозначно, являлись ли вятские лунницы VIII в. привозными изделиями или изготавливались на месте, пока не представляется возможным. Интересно, что набор украшений тат-боярского жертвенного комплекса близок по составу, декору комплекту серебряных украшений, обнаруженному в дореволюционный период в районе Булгара (коллекция А.Ф. Лихачева, 1868 г.). Однотипность некоторых предметов позволяет предположить, что они могли быть изготовлены в одном центре, но не связанном с культурой ранних булгар (Руденко, 2015. С. 24. Илл. 41). В целом все подвески-лунницы еманаевской культуры фиксируют южное, юго-западное направления контактов вятского населения в эпоху раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА:

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Румянцева О.С., 2007. Культура рязано-окских могильников. Глава 3 // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 113–275.

Белоцерковская И.В., 2014. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Раннеславянский мир. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 184–235.

Березуцкий В.Д., Мастыкова А.В., 2016. Погребение эпохи великого переселения народов на левобережье Среднего Дона // КСИА. Вып. 245. Часть I. М.: Языки славянской культуры. С. 219–243.

Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 221–260.

Казаков Е.П., 1991. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского университета. С. 14–20.

Казаков Е.П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина. С. 97–150.

Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник. №7. СПб.: Изд-во Фарн. С. 113–122.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тысячелетия нашей эры. М.: Наука. 162 с.

Никитина Т.Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.

Родинкова В.Е., 2003. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. Вып. 215. М.: Наука. С. 6–19.

Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: ЗАМАН. 528 с.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при Совете министров УАССР. С. 5–135.

Щеглова О.А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. №5. СПб.; Кишинев; Одесса: Высшая Антропологическая Школа. С. 287–312.

К вопросу локализации «местности Леведия» (памяти А.В. Расторопова)

© 2018 Н.А. Лифанов

Аннотация. В докладе, посвященном памяти исследователя-археолога к.и.н. Александра Васильевича Расторопова (1952–2016 гг.), высказывается гипотеза о связи упоминаемой Константином Багрянородным «местности Леведия» – области обитания ранних мадьяр в IX в. – с группой археологических памятников на территории самарского Заволжья. А.В. Расторопов может считаться одним из авторов данной идеи.

Ключевые слова: А.В. Расторопов, мадьяры, венгры, Леведия, салтово-маяцкая культурная общность.

Раннемадьярская проблематика стала одной из основных в научном творчестве А.В. Расторопова в последний период его жизни. Работа в этой сфере позволяла ему применить накопленный опыт изучения западносибирских древностей на восточноевропейской «почве», соединить в научном исследовании две локации своей биографии: самарскую, где он учился и начинал работать как археолог, и куда в конце концов вер-

нулся, и тобольскую, где и произошло его становление в качестве признанного ученого.

Свои взгляды на проблему происхождения и ранней истории венгров на археологических и нарративных материалах Александр Васильевич успел оформить в серии публикаций (Расторопов, 2003; 2010; 2015). Возможно, данное сообщение станет своего рода дополнением к его исследованиям.

Источниковые данные нарративного происхождения о местоположении «местности, называвшейся Леведия» содержатся в начале 38 главы трактата «Об управлении империей» (другое название, более подходящее по смыслу – «О народах») императора Константина VII Багрянородного. Скудость этих сведений определяла разнообразные трактовки ее территории, помещавшейся исследователями от Приуралья до Побужья.

Накопленные к настоящему времени археологические данные позволяют говорить о наличии на территории западной части Евразийской степи нескольких регионов концентрации памятников (главным образом погребений и отдельных находок) особой культурной общности IX–X вв., характеризующейся своеобразным художественным стилем украшений костюма, предметами вооружения и снаряжения верхового коня, которые имеют аналогии в древностях венгров эпохи «завоевания Родины».

Таковы памятники по обеим сторонам Южного Урала (Халикова, 1976. Рис. 1; Боталов, 1988. С. 129) и междуречья Днепра и Дуная (Комар, 2011. Рис. 9; Рябцева, Рабинович, 2014. Карта 1). Первый из этих регионов ассоциируется с древней прародиной мадьяр Hungaria Magna (Халикова, 1976. С. 152; Боталов, 1988. С. 130–132; Иванов, 1999. С. 81–83), второй же был атрибутирован как территория «местности Ателькузу»/Этелькёз – последнего места расселения венгров в Восточной Европе перед их переходом через Карпаты (Казаков, 2001. С. 56; Расторопов, 2003. С. 125; Комар, 2011. С. 56–69).

Леведия же либо территориально совмещалась с одной их этих областей: с Ателькузу или Hungaria Magna, либо должна была располагаться между этими регионами на хазарской территории в бассейне Дона (Иванов, 1999. С. 98, 105, 108; Казаков, 2001. С. 55–56).

Последнее предположение, впрочем, основывается лишь на единственной находке погребения у с. Воробьевка в междуречье Дона и Хопра. Крайне слабое салтово-маяцкое влияние на культуру «мадьяр Этелькёза» (памятники типа Субботцевского могильника) и Карпатской котловины также не свидетельствует в пользу проживания их в предшествующее время на территории каганата (Комар, 2011. С. 55–56). Полное или частичное же совпадение территорий Ателькузу и Леведии также вызывает резонные сомнения: сторонниками этой версии не приняты во внимание данные исламских источников, сообщающие о двух различных регионах расселения мадьяр в IX в., из которых один действительно близок к «морю Рума» (Черному), другой же соседствует с местами расселения печенегов и болгар-аскел, по всей видимости, к востоку от Волги (Комар, 2011. С. 24–25).

На волжском Левобережье в нижнем течении р. Самары и прилегающих территориях пограничья степи и лесостепи к настоящему времени открыта целая группа археологических памятников, связываемых с культурой ранних мадьяр. Они представляют собой небольшие могильники (у разъезда Немчанка, впускные захоронения одиночного кургана Золотая Нива, пп. 14, 16 и 17 могильника Шелехметь VII; на «23–24 км» у г. Самары) либо отдельные погребения (на «116 км» у г. Самары, Палимовское, Ромашинское, Лебяжинское, п. 7 к. 7 могильника Просвет I). Кроме того, зафиксированы находки деталей поясного набора у с. Марычёвка и фрагментов круглодонной керамики с орнаментом в виде «елочки» или «косой сетки», подобной сосуду из п. 14 Шелехметского VII могильника, на поселениях Ош-Пандо-Нерь и Власть Труда.

Серия данных находок представляется на сегодняшний день уже достаточно компактной и представительной, чтобы более не воспринимать ее лишь в качестве западной окраины Hungaria Magna (Казаков, 2001. С. 55–56) либо следов «мадьярского пути» оттуда на запад (Иванов, 1999. С. 92–93). Первым сомнение в этом высказал А.В. Расторопов (2003. С. 125), предположив, что низовья р. Самары и прилегающие районы стали территорией локализации венгров перед миграцией на запад, в Ателькузу (2010. С. 48).

Такой территорией по данным Константина VII и являлась Леведия. Местоположение ее определяется двумя географическими ориентирами: а) расположением «близ Хазарии», «турки»-мадьяры в ней «жили вместе с хазарами»; б) «в этой местности ... течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус» (Константин Багрянородный, 1989. С. 159).

Первый из ориентиров хорошо соотносится с археологической ситуацией в самарском Заволжье конца VIII – первой половины IX столетий. К этому времени относятся комплексы финального этапа раннесалтовских памятников Самарской Луки: к. 2 могильника Брусяны VII, п. 1 к. 15 могильника Брусяны II и п. 2 р. 2 могильника Новинки I, характеризующиеся уже появлением материалов среднесалтовского времени. Тогда же, по всей видимости, на Левобережье Волги расселяются салтовские кочевники, оставившие курганы с ровиками могильников Урень II и Старомайнский I, Кайбельский могильник и п. 6 к. 2 могильника Бобровка I. В этот же период по обоим берегам Волги на ее ульяновско-самарском участке возникают поселения с салтовской гончарной керамикой.

Видимо, не является случайным здесь целый ряд явлений, указывающих на контакты двух культур: на селищах Ош-Пандо-Нерь и Власть Труда фрагменты салтовской керамики залегают совместно с лепной круглодонной «угорской» посудой; самое восточное из заволжских салтовских погребений – Бобровское – располагается в окружении «мадьярских» комплексов; «угорские» пп. 14, 16 и 17 Шелехмети VII расположены вокруг каменной выкладки над раннесалтовским п. 15; в п. 1 к. 37 Брусян II были обнаружены фрагменты сосудов, формой и орнаментацией напоминающих некоторые экземпляры из Танкеевского могильника.

А.В. Комаром в качестве археологического следа «заволжской Леведии» предполагается Больше-Тиганский некрополь. Можно добавить также близкие ему в культурном отношении Игимский и Чишминский могильники. Данные памятники территориально не смыкаются ни с салтовскими, ни с самарской группой и выглядят по отношению к ней культурно обособленным явлением. Аргументом для А.В. Комара выступает привязка Больших Тиган к р. Каме, чье название якобы отражено в источнике как «Хидмас» (Комар, 2011. С. 24,

56). Отождествление представляет собой явную натяжку, без которой вполне можно обойтись.

На территории Самарского Заволжья в раннем средневековье бытовал гидроним, полностью совпадающий с «Хингилус» трактата Константина VII. Он был зафиксирован весной 922 г. Ахмадом б.Фадланом как «Кюнджюлю» (Ковалевский, 1956. С. 130) или «Кюнджюливу» ([Ахмад ибн Фадлан], 2016. С. 31). Эта река ассоциируется с современной р. Кондурчой, действительно протекающей через область распространения самарской группы раннемадьярских памятников.

Едва ли картина миграции венгров с востока выглядела столь механистично, как в изложении Константина Багрянородного и Венгерского Анонима. Археология демонстрирует участие в ней сразу нескольких разновременных этнокультурных компонентов, в целом ведущих свое происхождение от угорского этнокультурного ареала Зауралья и Западной Сибири (Иванов, 1999. С. 69, 80–81). «Местность Леведия» была, по всей видимости, территорией временного обитания лишь одной или нескольких из таких «мадьярских» группировок.

ЛИТЕРАТУРА

[Ахмад ибн Фадлан], 2016. Книга Ахмада ибн Фадлана, Перевод с арабского и примечания Вяч.С. Кулешова // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Науч. ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Издательский дом Марджани. 560 с.

Боталов С.Г., 1988. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Башкирский ун-т (подготовил Челябинский ун-т). С. 126–140.

Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем. 123 с.

Казаков Е.П., 2001. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Редколлегия: Е.П. Казаков и др. Казань: Мастер-Лайн. С. 53–59.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Харьковский гос.ун-т. 349 с.

Комар А.В., 2011. Древние мадьяры Этелькёза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вип. 7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї / Відповідальний редактор О.П. Моця. Київ: ІА НАНУ. С. 21–78.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М.: Наука. 496 с.

Расторопов А.В., 2003. В поисках родины венгров // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть II / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 124–126.

Расторопов А.В., 2010. Вопросы этнокультурной истории лесостепного Поволжья второй половины I тысячелетия н. э. и миграции населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт. С. 45–49.

Расторопов А.В., 2015. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр // Поволжская археология. №1 (11) / Гл. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фэн. С. 70–90.

Рябцева С.С., Рабинович Р.А., 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 263–279.

Халикова Е.А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. №3. С. 151–156.

Проблемы начальной хронологии древнерусской Вятки

© 2018 Л.Д. Макаров

Аннотация. Из истории создания древнерусской хронологии. Особенности сложения археологических комплексов Вятской земли. Хронология строительных ярусов Хлыновского кремля в исследованиях Л.П. Гуссаковского 1956–1958 гг. и стратиграфических наблюдениях автора 1983 и 1990 гг. Хронология древностей закрытых комплексов из Никулицына и других памятников. Использование метода аналогий. Характеристика комплекса находок Вятской земли домонгольского времени.

Ключевые слова: Вятская земля, методы хронологизации, древнерусские находки.

История создания современной древнерусской хронологии насчитывает ряд этапов (Лесман, 1984. С. 118–122). Началом сложения научных подходов к датированию славяно-русских древностей явились работы А.А. Спицына, сохранявшие свою значимость до второй половины 1950-х гг. Начало работ в Новгороде и частичная публикация материалов Неревского раскопа, в т.ч. дендрохронологии, вызвали их использование при разработке хронологии сельских кладбищ. Однако археологам ГИМ не удалось сузить датировки большинства вещей, а также объяснить разницу в датах с данными А.А. Спицына и с предметами из хорошо датированных слоев Новгорода. Не всегда достаточно надежные результаты дают широко распространенные в археологии методы построения хронологии путем типологического анализа, а также анализа совстречаемости вещей в комплексах. Особенно это касается археологических ареалов, связанных широкими культурными связями с соседями, что характерно для территории государственных образований, в т.ч. и для Древней Руси. Поэтому для установления древнерусской хронологии важна опора на хорошо стратифицированные памятники, датированные с помощью естественных методов, сведений письменных источников, берестяных грамот, данных сфрагистики и нумизматики. Таким опорным памятником и является Новгород Великий.

Новгородская хронологическая шкала, впервые разработанная Б.А. Колчиным в 1958 г., впоследствии была дополнена и уточнена данными дендрохронологии (Кол-

чин, 1958; 1963). Затем, после расширения раскопок и появления новых значительных материалов, хронология была скорректирована (Колчин, 1982). Разницу в хронологии древнерусских дат попытался объяснить Ю.М. Лесман, который в своих публикациях проводил тщательный анализ не только типов вещей, но и их деталей и декора, синхронизируя материалы исследуемых им могильников с данными Новгорода, курганных комплексов, опубликованных А.А. Спицыным и в «Трудах» ГИМ (Лесман, 1981; 1984; 1990). В последние десятилетия раскопки Новгорода успешно продолжались, заново обнаруженный материал вводился в научный оборот, что позволило изменить хронологические рамки бытования ряда типов вещей, например, замков и ключей (Кудрявцев, 2012).

Проблема хронологии археологических находок Вятской земли неоднократно рассматривалась автором, как на примере одного памятника – Хлыновского кремля (Макаров, 1994), так и в целом для всего региона (Макаров, 2012).

Наиболее надежные датировки вещей дали раскопки Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле в 1956–1958 гг. (раскоп I (IV) площадью 115 кв.м и 6 отдельных шурфов общей площадью 67 кв.м). Ученому на раскопе удалось зафиксировать семь настилов бревенчатых мостовых древней улицы, ставших основой для выделения строительных ярусов, а также следы восьмого яруса без замощения улицы, перекрывшего более ранние постройки догородского селища. Археолог предложил хронологическую шкалу выявленных им ярусов, опираясь на стратиграфические наблюдения и находки древних предметов, охвативших период XII–XVI вв. (Гуссаковский, 1999. С. 32–36). Представленная им схема не была принята А.В. Эммаусским, который омолодил датировку строительных ярусов, приняв за основателей города новгородских ушкуйников 1374 г. (Эммаусский, 1971. С. 14–15). Позднее ученый признал факт ранней русской колонизации. Серьезные сомнения в выводах Л.П. Гуссаковского высказал С.Д. Захаров. К сожалению, в древнейших ярусах Хлынова Л.П. Гуссаковскому обнаружить индивидуальные вещи с узкой датой не удалось, но найденная там керамика весьма архаична, представляя домонгольский и раннезолотоордынский комплексы (конец XII–XIII в.) (Макаров, 1994. С. 174–178. Рис. 2: 32–45).

В 1983 г. автору удалось зафиксировать стратиграфию напластований посада и кремля в профилях траншей по ул. Большевиков (Казанская) и ул. Коммуны (Московская) (Макаров, 1999. С. 53–54; 2005. С. 114. Рис. 6; 7). Впервые зарисован разрез укреплений кремля: мощная насыпь вала шириной 13 м, в толще которого располагались внутривальные срубы, забутованные глиной, внешний скат вала обложен дерном, а вдоль его внутреннего края проходила улица, мощеная бревенчатыми (не менее 5–6 ярусов) мостовыми. Но самое важное обнаружено под валом: материк, перекрытый погребенным дерном с лесной подстилкой (хворост, еловые шишки, хвоя), поверх которого отложились фрагменты бревен и плах, а также часть дощатого настила и скопление древесного строительного мусора (щепа, обрубки жердей и бревен). Судя по всему, это остатки древнейших укреплений города, описанных «Повестью о стране Вятской»: «...Построены жития жителей тех кругом града храмины друг подле друга в близости задними стенами ко рву ставлены вместо городовой стены...» (Повесть..., 1905. С. 36, 37). Между этими остатками и валом зафиксирован культурный слой толщиной до 25 см, но без датирующих находок (кости птицы и животных, шлак, обрывок бересты, фрагменты дерева). Поэтому установить его датировку, а значит и время возведения первоначальных крепостных сооружений по этим остаткам не представляется возможным. К сожалению, имевшийся у Л.П. Гуссаковского весьма емкий запас археологической древесины Хлынова не был им использован, очевидно вследствие недостаточно качественного ее состояния. Таким образом, разработка дендрохронологической шкалы города не состоялась.

В 1990 г. мы провели раскопки на территории кремля г. Хлынова в 15 м к югу от Архиерейских палат на площади 9×9 м (81 кв.м) (Макаров, 1994. С. 175–178; 1999. С. 55). Однако здесь четкой стратиграфии проследить не удалось, т.к. значительная часть вскрытого участка была разрушена поздними сооружениями и, кроме того, имела значительный уклон к оврагу. Тем не менее в ранних слоях обнаружены надежно датирующие вещи, в частности, 2 бусины: в предматериковом – зонная темно-серого (черного?) стекла второй половины XI – первой половины XIII в. и несколько выше – янтарная плоскоовальная XIV – середины XV в., а также лепная и раннекруговая древнерусская керамика домонгольского-раннезолотоордынского времени и домонгольская кувшинообразная нижневолжская посуда (Макаров, 1994. С. 175–177. Рис. 3; 5). Еще одна ранняя бусина – глазчатая цилиндрическая желтого стекла XI – первой половины XIII в. – найдена в переотложенном состоянии.

Из других памятников с ранними комплексами находок выделяется Никульчинское городище – древнейший город на Вятке. Здесь Л.П. Гуссаковским исследовано сооружение 2, бывшее в XIV–XV вв. сыродутным горном, остатки которого перекрывали более раннюю двуслойную яму «К». Верхняя ее часть конца XII – первой половины XIII в. была отделена от горнового слоя стерильной прослойкой и, по существу, является закрытым комплексом с находками керамики курганного типа и вещей. В числе последних железные предметы: копье X–XIV вв., два ножа (один изготовлен в технике трехслойного пакета X–XIII вв., второй с костяной рукояткой), стержневидный псалий от удил XIII в., ножницы XIII в., пробой, части цепи, булавка для прялки, кольцо, фрагмент калачевидного кресала с язычком X–XII вв., а также обломок костяного кочедыка и два каменных пряслица. Ниже, также через стерильную прослойку, в придонной части ямы обнаружены дорусские находки X–XII вв. (Макаров, 2001. С. 184. Рис. 1; 2). Всего на городище зафиксировано несколько десятков ям и сооружений, большую часть которых удалось датировать и в итоге выявить неоднократные перемены в планировке и застройке поселения.

Аналогичный ранний материал получен на других городищах (Ковровском, Подчуршинском, Кривоборском, Вятском, Котельничском и Орловском) и нескольких селищах. К этому же времени относятся отдельные могильники (Еманаевский, Шабалинский, Никульчинский I, Усть-Чепецкий). Обращает на себя внимание лепная и раннекруговая керамика, являющиеся зачастую единственным материалом на сельских поселениях по Вятке и ее притокам – Моломе, Пижме, Вое и далее вниз по реке.

Датировка большинства древнерусских памятников региона основана на материалах многолетних раскопок археологических объектов на коренных древнерусских

территориях, преимущественно по аналогиям с материалами Новгорода, погребальных комплексов сельского населения, отчасти на местных финно-пермских находках. Хронологию археологических предметов Вятской земли автор прослеживает по основным категориям находок, хотя, конечно, той массовости материала, которая присуща новгородским древностям, здесь нет и, за редким исключением, мы имеем дело с единичными экземплярами. Тем не менее, попытка хронологизации вятской коллекции вполне оправданна. Выбор категорий предметов обусловлен в основном более или менее узким интервалом их бытования. Всего в перечень находок попало более 170 вещей, дающих наглядное представление о хронологии русских древностей со времени появления здесь русских поселенцев и до конца XV в.

Что касается начальной даты заселения бассейна Средней Вятки выходцами с территории Руси, то и здесь данные хронологии смотрятся достаточно красноречиво. Целый ряд типов вещей (7) датируется достаточно узким временным интервалом, верхняя граница которого приходится на вторую половину XII в.: калачевидные кресала с язычком; бронебойные в виде кинжальчика наконечники стрел; бронзовые ременные разделители – тройники; крупная подвеска-бубенчик; зонная серо-голубая глухого стекла бусина; подвеска-идол; подвеска в виде лезвия топорика. На рубеж XII–XIII вв. – первую половину XIII в. укладываются 24 типа вещей, характеризующих домонгольское время: нож с продольным желобком у основания спинки в технике косой наварки с широкой стальной полосой лезвия, что характерно для вещей XII–XIII вв.; ключ от замка типа А; калачевидное кресало без язычка; наконечники стрел: килевидный с длинной шейкой, ромбовидные с расширением в середине длины пера, шиловидные ромбического сечения; топор-клевец с секторовидным лезвием и острым обухом ромбического сечения; топор-секира монгольского происхождения; шпоры типа V с шипами типа К и петлями типа 7 (по А.Н. Кирпичникову); фрагмент монетовидной подвески с бордюром по краю и круглыми углублениями вдоль него; фрагмент подковообразной спиралеконечной фибулы круглого сечения; перстень узкопластинчатый гладкий замкнутый; бусы: глазчатая цилиндрическая желтого глухого стекла, зонная темно-серая (черная?) глухого стекла, боченковидная глухого черного стекла со спирально-волнистыми витками белого цвета, хрустальная эллипсоидная уплощенная; железные поясные накладки (круглая и сердцевидная) с подвижным кольцом, близкие предметам «аскизского круга»; бронзовая бляшка выпуклая со шпеньком; гирька весовая свинцовая (1,683 г); бронзовая языческая привеска-ложка; створки энколпиона с прямыми углами средокрестия и медальонами на концах осей и зеркальными надписями, отлитые в 1230-х гг. Остальные типы вещей бытовали позднее: 63 – в раннезолотоордынское время (вторая половина XIII – первая половина XIV в.), 78 – в позднезолотоордынский период и в Новое время (вплоть до XVI–XVII вв.) (Макаров, 2012. С. 516).

В заключение отмечу: проведенное исследование по хронологизации вещевых комплексов археологических памятников Вятской земли XII–XV вв. позволяет с высокой долей надежности утверждать, что начало русского заселения региона началось со второй половины – конца XII в.

ЛИТЕРАТУРА

Гуссаковский Л.П., 1999. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы Международной конференции. Киров. С. 32–40.

Колчин Б.А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА №2. С. 92–111.

Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. №117. С. 5–103.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Кудрявцев А.А., 2012. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. №4. С. 119–124.

Лесман Ю.М., 1981. К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // КСИА. Вып. 166. М. С. 98–103.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 118–153.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 29–98.

Макаров Л.Д., 1994. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 166–189.

Макаров Л.Д., 1999. История археологического изучения города Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы Международной конференции. Киров. С. 48–57.

Макаров Л.Д., 2001. Ремесленные мастерские Вятской земли XII–XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск. С. 184–207.

Макаров Л.Д., 2005. Археологическое изучение крепостных сооружений древней Вятки (г.Хлынова) // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск. С. 111–119.

Макаров Л.Д., 2012. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 494–542.

Повесть..., 1905. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец) // Тр. ВУАК. Вып. III. Отд. II. С. 12–52.

Эммаусский А.В., 1971. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова): Учебное пособие. Киров. 44 с.

Бронзовые пронизки с образом собаки-птицы в историко-культурном пространстве Приуралья (лес-степь)

© 2018 А.Ф. Мельничук, А.А. Ракшин

Аннотация. Проведена картография бронзовых пронизок с образом собаки-птицы на территории Приуралья. Подавляющее их количество отмечено в ареалах древнепермских ломоватовской, неволинской, поломской и ванвиздинской культур, где они и производились. Лишь единичные предметы связаны с бахмутинскими и караякуповскими погребальными комплексами, где захоронены женщины, сохранявшие в чужой этнической среде традиционный костюм, характерный для культур лесного Прикамья.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, средневековье, декоративные украшения.

Изделия пермского звериного стиля распределяются на классическое культовое сюжетное (плакетное) и прикладное образное декоративное (костюмная гарнитура) литье. Среди декоративных предметов раннесредневекового приуральского художественного литья выделяются бронзовые пронизи с изображением собаки-птицы, которые выполнены в едином иконографическим стиле с небольшими индивидуальными чертами на ряде украшений (Липина, 2010. С. 163). Впервые на необычность этих изображений, которые воспринимались как кричащие птицы, обратил внимание Д.Н. Анучин. Он рассматривал их как пернатых с головой дракона, на формирование образа которого в средневековом искусстве Прикамья влияли найденные в регионе изделия среднеазиатской (сасанидской) торевтики с изображениями крылатых мифических существ (Анучин, 1899. С. 119, 120, 154. Рис. 127), являвшиеся, по К.В. Тревер, изображением древнеиранского Сэнмурва (Тревер, 1937). Точку зрения Д.Н. Анучина о переработке образа священного древнеиранского крылатого пса с сасанидской драгоценной утвари в пермском декоративным искусстве прикамскими мастерами развивал В.А. Оборин (Оборин, 1976. С. 21–22). Н.А. Мажитов определял эти украшения как подвески «в виде фигуры птицы с изображением головы медведя» (Мажитов, 1993. С. 127. Рис. 7 б).

Географически пронизи с изображением собак-птиц преобладающе распространены на территории таежного Приуралья. К востоку от уральского хребта на средневековых памятниках, ассоциируемых с культурами древних угров, этих украшений не найдено.

На территории Приуралья выявлено 110 изделий с образом собаки-птицы. Основным центром изготовления и распространения этих украшений в декоративной пластике региона является Верхнее Прикамье (95 экз. – 86 %). Из них весомая часть предметов (13 экз. – 14 %) найдена в ломоватовских некрополях верховьев р. Камы в пределах Кировской области (Голдина, Кананин, 1989. Рис. 55: 84). Следует отметить, что 9 изделий (9 %), локализуемых в регионе, не имеют точных паспортных данных. Таким образом, большинство пронизок с изображением собак-птиц (67 экз. – 61 %) реально соотносится с ареалом памятников ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье. Эти образные украшения больше всего отмечены на северных ломоватовских памятниках (47 экз. – 70 %): Афанасьевский район Кировской области, Гайнский, Косинский, Чердынский районы Пермского края. Из них подавляющее количество (44 экз. – 94 %) выявлено в локальном районе верхнего течения р. Камы (Афанасьевский и Гайнский районы). Наибольшее число этих художественных пронизок (24 экз. – 51 %) найдено при исследовании некрополя Агафоново I (Голдина, Королева и др., 1980). Крайне малое число этих изделий в пределах Чердынского района, который являлся одним из центров изготовления сюжетных плакеток пермского звериного стиля, очевидно, обусловлено более объемным изучением ломоватовских могильников с яркими комплексами агафонковской стадии на северо-западе Верхокамья (Агафоново I, Аверино, Щукино), в то время как такие мощные погребальные комплексы близ г. Чердыни как Малое Аниково, Редикор исследовались отрывочно и бессистемно. В южном ареале ломоватовской культуры ниже устья р. Яйвы (Иньвенско-Обвинское междуречье, Пожва, Висим) выявлено 20 экз. украшений с образом собаки-птицы (30 %). Значительная группа художественных пронизок (19 экз. – 17 %) выявлена в бассейне. р. Сылвы (неволинская культура), где по находкам этих ярких предметов (11 экз. – 58 %) выделяется некрополь Неволино (Голдина, Водолаго, 1990. С. 171). Представительная группа пронизок с изображениями собак-птиц (11 экз. – 10 %) отмечена на территории Удмуртии (бассейн р. Чепцы) в погребениях поломской культуры (Семенов, 1980. Табл. VII–VIII). Единично эти зооморфные украшения найдены в Северном Приуралье на территории республики Коми в ареале ванвиздинской культуры (2 экз. – 2 %). Таким образом, 98 % всех пронизок с образами собак-птиц выявлены в пределах культурных образований таежного Приуралья (Ломоватово, Полом, Неволино, Ванвиздино), на древнепермскую языковую принадлежность которых указывают основные их исследователи (Голдина, Савельева, 2010). Этот количественный индикатор убедительно совпадает с распространением в древнепермских культурах сюжетных плакеток с образами человеколосей (98 %) и ящеров (95 %) (Мельничук, Ракшин, 2016а. С. 98; 2016б. С. 252).

За пределами древнепермских культур отмечено только две находки этих художественных украшений в Башкортостане, где они найдены в погребальных комплексах караякуповской культуры (Бирск – бахмутино, по Н.А. Мажитову, Маняк), этническая принадлежность которых до сих пор точно не определена: то ли протомадьяры (В.А. Иванов), то ли протобашкиры (Н.А. Мажитов). В Верхнем и Среднем Прикамье пронизки с изображением собак-птиц являются ярким маркером агафоновской стадии ломоватовской, бартымской стадии неволинской и варнинской стадии поломской культур, хронология которых на основе объективных источников, особенно по монетам, определена в пределах конца VI–VII в. В Башкортостане, судя по находке прикамского украшения с хорезмийской монетой середины VIII в., эти изделия могли сохраняться в обращении более продолжительное время (подарок, наследство и т. д.). Таким образом, пронизки с рельефом собак-птиц не являются в древнетюркской или протомадьярской среде этническим маркером женского костюма. Картография показывает, что эти образные деко-

ративные украшения производились на территории таежного Прикамья древнепермским населением и попадали в область кочевых угорских или тюркских общин в результате брачных отношений и военных набегов номадов. Таким образом, носителями этих украшений, очевидно, являлись женщины из поломских, неволинских или даже ломоватовских общин.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н., 1899. К истории искусства и верований у приуральской чуди // МАВГР. III, М. С. 87–160.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во УрГУ. 216 с.

Голдина Р.Д., Савельева Э.А., 2010. Пермские народы в эпоху железа (по археологическим данным) // Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum. P.I Orationes plenariae. Piliscsaba. P. 33–104.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С. 3–66.

Липина Л.И., 2010. Прикамские трубчатые пронизки с изображением собаки-птицы (технологический аспект) // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск: Удмуртский университет. С. 163–169.

Мажитов Н.А., 1993. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С. 119–140.

Мельничук А.Ф., Ракшин А.А., 2016а. Сложные культовые (плакетные) образы пермского звериного стиля с изображением человеколосей и их место в историко-географическом пространстве Урала и Западной Сибири // Седьмые Берсовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: КВАДРАТ. С. 253–258.

Мельничук А.Ф., Ракшин А.А., 2016б. Образ ящера в искусстве населения таежного Приуралья: распространение, происхождение, этнокультурная принадлежность // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск. С. 251–253.

Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Кн. изд-во. 190 с.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С. 5–135.

Тревер К.В., 1937. Сенмурв-паскудж. Собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж. 74 с.

Аспекты здоровья дореволюционного населения г. Самары по антропологическим материалам Всесвятского некрополя (исследования 2013 года)

© 2018 А.Ю. Мефодьева

Аннотация. В данной статье приводится краткая историческая справка о некрополе Всесвятский, исследования которого проводились в 2013 году, а также на основе анализа антропологического материала памятника даются демографические данные и характеристика патологий, обнаруженных на скелетах погребенных.

Ключевые слова: Всесвятское кладбище, демография, патологии, дореволюционное население г. Самары.

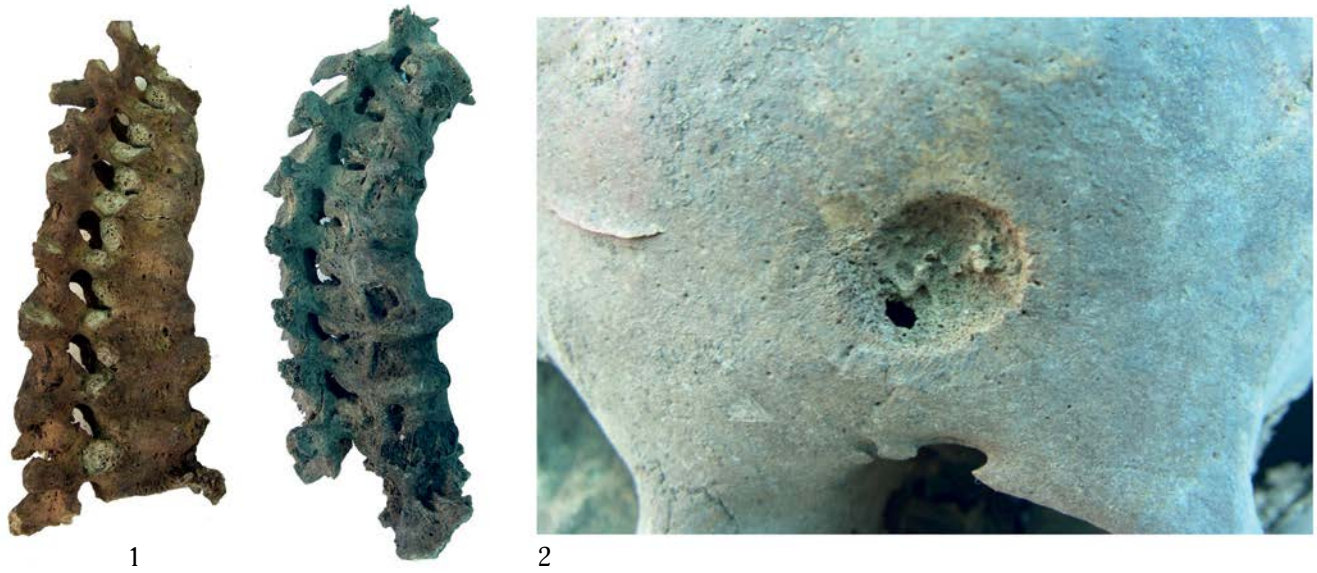
Территория Всесвятского кладбища расположена в центральной части города. В 2013 году отрядом ООО «Гефест» под руководством В.А. Цибина была обследована часть, находящаяся к востоку от железнодорожного вокзала, примыкающая с юга к полосе расположения железнодорожных путей (Цибин, 2013. С. 17).

Всесвятское кладбище обязано своим появлением плану Самары 1840 г., который определил его положение за современной ул. Спортивной. В соответствии с этим планом действующее на тот момент Покровское кладбище оказалось в черте города. В связи с этим горожане обратились в городскую Думу с просьбой об отведении земли под новое кладбище, что и было сделано. В 1853 г. было отведено место для нового кладбища (Всесвятского) площадью около 17 десятин (220×187 сажен), а в 1857 г. был составлен его план. Свое название кладбище получило по имени каменной во имя Всех Святых церкви (построенной в 1865 г.), стоявшей когда-то недалеко от его входа.

В отличие от других самарских кладбищ оно имело конфессиональные участки: существовали старое и новое православные кладбища, единоверческое, старообрядческое, римско-католическое кладбище, караимское (секта в иудаизме) кладбище, старое и новое татарские (мусульманские) кладбища, кладбище субботников, кладбище молокан. Еще в середине 60-х гг. XIX в. лютеранская община приобрела на свои средства здесь участок под свое кладбище. Спланированное на площади в 1,5 десятин, кладбище (сейчас на его территории парк им. Щорса) было обнесено рвом и валом, имело колодец, флигель сторожа, «представляя собой вид прекрасного, цветущего сада».

Весь комплекс Всесвятского кладбища тянулся от полотна железной дороги, через нынешнюю Комсомольскую площадь по ул. Спортивной до перекрестка с ул. Вилоновской и по нынешней ул. Урицкого – на восток. На кладбище находился кладбищенский храм во имя Всех Святых, городской морг и Константиновская богадельня.

Кладбище было разрушено в несколько этапов. К 1930 г. практически прекратилось массовое захоронение на всех участках кладбища, т.к. были открыты новые городские кладбища (в районе нынешних улиц Лунной и Партизанской); были уничтожены единоверческое и часть старого православного кладбища. В 1930–193 гг. уничтоженные участки кладбищ были переданы заводу №9 и железной дороге. Окончательно комплекс Всесвятских кладбищ был разорен и снесен к 1947 г., когда на части территории появился парк, остальная площадь



1 2

Рис. 1. 1 - участок 1, п. 193 (слева) и подъемный материал (справа), болезнь Бехтерева; 2 - участок 3, п. 115, сифилитические гуммы на черепе (третичный сифилис).

была застроена домами (изгиб ул. Красноармейской) (Цибин, 2013. С. 17–18).

После раскопок 2013 года А.А. Хохловым был проанализирован полученный антропологический материал. Всего был исследован 1371 скелет: 904 происходят из грунтовых захоронений, 22 – из склеповых сооружений и 443 – из переотложенных погребений. По результатам исследования погребений, 409 скелетов принадлежало мужчинам, 248 женщинам, 181 детям и подросткам (менее 15–16 лет). Среди переотложенного материала 312 скелетов принадлежало взрослым (169 мужчинам, 143 женщинам) и 125 скелетов подросткового и детского возраста. С разрешения А.А. Хохлова мы повторно проанализировали отчетные данные.

Суммарный результат показывает, что на данном исследованном участке среди исследованных скелетов (всего 1371) – 306 (22,3 %) принадлежало подросткам и детям. От оставшихся (1065 зрелого возраста) – 96 (9,0 %) скелетов по морфологическим критериям в отношении пола неопределимы. Мужчины (578 ск. – 59,6 %) и женщины (391 ск. – 40,4 %) распределились в соотношении друг к другу, как 1,47/1, то есть мужчин примерно в 1,5 раза больше.

На скелетах отмечались патологические изменения. Большинство из них относилось к нарушениям функций соединения костей и суставов. Незначительные остеитные разрастания по краям костей в месте их соединений явление нередкое и часто связывается с инволютивными процессами (постарением и изношенностью) – их можно обнаружить практически на любом скелете возраста выше 40–45 лет. С причинами, в том числе инволютивного происхождения, связывают остеохондроз, чаще фиксируемый в шейном и поясничных отделах позвоночника.

В 8 случаях был зафиксирован деформирующий артроз (ограничение подвижности, развитие хромоты). К заболеваниям позвоночника, имеющим для человека перспективу частичной парализации тела, относят окостенение отделов позвоночника, срастание между собой позвонков, окостенение продольной связки, окостенение позвонков в области выхода нервов. Зафиксировано в 5 случаях. Особым случаем такой патологии является срастание между собой позвонков в единый костный блок (болезнь Бехтерева – 3 случая), ведущее к полной инвалидизации, практически обездвиживанию (Рис. 1: 1). Здесь можно отметить, что не встречено ни одного случая одностороннего уплощения тел позвонков – свидетельства об искривлении позвоночника в какую-либо из сторон – случаев сколиоза. Это важно с точки зрения сравнения с современностью, где число сколиозов немалое в связи с неправильной организацией формирования физической осанки школьников в процессе обучения.

Поражения поверхностной ткани длинных костей скелетов (периостит – 23 случая) в виде хорошо выраженной продольной исчерченности этих участков и их некоторого набухания. Часто заболевание объясняют нарушением питания костной ткани через кровь, то есть в связи с разными причинами (обычно неполноценным питанием) нарушены метаболические процессы. Можно отметить 5 случаев рахита, который обычно связывают с неполноценным питанием.

Сифилис – порозные ямки с пораженными остеопорозом участками вокруг них – третичный сифилис, встречается на разных костях скелета. Зафиксирован в 4 случаях (Рис. 1: 2).

Травмы встречены в 17 случаях. Обычно зажившие – сросшиеся переломы костей. Иногда сложные переломы, вызвавшие тяжелые деформирующие артрозы. Эти травмы скорее бытового характера.

Нередки примеры битемпорального посмертного вскрытия мозговой коробки – обычно в моргах с целью изучения состояния мозга на предмет причины летального исхода.

Наиболее частое проявление патологий связано с зубочелюстным аппаратом, а именно кариес – практически у каждого индивида старше 25–30 лет. Также можно отметить зубной камень, обычно незначительный, однако есть единичные случаи сильно развитого (Хохлов, 2013).

На основании полученных результатов мы можем сформулировать некоторые выводы:

1. Среди отмеченных патологий достаточно большая встречаемость периостоза длинных костей, что может сви-

детельствовать о довольно высоком инфекционном фоне для развития заболеваний крови.

2. Суставные патологии скорее всего инвалютивного характера, обычно связываются с увеличением возраста человека и не могут считаться следствием негативного социального и экологического окружения.

В целом наблюдаемые дефекты не имеют массового характера, что позволяет рассматривать их частоту встречаемости в рамках нормы для городской популяции г. Самары XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

Хохлов А.А., 2013. Антропологический материал некрополя Всесвятский // Цибин В.А. Отчет о раскопках на объекте культурного (археологического) наследия «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище в г. Самара в 2013 году по открытому листу №604 в X томах. Том V. Приложение 1. Самара.

Цибин В.А., 2013. Отчет о раскопках на объекте культурного (археологического) наследия «Кладбище новое православное, немецкое, военное, старое кладбище православное» – Всесвятское кладбище в г. Самара в 2013 году по открытому листу №604 в X томах. Самара.

Особенности техники изготовления средневековых перстней с памятников Пермского Предуралья

© 2018 К.В. Моряхина

Аннотация. Изучение ювелирного ремесла в последнее время стало актуальным направлением археологических исследований вследствие применения естественнонаучных методов исследования, таких, как трасология, металлография. Рассмотрение техники изготовления отдельных категорий изделий и обобщение полученных данных позволит реконструировать в целом развитие ювелирного ремесла. В данной статье представлены результаты изучения перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья. Делается вывод об используемых технологических приемах и их применении в определенный хронологический период.

Ключевые слова: перстни, техники изготовления, декор, средневековье, Пермское Предуралье.

Перстни становятся элементом костюма средневекового населения Пермского Предуралья с VII в. На памятниках эпохи Великого переселения народов данная категория украшений не представлена. Первые варианты перстней – это щитковые перстни со вставкой, шинка и щиток которых отливались по отдельности и потом скреплялись путем пайки. Вставка крепилась при помощи мастики.

Начиная с VIII в. и вплоть до XIV в. основной техникой изготовления перстней становится литье по восковой модели. Изделия имеют типичные признаки применения такой техники: высокое качество изделия и орнамента на нем, отсутствие литниковых швов (Рыбаков, 1948. С. 158), а также неидентичность орнамента, диаметра шинки, толщины щитка на однотипных изделиях. Использование восковой модели для изготовления перстней обуславливает их форму – цельнолитые изделия, в которых шинка отливается вместе со щитком и имеет неразъемные концы.

С конца VIII до X в. литье по восковой модели является единственной техникой изготовления, применяемой для изготовления перстней. А сами изделия представляют устойчивые варианты, распространенные по всей территории Пермского Предуралья и пользующиеся популярностью среди местного населения – цельнолитые перстни со вставкой («салтовского типа»), с пуговкообразным и ромбическим щитками. Менее популярными были шумящие перстни, основа (сам перстень) которых и привески отливались по отдельности и скреплялись механическим способом. Верхнее звено привески отливалось в виде прямого штырька, который затем сгибался вокруг кольца для привесок на перстне. Орнамент на перечисленных выше украшениях был весьма простой – насечки, повторяющийся ромб. В качестве вставки на перстнях «салтовского типа» использовали сердолик, стекло, бусины.

В IX в. на северных памятниках Пермского края появляется новый тип перстней – широкосерединные перстни с имитацией зерно-сканного декора, которые датируются IX–XI вв. Щиток таких перстней складывался из восковых деталей: восковых шариков зерни, восковых переплетенных веревочек. Подобным способом изготавливаются литые перстни в виде колпачка X–XI вв. (такие перстни изготавливались в подражание кованых перстням-«колпачкам») и шумящие перстни XI в. Только в данном случае восковые детали укладываются на восковую пластинку, так сказать, основу щитка.

Среди ранних вариантов перстней встречаются импортные варианты, которые изготовлены с применением ковки. Конструктивные элементы серебряных перстней с янтарной вставкой изготавливались по отдельности и затем спаивались: шинка отливалась, основа щитка и бордюр для вставки проковывались.

С X в. перстни становятся разнообразными по оформлению и технике изготовления. Наряду с литьем используются такие формообразующие техники, как ковка, волочение, вырезание по шаблону.

Ковка могла использоваться для изготовления как простых, так и сложных изделий. С применением ковки делали бесщитковые перстни, датируемые X–XIII вв. Такие перстни никак не декорировались, концы шинки оставались свободными.

В X–XI вв. среди населения Пермского Предуралья пользовались популярностью перстни-«колпачки». Для изготовления таких перстней мастерам приходилось применять литье для создания шинки, ковку – для основы щитка, дифовку – полусферы-«колпачка». В качестве декоративных элементов использовали зернь, торсированную проволоку, вставку, которая крепилась при помощи мастики на вершине щитка. Вставка была из красного или синего стекла. Из пирамидок зерни 4×4 укладывался основной узор. Со временем размер щитка увеличивался, пирамидки стали складываться из зерен 5×5 и дополнительно рас-

полагались «маленькие» пирамидки 2×2. Использование торсированной проволоки носило вспомогательный характер с целью сокрытия места пайки и обрамления каста для вставки. Несмотря на сложность изготовления таких перстней, они встречаются в большом количестве на памятниках Пермского Предуралья (в основном в могильниках) и составляют 21,5 % от общего количества перстней. Это указывает на достаточно высокий уровень развития ювелирного ремесла.

Зерно-сканный декор встречается также на перстнях XI в. с круглым щитком. Зернь располагалась симметричными пирамидками, торсированная проволока обрамляла края щитка и разделяла его на две половины.

На обоих вариантах перстней свободное пространство щитка могло дополнительно покрываться золочением. Изделие покрывалось тонким слоем золота путем распыления.

В XII–XIII вв. используется ковка для изготовления кованых серебряных пластинчатых перстней. Появление таких перстней в Пермском Предуралье связывается с влиянием булгарских мастеров (Руденко, 2015. С. 101). Пластина-основа расковывалась из серебряного литого бруска или проволоки. Орнамент наносился первоначально при помощи чеканки пуансоном с плоской формой боя размером примерно 0,5 мм. Последовательными ударами создавался узор в виде окружности или волнистых линий.

С XIII в. чеканка заменяется на гравировку, при помощи которой создается орнамент в виде плетенки или пересекающихся линий. Гравировка наносилась линейным, поперечно-линейным или зигзагообразным шагом при помощи специального инструмента – штихеля. Линейный шаг применялся для подготовки контура рисунка и создания бордюра в виде широкой линии, поперечно-линейный и зигзагообразный шаги – для нанесения рисунка и бордюра в виде рубчатой линии. Опираясь на классификацию штихелей, предложенную Т.И. Макаровой (Макарова, 1986. С. 10), можно предположить, что в Пермском Предуралья использовали инструменты с острыми зубцами или зубцами в виде прямоугольника.

На серебряных пластинчатых перстнях наносился только узор, но и декорировался фон чернением или чернением и золочением. Поверхность щитка специально подготавливалась под фон – поверхность углублялась путем процарапывания. На пермских перстнях чернение наносилось тонким слоем, поэтому редко сохраняется в первоначальном виде. На изделиях XIII в. чернением и золочением мог покрываться и сам рисунок. Сочетание чернения и золочения на одном изделии считается отличительной особенностью пермских изделий в сравнении с булгарскими. После проведения операций по нанесению декора шинка перстня сгибалась по форме пальца, и ее концы скреплялись при помощи пайки.

В XI–XIV вв. для изготовления спиралевидных перстней использовалась волоченная проволока. Проволоку, предварительно нагретую, изготавливали путем протаскивания через конические отверстия разного диаметра, сделанные в специальной доске. Обнаруженные такие доски на памятниках Пермского Предуралья (Анюшкарском и Рождественском городищах) были сделаны из кости (Крыласова, 2012. С. 112; Материальная культура ..., 2010. С. 80). Полученная проволока обматывалась в несколько оборотов вокруг деревянной болванки, образуя готовое изделие. Для аналогичных перстней проволока могла изготавливаться иными способами: литьем, свободной ковкой (без использования наковальни с желобком).

В XI–XII вв. для изготовления перстней применяется техника вырезания по шаблону. Из тонкой отлитой платины при помощи зубила вырезался контур изделия, после чего он подвергался косметической доработке – края его дополнительно обрабатывались с целью сглаживания заусениц и неровностей. На таких перстнях встречается орнамент в виде пересекающихся линий или лабиринта, нанесенный путем гравировки. Шинка изделия сгибалась на финальном этапе, и концы ее оставались свободными. Техника не получила распространения, причиной тому могла быть хрупкость изделия.

Один перстень – широкосерединный с орнаментом в виде цветочка, датируемый XI–XIII вв., был создан путем тиснения. Такая техника практически не использовалась для изготовления перстней, но широко применялась для получения медальонов.

Как уже было сказано, литье на протяжении всего средневековья было основной техникой изготовления перстней. В X–XIV вв. литые изделия встречаются наравне с другими. Применение данной техники не претерпевает особых изменений. И, в отличие от Древней Руси (Рындина, 1963. С. 266), пермские мастера не переходят на использования жестких форм для отливки перстней. Зато в этот период усложняется орнамент на перстнях – на литых перстнях орнамент стал не только отливаться вместе с изделием, но используется гравировка для нанесения завитков, рубчатых линий или расходящихся линий в виде веера.

Изучение техники изготовления отдельных категорий изделий позволяет реконструировать в целом развитие ювелирного ремесла. Таким образом, анализ применяемых техник показал, что литье было самым распространенным способом изготовления перстней. В X в. происходят качественные изменения в ювелирном ремесле Пермского Предуралья – усложняются способы изготовления перстней и нанесения на них декора – используются литье, ковка, волочение, вырезание из платины, тиснение, чеканка, гравировка, зернь и торсированная проволока. Использование определенного декоративного приема является хронологическим маркером. Так, зернь и торсированная проволока встречаются на перстнях в X–XI вв., чеканка – в XII – начале XIII в., гравировка на кованых перстнях – в XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. №117. С. 200–268.

Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман. 528 с.

Материальная культура средневекового Предуралья, 2010 / под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ. 189 с.

Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука. 156 с.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 792 с.

Крыласова Н.Б., 2012. Отчет о раскопках городища и могильника у с. Рождественск Карагайского района Пермского края в 2011 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.

Новые типы керамики эпохи средневековья на крайнем северо-востоке европейской части России

© 2018 А.М. Мурыгин

Аннотация. Сравнительный анализ археологических источников позволил очертить круг аналогичных поселенческих комплексов второй половины I – первой половины II тыс. н. э. Субарктической и Арктической зон северо-востока Европы, предположительно определив их как родственные локальные группы населения эпохи позднего железного века.

Ключевые слова: крайний северо-восток европейской части России, бассейн Печоры, Арктика, Субарктика, археологические памятники, эпоха средневековья.

Территория исследования лежит преимущественно в пределах зоны тундр и лесотундр крайнего северо-востока Европы и по административному делению соответствует Ненецкому автономному округу и прилегающим с юга районам Республики Коми.

Обобщение керамических материалов I тыс. н. э. этой обширной области привело к выводу о культурном единстве их носителей в рамках самобытной высокоширотной (условно – *субарктической*) археологической культуры (Мурыгин, 1992). Ее ареал был географически приурочен к циркумполярному Северу Печорского Приуралья, а восточные границы доходили до п-ва Ямал. По традиционному керамическому производству составляющих ее групп родственных коллективов она существенно отличалась от сопредельных одновременных культур бореального пояса бассейна реки Печоры при заметном сходстве с культурами, получившими развитие к востоку от Уральского хребта.

Однако в связи с накоплением и новым осмыслением источников по средневековой проблематике встает вопрос о возможности выделения из общей массы археологических памятников Мало- и Большеземельской тундры особой территориальной группы, тяготеющей в основном к долине Заполярной Печоры. Они образуют нижнепечорский ареал средневековых памятников новоборского типа втор. пол. I – перв. пол. II тыс. н. э. – городища Новый Бор I–IV, Ортинское, Кобылиха, городище и святилище Гнилка, поселение Коткино I; в этот же круг памятников Заполярья входили также, видимо, Эшмесское святилище и Нерицкий могильник X–XI вв. н. э., содержавшие не характерный для таежного Приуралья вещевой инвентарь (Истомина, 1997; Мурыгин, 2011; Мурыгин, Кленов, 2015). Как представляется, в числе новоборских следует рассматривать и поселение Югорская сопка, датированное V–VII вв. н. э. (Каган, Питулько, 1993. С 107). Являясь наиболее ранним среди них, оно имеет в керамике (Каган, Питулько, 1993. Рис. 4; Мурыгин, 2016. Рис. 10) очень много общего в орнаментации и форме сосудов с материалами перв. пол. II тыс. н. э., вместе с ними резко отличающихся от керамического производства остальных известных памятников тундровой зоны (субарктического типа). Предположительно, комплекс поселения Югорская сопка фиксирует появление в европейских тундрах новой культурной традиции. Его материалы можно рассматривать в качестве отправной точки для последующих инновационных изменений, выразившихся в формировании локальной (новоборской) группы средневекового населения. В совокупности специфические признаки новоборской посуды демонстрируют сходство с угорским или самодийским кругом родственных археологических культур западносибирского (нижнеобского) или приуральско-печорского культурных ареалов.

Таким образом, имеющаяся на сегодня источниковая база дает основание для выделения на территории тундровой зоны северо-востока Европы и примыкающих районов крайне северной печорской тайги не менее двух этнокультурных образований. Жизненный уклад первого из них, археологически представленного керамикой типа Море-ю, Хутыюнкосе и Коматывис (Мурыгин, 2016. Рис. 2–7), был адаптирован к обитанию не только большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр, но и на их прибрежно-береговых участках и островах (о. Вайгач). Археологические памятники второго тяготели главным образом к облесенной долине Нижней Печоры и были документированы керамикой новоборского типа (Мурыгин, 2016. Рис. 10; 11). Одной из главных здесь в силу слабой и неравномерной археологической изученности циркумполярно-трансуральской области остается проблема культурно-хронологического соотнесения субарктических и новоборских памятников железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Истомина Т.В., 1997. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: Научные чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. Сыктывкар. С. 106–120.

Каган М.М., Питулько В.В., 1993. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье // ADPOLUS / Археологические изыскания. Вып. 10. СПб. С. 103–109.

Мурыгин А.М., 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука. 182 с.

Мурыгин А.М., 2011. Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. №3 (47). С. 94–103.

Мурыгин А.М., Кленов М.В., 2015. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Известия Коми НЦ УрО РАН, №3 (23). Сыктывкар. С. 119–131.

Мурыгин А.М., 2016. Арктический регион крайнего северо-востока европейской части России в эпоху средневековья // Археология Арктики: сборник. Науч. Центр изучения Арктики / Науч. ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Вып. 3. Калининград: Изд. дом «РОС-ДОАФК». С. 183–203.

Некоторые результаты археологических исследований первых русских кладбищ в Удмуртском Прикамье

© 2018 С.А. Перевозчикова

Аннотация. Статья посвящена археологическому изучению Сарапульского и Гольянского кладбищ. Раскопки 2007, 2012 и 2017 гг. позволили изучить погребальный обряд русского населения XVII–XIX вв. Кладбища располагались в центре поселений, рядом с торговыми площадями. Захоронения производились в деревянных гробовищах по православным канонам. Наблюдается малое количество нательных крестов в погребениях Сарапульского кладбища.

Ключевые слова: Сарапул, Гольяны, погребальный обряд, нательные кресты, захоронения.

Середина XVI в. для современной Удмуртии связана с важным историческим событием, кардинально повлиявшим на ее дальнейшее развитие. К 1557 г. завершился процесс присоединения удмуртов к Российскому государству. Прекращение военных набегов способствовало налаживанию контактов с другими регионами, быстрому росту феодального землевладения (Гришкина, 1995. С. 108–116). В результате перемещения русского населения в удмуртское Прикамье строились новые населенные пункты. Именно в это время на правобережье Камы были основаны такие военно-административные центры как Сарапул и Каракулино, появились деревни Гольяны, Макарово и т.д., в которых селилось именно русское население.

Археологическое изучение было проведено лишь в городе Сарапуле, одном из старейших городов Прикамья, и селе Гольяны. Сарапул впервые как место поселения упоминается в Переписной книге 1596 г.: «...в Сарапуле и Сиве... ловят рыбу...». В 1616 г. на Сарапул ходили «войною» восставшие башкиры, татары, чуваши и др. «инородцы». В дозорной книге 1621 г. назван селом Вознесенским «...что на Сарапуле...», с перечислением 132 дворов (Сарапул..., 2017. С. 1). Первое упоминание о Гольянах документировано 1621 г.: «деревня Гольян на реке Каме...».

Первые археологические находки были сделаны в 1864 г. в Сарапуле при постройке здания Окружного суда (совр. – Администрация г. Сарапула): обнаружены человеческие кости, обломки медных украшений, железные наконечники стрел и копья, отнесенные исследователями XX века к мазунинскому времени. К сожалению, находки не сохранились, что затрудняет их правильное определение.

В 1909 г. на Сарапульской пристани были найдены два групповых захоронения XVII в. (общее количество костяков достигало 5000, по определению М.М. Хомякова), предположительно мусульманское и православное. Л.Д. Макаров считает, что эти погребальные ямы являлись остатками «убогих домов» (ИАК, 1909, 1910; Макаров, 2014. С. 114–116).

В 1983 и 2006 гг. при строительных работах в центре города, на Красной площади, Н.Л. Решетниковым, сотрудником Сарапульского музея истории и культуры Среднего Прикамья, найдены остатки человеческих костей и нательных крестов. В полевых материалах эти погребения автор отнес к могильнику XVII–XVIII вв. (План проведения..., 2017).

Стационарные исследования в Сарапуле и Гольянах проводились в 2007, 2012 и 2017 гг. отрядами Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета (Перевозчикова, Перевощиков, 2014; Перевозчикова, 2017). В результате проведенных работ были частично обследованы самые ранние кладбища этих населенных пунктов. Оба памятника – Сарапульский могильник и Гольянское кладбище, – занимали положение, весьма отличаемое от современных русских поселений. Учитывая привязанность поселений к большой водной магистрали – Каме, кладбища располагались непосредственно на берегу, на небольшом возвышенном месте, практически примыкая к жилым и хозяйственным постройкам. Это объясняет наличие мощного культурного слоя самого села и города на площадке кладбищ. Именно это обстоятельство существенно затрудняло фиксацию очертаний могильных ям.

На Гольянском кладбище за два года исследования (2007, 2012) было выявлено 68 захоронений: лишь в шестнадцати (24 %) фиксировались очертания могильных ям. На площадке Сарапульского могильника (раскопки 2017 г.) удалось выявить и изучить остатки 284 захоронений. Лишь у 93 погребений (33 %) фиксировались очертания могильных ям. Во всех остальных случаях захоронения выявлены лишь по остаткам деревянных погребальных конструкций или костякам.

В целом погребальные обычаи «укладываются» в православный канон. Зафиксированные могильные ямы имели прямоугольную форму и средние размеры 170–190×60–80 см. Ориентация могил – ВСВ-ЗЮЗ.

Захоронения производились в деревянных дощатых гробах. Остатки погребальных конструкций зафиксированы в 125 захоронениях (44 %) Сарапульского могильника (С) и в 28 захоронениях (41 %) Гольянского кладбища (Г). Удалось выделить два типа конструкций гробов – прямоугольной и трапециевидной форм с вертикальными или наклонными стенками. От крышек сохранились лишь фрагменты, по которым можно предположить, что они были плоскими, без поперечных планок. В двух детских гольянских захоронениях умершие были уложены, вероятно, в луб. Примечательно детское погребение №50 (Г), в котором годовалый ребенок был уложен на доску, а сверху закрыт берестой. Края берестяного покрытия загнуты за края доски. У гроба из погребения 283 (С) выявлена обшивка углов гроба узкими железными пластинами.

Всего обнаружено 295 костяков на Сарапульском могильнике и остатки 71 костяков в Гольянах. Умершие были уложены вытянуто на спине, головами на ЗЮЗ, ноги вытянуты. Различается положение рук. У всех гольянских умерших руки были скрещены на груди или поясе. У сарапульчан руки тоже чаще всего (109 костяков; 37 %) были уложены на поясе или груди, как это и принято в православном обряде. Но имелись и костяки, у которых одна из рук уложена на пояс/грудь, а другая полностью согнута и уложена на плечо (27 костяков; 9 %), а также могилы, в которых у умершего обе руки уложены на плечи (7 костяков; 2 %).

Захоронения одиночные, но встречаются и могилы, в которых уложены взрослый и ребенок (8 погр. (С),

3 погр. (Г)). Интересно то, что в Сарапуле грудные дети были уложены в одной могиле с мужчинами.

Характерная черта Сарапульского кладбища – малое количество погребений с сопутствующим инвентарем (95 могил; 33 %). Из единичных находок присутствуют бронзовые пуговицы-гирьки, серьги и пряжки, железная подкова, рыболовный крючок. В погребении 284 были расчищены остатки декора погребального покрывала – окаймляющая кружевная тесьма и тканый крест. Еще в двух женских захоронениях были выявлены остатки налобных венчиков с фрагментами кос. Большое место занимают и предметы мелкой культовой пластики – образки (погр. 180 и 182) и нательные кресты. Всего на Сарапульском кладбище было найдено 97 нательных крестов. Датировка крестов позволяет ограничить время существования православного кладбища XVII–XVIII вв., определив его как одно из первых кладбищ Сарапула.

В Гольянах сопровождающий инвентарь найден в 42 погребениях (62 %). Из единичных находок присутствуют бронзовые пуговицы-гирьки, бронзовые серьги, мелкие колечки и крючок, стеклянные бусы, остатки кожаной обуви, обработанные кости животных, серебряная чешуйка, железные ножи. К предметам мелкой культовой пластики относятся иконка св. Николая Чудотворца и нательные кресты (40 экз.). Крест из погр. 19, серебряная чешуйка из погр. 38, а также анализ керамического материала из культурного слоя дают нам раннюю дату Гольянского кладбища – конец XVI в. и также обозначают его как самое раннее кладбище села.

Различна судьба обоих кладбищ. После проведения Екатериной II административной реформы Сарапул получает статус города и становится центром уезда в составе Вятского наместничества. В 1784 г. утвержден первый генеральный план города, согласно которому менялось направление улиц: 3 улицы параллельно Каме и 10 – перпендикулярно. В итоге три деревянные церкви, примыкавшие к кладбищу, были снесены, а на их месте, практически в центре некрополя, на рубеже XVIII–XIX вв. строится каменный Вознесенский собор. После Отечественной войны 1812 г. вокруг собора и соборной площади были выстроены здание окружного суда (археологические находки 1864 г.) и дома именитых горожан – городничего А.В. Дурова, купца П.Ф. Корешева и винозаводчика С.И. Бодалева. Непосредственно к Вознесенскому собору с южной и восточной стороны примыкали одноэтажные каменные торговые ряды. Деревянные торговые лавки стояли еще и перед собором. Именно поэтому соборную площадь часто называли Базарной – на ней проходила активная торговля (Сарапул..., 2017. С. 10). В середине XX века на территории уже бывшего кладбища разбит сквер.

Что касается Гольян, то после строительства в 1756–1760 гг. Ижевского и Воткинского заводов, гольянская пристань становится их главным речным портом. К началу XX в. в черте села насчитывалось около 10 пристаней. Активная деятельность в селе привела к плотной застройке береговой линии. В середине XIX в. Гольянское кладбище закрыли, а новое открыли уже за пределами села. В первой половине XX в. непосредственно на площадке уже бывшего кладбища была открыта «Чайная», проработавшая до 1950-х гг. В настоящее время большая часть памятника разрушена хозяйственными и жилыми постройками.

Таким образом, лишь благодаря проведенным археологическим работам жителям Сарапула и Гольян стала доступна информация не только об уникальности их первых кладбищ, а вообще об их существовании в центре села и города. Необходимо учитывать, что Гольяны и Сарапул – два важных для Прикамья населенных пункта, где сошлись события времен начального освоения русскими территории Среднего Прикамья, основания первых русских сел, русского цивилизующего влияния, а также совсем недавние исторические события – становление заводской цивилизации, революционные потрясения начала XX века. Поэтому их археологическое систематическое изучение раскрыло бы многие исторические аспекты, и погребальный обряд – лишь один из них.

ЛИТЕРАТУРА

Гришкина М.В., 1995. Удмурты в составе Российского феодального государства (конец XV – первая половина XIX вв.) // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX в.). Сборник статей. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН. С. 108–138.

ИАК за 1909 г. Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 32. Санкт-Петербург.

ИАК за 1910 г. Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 34. Санкт-Петербург.

Макаров Л.Д., 2014. Об уникальном археологическом памятнике Сарапула (коллективные могилы на Оползине) // Вестник Удмуртского университета, Вып. 3. Ижевск. С. 114–116.

Перевозчикова С.А., 2017. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на объектах археологического наследия «Сарапульский I могильник» и «Сарапульское поселение» // Ижевск. Архив ИИКНП (рукопись).

Перевозчикова С.А., Перевощиков С.Е., 2014. Предварительные исследования Гольянского кладбища нового времени в Прикамье // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 85–93.

План проведения спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский I могильник» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер «Камский берег». Удмуртская Республика. 1 очередь г. Сарапул» в г. Сарапул Удмуртской Республики – исполнители *Иванов А.Г., Князева Л.Ф., Решетников Н.Л., 2017*. Ижевск: УдНИИ УрО РАН (рукопись).

Сарапул. Жемчужина камского берега. 2017. Ижевск: Удмуртия. 64 с.

Средневековые ювелирные изделия с художественным тиснением с территории Пермского Предуралья

© 2018 Ю.А. Подосёнова

Аннотация. В статье рассматриваются средневековые серебряные тисненые изделия из археологических материалов Пермского Предуралья. Их коллекция немногочисленна, но сюжеты и формы, характерные только для этой территории, свидетельствуют об их местном изготовлении. Автор приходит к заключению, что техника художественного тиснения не получает распространения у прикамских ювелиров в эпоху средневековья.

Ключевые слова: художественное тиснение, ломоватовская археологическая культура, медальоны, подвески, ножны.

Среди средневековых ювелирных изделий Пермского Предуралья (ломоватовская археологическая культура) выделяется сравнительно немногочисленная группа предметов, выполненная с применением техники художественного тиснения.

Коллекция изделий, в изготовлении которых применялось художественное тиснение, состоит из 13 предметов. По изображениям изделия можно разделить на следующие группы: с сюжетами из пермского звериного стиля; с орнитоморфными изображениями; с растительным и геометрическим орнаментом.

Первая группа представлена двумя медальонами и арочной подвеской.

На серебряных лицевых пластинах двух медальонов, происходящих из раскопок селища Запоселья и Саламатовского городища, оттиснут сюжет, известный в культовом литье пермского звериного стиля – человеческая личина на «ящере», увенчанная парой лосиных голов (Рис. 1: 1, 2) (Крыласова и др., 2014. С. 298, 428). На серебряной пластине арочной подвески из Баяновского могильника оттиснуто изображение «медведя в жертвенной позе» (Рис. 1: 3).

Вторая группа изделий представлена ножнами с серебряными обкладками из Баяновского могильника (Рис. 1: 8–13). Ножны состоят из двух частей – нижней и верхней (рукояти и футляра для лезвия ножа соответственно). Рукоять выполнена из двух деревянных пластин. Деревянная часть сложенной рукояти обернута тонким листом серебра, края которого сведены внахлест на тыльной стороне. На нижний и верхний края напаян ободок из гладкой или штампованной проволочки. Футляр выполнен также из двух деревянных пластин, сложенных вместе. Эта часть также обернута серебряным листом, края которого соединены внахлест с тыльной стороны. В отдельных случаях вместо цельного серебряного листа, деревянные пластины футляра обернуты отдельными серебряными пластинами (Рис. 1: 8, 10, 13). На обратной стороне футляра припаяна и прикреплена с помощью шпеньков бронзовая узкая скоба, скрепляющая края серебряной пластины. По краям серебряных пластин – обоймы из гладкой или штампованной проволочки. На серебряных пластинах оттиснуты изображения. Отдельные оттиски позолочены способом амальгамирования (Рис. 1: 13). Внешний вид оттиснутых изображений на ножнах с моделированием характерных анатомических признаков позволяет видеть в них орнитоморфных существ: сову/филина в одних изделиях (Рис. 1: 9–12), глухаря – в других (Рис. 1: 8, 13).

Оттиски в виде растительного и геометрического орнамента (третья группа) представлены на серебряных обкладках флаконовидных подвесок из Баяновского могильника. На основу изделий (из кожи или обернутого кожей деревянного бруска) с двух сторон наложены серебряные пластины. На боковых сторонах основы края пластин соединены внахлест. Пластины крепятся с помощью серебряных обойм. На этих пластинах и был оттиснут геометрический или растительный орнамент (Рис. 1: 4–7).

Подвески, подобные изделиям из селища Запоселья и Саламатовского городища, известны на Печоре в Эшмесской пещере и Хейбидя-Пэдарском жертвенном комплексе (Мурыгин, 1992. Рис. 5: 2; 16: 15, 18). На них представлен аналогичный сюжет, но личина меньших размеров, поднята выше, под ней помещена розетка, окруженная фигурками пушных зверьков и головами крупных копытных животных. Хейбидя-Пэдарское жертвенное место использовалось на протяжении длительного времени, а культурный слой Эшмесской пещеры датирован X–XI вв. (Мурыгин, 1992. С. 55). Тисненый сюжет на изделиях копирует сюжет из бронзовых литых плакеток пермского звериного стиля. Литые бляшки с изображением антропоморфной личины в обрамлении лосиных голов с фигурой ящера внизу имели широкое распространение в Верхнем Прикамье в VI–IX вв. (Кулябина, 2013. С. 218).

Арочная подвеска из Баяновского могильника также копирует сюжет из пермского звериного стиля. Изображение «медведя в жертвенной позе» было распространено в Прикамье еще с гляденовского времени. А похожие, но литые арочные подвески с изображением головы медведя между лап, были распространены в Верхнем Прикамье в VIII–X вв. (Оборин, 1970. С. 23). Баяновский могильник датируется первой половиной X века.

Остальные изделия с тиснением из Баяновского могильника – флаконовидные подвески и ножны в серебряных обкладках – представляют особый интерес. Прямых аналогий им не встречено. Также не встречено аналогий и тисненым изображениям. Но сами категории изделий являлись типичными для территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья.

По мнению исследователей, деревянные ножны, обложенные металлическими пластинами, были широко распространены на территории Пермского Предуралья в IX – начале XI в. (Крыласова, 2007. С. 229–230). Ножны с серебряными обкладками и тисненым орнаментом из Баяновского могильника можно датировать первой половиной X века, аналогично тому, как датируется могильник и погребения, где были встречены изделия.

Флаконовидные подвески были распространены повсеместно на ломоватовско-родановских памятниках в период VII–XIV вв. и были характерны исключительно для Пермского Предуралья (Крыласова, 2007. С. 240–243). Большинство этих изделий было выполнено из бронзы способом литья. Флаконовидные подвески с серебряными обкладками и оттиснутым орнаментом встречены только на Баяновском могильнике. Датировать эти изделия также можно первой половиной X века.

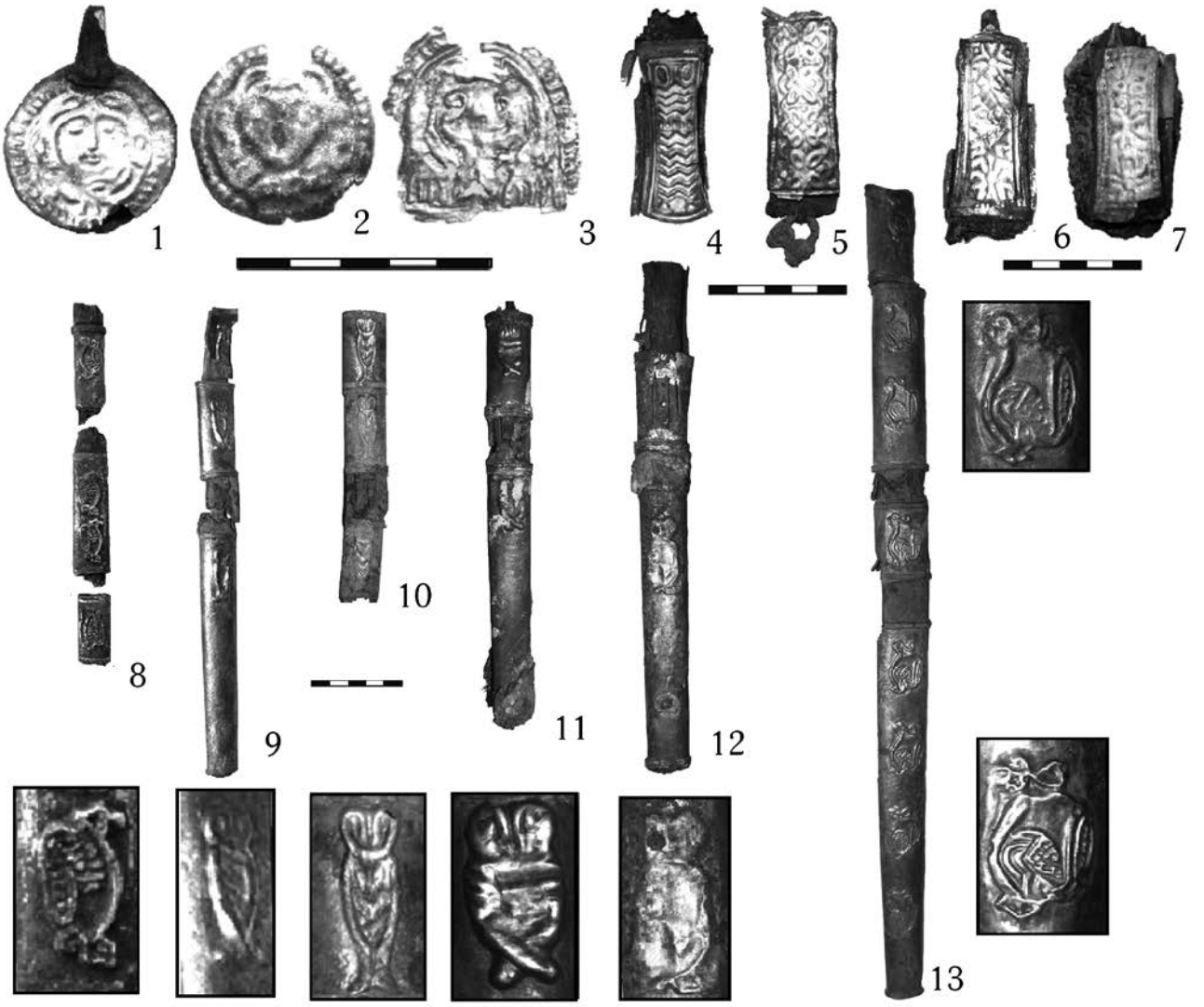


Рис. 1. Ювелирные изделия с тиснением с территории Пермского Предуралья.
1 – селище Запоселье; 2 – Саламатово городище; 3 – погребение 77 Баяновского могильника; 4 – погребение 127 Баяновского могильника; 5 – погребение 129 Баяновского могильника; 6 – погребение 333 Баяновского могильника; 7 – погребение 358 Баяновского могильника; 8 – погребение 106 Баяновского могильника; 9 – погребение 124 Баяновского могильника; 10 – погребение 127 Баяновского могильника; 11 – погребение 401 Баяновского могильника; 12 – погребение 404 Баяновского могильника; 13 – погребение 374 Баяновского могильника.

Таким образом, период распространения рассматриваемых изделий, в изготовлении которых применялась техника художественного тиснения – конец IX – начало XI в. «Типичность» категорий изделий для материалов средневековых памятников Пермского Предуралья, подобие в формах и сюжетах, а также отсутствие аналогий в археологических материалах других территорий, свидетельствует об их местном изготовлении. Но их малое количество может свидетельствовать о том, что эта техника не получает распространения на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Об этом свидетельствует и немногочисленность в прикамских материалах специальных инструментов – штампов с каким-либо орнаментальным сюжетом. Такие штампы-матрицы встречены в единичных экземплярах и к кругу описываемых изделий не относятся.

ЛИТЕРАТУРА

Крыласова Н.Б., 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Изд-во ПГГПУ. 352 с.

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В., 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во ПГГПУ. 505 с.

Кулябина Н.В., 2013. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль. Пермь: Уральский рабочий. 268 с.

Мурыгин А.М., 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука. 182 с.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск: Изд-во УрГУ. С. 3–29.

Кочевники Булгарской области Золотой Орды: анализ археологических источников

© 2018 К.А. Руденко

Аннотация. В докладе рассматриваются археологические памятники, связанные с кочевым тюркоязычным населением в Булгарской области Золотой Орды. Это могильники, одиночные захоронения на сельских и городских кладбищах, отдельные курганы и поселения. Могильники и захоронения отличаются специфическим языческим погребальным обрядом, отличающим их от характерных для Булгарской области мусульманских погребений. Большая часть этих кочевнических захоронений датируется второй половиной XIV в. Автор считает, что эти памятники необходимо рассматривать как северную часть кочевого мира, тесно связанную с поздними кочевниками Самарского Поволжья и Южного Предуралья.

Ключевые слова: Золотая Орда, Булгарская область, погребальный обряд, кочевники.

Памятники кочевников XIII–XIV вв. на территории Булгарской области Золотой Орды изучаются с 70-х гг. XX в. (Казаков, 1978; Руденко, 2013. С. 189–211; Руденко, 2015. С. 344–353). К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 могильников и отдельных захоронений поздних тюркских кочевников, а также не менее 5 могильников чияликской культуры XIII–XIV вв., угорских, по Е.П. Казакову (Казаков, 1978. С. 49–82). К первым относятся Балымерские, Зеленовские, Курналинские курганы, могильник Песчаный остров, Лебединское погребение, захоронения на мусульманском Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г., на могильниках Малоиерусалимском и «Бабий бугор» на Булгарском городище. Сюда же относятся Байряки-Тамакский могильник и Ново-Серёжкинское захоронение на востоке и юго-востоке Татарстана. Возможно, захоронение кочевника было на Нижнемарьянском могильнике близ Нижне-Марьянского II селища в Спасском районе РТ (в затопленной пойме Камы), датированного по подъемному материалу XIV – началом XV в. В 1964 г. Е.П. Казаковым здесь было зафиксировано несколько разрушенных захоронений западной ориентировки с костяками, лежавшими вытянуто на спине, а в подъемном материале обнаружены предметы, типичные для захоронений кочевников.

Все вышеотмеченные памятники можно объединить в несколько территориально-хронологических групп. Первая группа включает в себя позднекочевнические некрополи и отдельные захоронения, расположенные в пойме нижнего течения Камы и Тетюшского течения Волги, оставленные преимущественно кочевым тюркоязычным населением в XIV в. (Руденко, 2013. С. 189–211). Внутри первой группы эти объекты концентрируются в бассейне р. Курналинки (Курналки) и по левому берегу Волги от Булгар до Полянок. В последнем случае сюда входят и одиночные кочевнические захоронения на некрополях Булгара, датированные второй половиной XIV в. Возможно, что и в «пустой зоне» между этими кустами памятников были кочевнические захоронения, о чем свидетельствуют нижнемарьянские находки и Лебединское погребение.

Вторая группа – могильники населения с непостоянной оседлостью в восточной части Булгарской области, чияликской культуры – Такталачукский, Азметьевский, которые Е.П. Казаков датирует XIII–XIV вв. Первый из могильников существовал, по его мнению, в XIV в., причем исследователь склоняется к более узкой датировке – второй половине XIV в. (Казаков, 1978. С. 70, 81). Они детально проанализированы Е.П. Казаковым и нет необходимости эти данные повторять. Захоронения кочевников XIV в. имеются на Муранском и Барбашинском могильниках на Самарской Луке. Последние составляют отдельную обособленную – третью группу, и мы здесь ее не рассматриваем вследствие специфического характера самих некрополей.

Всего нами было проанализировано 25 захоронений из 6 могильников и одиночных захоронений первой группы, которые достоверно можно отнести к кочевническим и по которым имеются все необходимые для анализа сведения. Из них 10 захоронений женские; 10 – мужские; 5 – дети и подростки. В женских и нескольких мужских погребениях имеется погребальный инвентарь. В засыпи подростковых захоронений встречаются отдельные предметы. Женские захоронения имеют западную (3 погребения: 30 %) и северную (70 %) ориентировки; среди последних без отклонений – 2 погребения (28,5 %) с отклонениями к востоку – 3 погребения (42,9 %) и к западу – 2 погребения (28,5 %). При этом отклонения эти незначительны. С западной ориентировкой захоронения из могильника Бабий бугор в Булгарах и одно из могильника Песчаный остров. Ориентированы на север с отклонением на запад два захоронения из могильника Песчаный остров; с отклонением на восток – все из балымерских курганов; а на север без отклонений – из Алексеевских курганов, как и погребения Усть-Иерусалимского могильника в Болгарах. Что касается Балымерских курганов, то тут стоит сделать оговорку, так как Е.А. Халиковой были изучены 4 кургана из более чем 20-ти и нет уверенности, что все захоронения в этом могильнике имеют такую же ориентировку.

Интересно, что погребения разной ориентировки встречаются на могильнике Песчаный остров – северная, восточная, западная и южная. На булгарских могильниках ордынского времени при преобладании западной ориентировки встречаются захоронения и с восточной ориентировкой, например, на Лаишевском II могильнике XIV в. (погребение 18).

В рассмотренных позднекочевнических захоронениях Булгарской области встречаются кости жертвенных животных: лошади (чаще всего фрагменты черепа и зубы, в одном случае ребро) или барана. Изредка отмечены участки прокаленной почвы на площадке, где затем было совершено захоронение, иногда в засыпи фиксируются угольки. Инвентарь этих захоронений нами рассматривался отдельно (Руденко, 2013) и находит полные аналогии в кочевнических захоронениях Волго-Донья золотоордынского времени (Мыськов, 2015). Интересно, что инвентарь захоронений (как женских, так и мужских) первой и второй групп достаточно различен. Отметим, что и в погребальной обрядности могильники второй группы, за исключением случайных совпадений, весьма отличаются от первой группы большей унификацией и довольно бедным составом сопровождающего погребального инвентаря.

Таким образом, население с непостоянной оседлостью Булгарской области Золотой Орды представлено в археологическом материале погребальными памятниками: курганными и бескурганными могильниками, одиночными погребениями на кладбищах оседлого населения; а также остатками недолговременных сельских поселений, оставленных, вероятно, людьми, жившими либо в непосредственной близости от кочевников и тесно связанных с ними, либо частью собственно кочевого населения, по каким-то причинам перешедших к оседлости.

Топографически позднекочевнические некрополи расположены на останцах надлуговых террас в пойме нижнего течения Камы и казанского течения Волги, притоков Большого Черемшана, а также на ровных площадках на склоне коренной террасы Волги. Пойменные могильники, как правило, имеют поблизости серию небольших поселений (Руденко, 2015. С. 336–339. Рис. 107), также занимавших возвышенные останцы таких же террас, с тонким культурным слоем или вовсе без сформировавшихся культурных отложений, но с находками обломков чугунных котлов, немногочисленным керамическим материалом (чаще всего фрагментов круговой тарной и столовой посуды) и предметами снаряжения коня и всадника. В небольшом количестве встречаются на них железные наконечники стрел. Монетный материал, за единичными исключениями, представлен медными и серебряными монетами в диапазоне от начала XIV в. и до 1380-х гг. включительно. Кочевнические захоронения к северу от Большого Черемшана были связаны с синхронными достаточно крупными селищами со следами ремесленной деятельности (ни одно из них в пределах РТ не было раскопано, поэтому судить об их характере пока преждевременно). Впрочем, такие поселения исследованы в Самарской области (Сухореченское селище), поэтому можно предположить, что в какой-то мере они имеют схожие черты.

Основная масса могильников, одиночных захоронений и поселений по стратиграфии (там, где она имелась) и вещевому материалу относится ко второй половине XIV в. Эти археологические памятники встречаются от левобережья Камы на севере и до бассейна Большого Черемшана на юге; от правого берега Волги на западе и до р. Белой на востоке. Вполне очевидно, что их нельзя рассматривать обособленно от других памятников поздних кочевников в регионе (Васильева, 1979). Это часть обширного пространства кочевой степи, включавшего все Самарское и Казанское Поволжье, как и Южное Предуралье.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья: Труды КГПИ. Т. 230. Куйбышев: КГПИ. С. 202–240.

Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука. 131 с.

Мыськов Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС. 484 с.

Руденко К.А., 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская Археология. №2. С. 189–211.

Руденко К.А., 2015. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров; А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus. С. 255–364.

Предгорные равнины западных склонов Башкирского Приуралья в золотоордынское время (по материалам Береговского археологического микрорайона)

© 2018 Е.В. Русланов

Аннотация. В данной работе рассмотрены материалы эпохи развитого средневековья, выявленные на территории Береговского археологического микрорайона (Мелеузовский район Республики Башкортостан). Также в статье дан краткий палеоэкологический очерк, отражающий общее состояние развития ландшафтных зон на территории Башкирского Приуралья в золотоордынский период.

Ключевые слова: Башкирское Приуралье, Золотая Орда, археологический микрорайон.

Береговский археологический микрорайон (далее БАМР) расположен в предгорной части западного склона Башкирского Урала (Мелеузовский район РБ). Для микрорайона характерна плотная концентрация археологических памятников на довольно компактной, жестко ограниченной территории правобережья среднего течения р. Белой. Территория БАМР занимает часть широкой (до 7 км) поймы, изрезанной многочисленными старицами. Протяженность микрорайона 15–17 км, общая площадь 136 кв.км. В границах микрорайона известно 34 разновременных памятника археологии. Для Башкирского Приуралья это единичный случай такой плотной концентрации памятников на локальной территории (Русланов, 2015. С. 134–139; Русланов, 2016. С. 141–144).

В настоящей статье рассмотрены все имеющиеся материалы памятников эпохи Золотой Орды (XIII–XV вв.), расположенные в границах микрорайона. В климатическом отношении для этого периода почвоведы отмечают смену засушливых условий почвообразования более гумидными. По их данным, наблюдалось увлажнение климата. Среднегодовая норма атмосферных осадков была на 70–100 мм выше современной. Наступает период «средневекового климатического оптимума», пик которого приходится на XIII в., и который уже в конце XIV в. сменяется периодом очередной аридизации климата, длящимся и по сей день (Демкин и др., 2010. С. 83).

Развитие ландшафтных зон в эпоху развитого средневековья было обусловлено, прежде всего, изменениями климата. Теплый сухой период конца XIII – начала XIV в. сменился промежуточным периодом – относительно теплым и сухим с признаками нестабильности (чередованием в отдельные десятилетия аномально холодных и влажных годов с засушливыми и сухими годами) в XIV – середине XV в. Затем прохладно-влажная эпоха межвекового харак-

тера началась со второй половины XV в. и продолжалась вплоть до 80-х годов XIX в. («малый ледниковый период»). Внутри нее фиксируются несколько внутривековых периодов (фаз) резких похолоданий и потеплений (Аськеев и др., 2009. С. 29–113).

По всей видимости, эти общие глобальные процессы трансформации климата, а вместе с ним и окружающей среды затронули и территорию Береговского микрорайона. Результаты геотермического изучения сверхглубокой скважины Леузинская-1 (Кигинский район РБ) дают возможность оценить изменение температуры поверхности Башкирского Приуралья в максимуме средневекового теплого периода. Так в 1100–1120 гг. температура примерно соответствовала современной, а в минимуме малого ледникового периода примерно в 1720 г. была на 1,2–3,0 °С ниже современной (Голованова и др., 2012. С. 1776–1785). Таким образом, климатические условия и природное окружение микрорайона в рассматриваемое время можно считать близкими к современным, с известными температурными колебаниями.

К поселенческим памятникам эпохи Золотой Орды относятся материалы Береговского III селища. Памятник расположен в 0,6 км к востоку от южной окраины д. Береговка, на коренном берегу р. Белой, на пашне. На площади в несколько сотен кв.м на поверхности пашни встречено большое количество жженых и колотых костей, куски прокаленной глиняной обмазки, обломки чугунного котла. Керамики не обнаружено (Викторов, 1953).

В виду отсутствия датирующего материала затруднительно определить период существования памятника. Тем не менее, вблизи от Береговского III селища в окрестностях г. Стерлитамака, в Ишимбаевском районе, а также у южной излучины р. Белой расположен ряд поселенческих памятников (селища Каныкаево II, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II), культурный слой которых очень беден находками, но на них также встречена глиняная обмазка. В.Д. Викторова относит эти селища, наряду с Береговским III, к так называемому «ишкуловскому» типу памятников, отмечая их синхронность селищу Берековo, которое находится в Мелеузовском районе и по поливной керамике желтого цвета датируется XIII–XIV вв. (Викторова, 1962. С. 163, 166, 172). Ишкуловское селище, находящееся в Абзелиловском районе, определяется как место башкирской кочевки XIV–XV вв. (Викторова, 1962. С. 172). На селище заметны округлые впадины глубиной 10–30 см и диаметром 3–6 м. Это следы легких жилищ типа юрт. М.Ф. Обыденнов из поселенческих памятников Мелеузовского района называет еще Басурмановское, Бельское II и III, Хасановское I, Апасевское селища и относит их, как и те, что были известны раньше, к периоду XIII–XV вв. (Обыденнов, 1997. С. 108). По всей видимости, все перечисленные селища, в том числе и Береговское III, относится к остаткам летовок (летних стоянок) кочевых групп в предгорных и горных районах Южного Урала. Именно в район южной излучины Белой продвигались, согласно Р.Г. Кузееву, переселявшиеся на Южный Урал в XIII–XIV вв. племена бурзян, усерган и тангаур. Их основные районы кочевок в это время находились в бассейнах рек Белой, Нугуша, Ашкадара, Касмарки, Большого Ика, Большого Юшатыря, Салмыша, Сакмары до правого берега р. Урал. В северной части этого ареала находятся синхронные им погребения Сыртлановского могильника и поселения Мелеузовского района (в том числе и Береговское III селище) (Антонов, 2015. С. 99. Карта 4). Таким образом, по аналогиям с другими памятниками Береговское III селище датируется в пределах XIII–XV вв.

К погребениям золотоордынского времени, на наш взгляд, можно отнести курган №26 Дербеневского могильника. Диаметр кургана 6,5 м, высота 0,2 м. Погребение обнаружено не в центре, а в восточной поле кургана. Могила очень мелкая, врезана в материк всего на 5 см, размеры могильной ямы 2,3×0,75 м. Плохо сохранившийся костяк взрослого человека лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад, левая рука на крестце. Вещей не обнаружено. А.Х. Пшеничнюк предположил, что погребение относится к позднему времени (Пшеничнюк, 1992. С. 67–85).

Общий контекст погребения (западная ориентировка, расположение костяка у поверхности, отсутствие сопроводительного инвентаря) находит аналогии среди материалов земляных курганов лесостепного Приуралья, с заметным влиянием мусульманского погребального обряда. Ближайшим памятником, содержащим аналогичное по обряду захоронение, является Сыртлановский могильник в Мелеузовском районе. Погребение 7 кургана 1 располагалось близко к поверхности. Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещевой материал отсутствовал. М.Ф. Обыденнов отнес это погребение к середине II тыс. н. э. и отметил влияние мусульманского погребального обряда (Обыденнов, 1997. С. 47, 110).

Г.Н. Гарустович, обобщая материалы археологических раскопок, пишет, что погребения XII в. не имеют мусульманских черт, а в могильниках конца XIII в. присутствуют как языческие, так и раннемусульманские захоронения. В XIV в. языческие элементы встречаются уже как пережитки, а абсолютное большинство погребений совершено по мусульманскому обряду (могильники Такталачукский, Азметьевский I, Дербешкинский, Кара-Яр, Новотроицкий, Шах-Тау). С середины XV в. мусульманские погребения, характерные для степной полосы Южно-Уральского региона, распространяются к северу и занимают лесостепные районы. По мнению Г.Н. Гарустовича, именно тогда у башкир сформировался сохранившийся до наших дней ортодоксальный мусульманский обряд захоронения (Гарустович, 1991. С. 26–27). Следовательно, датировать погребение кургана №26 стоит в рамках XIV–XV вв. Этому не противоречат и хронологические рамки существования Береговского III селища, определяемые в границах XIII–XV вв., так как, по всей видимости, погребенный мог быть представителем группы населения, оставившей это селище.

Резюмируя, отметим, что в эпоху Золотой Орды территория микрорайона была слабозаселенной, это может быть связано как с общим процессом начального этапа проникновения населения в непривычную для кочевников горнолесную зону Башкирского Урала и с началом освоения этой экологической ниши, так и с вековыми колебаниями климата, в процессе которых адаптивные возможности человеческих коллективов напрямую зависели от занимаемой ими территории.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов И.В., 2015. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб.: ООО «Свое издательство». 248 с.

Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н., 2009. Природ-

ная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань: Фэн. С. 29–113.

Викторов В.П., 1953. Отчет об археологических исследованиях Ишимбаевского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции в 1952 г. // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. №697. 74 л., 27 ил.

Викторова В.Д., 1962. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4. Свердловск: Изд-во Уральского университета. С. 155–173.

Гарустович Г.Н., 1991. Распространение ислама в Южно-Уральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР. С. 26–27.

Голованова И.В., Сальманова Р.Ю., Демежко Д.Ю., 2012. Реконструкции климата на Урале по геотермическим данным // Геология и геофизика. Т. 53. №12. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 1776–1785.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В., 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пущино: Изд-во SYNCHROBOOK. 120 с.

Обыденнов М.Ф., 1997. Археологические памятники верховьев Агидели. Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Выпуск I. Уфа: Изд-во БЭК. 135 с.

Пшеничнюк А.Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во СГУ. С. 67–85.

Русланов Е.В., 2015. Археологические микрорайоны Башкирского Приуралья и Зауралья. История выделения, проблемы и перспективы изучения // Вестник СамГУ. №4 (126). Самара: Изд-во СамГУ. С. 134–139.

Русланов Е.В., 2016. Культурно-хронологическая шкала древностей западных склонов Южного Урала (по материалам Береговского археологического микрорайона) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ижевск: Изд-во Институт компьютерных исследований. С. 141–144.

Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года

© 2018 Р.Р. Русланова

Аннотация. Бирский некрополь является знаковым памятником эпохи раннего средневековья на территории Южного Приуралья. В 2017 году были продолжены раскопки объекта археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» (Бирский могильник), начатые в середине XX в. Н.А. Мажитовым. Выявлено 21 погребение, конструктивные особенности которых позволяют скорректировать разработанные схемы погребальной обрядности населения III–V вв.

Ключевые слова: Бирский могильник, Республика Башкортостан, эпоха средневековья, погребальный обряд, ритуальные захоронения.

Бахмутинская культура не раз становилась (и до сих пор становится!) предметом специального изучения археологов. Одним из уникальных и реперных памятников Южного Приуралья является объект археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» (Бирский могильник, Бирский II могильник, Бирский грунтовый могильник). Некрополь, стоящий на федеральной охране, находится у южной окраины города Бирск Бирского района Республики Башкортостан и занимает обширный участок коренной террасы правого берега р. Белой. Общая площадь памятника достигает 150 тыс. кв.м.

Находки с памятника впервые упомянуты в работе Н.И. Булычова 1902 г. в своде находок из Уфимского губернского музея (Булычов, 1902. С. 18).

Первые археологические раскопки проведены на памятнике в 1958 г. экспедицией под руководством Н.А. Мажитова. В этот и последующие годы (1959, 1962, 1978, 1981, 1983, 1984, 1985, 1990, 1991 гг.) им было вскрыто и исследовано 692 погребения, давших материал, который стал предметом острой полемики в археологической науке. Исследователи по-разному подходили как к датировке обнаруженных артефактов, так и к культурной принадлежности населения, оставившего некрополь (Мажитов, 1968; Генинг, 1972; Васюткин, 1994; Останина, 1997 и др.). Ряд изделий стал базой для создания сводов по различным категориям средневековых древностей (Амброз, 1980; Ковалевская, 1972, 2000; Русланова, 2015).

Результаты многолетних исследований Бирского могильника были обобщены в диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000). Как и предыдущие исследователи, она приходит к выводу, что Бирский могильник генетически восходит к культуре местного (пьяноборского и карабызского) населения эпохи раннего железного века, с некоторым влиянием культуры кочевников южно-уральской лесостепи. Комплексный историко-археологический анализ Бирского могильника позволил ей подтвердить высказанное ранее мнение исследователей об эталонном характере памятника «для изучения этнокультурной истории Южного Урала и всех соседних регионов эпохи раннего средневековья».

Новый этап полевых исследований начат в летнем сезоне 2017 года. Вскрыта площадь в 200 кв.м, выявлено 21 погребение (раскоп I – 20 погребений на площади 150 кв.м., раскоп II – 1 выявленное погребение и 3 погребения, вскрытых раскопом 1962 г.). Материал из раскопа I позволил определить время совершения погребений III–IV вв., а конструктивные элементы могильных ям выявили новые аспекты погребальной практики населения Южного Приуралья эпохи раннего средневековья.

Итак, еще Н.А. Мажитов в сводной работе по бахмутинской культуре отметил, что все ранние погребения могильника (III–V вв.) расположены достаточно густо на площадке, они грунтовые, одиночные, ориентированы на северо-запад, очень редко на запад и на север. Для этого этапа бытования памятника оказались характерными следующие признаки: неглубокие (до 1 м) могильные ямы удлиненной формы с закругленными углами, где погребенные лежали в гробу или на деревянном настиле; в по-

гребении размещался определенный набор женских украшений, подвески-медведи, разным способом уложенные поясные наборы. Им было выдвинуто предположение, что в древности на поверхности имелись некие надмогильные сооружения, которые позволяли исключать перекрытие и наложение могильных ям друг на друга (Мажитов, 1968. С. 10).

Деталей погребального обряда коснулся и В.Ф. Генинг, критически анализируя материалы Бирского могильника (Генинг, 1972. С. 228–232). Он обозначил 5 типологических групп. Самую раннюю (III–V вв.) выделяет наличие жертвенных комплексов в простых могилах, отсутствие керамики, размещение в погребении ножа и пояса.

А.К. Амброз, отвечая на статью В.Ф. Генинга, также приводит характеристику ранних погребений Бирска: могилы простые, с жертвенными комплексами, костями животных в ногах погребенного, малым количеством керамики, подвесками в виде знака вопроса и медведя, наличием поясной гарнитуры и пластинчатых фибул (Амброз, 1980. С. 5, 42).

Конструкция погребального сооружения, положение останков погребенного и характер погребального инвентаря мазунинской (раннебахмутинской) культуры были изучены Т.И. Останиной (Останина, 1997. С. 31) и ею отмечаются следующие признаки: все могильники грунтовые, приурочены к реке; погребальные сооружения узкие, длинные, неглубокие, без дополнительных конструкций, прямоугольные; трупоположение – вытянуто на спине, руки вдоль тела; ориентировка определяется рекой; состав и размещение инвентаря и наличие жертвенного комплекса в погребении определяется полом, возрастом и социальным положением умершего.

В комплексном исследовании Бирского могильника А.Н. Султановой погребальному обряду отведена объемная глава, в которой рассматривались все известные к тому времени 692 погребения (Султанова, 2000. С. 83–117). Наряду с типичными признаками, ею было отмечено отсутствие черепов в двух погребениях, наличие пустых погребений (кенотафов).

Массив изученных погребений Бирского могильника сводил к минимуму появление новых, не зафиксированных ранее на некрополе, погребальных конструкций. Однако раскоп I, заложенный в 2017 г. в северной части могильника, позволил иначе взглянуть на ситуацию.

В целом, большинство захоронений раскопа I (11 из 20) укладываются в систему погребальной обрядности, разработанную археологами для раннего этапа функционирования Бирского могильника: погребения грунтовые, подпрямоугольные, расположены семейными рядами, ориентированы на северо-запад, глубиной до 1 м. Находки в погребениях фиксировались в составе жертвенных комплексов либо были уложены в пространство могильной ямы, редко в местах ношения. Ряд погребений фиксировал наличие уступов-заплечиков, на которых настилалось деревянное перекрытие. Состав погребального инвентаря (поясная гарнитура, височные подвески бахмутинского типа, дротовый браслет, подвески-мишки, бусы) позволяют определить время совершения погребений III–IV вв. и отнести их к раннебахмутинскому населению.

К нестандартным, или же точнее, не зафиксированным ранее мы можем отнести детали 9 выявленных погребений:

1. Наличие захоронений в верхнем, гумусном, слое (погр. 693). Подобные могильные ямы сложно фиксируются при прокопке. По всей видимости, погребения частью выступали над поверхностью и имели наземное перекрытие, а в новейшее время подверглись сильным разрушениям в ходе эксплуатации площадки памятника кирпичным сараем (начало XX в.) и посадками плодовоовощного совхоза (1950–1995 гг.). Возможность наличия таких захоронений была отмечена исследователями ранее (Султанова, 2000. С. 91), но данный тезис ставился под сомнение. На наш взгляд, функционирование такого вида захоронений на Бирском могильнике вполне вероятно.

2. Отчленение и погребение черепа поверх засыпки костяка (погр. 694). Нижняя челюсть размещена в верхней, северной части, погребения, фрагменты черепа зафиксированы в районе тазовых костей верхнего яруса. Ниже, после слоя засыпки, зафиксирован костяк. При этом могильная яма вырыта с учетом отсутствующей головы у погребенного, а височное кольцо размещено в предполагаемом месте ношения – у шейных позвонков.

3. В погребениях и поверх них фиксируется фрагменты кальцинированных костей (погр. 694, 698, 702), угольные пятна либо крупные угольки (погр. 694, 701), фрагмент обугленного дерева (погр. 699).

4. Наложение могильных ям друг на друга, наличие ям и канавок внутри (погр. 696, 697). Костей не обнаружено, в погр. 697 зафиксирован тлен проволочного железного браслета.

5. Размещение жертвенного комплекса уровнем ниже костяка (погр. 701). Данный факт выявился при контрольной прокопке дна могильной ямы.

6. Ярусность погребений (погр. 704). Могильная яма прямоугольной формы, с уступами по длинным сторонам. Ориентировка погребения ССЗ–ЮЮВ, выявлена по полосе рыжей глины, оконтурившей пятно темного гумуса, но прерываемой у восточного края. На профиле ямы сохранился след от деревянного перекрытия, прогнувшегося под тяжестью грунта. На верхнем ярусе (размеры 1,66×0,62 м, глубина 0,3 м) выявлен слабо фиксируемый тлен костей. После последующей прокопки пятно могильной ямы увеличилось (1,97×0,55 м, глубина 0,6 м). На дне обнаружены фрагменты скелета, костяные наконечники стрел, железные пряжка и нож. На заплечиках с восточной стороны, в северо-восточной части погребения и у юго-западного края зафиксированы следы крупного угля.

По всей видимости, производилось дозахоронение, что может являться показателем преемственности от предшествующего пьяноборского времени, т.к. именно погребения этой культуры фиксируют подзахоронение в уже имеющуюся могилу (Агеев, 1992. С. 16). Отголоском пьяноборья можно, по всей видимости, считать и перекрывание могильных ям 696 и 697 верхней могилой. В пользу данного предположения свидетельствуют находки лапчатой подвески с полугорошинами (погр. 693) и застежки с неподвижным крючком.

Могильные ямы с кальцинированными костями, фрагментами угля и ярусами, а также те, в которых инвентарь и находки костей отсутствовали, вероятно, можно отнести к категории погребально-вещевых или ритуально-жертвенных комплексов, по примеру работ, проведенных самарскими археологами на материалах памятников пьяноборской культуры (Зубов, 2016). К категории ритуальных комплексов также может быть отнесено погребение с отчлененным черепом (погр. 694). Возможно, это показатель случая погребения жертвы военных столкновений, когда

была возвращена и дозахоронена голова, отрубленная в качестве трофея.

Все вышесказанное – появление погребальных комплексов, не зафиксированных ранее, наличие ритуально-жертвенных элементов – позволяет вывести изучение Бирского грунтового могильника на новый этап с точки зрения ответа на трансформацию погребального обряда и взаимодействия культур.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.

Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. С. 1–56.

Булычов Н.И., 1902. Древности Восточной России. Вып. 1. М.: Т-во А.И. Мамонтова. 33 с.

Васюткин С.М., 1994. Изучение эпохи средневековья Южного Приуралья: Учеб. пособие. Элиста: Калмыцкий ун-т. 114 с.

Генинг В.Ф., 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. С. 221–295.

Зубов С.Э., 2016. Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века», IV Всероссийская науч. конф. (2016; Саранск): [материалы] / редкол.: В.В. Гришаков (отв. ред.) [и др.]. Саранск, Мордовский. гос. пед. ин-т. 119 с.

Ковалевская В.Б., 1972. Башкирия и евразийские степи IV – IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. С. 95–118.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.: Наука. 161 с.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. 327 с.

Русланова Р.Р., 2015. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III – VIII вв. // Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. 227 с.

Султанова А.Н., 2000. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика // Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа. 203 с.

Способы рыбной ловли у средневекового населения Пермского Предуралья

© 2018 А.Н. Сарапулов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17–46–590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование) и проект №17–46–590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене».

Аннотация. Статья посвящена реконструкции основных способов рыбной ловли в эпоху средневековья на территории Пермского Предуралья. При помощи археологических данных и этнографических параллелей удалось установить, что средневековые рыбаки владели такими способами рыбной ловли, как рыбалка при помощи колющих орудий, крючковых снастей и дорожки, использования сетевых снастей и установления ловушек и запоров.

Ключевые слова: рыболовство, крючковые снасти, колющие орудия, сетевые снасти, ловушки.

Пермское Предуралье во все исторические периоды являлось специфической культурно-экологической областью, имеющей весьма благоприятную для проживания и хозяйствования природную среду, сочетающую в себе как наличие природных ресурсов, определяющих систему жизнеобеспечения, так и крепкие культурные и экономические традиции населения.

На территории Предуралья имеется разветвленная гидросеть Камского бассейна. По принятой классификации, среди рек Пермского Предуралья две большие (Кама и Чусовая), 40 средних и около 29000 малых рек; из них около 1400 имеют длину свыше 10 км. Большая часть рек региона, особенно реки Камского правобережья, имеют спокойный равнинный характер, с развитыми поймами, изобилующими озерами и заболоченными участками (Белавин, 2007. С. 28). Таким образом, речная система Пермского Предуралья во все времена составляла основу для занятия рыболовством и перемещения масс населения внутри региона и за его пределы.

Начиная с эпохи мезолита рыболовство становится одним из основных хозяйственных занятий на рассматриваемой территории. С переходом к производящему хозяйству рыболовство также продолжало иметь большое значение для жителей Западного Урала. В эпоху средневековья хозяйство носило комплексный характер, с ведущей ролью земледелия и животноводства и вспомогательной ролью рыболовства, охоты, бортничества и собирательства. Такая комплексность хозяйственно-культурного типа характерна в целом для лесной зоны с ее богатыми природными ресурсами.

Что касается хозяйственного потенциала речной сети региона, то следует отметить, что в настоящее время обнаружено 42 вида рыб, относящихся к 9 отрядам и 15 семействам. Безусловно, что современный состав ихтиофауны отличался от того, каким он был до интенсивного преобразования природной среды человеком, особенно с активным развитием в крае промышленности с начала XVIII в. По некоторым оценкам, с учетом исчезнувших рыб и рыбообразных (минога), число обитавших в реках региона видов рыб, возрастает до 51 (Рыболовный словарь Прикамья, 2013. С. 9–12).

Кости рыб достаточно широко представлены в материалах поселенческих памятников Пермского Предуралья. Исследование, проведенное ихтиологами Пермского государственного университета, показало, что среди костей рыб, обнаруженных в культурном слое поселений, в эпоху

средневековья преобладали осетровые (кости стерляди, севрюги, осетра, белуги). На втором месте по объему добычи находились лососевые (таймень, белорыбица, каспийский лосось). Заметное место в уловах занимали сом, щука и налим. Сравнительно невелик был удельный вес карповых (лещ, сазан, голавль, язь, плотва, линь, синец, густера) и окуневых (окунь, судак) (Белавин, 2016. С. 44–45; Кирьянов, Коренюк, Чагин, 2007. С. 13).

По этнографическим и письменным данным у населения Пермского Предуралья в XVIII – начале XX в. были известны такие способы рыбной ловли как: использование колющих орудий и лучение, рыбалка при помощи крючковых снастей и дорожки, рыбная ловля при помощи сетевых снастей, установка ловушек и запоров (Кирьянов, Коренюк, Чагин, 2007. С. 31–76). По-видимому, все эти традиционные способы рыболовства были знакомы и средневековому населению изучаемого региона. Рассмотрим археологические признаки этих известных способов рыбной ловли.

Рыбная ловля с использованием колющих орудий и лучение

К колющим орудиям мы можем отнести остроги, гарпуны и наконечники с шипами.

Самым распространенным колющим орудием были остроги. В Пермском Предуралье в эпоху средневековья были известны наконечники острог двух типов: двузубые и составные. Двузубые наконечники представляли собой два жала с бородкой, симметрично отходящих под углом от черешка, который забивался в деревянную рукоять. Составные остроги складывались из отдельных железных зубьев с бородкой, фиксирующихся в деревянном основании (Белавин, 2016. С. 45). Крупные размеры зубьев большинства острог и большое расстояние между ними свидетельствуют, что ими осуществляли лов на достаточно крупную рыбу. Кроме того, существует мнение, что встреченные в раскопках железные, коленчатые и прямые зубья сами по себе могли являться наконечниками одинарных острог (Колчин, 1953. С. 100).

К другому типу колющих орудий относятся гарпуны в виде копий с одношипным железным наконечником.

К орудиям колющего типа также можно отнести одношипные наконечники стрел, которые могли служить для лучения рыбы. Рыбу били из лука во время нереста, или когда она плавала наверху (Рыболовный словарь Прикамья, 2013. С. 33).

По данным А.В. Кузы, лов рыбы острогой весьма прост и мог совершаться весной, летом и осенью несколькими способами: вброд, нырянием, с лодки. Иногда острогу метали как гарпун, для чего к древку привязывалась веревка. Рыбу ловили ночью с огнем: с берега или с лодки. Чаще всего острогой пользовались, когда рыба теряла обычную осторожность во время икрометания и скапливалась на мелководье в травяных зарослях. Продвигаясь вдоль этих мест на легкой лодке, рыбак, заметив добычу, опускал наконечник орудия в воду, плавно подводил его к рыбе и резким ударом прижимал ее ко дну. Зубья остроги пронзали тело рыбы, а зазубрины не давали ей соскочить. Затем рыба забрасывалась в лодку (Куза, 2016. С. 60–61). В связи с этим встает вопрос археологической фиксации использования лодок средневековым населением.

Большой интерес представляет собой площадка, изученная на берегу ручья в 2007 г. Н.Б. Крыласовой на селище Запоселье. В раскопе недалеко от жилища были исследованы две ямы овально-подтреугольной формы, расположенные в 1 м друг от друга. Ямы имели размеры 2,45×1,22 м и 2,5×1,11 м и были ориентированы по линии С–Ю, с небольшим отклонением к ССВ с заполнением из светло-серой супеси с прослойкой темно-серой супеси с золой мощностью до 0,13 м. По мнению Н.Б. Крыласовой, эти ямы являлись следами лежавших на боку лодок. В 2 м к ССВ от указанных ям был найден крупный огругло-подпрямоугольный камень со следами потертости от веревки, который мог использоваться в качестве якоря (Крыласова, 2008). Можно предполагать, что в летнее время рыбная ловля на водоеме происходила при помощи рыболовецких лодок-долбленок, которые зимой поднимали с озера вверх по речке и вытаскивали на берег рядом с жилищем. Об использовании средневековым населением лодок также свидетельствуют находки так называемых лодочных скобовидных заклепок, известных на многих поселениях эпохи средневековья в Пермском Предуралье (Роданово, Анюшкар, Рождественское городища, Запоселье, Чашкинское II, Калинское селища). М.В. Талицкий предполагал, что для передвижения по воде и рыболовства в летнее время служили челноки, долбленые из осины, а заклепки предназначались для зашивки трещин и швов на этих лодках (Талицкий, 1951. С. 48). По-видимому, лодки в качестве средства передвижения по воде использовались с самых древних времен и до XX в. Изготовление различных типов лодок долбленок фиксировались еще в середине XX в. у коми-пермяков (Талицкий, 1951. С. 48–49), а также в Чердынском районе Пермского края (Кирьянов, Коренюк, Чагин, 2007. С. 77–85).

Рыбалка при помощи крючковых снастей и дорожки

Все железные кованные рыболовные крючки, найденные в культурном слое средневековых поселений, можно разделить на две большие группы: 1) для лова на удочку (радиус изгиба до 1 см); 2) для лова на прочие приспособления – жерлицы, донки, закидушки (радиус изгиба свыше 1 см). Кроме этого, крючковую снасть можно разделить на крючки с бородкой и петлей на противоположном конце, крючки с бородкой без петли для крепления к лесе и крючки без бородки и без петли (Белавин, Крыласова, 2008. С. 259). Известны также массивные крючки на железной цепочке, вероятно, являющиеся частью самолова на крупную рыбу, такой был обнаружен на Купросском городище (Белавин, Оборин, Сарапулов, 2012. С. 65. Рис. 25). Важно отметить, что большинство найденных в Прикамье средневековых рыболовных крючков имеют достаточно крупные размеры, что свидетельствует об их применении для ловли крупной рыбы с помощью специальных приспособлений, хотя встречаются и миниатюрные крючки (2–3 см) для поплавочной удочки.

Средневековым рыбакам была известна и такая снасть, как дорожка, о чем свидетельствуют находки железных и медных блесен, которые на длинной лесе пускались за лодкой (несколько блесен X–XV вв. есть в дореволюционной коллекции Теплоуховых (Белавин, 2016. С. 46).

Рыбная ловля при помощи сетевых снастей

Среди важнейших орудий рыболовства первое место, безусловно, принадлежит сетям, изобретенным еще в каменном веке. Сначала сети плелись из лыка или стеблей волокнистых растений (крапивы, болотной осоки). После широкого распространения таких технических культур как лен и конопля, сети становятся главными промысловыми орудиями (Куза, 2016. С. 72). Плели сети при помощи ко-

стяных кочедыков, проколок и спиц, широко представленных на средневековых поселениях Пермского Предуралья. Широко также представлены каменные и глиняные грузила для сетей с крепежным отверстием. Для волоковых сетей использовались легкие, средние и тяжелые (в зависимости от размера сетей) шарообразные и продольно-овальные по форме глиняные грузила, у которых сечение было симметрично относительно продольной оси крепежного отверстия. Каменные грузила применялись, скорее всего, для установки больших ставных сетей (Кирьянов, Коренюк, Чагин, 2007. С. 26). Известны каменные грузила без крепежных отверстий, сделанные из хорошо отшлифованной гальки, их обычно оборачивали берестой или вшивали в мешковину и привязывали к сети (Рыболовный словарь Прикамья, 2013. С. 37).

На средневековых поселениях в большом количестве встречаются округлые глиняные шарики со средним диаметром в 2–3 см, не имеющие никаких отверстий. Их функциональное назначение вызывают дискуссии у исследователей. Существуют версии о том, что они могли использоваться для игры, либо как ядра для орудий типа рогатки или пращи. На наш взгляд, эти шарики, быть может, использовались и как легкие грузила для небольших сетей. Их, как и каменные грузила, могли обматывать берестой или вшивать в мешковину.

Установка ловушек и запоров

Очевидно, что рыболовы еще с глубокой древности использовали разнообразные заграждения и ловушки. По этнографическим данным известно, что прикамские рыбаки мастерили так называемы морды – большие конические корзины, сплетенные из прутьев; бредни; сооружали заколы (езы) в виде преград из кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями, запруды для задержания рыбы. Все эти способы, скорее всего, были известны и средневековым рыболовам.

Таким образом, в эпоху средневековья в Пермском Предуралье благодаря обширной речной сети, рыболовство играло немаловажную роль в хозяйстве. Средневековые рыбаки владели различными способами рыбной ловли, широко известными и на других территориях с древности и до новейшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., 2007. Пермское Предуралье как культурно-экологическая область // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. Сборник научных статей. СПб. С. 26–40.

Белавин А.М., 2016. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века // Вестник Пермского научного центра, №3. С. 42–47.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск: Монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 603 с.

Белавин А.М., Оборин В.А., Сарапулов А.Н., 2012. Городище Купрос: итоги полевых исследований // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол.: А.Н. Сарапулов (отв. ред.), А.М. Белавин, А.С. Лобанова. Вып. XI. Историческое и культурное наследие села Купрос / А.М. Белавин, Т.Г. Голева, А.Б. Киселев и др. Пермь: ПГГПУ. 128 с.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н., 2007. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир. 166 с.

Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА. №32. 257 с.

Крыласова Н.Б., 2008. Отчет о раскопках селища Запоселье I в Соликамском районе Пермской области в 2007 г. Пермь. Архив ЛАЭИ ПГГПУ.

Куза А.В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси / А.В. Куза; предисл. В.А. Кузы. М.; СПб.: Нестор-История. 208 с.

Рыболовный словарь Прикамья, 2013 / Бакланов М.А. [и др.; науч. ред.: И.А. Подюков]. СПб.: Издательство «Маматов». 216 с.

Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА, №22. М.: АН СССР. С. 33–96.

Центр древней и средневековой металлургии железа в Ундоровской курортной зоне (к проблеме выделения)

© 2018 Ю.А. Семыкин

Аннотация. Работа посвящена характеристике древнего и средневекового центра металлургии железа на территории Волго-Свияжского междуречья в Ульяновском районе Ульяновской области. На этой территории в последнее десятилетие выявлены и археологически исследуются многочисленные месторождения железных руд сидеритового типа, к которым приурочены поселения и городища эпохи Великого переселения народов, а также эпохи средневековья (Волжской Болгарии домонгольского периода). Практически на всех памятниках прослежены ярко выраженные следы металлургического производства сыродутного железа. Также имеются находки кузнечной продукции, вероятно, местного производства. Масштабы металлургического производства на памятниках Ундоровской курортной зоны позволяют рассматривать данный центр древней и средневековой металлургии железа как один из крупнейших в Урало-Поволжье.

Ключевые слова: черная металлургия, сидеритовая руда, кузнечное производство, Среднее Поволжье. Раннее средневековье, именьковская культура, Волжская Болгария.

Черной металлургии и железообработке в древности в средневековье принадлежала исключительно важная роль в развитии общества. От уровня их развития непосредственно зависело состояние базовых отраслей хозяйства: земледелия, скотоводства, различных промыслов и ремесел, а также бытовая жизнь, военное дело и обороноспособность общества (Колчин, 1985. С. 244–245). Но развитие кузнечного производства, в свою очередь, зависело от его обеспеченности производственным сырьем – железом и сталью, топливом и флюсами. В древности и в средневековье получение сыродутного железа могло быть обеспечено двумя путями: 1) приобретением (обменом) из

действующих металлургических центров; 2) путем организации и развития собственного металлургического производства железа и стали.

Внешние поставки кузнечного сырья – металлургического железа, могли поставить экономику и обороноспособность населения в зависимость от внешних случайных факторов, а также от благорасположения экономических партнеров. Поэтому древнее и средневековое население из соображений внутренней экономической и военной безопасности стремилось наладить собственное металлургическое производство и для этого искало все возможные доступные источники такого сырья – рудные месторождения, выходы известняка (металлургических флюсов), а также топлива (древесного угля).

Археологические исследования памятников и культур Среднего Поволжья эпохи древности и средневековья свидетельствуют о постоянно нарастающем включении изделий из черного металла в хозяйственную, экономическую и военно-оборонительную сферу жизни оседлого и кочевого населения. Исследователи, изучающие археологические памятники раннего железного века и средневековья, обращая внимание на все возрастающую массу различных изделий из черного металла, невольно задаются вопросом об источниках сырья для металлургического производства, о том, из каких кузнечных центров и мастерских поступали эти изделия? Ответ на этот главный вопрос упирается в результаты геологических разведок месторождений железных руд, пригодных для сыродутного производства железа, а также на результаты археологических исследований памятников с горнорудной, железо-металлургической и кузнечной специализацией.

В древности и в средневековье для сыродутного производства железа в Восточной Европе в основном применялись следующие железные руды: бурые железняки: болотные и луговые руды (лимониты), гематиты, железистые песчаники, сидериты и некоторые другие. Данные геологических исследований свидетельствуют о распространении в районах Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья болотных и луговых руд (Батыр и др., 1932. С. 41, 42; Рыбаков, 1948. С. 13). Однако на карте распространения болотных руд в Восточной Европе, опубликованной Б.А. Рыбаковым, видно, что основные их месторождения не доходят до территории Среднего Поволжья. Разведочными археологическими и геологическими работами к настоящему времени установлены несколько конкретных месторождений болотных и луговых руд на территории Ульяновской области и Татарстана. Из них наиболее яркими являются выходы луговой руды у с. Старотимошкино в Барышском районе (Вязов, Семыкин, 2013. С. 203–229) и в урочище «Орлово болото» в Старомайнском районе Ульяновской области (Семыкин, 2015. С. 173. Рис. 3–4). Ульяновским геологом В.Ф. Ерховым также было установлено, что на территории Среднего Поволжья, в том числе в Ульяновском Поволжье, еще в XIX в. добывалась сидеритовая руда, которую рабочие собирали на побережье правого берега Волги, грузили на речные суда и отправляли в кустарные металлургические мастерские Нижегородской губернии. Эта информация стала для нас отправным пунктом для поиска возможного использования сидеритового рудного сырья для металлургического производства железа в древности и в средневековье. Возможность использования такой руды в качестве сырья для металлургии железа в древности нашла археологическое подтверждение. Ярким свидетельством этого стало поселение металлургов Архангельское I на Левобережье Волги в Чердаклинском районе Ульяновской области, где в 1998 г. был зафиксирован горн ямной конструкции, а в 2004 г. была исследована производственная площадка, находившаяся рядом с разрушенным горном (Семыкин, Ворона, 2004). Было установлено, что на этом памятнике в позднем бронзовом – в начале раннего железного века функционировало масштабное сыродутное производство кричного железа с использованием сидеритовой руды. Продукцией горна здесь был железно-металлургический конгломерат. На основании многочисленных находок лепной орнаментированной керамики этот памятник можно датировать поздним бронзовым – началом раннего железного века. Его мы предварительно относим к маклашеевской культуре. Правда, загадочным вопросом на этом поселении древних металлургов является отсутствие месторождений сидеритовых руд в Левобережье Волги, где находится поселение. Такие месторождения позднее были открыты, но только в Правобережье Волги – в Ундоровской курортной зоне. Здесь в Ульяновском районе Ульяновской области в междуречье Волги и Свияги были обнаружены и исследованы поселения и городища эпохи Великого переселения народов со следами горного дела и металлургического производства железа. Также было выявлено, что на этой территории компактно сосредоточены значительные месторождения сидеритовых железных руд, залегающих в глинистых слоях готеривского яруса мелового геологического периода. Возраст этого яруса колеблется в пределах 132,9–129,4 млн. лет. Именно из этих месторождений сидеритовая руда поступала в кустарные металлургические мастерские в XIX в.

Еще в 1996 г. яркие следы металлургии железа были зафиксированы на именьковском поселении под городищем Старое Алейкино, а также на самом городище, которое является остатком одного из крупнейших городов Волжской Болгарии. На этом городище была исследована единственная из известных в археологии Волжской Болгарии летних кузниц (Семыкин, 2015. С. 189. Рис. 31). В 2000 г. остатки металлургического производства эпохи раннего средневековья были зафиксированы геологом В.М. Ефимовым на территории женского монастыря архангела Михаила в с. Комаровка. Поселение относится к именьковской археологической культуре.

Начиная с 2007 г. в междуречье Волги и Свияги массово стали обнаруживаться археологические памятники с ярко выраженными следами металлургического производства железа. В частности, было обнаружено поселение Комаровка II в междуречье Волги и Свияги с многочисленными находками железных шлаков, флюсов и развалами металлургических горнов. Подъемный материал здесь также представлен многочисленными фрагментами лепной и круговой керамики именьковской культуры и Волжской Болгарии.

В 2008 г. у с. Новая Беденьга были обнаружены два городища и прилегающие к ним поселения со следами металлургии железа. В 2009–2012 гг. на городище и селище Новая Беденьга I проводились масштабные археологические исследования (Вязов и др., 2012. С. 54–101; Вязов, Семыкин, 2013. С. 203-229; Вязов и др., 2014). Здесь были выявлены остатки металлургических объектов – сильно разрушенных горнов наземной конструкции, а также участки горных выработок сидеритовой руды (Вязов, Семыкин, 2016. С. 216).

Исследованиями было установлено, что и городище, и поселение являлись специализированными производственными сезонными памятниками, на которых работали горняки и металлурги, связанные с населением круга археологических культур юго-западных и западных регионов Восточной Европы: 1) позднескифского круга (наиболее раннее население), 2) населением киевской культуры с участием населения лесной зоны (IV–VI в. н. э.), 3) населением хазарской эпохи салтовского (раннеболгарского) круга VIII–IX вв. (Вязов, Семыкин, 2016. С. 216).

В 2013–2014 гг. начались исследования памятников археологического комплекса у с. Комаровка, где были выявлены два раннесредневековых городища, несколько прилегающих к ним селищ и грунтовый некрополь с погребениями по обряду кремации. Городища и селища относятся к именьковской культуре, а некрополь содержит материалы смешанного характера, свидетельствующие о включении в VII в. в среду именьковского населения пришлого кочевого элемента. Характерно, что и на городищах, и на селищах присутствуют многочисленные следы металлургического производства железа. А в оврагах, окружающих городища, выявлены многочисленные рудопроявления сидеритовой руды. Более чем вероятно, что именно месторождения сидеритовой руды являлись главным притягательным фактором, который интересовал население, оставившее эти археологические памятники. По нашим сведениям, в результате противозаконной деятельности археологических браконьеров в окрестностях археологических памятников у с. Комаровка были обнаружены 22 железных топора именьковского типа, что недвусмысленно свидетельствует о наличии здесь крупной кузнечной мастерской, которая работала на основе местного металлургического производства. Кроме этих пунктов горно-металлургического производства железа у с. Комаровка, в последние годы обнаружены другие производственные центры. В частности, севернее Староалейкинского городища обнаружены несколько поселений и новое городище-убежище Старое Алейкино II, вероятно, относящееся к именьковской культуре. Здесь также встречаются многочисленные находки остатков металлургии железа и расположено месторождение сидеритовой руды в обнажении оврагов.

Наконец, следует отметить яркий памятник со следами масштабного производства железа, отмеченными на городище Красное Сюндюково I в Ульяновском районе области. Это городище является остатком малого города Волжской Болгарии. Здесь в 1991 г. исследована плинфовая усадебная баня (Семыкин, 1993). В южной части городища на пашне встречается массовый подъемный материал – железные металлургические шлаки и лепная именьковская керамика. Подъемный материал в виде металлургических железных шлаков с круговой волжско-болгарской керамикой встречается и в северной части городища. Эти находки свидетельствуют о том, что в районе Красносюндюковского I городища действовал крупный металлургический центр, который функционировал от раннего средневековья, включая домонгольский период.

И, наконец, следует отметить, что крупный пункт металлургического производства сыродутного железа функционировал также в северной части современного г. Ульяновска в микрорайоне «Ипподром». Здесь в результате разведочных археологических работ был обнаружен металлургический горн наземного типа с металлургическим конгломератом внутри корпуса. Памятник может датироваться ранним средневековьем. Приведенные сведения не исчерпывают информацию о размахе горнометаллургического производства железа в междуречье Волги и Свияги в Ульяновском районе Ульяновской области. Масштабы этого металлургического производства железа свидетельствуют о том, что здесь действовал один из крупнейших центров древней и средневековой металлургии железа. Этот центр, вероятно, обеспечивал своей продукцией потребности в черном металле не только собственного населения, но и населения многих регионов Урало-Поволжья. Дальнейшее направление изучения этого центра требует проведения крупных полевых археологических раскопок памятников горно-металлургического производства, а также выполнения специальных естественнонаучных аналитических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Колчин Б.А., 1985. Ремесло. Металлургия и металлообработка железа и стали // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М. С. 244-254.

Батыр В.В., Трофимчук А.А., Мясникова А.И., 1932. Полезные ископаемые в Татарской Республике и перспективы их использования в связи с Камстроем. Казань. 47 с.

Вязов Л.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.Л., Семыкин Ю.А., 2012. Исследования селища Новая Беденьга 1 в 2010 г. Новые материалы I тыс. н. э. с территории Ульяновского Поволжья // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань. С. 325-365.

Вязов Л.А., Салугина Н.П., Семыкин Ю.А., 2013. Городище и селище Новая Беденьга I // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир. Вып. 15). М.: ИА РАН. С. 54-101

Вязов Л.А., Семыкин Ю.А., 2013. О сырьевой базе черно-металлургического производства населения Ульяновского Поволжья в раннем железном веке и средневековье // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Материалы международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» / Составитель и научный редактор С.А. Агапов. Ульяновск: Областная типография «Печатный двор». С. 203-229.

Вязов Л.А., Семыкин Ю.А., 2016. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье // Археология Ульяновско-Симбирского Поволжья. Вып. 21. Ульяновск-Казань: НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина, ИА АН РТ им. А.Х. Халикова. 217 с.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло // История культуры Древней Руси. М.–Л. 792 с.

Семыкин Ю.А., 1993. Исследование бани на I Красносюндюковском городище // Археологические исследования в Поволжье. Самара.

Семыкин Ю.А., Ворона А.А., 2004. Находка древнего металлургического горна в Ульяновской области // Краеведческие записки. Итоги года 2002. Ульяновск. С. 127-135.

Семыкин Ю.А., 2015. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII в. // Археология Евразийских степей. Вып. 21. Казань. 231 с.

Жигулевский археологический комплекс и его соотношение с древностями новинковского типа

© 2018 Д.А. Сташенков

Работа выполнена по проекту РФФИ № 18–49–630007.

Аннотация. Жигулевский археологический комплекс, расположенный на Самарской Луке, состоит из Жигулевского селища и Жигулевского II грунтового могильника. В 2010–2017 гг. на шести раскопах было изучено 208 кв.м. Установлено, что обитатели поселения занимались черной и цветной металлургией и металлообработкой. Могильник, на котором исследовано 18 кремационных погребений, синхронен поселению. Датировка Жигулевского комплекса концом VII – IX в. н.э. соответствует широкой датировке памятников новинковского типа, выделенных Г.И. Матвеевой в 1980-е гг. Новые материалы позволяют утверждать, что в хазарскую эпоху на Самарской Луке существовало несколько культурных групп населения, образ жизни и погребальная обрядность которых существенно различались.

Ключевые слова: Самарская Лука, хазарская эпоха, археологический комплекс, кремация, погребальная обрядность.

Жигулевский археологический комплекс был открыт в ходе разведочных работ СОИКМ им. П.В. Алабина на Самарской Луке в 2010 г. (Сташенков, 2011). Он состоит из двух расположенных рядом памятников – Жигулевского селища и Жигулевского II грунтового могильника. В 2010–2017 гг. экспедицией музея на шести раскопах (по три на селище и на могильнике) было исследовано 208 кв.м (Сташенков, 2014). Полученные материалы позволяют утверждать, что обитатели поселения занимались преимущественно черной и цветной металлургией и металлообработкой. При раскопках встречено большое количество железного шлака, фрагменты литейных тиглей. Поселенческая керамика в основном представлена лепными плоскодонными горшковидными сосудами с примесью шамота и органики в формовочной массе.

Могильник синхронен поселению. На нем исследовано 18 кремационных погребений, сопровождавшиххся выразительным инвентарем. Часть предметов погребального инвентаря имеет явные следы пребывания в огне и, следовательно, находилась с умершим в момент совершения обряда кремации. Другая часть предметов таких следов не имеет, и, вероятно, была положена в могильную яму в момент совершения захоронения независимо от собранных с погребального костра фрагментов личных вещей, костей и углей.

По конструкции погребальных ям выделяются две группы захоронений. Большую часть составляют захоронения, совершенные в ямах округлой формы диаметром 0,4–1,0 м, незначительно углубленных в погребенную почву и реже – в материковый суглинок.

Вторую группу составляют захоронения, совершенные в длинных ямах прямоугольной формы, углубленных в материк на 0,5–1,0 м.

Набор погребального инвентаря в обеих обрядовых группах принципиально не отличается и представлен лепными горшковидными сосудами (максимальное количество сосудов в одном погребении – 5, встречено в погребении №5 раскопа 3), предметами ременной гарнитуры, бронзовыми деталями личных украшений и украшений костюма, стеклянными бусами, предметами конской упряжи.

Материалы первых трех лет исследования памятника опубликованы полностью (Сташенков, 2014), наиболее яркие комплексы из последних раскопок только начинают вводиться в научный оборот (Пономаренко и др., 2015; Сташенков, Салугина, 2017; Кочкина, Сташенков, 2018).

По итогам типологического анализа материала, которому не противоречат результаты радиоуглеродного датирования, хронологические рамки существования Жигулевского комплекса определяются в пределах конца VII–IX в. н.э., что соответствует широкой датировке погребальных памятников новинковского типа, выделенных Г.И. Матвеевой после исследований на Самарской Луке в 1980-е гг. Памятники новинковского типа подробно опубликованы и проанализированы в монографических исследованиях (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998), что позволяет всем заинтересованным обратиться к первоисточнику. Остановимся только на наиболее важных моментах:

1. Крупных поселений, которые можно было бы достоверно связать с новинковским населением, к настоящему времени не выявлено.

2. Новинковские погребения в основном совершены под курганными насыпями с каменной наброской по обряду ингумации; часть погребений имеет следы ритуального разрушения; положения костяков – вытянутое на спине; набор инвентаря различается в зависимости от возрастной, половой и социальной принадлежности погребенных.

3. Погребальные памятники новинковского населения возникали как курганно-грунтовые, что подтверждается результатами исследований последних лет.

4. Набор хронологических реперов из новинковских погребений дает возможность определить хронологические рамки совершения основной массы захоронений в пределах конца VII–VIII в.

Таким образом, несмотря на общие хронологические границы двух групп археологических памятников – памятников новинковского типа и Жигулевского археологического комплекса, на наличие общих категорий предметов, принципиальное различие в погребальной обрядности и характере бытовых памятников позволяют утверждать, что в хазарскую эпоху на Самарской Луке существовало несколько разнокультурных групп населения, образ жизни и материальная культура которых существенно различались.

Вероятно, по мере накопления материалов возникнет необходимость в выделения новой группы археологических памятников – памятников жигулевского типа.

ЛИТЕРАТУРА

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Самарский университет. 286 с.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2018. Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года / Ред. Д.А. Сташенков.

Самара: ООО «Институт истории и археологии Поволжья», АНО «Издательство СНЦ», 2018. С.38–39.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет. 226 с.

Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская археология. № 1 (11). С. 126–160.

Сташенков Д.А., 2011. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Волжского, Красноярского, Ставропольского, Шигонского районов Самарской области по Открытому листу №483. Самара // Архив ИА РАН.

Сташенков Д.А., 2014. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН». С. 82–124.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П., 2017. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Выпуск 19). М.: ИА РАН. С. 311–325.

Проблемы и перспективы обнаружения мест массовых самосожжений второй половины XVII века в Сибири

© 2018 В.Я. Темплинг, И.В. Усачева

Аннотация. В статье ставится проблема поиска и междисциплинарного изучения мест сибирских массовых самосожжений второй половины XVII в. Обосновывается положительный прогноз обнаружения Березовской и Тегенской гарей (1679, 1687).

Ключевые слова: русская археология, история Сибири, история старообрядчества, самосожжения.

Общеизвестно, что начальная история русского освоения Сибири в XVI–XVII вв. слабо обеспечена документальными источниками. Значительная часть документов этого времени погибла в пожарах, часть известна по более поздним копиям XVIII века, сохранившиеся сосредоточены в центральных архивах. Это обстоятельство приводит к тому, что некоторые исторические реконструкции, версии событий и процессов строятся исследователями на тенденциозных, часто противоречивых, а иногда и легендарных сведениях, верифицировать которые с помощью наличной в настоящее время источниковой базы невозможно. Особенно актуально это заключение по отношению к событиям и явлениям, связанным с различными формами протеста, идеологическими противостояниями, сопровождавшимися разделениями внутри общества и, как следствие, однобоким изложением информации победившей стороной. Главнейшим событием XVII века из этого ряда, безусловно, является раскол и формирование старообрядчества.

Самыми противоречивыми и идеологически насыщенными эпизодами в истории российского староверия стали самосожжения. Однако, несмотря на то, что вот уже несколько столетий гари являются предметом пристального внимания историков, информационные возможности документальных источников по истории самосожжений весьма ограничены и давно исчерпали себя. Основной темой исследований традиционно были причины добровольного ухода из жизни значительного количества людей. Между тем, как показало обобщающее исследование М.В. Пулькина, круг вопросов, связанных с детальным исследованием отдельных гарей, выходит далеко за рамки собственно самосожжения (Пулькин, 2013).

Во второй половине XVII в. на территории Сибири зафиксировано 16 гарей, в которых, по предварительным расчетам, погибло свыше четырех тысяч человек (Шашков, 2013. С. 101). К крупным, с числом жертв, исчисляемых сотнями, принято относить Березовскую (1679), Утятскую (1682), Тегенскую (1687), Боровиковскую (1687), Другановскую (1688), Поломошновскую первую (1690) гари. Основными источниками по гарям чаще всего выступают летописи, старообрядческий синодик, авторские обличительные и полемические произведения, частные свидетельства (Шашков, 2013). Источники не самые надежные, страдающие неполнотой и противоречивостью информации, наряду с выраженной субъективностью изложения. Даже в отношении одной из главных проблем самосожжений – оценке количества участников и жертв – сведения существенно разнятся. Например, при описании Березовской гари число погибших определяют как 700, 1700, 2000, 2700 человек; Тегенской – 300, 200, «человек с шездесят и болше» (Шашков, 2013. С. 88). Несмотря на выраженные разночтения, задача верификации этих данных никогда не поднималась. А между тем, ответ на вопрос о количестве, половозрастном и социальном статусе участников этих трагических событий может иметь серьезное значение для истории региона, подтверждения или пересмотра некоторых положений об особенностях и темпах его освоения, для выработки концепции феномена самосожжений и отработки моделей его реализации в конкретном историческом контексте.

Особый интерес представляет гарь на р. Березовке, состоявшаяся в январе 1679 г. недалеко от Ялуторовска. Она упоминается во всех работах по истории церковного раскола, однако сведения о ней не только весьма скудны, но и противоречивы и сомнительны. Число участников кажется невероятно большим для пограничной, немноголюдной, подвергавшейся набегам кочевников территории Притоболья, только-только включавшейся в орбиту крестьянского освоения. Еще в 30-е – 40-е гг. XVII в. кочевники почти беспрепятственно доходили до пограничных городов – Тары и Тюмени (Сперанский, 1932). Освоение территории Приисетья и среднего течения Тобола, с которыми связана Березовская гарь, начинается только в середине этого столетия. Здесь строятся остроги, организуются слободы, но их население на тот период исчисляется чаще десятками и реже сотнями человек (Кондрашенков, 1966). Каким образом в этих условиях в сжатые сроки могло сформироваться столь многочисленное (несколько

сотен!) сообщество единомышленников в отдаленной лесной пустыни? Что собой представляли бытовые условия жизни такого числа людей, как осуществлялось снабжение продовольствием и другими припасами? Каковы были их социальные статусы? Каким образом было подготовлено и реализовано столь массовое самосожжение? Наконец, каково было реальное количество людей, вовлеченных в эту трагедию? В совокупности эти вопросы представляют собой определенную научную проблему, которую до сих пор никто так и не пытался решить. Здесь могла бы помочь археология, однако ни сами гари, ни места обитания противников нового обряда (пустыни, скиты) как объекты археологического изучения никогда не рассматривались.

Таким образом, необходим поиск альтернативных способов решения проблемы, а именно: археологическая верификация исторических сведений. Археологическое изучение памятников позднесредневековой и новой истории – активно развивающаяся отрасль современной мировой и отечественной науки. Уже долгое время ведутся плодотворные раскопки археологических памятников продвижения русских землепроходцев на восток в XVII–XIX вв. Например, на территории Притомья раскопками изучены Томский – «Воскресенская гора» (В.И. Матющенко, М.В. Фролов, М.П. Черная), Кузнецкий (В.Н. Добжанский, Ю.В. Ширин, М.П. Черная), Сосновский (Ю.В. Ширин), Саянский (С.Г. Скобелев) остроги; в Обь-Иртышье – селища Бергамак, Изюк (Л.В. Татаурова), Казымский (В.И. Молодин, В.Н. Добжанский) и Умревинский (А.П. Бородовский) остроги; на севере Западной Сибири – Пелымский (В.А. Оборин), Лозьвинский (М.Ф. Косарев), Березовский (Г.П. Визгалов) и Обдорский остроги. В последние годы ведется активный поиск археологических памятников, связанных с походом Ермака (Н.П. Матвеева, О.М. Аношко, А.С. Долгих, Г.Ф. Нагибин, А.А. Адамов). Первые примеры широкого привлечения массовых археологических источников к изучению культуры и хозяйства сибирских землепроходцев уже дали интересные результаты, существенно дополнив, а в некоторых случаях и исправив информацию письменных источников (Аношко, 2014. С. 11).

В отличие от северорусских гарей этого же периода, сведения о коих дошли в составе большого количества письменных источников и память о которых до сих пор сохраняется в виде поклонных крестов, поиск мест самосожжений в Сибири затруднен – документов почти не сохранилось, не известен ни один меморат, ни один факт почитания таких мест. Только в описании Томского уезда, составленном на рубеже 30-х – 40-х гг. XVIII в., геодезист И. Шишков сообщал о двух огороженных местах самосожжений в деревне Поломошной (Шашков, 2013. С. 96). Однако среди известных сибирских гарей есть несколько, отличающихся не только масштабом событий, но и высокой вероятностью положительного прогноза их обнаружения. Это Березовская и Тегенская гари (1679 и 1687). Обе состоялись за пределами населенных пунктов, на территории пустыней, которые, в силу своей удаленности от обжитых мест не подвергались разрушительному антропогенному воздействию в дальнейшем. Кроме того, масштаб событий предполагает внушительные размеры следов. В результате чего раскрываются уникальные возможности в изучении системы жизнеобеспечения сибирских жителей, характеристике их хозяйственной и производственной деятельности, а также оценке навыков в сооружении жилых и оборонительных построек.

Как представляется, междисциплинарный подход к исследованию позволит за счет комбинирования традиционных архивных методов исторического исследования со специфическими археологическими (планиграфический, стратиграфический, вещевого анализа, типологический, сравнительно-этнографический, ретроспективный, и т.д.), естественно-научными (радиоуглеродный, почвоведческий, палинологический и т.д.) и географическими методами (ландшафтный, топографический, картографический и т.д.) и т.п., обеспечить максимально полное исследование разных аспектов старообрядческого движения (от идеологических, связанных с самосожжениями, до жизнеобеспечивающих культуры староверов), как в конкретном территориально-хронологическом плане, так и в историческом масштабе. Комплексность методов предполагает возможность разностороннего исследования феномена, в том числе с тех сторон, что в принципе недоступны наличествующим историческим источникам. Среди них: условия жизни и быта крестьянского населения Сибири второй половины – конца XVII в., особенности функционирования систем жизнеобеспечения пустыни, архитектурно-планировочные решения вопросов потаенности, специфика обустройства массовых самосожжений и др. Наконец, появление фактической информации о первых в Сибири массовых самосожжениях старообрядцев на территории Березовской, Тегенской пустыней позволит более полно реализовать принцип историзма, существенно расширив круг источников по проблеме исследования.

Особенно важен для истории региона ответ на вопрос о числе участников самосожжения. Во-первых, уточнение масштабов трагедии позволит либо поставить Березовскую гарь 1679 г. в разряд особо крупных, либо в разряд крупных, но не выдающихся по числу жертв, самосожжений типа Утятской и Тегенской гарей, в которых, судя по письменным источникам, погибло 400 и 300 соответственно, приверженцев старого обряда. Во-вторых, в том случае, если будет подтверждена цифра в 1700–2700 человек, то необходимо будет поставить вопрос о корректировке наших представлений о масштабе заселения региона, о мобильности населения того времени, по новому оценить характер общественно-политической и социально-психологической обстановки, поставить вопрос о движении информации в неинформационную эпоху, позволявшем мобилизовать население на обширных территориях, наконец, оценить масштаб личности лидера-организатора самосожжения, которому в необычайно короткие сроки удалось объединить и подвигнуть такое огромное число людей к решительным действиям и др. В-третьих, обнаружение двух или нескольких однотипных памятников позволит провести сравнительное исследование. Обнаружение таких памятников будет иметь значение и с точки зрения физической антропологии, которая может получить массовый статистический материал для всестороннего антропологического изучения русской популяции второй половины XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Аношко О.М., 2014. Изучение культуры сибирских первопроходцев по раскопкам в Тобольске // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Тюмень: Изд-во ТюмГУ.

С. 11–15.

Пулькин М.В., 2013. Самосожжение старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 336 с.

Сперанский М.Н., 1932. Повесть о Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древне-русской литературе / АН СССР. Инст-т рус. литературы (Пушкин. Дом); Ред. А.С. Орлов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. С. 13–32.

Шашков А.Т., 2013. Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII – начале XVIII века // Шашков А.Т. Избранные произведения / Отв. ред. И.В. Починская. Екатеринбург: Баско. С. 86–101.

Эжольский могильник V–VI вв. н. э. на Средней Вычегде (первые результаты исследований)

© 2018 Т.Ю. Туркина

Работа выполнена по программе комплексных фундаментальных исследований УрО РАН, подпрограмма 6. Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества. Проект №18–6–6–30. Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье

Аннотация. Публикуются первые результаты исследования Эжольского курганного могильника V–VI вв. н. э., выявленного в 2013 г. в бассейне Средней Вычегды (Республика Коми): дается обзор структуры могильника, погребального обряда, инвентаря погребений и предварительных данных половозрастного определения антропологического материала.

Ключевые слова: курганный могильник, погребальный обряд, Европейский Северо-Восток, эпоха Великого переселения народов.

Эжольский могильник был открыт в 2013 г. В.Н. Кармановым (Карманов, 2014). Памятник расположен у края эрозионного песчаного останца I надпойменной террасы, примыкающей на северо-востоке к одному из древних сегментов поймы р. Вычегды. Ближайшим водоемом является старичное озеро Подты, до которого от памятника 300 м по прямой на северо-восток. Визуально фиксируемая на поверхности площадь курганной части могильника составляет около 350 кв.м. Курганная насыпь могильника на поверхности слабо выражена и прослеживается в виде невысокого холма, густо поросшего соснами, с северо-восточной и южной его стороны расположены четыре большие впадины (Рис. 1). Насыпь возводилась неодновременно, но в результате ее оплывания, разрушений грабительскими вкопами и деформации корневой системой деревьев на современной дневной поверхности границы курганов не прослеживаются. На исследованной раскопками части памятника (422 кв.м.) выявлено восемь курганов овальной или округлой формы высотой от 0,1–0,6 м, размером от 4,0×3,1 м до 7,3×5,5 м, они окружены канавками и ямами, зафиксированы случаи взаимоперекрытия насыпей и канавок курганов (к. IV–VIII). Под насыпями располагалось от одного до трех захоронений (Рис. 2).

За три года исследований (2013–2015 гг.) на памятнике выявлены 18 захоронений, из них 16 под насыпями и два грунтовых. Кроме того, семь захоронений частично или полностью разрушены в древности.

Могильные ямы имеют прямоугольную и овальную форму, ориентированы с севера на юг с отклонениями к западу или востоку. Стенки погребений отвесные и наклонные, дно округлое и плоское, в трех случаях зафиксирована ступенька-уступ: продольная (к. I, п. 3, к. VII, п. 2) и

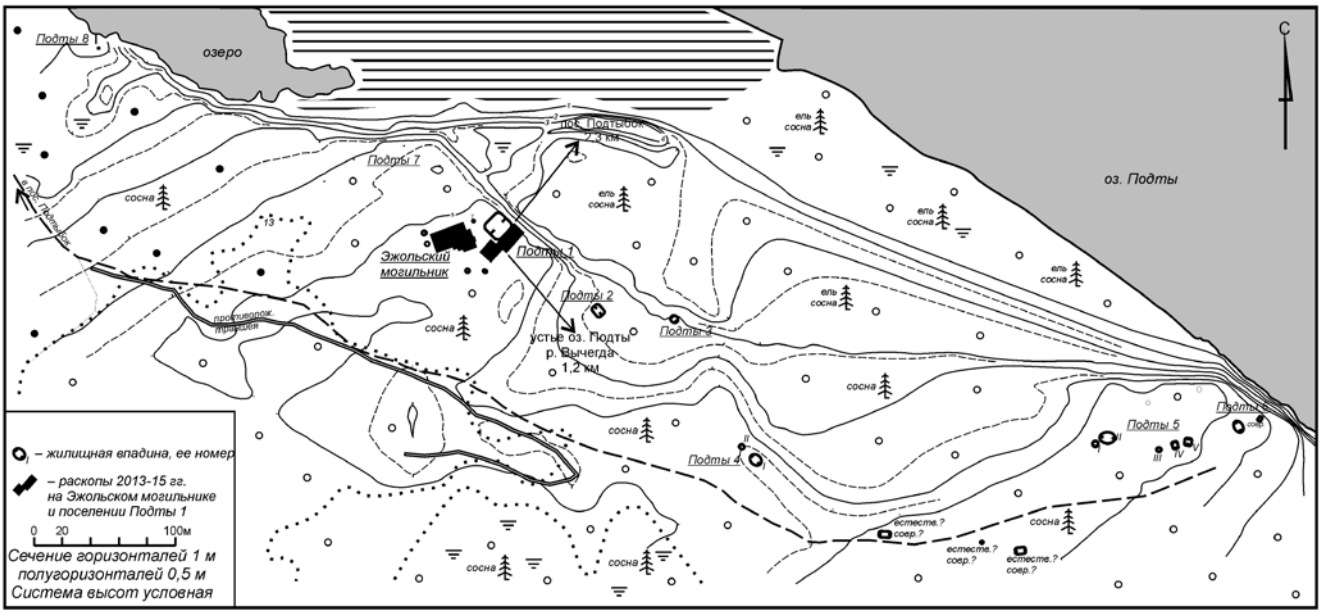


Рис. 1. Эжольский могильник. Ситуационный план.
Инструментальная съемка. 07.2015 г. В.Н. Карманов, А.С. Макаров.

поперечная (к. IV, п. 1). Длина могильных ям варьируется от 1,5 м до 2,8 м, ширина от 0,4 м до 1,75 м, глубина от 0,2 м до 0,6–0,65 м. Внутримогильные конструкции прослеживаются только в двух погребениях – это остатки деревянного настила в п. 2 к. III и плашка прямоугольная в сечении в разрушенном п. 2 к. IV. Кроме того, на насыпи к. VII над п. 2 был обнаружен обугленный деревянный настил с окантовкой из бересты, по своим очертаниям напоминающий лодку. По расположению погребального инвентаря, сохранившимся костным останкам и тлену, прослежено, что погребенные лежали на спине головой к воде. Все захоронения совершены по обряду ингумации.

При раскопках могильника обнаружены останки 15 человек. Предварительное половозрастное определение антропологического материала, проведенное В.И. Хартановичем (МАЭ РАН, Кунсткамера) выглядит следующим образом:

К. I: п. 1 – подросток или женщина до 20 лет, п. 2 – мужчина 50–60 лет, п. 3 – мужчина, взрослый индивид; К. III: п. 2 содержит останки четырех индивидов – женщины (?) 20–25 лет, мужчины 30–40 лет, взрослой женщины и ребенка 5–10 лет, в п. 3 этого же кургана содержались останки мужчины старше 30 лет; К. IV: п. 2 содержало останки двух индивидов – мужчины 20–30 лет и женщины старше 50 лет; К. V: в частично разрушенном захоронении останки взрослого индивида, пол которого определить не удалось; К. VI: п. 1 – останки индивида 17–22 лет, п. 2 – женщина (?) 40–50 лет; К. VII: п. 2 – женщина старше 50 лет, п. 3 – взрослый субъект, предположительно женщина. Кроме того, в насыпи к. VI был обнаружен череп, вероятно, выброшенный из разграбленного погребения, он принадлежал женщине 25–30 лет.

Во время раскопок найдены фрагменты глиняных сосудов, предметы быта, украшения и оружие. Находки располагались в насыпи (выбросы из разграбленных погребений), курганных канавках и непосредственно в комплексе погребений.

Практически во всех захоронениях присутствовали ножи или их фрагменты. В могилах они располагались в районе пояса или у тазовых костей покойных, исключением является погребение к. V, где в районе левого плеча был найден кинжал, а нож располагался вертикально в центральной части грабительской ямы. Все ножи железные с остатками костяных или деревянных рукоятей, на некоторых экземплярах зафиксированы остатки деревянных ножен. Второй по численности категорией находок являются обувные украшения. Они представлены в основном пряжками с округлой рамкой, щитком из согнутой пластины. В п. 2 к. III на остатках кожаной обуви расчищены два наконечника обувных ремешков, выполненные на бронзовой пластине – основе с напаянной с лицевой стороны серебряной фигурной накладкой. Фрагменты поясных наборов найдены в п. 2 к. III, разрушенном погребении к. VII и насыпи к. VI – это бронзовые рамчатые пряжки и серебряные наконечники ремней. В одном экземпляре найден фрагмент маски-наглазника, происходящий, к сожалению, из насыпи

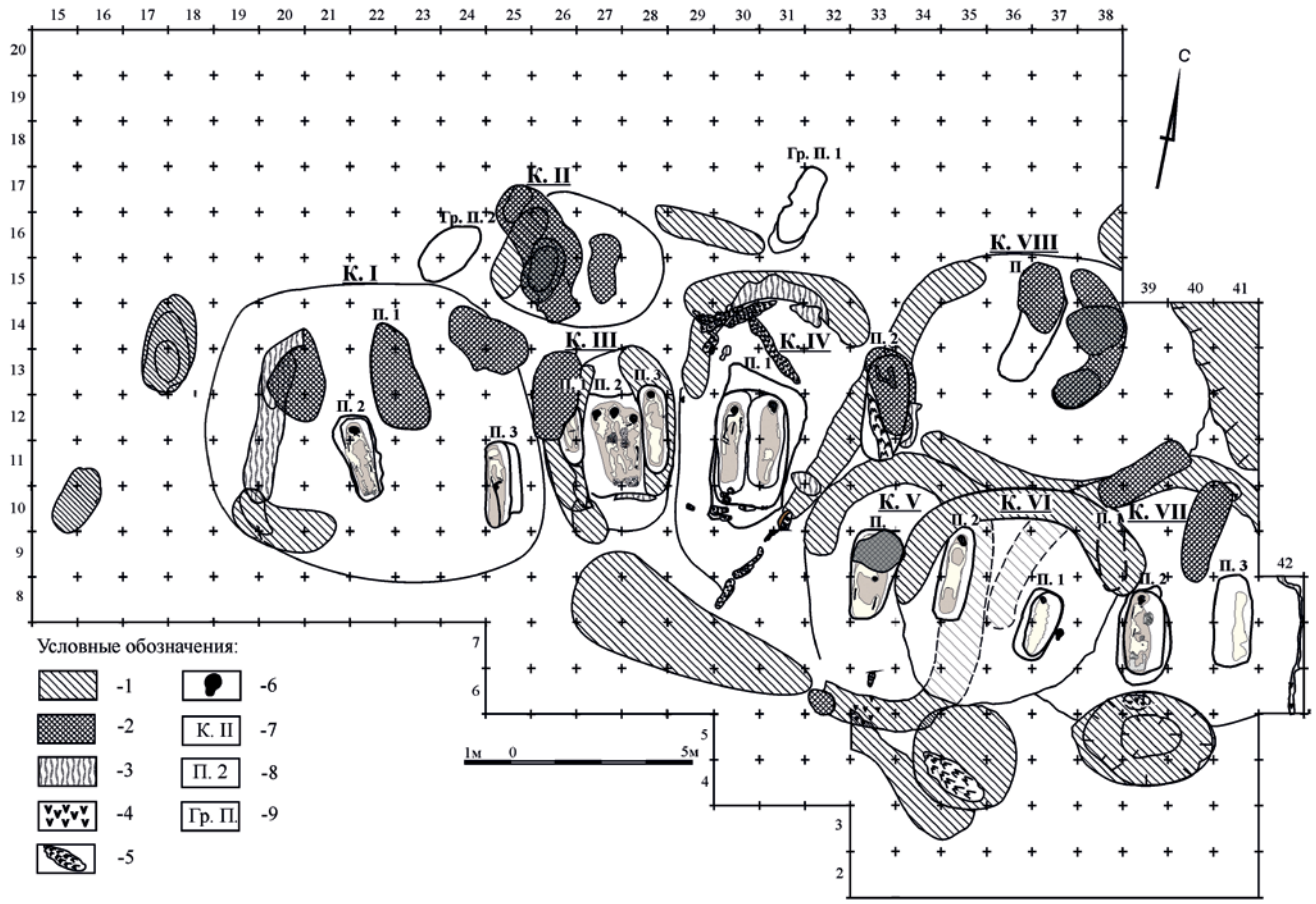


Рис. 2. План-схема расположения курганов и погребений на исследованной части Эжольского могильника.
1 – курганные канавки; 2 – грабительские вкопы; 3 – разрушенные конструкции; 4 – угли; 5 – фрагменты обожженных деревянных конструкций; 6 – черепа и их фрагменты; 7 – курган и его номер; 8 – погребение в кургане и его номер; 9 – грунтовое погребение и его номер.

разрушенного к. II. Предметы из категории украшений немногочисленны: браслет из медесодержащего сплава и янтарные бусины таблетковидной формы из п. 2 к. VII, серебренная шейная гривна (п. 2 к. III), зооморфная подвеска в виде фигурки коня (к. I, из разрушенного п. 2), фрагменты височных подвесок, найденные в п. 2 к. VII и насыпи, спиралевидные пронизки – составные элементы украшений (к. II, к. III п. 2, к. IV п. 1). Оружие представлено только упомянутым выше кинжалом, который был найден у левого плеча погребенного в к. V. При расчистке погребений обнаружены фрагменты кожи и меха: остатки мехового головного убора (К. VII, п. 2), фрагменты ремней, остатки кожаной обуви (к. III, п. 2). В двух канавках у северо-восточного края к. VI и северо-западного края к. IV были найдены бронзовые слитки овального сечения. Аналогичные изделия известны на ЕСВ в комплексах погребений могильников Борганъёль (Ашихмина, 1988. С. 11) и Шойнаяг (Васкул, Овчинников, 1996. С. 50, 52. Рис. 2: 4,5).

Коллекция керамики могильника представлена целыми экземплярами и фрагментами 32 сосудов – горшками и чашами, изготовленными из глины с минеральными примесями. По орнаментации выделяются две группы: Сосуды первой группы (4 экз.) оформлены по венчику защипами, пальцевыми вдавления, косыми насечками, орнаментированы по шейке и плечикам горизонтальными линиями, рядами парных овальных вдавлений. Такие характеристики керамики имеют параллели в керамическом комплексе второго этапа развития джуджыдъягской АК гляденовской культурной области (ГКО) I–IV–V вв. н. э. бассейна р. Вычегды. В раскопе они были расположены без привязки к погребениям у западного-северо-западного края насыпи курганной части могильника (у кромки к. I и III в грабительском вкопе). В одном случае развал сосуда расчищен в канавке у восточного края к. II. При орнаментации сосудов второй группы для оформления венчика использованы преимущественно оттиски зубчатого штампа, по шейке и плечикам нанесены различные вариации отпечатков шнура, отпечатки шнура в сочетании с оттисками зубчатого штампа, в некоторых случаях дополненные рядом круглых глубоких ямок. Выделяются сосуды, орнаментированные только по венчику оттисками зубчатого штампа и косыми насечками. Вероятнее всего, описанная керамика относится к шойнатыйскому типу бассейна р. Вычегды. Непосредственно в погребениях найдено семь сосудов. Они находились над могильной ямой над головой покойного или на заплечиках погребения, в двух случаях они были расположены донышком вверх, в остальных случаях сильно разрушены. Остальные экземпляры обнаружены в канавках и в насыпи курганов.

Эжольский могильник является седьмым выявленным погребальным памятником с захоронениями под курганными насыпями на территории ЕСВ (Савельева, 1979; Ашихмина, 1988; Васкул, Овчинников, 1996; Багин, 2007, Белицкая, 2015). От некрополей данного типа в регионе его отличает обилие керамической посуды, наличие экземпляров, относящихся к ГКО. Кроме того, могильник дал сравнительно неплохой антропологический материал, который позволил определить половозрастную принадлежность погребенных. По способу сооружения захоронений и инвентарю погребений могильник имеет много общих черт с подобными памятниками Прикамья (Генинг, Голдина, 1973; Голдина, Водолаго, 1990), время сооружения его курганной части относится, вероятнее всего, к V–VI вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., 1988. Погребальный обряд курганного могильника Борганъёль // Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 191. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. 24 с.

Белицкая А.Л., 2015. К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // РА. №2. С. 91–97.

Багин А.Л., 2007. Первые результаты исследований могильника VI века Сэбысь в среднем Припечорье // Материалы I Всероссийской конференции «Пермские финны: археологические культуры и этносы». Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. С. 107–112.

Васкул И.О., Овчиников Ф.В., 1999. Шойнаягский могильник // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 44–57.

Генинг В.Ф. Голдина Р.Д., 1973. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета. С. 58–121.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 176 с.

Карманов В.Н., 2014. Отчет о раскопках поселения эпохи бронзы Подты 1 и Эжольского могильника в Корткеросском районе Республики Коми в 2013 году. Сыктывкар / Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 821; Научный архив ИА РАН. Р–1. №40708

Савельева Э.А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. КСИА. Вып. 158. М.: Наука. С. 91–96.

Могильник второй четверти II тыс. Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье

© 2018 А.Ф. Шорин, А.А. Шорина

Работа выполнена при финансовой поддержке Комплексной программы УрО РАН, проект №18–6–6–15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири»

Аннотация. Проанализированы два погребения XIII–XV вв. могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье. Это захоронения мужчин в возрасте 17–18 и 30–40 лет смешанного европеоидно-монголоидного облика. Морфологические особенности костей скелетов указывают на морфокомплекс постоянных всадников. Это подтверждает и погребальный инвентарь. Погребения, вероятнее всего, относятся к чияликской культуре.

Ключевые слова: погребение, эпоха средневековья, горно-лесное Зауралье, чияликская культура.

Анализу подвергнуты средневековые погребения грунтового могильника Кордон Миассово 1 на севере Челябинской области.

Оба захоронения одиночные, совершены в неглубоких, до 40 см, могилах. Они перекрыты деревянными накатниками, сооруженными из нетолстых плах или бревен. Костяки уложены вытянуто на спине головой азимутом на 260 и 270°. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть правой положена на таз. Стопы ног сдвинуты вплотную; создается впечатление, что они были связаны. Основной погребальный инвентарь сосредоточен в районе тазовобедренной части обоих погребенных (здесь на поясе в ножнах, колчанах он и носился при жизни) и представлен наступательным вооружением и предметами конского снаряжения. У первого, юноши 17–18 лет, это 2 костяных и железный наконечники стрел (Рис. 1: 2, 4), железный нож и бронзовая пластина. У второго, мужчины в возрасте 30–40 лет, помимо сосуда (Рис. 1: 1) и 4 железных наконечников (Рис. 1: 3), уложенных, видимо, в колчан, от которого найдена костяная пуговица (Рис. 1: 8), и ножа, вместе с погребенным найден обломок обкладки лука (Рис. 1: 9), а также предметы конского снаряжения в виде удил (Рис. 1: 5) и фрагмента костяной рукоятки конской плетки с круглой серебряной бляхой навершия (Рис. 1: 6, 7). Оба индивида принадлежали к одному смешанному европеоидно-монголоидному типу. Мужчины этой популяции характеризовалась невысоким ростом (166 и 161 см), но, видимо, физически были сильными и выносливыми. Образ жизни их был связан со всадничеством: кольчатые двухзвеньевые удила, рукоятка конской плетки в погребальном инвентаре, морфологические особенности костей скелетов, свойственные морфокомплексу постоянных всадников с использованием стремян при верховой езде, травмы при падении. Существенную роль в их жизни играли и военные мероприятия: в погребальном инвентаре – это ножи, фрагмент обкладки лука, костяная пуговица от колчана, костяные и, особенно, железные бронебойные наконечники стрел, способные пробивать кольчугу; рана в области коленного сустава левой ноги, нанесенная рубящим орудием непосредственно перед смертью взрослого мужчины.

По бедренной кости юноши из погребения 1 получена дата Le–10990: 660±70 BP, 1σ: 1270–1330, 1340–1400 AD, 2σ: 1220–1420 AD; δ13C – 18,6 %, δ15N – 13,1 % (Шорин, Шорина, 2017. С. 110). Датировке средневекового могильника Кордон Миассово 1 в интервале со второй четверти XIII по начало XV вв. не противоречит сопровождающий умерших инвентарь. Это время существования в широком регионе юго-лесной и лесостепной зоны по обе стороны Уральского хребта памятников чияликского, бакальского, юдинского и макушинского типов, которые исследователи связывают с обширным угорским этнокультурным массивом, подвергавшимся, особенно в южной своей части, процессам тюркизации. Значительная часть этого населения имела явно выраженную коневодческую направленность.

Территориально и, пожалуй, в этнокультурном плане, наиболее близким анализируемым погребениям является средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 могильника, расположенного на расстоянии чуть более 50 км на северо-восток. По костяку погребенного этого грунтового могильника, где вскрыто 25 захоронений, получена дата Le-5511: 870±90 BP, 1σ 1044–1254 AD, 2σ 1016–1289 AD (Корякова и др., 1999. С. 88); то в пределах XI–XIII вв. Как и на могильнике Кордон Миассово 1, здесь характерен грунтовый способ захоронения в неглубоких и узких могильных ямах, перекрытых деревянным накатником, в положении вытянуто на спине головой на З и СЗ; руки не только вытянуты вдоль тела, но и уложены в районе таза. Но есть и отличия: в ряде большеказакбаевских могил присутствует подбой и почти все они безынвентарны; последнее связывают с проникновением в среду данного коллектива ислама (Корякова и др., 1999. С. 87–89).

Территориально более удален, но в культурном плане, видимо, близок этим двум могильник второй четверти II тыс. Перегон V близ Екатеринбурга (Шорин и др., 1999). Расстояние между ними около 250 км, но ландшафтно-природная зона та же. Здесь вскрыты 3 грунтовые могилы, в которых похоронены женщина в возрасте старше 50 лет, мужчина в возрасте 25–35 лет и ребенок в возрасте около 3 лет. Взрослые уложены вытянуто на спине; кости рук женщины вытянуты вдоль туловища; у мужчины же правая рука вытянута вдоль туловища, кисти левой положены на тазобедренный сустав. Оба костяка имеют близкую ориентацию головы в восточный сектор. Мужское захоронение совершено под деревянным накатником и, может быть, в дощатом гробовище без дна. Грунт на дне могилы женщины в районе головы слабо, а в районе таза и ног сильно прокален. Только женское захоронение сопровождалось ножом, который преднамеренно согнут пополам. По внешнему облику погребенные относятся к уральскому антропологическому типу, в котором присутствуют европеоидные и монголоидные черты.

Более удаленные территориально аналогии могильнику Кордон Миассово 1 усматриваются на востоке от Уральского хребта в погребениях могильника у д. Мыс и могильника у д. Макушино. Сходство проявляется в наличии срубов или деревянных перекрытий над могилами, вытянутом на спине положении умерших, когда одна рука

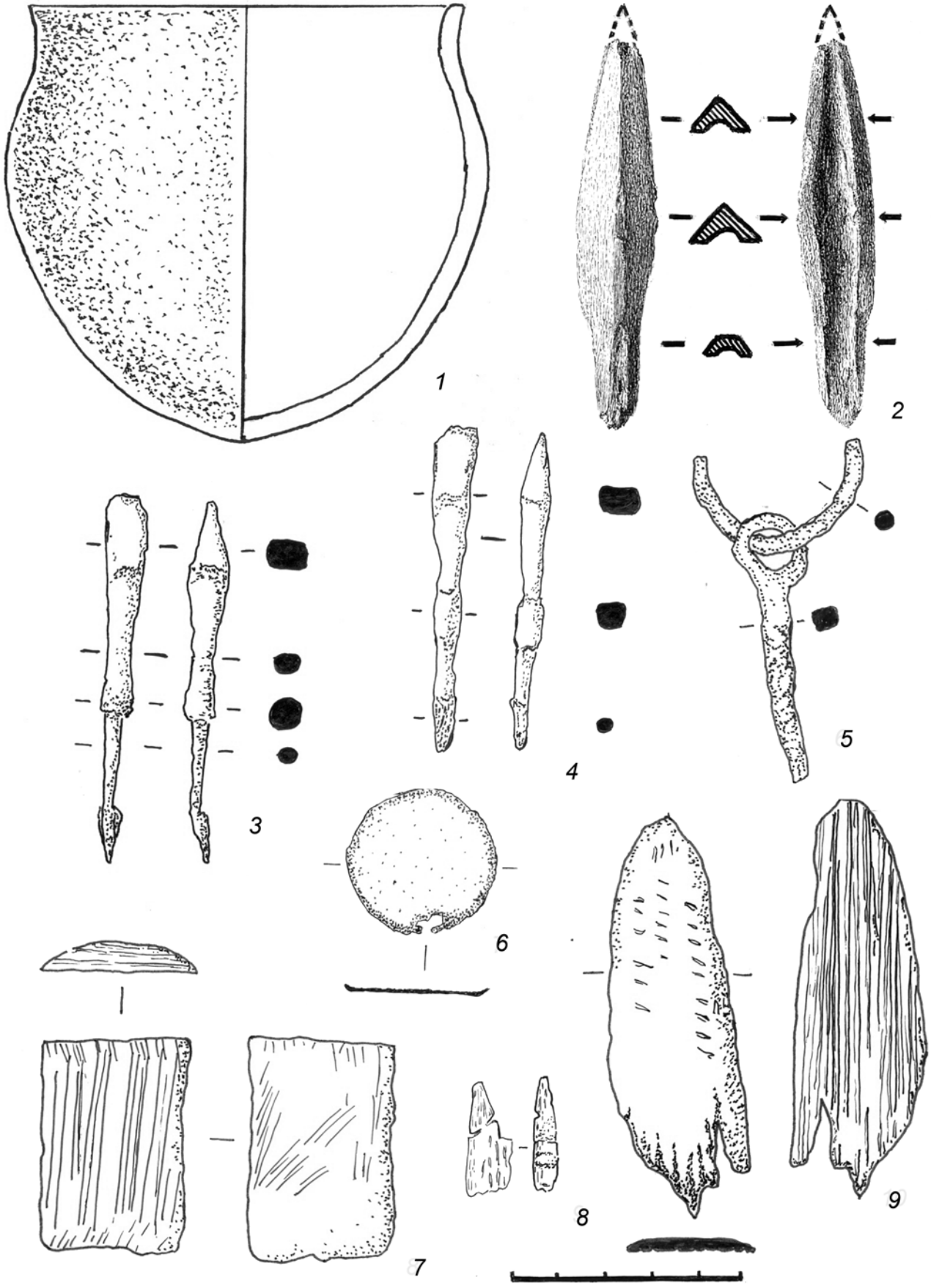


Рис. 1. Погребальный инвентарь.
1, 3, 5–9 – погребение 2, 2, 4 – погребение 1.
1 – сосуд, 2–4 – наконечники стрел, 5 – удила, 6 – бляха, 7 – фрагмент рукояти, 8 – пуговица, 9 – фрагмент обкладки лука.
1 – глина, 2, 7–9 – кость, 3–5 – железо; 6 – серебро.

вытянута вдоль туловища, а кисть другой положена на таз, З или СЗ ориентировке покойников, сопровождении ряда могил сосудами и железными ножами, использовании огня в погребальном ритуале. Но есть и различия: курганный обряд захоронений у с. Макушино, большинство могил здесь без инвентаря.

В западном от Хребта направлении аналогии усматриваются в погребальном обряде населения чияликской культуры восточных районов Татарстана, горно-лесных и лесостепных районов Башкортостана. Датируется культура XII (XIII) – XIV вв. и, как и у рассмотренных выше археологических памятников, основной этнический компонент этой культуры признается как угорский. Это преобладание грунтовых могильников, неглубокие прямоугольные могилы, в которых, в том числе встречаются деревянные перекрытия и гробовища, вытянутое на спине положение с ориентировкой головы на ЮЗ или З, сопровождение погребальным инвентарем, прежде всего женщин и детей, но нередко и отсутствие его, особенно в могильниках позднего этапа культуры. Последнее обстоятельство, как и ориентировка погребенного лицом на юг, в сторону Мекки, объясняют начавшейся мусульманизацией населения этой культуры.

На данном этапе исследования именно с одной из групп этого широкого этнокультурного массива, предпочтительно все же западной, чияликской, его части следует связывать и средневековые погребения могильника Кордон Миассово 1.

ЛИТЕРАТУРА

Корякова Л.Н., Ковригин А.А., Ражев Д.И., Шарапова С.В., Берсенева Н.А., 1999. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург: Урал. ун-т. С. 73–89.

Шорин А.Ф., Волков Р.Б., Ражев Д.И., 1999. Средневековый могильник на поселении Перегон V около г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург: БКИ. С. 183–188.

Шорин А.Ф. Шорина А.А., 2017. Погребение эпохи средневековья могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // Международный научно-исследовательский журнал. №06 (60). Часть 1. Июнь. С. 107–111.

Новейшие направления исследований в урало-поволжской археологии по материалам диссертационных работ (1993–2017 гг.)

© 2018 Г.Н. Журавлева

Аннотация. Диссертационные исследования должны содержать решение задач, либо излагать новые научно обоснованные решения, имеющие существенное значение для развития соответствующей отрасли знаний. На основании диссертаций, защищенных в Удмуртском университете по археологии, есть реальная возможность представить основные направления и новейшие достижения в этой науке.

Ключевые слова: диссертационные исследования, основные направления, проблемы, достижения.

Диссертационный совет по историческим наукам в Удмуртском государственном университете действует с 1993 г. Бессменным председателем Совета является его организатор доктор исторических наук, профессор Р.Д. Голдина. К настоящему времени в совете защищено 247 диссертаций по трем специальностям, из них 27 – на соискание ученой степени доктора наук (Журавлева Г.Н., 2015. С. 46–72). По специальности 07.00.06 – Археология было защищено 11 докторских и 84 кандидатских диссертации. Исследования охватывают территории от Самарского Поволжья на западе до Западной Сибири на востоке, от Печорского Приуралья на севере до Северного Прикаспия на юге. Хронологические рамки работ также широки: от эпохи палеолита до позднего средневековья, а спектр тем – от характеристики вещевого материала до истории науки.

За все время работы Совета только в одной работе рассматривался период палеолита. Была выполнена систематизация всех археологических источников по финальному палеолиту, позволившая впервые в археологии Пермского Приуралья определить черты материальной культуры древнего населения. Исследованы мезолит и неолит Северного Прикаспия. Одно из направлений, активно разрабатываемых археологами, – это взаимодействие лесного и степного населения, уровень его развития в эпоху неолита и энеолита, что прослежено на основе развития культур ямочно-гребенчатой керамики, неолитических древностей Сурско-Мокшанского междуречья, памятников с накольчатой керамикой Волго-Камья.

Благодаря научным изысканиям екатеринбургских археологов изменились представления об эпохе камня и бронзы Зауралья, была заполнена лакуна между энеолитом и развитым бронзовым веком лесостепного Зауралья. Впервые была предложена региональная культурно-хронологическая периодизация каменного и бронзового веков Сургутского Приобья.

В период бронзы формируются крупные этнокультурные общности, расширяются масштабы миграционных процессов, в результате чего формируются новые культурные образования, что было доказано на примере погребальных памятников позднего этапа волго-донской катакомбной культуры конца средней бронзы и раннесрубными захоронениями начала поздней бронзы Степного Поволжья.

Эпоха раннего железа представлена небольшим количеством работ. Как особый культурно-хронологический тип памятников рассмотрены Айские древности в V–III вв. до н. э., на основе методов математической статистики сформировано целостное представление о погребальном обряде чегандинско-мазунинского населения Прикамья, в том числе его эволюции, прослеженной на ключевом памятнике – Тарасовском могильнике.

I – начало II тыс. н. э. – один из важнейших периодов в Поволжье и Приуралье при определении характера этногенетических процессов, происходящих в среде финно-угорского мира. В это время оформлялось своеобразие этнических массивов, вылившееся в конечном итоге в формирование отдельных культур поволжских финнов, предков современных коми, удмуртов. Это направление представлено многими исследователями. На основе систематизации археологических материалов первой половины II тыс. н. э. бассейна Сылвы был сделан вывод об участии населения Сылвенско-Иренского поречья в генезисе различных народов Приуралья. В результате создания единой хронологической шкалы древностей обоснован тезис о формировании в бассейне Вятки западных групп древнеудмуртского этноса. Предпринята попытка проследить процесс формирования мордвы-мокши VIII–XI вв., а также рассмотрены вопросы, связанные с изучением начальных этапов этнического развития волжских финнов.

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на важность изучения этнической истории народов регионов в позднесредневековый период. В этом направлении в работах детально представлены этногенетические процессы в Вятском бассейне, марийском Поволжье, в степной и лесостепной полосе Южного Урала. Результатом интереса к археологии позднего времени явились и монографические исследования по истории Челябинска XIII–XIX вв., Казанского Кремля XI–XVII вв., г. Джукетау X–XIV вв.

Принципиальное значение для постановки и решения различных вопросов хозяйственной, социальной и духовной жизни древних коллективов имеет изучение поселений и жилищ. В диссертационных исследованиях рассматривались динамика развития и традиции строительства долговременных жилых сооружений на территории марийского края во II–I тыс. до н. э., домостроительство лесостепного Поволжья второй-третьей четверти I тыс. н. э., поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья.

О развития хозяйства в древнем обществе можно судить по уровню развития некоторых, передовых для того времени, отраслей. В исследованиях впервые сделана попытка нарисовать историческую картину развития железообрабатывающего и чугунолитейного производства у народов Прикамья, Нижнего и Среднего Поволжья на протяжении от VIII в. до н. э. до XVIII в. н. э. О развитии общества свидетельствует и уровень вооружения, что также нашло отражение в диссертационных работах.

Часто предметом исследования, как исторического источника для реконструкции этнической, культурной и хозяйственной деятельности населения, становились отдельные категории археологического материала. Изучены бусы раннесредневековых могильников междуречья рр. Белой и Уфы, Верхнего Прикамья IV–IX вв., стеклоделие Билярского городища X – начала XIII в. Были проанализированы фибулы Среднего, височные украшения Верхнего Прикамья, выявлены возможные пути поступления сырья для их изготовления в Прикамье, рассмотрено плоское ажурное литье кулайской культуры в Западной Сибири, проведен обобщающий анализ копоушек Восточной Европы VIII в. до н. э. – XV в. н. э.

Анализ и интерпретация семантики бронзовых украшений с зооморфными изображениями, реконструкция костюма населения позволили не только уточнить и дополнить информацию по костюмным комплексам, но и рассматривать его как источник информации об этнокультурных процессах, протекавших в среде населения Прикамья и Южного Приуралья в эпоху раннего железа. Как категория искусства рассмотрена глиняная пластика.

Важное значение для выяснения вопросов историко-этнических и культурных процессов имеют исследования керамики. В работах отражены результаты изучения керамики раннего железного века населения лесостепного Зауралья, гончарной керамики в Прикамье, впервые рассматривалась по археологическим источникам круговая неполивная посуда Вятского края, было реконструировано гончарное производство русского населения Самарского Поволжья в конце XVII – XX в.

До настоящего времени остается слабо разработанной проблема социально-культурной реконструкции древних обществ. Единственными оказались работы, в одной из которых была предложена и апробирована оригинальная методика реконструкции возрастного и численного состава реальных общественных структур древности, и в другой – предпринята попытка реконструировать общественную структуру населения Верхнего Прикамья.

Одной из составляющих духовной культуры является религия, поэтому важно проследить этапы становления религиозных представлений, что можно сделать только на археологическом материале. В серии диссертаций показано зарождение и развитие религиозных культов – от галлюциногенного напитка, огня, космологических символов в костюмных комплексах до характеристики культовых мест.

Необходимость исследования развития истории археологии стимулировала естественный интерес к археологической историографии и истории науки. Впервые была представлена история развития археологических исследований в Урало-Поволжье с XVIII до конца XX в. Научное сообщество получило характеристику признаков научных школ, концепцию «научной традиции» применительно к формированию исследовательских традиций в археологии Прикамья, а также значение научных коммуникаций в становлении и развитии провинциальной археологической науки на рубеже XIX–XX вв. Исследована историография Всероссийских археологических съездов, история археологических исследований в музеях Южного Урала, дан комплексный анализ совокупности социально-политических факторов развития археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1940-х гг.

Таким образом, на протяжении с 1998 г. по 2017 г. на основе защищенных диссертаций по специальности «Археология» в Удмуртском университете, можно выделить несколько основных направлений исследований в Урало-Поволжской археологии, что четко прослеживается на примере докторских диссертаций. Во-первых, это изучение взаимодействия культур севера и юга в лесостепной и степной зонах в период от неолита до ранней бронзы; во-вторых, исследование культурно-исторических процессов в эпохи неолита и энеолита; в-третьих, обобщение обширной археолого-палеоэкологической информации; в-четвертых, хозяйственное и этнокультурное развитие региона; в-пятых, изучение городов как центров развития ремесла и торговли. Само разнообразие тем и направлений, постановок задач, охват источников в защищенных диссертациях, довольно оперативная публикация монографий по диссертационным темам, говорит о значимости и востребованности полученных новых научных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

Журавлева Г.Н., 2015. 20 лет диссертационному совету по историческим наукам в УдГУ // Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета – 40 лет / Сост. Н.Ф. Широбокова. Ижевск. С. 46–72.

Археологические памятники и историческая память локального сообщества

© 2018 О.М. Мельникова

Аннотация. В статье с позиций мемориального поворота в исторической науке рассматриваются механизмы сохранения в обществе памяти об археологических памятниках, ставятся вопросы о том, как и почему они актуализируются в исторической памяти общества, как профессиональное научное сообщество участвует в конструировании образов исторической памяти.

Ключевые слова: археологические памятники, легенды и предания, историческая память, локальная идентичность, места памяти.

Археологическая наука в последние десятилетия активно включена в междисциплинарные исследования. Они находят свое выражение как в отношении изучения артефактов, так и в исследованиях историко-научного и историографического содержания. В этой предметной сфере уже зарекомендовали себя социологический, историко-антропологический, гендерный, генерационный и иные современные подходы. Весьма интересен как для археологических историко-научных исследований, так и в целом для понимания функций археологии как науки в современном обществе мемориальный подход, нашедший свое воплощение как в узкой тематической проблематике, так и в мето-

дологических размышлениях (например, Образы времени и исторические представления, 2010; Леонтьева, 2011; Леонтьева, 2015. С. 60–96; История, память, идентичность, 2016; Кризисы переломных эпох, 2011 и др.).

Мемориальные исследования в исторической науке рассматривают в качестве предмета изучения «не историческое событие или явление как таковое, а саму память о прошлом, живущем в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции» (Леонтьева, 2015. С. 59). Полезно рассмотреть с этой точки зрения археологические объекты: каким образом память о них сохраняется в обществе, как и почему они актуализируются в исторической памяти общества, наконец, как само профессиональное научное сообщество участвует в конструировании образов исторической памяти.

В литературе обращалось внимание на то, что археологические объекты вплетены в ткань донаучных представлений. Так в учебнике А.В. Арциховского по курсу «Основы археологии», вышедшем в 1955 г., подчеркивалось, что «интерес к старинным вещам возник у людей давно» (Арциховский, 1955. С. 7). В исследовании «История отечественной археологии» Г.С. Лебедева указывается, что «древности, т.е. материальные объекты, отделенные от живой культуры разрывом в традиции их изготовления, занимают функционально определенное место в любой культуре, включая первобытную» (Лебедев, 1992. С. 15). Ученый выделяет мифологическую функцию древностей, когда вещи более раннего времени находят в более поздних комплексах, что с очевидностью свидетельствует об их особом значении в системе мифологического мировоззрения. Автор обращает внимание на эпический источник, который определяется как значимый для современного изучения археологических объектов и понимания путей формирования в обществе представлений об археологических источниках (Лебедев, 1992. С. 15).

В работе В.Ф. Генинга и В.Н. Левченко «Археология древностей – период зарождения науки» обращено внимание на то, что в период предыстории археологии «в различных европейских традициях время от «сотворения мира» до ближайших исторических событий заполнялось в каждой стране по своему вкусу» (Генинг, Левченко, 1992. С. 10).

В учебном пособии В.И. Матющенко имеется раздел «Первые сведения об археологических памятниках Сибири», где указывается, что в целом ряде средневековых источников упоминаются археологические объекты (Матющенко, 1992. С. 7). Эту же информацию автор повторяет в книге «300 лет истории сибирской археологии» (Матющенко, 2001. С. 11).

Особо в рамках тематики восприятия населением археологических памятников выделяются работы А.А. Формозова. В целом ряде книг ученый классифицировал русские народные представления об археологических памятниках (Формозов, 1961; 1986. С. 17).

Не является исключением и удмуртская региональная археология. В работах первых исследователей древностей П.В. Алабина, А.А. Спицына, М.В. Малахова, Н.Г. Первухина, И.П. Селивановского, Л.А. Беркутова, Г.В. Потанина приводятся данные фольклора, связанные с археологическими памятниками (Ванчиков, 1993. С. 94–104; Иванов, 1992. С. 41–59; Мельникова, 2004. С. 145–150 и др.). С точки зрения сохранения в обществе этих преданий, важно, что собирательные образы, связанные с археологическими объектами выражали идеалы этносоциальной группы, сохраняя наиболее важную для ее жизнедеятельности информацию (Иванов, 1991. С. 44).

Таким образом, исследовательски в разных аспектах и для разных территорий показано, что археологические объекты несли важную мемориальную нагрузку, сохраняя в мифологических образах, легендах, преданиях, географических названиях актуализированные для конкретных сообществ представлений прошлом.

Другой аспект рассматриваемой темы связан с выявлением причин значения археологической проблематики в деятельности возникших в пореформенные годы в провинции многочисленных общественных институций.

Эпоха Великих реформ способствовала эмансипации личности и постепенному размыванию сословной социальной стратификации и вслед за ней и сословной идентичности. Это требовало поиска новой коллективной идентичности для широкого круга в первую очередь городского провинциального сообщества, включавшего не только дворян, духовенство, купечество, но и вследствие демократизации высшего образования, представителей разночинной среды (Мельникова, 2018. С. 66–76).

Развитие местного самоуправления и принятия местным сообществом ответственности за жизнь города и уезда формировало эту новую идентичность как локальную. Под ней понимается «идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания. Она является существенной опорой для человека в возможности иметь определенность собственного положения в системе социального пространства, служит основанием к преобразовательной активности и частично компенсирует утрату других довольно важных социальных идентичностей. В обычных условиях локальная идентичность проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей территории» (Морозова Е.В., Улько Е.В.).

Можно предположить, что осознание локальной общности нуждалось в историческом подкреплении. Обретение собственной истории становилось основой единения различных социальных групп уездного города, и ее создание мыслилось ключевой задачей образованного сообщества.

Одним из механизмов формирования исторической памяти локального сообщества стал основанный в 1909 г. в уездном Сарапуле земский музей. Стараниями его активных деятелей – представителей духовенства, врачей, чиновников, купцов, журналистов – он стал важным элементом формирования локальной идентичности, местом самопрезентации уезда за его пределами. Здесь проходили встречи с учеными и родиноведами из других регионов (например, А.М. Тальгрен, А.С. Лебедев). Широкие связи с учеными-уроженцами Вятской губернии (А.А. Спицыным, Д.К. Зелениным), рассылка «Известий» Общества изучения Прикамского края в другие губернии также служили внешней презентацией локального сообщества. Контакты с финским археологом А.М. Тальгреном, посвятившим мечам из коллекции музея статью в его «Известиях», и использовавшим сарапульские материалы в построении своей археологической концепции, еще более повышали статус локуса в глазах горожан, вписывая его в широкий европейский контекст.

Зафиксированные в музейной экспозиции, научных публикациях, отчетах об археологических раскопках в Императорскую археологическую комиссию при посредстве

образованного сообщества образы прошлого уезда позволяли и горожанам, и самому образованному сообществу осознавать общие ценности.

Сегодняшнее участие археологов в музеефикации археологических объектов происходит успешно там, где местное сообщество консолидировано и осознает свою идентичность, в том числе через археологическое прошлое.

Наконец, еще один важный аспект в изучении истории памяти, который позволяет рассматривать историю археологии, в том числе и региональную, с точки зрения мемориального поворота. Тематика ее предмета существенно расширилась с начала XXI в., отойдя от очерков к монографическому осмыслению роли различных социальных институтов в развитии археологической науки, биографическим исследованиям, изучению социальной организации археологии, публикации историко-научных источников. Это само по себе свидетельствует о том, что субдисциплина выполняет значимую мемориальную функцию, поскольку каждое поколение археологов обращает внимание на те стороны прошлого науки, которые значимы для решения современных исследовательских задач.

ЛИТЕРАТУРА

Арциховский А.В., 1955. Основы археологии. М.: Государственное издательство политической литературы. 280 с.

Ванчиков В.В., 1993. Крестьяне Вятской губернии и археологические древности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск: УдГУ. С. 94–104.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992. Археология древностей – период зарождения науки. Киев: АН Украины. Институт археологии. 64 с.

Иванов А.Г., 1992. Историческая основа преданий удмуртов // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск. С. 41 – 59.

Кризисы переломных эпох в исторической памяти, 2012. М.: ИВИ РАН. 336 с.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ. 480 с.

Леонтьева О.Б., 2011. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ОО «Книга». 448 с.

Леонтьева О.Б., 2015. « Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Вып. 50. М.: ИВИ. С. 57–96.

Леонтьева О.Б., 2016. Историческая память современного российского общества как исследовательская проблема // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. М.: Аквилон. С. 237–242.

Матющенко В.И., 1992. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск: ОмГУ. 135 с.

Матющенко В.И., 2001. 300 лет сибирской археологии. Омск: ОмГУ. В 2-х т.: Т. I. 179 с.; Т. II. 173 с.

Мельникова О.М., 2004. Археологические исследования Л.А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. №3. Серия «История». Ижевск. С. 145–150.

Мельникова О.М., 2018. Роль образованного сарапульского сообщества в формировании и поддержании локальной идентичности в исторической памяти горожан (начало XX века) // Русские в Прикамье: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 марта 2018 г., г. Сарапул). Ижевск-Сарапул. С. 66–76.

Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политекс (Политическая экспертиза).–URL:http://www.politex.info/content/view/509/30/ (дата обращения 11.02.2018).

Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М.: Кругъ. 960 с.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР. 127 с.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.: Наука. 240 с.

Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939)

© 2018 Е.В. Мишанина

Работа выполнена в рамках госзадания «Степи России: ландшафтно-экологические основы устойчивого развития, обоснование природоподобных технологий в условиях природных и антропогенных изменений окружающей среды».

Аннотация. Статья посвящена А.Л. Аниховскому – археологу, геологу, землемеру, краеведу, члену Оренбургской ученой архивной комиссии. Его имя носит с. Аниховка в Адамовском районе Оренбургской области. В 1930 г. он стал первым директором Бугурусланского краеведческого музея. Им открыты и исследованы десятки археологических объектов на территории Бугурусланского уезда Средне-Волжского края.

Ключевые слова: археология, музей, краеведение, памятник археологии, геология.

Александр Леонтьевич Аниховский родился 19 января 1876 г. в г. Горки Могилевской губернии в семье агронома. После окончания в родном городе землемерно-таксаторских классов, в 1899 г. направлен для работы топографом переселенческой партии в Тургайскую область для обмера земель. В благодарность за деятельность по межеванию переселенческих участков, один из поселков назван в его честь. А. Аниховский с интересом наблюдал за жизнью коренного казахского населения, изучал и описывал многочисленные курганы и каменные изваяния, встреченные им в тургайских степях. К слову сказать, А.Л. Аниховский прекрасно рисовал маслом, любил музыку и играл на скрипке.

В 1903–1908 гг. А.Л. Аниховский служил в Оренбургском отделении крестьянского поземельного банка, где принимал активное участие в работе Оренбургской ученой архивной комиссии, заведуя казной комиссии и музеем, исполняя должность товарища председателя. При его ак-

тивном участии имущество пополнялось различными пожертвованиями, а музей приведен в надлежащий порядок.

В мае 1908 г. при увольнении в связи с отъездом из г. Оренбурга неутомимому деятелю вручено благодарственное письмо, в котором отмечена его работа в комиссии: «В лице Вашем комиссия лишилась своего товарища председателя, деятельного человека, бережливого казначея и честного хранителя музея. Примите от всех нас русское спасибо» (БКМ. Ф. 506). Дальнейшая его жизнь связана с гг. Саратовом, Ярославлем, Мышкиным, где он работал в отделениях поземельного банка, а также родными Горками. В 1915 г. А.Л. Аниховский закончил Московский археологический институт, получив звание ученого-археолога с зачислением в действительные члены института.

В Горках уже в советское время, когда он работал директором школы 2 ступени, его учеником оказался будущий советский писатель Лев Разгон. В своем произведении он описал своего учителя: «Высокий, с рыжими тараканьими усами, всегда ходивший в прекрасно сохранившейся форменной тужурке, – он казался ожившей иллюстрацией к романам, повестям, воспоминаниям классической царской гимназии» (Разгон, 1995. С. 156). Дисциплина преподаваемая ученикам А.Л. Аниховским, называлась «история культуры». Будучи взрослым, умудренным жизненными обстоятельствами человеком, Л. Разгон написал об учителе и его предмете, что это «...была попытка вбить в наши замусоренные головы то, что вечно... Теперь я понимаю, скольким я ему обязан» (Разгон, 1995. С. 160.).

В 1928 г. по состоянию здоровья из-за участившихся приступов астмы А. Аниховский возвратился в Оренбуржье и поселился в г. Бугуруслане Самарской губернии, устроившись на работу инженером по земельной регистрации в Бугурусланском уездном земельном управлении. Последнее десятилетие его жизни связано с Заволжьем. Оно кажется наиболее продуктивным в деятельности А.Л. Аниховского в качестве ученого-археолога. В течение первых двух лет жизни на новом месте он принимал активное участие в организации Бугурусланского окружного краеведческого общества, стал его секретарем, с 1930 г. возглавил Бугурусланский краеведческий музей, созданный на основе дореволюционного музея А.Н. Карамзина. 1.12.1930 г. принял участие в I Всероссийском музейном съезде. С 1928 г. А. Аниховский производил археологические разведки и раскопки на территории бывшего Бугурусланского уезда, заказывая Открытый лист на проведение данных работ в Институте археологии в г. Москве.

В Бугурусланском краеведческом музее сохранился фонд А.Л. Аниховского с его записями, уцелевшими после пожара музея в 1978 г., а также коллекция предметов археологии, выявленных исследователем на территории бывшего Бугурусланского уезда. 1930-е гг. оказались временем небывалого подъема краеведения в стране. Энтузиасты краеведческого движения активно вовлекали в него все слои населения. При помощи анкетирования собрали ценнейшую информацию о памятниках древности. Кроме того, сам А.Л. Аниховский на двуколке объезжал территорию района и наносил на археологическую карту десятки поселений, курганов, пещер, рудников.

Так, в 1930 г. в 3 км южнее г. Бугуруслана (современная ул. Щорса) археолог выявил остатки древней шахты, шлаки, кусочки руды, меди, обломки литейных форм (БФ ГБУ «ГАОО» Ф. 51. Оп. 1. Д. 32. Л. 54 об.).

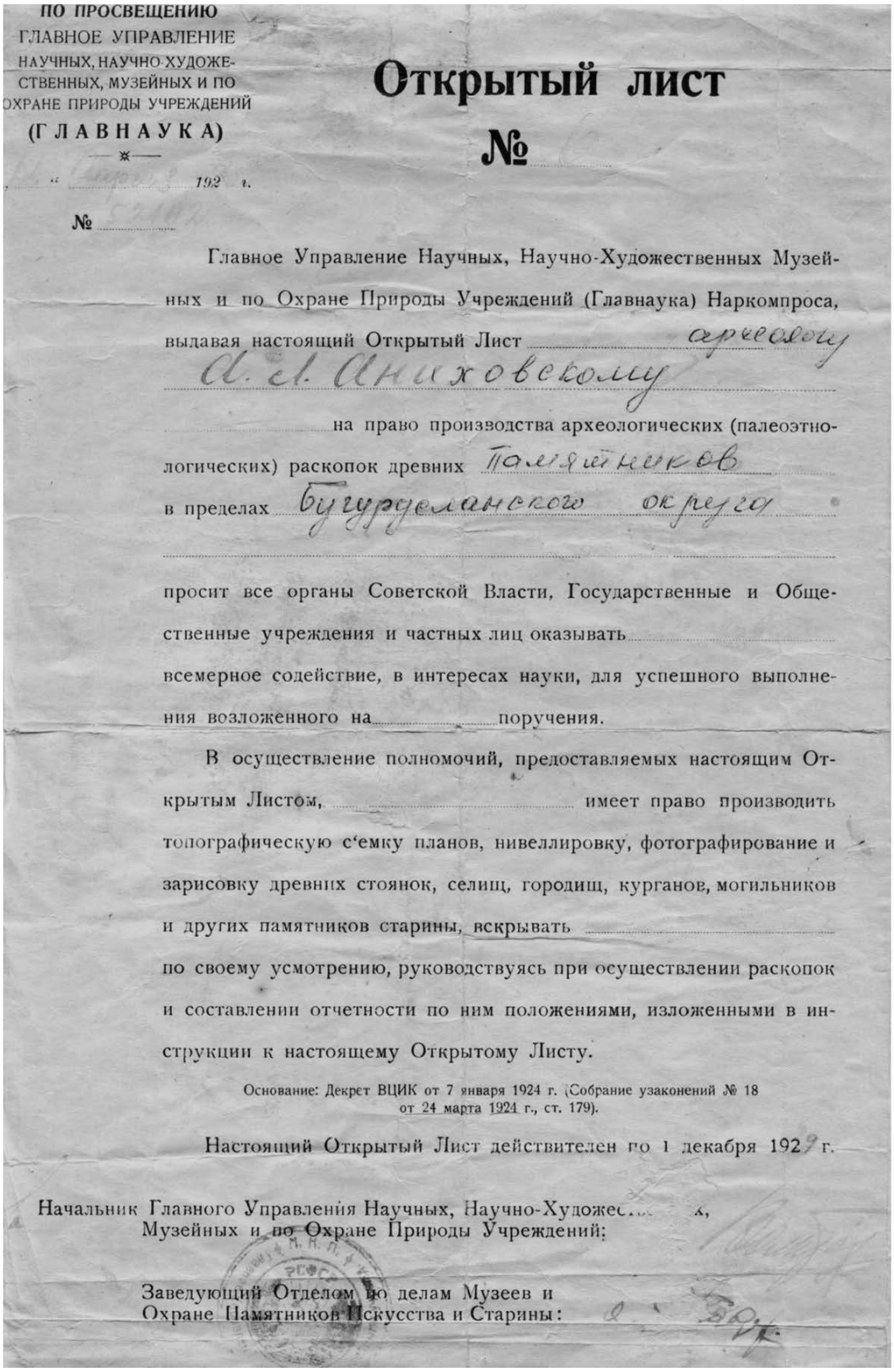
Александр Леонтьевич Аниховский

Ему принадлежит открытие мезолитической стоянки на берегу оз. Ерик (старицы р. Б. Кинель) в черте современного г. Бугуруслана. Коллекция состоит из четырех десятков кремневых ножевидных пластин, нуклеусов. Памятник опубликован самарским археологом А. Ластовским под названием Бугуруслан I (История Самарского Поволжья.... С. 124).

В коллекции археологических предметов, собранным А.Л. Аниховским, находится клад медных «блинов», которые в конце XIX в. выкопал у себя во дворе житель Александровской слободы (черта г. Бугуруслана). Поселок располагался по левую сторону р. Кондузлы. Противоположную крутую коренную террасу реки занимал огромный курганный могильник из 62 курганов, разрушенных в 1942 г. во время строительства летной полосы аэродрома. В 1933 г. крестьяне с. Нижней Красноярки принесли в музей 10 медных серпов, случайно обнаруженных при рытье ямы для установки молотилки. Вместе с серпами находилась каменная форма для их отливки.

Вскоре подобная редкая находка из 9 серпов обнаружена при установке межевого столба в с. Троицком Асекеевского района.

В результате многолетней кропотливой работы исследователем составлена археологическая карта Бугурусланского уезда. Оказалось курганов столько, что «сосчитать нельзя, можно только сказать, что их много, что по внешнему виду они все почти одного и того же типа – куполообразные, но величины и сохранности разной. Почти все они сильно распаханы и всем им грозит самое быстрое исчез-



ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАУЧНЫХ, НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ, МУЗЕЙНЫХ И ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ
(ГЛАВНАУКА)

„ “ 192 г.

№

Открытый лист

№

Главное Управление Научных, Научно-Художественных Музейных и по Охране Природы Учреждений (Главнаука) Наркомпроса, выдавая настоящий Открытый Лист археологу А. Л. Аниховскому на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок древних памятников в пределах Бугурусланского округа просит все органы Советской Власти, Государственные и Общественные учреждения и частных лиц оказывать всемерное содействие, в интересах науки, для успешного выполнения возложенного на поручения.

В осуществление полномочий, предоставляемых настоящим Открытым Листом, имеет право производить топографическую с'емку планов, нивеллировку, фотографирование и зарисовку древних стоянок, селищ, городищ, курганов, могильников и других памятников старины, вскрывать по своему усмотрению, руководствуясь при осуществлении раскопок и составлении отчетности по ним положениями, изложенными в инструкции к настоящему Открытому Листу.

Основание: Декрет ВЦИК от 7 января 1924 г. (Собрание узаконений № 18 от 24 марта 1924 г., ст. 179).

Настоящий Открытый Лист действителен по 1 декабря 1929 г.

Начальник Главного Управления Научных, Научно-Художественных, Музейных и по Охране Природы Учреждений:

Заведующий Отделом по делам Музеев и Охране Памятников Искусства и Старины:

Открытый лист, выданный А.Л. Аниховскому в 1929 г. на право производства археологических раскопок в Бугурусланском округе.

новение от тракторной распашки. Некоторые из них пробовали копать кладоискатели, но конечно не раскопали, а только лишь попортили» (БФ ГАОО. Ф. 151. Оп. 1 Д. 32. Лл. 137об – 138.) Кроме курганов, А. Аниховский считал частым обнаружение в долине Б. Кинеля и других рек при проведении земляных работ «отдельных погребений и целых братских могил с большим количеством костяков».

Одним из уникальных археологических памятников, открытых А.Л. Аниховским, является торфяниковая неолитическая стоянка на берегу р. Кондузлы (левый приток р. Б. Кинель), на месте древнего торфяникового болотца на окраине с. Кирюшкино Бугурусланского района. На берегу и в нем он обнаружил большое количество древних черепков и костей, отнес его к неолитическому периоду.

Знание геологии, почв, владение археологической методикой позволяли открывать и исследовать уникальные памятники природы и археологии. Так, им описаны не только курганы, грунтовые могильники, но и каменные изваяния, полностью исчезнувшие с поверхности за последние полвека. Он исследовал также и пещеры, в том числе пещеру на дне глубокого Карповского оврага в 7 км к северу от г. Бугуруслана. О ней сохранилось немало легенд. Одна из них о разбойнике по прозвищу Король, скрывавшемуся в ней, сохранилась до наших дней, а место имеет в народе название Королевского оврага. Он также описывал в своих дневниках пещеру близ д. Малое Куроедово Пониклинского сельского совета Бугурусланского района в глубоком овраге возле родника: «Пещера в несколько зал и переходов, идет далеко вглубь горы. Вход с оврага сейчас завален навозом, чтобы в ней не селились волки. Образована в толщах красного песчаника». Всего он описал 11 пещер, 2 каменных изваяния (баб), несколько десятков костей ископаемых животных, поступивших в музей в 1930-е гг. Среди них череп шерстистого носорога, бивни и кости скелета мамонта, рога северного оленя, горного барана, первобытного быка.

Кроме археологии и краеведения А.Л. Аниховский детально изучал геологию Бугурусланского уезда с целью выявления полезных ископаемых, имеющих промышленное значение. Ему принадлежит открытие месторождения асфальтита у п. Садки. Он обратил внимание на комья черной земли, которую добывали открытым способом крестьяне села. Отправив несколько образцов на анализ, А. Аниховский получил заключение о том, что черная земля не что иное, как асфальтиты. Даже при беглом осмотре места добычи стало понятно, что запасы твердых углеводородов значительны, по предварительным оценкам они составили 1 млн тонн. Александр Леонтьевич начал переписку с научными обществами и чиновниками о необходимости практического использования месторождения, названного по населенному пункту Садкинским. 6.11.1935 г. получил удостоверение из Бугурусланского районного земельного отдела как первооткрыватель. Именно асфальтиты стали предвестником открытия первой нефти Оренбуржья в 1937 г.

Талантливого геолога-исследователя интересовали выходы медистых пород на территории Бугурусланского уезда. Причем, он считал, что они в ряде случае имеют промышленное значение. Кроме древнего рудника у г. Бугуруслана А. Аниховский нашел выход серых песчаников, пропитанных окисью меди в 10 км к югу от г. Бугуруслана на землях д. Баймаково в урочище «Чилига». По анализам Средне-Волжской краевой лаборатории, среднее содержание меди в руде составило 1,5 %, а в отдельных образцах и гнездах до 7,2 %. Рудоносный пласт залегал на глубине 2,5 м. Его мощность выявить не представилось возможным «так как он уходит в гору, а глубокие разведки не по карману музею и обществу» (БФ ГБУ «ГАОО» Ф. 51. Оп. 1. Д. 31. Лл. 31 об–33.). Его отчеты о геологических разведках хранятся в Оренбургских геологических фондах (Аниховский, 1930, №2047; Аниховский, 1930, №1004.)

Им также описаны выходы медистых песчаников на медистой горе «Бакар-Тау» близ с. Тарханы Асекеевского района, в овраге «Шарлаша» в 4 км к югу от с. Камышлы Байтугановского района, близ д. Бакаево Байтугановского района по дороге в д. Соковку.

Александр Леонтьевич Аниховский прожил яркую, насыщенную жизнь ученого-исследователя. Умер 14 апреля 1939 г., похоронен на старом кладбище г. Бугуруслана. К сожалению, могила его затерялась в военное лихолетье.

ЛИТЕРАТУРА

Аниховский А.Л. Отчет о работах по разведкам месторождений медной руды в урочище «Чилига» близ д. Баймаково Бугурусланского района. 1930 // Архив ОФ ТФГИ ПФО. №2047.

Аниховский А.Л. Недровые богатства Бугурусланского округа. 1930 // Архив ОФ ТФГИ ПФО. №1004.

БКМ. Ф. 506. Личный фонд А.Л. Аниховского.

БФ ГАОО. Ф. 51. Бугурусланский краеведческий музей.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век., 2000. Самара: Изд-во СНЦ РАН. 311 с.

Разгон Л.Э., 1995. Позавчера и сегодня. Повесть о жизни. Тель-Авив – М.: Изд-во «ИНФРА-М». 208 с.

Стратегии популяризации археологического наследия на примере Челябинской области

© 2018 Ф.Н. Петров

Аннотация. Автор статьи выделяет четыре стратегии популяризации археологического наследия и рассматривает их реализацию, отмечая как позитивные, так и негативные стороны, на опыте учреждений и организаций, занимающихся данной деятельностью на территории Челябинской области.

Ключевые слова: наследие, археология, популяризация.

В современной практике популяризации археологического наследия можно выделить четыре оформившиеся стратегии.

1. Стратегия дидактической популяризации – приобщение к научным знаниям, осуществляемое путем устного или письменного повествования, как правило, сопровождающегося демонстрацией археологических памятников и артефактов, либо их реконструкций и изображений.

Эта стратегия сформировалась одновременно с археологической наукой и с успехом применяется уже более полутора столетий. На примере учреждений и организаций Челябинской области мы можем увидеть ее реализацию в проведении экскурсий по археологическим памятникам и музейным экспозициям, чтении специалистами публичных лекций, публикации научно-популярной литературы и подготовке документальных фильмов.

Всю эту многообразную деятельность можно объединить в рамках одной стратегии по критерию ее содержания: установленные в ходе научных археологических исследований факты доводятся до сведения широкого круга лиц в более или менее общепонятной форме. Наиболее активным, деятельным лицом при реализации данной

стратегии является научный работник, выступающий как посредник между научными знаниями и широкой общественностью, либо профессиональные посредники – экскурсовод и музейный специалист по созданию экспозиций. Люди, которым передается знание, выполняют при этом роль обучающихся.

Данная стратегия с успехом применяется в музейном комплексе Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», в Государственном историческом музее Южного Урала, в археологических музеях ЧелГУ и ЮУрГУ, а также в ряде других организаций. Работа в ее рамках требует большого труда по подготовке музейных фондов и экспозиционного пространства, составлению экскурсию, написанию и оформлению научно-популярных текстов, а в случае Заповедника «Аркаим» еще и музеефикации и реконструкции самих археологических памятников в природном ландшафте (Макурова, 2017).

Возможно, в силу традиционности данной стратегии популяризации труд по ее реализации мало замечается обществом и скромно оценивается в материальном плане. Однако именно этот труд является основой того, что современное общество, при всех его проблемах с рациональностью, имеет соотнесенные с научным знанием представления о древности и вообще способно осознавать само существование далекого прошлого. Еще 150–200 лет назад археологические памятники и артефакты воспринимались народным сознанием сугубо как природные объекты («громовые топоры и стрелы», «самозарождающиеся в земле горшки») или как плоды деятельности различных мифических существ (Клейн, 2011. С. 48–61).

2. Стратегия погружения в прошлое – вовлечение людей в практическую реконструкцию древних технологий, умений и навыков, осуществляемую на основе результатов научных исследований. Это более молодая стратегия, она основывается на методах экспериментальной археологии, сформировавшейся к середине XX в. Ее широкие познавательные возможности основываются на том, что люди в целом успешнее и с большим интересом осваивают знания посредством участия в практической деятельности. Особенно большие возможности данная стратегия дает для вовлечения в популяризацию прошлого молодого поколения.

Целенаправленной реализацией данной стратегии в Челябинской области занимается центр исторических проектов «Археос», в том числе во взаимодействии с клубами исторической реконструкции. Применяют эту стратегию и музейные работники, особенно ярко это проявляется в деятельности Детского музея – подразделения Государственного исторического музея Южного Урала, работа которого по популяризации археологического наследия построена на сочетании первой и второй стратегий с привлечением широкого круга специалистов. Реализуется данная стратегия и в работе музейного комплекса Заповедника «Аркаим», ежегодно большим вниманием его посетителей пользуются мастер-классы по древнему гончарству, периодически проводятся занятия по освоению и других древних технологий. Значительный опыт такого рода деятельности представлен также в работе Учебного центра древних технологий Лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ.

Стратегии погружения в прошлое несколько больше повезло в плане общественного внимания, чем дидактической стратегии, – она моложе, все еще менее привычна и, как правило, более зрелищна, поэтому пользуется определенным вниманием журналистов и широкой общественности. К сожалению, в силу той же меньшей традиционности, чем у дидактической стратегии, эта деятельность все еще очень слабо встроена в формальные структуры учреждений культуры. Для занимающихся ею специалистов зачастую недоступна даже скромная, но хотя бы постоянная зарплата музейных работников, они вынуждены искать работу через неформальные контакты и ограничиваться спорадическими заработками на сдельной основе за пределами трудовых отношений.

3. Сенсационная стратегия, построенная на привлечении внимания к археологическому наследию путем провозглашения и популяризации археологических сенсаций, как правило, сенсационных находок – «самых древних и уникальных», «открывающих самые загадочные страницы нашего прошлого», принадлежащих «великим культурам» древних ариев или иных удивительных народов, зачастую «умевших жить гораздо лучше и правильнее, чем мы живем сейчас», «лучше знавших Вселенную», «причастных Космической Гармонии», «живших в ладу с Природой», у которых «полезно было бы поучиться». Содержание отдельных сенсаций, конечно, варьируется.

Челябинская область внесла свой заметный вклад в мировую сенсационную археологию, в первую очередь многочисленными сенсациями, созданными вокруг «древнего арийского священного протогорода Аркаим» еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Позднее большую известность получили «археологические сенсации», связанные с открытием в Челябинской области т.н. «дольменов» на острове Веры озера Тургояк и «уникального геоглифа Лося» в окрестностях озера Зюраткуль. В наши дни сенсационную стратегию реализуют т.н. «Национальный парк «Аркаим» и аффилированный с ним частный Благотворительный фонд «Аркаим», пытающийся сформировать новую «археологическую сенсацию» на базе раскопок недоисследованных в 1970-е гг. участков насыпи Большого Синташтинского кургана, который пропагандируется сотрудниками этого фонда как, якобы, «древнейший храм степной Евразии» (Зданович, Малютина, 2017).

Реализация сенсационной стратегии способствует широкому привлечению внимания общественности к археологическим памятникам и находкам; ее успешная реализация позволяет специалистам добиться гораздо большей общественной известности и, в силу этого, лучше вознаграждается материально, чем гораздо более трудоемкая и менее заметная работа в рамках дидактической стратегии и стратегии погружения в прошлое. Однако ее применение приводит к существенным издержкам – как для научной дисциплины, и для самого общества.

Наилучшую популярность в качестве сенсаций получают броские, яркие, но, как правило, крайне торопливые и недостаточно обоснованные суждения. Они формируются и распространяются скорее по законам мифологии, чем науки, и тем самым подрывают основы научного мировоззрения. В них отсутствует сомнение как необходимое условие научных исследований, в том числе и абсолютно необходимое исследователю сомнение в собственных методах и выводах. Сенсационная популяризация выстраивается, минуя этот необходимый науке этап сомнений – фактически она представляет собой популяризацию сенсационных догадок, столь же ярких, сколь же и мало основанных на научной процедуре получения нового знания.

Лишенная сомнений сенсационная археология превращается в нечто подобное «сакральной археологии», существовавшей в древнем мире (Клейн, 2011. С. 73–75). Некоторыми своими чертами эта «сакральная археология» похожа на научную археологию, поскольку она также занимается раскопками, но эти раскопки не направлены на получение знания через сомнение, а имеют сакральное значение – раскапываются места, которые инициатор работ считает для себя священными: места совершения обрядов, предполагаемые захоронения священных героев и т.п.. Выводы в сенсационной археологии делаются не на основании строгих методических процедур, а по тем же принципам «гениальных догадок», что и в «сакральной археологии» древности.

При практической реализации данной стратегии популяризации археологического наследия возникает обратная связь с процессом научного познания. Груз уже озвученных сенсаций не позволяет вернуться к методически строгому исследованию и к неизбежно сопровождающим его сомнениям, он заставляет участников этого процесса вместо поиска ответов на сложные вопросы раз за разом возвращаться к уже опробованным «сенсациям» и пытаться создавать новые.

4. Стратегия вовлечения в процесс получения научного знания позволяет приобщить участников познавательного процесса к научному методу и опыту научного сомнения. Хорошим опытом ее реализации была деятельность Научного общества учащихся и широкой сети археологических кружков, объединенных клубом «Формика», осуществлявшаяся в Челябинской области с первой половины 1980-х годов.

Сейчас, к сожалению, организационный потенциал этой деятельности существенно сократился; количество археологических кружков многократно уменьшилось, а в вузах Челябинска закрыты кафедры археологии, которые позволяли не только готовить будущих специалистов, но и знакомить довольно широкие слои студенчества с методическими принципами археологических исследований. Практически ни на чем, кроме трудового героизма отдельных профессионалов, не держится сегодня то, что еще осталось от этой, ранее существенно более широкой, деятельности.

Сегодня мы, как и прежде, привлекаем студентов, школьников и волонтеров к полевым археологическим исследованиям, но полевая археология представляет собой лишь часть методов нашей научной дисциплины – необходимую, но совершенно недостаточную для понимания самой системы возникновения археологического знания. Ведь это материал добывается в поле, а знание формируется в результате обработки этого материала, как часть кабинетной работы, лабораторных исследований.

Необходимо искать пути и способы восстановить и расширить работу по стратегии вовлечения в научные исследования, а не только знакомить общество с уже полученными наукой результатами. Потому что без развития этого направления у археологии в нашей стране будущего нет.

ЛИТЕРАТУРА

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 2017. Большой Синташтинский курган – древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии. К перспективе исследований // Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия. С. 68–84.

Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. 688 с.

Макурова М.Р., 2017. Музеефикация памятников археологии в Заповеднике «Аркаим» // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ. С. 659–660.

Историко-культурная экспертиза в производственной и законодательной практике

© 2018 Г.А. Степанова

Аннотация. Анализ опыта проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков с позиции проектных организаций позволяет сделать вывод о наличии существенных недостатков в ее организации, которые увеличивают сроки реализации инвестиционно-строительных проектов и требуют согласованности действий Министерства культуры РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ.

Ключевые слова: государственная историко-культурная, объекты культурного наследия, проектирование, нормативно-правовые акты.

С января 2015 г. государственная историко-культурная экспертиза (далее ГИКЭ) стала обязательной для тех территорий хозяйственного освоения, о которых органы охраны объектов культурного наследия (далее Госорган ООКН) не имеют соответствующих данных.

За истекший период с момента введения в действие ГИКЭ в части земель, подлежащих воздействию хозяйственных работ, и в части документации о выполненных археологических полевых работах, в соответствии с которыми определяется наличие объектов на земельных участках, механизм исполнения, казалось бы, отработан. Акты государственной историко-культурной экспертизы регулярно поступают в Госорганы ООКН и, в большинстве своем, утверждаются ими. Экспертами и экспертными организациями, проводящими государственную экспертизу в указанных выше номинациях, механизм их исполнения ясен и практически освоен.

Реакцией части проектных организаций на введение ГИКЭ была организация структур по проведению историко-культурных исследований земельных участков. Это подтверждает принятие требований охраны объектов культурного наследия проектными и хозяйственными организациями. Однако вопрос об отмене ГИКЭ в отношении земельных участков все-таки был поставлен в 2017 и 2018 гг.

Попробуем определить причины известного активного обсуждения на высшем уровне в целом отмены ГИКЭ земельных участков.

Перечислим проблемы:

– организация финансирования ГИКЭ (преимущественно, в случае обнаружения ОКН на участках хозяйственного освоения) – невозможность зарезервировать адекватную сумму в процессе формирования коммерческих предложений на конкурсную закупку, особенно это касается проектов с бюджетным финансированием;

– процедура организации и проведения ГИКЭ нередко перекладывается на проектные организации путем делегирования полномочий на проведении ГИКЭ требованиями технического задания, либо автоматически – условием Договора на получение положительного заключения Государственной экспертизы проектной документации (п. 34а Постановления Правительства РФ от 05.03.2007 г. №145), причем, без надлежащего финансового обеспечения и предусмотренных на это сроков. Несоблюдение сроков исполнения договорных обязательств, в свою очередь, приводит проектные организации к большим штрафам с последующим внесением их в «Черный список недобросовестных организаций»;

– предоставление Госорганами ООКН неполной информации о наличии ОКН на участках хозяйственного освоения – ограничение информации только перечнем известных ОКН без указания их мест расположения (координаты, адреса, или приблизительных мест их расположения), непредоставление информации о наличии зон охраны или защитных зон для исполнения п. 13 г), п. 15 ж) и 18 г) Положения №564от 12 мая 2017 г., а также п. 12 п) Постановления Правительства РФ N 87 от 16.02.2008 г.); и информации о возможности изменения границ участка проектирования при обнаружении неизвестных ранее ОКН (чаще всего предлагается только раздел об обеспечении сохранности ОКН);

– несоответствие сроков проектирования, установленных СН 283-64 «Временными нормами продолжительности проектирования» и устоявшейся практикой (где на проектирования в среднем предусматривается от 2 до 26 месяцев) и сроков проведения ГИКЭ (которые должны укладываться в сроки от начала формирования задания на проектирование до окончания изыскательских работ);

Это далеко не полный перечень противоречий и несоответствия установленной процедуры ГИКЭ и процесса проектирования.

Процедура организации и проведения ГИКЭ регламентируется Законом 73-ФЗ, положением о проведении Государственной историко-культурной экспертизы, регламентом предоставления услуг органами государственной службы (Госоргана ООКН) и Регламентами о предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Сроки предоставления Госорганом информации регламентированы 30-ю днями (независимо от объема предоставляемой информации). При этом запрос на предоставление такой информации направляется уже на стадии сбора исходной информации для проектирования.

Сроки проведения ГИКЭ определяются:

– процедурой получения информации от Госорганов, которая занимает до 30 дней (а если специалисты госоргана находятся в командировке или отпуске, как показала практика, то и дольше);

– заключением договора на проведение этого вида работ, иногда включая поиски исполнителей, – приблизительно 3–15 дней;

– получением Открытого листа (ОЛ) – 1 месяц без учета оформления, пересылки, регистрации документов МК РФ);

– информированием Госоргана и администраций муниципальных образований с предоставлением ОЛ – 5 дней;

– натурным обследованием территории, которое проводится от 1 до 30 и более дней (в зависимости от площади исследований), составлением отчетной документации от 7 до 30 и более дней.

– составлением Актов ГИКЭ – от 3 до 15 дней;

– утверждением ГИКЭ Госорагном ООКН – 45 дней.

Стоит отметить, что проектирование и проведение инженерно-строительных изысканий происходит круглогодично, в отличие от проведения работ в рамках ГИКЭ.

Таким образом, усредненные сроки организации ГИКЭ (исключая сроки непосредственных работ, исполнителями и экспертами) составляют более 100 дней. А если ОКН обнаружены, сроки получения положительного заключения ГИКЭ практически удваиваются. В этом случае должны приостанавливаться проектные работы (согласно п. 1 статьи 36 Закона №73-ФЗ), и, соответственно, сдвигаться сроки строительства объекта проектирования и ввода его в эксплуатацию.

В данной ситуации Выполнение требований п. 1 статьи 36 Закона №73-ФЗ весьма затруднительно.

Особенностью проектирования и строительства на современном этапе является отсутствие массового планового строительства. Инвестиционное строительство в большинстве своем представляет инвестора, заказчика и застройщика в одном лице и предусматривает строительство в минимальные сроки. Эти сроки диктуются логикой получения быстрой прибыли, кроме того несоблюдение сроков ввода в эксплуатацию объекта строительства может лишить заказчика лицензии на пользование недрами (п. 5) ст. 12; п. 5) ст. 20 Закона РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1; или к потере права на земельный участок – п.п. 2.1 и 2.2 Земельного кодекса №136-ФЗ от 25.10.2001 г.).

Отсутствие опережающих исследований территорий на участках, планируемых под строительство, согласно Схемам территориального планирования (бюджетное финансирование, как правило, не предусматривающее проведение ГИКЭ), может привести и к нарушению сроков реализации планов развития территорий.

Решение основных указанных проблем (далеко не всех) требует внесения изменений в целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих хозяйственную деятельность и деятельность в сфере охраны ОКН (вплоть до корректирования формулировок), которые должны быть разработаны совместно Министерством культуры РФ и Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Важным является и обсуждение профессиональным сообществом и Министерством культуры РФ возможности реализации целевых программ по исследованию территорий, предназначенных для строительства объектов, предусмотренных Схемами территориального планирования.

Существование и действие ГИКЭ земельных участков в любой стране – очевидная государственная необходимость и ответственность каждого государства перед мировым сообществом. Задача законодателя и профессионалов – создать действующий механизм ее исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

Земельный кодекс №136-ФЗ от 25.10.2001 г.

Закона РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1.

Закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2001 г.

Постановление Правительства РФ «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий» от 05.03.2007 г. №145.

Постановление Правительства РФ «Положение о составе и содержании проектов планировки территории, предусматривающих размещение одного или нескольких линейных объектов» от 12 мая 2017 г. от 12 мая №564.

Постановление Правительства РФ «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 N 87.

«Временные нормы продолжительности проектирования». СН 283-64

О порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации. Постановления Правительства РФ от 23 марта 2008 г. N 198.

Внезональные ландшафты пойм больших рек и их освоение жителями Западной Сибири

© 2018 С.С. Тихонов

Аннотация. Автор полагает, что наиболее освоенными территориями в разные эпохи являлись поймы больших рек, прилегающие к ним террасы, нижнее течение притоков рек. Это он объясняет наличием богатых разнообразными ресурсами пойменных угодий. Что касается выбора конкретных мест для поселений, то автор считает, что была совокупность критериев, но он рассматривает наличие или отсутствие явлений погоды.

Ключевые слова: поймы рек, закономерности заселения, метеоявления на памятниках.

В ходе изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) татар и русских Западной Сибири мне довелось заниматься анализом закономерности расселения жителей Западной Сибири. Результаты почти трех десятков работ по этой теме, основанных на данных археологии от неолита до позднего средневековья, этнографии, картографических материалов, статистических сведениях, привели к однозначным выводам:

- в любые эпохи наиболее освоенными являлись поймы больших сибирских рек (Оби, Иртыша, Тобола) и прилегающие к ним участки надпойменных террас, а также нижнее течение их крупных притоков (Томи, Ваха, Васюгана, Тары, Демьянки, Конды, Исети и т.д.) (Бережнова, Корусенко, Матвеев, Татауров, Татаурова, Тихомиров, Тихонов, Томилов, 2014. С. 41–52);
- на этих территориях проживало до 70–90 % населения, или находилось примерно такое же количество археологических памятников (Татаурова и др., 2014. С. 9–96);
- населенные пункты здесь были крупнее, чем в глубинной тайге, а археологические памятники имели большую площадь и мощный культурный слой (Тихонов, Ерохин, 2003. С. 245–252).
- глубинные таежные районы были заселены неплотно, и именно оттуда был наибольший отток населения в неблагоприятные годы (Тихонов, 2006. С. 265–294).

Причины заселения этих территорий очевидны: наличие большой реки с рыболовными песками и зимовальными ямами, пойменных водоемов в виде речек и озер, заливных лугов с хорошим травостоем, березово-осиновых лесов, останцов первой надпойменной террасы, покрытых бором, месторождений болотного железа и глин хорошего качества. Обрамляющая пойму терраса, по которой тянулись ленточные боры, была богата другими ресурсами: строевой лес, мясные и пушные животные. Поэтому проживание на этих землях было благоприятным, а рыболовство, охота, собирательство, скотоводство и земледелие-были продуктивными (Тихонов, 2007а. С. 53–54).

Отметим, что древние и средневековые памятники были расположены группами, которые можно назвать археологическими микрорайонами (АМР). В каждом из них имеются одновременные и разновременные поселения, городища, могильники. АМР отстоят один от другого на расстоянии от 10 до 15–20 км, что соответствует примерно дневному пешему или полуденному конному переходу. Особенно хорошо это видно в пойме правого берега Иртыша (Муромцевский, Большереченский и Тарский районы Омской области) ниже д. Артын, где зафиксирована цепочка АМР на останцах на протяжении свыше сотни километров, а на первой надпойменной террасе памятников и современных населенных пунктов практически нет.

Особенности речной сети Западной Сибири таковы, что течение крупных рек направлено в целом меридионально с юга на север, и они пересекают несколько природно-географических зон: степь, тайгу, тундру и переходные лесостепь и лесотундру. Крупные притоки могут течь либо в широтном направлении, либо же близко к меридиональному. Население, живущее вдоль этих рек, относят к жителям степи, лесостепи, южной или северной тайги, что удобно, и, казалось бы, обосновано с точки зрения географии, но никак не к обитателям поймы. Полагаю, что так делать не следует. Если исходить из концепции хозяйственно-культурных типов (Левин, Чебоксаров, 1955. С. 3–17), то очевидно, что природно-географические ландшафты в целом определяют главные направления развития хозяйств доиндустриальных/традиционных. Например, в степях формируется ХКТ подвижных скотоводов, в тайге – охотников и рыболовов, в тундре – оленеводов и т.д. Но это самые широкие категории ХКТ. Есть и более дробные типы хозяйств: охотники на морского зверя, рыболовы больших

рек, охотники горно-таежных районов и т.д. Иначе говоря, ученые-этнографы разработали одну из классификаций этносов (по особенностям хозяйства и осваиваемой территории), а археологи упорно используют концепцию природно-географических зон, которую начал разрабатывать А. Гумбольд в начале XIX века, а В.В. Докучаев завершил ее почти через сто лет.

Изученные мной материалы по поймам Иртыша и его левых притоков (Омь, Тара, Уй, Шиш) в пределах Омской области, Оби в Алтайском крае и Новосибирской области свидетельствуют, что почвы пойм сложены из четвертичных аллювиальных отложений (суглинки, пески, глины с прослойками супеси и т.п.), а первые надпойменные террасы состоят из четвертично-современных аллювиальных отложений, и кое-где есть покровные эоловые отложения. По рельефу можно выделить низкую пойму, затапливаемую каждый год, и высокую – затапливаемую в годы большой воды. В низких поймах процесс почвообразования не закончен, а на высокой формируются аллювиальные луговые насыщенные почвы.

На формирование растительного покрова пойм влияют продолжительность затоплений и паводков, а также аллювиальность. Это приводит к разнообразию пойменных растительных ассоциаций: сосново-березовые кустарничко-разнотравные леса, осоко-разнотравные злаковые луга, вейниковые луга и т.д.

Геологические подразделения пойм слабоводоносны, но там, где низкая пойма переходит в высокую, имеется уступ, подосланный водоупорными слоями. В этих местах образуются родники и мочажины.

Таким образом, рельеф, гидрология, почвы, растительный и животный мир пойм своеобразны. Что касается климата, то в Западной Сибири климат умеренный континентальный, и его континентальность увеличивается к востоку и северу. Это позволяет считать, что и делают географы (Шевцова, 2003. С. 156–163), что поймы – особые внезональные ландшафты. И их население стоит относить не к таежникам, степнякам или тундровикам, а к жителям поймы. Часть из них, как считал М.Ф. Косарев, вели многоотраслевое комплексное хозяйство (Косарев, 1984. С. 133–159). В качестве примеров приведу культуры бронзы Верхнего Приобья еловскую и корчажкинскую, и потчевашскую эпохи средневековья в Среднем Прииртышье, памятники которых найдены преимущественно в поймах и на первых надпойменных террасах, и тянутся вдоль рек на сотни километров.

Понятно, что поймы, как территории с разнообразными ландшафтами, богатые ресурсами, привлекали и привлекают человека. Но непонятно, по каким критериям люди выбирали место для организации поселений. В их числе можно назвать безопасность, близость к торговым пунктам, переправам через реки, даже магическую защищенность места. Однако достоверно определить это на современной уровне развития археологии затруднительно. Но один из критериев – наличие или отсутствие явлений погоды на памятнике – проверяем (Тихонов, 2007б. С. 289–291), и может быть доказана его достоверность на материалах массовых наблюдений.

Во время экспедиций в 1990–2017 годах были отмечены некоторые особенности прохождения явлений погоды в Муромцевском, Тарском и Большереченском районах Омской области на р. Иртыш и Тара. Так в пойме левого берега Иртыша у д. Шуево во время грозы молния часто бьет в большие деревья («талины»). В других местах такого не зафиксировано. В урочищах Темеряк, Кунлучка, у д. Бергамак отмечено, что дождевые тучи «обходят» места расположения памятников. Связано это с тем, что дождевые осадки шли относительно узкой полосой, и могло случиться так, что рядом с памятником был ливень, а на самом памятнике слабый дождь. Но бывали и зеркальные ситуации, когда тучи не уходили несколько дней.

В кулуарных разговорах некоторые иногородние коллеги согласились с тем, что такая ситуация возможна, и несколько раз они ее наблюдали, но уверенно говорить о том, что аборигены учитывали регулярность и интенсивность явлений погоды при выборе места для поселения, они не решились.

В целом полагаю, что выделение пойм как особых территорий и изучение особенностей их освоения во многом зависит от задач исследований. Если ученый рассматривает традиционные археологические сюжеты, связанные с типологией, классификацией, датировкой, культурной принадлежностью материалов памятников, то ему не особенно важно, находился ли памятник в пойме, на террасе, на притоках или в глубинных районах. Если же речь идет об изучении хозяйства и его специфики, то определять в какой природно-географической (как варианты – природно-ландшафтной, природно-экологической) находятся изучаемые комплексы – обязательная процедура исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С., Томилов Н.А., 2014. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск: Издательский дом «Наука». 192 с.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. №4. М.: Институт этнографии. С. 3–17.

Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука. 248 с.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Тихомиров К.Н., Татауров Ф.С., 2014. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII века (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель-Полиграфист. 373 с.

Тихонов С.С., 2006. Отток населения из таежных районов Сибири в третьей четверти XX века // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры социума. Т. 9. Омск, Издательский дом «Наука». С. 265–294.

Тихонов С.С., 2007а. О причинах заселения пойм больших сибирских рек // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут: Магеллан. С. 53–54.

Тихонов С.С., 2007б. О явлениях погоды на археологических памятниках // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. Тюмень: Вектор Бук. С. 289–291.

Тихонов С.С., Ерохин В.А., 2003. Расселение жителей в южно-таежной полосе Среднего Прииртышья в начале XX века // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма. С. 245–252.

Шевцова О.Н., 2003. Долинно-речные ландшафты природных зон России // Вестник Тюменского университета №2. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 156-163.

Археологические коллекции Приуралья как объекты хранения и изучения

© 2018 Т.К. Ютина

Аннотация. В статье кратко изложены вопросы актуальности изучения и сохранения археологического наследия – археологических коллекций. Подчеркивается, что активно формируется учеными Приуралья исследовательское направление – археологическое музееведение. Отмечается, что данные вопросы все больше находят отражение в работе научных конференций всероссийского и регионального уровня и тематических публикациях археологов и музееведов.

Ключевые слова: археология, Приуралье, археологическое наследие, музееведение, археологические исследования, охрана культурного наследия.

История создания археологических коллекций фондов государственных, ведомственных, муниципальных музеев, академических учреждений и университетов Приуралья представлена в различных видах публикаций археологической региональной литературы. В первую очередь, коллекции рассматривались как результат археологических раскопок, истории археологических исследований региона, начатых еще в XIX в. С данной точки зрения, археологические коллекции изучены и изучаются достаточно успешно. На сайте любого вузовского образовательного или академического учреждения, музея можно увидеть перечень новейших археологических публикаций материалов авторов раскопок.

Процесс накопления и пополнения археологических коллекций в XX – начале XXI в. тесно связан с уровнем активности проводимых раскопок археологическими экспедициями научных и образовательных учреждений Приуралья. Во второй половине XX века значительно расширились границы исследований территории региона, конец прошлого века и два с лишним десятилетия нынешнего отмечены бурно развивающейся хозяйственной деятельностью, иногда бесконтрольной и варварской, наносящей урон археологическим объектам. Проблемы сохранения археологического наследия оказались в центре особо пристального внимания общественности, сообщества ученых, государственных органов различного уровня в конце XX – начале XXI в. Охрана объектов культурного наследия – археологических памятников и их использование обсуждались, в той или иной степени разработанности проблемы, на конференциях – региональных, всероссийских, международных, проводимых в Приуралье. По данной тематике учеными-археологами Приуралья опубликовано много научных статей, защищена докторская диссертация (Минеева, Казань, 2011). Параллельно с поднятой проблемой была обозначена другая проблема, нашедшая сегодня отражение в научных исследованиях и презентациях полученных результатов. Археология как наука, развиваясь, впитывает достижения, методы исследования других наук, формирует вместе с ними новые направления исследовательского процесса. Сегодня уже никого не удивляет сочетание двух слов – «археологическое музееведение». Но содержание этого понятия еще не нашло окончательной формулировки в научной среде ни археологов, ни музееведов. Тем не менее, следует отметить, что археологические коллекции становятся объектом не только археологических, но и музейных исследований, находят отражение в экспозициях, выставках как музейные предметы. Приведу ряд публикаций ученых Приуралья (Казанцева, 2016. С. 401-403; Ютина, 2014. С. 266–268; Ютина, 2016. С. 157–161), защищена кандидатская диссертация (Игнатьева, Пермь, 2005). Накопление массовых и уникальных археологических артефактов – материального наследия прошлых эпох, обусловило во втором десятилетии XXI в. задачу – сохранение археологических коллекций, отдельных предметов археологии и т.д. Насколько эта задача важна, свидетельствуют выводы, сделанные на археологических научных форумах. Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии» (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) свидетельствуют о повышении внимания центральных учреждений – ИА РАН к усилению государственной охраны объектов археологии, сохранению и популяризации археологического наследия и т.д. (Сохранение археологического наследия, 2015, 192 с.). На XX Уральском археологическом совещании (Ижевск 25–29 октября 2016 г.) рассматривались насущные вопросы сохранения археологических коллекций и их использования в научной и образовательной деятельности (Выборнов, Зданович, Кузьминых [и др.], 2017. С. 176–178). Этот вопрос был в центре внимания Всероссийских археологических съездов. В решениях III (XIX) Всероссийского археологического съезда, прошедшего в г. Старая Русса – Новгород (24–29 октября 2011 г.) отмечалось, что «Важным для сохранения археологического наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований» (III(XIX) Всероссийский археологический съезд. Решение съезда. URL: http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/arheologicheskii-sezd/congress_resolution). Рассматривались на съезде и вопросы, связанные с нормами и правилами хранения археологических коллекций. В работе IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (21-25 октября 2014 г.) также уделялось внимание проблемам сохранения археологического наследия РФ (Ситдиков, Абдуллин, 2014. С. 217–234). Вопросы сохранения археологических коллекций нашли отражение и в работе V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Белокурихе (2-7 октября 2017 г.). В Решении съезда отмечались важность совершенствования системы хранения археологических коллекции, необходимость создания фондохранилищ для хранения и изучения археологических коллекций и предметов (V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Решения съезда URL: http://konf.asu.ru/archeo/?news=107).

Но пока решаются глобальные вопросы строительства фондохранилищ, археологическое музееведение развивается дальше. Нет необходимости подробно останавливаться на таких формах презентации археологических коллекций обществу, как каталоги, создание виртуальных музеев и т.д. Об этих формах представления археологического наследия уже достаточно много публикаций археологов Приуралья. Важно отметить, что появляются региональные научные публикации другого вида – методические рекомендации по описанию и научной обработ-

ке, комплектованию археологических коллекций в музее и т.д. (Воробьева, 2015; 2016. С. 50–59). Разрабатываются новые подходы в организации знакомства с археологическими материалами посетителей музея, имеющих ограниченные физические возможности и т.д. (Востроknутов, Востроknутова, 2014, URL: https://mae-conference.nethouse.ru/posts/958961). Все это свидетельствует о том, что археология и музееведение в Приуралье развиваются в одном направлении – сближении задач двух наук в изучении, охране и презентации археологического наследия обществу. Решая задачи в рамках исследований своей отрасли науки, они тесно переплетаются друг с другом, создавая нечто новое на стыке междисциплинарных подходов к изучению объекта – археологической коллекции. Данное явление характерно для современного периода, аналогичные процессы происходят и на соседних с Приуральем территориях. Исследования этих процессов сибирскими учеными (гг. Омск, Томск, Новосибирск и др.), а также поволжскими (г. Казань) имеют теоретическую и практическую значимость для развития обеих наук.

Формат статьи позволяет лишь кратко подвести итоги анализа состояния изучаемого вопроса. Можно констатировать, что, во-первых, в обществе возрастает понимание задач сохранения археологического наследия. Во-вторых, археологические коллекции как объекты хранения требуют пристального внимания со стороны государства и общества. Принятые федеральные законы, направленные на передачу и обеспечение сохранности археологических коллекций в фондах государственных музеев, в полном объеме не реализуются ввиду ряда объективных причин.

В-третьих, археологические коллекции, как объекты изучения, могут быть исследованы методами археологической науки – традиционными и новейшими, с использованием компьютерных технологий, естественнонаучных методов и т.д. Как объекты музейного исследования археологические коллекции требуют новых методических подходов, пока еще недостаточно разработанных. В целом, необходимо отметить, что перспективен процесс развития археологического музееведения, в формировании которого участвуют ученые обоих научных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева С.Л., 2015. Методические рекомендации по описанию археологических коллекций. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан. 36 с.

Воробьева С.Л., 2016. Научная обработка археологических коллекций в музеях: проблемы комплектования и описания // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН. С. 50–59.

Востроknутов В.В., Востроknутова Г.И., 2014. Археологические материалы и их 3D копии в работе со слабовидящими и слепыми посетителями музея [Электронный ресурс] // Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет: [сайт]. Пермь. URL: https://mae-conference.nethouse.ru/posts/958961 (дата обращения: 03.04.2018 г.).

Выборнов А.А., Зданович Г.Б., Кузьминых С.В., 2017. XX-е Уральское археологическое совещание. Ижевск 25-29 октября 2016 г. // РА. №3. С. 176–178.

III (XIX) Всероссийский археологический съезд. Решение съезда. [Электронный ресурс] // Российская академия наук. Институт истории материальной культуры: [сайт]. Санкт-Петербург. 2011. URL: http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/arheologicheskii-sezd/congress_resolution (дата обращения: 12.03.2018).

V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Решение съезда // Алтайский государственный университет [сайт]. Барнаул, 2013-2018.URL: http://konf.asu.ru/archeo/?news=107 (Дата обращения: 15.03.2018).

Игнатьева О.В., 2005. История собирания и изучения археологических коллекций пермского звериного стиля // Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Пермь. 24 с.

Казанцева О.А., 2016. Археологические полевые исследования как форма комплектования археологических коллекций // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 401–403.

Минеева И.М., 2011. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв. // Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Казань. 60 с.

Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы // Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии», Москва, 9-10 декабря 2013 г. / Отв. ред. О.В. Зеленцова; сост. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2015. 192 с.

Ситдиков А.Г., Абдуллин Х.М., 2014. IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани // Поволжская археология. №4 (10). Казань: Фэн. С. 217–234.

Ютина Т.К., 2014. Археологические музеи Приуралья в системе высшего профессионального образования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: (Казань, 20-25 окт. 2014 г.) / Отв. ред.: А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Т. IV. Казань: Отечество. С. 266–268.

Ютина Т.К., 2016. Археологические источники в коллекциях музеев Приуралья: по материалам сети Интернет // Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведческий музей: история, коллекции, люди» (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея): сб. ст. и материалов: [в 2 т.] / Ред.-сост.: М.С. Судовиков, П.Н. Шарабаров. Т. 1. Киров: 0-Краткое. С. 157–161.

Об авторах

Алаева Ирина Павловна, к.и.н., зав. научно-исследовательской лабораторией «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: alaevaira@mail.ru

Андреев Константин Михайлович, к.и.н, доцент кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru

Аникеева Ольга Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник отдела реставрации монументальной скульптуры Государственного научно-исследовательского института реставрации, г. Москва, Россия. E-mail: olganikeeva@yandex.ru

Анкушев Максим Николаевич, младший научный сотрудник Института минералогии УрО РАН, г. Миасс, Россия. E-mail: ankushev_maksim@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, к.в.н., старший научный сотрудник отдела археобиологии и информационных технологий Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия. E-mail: gul_shat@mail.ru

Балахванцев Арчил Савелич, к.и.н., научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Баскова Варвара Анатольевна, студентка кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: varyabaskova@yandex.ru

Батуева Надежда Сергеевна, специалист научного отдела Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: nadiabat@yandex.ru

Бахматова Вера Николаевна, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: lyna-87@yandex.ru

Белицкая Анастасия Леонидовна, младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологического наследия Европейского Северо-Востока отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия. E-mail:belitskaia522@yandex.ru

Белоногова Людмила Николаевна, преподаватель Многопрофильного колледжа Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Россия. E-mail: Lnbel@bk.ru

Белявская (Крапачева) Ольга Сергеевна, аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: krapacheva.olya@mail.ru

Березин Александр Юрьевич, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия. E-mail: terra3@inbox.ru

Б**ерезина Наталия Степановна,** ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия. E-mail: terra3@inbox.ru

Бобров Владимир Васильевич, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ УУХ СО РАН, г. Кемерово, Россия; главный научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия; заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия. E-mail: klae@kemsu.ru

Богачев Алексей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры «Социология, политология и история Отечества» Самарского государственного технического университета, г. Самара, Россия. E-mail: figarj9@rambler.ru

Богачук Дарья Сергеевна, младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, г. Москва, Россия. E-mail: BogachukDS@iaran.ru

Богданов Сергей Вячеславович, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института степи УрО РАН, г. Оренбург, Россия. E-mail: bogdanov-step@yandex.ru

Борисов Александр Владимирович, заведующий лабораторией археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино Московской области Россия. E-mail: a.v.borisovv@gmail.com

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь, Россия. E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Бугарчёв Алексей Игоревич, лаборант Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: abugar.61@rambler.ru

Бугров Дмитрий Геннадьевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: shikhan66@mail.ru

Букалов Александр Валентинович, доктор философии, директор Международного института соционики, г. Киев, Украина. Главный редактор журнала «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества». E-mail: boukalov@gmail.com

Булакова Екатерина Александровна, лаборант сектора эпохи металла Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: bulakovaekaterina@gmail.com

Валиулина Светлана Игоревна, к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail: svaliulina@inbox.ru

Васильева Ирина Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник НИЧ Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: in.vasil@mail.ru

Вилисов Евгений Владимирович, научный сотрудник сектора археологии каменного века Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: vilisov@mail.ru

Волкова Елизавета Валерьевна, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: erminea.wolf@gmail.com

Волокитин Александр Васильевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия, E-mail: volkt54@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна, канд. культурологии, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия. E-mail: anjis@rambler.ru

Воробьёва Светлана Леонидовна, к.и.н., научный сотрудник ГБУКИ РБ Национальный музей Республики Башкортостан, руководитель временного творческого коллектива Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия. E-mail: sveta_legion@mail.ru.

Воронина Елена Валентиновна, д.ф.-м.н., доцент кафедры физики твердого тела Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail: evoronina2005@yandex.ru

Выборнов Александр Алексеевич, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-гуманитарного университета, г. Самара, Россия. E-mail: vibornov_kin@mail.ru

Газимзянов Ильгизар Равильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Казанского (Поволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail: g-ilgizar@yandex.ru

Галимова Мадина Шакировна, к.и.н., зав. отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: mgalimova@yandex.ru

Голдина Римма Дмитриевна, д.и.н., профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail:arch@uni.udm.ru

Голубева Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, аспирант кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail:kategol@mail.ru

Горащук Игорь Владиславович, к.и.н., начальник группы археологии ВолгоНИИгипрозем, ведущий специалист по палеотехнологиям центра экспериментальной археологии «Археос», г. Самара, Россия. E–mail: goraschuk@mail.ru

Гречкина Татьяна Юрьевна, к.и.н., начальник отдела археологии Государственного автономного учреждения Астраханской области «Научно-производственное учреждение «Наследие», г. Астрахань, Россия. E-mail: grechkina54@mail.ru

Григорьев Артем Петрович, магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара, Россия. E-mail: grap9@bk.ru

Григорьев Станислав Аркадиевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск, Россия. E-mail: stgrig@mail.ru

Дегтярева Анна Давыдовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: anna126@inbox.ru

Демаков Денис Александрович, магистрант кафедры археологии и этнографии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: demakov-denis@mail.ru

Демкина Татьяна Сергеевна, к.б.н., ведущий научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино Московской области, Россия. E-mail:demkina@issp.serpukhov.su

Дмитриев Евгений Анатольевич, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан. E-mail: yevgenii1992@mail.ru, dmitrievea1992@gmail.com

Евгеньев Андрей Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: oren-arch@mail.ru

Езепенко Игорь Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь. E-mail: ezep63@yandex.ru

Еньшин Дмитрий Николаевич, научный сотрудник сектора археологических и природных реконструкций ИПОС ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: dimetrius666_72@mail.ru

Епимахов Андрей Владимирович, д.и.н. ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН; профессор Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: eav74@rambler.ru

Ефремова Наталья Сергеевна, научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия. E-mail: ens77@mail.ru

Жукова Ольга Владимировна, ведущий научный сотрудник сектора археологии Пермского краеведческого музея. г. Пермь, Россия. E-mail: Olenka408@mail.ru

Журавлева Галина Николаевна, к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: gal003@yandex.ru

Завьялов Владимир Игоревич, д.и.н., ведущий научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: v_zavyalov@list.ru

Загородняя Ольга Николаевна, ст. научный сотрудник ГП «НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии НАН Украины, г. Киев, Украина. E-mail: olgaza@ukr.net

Занина Оксана Геннадьевна, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино, Россия. E-mail: oksanochka_zet@mail.ru

Зарецкая Наталья Евгеньевна, старший научный сотрудник Геологического института РАН, г. Москва, Россия. E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Зеленков Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия. E-mail: qvimen@hotmail.com

Зимина Оксана Юрьевна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора археологии, Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр СО РАН, структурное подразделение ИПОС, г. Тюмень, Россия. E-mail: o_winter@mail.ru

Зубов Сергей Эдгардович, к.и.н., заведующий Научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самарский университет), г. Самара, Россия. E-mail: guberfond@rambler.ru

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы, г. Уфа, Россия. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Иванов Сергей Сергеевич, к.и.н., доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Киргизия. E-mail: sak@yandex.ru

Иванова Наталья Владимировна, научный сотрудник ООО «ГЕФЕСТ», г. Самара Россия. E-mail: natalivanova1970@gmail.com

Илюшина Виктория Владимировна, канд. культурологии, старший научный сотрудник сектора археологических и природных реконструкций ИПОС ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: vika_tika@mail.ru

Кадикова Алсу Ханифовна, зав. лабораторией Акционерного общества «Казанское моторостроительное производственное объединение», г. Казань, Россия.

Казанцева Ольга Алексеевна, к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: kazantsevaolga@yandex.ru

Капинус Юлия Олеговна, научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: kapinusyuluja@mail.ru

Карапетян Марина Кареновна, к.б.н., научный сотрудник Научно-исследовательского института и музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Карманов Виктор Николаевич, к.и.н., зав.сектором отдела археологии Института языка, литературы, истории Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар. Россия. E-mail: vkarman@bk.ru

Киселева Дарья Владимировна, старший научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук. Институт геологии и геохимии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Kiseleva@igg.uran.ru

Китов Егор Петрович, к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: kadet_eg@mail.ru

Кокшаров Сергей Федорович, д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Уральского гуманитарного института УрФУ, ст. научный сотрудник сектора археологии эпохи металла Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: serg.koksharov@mail.ru

Колбина Алина Викторовна, научный сотрудник отдела региональной истории Костанайского областного историко-краеведческого музея, г. Костанай, Казахстан. E-mail: alina_ant@mail.ru

Коренюк Сергей Николаевич, зам. начальника Камской археологической экспедиции, научный сотрудник научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия. E-mail: korenyuk_sn@mail.ru

Королев Аркадий Иванович, к.и.н., декан исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: arkorolev@gmail.com

Корочкова Ольга Николаевна, д.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

Корякова Людмила Николаевна, д.и.н., профессор, зав.сектором археологии эпохи металла Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: lunikkor@mail.ru

Косинцев Павел Андреевич, к.б.н., старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Костылёва Елена Леонидовна, к.и.н., доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия. E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Кочкина Анна Фёдоровна, зав. отделом археологии Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, г. Самара, Россия. E-mail: annkochkina@list.ru

Кузнецов Александр Викторович, адвокат Коллегии адвокатов г. Новокуйбышевска, г. Новокуйбышевск, Россия. E-mail: alexngssm@gmail.com

Кузнецов Павел Федорович, к.и.н., заведующий Музеем археологии Поволжья Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара. E-mail: pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com

Кузьминых Сергей Владимирович, к.и.н., старший научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва, Россия. E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Куличков Алексей Александрович, научный сотрудник Липецкой областной научной общественной организации «Археолог», г. Липецк. E-mail: kulichckov.aleks@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kulkova@mail.ru

Куприянова Елена Владиславовна, к.и.н., директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: dzdan@mail.ru

Купцов Евгений Александрович, инженер археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: e-kuptsov@mail.ru

Купцова Лидия Владимировна, к.и.н., зав. учебной археологической лабораторией Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: orelin.84@mail.ru

Курлаев Евгений Анатольевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: kurlaev@e1.ru

Курманов Равиль Гаделевич, к.б.н., старший научный сотрудник лаборатории геологии кайнозоя Института геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: ravil_kurmanov@mail.ru

Лаптева Елена Георгиевна, к.г.н., старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Лебедев Юрий Сергеевич, главный научный сотрудник отдела археологии Государственного автономного учреждения Астраханской области «Научно-производственное учреждение «Наследие», г. Астрахань, Россия. E-mail: Lebedev89-89@mail.ru

Лебедева (Овчинникова) Надежда Викторовна, ведущий научный сотрудник ООО НПФ «АрхГео», г. Самара, Россия. E-mail: antikvika@yandex.ru.

Лещинская Надежда Анатольевна, к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: arch@uni.udm.ru

Лифанов Николай Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского национального исследовательского университета им.академика С.П.Королёва, г. Самара, Россия. E-mail: liphanov@gmail.com

Логвин Андрей Викторович, заведующий археологической лаборатории Костанайского государственного университет им. А.Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан. E-mail: logvin_a@mail.ru

Лопатина Дарья Анатольевна, старший научный сотрудник Геологического института (ГИН РАН), г. Москва, Россия. E-mail: dalopat@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: liganov.anton@yandex.ru

Лычагина Евгения Леонидовна, к.и.н., доцент кафедры древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: LychaginaE@mail.ru

Майстренко Дмитрий Алексеевич, инженер научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь. Россия. E-mail: dmitry.perm@gmail.com

Макаров Леонид Дмитриевич, д.и.н., профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: arch@uni.udm.ru.

Макарова Мария Сергеевна, инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия. E-mail: korenyuk.ms@yandex.ru

Малов Николай Михайлович, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия. E-mail: malovnm@mail.ru

Малютина Татьяна Сергеевна, к.и.н., сотрудник УНЦ изучения проблем природы и человека ЧелГУ, кандидат исторических наук, г. Челябинск, Россия. E-mail: malytina.t.s@yandex.ru

Мариашк Дирк, научный сотрудник Евразийского отдела Германского археологического института, г. Берлин, Германия. E-mail: dirk.mariaschk@outlook.de

Марочкин Алексей Геннадьевич, к.и.н., старший научный сотрудник ФИЦ УУХ СО РАН г. Кемерово, Россия; научный сотрудник Кемеровского госуниверситета, г. Кемерово, Россия. E-mail: comcon@yandex.ru

Мацане Айя, аспирант Гётеборгского университета, г. Гётеборг, Швеция. E-mail: aija.macane@gu.se

Медведева Полина Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, младший научный сотрудник НИЛ «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: polenke@yandex.ru

Мельникова Ольга Михайловна, д.и.н., заведующая кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Мельничук Андрей Федорович, к.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного научного исследовательского университета, г. Пермь. Россия. E-mail: dmelnichuk@mail.ru

Мерц Илья Викторович, к.и.н., научный сотрудник Центра археологических исследований Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан. E-mail: barnaulkz@mail.ru

Мефодьева Анна Юрьевна, магистрант кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия. E-mail: anna.mefodeva2714@gmail.com

Мимоход Роман Алексеевич, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела бронзового века Института археологии РАН, г. Москва, Россия.

Митрошин Евгений Николаевич, старший инженер Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, г. Пермь, Россия. E-mail: mitroshindjon@yandex.ru

Мишанина Елена Владимировна, к.и.н., научный сотрудник отдела степеведения и природопользования ИС УрО РАН, г. Оренбург, Россия. E-mail: elvmi@mail.ru

Молчанов Иван Владимирович, к.и.н., научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: kolis@mail.ru

Моргунова Нина Леонидовна, д.и.н., главный научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: nina-morgunova@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, независимый исследователь, г. Москва, Россия. E-mail: vikromolot@mail.ru.

Моряхина Кристина Викторовна, ассистент кафедры древней и средневековой истории России, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь. Россия. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Мосин Вадим Сергеевич, д.и.н., директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Челябинск, Россия. E-mail: mvs54@mail.ru

Мурыгин Александр Михайлович, к. и. н., ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, Россия. E-mail: alek-murygin@yandex.ru

Новиков Игорь Константинович, заведующий Учебно-исследовательской археологической лабораторией Курганского государственного университета, г. Курган, Россия. E-mail: novikov2479@mail.ru

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель музейных предметов Археологического музея Казанского федерального (Приволжского) университета, г. Казань, Россия. E-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru

Овсянников Владимир Владиславович, к.и.н., заведующий отделом археологических исследований Ордена знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: atliural@yandex.ru

Овчинников Андрей Юрьевич, к.б.н., заместитель директора по НИР Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино, Россия. E-mail: ovchinnikov_a@inbox.ru

Оруджов Эдуард Игоревич, младший научный сотрудник отдела Первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: orudzhov.eduard@mail.ru

Павлова Анжелика Николаевна, д.и.н., заведующий кафедрой истории и психологии Поволжского государственного технологического университета, г. Йошкар-Ола, Россия. E-mail: angpan@rambler.ru

Пантелеева Софья Евгеньевна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора археологии эпохи металла Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: spanteleyeva@mail.ru.

Патрушев Валерий Степанович, д.и.н., профессор кафедры социально-культурных технологий Института национальной культуры и межнациональной коммуникации ФБГОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия. E-mail: valpatr92@gmail.com

Пахомова Суфия Гильфановна, заведующая отделом хранения музейных коллекций Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, г. Болгар, Россия. E-mail: 69sufiy@mail.ru.

Перевозчикова Светлана Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия. E-mail: homasvet@mail.ru

Перескоков Михаил Львович, к.и.н., старший преподаватель кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия. E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Петров Максим Сергеевич, старший лаборант Учебно-исследовательской археологической лабораторией Курганского государственного университета, г. Курган, Россия. E-mail: petrovmaksim88@mail.ru

Петров Федор Николаевич, научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», г. Челябинск, Россия. E-mail: steppe_exp@mail.ru

Петрова Лариса Юрьевна, научный сотрудник ООО «Центр археологических исследований», г. Челябинск, Россия. E-mail: L-petrova@yandex.ru

Подосёнова Юлия Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Пермь, Россия. E-mail: podosenka@yandex.ru

Проценко Антон Сергеевич, научный сотрудник Отдела археологии Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа», г. Уфа, Россия. E-mail: anton.procenko@mail.ru

Пятаев Андрей Васильевич, электроник кафедры физики твердого тела Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия. E-mail: 151Eu@mail.ru

Пятых Геннадий Григорьевич, к.и.н., г. Москва, Россия. E-mail: innovaziya@yandex.ru

Райнхольд Сабина, доктор наук, старший научный сотрудник Евразийского отдела Германского археологического института, г. Берлин, Германия. E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Ракшин Александр Анатольевич, главный инженер ООО ««Наладочная компания» Энергия», г. Пермь. Россия. E-mail: raksh@yandex.ru

Рассадников Алексей Юрьевич, м.н.с. сектора эпохи металла института истории и археологии УрО РАН г. Екатеринбург, Россия. E-mail: ralu87@mail.ru

Руденко Константин Александрович, д.и.н., профессор кафедры монументального, декоративного искусства и искусствоведения Казанского государственного института культуры, г. Казань, Россия. E-mail: murziha@mail.ru

Русланов Евгений Владимирович, младший научный сотрудник отдела археологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: butleger@mail.ru

Русланова Рида Раисовна, к.и.н., научный сотрудник отдела археологии Государственного бюджетного учреждения культуры и искусства Республики Башкортостан «Национальный музей Республики Башкортостан», г. Уфа. E-mail: ridushka@mail.ru

Рындина Наталья Вадимовна, д.и.н., профессор, Московский государственный университет, г. Москва, Россия. E-mail: arxeolog@gmail.com

Савельев Никита Сергеевич, к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологических исследований Ордена знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: sns_1971@mail.ru

Савченко Светлана Николаевна, главный научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: sv-sav@yandex.ru

Садуллаев Бахрам Пулатович, старший научный сотрудник Хорезмской академии Мамуна, г. Хива, Узбекистан. E-mail: bahram76@mail.ru

Сарапулов Алексей Николаевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия. E-mail: ans05@mail.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, м.н.с. Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарский университет), г. Самара, Россия. E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Семыкин Юрий Анатольевич, доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, ведущий специалист АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», г. Ульяновск, Россия. E-mail: semiku@mail.ru

Семьян Иван Андреевич, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ, руководитель центра экспериментальной археологии «Археос», г. Челябинск, Россия. E-mail: iohann_yarl@mail.ru

Сериков Юрий Борисович, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиала в Нижнем Тагиле), г. Нижний Тагил, Россия. E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Сиротин Сергей Викторович, к.и.н., научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, г. Москва, Россия. E-mail: sirotinsv70@mail.ru

Скоробогатов Андрей Михайлович, к.и.н., начальник археологического отдела ООО «Терра», г. Воронеж, Россия. E-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна, старший научный сотрудник сектора археологических и природных реконструкции ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН, структурное подразделение ИПОС, г. Тюмень, Россия. E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Смольянинов Роман Викторович, к.и.н., заведующий кабинетом археологии Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк. E-mail: rws17rws17@yandex.ru

Солдатенкова Анастасия Дмитриевна, аспирант кафедры геология и геоэкология Российского государственного педагогического университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Солдаткин Николай Викторович, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург Россия. E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

Соловьев Дамир Сергеевич, младший научный сотрудник отдела археологии Государственного автономного учреждения Астраханской области «Научно-производственное учреждение «Наследие», г. Астрахань, Россия. E-mail: aorgo@yandex.ru

Солодовников Константин Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: solodk@list.ru

Сомов Анатолий Владимирович, магистрант кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: somov.anatoly@gmail.com

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант ООО «Центр археологических исследований» г. Надым, Россия. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

Спиридонов Иван Андреевич, лаборант-исследователь Центра археологических исследований Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Сташенков Дмитрий Алексеевич, к.и.н., ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, г. Самара, Россия. E-mail: archeo@list.ru.

Степанова Галина Александровна, начальник отдела историко-культурных исследований ООО НПФ «Инженерно-технические изыскания», г. Ижевск, Россия. E-mail: stepanovich.galya@mail.ru

Столярчик Элиза, научный сотрудник Института археологических наук. Университет им. Гете, г. Франкфурт-на-Майне, Германия. E-mail: elizus@web.de

Сулейманов Руслан Римович, д.б.н., главный научный сотрудник лаборатории почвоведения Уфимского Института биологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: soils@mail.ru

Сулейманова Софья Александровна, магистрант кафедры Отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия. E-mail: finntundra@gmail.com

Сурков Алексей Владимирович, к.и.н., археолог ООО «Центр охранных археологических исследований», г. Воронеж, Россия. E-mail: surkovarh@mail.ru

Сучилина Наталья Юрьевна, инженер II категории лаборатории археологии и этнографии ФГАОУ ТюмГУ, г. Тюмень, Россия. E-mail: n.y.suchilina@gmail.ru

Таиров Александр Дмитриевич, д.и.н., директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), г. Челябинск, Россия. E-mail: tairov55@mail.ru

Таскаев Сергей Валерьевич, д.ф.-м.н., декан физического факультета Челябинского государственного университета, доцент, г. Челябинск, Россия. E-mail: tsv@csu.ru

Темплинг Владимир Яковлевич, к.и.н., с.н.с. сектора социальной антропологии Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: tmpl@mail.ru

Терехова Наталия Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва, Россия.

Тигеева Елена Валерьевна, научный сотрудник сектора археологических и природных реконструкций ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: flena84@mail.ru

Тихонов Сергей Семенович, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Россия. E-mail: semchi957@gmail.com

Третьяков Евгений Алексеевич, инженер 2-й категории. Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии, Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия. E-mail: gor-tom@mail.ru

Трофимова Светлана Станиславовна, научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: svetlana.trofimova@ipae.uran.ru

Туркина Татьяна Юрьевна, заведующая сектором, научный сотрудник сектора научный музей археологии Европейского Северо-Востока отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия. E-mail: turkina.tania@yandex.ru

Усачева Ирина Витальевна, к.и.н., старший научный сотрудник сектора археологии Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: i.usachova@gmail.com

Усачук Анатолий Николаевич, к.и.н., научный сотрудник Донецкого краеведческого музея, г. Донецк. E-mail: doold@mail.ru

Усманова Эмма Радиковна, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинского государственного университета им. академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан. E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Уткин Александр Витальевич, сотрудник Археологического музея Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия. E-mail: u_two55@mail.ru

Файзуллин Айрат Асхатович, младший научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: faizullin.airat@yandex.ru

Файзуллин Ильдар Асхатович, младший научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: ildar-1988@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович, к.и.н., научный сотрудник ООО «Археологическое общество Кубани» Орск – Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: Arkaim01@yandex.ru

Харламов Павел Викторович, инженер археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия. E-mail: kharlamovmore@rambler.ru

Хойсснер Карл-Уве, доктор наук, заведующий дендрохронологической лабораторией Евразийского отдела Германского археологического института, г. Берлин, Германия. E-mail: karl-uwe.heussner@dainst.de

Хомутова Татьяна Эдуардовна, к.б.н., ведущий научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино Московской области, Россия. E-mail: khomutova-t@rambler.ru

Хохлов Александр Александрович, д.и.н., профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Хохлова Ольга Сергеевна, д.г.н., ведущий научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, группа генезиса и эволюции почв, г.Пущино, Россия. E-mail: alexkh1@sares-net.ru

Хузин Фаяз Шарипович, д.и.н., главный научный сотрудник института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

Хуснутдинов Эмиль Азатович, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ, г. Казань, Россия. E-mail: husnutdinov.e.a@mail.ru.

Чаиркина Наталия Михайловна, д.и.н., заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: chair_n@mail.ru

Чемякин Юрий Петрович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, ООО НАЦ «АВ КОМ–Наследие», г. Екатеринбург, Россия. E-mail: yury-che@yandex.ru

Чернов Алексей Владимирович, ведущий научный сотрудник Московского государственного университета, г. Москва, Россия. E-mail: alexey.chernov@inbox.ru

Черных Елизавета Михайловна, к.и.н., профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия. E-mail: emch59@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, к.и.н., старший научный сотрудник, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: chijevski@mail.ru

Чурилов Эдуард Викторович, зав. отделом археологии Пермского краеведческого музея, г. Пермь, Россия. E-mail: edvchur@yandex.ru

Шайхулахметов Айбулат Айратович, аспирант Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: shaihulahmetov.a@mail.ru.

Шакиров Зуфар Гумарович, к.и.н., заведующий отделом средневековой археологии института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: zufar_alchi@mail.ru

Шалапинин Антон Александрович, к.и.н., научный сотрудник научно-исследовательской части Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия. E-mail: anton-shalapinin@ro.ru

Шарапова Светлана Владимировна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

Шевнина Ирина Викторовна, научный сотрудник археологической лаборатории Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан. E-mail: shevnina_i@mail.ru

Шипилов Антон Валентинович, к.и.н., научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Россия. E-mail: Shipilov_anton@mail.ru

Ширин Юрий Викторович, к.и.н., доцент историко-филологического факультета Новокузнецкого филиала (института) Кемеровского госуниверситета, г. Новокузнецк, Россия. E-mail: shirin_a@mail.ru

Шорин Александр Фёдорович, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: shorin_af@mail.ru

Шорина Анастасия Александровна, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: aashor@mail.ru

Шутелева Ия Александровна, к.и.н., научный сотрудник лаборатории Методологии и методов гуманитарных исследований Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия. E-mail: shutelevai@gmail.com

Щербаков Николай Борисович, к.и.н., научный сотрудник лаборатории Методологии и методов гуманитарных исследований Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета м. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия. E-mail: sherbakov@rambler.ru.

Юдин Александр Иванович, д.и.н., заместитель директора по НИР ООО «ЛРТ-Наследие», г. Саратов, Россия. E-mail: aleyudin@yandex.ru

Юркина Елизавета Сергеевна, старший лаборант кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия. E-mail: eli9725@mail.ru

Ютина Татьяна Карловна, к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск. Россия. E-mail: yutinatk@yandex.ru

Яблонский Леонид Теодорович (1950-2016), доктор исторических наук, профессор.

Якимов Артем Сергеевич, к.г.н., ведущий научный сотрудник Института криосферы земли СО РАН, г. Тюмень, Россия. E-mail: Yakimov_Artem@mail.ru

Яковлева Екатерина Сергеевна, аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Челябинск, Россия. E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

M.T. Lavento, Department of Languages Institute of Arts University of Helsinki, Finland. mika.lavento@helsinki.fi

Список сокращений

АЕС – Археология евразийских степей. Казань

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

АОЦИЭА – Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии

АПО – Археологические памятники Оренбуржья

АЭМК – Археология и этнография Марийского края

БашГУ – Башкирский государственный университет

БКМ – Бугурусланский краеведческий музей

БНЦ Уро АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР

ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии

ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВДИ – Вестник древней истории

ВНУ – Восточноукраинский национальный университет

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ВУАК – Вятская учёная архивная комиссия

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

РИКМЗ «Древняя Уфа» – Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»

ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)

ГИН – Геологический институт Российской академии наук

ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДонДТУ – Донбаський державний технічний університет

ЗАО «ИСО» – закрытое акционерное общество «Институт стандартных образцов»

ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН

ИвГУ – Ивановский государственный университет

ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук

ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан

ИИиА УО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург

ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

ИИЯЛ УрО РАН - Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИрГТУ – Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет
ИЭИ УНЦ РАН – Институт этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и искусства Казанского филиала Академии наук СССР
ІА НАНУ – Інститут археології Національної академії наук України
КАЭ ПГУ - Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КГУ – Куйбышевский государственный университет
Коми НЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
ЛАЭИ ПГГПУ – Лаборатория археологических и этнографических исследований ПГГПУ
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
МАЭ ПГГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МДУ імя А.А. Куляшова – Магілёўскі Дзяржаўны Ўніверсітэт імя А.А. Куляшова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
НГУ — Новосибирский государственный университет
НФ МАРТ ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан ИА им. А.Х. Халикова АН РТ
НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований ИИ им. Ш. Марджани АН РТ
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ– Оренбургский государственный педагогический университет
ОГУ - Оренбургский государственный университет
ОмГУ — Омский государственный университет
ОНТИ ПНЦ РАН - Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
ОФ ТФГИ ПФО - Оренбургский филиал Территориального фонда геологической информации по Приволжскому федеральному округу
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУК – Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГУ – Пермский государственный университет
РА – Российская археология. М.
РБСМЭ МЗ РТ – Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РТ
РИЦ БашГУ - Редакционно-издательский центр Башкирского государственного университета
РИЦ ЛГПУ – Редакционно-издательский центр Липецкого государственного педагогического университета
РУЖД – Рязано-Уральская железная дорога
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамГУ – Самарский государственный университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СОИКМ им. П.В. Алабина - Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТюмНЦ СО РАН – Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УАВ – Уфимский археологический вестник
УдГУ – Удмуртский государственный университет
Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР – Удмуртский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории УО АН СССР
УдНИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский национальный институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
УИВ – Уральский исторический вестник. Екатеринбург
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ИС УрО РАН - Институт степи Уральского отделения РАН
ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН
ХМАО — Ханты-Мансийский Автономный Округ (Югра)
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
РФА – рентгенфлуоресцентный анализ
ГМЦ — горно-металлургический центр
ЕСВ – Европейский Северо-Восток
МРСА — микрорентгеноспектральный анализ

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЙ ВЕК

К.М. АНДРЕЕВ
Предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневолжской культуры бассейна реки Сок 3
В.А. БАСКОВА
Особенности фиксации следов деятельности человека в «каменном завале» Каповой пещеры 6
Н.С. БАТУЕВА
Некоторые итоги изучения накольчатой керамики на территории Прикамья 8
В.В. БОБРОВ, А.Г. МАРОЧКИН
Культурная специфика западносибирского неолита в контактной зоне лесостепи и южной тайги 11
И.Н. ВАСИЛЬЕВА
Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алгай и Орошаемое 13
И.Н. ВАСИЛЬЕВА
Гончарные традиции населения средневолжской культуры (к вопросу о многокомпонентном составе) 17
А.В. ВОЛОКИТИН, Н.А. ВОЛОКИТИНА
Мезолит европейского Северо-Востока: результаты новейших исследований 19
А.А. ВЫБОРНОВ, М.А. КУЛЬКОВА, А.Ю. ОВЧИННИКОВ, А.Д. СОЛДАТЕНКОВА, О.Г. ЗАНИНА, Д.А. ЛОПАТИНА, А.И. ЮДИН
Новые междисциплинарные исследования памятников неолита и энеолита Нижнего Поволжья 20
М.Ш. ГАЛИМОВА, Н.С. БЕРЕЗИНА, А.Ю. БЕРЕЗИН
Кремневый и палеофаунистический комплексы стоянки Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 г.) 22
Е.Н. ГОЛУБЕВА
Каменные скребки стоянки Игим (Нижнее Прикамье) эпохи неолита – раннего металла: соотношение формы и функций 25
Т.Ю. ГРЕЧКИНА, Д.С. СОЛОВЬЕВ, Ю.С. ЛЕБЕДЕВ
Новые материалы каменного века Северного Прикаспия 27
Д.А. ДЕМАКОВ
Топографические особенности памятников эпохи мезолита и неолита в Верхнем и Среднем Прикамье: попытка дискриминантного анализа 30
И.Н. ЕЗЕПЕНКО
Северо-западная периферия днепро-донецкой общности во взаимодействии с синхронными культурами Верхнего Поволжья и Среднего Поднепровья 32
О.В. ЖУКОВА, А.Ф. МЕЛЬНИЧУК, А.А. ВЫБОРНОВ
Поселение Непряха VI и его место в неолите Среднего Прикамья 33
В.В. ИЛЮШИНА, Д.Н. ЕНЬШИН
Результаты технико-технологического анализа ранненеолитической керамики поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье 35
А.И. КОРОЛЕВ
О культурно-хронологическом соотношении материалов поселения Лебяжинка III и комплекса «волосовского» типа Гундоровского поселения 38
А.И. КОРОЛЕВ, А.Ф. КОЧКИНА, Д.А. СТАШЕНКОВ
Результаты новых исследований могильника Екатериновский мыс 40
Е.Л. КОСТЫЛЕВА, А. МАЦАНЕ (A. MAČANE)
Урал и Волго-Окское междуречье в энеолите: связующие нити (по материалам памятников Сахтышского палеоозера) 42
М.А. КУЛЬКОВА
Адаптация древних сообществ к изменению климатических условий в голоцене на территории Восточной Европы 45
Е.Л. ЛЫЧАГИНА, Н.Е. ЗАРЕЦКАЯ, А.В. ЧЕРНОВ, Е.Г. ЛАПТЕВА, С.С. ТРОФИМОВА, Е.Н. МИТРОШИН
Реконструкция природных условий на территории Верхнего Прикамья в раннем голоцене 47
А.Ф. МЕЛЬНИЧУК, Э.В. ЧУРИЛОВ, В.Н. КАРМАНОВ
Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края 49
Е.Н. МИТРОШИН, Е.Л. ЛЫЧАГИНА
Характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита (по результатам трасологического анализа) 51
В.В. МОРОЗОВ
Левшинский этап камской культуры в Нижнем Прикамье и его особенности 53

В.С. МОСИН
Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-лесостепь 57
С.Н. САВЧЕНКО
Охота и рыболовство мезолитического населения лесного Зауралья 59
Ю.Б. СЕРИКОВ
Костяные и роговые изделия в кладах каменного века 62
С.Н. СКОЧИНА
Динамика каменной индустрии в неолите лесостепного Приишимья 64
Р.В. СМОЛЬЯНИНОВ, А.А. КУЛИЧКОВ, Е.С. ЮРКИНА
Стоянка среднедонской культуры Доброе 9 на Верхнем Дону 67
А.В. СОМОВ
Предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары 71
А.В.СУРКОВ
Проблемы изучения происхождения раннего неолита лесостепного Дона 73
Н.Ю. СУЧИЛИНА
Проблемы изучения мелкой глиняной пластики каменного и бронзового веков Зауралья и Западной Сибири 75
А.А.ХОХЛОВ
Предварительные результаты исследования палеоантропологических материалов грунтового могильника энеолита Екатериновский мыс (по раскопкам 2014–2017 гг.) 77
Н.М. ЧАИРКИНА, Е.В. ВИЛИСОВ, С. РАЙНХОЛЬД, К-У. ХОЙССНЕР, Д. МАРИАШК
Новые материалы и новые методы исследования VI Разреза Горбуновского торфяника 79
А.А. ЧИЖЕВСКИЙ, А.В. ШИПИЛОВ
Ранние энеолитические могильники Усть-Камья 80
А.А. ШАЛАПИНИН
Керамика «с внутренним ребром» поселения Лебяжинка VI 84
Е.С. ЯКОВЛЕВА
Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I) 86

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

И.П. АЛАЕВА
Вариативность погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья 88
С.В. БОГДАНОВ
Истоки традиций и технологий Приуральского (Каргалинского) древнего ГМЦ 92
А.В. БОРИСОВ, Т.Э. ХОМУТОВА, Т.С. ДЕМКИНА
О возможности реконструкции зимних и летних осадков в разные исторические периоды 94
А.В. БУКАЛОВ
Проблемные аспекты ботайской концепции одомашнивания лошади 96
Е.А. БУЛАКОВА
Сосуд со знаками из срубно-алакульского погребения курганного могильника Неплюевский 98
С.А. ГРИГОРЬЕВ
Поселение Мочище в Южном Зауралье и проблемы периодизации культур андроновской КИО 100
А.Д. ДЕГТЯРЕВА, Н.В. РЫНДИНА
Модели металлопроизводства ямной культурно-исторической области в Украине и на Урале 102
Е.А. ДМИТРИЕВ
Федоровская культура эпохи бронзы (проблема терминологии) 104
А.В. ЕПИМАХОВ
Восточная периферия срубной общности 106
О.Н. ЗАГОРОДНЯЯ
К вопросу о назначении одной из категорий костяных орудий позднебронзового века 108
Н.В. ИВАНОВА
Технологические особенности керамики срубной культуры Самарского Поволжья по материалам раскопок последних лет (2015–2017 гг.) 111
С.Ф. КОКШАРОВ
Материалы досейминского времени с поселения Геологическое III 113
О.Н. КОРОЧКОВА
Зауральские клады эпохи бронзы: состав, хронология, контексты 114

Л.Н. КОРЯКОВА, С.В. ШАРАПОВА, М.К. КАРАПЕТЯН, Е.А. БУЛАКОВА, И.В. МОЛЧАНОВ, Э. СТОЛЯРЧИК, А.Ю. РАССАДНИКОВ, Н.В. СОЛДАТКИН, М.Н. АНКУШЕВ, П.А. КОСИНЦЕВ, Д.В. КИСЕЛЕВА, А.В. ЯКИМОВ
Новые междисциплинарные исследования памятников эпохи бронзы в верховьях р. Карагайлы-Аят в Южном Зауралье 116

Е.В. КУПРИЯНОВА, С.В. ТАСКАЕВ
Бронзовый кинжал из могильника Степное VII – индикатор культурных взаимосвязей в эпоху поздней бронзы в Южном Зауралье 118

Л.В. КУПЦОВА
Взаимодействие срубных и андроновских племен в Предуралье: социальный аспект 120

А.В. ЛОГВИН, И.В. ШЕВНИНА
Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение) 123

А.В. ЛЫГАНОВ
Срубная культурно-историческая общность Прикамья и севера Среднего Поволжья. Современное состояние проблемы 126

А.В. ЛЫГАНОВ
Андроноидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья 128

Н.М. МАЛОВ
Курганные группы и селища эпохи поздней бронзы в окрестностях города Покровска на левом берегу Волги 130

Т.С. МАЛЮТИНА, Л.Ю. ПЕТРОВА
Колодцы поселения эпохи бронзы Калмыцкая Молельня (Южное Зауралье) 133

П.С. МЕДВЕДЕВА
Иглы и швы в бронзовом веке Южного Урала и Северного Казахстана 135

И.В. МЕРЦ
Влияние восточноевропейских культурных образований на формирование населения эпохи ранней бронзы Восточного Казахстана 138

Р.А. МИМОХОД
Посткатакомбный период в Волго-Уральском регионе 140

Н.Л. МОРГУНОВА, А.А. ЕВГЕНЬЕВ, А.А. ФАЙЗУЛЛИН, М.А. КУЛЬКОВА, О.С. ХОХЛОВА
Новые материалы ямной культуры в I курганном могильнике у с. Красиково в Оренбургской области 144

И.К. НОВИКОВ, И.А. СПИРИДОНОВ, М.С. ПЕТРОВ
Исследование могильника бронзового века «Курган» в лесостепном Притоболье в 2017 году 147

С.Е. ПАНТЕЛЕЕВА
О выделении петровского строительного горизонта на укрепленном поселении Каменный Амбар 149

В.С. ПАТРУШЕВ
Этнокультурные связи финноязычного населения с текстильной керамикой 151

Л.Ю. ПЕТРОВА
Новые межовские комплексы Южного Зауралья 153

Г.Г. ПЯТЫХ
К дискуссии об истоках традиций синташтинских укреплений 155

А.Ю. РАССАДНИКОВ
Остеологические свидетельства рабочего использования крупного рогатого скота на поселениях бронзового века Южного Зауралья 157

Я.В. РАФИКОВА
Нарушенное парное погребение кургана 9 Березовского V могильника в Восточном Оренбуржье 159

И.А. СЕМЬЯН, И.В. ГОРАЩУК
Преформы каменных наконечников стрел в материалах поселений синташтинской культуры как новая категория артефактов 161

А.М. СКОРОБОГАТОВ
Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Донской лесостепи 164

К.Н. СОЛОДОВНИКОВ, А.В. КОЛБИНА
Материалы к антропологии населения синташтинской культуры Тургайского прогиба 167

С.В. СОТНИКОВА
К вопросу о функции кольцевого рва в курганах эпохи бронзы (по материалам памятников синташтинского типа) 170

С.А. СУЛЕЙМАНОВА
Маркеры гендера и возраста на материалах погребений синташтинской культуры бронзового века Южного Зауралья 172

А Н. УСАЧУК, П.Ф. КУЗНЕЦОВ
Уреньские псалии: сочетание восточной и западной традиций изготовления 175

Э.Р. УСМАНОВА
Памятники лисаковской округи эпохи бронзы: диалог культур в погребальной практике ... 177
И.А. ФАЙЗУЛЛИН
Использование камня в домостроительной практике срубной культуры
на территории Оренбургского Предуралья ... 179
А.И.ХАВАНСКИЙ
Погребения мужчин синташтинской культуры ... 182
А.А. ХОХЛОВ, А.П. ГРИГОРЬЕВ
Антропологические материалы курганного могильника бронзового века Красиково I ... 184
Н.Б. ЩЕРБАКОВ, И.А. ШУТЕЛЕВА
Казбуруновский археологический микрорайон в свете интердисциплинарных методов исследования:
от микропроблем к макроконцепции срубной культурно-исторической области ... 185

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

О.В. АНИКЕЕВА, Л.Т. ЯБЛОНСКИЙ
Кустарное ювелирное ремесло у ранних кочевников Южного Урала ... 189
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ
Еще раз о надписи на рысайкинском псалии ... 193
Д.С. БОГАЧУК, С.В. СИРОТИН
Курганная группа «Богатырские могилки» в Южном Приуралье ... 195
Д.Г. БУГРОВ, Г.Ш. АСЫЛГАРАЕВА
Использование животных в погребальном обряде Гулюковского могильника позднесарматского времени ... 197
Е.В. ВОЛКОВА
Антропология могильника Старый Чекмак (пьяноборская культура) ... 200
С.Л. ВОРОБЬЕВА
История изучения и особенности погребального обряда Ново-Сасыкульского могильника
эпохи раннего железа ... 201
Н.С. ЕФРЕМОВА
Культовые практики древних культур Урала и Западной Сибири: общее и особенное ... 204
В.И. ЗАВЬЯЛОВ, Н.Н. ТЕРЕХОВА
Технологические характеристики сарматского оружия ... 206
О.Ю. ЗИМИНА
Иткульские древности в подтаежной и лесостепной зоне Западной Сибири
в переходное время от бронзы к железу ... 208
С.Э. ЗУБОВ, Р.Р. САТТАРОВ
Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры
(по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) ... 210
С.С. ИВАНОВ
Кинжалы раннесарматского облика с территории сакской культуры Притяньшанья ... 214
О.А. КАЗАНЦЕВА
Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника) ... 217
Е.П. КИТОВ, Ю.О. КАПИНУС
Новые краниологические данные по материалам сарматских памятников Приуралья ... 219
С.В. КУЗЬМИНЫХ, А.Д. ДЕГТЯРЕВА
Металл культур раннего железного века Урала – модели производства ... 221
Л.В. КУПЦОВА, Е.А. КУПЦОВ, А.А. ЕВГЕНЬЕВ, П.В. ХАРЛАМОВ
Исследования II курганного могильника у села Имангулово 2-е в 2017 году (предварительные результаты) ... 224
Д.А. МАЙСТРЕНКО, С.Н. КОРЕНЮК
Памятники раннего железного века в Северном Прикамье ... 226
М.С. МАКАРОВА
Гляденовский звериный стиль ... 229
В.В. ОВСЯННИКОВ
Естественнонаучные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа ... 232
Э.И. ОРУДЖОВ
Сравнительно-типологическая характеристика керамического комплекса вятских городищ АКГШК АКИО ... 234
А.Н. ПАВЛОВА
Культурные связи финно-угорского и ираноязычного миров Поволжья
через призму искусства ананьинской эпохи ... 236
М.Л. ПЕРЕСКОКОВ
Комплексное исследование группы памятников раннего железного века Кала-Урын в пригороде г. Перми ... 238

А.С. ПРОЦЕНКО
Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы ... 240
Н.С. САВЕЛЬЕВ, Р.Г. КУРМАНОВ, Р.Р. СУЛЕЙМАНОВ
Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья ... 242
Б.П. САДУЛЛАЕВ
Города Хорезма и взаимосвязь их с кочевыми культурами в IV–II вв. до н.э. ... 245
С.В. СИРОТИН
Элементы конской сбруи из кургана №7 некрополя «Ивановские I курганы»:
западные импульсы в раннепрохоровских уздечных наборах ... 246
А.Д. ТАИРОВ
Раннесакские комплексы в лесостепном Зауралье ... 249
Е.В. ТИГЕЕВА, Л.Н. БЕЛОНОГОВА
Зеркала с умбоном в центре и валиком саргатской культуры Тоболо-Ишимья ... 251
Э.А. ХУСНУТДИНОВ, А.А. ШАЙХУЛАХМЕТОВ
Результаты разведочных исследований в Мензелинском и Нижнекамском районах РТ в 2016 году ... 253
Ю.П. ЧЕМЯКИН
Кулайские памятники Барсовой Горы ... 254
Е.М. ЧЕРНЫХ
О некоторых особенностях формирования культурного слоя городищ раннего железного века Прикамья ... 256
Ю.В. ШИРИН
Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. в культурном пространстве от Урала до Ангары ... 258
M.T. LAVENTO
The dating of Textile ceramics in the Middle Volga and Karelian Isthmus ... 260

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

В.Н. БАХМАТОВА
Опыт изучения сырьевой базы гончарного производства городища Джукетау в домонгольское время ... 262
В.Н. БАХМАТОВА, З.Г. ШАКИРОВ, Ф.Ш. ХУЗИН
Предварительные итоги технологического изучения неполивной керамики Билярского городища:
особенности приспособительных навыков (по материалам раскопа 44 2015–2016 гг.) ... 264
А.Л. БЕЛИЦКАЯ
Проблематика изучения этнокультурных процессов на Европейском Северо-Востоке в середине I тыс. н.э. ... 266
О.С. БЕЛЯВСКАЯ (КРАПАЧЕВА)
Ременная гарнитура Мало-Качакского могильника ... 268
А.В. БОГАЧЕВ, А.В. КУЗНЕЦОВ
Западные и юго-западные связи населения лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья в IV–VI веках
(готы, аланы, руги) ... 272
Н.Г. БРЮХОВА
Анализ антропологического материала Плотниковского могильника XIII–XV вв. н.э.
(данные раскопок 2007–2016 гг.) ... 275
А.И. БУГАРЧЁВ, С.Г. ПАХОМОВА
Нумизматический материал из Ага-Базара ... 277
С.И. ВАЛИУЛИНА, А.В. ПЯТАЕВ, Е.В. ВОРОНИНА, А.Р. НУРЕТДИНОВА, А.Х. КАДИКОВА
Чугун Торецкого городского поселения XV века ... 280
И.Р. ГАЗИМЗЯНОВ, А.А. ХОХЛОВ
Антропология средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя ... 282
Р.Д. ГОЛДИНА
О миграциях гото-славян в Волго-Камье в III–IV вв. н.э. ... 283
А.С. ЗЕЛЕНКОВ, Е.А. ТРЕТЬЯКОВ
Опыт типологии керамики юдинской культуры лесостепного Зауралья ... 289
В.А. ИВАНОВ
Этнокультурные процессы в Урало-Поволжье в эпоху средневековья:
процессуалистская и постмодернистская концепции ... 291
А.Ф. КОЧКИНА
Новые материалы по фортификационным сооружениям Муромского городка ... 293
Е.А. КУРЛАЕВ
Исследование памятников археологии с использованием письменных источников ... 294
Н.В. ЛЕБЕДЕВА (ОВЧИННИКОВА)
Обследование городища Тура-Тау в Ишимбайском районе Республики Башкортостан ... 296

Н.А. ЛЕЩИНСКАЯ
Подвески–лунницы еманаевской культуры (к вопросу о межкультурных контактах) ... 298
Н.А. ЛИФАНОВ
К вопросу локализации «местности Леведия» (памяти А.В. Расторопова) ... 300
Л.Д. МАКАРОВ
Проблемы начальной хронологии древнерусской Вятки ... 302
А.Ф. МЕЛЬНИЧУК, А.А. РАКШИН
Бронзовые пронизки с образом собаки-птицы в историко-культурном пространстве Приуралья (лес-степь) ... 305
А.Ю. МЕФОДЬЕВА
Аспекты здоровья дореволюционного населения г. Самары по антропологическим материалам Всесвятского некрополя (исследования 2013 года) ... 306
К.В. МОРЯХИНА
Особенности техники изготовления средневековых перстней с памятников Пермского Предуралья ... 308
А.М. МУРЫГИН
Новые типы керамики эпохи средневековья на крайнем северо-востоке европейской части России ... 310
С.А. ПЕРЕВОЗЧИКОВА
Некоторые результаты археологических исследований первых русских кладбищ в Удмуртском Прикамье ... 311
Ю.А. ПОДОСЁНОВА
Средневековые ювелирные изделия с художественным тиснением с территории Пермского Предуралья ... 313
К.А. РУДЕНКО
Кочевники Булгарской области Золотой Орды: анализ археологических источников ... 315
Е.В. РУСЛАНОВ
Предгорные равнины западных склонов Башкирского Приуралья в золотоордынское время (по материалам Береговского археологического микрорайона) ... 316
Р.Р. РУСЛАНОВА
Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года ... 318
А.Н. САРАПУЛОВ
Способы рыбной ловли у средневекового населения Пермского Предуралья ... 320
Ю.А. СЕМЫКИН
Центр древней и средневековой металлургии железа в Ундоровской курортной зоне (к проблеме выделения) ... 322
А.В. СТАШЕНКОВ
Жигулевский археологический комплекс и его соотношение с древностями новинковского типа ... 325
В.Я. ТЕМПЛИНГ, И.В. УСАЧЕВА
Проблемы и перспективы обнаружения мест массовых самосожжений второй половины XVII века в Сибири ... 326
Т.Ю. ТУРКИНА
Эжольский могильник V–VI вв. н.э. на Средней Вычегде (первые результаты исследований) ... 328
А.Ф. ШОРИН, А.А. ШОРИНА
Могильник второй четверти II тыс. Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье ... 331

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

Г.Н. ЖУРАВЛЕВА
Новейшие направления исследований в урало-поволжской археологии по материалам диссертационных работ (1993–2017 гг.) ... 334
О.М. МЕЛЬНИКОВА
Археологические памятники и историческая память локального сообщества ... 335
Е.В. МИШАНИНА
Оренбургский археолог Александр Леонтьевич Аниховский (1876–1939) ... 337
Ф.Н. ПЕТРОВ
Стратегии популяризации археологического наследия на примере Челябинской области ... 340
Г.А. СТЕПАНОВА
Историко-культурная экспертиза в производственной и законодательной практике ... 342
С.С. ТИХОНОВ
Внезональные ландшафты пойм больших рек и их освоение жителями Западной Сибири ... 344
Т.К. ЮТИНА
Археологические коллекции Приуралья как объекты хранения и изучения ... 346
Об авторах ... 347
Список сокращений ... 355

XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева.
Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием

Сдано в набор 19.09.2018. Подписано в печать 24.09.2018
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Объем 42,3 п.л. Тираж 200 экз. Заказ № 3573

Издательство
ООО «Порто-принт»
443041, Самара, ул. Садовая, 156

Отпечатано в типографии
ООО «Порто-принт»